

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slaw 652.10

**Harvard College
Library**

By Exchange

СОВРЕМЕННОСТЬ

1863

№ V МАЙ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА ВУЛЬФА

(На Литейной, близъ Невскаго проспекта, домъ Зыбной № 60)

	Стр.
I. — СЦЕНЫ ВЪ БОЛЬНИЦѢ. В. А. СЛѢПЦОВА.	5
II. — КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО И ОБЩЕСТВЕННАЯ ИНИЦИАТИВА. — III. — Ю. Г. ЖУКОВСКАГО.	23
III. — ЧТО ДѢЛАТЬ? Изъ рассказовъ о новыхъ людяхъ. Романъ. Часть третья и послѣдняя. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.	55
IV. — ЗАГАДКА. Стихотв. Н. В. ВЕРГА.	198
V. — ОЧЕРКИ СТАРИННАГО БЫТА ПОЛЬШИ. В. П. КАРНОВИЧА.	199
VI. — СОЛДАТИКИ. Стихотв. Ф. Н. ВЕРГА.	228
VII. — ПРОЦЕССЫ О ПЕЧАТИ ВЪ АВСТРІИ. — III. — — А —	229

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

VIII. — О ПРЕОБРАЗОВАНІЯХЪ ПО ЧАСТИ ПРЯМЫХЪ НАЛОГОВЪ. А. УНКОВСКАГО.	1
IX. — ПОСЛѢ ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКИ. — II. — В. В. СТАСОВА.	25
X. — НАШИ ТОЛКИ О НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ. — II. Учительскіе съѣзды въ харьковскомъ округѣ. («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1863 г., № 3—4).	59
XI. — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — ПАРЛАМЕНТСКОЕ ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО. (Государственный строй Англіи. Соч. Фишеля. Перев. Цейдлера. — Парламентское дѣлопроизводство по англійскимъ источникамъ. Погорнаго-Подольнаго. Вып. I—II). М. А. АНТОНОВИЧА.	73
XII. — НОВЫЯ КНИГИ: Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія. Извлеченныя изъ дѣлъ преображенскаго приказа и тайной розыскныхъ дѣлъ канцелярій Г. Есиповымъ. Т. II. (101). — Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, биографическій очеркъ, Владиміра Ламанскаго («Отечественныя Записки» 1863, № 1 и 2) (110). — Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. М. Стасюлевича. Періодъ первый: отъ паденія Западной Римской Имперіи до Карла Великаго, 476—771 г.	122
XIII. — ПОЛИТИКА. (Какъ управляется польское возстаніе: диктатуры Мирославскаго, Лангевича и центральный комитетъ. — Европейская дипломатія и отношенія ея къ	

ОТЪ КОНТОРЫ «СОВРЕМЕННОГО».

По случаю поступившихъ въ нынѣшнемъ году жалобъ отъ гг. иногородныхъ подписчиковъ на позднее получеііе ими 1 — 2 № журнала, Контора Редакціи считаетъ необходимымъ довести до свѣдѣнія гг. подписчиковъ своихъ, что до сихъ поръ для доставленія иногороднымъ книгъ журнала поступалось слѣдующимъ образомъ:

Получивъ увѣдомленіе о желаніи получать журналъ и слѣдующія за это деньги, Контора Редакціи помѣщала имя желающаго в адресъ, по которому книги должны были высылаться, въ особые списки, которые сдавались въ газетную экспедицію С.-Петербургскаго почтамта, при чемъ вносились впередъ и деньги, слѣдующія за пересылку.

Затѣмъ, по выходѣ книжекъ (*), онѣ счетомъ, подъ росписки получателя, сдавались въ газетную экспедицію, которая, по имѣющимся у нея спискамъ, надписывала адреса, упаковывала въ тюки и сдавала для отправки по разнымъ трактамъ. Если въ теченіи года Контора Редакціи получала увѣдомленіе о перемѣнѣ адреса, она официальнымъ образомъ, съ указаніемъ подписчика по номеру, подъ которымъ онъ значился въ сланныхъ спискахъ, сообщала объ этомъ газетной экспедиціи.

Изъ этого слѣдуетъ, что если кто либо изъ гг. подписчиковъ, получивъ какую либо книжку журнала, не получалъ предшествовавшихъ или слѣдовавшихъ за нею номеровъ, то неисправность происходила не отъ конторы, а отъ почтоваго вѣдомства.

При такомъ порядкѣ Редакція считала достаточно обезпеченною исправную и своевременную доставку журнала иногороднымъ.

Не смотря на это въ Контору поступали жалобы на позднее получеііе журнала въ провинціяхъ, жалобы не многочисленныя въ предшествовавшіе годы, но значительно увеличившіяся въ нынѣшнемъ году по выходѣ 1—2 № журнала 1863 года.

Вслѣдствіе этого, для обезпеченія своевременнаго доставленія иногороднымъ подписчикамъ книгъ журнала, Редакція рѣшилась всю предварительную по пересылкѣ работу, до сихъ поръ производившуюся въ газетной экспедиціи, принять на себя. Уплативъ по прежнему, въ газетную экспедицію, деньги слѣдующія на пересылку, Контора Редакціи, съ 4 № журнала сего года, будетъ сама надписывать адреса, разсортировывать книж-

(*) Не лишнимъ считаемъ напомнить гг. желающимъ на позднее получеііе журнала еще то обстоятельство, что «Современникъ» посылался въ почтамтъ не рѣже какъ чрезъ 10 дней по выходѣ книжки въ Петербургъ, или по отсылкѣ потребнаго количества экземпляровъ въ московскую контору, а именно, когда всѣ экземпляры журнала были напечатаны и переплетены, на что нужно время по большому числу печатаемыхъ экземпляровъ.

ки по городамъ, станціямъ и мѣстечкамъ, надлежащимъ образомъ упаковывать и въ совершенно уже готовыхъ тюкахъ сдавать въ газетную экспедицію.

Для всего этого Контора Редакціи, не отступая предъ увеличивающимися на пересылку издержками, пригласила особыхъ лицъ, заключила съ ними условія и затѣмъ надѣется, что, съ 4 №, книжки журнала, по выходѣ ихъ, гораздо поспѣшнѣе будутъ доставляться ея иногороднымъ подписчикамъ.

Каждая книжка (какъ это дѣлалось и прежде) будетъ отправляться въ заклеенномъ наглухо кувертѣ изъ толстой бумаги, на которомъ означается день сдачи книгъ въ газетную экспедицію. Равнымъ образомъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, при книжкахъ будутъ разсылаться *карты*, на которыхъ получатели должны означать не только то, что они получили книжку, но и въ *какомъ видѣ* получили ее. Всякій экземпляръ, вскрытый или разрѣзанный, получатель въ правѣ обратитъ назадъ съ жалобой, которая будетъ представлена главному почтовому начальству.

Въ случаѣ неисправнаго или поздняго полученія книжекъ, Контора Редакціи покорнѣйше проситъ немедленно увѣдомлять ее, дабы она тоже *немедленно* могла принять мѣры для удовлетворенія всѣхъ справедливыхъ жалобъ. Въ этихъ увѣдомленіяхъ, равно какъ и въ сообщеніяхъ о перемѣнѣ адресовъ, необходимо прописывать *въ точности* тѣ адреса, которые были означены первоначально при подпискѣ на журналъ, и пояснять, гдѣ именно жалующіеся или перемѣняющіе адресъ подписывались.

Контора Редакціи неоднократно замѣчала, что нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ присылаютъ жалобы, въ которыхъ выражаютъ удивленіе, что не получаютъ первыхъ №№ журнала, тогда какъ тѣ же №№ получены другими въ однихъ съ ними городахъ. По справкамъ Редакціи постоянно оказывается, что это происходитъ отъ того, что одни подписались ранѣе, а другіе позже. Кромѣ того, многіе подписываются не прямо черезъ Контору Редакціи, а черезъ книгопродавцевъ. Въ послѣднемъ случаѣ ни гг. подписчики, ни Контора Редакціи не могутъ знать, своевременно ли книгопродавцы сдаютъ своихъ подписчиковъ Редакціи «Современника», и промедленіе весьма часто можетъ происходить отъ медленности, въ которой Редакція ни сколько не виновата.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ сообщить, что гг. подписавшимся прямо въ Газетной Экспедиціи—книжки журнала, на прежнемъ основаніи, будутъ высылаться самою Газетной Экспедиціею. Поэтому, въ случаѣ неисправности, мы покорнѣйше просимъ подписчиковъ Газетной Экспедиціи прямо обращаться съ жалобами къ ней, увѣдомляя въ то же время и Контору Редакціи, дабы и она съ своей стороны могла принять надлежащія мѣры къ наискорѣйшему удовлетворенію жалующихся.

СОВРЕМЕНИКЪ

СОВРЕМЕННОСТЬ

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ
ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА ВУЛЬФА

СЪ 1844 Г.

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. А. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ ХСѢІ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА ВУЛЬФА

1863

~~Slav 30.52~~

~~Slav 30.53~~

P Slav 652.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
BY EXCHANGE, FROM THE
LIBRARY OF CONGRESS

11 MAY 1925

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ.

Санктпетербургъ, апрѣля 27-го дня 1903 года.

СЦЕНЫ ВЪ БОЛЬНИЦѢ.

I.

ПРИЕМНАЯ КОМНАТА.

Въ 9-мъ часу утра, въ парадныхъ сѣняхъ собирались больные, пришедшіе за совѣтомъ, и молча садились вдоль стѣны на лавки. Одни сами пришли, другихъ приводили подъ руки. Швейцаръ, отставной унтеръ-офицеръ съ нашивками, стоя у дверей, покрикивалъ на больныхъ :

— Проходи, проходи; у меня на полъ не плевать. Эй, ты, старуха, ступай отсюда!

— Родной ты мой! мнѣ дочку повидать.

— Сказано: ступай!

Швейцаръ вывелъ старуху на крыльцо, но тамъ, переговоривъ съ нею, впустилъ въ сѣни и, ударивъ ее по плечу, сказалъ въ полголоса:

— Ну, смотри, проворнѣй!

— Мнѣ то есть... одна минута, заторопилась старуха и побѣжала на верхъ.

Больные между тѣмъ прибывали. Нѣкоторые прохаживались по корридору, придерживая больное мѣсто, и уныло поглядывали на другихъ. Въ разныхъ мѣстахъ шли тихіе разговоры о больныхъ, или разсужденія о домашнихъ дѣлахъ.

— Чѣмъ же она у васъ хвораеть? спрашивала одна женщина у другой.

— А Богъ ее знаетъ. Такъ думаютъ, что съ глазу. Какъ подступитъ это ей къ сердцу, — сейчасъ закатится, закатится и упадетъ.

— Такъ, такъ. Это я знаю. Нѣтъ, этимъ лекарямъ гдѣ! Эти ей не помогутъ. А вотъ я вамъ скажу про себя, какая моя болѣзнь. Теперь ежели мнѣ натошакъ вотъ эдакую крошечку съѣсть, — ни за что не съѣсть! Какъ съѣла, такъ у меня цѣлый день кусокъ въ горлѣ стоитъ. Только однимъ и спасаюсь: водичи на ложечку, — ну, и пройдетъ.

— Мнѣ тоже вотъ одинъ русскій лекаръ совѣтовалъ, говоритъ какой-то мастеровой своему сосѣду: — купи, говоритъ, ты косушку водки, настой ее покрѣпче табакомъ и выпей. Я и выпилъ.

— Ну, чтоже?

— Что? Извѣстно, какъ выпилъ, такъ даже свѣту не взвидѣлъ. Зачало меня хлестать, зачало хлестать; я думалъ, душу всю выворотить. Три дня безъ памяти лежалъ.

— Нѣтъ, говорятъ, скапидаръ помогаетъ. Я тоже отъ людей слышалъ. Не знаю, правда ли, нѣтъ ли.

— И я слышалъ. Вотъ тоже одинъ человѣкъ сказывалъ: коровиимъ каломъ, говоритъ, нѣтъ лучше. Кто ихъ знаетъ! У насъ одного мастера тоже ученый лекаръ взялся лечить, да тоже пустое дѣло. Чуть совсѣмъ не испортилъ. Сталъ ему камнемъ выжигать это мѣсто. Ну, онъ было разсудку рѣшился черезъ это. Какъ былъ, въ одной рубашкѣ, на улицу выскочилъ, да бѣжать. Мы за нимъ, а онъ отъ насъ. Кричимъ ему: постой, постой! — куда! такъ сталъ чесать, и прямо къ заставѣ! Ужъ послѣ, должно быть, на третьей верстѣ въ канавѣ нашли. Черный весь. Обезумѣлъ тоже.

— Да. Тоже эти лекаря — ловки. Нешто долго человѣка испортить!

— Это имъ ничего не значить.

По корридору прошелъ фельдшеръ съ перомъ за ухомъ, съ рапортничкою въ рукѣ, и отперъ дверь въ приемную комнату. За нимъ слѣдомъ прошла сидѣлка въ большомъ колѣнкоровомъ чепцѣ и принесла полотенецъ. Сидѣлка осталась у дверей.

— Скорѣ ли начнется пріемъ? спрашивали у нея больные, столпившись у дверей.

— Когда дежурный врачъ придетъ, отвѣчала сидѣлка и съ гордостію поправила свой чепецъ.

— А когдажь онъ придетъ?

— Когда придетъ, тогда и увидите.

Пришелъ больничный служитель и тоже сталъ у дверей.

— Кавалеръ, а кавалеръ! приставала къ нему одна старуха.

— Что тебѣ?

— А покойниковъ-то у васъ здѣсь погромаютъ?

— Здѣсь.

— Ахъ, Царица небесная!

Старуха перекрестилась.

— И банки здѣсь же стоятъ съ уродами?

— Здѣсь же. Отходи прочь. Что вы тутъ тѣснитесь?

— Сейчасъ, голубчикъ. Миѣ только вотъ еще одно словечко спросить. Правда ли, нѣтъ ли, слышали миѣ, что въ больницахъ изъ человѣчьяго сала пироги катаютъ? А вѣдь, небось, они странные, уроды-то?

— Вотъ какъ ты же. Ну тебя совсѣмъ. Не стоять у дверей! Дежурный врачъ идетъ. Пошли прочь!

Въ концѣ корридора показался дежурный врачъ, въ мундирномъ фракѣ. Онъ шелъ очень скоро, глядя въ землю и засунувъ одну руку въ карманъ. Больные вдругъ затихли, посторонились и, со страхомъ глядя на дежурнаго врача, пропустили его въ приемную комнату.

Въ приемной комнатѣ сидѣлъ фельдшеръ за столомъ и чинилъ перо. На столѣ лежала книга для записыванія больныхъ.

Среди комнаты было два кресла, одно противъ другаго, и за ширмами кровать въ углу. Дежурный врачъ вошелъ и сѣлъ на одно изъ креселъ.

— Что Семенъ Ивановичъ не вставали еще? спросилъ онъ у фельдшера.

— Нѣтъ, еще не вставали.

Врачъ потянулся на креслѣ и, помолчавъ не много, спросилъ опять:

— Много ли больныхъ?

— Семнадцать человекъ.

— Ги. Шутка! Когда они перестанутъ шалиться? Сидѣлка!

Дверь отворилась, и сидѣлка, съ золотенцомъ на рукѣ, вытянулась во фрунтъ.

— Впустить! только не вдругъ. Эй! кто тамъ? Кушнецовъ!

— Чего извольте, ваше благородіе!

— По одному пускать.

— Слушаю, ваше благородіе!

Служитель и сидѣлка исчезли. За дверями послышалась возня и голосъ служителя: «да позвольте! Не напирай! Куда ты, чортъ?» Фельдшеръ и врачъ стали прислушиваться.

— Что тамъ такое? съ гнѣвомъ спросилъ врачъ, подходя къ двери.

Но въ это время дверь съ великимъ трудомъ отворилась, и показалось нѣсколько человѣкъ большихъ съ испуганными лицами. Впереди всѣхъ барактался притиснутый толпою чиновникъ. Онъ отчаянно махалъ руками и весь красный и запылавшійся продирался въ приемную. Наконецъ, служитель уперся козѣнкой въ животъ одному больному и пропустилъ чиновника.

— Что вы? съ ума сошли? накинулся на него дежурный врачъ.

— Это не я—съ... помилуйте!.. толкаюгъ—съ... оправдывался чиновникъ, едва переводя дыханіе.

Дежурный врачъ наморщилъ брови и сердито спросилъ

— Ну, что тамъ у васъ? Показывайте! Что болитъ?

— Бокъ—съ.

— Давно ли?

— Давно—съ.

— Да какъ давно? Нука, раздѣцтесь.

Чиновникъ сталъ раздѣваться. Блѣдно-желтое лице его, вспыхнувшее было яркимъ румянцемъ вслѣдствіе усиленной возни, вдругъ опять поблѣднѣло и стало еще желтѣе прежняго.

— Жилетку прикажете снять? спросилъ онъ.

— Все снимайте.

— И фуфайку—съ?

— Сказано, все; чегожь вамъ еще?

Пока чиновникъ раздѣвался, врачъ ходилъ по комнатѣ, морщилъ лобъ и потягивалъ себя за нижнюю губу.

— Скоро что ли? Тамъ еще шестнадцать человѣкъ ждутъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, говорилъ торопливо чиновникъ, ста-

сидя съ головы фуфайку и обнажая при этомъ свое го-
щее тѣло, въ разныхъ мѣстахъ усѣянное слѣдами банокъ и
шпорокъ.

Оставшись безо всего, онъ началъ по немногу синѣть и кон-
фузиться.

— Лигте на койку! Чегожь вы бонетесь? Ну! Гдѣ болитъ?
Вдохните! Покажите пульсъ! Кашель есть? Давно кашель? Въ ло-
вятку отдааетъ? спрашивалъ скороговоркою врачъ и такъ быстро,
что чиновникъ едва успѣвалъ отвѣчать. Онъ лежалъ на койкѣ,
верѣшительно вытянувъ свои худые ноги, и робко посматривалъ
на врача. Врачъ между тѣмъ, нагнувшись надъ нимъ, тыкалъ
ему пальцами въ желудокъ, щупалъ бокъ, колотилъ по ребрамъ
и малъ животъ; наконецъ, взялъ *стетоскопъ* и началъ выслуши-
вать грудь.

— Вдохните! Глубже! Говорятъ вамъ, глубже! Дышите! Не
дышите! Дышите! кричалъ врачъ за ширмами, привикнувъ ухомъ
къ груди больного.

— Вставайте!

Больной всталъ, но, не смѣя одѣваться, голый стоялъ передъ
врачемъ, въ замѣшательствѣ перебирая свои холстинныя под-
тяжки.

— Который вамъ годъ?

— Тридцать второй—съ.

— Чѣмъ занимаетесь?

— Состою на службѣ.

— Мм!

Врачъ разсматривалъ больного съ головы до ногъ, презритель-
но поджимая губы.

— Вамъ нужно употреблять легкую, питательную пищу, доб-
рый стаканъ вина за обѣдомъ.

— Слушаю—съ.

— Чистый воздухъ, теплую сухую квартиру, больше дви-
женія. Вы любите виноградъ?

— Люблю—съ. Только...осмѣливаюсь доложить...какъ тепе-
рича получаю недостаточное содержаніе...

— А, ну, это другое дѣло. Такъ бы вы и говорили. Сидѣлка,
полотенце!

Врачъ вытеръ себѣ руки и сказалъ фельдшеру, не поворачи-
вая, головы:

— *Potio Riveri cum aqua laurocerasi, bichorio cochlear...*

— Вотъ это вы будете принимать черезъ два часа по дождѣ.

— А на счетъ пищи какъ прикажете?

— Все, все можно. Слѣдующій!

Только что успѣли отворить дверь, какъ вдругъ оттуда зашумѣло въ приемную человѣкъ пять, притиснутыхъ къ самой двери остальными больными. Однако служитель съ сидѣлкою всѣхъ протолкали назадъ и впустили только двоихъ: мужа съ женою, потому что жена кричала:

— Господинъ докторъ! милостивѣйшій гоеударь! велите пропустить: я его жена. Онъ самъ рассказать не можетъ.

— Кузнецовъ, пусти, сказалъ врачъ.

— Вы меня извините, господинъ докторъ, затараторила жена больнаго:—что я довольно не деликатно вошла. Я была съ своимъ мужемъ у всѣхъ докторовъ, и они его смотрѣли, и все. Но я столько слышана объ вашей больницѣ, что я надѣюсь, что вы ему поможете.

— Да что такое? Чѣмъ онъ боленъ? Садитесь пожалуйста.

— Благодарю васъ, господинъ докторъ. Надо вамъ сказать, что мужъ мой служилъ въ военной службѣ.

— Такъ-съ.

— А теперь онъ вышелъ въ отставку. Откровенно вамъ скажу, я этого очень не желала.

— Такъ. Позвольте, сударыня. Вы мнѣ скажите, чѣмъ боленъ вашъ мужъ.

— Да я вамъ все это по порядку.

— Нѣтъ, ужъ вы не извольте беспокоиться. Мы лучше его посмотримъ.

— Да вѣдь онъ самъ ничего сказать не можетъ: у него языкъ отнялся.

Больной сидѣлъ на креслѣ, въ военной шинели, окутанный шарфомъ, и бессмысленно поглядывалъ то на врача, то на жену.

— Ну-ка, встаньте, пройдитеесь маненечко.

Больной поднялся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, прицѣпывая на ходу одною ногою. Врачъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и сказалъ:

— Довольно-съ. Покажите-ка язычекъ. Ми! На низъ хо-рошо?

— Ахъ, у него на низъ, господинъ докторъ, очень хорошо!

— Апетитъ есть?

— Объ апетитѣ ужь и говорить нечего: такъ ѣсть, такъ ѣсть, даже страшно смотреть. Я часто смотрю на него и думаю: куда только это все идетъ?

Врачъ взглянулъ на больнаго, большой глядѣлъ на врача и самодовольно улыбался, какъ будто желая сказать: «что, братья? А ты какъ обо мнѣ думалъ?» такъ что даже врачъ смутился и спросилъ:

— Такъ что же вамъ угодно, сударыня?

— Да мнѣ бы хотѣлось помѣстить его къ вамъ въ больницу.

— Этого нельзя-съ.

— Почему же?

— А потому-съ, что больная не интересная.

— Ахъ, что вы говорите? Какого же вамъ еще интересу? Да вы поглядите на него, что онъ дѣлаетъ, такъ вы съ нимъ не разстанетесь.

— Что же онъ дѣлаетъ?

Жена больнаго стала шептать что-то на ухо врачу; фельдшеръ могъ разслушать только: «сидитъ и размазываетъ... весь выпачкается»...

— Да, ну это еще не такъ интересно, сказалъ врачъ и опять поглядѣлъ на больнаго: онъ по прежнему улыбался.

— Что, у васъ болитъ что нибудь? спросилъ его врачъ.

— У м и а, отвѣчала больной.

— Такъ. Ну, а шуму въ головѣ не бываетъ?

— Хо.

— Такъ, такъ.

Врачъ задумался, слѣлалъ строгое лицо, замерзаль, заморгаль глазами и сказалъ:

— Вы, сударыня, пожалуйста сюда какъ нибудь... а ть, лучше всего, я самъ зайду къ вамъ. Позвольте вашъ адресъ. Басовъ, запиши! Слѣдующій!

Фельдшеръ сталъ записывать адресъ, а между тѣмъ въ приемную вошла женщина, въ черномъ платкѣ, съ постоной физиономіей, и объявила, что больна *сердцемъ*; впрочемъ, на ногѣ у женщины оказалась рана, а когда заставили ее снять платокъ, то и на головѣ оказались струлья.

— Чѣмъ занимаешься? спросилъ ее врачъ.

— Богу молюсь, скромно отвѣчала женщина.

— А рана отъ чего у тебя?

— Это я къ Угоднику Сергію чудотворцу ходила; да ужь оченно склизко было, я дорогой-то оступилась, ногу зашибла; она у меня и прикинулась болѣть, да болѣть.

— Такъ. Ну-ка горло покажи. Должно быть, простудила горло?

— Простудила. Вапрѣдши, признаться, квасу холоднаго испила; мнѣ и захватило.

— Такъ, такъ. Ну, а болячки на головѣ отчего?

— Это отъ заботъ.

— Отъ заботъ. А-а! Эй! сидѣлка! осмотрѣть ее! Слѣдующій!

Слѣдующимъ оказался дяконъ въ зеленой рясѣ, высокаго роста, съ рыжею бородою и довольно густымъ басомъ, которій онъ немедленно обнаружилъ, крикнувъ и сказавъ дежурному:

— Добраго здоровья!

— Что прикажете? спросилъ его врачъ.

Дяконъ молодцовато встряхнулъ волосами, погладилъ бороду и захохоталъ.

— Да вотъ-съ, сказалъ онъ, смѣясь: — грудь что-то завалило. Признаться, лѣчиться-то я было не охотникъ, да что дѣлать?

— Простудились?

— Да-съ; съ господами съ офицерами немножко простудился.

И дяконъ опять захохоталъ.

— Знаете, нельзя. Свадьба тутъ подошла, время эдакое сырое; долго ли простудиться.

— Что жъ вы, ноги промочили?

— Нѣтъ. Сперва-то горло промочилъ, а потомъ-то ужь и ноги кстати. Ха, ха, ха!

— Это понятно, сказалъ врачъ.

— Сами посудите, вѣдь просятъ. Господа офицеры у насъ народъ, знаете, веселый, а мы постоянно ужь въ ихней компаніи. Какъ же тутъ быть?

— Разумѣется. Важъ бы мушечку поставить.

— Охъ, не люблю я пачкаться, до смерти не люблю. Мнѣ бы русскаго эдакова лекарства, знаете, какого нибудь покрѣпите, чтобы позабористѣй.

— А то перцовкой натритесь, да вспотѣйте хорошенъко.

— Вотъ, вотъ, это такъ! За это благодарю покорно. Да я, признаться, и самъ разсуждалъ тоже, что не перцовки ли моль? Ха, ха, ха! Такъ стало быть, больше ничего не требуется?

— Ничего.

— Ну, вотъ это чудесно. Такъ, мое вамъ почтеніе! Будьте знакомы.

— Прощайте.

Послѣ дьякона вошелъ мужикъ, осторожно ступая по паркету, поклонился и сталъ среди комнаты.

— Что ты?

— Къ вашей милости.

— Что у тебя болитъ?

— Поясница болитъ.

— Отчего жь она у тебя болитъ?

— Не могу знать.

— Съ натуги, должно быть?

— Такъ точно, съ натуги.

— Поднялъ вѣрно что нибудь не по силамъ?

— Это вѣрно.

— Ну-ка, нагнись! Такъ. Животъ болитъ?

— Нѣтъ, оно не то, что болитъ, а такъ быдто тамъ жерновъ ворочаетъ.

— Мм! Банки поставить.

— Слушаю-съ. Да вотъ...руку еще попортилъ, что-то загноилась.

— Покажи!

Мужикъ развернулъ триплицу и показалъ палецъ пораженный гангреною. Врачъ сдѣлалъ гримасу и посвисталъ.

— Какъ же это ты такъ?

— Богъ ее знаетъ. Шерхебелемъ баловался, баловался, да кожу всю и ссадилъ кровъ даже до кости.

— Давно ли это?

— Вотъ ужъ третья недѣля.

— Ну, братъ, съ пальцемъ простишь, — отрѣзать придется.

— Слушаю-съ.

— А пока ступай!

Мужикъ ушелъ. Вошла дама молодая и красивая, съ печальнымъ лицомъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ ее врачъ особенно любезно.

— Больна-съ.

— Что у васъ болитъ?

Дама замаялась.

— Какъ бы вамъ сказать... я все плачу.

— О чемъ же вы плачете?

— Да сама не знаю. Я чувствую, что скоро умру. И дама заплакала.

— Почему жъ вы полагаете, что вы умрете?

— Я знаю, что умру. Я и смы такіе вижу: точно кто-то меня хватаетъ.

— Мм! Позвольте вашу ручку! Мм! Вы дѣвица, или замужняя?

— Ахъ, нѣтъ.

— Что-съ?

— Я... вдова.

— Такъ-съ. Апетитъ есть?

— Нѣтъ.

— Ну, а какъ ваши обстоятельства?

— Мм...ничего.

— То есть, какъ ничего-съ? Ничего нѣтъ?

— Ахъ, какой вы!... Ничего.

— Однако позвольте... а впрочемъ, я лучше самъ заведу васъ навѣстить.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе. Я вамъ буду очень благодарна.

— Непремѣнно, непремѣнно. Басовъ, запиши адресъ. Мое почтеніе-съ. Сказалъ врачъ и ловко раскланялся съ дамой.

Послѣ дамы перебивало такимъ же порядкомъ еще человѣкъ пять, или шесть, наконецъ, врачъ зѣвнулъ, потянулся такъ, что у него затрещало даже что-то подъ мышками, и сказалъ служителю:

— Не пускать больше никого. Надоѣли. Скажи, чтобы завтра приходили.

Послѣ этого онъ собрался было ужъ уходить, какъ вдругъ въ пріемную ворвался человѣкъ съ небритой бородой, въ сертучкѣ, подпоясанный кушакомъ, и быстро подошелъ къ дежурному.

— Что тебѣ нужно? гнѣвно спросилъ его врачъ.

— Ваше в-скоблагородіе, заставьте за себя Бога молить и съ малыми сиротами! Помогите! очень нездоровъ!

— Что у тебя такое?

— Голова болитъ. И всё въ нездоровъ: и грудью нездоровъ, и ногами нездоровъ, даже всего ломаетъ, и глазами плохо вижу.

— Простудился что ли?

— Никакъ нѣтъ, ваше в-скоблагородіе.

— Да ты кто такой?

— Господина Куликова дворовый человекъ-сь.

— Покажи-ка языкъ. Ну-ка, дохни-ка на меня. Да ты пьянъ, скотина!

— Никакъ нѣтъ, ваше в-скоблагородіе.

— Что ты мнѣ рассказываешь? Развѣ я не слышу? Зачѣмъ ты сюда пришелъ?

— Желаю въ больницу лечь.

— Пошелъ, прежде проспись!

— Позвольте, ваше в-скоблагородіе...

— Ступай, ступай!

— Позвольте вамъ объяснить!

— Ну!

— Я не пьянъ-сь. А это точно, что меня знобитъ, я и выпилъ вотъ такую малость, какъ собственно для тепла, но я не пьянъ.

— А вотъ я тебя сію минуту въ часть отправлю для тепла; вотъ ты и узнаешь.

— Это, какъ вамъ угодно, только я знаю, что...

— Эй, Кузнецовъ, гони его!

— Ваше в-скоблагородіе, позвольте вамъ сказать! Ежели бы я былъ пьянъ, то я бы не посмѣлъ васъ беспокоить. А я вашей чести докладываю, что нездоровъ.

— Да чтожъ ты смотришь, Кузнецовъ? убери его! кричалъ врачъ, горячася все больше и больше.

— Постой, кавалеръ, погоди! Ахъ, какой ты право! упирался больной.

— Убери его! убери!

— Ваше сіятельство! не ради меня, а ради сиротъ... началъ было больной, но съ этими словами былъ выведенъ изъ приѣмной служителемъ, которому, наконецъ, удалось съ помощію сидѣлки выпроводить его за дверь.

— Каковы скоты! а? говорилъ врачъ, въ волонѣнн прохаживаясь изъ угла въ уголъ: — вотъ послѣ этого и пускай сюда всякій сбродъ.

— Главная причина, народъ очень набалованъ, страху нѣтъ, глубокомысленно замѣтилъ фельдшеръ, вытирая перо колою сюртука.

Вскорѣ послѣ приѣма больныхъ, другой фельдшеръ обходилъ палаты и раздавалъ лекарства. Подойдя къ койкѣ, онъ осматривалъ скорбный листъ и ставилъ на столикъ склянку, или баночку съ назью.

— Я этой подлости больше принимать не намѣренъ: отъ нея только хуже, говорилъ одинъ больной.

— А мнѣ что? Пожалуй, не принимай, только чтобы склянка стояла на столѣ. Если спросятъ, скажи, что принималъ.

— Хорошо.

— А мнѣ лекарства? спрашивалъ вновь поступившій больной.

— Тебѣ нынче не будетъ. Авось до завтра не помрешь.

— Такъ-то оно, такъ; да ужъ очень мнѣ тошно.

— Потерпи, братъ, потерпи! Эй, ты, команда! говорилъ фельдшеръ, подходя къ спящему пожарному солдату.

— Чтожь ты, пилюли то всѣ принялъ?

— Всѣ, отвѣчалъ солдатъ, завертываясь въ одѣяло.

— Ишь, чортъ, облежался, даже и вставать не хочетъ. Получай еще пилюли.

— Ладно.

— Да что вы ему даете? говорилъ фельдшеру сосѣдъ пожарнаго солдата, пощипывая корпю:—вѣдь онъ ихъ въ песочницу закапываетъ; онъ нарочно не принимаетъ лекарства, чтобы у него носъ провалился. Въ отставку, говорить, выйду, на родину пойду.

II.

ВИЗИТАЦІЯ.

Сцена представляетъ палату терапевтическаго отдѣленія. Окна до половины замазаны зеленой краскою; въ два ряда койки, на которыхъ сидятъ и лежатъ больные; нѣкоторые прохажива-

аются. На шѣкѣ чистые чулки и колпаки; на койкахъ надѣты чистыя покрывала; на стѣнѣ чисто вычищенный умывальникъ; полъ натертъ воскомъ; во всю длину комнаты постланъ бѣлый коврикъ. Сидѣлка время отъ времени входитъ изъ коридора и, осмотрѣвъ, все ли въ порядкѣ, обдергиваетъ покрывала, сдуваетъ пыль и покрикиваетъ на больныхъ:

— Не валяться по койкамъ! Только знай, убирай за вами. Всѣ тю-фяки перемяли. Право. Да не ходите вы по холсту! Что это за страмъ, за такой! Сейчасъ генералъ взойдетъ, а они тутъ шлюются.

— Ну, молчи, отзывается одинъ больной.

— Чего молчать? Смотрителю скажу: онъ вамъ дастъ баловаться.

— Очень мнѣ нужно твоего смотрителя!

— А я вотъ пойду оргинатору пожалуюсь. Хочешь на третью порцію?

— Идетъ! идетъ! раздается по коридору. Больные поправляются на себѣ колпаки и становятся у своихъ коекъ; слабые, лежа, охорашиваются и обдергиваютъ на себѣ покрывала. Сидѣлка стоитъ у дверей и кланяется.

Входитъ генералъ, лысый старикъ, во фракъ и въ очкахъ; за нимъ въ двухъ шагахъ идетъ его помощникъ, дальше ординаторъ, смотритель, фельдшеръ съ рапортничкою и сидѣлка. При входѣ генерала больные снимаютъ колпаки и кланяются.

— Сколько у васъ больныхъ? спрашиваетъ у ординатора генералъ.

— Одинадцать человекъ, ваше пр-во.

— Опасныхъ нѣтъ?

— Нѣтъ-съ, ваше пр-во.

Генералъ подходитъ къ одному больному.

— Это что?

— У меня воспаленіе было въ кишкахъ, говорилъ больной.

— Васъ не спрашиваютъ, замѣчаетъ генералъ.

— Какъ вы себя чувствуете?

— Плохо.

— Гдѣ болитъ?

— Я теперь чувствую только...

— Я васъ не спрашиваю, что вы чувствуете. Гдѣ болитъ?

— Животъ.

— Это кто такой?

Т. ХСѢІ. Отд. І.

- Больной—съ, отвѣчаетъ растерявшійся ординаторъ.
 — Я вижу, что больной. Кто онъ такой?
 — Мѣщанинъ—съ.
 — Ты какъ же смѣешь надѣвать колпакъ? а? На три два бѣтъ ужина. Этотъ чѣмъ боленъ?
 — *Pleuritis*, ваше пр—во.
 — Что прописано?
 — *Infusum ipecacuanae cum spiritu mildereri*.
 — Потогонное давали?
 — Давали, ваше пр—во.
 — Сидѣлка! Больной потѣлъ?
 — Какъ горячаго—то нашлся, такъ...
 — Больной потѣлъ?
 — Да я, ваше превосходительство...
 — Больной потѣлъ?
 — Потѣлъ—съ.
 — А это что? Генеральъ указываетъ на покрывало.
 — Пятно—съ, трепещущимъ голосомъ отвѣчаетъ сидѣлка и начинать присѣдать.
 Генеральъ, указывая на нее, говорить смотрителю:
 — За мѣсяцъ жалованья не давать! — Этотъ чѣмъ боленъ?
 — Только что поступилъ ваше пр—во, *суититис*.
 — Двѣсти пивокъ.
 Генеральъ и вся свита уходятъ. Черезъ нѣсколько минутъ смотритель возвращается и говорить сидѣлкѣ:
 — А? что? Говорилъ я тебѣ? Вѣдь я тебѣ говорилъ!
 Сидѣлка плачетъ, больные начинаютъ ее утѣшать.

III.

ПРИПАРОЧНАЯ.

Часу въ одиннадцатомъ вечера, когда въ больницѣ все уже успокоилось, въ маленькой комнатѣ, въ концѣ корридора, сидѣли больные. Комната эта назначалась собственно для нагрѣванія воды и для изготовленія припарокъ; съ этою цѣлю имѣлась въ ней большая плита, на которой стояли мѣдные чайники и костюрюля съ льнянымъ сѣменемъ; надъ плитой висѣли тряпки. Боль-

ные сидѣли кучками: кто у плиты, кто у открытаго окна. Одни курили, другіе играли въ карты на табуреткѣ, занимались разговорами, набивали папирсы и проч. На столѣ помѣщалась сидѣлка, приставленная къ припаркамъ, и разливала чай. Больные подходили къ ней и каждый бралъ свой стаканъ.

Сидѣвшіе у окна вели такой разговоръ:

— Господа, взывалъ къ прочимъ одинъ больной:—когда жь мы *барыню*-то (*) станемъ травить? Чтожь это такое? Только похвастались. Эхъ вы, господа!

— Охота связываться. Сволочь! отвѣчалъ другой.

— А зачѣмъ она шляется? Придетъ въ палату: «больные! не рвите платки». А ей какое дѣло? Казенные. Тварь! Ну, ужь я ей докажу дворянство: изожгу всю рубашку, и простыню изожгу, и наволочку изожгу. Она у меня будетъ знать.

— Чтожь хорошаго? замѣчаетъ сидѣлка, подувая въ блюдечко и болтая ногами:—поглядите, она въ контору понесетъ. Вотъ тогда поманите мое слово.

— А мнѣ чортъ съ ней! Пусть жалуется. У меня такая примочка дозвѣтная. Развѣ я виноватъ?

— Какъ же она на подушку то-попадетъ?

— А во снѣ. Безвокойно сплю, вотъ и конецъ. Мало ли, что я во снѣ могу сдѣлать! Да я вотъ прежде сонный дрался: какъ ты съ меня изыщешь? Можетъ, это у меня боль такая.

— Ну ужь, знаемъ мы, какая у васъ боль. Отчаянные!

— То-то вотъ и есть.

— Нѣтъ, серьезно, господа, послушайте-ка! говоритъ третій больной, усаживаясь на окно:—мы вѣтъ что лучше сдѣлаемъ: напишемъ этой барынѣ письмо по городской почтѣ, руга—ательное.

— Что письмо! Погодите! Я что придумалъ. Какъ только она покажется къ намъ въ корридоръ, мы сейчасъ всѣ раздѣнемся нагишомъ и станемъ у дверей. Небось, не будетъ ходить.

— Нѣтъ, ужь лучше клестьиной трубкой ее окатить.

— Примочкой! примочкой! закричали большые и засмѣялись.

— Ну ужь, озорники! говорила сидѣлка, сидя на столѣ и покачивая головой:— съ вами доживешь до бѣды. Вонъ Иванъ

(*) *Барыней* называютъ больную кастеллишу.

Васильичъ, ужъ на что, а вѣдь и то пришелъ намедни въ палату и говоритъ:—больные! Побойтесь вы Бога-то хоть немножко! На что это похоже? Къ вамъ, говоритъ, просто взойти нельзя. Настоящій кабакъ. Накурено, накурено,—не продохнешь. Ну, сохрани Господи, генералъ взойдетъ!...

Двое больныхъ играли въ самодѣльные шашки изъ чернаго и бѣлаго хлѣба; возлѣ нихъ примостились еще двое и разговаривали такимъ образомъ:

— Ну что? Какъ ваши амурные дѣлишки? Подвигаются?

— Какъ же. Я ужъ второе письмо получилъ. Пишетъ, что, когда въ садъ выпустятъ, тогда увидимся. Да нѣтъ. Эта дрянь. Я ужъ ее хочу бросить. А вотъ вчера я видѣлъ въ 32-й палатѣ новую больную, только что поступила. Ахъ, какая душка! Полненькая такая. Я ужъ справлялся, подсымалъ сидѣлку, да шѣтъ; говоритъ, никакъ нельзя переговорить: въ корридоръ не выходитъ. А ужъ я доберусь, только бы въ садъ поскорѣй насъ пустили; да вотъ сыпь эта подлая все не проходитъ на лицѣ.

— Да, въ саду какъ можно! Тамъ просто рай насчетъ этихъ дѣловъ. Я вамъ скажу, я прошлаго года лѣтомъ здѣсь лежалъ, горло у меня болѣло. Тоже вотъ въ саду какая исторія вышла. Дѣвъ изъ за меня подрались. Съ одной то, изъ 17-й палаты, я въ перепискѣ состоялъ, а другая бухгалтерова сестра ужъ очень въ меня влюбилась, да все насъ и подкарауливала. Только разъ и застала она меня съ больной—то въ кустахъ. Я бѣжать, а они и видѣлись другъ дружкѣ въ волосья. Насилу розняли. Чтожъ вы думаете? до генерала доходили. А меня, какъ вынисался, — въ часть. Да, вотъ она любовь-то что значить, а вы говорите, дру-гую заведу. Двухъ имѣтъ нѣтъ хуже.

— Эй, господа! вдругъ закричалъ одинъ большой: — что я вздумалъ?

— Ну!

— Ежели теперъ Мавръ вручить четвертакъ на чай и спосылать ее насчетъ грѣшнаго дѣла въ кабачецъ. А? какъ вы думаете?

— Чтожъ, это можно, отозвались остальные.

— Ну, только Мавра-то, кажется, не пойдетъ, не дѣвочка она вамъ далась ходить, отвѣтила сидѣлка.

— Ну вотъ! Ну полно! Эка ты какая! Дура, ты рассуди только... загалдили больные, окруживъ сидѣлку.

— Да, дура, говорила она: — какъ же! Отвѣчай за вась передъ начальствомъ! Нашей сестрѣ, извѣстно, что за хвостъ да палкой за это дѣло. Вонъ смотритель говоритъ намедни...

— Да полно тебѣ разсуждать. Получай полтинникъ и тащи намъ три носушки.

— Ну ужь, дѣлать нечего. Только вы смотрите у меня, — сидѣть смирно.

— Ступай, ступай! ужь мы знаемъ. Да огурцовъ захвати.

— Хорошо. На всѣ что ли?

— Извѣстно, на всѣ. Проворнѣй!

Сидѣлка нагнула платокъ, захватила бутылку и ушла. Больные собрали карты, пашки и папиросы и усѣлись въ кучку.

— Ну, господа, въ ожиданіи водки пѣсенку, только потише. Отче! начинай!

Большой съ длинкой, черной бородой, откашлялся и затаилъ:

— «Вѣчаютъ кулички,

«Яко сусленички.

«Радуйся, саломать! (подхватили больные)

«Завтра каши наварятъ,

«Брюхо радуется.

Въ то же время въ другомъ концѣ коридора, въ крайней палатѣ происходило слѣдующее: двѣ сидѣлки стояли у койки, на которой умирала женщина въ тифозной горячкѣ.

— Ну чтожь съ ней теперь дѣлать? разсуждала одна изъ нихъ.

— За дежурнымъ нешто сходить?

— Ну, и ступай!

— Что ты меня-то посылаешь? Ступай сама!

— Я знаю, за нимъ нечего ходить: онъ у смотрителя въ карты играетъ. Давеча еще говорилъ, чтобы по пустому не беспокоить. Умереть и безъ него. За фершеломъ сходить нужно.

— Фершелъ небось пьяный лежитъ. Его не добудишься.

— Ну, такъ чтожь тутъ толковать! Тащи ее, сымемъ тю-тю. Что его пачкать. Бери!

Сидѣлки принялись ворочать больную, но она вдругъ какъ будто опомнилась и забормотала.

— Пирог, пирог, пирог... пекла пироги...

— Ну, какъ же. Сейчасъ, замѣтила сидѣлка:—ишь ты когда задумала! Тащи изъ подъ нея простыню. За ноги-то потяни. Да чтожь ты? Тащи что ли!

— Развѣ съ ней справишься! Ишь она, какъ колода лежитъ. Нѣтъ, постой, я за Петровичемъ схожу.

Пришелъ Петровичъ, сонный отставной солдатъ, и заворчалъ.

— Ну, что еще? А! дуры—бабы! Чего не могутъ сдѣлать! А ты вотъ какъ, по нашему, по военному. Разъ! Берись за тюфякъ, а я ее подъ мышку подхватю. Съ Богомъ! Ну! Между тѣмъ подошла какая-то больная старуха, и охая, смотрѣла на эту возню.

— Телушка ушла! закричала вдругъ умирающая. — Ушла! Бѣги за ней, бѣги скорѣй, бѣги!...

— Нѣтъ, упоздала, смѣясь сказалъ служитель:—не догонишь. Клади ее на доски! Такъ. Ну, вотъ и чудесное дѣло. Теперь умирай съ Богомъ.

В. А. СЛѢПЦОВЪ.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО И ОБЩЕСТВЕННАЯ ИНИЦИАТИВА.

III.

УСТАВНЫЯ ГРАМОТЫ.

Съ осени 1861 г. должна была начаться настоящая дѣятельность по составленію уставныхъ грамотъ. Мировыя учрежденія были въ полномъ ходу, общественное управленіе также. Взаимное положеніе двухъ сословій успѣло выясниться довольно категорически. Неопредѣленность прежнихъ отношеній становилась положительно невыгодною для землевладѣльцевъ, онѣ должны были вѣщать опредѣляться. Кончились полевыя работы, въ хлѣбѣ не оказалось недостатка, крестьяне не бунтовали, теперь было удобное время, — словомъ, уставныя грамоты стояли на очереди со всѣхъ сторонъ.

Нужно было снѣшить тѣмъ болѣе, что уже миновала половина срока на ихъ предъявленіе номѣщиками, впереди оставалось только шесть мѣсяцевъ, а между тѣмъ ихъ почти не было: въ сентябрѣ 1861 г. были извѣстія объ уставныхъ грамотахъ только изъ 28 губерній. Здѣсь ихъ было составлено всего 628. Изъ 15 остальныхъ губерній, въ числѣ коихъ находились: Орловская, Курская, Новгородская и нѣкоторыя уѣзды Витебской, не было вовсе вѣстей. Въ Пе-

тербургской и Курской, только въ концѣ августа были утверждены формы уставныхъ грамотъ и заготовлены бланки.

Министерство внутреннихъ дѣлъ напоминало объ этомъ губернскимъ присутствіямъ еще въ августѣ. Вслѣдъ затѣмъ, двумя циркулярами, въ октябрѣ и ноябрѣ, оно подтвердило мировымъ учрежденіямъ о строжайшемъ наблюденіи за исполненіемъ всѣхъ условій, устанавливаемыхъ грамотами, и наконецъ въ декабрѣ, разослало циркуляръ, въ которомъ, полагая, что успѣшному составленію грамотъ препятствуютъ распространившіеся между крестьянами слухи о новой волѣ, поручало мировымъ посредникамъ при всякомъ случаѣ указывать крестьянамъ на слова, сказанныя Государемъ нѣкоторымъ крестьянамъ непосредственно, «что никакой другой воли не будетъ, кромѣ той, которая дана».....

Не смотря на то, съ осени 1861 г. дѣло не двигалось впередъ съ надлежащей быстротой. На сколько тому препятствовали ложные слухи, мы рѣшать не беремся, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что настоящій тормазъ заключался не въ однихъ слухахъ. Это было видно изъ того, что число составленныхъ грамотъ, по губерніямъ, было весьма различно, и даже распредѣлялось по извѣстной системѣ, между тѣмъ какъ ложные слухи должны были дѣйствовать одинаково повсемѣстно. Успѣшнѣе всего шли грамоты въ губерніяхъ великороссійскихъ, особенно подмосковныхъ, слабѣе въ степныхъ, малороссійскихъ, Петербургской и соседнихъ съ ней сѣверныхъ. Въ новороссійскихъ была составлена всего 21 грамота, въ бѣлорусскихъ, Виленской, Кіевской и Подольской — 2, въ Ковенской, Гродненской, Минской и Вольнской ни одной.

Вглядываясь въ эту систему, можно было бы при нѣкоторомъ вниманіи уже догадаться, въ чемъ должны были корениться затрудненія, но мы положимся лучше на болѣе прямые современныя извѣстія.

Въ первыхъ числахъ января 1862 г. въ официальной газетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, публицистъ Ржевскій, перенечатавъ изъ «Московскихъ Вѣдомостей» рассказъ мирового посредника Ратищева о случаѣ, бывшемъ при составленіи уставной грамоты въ одномъ имѣніи, прямо заявилъ, что дѣло было вовсе не въ ложныхъ слухахъ. Конечно, въ чемъ было дѣло, этого онъ не сказалъ, но изъ его словъ проглядывало уже, гдѣ собственно слѣдовало искать затрудненій. Для крестьянъ, по его мнѣнію, было непонятно объясненіе, что повинности налагаются за землю, они не могутъ стать на выюту сервитута, и потому отношеніе двухъ обмѣняемыхъ цѣнностей для

нихъ намѣтовъ произвольныя. Въ ихъ глазахъ правительство *назначило подать или оборокъ натурою съ помѣщиками, въ видѣ надбавки въ пользу крестьянъ, а на крестьянъ возложило подать, рабочую или денежную, въ пользу помѣщика; — если первая собрана одновременно, то почему же, спрашиваютъ они, вторая должна вроду жариться вѣчно? Вотъ это недоразумѣніе и заставляетъ ихъ выжидать срока. Въ положеніи встрѣчается нѣсколько сроковъ: — 2, 3, 5, 6, и 9 лѣтъ, — который выбрать? двухъ-годовалый поворяется чаще, выдается рѣзче, вотъ они съ нимъ и выжидаютъ конца повинностямъ.*

Объясненіе, какъ объясненіе, было, конечно, по меньшей мѣрѣ плохо, но изъ него было видно уже, какіе мотивы возбуждали недоразумѣнія и требовали поясненія, было видно, что камень преткновенія въ повинностяхъ. То, чего не могъ въ январѣ 1862 г. доказать г. Ржевскій, то еще въ концѣ лѣта 1861 г. высказало дворянство одной губерніи.

Побуждаемые желаніемъ устроить свои отношенія къ крестьянамъ и преобразовать свои хозяйства по началамъ свободнаго труда, землевладѣльцы, не видя въ положеніяхъ, какимъ образомъ долженъ быть рѣшенъ вопросъ о переходѣ съ издѣльной повинности на оброкъ, *еслибы крестьяне не изъявили на то согласія*, наши: «что предоставленіе помѣщикамъ права переводить крестьянъ съ издѣля на оброкъ, *безъ ихъ на то желанія, совершенно согласно съ духомъ реформы и строгой справедливости*». Въ самомъ дѣлѣ, разсуждали помѣщики, въ постановленіяхъ, опредѣляющихъ условія перехода крестьянъ съ издѣля на оброкъ, весьма наглядна та мысль, что барщина оставлена, какъ неизбѣжное зло, въ огражденіе помѣщичьихъ интересовъ, — стало быть, сохраненіе барщины вопреки желанію владѣльца было бы явнымъ противорѣчіемъ видамъ правительства. Обращаясь затѣмъ къ вопросу о томъ, можетъ ли насильственное сохраненіе барщины быть названо дѣломъ справедливымъ, землевладѣльцы были заранѣе убѣждены въ единодушномъ отрицательномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, спрашивали они, — «чѣмъ можно оправдать отказъ помѣщику въ переводѣ крестьянъ съ издѣлія на оброкъ, когда крестьянамъ, по истеченіи двухъ лѣтъ, предоставлено право переходить на оброкъ безъ согласія владѣльцевъ»? Далѣе слѣдовали толки о потеряхъ, понесенныхъ помѣщиками; потери эти извѣстны читателямъ, и потому мы на этомъ прекращаемъ выписку. И такъ, вотъ въ чемъ заключалась сущность: она была въ оброкѣ.

Понятія землевладѣльцевъ, стало быть, волей или неволей покон-

чили съ барщиной, полутяглыми, со сдѣланной повинностью и т. д. и перешли на новую лѣню. Между тѣмъ, давно ходили слухи, что крестьяне съ трудомъ соглашаются переходить на оброкъ; но никакъ, никакъ туманно вспоминали о собственной выгоде или заключили напередѣ объяснить это уморство. Оно не слѣжало ни передъ какими разсудками. И такъ, обязательный оброкъ сталъ теперь въ програмѣ: помѣщики сдѣлано о немъ правительство, а помѣщичья власть или въ оброчныхъ мѣстностяхъ или тамъ, гдѣ помѣщичья власть сильнѣе ихъ въ тому уступили,—гдѣ нѣтъ, тамъ нужно было выждать. Вотъ почему ихъ оказывалось такъ мало вообще и почему впереди всѣхъ шли пока по числу грамотъ оброчныя мѣстности и созда всѣхъ чисто земледѣльческія.

По этому поводу министерство внутреннихъ дѣлъ разъяснило еще въ августѣ лучше г. Ржевскаго, какія непониманія сервитута руководствовались крестьяне. Оно отвѣтило земледѣльцамъ: «что при составленіи закона правительство имѣло въ виду всѣ невыгоды обязательнаго труда, но съ другой стороны, оно также не могло не принять во вниманіе, что есть цѣлыя мѣстности, въ коихъ кромѣ земледѣлія нѣтъ никакихъ промысловыхъ занятій, и потому для крестьянъ денежныя заработки весьма затруднительны. При такихъ обстоятельствахъ нельзя было не предвидѣть, что переводъ крестьянъ на оброкъ во многихъ случаяхъ можетъ ихъ подвергнуть несостоятельности въ платежахъ и, какъ слѣдствію ея, отобранію земли. По всей вѣротности, разсуждало министерство, это опасеніе составляетъ и нынѣ главную причину, почему крестьяне отказываются отъ предложенія помѣщиковъ переходить на оброкъ. Такое предположеніе подтверждается тѣмъ, что жалобы на несогласіе крестьянъ переходить на оброкъ получены преимущественно изъ губерній земледѣльческихъ. Далѣе, министерство объясняло, что въ положеніяхъ указаны способы, коими помѣщикъ можетъ склонять крестьянъ къ добровольному переходу на оброкъ: кромѣ облегченій въ платежѣ его, помѣщикъ можетъ предложить крестьянамъ вмѣсто оброка отбывать ему по условленной цѣнѣ работы; крестьяне могутъ также отказываться отъ перехода на оброкъ, опасаясь, что между ними окажутся недомышленники:— помѣщику предоставляется вступать съ крестьянами въ добровольное соглашеніе объ опредѣленіи задѣльной платы, по которой недомышленники должны отработать недомку на господской землѣ.

Въ томъ и другомъ случаѣ условія заключаются срокомъ не болѣе, какъ на три года, по истеченіи коихъ могутъ быть возобновляемы. Наконецъ, отъ помѣщика зависитъ разсчитать крестьянамъ платежи оброка, а равно передъ переходомъ крестьянина на оброкъ уволить его на полгода отъ барщины.

Можно надѣяться, писалъ министерство, что во многихъ случаяхъ указанныя въ волостномъ способѣ достаточны будутъ для сключенія крестьянъ на добровольному переходу на оброкъ. Но съ другой стороны, не отвергая возможности, что крестьяне, не считая на всѣ предложенія, будутъ отказываться отъ перехода на оброкъ, министерство признавало возможнымъ допустить въ отдѣльныхъ случаяхъ обязательный переходъ на оброкъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ то же время помѣщикамъ гарантировалъ крестьянамъ способы въ должную заработкамъ на оставшейся въ его распоряженіи землѣ. Въ такомъ случаѣ должна быть установлена, по соглашенію или по мѣстной оценкѣ, опредѣленная плата, за которую помѣщики обязаны принимать рабочихъ изъ крестьянъ, подворонныхъ на ихъ земляхъ.

Сообщая такой отвѣтъ губернскимъ присутствіямъ, министерство объяснило послѣднимъ, что если бы они признали въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможнымъ переводить на оброкъ на изложенныхъ условіяхъ, то они представили бы объ этомъ министерству.

Разъясненіе министерства было весьма важно: оно категорически подтвердило тотъ взглядъ на оброкъ, который мы выразили, говоря о системѣ положеній, и которыми должны были руководствоваться и редакціонныя коммисіи. Здѣсь объяснялось явше: 1) что норма оброка, принятая въ законъ, имѣетъ значеніе обязательнаго сортиута только для мѣстій, которыя состояли уже на оброкѣ и не имѣютъ никакого отношенія къ мѣстямъ надѣльнымъ; 2) что потому они все не были соображены съ повсемѣльнымъ доходомъ надѣльныхъ мѣстій и потому превышаютъ не только повсемѣльную ренту съ надѣла, но и сумму всѣхъ заработковъ земледѣльческихъ крестьянъ; 3) что будучи рассчитаны на существующій оброкъ въ мѣстныхъ промышленныхъ, они не рассчитывались вовсе согласно повсемѣльной рентѣ въ сихъ мѣстяхъ, а устанавливались на основаніи индустриальныхъ и коммерческихъ средствъ крестьянъ и личныхъ заработковъ, т. е. составляли налогъ на промыслы подобно оброчной подати государственныхъ крестьянъ.

Въ суммѣ и вышло, значить, что между двумя элементами, землей и нормами оброка, не было той самой связи, которую хотѣли подсухнуть научники, — не было повсемѣльнаго сортиута, а былъ сортиутъ личный или налогъ, доуценный правительствомъ въ помѣщичьихъ видахъ, чтобы съ одной стороны не обезземелить крестьянъ, съ другой, не лишить вдругъ помѣщиковъ промышленныхъ мѣстій почти всего дохода. Стало быть, взглядъ крестьянъ, которые не могутъ подняться до высоты юридическихъ категорій, былъ совершенно согласенъ въ этомъ дѣлѣ съ взглядомъ правительства, а взглядъ Ржев-

скаго фальшивый и ясно противный положеніямъ 19 февраля. Чѣмъ же обуславливалось такое заблужденіе со стороны Ржевскаго, спросите вы; а вотъ просто. Дѣло шло, какъ известно, о шестнадцатомъ припискѣннѣмъ обраба, назначеннаго для промышленныхъ мѣстностей, ко всѣмъ остальнымъ: вотъ и рассчитывайте: — въ Бикаторійскомъ уѣздѣ Таврической губерніи, гдѣ указанный надѣлъ равняется $6\frac{1}{2}$ дес., положено 9 руб. оброка; — по свѣдѣніямъ, издааннымъ о продажныхъ цѣнахъ на земли, десятина земли въ этихъ мѣстностяхъ продавалась круглымъ счетомъ по 6 руб. Указныя $6\frac{1}{2}$ дес., стало быть, стоятъ по этому счету 39 руб., положили 40 руб. Берите теперь какою угодно % для опредѣленія ренты съ $6\frac{1}{2}$ дес. въ этой мѣстности; вы возьмете самое большое 6%, потому что сами знаете, что больше 6% не приноситъ у насъ никакого имѣнія, по расчетамъ же прикладной науки г. Ржевскаго, земля должна принести у насъ ни болѣе ни менѣе, какъ 23% съ лишнимъ. Въ первомъ случаѣ вы получите ренту съ $6\frac{1}{2}$ дес. въ 2 руб. 34 коп., во второмъ 9 р. Вотъ и считайте, что выгоднѣе, получать съ десятины: 6%, или 23%—36 к., или 1 р. 50 к., а съ надѣла 2 руб. 40 коп., или 9 руб. Возьмите сколько угодно принятую нами оцѣнку десятины въ 6 руб., и все-таки вы не пододаете къ расчету г. Ржевскаго; для этого нужно болѣе, чѣмъ учетверить эту оцѣнку, то есть, предположить, что десятина земли стоитъ въ принятой мѣстности не много менѣе 30 р., тогда какъ мы знаемъ положительно, что лучшая земля въ этой мѣстности продается по самымъ 8—12 руб., а отдается въ наѣмы отъ 25 коп. до 35 коп., послѣднее уже считается весьма выгоднымъ. Такъ какъ многіе даже и изъ ученыхъ людей видимо не понимаютъ, какая разница существуетъ по самой наукѣ между сервитутномъ поземельнымъ и личнымъ или налогомъ, такъ какъ своимъ непониманіемъ въ этомъ дѣлѣ они могутъ вводить въ заблужденіе многихъ землевладѣльцевъ, выдавая имъ подметныя объясненія за строгій ученый выводъ, считаемъ нужнымъ указать эту разницу какъ можно нагляднѣе. Съ этой цѣлью приводимъ въ выноскѣ расчетную таблицу чисто-поземельнаго сервитута, изъ которой читатель увидитъ повсемѣстную разницу принятаго оброка отъ того, что называютъ обыкновенно рентой. За неимѣніемъ другихъ данныхъ высчитываемъ ренту на основаніи продажныхъ цѣнъ на земли, издаваемыхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Известно, что при этомъ изданіи было употреблено всевозможное стараніе для устраненія всѣхъ случайныхъ условій, которыя могли бы нарушить вѣрность выводовъ. Впрочемъ, каждый мѣстный землевладѣлецъ можетъ быть лучшимъ судьей, на сколько эти цѣны соотвѣтствуютъ въ самомъ дѣлѣ дѣйствительности. Мы брали, конечно, въ расчетъ однѣ цѣны на земли населенныя, и при томъ по каждой гу-

берши сдѣлали два вывода, одинъ по крайней высшей цѣнѣ, другой по крайней низшей (*).

(*) РАЗСЧЕТНАЯ ТАБЛИЦА РЕНТЫ СЪ ДЕСЯТИНЫ ПО ГУБЕРНІЯМЪ.

	Всѣхъ прод. цѣна засел. земли.	Рента въ 6% съ де- сятны.	Низш. прод. цѣна засел. земли.	Рента въ 6%.	Выш. в указ- ные души. на- дѣл. по уѣзд.		
1. Владимѣрская	49 р. 33 к.	2 р. 42 к.	8 р. 33 к.	— р. 50 к.	3 1/2	4 1/2	
2. Харьковская	30 » 7 »	2 » 34 »	46 » 92 »	1 » 12 »	3	4 1/2	
3. Екатеринославская	22 » 38 »	1 » 35 »	8 » 13 »	— 48 »	2	4 1/2	
4. Ярославская	38 » 40 »	2 » 31 »	8 » 90 »	— 53 »	3 1/2	5 1/2	
5. Новгородская	17 » 57 »	1 » 5 »	4 » 64 »	— 26 »	5 1/2	7	
6. Вологодская	20 » 68 »	1 » 23 »	11 » 59 »	— 69 »	4 1/2	7	
7. Ивановская	24 » 69 »	1 » 37 »	8 » 24 »	— 49 »	3	4	
8. Тульская	43 » 28 »	2 » 54 »	26 » 96 »	1 » 62 »	2 3/4	3 1/2	
9. Костромская	19 » 78 »	1 » 20 »	5 » 91 »	— 35 »	4	6	
10. Полтавская	33 » 84 »	2 » 4 »	20 » 14 »	1 » 20 »	2 1/2	3 1/2	
11. Псковская	22 » 64 »	1 » 35 »	6 » 27 »	— 38 »	4 1/2	6	
12. Минская	21 » 3 »	1 » 26 »	8 » 31 »	— 50 »	—	—	
13. Смоленская	32 » 18 »	1 » 93 »	28 » 41 »	1 » 52 »	—	—	
14. С.-Пет. петрб. уѣзд.	67 » 75 »	4 » 6 »	—	—	—	—	
остальные	25 » 79 »	1 » 54 »	8 » 40 »	— 50 »	3 1/4	5 1/2	
15. Московская	49 » 15 »	2 » 94 »	24 » 66 »	1 » 47 »	3	3 1/2	
16. Тамбовская	34 » 56 »	2 » 7 »	12 » 87 »	— 78 »	3	3 1/2	
17. Рязанская	41 » 86 »	2 » 51 »	19 » 80 »	1 » 18 »	2 1/4	4	
18. Вятская	26 » 14 »	1 » 56 »	7 » 46 »	— 44 »	4 1/2	5 1/2	
19. Симбирская	29 » 18 »	1 » 75 »	18 » 77 »	1 » 12 »	3 1/4	4	
20. Вятская	20 » 60 »	1 » 23 »	9 » 36 »	— 56 »	4	7	
21. Пермская	9 » 50 »	— 57 »	2 » 98 »	— 17 »	5 1/2	7	
22. Саратовская	27 » —	1 » 62 »	13 » 35 »	— 79 »	4	7	
23. Тверская	28 » 36 »	1 » 79 »	6 » 81 »	— 40 »	4	5	
24. Черниговская	36 » 42 »	1 » 53 »	10 » 37 »	— 62 »	2 3/4	4 1/2	
25. Воронежская	34 » 94 »	2 » 9 »	19 » 50 »	1 » 17 »	3	4	
26. Нижегородская	40 » 27 »	2 » 41 »	9 » 2 »	— 54 »	3 1/4	5	
27. Орловская	40 » 92 »	2 » 45 »	16 » 51 »	— 99 »	3	4 1/2	
28. Курская	36 » 80 »	2 » 20 »	22 » 66 »	1 » 35 »	2 3/4	3 1/2	
29. Калужская	32 » 58 »	1 » 95 »	18 » 72 »	1 » 12 »	3 1/4	4	
30. Пензенская	40 » 27 »	2 » 41 »	17 » 23 »	1 » 3 »	2 3/4	4	
31. Смоленская	21 » 40 »	1 » 28 »	10 » 57 »	— 63 »	3 1/2	4 1/2	
32. Могилевская	16 » 27 »	— 97 »	7 » 1 »	— 42 »	4	5 1/2	
33. Вилзенская	21 » 4 »	1 » 26 »	13 » 35 »	— 80 »	—	—	
34. Гродненская	26 » 61 »	1 » 59 »	14 » 97 »	— 89 »	—	—	
35. Херсонская	23 » 56 »	1 » 41 »	17 » 91 »	1 » 7 »	3	5 1/2	
36. Киевская	41 » 27 »	2 » 47 »	29 » 57 »	1 » 77 »	—	—	
37. Подольская	46 » 68 »	2 » 81 »	17 » 39 »	1 » 3 »	—	—	
38. Таврическая	12 » 79 »	— 76 »	3 » 50 »	— 21 »	3	6 1/2	
39. Оренбургская	10 » 69 »	— 64 »	6 » —	— 36 »	4 1/2	7	
40. Олонская	4 » 61 »	— 27 »	1 » 11 »	— 6 »	—	7	

Въ этомъ видѣ рента, рассчитанная изъ 6% даже въ разсужденіи самыхъ лучшихъ земель, нигдѣ не достигается, конечно, какъ можно было предвидѣть, нормъ оброка. Выше всего она оказывается въ лучшихъ уѣздахъ губерній: Владимірской, Ярославской, Петербургской и Московской, гдѣ при оброкѣ въ 12 и 10 руб. достигается не болѣе 8 съ лишнимъ руб.; въ остальныхъ губерніяхъ при 9 р. оброка рента съ надѣла падаетъ при лучшихъ земляхъ до 3 руб. съ небольшимъ, а при худшихъ почти до рубля.

Теперь, чтобы оградить себя отъ возраженія касательно вѣрности самыхъ цѣнъ на земли, на основаніи коихъ сдѣланы наши расчеты, мы предложимъ удвоить принятые нами цѣны на земли, т. е. принять въ лучшихъ мѣстахъ стоимость десятины отъ 100 до 40 р. и стоимость худшихъ круглымъ счетомъ отъ 10—15 и все-таки при этомъ удвоеніи рента съ надѣла превзойдетъ оброкъ только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ мѣстностяхъ, въ большей же части случаевъ она окажется не выше 6 руб. при лучшихъ земляхъ и упадетъ до 2 руб. при худшихъ.

Замѣтимъ, что при этомъ мы все-таки не знаемъ, на сколько рента съ надѣла можетъ быть ниже даже рубля въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ слѣдствие низкаго качества земли не совершается вовсе продажъ. Здѣсь очевидно долженъ быть предѣлъ, за которымъ рента должна равняться нулю, между тѣмъ, какъ крайній предѣлъ оброка назначенъ въ 8 руб. съ надѣла. Ужъ если говорили о наукѣ, то слѣдовало, кажется, не забыть ничего, что говоритъ наука. Наука же даже въ томъ отсталомъ видѣ, въ которомъ она представляется большинствомъ нашихъ экономистовъ, объясняетъ, что есть всегда обрабатываемыя земли, которыя не приносятъ никакой ренты, а едва избавляютъ земледѣльца отъ голодной смерти. Какъ же указанный оброкъ можетъ послѣ этого выражать ренту, если онъ не понижается далѣе 8 р. А между тѣмъ, число земель, не представляющихъ никакой ренты, должно быть у насъ все не такъ малочисленно.

Для того, чтобы понять это, нужно взять въ расчетъ еще одно обстоятельство, также часто забываемое: — это вліяніе на ренту налога.

Кажется, не нужно доказывать, какое вліяніе можетъ имѣть вообще налогъ на величину ренты: всякій пойметъ, что этимъ путемъ нѣтъ ничего легче, какъ совершенно убить земледѣліе, стоитъ только обра-

Помножая рассчитанную такимъ образомъ ренту съ десятины при лучшей землѣ на наименьшія при худшей, на наибольшія нормы надѣла, читатель можетъ самъ уже убѣдиться, что рента будетъ колебаться между 1 рублемъ и 8 рублями, т. е. нигдѣ не достигнетъ нормъ оброка.

тятся къ условіямъ распредѣленія продукта. Продуктъ дѣлится въ настоящее время тремя лицами: одну часть беретъ помещикъ, другую капиталистъ или землевладѣлецъ, третью работникъ. Капиталистъ естественно старается перебросить долю, которую беретъ помещикъ, на работника и слѣдуетъ къ себѣ весь свободный доходъ, остающійся за вычетомъ налога. Отъ этого на дѣлѣ очень часто работнику остается только то, что ему нужно для приближенія голодной смерти; весь же свободный доходъ отъ обработки земли получаетъ землевладѣлецъ въ формѣ ренты. Чѣмъ меньше беретъ помещикъ, тѣмъ больше остается капиталисту и работнику, и на оборотъ, чѣмъ больше возрастаетъ подать, тѣмъ меньше остается на долю послѣднихъ, и тѣмъ естественнѣе капиталистъ стремится перебросить подать на работника, чтобы сохранить свой доходъ. Положеніе земледѣльца должно ухудшаться, поэтому, напомнимъ въ прямой прогрессіи съ увеличеніемъ подати, между тѣмъ, какъ рента будетъ оставаться при этомъ до нѣкоторой степени неизмѣнною. Но здѣсь видимо долженъ быть предѣлъ, за которымъ земледѣльцу хуже быть не можетъ, предѣлъ тратъ, необходимыхъ на поддержаніе рабочей силы; разъ размѣръ налога достигнетъ того предѣла, за которымъ послѣдній не можетъ уже болѣе быть обращенъ на работника, не убивъ рабочей силы, онъ неминуемо уже будетъ падать на ренту, рента будетъ сокращаться пропорціонально ея возрастанію, и наконецъ можетъ исчезнуть вовсе.

Наши крѣпостныя хозяйства находились именно въ этомъ положеніи: — въ рукахъ крестьянъ не оставалось вовсе свободнаго дохода, весь онъ поступалъ къ помещику, и часть его, уходившая въ казну, неизбѣжно падала на помещичью ренту:—рента сокращалась до нуля, бедна имѣніи могла только выплатить съ грѣхомъ пополамъ налоги и прокормить не только крестьянъ, и самихъ помещиковъ; наконецъ, прибавлялся долгъ опекунскимъ совѣтамъ, который выражалъ собою значительную часть запродажной ренты на два и на три десятка лѣтъ впередъ. Ренты, стало быть, въ этихъ имѣніяхъ не оказывалось почти вовсе. Уменьшеніе надѣльной повинности въ такихъ мѣстахъ, гдѣ рента вся или почти вся поглощалась долгами и налогомъ, не могло принести въ сущности никакой выгоды. Предполагалось, что уменьшеніе повинности должно сократить доходъ помещиковъ и выразиться тѣмъ, что помещики стали бы жить хуже, а крестьяне лучше. Оно было бы дѣйствительно такъ, если бы подать оставлена была на помещикахъ; но теперь, съ уменьшеніемъ повинности, она переносилась на крестьянъ, т. е. вмѣстѣ того, чтобы падать, какъ прежде, на общую ренту съ имѣнія, подать была сосредоточена теперь на надѣлѣ. Предполагалось, что отъ уменьшенія повинности надѣлъ вынесетъ эту по-

дать. Но понятно, что оно можетъ быть такъ и иначе, все будетъ зависеть отъ того, на сколько при уменьшеніи возможности великъ будетъ налогъ. Смотря по отношенію, которое окажется между этими элементами, могутъ получиться три различные результаты. Если уменьшеніе повинности будетъ достаточно не только для покрытія налога, но и оставитъ въ рукахъ крестьянъ известный излишекъ, то быть послѣднихъ, конечно, улучшится противъ прежняго. Если же уменьшеніе повинности только покроетъ налогъ, то быть крестьянъ только не ухудшится. Наконецъ, если доля, на которомъ уменьшена повинность, будетъ недостаточна для покрытія налога, то положеніе крестьянина должно стать стѣснительнѣе прежняго. Сдѣлать приближительный расчетъ отношенія, которое должно оказаться въ действительности между двумя означенными элементами, можетъ быть легко каждый. Издѣльная повинность уменьшена, положимъ, на $\frac{1}{3}$; остается, значитъ, взять въ расчетъ тѣ перемены, которыя произошли или будутъ произведены въ налогѣ. Тутъ слѣдуетъ прибавить къ прежнему налогу количество сбора на мировыя учрежденія, на общественное управленіе и, наконецъ, сдѣланное недавно новышеніе подушной подати на 25%. Вотъ и, смотря по тому, насколько увеличеніе налога достигнетъ $\frac{1}{3}$ его прежняго размѣра, или будетъ болѣе или менѣе $\frac{1}{3}$, окажется само собою, достаточно ли уменьшенія издѣльной повинности на $\frac{1}{3}$ для действительнаго облегченія крестьянина.

Что касается оброка, то онъ, какъ извѣстно, пониженъ гораздо менѣе чѣмъ на $\frac{1}{3}$, а для многихъ мѣстностей даже вовсе не пониженъ противъ прежняго; стало быть, въ этомъ отношеніи послѣдствія увеличенія въ послѣднее время налога могутъ быть еще опутительнѣе на положеніи крестьянъ. Такимъ путемъ легко можетъ выйти, что уменьшеніемъ повинности въ сущности воспользуется не крестьянинъ, а фискъ, и что уменьшеніе окажется въ сущности ни чѣмъ другимъ, какъ налогомъ на землевладѣльца въ пользу казны.

Мы не говоримъ, чтобы это всегда было такъ. Действительный результатъ, который получится изъ такого расчета, будетъ, конечно, различенъ по мѣстностямъ, сообразно количеству свободной ренты, которую давала земля. Но если справедливо, что въ значительнѣйшей части нѣбавъ рента и безъ того была запродала на десятины лѣтъ, что земля едва прокармливала крестьянъ и помещиковъ, а весь свободный доходъ уходилъ на уплату долговъ и налога, — то понятно, что черезъ прибавившіяся въ послѣднее время сборы тамъ, гдѣ рента и безъ того равнялась нулю, сборы эти могутъ только пасть на личный трудъ и заработки; тамъ же, гдѣ оставалась часть свободной ренты, они должны поглотить эту послѣднюю ея часть и, во всякомъ слу-

чѣ, сократить, во всѣхъ мѣстностяхъ и относительно всѣхъ земель, долю свободной ренты.

Такимъ образомъ высчитанная нами рента должна сократиться еще болѣе повсемѣстно, вслѣдствіе увеличившагося налога. Чѣмъ же становится, послѣ этого, оброкъ? Ясно, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оставалась свободная рента, онъ составитъ сложную формулу, изъ которой одна часть падетъ на ренту, другая на личный трудъ; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ рента и безъ того равняется полю, оброкъ падетъ цѣликомъ на личный трудъ. Въ такомъ случаѣ онъ можетъ выплачиваться сполна только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ промыслы, независимые отъ земледѣлія; гдѣ же ихъ нѣтъ, онъ просто не выплачивается, сколько ни дѣлай его обязательнымъ. Общества могутъ оказаться несостоятельными передъ помѣщиками, и крестьяне могутъ лишиться земли.

Въ этихъ видахъ министерство могло допустить обязательный оброкъ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы крестьянамъ были гарантированы заработки. Но можно было заранѣе сказать, что этой гарантіи землевладѣльцы представить не въ состояніи. Оно должно быть такъ, потому что о дальнѣйшихъ представленіяхъ на основаніи разъясненій министерства что-то не было слышно.

Вотъ это очень хорошо понимали крестьяне и не могли понять наши работавшіе за угломъ публицисты, полагавшіе достаточнымъ школы прилавка, чтобы обмѣрять подъ столомъ и народъ, и Положенія 19 февраля. Тутъ ужъ нельзя было никакимъ образомъ посоветовать молодежи: «поучиться у простыхъ, но честныхъ людей (рѣчь идетъ о мужикахъ) и повѣрить, что истиннаго чувства не слѣдуетъ убивать въ себѣ подпольными бреднями, что благоденствіе народа зависитъ не отъ пошлыхъ невыполнимыхъ утопій, но отъ точнаго приженія началъ законности» и т. д. — нельзя было, потому что сами понажи въ прокъ — передернули не въ руку, ни народу, ни законности.

Вопросъ объ обязательномъ оброкѣ и взгляды, выраженные по этому вопросу въ литературѣ, показываютъ, какъ сбивчивы еще въ обществѣ экономическія понятія, какъ смутно пониманіе сущности самыхъ Положеній и какъ все это вмѣстѣ, при первой возможности, готово было однимъ ложнымъ шагомъ повредить успѣху дѣла, если бы только обществу были развязаны руки.

Отказывая въ обязательномъ оброкѣ, министерство въ то же время сочло нужнымъ разъяснить помѣщикамъ, какія мѣры, кромѣ уже указанныхъ, имѣются въ виду для того, чтобы облегчить переходъ отъ обязательной издѣльной повинности къ оброку. Мѣры эти должны были заключаться, съ одной стороны, въ облегченіи помѣщикамъ

уплаты долговъ кредитнымъ установленіямъ; съ другой, въ открытіи средствъ частнаго кредита. Оно указывало на устройство поземельныхъ банковъ и ипотечной системы, а пока объясняло, что на разсмотрѣніи государственнаго совѣта находятся уже слѣдующія ближайшія мѣры: 1) Тѣмъ землевладѣльцамъ, которые не воспользовались позволеніемъ 9 августа 1860 г. пересрочить свои займы съ этого срока на 37 лѣтъ, съ платежемъ 5% интереса и 1% погашенія, разрѣшить пересрочить займы съ 1861 года. 2) Освобождать отъ залога земли, остающіяся въ непосредственномъ распоряженіи помѣщика, коль скоро банковый долгъ сдѣлается на извѣстное число % ниже выкупной оцѣнки надѣла, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ накопленія недоимки до 10% банковаго долга было приступаемо къ выкупу надѣла, какъ бы онъ совершался по требованію помѣщика. 3) Заложенные въ казну имѣнія предоставить закладывать вновь въ частныя руки съ сохраненіемъ за казною права первенства по удовлетворенію долга. 4) Въ погашеніе казеннаго долга позволить принимать въ казну выкупныя свидѣтельства, что должно уменьшить количество обращающихся бумагъ этого рода.

На вопросъ о земскихъ банкахъ помѣщики, конечно, мало разсчитывали. Комиссія, учрежденная по этому предмету еще въ 1859 году, разсуждала о частномъ кредитѣ; но мысль установить поземельный кредитъ въ формѣ частныхъ мѣстныхъ поземельныхъ банковъ у насъ, гдѣ никогда не существовало собственно частнаго кредита, и въ то время, когда $\frac{9}{10}$ имѣній заложена въ казну, которой оставляется первенство по взысканію долга, когда сами землевладѣльцы печатали во всеуслышаніе о запутанности своего положенія, эта мысль дѣйствительно была не совсѣмъ удачна.

Рѣшеніе крестьянскаго вопроса, при самомъ началѣ дѣла, находилось въ тѣсной зависимости отъ устройства поземельнаго кредита, но не частнаго, а казеннаго, что большая разница. Тотъ, кто не рѣшится повѣрить капиталовъ помѣщикамъ въ настоящую минуту, тотъ повѣритъ ихъ казнѣ и крестьянамъ. Все дѣло въ томъ, что кредитъ въ сущности принадлежитъ не одной только землѣ, не имуществу, а тому, что обезпечиваетъ возвратъ ссужаемаго и затрачиваемаго капитала, т. е. прежде всего труду, который одинъ можетъ вернуть осуду и, слѣдовательно, служить прочнымъ ея обезпеченіемъ. На дѣлѣ выходитъ какъ будто иначе; кредитомъ пользуется не трудящійся, не работникъ или крестьянинъ, а капиталистъ или землевладѣлецъ, но это только потому, что самый трудъ принадлежитъ не одному трудящемуся, но и землевладѣльцу или собственнику; отсюда устанавливается градація кредита, который возрастаетъ пропорціонально власти отдѣльнаго лица или установленія надъ трудомъ, т. е. пропорціонально той части

продукта, которую можетъ отдѣлить себѣ каждый въ свое личное распоряженіе. Государство, какъ наибольшая власть въ обществѣ, отъ котораго получаютъ свою силу и всѣ остальные власти, пользуется и наибольшимъ кредитомъ; затѣмъ есть лица вовсе не собственники, которые пользуются большимъ кредитомъ, чѣмъ собственникъ, но въ сущности кредитъ принадлежитъ все-таки труду, и это ощущается неминуемо всякій разъ, когда существующая власть надъ трудомъ колеблется. На этомъ основаніи помѣщики, утратившіе известную долю своего права на чужой трудъ, извѣстные своимъ недостаткомъ въ капиталахъ, посредствомъ которыхъ они могли бы замѣнить наймомъ утраченную долю обязательнаго труда, не могли не потерять кредита, какое бы право собственности они ни сохранили на земли, ибо земля сама по себѣ не есть достаточное обезпеченіе. Конечно, земля всегда можетъ быть обработана и въ случаѣ неуплаты всегда можетъ быть продана и куплена съ публичнаго торга; но кредиторъ вовсе не ищетъ этого блага; оно для него составляетъ лишь крайнее средство; прежде всего онъ ищетъ аккуратной уплаты процентовъ и ссуды, и потому всегда предпочтетъ эту уплату судебному взысканію. Тѣмъ болѣе это должно быть справедливо относительно помѣщичьихъ земель, уже заложенныхъ въ казну. Но если кредитъ утраченъ помѣщиками, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы онъ утратился совершенно. Пока остались трудолюбивыя руки въ обществѣ, до тѣхъ поръ осталась и гарантія, а слѣдовательно и кредитъ; словомъ, исчезнуть поземельный кредитъ не могъ: онъ долженъ былъ только перемѣститься, и перемѣститься именно на сторону крестьянъ или государства, смотря по тому, на сколько утраченная помѣщиками доля труда въ пользу крестьянъ перейдетъ путемъ налога къ казнѣ. Во всякомъ случаѣ нужно было, чтобы между послѣдними и капиталистами стало посредствующимъ лицомъ, пользующееся большимъ кредитомъ, а такимъ лицомъ ближе всего могла быть казна при существующихъ основаніяхъ государственнаго устройства. Послѣдняя же могла найти капиталы для устройства поземельнаго кредита, если не внутри имперіи, то вызвать ихъ извнѣ. Въ такомъ положеніи находился вопросъ поземельнаго кредита при началѣ крестьянскаго дѣла; въ томъ же самомъ положеніи находится онъ и теперь.

Итакъ, рассчитывать на земскіе банки въ томъ видѣ, въ какомъ о нихъ упоминали, помѣщики никакъ не могли; оставалось ждать тѣхъ ближайшихъ облегченій, которыя обѣщало правительство.

Между послѣдними наибольшій интересъ возбуждало обѣщаніе освободить отъ запрещенія помѣщичьи земли, коль скоро опекунскій долгъ станетъ на извѣстное число $\frac{00}{00}$ ниже выкупной оцѣнки дѣла. Здѣсь видимо весь вопросъ заключался въ томъ, на сколько

именно $\frac{00}{00}$ банковый долгъ долженъ будетъ стать ниже выкупной оцѣнки для освобожденія земель отъ запрещенія. Допустить простой переводъ долговъ на надѣль, мимо послѣдняго условія, было видимо невозможно. Въ такомъ случаѣ помѣщикъ, получая изъ опекунскихъ совѣтовъ отъ 80 до 50 руб. на душу, вслѣдствіе разрѣшенія оплачивать эту ссуду капитализированнымъ оброкомъ, сталъ бы переводить въ счетъ долга по 120 руб. на душу. По этому счету, получивъ изъ опекунскихъ совѣтовъ 60,000 руб. на 1000 д. крестьянъ, можно было покрыть надѣломъ на 500 душъ весь капитальный долгъ, на остальной надѣль взять ссуду и сохранить еще круглымъ счетомъ $\frac{2}{3}$ земель очищенными отъ долговъ, тогда какъ прежде все имѣніе состояло подъ запрещеніемъ. Казна, допуская такой расчетъ, видимо угрожала бы кредитъ, довольствовалась бы втрое меньшимъ обезпеченіемъ противъ прежняго за своихъ кредиторовъ и переводила бы на эту треть вдвое большую пропорцію долга. Но могла ли рента съ надѣла сама по себѣ обезпечить такого рода кредитную операцію? Изъ вышеприведенныхъ расчетовъ мы знаемъ уже, что нѣтъ, что сдѣлавъ это, казна очевидно открывала бы кредитъ личному труду и промысламъ. А между тѣмъ спрашивается: упали ли бы черезъ это въ курсѣ бумажныя цѣнности, замѣнившія билеты опекунскихъ совѣтовъ? Слѣдуетъ думать, что нѣтъ, что онѣ, чего добраго, даже могли бы повыситься; вотъ еще лишнее доказательство, что кредитъ въ настоящую минуту принадлежитъ скорѣе крестьянамъ, чѣмъ помѣщику, не землѣ и ея собственникамъ, а труду. И такъ, полагаете вы значить, мы считаемъ все-таки вышеозначенную мѣру въ послѣднемъ счетѣ возможною. Нѣтъ, мы считаемъ ее все-таки невозможною, но невозможность ея представляется намъ съ другой стороны.

Вся выгода такой операціи для крестьянъ состояла бы лишь въ томъ, что пользуясь шансомъ накопившейся за прежнее время недоимки до 10% банковаго долга, они избавились бы отъ одновременнаго взноса дополнительныхъ платежей сверхъ ссуды, и вмѣсто 9 руб. безсрочнаго оброка должны были бы погашать одну только ссуду уплатой въ теченіи 49 лѣтъ по 7 руб. 20 коп. съ души. Мы же считаемъ вообще несправедливымъ переводить на крестьянъ займы и обязательства, которыхъ они не заключали. Шесть мѣсяцевъ прошло прежде, чѣмъ разрѣшились въ этомъ отношеніи выжиданія помѣщиковъ—обѣщанныя льготы вышли въ половинѣ февраля 1862 г.

Государственный совѣтъ подтвердилъ пересрочку займовъ съ 1862 г., право перезалога въ частныя руки и приѣмъ выкупныхъ свидѣтельствъ по нарицательной цѣнѣ. Переводъ же долговъ на надѣль разрѣшилъ исключительно въ оброчныхъ имѣніяхъ, по которымъ составлены уставныя грамоты и при томъ съ слѣдующими двумя огра-

иченіями, а) чтобы переводимый долгъ былъ ниже расчитанной по положенію выкупной суммы по крайней мѣрѣ на 30%, и б) чтобы отведенный надѣлъ былъ не менѣе тѣхъ размѣровъ, какіе установлены въ положеніи о выкупѣ.

По этимъ правиламъ, стало быть, дозволялось ликвидировать опекунскій долгъ капитализированнымъ оброкомъ, зачитая если не рубль за рубль, то рубль оброка за 70 коп. долга, или 150 руб. душевой капитализации за 105 руб.; разница, которая оставалась за такимъ учетомъ, конечно, не пропадала для помѣщиковъ и уплачивалась имъ крестьянами въ видѣ оброка или выкупныхъ платежей. И такъ въ результатѣ все-таки признавалось, что долги, заключенные по 60 руб. на душу, при залогѣ всего имѣнія, могли быть гарантированы однимъ надѣломъ до 70% и переведены на крестьянъ по 45 руб. вмѣсто 60 или болѣе, смотря по количеству опекунской ссуды, полученной на душу. Если вспомнить, что земли въ распоряженіи помѣщика оставалось на $\frac{2}{3}$ болѣе, чѣмъ отводилось крестьянамъ, то нельзя не признать, что здѣсь цѣлая треть прежняго поземельнаго обезпеченія долговъ освобождалась отъ залога и замѣнялась личнымъ трудомъ и промысловыми заработками, на которые переносилась гарантія кредита, а между тѣмъ, мѣра эта не заставила понизиться нисколько курсъ соотвѣствующихъ бумажныхъ цѣнностей. Вотъ, кажется, лучшее подтвержденіе выраженной нами выше мысли, что въ настоящее время кредитъ принадлежитъ скорѣе крестьянамъ, чѣмъ помѣщикамъ, что трудъ можетъ быть при извѣстныхъ условіяхъ лучшей его гарантіей, чѣмъ земля и собственность. Такая мѣра, изданная незадолго до истеченія годоваго срока, назначеннаго для составленія уставныхъ грамотъ, должна была ускорить ходъ этого дѣла въ оброчныхъ имѣніяхъ; ею имѣлось въ виду также склонить помѣщиковъ издѣльныхъ имѣній къ уступкамъ для соглашенія крестьянъ къ переходу на оброкъ; но, кажется, вліяніе ея въ этомъ отношеніи было незначительно.

Съ одной стороны, добровольное пониженіе оброка казалось бы помѣщикамъ самымъ труднымъ и нерасчетливымъ дѣломъ; съ другой, помѣщики оброчныхъ имѣній жаловались на неточную уплату оброка по составленнымъ уже грамотамъ, и хотя оказывалось, что жалобы эти были не всегда основательны, но если взять въ расчетъ величину оброка въ сравненіи съ тѣмъ, что платили рядомъ за земли государственные крестьяне, то еще труднѣе предположить, чтобы помѣщики готовы были сдѣлать такіа уступки, которыя показались бы достаточно заманчивы крестьянамъ для перехода на оброкъ, въ то время, какъ изъ устъ въ уста переходило ироническое замѣчаніе, что лучше было бы освободить крестьянъ безъ земли, потому что теперь

земля оцѣнена втрое противъ ея продажной цѣны. Трудно было ждать соглашеній. Помѣщики естественно дорожили этой оцѣнкой, какъ правомъ, котораго не слѣдовало уступать даромъ. Однимъ изъ нихъ, не смотря на категорическое разъясненіе министерства, все еще мерещилась впереди возможность обязательнаго оброка. По крайней мѣрѣ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ появлялись статьи, въ которыхъ необходимость его доказывалась тѣмъ, что положеніе крестьянъ издѣльныхъ возбуждаетъ зависть крестьянъ оброчныхъ, а всѣмъ извѣстно, представлялъ одинъ авторъ, въ какой степени міръ ненавидитъ всякую привилегію, всякое неравенство въ своей средѣ. Итакъ, положеніе издѣльныхъ крестьянъ оказывалось уже теперь привилегіей. Забудьте, какая строгая послѣдовательность: выше, когда дѣло шло объ оброкѣ, онъ составлялъ по своей умѣренности чистѣйшую земельную ренту; а теперь оказывается, что этотъ оброкъ тяжелѣе барщины, и потому нужно сдѣлать его обязательнымъ, чтобы барщина не возбуждала зависти въ оброчникахъ.

Несравненно выгоднѣе уступокъ въ оброкѣ было воспользоваться возможностью уступить крестьянамъ $\frac{1}{4}$ надѣла и раздѣлаться съ ними навсегда. За это и взялись тамъ, гдѣ оно было возможно, гдѣ крестьяне, стѣсняемые, съ одной стороны, ожиданіемъ постоянныхъ пререканій среди издѣльнаго положенія, съ другой, страхомъ обязательнаго оброка, согласны были принять такую сдѣлку. Помѣщики пожалуй были бы и согласны на это во многихъ мѣстахъ, но опять допустить это такъ просто, какъ слѣдовало по положенію 19 февраля, было также не въ программѣ.

Казанское дворянство, напримѣръ, представляло правительству въ январѣ 1862 г. что стремленіе крестьянъ къ приобрѣтенію въ даръ $\frac{1}{4}$ надѣла составляетъ общее явленіе въ губерніи. Между тѣмъ отсутствіе кредита и долги, лежащіе на имѣніяхъ, поставляютъ многихъ помѣщиковъ въ невозможность подарить крестьянамъ указную $\frac{1}{4}$ надѣла, а отказъ этотъ возбуждаетъ еще болѣе и безъ того не совѣмъ миролюбивыя отношенія. Поэтому дворянство просило, не признаетъ ли правительство возможнымъ за необязательное отчужденіе отъ имѣній самой дорогой части надѣла предоставить помѣщикамъ какія либо льготы по уплатѣ долговъ кредитнымъ установленіямъ, или открыть временный кредитъ для устройства хозяйства на новыхъ началахъ. Выражалась опредѣленнѣе, землевладѣльцы хотѣли, уступая $\frac{1}{4}$ надѣла, сложить на нее вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстную часть долга, т. е. сократить надѣлъ до $\frac{1}{4}$ и взять съ него слѣдующую повинность.

Но эти расчеты были еще несбыточнѣе обязательнаго оброка.

Не рѣшившись ни на какія уступки, не заботясь о соглашеніяхъ и сокращенныхъ путяхъ, нѣкоторые повели дѣло чисто издѣльнымъ

порядкомъ, стараясь при этомъ искать средствъ къ огражденію себя отъ потерь въ самыхъ положеніяхъ. Здѣсь дѣло снова переполнилось тѣми мелкими непониманіями и сомнѣніями, которыя вырастали на каждомъ шагѣ и въ первое время дѣятельности мировыхъ учрежденій.

Сомнѣнія эти были въ родѣ слѣдующихъ: нѣкоторые пробовали брать пояснительный примѣръ изъ Положенія и, на основаніи его, устанавливать общее правило, принимая условныя цифры примѣра за законныя нормы, не смотря на всю очевидную несообразность такого приѣма со смысломъ основной статьи. Такъ наримѣръ, въ Положеніи постановлено, что изъ поемныхъ луговъ безъ согласія крестьянъ можетъ быть отрѣзана только часть, соразмѣрная общей долѣ подлежащихъ отрѣзкѣ угодій, и пояснено примѣромъ, что если поемные луга составляютъ $\frac{1}{10}$ часть надѣла, то при отрѣзкѣ 150 десятинъ можетъ быть отрѣзано не болѣе 15 десятинъ луга. Тамбовскіе помѣщики пошли это такъ, что сколько бы ни было луговъ, они должны непремѣнно составить $\frac{1}{10}$ часть надѣла и что затѣмъ помѣщикъ можетъ урѣзать до $\frac{1}{10}$, сколько ему заблагоразсудится.

Далѣе положеніями предоставлено крестьянамъ удерживать въ своемъ пользованіи въ теченіи пяти лѣтъ землю и покосы, подлежащіе отрѣзкѣ за добавочную повинность. Нѣкоторые Пензенскіе помѣщики сомнѣвались, не значитъ ли это, что крестьяне, во что бы то ни стало, должны были удержать за собой отрѣзки, и притомъ не менѣе какъ на пять лѣтъ, если не пожелаютъ отказаться отъ нихъ при составленіи грамотъ. Они опирали свои соображенія на томъ, что цѣна, полагаемая за эту землю, ниже мѣстной наемной платы, а потому ее можно разсматривать не иначе, какъ среднюю цѣну, установленную на все пятилѣтіе.

Далѣе оказывалось, что въ счетъ надѣла пробовали включать неудобныя земли или требовали перенесенія усадебъ, примѣняя разстояніе, положенное для крестьянскихъ усадебъ, отъ экономическихъ строеній къ помѣщичьимъ садамъ или огородамъ.

Въ числѣ возбужденныхъ притязаній были наконецъ, и такія, которыя доходили до министерства: таково было почти общее стремленіе къ немедленному разверстанію.

Оно было такъ сильно, что министерство, отказавъ въ немъ разъ и признавъ его противузаконнымъ въ отношеніи крестьянъ, внесло этотъ вопросъ въ главный комитетъ. Главный комитетъ весной 1862 г. разрѣшилъ помѣщикамъ прибавлять къ уставнымъ грамотамъ, составляемымъ безъ добровольныхъ соглашеній, въ видѣ особаго приложенія, и свои проекты обязательнаго разверстанія, съ тѣмъ, чтобы это не останавливало утвержденія уставныхъ грамотъ и чтобы развер-

ставіе, въ случаѣ его утвержденія, было приведено въ дѣйствіе не равнѣ, какъ черезъ два года послѣ утвержденія положеній. Только въ случаѣ разсмотрѣнія, утвержденія и приведенія въ исполненіе требованія помѣщиковъ о выкупѣ должно было быть разсматриваемо, утверждаемо и приводимо въ дѣйствіе принудительное разверстаніе.

Совершаемыя среди такихъ сомнѣній грамоты опять породили безпорядки и стали вызывать военную силу.

Обыкновеннымъ явленіемъ было то, что крестьяне отказывались прикладывать руку къ грамотамъ, видя въ нихъ акты, которыми устанавливались ихъ отношенія къ землевладѣльцу по нѣкоторымъ статьямъ окончательно, по другимъ на долгіе сроки.

Главный комитетъ въ августѣ издалъ правила о томъ, какъ поступать въ случаѣ такихъ отказовъ.

Въ случаѣ уклоненія крестьянъ отъ составленія приговора объ избраніи уполномоченныхъ для выслушанія грамоты, участія въ повѣркѣ ея и подписанія о томъ акта, посреднику разрѣшено приступать къ повѣркѣ грамоты, посредствомъ опроса крестьянъ и добросовѣстныхъ изъ сосѣднихъ селеній, въ присутствіи схода. Въ случаѣ отказа добросовѣстныхъ въ подписаніи акта о повѣркѣ грамоты, посреднику предписано представлять грамоту въ мировой сѣздъ, который затѣмъ вызываетъ къ себѣ добросовѣстныхъ, а если они и здѣсь еще откажутся отъ подписанія, то распоряжается наложеніемъ на нихъ взысканія по положенію и о введеніи въ дѣйствіе уставной грамоты, буде она не подлежитъ утвержденію губернскаго присутствія. Если крестьяне отказываются отъ принятія копій съ грамоты, то надлежитъ прочитывать ее на полномъ сходѣ и требовать непремѣннаго ея исполненія, а затѣмъ хранить эту копию у посредника или въ волостномъ правленіи до востребованія ея крестьянами.

Въ параллель къ этому министерство въ то же время разослало губернскимъ присутствіямъ циркуляръ о составленіи грамотъ въ имѣніяхъ, по коимъ онѣ не будутъ представлены въ срокъ самими владѣльцами. Здѣсь устанавливалась собственно очередь имѣній, въ которой слѣдовало приступать къ составленію уставныхъ грамотъ: впереди всего были поставлены имѣнія, гдѣ введеніе окончательнаго поземельнаго устройства окажется необходимымъ для прекращенія волненій; затѣмъ тѣ имѣнія, гдѣ по отсутствію или другимъ причинамъ нельзя ожидать непосредственнаго участія владѣльца въ составленіи грамоты и затѣмъ уже прочія.

Такимъ образомъ правительство ревностно заботилось, чтобы грамоты были окончены въ указанное время.

Помѣщикамъ также, казалось, были развязаны руки: тамъ, гдѣ они не могли достигнуть свободныхъ соглашеній, имъ оставалось со-

ставлять грамоты по положенію и отсѣмать посреднику, который также могъ давать имъ законный ходъ, независимо отъ подписи крестьянъ.

Между тѣмъ число грамотъ, хотя и росло все болѣе и болѣе, однакоже было еще весьма далеко отъ своей настоящей цифры. Въ мартѣ 1862 г., т. е. по окончаніи годоваго срока, представлено было всего 9,187 грамотъ, что не составляло и $\frac{1}{10}$ общаго числа ихъ.

Въ теченіи лѣта число грамотъ стало значительно увеличиваться, такъ что въ прошломъ августѣ министерство печатало уже слѣдующія статистическія данныя.

Общее число грамотъ возросло до	57,395.
изъ нихъ введено	27,278.
не утверждено	30,017.
въ томъ числѣ съ прекращеніемъ обязательныхъ отношеній.	2,385.

Такимъ образомъ, общее число представленныхъ грамотъ достигало, по видимому, половины ихъ надлежащаго числа. Но, при подробнѣйшемъ разсмотрѣніи тѣхъ же свѣдѣній, оказывалось, что этимъ числомъ грамотъ опредѣлялись поземельныя отношенія не болѣе какъ $\frac{1}{5}$ части общаго числа бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Наличныя грамоты распространялись всего на 2,797,550 душъ, что, въ отношеніи къ 10,158,546 душамъ бывшихъ крѣпостныхъ людей, составляло всего 27,53%.

Далѣе, вглядываясь въ сообщаемыя тутъ же свѣдѣнія о числѣ грамотъ по губерніямъ, можно было замѣтить значительную разницу въ распредѣленіи числа грамотъ по мѣстностямъ. Съ самаго начала въ этомъ распредѣленіи можно было усмотрѣть извѣстный порядокъ, который мы и указали выше: впереди шли великорусскія промышленныя губерніи, зади всѣхъ издѣльныя западныя и югозападныя. Теперь губерніи различныхъ мѣстностей совершенно перемѣнились: впереди явились губерніи запаздывавшія, напр. Подольская; передовыя вывошли почти на задній планъ, напр. Московская. Ясно, что въ силу какихъ либо причинъ, тамъ, гдѣ уставныя грамоты пошли сначала быстрѣе, онѣ приостановились. Постараемся узнать эти причины.

Обращаясь къ дальнѣйшимъ подробностямъ, мы узнаемъ, что изъ числа введенныхъ грамотъ:

подписано крестьянами	14,122.
не подписано	13,256.
по роду повинностей число грамотъ слѣдующее:	
оброчныхъ	14,449.
издѣльныхъ	10,478.
сигъшанныхъ	66.

выкупныхъ съ содѣйствіемъ правительства	1,871.
безъ содѣйствія	514.

Что же выводится изъ этихъ цифръ?

Число грамотъ подписанныхъ было значительнѣе не подписанныхъ, число оброчныхъ больше числа издѣльныхъ, — значило ли это, какъ многіе думали, что число добровольныхъ соглашеній должно быть вообще больше числа несогласій, или что число крестьянъ согласныхъ перейти на оброкъ болѣе числа несогласныхъ? Напротивъ, приведенные факты доказывали совершенно противное, именно, что грамоты составились и составляются преимущественно по тѣмъ имѣніямъ, гдѣ соглашенія были возможны, гдѣ крестьяне были и безъ того уже на оброкѣ или вслѣдствіе какихъ либо уступокъ пришли къ соглашенію; затѣмъ оставалось почти 8,000,000 крестьянъ, для которыхъ грамоты могли быть составлены до того времени только помимо ихъ согласія на издѣльномъ основаніи.

Между тѣмъ землевладѣльцы почти единодушно признали для себя выгоднымъ издѣльное начало, и потому естественно, что они и теперь еще медлили представленіемъ грамотъ. Такимъ только образомъ объясняется и приостановка грамотъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ сначала грамоты составлялись всего успѣшнѣе.

Чего же ждали землевладѣльцы?

Выше мы видѣли, что они ждали обязательнаго оброка, потомъ рассчитывали на уступку $\frac{1}{4}$ надѣла съ переводомъ на эту часть казеннаго долга. Къ этимъ выходамъ присоединился наконецъ третій.

Въ началѣ января помѣщики одной сѣверной губерніи объяснили, что землевладѣльцы и крестьяне видятъ одинъ исходъ изъ труднаго для обѣихъ сторонъ положенія — это выкупъ, но что выкупъ опять затрудняется предварительнымъ взносомъ той части выкупной суммы, на которую не распространяется ссуда. Взносъ этотъ составляетъ 30 р. на душу и не по силамъ крестьянамъ; помѣщики также не считаютъ возможнымъ отъ него отказаться. Они просили, поэтому, чтобы правительство приняло на себя выдачу ссуды на всю выкупную сумму, а предварительные платежи разсрочило бы на крестьянъ.

Того же приблизительно ждали теперь и всѣ землевладѣльцы; выкупъ сталъ послѣднимъ лозунгомъ, къ которому пришли понятія. Потерявъ надежду оставить все по прежнему, потомъ устроиться съ барщиной, они перешли къ обязательному оброку и уступкѣ $\frac{1}{4}$ надѣла, и наконецъ завершили обязательнымъ выкупомъ.

По этому поводу, минувшей весной, правительство еще разъ возвращалось къ вопросу объ обязательномъ оброкѣ и признало его окончательно неудобнымъ, превышающимъ способы крестьянъ и на-

снвыя цѣны на земли для большинства мѣстностей, къ которымъ принадлежатъ по преимуществу всѣ многоземельные уѣзды не черноземной, черноземной и степной полосѣ. Оно было и трудно сдѣлать иначе, какъ скоро поземельная плата живущихъ рядомъ государственныхъ крестьянъ, при всей умѣренности ея, колебалась, какъ извѣстно, отъ 1 р. до 3 р. съ души, носить все-таки названіе оброчной подати. Соображая такія условія, сдѣлать обязательнымъ оброкъ было трудно иначе, какъ уменьшивъ его размѣры. Если же эта сбавка была бы сдѣлана примѣрно на 20% или 25%, то оброкъ сравнялся бы съ размѣромъ годовыхъ взносовъ при выкупѣ и отличался бы отъ послѣднихъ только своей безсрочностью. Поэтому вѣроятно, правительство и предпочло остановиться на обязательномъ выкупѣ.

Правилами, изданными по этому предмету въ прошломъ юнѣ, было постановлено:

1) Распространить на издѣльныхъ крестьянъ въ губерніяхъ великороссійскихъ, малороссійскихъ и бѣлорусскихъ, кромѣ инфлянскихъ уѣздовъ, содѣйствіе правительства по выкупу съ слѣдующими дополненіями и измѣненіями: а) когда выкупъ производится по требованію помѣщика, то мировой посредникъ входитъ въ обсужденіе состоятельности крестьянъ по взносу выкупныхъ платежей и въ случаѣ сомнѣнія, представляетъ о томъ черезъ мировой съѣздъ губернскому присутствію; б) въ мѣстностяхъ многоземельныхъ какъ-то: 7, 8 и 9 нечерноземной полосы, 7 и 8 черноземной, во всей степной полосѣ великороссійскихъ губерній и въ 4, 5, 6 и 7 мѣстностяхъ губерній новороссійскихъ, помѣщикъ вмѣстѣ съ требованіемъ о выкупѣ предоставляетъ крестьянамъ право, вмѣсто выкупа, получить въ даръ $\frac{1}{4}$ надѣла высшаго или указнаго безвозмездно.

2) Причитающаяся ссуда исчисляется на основаніи Положенія о выкупѣ; изъ нея прежде всего вычитается долгъ кредитнымъ установленіямъ, согласно 69 ст. Положенія, затѣмъ часть выдается помѣщику 5% билетами 2-го выпуска, на остальную же часть, вмѣсто выкупныхъ свидѣтельствъ назначается помѣщику впредъ до погашенія непрерывный доходъ въ размѣрѣ $5\frac{1}{2}$ %. Правительство предоставило себѣ право, до истеченія 10 лѣтъ, объявить о способѣ и порядкѣ погашенія той части ссуды, которая обращается въ непрерывный доходъ.

Изложенныя правила распространяются и на тѣ имѣнія, гдѣ издѣльная повинность будетъ замѣнена оброкомъ, послѣ изданія настоящихъ постановленій.

Таковы были правила объ обязательномъ выкупѣ, которыми разрѣшились послѣднія надежды нѣкоторыхъ воспользоваться высокой оцѣнкой земли по нормамъ указнаго оброка.

О переводѣ казенныхъ долговъ на $\frac{1}{4}$ надѣла нечего было и думать; выкупная ссуда не распространена на всю выкупную сумму ограничена по Положенію; наконецъ, и эта ссуда поставлена въ зависимость:

1) Отъ состоятельности способовъ къ ея уплатѣ, что предоставлено рѣшать мировымъ учрежденіямъ.

2) Въ многоземельныхъ мѣстностяхъ отъ благоусмотрѣнія крестьянъ, которые могутъ предпочесть выкупнымъ платежамъ даровую $\frac{1}{4}$ надѣла.

Такъ какъ настоящія правила должны были вступить въ силу только спустя шесть мѣсяцевъ послѣ ихъ изданія, то мы не можемъ привести никакихъ статистическихъ данныхъ, по которымъ можно было бы судить о томъ, на сколько правила эти подвинули дѣло выкупа.

Пока же число выкупныхъ сдѣлокъ оставалось очень ограничено.

Въ маѣ, главное выкупное учрежденіе сообщило слѣдующія данныя:

Всѣхъ выкупныхъ сдѣлокъ было внесено	689
онѣ простирались на	74,859 д.

Къ десяти слишкомъ миллионамъ это число относится приблизительно какъ $7\frac{1}{2}$ къ 1,000. Въ концѣ іюля, по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, общее число сдѣлокъ было 749
изъ нихъ утверждено 545
къ которымъ приступило 70,570 душ.
выкупающихъ 243,270 $\frac{1}{2}$ д.

По 27 ноября всѣхъ сдѣлокъ заключено:

Съ содѣйствіемъ правительства	2,020
Изъ нихъ утверждено	1,309
распространяются онѣ на	163,151 д.
выкупающихъ	565,479 дес.
Безъ содѣйствія	1,133
распространяются онѣ на	237,675 душ.

По этимъ даннымъ душевой участокъ (около $3\frac{1}{2}$ дес.)

долженъ стоить	106 р.
банковаго долга на немъ	53
выкупныхъ бумагъ	53
стоимость десятинъ	30

И такъ, процентъ выкупныхъ сдѣлокъ остается по настоящее время очень ничтоженъ. На сколько онъ возрастетъ при помощи новыхъ правилъ, это покажетъ, конечно, время; но и теперь уже можно отчасти предположить, что дѣло не обойдется вовсе безъ затрудненій.

Затрудненія эти, очевидно, могутъ представиться въ двухъ статьяхъ: въ состоятельности крестьянъ къ уплатѣ выкупныхъ $\frac{00}{100}$, и въ опасеніяхъ помѣщиковъ, что крестьяне многоземельныхъ мѣстностей воспользуются скорѣе правомъ взять даромъ $\frac{1}{4}$ надѣла.

Что касается состоятельности крестьянъ, то опредѣлить ее въ отношеніи къ выкупнымъ платежамъ не трудно. Одно уже то, что правительство сочло нужнымъ имѣть въ каждомъ данномъ случаѣ удостовѣреніе въ томъ мировыхъ учреждений, показывающее, что состоятельность эта не можетъ считаться общою.

У насъ есть уже готовые расчеты приблизительной ренты, приведенные по поводу оброка; остается, значить, сравнить эти расчеты съ нормами выкупныхъ платежей, точно такъ же, какъ мы сравнивали ихъ выше съ оброкомъ, т. е. вмѣсто 9 р. взять за единицу сравненія 7 р. 50 к. и затѣмъ примѣнить сюда все, что было сказано объ уменьшеніи высчитанной ренты прибавившимися налогами и сборами на управленіе. Сдѣлавъ это, мы легко поймемъ, что во всѣхъ надѣльныхъ имѣніяхъ, гдѣ средства крестьянъ почти исключительно ограничиваются поземельнымъ доходомъ, крестьянамъ не останется другого выбора, какъ взять $\frac{1}{4}$ надѣла, и что другой исходъ составить только исключеніе.

Если помѣщики не нашли возможности гарантировать крестьянамъ заработки для перевода ихъ на оброкъ, если крестьяне не нашли прежде возможнымъ рассчитывать на заработки достаточные для какихъ либо соглашеній насчетъ оброка, даже въ уменьшенномъ размѣрѣ, если, наконецъ, рента съ земель и, слѣдовательно, наемная цѣна десятины ниже выкупныхъ платежей, то трудно ожидать помѣщикамъ другого выбора со стороны крестьянъ. Достаточно взглянуть на среднюю стоимость десятины, высчитанную министерствомъ по совершеннымъ уже выкупнымъ сдѣлкамъ, и припомнить цѣны на земли, существующія въ дѣйствительности, чтобы понять, что выкупныя сдѣлки могутъ состояться только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ мѣстностяхъ. Стоимость десятины по этому расчету равняется 31 руб. Гдѣ же можетъ быть благоразумно приобретать землю по этой цѣнѣ? Весьма естественно, что крестьянинъ предпочтетъ удержать даромъ $\frac{1}{4}$ часть надѣла, имѣя въ виду нанять ту же землю гораздо дешевле у того же помѣщика по вольной цѣнѣ.

Затѣмъ, уставнымъ грамотамъ остается одинъ порядокъ для совершенія—это надѣльный, и этимъ порядкомъ, вѣроятно, будетъ совершена значительнѣйшая доля еще остающихся грамотъ.

Но надѣльный порядокъ, какъ извѣстно, одинаково невыгоденъ для обѣихъ сторонъ. Помѣщики утверждаютъ, что онъ сопряженъ для нихъ съ значительными потерями; для крестьянъ онъ стоитъ

также необыкновенно дорого. Такъ, если разсчитать, по оцѣнкѣ ра-
бочихъ дней, принятыхъ хотя, напримѣръ, саратовскимъ губернскимъ
присутствіемъ, стоимость душевой барщины, (полагая:

лѣтніе дни: мужской	50 коп.
женскій	25 »
и зимніе — мужской	40 »
женскій	20 »)
то съ полнаго душеваго надѣла въ 40 мужскихъ дней придется:	
лѣтнихъ мужскихъ 24 дня	9 руб.
женскихъ 6 »	1 » 50 коп.
зимнихъ мужскихъ 16 »	6 » 40 »
женскихъ 4 »	» » 80 »

Итого 17 » 70 »

Сумма эта, говорятъ, вдвое больше оброка и потому, конечно, об-
року выгоды для крестьянина. Да кто же спорить противъ этого?
Сумма дѣйствительно больше и, пожалуй, выгоды, но только для
того, у кого есть деньги. Понятно, что, кромѣ выгоды, нужно имѣть
возможность воспользоваться выгодой. Можетъ быть, и очень выгод-
но, напримѣръ, кому нибудь скупить въ настоящую минуту всѣ по-
мѣщичьи имѣнія; отчего же онъ ихъ не скупаесть? Конечно, если бы
помѣщики согласились на основаніи такой оцѣнки гарантировать
крестьянамъ заработка, то крестьянинъ могъ бы отработать оброкъ
половиною указанныхъ дней и предпочелъ бы этотъ видъ издѣлья
обыкновенному, или, что то же самое, если бы на мѣстѣ всегда была
работа по приведенной цѣнѣ, прямо бы пошелъ на оброкъ; но такъ
какъ все дѣло въ томъ, что этой работы не существуетъ, и помѣщики
не въ состояніи ее гарантировать, что крестьянинъ же имѣетъ средствъ
добыть тѣ деньги, которыя необходимы для уплаты оброка, а можетъ
платить только руками, то весьма естественно, что онъ станетъ пла-
тить руками, хотя бы и въ тридорога.

Скажемъ болѣе: мало того, что барщина должна обходиться кре-
стьянину дороже по оцѣнкѣ; она сопряжена для него еще съ боль-
шими невыгодами. Онъ не можетъ располагать своимъ временемъ,
связанъ по ст. 251 Мѣст. Вол. Пол. относительно отлучекъ въ зара-
ботки, связанъ еще болѣе по ст. 253, въ силу которой неотработан-
ные въ трехдневный срокъ прогульные дни обращаются въ денежную
недолжку. Эта-то недолжка разсчитывается по приведеннымъ выше
цѣнамъ, и для нея-то специально онъ припороченъ. За недолжкою
же слѣдуетъ продажа имущества, отдача въ работу, смѣна должност-
ныхъ лицъ и внимательство въ общественное управленіе, невыдача
всему обществу паспортовъ, отобраніе земли на три года и т. д. И

вогъ, не смотря на всѣ эти невыгоды, крестьянинъ предпочитаетъ все-таки издѣлье.

Возьмемъ послѣднія свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ объ уставныхъ грамотахъ, и мы увидимъ, что большинство грамотъ составляется все-таки издѣльнымъ порядкомъ.

По 12 марта составлено всего грамотъ	103,893
введено	97,539

Послѣднія распространяются на 8,861,748 душъ, что составляетъ 88.67% общаго числа душъ въ имѣнiяхъ не мелкопомѣстныхъ, т. е. свыше 20 душъ (9,993,023).

Изъ числа введенныхъ въ дѣйствiе подпи- само крестьянами	44,498
число душъ крестьянъ	3,433,356
не подписано	45,825
число душъ крестьянъ	4,681,844

Изъ числа введенныхъ въ дѣйствiе оброч- ныхъ	48,796
число крестьянъ	3,780,511
на издѣльи	31,771
число крестьянъ	3,111,877

Итакъ, крестьянинъ не можетъ принять на себя оброка, потому что не имѣетъ средствъ его уплачивать, не можетъ идти на выкупъ, потому что выкупа добровольнаго онъ также принять не можетъ, а обязательнаго ему не предлагаютъ. Остается барщина, съ которой онъ находится въ подукрѣпостномъ положенiи и при которой надъ его головою виситъ, какъ дамокловъ мечъ, оцѣнка рабочихъ дней, произведенная губернскими присутствiями на случай недоимокъ.

Въ этихъ немногихъ словахъ заключается все положенiе вопроса въ настоящую минуту.

Итакъ, конечно, доказывать, что такимъ положенiемъ вещей трудно довольствоваться. Въ то время, какъ обстоятельства сложили такую удобную точку опоры, какъ взаимное подовольство издѣльемъ, непростительно было бы не воспользоваться ею, чтобы двинуть дѣло къ выкупу. Выкупъ же, какъ мы видѣли, завязъ въ слишкомъ высокой оцѣнкѣ земель.

Итакъ, нужно искать средствъ, какъ его высвободить. Средства къ улучшенiю дѣла видимо могутъ заключаться лишь въ устраненiи, съ одной стороны, тѣхъ условiй, которыя задерживаютъ самый выкупъ, съ другой, въ обезпеченiи помѣщиковъ, на счетъ которыхъ только и могутъ быть устранены эти условiя.

Что касается послѣднихъ, то единственное возможное обезпеченiе владѣльцевъ, какъ мы уже указали, заключается въ устройствѣ кредита.

Кредитъ же, какъ по самой сущности своей, такъ и вслѣдствіе того положенія, въ которомъ находятся теперь землевладѣльцы, можетъ принадлежать лишь государству и труду. Открыть его, стало быть, могутъ помѣщикамъ лишь крестьяне и государство. Одно лишь учрежденіе общаго государственнаго крестьянскаго банка можетъ привлечь къ себѣ достаточное количество частныхъ вкладовъ для снабженія помѣщиковъ необходимыми ссудами и выполненія столь значительной операціи. Въ министерствѣ государственныхъ имуществъ находится на лицо готовая и при томъ не малая часть основнаго капитала для такого предпріятія. Часть эта составляетъ чистую собственность крестьянъ и можетъ быть или выдана въ руки обществамъ при предстоящемъ устройствѣ быта государственныхъ крестьянъ на новыхъ основаніяхъ, или употреблена на чисто крестьянскія же пользы. Наконецъ, основный капиталъ для подобнаго учрежденія можетъ быть образованъ частью черезъ единовременное отчисленіе известной доли изъ выкупныхъ платежей. Мѣра эта, будучи въ сущности прямымъ сборомъ съ крестьянъ, не увеличитъ нисколько настоящаго количества этихъ сборовъ, потому что будетъ взята лишь въ виду тѣхъ измѣненій въ капитализаціи выкупа, которыя мы предложимъ ниже, и, наконецъ, будетъ взята единовременно. Будучи чисто крестьянскимъ учрежденіемъ, и слѣдовательно, обращая всѣ свои выгоды въ пользу крестьянъ, банкъ этого только рода будетъ имѣть возможность воспользоваться, къ выгодѣ крестьянъ, шансами денежнаго рынка для погашенія выкупныхъ свидѣтельствъ. Такимъ только образомъ предотвратится неизбежное иначе зло сосредоточенія въ третьихъ рукахъ выкупныхъ бумагъ, скупленныхъ по умаленной цѣнѣ аскристами, вслѣдствіе чего выкупъ, отягощая крестьянъ платежами, которые не достанутся помѣщикамъ, послужитъ лишь къ выгодѣ спекуляторовъ и станетъ просто налогомъ въ пользу биржи.

Впрочемъ, полагаемъ, что такъ или иначе, а вопросъ о поземельномъ кредитѣ не избѣжитъ предлагаемой нами государственной системы, если только кредитъ этотъ устроится на прочныхъ основаніяхъ. Мы готовы допустить даже, что частные поземельные банки устроятся, и все-таки на насъ находить сильное сомнѣніе, не постигнетъ ли ихъ судьба нашихъ прочихъ частныхъ предпріятій — судьба частныхъ акціонерныхъ компаній, даже гарантированныхъ правительствомъ. Можетъ быть, мы и ошибаемся; но если нѣтъ, тогда что? Тогда еще новое раззореніе, новый фейерверкъ изъ спокойствія сотенъ и тысячъ семействъ, въ честь науки кровныхъ экономистовъ, какъ ихъ называютъ одни, и кровныхъ лавочниковъ по другому варианту.

Не слишкомъ ли ужь много, — даже если бь это была въ самомъ дѣлѣ наука.

Но вопросъ о кредитѣ есть во всякомъ случаѣ вопросъ о мѣрахъ вспомогательныхъ, сущность дѣла все-таки въ томъ, что называется обыкновенно выкупомъ и что мы вѣрнѣе бы назвали прямымъ вознагражденіемъ помѣщиковъ крестьянами за такъ называемыя потери.

Переходя затѣмъ къ вопросу о выкупѣ, намъ естественно предстоитъ остановиться на мысли объ установленіи оцѣночныхъ капитализацій на случай обязательнаго выкупа.

Здѣсь мы вопросимъ обратить вниманіе на слѣдующія соображенія.

Выкупъ съ его оцѣнками, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ установленъ въ Положеніяхъ, былъ установленъ, какъ мы объяснили выше, чисто условно, т. е. такъ, чтобы крестьяне не имѣли возможности приступить къ нему сразу и оставить безъ рукъ помѣщика. На этомъ основаніи, съ другой стороны, онъ и не былъ сдѣланъ обязательнымъ для крестьянъ. Опытъ не оправдалъ тѣхъ опасеній, которыя выѣли въ виду; выкуна стали требовать не крестьяне, а помѣщики, и этимъ измѣнились въ корнѣ тѣ условія, на которыхъ была допущена первоначальная система. Совершенно такъ поняло дѣло и правительство, издавая новыя правила объ обязательномъ выкупѣ.

Вглядываясь теперь въ измѣненія, которыя должны были произойти въ самой системѣ оцѣнокъ, вслѣдствіе такой перестановки вопроса. Прежнія оцѣнки были произведены на основаніи нормъ оброка, возвышенныхъ сознательно, отчасти въ виду того же предохраненія помѣщиковъ отъ быстрой потери барщины, отчасти въ томъ расчетѣ, что онѣ устанавливались на 20 лѣтъ, и потому въ средней сложности могли ближе, чѣмъ теперь, подойти къ рентѣ, которая, какъ предполагалось, должна возрасти въ теченіи этого срока.

Понятно, что такія нормы не могли служить основаніемъ и въ ту пору для выкупныхъ оцѣнокъ въ строго хозяйственномъ смыслѣ; ибо если мы даже допустимъ, что со всякимъ наймомъ, заключаемымъ на долгіе сроки, сопряжено возвышеніе наемной цѣны противъ цѣны существующихъ во время заключенія договора, въ расчетѣ на постоянное возрастаніе ренты; если можетъ быть выгодно заключать долгосрочные наймы по возвышенной цѣнѣ, — то при покупкѣ и продажѣ земли цѣнность ея опредѣляется, конечно, не по капитализаціи фактивныхъ предѣловъ, до которыхъ можетъ возрасти доходъ съ земли когда нибудь, а на основаніи дохода, который она даетъ, или наемной цѣны, существующей въ данную минуту.

Поэтому, если означенныя нормы оброка и были приняты перво-

начально Положеніями въ основаніе выкупной капитализаціи, то это опять могло быть сдѣлано лишь въ тѣхъ видахъ, что самый выкупъ наступитъ не такъ скоро, не ранѣе, чѣмъ самыя нормы оброковъ пойдутъ къ наемной цѣнѣ или рентѣ. Тутъ была послѣдовательность.

Теперь помѣщики просили объ обязательномъ выкупѣ ранѣе двухъ лѣтъ, и понятно, что правительство могло допустить его только по измѣненнымъ оцѣнкамъ.

Какъ же слѣдовало измѣнить оцѣнки?

Слѣдовало, естественно, понизить оброчныя платежи до предѣловъ существующей ренты и разсчитать капитализацію по этимъ пониженнымъ нормамъ. Разсуждая объ обязательномъ оброкѣ, правительство признавало возможнымъ понизить его на 25%. И это пониженіе было бы опять чисто условное или итѣтъ, смотря потому, на сколько оно было бы достаточно для того, чтобы приблизить оброкъ къ рентѣ; но, во всякомъ случаѣ, принявъ за основаніе такое положеніе, по правиламъ хозяйственныхъ разсчетовъ для опредѣленія выкупныхъ оцѣнокъ, слѣдовало капитализировать послѣднія изъ пониженнаго на означенное число процентовъ нормъ оброка.

Допуская обязательный выкупъ, правительство сохранило, однако, прежнюю капитализацію; помѣщики должны лишиться при этомъ дополнительныхъ платежей, но это не было собственно новымъ стѣсненіемъ; условіе это было неизбѣжное, стоявшее *en toutes lettres* въ самомъ Положеніи, условіе, на которое они, слѣдовательно, и безъ того должны были быть согласны, если только разъ они сами просили объ обязательномъ выкупѣ.

И такъ, вопросъ, переставленный вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, опять переставленъ былъ условно, вѣроятно, въ виду какихъ либо особыхъ причинъ. Причины эти очевидны; это не что другое, какъ нужды помѣщиковъ. Полагалось, что если землевладельцы прибѣгаютъ къ выкупу, то не иначе, какъ изъ нужды въ денежныхъ средствахъ для поддержанія хозяйствъ. Никакія другія соображенія не могли, конечно, служить соответствующимъ поводомъ къ сохраненію за ними права на прежнія оцѣнки, разсчитанныя по оброку, установленному на двадцать лѣтъ.

Все это опять было совершенно послѣдовательно, и эта—то послѣдовательность, выдержанная правительствомъ, приводитъ насъ прямо къ окончательному выводу изъ всего сказаннаго.

Мы знаемъ, въ какомъ положеніи находится въ настоящую минуту вопросъ объ оцѣнкахъ, знаемъ, что легальная норма оцѣнокъ обуславливается однимъ обстоятельствомъ—это нуждой помѣщиковъ въ капиталахъ.

Но иди далѣе, невольно возникаетъ вопросъ, будетъ ли это такъ, если и эти обстоятельства измѣнятся, какъ измѣнились тѣ, которыми обуславливалась система выкупа необязательнаго.

Измѣняться же эти обстоятельства могутъ различнымъ путемъ. Измѣнить ихъ—во власти правительства; оно можетъ устроить поземельный кредитъ въ томъ видѣ, какъ мы его предлагаемъ, и черезъ это развязать себѣ руки въ установленію оцѣнокъ; могутъ они измѣниться и вслѣдствіе другихъ хозяйственныхъ причинъ: прежде всего большія имѣнія могутъ перейти въ руки болѣе опытныхъ хозяевъ-арендаторовъ, чѣмъ сами владѣльцы; и такъ, прежде всего правительство будетъ вправѣ коснуться этихъ имѣній, затѣмъ могутъ стать въ лучшее положеніе и другіе владѣльцы, хотя бы отъ удешевленія наемнаго труда,—плата рабочимъ дѣйствительно уже падаетъ, вмѣсто того, чтобы расти. Въ Орловской губерніи послѣдней осенью, рабочіе ванимались на зиму изъ прокормленія; если это служитъ доказательствомъ того, что крестьяне зарвались оброкомъ, то вѣдь тутъ нѣтъ ничего утѣшительнаго.

Впрочемъ измѣнятся ли обстоятельства или нѣтъ, это лучше всего покажетъ ходъ обязательнаго выкупа; если помѣщики будутъ дѣйствительно нуждаться, то они естественно поспѣшатъ обязательнымъ выкупомъ, не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крестьяне не могутъ предпочесть взять въ даръ $\frac{1}{4}$ надѣла, или гдѣ помѣщики не могутъ опасаться этого выбора со стороны крестьянъ, но и тамъ, гдѣ они могутъ этого опасаться, ибо понизить выкупные платежи до предѣла ихъ выгодности для крестьянъ совершенно во власти помѣщика; если же они будутъ медлить, то это докажетъ, конечно, что, ихъ хозяйственное положеніе, слава Богу, устроилось другими способами.

Въ такомъ случаѣ, правительство будетъ уже, конечно, вправѣ, приступить къ рациональнымъ оцѣнкамъ.

Наконецъ, если обязательный выкупъ остановится за вышеозначеннымъ опасеніемъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крестьяне имѣютъ право предпочесть $\frac{1}{4}$ надѣла, не смотря на нужды помѣщиковъ, то въ такомъ случаѣ пониженіе оцѣнокъ, какъ единственное средство подвинуть выкупъ, въ которомъ прежде всего нуждаются помѣщики, будетъ уже одинаковымъ благодѣяніемъ для обонхъ сословій и не можетъ быть въ какомъ случаѣ отвергнуто правительствомъ.

И такъ, рано или поздно, вопросъ можетъ потребовать пониженія оцѣнокъ, — что же тутъ удивительнаго? Выработываясь мало по малу, ему естественно очиститься отъ условныхъ случайностей, которыя замедляютъ его разрѣшеніе, и подойти къ цѣли.

Насъ, можетъ быть, спросать, какъ же, по нашему, должны быть выведены нормальныя хозяйственныя цѣны, и укажутъ на трудность вычисленія дѣйствительной ренты. Отвѣтимъ еще на этотъ вопросъ.

Чистую ренту, конечно, вычислить трудно, съ математической точностью ея не добудеть никакой кадастръ. Да здѣсь оно и не нужно. Установивъ выкупъ на чисто коммерческихъ разчетахъ, правительство прямо измѣнило бы всему характеру Положеній, общему плану и цѣли предпринятой реформы. Чистая рента можетъ и должна войти въ расчетъ выкупа, но какъ одинъ элементъ его, только; кромѣ нея входило въ этотъ расчетъ и кое-что другое. Если мы говорили постоянно о рентѣ, то только какъ объ элементѣ, служащемъ для повѣрки оцѣнокъ съ земледѣльческими средствами крестьянъ, для того, чтобы показать, на сколько можетъ или нѣтъ, при данныхъ оцѣнкахъ, быть достигнута конечная цѣль хозяйственнаго вопроса. Конечный же планъ реформы долженъ былъ быть, какъ мы знаемъ, вовсе не въ математической вѣрности коммерческому началу, не въ томъ, чтобы заставить крестьянъ выплатить точную капитализацію ренты, а въ томъ, чтобы оставить въ рукахъ крестьянъ наибольшій свободный доходъ, который бы могъ привыкаться къ новому выгодному производству, и черезъ то поднять общій доходъ страны, а это невозможно при совпаденіи капитализацій съ рентой. Съ самаго начала мы стали къ вопросу на эту общегосударственную точку зрѣнія, на ту же, съ которой дѣйствовало въ вопросѣ и правительство, не гоняясь за коммерческимъ пурризмомъ. Но дѣйствуя по этому плану, нельзя миновать указываемаго нами конца, не покидая начатаго дѣла. Весь расчетъ, повторяю, долженъ быть основанъ на томъ, что только остающаяся въ рукахъ крестьянъ доля свободной ренты и не можетъ потратиться убыточно. Напротивъ, если этотъ свободный доходъ, какъ прежде, будетъ обращаться въ чужія руки, то, во первыхъ, часть его уже неминуемо потратится на то, что мы называемъ убыточнымъ производствомъ, или роскошью, а та часть, которая привыкнется къ улучшенію землевладѣльцами своихъ хозяйствъ, будетъ употреблена, такимъ образомъ, съ той же цѣлью дать, рано или поздно, свободный доходъ, который могъ бы опять быть потраченъ убыточно. Этотъ же порядокъ уже привелъ разъ къ разоренію, приведетъ и во второй, и въ третій; въ немъ какъ въ заколдованномъ кругѣ, будетъ напрасно хлопотать жизнь объ улучшеніяхъ, продолжая вѣчно вращаться между бѣдностью и деморализаціей. Станутъ ли на мѣсто дворянъ-помѣщиковъ просто землевладѣльцы, это не измѣнитъ еще нисколько сущности дѣла, какъ не измѣнилось оно отъ сѣны европейской аристократіи выходцами

изъ дека. Нужно обезпечить земледѣльца свободнымъ доходомъ, то есть установить ендѣвки гораздо ниже ренты — на 50 и болѣе ⁰⁰/₀₀. — безъ этого мы не обойдемся. Во всѣхъ затрудненіяхъ, которыя мы переживаемъ, въ томъ крайнемъ экономическомъ положеніи, которое заставило насъ прибѣгнуть къ реформѣ, не было другого секрета; какъ это обезпеченіе.

Выполнится ли эта задача, покажутъ послѣдствія; но что она можетъ быть выполнена, въ этомъ мы не сомнѣваемся.

Съ самаго начала была заявлена мысль, что нигдѣ общество не представляетъ столько миролюбивыхъ задатковъ для выполненія въ законодательствѣ самыхъ рѣшительныхъ перемѣнъ и такой счастливой почвы для самыхъ рациональныхъ улучшеній быта путемъ закона. Рядомъ съ этимъ существовали, какъ мы видѣли, и продолжаютъ существовать въ литературѣ направленія, слияшіяся со стороны создать у насъ не существующія затрудненія и подъ видомъ ихъ надѣлать Россію, вмѣсто уничтоженнаго крѣпостнаго права, батрачествомъ. Они могутъ успѣть, могутъ нѣтъ, но во всякомъ случаѣ успѣхъ ихъ можетъ зависть не отъ дѣйствительныхъ бытовыхъ и историческихъ препятствій къ лучшему, а лишь отъ круглаго непониманія обществомъ и себя самого, и своихъ нуждъ.

Съ ходомъ этого дѣла среди всѣхъ обстоятельствъ его, которыя мы только что прослѣдили, мы могли убѣдиться достаточно, какое значеніе могутъ имѣть у насъ ссылки на зависимость законодательства отъ постороннихъ корпоративныхъ или сословныхъ силъ. Съ одной стороны, крестьяне, кажется, показали, возможенъ ли съ этимъ народомъ какой либо антагонизмъ, съ другой, и нашъ собственникъ показалъ также, на сколько онъ можетъ быть уступчивѣе западнаго: нужно только, чтобы ему разъяснили въ данномъ случаѣ правильнымъ образомъ, путемъ убѣжденія и затѣмъ закона, то, чего отъ него хотятъ обстоятельства.

Но вотъ этого—то предварительнаго разъясненія, какъ, что и почему бываетъ нужно, и не достаетъ въ горячую минуту. Пока не гремѣтъ громъ, общество живетъ лишенное критической мысли, полагаясь на вѣчную достаточность того, что далось вчерашнимъ случаемъ, и только въ послѣднюю минуту бросается искать въ заднихъ карманахъ чего либо похожаго на критику, просить содѣйствія мысли, которой не оказывается, и тогда кричить въ страхѣ о постепенности. Въ послѣднемъ пониманіи вопроса не оказывается той выработанной системы, которой требуетъ самый вопросъ и обстоятельства и которая должна служить основаніемъ всему его развитію, и если эта система и сознается отчасти кое-

къмъ, то отчетливое выполнение ея на самомъ дѣлѣ путается близорукими пререканіями, которыя не имѣютъ другаго источника, кромѣ общаго непониманія. Вотъ почему, не смотря на всѣ попытки нѣкоторыхъ органовъ приобрести расположеніе землевладѣльца, обѣщая ему въ будущемъ роль англійскаго аристократа-лавочника или просто французскаго лавочника, мы думаемъ, что если ему будетъ объяснено настоящее значеніе подобной роли и предложено иное закономъ — этой роли ему принять на себя не придется. Думаемъ, что съ него и безъ того достаточно тѣхъ блестящихъ результатовъ, которыя оставило крѣпостное хозяйство, чтобы такъ ужь очень хотѣть наверстать потерянное судимымъ ему батрачествомъ, отъ котораго все же рано или поздно придется сконфузиться передъ судомъ здраваго смысла и отдѣлываться, можетъ быть, еще большими затрудненіями, чѣмъ теперь; но до этихъ желанныхъ разъясненій пока еще куда далеко нашей прессѣ и еще далѣе практикѣ.

Ю. ЖУКОВСКИЙ.

ЧТО ДѢЛАТЬ?

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О НОВЫХЪ ЛЮДЯХЪ.

(Посвящается моему другу О. С. Ч.).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВТОРОЕ ЗАМУЖСТВО.

I.

Берлинъ, 20 іюля 1856.

Милостивѣйшая государыня,

Вѣра Павловна,

Близость моя къ погибшему Дмитрію Сергѣичу Лопухову даетъ мнѣ надежду, что вы благосклонно примете въ число вашихъ знакомыхъ человѣка, совершенно вамъ неизвѣстнаго, но глубоко уважающаго васъ. И во всякомъ случаѣ, смѣю думать, что вы не обвините меня въ навязчивости: вступая въ корреспонденцію съ вами, я только исполняю желаніе погибшаго Дмитрія Сергѣича; и тѣ свѣдѣнія, которыя я сообщаю о немъ, вы можете считать совершенно достовѣрными, потому что я буду передавать его мысли его собственными словами, какъ бы говорилъ онъ самъ. Вотъ его слова о дѣлѣ, объясненіе котораго составляетъ цѣль моего письма.

«Мысли, которыя произвели развязку, встревожившую людей мнѣ близкихъ (я передаю подлинныя слова Дмитрія Сергѣича, какъ уже сказалъ), созрѣвали во мнѣ постепенно, и мое намѣреніе мѣнялось нѣсколько разъ, прежде чѣмъ получило свою окончательную форму. Обстоятельство, которое было причиною этихъ мыслей, было замѣчено мною совершенно неожиданно, только въ ту минуту, когда она (Дмитрій Сергѣичъ разумѣетъ васъ) съ испугомъ сказала мнѣ о снѣ, ужаснувшемъ ее. Сонъ показался мнѣ очень важенъ; и, какъ человѣкъ, смотрѣвшій на состояніе чувствъ ея со стороны, я въ тотъ же мигъ понялъ, что въ ея жизни начинается эпизодъ, который, на время болѣе или менѣе продолжительное, измѣнитъ прежнія наши отношенія съ нею. Но человѣкъ до послѣдней крайности старается сохранить положеніе, съ которымъ сжился; въ основной глубинѣ нашей природы лежитъ консервативный элементъ, отъ котораго мы отступаемъ только по необходимости. Въ этомъ, по моему мнѣнію, заключается объясненіе перваго моего предположенія: мнѣ хотѣлось думать, и думалось, что этотъ эпизодъ черезъ нѣсколько времени минуется, и тогда наши прежнія отношенія возобновятся. Она хотѣла избѣжать самаго эпизода, черезъ тѣснѣйшее сближеніе со мною. Это увлекло меня, и нѣсколько дней, я не считалъ невозможнымъ исполненіе ея надежды. Скоро я убѣдился однако же, что надѣяться этого — вещь напрасная. Причина тому заключалась въ моемъ характерѣ.

«Я вовсе не хочу порицать своего характера, говоря это. Я понимаю его такъ.

«У человѣка, проводящаго жизнь какъ должно, время раздѣляется на три части: трудъ, наслажденіе и отдыхъ или развлеченіе. Наслажденіе точно такъ же требуетъ отдыха, какъ и трудъ. Въ трудѣ и въ наслажденіи, общій человѣчeskій элементъ беретъ верхъ надъ личными особенностями: въ трудѣ, мы действуемъ подъ преобладающимъ опредѣленіемъ внѣшнихъ рациональныхъ надобностей; въ наслажденіи, подъ преобладающимъ опредѣленіемъ другихъ, также общихъ потребностей человѣческой природы. Отдыхъ, развлеченіе — элементъ, въ которомъ личность ищетъ возобновленія силъ отъ этого возбужденія, истощающаго запасъ жизненныхъ матеріаловъ, элементъ, вводимый въ жизнь уже самою личностью; тутъ личность хочетъ опредѣляться собственными своими особенностями, своими индивидуальными удобствами. Въ трудѣ и въ наслажденіи, люди

влекутся къ людямъ общою могущественною силою, которая выше ихъ личныхъ особенностей, — расчетомъ выгоды въ трудѣ; въ наслажденіи, — одинаковыми потребностями организма. Въ отдыхѣ не то. Это не дѣло общей силы, сглаживающей личныя особенности: отдыхъ наиболѣе личное дѣло, тутъ натура проситъ себѣ наиболѣе простора, тутъ человѣкъ наиболѣе индивидуализируется, и характеръ человѣка всего больше выказывается въ томъ, какого рода отдыхъ легче и пріятнѣе для него.

«Въ этомъ отношеніи, люди распадаются на два главные отдѣла. Для людей одного отдѣла, отдыхъ или развлеченіе пріятнѣе въ обществѣ другихъ. Уединеніе нужно каждому. Но для нихъ нужно, чтобы оно было исключеніемъ; а правило для нихъ — жизнь съ другими. Этотъ классъ гораздо многочисленнѣе другаго, которому нужно наоборотъ: въ уединеніи имъ просторнѣе, чѣмъ въ обществѣ другихъ. Эта разница замѣчена и общимъ мнѣніемъ, которое обозначаетъ ее словами: человѣкъ общительный и человѣкъ замкнутый. Я принадлежу къ людямъ не общительнымъ, она — къ общительнымъ. Вотъ и вся тайна нашей исторіи. Кажется, ясно, что въ этой причинѣ нѣтъ ничего предосудительнаго ни для кого изъ насъ. Нисколько не предосудительно и то, что ни у одного изъ насъ не достало силы отворотить эту причину: противъ своей природы человѣкъ безсиленъ.

«Каждому довольно трудно понять особенности другихъ натуръ; всякій представляетъ себѣ всѣхъ людей по характеру своей индивидуальности. Чего не нужно мнѣ, то, по моему, не нужно и для другихъ, — такъ влечетъ насъ думать наша индивидуальность; надобны слишкомъ яркіе признаки, чтобы я вспомнилъ о противномъ. И наоборотъ: въ чемъ для меня облегченіе и просторъ, въ томъ и для другихъ. Натуральность этого расположенія мыслей—мое извиненіе въ томъ, что я слишкомъ поздно замѣтилъ разницу между натурою моею и ея. Ошибки много помогло и то, что когда мы соплись жить вмѣстѣ, она слишкомъ высоко ставила меня: между нами еще не было тогда равенства; съ ея стороны было слишкомъ много уваженія ко мнѣ; мой образъ жизни казался ей образцовымъ, она принимала за общую человѣческую черту то, что было моею личною особенностью, и на время она увлеклась ею. Была и другая причина еще болѣе сильная.

«Между неразвитыми людьми мало уважается неприкосно-

венность внутренней жизни. Каждый из семейства, особенно из старших, без церемонии сует лапу в вашу интимную жизнь. Дѣло не въ томъ, что этимъ нарушаются наши тайны: тайны болѣе или менѣе крупныя драгоцѣнности, ихъ не забываешь прятать, стеречь; да и не у всякаго есть онѣ, многимъ и ровно нечего прятать отъ близкихъ. Но каждому хочется, чтобы въ его внутренней жизни былъ уголокъ, куда никто не залѣзалъ бы, какъ всякому хочется имѣть свою особую комнату, для себя одного. Люди неразвитые не смотрятъ ни на то, ни на другое: если у васъ и есть особая комната, въ нее лѣзетъ каждый, не изъ желанія подсмотреть или быть навязчивымъ, нѣтъ, просто потому, что не имѣетъ предположенія, что это можетъ покоить васъ; онъ думаетъ, что лишь въ томъ случаѣ, когда бы онъ былъ вообще противенъ вамъ, вы могли бы не желать увидѣть его вдругъ ни съ того, ни съ сего явившимся у васъ подъ носомъ; онъ не понимаетъ, что можетъ надоѣдать, можетъ мѣшать человѣку, хотя бы и расположенному къ нему. Святыя порога, черезъ который никто не имѣетъ права переступить безъ воли живущаго за нимъ, у насъ признается только въ одной комнатѣ, комнатѣ главы семейства, потому что глава семейства можетъ выгнать въ шею всякаго, выросшаго у него подъ носомъ безъ его спроса. У всѣхъ остальныхъ вырастаетъ подъ носомъ, когда вздумаетъ, всякій, кто старше ихъ или равенъ имъ по семейному положенію. То же, что съ комнатою, и съ міромъ внутренней жизни. Въ него безъ всякой надобности, даже безъ всякой мысли залѣзаетъ всякій за всякимъ вздоромъ, и чаще всего не болѣе, какъ за тѣмъ, чтобы почесать языкъ о вашу душу. У дѣвушки есть два будничныя платья, бѣлое и розовое; она надѣла розовое, вотъ ужъ и можно чесать языкъ о ея душу. «Ты надѣла розовое платье, Анюта, зачѣмъ ты его надѣла?» Анюта сама не знаетъ, почему она надѣла его, — вѣдь нужно же было надѣть какое нибудь; да притомъ, еслибъ она надѣла бѣлое, то вышло бы то же самое. «Такъ, маменька» (или «сестрица»). — «А ты бы лучше надѣла бѣлое». Почему лучше, этого не знаетъ сама та, которая бесѣдуетъ съ Анютою: она просто чешетъ языкъ. «Что ты нынѣ, Анюта, какъ будто не весела?» Анюта совершенно ни невесела, ни весела; но почему жъ не спросить, отчего то, чего и не видно, и нѣтъ. «Я не знаю; нѣтъ, кажется, я ничего». — «Нѣтъ, ты что-то невесела». Черезъ двѣ минуты: «А ты бы, Анюта, сѣла, поиграла на фортецяно», зачѣмъ, — неизвестно;

и такъ далѣе, цѣлый день. Ваша душа будто улица, на которую поглядываетъ каждый, кто сидитъ подлѣ окна, не за гнѣть, чтобы ему нужно было увидѣть тамъ что нибудь, нѣтъ, онъ даже знаетъ, что и не увидитъ ничего ни нужного, ни любопытнаго, а такъ, отъ нечего дѣлать: вѣдь все равно, слѣдовательно, почему же не поглядывать? Улицѣ, точно, все равно; но человѣку вовсе нѣтъ удовольствія отъ того, что пристають къ нему.

«Натурально, что это приставанье, безъ всякой цѣли и мысли, можетъ вызывать реакцію; и какъ только человѣкъ ставеть въ такое положеніе, что можетъ удивляться, онъ нѣкоторое время находитъ удовольствіе въ уединеніи, хотя бы по натурѣ былъ расположенъ къ общительности, а не къ уединенію.

«Она съ этой стороны находилась до замужства въ исключительно рѣзкомъ положеніи: къ ней приставали, къ ней лѣзали въ душу не просто отъ нечего дѣлать, случайно и только по неделикатности, а систематически, неотступно, ежеминутно, слишкомъ грубо, слишкомъ нагло, лѣзали злобно и злонамѣренно, лѣзали не просто безперемежными руками, а руками очень жесткими и чрезвычайно грязными. Оттого и реакція въ ней была очень сильна.

«Поэтому, не должно строго осуждать мою ошибку. Нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ быть, годъ, я и не ошибался: ей дѣйствительно нужно и пріятно было уединеніе. А въ это время у меня успѣло составиться мнѣніе о ея характерѣ. Сильная временная потребность ея сходилась съ моею постоянною потребностью, что жь удивительнаго, что я принялъ временное явленіе за вѣчную черту ея характера? Каждый такъ расположенъ судить о другихъ по себѣ!

«Ошибка была, и очень большая. Я не виню себя въ ней, но мнѣ все хочется оправдываться; это значить: мнѣ чувствуется, что другіе не будутъ такъ снисходительны ко мнѣ, какъ я самъ. Чтобы смягчить порицаніе, я долженъ нѣсколько поболѣе сказать о своемъ характерѣ съ этой стороны, которая ей и большей части другихъ людей довольно чужда, и потому безъ объясненій могла бы пониматься въ невѣрномъ видѣ.

«Я не понимаю отдыха иначе, какъ въ уединеніи. Быть съ другими, для меня значить уже чѣмъ нибудь заниматься, или работать, или наслаждаться. Я чувствую себя совершенно на просторѣ только тогда, когда я одинъ. Какъ это назвать? Отчего

это? У однихъ, отъ скрытности; у другихъ, отъ застенчивости; у третьихъ, отъ расположенія хандрить, задумываться; у четвертыхъ, отъ недостатка симпатіи къ людямъ. Во мнѣ, кажется, нѣтъ ничего этого: я прямодушенъ и откровененъ, я готовъ быть всегда веселъ и вовсе не хандрю. Смотрѣть на людей для меня пріятно; но это для меня ужь соединено съ работою или наслажденіемъ, это ужь нѣчто требующее послѣ себя отдыха, то есть, по моему, уединенія. Сколько я могу понять, во мнѣ это просто особенное развитіе влеченія къ независимости, свободѣ.

«И вотъ, сила реакціи противъ прежняго, слишкомъ тревожнаго положенія въ семействѣ заставила ее на время принять образъ жизни, несообразный съ ея постоянною склонностью; уваженіе ко мнѣ поддерживало ее въ этомъ временномъ положеніи дольше, чѣмъ было бы само собою; а я въ это долгое время составилъ себѣ мнѣніе о ея характерѣ, принялъ временную черту за постоянную и успокоился на томъ, вотъ и вся исторія. Съ моей стороны была ошибка, но и въ этой ошибкѣ было мало дурнаго; а ужь съ ея стороны не было совершенно ничего. А сколько страданія вышло изъ этого для нея, и какую катастрофу кончилось это для меня!

«Когда ея испугъ отъ страшнаго сна открылъ мнѣ положеніе ея чувствъ, поправлять мою ошибку было поздно. Но если бы мы замѣтили это раньше, то можетъ быть, постоянными усиліями надъ собою мнѣ и ей удалось бы сдѣлать такъ, чтобы мы могли навсегда остаться довольны другъ другомъ? Не знаю; но думаю, что и въ случаѣ успѣха не вышло бы тутъ ничего особенно хорошаго. Положимъ, мы передѣляли бы свои характеры на столько, чтобы не осталось намъ причины тяготиться нашими отношеніями. Но передѣлки характеровъ хороши только тогда, когда направлены противъ какой нибудь дурной стороны; а тѣ стороны, которыя пришлось бы передѣлывать въ себѣ ей и мнѣ, не имѣли ничего дурнаго. Чѣмъ общительность хуже или лучше склонности къ уединенію, или наоборотъ? А вѣдь передѣлка характера во всякомъ случаѣ насилуванье, ломка; а въ ломкѣ многое теряется, отъ насилуванія многое замираетъ. Результатъ, котораго я и она, можетъ быть (но только можетъ быть, а не навѣрное), достигли бы, не стоилъ такой потери. Мы оба отчасти обезцвѣтили бы себя, болѣе или менѣе заморили бы въ себѣ свѣжесть жизни. Для чего же? для того только, чтобы сохранить извѣстныя мѣста въ извѣстныхъ комнатахъ. Дѣло другое,

еслибъ у насъ были дѣти; тогда надобно было бы много подумать о томъ, какъ измѣняется ихъ судьба отъ нашей разлуки: если къ худшему, то предотвращеніе этого стоитъ самыхъ великихъ усилій, и результатъ — радость, что сдѣлалъ нужное для сохраненія наилучшей судьбы тѣмъ, кого любишь — такой результатъ вознаградилъ бы за всякія усилія. А теперь, какую разумную цѣль имѣло бы это?

«Потому, при данномъ положеніи, моя ошибка по видимому повела даже къ лучшему: благодаря ей, намъ обоимъ пришлось меньше ломать себя. Она принесла много горя, но безъ нея навѣрное было бы его больше, да и результатъ не былъ бы такъ удовлетворителенъ».

Таковы слова Дмитрія Сергѣича. Изъ настойчивости, съ которою онъ такъ много занимался этою стороною дѣла, вы легко можете видѣть, что онъ, какъ и самъ говорилъ, чувствовалъ въ ней что-то неловкое, невыгодное для себя. Онъ прямо прибавлялъ: «я чувствую, что все-таки останусь не совсѣмъ правъ во мнѣніи тѣхъ, кто сталъ бы разбирать это дѣло безъ сочувствія ко мнѣ. Но я увѣренъ въ ея сочувствіи. Она будетъ судить обо мнѣ даже лучше, чѣмъ я самъ. А самъ я считаю себя совершенно правымъ. Таково мое мнѣніе о времени, которое было до ея сна». Теперь я передамъ вамъ чувства и намѣренія, бывшія въ немъ послѣ того, какъ вашъ сонъ раскрылъ ему неудовлетворительность отношеній между вами и имъ.

«Я сказалъ (слова Дмитрія Сергѣича), что съ первыхъ же ея словъ о страшномъ снѣ я понялъ неизбежность какого нибудь эпизода, различнаго отъ прежнихъ нашихъ отношеній. Я ждалъ, что онъ будетъ имѣть значительную силу, потому что иначе было невозможно при энергій ея натуры и при тогдашнемъ состояніи ея недовольства, которое ужъ имѣло очень большую силу отъ слишкомъ долгой затаенности. Но все-таки, ожиданіе представлялось мнѣ сначала въ самой легкой и выгодной для меня формѣ. Я рассуждалъ такъ: она увлечется на время страстною любовью къ кому нибудь; пройдетъ годъ, два, и она возвратится ко мнѣ. Я очень хорошій человѣкъ. Шансы сойтись съ другимъ такимъ человѣкомъ очень рѣдки (я прямо говорю о себѣ, какъ думаю: у меня нѣтъ лицемѣрной уловки уменьшать свое достоинство). Удовлетворенное чувство любви утратить часть своей стремительности; она увидитъ, что хотя одна сторона ея натуры и менѣе удовлетворяется живанью со мною, но что въ

общей сложности жизни, ей легче, просторнее жизнь со мною, чемъ съ другими; и все возобновится по прежнему. Я, наученный опытомъ, буду внимательнее къ ней; она приобрететъ новое уваженіе ко мнѣ, будетъ имѣть еще больше привязанности ко мнѣ, чемъ прежде, и мы будемъ жить дружнее прежняго.

«Но (это вещь, объясненіе которой очень щекотливо для меня; однако же, оно должно быть сдѣлано), но какъ представлялась мнѣ перспектива того, что наши отношенія съ нею возобновятся? Радовало ли это меня? Конечно. Но только ли радовало? Нѣтъ, это представлялось мнѣ и обремененіемъ, конечно, пріятнымъ, очень пріятнымъ, но все-таки обремененіемъ. Я очень сильно люблю ее и буду думать себя, чтобы лучше приспособиться къ ней; это будетъ доставлять мнѣ удовольствіе, но все-таки моя жизнь будетъ стѣснена. Такъ представлялось мнѣ, когда я успокоился отъ перваго впечатлѣнія. И я увидѣлъ, что не обманывался. Она дала мнѣ испытать это, когда хотѣла, чтобы я постарался сохранить ея любовь. Мѣсяцъ угожденія этому желанію былъ самымъ тяжелымъ мѣсяцемъ моей жизни. Тутъ не было никакого страданія, это выраженіе нисколько не шло бы къ дѣлу, было бы тутъ нелѣпо; со стороны положительныхъ ощущеній, я не испытывалъ ничего, кромѣ радости, угождая ей; но мнѣ было скучно. Вотъ тайна того, что ея попытка удержаться въ любви ко мнѣ осталась неудачна. Я скучалъ, угождая ей.

«На первый взглядъ, можетъ казаться странно, почему же я не скучалъ, отдавая безчисленные вечера студентамъ, для которыхъ, разумѣется, не сталъ бы много беспокоить себя, и почему почувствовалъ очень сильное утомленіе, когда отдалъ всего лишь нѣсколько вечеровъ женщинѣ, которую любилъ больше, чемъ себя, на смерть для которой, и не только на смерть, на всякое мученіе для которой я былъ готовъ? Это можетъ казаться странно, но только для того, кто не вникнетъ въ сущность моихъ отношеній къ молодежи, которой я отдавалъ столько времени. Во первыхъ, у меня не было никакихъ личныхъ отношеній съ этими молодыми людьми; когда я сидѣлъ съ ними, я не чувствовалъ передъ собою людей, а видѣлъ лишь нѣсколько отвлеченныхъ типовъ, которые обмѣниваются мыслями; разговоры мои съ ними мало отличались отъ раздумья наединѣ; тутъ была занята во мнѣ лишь одна сторона человѣка, та, которая всѣхъ менѣе требуетъ отдыха, — мысль. Все остальное спало. И при

томъ, разговоръ имѣлъ практическую, полезную цѣль—содѣйствіе развитію умственной жизни, благородства и энергіи въ моихъ молодыхъ друзьяхъ. Это былъ трудъ; но трудъ такой легкій, что годился на возстановленіе силъ, израсходованныхъ другими трудами, не утомляющій, а освѣжающій, но все-таки трудъ; поэтому личность не имѣла тутъ требованій, которыя ставила для отдыха. Тутъ я искалъ пользы, а не успокоенія; тутъ я давалъ сонъ всѣмъ сторонамъ моего существа, кромѣ мысли; а мысль дѣйствовала безъ всякой примѣси личныхъ отношеній къ людямъ, съ которыми я говорилъ, поэтому чувствовала себя такой же просторъ, какъ наединѣ; эти разговоры, можно сказать, и не выводили меня изъ уединенія. Тутъ не было ничего сходнаго съ отношеніями, въ которыхъ участвуетъ весь человѣкъ.

«Я знаю, какъ щекотливо выговорить это слово «скука»; но добровѣстность не позволяетъ мнѣ утаить его! Да, при всей моей любви къ ней, я почувствовалъ облегченіе себя, когда потомъ убѣдился, что между нею и мною не могутъ установиться отношенія, при которыхъ намъ было бы удобно жить по прежнему. Я началъ убѣждаться въ этомъ около того же времени, когда она стала замѣчать, что угожденіе ея желанію обременительно для меня. Тогда будущее представилось мнѣ въ новой формѣ, которая была пріятнѣе для меня; увидѣвъ, что намъ невозможно удержаться въ прежнихъ отношеніяхъ, я сталъ думать, какъ бы поскорѣе, —опять я долженъ употребить щекотливое выраженіе,—думать, какъ бы поскорѣе отдѣлаться, отвязаться отъ положенія, которое было мнѣ скучно. Вотъ тайна того, что должно было казаться великодушіемъ человѣку, который захотѣлъ бы ослѣпляться признательностью къ вѣщности дѣла, или не былъ бы такъ близокъ, чтобы рассмотреть самую глубину побужденій. Да, мнѣ просто хотѣлось отдѣлаться отъ скучнаго положенія. Не лицемѣрствуя отрицаніемъ хорошаго въ себя, я не стану отрицать того, что однимъ изъ моихъ мотивовъ было желаніе добра ей. Но это былъ уже только второй мотивъ,—положимъ, очень сильный, но все-таки далеко уступавшій силою первому, главному,—желанію избавиться отъ скуки: настоящимъ двигателемъ было оно. Подъ вліяніемъ его, я сталъ внимательно разсматривать образъ ея жизни, и легко увидѣлъ, что въ перемѣнѣ ощущеній отъ перемѣны образа жизни главную роль играетъ помяненіе и удаленіе Александра Матвѣича. Это заставило меня

думать и о немъ: я понялъ причину его странныхъ дѣйствій, на которыя прежде не обращалъ вниманія, и послѣ того мои мысли получили новый видъ,—какъ я уже говорилъ, болѣе пріятный для меня. Когда я увидѣлъ, что въ ней ужъ не только одно исканіе страстной любви, а уже и сама любовь, только еще не сознаваемая ею, что это чувство обратилось на человѣка вполне достойнаго и вообще могущаго вполне замѣнить меня ей, что этотъ человѣкъ самъ страстно любитъ ее,—я чрезвычайно обрадовался. Правда, впрочемъ, что первое впечатлѣніе было тяжело: всякая важная перемена соединена съ нѣкоторою скорбью. Я видѣлъ теперь, что не могу, по совѣсти, считать себя лицомъ, необходимымъ для нея;—а вѣдь я уже привыкъ къ этому и, надобно сказать правду, это было мнѣ пріятно; слѣдовательно, потеря этого отношенія необходимо должна была имѣть тяжелую сторону. Но она только на первое время, очень не долго, преобладала надъ другою стороною, которая радовала меня. Теперь я былъ увѣренъ въ ея счастья и спокоенъ за ея судьбу. Это было источникомъ большой радости. Но напрасно было бы думать, что въ этомъ заключалась главная пріятность; нѣтъ, личное чувство опять было гораздо важнѣе: я видѣлъ, что становлюсь совершенно свободнымъ отъ принужденія. Мои слова не имѣютъ того смысла, будто для меня безсемейная жизнь кажется свободнѣе или легче семейной: нѣтъ, если мужу и женѣ нисколько не нужно стѣснять себя для угожденія другъ другу, если они довольны другъ другомъ безъ всякихъ усилій надъ собою, если они угождаютъ другъ другу вовсе не думая угождать, то для нихъ, чѣмъ тѣснѣе отношенія между ними, тѣмъ легче и просторнѣе имъ обоимъ. Но отношеніе между нею и мною не было таково. Потому разойтись значило для меня стать свободнымъ.

«Изъ этого видно, что я дѣйствовалъ въ собственномъ интересѣ, когда рѣшился не мѣшать ея счастью; благородная сторона была въ моемъ дѣлѣ, но движущею силою ему служило влеченіе собственной моей природы къ лучшему для меня самого. Вотъ по этому-то я имѣлъ силу дѣйствовать, могу сказать, — хорошо: не пошатываться туда и сюда, не дѣлать лишней суеты и непріятностей другимъ, не измѣнять своей обязанности. Это легко, когда обязанность—влеченіе собственной природы.

«Я уѣхалъ въ Рязань. Черезъ нѣсколько времени она вызвала меня, говоря, что мое присутствіе уже не будетъ мѣшать ей. Я увидѣлъ, что оно все-таки мѣшаетъ. Сколько я могу понять,

туть были двѣ причины. Ей было тяжело видѣть человѣка, которому она была слишкомъ много обязана, по ея мнѣнію. Она ошибалась въ этомъ, она не была нисколько обязана мнѣ, потому что я дѣйствовалъ гораздо больше для себя, нежели для нея. Но ей представлялось иначе, и она чувствовала чрезвычайно сильную признательность по мнѣ. Это чувство тяжелое. Въ немъ есть пріятная сторона, но она выѣтъ верхъ только тогда, когда чувство не слишкомъ сильно. Когда оно сильно, оно дѣйствительно. Другая причина,—это опять нѣсколько щекотливое объясненіе, но надобно говорить то, что думаешь,—другую причину я нахожу въ томъ, что ей была непріятна ненормальность ея положенія въ смыслѣ общественныхъ условій; ей было тяжело то, что не доставало со стороны общества формальнаго признанія ея права занимать это положеніе. Итакъ, я увидѣлъ, что ей было тяжело мое существованіе подлѣ нея. Я не скрою, что въ этомъ новомъ открытіи была сторона, несравненно болѣе тяжелая для меня, чѣмъ всѣ чувства, которыя испытывалъ я въ прежнихъ періодахъ дѣла. Я сохранялъ къ ней очень сильное расположеніе: мнѣ хотѣлось оставаться человѣкомъ очень близкимъ къ ней. Я надѣялся, что это такъ будетъ. И когда я увидѣлъ, что этого не должно быть, мнѣ было очень, очень прискорбно. И туть ужъ не было вознагражденія прискорбію ни въ какихъ личныхъ расчетахъ; я могу сказать, что туть мое рѣшеніе, мое послѣднее рѣшеніе, было принято единственно по привязанности къ ней, только изъ желанія, чтобы ей было лучше, исключительно по побужденіямъ не своекорыстнымъ. За то, никогда мои отношенія къ ней, и въ самое лучшее свое время, не доставляли мнѣ такого внутренняго наслажденія, какъ эта рѣшимость. Туть я поступалъ уже подъ вліяніемъ того, что могу назвать благородствомъ, вѣрнѣе сказать, благороднымъ расчетомъ, расчетомъ, въ которомъ общій законъ человѣческой природы дѣйствуетъ чисто одинъ, не заимствуя себѣ подкрѣпленія изъ индивидуальныхъ особенностей; и туть я узналъ, какое высокое наслажденіе—чувствовать себя поступающимъ, какъ благородный человѣкъ, то-есть такъ, какъ слѣдуетъ поступать вообще всякому человѣку, не Ивану, не Петру, а всякому, всякому безъ различія именъ: какое высокое наслажденіе чувствовать себя просто человѣкомъ,—не Иваномъ, не Петромъ, а человѣкомъ, чисто только человѣкомъ. Это чувство слишкомъ сильно; обыкновенныя натуры, какова моя, не могутъ выносить слиш-

комъ частаго возвышенія до этого чувства; но хорошо тому, кому случалось иногда испытывать его.

«Нѣтъ надобности объяснять ту сторону моего образа дѣйствій, которая была бы величайшимъ безразсудствомъ въ дѣлать съ другими людьми, но слишкомъ очевидно оправдывается характеромъ лица, которому уступалъ я. Въ то время, какъ я уѣзжалъ въ Рязань, не было ни слова сказано между ею и Александромъ Матвѣичемъ; въ то время, какъ я принималъ свое послѣднее рѣшеніе, не было ни слова сказано ни между мною и имъ, ни между мною и ею. Но я хорошо зналъ его; мнѣ не было надобности узнавать его мысли для того, чтобы узнать ихъ.»

Я передаю слова Дмитрія Сергѣевича, съ буквальной точностью, какъ уже сказалъ.

Я человекъ совершенно чужой вамъ; но корреспонденціи, въ которую я вступаю съ вами, исполняя желаніе погибшаго Дмитрія Сергѣевича, имѣетъ такой интимный характеръ, что вѣроятно интересно будетъ вамъ узнать, кто этотъ чуждый вамъ корреспондентъ, совершенно посвященный во внутреннюю жизнь погибшаго Дмитрія Сергѣевича. Я отставной медицинскій студентъ—больше ничего не умѣю сказать вамъ о себѣ. Въ послѣдніе годы, я жилъ въ Петербургѣ. Нѣсколько дней тому назадъ, я вздумалъ пуститься путешествовать и искать себѣ новой карьеры за границею. Я уѣхалъ изъ Петербурга на другой день послѣ того, какъ вы узнали о гибели Дмитрія Сергѣевича. По особенному случаю, я не имѣлъ въ рукахъ документовъ, и мнѣ пришлось взять чужія бумаги, которыми обязательно снабдилъ меня одинъ изъ общихъ знакомыхъ вашихъ и моихъ. Онъ далъ мнѣ ихъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы я исполнялъ нѣкоторые его порученія по дорогѣ. Когда вамъ случится видѣть г. Рахметова, постарайтесь сказать, что все порученное исполнено мною, какъ должно. Теперь, я буду пока бродить — вѣроятно, по Германіи, наблюдая нравы. У меня есть нѣсколько сотенъ рублей, и мнѣ хочется погулять. Когда праздность надоѣстъ, я буду искать себѣ дѣла, какого, все равно, — гдѣ? — гдѣ случится. Я волею какъ птица, и могу быть беззаботенъ, какъ птица. Такое положеніе восхищаетъ меня.

Очень возможно, что вамъ угодно будетъ удостоить меня отвѣтомъ. Но я не знаю, гдѣ я буду черезъ недѣлю, — быть можетъ, въ Италіи, быть можетъ, въ Англіи, быть можетъ, въ Прагѣ, — я могу теперь жить по своей фантазіи, а куда она унесетъ

меня, не-знаю. Поэтому, дѣлайте на вашихъ письмахъ только слѣдующій адресъ: Berlin, Friedrichstrasse 20, Agentur von H. Schweigler; подъ этимъ конвертомъ будетъ ваше письмо въ другомъ конвертѣ, на которомъ вмѣсто всякаго адреса вы поставите только цифры 12345: онѣ будутъ означать для конторы агентства Швейглера, что письмо должно быть отправлено ко мнѣ.

Примите, милостивѣйшая государыня, увѣреніе въ глубокомъ уваженіи отъ человѣка, совершенно чуждаго вамъ, но безгранично преданнаго вамъ, который будетъ называть себя:

Отставнымъ медицинскимъ студентомъ.

Милостивѣйшій государь, Александръ Матвѣевичъ. По желанію погибшаго Дмитрія Сергѣича, я долженъ передать вамъ увѣреніе въ томъ, что наилучшимъ для него обстоятельствомъ казалось именно то, что свое мѣсто онъ долженъ былъ уступить вамъ. При тѣхъ отношеніяхъ, которыя привели къ этой перемѣлѣ, отношеніяхъ, постепенно образовавшихся въ теченіе трехъ лѣтъ, когда вы почти вовсе не бывали его гостемъ, слѣдовательно, возникшихъ безъ всякаго вашего участія, единственно изъ несоотвѣстствія характеровъ между двумя людьми, которыхъ вы нотомъ напрасно старались сблизить, — при этихъ отношеніяхъ была неизбежна та развязка, какая произошла. Очевидно, что Дмитрій Сергѣичъ, нисколько не могъ приписывать ее вамъ. Конечно, это объясненіе излишне; однако же, болѣе только для формы, онъ поручилъ мнѣ сдѣлать его. Такъ или иначе, тотъ или другой, долженъ былъ занять мѣсто, котораго не могъ занимать онъ, на которомъ только потому и могъ явиться другой, что Дмитрій Сергѣевичъ не могъ занимать его. То, что на этомъ мѣстѣ явились именно вы, составляетъ, по мнѣнію погибшаго Дмитрія Сергѣевича, наилучшую для всѣхъ развязку. Жму вашу руку. Отставной медицинскій студентъ.

— А я знаю...

Что это? знакомый голосъ... Оглядываюсь, — такъ и есть! онъ! онъ, проникательный читатель, такъ недавно изгнанный съ позоромъ за незнаніе ни аза въ глаза по части художественности; онъ ужь опять тутъ, и опять съ своею прежнею проникательностью, онъ ужь опять что-то знает!

— А! я знаю, кто это писалъ...

Но я торопливо хватаю первое, удобное для моей цѣли, что попалось подъ руку, — поцалась салфетка, потому что я, пере-

писать письмо отставнаго студента, съѣлъ завтракъ—и такъ я схватываю салфетку и затыкаю ему ротъ: «Ну, знаешь, такъ и знай; что жь орать на весь городъ?»

II.

Петербургъ, 25 августа 1856 г.

Милостивѣйшій государь,

Вы поймете, до какой степени я была обрадована вашимъ письмомъ. Отъ всей души благодарю васъ за него. Ваша близость къ погибшему Дмитрію Сергѣичу даетъ мнѣ право считать и васъ моимъ другомъ, — позвольте мнѣ употреблять это названіе. Характеръ Дмитрія Сергѣича видѣнъ въ каждомъ изъ его словъ, передаваемыхъ вами. Онъ постоянно отыскиваетъ самыя затаенныя причины своихъ дѣйствій, и ему приноситъ удовольствіе подводить ихъ подъ его теорію эгоизма. Впрочемъ, это общая привычка всей нашей компаніи. Мой Александръ такъ же охотникъ разбирать себя въ этомъ духѣ. Если бы вы послушали, какъ онъ объясняетъ свой образъ дѣйствій относительно меня и Дмитрія Сергѣича въ теченіе трехъ лѣтъ! по его словамъ, онъ все дѣлалъ изъ эгоистическаго расчета, для собственнаго удовольствія. И я ужъ давно приобрѣла эту привычку. Только, это нѣсколько меньше занимаетъ меня и Александра, чѣмъ Дмитрія Сергѣича, мы съ нимъ совершенно сходимся, но у него больше влеченія къ этому. Да если послушать насъ, мы всѣ трое такіе эгоисты, какихъ до сихъ поръ свѣтъ не производилъ. А можетъ быть, это и правда? можетъ быть, прежде не было такихъ эгоистовъ? Да, кажется.

Но кромѣ этой черты, общей всѣмъ намъ тремъ, въ словахъ Дмитрія Сергѣича есть другая, которая принадлежитъ ужъ собственно его положенію: очевидна цѣль его объясненій — успокоить меня. Не то, чтобы его слова не были вполне искренни, — нѣтъ, онъ никогда не скажетъ того, чего не думаетъ, — но онъ слишкомъ сильно выставляетъ только ту сторону правды, которая можетъ меня успокоивать. Мой другъ, я очень признательна за это, но вѣдь и я эгоистка — я скажу, напрасно онъ только заботится о моемъ успокоеніи; мы сами оправдываемъ себя гораздо легче, чѣмъ оправдываютъ насъ дру-

гіе; и я, если сказать правду, не считаю себя ни въ чемъ виноватою передъ нимъ; скажу больше: я даже не считаю себя обязанною чувствовать признательность къ нему. Я цѣню его благородство, о, какъ цѣню! но вѣдь я знаю, что онъ былъ благороденъ не для меня, а для себя. Вѣдь и я, если не обманывала его, то не обманывала не для него, а для себя, не потому, что обманывать было бы несправедливостью къ нему, а потому, что это было бы противно мнѣ самой.

Я сказала, что не виню себя, — также, какъ и онъ. Но также какъ и онъ, я чувствую склонность оправдываться; по его словамъ (очень вѣрнымъ) это значить: я имѣю предчувствіе, что другіе не такъ легко, какъ я сама, могутъ избавить меня отъ порицанія за нѣкоторыя стороны моихъ дѣйствій. Я вовсе не чувствую охоты оправдываться въ той части дѣла, въ которой оправдывается онъ, и наоборотъ, мнѣ хочется оправдываться въ той части, въ которой не нужно оправдываться ему. Въ томъ, что было до моего сна, никто не назоветъ меня сколько нибудь виноватою, это я знаю. Но потомъ, не я ли была причиною, что дѣло имѣло такой мелодраматическій видъ и привело къ такой эффектной катастрофѣ? Не должна ли я была гораздо проще смотрѣть на ту перемену отношеній, которая была ужъ неизбежна, когда мой сонъ въ первый разъ открылъ мнѣ и Дмитрію Сергѣичу мое и его положеніе? Вечеромъ того дня, какъ погибъ Дмитрій Сергѣичъ, я имѣла длинный разговоръ съ свирѣпымъ Рахметовымъ — какой это нѣжный и добрый человекъ! онъ говорилъ мнѣ Богъ знаетъ какія ужасныя вещи про Дмитрія Сергѣича. Но если пересказать ихъ дружескимъ тономъ къ Дмитрію Сергѣичу, вмѣсто жесткаго, будто враждебнаго ему тона, которымъ говорилъ Рахметовъ, — что жъ, пожалуй, онъ справедливъ. Я подозреваю, что Дмитрію Сергѣичу было очень понятно, какія вещи будетъ говорить мнѣ Рахметовъ, и что это входило въ его расчетъ. Да, для меня тогда нужно было слышать это, это меня много успокоило, и кто бы ни устроилъ этотъ разговоръ, я очень благодарна за него вамъ, мой другъ. Но и самъ свирѣпый Рахметовъ долженъ былъ признать, что въ послѣдней половинѣ дѣла Дмитрій Сергѣичъ поступалъ отлично. Рахметовъ винилъ его только за первую половину, въ которой онъ имѣетъ охоту оправдываться. Я буду оправдываться во второй половинѣ, хотя никто не говорилъ мнѣ, что я въ ней виновата. Но у каждаго изъ насъ, — я говорю про насъ и

нашихъ друзей, про весь нашъ кружокъ, есть морщатель болѣе строгій, чѣмъ самъ Рахметовъ; это нашъ собственный умъ.

Да, я понимаю, мой другъ, что было бы гораздо легче для всѣхъ, если бы я смотрѣла на дѣло проще и не придавала ему слишкомъ трагическаго значенія. По взгляду Дмитрія Сергѣича, должно сказать больше: тогда ему вовсе не было бы надобности прибѣгать къ эффектной и очень тяжелой для него развязкѣ, онъ былъ доведенъ до нея только излишнею пылкостью моей тревоги. Я понимаю, что ему должно такъ казаться, хоть онъ и не поручалъ вамъ передавать мнѣ это. Тѣмъ больше я цѣню его расположеніе ко мнѣ, что оно не ослабѣло даже и отъ такого мнѣнія. Но послушайте, мой другъ, оно не совсѣмъ справедливо, оно вовсе несправедливо: не отъ моей ошибки, не отъ излишней моей тревоги произошла для Дмитрія Сергѣича необходимость испытать то, что онъ самъ называетъ очень тяжелымъ. Правда, если бы я не придавала чрезмѣрной важности перемѣнѣ отношеній, можно было бы обойтись безъ поѣздки въ Рязань; но онъ говоритъ, что она не была тяжела для него; итакъ, тутъ еще не было большой бѣды отъ моего экзальтированнаго взгляда. Тяжела была для Дмитрія Сергѣича только необходимость погибнуть. Онъ объясняетъ неизбежность этого своего рѣшенія двумя причинами: я страдала отъ чрезмѣрной признательности къ нему, я страдала отъ того, что не могла стать въ такія отношенія къ Александру, какія требуются общественными условіями. Дѣйствительно, я не была совершенно спокойна, я тяготилась своимъ положеніемъ, пока онъ не погибъ, но онъ не отгадываетъ настоящей причины. Онъ думаетъ, что видъ его тяготилъ меня чрезмѣрнымъ бременемъ признательности, — это не совсѣмъ такъ. Человѣкъ очень расположенъ отыскивать мысли, которыми можетъ облегчить себя; и въ то время, когда Дмитрій Сергѣичъ видѣлъ надобность погибѣти, эта причина уже давно не существовала: моя признательность къ нему давно получила ту умѣренность, при которой она составляетъ пріятное чувство. А вѣдь только эта причина и имѣла связь съ моимъ прежнимъ экзальтированнымъ взглядомъ на дѣло. Другая причина, которую приводитъ Дмитрій Сергѣичъ — желаніе придать моимъ отношеніямъ къ Александру характеръ, признаваемый обществомъ, — вѣдь она уже нисколько не зависѣла отъ моего взгляда на дѣло, она происходила изъ понятій общества. Надъ нею я была бы безсильна. Но Дмитрій

Сергѣичъ совершенно ошибается, думая, что его присутствие было тяжело для меня по этой причинѣ. Нѣтъ. И безъ его погибели было бы легко устранить ее, если бы это было нужно и если бы этого было достаточно для меня. Если мужъ живетъ вмѣстѣ съ женою, этого довольно, чтобы общество не дѣлало скандала женѣ, въ какихъ бы отношеніяхъ ни была она къ другому. Это ужъ большой успѣхъ. Мы видимъ много примѣровъ тому, что благодаря благородству мужа, дѣло устраивается такимъ образомъ; и во всѣхъ этихъ случаяхъ, общество оставляетъ жену въ покоѣ. Теперь я нахожу, что это самый лучший и легкий для всѣхъ способъ устраивать дѣла, подобныя нашему. Дмитрій Сергѣичъ прежде предлагалъ мнѣ этотъ способъ. Я тогда отвергла его по своей экальтивированности. Не знаю, какъ было бы, если бы я тогда приняла его. Если бы я могла быть довольна тѣмъ, что общество оставило бы меня въ покоѣ, не дѣлало бы мнѣ скандала, не хотѣло бы видѣть моихъ отношеній къ Александру,—тогда, конечно, способъ, который предлагалъ мнѣ Дмитрій Сергѣичъ, былъ бы достаточно, и ему не нужно было бы рѣшаться на погибель. Тогда, конечно, у меня не было бы никакой причины желать, чтобы мои отношенія къ Александру были опредѣлены формальнымъ образомъ. Но мнѣ кажется, что это устройство дѣла, удовлетворительное въ большей части случаевъ, подобныхъ нашему, не было бы удовлетворительно въ нашемъ. Наше положеніе имѣло ту рѣдкую случайность, что всѣ три лица, которыхъ оно касалось, были равносильны. Если бы Дмитрій Сергѣичъ чувствовалъ превосходство Александра надъ собою по уму, развитію или характеру, если бы, уступая свое мѣсто Александру, онъ уступалъ бы превосходству нравственной силы, если бы его отказъ не былъ добровольнъ, былъ бы только отступленіемъ слабаго передъ сильнымъ, о, тогда, конечно, мнѣ нечѣмъ было бы тяготиться. Точно то же, если бы я по уму или характеру была гораздо сильнѣе Дмитрія Сергѣича, если бы онъ до развитія моихъ отношеній къ Александру, былъ тѣмъ, что очень хорошо характеризуетъ анекдотъ, надъ которымъ, помнишь, мой другъ, мы много смѣялись, — анекдотъ, какъ встрѣтились въ фойе оперы два господина, разговорились, понравились другъ другу, захотѣли познакомиться: — «я поручилъ такой-то,» сказалъ одинъ, рекомендуясь, — «а я мужъ г-жи Тедеско,» отрекомендовался другой. Если бы Дмитрій Сергѣичъ былъ «мужъ г-жи Тедеско», о, тогда конечно не было

бы никакой надобности въ его погибели, онъ покорялся бы, смирялся бы, и если бы былъ человѣкъ благородный, онъ не видѣлъ бы въ своемъ смиреніи ничего обиднаго для себя, и все было бы прекрасно. Но его отношеніе ко мнѣ и къ Александру было вовсе не таково. Онъ не былъ ни на волосъ слабѣе или ниже кого нибудь изъ насъ, — и мы это знали, и онъ это зналъ. Его уступка не была слѣдствіемъ безсилія — о, вовсе нѣтъ! Она была чисто дѣломъ его доброй воли. Такъ ли, мой другъ? Вы не можете отрицать этого. Поэтому, въ какомъ же положеніи видѣла я себя? Вотъ въ этомъ, мой другъ, вся сущность дѣла. Я видѣла себя въ положеніи зависимости отъ его доброй воли, вотъ почему мое положеніе было тяжело мнѣ, вотъ почему онъ увидѣлъ надобность въ своемъ благородномъ рѣшеніи — погибнуть. Да, мой другъ, причина моего чувства, принудившаго его къ этому, скрывалась гораздо глубже, нежели объясняетъ онъ въ вашемъ письмѣ. Обременительный размѣръ признательности уже не существовалъ. Удовлетворить претензіямъ общества было бы легко тѣмъ способомъ, какой предлагалъ мнѣ самъ Дмитрій Сергѣичъ; да претензіи общества и не доходили до меня, живущей въ своемъ маленькомъ кругу, который совершенно не имѣетъ ихъ. Но я оставалась въ зависимости отъ Дмитрія Сергѣича, мое положеніе имѣло своимъ основаніемъ только его добрую волю, оно не было самостоятельно — вотъ причина того, что оно было тяжело. Судите же теперь, могла ли эта причина быть предотвращена тѣмъ или другимъ взглядомъ моимъ на перемѣну нашихъ отношеній. Тутъ важность была не въ моемъ взглядѣ, а въ томъ, что Дмитрій Сергѣичъ человѣкъ самобытный, поступавшій такъ или иначе только по своей доброй волѣ, по доброй волѣ! Да, мой другъ, вы знаете и одобряете это мое чувство, я не хочу зависѣть отъ доброй воли чьей бы то ни было, хотя бы самага преданнаго мнѣ человѣка, хотя бы самага уважаемаго мною человѣка, въ которомъ я не менѣе увѣрена, чѣмъ въ самой себѣ, о которомъ я положительно знаю, что онъ всегда съ радостью будетъ дѣлать все, что мнѣ нужно, что онъ дорожить моимъ счастьемъ не меньше, нежели я сама. Да, мой другъ, не хочу, и знаю, что вы одобряете это.

И однако же, къ чему все это говорится, къ чему этотъ анализъ, раскрывающій самые тайные мотивы чувствъ, которыхъ никто не могъ бы доискаться? все-таки, у меня, какъ у Дмитрія Сергѣича, это саморазоблаченіе дѣлается въ свою же пользу,

чтобы можно было сказать: я тутъ не виновата, дѣло зависѣло отъ такого факта, который не былъ въ моей власти. Дѣлаю эту замѣтку потому, что Дмитрій Сергѣичъ любилъ такія замѣчанія. Я хочу подольститься къ вамъ, мой другъ.

Но довольно объ этомъ. Вы имѣли столько симпатіи ко мнѣ, что не пожалѣли потратить нѣсколько часовъ времени на ваше длинное (и, о, какое драгоценное для меня) письмо; изъ этого я вижу, какъ я дипломатически пишу точно такіе обороты, какъ у Дмитрія Сергѣича или у васъ, — да, изъ этого, только изъ этого я вижу, что вамъ интересно будетъ узнать, что было со мною послѣ того, какъ Дмитрій Сергѣичъ проестился со мною, уѣзжая въ Москву, чтобы вернуться и погибнуть. Возвратившись изъ Рязани, онъ видѣлъ, что я стѣснена. Это сильно обнаружилось во мнѣ только, когда онъ возвратился. Пока онъ жилъ въ Рязани, я, скажу вамъ правду, не такъ много думала о немъ, нѣтъ, не такъ много, какъ полагаете вы, судя потому, что онъ видѣлъ возвратившись. Но когда онъ уѣхалъ въ Москву, я видѣла, что онъ задумалъ что-то особенное. Замѣчалось, что онъ развязывается съ дѣлами въ Петербургѣ, видно было, что онъ съ недѣлю ужъ только и ждалъ ихъ окончанія, чтобы уѣхать, и потомъ, — какъ же не было бы этого? я въ послѣдніе дни замѣчала иногда грусть на его лицѣ, этомъ лицѣ, которое довольно умѣетъ не выдавать тайны. Я предчувствовала, что готовится что-то рѣшительное, крутое. И когда онъ садился въ вагонъ, мнѣ было такъ грустно, такъ грустно. И слѣдующій день я грустила, и на третій день поутру встала еще грустнѣе, и вдругъ, Маша подаетъ мнѣ письмо, — какая это была мучительная минута, какой это мучительный часъ, мучительный день, — вы знаете. Поэтому, мой другъ, я теперь лучше, чѣмъ прежде, знаю силу моей привязанности къ Дмитрію Сергѣичу. Я сама не думала, что она такъ сильна. Да, мой другъ, я теперь знаю силу ея, знаете и вы, потому что вы, конечно, знаете, что я рѣшилась тогда разстаться съ Александромъ; весь день я чувствовала, что моя жизнь разбита, отравлена навсегда, вы знаете и мой дѣтскій восторгъ, при видѣ записки моего добраго, добраго друга, записки, совершенно перемѣнившей мои мысли (видите, какъ осторожны мои выраженія, вы должны быть довольны мною, мой другъ). Вы знаете все это, потому что Рахметовъ отправился провожать васъ, посадивши меня въ вагонъ; Дмитрій Сергѣичъ и онъ были правы, говоря, что все-таки надобно было уѣхать изъ Петербурга, для

довершенія того эффекта, ради котораго Дмитрій Сергѣичъ не пожалѣлъ оставлять меня на страшныя мученія цѣлый день,—какъ я благодарна ему за эту безжалостность! Онъ и Рахметовъ также были правы, посовѣтовавъ Александру не являться ко мнѣ, не провожать меня. Но мнѣ уже не было надобности ѣхать до Москвы, нужно было только удалиться изъ Петербурга, и я остановилась въ Новгородѣ. Черезъ нѣсколько дней, туда пріѣхалъ Александръ, привезъ документы о погибелѣ Дмитрія Сергѣича, мы повѣчались черезъ недѣлю послѣ этой погибелѣ и прожили съ мѣсяцъ на желѣзной дорогѣ, въ Чудовѣ, чтобы Александру удобно было ѣздить три, четыре раза въ недѣлю въ свой гошпиталь. Вчера мы возвратились въ Петербургъ, — вотъ причина, по которой я такъ долго не отвѣчала на ваше письмо: оно лежало въ ящикѣ Маши, которая вовсе было и забыла о немъ. А вы, вѣроятно, Богъ знаетъ, чего не придумали, такъ долго не получая отвѣта.

Обнимаю васъ, милый другъ, ваша

Вѣра Кирсанова.

Жму твою руку, мой милый. Только, пожалуйста, ужъ хоть мнѣ—то ты не пиши комплиментовъ; иначе, я изволю передъ тобою сердце мое цѣлымъ потокомъ превознесеній твоего благородства, томище чего, конечно, ничто не можетъ быть для тебя. А знаешь ли, что? не доказывается ли присутствіе порядочной дозы туцоумія, какъ во мнѣ, такъ и въ тебѣ, гѣмъ, что я ты мнѣ и я тебѣ пишемъ лишь по нѣсколько строкъ; кажется, доказывается, будто мы съ тобою нѣсколько стѣсняемся. Впрочемъ, мнѣ—то, положимъ, это еще извинительно; а ты съ какой стати? Но въ слѣдующій разъ уже надѣюсь разсуждать съ тобою свободно и напишу тебѣ груду здѣшнихъ новостей. Твой, Александръ Кирсановъ.

III.

Письма эти, совершенно искреннія, дѣйствительно были нѣсколько односторонны, какъ замѣчала сама Вѣра Павловна. Оба корреспондента, конечно, старались уменьшить другъ передъ другомъ силу тяжелыхъ потрясеній, которыя были ими испытаны,—о, эти люди очень хитры! Я часто слыхивалъ отъ нихъ, то есть отъ этихъ и отъ подобныхъ имъ, такія вещи, что тутъ же

хохоталъ среди ихъ патетическихъ увѣреній, что, дескать, это для меня было совершенно ничего, очень легко: разумѣется, хохоталъ, когда увѣренія дѣлались передо мною, человѣкомъ постороннимъ, и при разговорѣ только вдвоемъ. А когда то же самое говорилось человѣку, которому нужно это слушать, то я поддакивалъ, что это, дескать, точно, пустяки. Препотѣшное существо порядочный человѣкъ: я всегда смѣялся надъ каждымъ порядочнымъ человѣкомъ, съ которымъ знакомъ.

Препотѣшное существо, даже до нелѣпости. Вотъ, хоть бы эти письма. Я къ этимъ штукамъ отчасти ужъ попривыкъ, водя дружбу съ такими господами и господами; ну, а на свѣжаго, неспорченного человѣка, какъ должны онѣ дѣйствовать, напрымѣрь, на пронизательнаго читателя?

Пронизательный читатель ужъ успѣлъ опростать свой ротъ отъ салфетки и изрекаетъ, качая головою:

— Безнравственно!

— Молодецъ! угадалъ! похваляю я его:—ну, порадуй еще словечкомъ.

— Да и авторъ-то безнравственный человѣкъ, изрекаетъ пронизательный читатель:—вишь, какія вещи одобряеть.

— Нѣтъ, мой милашка, ты ошибаешься. Я тутъ многое не одобряю. Пожалуй, даже все не одобряю, если тебѣ сказать по правдѣ. Все это слишкомъ еще мудрено, восторженно; жизнь гораадо проще.

— Такъ ты, значитъ, еще безнравственнѣе? спрашиваетъ меня пронизательный читатель, вылупивъ глаза отъ удивленія тому, до какой недостижимой безнравственности упало человѣчество въ моемъ персонажѣ.

— Гораадо безнравственнѣе, говорю я, неизвѣстно, въ правду ли, на смѣхъ ли надъ пронизательнымъ читателемъ.

Переписка продолжалась, еще три, четыре мѣсяца, — дѣятельно со стороны Кирсановыхъ, небрежно и скудно со стороны ихъ корреспондента. Потому онъ и вовсе пересталъ ствѣчать на ихъ письма: по всему видно было, что онъ только хотѣлъ передать Вѣрѣ Павловнѣ и ея мужу тѣ мысли Лопухова, изъ которыхъ составилось такое длинное первое письмо его, а исполнивъ эту обязанность, почелъ дальнѣйшую переписку излишнею. Оставшись раза два, три безъ отвѣта, Кирсановы поняли это и перестали писать.

IV.

Вѣра Павловна отдыхаетъ на своей мягкой кушеткѣ, дожидаясь мужа изъ его гонимата къ обѣду. Нынѣ она мало хлопотала въ кухнѣ надъ сладкими прибавками къ обѣду, ей хотѣлось поскорѣе прилечь, отдохнуть, потому что она до сыта наработалась въ это утро, и ужь давно такъ, и еще довольно долго будетъ такъ, что она будетъ имѣть до сыта работы по утрамъ: вѣдь она устраиваетъ другую швейную въ другомъ концѣ города. Вѣра Павловна Лопухова жила на Васильевскомъ. Вѣра Павловна Кирсанова живетъ въ Сергіевской улицѣ, потому что мужу нужно имѣть квартиру ближе къ Выборгской сторонѣ. Мерцалова очень хорошо пришлась по той швейной, которая была устроена на Васильевскомъ, — да и натурально: вѣдь она и мастерская были ужь очень хорошо знакомы между собою. Вѣра Павловна, возвратившись въ Петербургъ, увидѣла, что если и нужно ей бывать въ этой швейной, то развѣ изрѣдка, не на долго; что если она продолжаетъ бывать тамъ почти каждый день, то собственно потому только, что ее влечетъ туда ея привязанность, и что тамъ встрѣчаетъ ее привязанность; можетъ быть, на нѣсколько времени еще и не вовсе бесполезны ея посѣщенія, все-таки Мерцалова еще находить иногда нужнымъ совѣтоваться съ нею; но это беретъ такъ мало времени, и бываетъ все рѣже; а скоро Мерцалова приобрететъ столько опытности, что вовсе перестанетъ нуждаться въ Вѣрѣ Павловнѣ. Да, ужь и въ первое время по возвращеніи въ Петербургъ, Вѣра Павловна бывала въ швейной на Васильевскомъ больше, какъ любимая гостыя, чѣмъ какъ необходимое лицо. Чѣмъ же заняться? — ясно, чѣмъ: надобно основать другую швейную въ своемъ новомъ сосѣдствѣ, въ другомъ концѣ города.

И вотъ основывается новая мастерская въ одномъ изъ переулковъ, идущихъ между Бассейною и Сергіевской. Съ нею гораздо меньше хлопотъ, чѣмъ съ прежнею: пять дѣвушекъ, составившія основной штатъ, перешли сюда изъ прежней мастерской, гдѣ мѣста ихъ были заняты новыми; остальной штатъ набрался изъ хорошихъ знакомыхъ тѣхъ швей, которыя работали въ прежней мастерской. А это значить, что все было уже приготовлено болѣе, чѣмъ на половину: цѣль и порядокъ швейной

были хорошо извѣстны всѣмъ членамъ компаніи, новыя дѣвушки прямо и поступали съ тѣмъ желаніемъ, чтобы съ перваго же раза было введено то устройство, котораго такъ медленно достигала первая мастерская. О, теперь дѣло устройства идетъ въ десять разъ быстрее, чѣмъ тогда, и хлопотъ съ нимъ втрое меньше. Но все-таки много работы, и Вѣра Павловна устала нынѣ, какъ уставала и вчера, и третьяго дня, какъ уставала ужъ мѣсяца два, только еще два мѣсяца, хотя уже больше полгода прошло со времени втораго замужства; чтожь, надобно же было сдѣлать себѣ свадебный праздникъ, и она праздновала долго. Но теперь она ужъ принялась за работу.

Да, нынѣ она работалась, и отдыхаетъ, и думаетъ о многомъ, о многомъ, все больше о настоящемъ: оно такъ хорошо и полно! оно такъ полно жизни, что рѣдко остается время воспоминаньямъ; воспоминанія будутъ послѣ, о, гораздо послѣ, и даже не черезъ десять лѣтъ, не черезъ двадцать лѣтъ, а послѣ; теперь еще не ихъ время, и очень еще долго будетъ не ихъ время. Но все-таки бываютъ они и теперь, изрѣдка, вотъ, напримѣръ, и нынѣ ей вспомнилось то, что чаще всего вспоминается въ этихъ не частыхъ воспоминаніяхъ. Вотъ что ей вспоминается:

V.

«Миленкій! я ѣду съ тобою!» — «Да вѣдь съ тобою нѣтъ твоихъ вещей». — «Миленкій мой, завтра же поѣду вслѣдъ за тобою, когда ты не хотѣлъ взять меня съ собою нынѣ». — «Подумай. Посмотри. Подожди моего письма. Оно будетъ завтра же».

Вотъ она возвращается домой; что она чувствовала, когда ѣхала съ Машею домой, что чувствовалось и думалось ей во всю эту длинную дорогу съ Московской станціи за средній проспектъ? она сама не знаетъ, такъ она потрясена была быстрымъ оборотомъ дѣла: еще не прошло сутокъ, да, только черезъ два часа будутъ сутки послѣ того, какъ онъ написалъ ея письмо у себя въ комнатѣ, и вотъ онъ ужъ удался, — какъ это скоро, какъ это внезапно! въ два часа ночи, она еще ничего не предвидѣла, онъ выждалъ, когда она, истомленная тревогою того утра, ужъ не могла долго противиться сну, вошелъ, сказалъ нѣсколько словъ, и въ этихъ немногихъ словахъ почти все было только непонятное предисловіе къ тому, что онъ хотѣлъ сказать, а что онъ хотѣлъ

сказать, въ какихъ короткихъ словахъ сказалъ онъ: — «я давно не видѣлъ своихъ стариковъ, сѣзжу къ нимъ; они будутъ рады» — только, и тотчасъ же ушелъ. Она бросилась вслѣдъ за нимъ, хотъ онъ, вѣдючи, и бралъ съ нея слово не дѣлать этого, бросилась за нимъ—гдѣ жъ онъ?—Маша, гдѣ жъ онъ, гдѣ жъ онъ? Маша, еще убирающая чайныя принадлежности послѣ недавнихъ гостей, говоритъ:—«Дмитрій Сергѣевичъ ушелъ; сказалъ, когда проходилъ:—я иду гулять». И она должна была лечь спать; и странно, какъ могла она уснуть? но вѣдь она не знала же, что это будетъ въ то же утро, которое уже свѣтало; онъ говорилъ, что они еще успѣютъ переговорить обо всемъ. И едва она успѣла проснуться, ужъ пора вѣзти на желѣзную дорогу. Да, все это только мелькнуло передъ ея глазами, какъ будто не было это съ нею, будто ей кто-то торопливо рассказывалъ, что это было съ кѣмъ-то. Только теперь, возвратившись домой съ желѣзной дороги, она очнулась и стала думать: что же теперь съ нею, что же съ ней будетъ?

Да, она поѣдетъ въ Рязань. Поѣдетъ. Иначе нельзя ей. Но это письмо? что будетъ въ этомъ письмѣ? Нѣтъ, что же ждать этого письма для того, чтобы рѣшиться? Она знаетъ, что будетъ въ немъ. Но все-таки надобно отложить рѣшеніе до письма. Къ чему же отлагать? Она поѣдетъ. Да, она поѣдетъ. Это думается часъ, это думается два, это думается три, четыре часа. Но Маша проголодалась и ужъ въ третій разъ зоветъ ее обѣдать, и въ этотъ разъ больше велитъ ей, чѣмъ зоветъ. Чтожъ, и это разсѣяніе.—«Бѣдная Маша, какъ я заставила ее проголодаться».—«Да что же вы ждали меня, Маша, — вы бы давно обѣдали, не дожидаясь меня».—«Какъ это можно, Вѣра Павловна». И опять думается часъ, два: «я поѣду. Да, завтра же поѣду. Только дождусь письма, потому что онъ просилъ объ этомъ. Но, что бы ни было написано въ немъ,—да вѣдь я и знаю, что будетъ въ немъ, все равно, что бы ни было написано въ немъ, я поѣду». Это думается часъ, и два;—да, часъ думается это; но два, думается ли это? Нѣтъ, хотъ и думается все это же, но думаются еще четыре слова, такія маленькія четыре слова: «онъ не хочетъ этого», и все больше и больше думаются эти четыре маленькія слова, и вотъ ужъ солнце заходитъ, а все думается прежнее и эти четыре маленькія слова; и вдругъ передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ опять входитъ неотвязная Маша и требуетъ, чтобы Вѣра Павловна пила чай—передъ самымъ этимъ временемъ, изъ этихъ четырехъ

маленькихъ словъ вырастаютъ пять другихъ маленькихъ словъ: «и мнѣ не хочется этого». Какъ хорошо сдѣлала неотвѣзная Маша, что вошла!—она прогнала эти новыя пять маленькихъ словъ.

Но и благодѣтельная Маша не на долго прогнала эти пять маленькихъ словъ. Сначала они сами не смѣли явиться, они вмѣсто себя прислали опроверженіе себѣ: «но я должна ѣхать», и только затѣмъ прислали, чтобы самимъ вернуться, подѣ прикрытіемъ этого опроверженія:—въ одинъ мигъ съ нимъ опять явились ихъ носители, четыре маленькія слова, «онъ не хочетъ этого», и въ тотъ же мигъ эти четыре маленькія слова опять превратились въ пять маленькихъ словъ: «и мнѣ не хочется этого». И думается это полчаса, а черезъ полчаса эти четыре маленькія слова, эти пять маленькихъ словъ уже начинаютъ передѣлывать по своей волѣ даже прежнія слова, самыя главныя прежнія слова, и изъ двухъ самыхъ главныхъ словъ «я поѣду»—вырастаютъ три слова: ужъ вовсе не такія, хотъ и тѣ же самыя: «поѣду ли я?» вотъ какъ растутъ и превращаются слова! Но вотъ, опять Маша: «я ему, Вѣра Павловна, ужъ отдала цѣлковый, тутъ надписано: если до 9-ти часовъ принесетъ, такъ цѣлковый, позже, такъ полтинникъ. Это принесъ кондукторъ, Вѣра Павловна, прѣхалъ съ вечернимъ поѣздомъ: говорить, какъ общался, такъ и сдѣлалъ, для скорости взялъ извозчика». Письмо отъ него! — да! Она знаетъ, что въ этомъ письмѣ: «не ѣзди», но она все-таки поѣдетъ, она не хочетъ слушать этого нисма, не послушаетъ его, она все-таки поѣдетъ, поѣдетъ. Нѣтъ, въ письмѣ не то, — вотъ что въ немъ, и чего нельзя не слушать: «я ѣду въ Рязань; но не прямо въ Рязань. У меня много заводскихъ дѣлъ по дорогѣ. Кромѣ Москвы, гдѣ, по множеству дѣлъ, мнѣ надобно прожить съ недѣлю, я долженъ побывать въ двухъ городахъ передъ Москвою, въ трехъ мѣстахъ за Москвою, прежде чѣмъ попаду въ Рязань. Сколько времени гдѣ я проживу, когда буду гдѣ,—этого нельзя опредѣлить, ужъ и по одному тому, что въ числѣ другихъ дѣлъ, мнѣ надобно получать деньги съ нашихъ торговыхъ корреспондентовъ; а ты знаешь, милый другъ мой»—да, это было въ письмѣ: «милый мой другъ», нѣсколько разъ было, чтобъ я видѣла, что онъ все по прежнему расположенъ ко мнѣ, что въ немъ нѣтъ никакого неудовольствія на меня, вспоминаетъ Вѣра Павловна: я тогда цаловала эти слова «милый мой другъ»,—да, было такъ:—«милый мой другъ, ты знаешь, что когда надобно получить деньги, часто приходится ждать нѣсколько дней тамъ, гдѣ раз-

считывалъ пробить лишь нѣсколько часовъ. Поэтому я рѣшительно не знаю, когда доберусь до Рязани; но только навѣрное, не очень скоро». Она почти слово въ слово помнитъ это письмо. Чтожъ это? Да, онъ совершенно отнялъ у нея возможность схватиться за него, чтобъ удержаться подлѣ него. Чтожъ ей теперь дѣлать? и прежнія слова: «я должна ѣхать къ нему» превращаются въ слова: «все-таки, я не должна видѣться съ нимъ», и этотъ «онъ» ужь не тотъ, о которомъ думалось прежде. Эти слова замѣняютъ всѣ прежнія слова, и думается часъ, и думается два: «я не должна видѣться съ нимъ»; и какъ, когда они успѣли измѣниться, только уже измѣнились въ слова: «неужели я захочу увидѣться съ нимъ? — нѣтъ»; и когда она засыпаетъ, эти слова сдѣлались уже словами: «неужели же я увижусь съ нимъ?» только гдѣ жь отвѣтъ? когда онъ исчезъ? И едва ли ужь не выросли они, да, они выросли въ слова: «неужели жь я не увижусь съ нимъ»? И когда она засыпаетъ на зарѣ, она засыпаетъ ужь съ этими словами: «неужели жь я не увижусь съ нимъ?»

И когда она просыпается поздно по утру, ужь вмѣсто всѣхъ прежнихъ словъ все только борятся два слова съ однимъ словомъ: «не увижусь»—«увижусь»,—и такъ идетъ все утро; забыто все, забыто все въ этой борьбѣ, и то слово, которое побольше, все хочетъ удержать при себѣ маленькое слово, такъ и хватается за него, такъ и держитъ его: «не увижусь»; а маленькое слово все отбѣгаетъ и пропадаетъ, все отбѣгаетъ и пропадаетъ: «увижусь»; забыто все, забыто все, въ усиляхъ большаго слова удержать при себѣ маленькое, да, и оно удерживаетъ его, и зоветъ на помощь себѣ другое маленькое слово, чтобы некуда было отбѣгать этому прежнему маленькому слову: «нѣтъ, не увижусь... нѣтъ, не увижусь»,—да, теперь два слова крѣпко держатъ между собою измѣнчивое самое маленькое слово, некуда уйти ему отъ нихъ, сжали они его между собою: «нѣтъ, не увижусь»—«нѣтъ, не увижусь»..... «Нѣтъ, не увижусь»,—только чтожъ это дѣлаетъ она? шляпа ужь надѣта, и это она инстинктивно взглянула въ зеркало: приглажены ли волоса, да, въ зеркалѣ она увидѣла, что на ней шляпа, и изъ этихъ трехъ словъ, которыя срослись было такъ твердо, осталось одно, и къ нему прибавилось новое: «нѣтъ возврата». Нѣтъ возврата, нѣтъ возврата. «Мама, вы не ждите меня объѣдать; я не буду нынѣ объѣдать дома».

— Александръ Матвѣичъ еще не изволили возвращаться изъ

гопшпнтала, спокойно говоритъ Степанъ, да и какъ же не говорить ему спокойно, съ «легкою»? въ ея появленіи нѣтъ ничего особеннаго: прежде, еще недавно, она часто бывала здѣсь. «Я и думала такъ; все равно, я посижу. Вы не говорите ему, что я здѣсь». Она беретъ какой-то журналъ—да, она можетъ читать, она видитъ, что можетъ читать; да, какъ только «нѣтъ возврата», какъ только принято рѣшеніе, она чувствуетъ себя очень спокойною. Конечно, она мало читала, она вовсе не читала; она осмотрѣла комнату, она стала прибирать ее, будто хозяйка; конечно, мало прибирала, вовсе не прибирала, но какъ она спокойна: и можетъ читать, и можетъ заниматься дѣломъ, замѣтила, что нѣтъ щепотки пепелъ, да и сукожную скатерть на столѣ надобно поправить, и этотъ стулъ остался сдвинуть съ мѣста. Она сидитъ, и думаетъ: «нѣтъ возврата, нѣтъ набора; начинается новая жизнь»—думаетъ часъ, думаетъ два: «начинается новая жизнь. Какъ онъ удивится, какъ онъ будетъ счастливъ. Начинается новая жизнь. Какъ мы счастливы». Звонокъ; она немного испугалась и улыбнулась; шаги, дверь открывается.—«Вѣра Павловна!»—онъ пошатнулся, да, онъ пошатнулся, онъ схватился за ручку двери; но она ужъ побѣжала къ нему, обняла его: «милый мой, милый мой! Какъ онъ благородень! какъ я люблю тебя! я не могла жить безъ тебя!» и потомъ—что было потомъ? какъ они перешли черезъ комнату? Она не помнитъ, она помнитъ только, что побѣжала къ нему, поцеловала его, но какъ они перешли черезъ комнату, она не помнитъ, и онъ не помнитъ; они только помнятъ, когда они уже обходили мимо креселъ, около стола, а какъ они отошли отъ двери... Да, на нѣсколько секундъ у обонхъ закружилась голова, потемнѣло въ глазахъ отъ этого поцелуя... — «Вѣрочка, ангелъ мой!» — «Другъ мой, я не могла жить безъ тебя. Какъ долго ты любилъ меня, и молчалъ! Какъ ты благородень! Какъ онъ благородень, Саша!» — «Расскажи же, Вѣрочка, какъ это было?» — «Я сказала ему, что не могу жить безъ тебя; на другой день, вчера, онъ ужъ ухалъ, я хотѣла ѣхать за нимъ, весь день вчера думала, что поѣду за нимъ, а теперь, видишь, я ужъ давно сидѣла здѣсь».—«Но какъ ты похуѣла въ эти двѣ недѣли, Вѣрочка, какъ блѣды твои руки!» Онъ цалуетъ ея руки—«да, мой милый, это была тяжелая борьба! Теперь я могу цѣнить, какъ много страдалъ ты, чтобы не нарушать моего покоя! какъ могъ ты такъ владѣть собою, что я ни-

чего не видела? Какъ много ты долженъ былъ страдать!» — «Да, Вѣрочка, это было не легко», — онъ все цалуешь ей руки, все смотритъ на нихъ, и вдругъ, она хохочетъ: — «Ахъ, какая жь я внимательная къ тебѣ! Вѣдь ты усталъ, Саша, вѣдь ты голодный!» Она вырывается отъ него и бѣжитъ. «Куда ты, Вѣрочка?» Но она ничего не отвѣчаетъ, она ужь съ тухлой и торосиной, весело говоритъ Степану: — «скорѣ идите обѣдать, на два прибора, — скорѣ! гдѣ тарелки, и все, дайте, я одна возьму и накрою столъ, а вы не спите кушайте. Александръ ужь усталъ отъ своего гонимата, надобно скорѣ дать ему обѣдать». Она сидитъ съ тарелками, на тарелкахъ шевелятъ ножки, вилки, ложки. — «Ха, ха, ха, мой милый! первая забота влюбленныхъ при первомъ свиданьи — поскорѣ пообѣдать! ха, ха, ха!» И онъ смѣется, помогаетъ ей накрывать столъ, много помогаетъ, но больше мѣшаетъ, потому что все цалуешь ей руки. «Ахъ, Вѣрочка, какъ бѣдны эти руки!» и все цалуешь ихъ. Они цалуются и смѣются — «Ну, Саша, за столомъ сидѣть смирно!» Степанъ подаетъ супъ. За обѣдомъ она рассказываетъ, какъ все это было. «Ха, ха, мой милый, какъ мы ѣдимъ, влюбленные! Правда, и вчера ничего не ѣла». Входитъ Степанъ съ послѣднимъ блюдомъ. «Степанъ! кажется, вы останетесь безъ обѣда отъ меня?» — «Да, Вѣра Павловна, придется прикупить для себя что нибудь въ лавочкѣ». — «Ничего, Степанъ; впередъ вы ужь будете знать, что надобно готовить, кромѣ самихъ васъ, на двоихъ. Саша, гдѣ жь твоя сигарочница? Дай мнѣ». Она сама обрѣзываетъ для него сигару, сама закуриваетъ ее. «Кури, мой милый, а я пока пойду готовить кофе, или ты хочешь чаю? Нѣтъ, мой милый, нашъ обѣдъ долженъ быть лучше, вы съ Степаномъ слишкомъ мало заботились объ этомъ». Она возвращается черезъ пять минутъ, Степанъ несетъ за нею чайный приборъ, и возвратившись, она видитъ, что сигара Александра погасла — «ха, ха, мой милый, какъ ты замечтался безъ меня!» и онъ смѣется — «кури же» — она опять закуриваетъ ему сигару.

И, припоминая все это, Вѣра Павловна смѣется и теперь: «какъ же прозвѣченъ нашъ романъ! Первое свиданье — и супъ, головы закружились отъ перваго поцалуя — и хороший аппетитъ, вотъ такъ сцена любви! Это презабавно! Да, какъ сияли его глаза! Чтось, впрочемъ, они и теперь такъ же сияютъ. И сколько его слезъ упало на мои руки, которыя были тогда такъ блѣдны, — вотъ этого теперь ужь, конечно, нѣтъ; въ самомъ дѣлѣ,

руки у меня хорошие, она говоритъ правду». И Вѣра Павловна, взглянувъ на свои руки, опускаетъ ихъ на колѣно, такъ что она обрисовывается подъ легкимъ пеньюаромъ, и она думаетъ опять: «она говоритъ правду», и улыбается, ея рука медленно сползаетъ на грудь и можно приложить къ груди, и Вѣра Павловна думаетъ: «правда».

«Ахъ, чтожь это я вспоминаю, продолжаетъ думать Вѣра Павловна и смѣется, — чтожь это я дѣлаю? будто это соединено съ этими воспоминаніями! о, нѣтъ, это первое свиданіе; состоявшее изъ объданья, цалованья рукъ, моего и его смѣха, слезъ о моихъ блѣдныхъ рукахъ, оно было совершенно оригинальное. Я сажусь разливать чай: «Степанъ, у васъ нѣтъ сливокъ? можно гдѣ нибудь достать хорошихъ? Да нѣтъ, некогда, и навѣрное молока достать. Такъ и быть; но завтра мы устроимъ это. Кури же, мой милый! ты все забываешь курить».

Еще не допить чай, раздается орава: вѣдомъ колокольчика, и въ комнату влетаютъ два студента, и въ своей горючivosti, даже не видятъ ея. — «Александръ Матвѣичъ, интересный субъектъ! говорить она, затихавшій: — сейчасъ привезли, чрезвычайно рѣдкое животное», Богъ знаетъ, какой латинскій терминъ, обозначающій болѣзнь интереснаго субъекта. «Очень любовно, Александръ Матвѣичъ, и нужна немедленная помощь, каждые полчаса дорать, мы даемъ ѣхали на извозчикѣ». — «Скорѣе же, мой милый, смѣхни», говоритъ она. Только тутъ студенты замѣчаютъ ее, и раскланиваются, и въ тотъ же мигъ уводятъ съ собою своего профессора; его сборы были слишкомъ не долги, онъ все еще оставался въ своемъ военномъ сюртукѣ, и она гонитъ его, — «откуда ты пошелъ?» говоритъ она, прощаясь. — «Да». Долго ждетъ она вечеромъ: вотъ и десять часовъ, его все нѣтъ, вотъ и одиннадцать, — теперь ужъ нечего ждать. Однако, что это такое? Она, конечно, несколько не безпокоится, не могло же ничего случиться съ нимъ; но значить, какъ же онъ долго былъ задержанъ интереснымъ субъектомъ! и что этотъ блѣдный интересный субъектъ, живъ ли онъ теперь, удалось ли Санѣ спасти его? Да, Саша была очень долго задержанъ. Онъ прѣхалъ на другое утро въ девять часовъ, онъ до четырехъ часовъ оставался въ гонималѣ: «случай былъ очень трудный и интересный, Вѣрочка». — «Спасенъ?» — «Да». — «Какъ же ты всталъ такъ рано?» — «Я не ложился». — «Не ложился? Чтобы не онездать сюда, не спать ночь! Безбожникъ! Изволь отправиться домой и спи до са-

мага обѣда, непременно, чтобъ я застала тебя еще не проснувшимся». Въ двѣ минуты онъ былъ уже выпровоженъ.

Вотъ какія были два первыхъ свиданья. Но этотъ второй обѣдъ идетъ уже какъ слѣдуетъ; они теперь уже съ толпою разсказываютъ другъ другу свои исторiи, а вчера, Богъ знаетъ, что они говорили; они и смѣются, и задумываются, и жалѣютъ другъ друга; каждому изъ нихъ кажется, что другой страдалъ еще больше... Черезъ полторы недѣли нанята маленькая дача на Каменномъ островѣ, и они поселяются на ней.

VI.

Не очень часто вспоминаетъ Вѣра Павловна прошлое своей нынѣшней любви; да, въ настоящемъ такъ много жизни, что остается мало времени для воспоминанiй. Но когда вспоминаетъ она прошлое, то иногда, — сначала точно, только иногда, а потомъ все постоянно, — при каждомъ воспоминанiи она чувствуетъ недовольство, сначала слабое, мимолетное, неопредѣленное, — кѣмъ? чѣмъ? — вотъ, ужъ ей становится видно, кѣмъ: она недовольна собою, за что же? Вотъ она уже видитъ, изъ какой черты ея характера выходитъ недовольство, — да, она очень горда. Но въ одномъ ли прошедшемъ она недовольна собою? — сначала, да; но вотъ она ужъ замѣчаетъ, что недовольство собою отнесется въ ней и къ настоящему. И какой странный характеръ сталъ замѣгненъ въ этомъ чувствѣ, когда сталъ выясняться его характеръ: будто это не она, Вѣра Павловна Кирсанова, лично чувствуетъ недовольство, а будто въ ней отражается недовольство тысячъ и миллионѣвъ; и будто не лично собою она недовольна, а будто недовольны въ ней собою эти тысячи и миллионы. Кто жъ эти тысячи и миллионы? за что они недовольны собою? Если бы она, по прежнему, жила больше одна, думала одна, вѣроятно, не такъ скоро прояснилось бы это; но вѣдь теперь она постоянно съ мужемъ, они все думаютъ вмѣстѣ, и мысль о немъ примѣшана ко всѣмъ ея мыслямъ. Это много помогло ей разгадать свое чувство. Прямо онъ самъ нисколько не могъ разбяснить эту загадку: пока чувство было темно для нея, для него оно было еще темнѣе; ему трудно было даже понять, какъ это возможно имѣть недовольство, нисколько не омрачающее личнаго довольства, нисколько не относящееся ни къ чему

личному. Это было для него странно, во сто разъ болѣе тем-
ноу, чѣмъ для нея. Но все-таки ей очень помогло то, что она
постоянно думала о мужѣ, постоянно была съ нимъ, смотрѣла
на него, думала съ нимъ. Она стала замѣчать, что когда прихо-
дитъ ей недовольство, оно всегда сопровождается сравнваніемъ,
оно въ томъ и состоитъ, что она сравниваетъ себя и мужа, — и
вотъ блеснуло передъ ея мыслью настоящее слово: «разница,
обидная разница». Теперь ей понятно.

VII.

— Саша, какой милый этотъ NN (Вѣра Павловна назвала фа-
милію того офицера, черезъ котораго хотѣла познакомиться съ
Тамберликомъ, въ своемъ страшномъ снѣ), — онъ мнѣ привезъ
одну новую поэму, которая еще не скоро будетъ напечатана, го-
ворила Вѣра Павловна за обѣдомъ. — Мы сейчасъ же послѣ обѣда
примемся читать, — да? Я ждала тебя, — все съ тобою вмѣстѣ,
Саша. А очень хотѣлось прочесть.

— Что жь это за поэма?

— А вотъ услышишь. Посмотримъ, удалась ли ему эта вещь.
NN говорить, что самъ онъ — я говорю про автора, — отчасти
доволенъ ею. Вотъ они располагаются въ ея комнатѣ, и она
начинаетъ читать:

Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и варча.
Пожалѣй, моя вазобушка,
Молодецкаго плеча....

— Теперь я вижу, сказала Кирсановъ, прослушавъ нѣсколько
десятиковъ стиховъ: — это у него въ новомъ родѣ. Но видно, что
это его. Некрасова, да? Очень благодаренъ тебѣ, что ты по-
ждала меня.

— Еще бы! сказала Вѣра Павловна. Они прочли два раза
маленькую поэму, которая, благодаря ихъ знакомству съ однимъ
изъ знакомыхъ автора, пошла имъ въ руки года за три раньше,
чѣмъ была напечатана.

— Но знаешь, какіе стихи всего больше подѣйствовали на
меня? сказала Вѣра Павловна, когда они съ мужемъ перечи-

тали еще по нѣскольку разъ инныя мѣста поэмы! — эти стихи не изъ главныхъ мѣстъ въ самой поэмѣ, но они чрезвычайно влекутъ къ себѣ мои мысли. Когда Катя ждала возвращенія жениха, она очень тосковала:

Извелась бы, неутѣшая,
 Кабы время горевать;
 Да пора страдная, спѣшная —
 Надо десять дѣлъ кончать.
 Какъ ни часто приходилоя
 Молодицѣ не-въ-терпежъ,
 Подъ косою трава валилася,
 Подъ серпомъ горѣла рожь.
 Изъ всей-то оны — моченьки
 Молодила по утрамъ,
 Ленъ стмала до темной ноченьки
 По росистымъ по лугамъ....

эти стихи не главные въ своемъ эпизодѣ, они только предисловіе къ тому, какъ эта славная Катя мечтаетъ о своей жизни съ Ваней; но мои мысли привязались именно къ нимъ.

— Да, вся эта картина — одна изъ самыхъ хорошихъ въ поэмѣ, но они занимаютъ въ не ней самое видное мѣсто. Значитъ, они слишкомъ подошли къ мыслямъ, которыя тебя занимали. Какія жь это мысли?

— Вотъ какія, Саша. Мы съ тобою часто говорили, что организація женщины едва ли не выше, чѣмъ мужчины, что по этому женщина едва ли не отъсѣнитъ мужчину на второй планъ въ умственной жизни, когда пройдетъ господство грубаго насилія, мы оба съ тобою выводили эту вѣроятность изъ наблюденія надъ жизнью; въ жизни больше встрѣчается женщинъ, чѣмъ мужчинъ, умныхъ отъ природы; такъ намъ обоимъ кажется. Ты подтверждалъ это разными подробностями изъ анатоміи, физиологій.

— Какія оскорбительныя вещи для мужчинъ ты говоришь, и вѣдь это больше ты говоришь, Вѣрочка, чѣмъ я: мнѣ это обидно. Хорошо, что время, которое мы съ тобою предсказываемъ, еще такъ далеко. А то бы я совершенно отказался отъ своего мнѣнія, чтобы не отходить на второй планъ. Впрочемъ, Вѣрочка, вѣдь это только вѣроятность, наука еще не собрала столько свидѣній, чтобы рѣшить вопросъ положительнымъ образомъ.

— Конечно, мой милый. Мы говорили, отчего до сихъ поръ факты исторіи такъ противорѣчатъ выводу, который слишкомъ вѣроятенъ не наблюдениемъ надъ частною жизнью и надъ устройствомъ организма. Женщина играла до сихъ поръ такую ничтожную роль въ умственной жизни потому, что господство наследія отнимало у ней въ средства къ развитію, и мотивы стремиться къ развитію. Это объясненіе достаточное. Но вотъ другой такой же случай. По размѣру физической силы, организмъ женщины гораздо слабѣе; но въ организмъ ея крѣпче, — да?

— Это уже гораздо несомнѣннѣе, чѣмъ вопросъ о природномъ размѣрѣ умственныхъ силъ. Да, организмъ женщины крѣпче противится матеріальнымъ разрушительнымъ силамъ, — климату, погодѣ, неудовлетворительной пищѣ. Медицина и физиологія еще мало занимались подробнымъ разборомъ этого; но статистика уже дала бесспорный общій отвѣтъ: средняя продолжительность жизни женщины больше, чѣмъ мужчины. Изъ этого видно, что женскій организмъ крѣпче.

— Это тѣмъ рѣзче видно, что образъ жизни женщины вообще еще гораздо менѣе здоровъ, чѣмъ у мужчинъ.

— Вотъ еще усиливающее соображеніе, которымъ увеличивается ясность вывода, — его даетъ физиологія. Полное совершеннѣе достигается женщиною несколько раньше чѣмъ мужчиною. Положимъ, возрастаніе женщины оканчивается въ 20 лѣтъ, мужчины въ 25, — приблизительно, въ нашемъ климатѣ, въ нашемъ племени. Положимъ, тоже приблизительно, что до 70 лѣтъ доживаетъ такая же пропорція женщинъ, какая и въ мужчинахъ доживаетъ до 65; если мы сообразимъ равенство сроковъ развитія, переищемъ крѣпости организма женщины выставится гораздо сильнѣе, чѣмъ предполагать статистику, не брашій въ расчетъ разности силъ совершеннѣе. 70 лѣтъ — это 3 съ половиною раза 20 лѣтъ. 65 лѣтъ надобно дѣлать на 25 лѣтъ, сколько это будетъ? — да, въ частномъ немного больше 2 съ половиною — такъ, 2 сѣмь десятыхъ. Значитъ, женщина произведетъ три съ половиною срока своего полнаго развитія такъ же легко, какъ мужчина почти только два съ половиною срока. А этою пропорціею измѣняется крѣпость организма.

— Въ самомъ дѣлѣ, разница выходитъ больше, чѣмъ я читалъ о ней:

— Да, но въдѣ я говорилъ только для примѣра, я бралъ круглыя цифры, на память. Однако же, характеръ заключенія тотъ

самый, какъ я говорю. Статистика уже показала, что женскій организмъ крѣпче, — ты читала выводы только изъ таблицъ продолжительности жизни. Но если къ статистическимъ фактамъ прибавить физиологическіе, равнища выйдеть еще гораздо больше.

— Такъ, Саша; смотри же, что я думала, а теперь это обнаруживается для меня еще рѣче. Я думала: если женскій организмъ крѣпче выдерживаетъ разрушительныя матеріальныя впечатлѣнія, то слышимъ вѣроятно, что женщина должна была бы легче, тверже выносить и нравственныя потрясенія. А на дѣлѣ мы видимъ не то.

— Да, это очень вѣроятно. Конечно, это будетъ пока только предположеніе, этимъ еще не занимались, специальныхъ фактовъ не собирали. Но точно, заключеніе твое такъ близко выходитъ изъ факта, уже безспорнаго, что сомнѣваться трудно. Крѣпость организма слишкомъ тѣсно связана съ крѣпостью нервъ. Вѣроятно, у женщины нервы эластичнѣе, имѣютъ болѣе прочную структуру, а если такъ, они должны легче и тверже выдерживать потрясенія и тяжелыя чувства. На дѣлѣ мы видимъ слишкомъ много примѣровъ противнаго. Женщина слишкомъ часто мучится тѣмъ, что мужчина выносить легко. Еще не занимались хорошенько разборомъ причинъ, по которымъ, при данномъ нашемъ историческомъ положеніи, мы видимъ такія явленія, противорѣчащія тому, чего слѣдуетъ ожидать отъ самого устройства организма. Но одна изъ этихъ причинъ очевидна, она проходитъ черезъ всѣ историческія явленія и черезъ всѣ стороны нашего нынѣшняго быта. Это—сила предубѣжденія, дурная привычка, фальшивое ожиданіе, фальшивая боязнь. Если человѣкъ думаетъ «не могу», — то и дѣйствительно не можетъ. Женщинамъ натолковано: «вы слабы»—вотъ онѣ и чувствуютъ себя слабыми, и дѣйствительно оказываются слабы. Ты знаешь примѣры; что люди, совершенно здоровые, разслабѣвали до смерти и дѣйствительно умирали отъ одной мысли, что должны ослабѣвать и умереть. Но есть примѣры, касающіеся цѣлыхъ массъ, народовъ; всего человѣчества. Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ представляетъ военная исторія. Въ средніе вѣка, пѣхота воображала себѣ, что не можетъ устоять противъ конницы, — и дѣйствительно, никакъ не могла устоять. Цѣлыя арміи пѣхоты разгонялись, какъ стада овецъ, нѣсколькими сотнями всадниковъ; до той поры, когда явились на континентѣ англійскіе пѣхотинцы изъ гордыхъ, самостоятельныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ, у

которыхъ не было этой боязни, которые привыкли никому не уступать безъ боя, какъ волею пришли во Францію эти люди, у которыхъ не было предубѣжденія, что они должны бѣжать передъ конницею, конница, даже далеко превосходившая ихъ числомъ, была разбиваема ими при каждой встрѣчѣ; знаешь, знаменитыя пораженія французскихъ конныхъ армій малочисленными англійскими пѣхотинцами и при Кресси, и при Пуатье, и при Азенкурѣ. Та же самая исторія повторилась, когда швейцарцы-пѣхотинцы издумали, что вовсе не для чего имъ считать себя слабѣе феодалной конницы. Австрійская, потомъ Бургундская конница, болѣе многочисленная, стала терпѣть отъ нихъ пораженія при каждой встрѣчѣ; потомъ перепробовали биться съ ними всѣ другія конницы, и всѣ были постоянно разбиваемы. Тогда всѣ увидѣли: «а вѣдь пѣхота крѣпче конницы», — разумѣется крѣпче; но шли же цѣлые вѣка, когда пѣхота была очень слаба сравнительно съ конницею только потому, что считала себя слабою.

— Да, Саша, это такъ. Мы слабы потому, что считаемъ себя слабыми. Но мнѣ кажется, что есть еще другая причина. Я хочу говорить о себѣ и о тебѣ. Скажи, мой милый: я очень много переимѣнилась тогда въ двѣ недѣли, которыя ты меня не видѣлъ? Ты тогда былъ склннкомъ возволнованъ. Тебѣ могло показаться больше, нежели было или, въ самомъ дѣлѣ, переимѣна была сильна, — какъ ты теперь вспоминаешь?

— Да, ты въ самомъ дѣлѣ тогда очень похудѣла и стала блѣдна.

— Вотъ видишь, мой милый, я теперь поняла, что именно это возмущаетъ мою гордость. Вѣдь ты любилъ же меня очень сильно. Отчего же борьба не отражалась на тебѣ такими явными признаками? Вѣдь никто не видѣлъ, чтобы ты блѣднѣлъ, худѣлъ въ тѣ мѣсяцы, когда расходился со мною. Отчего же ты выносливъ это такъ легко?

— Вотъ почему тебя такъ зашли стихи о томъ, что Катя избавилась отъ тоски работою. Ты хочешь знать, испыталъ ли я вѣрность этого замѣчанія на себѣ? Да, она совершенно справедливо. Я довольно легко выдерживалъ борьбу потому, что мнѣ некогда было много заниматься ею. Все время, когда я обращалъ вниманіе на нее, я страдалъ очень сильно; но ежедневная необходимость заставляла меня на большую часть времени забывать объ этомъ. Надобно было заниматься большими, готовиться къ

лекціямъ. Въ это время я по новому отдыхала отъ своихъ мыслей. Въ тѣ рѣдкіе дни, когда у меня оставалось много свободныхъ часовъ, я чувствовала, что силы истощаются мнѣ. Мнѣ кажется, что если бы я недѣлю остался на волю своихъ мыслей, я сошелъ бы съ ума.

— Такъ, мой милый; и я въ послѣднее время боялась, что въ этомъ былъ весь секретъ разницы между мною и тобою. Нужно имѣть такое дѣло, отъ котораго нельзя отказаться, котораго нельзя отложить, — тогда человекъ неравнино творже.

— Но вѣдь у тебя было тогда много дѣла, и теперь точно такъ же.

— Ахъ, Саша, развѣ это неотступныя дѣла? Я занимаюсь ими, когда хочу, сколько хочу. Когда мнѣ надумается, я могу или очень сократить, или вовсе отложить ихъ. Чтобы заниматься ими въ такое время, когда мысли разстроены, нужно особое усиліе воли, только оно заставитъ заниматься ими. Нѣтъ опоры въ необходимости. Напримѣръ, я занимаюсь хозяйствомъ, трачу на это очень много времени; но девять десятыхъ частей этого времени я употребляю на него лишь по своей охотѣ. При порядочной прислугѣ, развѣ не пошло бы все почти такъ же, хотя бы я гораздо меньше занималась сама? И кому это нужно, чтобы съ большою тратою времени шло нѣсколько, немножко получше того, чѣмъ шло бы при гораздо меньшей тратѣ моего времени? Тоже, надобность этого только въ моей охотѣ. Когда мысли спокойны, занимаешься этими вещами; когда мысли разстроены, бросаешь ихъ, потому что безъ нихъ можно обойтись. Для важнаго всегда бросаешь менѣе важное. Лишь только чувства сильно разогрываются, они вытѣняютъ мысли о такихъ дѣлахъ. У меня есть уроки; это ужъ нѣсколько важнѣе: ихъ я не могу отбрасывать по произволу; не это все не то. Я внимательна къ нимъ только когда хочу; если я во время урока и мало буду думать о немъ, онъ пойдетъ лишь немного хуже, потому что это преподаваніе слишкомъ легко, оно не имѣетъ силы поглощать мысль. И потому: развѣ я въ самомъ дѣлѣ живу уроками? Развѣ отъ нихъ зависитъ мое положеніе, развѣ они доставляютъ мнѣ главные средства къ образу жизни, какой я веду? Нѣтъ, эти средства доставляла мнѣ работа Дмитрія, теперь — твоя. Уроки приятны моему чувству независимости, и на самомъ дѣлѣ не бесполезны. Но все-таки, въ нихъ нѣтъ для меня никакой необходимости. Я пробовала тогда прогонять мучившія меня мысли, занявшись

мастерскою гораздо болѣе обыкновеннаго. Но опять, я дѣлала это только по усилію своей воли. Вѣдь я понимала, что мое присутствіе въ мастерской нужно только на часъ, на полтора, что если я остаюсь въ ней дольше, я ужь беру на себя искусственное занятіе, что оно полезно, но вовсе не необходимо для дѣла. И потѣжь, самое дѣло это — развѣ оно можетъ служить важною опорою для обыкновенныхъ людей, какъ я? Рахметовы — это другая порода; они сливаются съ общимъ дѣломъ такъ, что оно для нихъ необходимо, наполняющая ихъ жизнь; для нихъ оно даже замѣняетъ личную жизнь. А намъ, Сава, недоступно это. Мы не орлы, какъ онъ. Намъ необходима только личная жизнь. Мастерская — развѣ это моя личная жизнь? Это дѣло — не мое дѣло, чужое. Я занимаюсь имъ не для себя, а для другихъ; пожалуй, и для моихъ убѣжденій. Но развѣ человеку, — такому, какъ мы, не орлу, — развѣ ему до другихъ, когда ему самому очень тяжело? Развѣ его занимаютъ его убѣжденія, когда его мучатъ его чувства? Нѣтъ, нужно личное дѣло, необходимое дѣло, отъ котораго зависѣла бы собственная жизнь, такое дѣло, которое лично для меня, для моего образа жизни, для моихъ средствъ къ жизни, для всего моего положенія въ жизни, для всей моей судьбы, было бы важнѣе всѣхъ моихъ увлеченій страстью; только такое дѣло можетъ служить опорою въ борьбѣ со страстью, только оно не вытѣсняется изъ жизни страстью, а само заглушаетъ страсть, только оно даетъ силу и отдыхъ. Я хочу такого дѣла.

— Такъ, мой другъ, такъ, горячо говорилъ Кирсановъ, цалуя жену, у которой горѣли глаза отъ одушевленія. — Такъ, и до сихъ поръ я не думалъ объ этомъ, когда это такъ просто; я не замѣчалъ этого! Да, Вѣрочка, никто другой не можетъ думать за самого человѣка. Кто хочетъ, чтобъ ему было хорошо, думай самъ за себя, заботься самъ о себѣ, — другой никто не замѣнитъ. Такъ любить, какъ я, и не понимать, пока ты сама не растолковала! Но, продолжалъ онъ, уже смѣясь и все цалуя жену: — почемужъ ты видишь въ этомъ надобность теперь? собираешься влюбиться въ кого, Вѣрочка, — да?

Вѣра Павловна расхохоталась, и долго они оба не могли сказать ни слова отъ смѣха.

— Да, теперь мы оба можемъ это чувствовать, заговорила наконецъ она: — я теперь могу, также какъ и ты, навѣрное знать, что ни съ тобою, ни со мною не можетъ случиться ничего подоб-

наго. Но, серьезно, зная ли, что мнѣ кажется теперь, мой милый: если моя любовь къ Дмитрію не была любовью женщины, уже развившейся, то и онъ не любилъ меня въ томъ смыслѣ, какъ мы съ тобою понимаемъ это. Его чувство ко мнѣ было соединеніе очень сильной привязанности къ мнѣ, какъ другу, съ минутными порывами страсти къ мнѣ, какъ женщины; дружбу онъ имѣлъ лично ко мнѣ, собственно ко мнѣ; а эти порывы не-кали только женщины: ко мнѣ, лично ко мнѣ они имѣли мало отношенія. Нѣтъ, это не была любовь. Развѣ онъ много занимался мыслями обо мнѣ? Нѣтъ, онъ не былъ для него занимательны. Да, и съ его стороны, какъ съ моей, не было настоящей любви.

— Ты несправедлива къ нему, Вѣрочка.

— Нѣтъ, Саша, это такъ. Въ разговорѣ между мною и тобою напрасно хвалить его. Мы оба знаемъ, какъ высоко мы думаемъ о немъ; знаемъ также, что сколько бы онъ ни говорилъ, будто ему было легко, на самомъ дѣлѣ, было не легко; вѣдь и ты, пожалуй, говоришь, что тебѣ было легко бороться съ твоею страстью, — все это прекрасно, и не притворство; но вѣдь не въ буквальномъ же смыслѣ надобно понимать такія рѣзкія увѣренія, — о, мой другъ, я понимаю, сколько ты страдалъ.... Вотъ какъ сильно понимаю это....

— Вѣрочка, ты меня задушишь; и согласишься, что кромѣ силы чувства, тебѣ хотѣлось показать и просто силу? Да, ты очень сильна; да и какъ не быть сильною съ такой грудью....

— Милый мой Саша!

VIII.

— Саша, а вѣдь ты не далъ мнѣ договорить о дѣлѣ, начала Вѣра Павловна, когда они часа черезъ два сидѣли за чаемъ.

— Я тебѣ не далъ договорить? Я виновать?

— Конечно, ты.

— Кто началъ дурачиться?

— И не совѣстно тебѣ это?

— Что?

— Что я начала дурачиться. Фи, такъ компрометировать скромную женщину своею флегматичностью!

— Будто? А я вѣрилъ тому, что ты толкуешь о равенствѣ; если равенство, то и равенство инициативы.

— Ха, ха, ха! какое ученое слово! Но неужели ты меня обвинилъ въ неослѣдовательности? Развѣ я не стараюсь имѣть равенства въ инициативѣ? Но, Саша, я теперь беру инициативу продолжать серьезный разговоръ, о которомъ мы забыли.

— Беру; но я отказываюсь слѣдовать за тобою. Я теперь возму инициативу продолжать забывать. Дай руку.

— Саша, не надобно же договорить.

— Завтра усидѣмъ. Теперь меня, ты видишь, слишкомъ заинтересовало исследование этой руки.

IX.

— Саша, договоримъ же то, о чемъ не договорили вчера. Это надобно, потому что я собираюсь ѣхать съ тобою: надобно же тебѣ знать, зачѣмъ, говорила Вѣра Павловна поутру.

— Со мною? Ты ѣдешь со мною?

— Конечно. Ты спрашивалъ меня, Саша, зачѣмъ мнѣ нужно дѣло, отъ котораго серьезно зависѣла бы моя жизнь, которымъ бы я такъ же дорожила, какъ ты своимъ, которое было бы такъ же неотступно, которое такъ же требовало бы отъ меня всего вниманія, какъ твое отъ тебя. Мой милый, мнѣ надобно такое дѣло потому, что я очень горда. Меня давно тяготитъ и стыдитъ воспоминаніе, что борьба съ чувствомъ тогда отразилась на мнѣ такъ замѣтно, была такъ невыносима для меня. Ты знаешь, я говорю не о томъ, что она была тяжела, — вѣдь и твоя была для тебя также не легка, — это зависитъ отъ силы чувства, и не мнѣ теперь жалѣть, что она была тяжела, это значило бы жалѣть, что чувство было сильно, — нѣтъ! но зачѣмъ у меня противъ этой силы не было такой же твердой опоры, какъ у тебя? Я хочу имѣть такую же опору. Но это только навело меня на мою мысль, а настоящая потребность, конечно, въ настоящемъ. Вотъ она: я хочу быть равна тебѣ во всемъ, — это главное. Я нашла себѣ дѣло. Когда мы съ тобою простились вчера, я долго думала объ этомъ, я вздумала это вчера поутру, безъ тебя, вчера я хотѣла посоветоваться съ тобою, какъ съ добрымъ человѣкомъ, а ты низвернулъ моей надеждѣ на твою солидность. Теперь ужь поздно совѣтоваться: я рѣшилась. Да, Саша, тебѣ придется

много хлопотать со мною; милый мой, какъ мы будемъ рады, если я увижу себя способной къ этому!

Да, теперь Вѣра Павловна нашла себѣ дѣла, о которомъ не могла бы она думать прежде: рука ея Александра была шестолетно въ ея рукахъ, и потому идти было тяжело. Допускае ли въ чемъ не стѣсняла ее, какъ ли она его, и тѣмъ. Нѣтъ, было и больше, конечно, гораздо больше. Она всегда была увѣрена, что въ какомъ-бы случаѣ ни понадобилось ей секретъ на его руку, его рука, вмѣстѣ съ его головою, въ ея распоряженіи. Не только вмѣстѣ съ головою, своей головою онъ не покажетъ бы для нея, точно такъ же не помышлялъ бы и протянуть руку; т. е., въ важныхъ случаяхъ, въ критическіе моменты, его рука такъ же готова и такъ же надежна, какъ рука Кирсанова, — и онъ слишкомъ хорошо доказалъ это своею женитьбою, когда пожертвовалъ для нея всѣми любимыми тогдашними мыслями о своей ученой карьерѣ и не побоялся рискнуть на гомодъ. Да, тогда было важное дѣло, рука подавалась. Но вообще, рука эта была далеко отъ нея. Вѣра Павловна устроивала свое частерокую; если бы въ чемъ была необходима его помощь, онъ помогать бы съ радостью. Но почему жь онъ почти ничего не дѣлалъ? Онъ только не мѣшалъ, одобрялъ, радовался. У него была своя жизнь, у нея—своя. Теперь не то. Кирсановъ не ждалъ ея требованія, чтобы участвовать во всемъ, что она дѣлала; онъ былъ занторесованъ столько же, какъ она сама, во всей ея обыденной жизни, какъ и она во всей его жизни. Это было уже совершенно не то отношеніе, какъ съ первымъ мужемъ, и потому она чувствовала у себя новыя средства для дѣятельности, и потому стали въ ней серьезно являться, получать для нея практическую требовательность такія мысли, которыя прежде были только теоретически извѣстны ей и въ сущности не затрогивали ея внутреннюю жизнь: чего нельзя дѣлать, о томъ и не думаешь серьезно.

Вотъ какого рода были эти мысли, которыя теперь стали живо чувствоваться Вѣрою Павловною и служить мотивами для дѣятельности.

Х.

«Намъ формально закрыты почти всѣ пути гражданской жизни. Намъ практически закрыты очень многіе, — почти всѣ, — даже

изъ тѣхъ путей общественной дѣятельности, которые не загорожены для насъ формальными препятствіями. Изъ всѣхъ сферъ жизни, намъ оставлено тѣсниться только въ одной сферѣ семейной жизни, — быть членами семьи, и только. Кромѣ этого, какія же занятія открыты намъ? Почти только одно, быть гувернантками; да еще развѣ — давать какіе нибудь уроки, которыхъ не захотятъ отнять у насъ мужчины. Намъ тѣсно на этой единственной дорогѣ; мы мѣшаемъ другъ другу, потому что слишкомъ толпимся на ней; она почти не можетъ давать намъ самостоятельности, потому что насъ, предлагающихъ свои услуги, слишкомъ много. Ни одна изъ насъ никому не нужна, все потому же, что насъ слишкомъ много. Кто станетъ дорожить гувернанткою? Только скажите слово, что вы хотите имѣть гувернантку, сбѣгаются десятки и сотни насъ перебывать одна у другой мѣсто.

Имѣть, пока женщины не будутъ стараться о томъ, чтобы разойтись на много дорогъ, женщины не будутъ имѣть самостоятельности. Конечно, пробивать новую дорогу тяжело. Но мое положеніе въ этомъ дѣлѣ особенно выгодно. Мнѣ стыдно было бы не воспользоваться имъ. Мы не приготовлены къ серьезнымъ занятіямъ. Я не знаю, до какой степени нужно имѣть руководителя, чтобы готовиться къ нимъ. Но я знаю, что до какой бы степени ни понадобилась мнѣ его ежедневная помощь, — онъ тутъ, со мной. И это не будетъ ему обремененіемъ, это будетъ такъ же пріятно ему, какъ мнѣ.

«Намъ закрыты обычаемъ пути независимой дѣятельности, которые не закрыты закономъ. Но изъ этихъ путей, закрытыхъ только обычаемъ, я могу вступить на какой хочу, если только рѣшусь выдержать первое противорѣчіе обычая. Одинъ изъ нихъ слишкомъ много ближе другихъ для меня. Мой мужъ медикъ. Онъ отдастъ мнѣ все время, которое у него свободно. Съ такимъ мужемъ, мнѣ легко попытаться, не могу ли я сдѣлаться медикомъ.

«Это было бы очень важно, если бы явились наконецъ женщины-медики. Онѣ были бы очень полезны для всѣхъ женщинъ. Женщины гораздо легче говорить съ женщиною, чѣмъ съ мужчиною. Сколько предотвращалось бы тогда страданій, смертей, сколько несчастій! Надобно попытаться».

XI.

Вѣра Павловна кончила разговоръ съ мужемъ тѣмъ, что надѣла шляпу и пошла съ нимъ въ госпиталь менытать свой нервъ, — можетъ ли она видѣть кровь, въ состояніи ли будетъ заниматься анатоміею. При положеніи Кирсанова въ госпиталь, конечно, не было никакихъ препятствій этому испытанію.

Я, нисколько не совѣстясь, ужь очень много компрометировалъ Вѣру Павловну со стороны поэтичности; напримѣръ, не скрывалъ того, что она каждый день обѣдала, и вообще съ аппетитомъ, а кромѣ того, по два раза въ день пила чай. Но теперь я дошелъ до такого обстоятельства, что, при всей безстыдной низости моихъ понятій, на меня нападаетъ робость, и думаю я: «не лучше ли было бы скрыть эту вещь? Что подумаютъ о женщинѣ, которая въ состояніи заниматься медициною?» Какіе грубые нервы должны быть у нея, какая чорствая душа! Это не женщина, а мясникъ! Но сообразивши, что вѣдь я и не выставлю своихъ дѣйствующихъ лицъ за идеалы совершенства, я успокоиваюсь: пусть судятъ, какъ хотятъ, о грубости природы Вѣры Павловны, мнѣ какое дѣло? Груба, такъ груба.

Поэтому я хладнокровно говорю, что она нашла очень большую разницу между правдымъ смотрѣніемъ на вещи и дѣятельною работою надъ ними на пользу себѣ и другимъ.

Я помню, какъ испугался я, двѣнадцатилѣтній ребенокъ, когда меня, никогда еще не видавшаго пожаровъ, разбудилъ слишкомъ сильный шумъ пожарной тревоги. Все небо пламенѣло, раскаленное; по всему городу, большому провинціальному городу летѣли головни, по всему городу страшный гвалтъ, бѣготня, крикъ. Я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. По счастью, я успѣлъ убѣжать на пожаръ, пользуясь тѣмъ, что всѣ домашніе были въ суматохѣ. Пожаръ былъ вдоль набережной (то есть, просто берега, потому что какая же набережная?). Берегъ былъ уставленъ дровами, лубочнымъ товаромъ. Такіе же мальчишки, какъ я, разбирали и оттаскивали все это подальше отъ горѣвшихъ домовъ; принялся и я, — куда дѣвался весь мой страхъ! я работалъ очень усердно, пока сказали намъ: «довольно, опасность прошла». Съ той поры, я ужь и зналъ, что если страшно

отъ сильнаго пожара, то надобно бѣжать туда и работать, и вовсе не будетъ страшно.

Кто работаетъ, тому некогда ни пугаться, ни чувствовать отвращеніе или брезгливость.

И такъ, Вѣра Павловна занялась медициною; и въ этомъ, новомъ у насъ дѣлѣ, она была одною изъ первыхъ женщинъ, которыхъ я зналъ. Послѣ этого она дѣйствительно стала чувствовать себя другимъ человѣкомъ. У ней была мысль: «черезъ нѣсколько лѣтъ, я ужъ буду въ самомъ дѣлѣ стоять на своихъ ногахъ». Это великая мысль. Полнаго счастья нѣтъ безъ полной независимости. Бѣдныя женщины, какъ немногія изъ васъ имѣютъ это счастье!

ХІІ.

И вотъ, проходитъ годъ; и пройдетъ еще годъ, и еще годъ послѣ свадьбы съ Кирсановымъ, и все такъ же будутъ идти дни Вѣры Павловны, какъ идутъ теперь, черезъ годъ послѣ свадьбы, какъ шли съ самой свадьбы; и много лѣтъ пройдетъ, они будутъ идти все такъ же, если не случится ничего особеннаго; кто знаетъ, что принесетъ будущее? но до той поры, какъ я пишу это, ничего такого не случилось, и дни Вѣры Павловны идутъ все такъ же, какъ шли они тогда, черезъ годъ, черезъ два послѣ свадьбы съ Кирсановымъ.

Послѣ той страшно-компрометирующей вещи, что Вѣра Павловна вздумала и нашла себя способною заниматься медициною, мнѣ ужъ легко говорить обо всемъ: все остальное ужъ не можетъ такъ ужасно повредить ей во мнѣніи публики. И я долженъ сказать, что и теперь въ Сергіевской, какъ прежде на Васильевскомъ, три грани дня Вѣры Павловны составляютъ: чай утромъ, обѣдъ и вечерній чай; да, она сохранила непоэтическое свойство каждый день обѣдать и два раза пить чай, и находить это приятнымъ, и вообще, она сохранила всѣ свои непоэтическія, и не вящныя, и не хорошаго тона свойства.

И многое другое осталось по прежнему въ это новое спскойное время, какъ было въ прежнее спокойное время. Осталось и раздѣленіе комнатъ на нейтральныя и не нейтральныя; осталось и правило не входить въ не нейтральныя комнаты другъ къ другу безъ разрѣшенія, осталось и правило не повторять вопроса,

если на первый вопрос отвѣчают «не спрашивай»; осталось и то, что такой отвѣтъ заставляет совершенно ничего не думать о сдѣланномъ вопросѣ, забыть его: осталось это потому, что осталась увѣренность, что если бы стоило отвѣчать, то и не понадобилось бы спрашивать, давно все было бы сказано безъ всякаго вопроса, а въ томъ, о чемъ молчать, нацѣрное нѣтъ ничего любопытнаго. Все это осталось по прежнему въ новое спокойное время, какъ было въ прежнее спокойное время; только въ нынѣшнее новое спокойное время все это нѣсколько измѣнилось, или, пожалуй, и не измѣнилось, но все-таки выходитъ не совсѣмъ то, что въ прежнее время, и жизнь выходитъ вовсе не та.

Напримѣръ, нейтральныя и не нейтральныя комнаты строго различаются; но разрѣшеніе на допускъ въ не нейтральныя комнаты установлено разъ на всегда для извѣстнаго времени дня: это потому, что двѣ изъ трехъ граней дня перенесены въ не нейтральныя комнаты; установился обычай пить утренній чай въ ея комнатѣ, вечерній чай въ его комнатѣ; вечерній чай устроивается безъ особенныхъ процедуръ; слуга, все тотъ же Степанъ, вноситъ въ комнату Александра самоваръ и приборъ, и только; но съ утреннимъ чаемъ особая манера: Степанъ ставитъ самоваръ и приборъ на столъ въ той нейтральной комнатѣ, которая ближе къ комнатѣ Вѣры Павловны, и говоритъ Александру Матвѣичу, что самоваръ поданъ, то есть, говоритъ, если находитъ Александра Матвѣича въ его кабинетѣ; но если не застаетъ? тогда Степану ужъ нѣтъ дѣла извѣщать, пусть сами помнятъ, что пора пить чай. И вотъ, по этому заведенію, ужъ установлено правило, что по утру Вѣра Павловна ждетъ мужа безъ доклада, разрѣшается ли ему войти; безъ Сашки тутъ нельзя обойтись ей, это всякій рассудитъ, когда сказать, какъ она встаетъ.

Просыпаясь, она нѣжится въ своей теплой постелькѣ, ей лѣнь вставать, она и думаетъ, и не думаетъ, и полу-дремлетъ, и не дремлетъ; думаетъ, — это значить думаетъ о чемънибудь такъ, что относится именно къ этому дню, къ этимъ днямъ, чтонибудь по хозяйству, по мастерской, по знакомствамъ, по планамъ, какъ расположить этотъ день, это конечно не дремота; но кромѣ того, есть еще два предмета, года черезъ три послѣ свадьбы, явился и третій, который тутъ въ рукахъ у ней, Митя: онъ «Митя» конечно, въ честь друга Дмитрія; а два другіе предмета, одинъ — сладкая мысль о занятіи, которое даетъ ей полную

самостоятельность въ жизни, другая мысль — Саша; этой мысли даже и нельзя назвать особою мыслию, она прибавляется ко всему, о чемъ думается, потому что онъ участвуетъ во всей ея жизни; а когда эта мысль, эта не особая мысль, а всегдашняя мысль, остается одна въ ея думѣ,—она очень, очень много времени бываетъ одна въ ея думѣ,—тогда, какъ это назвать? дума ли это, или дремота, снится ли ей, или не спится? глаза полузакрыты, на щекахъ легкій румянецъ будто румянецъ сна... да, это дремота. Теперь, видите сами, часто должно пролетать время такъ, что Вѣра Павловна еще не успѣетъ подняться, чтобы взять ванну (это устроено удобно, стоило порядочныхъ хлопотъ: надобно было провести въ ея комнату край отъ крана и отъ котла въ кухню; и правду сказать, довольно много дровъ выколотъ на эту роскошь, но чтожъ, это теперь можно было позволить себѣ), да, очень часто Вѣра Павловна успѣваетъ взять ванну и опять прилечь отдохнуть, пойтѣжится послѣ нея до появления Саши, а часто, даже не чаще ли, такъ задумается и за полу-дремлется, что еще не соберется взять ванну, какъ Саша ужъ входитъ.

Но какъ хорошо каждый день по утру брать ванну; сначала, вода самая теплая, потомъ теплый край заворачивается, открывается край, по которому стѣкаетъ вода, а край съ холодной водою остается открытъ, и вода въ ваннѣ незамѣтно, незамѣтно свѣжѣетъ, свѣжѣетъ, какъ это хорошо! полчаса, иногда больше, иногда цѣлый часъ не хочется разставаться съ ванною.

И все сама, безъ служанки, и одѣвается сама, — это гораздо лучше. Сама, то есть, когда не продремлетъ срока, а если пропустить? тогда ужъ нельзя отдѣлаться — да къ чему жъ и отдѣлываться?—отъ того, чтобы Саша не исполнялъ должность горничной! Саша ужасно смѣшной! и можетъ быть, даже прикосновение руки шепчущей гостью-гѣввицы не заставитъ появиться въ воображаемомъ дневникѣ слова: «а вѣдь это даже обидно!» А во всякомъ случаѣ, милый взялъ на себя неизмѣнную обязанность хозяйничать за утреннемъ чаемъ.

Да и нельзя было бы иначе, Саша совершенно правъ, что этому такъ слѣдовало устроиться, потому что пить утреннй чай, то есть почти только сливки, разгоряченные не очень большою прибавкою очень густаго чаю, что пить его въ постели чрезвычайно пріятно. Саша уходитъ за приборомъ,—да, это чаще, чѣмъ то, что онъ прямо входитъ съ чайнымъ приборомъ,—и хозяйни-

часть, а она все ибжится, и напившись чаю, все еще полу-лежитъ уже не въ постелькѣ, а на диванчикѣ, такомъ широкожѣ, но, главное достоинство его, такомъ мягкомъ, будто пуховикѣ, полу-лежитъ до 10, до 11 часовъ, пока Самѣ пора отправляться въ госпиталь, или въ клиники, или въ академическую аудиторію; но съ послѣднею чашкою Саша уже взялъ сигару, и ктонибудь изъ нихъ напоминаетъ другому: «принимаемся за дѣло», или «довольно, довольно, теперь за дѣло», за какое дѣло? а какъ же, урокъ или репетиція по студенчеству? Вѣры Павловны: Самѣ ея репетиторъ по занятіямъ медициною, но еще больше нужна его помощь по приготовленію изъ тѣхъ предметовъ гимназическаго курса для экзамена, заниматься которыми ей одной было бы ужъ слишкомъ скучно; особенно ужасная вещь — это математика; едва ли не еще скучнѣе латинскій языкъ; но нельзя, надобно поскучать надъ ними, впрочемъ, не очень же много: для экзамена, замѣняющаго гимназическій аттестатъ, въ медицинскій академіи требуется очень, очень немного; наприжврь; я не поручусь, что Вѣра Павловна когданибудь достигнетъ такого совершенства въ латинскомъ языкѣ, чтобы перевести хотя двѣ строки изъ Корнелія Непота, но она ужъ умѣетъ разбирать латинскія фразы, попадающіяся въ медицинскихъ книгахъ, потому что это знаніе надобное ей, да и очень не мудреное. Нѣтъ, однакожъ, довольно объ этомъ, я ужъ вижу, что до невозможности компрометирую Вѣру Павловну: вѣроятно, проница.....

ХІІІ.

ОТСТУПЛЕНІЕ О СИНІИХЪ ЧУЛОКАХЪ.

— Синій чулокъ! даже до крайности синій чулокъ! Терпѣть не могу синяго чулка! Глушь и скучень синій чулокъ! съ авартомъ, но не безъ солидности произносить пронизательный читатель.

Однако же, какъ мы съ пронизательнымъ читателемъ привязаны другъ къ другу. Онъ разъ обругалъ меня, я два раза выгналъ его въ шею, а все-таки мы съ нимъ не можемъ не обививаться нашими задушевными словами; тайное влеченіе сердець, что вы прикажете дѣлать!

— О, пронизательный читатель, говорю я ему: — ты правъ,

синій чулокъ подлинно глупъ и скученъ, и нѣтъ возможности выносить его. Ты отгадалъ это. Да не отгадалъ ты, кто синій чулокъ. Вотъ, ты сейчасъ увидишь это, какъ въ зеркаль. Синій чулокъ съ безмысленною, аффектаціею, самодовольно толкуетъ о литературныхъ или дѣльныхъ вещахъ, въ которыхъ ни бельмеса не смыслить, и толкуетъ не потому, что въ самомъ дѣлѣ заинтересованъ ими, а для того, чтобы пощеголать своимъ умомъ (котораго ему не случилось подумать отъ природы), своими возвышенными стремленіями (которыхъ въ немъ столько же, какъ въ гулякѣ, на которомъ онъ сидитъ) и своею образованностію (которой въ немъ столько же, какъ въ попугай). Видишь, чья это грубая обрившая или прилизанная фигура въ зеркаль? твоя, братъ. Да, такую длинную бороду ты ни отпустишь, или какъ нѣтъ, такъ ни выстригай ее, все-таки ты несомнѣнно и несомненно подлиннѣйшій синій чулокъ, поэтому-то вѣдь я говялъ тебѣ въ янтарѣ два раза, единственно, поэтому, что терпѣть не могу синіе чулки, которыхъ между нашимъ братомъ, мужчинами, въ десять разъ больше, нежели между женщинами.

А кто съ дѣльною цѣлью занимается какимъ нибудь дѣломъ, тотъ, какое бы ни было это дѣло, и въ какомъ бы платьѣ ни ходилъ этотъ человекъ, въ мужскомъ или въ женскомъ, этотъ человекъ броситъ человекъ, занимающійся своимъ дѣломъ, и больше ничего.

XIV.

Подождавъ для проиницательнаго читателя бесѣда о синемъ чулкѣ, то есть о немъ, оторвала меня отъ разсказа о томъ, какъ теперь проходить день Вѣры Павловны. «Теперь»—это значить, когда жъ? да, когда угодно, съ той поры, какъ она поселилась въ Сергіевской улицѣ, и вотъ до сихъ поръ. А впрочемъ, чтожь продолжать это описаніе. Развѣ только вообще сказать, что та личность, которая началась въ характерѣ вечера Вѣры Павловны отъ возобновленія знакомства съ Кирсановичъ да Васильевскомъ остроумъ, совершенно развилась теперь, что теперь Кирсановичъ составляютъ центръ уже довольно большаго числа семействъ, все молодыхъ семействъ, живущихъ такъ же ладно и счастливо, какъ они, и точно такихъ же по своимъ понятіямъ, какъ они, и что музыка и пѣнья, опера и поэзія, всякія гулянья

и танцы наполняют всѣ свободные вечера каждого изъ этихъ семействъ, потому что каждый вечеръ есть какое нибудь сборище у того или другаго семейства, или какое нибудь другое устройство вечера для разныхъ желающихъ. Вообще, на этихъ сборищахъ и всякихъ другихъ препровожденіяхъ времени бываетъ въ наличности на половину всего кружка, и Кирсановы, какъ другіе, на половину вечеровъ проводить въ этомъ шумѣ. Но и объ этомъ нечего говорить, это понятно само собою. Но есть одна вещь, о которой, къ несчастію, слишкомъ многимъ надобно толковать слишкомъ подробно, чтобъ они поняли ее. Каждый, если не самъ испыталъ, то хоть начитался, какая разница для дѣвушки или юноши между тѣмъ вечеромъ, который просто вечеръ, и тѣмъ вечеромъ, на которомъ съ нею ее милая или съ нимъ его милая, между оперою, которую слушаешь и только, и тою оперою, которую слушаешь сидя рядомъ съ тѣмъ или съ тою, въ кого влюбленъ. Очень большая разница. Это извѣстно. Но вотъ что слишкомъ немногими испытано, что очаровательность, которую всему даетъ любовь, вовсе не должна, по настоящему, быть мимолетнымъ явленіемъ въ жизни человѣка, что этотъ яркій свѣтъ жизни не долженъ озарять только эпоху исканія, стремленія, назовемъ хотя такъ: ухаживанія, или сватанія, нѣтъ, что эта эпоха по настоящему должна быть только зарею, милою, прекрасною, но предшественницею дня, въ которомъ несравненно больше и свѣта и теплоты, тѣмъ въ его предшественницѣ, свѣтъ и теплота котораго долго, очень долго, растутъ, все растутъ, и особенно теплота очень долго растетъ, далеко за полдень все еще растетъ. Прежде было не такъ: когда соединялись любящіе, быстро исчезала поэзія любви. Теперь, у тѣхъ людей, которые называются нынѣшними людьми, вовсе не такъ. Они, когда соединяетъ ихъ любовь, тѣмъ дольше живутъ вмѣстѣ, тѣмъ больше и больше озаряются и согреваются ее поэзіею, до той самой поры, поздняго вечера, когда заботы о выростающихъ дѣтяхъ будутъ уже слишкомъ сильно поглощать ихъ мысли. Тогда, забота болѣе сладкая, тѣмъ личное наслажденіе, становится выше его, но до той поры оно все растетъ. То, что прежніе люди знали только на мимолетные мѣсяцы, нынѣшніе люди сохраняютъ въ себѣ на долгіе, долгіе годы.

Отчего это такъ? А это ужъ секретъ; я вамъ, пожалуй, выдамъ его. Хорошій секретъ, славно имъ пользоваться, и не мудро, только надобно имѣть для этого чистое сердце и честную

душу, да нынѣшнее понятіе о правахъ человѣка, уваженіе къ свободѣ того, съ кѣмъ живешь. Только, — больше и секрета нѣтъ никакого. Смотри на жену, какъ смотришь на невѣсту, знай, что она каждую минуту имѣетъ право сказать: «я недовольна тобою, прочь отъ меня»; смотри на нее такъ, и она черезъ девять лѣтъ послѣ твоей свадьбы будетъ внушать тебѣ такое же поэтическое чувство, какъ невѣста, нѣтъ, болѣе поэтическое, болѣе идеальное въ хорошемъ смыслѣ слова. Признавай ее свободу такъ же открыто и формально и безъ всякихъ оговорокъ, какъ признаешь свободу твоихъ друзей чувствовать или не чувствовать дружбу къ тебѣ, и тогда, черезъ десять лѣтъ, черезъ двадцать лѣтъ послѣ свадьбы, ты будешь ей такъ же милъ, какъ былъ женихомъ. Такъ живутъ мужья и жены изъ нынѣшнихъ людей. Очень завидно. Но за то же вѣдь они и честны другъ передъ другомъ, они любятъ другъ друга черезъ десять лѣтъ послѣ свадьбы сильнѣе и поэтичнѣе, чѣмъ въ день свадьбы, но за то же вѣдь въ эти десять лѣтъ ни онъ, ни она не дали другъ другу притворнаго поцалуя, не сказали ни одного притворнаго слова. «Ложь не выходила изъ устъ его», сказано про кого-то въ какой-то книгѣ. «Нѣтъ притворства въ сердцѣ его», сказано про кого-то въ какой-то, можетъ быть, въ той же, книгѣ. Читаютъ книгу и думаютъ: «какая изумительная нравственная высота принимается ему!» Писали книгу и думали: «это мы описываемъ такого человѣка, которому всѣ должны удивляться». Не предвидѣли, кто писалъ книгу, не понимаютъ, кто читаетъ ее, что нынѣшніе люди не принимаютъ въ число своихъ знакомыхъ никого, не имѣющаго такой души, и не имѣютъ недостатка въ знакомыхъ, и не считаютъ своихъ знакомыхъ ничѣмъ больше, какъ просто на просто нынѣшними людьми, хорошими, но очень обыкновенными людьми.

Одного жаль: въ нынѣшнее время, на одного пынѣшняго человѣка все еще приходится цѣлый десятокъ, коли не больше, допотопныхъ людей. Оно, впрочемъ, натурально—допотопному міру имѣть допотопное населеніе.

XV.

— Вотъ мы живемъ съ тобою три года (прежде говорилось: годъ, потомъ: два; потомъ будетъ говорить: четыре года, и

такъ дальше), а все еще мы какъ будто любовники, которые видятся изрѣдка, тайкомъ. Откуда это взяли, Саша, что любовь ослабѣваетъ, когда ничто не мѣшаетъ людямъ вполне принадлежать другъ другу? Эти люди не знали истинной любви. Они знали только эротическое самолюбіе или эротическую фантазію. Настоящая любовь именно съ той поры и начинается, какъ люди начинаютъ жить вмѣстѣ.

— Ужъ не па мнѣ ли ты это замѣчаешь?

— На тебѣ я замѣчаю вещь гораздо болѣе любопытную: еще года черезъ три, ты забудешь свою медицину, а еще года черезъ три, разучишься читать, и изъ всѣхъ способностей къ умственной жизни у тебя останется одна — зрѣніе, да и то разучится видѣть что нибудь, кромѣ меня.

Такіе разговоры не длинны и не часты, но все у нихъ бываютъ такіе разговоры.

— «Да, съ каждымъ годомъ сильнѣе».

«Знаешь эти сказки про людей, которые ѣдятъ опиумъ: съ каждымъ годомъ, ихъ страсть растетъ. Кто разъ ушалъ наслаждение, которое даетъ она, въ томъ она ужъ никогда не ослабѣетъ, а все только усиливается».

«Да и всѣ сильныя страсти такія же, все развиваются, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе».

«Пресыщеніе! — страсть не знаетъ пресыщенія, она знаетъ лишь насыщеніе, на нѣсколько часовъ».

«Пресыщеніе знаетъ только душая фантазія, а не сердце, не живой дѣйствительный человѣкъ, а испорченный мечтатель, ушедшій изъ жизни въ мечту».

«Будто мой аппетитъ ослабѣваетъ, будто мой вкусъ тупѣетъ отъ того, что я не голодаю, а каждый день обѣдаю безъ помѣхи и хорошо. Напротивъ, мой вкусъ развивается отъ того, что мой столъ хорошъ. А аппетитъ я потеряю только вмѣстѣ съ жизнью, безъ него нельзя жить», (это ужъ грубый матеріализмъ, замѣчаю я вмѣстѣ съ проникательнымъ читателемъ).

«Развѣ по натурѣ человѣка привязанность ослабляется, а не развивается временемъ? Когда дружба крѣпче и милѣе, черезъ недѣлю, или черезъ годъ, или черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ началась? Надобно только, чтобы друзья сошлись между собою удачно, чтобы въ самомъ дѣлѣ они годились быть друзьями между собою».

Эти разговоры постоянны, но вовсе не часты. Коротки, и

очень не часты. Въ самомъ дѣлѣ, что объ этомъ много и часто говорить?

А вотъ эти и чаще, и длиннѣе.

— Сама, какъ много поддерживаетъ меня твоя любовь. Черезъ нее, я дѣлаюсь самостоятельна, я выхожу изъ всякой зависимости и отъ тебя, — даже отъ тебя. А для тебя что привнесла моя любовь?

— Для меня? Не менѣе, чѣмъ для тебя. Это постоянное, сильное, здоровое возбужденіе нервъ, оно необходимо развиваетъ нервную систему (грубый матеріализмъ, замѣчаемъ опять мы съ провинцательнымъ читателемъ); поэтому, умственные и нравственные силы растутъ во мнѣ отъ моей любви.

— Да, Саша, я слышу отъ всѣхъ, — сама я плохая свидѣтельница въ этомъ, мои глаза подкуплены, но всѣ видятъ то же: твои глаза яснѣютъ, твой взглядъ становится сильнѣе и ярче.

— Вѣрочка, что хвалиться или не хвалиться мнѣ передъ тобою? мы одинъ человѣкъ; но это должно въ самомъ дѣлѣ отражаться и въ глазахъ. Моя мысль стала много сильнѣе. Когда я дѣлаю выводы изъ наблюденій, общій обзоръ фактовъ, я теперь въ часъ кончаю то, надъ чѣмъ прежде долженъ былъ думать нѣсколько часовъ. И я могу теперь обнимать мыслью гораздо больше фактовъ, чѣмъ прежде, выводы у меня выходятъ и шире, и полнѣе. Если бы, Вѣрочка, во мнѣ былъ какой нибудь зародышъ гениальности, я съ этимъ чувствомъ сталъ бы великимъ гениемъ. Если бы отъ природы была во мнѣ сила создать что нибудь маленькое новое въ наукѣ, я отъ этого чувства приобрѣлъ бы силу пересоздать науку. Но я родился быть только чернорабочимъ, темнымъ мелкимъ труженникомъ, который разрабатываетъ мелкіе частные вопросы. Такимъ я и былъ безъ тебя. Теперь, ты знаешь, я уже не то: отъ меня начинаютъ ждать больше, думаютъ, что я переработаю дѣльную большую отрасль науки, все учение объ отправленияхъ нервной системы. И я чувствую, что исполнило это ожиданіе. Въ 24 года, у человѣка шире и смѣлѣе новизна взглядовъ, чѣмъ въ 29 лѣтъ (потомъ говорится: въ 30 лѣтъ, въ 32 года и такъ дальше), но тогда у меня не было этого въ такомъ размѣрѣ, какъ теперь. И я чувствую, что я все еще расту, когда безъ тебя я давно бы уже пересталъ расти. Да я уже и не росъ послѣдніе два, три года передъ тѣмъ, какъ мы стали жить вмѣстѣ. Ты возвратила мнѣ свѣжесть первой молодости, силу идти го-

раздо дальше того, на чѣмъ я остановился бы, на чѣмъ я ужъ и остановился было безъ тебя.

— А энергія работы, Вѣрочка, развѣ мало значить? Страстное возбужденіе силъ вносится и въ трудъ, когда вся жизнь такъ настроена. Ты знаешь, какъ дѣйствуетъ на энергію умственного труда кофе, стаканъ вина, то, что даютъ они другимъ на часъ, за которымъ слѣдуетъ расслабленіе, соразмѣрное этому внѣшнему и мимолетному возбужденію, то имѣю я теперь постоянно въ себѣ,—мой нервы сами такъ настроены постоянно, сильно, живо. (Опять, грубый матеріализмъ, замѣчаемъ и проч.)

Эти разговоры чаще и длиннѣе.

«Кто не испытывалъ, какъ возбуждаетъ любовь всѣ силы человѣка, тотъ не знаетъ настоящей любви».

«Любовь въ томъ, чтобы помогать возвышенію и возвышаться».

«У кого безъ нея не было бы средствъ къ дѣятельности, тому она даетъ ихъ. У кого они есть, тому она даетъ силы пользоваться ими».

«Только тотъ любить, кто помогаетъ любимой женщинѣ возвышаться до независимости».

«Только тотъ любить, у кого свѣтлѣетъ мысль и укрѣпляются руки отъ любви».

И вотъ эти разговоры очень часты:

— Мой милый, я читаю теперь Боккаччіо (какая безнравственность? замѣчаемъ мы съ проникательнымъ читателемъ:—женщина читаетъ Боккаччіо! это только мы съ нимъ можемъ читать. Но я, кромѣ того, замѣчаю еще вотъ что:—женщина въ пять минутъ услышитъ отъ проникательнаго читателя больше сальностей, очень благоприличныхъ, чѣмъ найдетъ во всемъ Боккаччіо, и ужъ конечно не услышитъ отъ него ни одной свѣтлой, свѣжей, чистой мысли, которыхъ у Боккаччіо такъ много):—ты правду говорилъ, мой милый, что у него громадный талантъ. Нѣкоторые его рассказы надобно, по моему, поставить рядомъ съ лучшими Шекспировскими драмами по глубинѣ и тонкости психологическаго анализа.

— А какъ тебя забавляютъ его комическіе рассказы, въ которыхъ онъ такъ безцеремоненъ?

— Нѣкоторые забавны, но вообще, эти рассказы скучны, какъ всякій слишкомъ грубый фарсъ.

— Но это надобно извинить ему, — вѣдь онъ жилъ за 500 лѣтъ до насъ; то, что намъ кажется слишкомъ сальнымъ, слишкомъ площаднымъ, тогда не считалось неприличіемъ.

— Какъ и многіе наши обычаи, и весь нашъ тонъ будутъ казаться грубы и грязны гораздо меньше, чѣмъ черезъ 500 лѣтъ. Но это не занимательно, я говорю о тѣхъ его разказахъ, пресвосходныхъ, въ которыхъ серьёзно изображается страстная, высокая любовь. Въ нихъ всего виднѣе его великій талантъ. Но вотъ что я хотѣла сказать, Саша: онъ изображаетъ очень хорошо и сильно, судя по этому, можно сказать, что тогда не знали той нѣги любви, какъ теперь, любовь тогда не чувствовалась такъ сильно, хоть и говорятъ, что это была эпоха самаго полнаго наслажденія любовью. Нѣтъ, какъ можно, они не наслаждались ею и въ половину такъ сильно. Ихъ чувства были слишкомъ поверхностны, ихъ упоеніе еще слишкомъ слабо и слишкомъ мимолетно.

«Сила ощущенія соразмѣрна тому, изъ какой глубины организма оно поднимается. Если оно возбуждается исключительно внѣшнимъ предметомъ, внѣшнимъ поводомъ, оно мимолетно и охватываетъ только одну свою частную сторону жизни. Кто пьетъ только потому, что ему подносятъ стаканъ, тотъ мало смыслить вкусъ въ винѣ, оно слишкомъ мало доставляетъ ему удовольствія. Наслажденіе уже гораздо сильнѣе, когда корень его въ воображеніи, когда воображеніе ищетъ предмета и повода къ наслажденію. Тутъ кровь волнуется уже гораздо сильнѣе, и уже замѣтна нѣкоторая теплота въ ней, дающая впечатлѣнію гораздо больше нѣги. Но это еще очень слабо сравнительно съ тѣмъ, когда корень отношеній, соединенныхъ съ наслажденіемъ, находится въ самой глубинѣ нравственной жизни. Тутъ возбужденіе проникаетъ всю нервную систему, волнуется ее долго и чрезвычайно сильно. Тутъ теплота проникаетъ всю грудь: это ужъ не одно бѣненіе сердца, которое возбуждается фантазією, нѣтъ, вся грудь чувствуетъ чрезвычайную свѣжесть и легкость; это похоже на то, какъ будто измѣняется атмосфера, которою дышитъ человѣкъ, будто воздухъ сталъ гораздо чище и богаче кислородомъ, это ощущеніе въ родѣ того, какое доставляется теплымъ солнечнымъ днемъ, это похоже на то, что чувствуешь, грѣясь на солнцѣ, но разница огромная въ томъ, что свѣжесть и теплота развиваются въ самыхъ нервахъ, прямо восприни-

жаются ими, безъ всякаго ослабленія своей ласкающей силы посредствомъ элементами».

«Я очень довольна, что еще во время бросила эту невыгодную манеру. Это правда: надобно, чтобы обращеніе крови не задерживалось никакими стѣсненіями. Но зачѣмъ послѣ этого такъ восхищаться, что цвѣтъ кожи сталъ нѣжибѣ? это такъ должно быть. И отъ какихъ пустяковъ! пустяки, но какъ это портитъ ногу! чулокъ долженъ держаться самъ, весь, и слегка; линія стала правильна, этотъ перерѣзъ исчезаетъ.

«Это не такъ скоро проходитъ. А вѣдь я только три года носила корсетъ, я бросила его еще до нынѣшней нашей жизни. Но правда, что наши платья все-таки тѣснятъ талью и безъ корсета. Но правда ли, что и это пройдетъ, какъ исправилась нога? Правда, нѣсколько проходитъ, — пройдетъ; какъ я довольна, какой несносный покрой платья! Давно бы пора понять, что гречанки были умнѣе, платье должно быть широко отъ самыхъ плечъ, какъ одѣвались онѣ. Какъ нашъ покрой платья портитъ нашъ станъ! Но у меня эта линія восстанавливается, какъ я рада этому!

— Какъ ты хороша, Вѣрочка!

— Какъ я счастлива, Саша!

И сладкія рѣчи,
Какъ говоръ струй;
Его улыбка
И поцалуй.

Милый другъ! погаси
Поцалуи твои:
И безъ нихъ, при тебѣ
Огнь пылаетъ въ крови,
И безъ нихъ, при тебѣ
Жжетъ румянецъ лицо,
И волнуется грудь,
И блыстають глаза,
Словно въ ночи вѣзда.

XVI.

ЧЕТВЕРТЫЙ СОНЪ ВЪРЫ ПАВЛОВНЫ.

И снится Вѣрѣ Павловнѣ сонъ, будто
 Доносится до нея знакомый,—о, какой знакомый теперь!—
 голосъ издали, ближе, ближе,—

Wie herrlich leuchtet
 Mir die Natur!
 Wie glänzt die Sonne!
 Wie lacht die Flur!

И видитъ Вѣра Павловна, что это такъ, все такъ...
 Золотистымъ отливомъ сияетъ нива; покрыто цвѣтами поле,
 развертываются сотни, тысячи цвѣтовъ на кустарникѣ, опоясы-
 вающемъ поле, зеленѣетъ и шепчетъ подымающійся за кустар-
 никомъ лѣсъ, и онъ весь пестрѣетъ цвѣтами; ароматъ несетъ съ
 нивы, съ луга, изъ кустарника, отъ наполняющихъ лѣсъ цвѣ-
 товъ; порхаютъ по вѣткамъ птицы, и тысячи голосовъ несутся
 отъ вѣтвей, вмѣстѣ съ ароматомъ; и за нивою, за лугомъ, за кустар-
 никомъ, лѣсомъ, опять виднѣются такія же сияющія золотомъ
 нивы, покрытые цвѣтами луга, покрытые цвѣтами кустарники,
 до дальнихъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ, озареннымъ солнцемъ, и
 надъ ихъ вершинами тамъ и здѣсь, тамъ и здѣсь, свѣтлыя, се-
 ребристыя, золотистыя, пурпуровыя, прозрачныя облака своими
 переливами слегка отгѣняютъ по горизонту яркую лазурь; взошло
 солнце, радуется и радуется природа, льетъ свѣтъ и теплоту, аро-
 матъ и пѣсню, любовь и нѣгу въ грудь, льется пѣсня радости и
 нѣги. любви и добра изъ груди—«о, земля! о, нѣга! о, любовь!
 о, любовь, золотая, прекрасная, какъ утреннія облака надъ
 вершинами тѣхъ горъ!»

O Erd'! O Sonne!
 O Glück! O Lust!
 O Lieb', o Liebe,
 So goldenschön,
 Wie Morgenwolken
 Auf jenen Höh'n!

— Теперь ты знаешь меня? Ты знаешь, что я хороша? Но ты еще не знаешь, никто из вас еще не знает меня во всей моей красотѣ. Смотри, что было, что теперь, что будетъ. Слушай и смотри:

Wohl pertet im glase der purpurne wein,
Wohl glänzen die Augen der Gäste...

У подошвы горы, на окраинѣ лѣса, среди цвѣтущихъ кустарниковъ высокихъ густыхъ аллей воздвигся дворецъ.

— Идемъ туда.

Онѣ идутъ, летятъ.

Роскошный пиръ. Пѣнятся въ стаканахъ вино; сіяютъ глаза пирующихъ. Шумъ и шопотъ подъ шумъ, смѣхъ и, тайкомъ, пожатіе руки, и порою украдкой неслышный поцалуй.—«Пѣсню! Пѣсню! Безъ пѣсни не полно веселье!» И встаетъ поэтъ. Чело и мысль его озарены вдохновеніемъ, ему говорить свои тайны природа, ему раскрываетъ свой смыслъ исторія, и жизнь тысячелѣтій проносится въ его пѣсни рядомъ картинъ.

1.

Звучать слова поэта, и возникаетъ картина.

Шатры номадовъ. Вокругъ шатровъ пасутся овцы, лошади, верблюды. Вдали лѣсъ оливъ и смоковницъ. Еще дальше, дальше, на краю горизонта къ сѣверо-западу, двойной хребетъ высокихъ горъ. Вершины горъ покрыты снѣгомъ, склоны ихъ покрыты кедрами. Но стройнѣе кедровъ эти пастухи, стройнѣе пальмъ ихъ жены, и беззаботна ихъ жизнь въ лѣнливой нѣгѣ: у нихъ одно дѣло—любовь, всѣ дни ихъ проходятъ, день за днемъ, въ ласкахъ и пѣсняхъ любви.

— Нѣтъ, говорить свѣтлая красавица: — это не обо мнѣ. Тогда меня не было. Эта женщина была рабыня. Гдѣ нѣтъ равенства, тамъ нѣтъ меня. Ту царицу звали Астарта. Вотъ она.

Роскошная женщина. На рукахъ и на ногахъ ея тяжелые золотые браслеты; тяжелое ожерелье изъ перловъ и коралловъ, оправленныхъ золотомъ, на ея шеѣ. Ея волоса увлажнены миррою. Сладострастіе и раболѣпство въ ея лицѣ, сладострастіе и безсмысліе въ ея глазахъ.

«Повишься твоему господину; услаждай лѣнь его въ промежутки набѣговъ: ты должна любить его, потому что онъ купилъ тебя, и если ты не будешь любить его, онъ убьетъ тебя», говоритъ она женщицѣ, лежащей передъ нею во прахѣ.

— Ты видишь, что это не я, говоритъ красавица.

2.

Опять звучать вдохновенныя слова поэта. Возникаетъ новая картина.

Городъ. Вдали на сѣверѣ и востокѣ горы; вдали на востокѣ и югѣ, подлѣ на западѣ, море. Дивный городъ. Невелики въ немъ дома, и не роскошны снаружи. Но сколько въ немъ чудныхъ храмовъ! Особенно на холмѣ, куда ведетъ лѣстница съ воротами удивительнаго величія и красоты: весь холмъ занятъ храмами и общественными зданіями, изъ которыхъ каждаго, одного, было бы довольно нынѣ, чтобы увеличить красоту и славу великолѣпнѣйшей изъ столицъ. Тысячи статуй въ этихъ храмахъ и повсюду въ городѣ, — статуй, изъ которыхъ одной было бы довольно, чтобы сдѣлать музей, гдѣ стояла бы она, первымъ музеемъ цѣлаго міра. И какъ прекрасенъ народъ, толпящійся на площадяхъ, на улицахъ: каждый изъ этихъ юношей, каждая изъ этихъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ могли бы служить моделью для статуи. Дѣятельный, живой, веселый народъ, народъ, вся жизнь котораго свѣтла и изящна. Эти дома, нероскошные снаружи, — какое богатство изящества и высокаго умѣнья наслаждаться показываютъ они внутри: на каждую вещь изъ мебели и посуды можно залюбоваться. И всѣ эти люди, такіе прекрасные, такъ умѣющіе понимать красоту, живутъ для любви, для служенія красотѣ. Вотъ изгнанникъ возвращается въ городъ, свергнувшій его власть: онъ возвращается за тѣмъ, чтобы повелѣвать, всѣ это знаютъ. Что жъ ни одна рука не поднимается противъ него? На колесницѣ съ нимъ ѣдетъ, показывая его народу, прося народъ принять его, говоря народу, что она покровительствуетъ ему, женщина чудной красоты даже среди этихъ красавицъ, — и преклоняясь передъ ея красою, народъ отдаетъ власть надъ собою Пизистрату, ея любимцу. Вотъ судъ; судьи угрюмые старики, — народъ можетъ увлекаться, они не знаютъ увлеченія. Ареопагъ славится безошадною строгостью,

неумолимымъ нелюбви: боги и богини приходили отдавать свои дѣла на его рѣшеніе. И вотъ должна явиться передъ нимъ женщина, которую всѣ считаютъ виновной въ страшныхъ преступленіяхъ: она должна умереть, губительница Аонія, каждый изъ судей уже рѣшилъ это въ душѣ; является передъ ними Аспазія, эта обвиненная, и они всѣ падаютъ передъ нею на землю и говорятъ: ты не можешь быть судима, ты слишкомъ прекрасна! Это ли не царство красоты? это ли не царство любви?

— Нѣтъ, говоритъ свѣтлая красавица:—меня тогда не было. Они поклонялись женщинѣ, но не признавали ее равною себѣ. Они поклонялись ей, но только только какъ источнику наслажденій; человеческого достоинства они еще не признавали въ ней! Гдѣ нѣтъ уваженія къ женщинѣ, какъ къ человѣку, тамъ нѣтъ меня. Ту царлицу звали Афродита. Вотъ она.

На этой царлицѣ нѣтъ никакихъ украшеній, — она такъ прекрасна, что ея поклонники не хотѣли, чтобъ она имѣла одежду, ея дивныя формы не должны быть скрыты отъ ихъ восхищенныхъ глазъ.

Что говоритъ она женщинѣ, почти такъ же прекрасной, какъ сама она, бросающей вѣнчаны на ея алтарь?

«Будь источникомъ наслажденія для мужчины. Онъ господинъ твой. Ты живешь не для себя, а для него.»

И въ ея глазахъ только нѣга физическаго наслажденія. Ея осанка горда, въ ея лицѣ гордость, но гордость только своею физическою красотою. И на какую жизнь обречена была женщина, во время царства ея? Мужчина запералъ женщину въ гинекеи, чтобы никто, кромѣ его, господина, не могъ наслаждаться красотою, ему принадлежащею. У ней не было свободы. Были у нихъ другія женщины, которыя называли себя свободными, но онѣ продавали наслажденіе своею красотою, онѣ продавали свою свободу. Нѣтъ, и у нихъ не было свободы. Эта царлица была полу-рабыня. Гдѣ нѣтъ свободы, тамъ нѣтъ счастья, тамъ нѣтъ меня.

3.

Опять звучатъ слова поэта. Возникаетъ новая картина.

Арена передъ замкомъ. Кругомъ амфитеатръ съ блестящей толпою зрителей. На аренѣ рыцари. Надъ ареною, на бал-

онѣ замка сидитъ дѣвушка. Въ ея рукѣ шарфъ. Кто побѣдитъ, тому шарфъ и поцалуи руки ея. Рыцари бьются на смерть. Тоггенбургъ побѣдилъ. «Рыцарь, я люблю васъ какъ сестра. Другой любви не требуйте. Не бьется мое сердце, когда вы приходите, — не бьется оно, когда вы удаляетесь». «Судьба моя рѣшена», говоритъ онъ и плаваетъ въ Палестину. По всему христіанству разносится слава его подвиговъ. Но онъ не можетъ жить, не видя царицу души своей. Онъ возвращается, онъ не нашелъ забвенья въ битвахъ. «Не стучитесь, рыцарь: она въ монастырѣ». Онъ строитъ себѣ хижину, изъ оконъ которой, невѣданный ей, можетъ видѣть ее, когда она поутру раскрываетъ окно своей кельи. И вся жизнь его — ждать, пока явится она у окна, прекрасная, какъ солнце; нѣтъ у него другой жизни, какъ видѣть царицу души своей, и не было у него другой жизни, пока не иззябла въ немъ жизнь; и когда погасала въ немъ жизнь, онъ сидѣлъ у окна своей хижины и думалъ только одно: увижу ли ее еще?

— Это ужъ вовсе, вовсе не обо мнѣ, говоритъ свѣтлая красавица. Онъ любилъ ее, пока не касался къ ней. Когда она становилась его женою, она становилась его подданною; она должна была трепетать его; онъ зашпиралъ ее; онъ переставалъ любить ее. Онъ охотился, онъ уѣзжалъ на войну, онъ пировалъ съ своими товарищами, онъ насиловалъ своихъ вассалокъ, — жена была брошена, заперта, презрѣна. Ту женщину, которой касался мужчина, этотъ мужчина ужъ не любилъ тогда. Нѣтъ, тогда меня не было. Ту царицу звали «Непорочностью». Вотъ она.

Скромная, кроткая, нѣжная, прекрасная, — прекраснѣе Астарты, прекраснѣе самой Афродиты, но задумчивая, грустная, скорбящая. Передъ нею преклоняютъ колѣна, ей подносятъ вѣнцы розъ. Онъ говоритъ: «Печальна до смертельной скорби душа моя. Мечъ пронзилъ сердце мое. Скорбите и вы. Вы несчастны. Земля — долина плача».

— Нѣтъ, нѣтъ, меня тогда не было, говоритъ свѣтлая красавица.

4.

«Нѣтъ, тѣ царицы были не похожи на меня. Всѣ онѣ еще продолжаютъ царствовать, но царства всѣхъ ихъ надаютъ. Съ
Т. ХСVI. Отд. I.

рожденіемъ каждой изъ нихъ начинаю падать царство прежней. И я родилась только тогда, когда стало падать царство послѣдней изъ нихъ. И съ тѣхъ поръ, какъ я родилась, царства ихъ стали падать быстро, быстро, и они вовсе падутъ, — изъ нихъ слѣдующая не могла замѣнить прежнихъ, и онѣ оставались при ней. И замѣняю всѣхъ, онѣ исчезнутъ, я одна останусь царствовать надъ всѣмъ міромъ. Но онѣ должны были царствовать прежде меня; безъ ихъ царствъ не могло придти мое.

«Люди были, какъ животныя. Они перестали быть животными, когда мужчина сталъ цѣнить въ женщинѣ красоту. Но женщина слабѣе мужчины силою; а мужчина былъ грубъ. Все тогда рѣшалось силою. Мужчина присвоилъ себѣ женщину, красоту которой сталъ цѣнить. Она стала собственностью его, вещью его. Это царство Астарты.

Когда онъ сталъ болѣе развитъ, онъ сталъ больше прежняго цѣнить ея красоту, преклонился передъ ея красотой. Но ея сознаніе было еще не развито. Онъ цѣнилъ только въ ней красоту. Она умѣла думать еще только то, что слышала отъ него. Онъ говорилъ, что только онъ человѣкъ, она не человѣкъ, и она еще видѣла въ себѣ только прекрасную драгоценность, принадлежащую ему, — человѣкомъ она не считала себя. Это царство Афродиты.

«Но вотъ, начало въ ней пробуждаться сознаніе, что и она человѣкъ. Какая скорбь должна была обнять ее, и при самомъ слабѣмъ появленіи въ ней мысли о своемъ человѣческомъ достоинствѣ! Вѣдь она еще не была признаваема за человѣка. Мужчина еще не хотѣлъ имѣть ее иною подругою себѣ, какъ своею рабынею. И она говорила: я не хочу быть твоею подругою! Тогда страсть къ ней заставляла его умолять и смиряться, и онъ забывалъ, что не считаетъ ее человѣкомъ, и онъ любилъ ее, недоступную, неприкосновенную, непорочную дѣву. Но лишь только вѣрила она его мольбѣ, лишь только онъ касался ея — горе ей! Она была въ рукахъ его, эти руки были сильнѣе ея рукъ, а онъ былъ грубъ, и онъ обращалъ ее въ свою рабыню и презиралъ ее. Горе ей! Это скорбное царство дѣвы.

«Но шли вѣка; моя сестра, — ты знаешь ее? та, которая раньше меня стала являться тебѣ, дѣлала свое дѣло. Она была всегда, она была прежде всѣхъ, она ужъ была, какъ были люди, и всегда работала неутомимо. Тяжелъ былъ ея трудъ, медленъ успѣхъ, но она работала, работала, и росъ

услѣхъ. Мужчина становился разумнѣе, женщина тверже и тверже сознавала себя равнымъ ему человѣкомъ, — и пришло время, родилась я.

«Это было недавно, о, это было очень недавно. Ты знаешь ли, кто первый почувствовалъ, что я родилась, и сказалъ это другимъ? Это сказалъ Руссо въ «Новой Элоизѣ». Въ ней, отъ него люди въ первый разъ слышали обо мнѣ.

«И съ той поры мое царство растетъ. Еще не надъ многими я царица. Но оно быстро растетъ, и ты уже предвидишь время, когда я буду царствовать надъ всею землею. Только тогда вполнѣ почувствуютъ люди, какъ я хороша. Теперь тѣ, кто признаетъ мою власть, еще не могутъ повиноваться всей моей волѣ. Они окружены массою непріязненною всей моей волѣ. Масса истерзала бы ихъ, отравила бы ихъ жизнь, если бъ они знали и исполняли всю мою волю. А мнѣ нужно счастье, я не хочу никакихъ страданій, и я говорю имъ: не дѣлайте того, за что васъ стали бы мучить; знайте мою волю теперь лишь на столько, на сколько можете знать ее безъ вреда себѣ.

— Но я могу знать всю тебя?

— Да, ты можешь. Твое положеніе очень счастливое. Тебѣ нечего бояться. Ты можешь дѣлать все, что захочешь. И если ты будешь знать всю мою волю, отъ тебя моя воля не захочетъ ничего вреднаго тебѣ: тебѣ не нужно желать, ты не будешь желать ничего, за что стали бы мучить тебя незнающіе меня. Ты теперь вполнѣ довольна тѣмъ, что имѣешь; ни о чемъ другомъ, ни о комъ другомъ ты не думаешь и не будешь думать. Я могу открыться тебѣ все.

— Назови же мнѣ себя, ты назвала мнѣ прежнихъ царицъ, себя ты еще никогда не называла мнѣ.

— Ты хочешь, чтобъ я назвала себя? Смотри на меня, слушай меня.

5.

— Смотри на меня, слушай меня. Ты узнаешь ли мой голосъ? Ты узнаешь ли лицо мое? Ты видѣла ли лицо мое?

Да, она еще не видѣла лица ея, вовсе не видѣла ея. Какъ же ей казалось, что она видитъ ее? Вотъ ужъ годъ, съ тѣхъ поръ, какъ она говорить съ нимъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ смотритъ

на нее, целуетъ ее, она такъ часто видитъ ее, эту свѣтлую красавицу, и красавица не прячется отъ нея, какъ она не прячется отъ него, она вся является ей.

— Нѣтъ, я не видѣла тебя, я не видѣла лица твоего; ты являлась мнѣ, я видѣла тебя, но ты окружена сіяніемъ, я не могла видѣть тебя, я видѣла только, что ты прекраснѣе всѣхъ. Твой голосъ, я слышу его, но я слышу только, что твой голосъ прекраснѣе всѣхъ.

— Смотри же, для тебя, на эту минуту, я уменьшаю сіяніе моего ореола, и мой голосъ пусть звучитъ тебѣ на эту минуту безъ очаровательности, которую я всегда даю ему; на минуту я для тебя перестаю быть царицею. Ты видѣла, ты слышала? Ты узнала? Довольно, я опять царица, и уже навсегда царица.

Она опять окружена всѣмъ блескомъ своего сіянія, и опять голосъ ея невыразимо упомтелемъ. Но на минуту, когда она переставала быть царицею, чтобы дать узнать себя, неужели это такъ? Неужели это лицо видѣла, неужели этотъ голосъ слышала Вѣра Павловна?

— Да, говорить царица:—ты хотѣла знать, кто я, ты узнала. Ты хотѣла узнать мое имя, у меня нѣтъ имени, отдѣльнаго отъ той, которой являюсь я, мое имя—ея имя; ты видѣла, кто я. Нѣтъ ничего выше человѣка, нѣтъ ничего выше женщины. Я та, которой являюсь я, которая любить, которая любима.

Да, Вѣра Павловна видѣла: это она сама, это она сама, но богиня. Лицо богини ея самой лицо, это ея живое лицо, черты котораго такъ далеки отъ совершенства, прекраснѣе котораго видѣть она каждый день не одно лицо; это ея лицо, озеренное сіяніемъ любви, прекраснѣе всѣхъ идеаловъ, завѣщанныхъ намъ скульпторами древности и великими живописцами великаго вѣка живописца, да, это она сама, но озаренная сіяніемъ любви, она, прекраснѣе которой есть сотни лицъ въ Петербургѣ, такомъ бѣдномъ красотою, она прекраснѣе Афродиты Луврской, прекраснѣе доселѣ извѣстныхъ красавицъ.

— Ты видишь себя въ зеркалѣ такую, какая ты сама по себѣ, безъ меня. Во мнѣ ты видишь себя такой, какою видѣть тебя тотъ, кто любить тебя. Для него я сливаюсь съ тобою. Для него нѣтъ никого прекраснѣе тебя; для него всѣ идеалы меркнутъ передъ тобою. Такъ ли?

Такъ, о, такъ!

6.

«Теперь ты знаешь, кто я; узнай, что я..

«Во мнѣ наслажденіе чувства, которое было въ Астаргѣ: она родоначальница всѣхъ насъ другихъ царицъ, смѣнявшихъ ее. Во мнѣ упоеніе созерцаемъ красоты, которое было въ Афродитѣ. Во мнѣ благоговѣніе передъ чистотою, которое было въ «Непорочности»».

«Но во мнѣ все это не такъ, какъ было въ нихъ, а полнѣе, выше, сильнѣе. То, что было въ «Непорочности», соединяется во мнѣ съ тѣмъ, что было въ Астаргѣ, и съ тѣмъ, что было въ Афродитѣ. И соединяясь во мнѣ съ другими силами, каждая изъ этихъ силъ становится могущественнѣе и лучше отъ союза. Но больше, еще гораздо больше могущества и прелести дается каждой изъ этихъ силъ во мнѣ тѣмъ новымъ, что есть во мнѣ, чего не было ни въ одной изъ прежнихъ царицъ. Это новое во мнѣ, то, чѣмъ я отличаюсь отъ нихъ,—равноправность любящихъ, равное отношеніе между ними, какъ людьми; и отъ этого одного новаго все во мнѣ много, о, много прекраснѣе, чѣмъ было въ нихъ.»

«Когда мужчина признаетъ равноправность женщины съ собою, онъ отказывается отъ взгляда на нее, какъ на свою принадлежность. Тогда она любитъ его, какъ онъ любитъ ее, только потому, что хочетъ любить, если же она не хочетъ, онъ не имѣетъ никакихъ правъ надъ нею, какъ и она надъ нимъ. Поэтому, во мнѣ свобода.»

«Отъ равноправности и свободы, и то мое, что было въ прежнихъ царицахъ, получаетъ новый характеръ, высшую прелесть, прелесть, какой не знали до меня, передъ которой ничто все, что знали до меня.»

«До меня не знали полного наслажденія чувства, потому что безъ свободнаго влеченія обоихъ любящихъ ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ свѣтлаго упоенія. До меня не знали полного наслажденія созерцаемъ красоты, потому что если красота открывается не по свободному влеченію, нѣтъ свѣтлаго упоенія ея созерцаемъ. Безъ свободнаго влеченія и наслажденіе, и восхищеніе мрачны передъ тѣмъ, каковы они во мнѣ.»

«Моя непорочность чище той «Непорочности», которая гово-

рила только о чистотѣ тѣла: во мнѣ чистота сердца. Я свободна, потому во мнѣ нѣтъ обмана, нѣтъ притворства: я не скажу слова, котораго не чувствую, я не дамъ поцалуя, въ которомъ нѣтъ симпатіи.

«Но то, что во мнѣ новое, что дастъ высшую прелесть тому, что было въ прежнихъ царствахъ, оно само по себѣ составляетъ во мнѣ прелесть, которая выше всего. Господинъ стѣсненъ при слугѣ, слуга стѣсненъ передъ господиномъ; только съ равнымъ себѣ вполне свободенъ человекъ. Съ низшимъ скучно, только съ равнымъ полное веселье. Вотъ почему до меня и мужчина не зналъ полного счастья любви; того, что онъ чувствовалъ до меня, не стоило называть счастьемъ, это было только минутное опьяненіе. А женщина, какъ жалка была до меня женщина! она была тогда подвластнымъ, рабствующимъ лицомъ; она была въ болѣзни, она до меня слишкомъ мало знала, что такое любовь: гдѣ болѣзнь, тамъ нѣтъ любви...

«Поэтому, если ты хочешь однимъ словомъ выразить, что такое я, это слово—равноправность. Безъ него наслажденіе тѣломъ, восхищеніе красою, скучны, мрачны, гадки; безъ него нѣтъ чистоты сердца, есть только обманъ чистотою тѣла. Изъ него, изъ равенства, и свобода во мнѣ, безъ которой нѣтъ меня.

«Я все сказала тебѣ, что ты можешь сказать другимъ, все, что я теперь. Но теперь царство мое еще мало, я еще должна беречь своихъ отъ клеветы незнающихъ меня, я еще не могу высказывать всю мою волю всѣмъ. Я скажу ее всѣмъ, когда мое царство будетъ надъ всѣми людьми, когда всѣ люди будутъ прекрасны тѣломъ и чисты сердцемъ, тогда я открою имъ всю мою красоту. Но ты, твоя судьба особенно счастлива; тебя я не смущу, тебѣ я не поврежу, сказавши, чѣмъ буду я, когда не многіе, какъ теперь, а всѣ будутъ достойны признавать меня своею царицею. Тебѣ одной я скажу тайны моего будущаго. Клянись молчать и слушай.

8.

.

9.

— О, любовь моя, теперь я знаю всю твою волю; я знаю, что она будетъ; но какъ же она будетъ? Какъ тогда будутъ жить люди?

— Я одна не могу рассказать тебѣ этого, для этого мнѣ нужна помощь моей старшей сестры, — той, которая давно являлась тебѣ. Она моя владычица и слуга моя. Я могу быть только тѣмъ, чѣмъ она дѣлаетъ меня; но она работаетъ для меня. — Сестра, прѣди на помощь.

Является сестра своихъ сестеръ, невѣста своихъ жениховъ. — Здравствуй, сестра, говоритъ она царичѣ: — здѣсь и ты, сестра? говоритъ она Вѣрѣ Павловнѣ: — ты хочешь видѣть, какъ будутъ жить люди, когда царица, моя воспитанница, будетъ царствовать надъ всѣми? — Смотри.

Зданіе, громадное, громадное зданіе, какихъ теперь лишь по нѣскольку въ самыхъ большихъ столицахъ, — или нѣтъ, теперь ни одного такого! Оно стоитъ среди нивъ и луговъ, садовъ и рощъ. Нивы — это наши хлѣба, только не такіе, какъ у насъ, а густые, густые, изобильные, изобильные. Неужели это пшеница? Кто жь видѣлъ такіе колосья? Кто жь видѣлъ такія зерна? Только въ оранжереѣ можно бы теперь выростить такія колосья съ такими зернами. Поля, это наши поля; но такіе цвѣты теперь только въ цвѣтникахъ у насъ. Сады, лимонныя и апельсинныя деревья, персики и абрикосы, — какъ же они растутъ на открытомъ воздухѣ? О, да это колонны вокругъ нихъ, это они открыты на лѣто; да, это оранжереи, раскрывающіяся на лѣто. Рощи — это наши рощи: дубъ и липа, кленъ и вязъ, — да, рощи тѣ же, какъ теперь; за ними очень заботливый уходъ, нѣтъ въ нихъ ни одного большаго дерева, но рощи тѣ же, — только онѣ и остались тѣ же, какъ теперь. Но это зданіе, — что жь это, какой оно архитектуры? теперь нѣтъ такой; нѣтъ, ужь есть одинъ намекъ на нос, — дворецъ, который стоитъ на Сайденгамскомъ холмѣ: чугуны и стекло, чугуны и стекло — только. Нѣтъ, не только: это лишь оболочка зданія, это его наружныя стѣны; а тамъ, внутри, ужь настоящій домъ, громаднѣйшій домъ: онъ покрытъ этимъ чугунино-хрустальнымъ зданіемъ, какъ футляромъ; оно образуетъ вокругъ него широкія галлерей по всѣмъ этажамъ.

Какая легкая архитектура этого внутренняго дома, какіе маленькіе простѣвники между окнами, — а окна огромныя, широкія, во всю вышину этажей! его каменные стѣны—будто рядъ пилястровъ, составляющихъ раму для оконъ, которыя выходятъ на галерею. Но какіе это полы и потолки? Изъ чего эти двери и рамы оконъ? Что это такое? серебро? платина? да и мебель почти вся такая же,—мебель изъ дерева тутъ лишь капризъ, она только для разнообразія, но изъ чего жъ вся остальная мебель, потолки и полы? «Попробуй подвинуть это кресло», говоритъ старшая парница. Эта металлическая мебель легче нашей орѣховой. Но что жъ это за металлъ? Ахъ, знаю теперь, Саша показывала мнѣ такую дощечку, она была легка, какъ стекло, и теперь ужъ есть такія серги, брошки; да, Саша говорилъ, что рамо или поадно, алюминій замѣнитъ собою дерево, можетъ быть, и камень. Но какъ же все это богато! вездѣ алюминій и алюминій, и всѣ промежутки оконъ одѣты огромными зеркалами. И какіе ковры на полу! Вотъ въ этомъ залѣ половина пола открыта, тутъ и видно, что онъ изъ алюминія. «Ты видишь, тутъ онъ матовый, чтобы не былъ слишкомъ скользокъ,—тутъ играютъ дѣти, а вѣстѣ съ ними и большіе; вотъ и въ томъ залѣ полъ тоже безъ ковровъ,—для танцевъ». И повсюду южныя деревья и цвѣты; весь домъ—громадный зимній садъ.

Но кто же живетъ въ этомъ домѣ, который великогнѣше дворцовъ? «Здѣсь живетъ много, очень много; иди, мы увидимъ ихъ. Онѣ идутъ на балконъ, выступающій изъ верхняго этажа галереи. Какъ же Вѣра Павловна не замѣтила прежде? По этимъ нивамъ разсѣяны группы людей; вездѣ мужчины и женщины, старики, молодые и дѣти вмѣстѣ. Но больше молоденькъ; стариковъ мало, старухъ еще меньше, дѣтей больше, чѣмъ стариковъ, но все-таки не очень много. Больше половины дѣтей осталось дома заниматься хозяйствомъ: они дѣлаютъ почти все по хозяйству, они очень любятъ это; съ ними нѣсколько старухъ. А стариковъ и старухъ очень мало потому, что здѣсь очень поздно стаиваются ими, здѣсь здоровая и спокойная жизнь; она сохраняетъ свѣжесть». Группы, работающія на нивахъ, почти всѣ поютъ; но какой работою онѣ заняты? Ахъ, это они убираютъ хлѣбъ. Какъ быстро идетъ у нихъ работа! Но еще бы не идти ей быстро, и еще бы не пѣть имъ! Почти все дѣлаютъ за нихъ машины,—и жнутъ, и вьжутъ снопы, и отвозятъ ихъ,—люди почти только ходятъ, ѣздятъ, управляютъ машинами; и

какъ они удобно устроили себѣ; день вносецъ, но имъ, конечно, ничего : надъ тою частью нивы, гдѣ они работаютъ, раскинуть огромный пологъ; какъ подвигается работа, подвигается и онъ, — какъ они устроили себѣ прохладу! Еще бы имъ не быстро и не весело работать, еще бы имъ не пѣть! Этакъ, и я стала бы жать! И все пѣсни, все пѣсни, — незнакомыя, новыя; а вотъ припомнили и нашу; знаю ее:

Будемъ жить съ тобой по пански:
 Эти люди намъ друзья, —
 Что душѣ твоей угодно,
 Все добуду съ ними я....

Но вотъ работа кончена, всѣ идутъ къ зданію. Войдемъ опять въ залъ, посмотримъ, какъ они будутъ обѣдать, говорить старшая сестра. Онѣ входятъ въ самый большой изъ огромныхъ залъ. Половина его занята столами, — столы ужъ накрыты, — сколько ихъ! Сколько же тутъ будетъ обѣдающихъ? Да человѣкъ тысяча или больше: «здѣсь не всѣ; кому угодно, обѣдаютъ особо, у себя»; тѣ старухи, старики, дѣти, которыя не выходили въ поле, приготовили все это: «готовить кушанье, заниматься хозяйствомъ, прибирать въ комнатахъ, — это слишкомъ легкая работа для другихъ рукъ, говоритъ старшая сестра: — ею слѣдуетъ заниматься тѣмъ, кто еще не можетъ, или уже не можетъ дѣлать ничего другаго». Великолѣпная сервировка. Все алюминій и хрусталь; по средней полосѣ широкихъ столовъ разставлены вазы съ нѣвтами, блюда ужъ на столѣ, вошли работающіе, всѣ садятся за обѣдъ, и они и готовившіе обѣдъ. А кто жъ будетъ прислуживать? «Когда? во время стола? зачѣмъ? Вѣдь всего пять, шесть блюдъ: тѣ, которыя должны быть горячія, поставлены на такихъ мѣстахъ, что не остынутъ; видишь, въ углубленіяхъ, — это ящики съ кипяткомъ, говоритъ старшая сестра. Ты хорошо живешь, ты любишь хорошій столъ, часто у тебя бываетъ такой обѣдъ?» — Нѣсколько разъ въ годъ. «У нихъ это обыкновенный; кому угодно, тотъ имѣетъ лучше, какой угодно, но тогда особый расчетъ; а кто не требуетъ себѣ особеннаго противъ того, что дѣлается для всѣхъ, съ тѣмъ нѣтъ никакого расчета. И все такъ: то, что могутъ по средствамъ своей компаніи всѣ, за то нѣтъ расчетовъ; за каждую особую вещь или прихоть — расчетъ.»

— Неужели жь это мы? неужели это наша земля? Я слышала нашу пѣсню, они говорятъ по русски. «Да, ты видишь не въ далеку рѣку, — это Ока; эти люди мы, вѣдь съ тобою я русская!» — И ты все это сдѣлала? «Это все сдѣлано для меня, и я одушевляла дѣлать это, я одушевляю совершенствовать это, но дѣлаетъ это вотъ она, моя старшая сестра, она работница, а я только наслаждаюсь». — И всѣ такъ будутъ жить? «Всѣ, говоритъ старшая сестра: — для всѣхъ вѣчная весна и лѣто, вѣчная радость. Но мы показали тебѣ только конецъ моей половины дня, работы, и начало ея половины; — мы еще посмотримъ на нихъ вечеромъ, черезъ два мѣсяца».

10.

Цвѣты завяли; листья начинаютъ падать съ деревьевъ; картина становится уныла. «Видишь, на это скучно было бы смотреть, тутъ было бы скучно жить, говоритъ младшая сестра: — такъ не хочу». «Залы пусты, на поляхъ и въ садахъ тоже нѣтъ никого, говоритъ старшая сестра: — я это устроила по волѣ своей сестры царицы». — Неужели дворецъ въ самомъ дѣлѣ опустѣлъ? «Да, вѣдь здѣсь холодно и сыро, зачѣмъ же быть здѣсь? Здѣсь изъ 2,000 человѣкъ осталось теперь десять, двадцать человѣкъ оригиналовъ, которымъ на этотъ разъ показалось приятнымъ разнообразіемъ остаться здѣсь, въ глуши, въ уединеніи, посмотреть на сѣверную осень. Черезъ нѣсколько времени, зимою, здѣсь будутъ безпрестанныя смѣны, будутъ пріѣзжать маленькими партіями любители зимнихъ прогулокъ, провести здѣсь нѣсколько дней по зимнему».

— Но гдѣ жь они теперь? «Да вездѣ, гдѣ тепло и хорошо, говоритъ старшая сестра: — на лѣто, когда здѣсь много работы и хорошо, пріѣзжаетъ сюда множество всякихъ гостей съ юга; мы были въ домѣ, гдѣ вся компанія изъ однихъ васъ; но множество домовъ построено для гостей, въ другихъ и разноплеменные гости и хозяева поселяются вмѣстѣ, кому какъ нравится, такую компанію и выбираетъ. Но принимая лѣтомъ множество гостей, помощниковъ въ работѣ, вы сами на 7, 8 плохихъ мѣсяцевъ вѣснего года уѣзжаете на югъ, — кому куда пріятнѣе. Но есть у васъ на югѣ и особая сторона, куда уѣзжаетъ главная масса ваша. Эта сторона такъ и называется Новая Россія». — Это гдѣ Одесса и

Херсонъ? «Это въ твое время; а теперь смотри, вотъ гдѣ Новая Россія».

Горы, одѣтыя садами; между горъ узкія долины, широкія равнины. «Эти горы были прежде голыя скалы», говоритъ старшая сестра. Теперь онѣ покрыты толстымъ слоемъ земли, и на нихъ среди садовъ растутъ рощи самыхъ высокихъ деревьевъ: внизу во влажныхъ ложбинахъ, плантаціи кофейнаго дерева; выше финиковыя пальмы, смоковницы; виноградники перемежаются съ плантаціями сахарнаго тростника; на нивахъ есть и пшевица, но больше рисъ». Что жъ это за земля? «Поднимемся на минуту повыше, ты увидишь ея границы». На далекомъ сѣверо-востокѣ двѣ рѣки, которыя сливаются вмѣстѣ прямо на востокѣ отъ того мѣста, съ котораго смотритъ Вѣра Павловна; дальше къ югу, все въ томъ же юго-восточномъ направленіи, длинный и широкій заливъ; на югѣ далеко идетъ земля, расширяясь все больше къ югу между этимъ заливомъ и длиннымъ узкимъ заливомъ, составляющимъ ея западную границу. Между западнымъ узкимъ заливомъ и моремъ, которое очень далеко на сѣверо-западѣ, узкій перешеекъ.—Но мы въ центрѣ пустыни? говоритъ изумленная Вѣра Павловна. «Да, въ центрѣ бывшей пустыни; а теперь, какъ видишь, все пространство съ сѣвера, отъ той большой рѣки на сѣверо-востокѣ, уже обращено въ благодатнѣйшую землю, въ землю такую же, какою была когда-то и опять стала теперь та полоса по морю на сѣверъ отъ нея, про которую говорилось въ старину, что она «кипитъ молокомъ и медомъ». Мы не очень далеко, ты видишь, отъ южной границы воздѣланнаго пространства, горная часть полуострова еще остается пещаною бесплодною степью, какою была въ твое время весь полуостровъ; съ каждымъ годомъ, люди, вы русскіе, все дальше отодвигаете границу пустыни на югъ. Другіе работаютъ въ другихъ странахъ: всѣмъ и много мѣста, и довольно работы, и просторно, и обильно. Да, отъ большой сѣверо-восточной рѣки, все пространство на югъ до половины полуострова зеленѣетъ и цвететъ, по всему пространству стоятъ, какъ на сѣверѣ, громадныя аданія, въ трехъ, въ четырехъ верстахъ другъ отъ друга, будто безчисленные громадные шахматы на исполинской шахматницѣ. «Слустимся къ одному изъ нихъ», говоритъ старшая сестра.

Такой же хрустальный громадный домъ, но колонны его бѣлыя. «Онѣ потому изъ алюминія, говоритъ старшая сестра, что здѣсь вѣдь очень тепло, бѣлое меньше разгорячается на солнцѣ,

это нѣсколько дороже чугуна, но по здѣшнему удобію». Но вотъ что они еще придумали: на дальнее разстояніе кругомъ хрустальнаго дворца, идутъ ряды тонкихъ, чрезвычайно высокихъ столбовъ, и на нихъ, высоко надъ дворцомъ, надъ всѣмъ дворцомъ и на полверсты вокругъ него, растянуть бѣлый пологъ. «Онъ постоянно обрызгивается водою, — говоритъ старшая сестра: — видишь, изъ каждой колонны подымается выше полога маленькій фонтанъ, разлетающійся дождемъ вокругъ; поэтому жить здѣсь прохладно, ты видишь, они измѣняютъ температуру, какъ хотятъ». — А кому правится зной и яркое здѣшнее солнце? «Ты видишь, вдали есть павильоны и шатры. Каждый можетъ жить, какъ ему угодно; я къ тому веду, я все для этого только и работаю». — Значитъ, остались и города для тѣхъ, кому правится въ городахъ? «Не очень много такихъ людей; городовъ осталось меньше прежняго, — почти только для того, чтобы быть центрами сношеній и перевозки товаровъ, у лучшихъ гаваней, въ другихъ центрахъ сообщеній, но эти города больше и великолѣпнѣе прежнихъ; всѣ туда ѣздить на нѣсколько дней для разнообразія; большая часть ихъ жителей безпрестанно смѣняется, бываетъ тамъ для труда, на недолгое время». — Но кто хочетъ постоянно жить въ нихъ? «Живутъ, какъ вы живете въ своихъ Петербургахъ, Парижахъ, Лондонахъ, — кому жь какое дѣло? кто станетъ мѣшать? Каждый живи, какъ хочешь; только огромнѣйшее большинство, 99 человекъ изъ 100, живутъ такъ, какъ мы съ сестрою показываемъ тебѣ, потому что это имъ пріятнѣе и выгоднѣе. Но иди же во дворецъ, ужь довольно поздній вечеръ, пора смотрѣть на нихъ».

— Но итъ, прежде я хочу же знать, какъ это сдѣлалось? «Что?» — То, что бесплодная пустыня обратилась въ плодороднѣйшую землю, гдѣ почти всѣ мы проводимъ двѣ трети нашего года. «Какъ это сдѣлалось? да что жь тутъ мудренаго? Вѣдь это сдѣлалось не въ одинъ годъ, и не въ десять лѣтъ, я постепенно подвигала дѣло. Съ сѣверо-востока, отъ береговъ большой рѣки, съ сѣверо-запада, отъ прибрежья большого моря, — у нихъ такъ много такихъ сильныхъ машинъ, — возили глинну, она связывала песокъ, проводили каналы, устраивали орошеніе, явилась зелень, явилось и больше влаги въ воздухъ; шли впередъ шагъ за шагомъ, но нѣсколько верстъ, иногда по одной верствѣ въ годъ, какъ и теперь все идутъ больше на югъ, что жь тутъ особеннаго? Они только стали умны, стали обращать на пользу себѣ громад-

ное количество силъ и средствъ, которые прежде тратили безъ пользы или и прямо во вредъ себѣ. Не даромъ же я работаю и учу. Трудно было людямъ только понять, что полезно, они были въ твоё время еще такими дикарями, такими грубыми, жестокими, безразсудными, но я учила и учила ихъ; а когда они стали понимать, исполнять было уже не трудно. Я не требую ничего труднаго, ты знаешь. Ты кое-что дѣлаешь по моему, для меня,—развѣ это дурно?»—Нѣтъ. «Конечно, нѣтъ. Вспомни же свою мастерскую, развѣ у васъ было много средствъ? развѣ больше, чѣмъ у другихъ?» — Нѣтъ, какія жь у насъ были средства? «А вѣдь твои швеи имѣютъ въ десять разъ больше удобствъ, въ двадцать разъ больше радостей жизни, во сто разъ меньше испытываютъ непріятнаго, чѣмъ другія, съ такими же средствами, какія были у васъ. Ты сама доказала, что и въ твоё время люди могутъ жить очень привольно. Нужно только быть разсудительными, уметь хорошо устроиться, узнать, какъ выгодноѣе употреблять средства». — Такъ, такъ; я это знаю. «Иди же еще посмотрѣть немножко, какъ живутъ люди черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ стали понимать то, что давно понимала ты».

11.

Онѣ входятъ въ домъ. Опять такой же громаднѣйшій, великолѣпный залъ. Вечеръ въ полномъ своемъ просторѣ и весельи, прошло ужь три часа послѣ заката солнца: самая пора веселья. Какъ ярко освѣщенъ залъ, чѣмъ же?—нигдѣ не видно ни канделябровъ, ни люстръ; ахъ, вотъ что! — въ нуполѣ зала большая площадка изъ матоваго стекла, черезъ нее льется свѣтъ,—конечно, такой онъ и долженъ быть: совершенно, какъ солнечный, бѣлый, яркій и мягкій, — ну, да это электрическое освѣщеніе. Въ залѣ около тысячи человѣкъ народа, но въ ней могло бы свободно быть втрое больше. «И бываетъ, когда прѣбываютъ гости, говорить свѣтлая красавица:—бываетъ и больше». — Такъ что жь это? развѣ не балъ? Это развѣ простой будничныи вечеръ? «Конечно». — А по нынѣшнему, это былъ бы придворный балъ, такъ роскошна одежда женщинъ; да, другія времена, это видно и по покрою платья. Есть нѣсколько дамъ и въ нашемъ платьѣ, но видно, что онѣ одѣлись такъ для разнообразія, для шутки; да, онѣ дурачатся, шутятъ надъ своимъ костюмомъ; на другихъ

другіе, самыя разнообразныя костюмы, разныхъ восточныхъ и южныхъ покровъ, всё они граціознѣе нашего; но преобладаетъ костюмъ похожій на тотъ, какой носили гречанки въ изыщнѣйшее время Аѳинъ — очень легкій и свободный, и на мужчинахъ тоже широкое, длинное платье безъ талии, что-то въ родѣ магіій и матіевъ, видно, что это обыкновенный домашній костюмъ ихъ, какъ это платье скромно и прекрасно! какъ мягко и изящно обрисовываетъ оно формы, какъ возвышаетъ оно граціозность движеній! И какой оркестръ, болѣе ста артистовъ и артистокъ, но особенно, какой хоръ! «Да, у васъ въ цѣлой Европѣ не было десяти такихъ голосовъ, какихъ ты въ одномъ этомъ залѣ найдешь цѣлую сотню, и въ каждомъ другомъ столько же: образъ жизни не тотъ, очень здоровый и вмѣстѣ изящный, потому и грудь лучше, и голосъ лучше», говоритъ свѣтлая царица. Но люди въ оркестрѣ и въ хорѣ безпрестанно мѣняются: одни уходятъ, другіе становятся на ихъ мѣсто, — они уходятъ танцовать, они приходятъ изъ танцующихъ.

У нихъ вечеръ, будничныи обыкновенный вечеръ, они каждый вечеръ такъ веселятся и танцуютъ; но когда же я видѣла такую энергію веселья? но какъ и не имѣть ихъ веселью энергіи, неизвѣстной намъ? — Они поутру наработались. Кто не наработался вдоволь, тотъ не приготовилъ нервъ, чтобы чувствовать полноту веселья. И теперь веселье простыхъ людей, когда имъ удастся веселиться, болѣе радостно, живо и свѣжо, чѣмъ наше; но у нашихъ простыхъ людей скудны средства для веселья, а здѣсь средства богаче, нежели у насъ; и веселье нашихъ простыхъ людей смущается воспоминаніемъ неудобствъ и лишеній, бѣдъ и страданій, смущается предчувствіемъ того же впереди, — это мимолетный часъ забытья нужды и горя — а развѣ нужда и горе могутъ быть забыты вполнѣ? развѣ песокъ пустыни не заноситъ? развѣ миазмы болота не заражаютъ и небольшого клочка хорошей земли съ хорошимъ воздухомъ, лежащаго между пустынею и болотомъ? А здѣсь нѣтъ ни воспоминаній, ни опасеній нужды или горя; здѣсь только воспоминанія вольнаго труда въ охоту, удовольства, добра и наслажденія, здѣсь и ожиданія только все того же впереди. Какое же сравненіе! И опять: у нашихъ рабочихъ людей нервы только крѣпки, потому способны выдерживать много веселья, но они у нихъ грубы, не воспріимчивы. А здѣсь: нервы и крѣпки, какъ у нашихъ рабочихъ людей, и развиты, впечатлительны, какъ у насъ; приготовленность къ

веселью, здоровая, сильная жажда его, какой нѣтъ у насъ, какая дается только могучимъ здоровьемъ и физическимъ трудомъ, въ этихъ людяхъ соединяется со всею тонкостью ощущеній, какая есть въ насъ; они имѣютъ все наше нравственное развитіе вмѣстѣ съ физическимъ развитіемъ крѣпкихъ нашихъ рабочихъ людей: понятно, что ихъ веселье, что ихъ наслажденіе, ихъ страсть, — все живѣе и сильнѣе, шире и сладостнѣе, чѣмъ у насъ. Счастливые люди!

Нѣтъ, теперь еще не знаютъ, что такое настоящее веселье, потому что еще нѣтъ такой жизни, такая нужна для него, и нѣтъ такихъ людей. Только такіе люди могутъ вполнѣ веселиться и знать весь восторгъ наслажденія! Какъ они цвѣтутъ здоровьемъ и силой, какъ стройны и граціозны они, какъ энергичны и выразительны ихъ черты! Всѣ они — счастливые красавцы и красавицы, ведущіе вольную жизнь труда и наслажденія, — счастливы, счастливы!

Шумно веселится въ громадномъ залѣ половина ихъ, а гдѣ жъ другая половина? «Гдѣ другіе? говоритъ свѣтлая царица: — они всѣ; многіе въ театрѣ, одни актерами, другіе музыкантами, третьи зрителями, какъ нравится кому; иные разсѣялись по аудиторіямъ, музеямъ, сидятъ въ библіотекѣ; иные въ аллеяхъ сада, иные въ своихъ комнатахъ, или чтобы отдохнуть наединѣ, или съ своими дѣтьми, но больше, больше всего — это моя тайна. Ты видѣла, въ залѣ, какъ горять щеки, какъ блистаютъ глаза ты видѣла они уходили, они приходили; они уходили — это я увлекла ихъ, здѣсь комната каждого и каждой — мой пріютъ, въ нихъ мои тайны ненарушимы, занавѣсы дверей, роскошные ковры, поглощающіе звукъ, тамъ тишина, тамъ тайна; они возвращались — это я возвращала ихъ изъ царства моихъ тайнъ на легкое веселье. Здѣсь царствую я.

«Я царствую здѣсь. Здѣсь все для меня! Трудъ — заготовленіе свѣжести чувствъ и силъ для меня, веселье — приготовленіе ко мнѣ, отдыхъ послѣ меня. Здѣсь я — цѣль жизни, здѣсь я — вся жизнь».

12.

«Въ моей сестрѣ, царицѣ, высшее счастье жизни, говоритъ старшая сестра: — не ты видишь, здѣсь всякое счастье, какое

кому надобно. Здѣсь все живутъ, какъ лучше кому жить, здѣсь всѣмъ и каждому — полная воля, вольная воля».

«То, что мы показали тебѣ, не скоро будетъ въ полномъ своемъ развитіи, какое видѣла теперь ты. Смыслится много поколѣній прежде, чѣмъ вполне осуществится то, что ты предопущаешь. Нѣтъ, не много поколѣній: моя работа идетъ теперь быстро, все быстрее съ каждымъ годомъ, но все-таки ты еще не войдешь въ это полное царство моей сестры; по крайней мѣрѣ, ты видѣла его, ты знаешь будущее. Оно свѣтло, оно прекрасно. Говори же всѣмъ: вотъ что въ будущемъ, будущее свѣтло и прекрасно. Любите его, стремитесь къ нему, работайте для него, приближайте его, переносите изъ него въ настоящее, сколько можете перенести: на столько будетъ свѣтла и добра, богата радостью и наслажденіемъ ваша жизнь, на сколько вы умѣете перенести въ нее изъ будущаго. Стремитесь къ нему, работайте для него, приближайте его, переносите изъ него въ настоящее все, что можете перенести».

XVII.

Черезъ годъ новая мастерская ужь совершенно устроилась, установилась. Обѣ мастерскія были тѣсно связаны между собою, передавали одна другой заказы, когда одна была завалена ими, а другая имѣла время исполнить ихъ. Между ними былъ текущій счетъ. Размѣръ ихъ средствъ былъ уже достаточенъ, чтобы онѣ могли открыть магазинъ на Невскомъ, если сблизятся между собою еще больше. Устроить это стоило довольно много хлопотъ Вѣрѣ Павловнѣ и Мерцаловой. Хотя ихъ компаніи были дружны, хотя часто одна компанія принимала у себя въ гостяхъ другую, хотя часто онѣ соединялись для поѣздокъ за городъ, но все-таки мысль о солидарности счетовъ двухъ разныхъ предприятий была мысль новая, которую надобно было долго и много разъяснять. Однако же, выгода имѣть на Невскомъ свой магазинъ была очевидна, и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заботъ о сліянніи двухъ счетоводствъ прихода въ одно, Вѣра Павловнѣ и Мерцаловой удалось достигъ этого. На Невскомъ явилась новая вывѣска. «Au bon travail. Magasin des Nouveautés». Съ открытіемъ магазина, дѣла стали развиваться быстрее прежняго и становились все выгоднѣе. Мерцалова и Вѣра Павловна уже мечта-

ли въ своихъ разговорахъ, что года черезъ два, вмѣсто двухъ швейныхъ, будетъ четыре, пять, а тамъ скоро и десять, и двадцать.

Мѣсяца черезъ три по открытіи магазина пріѣхалъ къ Кирсанову одинъ отчасти знакомый, а больше незнакомый собратъ его по медицинѣ, много рассказывалъ о разныхъ медицинскихъ казусахъ, всего больше объ удивительныхъ успѣхахъ своей metody врачеванія, состоявшей въ томъ, чтобы класть вдоль по груди и по животу два узенькіе и длинныя мѣшечка, наполненные толченымъ льдомъ и завернутые каждый въ четыре салфетки, а въ заключеніе всего сказалъ, что одинъ изъ его знакомыхъ желаетъ познакомиться съ Кирсановымъ.

Кирсановъ исполнилъ желаніе; знакомство было пріятное, былъ разговоръ о многомъ, между прочимъ о магазинѣ. Объяснилъ, что магазинъ открытъ собственно съ торговою цѣлью; долго говорили о вывѣскѣ магазина, хорошо ли, что на вывѣскѣ написано travail, Кирсановъ говорилъ: — что travail, значитъ трудъ, Au bon travail — магазинъ хорошо исполняющій заказы; разсуждали о томъ, не лучше ли было бы замѣнить такой девизъ фамиліею. Кирсановъ сталъ говорить, что русская фамилія его жены надѣлаетъ коммерческаго убытка; наконецъ, придумалъ такое средство: его жену зовутъ «Вѣра» — по французски вѣра — foi; если бы на вывѣскѣ можно было написать вмѣсто Au bon travail — A la bonne foi; то не было ли бы достаточно этого? — Это бы имѣло самый невинный смыслъ — «добросовѣстный магазинъ», и имя хозяйки было бы на вывѣскѣ; разсудивши, увидѣли, что это можно. Кирсановъ съ особеннымъ усердіемъ обращалъ разговоръ на такіе вопросы, и вообще успѣвалъ въ этомъ, такъ что возвратился домой очень довольный.

Но во всякомъ случаѣ, Мерцалова и Вѣра Павловна значительно поурѣзали крылья своимъ мечтамъ, и стали заботиться о томъ, чтобы хотя удержаться на мѣстѣ, а ужъ не о томъ, чтобы идти впередъ.

Такимъ образомъ, по охлажденіи лишняго жара въ Вѣрѣ Павловнѣ и Мерцаловой, швейныя и магазинъ продолжали существовать, не развиваясь, но радуясь уже и тому, что продолжаютъ существовать. Новое знакомство Кирсанова продолжалось и приносило ему много удовольствія. Такъ прошло еще года два или больше, безъ всякихъ особенныхъ происшествій.

XVIII.

ПИСЬМО КАТЕРИНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ ПОЛОВОВОЙ.

С.—Петербургъ. 17 августа 1860 г.

Милая Полина, мнѣ такъ понравилась совершенно новая вещь, которую я недавно узнала, и которой теперь сама занимаюсь съ большимъ усердіемъ, что я хочу описать ее тебѣ. Я увѣрена, что ты также интересуешься ею. Но главное, ты сама, быть можетъ, найдешь возможность заняться чѣмъ нибудь подобнымъ. Это такъ приятно, мой другъ.

Вещь, которую я хочу описать для тебя—швейная; собственно говоря, двѣ швейныя, обѣ устроенныя по одному принципу, женщиною, съ которою познакомилась я всего только двѣ недѣли тому назадъ, но ужь успѣла очень подружиться. Я теперь помогаю ей, съ тѣмъ условіемъ, чтобы она потомъ помогла мнѣ устроить еще такую же швейную. Эта дама Вѣра Павловна Кирсанова, еще молодая, добрая, веселая, совершенно въ моемъ вкусѣ, то есть, больше похожа на тебя, Полина, чѣмъ на твою Катю, такую смирную: она бойкая и живая госпожа. Случайно услышавъ о ея мастерской, — мнѣ сказывали только объ одной, — я прямо пріѣхала къ ней безъ всякихъ рекомендацій и предлоговъ, просто сказала, что я заинтересовалась ея швейною. Мы сошлись съ перваго же раза, тѣмъ больше, что въ Кирсановѣ, ея мужѣ, я нашла того самого доктора Кирсанова, который пять лѣтъ тому назадъ, оказалъ мнѣ, помнишь, такую важную услугу..

Поговоривши со мною съ полчаса и увидѣвъ, что я дѣйствительно сочувствую такимъ вещамъ, Вѣра Павловна повела меня въ свою мастерскую, ту, которою она сама занимается (другую, которая была устроена прежде, взяла на себя одна изъ ея близкихъ знакомыхъ, тоже очень хорошая молодая дама), и я перескажу тебѣ впечатлѣнія моего перваго посѣщенія: онѣ были такъ новы и поразительны, что я тогда же внесла ихъ въ свой дневникъ, который былъ давно брошенъ, но теперь возобновился по особенному обстоятельству, о которомъ, быть можетъ, я расскажу тебѣ черезъ нѣсколько времени. Я очень довольна, что эти впечатлѣнія были тогда записаны мною: теперь я и забыла бы упомянуть о многомъ, что поразило меня тогда, а нынче, только черезъ двѣ недѣли, уже кажется самымъ обыкновеннымъ дѣ-

ломъ, которое иначе и не должно быть. Но чѣмъ обыкновеннѣе становится эта вещь, тѣмъ больше я привязываюсь къ ней, потому что она очень хороша. И такъ, Полина, я начинаю выписку изъ моего дневника, дополняя подробностями, которыя узнала послѣ.

Швейная мастерская, — что же такое увидѣла я, какъ ты думаешь? Мы остановились у подъѣзда, Вѣра Павловна повела меня по очень хорошей лѣстницѣ, знаешь, одной изъ тѣхъ лѣстницъ, на которыхъ нерѣдко встрѣчаются швейцары. Мы вошли на третій этажъ, Вѣра Павловна позвонила, и я увидѣла себя въ большомъ залѣ, съ роялемъ, съ порядочною мебелью, — словомъ, залъ имѣлъ такой видъ, какъ будто мы вошли въ квартиру семейства, проживающаго 4 или 5 тысячъ рублей въ годъ. — Это мастерская? И это одна изъ комнатъ, занимаемыхъ швеями? «Да; это приемная комната и залъ для вечернихъ собраній; пойдемте по тѣмъ комнатамъ, въ которыхъ собственно живутъ швеи, онѣ теперь въ рабочихъ комнатахъ, и мы никому не помѣшаемъ». — Вотъ, что увидѣла я, обходя комнаты, и что пояснила мнѣ Вѣра Павловна.

Помѣщеніе мастерской составилось изъ трехъ квартиръ, выходящихъ на одну площадку и обратившихся въ одну квартиру, когда пробиты двери изъ одной въ другую. Квартиры эти прежде отдавались за 700, 550 и 425 руб. въ годъ, всего, за 1675 руб. Но отдавая все вмѣстѣ по контракту на 5 лѣтъ, хозяинъ дома согласился уступить ихъ за 1250 руб. Всего въ мастерской 21 комната, изъ нихъ 2 очень большія, по 4 окна, одна служить приемною, другая — столовою; въ двухъ другихъ, тоже очень большихъ, работаютъ; въ остальныхъ живутъ. Мы прошли 6 или 7 комнатъ, въ которыхъ живутъ дѣвушки (я все говорю про первое мое посѣщеніе); меблировка этихъ комнатъ тоже очень порядочная, краснаго дерева или орѣховая; въ нѣкоторыхъ есть стоячія зеркала, въ другихъ — очень хорошія трюмо; много кресель, дивановъ хорошей работы. Мебель въ разныхъ комнатахъ разная, почти вся она постепенно покупалась по случаямъ, за дешевую цѣну. Эти комнаты, въ которыхъ живутъ, имѣютъ такой видъ, какъ въ квартирахъ чиновничьихъ семействъ средней руки, въ семействахъ старыхъ начальниковъ отдѣленія или молодыхъ столоначальниковъ, которые скоро будутъ начальниками отдѣленія. Въ комнатахъ, которыя побольше, живутъ три дѣвушки, въ одной даже четыре, въ другихъ по двѣ.

Мы вошли въ рабочія комнаты, и дѣвушки, занимавшіяся въ нихъ, тоже показались мнѣ одѣты какъ дочери, сестры, молодыя жены этихъ чиновниковъ: на одѣхъ были шелковыя платья, изъ простенькихъ шелковыхъ матерій, на другихъ барежевыя, кисейныя. Лица имѣли ту мягкость и нѣжность, которая развивается только отъ жизни въ довольствѣ. Ты можешь представить, какъ это все удивляло меня. Въ рабочихъ комнатахъ мы оставались долго. Я тутъ же познакомилась съ нѣкоторыми изъ дѣвушекъ; Вѣра Павловна сказала цѣль моего посѣщенія; степень ихъ развитія была неодинакова; одѣ говорили уже совершенно языкомъ образованнаго общества, были знакомы съ литературою, какъ наши барышни, имѣли порядочныя понятія и объ исторіи, и о чужихъ земляхъ, и обо всемъ, что составляетъ обыкновенный кругъ понятій барышень въ нашемъ обществѣ; двѣ были даже очень начитаны. Другія, не такъ давно поступившія въ мастерскую, были менѣе развиты, но все-таки съ каждою изъ нихъ можно было говорить, какъ съ дѣвушкою, уже имѣющею нѣкоторое образованіе. Вообще, степень развитія соразмѣрна тому, какъ давно которая изъ нихъ живетъ въ мастерской.

Вѣра Павловна занималась дѣлами, иногда подходила ко мнѣ, а я говорила съ дѣвушками, и такимъ образомъ, мы дождались обѣда. Онъ состоитъ, по буднямъ, изъ трехъ блюдъ. Въ тотъ день былъ рисовый супъ, разварная рыба и телятина. Послѣ обѣда на столѣ явились чай и кофе. Обѣдъ былъ на столько хорошъ, что я поѣла со вкусомъ, и не почла бы большимъ лищеніемъ жить на такомъ обѣдѣ.

А ты знаешь, что мой отецъ и теперь имѣетъ хорошаго повара.

Вотъ какое было общее впечатлѣніе моего перваго посѣщенія. Мнѣ сказали и я знала, что я буду въ мастерской, въ которой живутъ швей, что мнѣ покажутъ комнаты швей, что я буду видѣть швей, что я буду сидѣть за обѣдомъ швей; вмѣсто того, я видѣла квартиры людей не бѣднаго состоянія, соединенныя въ одно помѣщеніе, видѣла дѣвушекъ средняго чиновничьяго или бѣднаго помѣщичьяго круга, была за обѣдомъ, небогатымъ, но удовлетворительнымъ для меня; — чтожь это такое? и какъ же это возможно?

Когда мы возвратились къ Вѣрѣ Павловнѣ, она и ея мужъ объяснили мнѣ, что это вовсе не удивительно. Между прочимъ, Кирсановъ тогда написалъ мнѣ для примѣра небольшой расчетъ

на лоскуткѣ бумаги, который уцѣлѣлъ между страницъ моего дневника. Я перепишу тебѣ его; но прежде еще нѣсколько словъ.

Вмѣсто бѣдности—довольство; вмѣсто грязи—не только чистота, даже нѣкоторая роскошь комнатъ; вмѣсто грубости — порядочная образованность; все это происходитъ отъ двухъ причинъ: съ одной стороны, увеличивается доходъ швей, съ другой—достигается очень большая экономія въ ихъ расходахъ.

Ты понимаешь, отчего онѣ получаютъ больше дохода: онѣ работаютъ на свой собственный счетъ, онѣ сами хозяйки; потому онѣ получаютъ ту долю, которая оставалась бы въ прибыли у хозяйки магазина. Но это не все: работая въ свою собственную пользу и на свой счетъ, онѣ гораздо бережливѣе и на материалъ работы, и на время: работа идетъ быстрѣе, и расходъ на нее меньше.

Понятно, что и въ расходахъ на ихъ жизнь много сбереженій. Онѣ покупаютъ все большими количествами, расплачиваются наличными деньгами, поэтому вещи достаются имъ дешевле, чѣмъ при покупкѣ въ долгъ и по мелочи; вещи выбираются внимательно, съ знаніемъ толку въ нихъ, со справками, поэтому все покупается не только дешевле, но и лучше, нежели вообще приходится покупать бѣднымъ людямъ.

Кромѣ того, многіе расходы или чрезвычайно уменьшаются, или становятся вовсе ненужны. Подумай, напримѣръ: каждый день ходить въ магазинъ за 2, за 3 версты — сколько изнашивается лишней обуви, лишняго платья отъ этого. Приведу тебѣ самый мелочной примѣръ, но который примѣняется ко всему въ этомъ отношеніи. Если не имѣть дождеваго зонтика, это значитъ много терять отъ порчи платья дождемъ. Теперь, слушай слова, сказанныя мнѣ Вѣрою Павловною. Простой холщевый зонтикъ стоитъ, положимъ, 2 руб. Въ мастерской, живетъ 25 швей. На зонтикъ для каждой вышло бы 50 р., та, которая не имѣла бы зонтика, терпѣла бы потери въ платьѣ больше, чѣмъ на 2 руб. Но онѣ живутъ вмѣстѣ; каждая выходитъ изъ дому только когда ей удобно; поэтому не бываетъ того, чтобы въ дурную погоду многія выходили изъ дому. Онѣ нашли, что 5 дождевыхъ зонтиковъ совершенно довольно. Эти зонтики шелковые, хорошіе; они стоятъ по 5 руб. Всего расхода на дождевые зонтики—25 руб., или у каждой швей—по 1 руб. Ты видишь, что каждая изъ нихъ пользуется хорошою вещью вмѣсто дрянной, и все-таки имѣетъ

вдвое меньше расхода на эту вещь. Такъ съ множествомъ мелочей, которыя вмѣстѣ составляютъ большую важность. То же съ квартирою, со столомъ. Напримѣръ, этотъ обѣдъ, который я тебѣ описала, обошелся въ 5 руб. 50 коп., или 5 руб. 75 коп., съ хлѣбомъ (но безъ чаю и кофе). А за столомъ было 37 человѣкъ (не считая меня, гостей, и Вѣры Павловны), правда, въ томъ числѣ нѣсколько дѣтей. 5 р. 75 коп. на 37 человѣкъ, это составляетъ менѣе 16 коп. на человѣка, — менѣе 5 р. въ мѣсяцъ. А Вѣра Павловна говоритъ, что если человѣкъ обѣдаетъ одинъ, онъ на эти деньги не можетъ имѣть почти ничего, кромѣ хлѣба и той дряни, которая продается въ мелочныхъ лавочкахъ. Въ кухмистерской такой обѣдъ (только менѣе чисто приготовленный) стоитъ, по словамъ Вѣры Павловны, 40 коп. сер., — за 30 коп. гораздо хуже. Понятна эта разница: кухмистеръ, готовя обѣдъ на 20 человѣкъ или меньше, долженъ самъ содержаться изъ этихъ денегъ, имѣть квартиру, имѣть прислугу. Здѣсь этихъ лишнихъ расходовъ почти вовсе нѣтъ, или они гораздо меньше. Жалованье двумъ старушкамъ, родственницамъ двухъ швей, вотъ и весь расходъ по содержанию ихъ кухоннаго штата. Теперь тебѣ понятенъ будетъ расчетъ, который сдѣлалъ мнѣ для примѣра Кирсановъ, когда я была у нихъ въ первый разъ. Написавши его, онъ сказалъ мнѣ:

— Конечно, я не могу сказать вамъ точныхъ цифръ, да и трудно было бы найти ихъ, потому что, знаете, у каждаго коммерческаго дѣла, у каждаго магазина, каждаго мастерской, свои собственныя пропорціи между разными статьями дохода и расхода, въ каждомъ семействѣ также свои особенныя степени экономности въ дѣланіи расходовъ и особенныя пропорціи между разными статьями ихъ. Я ставлю цифры только для примѣра; но, чтобы счетъ былъ убѣдительнѣе, я ставлю цифры, которыя менѣе дѣйствительной выгоды нашего порядка, сравнительно съ настоящими расходами почти всякаго коммерческаго дѣла и почти всякаго мелкаго, бѣднаго хозяйства.

— Доходъ коммерческаго предпріятія отъ продажи товаровъ, продолжалъ Кирсановъ — распадается на три главныя части: одна идетъ на жалованье рабочимъ; другая — на остальные расходы предпріятія: наемъ помѣщенія, освѣщеніе, матеріалы для работы; третья остается въ прибыль хозяину. Положимъ, выручка раздѣляется между этими частями такъ: на жалованье рабочимъ — половина выручки, на другіе расходы — четвертая

часть; остальная четверть—прибыль. Это значитъ, что если рабочіе получаютъ 100 руб., то на другіе расходы идетъ 50 руб., у хозяина остается также 50. Посмотримъ, сколько получаютъ рабочіе при нашемъ порядкѣ,—Кирсановъ сталъ читать свой билетикъ съ цифрами.

Они получаютъ свою плату	100 р.
Они сами хозяева, потому получаютъ и хозяйскую прибыль	50 р.
У нихъ рабочія комнаты помѣщаются при ихъ квартирѣ, поэтому обходятся дешевле особой мастерской; они бережливы на матеріалъ; въ этомъ очень большая пропорція сбереженія, я думаю, на половину, но мы положимъ, только на третью долю; изъ 50 руб., которые шли бы на эти расходы, они сберегаютъ въ прибыль себѣ еще	16 р. 67 к.
	<hr/>
	166 р. 67 к.

— Вотъ, мы ужъ набрали, продолжалъ Кирсановъ:—что наши рабочіе получаютъ 166 р. 67 к., когда при другомъ порядкѣ они имѣютъ только 100 р. Не они получаютъ еще больше: работая въ свою пользу, они трудятся усерднѣе, потому успѣшнѣе, быстрѣе; положимъ, когда, при обыкновенномъ плохомъ усердіи, они успѣли бы сдѣлать 5 вещей, въ нашемъ примѣрѣ, 5 платьевъ, они теперь успѣваютъ сдѣлать 6,—эта пропорція слишкомъ мала, но положимъ ее; значитъ, въ то время, когда другое предпріятіе зарабатываетъ 5 руб., наше зарабатываетъ 6 руб.

Отъ быстроты усердной работы выручка и доходъ увеличиваются на одну пятую долю; отъ 166 руб. 67 коп. пятая доля 33 руб. 33 коп.,—	
итакъ, еще	33 р. 33 к.
къ прежнимъ	166 р. 67 к.
	<hr/>
	200 р.

— Поэтому у нашихъ вдвое больше дохода, чѣмъ у другихъ, продолжалъ Кирсановъ. Теперь, какъ употребляется этотъ доходъ. Имѣя вдвое больше средствъ, они употребляютъ ихъ гораздо выгоднѣе. Тутъ выгода двойная, какъ вы знаете: во первыхъ, отъ того, что все покупается оптомъ; положимъ, отъ этого выигрывается третья доля, — вещи, которыя при мелочной покупкѣ и долгахъ, обошлись бы въ 3 р., обходятся въ 2 руб. На самомъ

дѣлѣ выгода больше: возьмемъ въ примѣръ квартиру; если бы эти комнаты отдавать въ наемъ углами, тутъ жило бы: въ 17 комнатахъ съ 2 окнами, по 3 и по 4 человѣка, — всего положимъ, 55 человѣкъ; въ 2 комнатахъ съ 3 окнами, по 6 человѣкъ и въ 2 съ 4 окнами по 9 человѣкъ, 12 и 18, всего 30 человѣкъ, и 55 въ маленькихъ комнатахъ, — въ цѣлой квартирѣ 85 человѣкъ; каждый платилъ бы по 3 р. 50 к. въ мѣсяцъ, это значить, 42 р. въ годъ; итакъ, мелкіе хозяева, промышленяющіе отдачею угловъ въ наймы, берутъ за такое помѣщеніе — 42 руб. на 85, — 3570 руб. Наши имѣютъ эту квартиру за 1250 рублей, почти втрое дешевле. Такъ въ очень многомъ, почти такъ, почти во всемъ. Вѣроятно, я еще не дошелъ бы до истинной пропорціи, если бы положилъ сбереженіе на половину; но я положу его тоже только въ третью долю. Это еще не все. При такомъ устройствѣ жизни, они не имѣютъ нужды дѣлать многихъ расходовъ, или нужно гораздо меньшее количество вещей, — Вѣрочка приводила вамъ въ примѣръ обувь, платье. Положимъ, что отъ этого количества покупаемыхъ вещей сокращается на одну четвертую долю, вмѣсто 4 паръ башмаковъ достаточно 3, или 3 платья носятъ столько времени, какъ носились бы 4, — эта пропорція опять слишкомъ мала. Но посмотрите, что выходитъ изъ этихъ пропорцій:

Дешевизна покупки дѣлаетъ, что вещи достаются на одну третью долю скондѣе, — то есть, положимъ за три вещи платится вмѣсто 3 руб. только 2 руб.; но при нашемъ порядкѣ, этими 3 вещами удовлетворяется столько надобностей, сколько при другомъ удовлетворялось бы не меньше, какъ 4 вещами; это значить, что за свои 200 руб. наши ивещ имѣютъ столько вещей, сколько при другомъ порядкѣ имѣли бы не меньше, какъ за 300 руб. и что эти вещи при нашемъ порядкѣ доставляютъ ихъ жизни столько удобствъ, сколько при другомъ доставлялось бы суммою не меньше, какъ. 400 руб.

— Сравните жизнь семейства, расходующаго 1000 руб. въ годъ, съ жизнью такого же семейства, расходующаго 4,000 руб., не правда ли, вы найдете громадную разницу? продолжалъ Кирсановъ. — При нашемъ порядкѣ, точно такая же пропорція, если не больше: при немъ получается вдвое больше дохода, и доходъ употребляется вдвое выгодиѣе. Удивительно ли, что вы нашли

жизнь нашихъ швей вовсе непохожею на ту, какую ведутъ швен при обыкновенномъ порядкѣ?

Вотъ какое чудо я увидѣла, другъ мой Полина, и вотъ какъ просто оно объясняется. И я теперь такъ привыкла къ нему, что мнѣ ужъ кажется странно: какъ же я тогда удивлялась ему, какъ же не ожидала, что найду все именно такимъ, какимъ нашла. Напиши, имѣешь ли ты возможность заняться тѣмъ, къ чему я теперь готовлюсь: устройствомъ швейной, или другой мастерской по этому порядку. Это такъ пріятно, Полина. Твоя,

К. Полозова.

P. S. Я совсѣмъ забыла говорить о другой мастерской, — но ужъ такъ и быть, въ другой разъ. Теперь скажу только, что старшая швейная развилась больше и потому во всѣхъ отношеніяхъ выше той, которую я тебѣ описывала. Въ подробностяхъ устройства между ними много разницы, потому что все принимается къ обстоятельствамъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

НОВЫЯ ЛИЦА И РАЗВЯЗКА.

I.

Полозова говорила въ письмѣ къ подругѣ, что много обязана была мужу Вѣры Павловны. Чтобы объяснить это, надобно сказать, что за человекъ былъ ея отецъ.

Полозовъ былъ отставной ротмистръ или штабъ-ротмистръ; на службѣ, по обычаю стараго тогдашняго вѣка, кутилъ, и прокутилъ довольно большое родовое имѣніе. А когда прокутилъ, то остепенился и вышелъ въ отставку, чтобы заняться устройствомъ себѣ новаго состоянія. Собралъ послѣднія крохи, которыя оставались, онъ увидѣлъ у себя тысячъ десять, — по тогдашнему на ассигнаціи, — пустился съ ними въ мелкую хлѣбную торговлю, сталъ брать всякіе маленькіе подряды, хватался за всякое выгодное дѣло, приходившееся по его средствамъ, и дѣлъ черезъ десять имѣлъ нарядный капиталъ. Съ репутаціею такого солиднаго и оборотливаго человека, съ чиномъ своимъ и своею извѣстною въ тѣхъ мѣстахъ фамиліею, онъ могъ теперь выбирать какую ему угодно невесту изъ купеческихъ дочерей въ двухъ губерніяхъ, въ

которыхъ шли его торговля дѣла, и выбралъ очень основательно, — съ полумилліономъ (все на ассигнаціи) приданаго. Тогда ему было лѣтъ 50, и это было лѣтъ за 20 слишкомъ до того времени, какъ мы видимъ его дочь вошедшею въ дружбу съ Вѣрой Павловною. Приложивши такой большой купъ къ своимъ прежнимъ деньгамъ, онъ повелъ дѣла уже въ широкомъ размѣрѣ и лѣтъ черезъ десять послѣ того былъ милліонеромъ и на серебро, какъ тогда стали считать. Его жена умерла; она, привычная къ провинціальной жизни, удерживала его отъ переселенія въ Петербургъ; теперь онъ переѣхалъ въ Петербургъ, пошелъ въ гору еще быстрѣе, и лѣтъ еще черезъ десять его считали въ трехъ, четырехъ милліонахъ. И дѣвицы и вдовы, молодыя и старыя, строили ему куры, но онъ не захотѣлъ жениться во второй разъ,—отчасти потому, что сохранялъ вѣрную привязанность къ памяти жены, а еще больше потому, что не хотѣлъ давать махичу Катѣ, которую очень любилъ.

Полозовъ шелъ и шелъ въ гору, — имѣлъ бы ужъ и не три, четыре милліона, а десятокъ, если бы занялся откупамъ, но онъ имѣлъ къ нимъ отвращеніе, и считалъ честными дѣлами только подряды и поставки. Собраты по милліонерству смѣялись надъ такою тонкостью подразличенія, и не были неправы; а онъ, хоть и былъ неправъ, но твердилъ свое: «коммерціею занимаюсь, грабежомъ не хочу богатѣть». Но вотъ, за годъ или за полтора передъ тѣмъ, какъ дочь его познакомилась съ Вѣрой Павловною, явилось слишкомъ ясное доказательство, что его коммерція мало чѣмъ отличалась отъ откуповъ по сущности дѣла, хоть и много отличалась по его понятію. У него былъ огромный подрядъ, на холстъ ли, на провіантъ ли, на сапожный ли товаръ, не знаю хорошенько, а онъ, становившійся съ каждымъ годомъ упрямѣе и заносчивѣе и отъ лѣтъ, и отъ постоянной удачи, и отъ возрастающаго уваженія къ нему, поссорился съ однимъ нужнымъ человѣкомъ, погорячился, обругалъ, и штука стала выходить скверная. Сказали ему черезъ недѣлю: «покорнись», — «не хочу», «лопнешь», — «а пусть, не хочу»; черезъ мѣсяцъ то же сказали, онъ отвѣчалъ то же, и точно, покориться—не покорился, а лопнуть—лопнулъ. Товаръ былъ забракованъ; кромѣ того, оказались какія-то провинности ли, злонамѣренности ли, и всѣ его три, четыре милліона ухнули, и Полозовъ въ 60 лѣтъ остался нищій. То есть, нищій передъ недавнимъ; но такъ, безъ сравненія съ недавнимъ, онъ жилъ хорошо: у него осталась доля

въ какомъ-то стеариновомъ заводѣ, и онъ, не вѣшая носа, сдѣлался управляющимъ этого завода, съ хорошимъ жалованьемъ. Кромѣ того, уцѣлѣло какими-то судьбами нѣсколько десятковъ тысячъ. Если бы такіе остатки остались у него лѣтъ 15, или хоть 10 тому назадъ, ихъ было бы довольно, чтобы опять подняться въ порядочную гору. Но имѣя за 60 лѣтъ, подниматься ужь тяжело, и Полозовъ разсудилъ, что пробовать такую вещь поздно, не подь силу. Онъ думалъ теперь только о томъ, чтобы поскорѣе устроить продажу завода, акціи котораго почти не давали дохода, кредита и дѣлъ котораго нельзя было поправить: онъ разсудилъ умно и успѣлъ растолковать другимъ главнымъ акціонерамъ, что скорая продажа одно средство спасти деньги, похороненныя въ акціяхъ. Еще думалъ онъ о томъ, чтобы пристроить замужь дочь. Но главное — продать заводъ, обратить всѣ деньги въ 5 процентныя билеты, которые тогда пошли было въ моду, — и дожидать вѣкъ поспокойнѣе, вспоминая о прошломъ величїи, потерю котораго вынесъ онъ бодро, сохранивъ и веселость, и твердость.

II.

Отецъ любилъ Катю, не давалъ ультра-великосвѣтскимъ гувернанткамъ слишкомъ муштровать дѣвушку; «это глупости», говорилъ онъ про всякія выправки талии, выправки манеръ, и все тому подобное; а когда Катѣ было 15 лѣтъ, онъ даже согласился съ нею, что можно обойтись ей и безъ англичанки, и безъ французенки. Тутъ Катя ужь и вовсе отдохнула, ей сталъ полный просторъ въ домѣ. А просторъ для нея значилъ тогда то, чтобы ей не мѣшали читать и мечтать. Подругъ у ней было немного, двѣ, три близкихъ, искателей руки безъ числа: вѣдь одна дочь у Полозова, страшно сказать: 4 милліона!

Но Катя читала и мечтала, а искатели руки оставались въ отчаяніи. А Катѣ ужь было 17 лѣтъ. Такъ; читала и мечтала, и не влюблялась, но только стала она вдругъ худѣть, блѣднѣть, и слегла.

III.

Кирсановъ не занимался практикою, но считалъ себя не въ правѣ отказываться бывать на консилиумахъ. А въ это время, — такъ черезъ годъ послѣ того, какъ онъ сталъ профессоромъ, и за годъ передъ тѣмъ, какъ повѣнчались они съ Вѣрой Павловою, тузы петербургской практики стали ужь очень много приглашать его на консилиумы. Причинъ было двѣ. Первая: оказалось, что, точно, есть на свѣтѣ Клодъ Бернаръ, и живетъ въ Парижѣ. Одинъ изъ тузовъ, ѣздившій неизвѣсто за чѣмъ съ ученою цѣлью въ Парижъ, собственными глазами видѣлъ Клода Бернара, какъ есть живаго Клода Бернара, настоящаго; откомендовался ему по чину, званію, орденамъ и знатнымъ своимъ больнымъ, и Клодъ Бернаръ, послушавши его съ полчаса, сказалъ: «напрасно вы пріѣзжали въ Парижъ изучать успѣхи медицины, вамъ не за чѣмъ было выѣзжать для этого изъ Петербурга»; тузь принялъ это за аттестацію своихъ занятій, и возвратившись въ Петербургъ, произносилъ имя Клода Бернара не менѣе 10 разъ въ сутки, прибавля къ нему не менѣе 5 разъ: «мой ученый другъ» или «мой знаменитый товарищъ по наукѣ». Какъ же послѣ этого было не звать Кирсанова на консилиумы? Нельзя не звать. А вторая причина была еще важнѣе: всѣ тузы видѣли, что Кирсановъ не станетъ отбивать практику, — не только не отбиваетъ, даже по просьбѣ съ насильствованіемъ не беретъ. Извѣстно, что у многихъ практикующихъ тузовъ такое заведеніе: если приближается неизбѣжный, по мнѣнію туза, карачунъ больному, и по злонамѣренному устроенію судьбы нельзя сбить больного съ рукъ ни водами, ни какою другою заграницею, то слѣдуетъ сбить его на руки другому медику, — и тузь готовъ тутъ, пожалуй, самъ дать денегъ, только возьми. Кирсановъ и по просьбѣ желающаго бѣжать туза рѣдко бралъ на себя леченье, — обыкновенно рекомендовалъ своихъ друзей, занимающихся практикою, а себѣ оставлялъ лишь немногіе случаи, интересныя въ научномъ отношеніи. Какъ же не приглашать на консилиумы такого собрата, извѣстнаго Клоду Бернару и не отбивающаго практики?

У Полозова — миллионера медикомъ былъ одинъ изъ самыхъ козырныхъ тузовъ, и когда Катерина Васильевна стала опасно

больна, консилиумы долго составлялись все изъ тузовъ. Наконецъ, дѣло стало такъ плохо, что тузы рѣшили: пригласить Кирсанова. Дѣйствительно, задача была трудная для тузовъ: нѣтъ никакой болѣзни въ больной, а силы больной быстро падаютъ. Надобно же отыскать болѣзнь; пользовавшій врачъ придумалъ: *atrophia perivogum*, «прекращеніе питанія нервовъ»; бываетъ ли на свѣтѣ такая болѣзнь или нѣтъ, мнѣ неизвѣстно, но если бы-ваетъ, то ужъ и я понимаю, что она должна быть неизлечима. А если, не смотря на неизлечимость, все-таки лечить ее, то пусть лечитъ Кирсановъ или кто другой изъ его пріятелей—наглецовъ мальчишекъ.

И такъ, новый консилиумъ, съ Кирсановымъ. Ислѣдовали, разспрашивали больную; больная отвѣчала съ готовностію, очень спокойно; но Кирсановъ послѣ первыхъ словъ отсталъ отъ нея, и только смотрѣлъ, какъ ислѣдовали и разспрашивали тузы; а когда они намаялись и ее измучили, сколько требуетъ приличіе въ такихъ случаяхъ, и спросили Кирсанова: «вы что находите, Александръ Матвѣичъ?» онъ сказалъ: «Я не довольно ис-лѣ-довалъ больную. Я останусь здѣсь. Это случай интересный. Если будетъ нужно снова сдѣлать консилиумъ, я скажу Карлу Феодоричу—то есть пользовавшему врачу, который просилъ восторгомъ спасенія отъ своей *atrophia perivogum*.

Когда разошлись, Кирсановъ сѣлъ у постели больной. Больная насмѣшливо улыбнулась.

— Жаль, что мы незнакомы съ вами, началъ онъ: — медику нужно довѣріе; а можетъ быть, мнѣ и удастся заслужить ваше. Они не понимаютъ вашей болѣзни, тутъ нужна нѣкоторая догадливость. Слушать вашу грудь, давать вамъ микстуры—совершенно напрасно. Нужно только одно: знать ваше положеніе, и подумать вмѣстѣ, можно ли что нибудь сдѣлать. Вы будете помогать мнѣ въ этомъ?

Больная молчала.

— Вы не хотите говорить со мною?

Больная молчала.

— Вы, вѣроятно, даже хотите, чтобъ я ушелъ. Я прошу у васъ только десять минутъ. Если черезъ десять минутъ вы будете, какъ теперь, находить, что мое присутствіе бесполезно, я уйду. Вамъ извѣстно, что у васъ нѣтъ никакого расстройства, кромѣ печали? Вамъ извѣстно, что если это нравственное состояніе ваше продлится, то черезъ двѣ, три недѣли, а можетъ быть, и

раньше, васъ нельзя будетъ спасти? а быть можетъ, вы и не проживете двухъ недѣль? У васъ нынѣ еще нѣтъ чахотки, но она очень, очень близка, и въ ваши лѣта, при такихъ усиліяхъ, она развивается необыкновенно быстро, можетъ кончаться въ нѣсколько дней.

Больная молчала.

— Вы не отвѣчаете. Но вы остались равнодушны. Значитъ, мои слова не были для васъ новостью. Тѣмъ, что вы молчите, вы отвѣчаете мнѣ «да». Вы знаете, что сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ почти всякій другой? Онъ пошелъ бы говорить съ вашимъ батюшкою. Быть можетъ, мой разговоръ съ нимъ спасъ бы васъ, но если вамъ этого не угодно, я не сдѣлаю этого. Почему? Я принимаю правило: противъ воли человѣка не слѣдуетъ дѣлать ничего для него; свобода выше всего, даже и жизни. Поэтому, если вамъ не угодно, чтобы я узналъ причину вашего очень опаснаго положенія, я не буду узнавать. Если вы скажете, что вы желаете умереть—я только попрошу васъ объяснить мнѣ причины этого желанія; если онѣ покажутся мнѣ неосновательны, я все-таки не имѣю права мѣшать вамъ; если онѣ покажутся мнѣ основательны, я обязанъ помогать вамъ, и готовъ. Я готовъ дать вамъ ядъ. На этихъ условіяхъ, прошу васъ, скажите мнѣ причину вашей болѣзни.

Больная молчала.

— Вамъ не угодно отвѣчать. Я не имѣю права продолжать разспросовъ. Но я могу просить у васъ дозволенія рассказать вамъ о себѣ самомъ то, что можетъ послужить къ увеличенію довѣрія между нами? Да? Благодарю васъ. Отъ чего бы то ни было, но вы страдаете. Я такъ же. Я страстно люблю женщину, которая даже не знаетъ, и никогда не должна узнать, что я люблю ее. Жалѣете ли вы меня?

Больная молчала, но слегка улыбулась печально.

— Вы молчите, но вы не могли скрыть, что эти мои слова нѣсколько больше замѣчены были вами, чѣмъ прежнія. Этого уже довольно: я вижу, что у васъ и у меня одна причина страданія. Вамъ угодно умереть? Мнѣ очень понятно это. Но умереть отъ чахотки—это долго, это тяжело. Я готовъ помочь вамъ умереть, если нельзя помочь ни въ чемъ другомъ,—я говорю, что готовъ дать вамъ ядъ — прекрасный, убивающій быстро, безъ всякихъ страданій. Угодно вамъ на этомъ условіи дать мнѣ сред-

ство узнать, действительно ли ваше положеніе такъ безвыходно, какъ вамъ кажется?

— Вы не обманете? проговорила больная.

— Посмотрите внимательно мнѣ въ глаза,—вы увидите, что не обману.

Больная нѣсколько времени колебалась.—Нѣтъ, все-таки я слишкомъ мало знаю васъ.

— Другой на моемъ мѣстѣ, сталъ бы уже говорить, что чувство, отъ котораго вы страдаете, хорошо. Я еще не скажу этого. Вашъ батюшка знаетъ о немъ? Прошу васъ помнить, что я не буду говорить съ нимъ безъ вашего разрѣшенія.

— Не знаетъ.

— Онъ любитъ васъ?

— Да.

— Какъ вы думаете, что я скажу вамъ теперь? Вы говорите, онъ любитъ васъ; я слышалъ, что онъ человѣкъ не глупый. Почему же вы думаете, что напрасно открывать ему ваше чувство, что онъ не согласится? Если бы препятствіе было только въ бѣдности любимаго вами человѣка, это не удержало бы васъ отъ попытки убѣдить вашего батюшку на согласіе,—такъ я думаю. Значитъ, вы полагаете, что вашъ батюшка слишкомъ дурнаго мнѣнія о немъ, — другой причины вашего молчанія передъ батюшкою не можетъ быть. Такъ?

Больная молчала.

— Видно, что я не ошибаюсь. Что я теперь думаю? Вашъ батюшка—человѣкъ опытный въ жизни, знающій людей; вы неопытны; если какой нибудь человѣкъ ему кажется дурень, вамъ—хорошъ, то, по всей вѣроятности, ошибаетесь вы, а не онъ. Вы видите, что я долженъ такъ думать. Хотите знать, почему я говорю вамъ такую неприятную вещь? Я скажу. Вы можете разсердиться на мои слова, почувствовать нелюбовь ко мнѣ за нихъ, но все-таки вы скажете себѣ: онъ говоритъ то, что думаетъ, не притворяется, не хочетъ меня обманывать. Я выигрываю въ вашемъ довѣрїи. Правда ли, я говорю съ вами честно?

Больная колебалась, отвѣчать или нѣтъ.—Вы страшный человѣкъ, докторъ, проговорила она наконецъ.

— Нѣтъ, не страшный, а только не похожій на обманщика. Я прямо сказалъ, какъ думаю. Но это лишь мое предположеніе. Можетъ быть, я и ошибаюсь. Дайте мнѣ возможность узнать это. Назовите мнѣ человѣка, къ которому вы чувствуете расположе-

нѣ. Тогда, — но опять, только если вы позволите, — я поговорю о немъ съ вашимъ батюшкою.

— Что же вы скажете ему?

— Онъ близко знаетъ его?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ я скажу ему, чтобы онъ согласился на вашъ бракъ, только съ однимъ условіемъ: назначить время свадьбы не сейчасъ, а черезъ два, три мѣсяца, чтобы вы имѣли время обдумать хладнокровно, не правъ ли вашъ батюшка.

— Онъ не согласится.

— Согласится, по всей вѣроятности. А если нѣтъ, я помогу вамъ, какъ сказалъ.

Кирсановъ долго говорилъ въ этомъ родѣ. Наконецъ, добился того, что больная сказала ему имя и разрѣшила говорить съ ея отцомъ. Но ѣладить со старикомъ было еще труднѣе, чѣмъ съ нею. Полозовъ очень удивился, услышавъ, что упадокъ силъ его дочери происходитъ отъ безнадежной любви; еще больше удивился, услышавъ имя человѣка, въ котораго она влюблена, и твердо сказалъ: «пусть лучше умираетъ, чѣмъ выходить за него. Смерть ея и для нея, и для меня будетъ меньшее горе». Дѣло было очень трудное, тѣмъ больше, что Кирсановъ, выслушавъ резоны Полозова, увидѣлъ, что правда дѣйствительно на сторонѣ старика, а не дочери.

IV.

Женнхи сотнями увивались за наслѣдницею громаднаго состоянія; но общество, толпившееся за обѣдами и на вечерахъ Полозова, было то общество слишкомъ сомнительнаго типа, слишкомъ сомнительнаго изящества, которое наполняетъ залы всѣхъ подобныхъ Полозову богачей, возвысившихся надъ болѣе или менѣе приличнымъ, не великосвѣтскимъ роднымъ своимъ кругомъ, и не имѣющихъ ни родства, ни связей въ настоящемъ великосвѣтскомъ обществѣ, также болѣе или менѣе приличномъ; они становятся кормителями пройдохъ и фатовъ, совершенно неприличныхъ уже и по вѣншности, не говоря о внутреннихъ достоинствахъ. Поэтому Катерина Васильевна была заинтересована, когда въ числѣ ея поклонниковъ появился настоящій свѣтскій человѣкъ, совершенно хорошаго тона: онъ держалъ себя такъ

много извѣстие всѣхъ другихъ, говорилъ такъ много умнѣе и занимательнѣе ихъ. Отецъ рано замѣтилъ, что она стала показывать ему предпочтеніе передъ остальными, и, человѣкъ дѣльный, рѣшительный, твердый, тотчасъ же, какъ замѣтилъ, объяснился съ дочерью: «другъ-мой, Катя, за тобою сильно ухаживаетъ Соловцовъ; остерегайся его: онъ очень дурной человѣкъ, совершенно бездушный человѣкъ; ты съ нимъ была бы такъ несчастна, что я жалею бы лучше видѣть тебя умершею, чѣмъ его женою, это было бы легче и для меня, и для тебя». Катерина Васильевна любила отца, привыкла уважать его мнѣніе; онъ никогда не стѣснялъ ее; она знала, что онъ поверитъ единственно по любви къ ней; а главное, у ней былъ такой характеръ больше думать о желаніи тѣхъ, кто любитъ ее, чѣмъ о своихъ прихотяхъ, она была изъ тѣхъ, которые любятъ говорить своимъ близкимъ: «какъ вы думаете, такъ я и сдѣлаю». Она отвѣчала отцу: «Соловцовъ мнѣ нравится, не если вы находите, что для меня лучше удавиться отъ него, я такъ сдѣлаю». Конечно, она не сдѣлала бы и, по своему характеру—не лгать,—не сказала бы этого, если бы любила; но привязанность ея къ Соловцову была еще очень слаба, почти еще вовсе не существовала тогда: онъ былъ только занимательнѣе другихъ для нея. Она стала холодна съ нимъ; и можетъ быть, все обошлось бы благополучно; но отецъ, по своей горячности, пересолилъ; и отецъ немного пересолилъ, но лавкому Соловцову было довольно и этого. Онъ видѣлъ, что ему надобно играть роль жертвы, какъ же найти прѣдлогъ, чтобы стать жертвою? Соловцовъ разъ какъ-то сказалъ ему колкость, Соловцовъ съ достоинствомъ и печалью въ лицѣ простился съ нимъ, пересталъ бывать. Черезъ недѣлю Катерина Васильевна получила отъ него страстное и чрезвычайно смѣренное письмо, въ томъ смыслѣ, что онъ никогда не надѣялся ея взаимности, что для его счастья было довольно только видѣть ее иногда, даже и не говорить съ нею, только видѣть; что онъ жертвуетъ и этимъ счастьемъ, и все-таки счастливъ, и несчастливъ, и тому подобное, и никакихъ ни просьбъ, ни желаній. Онъ даже не просилъ отвѣта. Такія письма продолжали приходять, и наконецъ, подѣйствовали.

Но подѣйствовали они не очень скоро; Катерина Васильевна въ первое время по удаленіи Соловцова вовсе не была ни грустна, ни задумчива, а передъ тѣмъ она уже была холодна съ нимъ, да и такъ спокойно приняла совѣтъ отца остерегаться его. По-

этому, когда, мѣсяца черезъ два, она стала печальна, почему жь бы могъ отецъ сообразить, что тутъ замѣшанъ Соловцовъ, о которомъ онъ ужь и забылъ?—«Ты что-то грустна, Катя».—Нѣтъ, я ничего; это такъ». Черезъ недѣлю, черезъ двѣ, старикъ ужь спрашиваетъ: «да ты не больна ли, Катя?» — Нѣтъ, ничего». — Еще недѣли черезъ двѣ, старикъ ужь говоритъ: — «Тебѣ надобно лечиться, Катя». Катя начинаетъ лечиться, и старикъ совершенно успокоивается, потому что докторъ не находитъ ничего опаснаго, а такъ только, слабость, нѣкоторое изнуреніе, и очень основательно доказываетъ утомительности образа жизни, какой вела Катерина Васильевна въ эту зиму, — каждый день, вечеръ до двухъ, до трехъ часовъ, а часто и до пяти. Это изнуреніе пройдетъ. Но око не проходитъ, а увеличивается.

Почему же Катерина Васильевна ничего не говорила отцу?— она была увѣрена, что это было бы напрасно: отецъ тогда сказалъ ей такъ твердо, а онъ не говоритъ даромъ. Онъ не любитъ высказывать о людяхъ мнѣнія, которое не твердо въ немъ; и никогда не согласится на бракъ ея съ человѣкомъ, котораго считаетъ дурнымъ.

И вотъ Катерина Васильевна мечтала, мечтала, читая скромныя, безнадежныя письма Соловцова, и черезъ полгода этого чтенія была ужь на шагъ отъ чахотки. А отецъ ни изъ одного слова ея не могъ замѣтить, что болѣзнь происходитъ отъ дѣла, въ которомъ отчасти виноватъ и онъ: дочь была мѣжна съ нимъ, какъ и прежде. «Ты недовольна чѣмъ нибудь?» — «Ничѣмъ, папа» — «Ты не огорчена ли чѣмъ нибудь?» — «Нѣтъ, папа». — Да и видно, что нѣтъ; только уныла, но вѣдь это отъ слабости, отъ болѣзни. И докторъ говоритъ: это отъ болѣзни. А отъ чего болѣзнь? Пока докторъ считалъ болѣзнь пустою, онъ довольствовался порціями танцевъ и корсетовъ; а когда онъ замѣтилъ опасность, то явилось «прекращеніе питанія нервовъ», *atrophia nervorum*.

V.

Но если практикующіе тузы согласились, что у m-lle Полозовой *atrophia nervorum*, развившаяся отъ изнурительнаго образа жизни при природной склонности къ мечтательности, задумчивости, то Кирсанову печего было много изслѣдовать болъную,

чтобы видѣть, что упадокъ силъ происходитъ отъ какой нибудь нравственной причины. Передъ консилиумомъ пользующійся медикъ объяснялъ ему всѣ отношенія больной: семейныхъ огорченій — никакихъ; отецъ и дочь очень хороши между собою. А между тѣмъ, отецъ не знаетъ причины разстройства, потому что пользующійся медикъ не знаетъ; что жь это такое? Но ясно, что у дѣвушки сильный характеръ, если она такъ долго скрывала самое разстройство, и если во все время не дала отцу ни одного случая отгадать его причину; видѣвъ сильный характеръ и въ спокойномъ тонѣ ея отвѣтовъ на консилиумѣ. Нѣтъ въ ней никакихъ слѣдовъ раздраженія, она твердо переноситъ свою судьбу. Кирсановъ увидѣлъ, что такая дѣвушка заслуживаетъ, чтобы заняться ею, — нельзя ли помочь? Вмѣшательство показалось ему необходимо: конечно, такъ или иначе, и безъ него когда нибудь дѣло разъяснится, но не будетъ ли это поздно? Чахотка очень близка, и тогда никакая заботливость уже не поможетъ.

Вотъ онъ бился съ больною часа два, и успѣлъ побѣдить ея недоувѣрчивость, узнать, въ чемъ дѣло, и получилъ позволеніе говорить о немъ съ отцомъ.

Старикъ изумился, когда услышалъ отъ Кирсанова, что причина болѣзни его дочери любовь къ Соловцову. Какъ же это? Катя тогда такъ холодно приняла совѣтъ удалиться отъ него, оставалась такъ равнодушна, какъ онъ пересталъ бывать у нихъ. Какъ же она умираетъ отъ любви къ нему? Да и вообще, можно ли умирать отъ любви? Такія экзальтированности не могли казаться правдоподобны человѣку, привыкшему вести исключительно практическую жизнь, смотрѣть на все съ холоднымъ благоразуміемъ. Долго возился съ нимъ Кирсановъ, онъ все говорилъ: «фантазія ребенка, который помучится и забудетъ». Кирсановъ объяснялъ, объяснялъ, наконецъ растолковалъ ему, что именно потому — то и не забудетъ, а умираетъ, что ребенокъ. Полозовъ уломался, убѣдился, но вмѣсто уступки, ударилъ кулакомъ по столу и сказалъ съ сосредоточенною рѣшимостью: «умреть, такъ умреть, — пусть умираетъ; это лучше, чѣмъ чтобы была несчастна. И для меня легче, и для нея легче!» Тѣ самыя слова, какія были сказаны за полгода дочери. Катерина Васильевна не ошибалась, думая, что напрасно говорить съ нимъ.

— Да почему жь вы такъ упорствуете? Я очень вѣрю, что

онъ не хорошии челоуѣкъ; но неумели же ужъ такой дурной, что жизнь съ нимъ хуже смерти?

— Такой. Въ немъ души нѣтъ; она у меня добрая, деликатная, а онъ гадкiй развратникъ. И Молозовъ пустился описывать Соловцова, описалъ его такъ, что Кирсановъ не нашелъ, какъ возражать. Да и точно, какъ было не согласиться съ Молозовымъ? Соловцовъ былъ тотъ самый Жанъ, который тогда, передъ сватовствомъ Сторешникова, послѣ оперы, ужиналъ съ нимъ, Сержемъ и Жюли. Это совершенная правда, что порядочной дѣвушкѣ гораздо лучше умереть, чѣмъ сдѣлаться женою такого челоуѣка. Онъ загрязнить, заморозить, извѣсть своею мерзостью порядочную женщину: гораздо лучше умереть ей.

Кирсановъ задумался на нѣсколько минутъ. — Нѣтъ, потому проговорилъ онъ: — что жъ я въ самомъ дѣлѣ поддался вашей увлеченiю? Это дѣло безонасное, именно потому, что онъ такъ дурень. Она не можетъ этого не увидѣть, только дайте ей время всмотрѣться спокойно. Онъ сталъ настоячиво развѣивать Молозову свой планъ, который высказывалъ его дочери еще только какъ свое предположенiе, можетъ быть и не вѣрное, что она сама откажется отъ любимаго челоуѣка, если онъ дѣйствительно дурень. Теперь онъ въ этомъ былъ совершенно увѣренъ, потому что любимый челоуѣкъ былъ очень дурень.

— Я не буду говорить вамъ, что бракъ не представляетъ такой страшной важности, если смотрѣть на него хладнокровно: когда жена несчастна, почему жъ ей не разойтись съ мужемъ? Вы считаете это недозволительнымъ, ваша дочь воспитана въ такихъ же понятiяхъ, для васъ и для нея это дѣйствительно безвозвратная потеря, и прежде, чѣмъ она перевоспитается, она съ такимъ челоуѣкомъ измучится до смерти, которая хуже, чѣмъ отъ чахотки. Но надобно взять дѣло съ другой стороны. Почему вы не надѣетесь на разсудокъ вашей дочери? Вѣдь она не сумасшедшая? Всегда расчитывайте на разсудокъ, только дадите ему дѣйствовать свободно, онъ никогда не измѣнитъ въ справедливомъ дѣлѣ. Вы сами виноваты, что связали его въ вашей дочери, развяжите его, и онъ переведетъ ее на вашу сторону, когда правда на вашей сторонѣ. Страсть ослѣпляетъ, когда встрѣчаютъ препятствiя; отстраните ихъ, и ваша дочь станетъ благоразумна. Дайте ей свободу любить или не любить, и она увидитъ, стоитъ ли этотъ челоуѣтъ ея любви. Пусть онъ будетъ ея женихомъ, и черезъ нѣсколько времени она откажется ему сама.

Такая манера смотрѣть на вещи была слишкомъ нова для Полозова. Онъ рѣдко отвѣчалъ, что въ такіе вадоры не вѣрить, что слишкомъ дорогою амаеть жизньъ, что видалъ слишкомъ много примѣровъ безразсудства людей, чтобы полагаться на ихъ разсудокъ; а тѣмъ смѣлѣе полагаться на разсудокъ 17-лѣтней дѣвочки. Напрасно Кирсановъ возражалъ, что безразсудства дѣлаются только въ двухъ случаяхъ: или съ-горяча, въ минутномъ порывѣ, или когда человѣкъ не имѣетъ свободы, раздражается содревтвленіемъ. Такія понятія были совершенною тарабарщиною для Полозова. — «Она безумная; глупо вѣрять такому ребенку его судьбу; пусть лучше умретъ»: съ этихъ пунктовъ никакъ нельзя было сбить его.

Конечно, какъ ни тверды мысли человѣка, находящагося въ заблужденіи, но если другой человѣкъ, болѣе развитый, болѣе знающій, лучше понимающій дѣло, будетъ постоянно работать надъ тѣмъ, чтобы вынести его изъ заблужденія, заблужденіе не устоитъ. Такъ: но сколько времени возьметъ логическая борьба съ нимъ? Конечно, и мысленный разговоръ не останется безъ результата; хотя теперь и не замѣтно никакого вліянія его на Полозова, старикъ все-таки начнетъ задумываться надъ словами Кирсанова — это неизбежно; и если продолжать съ нимъ такіе разговоры, онъ одумается. Но онъ гордъ своею опытною, считаетъ себя не ошибающимся, онъ твердъ и упрямъ; урезонить его словами можно, безъ сомнѣнія, но не скоро. А всякая отсрочка опасна; долгая отсрочка, навѣрное, гибельна; а долгая отсрочка необходима при методическомъ способѣ разумной борьбы съ нимъ.

Надебно приблизнуть къ радикальному средству. Оно рискованно, это правда; но при немъ только рискъ, а безъ него вѣрная гибель. И рискъ въ немъ вовсе не такъ великъ на самомъ дѣлѣ, какъ покажется человѣку, менѣе твердому въ своихъ понятіяхъ о законахъ жизни, чѣмъ онъ, Кирсановъ. Рискъ вовсе не великъ. Но серьезень. Изъ всей лоттереи только одинъ билетъ проигрышный. Нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы вынулся онъ, но если вынется? Кто идетъ на рискъ, долженъ быть готовъ не моргнуть, если вынется проигрышъ. Кирсановъ видѣлъ спокойную, молчаливую твердость дѣвушки и былъ увѣренъ въ ней. Не въ нравѣ ли онъ подвергать ее риску? Конечно, да. Теперь изъ 100 шансовъ только одинъ, что она не погубитъ въ этомъ дѣлѣ своего здоровья, болѣе половины шансовъ, что она погиб-

нетъ быстро; а тутъ, изъ тысячи шансовъ одинъ будетъ противъ нея. Пусть же она рискуетъ въ лотерею, по видимому, болѣе страшную, потому что болѣе выигрываетъ, но въ сущности несравненно менѣе опасную.

— Хорошо, сказалъ Кирсановъ: — вы не хотите вылечить себѣ средствами, которыя въ вашей власти; я буду лечить ее своими. Завтра я соберу опять консилиумъ.

Возвратившись къ больной, онъ сказалъ ей, что отецъ упрямъ, — упрямѣе, чѣмъ ждалъ онъ, что надобно будетъ дѣйствовать противъ него крутымъ образомъ.

— Нѣтъ, ничто не поможетъ, грустно сказала больная.

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Да.

— Вы готовы къ смерти?

— Да.

— Что, если я рѣшусь подвергнуть васъ риску умереть? Я говорилъ вамъ объ этомъ вскользь, чтобы выиграть ваше довѣріе, показать, что я на все согласенъ, что будетъ нужно для васъ; теперь говорю положительно. Что, если придется дать вамъ ядъ?

— Я давно вижу, что моя смерть неизбежна, что мнѣ осталось жить немного дней.

— А если завтра поутру?

— Тѣмъ лучше. Она говорила совершенно спокойно.

— Когда остается одно спасеніе — призвать себѣ въ опору рѣшимость на смерть, эта опора почти всегда выручитъ. Если скажешь: «уступай, или я умру» — почти всегда уступитъ; но, знаете, шутить такимъ великимъ принципомъ не слѣдуетъ; да и нельзя унижать своего достоинства, если не уступитъ, то ужъ и надобно умереть. Онъ объяснилъ ей планъ, очень понятный ужъ и изъ этихъ разсужденій.

VI.

Конечно, въ другихъ такихъ случаяхъ Кирсановъ и не подумалъ бы прибѣгать къ подобному риску. Гораздо проще: увести дѣвушку изъ дому, и пусть она вѣнчается, съ кѣмъ хочетъ. Но тутъ дѣло запутывалось понятіями дѣвушки и свойствами чело-
вѣка, котораго она любила. При своихъ понятіяхъ о неразрыв-

ности жены съ мужемъ, она стала бы держаться за дряннаго чело­вѣка, когда бы ужъ и увидѣла, что жизнь съ нимъ — мученіе. Соединить ее съ нимъ — хуже чѣмъ убить. Потому и оставалось одно средство—убить, или дать возможность образумиться.

На другой день собрался консиліумъ изъ самыхъ высокихъ знаменитостей великосвѣтской медицинской практики, было цѣ­лыхъ пять чело­вѣкъ, самыхъ важнѣйшихъ: нельзя, чѣмъ же дѣй­ствовать на Полозова? Нужно, чтобы приговоръ былъ безапел­ляціонный въ его глазахъ. Кирсановъ говорилъ, — они важно слушали, что онъ говорилъ, тому всѣ важно поддакнули, — иначе нельзя, потому что, помните, есть на свѣтѣ Клодъ Бернаръ и живетъ въ Парижѣ, да и кромѣ того, Кирсановъ говоритъ такія вещи, которыхъ—а чортъ бы побралъ этихъ мальчишекъ!—и не поймешь: какъ же не поддакивать?

Кирсановъ сказалъ, что онъ очень внимательно изслѣдовалъ больную и совершенно согласенъ съ Карломъ Федорычемъ, что болѣзнь неизлечима; а агонія въ этой болѣзни—мучительна; да и вообще, каждый лишній часъ, проживаемый больною, лишній часъ страданія; поэтому онъ считаетъ обязанностью консиліума, составить опредѣленіе, что, по чело­вѣколюбію, слѣдуетъ прекра­тить страданія больной приѣмомъ морфія, отъ котораго она ужъ не проснулась бы. Съ такимъ напутствіемъ, онъ повелъ конси­ліумъ вновь изслѣдовать больную, чтобы принять или отвергнуть это мнѣніе. Консиліумъ изслѣдовалъ, хлопая глазами подъ гра­домъ, чортъ знаетъ, какихъ, непонятныхъ разъясненій Кирсанова, возвратился въ прежній, далекій отъ комнаты больной, залъ и возложилъ: прекратить страданія больной смертельнымъ приѣмомъ морфія.

Когда составили опредѣленіе, Кирсановъ позвонилъ слугу и попросилъ его позвать Полозова въ залъ консиліума. Полозовъ вошелъ. Важнѣйшій изъ мудрецовъ, приличнымъ грустно- торже­ственнымъ языкомъ и величественно-мрачнымъ голосомъ объя­вилъ ему постановленіе консиліума.

Полозова хватило, какъ обухомъ по лбу. Ждать смерти, хоть скоро, но неизвѣстно, скоро ли, да и навѣрное ли? и слышать: черезъ полчаса ея не будетъ въ живыхъ—двѣ вещи совершенно разные. Кирсановъ смотрѣлъ на Полозова съ напряженнымъ вни­маніемъ: онъ былъ совершенно увѣренъ въ эффектъ, но все-таки дѣло было возбуждающее нервы; минуты двѣ старикъ молчалъ, ошелощенный: — «не надо! Она умираетъ отъ моего упрямства!

Я на все согласен! Выздоровѣетъ ли она? — «Конечно», сказалъ Кирсановъ.

Знаменитости сильно разсердились бы, еслибъ имѣли время разсердиться, то есть, переглянувшись, увидѣть, что, дескать, моимъ товарищамъ тоже, какъ и мнѣ, понятно, что я былъ куклою въ рукахъ этого мальчишки, но Кирсановъ не далъ никому заняться этимъ наблюденіемъ того, «какъ другіе на меня смотрятъ». Кирсановъ, сказавъ слугѣ, чтобы вывести ослѣвшего Полозова, уже благодарилъ ихъ за проникательность, съ какою они отгадали его намѣреніе, поняли, что причина болязни нравственное страданіе, что нужно запугать упряма, который иначе дѣйствительно погубилъ бы дочь. Знаменитости развѣхались, каждая довольная тѣмъ, что ученость и проникательность ея завидѣтельствована передъ всѣми остальными.

На скоро давъ имъ аттестацію, Кирсановъ пошелъ сказать больной, что дѣло удалось. Она при первыхъ его словахъ схватила его руку, и онъ едва успѣлъ вырвать, чтобъ она не подавала ее. «Но я не скоро пушу къ вамъ вашего батюшку объявить вамъ то же самое, сказалъ онъ: — онъ у меня прежде прослушаетъ лекцію о томъ, какъ ему держать себя». Онъ сказалъ ей, что онъ будетъ внушать ея отцу, и что не отстанетъ отъ него, пока не внушитъ ему этого основательно.

Потрясенный эффектомъ консилиума, старикъ много ослѣлся, и смотрѣлъ на Кирсанова ужъ не тѣми глазами, какъ вчера, а такими, какъ вѣкогда Марья Алексѣвна на Лопухова, когда Лопуховъ снился ей въ видѣ пошедшаго по откупной части. Вчера Полозову все представлялась натуральная мысль: «я постарше тебя и поопытнѣй, да и цѣтъ никого на свѣтѣ умнѣ меня; а тебя, молокососъ и голышъ, мнѣ и подавно не приходится слушать, когда я своимъ умомъ нажилъ 2 милліона (точно, въ сущности было только 2, а не 4) — наживи-ка ты, тогда и говори», а теперь онъ думалъ: — «экой медвѣдь, какъ поворотилъ; умѣетъ ломать», и чѣмъ дальше говорилъ онъ съ Кирсановымъ, тѣмъ живѣе рисовалась ему, въ прибавокъ къ медвѣдю, другая картина, старое забытое воспоминаніе изъ гусарской жизни: баретторъ Захарченко сидитъ на «Громобой» (тогда еще были въ ходу у барышень, а отъ нихъ отчасти и между господами-кавалерами, военными и статскими, баллады Жуковскаго), и «Громобой» хорошо вытанцовывается подъ Захарченкой, только губы у «Громобоя» сильно порваны, въ кровь. Полозову было отчасти страш-

новато слышать, какъ отвѣчаетъ Кирсановъ на его первый вопросъ:

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ дали бы ей смертельный приемъ?

— Еще бы! разумѣется, совершенно холодно отвѣчалъ Кирсановъ.

«Что за разбойникъ! говорить, какъ поварь о зарѣзанной курицѣ». — И у васъ достало бы духа?

— Еще бы на это не достало, — чтожъ бы я за тряпка былъ!

— Вы страшный человѣкъ! повторялъ Полозовъ.

— Это значитъ, что вы еще не видывали страшныхъ людей, съ снисходительной улыбкой отвѣчалъ Кирсановъ, думая про себя: «показать бы тебѣ Рахметова».

— Но какъ же вы повертывали всѣхъ этихъ медиковъ!

— Будто трудно повертывать такихъ людей! съ легкою гримасою отвѣчалъ Кирсановъ.

Полозову вспомнился Захарченко, говорящій штабъ-ротмистру Воишнову: «этого-те вислухаго привели мнѣ объѣзжать, ваше благородіе? Зазерно мнѣ на него садиться-то».

Прекративъ безконечные все тѣ же вопросы Полозова, Кирсановъ началъ внушеніе, какъ ему слѣдуетъ держать себя. — Помните, что человѣкъ можетъ разсуждать только тогда, когда ему совершенно не мѣшаютъ, что онъ не горячится только тогда, когда его не раздражаютъ; что онъ не дорожитъ своими фантазіями только тогда, когда ихъ у него не отнимаютъ, даютъ ему самому разсмотрѣть, хороши ли онѣ. Если Соловцовъ такъ дуракъ, какъ вы описываете, — и я атому совершенно вѣрю, — ваша дочь сама разсмотритъ это; но только когда вы не станете мѣшать, не будете возбуждать въ ней мысли, что вы какъ нибудь интригуете противъ него, стараетесь разстроить ихъ. Одно ваше слово, враждебное ему, испортитъ дѣло на двѣ ведѣли, нѣсколько словъ — навсегда. Вы должны держаться совершенно въ сторонѣ. Направленіе было приправляемо такими доводами: «легко заставить васъ сдѣлать то, чего вы не хотите? а вотъ я заставлялъ же; значитъ, понимаю, какъ надобно браться за дѣло: такъ ужъ повѣрьте, какъ я говорю, такъ и надо дѣлать. Что я говорю, то знаю, вы только слушайте». Съ такими людьми, какъ тогдашній Полозовъ, нельзя иначе дѣйствовать, какъ нахрапомъ, наступая на горло. Полозовъ вымуштровался, общалъ держать себя, какъ ему говорятъ. Но убѣдившись, что Кирсановъ говоритъ

дѣло, и что надо его слушаться, Полозовъ все еще не могъ взять въ толкъ, чтожь это за человѣкъ: онъ на его сторонѣ, и вмѣстѣ на сторонѣ дочери; онъ заставляетъ его покориться дочери, и хочетъ, чтобы дочь измѣнила свою волю: какъ примирить это?

— Очень просто, я хочу, чтобы вы не мѣшали ей стать разсудительною, только.

Полозовъ написалъ къ Соловцову записку, въ которой просилъ его пожаловать къ себѣ по очень важному дѣлу; вечеромъ Соловцовъ явился, произвелъ нѣжное, но полное достоинства объясненіе со старикомъ, былъ объявленъ женихомъ, съ тѣмъ, что свадьба черезъ три мѣсяца.

VII.

Кирсановъ не могъ бросить дѣла: надобно было и помогать Катеринѣ Васильевнѣ поскорѣе выйти изъ ослѣвленія, а еще больше надобно было наблюдать за ея отцомъ, поддерживать его въ вѣрности принятому методу невмѣшательства. Но онъ почелъ неудобнымъ быть у Полозовыхъ въ первые дни послѣ кризиса: Катерина Васильевна конечно еще находится въ экзальтаціи; если онъ увидитъ (чего и слѣдуетъ непремѣнно ждать), что женихъ—дранъ, то ужъ и его молчаливое недовольство женихомъ, не только прямой отзывъ, принесетъ вредъ, подновитъ экзальтацію. Кирсановъ заѣхалъ недѣли черезъ полторы, и поутру, чтобы не прямо самому искать встрѣчи съ женихомъ, а получить на это согласіе Катерины Васильевны. Катерина Васильевна ужъ очень поправилась, была еще очень худа и блѣдна, но совершенно здорова, хоть и хлопоталъ надъ прописываньемъ лекарствъ знаменитый прежній медикъ, которому Кирсановъ опять сдалъ ее, сказавъ:—«лечитесь у него; теперь никакія его снадобья не повредятъ вамъ, хоть бы вы и стали принимать ихъ». Катерина Васильевна встрѣтила Кирсанова съ восторгомъ, но удивленными глазами посмотрѣла на него, когда онъ сказалъ, зачѣмъ пріѣхалъ.

— Вы спасли мнѣ жизнь, — и вамъ нужно мое разрѣшеніе, чтобы бывать у насъ!

— Но мое посѣщеніе при немъ могло бы вамъ показаться попыткою вмѣшательства въ ваши отношенія безъ вашего согласія. Вы знаете мое правило: не дѣлать ничего безъ воли человѣка, въ пользу котораго я хотѣлъ бы дѣйствовать.

Пріѣхавъ на другой или третій день вечеромъ, Кирсановъ нашелъ жениха точно такимъ, какимъ описывалъ Полозовъ, а Полозова нашелъ удовлетворительнымъ: вышколенный старикъ не мѣшалъ дочери. Кирсановъ просидѣлъ вечеръ, ничѣмъ не показывая своего мнѣнія о женихѣ, и прощался съ Катериною Васильевною, не сдѣлалъ никакого намека на то, какъ онъ понравился ему.

Этого было уже довольно, чтобы возбудить ея любопытство и сомнѣніе. На другой день въ ней безпрестанно возобновлялась мысль: «Кирсановъ не сказалъ мнѣ ни слова о немъ. Еслибъ онъ произвелъ хорошее впечатлѣніе на Кирсанова, Кирсановъ сказалъ бы мнѣ это. Неужели онъ ему не понравился? Чтожь могло не понравиться Кирсанову въ немъ?» Когда вечеромъ пріѣхалъ женихъ, она всматривалась въ его обращеніе, вдумывалась въ его слова. Она говорила себѣ, зачѣмъ дѣлаетъ это: чтобы доказать себѣ, что Кирсановъ не долженъ былъ, не могъ найти никакихъ недостатковъ въ немъ. Это и было такъ. Но надобность доказывать себѣ, что въ любимомъ человѣкѣ нѣтъ недостатковъ, уже ведетъ къ тому, что они скоро будутъ замѣчены.

Черезъ нѣсколько дней Кирсановъ былъ опять, и опять не сказалъ ей ни слова о томъ, какъ понравился ему женихъ. На этотъ разъ она уже не выдержала, и въ концѣ вечера сказала:— «ваше мнѣніе? что же вы молчите?»

— Я не знаю, угодно ли будетъ вамъ выслушать мое мнѣніе, и не знаю, будетъ ли оно сочтено вами за безпристрастное.

— Онъ вамъ не нравится?

Кирсановъ промолчалъ.

— Онъ вамъ не нравится?

— Я этого не говорилъ.

— Это видно. Почему жъ онъ вамъ не нравится?

— Я буду ждать, когда будетъ видно и то, почему онъ мнѣ не нравится.

На слѣдующій вечеръ Катерина Васильевна еще внимательно вѣсматривалась въ Соловцова. «Въ немъ все хорошо; Кирсановъ несправедливъ; но почему жъ я не могу замѣтить, что въ немъ не нравится Кирсанову?» Она досадовала на свое неумѣнье наблюдать, думала: «неужели жъ я такъ проста?» Въ ней было возбуждено самолюбіе, въ направленіи, самомъ опасномъ жениху.

Когда Кирсановъ опять прѣхалъ черезъ нѣсколько дней, онъ уже замѣтилъ возможность дѣйствовать сильнѣе. До сихъ поръ онъ избѣгалъ разговоровъ съ Соловцовымъ, чтобы не встревожить Катерину Васильевну преждевременнымъ внимательствомъ. Теперь онъ сѣлъ въ груши, которая была около нея и Соловцова, сталъ заводить разговоръ о вещахъ, по которымъ выкамывался бы характеръ Соловцова, вовлекалъ его въ разговоръ. Шелъ разговоръ о богатствѣ, и Катеринѣ Васильевнѣ показалось, что Соловцовъ слишкомъ занятъ мыслями о богатствѣ; шелъ разговоръ о женщинахъ, — ей показалось, что Соловцовъ говоритъ о нихъ слишкомъ жерко; шелъ разговоръ о семейной жизни, — она напрасно усиливалась выгнать изъ мысли впечатлѣніе, что, можетъ быть, женѣ было бы холодно и тяжело жить съ такимъ мужемъ.

Кризисъ произошелъ. Катерина Васильевна долго не могла заснуть, все плакала — отъ досады на себя за то, что обижаетъ Соловцова такими мыслями о немъ. «Нѣтъ, онъ не холодный человѣкъ; онъ не презираетъ женщинъ; онъ любитъ меня, а не мое богатство». Еслибъ эти возраженія были отвѣтомъ на слова другого, они упрямо держались бы въ ея умѣ. Но она возражала самой себѣ; а противъ той истины, которую самъ нашелъ, долго не устоишь, — она своя родная; въ ней нельзя заподозрить никакой хитрости. На слѣдующій вечеръ Катерина Васильевна уже сама испытывала Соловцова, какъ вчера испытывалъ его Кирсановъ. Она говорила себѣ, что только хочетъ убѣдиться, что напрасно обижаетъ его, но сама же чувствовала, что въ ней уже недовѣріе къ нему. И опять долго не могла заснуть, но досадовала уже на него: зачѣмъ онъ говорилъ такъ, что не успокоилъ ея сомнѣній, а только подкрѣпилъ ихъ? Досадовала и на себя; но въ этой досадѣ уже ясно проглядывалъ мотивъ: «какъ я могла быть такъ слѣпа?»

Понятно, что черезъ день, черезъ два, она исключительно была занята страхомъ отъ мысли: «скоро я потеряю возможность поправить свою ошибку, если ошибалась въ немъ».

Когда Кирсановъ прѣхалъ въ слѣдующій разъ, онъ увидѣлъ, что можетъ говорить съ нею. «Вы доспрашивались моего мнѣнія о немъ, сказалъ онъ: — оно не такъ важно, какъ ваше. Что вы думаете о немъ?»

Теперь она молчала.

— Я не смѣю допытываться, сказалъ онъ, заговорилъ о другомъ и скоро отошелъ.

Но черезъ полчаса она сама подошла къ нему: — «дайте же мнѣ совѣтъ: вы видите, мои мысли колеблются».

— Зачѣмъ же вамъ нуженъ чужой совѣтъ, когда вы сами знаете, что надобно дѣлать, если мысли колеблются.

— Ждать, пока онъ перестанутъ колебаться?

— Какъ вы сами знаете.

— Я отложу свадьбу.

— Почему жь не отложить, когда вы находите это лучшимъ.

— Но какъ онъ приметъ это?

— Когда вы увидите, какъ онъ приметъ это, тогда опять подумайте, что будетъ лучше.

— Но мнѣ тяжело сказать ему это.

— Если такъ, поручите вашему батюшкѣ, чтобъ онъ сказалъ ему это.

— Я не хочу прятаться за другаго. Я скажу сама.

— Если чувствуете силу сказать сама, то это, конечно, гораздо лучше.

Разумѣется, съ другими, напримѣръ, съ Вѣрою Павловною, не родилось вести дѣло такъ медленно. Но каждый темпераментъ имѣетъ свои особыя требованія: если горячій человѣкъ раздражается медленною систематичностью, то тихій человѣкъ возмущается крутою рѣзкостью.

Успѣхъ обьясненія Катерины Васильевны съ женихомъ превзошелъ надежды Кирсанова, который думалъ, что Соловцовъ съумѣетъ соблюсти разсчетъ, протянетъ дѣло покорностью и кроткими мольбами. Нѣтъ, при всей своей выдержанности, Соловцовъ не сдержалъ себя, увидѣвъ, что огромное богатство ускользаетъ изъ его рукъ, и самъ упустилъ слабые шансы, оставшіеся ему. Онъ разсыпался рѣзкими жалобами на Полозова, котораго назвалъ интригующимъ противъ него; говорилъ Катеринѣ Васильевнѣ, что она даетъ отцу слишкомъ много власти надъ собою, бѣтаетъ его, дѣйствуетъ теперь по его приказанію. А Полозовъ еще и не зналъ о рѣшеніи дочери отложить свадьбу; дочь постоянно чувствовала, что онъ оставляетъ ей полную свободу. Упреки отцу и огорчили ее своею несправедливостью, и оскорбили тѣмъ, что въ нихъ выказывался взглядъ Соловцова на нее, какъ на существо, лишенное воли и характера. «Вы, кажется, считаете меня игрушкою въ рукахъ другихъ?» — «Да»,

сказалъ онъ въ раздраженіи.—«Я готовилась умереть, не думая объ отцѣ, и вы не понимаете этого! Съ этой минуты все кончено между нами», сказала она и быстро ушла изъ комнаты.

IX.

Послѣ этой исторіи, Катерина Васильевна долго была грустна; но грусть ея, развившаяся по этому случаю, относилась уже не къ этому частному случаю. Есть такіе характеры, для которыхъ частный фактъ самъ по себѣ мало интересенъ, служить только возбужденіемъ къ общимъ мыслямъ, которыя дѣйствуютъ на нихъ гораздо сильнѣе. Если у такихъ людей умъ замѣчательно силенъ, они становятся преобразователями общихъ идей, а въ старину дѣлались великими философами: Кантъ, Фихте, Гегель не разработали никакого частнаго вопроса, имъ было это скучно. Это, конечно, только о мужчинахъ; у женщинъ вѣдь и не бываетъ сильнаго ума, по нынѣшнему,—имъ, видите ли, природа отказала въ этомъ, какъ отказала кузнецамъ въ нѣжномъ цвѣтѣ лица, портнымъ — въ стройности стана, сапожникамъ — въ тонкомъ обоняніи,—это все природа. Потому и между женщинами не бываетъ людей великаго ума. Люди очень слабого ума съ такимъ направленіемъ характера бываютъ флегматичны до безчувственности. Люди обыкновеннаго ума бываютъ расположены къ задумчивости, къ тихой жизни, и вообще склонны мечтать. Это еще не значить, что они фантазеры: у многихъ воображеніе слабо, и они люди очень положительные, они просто любятъ тихую задумчивость.

Катерина Васильевна влюбилась въ Соловцова за его письма; она умирала отъ любви, основывавшейся только на ея мечтахъ. Ужь изъ этого видно, что она была тогда настроена очень романически. А шумная жизнь повсего общества, наполнявшаго домъ Полозовыхъ, вовсе не располагала къ экзальтированной идеальности. Значить, эта черта происходила изъ собственной ея натуры. Ее давно тяготилъ шумъ; она любила читать и мечтать. Теперь ее стало тяготить и самое богатство, не только шумъ его. Не нужно считать ее за это чувство необыкновенною натурою: оно аважоко всѣмъ богатымъ женщинамъ скромнаго и тихаго характера. Въ ней оно только развилось раньше обыкновеннаго, потому что рано получила она сильный урокъ.

«Кому я могу вѣрить? чему я могу вѣрить?» спрашивала она себя послѣ исторіи съ Соловцовымъ, и видѣла: ниному, ничему. Богатство ея отца притягивало изъ всего города жадность къ деньгамъ, хитрость, обманъ. Она была окружена корыстолюбцами, лицедами, льстецами; каждое слово, которое говорилось ей, было рассчитано на милліонамъ ея отца.

Ея мысли становились все серьезнѣе. Ея стали занимать общіе вопросы о богатствѣ, которое такъ мѣшало ей, о бѣдности, которая такъ мучитъ другихъ. Отецъ давалъ ей довольно много денегъ на булавки, она, какъ и всякая добрая женщина, помогала бѣднымъ. Но она читала и думала, и стала замѣчать, что такая помощь, которую оказываетъ она, приноситъ гораздо меньше пользы, чѣмъ слѣдовало бы. Она стала видѣть, что слѣшкомъ много ее обманываютъ притворные или дрянные бѣдняки; что и людямъ, достойнымъ помощи, умѣющимъ пользоваться данными деньгами, эти деньги почти никогда не приносятъ прочной пользы: на время выведутъ ихъ изъ бѣды, а черезъ полгода, черезъ годъ эти люди опять въ такой же бѣдѣ. Она стала думать:—зачѣмъ это богатство, которое такъ портитъ людей? и отчего эта неотступность бѣдности отъ бѣдныхъ? и отчего видятъ она такъ много бѣдныхъ, которые такъ же безразсудны и дурны, какъ богатые?

Она была мечтательница, но мечты ея были тихи, какъ ея характеръ, и въ нихъ было такъ же мало блеска, какъ въ ней самой. Ея любимымъ поэтомъ былъ Жоржъ-Замль; но она не воображала себя ни Делією, ни Индіаною, ни Кавальканти, ни даже Кенсуало, она въ своихъ мечтахъ была Жанною, но чаще всего, Женевьевою. Женевьева была ея любимая героиня. Вотъ она ходитъ по полю и собираетъ цвѣты, которые будутъ служить образцами для ея работы, вотъ она встрѣчаетъ Андре, — такіа тихія свиданія! вотъ они замѣчаютъ, что любятъ другъ друга; это были ея мечты, о которыхъ она сама знала, что онѣ только мечты. Но она любила мечтать о томъ, какъ завидна судьба миссъ Найтснigel, этой тихой, скромной дѣвушки, о которой никто не знаетъ ничего, о которой нечего знать, кромѣ того, за что она любимица всей Англіи: молода ли она? богата ли она, или бѣда? счастлива ли она сама, или несчастна? объ этомъ никто не говоритъ, объ этомъ никто не думаетъ, всѣ только благословляютъ дѣвушку, которая была ангеломъ-утѣшителемъ въ англійскихъ госпиталяхъ Крима и Снутари, и по окончаніи войны, вернув-

иши на родину съ сотнями спасенныхъ ею, продолжаетъ заботиться о большихъ... Это были мечты, непомянутыя которымихъ желала бы Катерина Васильевна. Дальше мысли о Женеваевѣ и мысли Нейтингель не уносила ее фантазія. Можно ли сказать, что у ней была фантазія? и можно ли назвать ее мечтательницею?

Женеваева въ шумномъ, шумномъ обществѣ пройдѣхъ и плехихъ фатовъ, миссъ Нейтингель въ правдой роскоши, могла ли она не снучать и не грустить? Потому Катерина Васильевна была едва ли не больше обрадована, чѣмъ огорчена, когда отецъ ея разорился. Ей было жалко видѣть его, ставшаго старикомъ изъ крѣпкого, еще не стараго человѣка; было жалко и того, что средства ея помогать другимъ слишкомъ уменьшились; было на первый разъ обидно увидѣть пренебреженіе толпы, невзывавшейся и нагивавшейся черезъ ея отцомъ и ею. Не было и отрады, что пошлая, скучная, гадкая толпа покинула ихъ, перестала стѣснять ея жизнь, возмущать ее своею фальшивостью и лживостью; ей стало такъ свободно теперь. Явилась и надежда на счастье: «теперь, если въ комъ я найду привязанность, то будетъ привязанность ко мнѣ, а не къ милліонамъ моего отца».

IX.

Целозову хотѣлось устроить продажу стариннаго завода, въ которомъ онъ имѣлъ нѣжъ и которымъ управлялъ. Черезъ полгода или больше усердныхъ поисковъ, онъ нашелъ покупателя. На визитныхъ карточкахъ покупателя было написано Charles Beaumont, но произносимое это не Шарль Бомонъ, какъ прочли бы незнающіе, а Чарльзъ Бьюментъ; и натурально, что происшлось такъ: покупатель былъ агентъ лондонской фирмы Холтона, Лейтера и К°, по закупкѣ сала и стearина. Заводъ не могъ идти при жалкомъ финансовомъ и административномъ состояніи своего акціонернаго общества; но въ рукахъ сильной фирмы, онъ долженъ былъ дать большія выгоды: затративъ на него 500—600 тысячъ, она могла рассчитывать на 100,000 руб. дохода. Агентъ былъ человѣкъ добросовѣстный: внимательно осмотрѣлъ заводъ, подробно разобралъ его книги, прежде чѣмъ посоветовалъ фирмѣ покушку; потомъ начался переговоры съ обществомъ о продажѣ завода, и тянулись очень долго, по натурѣ нашихъ акціонерныхъ обществъ, съ которыми ссуживались бы даже терпѣливые греки,

не скучавшіе десять лѣтъ осаждать Трою. А Полозовъ все это время ухаживалъ за агентомъ, по старинной привычкѣ обращенія съ нужными людьми, и все приглашалъ его къ себѣ обѣдать. Агентъ сторонился отъ ухаживаній и долго отказывался отъ обѣдовъ; но однажды, слишкомъ долго засидѣвшися въ переговорахъ съ правленіемъ общества, уставши и проголодавшися, согласился пойти обѣдать къ Полозову, жившему на той же дѣлщинѣ.

Х.

Чарльзъ Бьюмонтъ, какъ и слѣдуетъ всякому Чарльзу, Джону, Джемсу, Вильяму, не былъ охотникъ пускаться въ интимности и личныя изліянія; но когда его спрашивали, рассказывалъ свою исторію не многословно, но очень отчетливо. Семейство его, говорилъ онъ, было родомъ изъ Канады; точно, въ Канадѣ чуть ли не половину населенія составляютъ потомки французскихъ колонистовъ; его семейство изъ нихъ-то и было, потому-то и фамилія у него была французскаго фасона, да и лицомъ онъ походилъ все-таки скорѣе на француза, чѣмъ на англичанина или янки. Но, продолжалъ онъ, его дѣдъ переѣхалъ изъ окрестностей Квебека въ Нью-Йоркъ; и это бываетъ. Во время этого переселенія, его отецъ былъ еще ребенкомъ. Потомъ, разумеется, выросъ и сталъ взрослымъ мужчиною; а въ это время, какому-то богачу и прогрессисту въ сельскомъ хозяйствѣ вздумалось устроить у себя на южномъ берегу Крыма, вмѣсто виноградниковъ, хлопчато-бумажныя плантаціи; онъ и поручилъ кому-то достать ему управляющаго изъ Сѣверной Америки; ему и достали Джемса Бьюмонта, канадскаго уроженца, нью-йоркскаго жителя, то есть, на столько верстъ не видывавшаго хлопчато-бумажныхъ плантацій, на сколько мы съ вами, читатель, не видывали изъ своего Петербурга или Курска гору Араратъ; это ужъ всегда такъ бываетъ съ подобными прогрессистами. Правда, дѣло нисколько не испортилось отъ совершеннаго незнакомства американскаго управляющаго съ хлопчато-бумажнымъ плантаторствомъ, потому что разводить хлопчато-бумажникъ въ Крыму то же самое, что въ Петербургѣ виноградъ. Но когда оказалось это, американскій управляющій былъ отпущенъ съ хлопчато-бумажнаго вѣдомства и пошелъ винокурить на заводъ въ Тамбовской губерніи, дожидая

тутъ почти весь свой вѣкъ, тутъ прижилъ сына Чарльза, а вскорѣ послѣ того похоронилъ жену. Годами къ 65-ти, накопивши нѣсколько денегъ на дряхлые годы, онъ вздумалъ вернуться въ Америку, и вернулся. Чарльзу было тогда лѣтъ 20. Когда отецъ умеръ, Чарльзъ захотѣлъ возвратиться въ Россію, потому что, родившись и проживъ до 20 лѣтъ въ деревнѣ Тамбовской губерніи, чувствовалъ себя русскимъ. Онъ съ отцомъ жилъ въ Нью-Йоркѣ и служилъ клеркомъ въ одной купеческой конторѣ. Когда отецъ умеръ, онъ перешелъ въ нью-йоркскую контору лондонской фирмы Ходчсона, Лотера и К^о, зная, что она имѣетъ дѣла съ Петербургомъ, и когда успѣлъ хорошо зарекомендовать себя, то и выразилъ желаніе получить мѣсто въ Россіи, объяснивши, что онъ Россію знаетъ, какъ свою родину. Имѣть такого служащаго въ Россіи, разумѣется, было выгодно для фирмы, его перевели въ лондонскую контору на испытаніе, испытали, и вотъ, съ полгода времени до обѣда у Полозова, онъ прѣвхалъ въ Петербургъ агентомъ фирмы по сальной и стеариновой части, съ жалованьемъ въ 500 фунтовъ. Совершенно сообразно этой исторіи, Бьюмонтъ, родившійся и до 20-ти лѣтъ жившій въ Тамбовской губерніи, съ однимъ только американцемъ или англичаниномъ на 20 или 50 или и 100 верстъ кругомъ, съ своимъ отцомъ, который цѣлый день былъ на заводѣ, сообразно этой исторіи, Чарльзъ Бьюмонтъ говорилъ по русски, какъ чистый русскій, а по англійски—бойко, хорошо, но все-таки не совершенно чисто, какъ слѣдуетъ человѣку, уже только въ зрѣлые годы прожившему нѣсколько лѣтъ въ странѣ англійскаго языка.

Х.

Бьюмонтъ увидѣлъ себя за обѣдомъ только втроемъ со старикомъ и очень милою, нѣсколько задумчивою блондинкою, его дочерью.

— Думалъ ли я когда нибудь, сказалъ за обѣдомъ Полозовъ: — что эти акціи завода будутъ имѣть для меня важность! Тяжело на старости лѣтъ подвергаться такому удару. Еще хорошо, что Катя такъ равнодушно перенесла, что я погубилъ ея состояніе, оно и при моей-то жизни было больше ея, чѣмъ мое: у ея матери былъ капиталъ, у меня мало; конечно, я изъ каждаго рубля сдѣлалъ было двадцать, значить, оно съ другой стороны было

Больше отъ моего труда, чѣмъ по наслѣдству; и много же я трудился! и умишь какое нужно было!—старикъ долго разсуждалъ въ этомъ самопохвальномъ тонѣ,—потомъ и кровью, а главное, умомъ было нажито, заключилъ онъ, и повторилъ въ заключеніи предисловіе, что такой ударъ тяжело перенести, и что еслибъ еще да Катя этимъ убиралась, то онъ бы, кажется, съ ума сошелъ, но что Катя не только сама не жалѣетъ, а еще и его старика поддерживаетъ.

По американской привычкѣ, не видѣтъ ничего необыкновеннаго ни въ быстромъ обогащеніи, ни въ раззореніи, или по своему личному характеру, Бьюмонтъ не имѣлъ охоты ни восхититься величіемъ ума, нажившаго было три, четыре милліона, ни скорбѣть о такомъ раззореніи, послѣ котораго еще остались средства держать порядочнаго повара; а между тѣмъ, надобно же было что нибудь замѣтить въ знакъ сочувствія чему нибудь изъ длинной рѣчи; потому онъ сказалъ: — «да, это большое облегченіе, когда семейство дружно пореноситъ непріятности».

— Да вы какъ будто сомнительно говорите, Карлъ Яковличъ. Вы думаете, что Катя задумчива, такъ это отъ того, что она жалѣетъ о богатствѣ? Нѣтъ, Карлъ Яковличъ, нѣтъ, вы ее напрасно обижаете. У насъ съ ней другое горе: мы съ ней извѣрились въ людей, сказалъ Полозовъ полу-шутливымъ, полу-серьезнымъ тономъ, какимъ говорятъ о добрыхъ, но неопытныхъ мысляхъ дѣтей опытные старики.

Катерина Васильевна покраснѣла. Ей было непріятно, что отецъ завелъ разговоръ о ея чувствахъ. Но кромѣ отцовской любви, было и другое, извѣстное обстоятельство, по которому отецъ не былъ виноватъ: если не о чемъ говорить, но есть въ комнатѣ кошка или собака, заводится разговоръ о ней; если ни кошки, ни собаки нѣтъ, то о дѣтяхъ. Погода, ужъ только третья, крайняя стѣпень безрессурсности.

— Нѣтъ, папа, вы напрасно объясняете мою задумчивость такимъ высокимъ мотивомъ: вы знаете, у меня просто невеселый характеръ, и я скучаю.

— Быть невеселымъ, это какъ кому угодно, сказалъ Бьюмонтъ:—но скучать, по моему мнѣнію, неизвинительно. Скука въ модѣ у нашихъ братьевъ, англичанъ; но мы, американцы, не знаемъ ея. Намъ некогда скучать: у насъ слишкомъ много дѣла. Я считаю, мнѣ кажется (поправилъ онъ свой американизмъ), что и русскій народъ долженъ бы видѣть себя въ такомъ положеніи:

по моему, у него тоже слишком много дѣла на рукахъ. Но дѣйствительно, я вижу въ русскихъ совершенно противное; они очень расположены хандрить. Сами англичане далеко не выдерживаютъ сравненія съ ними въ этомъ. Англійское общество, ославненное на всю Европу, и въ томъ числѣ на всю Россію, скучнѣйшимъ въ мірѣ, на столько же разговорчивѣе, живѣе, веселѣе русскаго, на сколько уступаетъ въ этомъ французскому. И ваши путешественники говорятъ вамъ о скукѣ англійскаго общества! Я не понимаю, гдѣ жь у этихъ людей глаза на свое домашнее!

— И русскіе нравы, что хандрятъ, сказала Катерина Васильевна:—какое жь у нихъ дѣло? имъ нечего дѣлать; они должны сидѣть сложа руки. Укажите мнѣ дѣло, и я вѣроятно не буду скучать.

— Вы хотите найти себѣ дѣло? О, за этишъ не должно быть остановки; вы видите вокругъ себя такое невѣжество, извините, что я такъ отзываюсь о вашей странѣ, о вашей родинѣ, поправиль онъ свой англицизмъ:—но я самъ въ ней родился и выросъ, считаю ее своею, потому не церемонюсь, — вы видите въ ней турецкое невѣжество, японскую безпомощность. Я ненавижу вашу родину, потому что люблю ее, какъ свою, скажу я вамъ, подражая вашему поэту. Но въ ней много дѣла.

— Да; но одинъ, а еще болѣе, одна что можетъ сдѣлать?

— Но вѣдь ты же дѣлаешь, Катя, сказалъ Полозовъ:—я вамъ выдамъ ея секретъ, Карлъ Яковичъ. Она отъ скуки учитъ дѣвочекъ. У нея каждый день бываютъ ея ученицы, и она возится съ ними отъ 10 часовъ до часу, иногда больше.

Бьюмонтъ посмотрѣлъ на Катерину Васильевну съ уваженіемъ:—вотъ это по нашему, по американски, — конечно, подъ американцами я понимаю только сѣверные, свободные штаты; южные хуже всякой Мехики, почти такъ же гадки, какъ Бразилія (Бьюмонтъ былъ яростный аболіціонистъ),—это по нашему; но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же скучать?

— Развѣ это серьезное дѣло, ш — г Бьюмонтъ? это не болѣе, какъ развлеченіе, такъ я думаю; можетъ быть, я ошибаюсь; можетъ быть, вы назовете меня матеріалисткою...

— Вы ждете такого упрека отъ человѣка изъ націи, про которую всѣ утверждаютъ, что единственная цѣль и мысль ея — доллары?

— Вы шутите, но я серьезно боюсь, опасаясь высказать вамъ

ное мнѣніе, — оно можетъ казаться сходно съ тѣмъ, что проповѣдуютъ обскуранты о безполезности просвѣщенія.

«Вотъ какъ!» подумалъ Бьюмонтъ: «неужели она дошла до этого? это становится интересно». — Я самъ обскурантъ, сказалъ онъ: — я за безграмотныхъ черныхъ противъ цивилизованныхъ мадьяльцевъ ихъ, въ южныхъ штатахъ, — извините, я отвлекся моею американскою ненавистью. Но мнѣ очень любопытно услышать ваше мнѣніе.

— Оно очень прозаично, м-г Бьюмонтъ, но меня привела къ нему жизнь. Мнѣ кажется, дѣло, которымъ я занимаюсь, слишкомъ одностороннее дѣло, и та сторона, на которую обращено оно, не первая сторона, на которую должны быть обращены заботы людей, желающихъ принести пользу народу. Я думаю такъ: дайте людямъ хлѣбъ, читать они выучатся и сами. Начинать надобно съ хлѣба, иначе мы попусту истратимъ время.

— Почему жъ вы не начинаете съ того, съ чего надобно начинать? сказалъ Бьюмонтъ уже съ нѣкоторымъ одушевленіемъ. — Это можно, я знаю примѣры, у насъ въ Америкѣ, прибавилъ онъ.

— Я вамъ сказала: одна, что я могу начать? Я не знаю, какъ приняться; и если бъ знала, гдѣ у меня возможность? Дѣвушка такъ связана во всемъ. Я независима у себя въ комнатѣ. Но что я могу сдѣлать у себя въ комнатѣ? Положить на столъ книжку и учить читать. Куда я могу идти одна? Съ кѣмъ я могу видѣться одна? какое дѣло я могу дѣлать одна?

— Ты, кажется, выставляешь меня деснотомъ, Катя? сказалъ отецъ: — ужъ въ этомъ-то я не повиненъ, съ тѣхъ поръ, какъ ты меня такъ проучила.

— Папа, вѣдь я краснѣю этого, я тогда была ребенокъ. Нѣтъ, папа, вы хороши, вы не стѣсняете. Стѣсняетъ общество. Правда, м-г. Бьюмонтъ, что дѣвушка въ Америкѣ не такъ связана?

— Да, мы можемъ этимъ гордиться; конечно, и у насъ далеко не то, чему слѣдуетъ быть; но все-таки, какое сравненіе съ вами, европейцами. Все, что рассказываютъ вамъ о свободѣ женщины у насъ, правда.

— Папа, поѣдемъ въ Америку, когда м-г. Бьюмонтъ купитъ у тебя заводъ, сказала шутя Катерина Васильевна: — я тамъ буду что нибудь дѣлать. Ахъ, какъ бы я была рада!

— Можно пойти дѣло и въ Петербургъ, сказалъ Бьюмонтъ.

— Уважите.

Бьюмонтъ двѣ, три секунды колебался, — «но зачѣмъ же я и прїѣхалъ сюда? И черезъ кого же лучше узнать?» подумалъ онъ. Вы не слышали?—есть опытъ примѣненія къ дѣлу тѣхъ принциповъ, которые выработаны въ послѣднее время экономическою наукою: вы знаете ихъ?

— Да, я читала; это, должно быть, очень интересно и полезно. И я могу принять въ этомъ участіе? гдѣ жь это найти?

— Это основано г-жею Кирсановою.

— Кто она? ея мужъ медикъ?

— Вы его знаете? И онъ не сказалъ вамъ объ этомъ дѣлѣ?

— Это было давно, онъ тогда еще не былъ женатъ; я была очень больна, — онъ прїѣзжалъ нѣсколько разъ и спасъ меня. Ахъ, какой это человѣкъ! Похожа на него она?

Но какъ же познакомиться съ Кирсановою? Бьюмонтъ рекомендуетъ Катерину Васильевну Кирсановою?—нѣтъ, Кирсановы даже не слышали его фамиліи; но никакой рекомендаціи не надобно: Кирсанова навѣрное будетъ рада встрѣтить такое сочувствіе. Адресъ надобно узнать тамъ, гдѣ служитъ Кирсановъ.

XI.

Вотъ какимъ образомъ произошло то, что Полозова познакомилась съ Вѣрой Павловною; она отправилась къ ней на другой же день поутру; и Бьюмонтъ былъ такъ заинтересованъ, что вечеромъ прїѣхалъ узнать, какъ понравилось Катеринѣ Васильевнѣ новое знакомство и новое дѣло.

Катерина Васильевна была очень одушевлена. Грусти—никакихъ слѣдовъ; задумчивость замѣнилась восторгомъ. Она съ энтузіазмомъ рассказывала Бьюмонту, — а вѣдь ужъ рассказывала отцу, но отъ одного раза не унялась, о томъ, что видѣла поутру, и не было конца ея разсказу; да, теперь ея сердце было полно: живое дѣло найдено! Бьюмонтъ слушалъ внимательно; но развѣ можно слушать такъ? и она чуть не съ гнѣвомъ сказала: «ш-г Бьюмонтъ, я разочаровываюсь въ васъ: неужели это такъ мало дѣйствуетъ на васъ, что вамъ только интересно, — не больше?»

— Катерина Васильевна, вы забываете, что я все это видѣлъ у насъ, въ Америкѣ; для меня занимательны нѣкоторыя подробности; но само дѣло слишкомъ знакомо мнѣ. Инте-

ресь новизны тутъ могутъ имѣть для меня только личности, которыми обязано своимъ успѣхомъ это дѣло, новое у васъ. Напримѣръ, что вы можете разсказать мнѣ о м-ше Кирсановой?

— Ахъ, Боже мой: разумѣется, она мнѣ чрезвычайно понравилась; она съ такою любовью объясняла мнѣ все.

— Это вы ужь говорили.

— Чего жь вамъ больше? Что я могу сказать вамъ больше? Неужели жь мнѣ было до того, чтобы думать о ней, когда у меня передъ глазами было такое дѣло?

— Такъ, сказалъ Бьюмонтъ:—я понимаю, что совершенно забываешь о лицахъ, когда заинтересованъ дѣломъ; однако, что жь вы можете сказать мнѣ еще о м-ше Кирсановой?

Катерина Васильевна стала собирать всѣ свои воспоминанія о Вѣрѣ Павловнѣ, но въ нихъ только и нашлось первое впечатлѣнiе, которое сдѣлала на нее Вѣра Павловна; она очень живо описала ея наружность, манеру говорить, все, что бросается въ глаза въ минуту встрѣчи съ новымъ человѣкомъ; но дальше, дальше у нея въ воспоминанiяхъ уже дѣйствительно не было почти ничего, относящагося къ Вѣрѣ Павловнѣ: мастерская, мастерская, мастерская,—и объясненiя Вѣры Павловны о мастерской; эти объясненiя она всѣ понимала, но самой Вѣры Павловны во все слѣдующее время, послѣ первыхъ словъ встрѣчи, она ужь не понимала.

— И такъ, на этотъ разъ я обманулся въ ожиданiи много узнать отъ васъ о м-ше Кирсановой; но я не отстану отъ васъ: черезъ нѣсколько дней я опять стану разспрашивать васъ о ней.

— Но почему жь вамъ самому не познакомиться съ нею, если она такъ интересуется васъ?

— Мнѣ хочется сдѣлать это; можетъ быть, я и сдѣлаю, когданибудь. Но прежде я долженъ узнать о ней больше. Бьюмонтъ остановился на минуту.—Я думалъ, лучше ли просить васъ, или не просить, кажется, лучше попросить: когда вамъ случится упомянуть мою фамилю въ разговорахъ съ ними, не говорите, что я разспрашивалъ васъ о ней, или хочу когданибудь познакомиться съ ними.

— Но это начинаетъ походить на загадку, м-г. Бьюмонтъ, серьезнымъ тономъ сказала Катерина Васильевна. — Вы хотите черезъ меня разузнавать о нихъ, а самъ хотите скрываться.

— Да, Катерина Васильевна; какъ вамъ объяснить это? — я опасался познакомиться съ ними.

— Все это странно, м-г. Бьюмонтъ.

— Правда. Скажу прямо: я опасуюсь, что имъ будетъ это неприятно. Они не слышали моей фамилии. Но у меня могли быть какія нибудь столкновенья съ кѣмъ нибудь изъ людей, близкихъ къ нимъ, или съ ними, это все равно. Словомъ, я долженъ удостовѣриться, приятно ли было бы имъ познакомиться со мною.

— Все это странно, м-г. Бьюмонтъ.

— Я честный человекъ, Катерина Васильевна; смѣю васъ увѣрить, что я никогда не захотѣлъ бы компрометировать васъ; мы съ вами видимся только во второй разъ, но я ужь очень уважаю васъ.

— Я также вижу, м-г. Бьюмонтъ, что вы порядочный человекъ; но...

— Если вы считаете меня порядочнымъ человекомъ, вы позволите мнѣ бывать у васъ, чтобы тогда, когда вы достаточно увѣритесь во мнѣ, я могъ опять спросить васъ о Кирсановыхъ. Или, лучше, вы сами заговорите о нихъ, когда вамъ покажется, что вы можете исполнить эту мою просьбу, которую я сдѣлаю теперь, и не буду возобновлять. Вы позволяете?

— Извольте, м-г Бьюмонтъ, сказала Катерина Васильевна, слегка пожавъ плечами. — Но согласитесь, что...

Она опять не хотѣла договорить.

— Что я теперь долженъ внушать вамъ нѣкоторое недоумѣе? Правда. Но я буду ждать, пока оно пройдетъ.

XII.

Бьюмонтъ сталъ очень часто бывать у Полозовыхъ. «Почему жь? думалъ старикъ: подходящая партія. Конечно, Катя прежде могла бы имѣть не такого жениха. Но вѣдь она и тогда была не интересантка и не честолюбивая. А теперь лучше и желать нельзя».

Дѣйствительно, Бьюмонтъ былъ подходящая партія. Онъ говорилъ, что думаетъ навсегда остаться въ Россіи, потому что считаетъ ее своею родиною. Онъ человекъ основательный: въ 30 лѣтъ, вышедши изъ ничего, имѣетъ хорошее имѣе. Если бы онъ былъ русскій, Полозову было бы приятно, чтобы онъ былъ дворянинъ, но къ иностранцамъ это не прилагается, особенно къ французамъ; а къ американцамъ еще меньше: у нихъ въ Ама-

рикѣ челоѡвѣкъ — нынѣ работникъ у сапожника, или пахарь, завтра генераль, послѣ завтра президентъ, а тамъ опять конторщикъ или адвокатъ. Это совсѣмъ особый народъ, у нихъ спрашиваютъ о челоѡвѣкѣ только по деньгамъ и по уму. «Это и правилинѣе, продолжалъ думать Полозовъ:—я самъ такой челоѡвѣкъ. Занялся торговлею, женился на купчихѣ. Деньги главное; и умъ, потому что безъ ума не наживешь денегъ. А онъ можетъ нажать: сталъ на такую дорогу. Купитъ заводъ, станетъ управляющимъ; потомъ фирма возьметъ его въ долю. А у нихъ фирмы не такія, какъ у насъ. Тоже и онъ будетъ ворочать милліонами»...

Очень возможно, что не суждено сбыться мечтамъ Полозова о томъ, что его зять будетъ милліонеромъ по коммерческой части, какъ не суждено было сбыться мечтамъ Марьи Алексѣевны о томъ, что ея первый зять пойдетъ по откупной части. Но все-таки, Бьюмонтъ былъ хорошая партія для Катерины Васильевны.

Однако жъ, не ошибался ли Полозовъ, предусматривая себѣ зятя въ Бьюмонтѣ? Если у старика было еще какое нибудь сомнѣніе въ этомъ, оно исчезло, когда Бьюмонтъ, недѣли черезъ двѣ послѣ того, какъ началъ бывать у нихъ, сказалъ ему, что можетъ быть, покупка завода задержится на нѣсколько дней; впрочемъ, едва ли отъ этого будетъ задержка: вѣроятно, они и не дожидаясь мистера Лотера не составили бы окончательныхъ условій раньше недѣли, а мистеръ Лотеръ будетъ въ Петербургѣ черезъ четыре дня. «Прежде, когда я не былъ въ личномъ знакомствѣ съ вами, сказалъ Бьюмонтъ, я хотѣлъ кончить дѣло самъ. Теперь это неловко, потому что мы такъ хорошо знакомы. Чтобы не могло возникнуть потомъ никакихъ недоразумѣній, я писалъ объ этомъ фирмѣ, то есть, о томъ, что я во время терпозныхъ переговоровъ познакомился съ управляющимъ, у котораго почти весь капиталъ въ акціяхъ завода, я требовалъ, чтобы фирма прислала кого нибудь заключить вмѣсто меня это дѣло, и вотъ, какъ видите, пріѣдетъ мистеръ Лотеръ».

Осторожно и умно. А съ тѣмъ вмѣстѣ, ясно показывается въ Бьюмонтѣ намѣреніе жениться на Катѣ: простое знакомство не было бы достаточною причиною принимать такую предосторожность.

XIII.

Два, три слѣдующія посѣщенія Бьюмонта начинались довольно холоднымъ пріемомъ со стороны Катерины Васильевны. Она стала, дѣйствительно, нѣсколько недовѣрять этому мало знакомому человѣку, высказавшему загадочное желаніе разузнать о семействѣ, съ которымъ, по словамъ, онъ не былъ знакомъ, и однако же опасался познакомиться, по какой-то неувѣренности, что знакомство съ нимъ будетъ пріятно этому семейству. Но и въ эти первыя посѣщенія, если Катерина Васильевна недовѣрчиво встрѣчала его, то скоро вовлеклась въ живой разговоръ съ нимъ. Въ прежней ея жизни, до знакомства съ нимъ и съ Кирсановымъ, ей не встрѣчались такіе люди. Онъ такъ сочувствовалъ всему, что ее интересовало, онъ такъ хорошо понималъ ее; даже съ любимыми подругами, впрочемъ, у ней собственно и была только одна подруга, Полина, которая ужъ давно переселилась въ Москву, вышедши за мужъ за московскаго фабриканта, даже съ Полиною она не говорила такъ легко, какъ съ нимъ.

И онъ, — онъ сначала пріѣзжалъ, очевидно, не для нея, а для того, чтобы узнать черезъ нее о Кирсановой; но съ самаго же начала знакомства, съ той минуты, какъ заговорили они о скукѣ и о средствахъ избѣгать скуки, видно было, что онъ уважаетъ ее, симпатизируетъ ей. При второмъ свиданіи, онъ былъ очень привлеченъ къ ней ея восторгомъ отъ того, что она нашла себѣ дѣло. Теперь, съ каждымъ новымъ свиданіемъ, его расположеніе къ ней было все виднѣе для нея. Очень скоро между ними установилась самая прѣстая и теплая пріязнь, и черезъ недѣлю Катерина Васильевна уже рассказывала ему о Кирсановыхъ: она была увѣрена, что у этого человѣка не можетъ быть никакой неблагородной мысли.

Правда и то, что когда она заговорила о Кирсановыхъ, онъ остановилъ ее: «зачѣмъ такъ скоро? Вы слишкомъ мало меня знаете». «Нѣтъ, достаточно, м-г Бьюмонтъ; я вижу, что если вы не хотѣли объяснить мнѣ того, что мнѣ казалось страшно въ вашемъ желаніи, то, вѣроятно, вы не имѣли права говорить, мало ли бываетъ тайнъ». А онъ сказалъ: «у меня, вы видите, ужъ нѣтъ прежняго нетерпѣнія знать то, что мнѣ хочется знать о нихъ».

XIV.

Одушевленіе Катерины Васильевны продолжалось, не ослабѣвая, а только переходя въ постоянное, ужь обычное настроеніе духа, бодрое и живое, свѣтлое. И, сколько ей казалось, именно это одушевленіе всего больше привлекало къ ней Бьюмонта. А онъ ужь очень много думалъ о ней,—это было слишкомъ видно. Послушавъ два, три раза ея разеказы о Кирсановыхъ, онъ въ четвертый разъ уже сказалъ: «я теперь знаю все, что мнѣ было нужно знать. Благодарю васъ». «Да что жь вы знаете? я вамъ только еще и говорила, что они очень любятъ другъ друга и совершенно счастливы своими отношеніями». «Больше мнѣ и не нужно было ничего знать. Впрочемъ, это я всегда зналъ самъ». И разговоръ перешелъ къ чему-то другому.

Конечно, первая мысль Катерины Васильевны была тогда, при первомъ его вопросѣ о Кирсановой, что онъ влюбленъ въ Вѣру Павловну. Но теперь было слишкомъ видно, что этого вовсе нѣтъ. Сколько теперь знала его Катерина Васильевна, она даже думала, что Бьюмонтъ и не способенъ быть влюбленнымъ. Любить онъ можетъ, это такъ. Но если теперь онъ любитъ кого нибудь, то «меня», думала Катерина Васильевна.

XV.

А впрочемъ, любили ль они другъ друга? Начать хотя съ нея. Былъ одинъ случай, въ которомъ выказалась съ ея стороны заботливость о Бьюмонтѣ, но какъ же и кончился этотъ случай! вовсе не такъ, какъ слѣдовало бы ожидать по началу. Бьюмонтъ заѣзжалъ къ Полозовымъ рѣшительно каждый день, иногда на долго, иногда не на долго, но все-таки каждый день; на этомъ-то и была основана увѣренность Полозова, что онъ хочетъ сватать Катерину Васильевну; другихъ основаній для такой надежды не было. Но вотъ, однажды, прошелъ вечеръ, Бьюмонта нѣтъ. «Вы не знаете, папа, что съ нимъ?» — «Не слышалъ; вѣроятно, ничего, некогда было, только». Прошелъ и этотъ вечеръ, Бьюмонтъ опять не пріѣзжалъ. На третье утро Катерина Васильевна собралась куда-то ѣхать. «Куда ты, Катя?» — «Такъ, папа, по

своимъ дѣламъ». Она поѣхала къ Бьюмонту. Онъ сидѣлъ въ пальто съ широкими рукавами и читалъ; поднялъ глаза отъ книги, когда отворилась дверь. «Катерина Васильевна, это вы? очень радъ и благодаренъ вамъ», тѣмъ самымъ тономъ, какимъ бы встрѣтилъ ея отца; впрочемъ, нѣтъ, гораздо привѣтливѣе. — «Что съ вами, ш-г Бьюмонтъ, что вы такъ давно не были?—вы заставили меня тревожиться за васъ, и кромѣ того, заставили соскучиться». — «Ничего особеннаго, Катерина Васильевна, какъ видите, здоровъ. Да вы не выкушаете чаю?—видите, я пью». «Пожалуй; да чтожь вы столько дней не были?» — «Петръ, дайте стаканъ. Вы видите, что здоровъ; слѣдовательно пустяки. Вотъ что: былъ на заводѣ съ мистеромъ Лотеромъ, да объясняя ему что-то, не остерегся, положилъ руку на винтъ, а онъ повернулся и оцарапалъ руку своєю рукавъ. И немалымъ нитретьяго дня, ни вчера надѣтъ сюртука». — «Покажите, иначе я буду тревожиться, что это не царапина, а большее поврежденіе». — «Да какое же большое (входитъ Петръ со стаканомъ для Катерины Васильевны), когда я владѣю обѣими руками. А впрочемъ, извольте (отодвигаетъ рукавъ до локтя). «Петръ, выбросьте изъ этой пепельницы и дайте сигарочницу, она въ кабинетѣ на столѣ. Видите, пустяки: кромѣ англійскаго пластыря, ничего не понадобилось». — «Да, но все-таки есть опухоль и краснота». — «Вчера было гораздо больше, а къ завтраму ничего не будетъ». (Петръ, высыпавъ пепель и подавъ сигарочницу, уходитъ). — «Не хотѣлъ являться передъ вами раненымъ героемъ». — «Да написали бы, какъ же можно». — «Да вѣдь я тогда думалъ, что надѣну сюртукъ на другой день, то есть третьяго дня; а третьяго дня думалъ, что надѣну вчера, вчера — что нынѣ. Думалъ, не стоить тревожить васъ». — «Да, а больше встревожили. Это не хорошо, ш-г Бьюмонтъ. А когда вы кончите дѣло съ этою покупкою?» — «Да вѣроятно, за дняхъ, но все, знаете, проволочна не отъ насъ съ мистеромъ Лотеромъ, а отъ самого общества». — «А что это вы читали?» — «Новый романъ Теккерея. При такомъ талантѣ, и какъ исписался! оттого, что запасъ мыслей скудеетъ». «Я ужъ читала; дѣйствительно» и т. д., пожалѣли о паденіи Теккерея, поговорили съ полчаса о другихъ вещахъ въ томъ же родѣ. «Однако, мнѣ пора къ Вѣрѣ Павловнѣ, да когда же вы съ ними познакомились? очень хорошие люди». — «А вотъ какъ нибудь соберусь, попрошу васъ. Очень вамъ благодаренъ, что навѣстили меня. А это ваша лошадь?» — «Да, это моя». — «То-то

вашъ батюшка никогда на ней не ѣздитъ. А порядочная лошадь». — «Кажется; я не знаю въ нихъ толку». — «Хорошая лошадь, сударь, рублей 350 стоитъ», сказала кучеръ. — «А сколько лѣтъ?» — «Шесть лѣтъ, сударь». — «Поѣдемъ, Захаръ; я усѣлась. До свиданья, ш-г. Бьюмонтъ. Вынѣ прїѣдете?» — «Едва ли; нѣтъ; — завтра, навѣрное».

XVI.

Такъ ли дѣлаются, такія ли бываютъ посѣщенія влюбленныхъ дѣвушекъ? Не говоря ужъ о томъ, что ничего подобнаго никогда не позволятъ себѣ благовоспитанная дѣвушка, но если позволить, то ужъ конечно выйдетъ изъ этого совсѣмъ не то: Если противенъ нравственности поступокъ, сдѣланный Катериною Васильевною, то еще противнѣе всякимъ общепринятымъ понятіямъ объ отношеніяхъ между мужчинами и дѣвушками: содержание, такъ сказать, этого безнравственнаго поступка. Не ясно ли, что Катерина Васильевна и Бьюмонтъ были не люди, а рыбы, или если люди, то съ рыбьею кровью? Совершенно соотвѣтствовало этому свиданью и то, какъ она вообще обращалась съ нимъ, видя его у себя. «Устала говорить, ш-г. Бьюмонтъ, говорила она, когда онъ долго засмѣивался: — оставайтесь съ нами, а я уйду къ себѣ», и уходила. Онъ иногда отвѣчалъ на это: — «спосидите еще съ четверь часа, Катерина Васильевна». — «Пожалуй», отвѣчала она въ такихъ случаяхъ; а чаще, онъ отвѣчалъ: — «такъ до свиданья, Катерина Васильевна».

Что это за люди такіе? желалъ бы я знать, и желалъ бы я знать, не просто ли они хорошие люди, которымъ никто не мѣшаетъ видѣться, когда и сколько имъ угодно, которымъ никто не мѣшаетъ повѣчаться, какъ только имъ вздумается, и которымъ новому не изъ-за чего основаться. Но все-таки меня смущаетъ ихъ холодное обращеніе между собою, и не столько за нихъ я стыжусь, сколько за себя: неужели судьба моя, какъ романиста, состоитъ въ томъ, чтобы компрометировать передъ благовоспитанными людьми всѣхъ моихъ героинь и героевъ? Одни изъ нихъ ѣдятъ и пьютъ; другіе не бѣсятся безъ причины: какіе невѣроятные люди!

XVII.

А между тѣмъ, по убѣжденію старика Полозова, дѣло шло къ свадьбѣ, — при такомъ обращеніи предполагаемой невѣсты съ предполагаемымъ женихомъ, шло къ свадьбѣ! И неужели онъ не слышалъ разговоры? Правда, не вѣчно же вертѣлись у него передъ глазами дочь съ предполагаемымъ женихомъ; чаще, чѣмъ въ одной комнатѣ съ нимъ, они сидѣли или ходили въ другой комнатѣ или другихъ комнатахъ; но отъ этого не было никакой разницы въ ихъ разговорахъ. Эти разговоры могли бы въ комъ угодно изъ тонкихъ знатоковъ человѣческаго сердца (такого, какового не бываетъ у людей на самомъ дѣлѣ) отнять всякую надежду увидѣть Катерину Васильевну и Бьюмонта поквѣчавшимися. Не то, чтобъ они вовсе не говорили между собою о чувствахъ, нѣтъ, говорили, какъ и обо всемъ на свѣтѣ, но мало, и это бы еще ничего, что очень мало, но главное, что говорили, и какимъ тономъ! Тонъ былъ возмутителенъ своимъ спокойствіемъ, а содержаніе — ужасно своею крайнею несообразностью ни съ чѣмъ на свѣтѣ. Вотъ, напримѣръ, это было черезъ недѣлю послѣ визита, за который «очень благодарилъ» Бьюмонтъ Катерину Васильевну, мѣсяца черезъ два послѣ начала ихъ знакомства; продажа завода была окончена; мистеръ Лотеръ собирался уѣхать на другой день (и уѣхалъ; не ждите, что онъ произведетъ какую нибудь катастрофу: онъ, какъ слѣдуетъ негодяицу, сдѣлалъ коммерческую операцію, объявлялъ Бьюмонту, что фирма назначаетъ его управляющимъ завода съ жалованьемъ въ 1000 фунтовъ, чего и слѣдовало ожидать, и больше ничего: какая жъ ему надобность вѣшиваться во что нибудь, кромѣ коммерціи, сами разсудите), акціонеры, въ томъ числѣ и Полозовъ, завтра же должны были получить (и получили, опять не ждите никакой катастрофы: фирма Ходчсона, Лотера и К^о очень солидная) половину денегъ наличными, а другую половину — векселями на 3-хъ-мѣсячный срокъ. Полозовъ, въ удовольствіи отъ этого, сидѣлъ за столомъ въ гостиной и пересматривалъ денежные бумаги, отчасти слушалъ и разговоръ дочери съ Бьюмонтомъ, когда они проходили черезъ гостиную: они ходили вдоль черезъ всѣ четыре комнаты квартиры, бывшія на улицу.

— Если женщина, дѣвушка затруднена предразсудками, го—

ворилъ Бьюмонтъ (не дѣлая уже никакихъ ни англицизмовъ, ни американизмовъ), то и мужчина, — я говорю о порядочномъ человѣкѣ, — подвергается отъ этого большимъ неудобствамъ. Скажите, какъ жениться на дѣвушкѣ, которая не испытала простыхъ житейскихъ отношеній въ смыслѣ отношеній, которыя возникнутъ отъ ея согласія на предложеніе? Она не можетъ судить, будетъ ли ей нравиться будничная жизнь съ человѣкомъ такого характера, какъ ея женихъ.

— Но если, ш-г. Бьюмонтъ, ея отношенія къ этому человѣку и до его предложенія имѣли будничный характеръ, это все-таки представляетъ ей и ему нѣкоторую гаранцію, что они останутся довольны другъ другомъ.

— Нѣкоторую—да; но все-таки было бы гораздо вѣрнѣе, еслибъ испытаніе было полнѣе и многостороннѣе. Она все-таки не знаетъ по опыту характера отношеній, въ которыя вступаетъ: отъ этого свадьба для нея все-таки страшный рискъ. Такъ для нея; но отъ этого и для порядочнаго человѣка, за котораго она выходитъ, то же. Онъ, вообще, можетъ судить, будетъ ли онъ доволенъ: онъ близко знаетъ женщинъ разнаго характера, онъ не испыталъ, какой характеръ лучше для него. Она—нѣтъ.

— Но она могла наблюдать жизнь и характеры въ своемъ семействѣ, въ знакомыхъ семействахъ; она могла много думать.

— Все это прекрасно, но недостаточно. Ничто не можетъ замѣнить личнаго опыта.

— Вы хотите, чтобы замужъ выходили только вдовы? смѣясь сказала Катерина Васильевна.

— Вы выразились очень удачно. Только вдовы. Дѣвушкамъ должно быть запрещено выходить замужъ.

— Это правда, серьезно сказала Катерина Васильевна.

Полозову сначала было дико слышать такіе разговоры или долы разговоровъ, выпадавшія на его слухъ. Но теперь онъ уже привыкъ и думалъ: — «чтожъ, я самъ человѣкъ безъ предрасудковъ. Я занялся торговлей, женился на купчихѣ».

На другой день, эта часть разговора, — вѣдь это былъ лишь небольшой эпизодъ въ разговорѣ, шедшемъ вообще вовсе не о томъ, а обо всякихъ другихъ предметахъ, — эта часть вчерашняго разговора продолжалась такимъ образомъ:

— Вы рассказывали мнѣ исторію вашей любви къ Соловцову. Но что это такое? Это было...

— Сядемъ, если для васъ все равно. Я устала ходить.

— Хорошо... ребяческое чувство, которое не дает никакой гарантии. Это годится для того, чтобы шутить, вспоминая, и грустить, если хотите, потому что здѣсь есть очень прискорбная сторона. Вы спаслись только благодаря особенному, рѣдкому случаю, что дѣло попало въ руки такого человѣка, какъ Александръ.

— Кто?

— Матвѣичъ Кирсановъ, дополнилъ онъ, будто не останавливался на одномъ имени «Александръ»:—безъ Кирсанова, вы погибли отъ чахотки, или отъ негодая. Можно было вывести изъ этого основательныя мысли о вредѣ положенія, которое занимали вы въ обществѣ. Вы ихъ и вывели. Все это прекрасно, но все это только сдѣлало васъ болѣе разсудительнымъ и хорошимъ человѣкомъ, а еще нисколько не дало вамъ опытности въ различеніи того, какого характера мужъ годится для васъ. Не негодяй, а честный человѣкъ—вотъ только, что могли вы узнать. Прекрасно. Но развѣ всякая порядочная женщина можетъ остаться довольна, какого бы характера ни былъ выбранный ею человѣкъ, лишь бы только былъ честный? Нужно болѣе точное знаніе характеровъ и отношеній, то есть, нужна совершенно другая опытность. Мы вчера рѣшили, что, по вашему выраженію, замужъ должны выходить только вдовы. Какая жь вы вдова? Все это было говорено Бюмонтомъ съ какимъ-то неудовольствіемъ, а послѣднія слова отзывались прямо досадою.

— Это правда, сказала нѣсколько уныло Катерина Васильевна:—но все-таки я не могла же обманывать.

— И не сдумѣли бы, потому что нельзя поддѣлаться подъ опытность, когда не имѣешь ея.

— Вы все говорите о недостаточности средствъ у насъ, дѣвушекъ, дѣлать основательный выборъ. Вообще, это совершенная правда. Но бываютъ исключительные случаи, когда для основательности выбора и не нужно такой опытности. Если дѣвушка не такъ молода, она ужъ можетъ хорошо знать свой характеръ. Напримѣръ, я свой характеръ знаю, и видно, что онъ уже не измѣнится. Мнѣ 22 года. Я знаю, что нужно для моего счастья: жить спокойно, чтобы мнѣ не мѣшали жить тихо, больше ничего.

— Это правда. Это видно.

— И будто такъ трудно видѣть, есть ли нѣтъ необходимыя

для этого черты въ характерѣ того или другаго человѣка? Это видно изъ нѣсколькихъ разговоровъ.

— Это правда. Но вы сами сказали, что это исключительный случай. Правило не то.

— Конечно, правило не то. Но, м-г Бьюмонтъ, при условіяхъ нашей жизни, при нашихъ понятіяхъ и нравахъ, нельзя желать для дѣвушки того знанія будничныхъ отношеній, о которомъ мы говоримъ, что безъ него въ большей части случаевъ дѣвушка рискуетъ сдѣлать неосновательный выборъ. Ея положеніе безвыходно при нынѣшнихъ условіяхъ. При нихъ, пусть она будетъ входить въ какія угодно отношенія, это тоже почти ни въ какомъ случаѣ не можетъ дать ей опытности; пользы отъ этого ждать нельзя, а опасность огромная. Дѣвушка легко можетъ въ самомъ дѣлѣ унизиться, научиться дурному обману. Вѣдь она должна будетъ обманывать родныхъ и общество, скрываться отъ нихъ; а отъ этого недалеко переходъ до обмановъ, дѣйствительно роющихъ ея характеръ. Очень возможно даже то, что она въ самомъ дѣлѣ станетъ слишкомъ легко смотрѣть на жизнь. А если этого не будетъ, если она останется хороша, то ея сердце будетъ разбито. А между тѣмъ, она все-таки почти ничего не выиграетъ въ будничной опытности, потому что эти отношенія, такія опасныя для ея характера или такія мучительныя для ея сердца, все-таки эффектныя, праздничныя, а не будничныя. Вы видите, что этого никакъ нельзя совѣтовать при нашей жизни.

— Конечно, Катерина Васильевна; но именно потому и дурна ваша жизнь.

— Разумѣется, мы въ этомъ согласны.

Что это такое? Не говоря ужъ о томъ, что это, чортъ знаетъ, что такое со стороны общихъ понятій, но какой смыслъ это имѣло въ личныхъ отношеніяхъ? Мужчина говоритъ: «я сомнѣваюсь, будете ли вы хорошею женою мнѣ». А дѣвушка отвѣчаетъ: «пѣтъ, пожалуйста, сдѣлайте мнѣ предложеніе».— Удивительная наглость! или можетъ быть, это не то? Можетъ быть, мужчина говоритъ: «о томъ, что я съ вами буду счастливъ, нечего мнѣ разсуждать; но будьте осторожны, даже выбирая меня. Вы выбрали, — но я прошу васъ, думайте, думайте еще. Это дѣло слишкомъ важное. Даже и мнѣ, хоть я васъ очень люблю, не довѣряйтесь безъ очень строгаго и внимательнаго разбора». И можетъ быть, дѣвушка отвѣчаетъ: — «другъ мой, я вижу, что вы думаете не о себѣ, а обо мнѣ. Ваша правда, мы

жалкія, насъ обманываютъ, насъ водятъ съ завязанными глазами, чтобы мы обманывались. Но за меня вы не бойтесь: *меня вы не обманываете. Мое счастье вѣрно. Какъ вы спокойны за себя, такъ и я за себя*».

— Я одному удивляюсь, продолжалъ Бьюмонтъ на слѣдующій день (они опять ходили вдоль по комнатамъ, изъ которыхъ въ одной сидѣлъ Полозовъ): — я одному удивляюсь, что при такихъ условіяхъ еще бываютъ счастливые браки.

— Вы говорите такимъ тономъ, будто досаждаете на то, что бываютъ счастливые браки, смѣясь отвѣчала Катерина Васильевна; она теперь, какъ замѣтно, часто смѣется, такимъ тихимъ, но веселымъ смѣхомъ.

— А въ самомъ дѣлѣ, они могутъ наводить на грустные мысли, вотъ какія: если при такихъ ничтожныхъ средствахъ судить о своихъ потребностяхъ и о характерахъ мужчинъ, дѣвушки все-таки довольно часто умѣютъ дѣлать удачный выборъ, то какую же свѣтлость и здравость женскаго ума показываетъ это! Какимъ вѣрнымъ, сильнымъ, проницательнымъ умомъ одарена женщина отъ природы! И этотъ умъ остается безъ пользы для общества, оно отвергаетъ его, оно подавляетъ его, оно задумываетъ его, а исторія человѣчества пошла бы въ десять разъ быстрѣе, если бы этотъ умъ не былъ отвергаемъ и убиваемъ, а дѣйствовалъ бы.

— Вы панегиристъ женщинъ, м-г Бьюмонтъ; нельзя ли объяснять это проще, — случаемъ?

— Случай! сколько хотите случаевъ объясняйте случаемъ; но когда случаи многочисленны, вы знаете, кромѣ случайности, которая производитъ часть ихъ, должна быть и какая нибудь общая причина, отъ которой происходитъ другая часть. Здѣсь нельзя предположить никакой другой общей причины, кромѣ моего объясненія: здравость выбора отъ силы и проницательности ума.

— Вы рѣшительно мистриссъ Бичеръ-Стоу по женскому вопросу, м-г Бьюмонтъ. Та доказываетъ, что негры—самое даровитое изъ всѣхъ племенъ, что они выше бѣлой расы по умственнымъ способностямъ.

— Вы шутите, а я вовсе нѣтъ.

— Вы, кажется, сердитесь на меня за то, что я не преклоняюсь передъ женщиною? Но примите въ извиненіе хотя трудность стать на колѣни передъ самой собою.

— Вы шутите, а я серьезно досаую.

— Но не на меня же? Я нисколько не виновата въ томъ, что женщины и дѣвушки не могутъ дѣлать того, что нужно по вашему мнѣнію. Впрочемъ, если хотите, и я скажу вамъ свое серьезное мнѣніе, — только не о женскомъ вопросѣ, я не хочу быть судьей въ своемъ дѣлѣ, а собственно о васъ, м-г Бьюмонтъ. Вы человекъ очень сдержаннаго характера, и вы горячитесь, когда говорите объ этомъ. Что изъ этого слѣдуетъ? То, что у васъ должны быть какія нибудь личныя отношенія къ этому вопросу. Вѣроятно, вы пострадали отъ какой нибудь ошибки въ выборѣ, сдѣланной дѣвушкою, какъ вы называете, неопытною.

— Можетъ быть, я, можетъ быть, кто нибудь другой, близкій ко мнѣ. Однако, подумайте, Катерина Васильевна. А это я скажу, когда получу отъ васъ отвѣтъ. Я черезъ три дня попрошу у васъ отвѣтъ.

— На вопросъ, который не былъ предложенъ? Но развѣ я такъ мало знаю васъ, чтобы мнѣ нужно было думать три дня? Катерина Васильевна остановилась, положила руку на шею Бьюмонту, нагнула его голову къ себѣ и поцаловала его въ лобъ.

По всѣмъ бывшимъ примѣрамъ, и даже по требованію самой вѣжливости, Бьюмонту слѣдовало бы обнять ее и поцаловать уже въ губы; но онъ не сдѣлалъ этого, а только пожалъ ея руку, опускавшуюся съ его головы. «Такъ, Катерина Васильевна; но все-таки, подумайте». И они опять пошли.

— Но кто жъ вамъ сказалъ, Чарли, что я не думала объ этомъ гораздо больше трехъ дней? отвѣчала она, не выпуская его руки.

— Такъ, конечно, я это видѣлъ; но все-таки, я вамъ скажу теперь, — это уже секретъ; пойдемъ въ ту комнату и сидѣмъ тамъ, чтобъ онъ не слышалъ.

Конецъ этого начала происходилъ, когда они шли мимо старика; старикъ видѣлъ, что они идутъ подъ руку, чего никогда не бывало, и подумалъ:—«просилъ руки, и она дала слово. Хорошо».

— Говорите вашъ секретъ, Чарли; отсюда папа не будетъ слышно.

— Это кажется смѣшно, Катерина Васильевна, что я будто все боюсь за васъ; конечно, бояться нечего. Но вы поймете, почему я такъ предостерегаю васъ, когда я вамъ скажу, что у меня былъ примѣръ. Конечно, вы увидите, что мы съ вами можемъ

жить. Но ея мнѣ было жалъ. Столько страдала, и столько лѣтъ была лишена жизни, какая ей была нужна. Это жалко. Я видѣлъ своими глазами. Гдѣ это было, все равно, положимъ, въ Нью-Йоркѣ, въ Бостонѣ, Филадельфіи, — вы знаете, все равно; она была очень хорошая женщина и считала мужа очень хорошимъ человѣкомъ. Они были чрезвычайно привязаны другъ къ другу. И однако жъ, ей пришлось много страдать. Онъ былъ готовъ отдать голову за малѣйшее увеличеніе ея счастья. И все-таки она не могла быть счастлива съ нимъ. Хорошо, что это такъ кончилось. Но это было тяжело для нея. Вы этого не знали, потому я еще не имѣю вашего отвѣта.

— Я могла отъ кого нибудь слышать этотъ разсказъ?

— Можетъ быть.

— Можетъ быть, отъ нея самой?

— Можетъ быть.

— Я еще не давала тебѣ отвѣта?

— Нѣтъ.

— Ты знаешь его?

— Знаю, сказалъ Бьюмонтъ, и началась обыкновенная сцена, какой слѣдуетъ быть между женихомъ и невѣстою, съ объ-
тїями.

XIX.

На другой день, часа въ три, Катерина Васильевна прїѣхала къ Вѣрѣ Павловнѣ.

— Я вѣнчаюсь послѣ завтра, Вѣра Павловна, сказала она входя: — и нынѣ вечеромъ привезу къ вамъ своего жениха.

— Конечно, Бьюмонта, отъ котораго вы такъ давно сошли съ ума?

— Я? сходила съ ума? Когда все это было такъ тихо и благо-
разумно.

— Очень вѣрю, что съ нимъ вы говорили тихо и благо-
разумно; но со мною—вовсе нѣтъ.

— Будто? это любопытно. Но вотъ что еще любопытнѣе: онъ очень любитъ васъ, васъ обоихъ, но васъ, Вѣра Павловна, еще гораздо больше, чѣмъ Александра Матвѣича.

— Что жъ тутъ любопытнаго? если вы говорили ему обо мнѣ

хоть съ тысячною долею того восторга, какъ мнѣ о немъ, то конечно...

— Вы думаете, онъ знаетъ васъ черезъ меня? Вотъ въ томъ и дѣло, что не черезъ меня, а самъ, и гораздо больше, чѣмъ я.

— Вотъ новость! какъ же это?

— Какъ? Я вамъ сейчасъ скажу. Онъ съ самаго перваго дня, какъ пріѣхалъ въ Петербургъ, очень сильно желалъ увидѣться съ вами; но ему казалось, что лучше будетъ, если онъ отложитъ знакомство до той поры, когда пріѣдетъ къ вамъ не одинъ, а съ невѣстою или женою. Ему казалось, что вамъ пріятнѣе будетъ видѣть его съ нею, нежели одного. Вы видите, что наша свадьба произошла изъ его желанія познакомиться съ вами.

— Жениться на васъ, чтобы познакомиться со мною!

— На мнѣ! кто жъ говорилъ, что на мнѣ онъ женится для васъ? О, нѣтъ, мы съ нимъ вѣнчаемся, конечно, не изъ любви къ вамъ. Но развѣ мы съ нимъ знали другъ о другѣ, что мы существуемъ на свѣтѣ, когда онъ ѣхалъ въ Петербургъ? А если бы онъ не пріѣхалъ, какъ же мы съ нимъ познакомились бы? А въ Петербургъ онъ ѣхалъ для васъ. Какая жъ вы смѣшная!

— Онъ лучше говоритъ по русски, нежели по англійски, говорили вы? съ волненіемъ спросила Вѣра Павловна.

— По русски, какъ я; и по англійски, какъ я.

— Другъ мой, Катенька, какъ же я рада! Вѣра Павловна бросилась обнимать свою гостью. — Саша, иди сюда! Скорѣе, скорѣе!

— Что, Вѣрочка? Здравствуйте, Катерина Ва.....

Онъ не успѣлъ договорить ея имени, — гостя уже цаловала его.

— Нынѣ Пасха, Саша; говори же Катенькѣ: вонистину воскресе.

— Да что жъ это? •

— Садись, она расскажетъ; я и сама еще ничего не знаю порядкомъ. Довольно, нацаловались, — и при мнѣ! Рассказывай, Катенька.

XIX.

Вечеромъ, конечно, было еще больше гвалта. Но когда возстановился порядокъ, Бьюмонтъ, по требованію своихъ новыхъ

знакомыхъ разсказывая свою жизнь, началъ прямо съ прїѣзда въ Соединенные Штаты. «Какъ только я прїѣхалъ, говорилъ онъ, я сталъ заботиться о томъ, чтобы поскорѣе получить натурализацію. Для этого, надобно было сойтись съ кѣмъ нибудь, — съ кѣмъ же? конечно съ аболиціонистами. Я написалъ нѣсколько статей въ Tribune о вліяніи крѣпостнаго права на все общественное устройство Россіи. Это былъ недурной новый аргументъ аболиціонистамъ противъ невольничества въ южныхъ штатахъ, и я сдѣлался гражданиномъ Массачусетса. Вскорѣ по прїѣздѣ, я все черезъ нихъ же, получилъ мѣсто въ конторѣ одного изъ немногихъ большихъ торговыхъ домовъ ихъ партіи въ Нью-Йоркѣ», далѣе шла та самая исторія, которую мы ужъ знаемъ. Значить, по крайней мѣрѣ, эта часть біографіи Бьюмонта не подлежитъ сомнѣнію.

XX.

Въ тотъ же вечеръ условились: обоимъ семействамъ искать квартиру, которыя были бы рядомъ. Въ ожиданіи того, пока удобныя квартиры отыскались и устроились, Бьюмонты прожили на заводѣ, гдѣ, по распоряженію фирмы, была отдѣлана квартира для управляющаго. Это удаленіе за городъ могло считаться соотвѣтствующимъ путешествію, въ которое отправляются молодые по прекрасному англійскому обычаю, распространяющемуся теперь во всей Европѣ.

Когда, мѣсяца черезъ полтора, двѣ удобныя квартиры рядомъ нашлись, и Кирсановы поселились на одной, Бьюмонты на другой, старикъ Полозовъ предпочелъ остаться на заводской квартирѣ, просторъ которой напоминаетъ ему, хотя въ слабой степени, прежнее его величіе. Пріятно было остаться ему тамъ и потому, что онъ тамъ былъ почетнѣйшимъ лицомъ на три, четыре версты кругомъ: нѣтъ числа признакамъ уваженія, которыми онъ пользовался у своихъ и окрестныхъ приказчиковъ, артельщиковъ и прочей подгородной братіи, менѣе высокой и нѣсколько болѣе высокой заводскихъ и фабричныхъ приказчиковъ по положенію въ обществѣ; и почти нѣтъ мѣры удовольствію, съ какимъ онъ патріархально принималъ эти признаки общаго признаванія его первымъ лицомъ того околodka. Зять почти каждый день поутру прїѣзжалъ на заводъ, почти каждый день прїѣз-

жала съ мужемъ дочь. На лѣто, они и вовсе переселились (и переселяются) жить на заводѣ, замѣняющемъ дачу. А въ остальное время года, старикъ, кромѣ того, что принимаетъ по утрамъ дочь и зятя (который такъ и остается сѣверо-американцемъ), часто, каждую недѣлю и чаще, имѣетъ наслажденіе принимать у себя гостей, пріѣзжающихъ на вечеръ съ Катериною Васильевною и ея мужемъ,—иногда только Кирсановыхъ, съ нѣсколькими молодыми людьми,—иногда общество болѣе многочисленное: заводъ служить обыкновенною цѣлью частыхъ загородныхъ прогулокъ Кирсановскаго и Бюмонтскаго кружка. Полозовъ очень доволенъ каждымъ такимъ нашествіемъ гостей, да и какъ же иначе? ему принадлежитъ роль хозяина, не лишенная патриархальной почтенности.

XXI.

Каждое изъ двухъ семействъ живетъ по своему, какъ больше нравится которому. Въ обыкновенные дни, на одной половинѣ больше шума, на другой больше тишины. Видятся какъ родные, иной день и не десять разъ, но каждый разъ на одну, на двѣ минуты; иной день, почти цѣлый день одна изъ половинокъ пуста, ея населеніе на другой половинѣ. Это все какъ случится. И когда бывають сборища гостей, опять тоже какъ случится: иногда двери между квартирами остаются закрыты, потому что двери, соединяющія залъ одной съ гостиною другой, вообще закрыты, а постоянно отперта только дверь между комнатою Вѣры Павловны и Катерины Васильевны,—и такъ, иногда двери, которыми соединяются пріемныя комнаты, остаются закрыты; это, когда компанія не велика. А когда вечеръ многолюденъ, эти двери отворяются, и тогда ужъ гостямъ не извѣстно, у кого они въ гостяхъ, у Вѣры Павловны, или у Катерины Васильевны; да и хозяйки плохо разбирають это. Можно развѣ слѣдять такое различіе: молодежь, когда сидитъ, то сидитъ болѣе на половинѣ Катерины Васильевны, когда не сидитъ, то болѣе на половинѣ Вѣры Павловны. Но вѣдь молодежь нельзя считать за гостей, — это свои люди, и Вѣра Павловна безъ церемоніи гоняетъ ихъ къ Катеринѣ Васильевнѣ: «мнѣ вы надоѣли, господа; ступайте къ Катенькѣ, ей вы никогда не надоѣдите». «И отчего вы съ ней смирише, чѣмъ со мной? Кажется, я постарше». «И не безпокой-

тесъ, мы больше любимъ ее, чѣмъ васъ». «Катенька, за что они больше любятъ тебя, чѣмъ меня?» «Отъ меня меньше достается имъ, чѣмъ отъ тебя». «Да, Катерина Васильевна обращается съ нами, какъ съ людьми солидными, и мы сами за то солидны съ ней». Не дурень былъ эффектъ выдумки, которая повторялась довольно часто въ прошлую зиму въ домашнемъ кругу, когда собиралась только одна молодежь и самые близкіе знакомые: оба рояля съ обѣихъ половинъ сдвигались вмѣстѣ; молодежь бросала жребій и раздѣлялась на два хора, заставляла своихъ покровительницъ сѣсть одну за одинъ, другую за другой рояль, лицомъ одна прямо противъ другой; каждый хоръ становился за своею примадонною, и въ одно время пѣли, Вѣра Павловна съ своимъ хоромъ: «La donna е mobile», а Катерина Васильевна съ своимъ хоромъ «Давно отвергнутый тобою», или, Вѣра Павловна, съ своимъ хоромъ, какую нибудь пѣсню Лизетты изъ Беранже, а Катерина Васильевна, съ своимъ хоромъ, «Пѣсню Еремущкѣ». Въ нынѣшнюю зиму, вошло въ моду другое: бывшія примадонны общими силами передѣляли на свои нравы «Споръ двухъ греческихъ филозофовъ объ изящномъ»; начинается такъ: Катерина Васильевна, возводя глаза къ небу и томно вздыхая, говоритъ: «Божественный Шиллеръ, упоеніе души моея!» Вѣра Павловна съ достоинствомъ возражаетъ: «Но прюяелевые ботинки магазина Королева такъ же прекрасны», — и подвигаетъ впередъ ногу. Кто изъ молодежи засмѣется при этомъ состязаніи, ставится въ уголь; подъ конецъ состязанія, изъ 10, 12 человекъ остаются только двое, трое, слушающіе не изъ уголь. Но непомѣрный восторгъ производится тѣмъ, когда обманомъ приведутъ къ этой сценѣ Бьюмонта и отправляютъ его въ уголь.

Что еще? Швейныя, продолжая сживатьъ, продолжаютъ существовать; ихъ теперь ужъ три; Катерина Васильевна давно устроила свою, теперь много замѣняетъ Вѣру Павловну въ ея швейной, а скоро и вовсе должна будетъ замѣнить, потому что въ нынѣшнемъ году Вѣра Павловна, — простите ее, — дѣйствительно будетъ держать экзаменъ на медика, и тогда ей ужъ все некогда будетъ заниматься швейною. «Жаль, что нѣтъ возможности развиваться этимъ швейнымъ: какъ онѣ стали бы развиваться», говоритъ иногда Вѣра Павловна. Катерина Васильевна ничего не отвѣчаетъ на это, только въ глазахъ ея сверкаетъ злое выраженіе. «Какая ты горячая, Катя; ты хуже меня, го-

верить Вѣра Павловна. А хорошо, что у твоего отца все-таки чтонибудь есть; это очень хорошо». «Да, Вѣрочка, это хорошо; все-таки спокойнѣе за сына», (слѣдовательно, у нея есть сынъ). «Впрочемъ, Катя, ты меня заставила, не знаю, о чемъ думать. Мы проживемъ тихо и спокойно». Катерина Васильевна молчитъ. — «Да, Катя, ну, для меня скажи: да». Катерина Васильевна смѣется. «Это не зависитъ отъ моего «да» или «нѣтъ», а потому, въ удовольствіе тебѣ скажу: да, мы проживемъ спокойно».

И въ самомъ дѣлѣ, они всѣ живутъ спокойно. Живутъ ладно и дружно, и тихо и шумно, и весело и дѣльно. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мой рассказъ о нихъ былъ конченъ, нѣтъ. Они всѣ четверо еще люди молодые, дѣятельные; и если ихъ жизнь устроилась ладно и дружно, хорошо и прочно, то отъ этого она нимало не перестала быть интересною, далеко нѣтъ, и я еще имѣю рассказать о нихъ много, и ручаюсь, что продолженіе моего рассказа о нихъ будетъ гораздо любопытнѣе того, что я рассказывалъ о нихъ до сихъ поръ.

XXII.

Они живутъ весело и дружно, работаютъ и отдыхаютъ, и наслаждаются жизнью, и смотрятъ на будущее, если не безъ заботы, то съ твердою и совершенно основательною увѣренностью, что чѣмъ дальше, тѣмъ лучше будетъ. Такъ прошло у нихъ время третьяго года и прошлаго года, такъ идетъ у нихъ и нынѣшній годъ, и зима нынѣшняго года ужь почти проходила, снѣгъ начиналъ таять, и Вѣра Павловна спрашивала: «да будетъ ли еще хоть одинъ морозный день, чтобы хоть еще разъ устроить зимній пикникъ?» и никто не могъ отвѣчать на ея вопросъ, только день проходилъ за днемъ, все съ оттепелью, и съ каждымъ днемъ вѣроятность зимняго пикника уменьшалась. Но вотъ, наконецъ! когда ужь была потеряна надежда, выпалъ снѣгъ, совершенно зимній, и не съ оттепелью, а съ хорошенькимъ, легкимъ морозомъ; небо свѣтлое, вечеръ будетъ отличный, — пикникъ! пикникъ! на скоро, собирать другихъ некогда, — маленький безъ приглашеній.

Вечеромъ покатались двое саней. Одни сани катились съ боковой и шутками; но другія сани были ужь изъ рукъ вонъ:

только выѣхали за городъ, заѣхав во весь голосъ, и что са-
пѣли!

Выходила молода
За новыя ворота,
За новыя кленовыя,
За рѣшетчатыя:
— «Родной батюшка грозень
«И немилостивъ ко мнѣ:
«Не велить поздно гулять,
«Съ холостымъ парнемъ играть.
«Я не слушаю отца,
«Расвотѣшу молодца»...

Нечего сказать, отыскали пѣсню! Да это ли только? то ѣдутъ шагомъ, отстаютъ на четверть версты, и вдругъ пускаются въ скачъ, обгоняютъ съ крикомъ и гиканьемъ, и когда обгоняютъ, бросаютъ снѣжками въ веселыя, но не буйныя сани. Небуйныя сани, послѣ двухъ, трехъ такихъ обидъ, рѣшились защищаться. Пропустивши впередъ буйныя сани, нахватали сами пригоршни молодого снѣга, осторожно нахватали, такъ что буйныя сани не замѣтили. Вотъ буйныя сани опять поѣхали шагомъ, отста-ли, а те буйныя сани ѣдутъ коварно, не показавши, обгоняя, ни-какого вида, что запаслись оружіемъ; вотъ буйныя сани опять несутся на нихъ съ гвалтомъ и гиканьемъ, небуйныя сани при-готовлялись дать отличный отпоръ сюрпримомъ, но что это? буй-ныя сани берутъ вправо, черезъ канавку, имъ все ни почемъ, — проносятся мимо въ пяти саженьяхъ: «да, это она догадалась, схватила возжи сама, стоитъ и править», говорятъ небуйныя сани: — «кѣтъ, нѣтъ, догонимъ! отмстимъ!» Отчаянная смачка. Догонять или не догонять? — «Догонимъ!» съ восторгомъ гово-рятъ небуйныя сани, — «кѣтъ», съ отчаяніемъ говорятъ они, «догонимъ», съ новымъ восторгомъ. — «Догонять!» съ отчая-ніемъ говорятъ буйныя сани, — «не догонять!» съ восторгомъ го-ворятъ они. — Догонять или не догонять?

На небуйныхъ саняхъ сидѣли Кирсановы и Бюмонты; на буйныхъ четыре человѣка молодежи и одна дама, и отъ нея-то все буйство буйныхъ саней.

— Здравствуйте, mesdames и mesieurs, мы очень, очень ра-

ды снова видѣть васъ, говоритъ она съ площадки заводскаго подъезда: — господа, помогите же дамамъ выйти изъ саней, прибавляетъ она, обращаясь къ своимъ путникамъ.

Скорѣе, скорѣе въ комнаты! морозъ нарумянилъ всѣхъ!

— Здравствуйте, старикашка! да онъ у васъ вовсе еще не старикъ! Катерина Васильевна, что это вы наговорили мнѣ про него, будто онъ старикъ? онъ еще будетъ волочиться за мною. Будете, милый старикашка? говоритъ дама буйныхъ саней.

— Буду, говоритъ Полозовъ, уже очарованный тѣмъ, что она ласково погладила его сѣдые бакенбарды.

— Дѣти, позволяете ему волочиться за мною?

— Позволяемъ, говоритъ одинъ изъ молодежи. — Нѣтъ, нѣтъ! говоритъ трое другихъ.

Но что жъ это дама буйныхъ саней вся въ черномъ? Трауръ это, или капризъ?

— Однако, я устала, говоритъ она и бросается на турецкій диванъ, идущій во всю длину одной стѣны зала. — Дѣти, больше подушекъ! да не мнѣ одной! и другія дамы, я думаю, устали.

— Да, вы и насъ измучили, говоритъ Катерина Васильевна.

— Какъ меня разбила скачка за вами по ухабамъ! говоритъ Вѣра Павловна.

— Хорошо, что до завода оставалась только одна верста! говоритъ Катерина Васильевна.

Объ опускаются на диванъ и подушки въ изнеможеніи.

— Вы недогадливыя! да вы вѣрно мало ѣздили въ-скачь? Вы бы встали, какъ я; тогда ухабы — ничего.

— Даже и мы порядочно устали, говоритъ за себя и за Бьюмонта Кирсановъ. Они садятся подлѣ своихъ женъ. Кирсановъ обнялъ Вѣру Павловну; Бьюмонтъ взялъ руку Катерины Васильевны. Идиллическая картина. Пріятно видѣть счастливые браки. Но по лицу дамы въ траурѣ пробѣжала тѣнь, на одинъ мигъ, такъ что никто не замѣтилъ, кромѣ одного изъ ея молодыхъ спутниковъ; онъ отошелъ къ окну и сталъ всматриваться въ арабски, слегка набросанные морозомъ на стеклѣ.

— Mesdames, ваши исторіи очень любопытны, но я ничего хорошенько не слышала, знаю только, что онѣ и трогательны, и забавны, и кончаются счастливо, я люблю это. А гдѣ жѣ старикашка?

— Онъ халитничаетъ, приготовляетъ закуску; это его всегда занимаетъ, сказала Катерина Васильевна.

— Ну, Богъ съ нимъ въ такомъ случаѣ. Расскажите же, пожалуйста. Только коротко; я люблю, чтобы рассказывали коротко.

— Я буду рассказывать очень коротко, сказала Вѣра Павловна: начинается съ меня; когда дойдетъ очередь до другихъ, пусть они рассказываютъ. Но я предупреждаю васъ, въ концѣ моей исторіи есть секреты.

— Что жъ, тогда мы прогонимъ этихъ господъ. Или, не прогнать ли ихъ теперь же?

— Нѣтъ, теперь они могутъ слушать.

Вѣра Павловна начала свою исторію.

— Ха, ха, ха! Эта милая Жюли! Я ее очень люблю! И бросается на кофѣю, и бранится, и держитъ себя безъ всякаго приличія! Милая!

— Bravo, Вѣра Павловна! «брошусь въ окно!» bravo, господа! дама въ траурѣ захлопала въ ладоши. По этой командѣ, молодежь оглушительно зааплодировала и закричала «bravo» и «ура».

— Что съ вами? Что съ вами? съ испугомъ сказала Катерина Васильевна черезъ двѣ, три минуты.

— Нѣтъ, ничего, это такъ; дайте воды, не беспокойтесь, Мосоловъ ужъ несетъ. Благодарю, Мосоловъ; она взяла воду, принесенную тѣмъ молодымъ ея спутникомъ, который прежде отходилъ къ окну:—видите, какъ я его выучила, все впередъ знаетъ. Теперь совершенно прошло. Продолжайте, пожалуйста; я слушаю.

— Нѣтъ, я устала, сказала она минутъ черезъ пять, спокойно вставая съ дивана. — Мнѣ надобно отдохнуть, уснуть часъ, полтора. Видите, я безъ церемоніи, ухожу. Пойдемъ же, Мосоловъ, искать старикашку, онъ насъ уложитъ.

— Позвольте, отчего жъ мнѣ не заняться этимъ? сказала Катерина Васильевна.

— Стоитъ ли беспокоиться?

— Вы насъ покидаете? — сказалъ одинъ изъ молодежи, принимая трагическую позу:—если бы мы предвидѣли это, мы взяли бы съ собою книжалы. А теперь намъ нечѣмъ расколотся.

— Подадутъ закуску, заколемся вилками! съ восторгомъ неожиданнаго спасенія произнесъ другой.

— О, вѣтъ, я не хочу, чтобы преждевременно погибала надежда отечества, съ такою же торжественностью произнесла дама въ траурѣ:—утѣшьте, дѣти мои. Мосоловъ, подушку, которая поменьше, на столъ! Мосоловъ положилъ подушку на столъ. Дама въ траурѣ стала у стола въ величественной позѣ и медленно опустила руку на подушку.

Молодежь приложилась къ рукѣ.

Катерина Васильевна пошла укладывать уставшую гостью.

— Бѣдная! проговорили въ одинъ голосъ, когда онѣ ушли изъ зала, всѣ трое остальные, бывшіе въ небуйныхъ саняхъ.

— Молодецъ она! проговорили трое молодыхъ людей.

— То-то жъ! самодовольно сказалъ Мосоловъ.

— Ты давно съ нею знакомъ?

— Года три.

— А его хорошо знаешь?

— Хорошо. Вы не безпокойтесь, пожалуйста, прибавилъ онъ, обращаясь къ вѣхавшимъ на небуйныхъ саняхъ:—это только отъ того, что она устала.

Вѣра Павловна сомнительно переглянулась съ мужемъ и Бьюнментомъ и покачала головой.

— Рассказывайте! устала! сказала Кирсановъ.

— Утѣряю васъ. Устала, толькокъ Уснуть, и все пройдетъ, равнодушно-успокоительнымъ тономъ повторилъ Мосоловъ.

Минуть черезъ десять Катерина Васильевна возвратилась.

— Что? спросили шесть голосовъ. Мосоловъ не спрашивалъ.

— Легла спать и ужъ задремала, теперь, вѣроятно, уже спитъ.

— Вѣдь я жъ вамъ говорилъ, сказалъ Мосоловъ. — Пустяки.

— Все-таки бѣдная! сказала Катерина Васильевна. — Будемъ при ней врознь. Мы съ тобою, Вѣрочка, а Чарли съ Сашею.

— Но все-таки это нисколько не должно стѣснять насъ, сказалъ Мосоловъ: — мы можемъ пѣть, танцовать, кричать; она спитъ очень крѣпко.

Если спитъ, если пустяки, то что жъ, въ самомъ дѣлѣ? Разстраивающее впечатлѣніе, на четверть часа произведенное дамою въ траурѣ, прошло, исчезло, забылось, — не совсѣмъ, но почти. Вечеръ безъ нея по-немножку направлялся, направлялся

на путь всѣхъ прежнихъ вечеровъ въ этомъ родѣ и вовсе направился, пошелъ весело.

Весело, но не вдоволь. По крайней мѣрѣ, дамы разъ пять, шесть переглядывались между собою съ тяжелою встревоженностью. Раза два Вѣра Павловна украдкою шепнула мужу: «Саша, что, если это случится со мною?» Кирсановъ въ первый разъ не нашелся, что сказать; во второй нашелся: «Нѣтъ, Вѣрочка, съ тобою этого не можетъ случиться». — «Не можетъ? Ты увѣренъ?» — «Да». И Катерина Васильевна раза два шепнула украдкою мужу: «со мной этого не можетъ быть, Чарли?» Въ первый разъ Бюмонтъ только улыбнулся, не весело и не успокоительно; во второй тоже нашелся: «по всей вѣроятности, не можетъ; по всей вѣроятности».

Но это были только мимолетные отголоски, да и то лишь сначала. А вообще, вечеръ шелъ весело, черезъ полчаса ужъ и вовсе весело. Болтали, играли, пѣли. Она спитъ крѣпко, увѣряетъ Мосоловъ и подаетъ примѣръ. Да и нельзя помѣшать, въ самомъ дѣлѣ: комната, въ которой она улеглась, очень далеко отъ зала, черезъ три комнаты, корридоръ, лѣстницу и потомъ опять комнату, на совершенно другой половинѣ квартиры.

И такъ, вечеръ совершенно поправился.

Молодежь, по обыкновенію, то присоединилась къ остальнымъ, то отдѣлялась, то вся, то не вся; раза два отдѣлялся къ ней Бюмонтъ; раза два отбивала ее всю отъ него и отъ серьезнаго разговора Вѣра Павловна.

Болтали много, очень много; и разсуждали всей компаніею, но не очень много.

Сидѣли всѣ вмѣстѣ.

— Ну, что жъ однако въ результатѣ: хорошо или дурно? спросилъ тотъ изъ молодежи, который принималъ трагическую позу.

— Болѣе дурно, чѣмъ хорошо, сказала Вѣра Павловна.

— Почему жъ, Вѣрочка? сказала Катерина Васильевна.

— Во всякомъ случаѣ, безъ этого жизнь не обходится, сказалъ Бюмонтъ.

— Вещь необходимая, подтвердилъ Кирсановъ.

— Отлично дурно, следовательно отлично, рѣшилъ спрашивавшій.

Остальные трое его товарищей кинули головами и сказали: «браво, Никитинъ».

Молодежь сидѣла въ сторонѣ.

— Я его не зналъ, Никитинъ; а ты, кажется, зналъ? спросила Мосоловъ.

— Я тогда былъ мальчишкою. Видалъ.

— А какъ теперь тебѣ кажется, по воспоминашью, правду они говорятъ? не прикрашиваютъ по дружбѣ?

— Нѣтъ.

— И послѣ того, его не видѣли?

— Нѣтъ. Впрочемъ, вѣдь Бьюмонтъ тогда былъ въ Америкѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Карлъ Яковичъ, пожалуйста, на минуту. Вы не встрѣчались въ Америкѣ съ тѣмъ русскимъ, о которомъ они говорили?

— Нѣтъ.

— Пора бы ему вернуться.

— Да.

— Какая фантазія пришла мнѣ въ голову, сказалъ Никитинъ: — вотъ бы пара съ нею.

— Господа, идите кто нибудь вѣтъ со мною, сказала Вѣра Павловна: — даже двое охотниковъ? Тѣмъ лучше.

Остались Мосоловъ и Никитинъ.

— Я тебѣ могу показать любопытную вещь, Никитинъ, сказалъ Мосоловъ. — Какъ ты думаешь, она спитъ?

— Нѣтъ.

— Только не говори. Ей можешь потомъ сказать, когда познакомишься побольше. Другимъ — никому. Она не любитъ.

Окна квартиры были низко.

— Вотъ, конечно, это окно, гдѣ огонь? Мосоловъ посмотрѣлъ. — Оно. Видишь?

Дама въ траурѣ сидѣла пододвинувъ кресла къ столу. Лѣвою рукою она облокотилась на столъ; кисть руки поддерживала нѣсколько наклоненную голову, закрывая високъ и часть волосъ. Правая рука лежала на столѣ, и пальцы ея приподымались и опускались машинально, будто наигрывая какой-то мотивъ. Лице дамы имѣло неподвижное выраженіе задумчивости, печальней, но больше суровой. Брови слегка сдвигались и раздвигались, сдвигались и раздвигались.

— И все время такъ, Месоловъ?

— Видишь. Однако иди, а то простудимся. И: то ужъ четверть часа стоимъ.

— Какой ты безчувственный! сказалъ Никитина, пристально посмотрѣвъ на глаза товарища, когда проходили мимо ревербера черезъ переднюю.

— Причувствовался, братецъ. Это тебѣ въ верной.

Подавали закуску.

— А славная должна быть водка, сказала Никитица. — да какая же крѣпкая! Духъ захватываетъ!

— Эхъ, дѣвчонка! и глаза покраснѣли! сказалъ Месоловъ.

Всѣ принялись стыдить Никитина. «Это только отъ того, что я померхнулся, а то я могу пить», оправдывался онъ. Стали оправдываться, сколько часовъ. Только еще одиннадцать, съ полчаса можно еще поболтать, успѣемъ.

Черезъ полчаса Катерина Васильевна пошла будить даму въ трауръ. Дама встрѣтила ее на порогѣ, потягиваясь послѣ сна.

— Хорошо вздремнули?

— Отлично.

— И какъ чувствуете себя?

— Превосходно. Я жъ вамъ говорила, что пустяки: устала, потому что много дурачилась. Теперь буду солиднѣе.

Но нѣтъ, не удалось ей быть солидною. Черезъ пять минутъ она ужъ очаровывала Полозова и командовала молодежью, и барабанила маршъ или что-то въ этомъ родѣ черенками двухъ вилокъ по столу. Но торопила ѣхать, а другіе, которымъ ужъ стало вовсе весело отъ ея возобновлявшагося буйства, не спѣшили.

— Готовы лошади? спросила она, вставая изъ-за закуски.

— Нѣтъ еще, только велѣли запрягать.

— Несносные! Но если такъ, Вѣра Павловна, сойдите мнѣ чтонибудь: мнѣ говорили, у васъ хорошій голосъ.

Вѣра Павловна пропѣла что-то.

— Я васъ буду часто просить пѣть, сказала дама тѣмъ траурѣмъ.

— Теперь вы, теперь вы! пристали къ ней всѣ.

Но не успѣли привѣтать, какъ она уже сѣла за рояль.

— Пожалуй, только вѣдь я не умѣю пѣть, но это мнѣ не остановка, мнѣ ничто не остановка! но, mesdames и messieurs, я пишу вовсе не для васъ, я пишу только для дѣтей. Дѣти жон; не смѣйтесь надъ матерью! — а сама брала аккорды, подбирая ак-

комплименты — дѣти, не смѣть смѣяться, потому что я буду пѣть съ чувствомъ. И стараясь выводить ноты какъ можно вышлѣе, она запѣла:

Стонетъ сизый...

Молодежь фыркнула при такой неожиданности, и остальная компарія засмѣялась, и сама пѣвица не удержалась отъ взрыва смѣха, но подавивъ его, съ удвоенною вышлѣестью продолжала:

..... голубочекъ

Стонетъ онъ и день и ночь:

Его миленькій дружо...

но на этомъ словѣ голосъ ея въ самомъ дѣлѣ задрожалъ и оборвался. «Не выходить — и прекрасно, что не выходить, это не должно выходить — выйдеть другое, получше; слушайте, дѣти мои, наставленіе матери: не влюбляйтесь, и знайте, что вы не должны жениться». Она запѣла сильнѣе, желаямъ контрастно:

Много красавицъ въ аулахъ у насъ,
Звѣзды сіяютъ во мракѣ ихъ глазъ;
Сладко любить ихъ — завидная доля!
Но, —

это «но» глупо, дѣти, —

Но веселѣй молодецкая воля,

не въ томъ возраженіе, — это возраженіе глупо, — но вы знаете, почему:

Не женися, молодець!

Слушайся меня!

Дальше, дѣти, глупость; и это, пожалуй, глупость: можно, дѣти, и влюбляться можно, и жениться можно, только съ разборомъ, и безъ обмана, безъ обмана, дѣти. Я вамъ спою про себя, какъ я выходила замужъ, романсъ старый, но вѣдь и я старуха. Я сижу на балконѣ, въ нашемъ замкѣ Дальтонѣ, вѣдь я шотландка, такая бѣленькая, бѣлокурая; подлѣ лѣсъ и рѣка, Брингалъ; къ балкону, кокетно, тайномъ, подходитъ мой же-

нихъ; онъ бѣдный, а я богатая, дочь барона; жорда; но я его очень люблю, и я ему пою:

Красивъ Брингала брегъ крутой
И зеленъ лѣсъ кругомъ;
Мнѣ съ другомъ тамъ пріютъ дневной

потому что я знаю, днемъ онъ прячется, и каждый день мѣняетъ свой пріютъ, —

Милѣй, чѣмъ отчій домъ;

впрочемъ, отчій-то домъ былъ не слишкомъ милъ и въ самомъ дѣлѣ. Такъ я пою ему: я уйду съ тобою. Какъ вы думаете, что онъ мнѣ отвѣчаетъ?

«Ты хочешь, дѣва, быть моей,
Забуть свой родъ и санъ,

потому что вѣдь я знатная, —

Но прежде отгадать съумѣй,
Какой мнѣ жребій данъ.

Ты охотникъ? говорю я. «Нѣтъ». — Ты браконьеръ? — «Почти угадала», говоритъ онъ, —

Какъ мы сберемся, дѣти тьмы,

потому что вѣдь мы съ вами, дѣти, mesdames и messieurs, очень дурные люди, —

То должно намъ, повѣрь,
Забуть, кто прежде были мы,
Забуть, кто мы теперь.

Поетъ онъ. — Давно отгадала, говорю я: — ты разбойникъ; что жъ, это правда, онъ разбойникъ, — да? онъ разбойникъ. Что жъ отвѣчаетъ онъ, господа? «видишь, говоритъ, я плохой женихъ тебѣ:

О дѣва, другъ недобрый я;
Глухихъ дѣсовъ жалею;

совершенная правда, и глухих лѣсовъ, потому, говорить, не ходи со мною,

Опасна будетъ жизнь моя,

потому что вѣдь въ глухихъ лѣсахъ звѣри, —

Печалень мой конецъ, —

это не правда, дѣти, не будетъ печалень, но тогда я думала, и онъ думалъ; но все-таки я отвѣчаю свое:

Красивъ Бриггана брегъ кругой
И зеленъ лѣсъ кругомъ;
Мнѣ съ другомъ тамъ пріютъ дневной
Милѣи, чѣмъ отчій домъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, такъ было. Значить, мнѣ и нельзя жалѣть: мнѣ было сказано, на что я иду. Такъ можно жениться и любить, дѣти: безъ обмана; и умѣйте выбирать:

Мѣсяцъ встаетъ
И тихъ и спокоенъ;
А юноша—воинъ
На битву идетъ.
Ружье заряжаетъ джигитъ;
И дѣва ему говоритъ:
«Мой милый, смѣлѣе
Вѣрайся ты року!» —

въ такихъ можно влюбляться, на такихъ можно жениться,

(«— Забудь, что я тебѣ говорила, Саша, слушай ее!—шепчетъ одна и жметъ руку. «Зачѣмъ я не говорила тебѣ этого? теперь буду говорить», шепчетъ другая).

— такихъ любить разрѣшаю и благословляю, дѣти:

Мой милый, смѣлѣе
Вѣрайся ты року!

совсѣмъ развеселилась я съ вами, — а гдѣ веселье, тамъ надобно пить,

Гей, шинкаричка моя
Насыпь меду й вина, —

медь только потому, что изъ пѣсни слова не слышались; — цинк-панское осталось? да? — отлично! — откупоривайте.

Гей, шинкарочка моя,
Насыпь меду й вина,
Та щобъ моя головонька
Веселонька буда!

кто шинкарка? я шинкарка:

А у шинкарки черны бривки,
Кованы подпильки!

она вскочила, мровела рукой по бровямъ и притопнула каблук-ками, —

— Налила, готово! — mesdames и messieurs, и старикашка, и дѣти, — берите, щобъ головоньки веселоньки були!

— За шинкарку! за шинкарку!

— Благодарю! пью свое здорovie, и она опять была за роялемъ и пѣла:

Да разлетится горе въ прахъ!

и разлетится, —

И въ обновленные сердца
Да снидетъ радость безъ конца, —

такъ и будетъ, — это видно:

Черный страхъ бѣжить какъ тѣнь
Отъ лучей, несущихъ день;
Свѣтъ, тепло и ароматъ
Быстро гонять тьму и хладъ;
Запахъ тлѣнья все слабѣй,
Запахъ розы все слышнѣй...

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ПЕРЕМѢНА ДЕКОРАЦІЙ.

— Въ Пассажъ! сказала дама въ траурѣ, только теперь она была уже не въ траурѣ: яркое розовое платье, розовая шляпа,

бѣлая мантилья, въ рукѣ букетъ. Бѣхала она не одна съ Мосоловымъ; Мосоловъ съ Никитинымъ сидѣли на передней лавочкѣ коляски, на козлахъ торчалъ еще третій юноша; а рядомъ съ дамою сидѣлъ мужчина лѣтъ тридцати. Сколько лѣтъ было дамѣ? неужели 25, какъ она говорила, а не 20? Но это дѣло ея совѣсти, если прибавляетъ.

— Да, мой милый, я два года ждала этого дня, больше двухъ лѣтъ; въ то время, какъ познакомилась вотъ съ нимъ (она указала глазами на Никитина), я еще только предчувствовала, но нельзя сказать, чтобы ждала; тогда была еще только надежда, но скоро явилась и увѣренность.

— Позвольте, позвольте! говоритъ читатель, — и не одинъ проникательный, а всякій читатель, приходя въ ошеломленіе по мѣрѣ того, какъ соображаетъ: — слишкомъ черевъ два года послѣ того, какъ познакомилась съ Никитинымъ?

— Такъ, отвѣчаю я.

— Да вѣдь она познакомилась съ Никитинымъ тогда же, какъ съ Кирсановыми и Бьюмонтами, на этомъ пикникѣ, бывшемъ въ концѣ нынѣшней зимы?

— Совершенная правда, отвѣчаю я.

— Такъ что жъ это такое? вы начинаете рассказывать о 1865 годѣ?

— Такъ.

— Да можно ли это, помилуйте!

— Почему жъ нельзя, если я знаю?

— Полноте, кто же станетъ васъ слушать!

— Неужели вамъ не угодно?

— За кого вы меня принимаете?—Конечно, нѣтъ.

— Если вамъ теперь не угодно слушать, я, разумѣется, долженъ отложить продолженіе моего разсказа до того времени, когда вамъ угодно будетъ его слушать. Надѣюсь дождаться этого довольно скоро.

4 апрѣля 1863.

Н. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

ЗАГАДКА.

Ночь; сердито ходятъ волны;
Въ морѣ дуетъ вѣтеръ крѣпкій,
Море пѣвится и чолны
Раскидало, точно щепки.

Кто-то сумрачный подходитъ,
Какъ скала между скалами,
Сталь у моря и заводитъ
Разговоръ съ его волнами:

«Разрѣши мнѣ тайну, море,
Тайну столькохъ поколѣній,
Всѣхъ головъ премудрыхъ горе,
Узелъ гордіевъ сомнѣній:

«Разрѣши мнѣ, что такое
Блещетъ, искрится надъ нами,
Тамъ, гдѣ небо голубое,
Съ лучезарными звѣздами?»

«Разрѣши, зачѣмъ, откуда
Я, рожденный на мгновенье?
И куда пойду отсюда?
И отколъ мое сомнѣнье?»

Волны ходятъ, съ вѣтромъ спора;
Въ мракъ и ночь земля одѣта,
А чудакъ стоитъ у моря,
Дожидаяся отвѣта...

Н. ВЕРГЪ.

ОЧЕРКИ СТАРИННАГО БЫТА ПОЛЬШИ.

I.

ОХОТА НА ВЕНЯ.

Длинной и широкой полосой тянулись въ былое время за лѣвѣмъ берегомъ Вислы къ подножьямъ Карпатовъ Придольскіе лѣса. Прорѣдѣли они потомъ, но все же и теперь еще представляютъ мѣстами густую, а иногда и непроходимую чащу. Мало въ глубинѣ этой чащи просторныхъ тропинокъ, только въ недалекомъ разстояніи отъ опушки лѣса извиваются онѣ какъ змѣйки, то перекрещиваясь, то расходясь во всѣ стороны, то теряясь въ густой травѣ и плотной поросли, то исчезая на выхолзшихъ изъ земли и обнаженныхъ корняхъ вѣковыхъ дубовъ и сосенъ. Пуста и безмолвна эта лѣсная глубь, изрѣдка развѣ заберется въ нее окольный крестьянинъ для покоса хворостомъ, да промелькнетъ среди зелени и древесныхъ стволовъ охотникъ, отыскивая лося или берлогу залегшаго вблизи медвѣдя.

Если бы иной мечтатель захотѣлъ лѣтнею порою побродить въ этихъ лѣсахъ, то, навѣрно, ихъ тишина, ихъ свѣжесть и живописная изъ прелесть навѣла бы на него поэтическія думы и чудныя грезы; но не легко бы выбрался онъ изъ чащи на какую нибудь поляну, долге бы пришлось ему кружиться на одномъ и томъ же мѣстѣ; и не разъ попадался бы онъ въ такую труппобу, въ которой, быть можетъ, до него никогда еще не ступала нога человѣка.

Въ ночь шибѣтъ, среди этихъ вѣковыхъ лѣсовъ, медленно струя-

щійся ручей неожиданно пересѣкаетъ и безъ того уже трудно проходиму тропинку. За ручьемъ на большомъ пространствѣ тянется вязкая топь, а между тѣмъ нѣтъ ни мостика, ни жердочки; идти дальше нельзя; а по свѣже-содранной корѣ съ близъ-стоящаго дерева видно, что еще очень недавно посѣтилъ это затишь медвѣдь, котораго, чего добраго, снова заманить сюда чутье лакомой добычи.

Невольно, въ тяжеломъ раздумьи останавливается здѣсь прохожій и дрожащимъ голосомъ шепчетъ усердную молитву, а вечерняя заря быстро гаснетъ на верхушкахъ деревьевъ и подходящіе украдкой сумерки наполняютъ лѣсъ сгущающеюся мглою. И вотъ въ памяти одинокаго прохожаго оживаютъ всѣ страшныя преданія и всѣ суевѣрные рассказы объ этомъ таинственномъ борѣ. Счастливы онъ, если засвѣтло успѣетъ напасть на слѣды человѣка, который проходилъ прежде него въ этой пущѣ и былъ такъ остороженъ, что, войдя въ нее, дѣлалъ топоромъ зарубки на деревьяхъ, чтобы потомъ съ помощью этихъ мѣтокъ, выбраться изъ незнакомой дебри.

Изрѣдка небольшая поляна пересѣкаетъ сплошную гущу лѣса. Пустынно, но вмѣстѣ съ тѣмъ весело разстилается эта поляна зеленымъ ковромъ, испещреннымъ дикими цвѣтами. И почему-то становится жаль помять ногою эту густую, высокую траву и эти простенькіе цвѣты, выросшіе въ такомъ привольѣ. Иногда на этой полянѣ видѣется хата пасѣчника съ нѣсколькими десятками ульевъ, и тогда тишина нарушается жужжаньемъ пчелъ, которое, долетая до слуха прохожаго, кажется ему то гуломъ неопредѣленныхъ, далекихъ звуковъ, то людскимъ безпокойнымъ говоромъ.

Старый пасѣчникъ давнымъ давно поселился въ этой глуши и полюбилъ ее такъ сильно, что не промѣнилъ бы ея ни на блестящую Варшаву, ни на шумные города Польши, ни на суетливый ея мѣстечки, въ которыхъ, съ утра до поздней ночи, шумятъ и колотятся евреи.

Но смотря на уединенную жизнь пасѣчника, его хорошо знаютъ всѣ окольные крестьяне; онъ слыветъ у нихъ за знахаря; и дѣйствительно, старику извѣстны и вредныя, и цѣлебныя силы лѣсныхъ травъ и кореньевъ; онъ заговариваетъ ужаленныхъ змѣдами; онъ умѣетъ за нѣсколько дней угадать погоду и ненастье; онъ лечитъ всѣхъ и cadaго отъ разныхъ тѣлесныхъ недуговъ, а молодцы и отъ сердечныхъ зазнобъ. Старикъ твердо знаетъ всѣ извилистыя тропинки лѣса и, какъ носится молва, можетъ показать тѣ мѣста, гдѣ зарыты богатые клады. Но старикъ пасѣчникъ не говоритъ отъ него ничего не добьешься.

Въ прорѣдахъ лѣса видѣется иногда приземистый человекъ, который, кажется, служитъ скорѣе приютомъ дикому звѣрю, нежели

убѣжищемъ челоуѣку. Въ этомъ жадкомъ палатѣ поселился на лѣтнюю пору забредшій откуда-то еврей; онъ жжетъ уголья и гонитъ смолу, онъ трудится безъ устали день и ночь, но недоувѣрчивая молва отзывалась о немъ по своему: одни рассказываютъ, что будто бы этого исхудалый бѣднякъ оберегаетъ неимѣнную сокровища, запрятанные въ лѣсу, давнымъ-давно, когда на польскомъ престолѣ сидѣла Ядвига съ Ягелло. Другіе говорятъ, что онъ, забравшись въ дремуній лѣсъ, поддѣлываетъ монету. Бѣднякъ знаетъ недобрую молву; онъ и самъ, какъ кажется, недоувѣряетъ никому и съ трусливымъ безпокойствомъ оглядываетъ тѣхъ, которые проходятъ мимо его палатки.

Зимю снѣгъ заноситъ и лѣсныя тропинки, и поляны; тяжелыми хлопьями ложится онъ на расквашенныя вѣтви сосенъ. Въ эту пору, чарующая лѣтняя прелесть лѣса замѣняется печальною солидностью; здѣсь нѣтъ уже душистой свѣжести, здѣсь не слышно веселаго щебетанья птицъ, и не носятся рои игривыхъ мошекъ; все пришло, все мертво, и только иногда на бѣлой целинѣ снѣга виднѣются слѣды пробѣжавшаго волка.

Эти дремучіе, пустынные лѣса служили не разъ убѣжищемъ для окрестныхъ жителей, когда военная гроза гремѣла надъ Польшею...

Недалекъ отъ этихъ лѣсовъ, лѣтъ полтораста тому назадъ, стоялъ на пригоркѣ пыльный замокъ воеводы Ильговскаго. Много видѣлъ на своемъ вѣку панъ Ильговскій, много повоевалъ онъ и побывалъ въ разныхъ земляхъ и потомъ на старости лѣтъ пріѣхалъ отдохнуть къ своимъ наследственнымъ замкѣ, и любимой его забавой была охота въ сосѣднихъ, дремучихъ пушахъ.

Воевода былъ вдовъ и приближался къ могилѣ съ печальною мыслию, что со смертью его угаснетъ родъ Ильговскихъ, такъ честно и доблестно служившій отчизнѣ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ.

Наступала осень, а съ нею подхлонулъ и день св. Андрея, именнина пана воеводы; набожный и богатый Ильговскій всегда съ большою торжественностію праздновалъ день своего патрона, а на этотъ разъ ему почему-то хотѣлось отпраздновать свой именины съ большою пышностію, нежданъ въ прежніе годы. Къ этому дню въ замокъ воеводы должно было съѣзжаться множество гостей изъ близкихъ и дальнихъ сторонъ; для нихъ приготовлялись всевозможные запасы въ неимѣнномъ количествѣ. Не говоря уже объ огромныхъ бочкахъ прадѣдовскаго венгерскаго вина и стохѣтыяго меда, въ замкѣ воеводы, для угощенія пріѣзжихъ, было назначено: полсотни воловъ, стадо барановъ, двадцать осей, десять ведрей и безчисленное количество зайцевъ и рыбъ. Еще за три недѣли до съѣзда гостей, всѣ окрестныя мальчицы принялись махать крыльями и шумѣть колесами,

заготовляла муку, а изъ близкихъ прудовъ и дальнихъ озеръ таскали безпрестанно невода, наполненные множествомъ разныхъ рыбъ. Огромныя залы замка, оставшіяся обыкновенно запертыми въ теченіи цѣлаго года, были теперь отворены, и многочисленная прислуга хлопотливо сметала пыль, покрывавшую стѣны этихъ залъ и напышную толстымъ слоемъ на богатое ихъ убранство, а также устанавлила въ столовой бѣчии съ серебряными и даже золотыми обручами, наполненныя дорогимъ венгерскимъ. Кравчій воеводы, занимавшійся разстаповкою бочекъ, особенно заботился о томъ, чтобы онѣ были разбиты по старинному лѣтъ налитаго въ нихъ вина.

За нѣсколько дней до св. Андрея потянулись къ замку со всѣхъ сторонъ щегольскія колымаги и простыя тележки, наполненныя родственниками, друзьями и знакомыми Ильговскаго. Число гостей не могло затруднить воеводу, богатія помѣстья котораго раскидывались безъ перерыва въ длину почти на тридцать и въ ширину слишкомъ на двадцать миль, и у котораго въ подвалѣ замка, за желѣзными дверями и крѣпкими запорами, стояли боченки серебра и золота.

Воевода, какъ мы сказали, былъ бездѣтенъ, и потому множество близкихъ и дальнихъ родныхъ, и съ отцовскою, и съ материнскою, и даже съ женной стороны, съ нетерпѣніемъ выжидало кому-то онъ откажетъ свое громадное богатство. Всѣ родственники непрерывно одинъ передъ другимъ увивались около старика, и каждый изъ нихъ, рассчитывая быть единственнымъ наследникомъ, не безъ злобы осматривалъ на своихъ соперниковъ.

Но кромѣ родственниковъ, панъ воевода былъ окруженъ еще толпою чужой ему молодежи изъ шляхты; не одного уже голыш-шляхтича вывелъ онъ въ люди или надѣлилъ достаткомъ, за то, что тотъ служилъ ему вѣрой и правдой и отличался удачею и отвагой. Но никто однако изъ всей молодежи, жившей въ землѣ богатаго пана, не пользовался въ такой степени его любовью, какъ пользовался ею панъ Яцекъ Илинничъ, статный и красивый юноша. Для чего было пустяки — вскочить на степного, неукротимаго скакуна, и черезъ нѣсколько времени обратитъ его въ трусливаго барана; не стоило ему большого усилія вышибитъ изъ сѣдла однимъ ударомъ своего противника; онъ считалъ забавою встрѣчу съ неприятелемъ върое сильнѣйшимъ. Но не одной только удачею отличался панъ Яцекъ, онъ и въ мазурѣ былъ первый, и всѣ заглядывались на него, когда онъ пускался въ плясъ, подхвативъ пригожую паненку.

Старикъ Илинничъ владелъ въ соседствѣ съ воеводою небольшою наследственною деревней. Когда Яцекъ подростъ, Илинничъ привелъ сына въ замокъ Ильговскаго и, поклонившись старостѣ, сказалъ:

— Отдаю вашей вельможной милости моего сына, онъ у меня

однѣ только и есть. Малый онъ расторопный и не заставитъ краснѣть за себя своего отца; но и человекъ небогатый, такъ пусть мой сынъ послужитъ несомнѣнному пану и научится въ его домѣ, какъ быть угоднымъ Господу Богу и людямъ.

Молодой Илличъ исполнилъ волю отца. Онъ вѣрно служилъ своему покровителю, и панъ воевода полюбилъ его, какъ сына; окольная молодежь совнала превосходство Иллича и льнула къ нему со всѣхъ сторонъ, а старики, посматривая на Яцка, нередко говаривали между собою: что если бы такихъ молодцовъ было у насъ побольше. Дѣвушкамъ крѣпко нравился Яцекъ и, бывало, только лишь онъ замолвить съ одной изъ нихъ словечко или ловко прислужится, какъ она вся зардѣетъ и сама не знаетъ, что и какъ отвѣчать ему.

Только родственники воеводы косо посматривали на его любимца и, Бога вѣсть, что толковали о немъ за-глаза; но когда онъ вѣжливо обходился съ ними, не хвастаясь передъ ними особеннымъ расположеніемъ къ себѣ магната, то и они смягчались, спрашивая самихъ себя: да за что намъ сердиться на этого молодого человекъ? И только мысль о томъ, что Илличъ можетъ быть ихъ соперникомъ по наследству, снова заставляла ихъ хмурить лбы и почесывать затылки.

Старикъ Ильговскій до такой степени привязался къ молодому Илличу, что при немъ одномъ веселился, смѣялся и шутилъ, а безъ него большею частью былъ ворчливъ и пасмуренъ. Иной, пожалуй, на мѣстѣ Иллича, пользовалъ такимъ удобнымъ случаемъ, поворотилъ бы, — какъ говорятъ поляки, — воду къ своей мельницѣ; но не такого десятка былъ Яцекъ. У него было одно желаніе — угодить своему покровителю, да полюбить отъ всей души какую нибудь хорошенькую сосѣдку, жениться на ней, векормить дѣтокъ, пожить, сколько приведетъ Господь Богъ, и потомъ уехать съ миромъ на родномъ кладбищѣ, подъ высокимъ крестомъ и тѣпистой осокорью.

Изъ числа гостей, прежде всѣхъ прѣѣхавшихъ на именины воеводы и желавшихъ ранняго прѣѣдомъ выразить ему особенное уваженіе, были два брата каштелянича (*), Прышковскіе, и Янъ Кмита, сынъ воеводы. Всѣ они приходились Ильговскому не слишкомъ далекими родственниками. Они-то, какъ ходила молва въ окологдѣ, и старались больше всѣхъ о томъ, какъ бы каждому изъ нихъ захватить въ одиночку все богатство Ильговскаго или, по крайней мѣрѣ, только между собою подѣлать послѣ него наследство, отстранивъ прочихъ

(*) Дѣти каштеляна. Каштеляны въ эту эпоху были сенаторами, и въ военное время начальствовали надъ ополченіемъ известнаго участка.

сенерниковъ. Впрочемъ, не объ одномъ этомъ думалъ Янъ Кмита; онъ рассчитывалъ и на то еще, что ему удастся поправиться восьмнадцатилѣтней черношкой Вандѣ, дочери и богатой наследницѣ подкоморія (*) Дембинскаго, одного изъ ближайшихъ сосѣдей воеводы.

— Не долго ждать, думалъ Кмита:—по всей вѣроятности, воевода скоро отприветитъ на тотъ свѣтъ... Я сдѣлаюсь богатымъ цаномъ, посватанъ къ Вандѣ, а Илиничу скажу, безъ дальнихъ околичностей: подалее отсюда, любезный, ищи себѣ невѣсты попроще; а на магнатскую дочь не заглядывайся!...

Ярко и безоблачно гадилось солнце, обливая золотисто-багрянымъ свѣтомъ башни Придольскаго замка и предвѣщая на завтра хорошую погоду. Дворъ замка наполнялся все болѣе и болѣе колымагами, такъ какъ гости непрерывно съѣзжались къ будущему имениннику. Хозяинъ стоялъ на порогѣ своего жилища и привѣтливо встрѣчалъ прѣѣзжавшихъ. Вотъ наконецъ въ раззолоченной и обитой бархатомъ колымагѣ покятилъ къ крыльцу замка и цанъ подкоморій Дембинскій съ своей дочерью, Вандой. Цанолованъ къ долѣ воеводу, Ванда украдкой пробѣжала своими черными глазками по толпѣ молодежи, окружавшей хозяина замка, но среди толпы не было того, кого она искала. Ванда замѣтно загрустнула и призадумалась.

Въ это время на дворѣ замка послышались звуки охотничьихъ роговъ. Обширныя залы замка опустѣли въ одно мгновение, всѣ кинулись въ дверь, чтобы взглянуть на охотниковъ, вѣѣзжавшихъ къ воротамъ замка. Впереди охотниковъ ѣхалъ молодой Илиничъ на отличномъ гнѣдомѣ конѣ, который ѣхалъ и извивался подъ лихимъ наѣзникомъ. Илиничъ былъ одѣтъ въ зеленый чекмень, черезъ плечо висѣлъ у него мѣдный рогъ и барсучья торба, съ разными принадлежностями для охоты. Винтовка была приторочена къ сѣдлу, а рядомъ съ нею висѣлъ въ кожаныхъ ножнахъ большой охотничій кинжалъ.

Ильговскій поспѣшилъ на встрѣчу къ Илиничу, который, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воеводы удержавъ коня, вроворно соскочилъ съ сѣдла, отдалъ поводья ковоху и, снявъ шапку, поклонился хозяину и всѣмъ гостямъ. Потомъ быстро взглянулъ онъ на крыльцо, гдѣ стояли дамы и дѣвицы и гдѣ онъ ожидалъ увидѣть Ванду. Илиничъ не ошибся, и влюбленные похѣвались другъ съ другомъ такими взглядами, которые были понятны ей и ему.

— Ну что же, Яцекъ, какъ ты сегодня охотился? спросилъ, входя

(*) Званіе подкоморія при дворѣ королевско-польскомъ соответствовало званію камергера.

на крыльцо замка, воевода Млиничи, который почтительно слѣдовалъ за нимъ.

— Не хорошо, очень не хорошо, грустно отвѣчалъ Млиничъ: — вѣпръ ушелъ изъ вашихъ рукъ, а что еще хуже, онъ сильно изуродовалъ старика Бартоша и положилъ на мѣстѣ четырехъ гвоздикъ.

— Видно, онъ хочетъ, чтобъ я самъ на старости лѣтъ пошелъ противъ него? — проговорилъ Ильговскій, и при воспоминаніи о блѣдой удали вѣро бласнули подъ сѣдыми бровями большіе, темно-сѣрые глаза Ильговскаго, которые онъ пристально уперъ въ лице Млиничу. Молодой человѣкъ въ сильномъ смущеніи опустилъ свой взглядъ, точно стыдился какого-то невозвратимаго поступка. — Въ мое время, продолжалъ старикъ: — высмѣяли бы такихъ одетниковъ, у которыхъ вѣдь-ночь носу уѣбгають вѣпрю; право, шагъ не дали бы ни гдѣ проходу.

Млиничъ растерялся въ концѣ, но потомъ, оправившись немного, сказалъ твердымъ голосомъ:

— Правда ваша, воеводе величій; хоть и сегодня и удачно покукался на оленей и зайцевъ, но жалко, что мнѣ не пришлось помешать къ ногамъ вашей милости вѣпрю; надѣюсь однако, что если встрѣчу его завтра, то онъ уже не уйдетъ отъ меня...

— Ты мнѣ это повторяешь, мой любезный, каждый день, проговорила воевода: — а не забудь, однако, что черезъ два дня будутъ мои именины. Придетъ ко мнѣ мой старій пріятель, канцеляръ Завидскій, да и спроситъ: ну, пріятель, а гдѣ же вѣпръ? Вѣдь стыдно будетъ и тебѣ, и мнѣ; право, намъ обоимъ будетъ стыдно, да еще намъ! Ей, господа! кликнулъ громко панъ Ильговскій: — объявляю вамъ, что тотъ изъ васъ, кто завтра уйдетъ въ Придемской пущѣ вѣпрю, будетъ наследникомъ всего моего имѣнія.

Пометъ изумленія пробѣжалъ въ толпѣ молодежи, и многіе изъ среды ихъ какъ-то недовѣрчиво посмотрѣли на воеводу.

— Я говорю, началъ еще громче староста: — что тотъ изъ васъ, кто уйдетъ завтра вѣпрю, будетъ наследникомъ всего моего имѣнія, и кромѣ того... добавилъ панъ Ильговскій, взглянувъ пристально на Ванду..

Щечки Ванды вспыхнули яркимъ румянцемъ, а молодой Млиничъ посмотрѣлъ на девушку такъ, какъ будто хотѣлъ сказать ей:

— Я знаю, Вандочка, о чемъ идетъ дѣло; не бойся, никому не уступлю тебя.

Никто однако не отвѣчалъ на вызовъ магната. Быть можетъ, въ толькѣ молодежи и не было грусовъ, но никто не рѣшился похвастаться заранѣе, что пойдетъ на такое предпріятіе, которое болѣею частью оканчивалось смертью удалца, такъ какъ, при несовершенствѣ огнестрѣльнаго оружія, въ ту пору легко было промахнуться по вѣпрю

намъ только ранить разширившееся животное, съ которымъ послѣ неудачнаго выстрѣла приходилось бороться въ плотную.

— Что вы, господа, заговорили съ удивительною воеводою: — развѣ нѣтъ теперь въ Польнѣ тысячи молодыхъ, которые цомаи бы на вепря даже такъ обѣ, изъ одной только оковы и безъ предлощенной имъ награды?

Молчаніе продолжалось, никто не хотѣлъ быть выскочкой.

— Что же, господа, вы молчите? спросилъ панъ Ильговскій. — Кто же отыравится завтра на вепря?

— Я!.. рѣзко проговорилъ панъ Кампа, выступая впередъ.

— Мы!... закричали въ одну гласъ братья Шыпанскіе.

— Я! Я! Я! раздавалось отовсюду.

Кто бы въ то время взглянулъ на Ванду, тотъ завѣтилъ бы ей, печаль и смущеніе. Опустивъ голову и свѣсивъ внизъ на маждовую ткань своего платья сложенные ручки, она стояла неподвижно, ожидая услышать голосъ Илинича; но Илиничъ стоялъ молча, сирестивъ на груди руки и думая о томъ, что кстати ли будетъ отнимать у другихъ то имѣніе, которое ему не принадлежитъ, и при томъ за такое дѣло, на какое онъ отважился бы и безъ всякой награды. Но вотъ онъ вспоминалъ недоговоренныя слова воеводы и пристальный взглядъ Ильговскаго на молодую дѣвушку. Воспоминаніе это задѣло за живое Илинича, который теперь въ душѣ боролся съ самимъ собою.

— Что же ты, мой любезный Яцекъ, ничего не говоришь? спросилъ воевода, подойдя къ Илиничу и дружески похлопавъ руку на его богатырское плечо.

— Я не пойду завтра на охоту, проговорилъ не совсѣмъ внятно Илиничъ.

— Это почему? вскрикнулъ изумленный старикъ, отскочивъ на нѣсколько шаговъ отъ Илинича.

— Потому, что тамъ будетъ нѣтъ дѣла не о доставленіи тебѣ удовольствія, а о наслѣдствѣ послѣ нашей милости.

— Ну, не сердись, сказалъ улыбаясь Ильговскій: — если бы я зналъ, что ты такъ обидчиво примешь мое предложеніе, то я лучше бы согласился отказаться отъ вепря.

— Но мы безъ тебя не пойдемъ на охоту! споввалось вдругъ нѣсколько голосовъ изъ толпы молодежи, любившей Илинича.

— Тебѣ, панъ Илиничъ, вмѣшался отецъ Ванды: — не смѣдуетъ отказываться отъ предложенія наша воевода.

Яцекъ еще колебался и украдкой поспрашивалъ въ ту сторону, гдѣ стояла Ванда; ея черныя глаза были устремлены теперь на Илинича, она, назавось, просила его не отказываться отъ участія въ охотѣ.

— Видитъ Богъ, проговорилъ съ жаромъ Илиничъ, обращаясь

къ Мильговскому:—что я не хочу домогаться твоего богатого наследства; и если завтра пойду на охоту, то потому только, что это угодно твоей милости!

Стоявший сзади Илиннича панъ Кмига насупилъ брови и слабо дернулъ за руку своего соперника.

— Кто тебѣ позволяетъ оскорблять насъ? высокомерно сказалъ панъ Кмига:—не забывай, любезный, что въ числѣ насъ есть близкіе родственники его милости, пана воеводы; а ты ему что?..

— Я не оскорбляю никого, твердо, но не грубо отозвался Илинничъ:—а до родственничковъ пана воеводы мнѣ нѣтъ никакого дѣла; если же тебя оскорбили мои слова, то моя сабля дастъ тебѣ удовлетвореніе.

Панъ Кмига поблѣднѣлъ и съ замѣтной злобой, крутя свой уса, готовился отвѣчать что-то Илинничу.

— Полноте, полноте, господа! примиряющими голосомъ заговорилъ панъ Мильговскій, становясь между соперниками:—наберегите вашу зрѣлость на завтра, а теперь возьмемся лучше за кубки и шампань за успѣхъ завтрашней охоты. А ты, Яцекъ, добавляя воевода, обращаясь къ Илинничу:—прикажи, чтобы въ утро все было готово, какъ слѣдуетъ. Посмотрите-ка, господа, какъ великолепно сѣло солнце, нѣтъ ни облака; пожалуй ночью будутъ заморозки, если будетъ славная, такая что и мы, старшии, не усадимъ дома за испившей... Да быть можетъ, и мой дорогой гостямъ захочеть посмотреть твою охоту; добавляя Мильговскій, обращаясь къ ланамъ:—ограды можетъ, что онѣ пожелають поздравить того, кто останется побѣдителемъ. Не такъ ли, знестивымъ панни?

— Хорошо, очень хорошо, мы согласны завтра ѣхать на охоту, договорились однимъ голосомъ все гостямъ.

Молчала одна только Ванда.

— Вели же, Яцекъ, приготовить въ завтрашнему дню пштры на Волчьей Горѣ, сказалъ панъ воевода Илинничу:—съ этой горы, я думаю, все будетъ видно, если только намъ удастся выгнать вепря изъ чащи. Впрочемъ, ты самъ умѣешь отлично распорядиться, не тебя мнѣ учить. Нужно только подумать о томъ, чтобы наши гости встали завтра раньше солнышка и стичекъ. Теперь прикажи, панъ-маршалекъ (*), добавляя Мильговскій, обращаясь къ одному изъ окружавшихъ шляхтчей:—протрубить сборъ.

По знаку, данному маршалкомъ, загрохотали трубы. Хозяинъ предложилъ свою руку гостямъ; старѣйшей и по лѣгамъ, и по аваню, каждый

(*) Въ домахъ богатыхъ польскихъ пановъ дворяне, заведывавшіе разными увеселеніями, назывались маршалками. Уменьшительное отъ слова: маршалъ.

нѣз гостей послѣдовала его привѣру, взявъ подъ руку даму и попарно за незанятымъ пошли въ столовую.

Нечего, кажется, и говорить, что въ одной изъ паръ были Ваида и Илинничъ.

— Желаю тебѣ успѣшно охотиться завтрашній день, съ волшебною проширталла дѣвушка, слонадовъ шѣсоломако къ плечу Илиннича.

— О, я и самъ жалею бы этого, отвѣчала съ глубокимъ вздохомъ Яцекъ.

— Я предчувствую, что охота тебѣ удастся; я буду молиться Богородицѣ, чтобы она помогла тебѣ, тѣмъ временемъ пролетѣла Ваида.

Звуки трубъ и литавръ, раздавшіеся въ это время съ такими громомъ, что, казалось, отъ нихъ дрожали стѣны замка, заглушили отвѣтъ Илиннича, который слегка пожалъ руку молодой дѣвушки.

Гости вошли въ столовую. Стѣны этой залы и полукруглый сводъ ея потолка были обрванатаго цвѣта. На стѣнахъ было развѣшено дорогое оружіе и разныя охотничьи принадлежности, въ перемежку съ оленьими и буйволловыми рогами, а также портретами дамскихъ: владѣльцовъ Прудольскаго замка и гербами камъ ихъ фамиліи, тамъ и тѣкъ фамилій, которыя были съ ними въ родствѣ. Въ простѣвкахъ же между оконъ и по бокамъ дверей были сдѣланы дубовыя полки, уставленныя грудями серебряной и золотой посуды.

Гости усѣлись по старшинству кругомъ столовъ, загроможденныхъ разными кушальями. Начался продолжительный ужинъ и послѣ десятаго блюда нешелъ ходить между гостями вруговой кубокъ, при питьѣ изъ этого кубка началось громкіе вываты въ честь гостей и хозяйна, а среди выватовъ слышались пожеланія, шутки, остроуты и разныя пожеланія. По всему замку разносились веселые влики, смѣхъ и говоръ, и долго бы еще продолжался ширъ, если бы забѣганый хозаинъ не напомнилъ гостямъ, что завтра еще до разсвѣта они должны будутъ отправиться на охоту.

Предсказаніе старосты на счетъ погоды сбылось какъ нельзя лучше: золотистые лучи утренней зари быстро разогнали ночную мглу, и шурѣвшій туманъ бѣлыми клубами растопался по землѣ, обѣщая прекрасную погоду. Заря гасла, между тѣмъ дневной свѣтъ приливала все сильнѣе, и сильнѣе, и казалось, что вотъ сейчасъ изъ-за ближняго лѣса выйдетъ солнышко во всемъ своемъ величій и утреннемъ блескѣ; однако обитатели замка предупредили его ранній восходъ.

Едва только началъ рѣдѣть ночной мракъ, какъ въ замкѣ пана Ильговскаго всѣ захопотали и засуетились, шумъ и бѣготня усиливались все болѣе и болѣе, и вскорѣ дворъ замка началъ походить на

никовъ, и одинъ изъ нихъ хватался торопливо за винтовку, а другой за кинжалъ, готовясь встрѣтить разъяреннаго звѣря.

Панъ Кмита былъ взволнованъ сильнѣе всѣхъ; онъ какъ будто растерялся, изъ-подъ шапки, крѣпко надвинутой на брови, выступалъ крупными каплями холодный потъ. Въ это время изъ чащи лѣса бѣжалъ разсвирѣпѣвшій вепрь, за нимъ въ погоню неслась стая гончихъ псовъ, которыхъ онъ по временамъ разметывалъ ельникомъ во всѣ стороны, очищая себѣ дорогу.

У всѣхъ охотниковъ дрогнуло сердце. Одинъ Илиничъ стоялъ спокойно, опершись на винтовку и ожидая, гдѣ появится вепрь, который на нѣсколько мгновений скрылся въ кустахъ оврага.

Но вотъ вблизи Илинича послышался трескъ и хрустъ ломающихся вѣтвей и вепрь, величиною съ годовалаго телянка, съ пѣною на мордѣ, съ прокусанными во многихъ мѣстахъ боками, облитыми кровью, очутился вблизи Илинича и его сосѣда Кмита. Ощетинившееся животное пускало изъ ноздрей клубы пара и мчалось впередъ во всю прыть.

Панъ Кмита приложилъ винтовку къ дрожавшему плечу и не твердою рукою спустилъ курокъ, выстрѣлъ раздался; но панъ Кмита промахнулся и вепрь съ яростію бросился на него. Выхвативъ изъ-за пояса охотничій ножъ, Кмита хотѣлъ было дать отпоръ вепрю, но поскользнулся немного и, растерявшись отъ этого въ конецъ, пустился бѣжать. Звѣрь кинулся за нимъ въ погоню, а между тѣмъ стрѣлять никто не рѣшался, опасаясь попасть вмѣсто звѣря въ охотника. Поднялась страшная сумятица; вепрь уже нагонялъ Кмиту, который, къ довершенію бѣдствія, споткнулся и упалъ. Всѣ обмерли отъ ужаса, предвидя страшный конецъ охоты.

Но въ это время мѣткимъ глазомъ и твердою рукою прицѣлился въ вепря Илиничъ, и горсть рубленыхъ пуль пронизала лѣвый бокъ вепря. Бѣшеный звѣрь оставилъ Кмиту и быстро бросился на Илинича, который, сдѣлавъ ловкое движеніе въ сторону, успѣлъ, съ кинжаломъ въ рукѣ, вскочить на хребетъ звѣря и, навеся ему между лопатокъ сильный ударъ кинжаломъ, всадилъ лезвее по самую рукоятку. Вепрь дико взвылъ, зашатался и покатился на бокъ, а подоспѣвшія гончія накинулись на него съ ожесточеніемъ. Раненный вепрь упорно отбивался отъ нихъ, но Илиничъ подскочилъ снова къ озлобленному животному и другимъ ударомъ кинжала покончилъ его.

На Волчьей Горѣ загремятъ трубы и литавры, и въ честь побѣдителя отовсюду раздались громкія одобренія. Илиничъ, вынувъ изъ ноженъ саблю, отсѣкъ у вепря оба клыка и понесъ ихъ пану Ильговскому. Торжественно шелъ теперь Илиничъ, окруженный толпою охотниковъ, дивившихся его отвагѣ.

При приближеніи Яцека къ шатрамъ, снова ударили въ литавры, и панъ воевода поднялъ одною рукою золотой кубокъ, наполненный венгерскимъ, а другою обнялъ Илинича и громко крикнулъ:

— Вивать, панъ Яцекъ Илиничъ, наслѣдникъ моего имени!

— Вивать! вивать! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Среди этихъ кликовъ, воевода осушилъ кубокъ до послѣдней капли и, приказавъ слугѣ наполнить его снова, передалъ кубокъ подкоморію, отцу Ванды, которая, не успокоясь еще отъ волненія, тревожно поспатривала то на отца, то на Илинича.

— Да помогаетъ Господь Богъ отважному юношѣ всегда и вездѣ! съ чувствомъ произнесъ панъ Дембинскій: — намъ нужно такихъ молодцовъ, которые смѣло бы шли и въ огонь, и въ воду.

Съ этими словами, поклонясь Илиничу, Дембинскій выпилъ кубокъ за его здоровье до самаго дна; и за тѣмъ кубокъ сталъ ходить кругомъ, посреди громкихъ возгласовъ, въ честь смѣлаго Яцека. Когда же окончились эти тосты, то воевода взялъ подъ руку молодого охотника и, подведя его къ скамьямъ, на которыхъ сидѣли гости, сказалъ:

— А что, вельможныя пани, развѣ мой Яцекъ не молодецъ?

Дамы и дѣвицы спѣшили на нерерывъ выразить свое удивленіе той смѣлости, съ которой Илиничъ напалъ на свирѣпаго звѣря.

Ванда не утерпѣла, какъ птичка вспорхнула она съ своего мѣста и съ раскраснѣвшимся лицомъ кинулась къ Илиничу.

— О какъ я боялась за твою жизнь! прошептала Ванда прерывающимся отъ волненія голосомъ. — Прошу тебя, не ходи другой разъ на такую опасность, добавила она, складывая на груди руки и смотря умоляющимъ взглядомъ на молодого человѣка.

Илиничъ, вмѣсто отвѣта, сталъ на одно колѣно передъ дѣвушкой и поцаловалъ ея руку.

Веселый говоръ пробѣжалъ среди всѣхъ, свидѣтелей этихъ извѣлений юношеской любви, такъ неожиданно вырвавшейся наружу.

— Ого! радостно воскликнулъ воевода: — да какъ видно, они любить другъ друга!

— Разумѣется, разумѣется!... Это ясно, какъ Божій день! заговорили молодыя пани, извѣдавшія сами на опытѣ, что значитъ пылкая любовь.

— Ну, и прекрасно, чего жъ болѣе? Послушай, панъ Дембинскій, продолжалъ живо воевода: — посмотри-ка на нашу молодежь, вѣдь по глазамъ видно, что они любятъ другъ друга! Да какъ еще любить!

ярмарочную площадь, на немъ кипѣла нестрая толпа; въ этой толпѣ стрѣлки, сотворивъ крестное знаменіе, осматривали свои винтовки, желая увѣриться, не заговорилъ ихъ какой нибудь колдунъ; всари между тѣмъ вязали на своры гончжхъ, которыя громкимъ лаемъ выражали свою радость и нетерпѣніе. Добъжаніе подучивались трубить въ рога, а конюхи выводили изъ конюшенъ или держали подъ узцы коней, которые ржали, становились на дыбы и выбивали копытами глыбы земли, слегка охваченной утренними заморозками. Нѣсколько далѣе на томъ же дворѣ нагружали возы кушаньями, напитками и котлами, а также приготавливали колымаги, въ которыхъ должны были отправиться на охоту молодья и старья гости, выглядывавшія теперь изъ оконъ замка на всю эту суевью. По огромнымъ занасамъ съѣстваго и питій, нагружаемымъ на возы, можно было подумать, что хозяинъ и его гости выбирались изъ замка на такую охоту, которая должна была продлиться цѣлый годъ.

Когда все было готово, Илиничъ, въ своемъ зеленомъ чепменѣ, опущенномъ лисицей, ловко вскочилъ на лихаго гнѣдаго коня. Вокругъ Илинича столпились конные и вѣшіе охотники; а гости размѣстились по колымагамъ.

Прежде отбытія самой охоты тронулся со двора замка обозъ, всы нетерпѣливо завыли, кони рвались вслѣдъ за обозомъ, но сѣдоки сдерживали ихъ, такъ какъ, по обычаю того времени, охотники и гости не могли тронуться съ мѣста до тѣхъ поръ, пока старшій лѣтани охотникъ не затрубитъ въ рогъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали этого знака, и едва только выглянуло изъ-за лѣса яркое осеннее солнце, какъ осмидесятилѣтній каштелянъ Завиходскій, еще бодро сидѣвшій на турецкомъ конѣ, громко затрубилъ въ серебряный рогъ, и при последнемъ звукѣ этого сигнала двинулись за ворота замка охотники и поѣзжане.

Въ Придольскихъ лѣсахъ, съ которыми мы уже познакомили нашихъ читателей, поднимались въ это время съ своего ночлега встрепенувшіяся птицы, встрѣчая громкими криками пробудившее ихъ солнце, имъ вторила переключка поселянъ, обходящихся облавою часть бора и приближавшихся къ его опушкѣ.

На Волчьей Горѣ, которая отдѣлялась отъ лѣса оврагомъ, поросшимъ мелкимъ кустарникомъ, были разбиты шатры для дамъ и хилыхъ стариковъ. Вблизи шатровъ пылалъ огромный костеръ, около котораго шла дѣятельная стряпня.

Звуки роговъ, крики охотниковъ, шумъ колымагъ, лай собакъ и ржаніе коней сливались въ какой-то неопредѣленный гулъ, съ которымъ приближалась охота на назначенное ей мѣсто. Панъ Илиничъ,

ѣхавшій впереди охоты, замѣняя хозяина, провожалъ гостей до шатровъ, и когда всѣ размѣстились, то онъ во весь опоръ поскакалъ къ опушкѣ лѣса. Тамъ онъ развѣдалъ у лѣсничихъ о вепрѣ и напомнилъ столпившимся около него охотникамъ о стыдѣ, который ожидаетъ ихъ, если они станутъ стрѣлять не по вепрю, а по недоросшимъ вепрятамъ или оленямъ. Послѣ этого онъ сталъ распоряжаться всѣми подробностями охоты.

По давнему Илинничемъ знаку, выткнулся рядъ доѣзжачихъ; одинъ изъ нихъ имѣлъ небольшой барабанъ, другой трещетку, третій булаву, увѣшанную бубенчиками. Всѣ доѣзжачіе были на лихихъ коняхъ, которыми славились на всю Польшу воеводскія конюшни, и сами смотрѣли молодцами. Подлѣ доѣзжачихъ расположились псаря со сворами, и когда Илинничъ махнулъ рукою, то всѣ они кинулись въ лѣсъ по заранѣе-условленнымъ дорожкамъ, чтобы окружить логовище вепря. Между тѣмъ Илинничъ, сойдя съ коня, перебѣгалъ отъ одного охотника къ другому и осматривалъ ихъ винтовки; онъ освѣдомлялся, хорошо ли онѣ вычищены, не слабы ли курки, надежно ли отточенъ кремни. Илинничъ спросилъ также всѣхъ охотниковъ по очереди о томъ, есть ли у нихъ въ готовности запасные заряды. Покончивъ осмотръ и разспросъ, онъ громко крикнулъ:

— Благородные павы! Вотъ мѣста для стойки охотниковъ. Пусть выбираетъ себѣ каждый изъ васъ, какое ему угодно мѣсто; но только прошу васъ поторопиться, потому пора подать сигналъ къ травлѣ.

Тутъ между охотниками началось движеніе; поднялись было споры и говоръ. Однако дѣло скоро уладилось, и, спустя нѣсколько времени, всѣ охотники были уже на мѣстахъ. Не безъ волненія каждый занималъ свое мѣсто, на которомъ могъ или получить огромное богатство, или попасть на клыкъ вепря. Случайно самому Илинничу пришлось стать около пана Кмита. Съ замѣтнымъ спокойствіемъ Ядцекъ занялъ свое мѣсто и протрубилъ сигналъ для начатія охоты.

Въ лѣсу послышался тревожный лай гончихъ псовъ, облавщики приготовили рогатины, и всѣ пришли еще въ большее движеніе, когда не въ далекомъ отъ опушки лѣса увидѣли землю, взрытую клыкомъ вепря. Казалось, что мѣсто это было глубоко перепахано сохою.

Между тѣмъ лай гончихъ продолжался; онъ то отдалялся отъ охотниковъ, то приближался къ нимъ; но вдругъ стаи гончихъ залились какимъ-то злобнымъ воемъ; охотники встрепенулись, въ лѣсу послышался шумъ и трескъ отъ ломки деревьевъ. Псы завидѣли вепря и наскочили на него, но тутъ же раздался жалобный ихъ визгъ; потому что нѣсколько гончихъ было поднято на клыкъ вепря.

— Смотрите! смотрите! Не зѣвайте! раздавалось по цѣпи охот-

Странное дѣло вышло въ этомъ замкѣ: изъ него вдругъ, по приказанію воеводы, выѣхала вся прислуга, а между тѣмъ въ этотъ замокъ сталъ ѣздить иногда онъ самъ въ сопровожденіи своего духовника и самаго довѣреннаго при немъ человѣка — старика-управляющаго.

Всѣхъ чрезвычайно занимала эта таинственность, но никто однако не рѣшался спросить воеводу о причинахъ его печали и его поѣздокъ въ покинутый замокъ. Развѣдывать же объ этомъ стороною было и неудобно, и бесполезно, такъ какъ никто не могъ сказать ничего опредѣлительнаго. Вскорѣ распространилась молва, что въ родовомъ замкѣ воеводы поселилась нечистая сила. Рассказывали, что въ глухую полночь окна замка горѣли иногда такимъ яркимъ свѣтомъ, какъ будто тамъ шли какіе-то пиры, и что, въ это время на далекое разстояніе неслись изъ замка шумъ, стукъ, крикъ, хлопанье въ ладоши и какой-то нечеловѣческой хохотъ, которому злобно вторили въ чащѣ лѣса. Говорили также, что въ замкѣ являлись разныя недобрыя предзнаменованія и что между прочимъ, въ одной изъ его залъ, нашли пустой новый гробъ, приходившійся какъ разъ по росту воеводы, и что на дощечкѣ, пригвѣщенной къ гробу, было написано: гробъ назначается для раба Божія Андрея.

Въ ту отдаленную отъ насъ пору, суевѣріе и предразсудки были еще въ силѣ во всей Европѣ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что подобныя явленія впечатлительно подѣйствовали на воеводу, который хотя и былъ безстрашенъ въ виду всевозможныхъ опасностей и даже явной смерти на полѣ битвы, но за всѣмъ тѣмъ крѣпко побаивался дьявольской силы и разныхъ бѣсовскихъ наважденій. Воевода замѣтно осунулся. Часто, отчитавъ молитвы и Спасителю, и Богородицѣ, и первенствующимъ святымъ, а также прославословивъ не разъ Святаго Духа, старикъ начиналъ мысленно перебирать въ подробностяхъ свою жизнь и заботливо отыскивать въ ней слѣды прегрѣшеній.

Конечно, и у воеводы, какъ и у cadaго добраго христианина, находились кое-какіе грѣхи. Не говоря уже о нѣкоторыхъ грѣшностяхъ, свойственныхъ вообще шаловливой юности, оказывалось, что воевода раза два дерзнулъ усомниться въ правосудіи и благодати божіей, что онъ однажды посмѣялся надъ тучнымъ монахомъ, что онъ какъ-то неохотно оказалъ помощь ближнему, что, увидѣвъ въ костелѣ образъ какой-то великомученицы, онъ нашелъ, что ликъ ея похожъ на личико одной прехорошенькой вани, на которую не безъ біенія сердца заглядывался въ ту пору молодой Ильговскій. Припоминая свои старыя грѣхи, воевода находилъ однако, что всѣ они давно уже искуплены или чистосердечнымъ покаяніемъ, или милостынею, или щедрымъ вкладомъ въ монастырскую и церковную казну, или уча-

ценнымъ чтеніемъ молитвъ и каноновъ, или выкупомъ христіанъ изъ бусурманскаго плѣна. Заботливый воевода не упускалъ при этомъ изъ виду и того еще обстоятельства, что слишкомъ важныя грѣхи, особенно по части тѣлеснаго вождѣленія, были искуплены его спиною и боками подъ ударами ременной плети, которою въ то время бичевали себя истинно-кающіеся грѣшники... Короче, при самомъ строгомъ расчетѣ съ совѣстію, воевода, по крайнему своему разумѣнію и по разсужденію его духовнаго отца, не находилъ въ своей жизни ни одного столь важнаго прегрѣшенія, которое вызывало бы на него кару Божію съ такими страшными предзнаменованіями, какія стали теперь являться въ Ильговѣ.

Не чувствуя собственно за самимъ собою чрезвычайной вины предъ Господомъ, набожный воевода обращался къ дѣяніямъ своихъ предковъ и полагалъ, что онъ, какъ послѣдній въ родѣ, долженъ былъ, по всей вѣроятности, искупить какіе нибудь тяжкіе грѣхи прародителей. Надобно сказать, что между разными повѣртіями у польской шляхты было сознаніе, что если родовитый шляхтичъ пользовался особымъ почетомъ и выгодами за доблестныя дѣянія предковъ, то онъ вмѣстѣ съ этимъ не долженъ былъ забывать и того, что иногда за самыя отдаленныя грѣхи его прародителей онъ, безъ собственной вины, могъ быть наказанъ десницею Божіею.

Воевода тщательно перебиралъ всѣ фамилныя преданія, и къ крайней своей скорби находилъ, что въ длинномъ ряду предковъ были и такіе которые своимъ жестокосердіемъ дѣйствительно могли навлекать кару Господню на послѣдняго представителя ихъ имени.

Панъ Ильговскій тосковалъ и молился, а между тѣмъ, приготовленія къ свадьбѣ его наслѣдника шли своимъ чередомъ.

Молва о ночныхъ ужасахъ, происходившихъ въ Ильговѣ, увеличивалась все болѣе и болѣе, и наконецъ, съ достовѣрностію стали разсказывать, что тамъ дѣло дошло уже до того, что, какъ-то въ полночь, одного стараго слугу воеводы, рѣшившагося переночевать въ конюшнѣ, въ полночь схватили черти, подтяли на вилы и затаскали въ лѣсную глушь, гдѣ и посадили чуть ли не на самую верхушку огромной сосны.

Насталъ Духовъ день; въ этотъ праздникъ ведется въ Польшѣ, какъ и у насъ, русскихъ, обычай ставить около жилищъ молоденькія березки. Въ ту пору, о которой идетъ рѣчь въ нашемъ разсказѣ, этотъ обычай соблюдался весьма строго, и потому въ Духовъ день, какъ въ богатыхъ замкахъ, такъ и въ убогихъ лачугахъ всѣ пороги и стѣны были обставлены молодыми березками, а вѣтки ихъ висѣли на потолкахъ; поля всюду были устланы травой, за иконы были заткнуты

Ванда, поникнувъ головкой, стояла на одномъ мѣстѣ, не выдерживая своей бѣлой ручки изъ руки Илинича.

— А что, вѣдь сегодняшнюю охоту можно закончить свадьбой! весело крикнулъ воевода.

Ванда и Яцекъ вдрогнули.

— Илиничъ былъ бѣдный пляхтичъ, продолжалъ Ильговскій: — но теперь онъ богатый панъ, потому что мое благородное слово...

— Нерушимо, подсказалъ твердымъ голосомъ подкоморій: — что жъ, и прекрасно!

Гости и подоспѣвшіе къ этому времени съ разныхъ сторонъ охотники плотной толпой окружили воеводу, подкоморія и помолвленныя.

— Прощу слушать, что я расскажу вамъ, началъ воевода. — Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, когда я и подкоморій были еще молоды и когда въ жилахъ у насъ кипѣла горячая кровь, мы среди жестокой сѣчи дали взаимное обѣщаніе породниться другъ съ другомъ въ будущихъ нашихъ дѣтяхъ. Причина для этого была весьма важная, потому что, если бы не сабля пана Дембинскаго, то я погибъ бы подъ татарскими ятаганами, но если бы потомъ не рука пана Ильговскаго, то не вернулся бы домой панъ Дембинскій. Просто на просто — мы спасли другъ друга...

Панъ подкоморій исполнилъ свое обѣщаніе, — посмотрите какая у него красавица-дочь! Но я обманулъ его ожиданія, у меня нѣтъ сына. Погоревавъ объ этомъ, мы, старики, положили между собою, что тотъ, кто будетъ сдѣланъ наслѣдникомъ моего имѣнія, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наслѣдникомъ нашего обѣщанія; потому теперь и наше обѣщаніе досталось пану Илиничу... Слышишь ли ты, любезный мой Яцекъ, что ты наслѣдникъ всего моего достоянія? Попроси же теперь пана подкоморія, самъ знаешь, о чемъ...

— Я уже далъ свое согласіе, подхватилъ панъ Дембинскій: — и да благословитъ васъ Господь Богъ, мои дѣтки! Подойдите ко мнѣ!...

Ванда со слезами радости на глазахъ кинулась цаловать отца, а Илиничъ носмѣнно душилъ въ своихъ крѣпкихъ объятіяхъ то воеводу, то подкоморія.

Панъ Дембинскій соединилъ руки невесты и жениха, который послѣ этого, слѣдуя старопольскому обычаю, поклонился въ ноги своему будущему тестю.

Изыншимъ кажется говорить, что опять, въ честь молодыхъ, начали наполнять и осушать заздравные кубки при громѣ трубъ, литавръ, охотничьихъ роговъ и безпрестанныхъ восклицаніяхъ: вивать! вивать! Пиръ продолжался до позднихъ сумерекъ.

Вскорѣ послѣ этой неожиданной помодвки, спохватились пана

Кмита, его искали всюду, но онъ пропагъ безъ вѣсти. Разсказывали только, что въ то время, когда Илинничъ кинулся на вепря, Кмита приподнялся съ земли и опротивью побѣжалъ въ кусты по скату глубокаго оврага. Однако самыя тщательныя поиски, произведенныя въ этомъ мѣстѣ, не открыли слѣдовъ исчезнувшаго пана Кмиты. Поговорили объ этомъ промшестви въ замкѣ пана Ильговскаго и во всемъ околоскѣ; а потомъ, какъ водится, позабыли о пропавшемъ.

Общее мнѣнiе было то, что панъ Кмита, прѣстыженный и въ любви, и въ охотѣ, и въ наслѣдствѣ, забрался, по всей вѣроятности, куда нибудь на Украйну, съ тѣмъ, чтобы въ схваткахъ съ крымцами позабыть свое горе и, составивъ себѣ имя отважнаго воина, тѣмъ самымъ загладить свою прѣжнюю оплошность.

Добавимъ къ этому, что охота весело возвратилась въ замокъ воеводы. На возвратномъ пути Илинничъ ѣхалъ верхомъ около колымаги, въ которой сидѣла Ванда, слушающая съ улыбкой радостныя рѣчи своего суженаго.

За поѣздомъ везли на телѣгѣ убитаго вепря. Возвращавшуюся домой охоту замыкалъ конь пана Кмиты. Онъ шелъ порожнякомъ позади всѣхъ, печально опустивъ свою голову...

II.

ПОЖИНУТЫЙ ЗАМОКЪ.

Въ Придольскомъ замкѣ дѣлались большія приготовленiя къ свадьбѣ Яцека съ Вандою. Свадьба была назначена на весну. Весело и широко жилъ теперь панъ воевода, гости у него были безвыѣдно. Пирьы не прекращались. Но среди шумнаго веселья воевода становился вдругъ печаленъ и сумраченъ, часто онъ что-то шепталъ, крутя въ тяжеломъ раздумьи свой сѣдой усъ. Молиться онъ сталъ еще усерднѣе, а каждую среду, пятницу и субботу лежалъ по нѣскольку часовъ крестомъ на полу посреди своей каплицы. Домашнiе и знакомые думали, что воевода оплакиваетъ подъ старость грѣхи и заблужденiя своей молодости, какъ это очень часто дѣлывали его современники. Ходилъ даже въ околоскѣ слухъ, будто бы воевода, отпраздновавъ свадьбу Илиннича и передавъ ему все свое имѣнiе, намѣренъ уйти на покаянiе въ монастырь. Говорили также, что онъ назначилъ нѣскольکو тысячъ дукатовъ на постройку обширнаго монастыря во имя св. Андрея, своего патрона, и добавляли даже, что онъ будто бы выбралъ уже мѣсто для этой постройки въ глуши придольскихъ лѣсовъ, недалеко отъ другаго своего замка, называвшагося Ильговымъ.

если бы вы поспорили о дѣлѣ обыкновенномъ; но знаете ли вы, что дѣлается въ Ильговѣ?

Всѣ смогли и съ любопытствомъ смотрѣли на воеводу, ожидая его разсказа.

— Тамъ работаетъ нечистая сила, проговорилъ глухимъ голосомъ Ильговскій: — и связываясь съ нею, можно погубить душу великою отвѣтственностію передъ Богомъ.

— Одно изъ двухъ, ясневельможный панъ, подхватилъ не безъ нѣкоторой запальчивости Илиничъ: — или нужно идти на это дѣло во имя Божіе и, что бы тамъ ни случилось, смѣло ожидать конца, или же нужно проститься навсегда съ доброй славой.

— Правда, правда, проговорилъ воевода: — жаль только, что нечистый подбилъ тебя, панъ Викентій, на такой разговоръ, добавилъ Ильговскій, обращаясь къ Пѣшковскому: — Теперь, конечно, нечего дѣлать; поѣзжай завтра въ Ильговъ, мой любезный Япекъ, да сохранить тебя крестъ Господень отъ всякой напасти!

На другой день вечеромъ Илиничъ сталъ прощаться съ воеводою; онъ схватилъ руку своего благодѣтеля и крѣпко поцаловалъ ее. Нужно было проститься и съ невѣстой.

Подходя къ той комнатѣ, которая была отведена въ замкѣ воеводы для Ванды, женихъ ея чувствовалъ, что у него билось и замирало сердце и что колѣна его дрожали. Илиничъ самъ не зналъ, на что ему рѣшиться: перенести ли всю тоску томительнаго прощанія или уѣхать изъ замка, не повидавшись съ Вандой. Въ то время, когда онъ раздумывалъ объ этомъ, въ сосѣдней комнатѣ слышались легкіе шаги молодой дѣвушки, и Ванда, блѣдная, съ заплаканными глазами, кинулась къ своему жениху.

— И тебѣ не жаль, что я такъ страдаю? проговорила она съ легкимъ упрекомъ, съ трудомъ сдерживая слезы, набѣгавшія въ ея черныя очи.

— Ванда, другъ мой, говорилъ ласково Илиничъ: — неужели же ты хочешь имѣть такого мужа, на котораго всѣ станутъ показывать пальцемъ, приговаривая: вотъ это тотъ самый Илиничъ, который перенесъ обиду потому только, что побоялся вздорныхъ сказокъ? Неужели ты думаешь, что если бы я былъ трусомъ, то я былъ бы достоинъ тебя? Развѣ рука мужчины, не сумѣвшего оборонить свою собственную честь, можетъ пожать руку женщины, которая отдаетъ ему себя?

— Какая мучительная ночь ожидаетъ меня! вскрикнула съ отчаяніемъ Ванда.

Она схватила себя за голову, и бѣлые ея пальчики потонули въ

прядяхъ темныхъ волосъ, которые отъ сильнаго движенія разсыпались по плечамъ.

— Не тревожься, мое сокровище. Я не боюсь дьявольской силы— имя Божіе защититъ меня отъ напастей; а отъ злыхъ людей обережетъ меня моя сабля.

— Я всю ночь останусь въ каплицѣ, лепетала Ванда: — я почувствую что-то недоброе; я буду молиться за тебя и, быть можетъ, Господь услышитъ мою горячую молитву. А теперь, добавила Ванда, снимая съ шеи цѣпочку съ серебрянымъ ковчежцемъ: — возьми эту послѣдственную нашу святыню. Она была привезена намъ издалека...

Илиничъ съ благоговѣіемъ принялъ отъ невѣсты ковчежець съ мощами великомученицы Варвары. Онъ надѣлъ цѣпочку на шею, крѣпко прижалъ къ своей груди плакавшую невѣсту, и продолжительный поцалуй окончилъ ихъ горькое прощаніе.

— Кто знаетъ, подумали разомъ и Ванда и Илиничъ: — быть можетъ, этотъ первый поцалуй былъ также и послѣднимъ...

Ядскъ опрометью кинулся на крыльцо замка; подлѣ крыльца ждалъ уже своего хозяина гнѣдой конь, проворно вскочилъ на него Илиничъ, поднялъ голову и увидѣлъ въ окнѣ Ванду, которая посылала ему рукою прощальный поцалуй...

Во весь опоръ скакалъ Илиничъ къ Ильговскому замку, за нимъ едва поспѣвали ѣхавшіе позади его два всадника. Наступали сумерки, а между тѣмъ густыя тучи стали заволакивать небо. Но вотъ показались уже не вдалекѣ и башни Ильгова. Его почернѣлыя стѣны и осыпавшаяся черепичная кровля какъ будто говорили, что надъ этою молчаливою громадою уже пронеслось нѣсколько столѣтій. Изъ щелинъ крыши и стѣнъ выступалъ кудравый мохъ и поросли деревьевъ. Глубокіе рвы, грозно смотрѣвшія бойницы, и узкіе висячіе мосты напоминали, что замокъ этотъ старались сдѣлать когда-то недоступной твердыней. Внутреннее устройство замка подтверждало назначеніе его какъ крѣпости; подъ нимъ, между прочимъ, были устроены длинныя подземныя ходы; эти ходы извилисто шли въ глубь окрестныхъ лѣсовъ, гдѣ жители замка, въ случаѣ непріятельскаго погрома, могли найти для себя надежное убѣжище.

Замокъ этотъ съ незапамятныхъ временъ принадлежалъ Ильговскимъ, которые по немъ и получили свое фамильное прозваніе. Долгое время Ильговъ былъ роскошнымъ мѣстомъ пребыванія польскихъ магнатовъ, и тогда изъ бойницъ смотрѣли пищаля, а многочисленная стража постоянно ходила на валахъ и на башняхъ. Когда же одинъ изъ Ильговскихъ лишился вдругъ въ этомъ замкѣ самыхъ печальныхъ образомъ любимой жены и двоихъ сыновей, то печаль-

лучки душистыхъ растений; рога у коровъ и барановъ были обвиты зеленою, а у коней, шедшихъ въ этотъ день въ упряжкѣ, были вплетены въ гриву цвѣты и зелень. Все казалось садомъ или лѣсомъ, такъ что поляки не даромъ называютъ этотъ день «зеленымъ праздникомъ».

Весь Придольскій замокъ былъ покрытъ снаружи свѣжею зеленою, а комнаты замка были наполнены запахомъ душистыхъ травъ. Сюда съѣхалось къ этому дню множество гостей; все было шумно и весело; но не такъ выглядывалъ въ этотъ день другой, покинутый всѣми замокъ воеводы. Онъ стоялъ пустъ и мраченъ, яркая весенняя зелень не украшала его стѣнъ и башенъ; замокъ смотрѣлъ вовсе не празднично, а окружавшій его сосновый дремучій боръ придавалъ этой почерѣбной громадѣ какой-то особенный печальный видъ.

Гости, смотря на воеводу, старавшагося какъ будто насильно быть веселымъ, перешептывались въ тихомолку о томъ, что дѣлалось въ Ильговѣ, и по временамъ въ полголоса толковали между собою о конфедерации, составившейся въ то время противъ короля. Нѣкоторые изъ гостей увѣряли, что главнымъ мѣстомъ сбора для конфедератовъ были назначены лѣса, окружавшіе Ильговскій замокъ, и заявляли догадку, что, по всей вѣроятности, воевода ѣздитъ теперь туда по этому дѣлу. Всѣ желали знать, дѣйствительно ли пристанетъ къ противникамъ короля такой богатый и знатный магнатъ, какимъ былъ Ильговскій, но такъ какъ на первыхъ порахъ конфедерация составлялась тайнѣ, то никто не рѣшался заговорить объ этомъ съ воеводой, а между тѣмъ его задумчивый и безпокойный видъ ясно показывалъ, что воевода слишкомъ озабоченъ какою-то думою.

Не смотря на это обстоятельство, праздникъ шелъ очень шумно. На дворѣ замка молодежь устроила скачки. Всадники, носясь во всю прыть на лихихъ коняхъ, снимали саблями кольца, развѣшанныя на столбахъ, и рубили на всемъ скаку татарскія головы, сдѣланныя изъ дерева. Гости, между тѣмъ, смотрѣли съ крыльца на эту забаву. Вечеромъ начались танцы. Иллиничъ первенствовалъ во всемъ; никто изъ гостей не снялъ столько колець и не снесъ столько головъ, сколько онъ; никто изъ гостей съ такой ловкостію и съ такимъ увлеченіемъ не плясалъ мазурки, какъ онъ, въ особенности когда становился въ кругъ съ своей стройной и хорошенькой невѣстой.

Косо однако смотрѣли на него братья Пышковскіе, пріятели пропавшаго пана Кмиты, обманувшіеся въ надеждахъ на счетъ воеводскаго наслѣдства, перешедшаго къ Иллиничу. Цѣлый день они старались превзойти его въ рыцарскихъ забавахъ, но имъ не удавалось это, потому что Яцекъ постоянно бралъ надъ ними верхъ. Во время тан-

цевъ они подсмѣивались надъ женихомъ и очень часто, отходя въ уголокъ залы, шептались о чемъ-то съ худо скрытою злобою.

За ужиномъ они какъ будто нарочно повели рѣчь объ Ильговѣ, и говоря о происходившихъ тамъ диковинкахъ, стали утверждать, что безъ сомнѣнія между присутствующими не найдется никого, кто бы отважился переночевать въ страшномъ замкѣ.

— Я думаю, добавилъ одинъ изъ братьевъ Пѣшковскихъ: — что даже у храбрѣйшаго между нами, у пана Илинича, не достанетъ на это храбрости.

— Развѣ дѣло пойдетъ о другомъ какомънибудь наслѣдствѣ? колко замѣтилъ одинъ изъ недоброжелателей Илинича.

Между гостями начались споры; одни утверждали, что храбрость Илинича не знаетъ границъ, другіе же, напротивъ, подзадоривали молодаго человѣка, замѣчая, что храбрость храбрости рознь, и что въ одномъ случаѣ можно быть храбрецомъ, а въ другомъ трусомъ.

— Это правда, подхватилъ Викентій Пѣшковскій: — я, напримеръ, вполне увѣренъ, что панъ Илиничъ, если я оскорблю его, непременно вызоветъ меня на поединокъ, но я знаю также очень хорошо, что онъ не пойдетъ ночевать въ Ильговскій замокъ.

Илиничъ не могъ долѣе выдержать этихъ подстреканій и колкостей, тѣмъ болѣе, что онъ догадывался, изъ-за чего шло все дѣло.

— Я согласенъ проночевать въ замкѣ, сказалъ Илиничъ: — но съ тѣмъ однако условіемъ, что если я исполню это, то панъ Викентій съ своей стороны долженъ будетъ отлаять подъ столomъ свои рѣчи. Если онъ согласенъ на это, то пусть протянетъ мнѣ руку.

— Согласенъ, проговорилъ рѣшительнымъ голосомъ Пѣшковскій, подавая Илиничу руку.

Чтобъ объяснить предложеніе Илинича на счетъ отлаиванія, надобно сказать, что въ старинной Польшѣ велся такой обычай: тотъ, кто признанъ былъ клеветникомъ, долженъ былъ, для удовлетворенія оскорбленнаго, подлѣзть подъ столъ и оттуда при свидѣтеляхъ три раза пролаять по собачьему. Смыслъ такого удовлетворенія очень ясенъ: принужденный такимъ образомъ удовлетворить своего противника терялъ уже навсегда доброе имя.

— Остановитесь господа, сказалъ суровымъ голосомъ воевода: — такіе споры могутъ идти только между пустыми вѣтрогонами, а людямъ разсудительнымъ они вовсе не кстати.

— Опоздали уже твои совѣты, ясневельможный панъ, сказалъ почтительно, но твердо Илиничъ: — меня обозвали трусомъ; но еще до сей поры я не прощаль этого никому, хотя я и былъ бѣдный и не знатный шляхтичъ.

— Я ничего не сказалъ бы противъ этого, возразилъ воевода: —

— Боже мой! Что здѣсь такое?... вскрикнулъ съ ужасомъ Ильговскій.

Посреди залы лежалъ Илинничъ, облитый кровью; одной рукой онъ силился зажать рану на головѣ, какъ будто желая удержать струившуюся изъ нея кровь, другой рукой онъ сжималъ окровавленную саблю.

— Зачѣмъ ты не послушалъ меня, дорогой мой Яцекъ... бормоталъ старикъ, ломая въ отчаяніи руки.

Ильговскій сталъ на колѣна подлѣ раненаго и тревожно смотрѣлъ, не гаснетъ ли еще въ немъ признаковъ жизни.

— Онъ еще живъ! радостно вскрикнулъ Ильговскій, продолжая смотрѣть на Илиннича, который въ это время силился открыть глаза.

Между спутниками воеводы находились и такіе, которые ужъ не разъ бывали въ битвахъ и умѣли обращаться съ ранеными. При Илинничѣ нашли кусокъ хлѣба, кусокъ этотъ обмотали паутиной и, сдѣлавъ изъ него родъ пластыря, приложили къ ранѣ. Кровь скорѣ унялась. Принесли воды, обмыли лицо и голову Илинничу, и послѣ этого признаки возвращавшейся къ нему жизни сдѣлались замѣтнѣе. Бережно положили раненаго въ колымагу, а между тѣмъ, воевода разослалъ бывшихъ при немъ шляхтичей во всѣ стороны искать лекарей.

Колымага двинулась въ обратный путь шагомъ. Воевода боялся, что скорая ѣзда раскроетъ рану Илиннича, и старикъ безпрестанно напоминалъ, чтобъ ѣхали какъ можно осторожнѣе.

Когда въ Придольскомъ замкѣ увидѣли медленно двигавшійся поѣздъ воеводы, то всѣ догадались, что навѣрно случилось что нибудь недоброе.

— Пойдемъ, пойдемъ на встрѣчу! говорила дрожащимъ голосомъ Ванда, судорожно схвативъ за руку своего отца и силиясь увести его за собою.

Панъ Дембинскій исполнилъ желаніе дочери, и когда они въ топкахъ выбѣжали на крыльцо, колымага ужъ вѣѣзжала въ ворота замка.

Блѣдна какъ лилія и неподвижна какъ мраморная статуя стояла растерянная Ванда.

Колымага подѣхала къ крыльцу. Ванда въ одно мгновеніе какъ будто ожила. Воевода, не говоря ни слова, отворилъ дверцы колымаги. Быстро вскочила молодая дѣвушка на подножку, и съ нея упала безъ чувствъ на руки своего отца.

Полумертваго Илиннича стали вынимать изъ колымаги, и между тѣмъ кругомъ раздавалось аханье и оханье, сожалѣнія и разспросы.

Всѣ горевали о молодомъ человѣкѣ, поплатившемся, какъ казалось, жизнью за свою безумную отвагу.

Ильговскій замокъ сдѣлался послѣ это еще страшнѣе, нежели былъ прежде. Всѣ чудесные о немъ рассказы получили теперь полную вѣру.

Спустя три дня послѣ привоза Илинича въ Придольскій замокъ, изъ воротъ этого замка, въ свѣтлое майское утро, медленно выступило погребальное шествіе. Жалобно пѣли ксендзы надгробныя молитвы; за ксендзами шло множество народа со свѣчами и факелами, далѣе шесть молодыхъ людей несли обитый пунцовымъ бархатомъ гробъ, на крышкѣ гроба лежало подъ миртовымъ вѣнкомъ оружіе покойнаго. За гробомъ медленными неровными шагами шелъ старикъ — воевода съ поникшей головой, недалеко отъ него едва переступала рыдающая Ванда. Дембинскій поддерживалъ и утѣшалъ дочь, но всѣ услія были напрасны. По сторонамъ и сзади Дембинскаго шла толпа гостей, пріѣхавшихъ на свадьбу и попавшихъ на похороны.

Разнорѣчиво толковали о смерти Илинича тѣ, которые шли за его гробомъ. Передавали между прочимъ достоверно, что когда умиравшій Ядекъ пришелъ на нѣсколько времени въ память и когда Ванда, стоя у его постели на колѣняхъ, со слезами умоляла его рассказать о томъ, что съ нимъ случилось въ Ильговѣ, то будто онъ отвѣчалъ на всѣ просьбы своей невѣсты, что не можетъ ничего рассказать, такъ какъ онъ связанъ клятвою молчать обо всемъ, что съ нимъ было въ Ильговѣ.

Ванда послѣ смерти жениха ушла въ монастырь. Спустя нѣсколькомѣсяцевъ, умеръ воевода, не сдѣлавъ никакого завѣщанія, и потому всѣ его богатства перешли къ одному изъ самыхъ дальнихъ его родственниковъ, который вовсе не ожидалъ такого несмѣтнаго наслѣдства.

Минуло слишкомъ сорокъ лѣтъ со дня смерти Илинича.

Однажды осенью въ небольшомъ домикѣ шляхтича Свобельскаго собрались гости, и одинъ изъ нихъ сталъ рассказывать о томъ, какъ въ его странѣ, какой-то богатый, недобрый панъ лишилъ убогаго шляхтича послѣднихъ крохъ, а потомъ коварно погубилъ его.

— А вотъ постоитъ-ка, сказалъ хозяинъ:— я расскажу вамъ любопытный случай изъ собственной моей жизни. Есть что послушать.

Всѣ призамолкли; старикъ откашлялся и началъ рассказывать слѣдующее.

— Вы вѣрно слышали, что лѣтъ сорокъ тому назадъ, знатный и богатый въ свое время воевода Гаданскій поднимался противъ короля

но и тоскливо стало казаться ему жилище, въ которомъ онъ прежде проводилъ такъ счастливо время среди самыхъ отрадныхъ надеждъ.

Тяжелая постройка замка и печальное однообразіе оружаннаго его бора наводили безъотчетную тоску на непривычнаго посѣтителя этихъ мѣстъ. Замокъ смотрѣлъ еще сумрачнѣе послѣ того, какъ покинули его сперва владѣльцы, а наконецъ и прислуга; дворъ заросъ густой травой, цѣпи подъемныхъ мостовъ, а также желѣзныя скобы на воротахъ и ихъ огромныя петли покрывались красно-желтой ржавчиной, флюгера на башняхъ замка покривились и уныло скрипѣли въ вѣтряную погоду, трубы осыпались, а во рвахъ вода покрывалась густою тиной. Все было въ забросѣ и въ запустѣніи.

Страшная молва, которая, какъ мы сказали, начала распространяться о покинутомъ замкѣ, отгоняла отъ него проѣзжихъ и прохожихъ во всякую пору, въ особенности же тогда, когда начинало садиться солнце и близились сумерки и ночь. Всѣ съ ужасомъ спѣшили удалиться отъ этого заклятаго мѣста, и потому окрестные поселяне не мало подивились, когда они увидѣли въ поздніе сумерки трехъ всадниковъ, скакавшихъ къ страшному мѣсту.

Илиничъ и его спутники подѣхали къ замку; изъ нихъ первый въѣхалъ во дворъ замка; два же другихъ затворили за нимъ плаксиво заскрипѣвшія ворота и забили ихъ большимъ коломъ, такъ что теперь уже не было никакой возможности выйти изъ замка безъ восторонней помощи извнѣ.

Войдя во дворъ замка, Илиничъ соскочилъ съ коня и отвелъ его въ конюшню. Изумился Илиничъ, найдя тамъ и засыпанный овесъ, и большой ворохъ сѣна. Борясь и съ невѣріемъ къ дьявольскимъ наважденіямъ, и съ суевѣрнымъ страхомъ, который такъ свойственъ людямъ, Илиничъ не зналъ, какъ объяснить эту странность.

Привязавъ коня, одинокій Яцекъ вошелъ въ замокъ. Какими-то безконечными пропастями казались ему въ полутемнотѣ пустыя и огромныя залы. Все было тихо, и только эхо повторяло каждый шагъ и каждый порохъ Илинича; нѣсколько разъ останавливался онъ посреди залъ и, притаивъ дыханіе, желалъ удостовѣриться въ тишинѣ, господствовавшей вокругъ него.

Переходя изъ залы въ залу, Илиничъ вошелъ въ круглую комнату, составляющую часть башни; замѣтно было, что комната эта служила нѣкогда оружейной. На стѣнахъ ея оставалось еще кое-какое старое оружіе, висѣли оленины рога и кабаньи клыки.

— Вотъ здѣсь переночую я, подумалъ Илиничъ.

Въ это время набѣгавшія на небо тучи стали мало по малу разсѣиваться и въ прорѣдахъ ихъ выглянулъ мѣсяцъ, бросившій полосы золотистаго свѣта въ узкія окна замка. Илиничъ, пользуясь этимъ,

подошелъ къ окну и, при свѣтѣ луны, осмотрѣлъ винтовку и саблю. Оказывалось, что нечистая сила не свернула замка на винтовкѣ и не зашла ея дула и не надломилъ клинка сабли. Успокоившись отъ суетнаго страха, Илинничъ снялъ съ груди ковчежецъ, данный ему невѣстой, поцаловалъ его и положилъ его передъ собою на столъ, а потомъ, ставъ на колѣна, началъ молиться. Долго и усердно молился онъ, поминая въ своей молитвѣ Ванду, которая какимъ-то легкимъ призракомъ носилась въ его тревожныхъ мысляхъ.

Окончивъ молитву, Илинничъ, въ ожиданіи разсвѣта, прилегъ на дубовой скамьѣ.

Онъ уже начиналъ полудревать, когда въ отдаленныхъ покояхъ замка послышался какой-то шумъ. Илинничъ привсталъ, взялся сперва за ружье, потомъ за рукоятку сабли, и крѣпко сжавъ ее, началъ прислушиваться. Шумъ становился все явственнѣе и, наконецъ, въ соседней комнатѣ послышались тяжелые шаги нѣсколькихъ человекъ.

— Пресвятая Богородица, помоги мнѣ! прошепталъ Илинничъ и приготовился къ оборонѣ.

Едва начало свѣтать, а ужъ въ Придольскомъ замкѣ всѣ поднялись на ноги.

Какъ только проснулся воевода, то первыми его словами были: «а что, панъ Яцекъ вернулся изъ Ильгова?»

Опечалился Ильговскій, получивъ отрицательный отвѣтъ. Онъ приказалъ закладывать поскорѣ лошадей и въ сопровожденіи нѣсколькихъ шляхтичей, жившихъ при его дворѣ, отправился въ Ильгово, запретивъ сказывать гостямъ и въ особенности Вандѣ объ этой побѣдкѣ. Не успѣвъ, впрочемъ, воевода выѣхать изъ воротъ, какъ въ замкѣ поднялась суматоха — Ванда пропала.

Долго искали ее всѣ, а въ томъ числѣ и самъ воевода, который, однако, нашелъ молодую дѣвушку, заглянувъ въ капищу. Тамъ, задыхаясь слезами, Ванда лежала на ступеняхъ алтара. Она не замѣтила, какъ взглянулъ на нее воевода; Ильговскій же не велѣлъ тревожить Ванду и поспѣшилъ выѣхать изъ замка.

Путь былъ не слишкомъ далекъ, и воевода скоро подѣхалъ къ покинутому жилищу своихъ предковъ. Проворно прислуживши его отбили колъ, припиравшій ворота, и Ильговскій, съ живостію юности выскочивъ изъ колымаги, пошелъ въ замокъ въ сопровожденіи всѣхъ пріѣхавшихъ съ нимъ.

Сердце старика сильно забилося, когда при самомъ входѣ на лѣстницу онъ увидѣлъ на ея ступеняхъ слѣды еще не застывшей крови; тревожно спѣшилъ онъ изъ покоя въ покой по кровавому слѣду и наконецъ вошелъ въ оружейную.

Яна-Казимира. Этотъ панъ былъ человекъ чрезвычайно надменный, хотя и былъ набоженъ и носилъ монашескую одежду. Усердствовалъ воевода Гаданскій церкви божіей, дѣлая богатые вклады на костелы и монастыри, а между тѣмъ угнеталъ бѣдныхъ и подвластныхъ. Захотѣлось пану попасть въ краковскіе каштеляны, но онъ обманулся въ своихъ расчетахъ, такъ какъ король назначилъ на эту важную должность не его, а другого. Разсердился воевода на короля и началъ составлять въ одномъ изъ городовъ недалекихъ отъ Кракова конфедерацію противъ короля Яна-Казимира, и когда воеводѣ былъ предъявленъ королевскій приказъ, въ силу котораго онъ долженъ былъ удалиться изъ города, то онъ во всеуслышаніе сказалъ: хорошо; я уйду изъ города, но за то и король уйдетъ изъ Польши.

• Правда, что предсказаніе его не сбылось, но за то панъ Гаданскій много надѣлалъ хлопотъ и королю, и тѣмъ магнатамъ, которые держали сторону его королевской милости. Вы, конечно, знаете Придольскій замокъ и Придольскіе лѣса, или, по крайней мѣрѣ, слышали о нихъ. Вотъ въ этихъ-то лѣсахъ и стали собираться конфедераты, а чтобъ имъ никто не мѣшалъ, пока дѣло велось въ тайнѣ, то они и распустили слухи о разныхъ чудесахъ, которыя будто бы дѣялись въ этомъ давнымъ давно заброшенномъ замкѣ. Народъ-то въ ту пору былъ еще полегковѣрнѣе, чѣмъ теперь. Стали вѣрить, и пошли ходить страшные рассказы о замкѣ по всему околodку, всѣ стали бояться этихъ мѣстъ до такой степени, что и проѣзжіе, и прохожіе старались миновать придольскій замокъ и его окрестные лѣса.

Въ то время я былъ куда какъ молодъ. Кровь сильно кипѣла во мнѣ; мнѣ очень хотѣлось побывать въ бою, а между тѣмъ въ эту пору Польша жила смирно со всѣми своими сосѣдями, воевать было не съ кѣмъ. Вотъ я и воспользовался конфедераціей пана Гаданскаго, да и пробрался къ нему въ лѣсъ.

Около осени пріѣхали къ намъ туда какіе-то три паньча и приказали, чтобы ихъ прямо вели къ пану воеводѣ, нашему предводителю. Поговоривъ особнякомъ съ паномъ Гаданскимъ, молодые люди записались въ нашъ отрядъ; одинъ изъ нихъ, назывался Кмита; двое другихъ были братья Пѣшковскіе.

Должно быть, у всѣхъ у нихъ было что-то недоброе на сердцѣ, потому что они избѣгали людей и общихъ разговоровъ; они держались ото всѣхъ въ сторонѣ и только украдкой шептались о чемъ-то между собою. Впрочемъ на такіе пустяки никто изъ конфедератовъ не обращалъ тогда большаго вниманія, потому что каждый изъ насъ былъ занятъ своимъ дѣломъ. Однажды, какъ теперь помню, на другіе сутки послѣ Духова дня, я и двое другихъ моихъ товарищей получили отъ воеводы приказъ — быть во всякое время готовыми на

привыкъ пана Кмита. Въ военной службѣ разсуждать не приказъ-вать, и хотя каждый изъ насъ по поводу такого неожиданнаго распориченіи и подумалъ многое, но однако мы исполнили приказъ въ точности. Не долго впрочемъ намъ пришлось ожидать, потому что въ этотъ же день вечеромъ панъ Кмита повелъ насъ въ Придольскій замокъ; вмѣстѣ съ нами пошли туда нѣсколько его прислужниковъ съ факелами.

Мы вошли въ замокъ, миновали нѣсколько комнатъ и наконецъ вошли въ круглую залу, которая, казалось, была когда-то оружейной. Здѣсь мы застали какого-то молодаго человѣка. Охъ! какъ гнѣвно взглянулъ онъ на насъ; не смотря однако на весь гнѣвъ, лицо его было чрезвычайно привлекательно. Видно было, что онъ сперва принялъ насъ за нечистую силу, но однако не струсилъ и ея, и выхватилъ саблю, готовился вступить въ бой даже съ чертами.

Когда же онъ узналъ Кмиту и Пѣшковскаго, то опустилъ саблю и грозно, не говоря ни слова, смотрѣлъ на нихъ; Кмита съ своими товарищами началъ укорять и оскорблять его, и тутъ-то мы догадались, что дѣло кончится не шуткой. А сначала мы подумали, что вѣроятно молодежь наша хотѣла позабавиться надъ какимъ нибудь смѣльчакомъ, который, желая показать свою удалъ, забрался одинъ въ проклятый замокъ.

О чемъ они между собою спорили въ эту пору, нельзя было разобрать хорошенько, но споръ кончился тѣмъ, что наши предложили ему драться со всѣми ими по очереди, грозя въ случаѣ отказа вызвать его на такой неравный бой жестокииъ оскорбленіемъ. Панъ Илиничъ, — такъ назывался, какъ я узналъ послѣ, этотъ молодой человѣкъ, — засвидѣтельствовалъ передъ Богомъ и нами, что напасть троицъ на одного значитъ поступать безчестно и затѣмъ сталъ готовиться къ поединку.

Передъ боеиъ противники Илинича потребовали отъ него клятву, что если онъ останется въ живыхъ, то не скажетъ никому, что съ ними было. Илиничъ безъ упорства далъ благородное слово, что исполнитъ ихъ желаніе.

Не разъ послѣ этой страшной ноци приводилось мнѣ быть въ кровавыхъ бояхъ и видѣть смерть моихъ храбрыхъ товарищей, но такого боя и такой смерти, какіе привелось мнѣ видѣть въ ту ночь, я не видывалъ никогда...

Противники стали тянуть жребій: первый узелокъ достался одному изъ Пѣшковскихъ. Завязался бой, но онъ былъ непродолжителенъ, потому что Илиничъ ловко рубнулъ своего противника по лѣвому плечу. Раненаго вынесли. Второй узелокъ достался другому Пѣшковскому, тотъ бился удалѣ своего брата и послѣ нѣсколькихъ жесто-

ченыхъ схватокъ онъ ранилъ Илинича въ руку, но Илиничъ, не смотря на это, успѣлъ отбить готовившійся ему смертельный ударъ и всадилъ свою саблю въ правый бокъ Пѣшковскаго; вынесли и этого.

Илиничъ былъ утомленъ до крайности, кровь текла изъ его раны; онъ тяжело дышалъ, и ему былъ нуженъ хотя маленькій отдыхъ, но панъ Кмита настанвалъ, чтобъ онъ тотчасъ же дрался и съ нимъ. Легко было догадаться, что надъ усталымъ Илиничемъ возьметъ верхъ еще бодрый Кмита. Но этого было мало, и прежде чѣмъ Илиничъ успѣлъ приготовиться къ отпору, его противникъ напалъ стремительно и нанесъ ему въ голову тяжелый ударъ. Илиничъ закачался и упалъ на полъ, укоряя Кмиту въ вѣроломствѣ. Тотъ вышелъ изъ себя и, бросившись на лежавшаго Илинича, еще разъ со всего размаха рубнулъ его по головѣ...

Илиничъ глухо стоналъ, но панъ Кмита, не обращая на то никакого вниманія, велѣлъ оставить его одного въ замкѣ, а самъ со всѣми, кто провожалъ его, вышелъ оттуда въ лѣсъ подземными ходами. Признаться, я хотѣлъ было испытать мою саблю на головѣ пана Кмиты, но дѣло мое было подначальное, да при томъ я подумалъ, что око Господне видѣло все это и что рано или поздно Господь Богъ накажетъ Кмиту за неправо дѣло.

На другой день послѣ этого, я подъ предлогомъ, что мнѣ нужно видѣть старика-отца, оставилъ наше сборище, давши честное слово не говорить о случившемся въ замкѣ никому до тѣхъ поръ, пока будутъ въ живыхъ Пѣшковскіе и Кмита; теперь ихъ уже нѣтъ на свѣтѣ, и потому клятва моя не обязательна.

Бродя послѣ того долго по свѣту, я прислушивался къ людской молвѣ и наконецъ узналъ, что поединокъ съ Илиничемъ былъ за богатое наслѣдство и за дочь какого-то подкоморія, которая нравилась крѣпко и пану Кмитѣ.

— Ну, а что же потомъ было съ Кмитой? спросила робко одна изъ дѣвушекъ, слушавшихъ рассказъ старика.

Панъ Кмита погибъ страшною смертию, отвѣчалъ рассказчикъ: — въ одной неудачной стычкѣ онъ, избѣгая погони, поворотилъ въ чащу Придольскаго лѣса, тамъ наткнулся на стаю волковъ и былъ растерзанъ ими.

Е. КАРНОВИЧЪ.

СОЛДАТНИН.

Заиграло солнышко на каскахъ, на штыкахъ,
Съ боку офицерики гарцуютъ на коняхъ.
Идутъ, идутъ съ пѣснями, рядами — погляди —
Машетъ—пляшетъ, прыгаетъ въ присядку впереди.
Туго барабанчики позвякиваютъ въ разъ,
Пѣсенка солдатская закатомъ полилась.
Пѣсенка солдатская, громка и далека,
По полю промчалася до синяго лѣска.
Съ бубнами, съ трезвонами солдатики поютъ...
Въ рощѣ всполохнулись — не насъ ли бить идутъ?
Съ крикомъ галки черныя поднялись на улѣтъ,
Хмурымъ волкъ потушился, опушкою идетъ.
Сѣрый зайка выскочилъ овсами на улѣтъ,
Пташки позабылися въ тѣнистый островокъ...
Ты не бойся, пташенька, не бойся, сѣрый волкъ —
Дальними дорогами уходитъ царскій полкъ.
Тамъ палать изъ пушечекъ, кораблики бѣгутъ,
Саблями да пулями изводятъ Божій людъ.
Кровью тамъ все полито, тѣлами постанѣ!
Очень, братцы, дѣло то предъ Господомъ грѣшно!
— Кинулъ, мой сердечненькій, меня ты на кого,
Какъ останусь горькая безъ мужа своего?
Буду я, сердечненькій, тебя все поджидать,
Буду подъ окошечкомъ я плакать, горевать...
«Долно! Подъ окошечко ты плакать не пойдешь,
Друга—то сердечнаго сподручнѣ найдешь. —
Ночью повѣнчаются безъ батьки, безъ креста,
Около зеленаго ракитова куста.»

О. ВЕРГЪ.

ПРОЦЕССЫ О ПЕЧАТИ ВЪ АВСТРИИ.

III.

СУДЪ И «ЛЕГАЛЬНОСТЬ».

Недавнія новѣстія о дѣлѣ Грегера, бывшаго редактора «Народныхъ Листовъ», даютъ намъ случай остановиться еще разъ на процессахъ о печати. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, Грегерьъ, уже заключенный въ тюрьму, уже кончившій расчеты съ властью за свои политическія убѣжденія, подвергся новому процессу. Мы еще не знаемъ, чѣмъ онъ кончится. Поводъ къ процессу отысканъ былъ въ «Народныхъ Листахъ» за то время, когда первый процессъ уже велся судебнымъ порядкомъ. Откуда могло явиться желаніе отыскать этотъ поводъ, легко себѣ представить, если припомнить аналогическіе примѣры встрѣчь судящаго оффиціального вѣдомства съ общественнымъ мнѣніемъ, — особенно, когда судящее вѣдомство (въ высшей инстанціи) принадлежитъ, какъ въ Австріи, къ одной народности, а общественное мнѣніе представляетъ собой другую народность. Читатель вспомнитъ, что процессъ Грегера вызвалъ у чеховъ многочисленныя и горячія манифестаціи, которыя слишкомъ явно обнаруживали настроеніе общества и его несогласіе съ судящей властью.

Это ли было настоящей причиной новаго процесса, который бы доказалъ, что власть продолжаетъ стоять на своемъ прежнемъ мнѣніи о преступности Грегера, или дѣйствительно судьи

руководило строгое юридическое убѣжденіе, но Грегерь въ тюрьмѣ снова долженъ былъ выдерживать допросы и слѣдствія. Юристы безъ всякаго сомнѣнія не найдутъ въ этомъ ничего удивительнаго: должна же быть удовлетворена «высшая идея правды», которая, конечно, не должна останавливаться какиминибудь посторонними соображеніями; если обыкновенный преступникъ подвергается новому слѣдствію и суду, когда за нимъ открывается новое преступленіе, то какъ же можетъ быть освобожденъ отъ нихъ такой же преступникъ, совершающій свое преступленіе словомъ. Повторяемъ, что съ юридической точки зрѣнія подобный случай не подлежитъ, вѣроятно, никакому сомнѣнію, не только по австрійскому, но пожалуй, и по любому другому законодательству. Намъ кажется однако, что подобный случай можетъ подвергнуться и другому, не юридическому толкованію, которое имѣетъ свои достаточные резоны и приводитъ къ инымъ результатамъ. Можетъ быть, окажется по этому толкованію, что этотъ процессъ противъ Грегера есть чистая несправедливость, что съ «высшей идеей правды» было бы сообразнѣе, если бы его вовсе не начинали.

Говоря о ходѣ и результатахъ перваго дѣла, мы выразили наше мнѣніе, что Грегерь былъ правъ въ тѣхъ обвиненіяхъ, которыя на него ввели, что судъ былъ несправедливъ, во первыхъ въ томъ, что не хотѣлъ признать за нимъ конституціоннаго права выражать свои политическія убѣжденія; во вторыхъ въ томъ, что прилагалъ къ вопросу чисто конституціонному законъ изъ времени полнѣйшаго абсолютизма; въ третьихъ въ томъ, что началъ процессъ прежде, чѣмъ были выполнены обыкновенныя превентивныя мѣры предосторожности, предписанныя тѣмъ же закономъ. Публичный судъ, выслушивавшій судебныя дебаты и защиту Грегера, поддался до нѣкоторой степени доводамъ этой защиты, но высшая инстанція, какъ мы видѣли, увеличила опредѣленную имъ мѣру наказанія. Это отзывалось явнымъ преслѣдованіемъ...

Между тѣмъ, по мнѣнію австрійскихъ юристовъ, не только гласный судъ, но и высшая инстанція, конечно, были правы, т. е. удовлетворили юридическимъ требованіямъ. Они оправдаютъ и новый процессъ... Мы хотѣли бы теперь уяснить себѣ положеніе подсудимаго, понять его не съ одной точки зрѣнія уголовнаго кодекса и его морали, а съ простой точки зрѣнія здраваго смысла и здраваго человѣческаго чувства.

Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что всѣ обвиненія, которыя были вводимы противъ Грегера, и какія вообще могутъ быть вводимы на писателя и публициста, сводятся къ одному, что онъ защищалъ интересы федерализма, своей политической партіи, что онъ высказывалъ открыто свои убѣжденія. Правда, прокуроръ и судъ привязывались къ фразамъ, видѣли въ нихъ оскорбленіе личности, но Грегерь достаточно доказалъ, что для него вовсе не нужно было оскорблять личности, и весь вопросъ состоялъ въ опредѣленіи чисто отвлеченнаго вопроса, совершенно независимаго отъ той или другой личности. Дѣйствительно, будъ статьи Грегера написаны совершенно иначе, лишены всякихъ личныхъ указаній, но если бы только онъ положительно проводилъ ту же главную мысль, результатъ былъ бы одинъ. Очевидно, что въ преступленіи Грегера преступленіемъ были не отдѣльныя фразы, а цѣлый характеръ идей, направленіе. Онъ самъ достаточно доказалъ, что процессъ его былъ процессомъ противъ тенденціи. И это было дѣйствительно ясно для всѣхъ; въ этомъ могъ не признаться только одинъ судъ, въ его обѣихъ инстанціяхъ.

Когда Грегерь старался доказать, что его процессъ есть процессъ противъ тенденціи, когда всѣ схватывались за этотъ фактъ, когда правительство начало преслѣдовать адреса сочувствія, которые население начало посылать Грегеру и которые доказывали, что въ самомъ дѣлѣ вопросъ шелъ объ известной тенденціи, — ясно, что въ этомъ преслѣдованіи тенденціи всѣ находили что-то неодобрительное: въ глазахъ общества быть жертвой такого процесса значило сдѣлаться предметомъ интереса и возбудить къ себѣ симпатію; для правительства, приняться въ подобномъ характерѣ дѣйствій было непріятно. Ясно, что, не смотря на юридическія положенія уголовного кодекса, общественная совѣсть была противъ этого преслѣдованія направленія, мысли, взгляда на вещи; ясно, что общественное сознаніе оставляло за членами общества право имѣть тотъ или другой образъ мыслей, не оспаривало ихъ нравственной свободы, которую оспаривалъ кодексъ. Юридическія понятія оказывались враждебны здравому смыслу.

Намъ скажутъ, что сочувствіе къ писателю объясняется здѣсь гораздо проще не этимъ общественнымъ сознаніемъ, не этимъ признаніемъ нравственной свободы, а духомъ партіи, при томъ такой, которая вообще враждебна къ правительству и не

хочет признавать его принципы. Но это несправедливо. Пусть партии стоятъ въ обратномъ порядкѣ; пусть въ разрядъ обвиненныхъ попадутъ люди не прогрессивныхъ понятій, консерваторы, клерикалы, ультрамонтаны, реакціонеры (исторія прессы представляетъ и такіе примѣры), и процессъ, вызванный тенденціей, возбудитъ и въ нихъ такое же негодованіе; они точно такъ же будутъ ссылаться на общественную совѣсть, точно такъ же будутъ гордиться мученичествомъ за идею.

Какимъ же образомъ относится къ этому явленію уголовный кодексъ и уставы о печати?

Для избѣжанія недоразумѣній замѣтимъ, что мы имѣли въ виду не какія нибудь особенныя преступленія печати, на примѣръ, клевету, личныя оскорбленія, нарушеніе нравовъ и т. п., а только тѣ преступленія, въ которыхъ всего чаще, почти исключительно обвиняются политическіе писатели и публицисты, преступленія тенденціи. Уголовный кодексъ относится къ нимъ такъ же, какъ ко всякому другому уголовному случаю: по приемамъ судопроизводства о дѣлахъ печати писатель совершаетъ преступленія точно такъ же, какъ совершаются кража, обманъ, подлогъ; важность преступленія мѣрится числомъ случаевъ и рангомъ правительственныхъ органовъ, которымъ противорѣчитъ публицистъ, какъ кража наказывается сообразно количеству украденныхъ денежныхъ цѣнностей. Нечего говорить о томъ, какъ странно прилагать такую мѣрку къ литературной дѣятельности писателя, составляющей результатъ извѣстнаго, сложившагося убѣжденія, сознательнаго взгляда на вещи, дѣятельности, посвященной отвлеченному интересу — политическому, умственному или нравственному. Эта несообразность обнаруживается почти всегда въ томъ способѣ, которымъ уголовный кодексъ или судъ принимаются за дѣла подобнаго рода: обвиненіе составляется по нѣсколькимъ отдѣльнымъ фразамъ; обвинитель старается набрать какъ можно больше обвинительныхъ пунктовъ такого рода; объясняютъ преступность этихъ фразъ по параграфамъ устава; когда его опровергаютъ, прибѣгаютъ даже къ грамматическимъ доказательствамъ и ссылаются на то, гдѣ поставлена запятая, и т. д., тогда какъ ясно для каждаго посторонняго человѣка, что фраза не имѣетъ въ дѣлѣ никакой важности, что она могла быть написана иначе, и сущность дѣла осталась бы та же. Для кодекса и для судьи фраза остается пунктомъ преступленія, средствомъ доказательства, какъ сломанный замокъ въ веровствѣ со зло-

момъ. Кодексъ и судья останавливаются на фразѣ, какъ будто преступленіе сосредоточилось въ ней; между тѣмъ, фраза давно забита прочитавшими ее, въ нихъ остается одно общее впечатлѣніе извѣстнаго образа мыслей, за который писатель карается закономъ. Это впечатлѣніе въ большинствѣ случаевъ бываетъ неловко для самого судьи: ему тяжело сознаться, что онъ казнить человѣка за его внутреннее убѣжденіе; судья чувствуетъ, что тѣ вещи, которыя онъ выдаетъ за преднамѣренное злодѣяніе, составляютъ необходимое качество мысли писателя, тѣсно сросшееся съ его внутреннимъ организмомъ, что онъ посягаетъ на самую глубокую сторону человѣческой личности.

Отсюда происходитъ нежеланіе признаться, что процессъ ведется противъ направленія, то есть противъ убѣжденій писателя.

Но вѣдь нельзя же оставить въ покоѣ и направленія, когда оно вредно для общественнаго спокойствія, скажутъ намъ. Положимъ; но въ большинствѣ случаевъ, которые подають поводъ къ процессамъ противъ писателей и публицистовъ, это направленіе вовсе не представляетъ такого вреда или опасности общественному спокойствію. Въ большинствѣ случаевъ писатель служитъ только выраженіемъ извѣстнаго порядка идей, уже существующаго и даже господствующаго въ обществѣ. Это особенно ясно въ примѣрѣ процесса Грегера. Его адвокатъ заявляетъ, — и судьи сами знаютъ очень хорошо, — что тѣхъ же мнѣній, какъ онъ, держатся тысячи и миллионы людей, что эти тысячи людей должны были бы подпасть тому же наказанію, которымъ судъ хотѣлъ карать понятія Грегера. Манифестаціи совершенно подтверждали это. Грегерь положительно доказывалъ, что его мнѣнія тождественны съ мнѣніями федералистской партіи въ цѣлой Австріи, что эти мнѣнія открыто высказываются въ палатѣ представителями австрійскихъ народностей, и между прочимъ представителями его собственной народности. Вопросъ переставалъ быть личнымъ; онъ дѣлался вопросомъ общественнымъ и политическимъ: судъ вынулъ нередеъ собой только одну единицу изъ цѣлой массы, совершенно раздѣляющей свойства этой единицы, и при всемъ томъ онъ стоялъ на своемъ, преслѣдовалъ эту одну встрѣтившуюся личность и не заботился о массѣ. Соблюдается ли этимъ «высшая идея правды» юристовъ?

Эта сила убѣжденія, которая ставитъ въ неловкое положеніе судью писателя, сказывается во множествѣ другихъ аналогич-

ческих явлений общественной жизни. Преслѣдованіе убѣжденій съ помощію одного грубаго насилія можетъ казаться естественнымъ только для людей или слишкомъ неразвитыхъ или слишкомъ испорченныхъ. Любопытно, напримѣръ, что когда начинались у насъ преслѣдованія раскольниковъ, — а въ то время не знали особенной деликатности относительно убѣжденій, — преслѣдованіе старались скрывать подъ какими нибудь иными предлогами. Петръ въ собственноручной инструкціи Ржевскому говорилъ, что надобно стараться, *буде возможно явную силу сыскать кромѣ раскола*. Ясно, что ему не хотѣлось преслѣдовать раскольниковъ за религиозное убѣжденіе, за то, что должили бытъ личнымъ дѣломъ cadaго.

Это лицемѣрное отношеніе уголовнаго кодекса къ преступленіямъ печати, или другими словами, къ убѣжденіямъ писателя, служащаго только представителемъ мнѣній общества или значительной его части, не составляетъ, конечно, принадлежности одного австрійскаго кодекса. Австрійскій законъ о печати, по которому судили Грегера, соединяетъ въ себѣ вообще всѣ главные элементы обыкновенныхъ репрессивныхъ законодательствъ по дѣламъ прессы, господствующихъ въ конституціонныхъ государствахъ Европы, — такъ что тѣ же заключенія должны бытъ отнесены и къ этимъ законодательствамъ. Въ процессѣ Грегера свойство этихъ репрессивныхъ законодательствъ выразилось довольно ярко въ томъ фактѣ, что процессъ начать былъ, когда понадобилось подавить общественное мнѣніе, не смотря даже и на то, что не были исполнены предварительныя мѣры, требуемыя отъ полицейской власти тѣмъ же самымъ закономъ. Надѣмся, что и юристы согласятся, что въ этомъ случаѣ ихъ «высшая идея правды» была не совсѣмъ удовлетворена австрійскими властями.

Новый процессъ противъ Грегера, уже сидѣвшаго въ тюрьмѣ, начать былъ безъ сомнѣнія тѣмъ же порядкомъ, то есть безъ всякой предварительной остановки инкриминованнаго номера газеты. Другими словами, беззаконіе суда совершенно было въ другой разъ, не смотря на то, что на него было уже указано въ первой защитѣ Грегера. Газета не была и временно запрещена, какъ требовалъ тотъ же законъ.

Къ чему же приводится, слѣдовательно, субъективное положеніе редактора? Онъ оказывается человѣкомъ, отданнымъ на жертву враждебнаго произвола и лишеннымъ всякихъ средствъ

институты. Стоитъ ли ему въ отношеніи къ своимъ врагамъ быть такимъ ревностнымъ слугою легальности, какимъ показалъ себя Грегерь? Собственно говоря, это было все равно: онъ предвидѣлъ конечно, что конецъ будетъ одинъ, какъ бы онъ ни дѣйствовалъ теперь. Правящая партія увидѣла въ немъ врага и не задумалась въ обвиненіи. Съ этой стороны легальность оказалась для Грегера совершенно бесполезной: мы полагаемъ, что въ этомъ согласятся съ нами и юристы «высшей идеи правды», если разберутъ внимательно процессъ «Народныхъ Листовъ».

Такъ и было съ Грегеромъ, и исторія прессы можетъ представить множество примѣровъ этого рода еще болѣе поразительныхъ. Сколько разъ со временъ Гуса и Галилея идеи осуждаемаго писателя побѣждали наконецъ ту темную силу, которая старалась подавить ихъ. Мы напомнимъ читателю въ высшей степени любопытную статистику преслѣдованій прессы, приведенную Боклемъ въ его очеркъ французскаго образованія до конца XVIII столѣтія. Писатели подвергались осужденіямъ, *lettres de cachet*, но общество отдавало имъ столько сочувствія, что оно проникало наконецъ и въ самый кругъ официальныхъ властей и пораждало такія странныя явленія, какъ, напримѣръ, случай съ Дидро, когда Малербъ, главный директоръ прессы, самъ предупреждалъ его, что у него будетъ обыскъ, и даже предлагалъ Дидро спрятать его бумаги у себя, или тотъ случай съ Ж. Ж. Руссо, когда герцогъ Люксембургскій уговаривалъ его ѣхать отъ грозящаго ареста и когда Руссо, выѣзжая изъ дому, встрѣтился и раскланялся съ полицейскими, которымъ приказано было его взять.

Подобные факты явнымъ образомъ указываютъ, что тамъ, гдѣ они возможны, между юридическимъ преданіемъ и общественнымъ развитіемъ оказывается полный разрывъ, цѣлая пропасть, что законъ перестаетъ быть нравственной силой. Въ такое запутанное положеніе впадаютъ и нѣкоторыя репрессивныя законодательства о печати, и намъ кажется, что ученые юристы, заботящіеся объ усовершенствованіи понятій права и закона, не должны скрывать отъ себя этого несовершенства закона, если ихъ стремленія идутъ дальше устарѣлой рутины. Простая справедливость указываетъ на эту юридическую задачу, потому что иначе, при господствѣ старыхъ понятій положительнаго законодательства, вошедшихъ въ обычай, писатель останется, какъ мы сказали, беззащитной жертвой. Судья,

даже при всей доброй волѣ, даже при сознаниі отсутствія вины; быть можетъ, окажется иной разъ безсильнымъ — рѣшить дѣло справедливымъ образомъ. Въ этомъ случаѣ гораздо больше гарантіи представляютъ (въ принципѣ) тѣ законодательства, гдѣ принято въ основаніе предупредительное начало: превентивная цензура просто и впередъ объявляетъ одно дозволеннымъ, другое недозволеннымъ; писатель долженъ исполнять это, но, по крайней мѣрѣ, онъ огражденъ отъ дальнѣйшихъ неприяностей.

Но мы говоримъ теперь о судьбѣ писателя или публициста въ государствѣ, объявившемъ либеральныя правительственныя принципы. Мы возвращаемся къ его субъективному положенію. Мы видѣли, что его легальность не помогла ему въ его общественной дѣятельности; заявленные имъ мнѣнія касательно «диплома» ставили даже Грегера въ фальшивыя отношенія, невѣрность которыхъ чувствовалась безъ сомнѣнія и имъ самимъ. Публицистъ съ авторитетомъ, онъ во имя этой легальности долженъ былъ представлять вѣрившей ему публикѣ извѣстные принципы за прочныя, — таковы были его похвалы «диплому», — тогда какъ это вовсе не оправдывалось самымъ дѣломъ. Публицистъ вводилъ своихъ читателей въ заблужденіе. Самъ лично онъ впрочемъ достаточно заплатилъ за это заблужденіе: его собственннй процессъ долженъ былъ вразумить его публику, что онъ ошибался въ этомъ случаѣ. Но съ другой стороны эта легальность — хотя можетъ быть въ нѣсколько иномъ направленіи — должна была необходимо руководить его дѣятельностию. Такое положеніе писателя, стѣсненнаго въ своей дѣятельности, приводитъ за собой слѣдующую мораль.

Писатель держится мнѣній противныхъ мнѣніямъ господствующей партіи; эта партія имѣетъ возможность при первомъ желаніи повредить ему, остановить его дѣятельность. Прежде, во времена абсолютныя, писатель могъ быть просто отправленъ въ ссылку, какъ случилось напримѣръ съ Гавличкомъ. Теперь, во времена конституціонныя, нуженъ необходимо поводъ, который бы позволилъ привязаться къ личности писателя. Въ этомъ случаѣ легальность можетъ быть его единственнымъ спасеніемъ, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени.

Легальностью и спокойствіемъ писатель въ извѣстныхъ обстоятельствахъ только выигрываетъ. Представимъ себѣ, что она даже не спасла его, какъ Грегера, отъ процесса и заключенія въ тюрьму, — сочувствіе общества увеличивается тѣмъ больше,

если оно видѣть, что писатель исполнилъ юридическія условія, которыя отъ него требуютъ, что преслѣдованіе само сходитъ съ законной почвы. Чѣмъ больше сочувствіе общества, тѣмъ больше писатель усиливаетъ свое вліяніе. Воздерживая себя отъ тѣхъ увлеченій, въ которыя могло бы завести его чужое беззаконіе и чужая несправедливость, онъ тѣмъ лучше служитъ своему собственному дѣлу. Если противная партія успѣваетъ обвинить его въ чемъ нибудь, кромѣ его существеннаго законнаго дѣла, его процессъ теряетъ свойство процесса изъ-за направленія, и онъ лишается возможности дѣйствовать, уже чисто-случайнымъ образомъ. Впечатлѣніе процесса на общество исчезнетъ.

Съ другой стороны, легальность для преслѣдуемаго писателя можетъ представить другаго рода пользу. Она по крайней мѣрѣ предохранитъ до нѣкоторой степени личность писателя отъ опасности, которыя иначе угрожаютъ ей. Въ пятидесятыхъ годахъ австрійское министерство Баха всѣми путями подкапывалось подъ Гавличка; оно начинало процессы, но они не удавались, потому что въ присяжныхъ было сильно общественное мнѣніе, и Гавличекъ не выходилъ изъ конституціонныхъ границъ. Наконецъ, министерство не могло выдержать: не дожидаясь больше процессовъ, оно воспользовалось первымъ случаемъ и послало Гавличка въ ссылку. Тамъ оно, по крайней мѣрѣ, оставило его на свободѣ. Если бы Гавличекъ имѣлъ неблагоразуміе дать министерству поводъ къ законному преслѣдованію, — если бы онъ оскорбилъ при этомъ или министерство, или тѣхъ жандармовъ, которые пришли его брать, онъ доставилъ бы министерству Баха только поводъ отомстить ему.

Въ такомъ положеніи находится теперь и Грегерь. По всей вѣроятности, этотъ процессъ точно такъ же скрываетъ преднамѣренную цѣль, какъ подобную цѣль указывала защита Грегера и въ первомъ процессѣ. Когда человекъ сидитъ уже въ тюрьмѣ, когда онъ лишился своего редакторскаго права и даже докторской степени (!), можно было бы уже оставить дальнѣйшее преслѣдованіе, если можно было прежде такъ долго не начинать его. Какой исходъ можетъ имѣть этотъ процессъ? Ясно, что оффиціальныи обвинитель, дѣйствующій—какъ доказывалъ Клауди — по внушеніямъ министерства, добивается только одного: ему хочется продолжить срокъ десяти мѣсяцевъ заключенія до пяти лѣтъ, которыя были предложены еще въ первомъ процессѣ. Если министерство имѣетъ вліяніе на ходъ

подобныхъ дѣлъ, въ чемъ трудно сомнѣваться, то конечно, процессъ въ той или другой степени и достигнетъ своей цѣли. Безъ суда присяжныхъ, сколько нибудь всегда представляющаго общественное мнѣніе, подобный процессъ невозможенъ.

Въ этихъ случаяхъ писателю остается одно средство борьбы— въ его легальности, quand même, что бы она ему ни стоила. Въ его отвѣтахъ и защитѣ передъ судомъ не должно быть иной точки зрѣнія: ему опасно говорить съ своими судьями откровенно, излагать свой образъ мыслей прямо, выдавать имъ свой идеалъ, какъ бы ни былъ этотъ идеалъ распространенъ въ цѣлой массѣ общества. Здѣсь были бы неумѣстны вспышки негодованія: испорченное судейское воображеніе перетолкуетъ ихъ только въ дурную сторону.

Для Грегера эти вспышки могутъ быть естественны въ настоящую минуту: человекъ болѣзненный, онъ и безъ того, можетъ быть, раздраженъ преслѣдованіемъ дѣла, которое онъ въ своемъ глубокомъ убѣжденіи считаетъ и правымъ и законнымъ. Въ этомъ раздраженіи и экзальтаціи у него могутъ вырваться слова, которыя выдадутъ внутреннее состояніе его души: онъ долженъ беречься этого, потому что такія вещи не оговорены въ уставѣ о печати, и судья не обязывается вникать въ психологическое состояніе подсудимаго. Судъ заноситъ въ протоколъ только голыя фразы и помѣчаетъ, гдѣ и какъ онѣ сказаны.

Не знаемъ, испытывалъ ли Грегерь подобное состояніе въ своемъ тюремномъ процессѣ. Быть можетъ, нѣтъ: мы знали его за человека, умѣвшаго смотрѣть на вещи хладнокровно; притомъ онъ юристъ, отвлеченный журналомъ отъ адвокатуры и знакомый съ судейскими порядками, и слѣдовательно можетъ не поддаться неблагоприятному порыву. Но сколько есть людей другаго рода и другаго темперамента, людей, сдержанности которыхъ не доставитъ на то, чтобы остаться хладнокровнымъ свидѣтелемъ извращенія собственнаго дѣла. Если они прежде и сохраняли свое легальное положеніе, они могутъ потерять его теперь, въ рѣшительную минуту, когда именно и слѣдовало выдержать характеръ.

Къ такой нерациональности приводитъ форма суда, господствующаго теперь въ Австріи надъ произведеніями печати и убѣжденіями и личностью писателя. Австрійскій законъ 1852 г. изданъ Бахомъ, который считается хоронимъ юристомъ, и австрійские

юристы безъ сомнѣнiя одобряютъ и оправдываютъ юридическiя формы, по которымъ судья оказывается слугою преслѣдованiя; легальность должна превращаться только въ казуистику, полезную въ данномъ случаѣ; на писателя обрушивается вся ненависть партiи, взявшей верхъ, противъ другой партiи или даже цѣлой массы общества; права человѣческой личности писателя оказываются вещью, которой не стоитъ даже заносить въ протоколъ.

Эта несостоятельность уничтожается въ репрессивныхъ законодательствахъ о печати только двумя средствами: независимостью судей и присяжными. Но для того, чтобы эти средства дѣйствовали правильно, нужно очень много условiй: трудно достигнуть того, чтобы независимость суда была полная, нужно значительное развитiе общества, чтобы судья могъ остаться совершенно самостоятельнымъ исполнителемъ своего дѣла; съ своей стороны, и присяжные не составляютъ сами по себѣ совершенно безупречнаго учрежденiя, — безъ доброй воли власти это учрежденiе точно такъ же можетъ быть извращено и поставлено на ложный путь, какъ извращена, на примѣръ, система выборовъ въ той же самой Австрiи.

Система репрессивнаго закона о печати, по нашему мнѣнiю, можетъ сохранить безпристрастное отношенiе къ литературѣ, обществу и личности писателя только при названныхъ условiяхъ. Безъ того она никогда не обезпечитъ справедливости, такъ какъ она нисколько не обезпечила ея въ разсказанномъ нами процессѣ Грегера. Никакiя юридическiя толкованiя не уничтожатъ возможности пристрастiя и насильственнаго дѣйствiя партiи, взявшей верхъ. Сегодня терпятъ въ Австрiи федералистскiя журналы и литература, потому что власть принадлежитъ партiи централизованной и нѣмецкой; но никто не увѣритъ насъ и въ томъ, что если возьмутъ верхъ федералисты, они не будутъ такимъ же образомъ преслѣдовать литературу централизованную. Какимъ бы мы ни представляли себѣ журналиста или писателя спокойнымъ и совершенно благонамѣреннымъ, искренно преданнымъ своему убѣжденiю и мирно защищающимъ его однимъ оружиемъ слова и логики, — этотъ писатель будетъ однако по прежнему одинъ становиться жертвой убѣжденiя, которое раздѣляютъ съ нимъ тысячи людей. Вся вина его будетъ заключаться только въ томъ, что по своему таланту и доброму намѣренiю онъ сдѣлается истолкователемъ потребностей и желанiй цѣлаго общества; что вызванный тѣмъ правомъ, которое даетъ ему консти-

туція страны, онъ рѣшится отдать свое время, свой трудъ и свои привязанности служенію общей пользы.

Такого репрессивнаго кодекса и такого исполненія его, какія мы находимъ въ Австріи, не оправдаетъ никакая юридическая казуистика. Фальшивость дѣла ясна здѣсь для всякаго, кто смотритъ на него со стороны. По нашему мнѣнію изъ этого положенія возможны только два разумные исхода: или цензура предупредительная, когда общество, по мнѣнію правительства, еще не можетъ пользоваться самостоятельностью и свободой слова; или совершенно правильное устройство репрессивной цензуры съ гарантіями правильности суда и уваженія къ личности писателя. Въ первомъ случаѣ государство беретъ на себя приговоръ надъ произведеніемъ писателя и затѣмъ оставляетъ въ сторонѣ автора, — такъ что личность писателя обезпечивается. Въ другомъ случаѣ она должна быть также обезпечена на столько, на сколько писатель имѣетъ солидарность съ обществомъ. Безъ того, писатель дѣлается отвѣтственнымъ за характеръ цѣлаго общества и подвергается гоненію совершенно несправедливо: общество заявляетъ ему свое сочувствіе, находя въ его произведеніяхъ развитіе своихъ собственныхъ идей и стремленій, оно высказываетъ свое сочувствіе иногда очень горячо, поддерживаетъ его своимъ согласіемъ на выбранной имъ дорогѣ, часто подстрекаетъ его идти дальше, и затѣмъ малодушно и безнравственно оставляетъ его, когда выраженіе этихъ самыхъ идей, произнесеніе этихъ самыхъ словъ, подвергается его опасности и преслѣдованію. Человѣкъ становится виноватъ за чужой интересъ и за собственный талантъ. Человѣческая справедливость, — не знаемъ, согласна ли она въ этомъ съ научно-юридической «идеей правды», — требуетъ, чтобы общество, если оно прежде заявляло свою солидарность съ писателями, не забывало этой солидарности и послѣ.

— А —

СОВРЕМЕННОСТЬ

1863

№ VI ЮНЬ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА ВУЛЬФА

(На Литейной, близъ Невскаго проспекта, домъ Зыбной № 60)

	Стр.
I. — КОЕ-ЧТО ИЗЪ ЖИЗНИ ЗАСКАМЕЙНОЙ. Повѣсть И. НОВИЦКАГО.	241
II. — АСПРОМОНТЕ. ЛЕОНА БРАНДИ.	285
III. — I. ЖЕРТВЫ. — II. ПРОГРЕССЪ. Стихотв. В. ВУРЕННА.	310
IV. — ЛОТЕРЕЯ. Разсказъ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА.	313
V. — МОИ СКИТАНІЯ ПО БѢЛУ СВѢТУ. Н. В. БЕРГА.	337
VI. — «О горькая бѣдность!» Стихотв. С. ДУРОВА.	368
VII. — НѢСКОЛЬКО ПОДРОБНОЕ, НО ВЕСЬМА ПРАВДИВОЕ ЖИЗНЕОПИСАНІЕ ОДНОГО ГОРОДСКАГО ГОЛОВЫ. СЕМЕНА МАКАШИНА.	371
VIII. — НЕДѢЛЯ ВЪ КИТАЙСКОЙ КУМИРНѢ, ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕКИНА.	403
IX. — ПИСЬМА ОБЪ ОСТАШКОВѢ. В. А. СЛѢПЦОВА.	439

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

X. — СЛАВЯНСКІЙ ЮГЪ. Ж. СКАВА.	259
XI. — НОВЫЕ НАШИ БЛАГОДѢТЕЛИ.	275
XII. — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — МЕТОДЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ. I. (Методы разработки положительнаго права и общественное значеніе юристовъ, отъ глоссаторовъ до конца XVIII столѣтія, изслѣдованіе А. Стоянова). Ю. Г. ЖУКОВСКАГО.	285
XIII. — НОВЫЯ КНИГИ: Стихотворенія К. Павловой (311). — Последніе дни жизни и кончина Александра Сергѣевича Пушкина. Со словъ бывшаго его лицейскаго товарища и секунданта, Константина Карловича Данвасса. Изданіе Я. А. Исакова (317). — Отчетъ члена главнаго правленія училищъ Воронова по обзорнію учебныхъ заведеній московскаго округа. — Отчетъ члена главнаго правленія училищъ тайнаго совѣтника Могиланскаго по обзорнію гимназій Харьковскаго учебнаго округа въ 1863 году (328). — Курсъ исторіи русской литературы (съ библиографическими указаціями). Соч. К. Петрова.	333

БОЕ-ЧТО ИЗЪ ЖИЗНИ ЗАСКАМЕЙНОЙ.

Говорятъ, пріятно вспомнить о невозвратныхъ лѣтахъ дѣтства: не знаю, справедливо ли это въ отношеніи ко всѣмъ вспоминающимъ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, извѣстно (да и кому, я думаю, не извѣстно), что есть много старыхъ и не совсѣмъ старыхъ людей, которые по разнымъ причинамъ не любятъ вспоминать дней дѣтства и первой юности, — этой, безспорно, лучшей поры въ короткой жизни человѣка... Стоитъ ли, напримѣръ, какому нибудь пономарскому сыну вспоминать свое прошлое? Стоитъ ли вспоминать тѣ тяжелые, длинные годы, которые короталъ онъ нѣо дня въ день за скучной скамейой сухой, непривѣтливой и строгой мачихи школы, навязавшей ему тѣ типичныя черты, по которымъ всякій безъ труда узнаетъ семинариста, и ту жесткую, толстую кору, которая долго не сглаживается и за стѣнами школы? Впрочемъ, человѣкъ страшное и капризное твореніе; онъ иногда находитъ для себя какое-то особенное удовольствіе въ воспоминаніяхъ даже тяжелаго, горькослезнаго прошлаго, прожитыхъ невзгодъ и горя... Потому-то, кажется, больше и мнѣ хочется возобновить въ памяти свое прошлое и порассказать кое-что изъ заскамейнаго міра, который, какъ и всякій міръ, имѣетъ свои характеристическія особенности, свои нравы, предавія, свою борьбу и героевъ и, если хотите, свой прогрессъ.

I.

ОТПРАВКА ВЪ УЧИЛИЩЕ.

Родитель мой, старый дьяконъ села С., былъ очень строгъ и имѣлъ не совсѣмъ пріятный характеръ почти всегдашней молчаливости и постоянно напряженной думы. Бывало, рѣдко кто изъ домашнихъ услышитъ отъ него ласковое слово. Безпокою ли его что-нибудь, затѣвалъ ли онъ сдѣлать что-нибудь по хозяйству, по службѣ, или относительно своихъ домашнихъ, — объ этомъ никто, не исключая и матери, не могъ знать. Я, напримѣръ, очень хорошо помню свою нечаянную отправку въ училище, какъ будто она была не далѣе, какъ только недѣлю назадъ. Отецъ ранѣе ничего не говорилъ на счетъ моей отправки; но сдѣлалъ дѣло такъ, что изъ-подъ теплаго крыла матери я вдругъ очутился въ сферѣ новой, странной и тягостной жизни, — жизни за-скамейной.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ, въ исходѣ мѣсяца августа, какъ помнится, въ воскресный день, я проснулся довольно рано. Тотчасъ оставилъ я свое незатѣливое ложе и побѣжалъ въ огородъ, гдѣ находился небольшой прудикъ, въ родѣ постоянной тишистой лужицы, поддерживаемой дождями. Довольно долго сидѣлъ я на плотикѣ, спуская въ воду свои ноги то одну, то другую, какъ вдругъ слышу голосъ отца; онъ звалъ меня:

— Митя, гдѣ ты? Ступай домой!

Я тотчасъ бросилъ свое занятіе и, подпрыгивая, побѣжалъ къ отцу.

— Ступай-ка, Митя, говорилъ онъ:—въ избу, надѣнь тамъ сапоги, сертучекъ, да и приходи въ церковь къ обѣднѣ; послѣ обѣдни мы отслужимъ молебень, потомъ пообѣдаемъ и поѣдемъ съ тобой въ городъ.

Хоть я и любилъ ѣздить съ отцомъ куда бы то ни было; но на этотъ разъ, когда отецъ говорилъ мнѣ все это какимъ-то особенно ласковымъ голосомъ, мнѣ почему-то стало грустно. Мнѣ почему-то больше хотѣлось остаться въ огородѣ; однакожь я, не хотя, пошелъ въ комнату. На крылечкѣ со мной повстрѣчалась мать.

— Маменька, гдѣ мои сапоги? спросилъ я, остановивъ ее за руку.

— А гдѣ же они въ самъ дѣлѣ? Да кажись, въ избѣ будутъ, на полатахъ посмотри-ка... а на что тебѣ они?

— Нужно, говорю: — въ церковь пойду.

Она скоро пошла отъ меня, говоря что-то про себя, и мнѣ показалось, что на глазахъ у ней были слезы... Видно, чуяло что нибудь материнское сердце!... Я вошелъ въ избу, забрался на полаты и тамъ между лукомъ, чеснокомъ и разнымъ тряпьемъ отыскалъ свои сапоги, покрашившіе отъ времени и высохшіе, какъ давнишній сухарь. «Зачѣмъ же это мы въ городъ поѣдемъ, думалъ я, одѣваясь въ свою аммуницію; ужь не въ городское ли училище хотять меня отдать? А тамъ чай весело будетъ учиться; въ нашемъ училищѣ что, съ черемисятами, да вотячатами — скучно, не хорошо! По русски говорить не умѣютъ, да и Илья Ивановичъ вовсе не ходитъ въ училище, — все самъ и учись...

Послѣ обѣдни отецъ попросилъ священника отслужить молебенъ Николаю чудотворцу. Отецъ Иванъ, не говоря ни слова, началъ молебенъ. Родитель прилежно молился и прерывистымъ голосомъ подтягивалъ Ильѣ Ивановичу, дьячку и учителю нашей сельской школы: «святителю, отче Николае, моли Бога о насъ!»

О чемъ молился отецъ, чего просило его родительское сердце, — это понятно... Самыя крайнія, душевныя желанія у нашихъ отцовъ совершенно одинаковы: всѣ они желаютъ, чтобы дѣти ихъ, съ помощію Божьею перешедши всѣ многочисленныя, школьныя мытарства, подѣлались наконецъ священниками и, такимъ образомъ, продолжали бы ихъ жизнь со всѣми привычками, убѣжденіями, взглядами и стремленіями, или же пошли бы въ монашество и подѣлались важными особами... Но молитвенныя прошенія и желанія моего родителя, къ сожалѣнію, не сбылись...

Когда молебенъ кончился, отецъ Иванъ (*), обратившись къ отцу, спросилъ: а что, Алексѣй Степанычъ, Митиньку-то вѣрно ужь подумали отправить въ училище?

— Да вѣдь пора ужь, батюшка. Что будешь дѣлать, надо же когда нибудь отправлять.

— Конечно, нечего дѣлать... Училища нынче нельзя мино-

*) Отецъ Иванъ и мой родитель доучились только до синтаксиса; впрочемъ, отецъ Иванъ, когда у насъ бывалъ въ гостяхъ, такъ всегда доказывалъ отцу, что онъ, т. е. отецъ Иванъ, былъ даже переведенъ въ риторку, но самъ не зачитывалъ больше учтаться.

вать не только что нашимъ ребятамъ, а и крестьянскимъ дѣтямъ. Только вотъ что: училищнн-то для нашихъ ребятъ какъ-то совсѣмъ не то, что другія и учать-то въ нихъ больно долго, да вотъ и обращенье-то съ малыми... Чай помнишь, какое обращенье, Алексѣй Степанычъ?...

— Какъ не помнить... А рубецъ на что остался?.. При этихъ словахъ отецъ провелъ пальцемъ по рубцу, который тянулся во всю длину его лѣвой щеки и былъ почти не замѣтенъ изъ-подъ густой съ сильною просѣдкою бороды. Я видалъ этотъ рубецъ на щекѣ отца, но не зналъ исторіи его происхожденія, и потому, на этотъ разъ, съ особеннымъ вниманіемъ и съ какими-то боязливымъ любопытствомъ сталъ вслушиваться въ разговоръ о рубцѣ.

— Да, да, Алексѣй Степанычъ, говорилъ отецъ Иванъ, обращаясь къ отцу и слегка улыбаясь: — это на вѣчную память оставилъ тебѣ Андрюха Викторъ. Вотъ надругатель-то былъ учитель!.. Вѣдь какъ онъ тогда, помнишь, дернулъ тебя линейкой — батюшки!.. кровь такъ и брызнула изъ щеки!.. А ты вѣдь тогда былъ такой пузырь, какъ вотъ этотъ перстникъ, тотчасъ же и повалился на полъ!

— Давнымъ давно ужъ это было, а какъ вспомню иногда, особенно какъ что нибудь больно ушибу, или порублю топоромъ руку, кулаки сами такъ и сжимаются, такъ бы вотъ и отплатилъ разбойнику!.. Пробормоталъ сквозь зубы отецъ и обратился ко мнѣ:

— Бѣжи-ко, Митя, скорѣе домой, да скажи тамъ, чтобы сажоваръ поставили.

Я прибѣжалъ домой, сказалъ, что было нужно, и отправился въ огородъ пошалить, а главное, поѣсть вдоволь моркови и бобовъ.

Отецъ привелъ отца Ивана къ себѣ. Послѣ чаю они, вѣроятно, выпили еще чего нибудь другаго, потому что отецъ Иванъ пошелъ отъ насъ уже не той походкой, какой пришелъ, да и ушелъ-то не домой, а зачѣмъ-то съ сельскую пожарню.

Наконецъ, меня позвали обѣдать.

— Ну, Митя, садись обѣдать, а тамъ и поѣдемъ съ Богомъ, говорилъ отецъ какимъ-то поддѣльно-веселымъ тономъ.

За обѣдомъ мать и сестры постоянно подкладывали мнѣ то пирожокъ, то гусиную ножку, то огурчикъ, заботливо приговаривая: ѣшь, Митя, больше ѣшь, вѣдь въ послѣдній разъ дома обѣдаешь; тамъ, въ городѣ, еще кто знаетъ, удастся ли поѣсть

всего такого, еще, пожалуй, наголодаешься не разъ... Вскорѣ послѣ обѣда отецъ самъ запретъ пару домерощенныхъ сивыхъ лошадокъ.

Всѣ засуетились, забѣгали, и въ нѣсколько минутъ все уже было готово, увязано, перевязано и уложено въ кибитку, представляющую видъ неуклюжей крестьянской печи. По данному отцомъ знаку всѣ сѣли, посидѣли и, наконецъ, помолились. Прощаясь съ матерью и сестрами, я ударился въ слезы; а онѣ, кажется, того только и дожидали—и залились обильными слезами, ничего не говоря и лишь по очереди лобызая меня... Прослезился и отецъ, усаживая меня въ кибитку среди пироговъ, узелковъ и разныхъ разностей.

— Ну, будетъ плакать-то, сказалъ онъ отрывисто, спустя нѣсколько времени. Я вытеръ слезы рукавомъ своего желтенькаго сертучишка и выглянулъ на свѣтъ божій изъ кибитки... Но она была уже далеко за селомъ и катилась ровненько, останавливалась въ нѣкоторыхъ деревняхъ, и опять катилась... И такъ катилась она двое сутокъ.

— Прощай, Сухое! прощай, семья родная! тоскливо шептала я ребенкомъ, дѣтъ пятнадцать назадъ, въ послѣдній разъ оглядываясь на родное село... А теперь? теперь, спустя много времени, невольно прибавишь: «прощай дѣтство! ты прошло безтолково и дико, подъ постояннымъ страхомъ розги, оскорблений и всякаго коверканья и насилуванія молодой и впечатлительной натуры... Прощай юношество! ты протекло мутно, безцвѣтно, среди нравственнаго униженія, которое тебя заставляли принимать за дѣбродѣтель, называемую *смирениемъ*, или *кротостію* и *благодостроенностію характера*, среди непроходной чепухи многочисленныхъ семинарскихъ наукъ; зубренія лекцій и церковно-казенной поведенці!»

II.

УЗДНЫЙ ГОРОДОКЪ.

На третью сутки, рано утромъ, наша кибитка подъѣзжала къ уздному городку, въ которомъ, въ числѣ немногихъ каменныхъ зданій, составлявшихъ красу городка, было и училище *не описуемаго сего*. По узкимъ и грязнымъ улицамъ городишка уже бродили люди всѣхъ возможныхъ возрастовъ, когда наши сивые за-

шлепали по городской грязи самымъ неказистымъ шагомъ. Да иначе и нельзя было ѣхать, хоть бы и хотѣлось, потому что былъ базарный день, и разнаго народу по улицамъ толпилось много: то пьяные мужики, шатаясь изъ стороны въ сторону, какъ будто обходя черезчуръ грязныя мѣста на улицѣ, вдругъ падали въ грязь передъ самыми мордами нашихъ сиваковъ и бранили ихъ, то попадались на встрѣчу черемисы и вотяки съ возами, нагруженными первостатейнымъ уѣзднымъ товаромъ: рѣпой, лыкомъ или толокномъ; то ползла старая, засушенная кисельница съ гороховымъ киселемъ въ корытѣ, которое едва не занимало половины главной городской улицы; то шагалъ татаринъ, таща за собой шаршаваго жеребенка и, вѣроятно, мечтая о будущей изъ него салтѣ; то перебирался черезъ улицу уѣздный приказный, весь съезжившись, точно желалъ пролѣзть куда нибудь въ тѣсное мѣсто; то костылялъ храбрый инвалидъ, получившій въ награду два кошеля черезъ плечо, то плелся нищій-дурачекъ и вмѣстѣ здоровякъ рѣдкостный... Отецъ, управляя усталыми сиваками и разсуждая о чемъ-то про себя, пристально смотрѣлъ то на ту, то на другую сторону улицы.

— Стойте, Богъ съ вами, сказалъ онъ наконецъ, останавливая лошадей передъ воротами какого-то дряннаго, разваливагося домишка: — ты, Митя, посиди здѣсь, а я зайду вотъ въ этотъ домъ.

Оставшись одинъ на улицѣ незнакомаго города, и притомъ впервые видя, что такое городъ, я внимательно началъ разсматривать проходящихъ. Что это, думаю себѣ, какіе это здѣсь люди? Все больше похожи на Власа Иваныча, нашего сельскаго писаря, который пивалъ у насъ чай... Вотъ идетъ не высокій, но брюхатый-разбрюхатый человѣкъ; борода у него такая смѣшная, точно у стараго вотяцкаго козла; а вотъ идетъ какой-то другой человѣкъ, въ хорошемъ сюртукѣ, и сморкается въ бѣленькій платочекъ; за этимъ еще идетъ кто-то, въ желтомъ сюртукѣ, какъ у меня, и въ полосатыхъ брюкахъ, тоже какъ у меня; въ рукахъ у него толстая палка, на носу что-то посажено, на одной ногѣ сапогъ, а на другой валенка; позади его бѣжить большая собака съ тремя щенятами, такими пестренькими, которые такъ и суются подъ ноги матери. Я смотрѣлъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ; пока этотъ человѣкъ подходилъ ко мнѣ все ближе и ближе; но вотъ онъ подошелъ къ самой кибиткѣ, и мнѣ вдругъ стало смѣшно.

— Зачѣмъ на тротуварь лошадокъ-то поставилъ? замѣтилъ подошедшій.

— Не я, говорю, поставилъ, и засмѣялся еще пуще.

— А тебѣ чего, говорить, малышъ, смѣшно?.. Валенка-то что ли? Это вотъ я купаться ходилъ съ Маримондой, да и разрѣзалъ ногу раковиной, будь она проклята! А ты, малый, чей? съ кѣмъ прѣѣхалъ?

— Съ тятеньшой, отвѣчалъ я, и увидѣвъ отца, выходящаго изъ воротъ, прибавилъ:—а вотъ и онъ! Знакомецъ мой подошелъ къ нему, сказалъ что-то въ родѣ прѣѣзства и, положивъ на плечо свою толстую палку, спросилъ съ улыбкой:—вы, батюшка, вѣрно квартиру отыскиваете? Въ дому, куда вы сейчасъ изволили заходить, проживаетъ бѣдный, пьющій картузины; у него, доложу вамъ, батюшка, за-частую куска хлѣбца не бываетъ, значитъ, батюшка мой, у него останавливаться не зачѣмъ, да и для сынка-то вашего будетъ того... не сподручно, потому, значитъ, своихъ-то частенько бьетъ въ хмѣльномъ состояннн...

— Точно, мнѣ надо бы гдѣ нибудь пріостановиться, перебилъ его отецъ:—сюда-то вотъ я за тѣмъ и подѣзжалъ, что прежде здѣсь жилъ мой старинный знакомый; да вотъ, говорить, онъ ужъ умеръ года три что-ли назадъ.

— А умеръ, такъ и пожалуйте ко мнѣ; у меня домишко хоть куда: заштрафованъ въ семи стахъ рублѣхъ, комнатки есть порожнія, и мѣсто для лошадокъ тоже найдется... Пожалуйте! А лошадки свои? какъ будто между прочимъ добавилъ онъ.

— Пожалуй, не то поѣдемъ и къ вамъ. Я вотъ заворочу лошадей, а вы садитесь-ка въ кибитку, такъ сморѣе будете у вашихъ воротъ... А ваше имярекъ, отчество, фамилія — позволѣте узнать.

— Илья Трифоновъ Маковкинъ, отставной соляной пристава, проговорилъ скороговоркой Илья Маковкинъ, влѣвая въ кибитку.

Минуть черезъ пять, мы были въ не совсѣмъ чистенькихъ комнаткахъ Ильи Трифоныча и пили горячій чай изъ пыличкиго цѣбуа. Илья Трифонычъ самъ хлопоталъ около самодара, налилъ чашки и поднесъ ихъ; его дражайшая и вмѣстѣ-толстѣйшая покровина, Катерина Ивановна, родомъ изъ духовныхъ, отъ природы сговорливая барыня, въ чемъ сама охотно сознавалась, безумолку тараторила съ отцомъ. Я сидѣлъ на большемъ красномъ сундукѣ вѣсной работы, стоящемъ въ углу

комнаты, и съ большимъ удовольствіемъ пилъ чайкъ, уплетая въ то же время домашнія калабашки; а еще съ большимъ удовольствіемъ и любопытствомъ вслушивался въ звучную болтовню Катерины Ивановны, моей будущей хозяйки.

— Да вотъ, батюшка, Алексѣй Степанычъ, говорила она, поднявъ между прочимъ одну изъ своихъ массивныхъ ногъ на колѣнку другой, съ цѣлью подтянуть спустившійся чулокъ:—на старости-то лѣтъ одни-однишенъки, какъ постижи въ полѣ: дѣтокъ нѣтъ, да и не бывало, Господь несоблаговолилъ дать; роденьки тоже нѣтъ, вся ужь повымерла... Что будешь дѣлать?.. Держали было этта нахлѣбничковъ, четверыхъ учениковъ имъ училища, держали не ради то есть какой выгоды, а такъ вотъ только, чтобы повеселѣе-то намъ было, чтобы въ дому-то хоть не было пусто... И долгонько-таки мы ихъ держали, да они что-те, Господь съ ними, вдругъ стали больно многоенько кушать, ну, я и говорю Трифонуычу: скажи, молю, имъ напярляни, что, молю, Катерина Ивановна велѣла вамъ, ребятушки, отъискивать другую квартиру, что, молю, васъ такихъ объѣдаловъ держать не выгодно. Онъ, знаете, феола адакая, въ тотъ же день и пере-сказалъ имъ все это; ну, они скореконько и перешли на другую квартиру, а мы и остались съ Трифонуычемъ опять одни-однишенъки.

— А, пожалуй, Катеринушка, вѣдь напрасно же мы ихъ со-слали; ребята были смирнью...

— Ну, что, пожалуй, опять возьмемъ; намъ вѣдь что, не имъ выгоды какой биться, намъ бы только было... должно быть «свеело», хотѣла сказать Катерина Ивановна, но отецъ пере-билъ ее.

— Конечно, ребятамъ надо не много, да только почаще, за-мѣтилъ онъ.

— Бѣда вотъ у меня, батюшка Алексѣй Степанычъ, мед-кихъ нѣтъ, говорилъ Илья Трифонуычъ, украдкой поглядывая на раскраснѣвшуюся и вспотѣвшую отъ обильнаго чая Катерину Ивановну: — а надо бы вотъ купить хоть коньячку, или балъ-зинду, такъ чашечки по двѣ выинаи бы еще съ прибавочкой.

— И... не нужно, Илья Трифонуычъ. Мнѣ навая теперь и мажи въ роуъ брать; есть, видите, важное дѣло: надо звать сына предъявить смотрителю здѣшняго училища. А что — не знаете, Илья Трифонуычъ, каковъ этотъ смотритель?

— А признаться сказать, не знаю, каковъ онъ смотритель для

учениковъ, а то для насъ—славный, обходительный протопопъ. А вы вотъ что, Алексѣй Степанычъ, скажу я вамъ: захватите вы эдакъ что нибудь съ собой на всякій случай — понимаете? Ну такъ, значить, каковъ онъ тамъ ни на будь, а все ужъ приметъ и обойдется, что называется, какъ съ братомъ; а то... Вы не смотрите, что онъ изъ вашей же братьи... нынче ужъ вѣкъ таковъ...

— Я тоже было и самъ подумывалъ... Собирайся же, Митя, войдемъ къ смотрителю. Да ты тамъ смотри у меня! По угламъ горницъ не гляди, стой прямо, что спрашивать будутъ, отвѣчай скромненько, да, Боже тебя унаси, не забудь нодъ благословіе...

III.

Въ пять часовъ вечера пришли мы съ достопочтеннымъ родителемъ въ прихожую смотрителя училища, особы, разумѣется, многоуважаемой и стоявшей во главѣ уѣздной знати. Часовъ около двухъ стояли мы съ родителемъ въ этой прихожей, не смѣя ни кашлять, ни сморкаться, хотя въ теченіе почти двухъ часовъ и была въ томъ настоящая нужда, особенно потому, что носъ моего родителя имѣлъ закоренѣлую привычку къ табаку, — а я еще былъ въ такомъ возрастѣ, когда за носомъ бываетъ нуженъ особенно бдительный обиходъ. Родитель то и дѣло подталкиваетъ меня въ бокъ, приказывая то утереть носъ, то не кашлять, когда мнѣ страшно хотѣлось кашлянуть, то опустить руки по швамъ... Въ такихъ занятіяхъ прошло у насъ уже около двухъ часовъ, и, наконецъ-то мы видимъ: къ намъ подходитъ горничная не горничная, а такъ что-то въ родѣ, вѣроятно, домашней необходимости смотрителя; впрочемъ, дѣвка съ виду довольно дошлая, какъ выразился мой родитель по укладу отъ смотрителя; подошла она къ намъ довольно близенько, высморкалась въ бѣленькій платокъ да и сказала, что Т. Т-чъ сейчасъ будутъ.

Мы вздрогнули и начали приотправляться: родитель раза три толкнулъ меня подъ бокъ и вытеръ свой носъ, я также вытеръ свой и кашлянулъ. Черезъ минуту дверь, ведущая въ залу, скринула, — и мы стояли уже передъ самымъ носомъ смотрителя.

— Что скажете?.. Сына что ли привели? спросилъ смотритель сильнымъ, какъ будто съ просонковъ, голосомъ.

— Сына, ваше в-пр-іе. Пора ужь, кажись, быть ему въ училищѣ.

— Н-да, пора, какъ видно... А что же того... поздравате? Вѣдь сегодня уже пятое сентября...

— Да нельзя было раньше, ваше в-пр-біе (при словахъ «в-пр-біе» физиономія смотрителя каждый разъ значительно прояснялась): дома дѣла, по службѣ, по хозяйству то же, и выходитъ, что удобнаго времени не скоро выждешь...

— Въ который же классъ ты думаешь его отдать? Смотритель имѣлъ манеру только на первыхъ порахъ обращаться съ просителемъ на «вы»; а потомъ онъ обыкновенно бросалъ это «вы», потому что оно, по понятіямъ смотрителя, не шло къ лицу человѣка, облеченнаго какою либо вліятельною въ своемъ мѣстѣ властью.

— Во второй, ваше в-пр-біе, я его мѣтилъ, и готовилъ на это, сколько можно было...

— Во второй? посмотримъ, что онъ у тебя толкуетъ; эй, Аграфена, принеси-ка маленькую священную исторію!

Аграфена принесла маленькую священную исторію и отдала ее смотрителю, взглянувъ какъ-то особенно въ его глаза. Я хоть и замѣтилъ этотъ взглядъ, но не понялъ тогда, что онъ могъ значить. Уже послѣ, спустя лѣтъ пять, когда мозги мои пораздались, я разъяснилъ себѣ смыслъ этого взгляда.

— О чемъ же бы спросить твоего сопляка?

— О чемъ угодно, ваше в-пр-біе.

— Н-ну-ка, прочитай мнѣ исторію объ Іосифѣ.

Я началъ было читать громко и скоро; но родитель такъ сильно дернулъ меня за рукавъ, что я пошатнулся и остановился на томъ, какъ узналъ своихъ братьевъ Іосифъ, а они его не узнали.

— Э, не мѣшай ему, сказалъ смотритель.—Ну, что же дальше было?

Я снова началъ исторію объ Іосифѣ, но уже гораздо тише и, къ удовольствію родителя, очень вяло и безтолково кончилъ ее.

— Н-ну, жарядно; а то было сначала замолоть... Вѣрно думалъ скорѣе отдѣлаться? вѣтъ глупуношка (*), ты говори всегда

(*) Это своекованное слово смотритель любилъ употреблять въ минуты душевнаго спокойствія и въ припадкахъ отеческой ласковости къ питомцамъ.

толково, а главное — когда спрашиваютъ, отвѣчай не торопясь, скромно... А грамматику русскую учишь?

— Учишь пемного, отвѣчалъ за меня родитель.

— Н-ну, сани какого рода? мужескаго, женскаго или средняго?

— Мужескаго — отвѣтилъ я смѣло.

— А попадьа?

— Женскаго.

— А розга!

Я призадумался, впрочемъ не надъ тѣмъ, какого она роду, а больше надъ странностью вопроса. «Ужь не посѣчь ли онъ меня хочеть?» думалъ я.

— Н-ну, братецъ, плоховато! А по латини знаешь что нибудь?

— Знаю, сказалъ я нерѣшительно.

— Знаешь, такъ просклоняй мнѣ «avis». Что значитъ «avis»? Не знаешь? Птица — значитъ... Ну, склоняй же.

Я преспокойно началъ склонять «avis» по первому склоненію, потому что о третьемъ склоненіи еще не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Все знаніе мое въ латини въ это время ограничилось только умѣньемъ читать и кое какъ склонять имена перваго и втораго склоненій, которымъ научилъ меня и то съ грѣхомъ пополамъ Илья Иванычъ, нашъ сельскій дячекъ и учитель, во времена оны за болѣзнь исключенный изъ грамматики, т. е. изъ третьяго класса, и доселѣ все еще сожалѣющій о томъ, что если бы не болѣзнь, такъ онъ, навѣрно, прошелъ бы и синтаксисъ, и риторику, и, — чего иногда человекъ не достигаетъ своимъ умомъ, — пожалуй понюхалъ бы и философію.

Смотритель, услышавъ такое незаконное склоненіе имени существительнаго третьяго склоненія, крѣпко осерчалъ. Онъ, какъ питомецъ еще тѣхъ блаженныхъ временъ, когда въ нашихъ заведеніяхъ латинскій языкъ игралъ первостатейную, хотя вмѣстѣ и глупую роль, чрезвычайно любилъ латинь и зналъ ее по своему; а потому онъ и требовалъ строго знанія этого языка не только отъ своихъ питомцевъ, но и отъ сторожей училища, обыкновенно отставныхъ инвалидовъ, и отъ всей своей прислуги, исключая, кажется, горничной. За то она хорошо знала другой языкъ, именно языкъ знаковъ, употребляемый смотрителемъ обыкновенно въ тѣхъ только случаяхъ, когда приходили къ нему какіе нибудь просители и оставляли что нибудь изъ своихъ посыл-

ныхъ приношеній въ его сѣняхъ. Въ подобныхъ случаяхъ Аграфена была — сущій даръ: она, обыкновенно, получала какойнибудь знакъ глазами или головой и, ужь конечно поцѣвъ его вполне, отправлялась прямо въ сѣни, чтобы осмотрѣть и прибрать все, что тамъ было положено смиреннымъ просителемъ.

— А, сопякъ!.. болванъ! авис склонять по первому! а?.. повтори—ка, повтори!

У меня мурашки забѣгали, и я не могъ выговорить ни слова.

Смотрителя это еще пуще взбѣсило. Онъ затопалъ ногами и закричалъ, какъ на солдатскомъ разводѣ:—«еще не говорить!.. грубить, поросенокъ!.. розогъ сюда!..» Но, вѣроятно, вспомнивъ, что онъ не въ классѣ, гдѣ обыкновенно подобало быть подобнымъ явленіямъ, какъ сѣченіе, онъ пересталъ требовать розогъ; но за то подошелъ ко мнѣ, взялъ безъ церемоніи за ухо и нагнулъ мигомъ до сырой земли. Не знаю, что дѣлалъ въ эти грозныя минуты отецъ, — видѣть въ моемъ положеніи было невозможно, — но когда я почувствовалъ свое ухо свободнымъ и поднялся съ полу, то увидѣлъ отца, стоявшаго въ углу прихожей; лицо у него было угрюмо, но въ то же время самая поза его въ углу прихожей выражала униженную, боязливую покорность и, какъ будто, говорила: «вѣдь ты смотритель училища, ваше в—пр—біе!.. Что съ тобой подѣлаешь?... Твори волю свою»...

Подумаешь теперъ, такъ не вѣрится, чтобы такіе пустяки, какъ перевранное ребенкомъ склоненіе какогонибудь латинскаго слова, могли такъ серьезно раздражать человѣка уже пожилаго, что онъ даже принималъ драчливый видъ начальника, творящаго волю свою... А между тѣмъ, вѣдь это не сонъ, это дѣйствительность!.. Чтожь?.. Ужь такая, значить, была пора тяжелая!.. Ученье даромъ не давалось какомунибудь пономарскому сыну... И недаромъ наши бѣдные отцы, сажая своихъ дѣтей за азбуку, многократно повторяли имъ, что «корень ученія горекъ, но плоды его сладки»... Но отцы немного ошибались: корень-то ученія уже слишкомъ былъ горекъ у насъ, отъ того, вѣроятно, и плоды выходили, не то, члобы сладки, а такъ себѣ, да и мало ихъ было!..

— Убирайтесь! сказалъ смотритель, относясь вѣроятно больше ко мнѣ... Я не принимаю такихъ грубiяновъ... Я... Онъ, вѣроятно, еще хотѣлъ сказать чтонибудь въ восхваленіе себѣ; но родитель не безъ робости подошелъ къ нему на очепъ близкое

разстояніе и — бухъ въ ноги. Смотрителю это видно понравилось; онъ взялъ отца за руку и приподнялъ.

— Что ты беспокоишься, старикъ, это не нужно... Можно и безъ этого принять твоего сына, только въ первый классъ; а во второй, кажись, негодится.

— Да нельзя ли какъ нибудь, ваше в-пр-біе, просить отца, скорчивъ униженно-просительную гримасу: — нельзя ли хоть приватнымъ?..

— Приватнымъ? Да это будетъ все равно. Нельзя.

— Сдѣлайте божескую милость, ваше в-пр-біе, возопилъ отецъ еще умильнѣе, и протянулъ свою руку къ смотрителю, какъ будто для того, чтобы усилить свое прошеніе; въ ней была искусно положена жертва умилоствленія и благодаренія. Смотритель живо протянулъ свою десницу, потомъ отнял ее и, наконецъ, такъ пріятно и милостиво ослабился, что родитель даже осмѣлился улыбнуться, хотя улыбаться было вовсе нечему, потому что...

— Н-ну, такъ вамъ хотѣлось бы во второй?

— Хотѣлось бы, в-пр-біе.

— Что жъ? приватнымъ, пожалуй, можно принять; а тамъ, если исправно и ко времени будетъ подоспѣвать, такъ, пожалуй, изъ приватныхъ по окончаніи года можно будетъ перевести и въ третій классъ... Но надежды смотрителя не сбылись, потому что... потому что его перевели вскорѣ куда-то въ другое мѣсто; а я перешелъ въ третій классъ безъ всякаго *подоспѣванья*.

Послѣ такой, не совсѣмъ-то даровой милости смотрителя, родитель мой опять поспѣшилъ къ подножію ногъ его и меня дернулъ за собой; я, считая все дѣло уже конченнымъ, вовсе не ожидалъ этого толчка, и со всего размаху ткнулся головой прямо въ солидный животъ смотрителя.

— Этакій неосторожный! шалунъ, должно быть. Смотри у меня!..

Благополучно окончивъ поклоненіе смотрителю, мы отправились на квартиру, и только лишь пришли, какъ за нами же, по слѣдамъ, пришелъ работникъ смотрителя. Отецъ вручилъ ему порядочную кадочку меду, которую мы привезли изъ села для своего, или собственно для моего удовольствія, и приказалъ кланяться его высокопреподобію.

— Да ты, слышишь, говорилъ отецъ работнику: — такъ и

скажи: что вашему, молъ, высоко-преподобію кланяются!.. слышишь: — вашему высоко-преподобію!

— Ладно, ладно, бачка, скажу — не забуду.

Въ этотъ же день отецъ накупилъ мнѣ разныхъ школьныхъ принадлежностей, показалъ мимоходомъ съ базару училище и уѣхалъ въ село. Я немного, но горько поплакалъ, — а объ чемъ? и самъ еще не зналъ; но если плакалось, значить, было о чемъ.

IV.

Уѣздный городокъ, Грязнодольскъ, чрезвычайно скверный городокъ; одно только въ немъ хорошо: много большихъ и плодородныхъ огородовъ, въ которыхъ растутъ превосходный лукъ, все лукъ и—больше ничего.

Зданіе Грязнодольскаго училища, въ силу древняго обычая, — воздвигать школы для дѣтей церковниковъ или клирошанъ непременно при монастыряхъ, церквахъ, или архіерейскихъ домахъ, красовалось въ одной оградѣ съ главною грязнодольскою церковью, обыкновенно называемою соборомъ, на довольно крутомъ и глинистомъ берегу рѣчки Слюняйки. Внешній видъ училища былъ неказистъ: представьте низенькое, но довольно длинное каменное зданіе въ одинъ этажъ, выкрашенное желтой краской, съ зеленой крышей, съ длинными, но узкими окнами и съ двумя крылечками съ той стороны зданія, которою оно смотрѣлось въ рѣчку Слюняйку. Внутренность училища была еще неказистѣе: вся виѣстимость зданія раздѣлялась на пять не слишкомъ большихъ комнатъ съ грязными, до невѣроятія, полами и голыми стѣнами, которыя когда-то были выкрашены желтой краской, но въ теченіе времени совершенно потеряли свой прежній цвѣтъ, и были измазаны, Богъ знаетъ, чѣмъ и испараньями разными гіероглифами, каракульками и надписями, конечно, прошедшихъ поколѣній бурсы. Всѣ комнаты, кромѣ одной, имѣли совершенно одинакую меблировку: большую старую икону въ переднемъ углу, нѣсколько партъ для школьничьяго сидѣнья и аляповатый столъ съ грязнымъ стуломъ для учителя. Вся эта мебель когда-то была сдѣлана, что называется, изъ всего дерева, и выкрашена, кажется, темно-зеленой краской; но по всей вѣроятности значительная давность времени много поубавила у ней первоначальной крѣпости и благовидности; а неусыпные труды

нѣсколькихъ сотенъ юныхъ подвижниковъ науки, подобно червямъ, источили ее и испестрили разными вырѣзными разностями—домиками, церквами, крестами, звѣздами, рожицами, звѣрями, птицами и даже цѣлыми сценами, представлявшими, напр., «сѣченіе ученика», или «учителя, задающаго теребачку своему питомцу». Въ пятой комнатѣ испоконъ вѣка находились часы, метлы и за печкой нѣсколько отличныхъ лозъ; впрочемъ, розги находились и въ другихъ комнатахъ, только въ меньшемъ количествѣ, и обыкновенно валялись въ первыхъ партахъ, считая отъ дверей, потому что, по древнему обычаю, въ этомъ мѣстѣ, т. е. у дверей, производились всѣ сѣченія, и здѣсь же по близости возсѣдали и секуторы — истые артисты своего дѣла. Вотъ все, что обрѣталось внутри училища.

Въ этомъ-то заведеніи всякій маленькій новичекъ, спустя три, или много, четыре недѣли послѣ перваго представленія зрителю, становился уже своимъ человѣкомъ, словомъ, совершенно посвящался въ заскамейную жизнь со всѣми ея привычками, манерами, отношеніями и страхами. Конечно, на первыхъ порахъ ребенку эта жизнь казалась дикою, странною и до того наводящею уныніе и тоску, что слезы поминутно душили его дѣтскую грудь. Но цѣлительное время мало по малу приучало его къ этой жизни и утишало его тоску; а скорое сближеніе съ нѣкоторыми изъ товарищей по классу и братскій дѣлежъ съ ними горя и нужды, маленькихъ радостей и удовольствій, если не истребляли совершенно въ ребенкѣ грусти по родномъ краѣ и семьѣ, то, по крайней мѣрѣ, заставляли его кое-какъ мириться съ этою тяжелою жизнью за скучной скамьей всегда строгой, непривѣтливой школы.

Грязнодольское училище относительно строя школьныхъ правилъ благоповеденія и благопоспѣшности въ наукѣ, которыя всякому воспитаннику надлежало осуществлять въ своей жизни, и относительно порядка дневныхъ занятій — еще очень смахивало на какую нибудь старую школу, съ извѣстнымъ западно-киевскимъ, монашески-іезуитскимъ оттѣнкомъ, который, благодаря начальникамъ и нѣкоторымъ заматорѣлымъ педагогамъ, и теперь еще поддерживается по силѣ возможности и, повидимому, долго еще сохранится.

Главнымъ начальникомъ грязнодольскаго училища былъ, какъ водится, смотритель, личность котораго намъ уже знакома отчасти. Въ рукахъ этого начальника, тоже какъ водится, нахо-

дѣлись животь и смерть всѣхъ питомцевъ школы, — животь и смерть, разумѣется, въ школьно-нравственномъ отношеніи; впрочемъ, бывали случаи, что глава-начальникъ, казалось, могъ распоряжаться животомъ и смертью и въ физическомъ отношеніи, т. е. могъ вздуть питомца, что называется, до положенія тѣлесъ. Точно такъ же опредѣлить способность, или малоспособность питомца имѣлъ право одинъ только смотритель: онъ, обыкновенно, по своимъ глубоко-педагогическимъ соображеніямъ, называлъ извѣстнаго мальчика талантливимъ, даровитымъ ученикомъ, — ну, и всѣ ужь должны были считать его такимъ. Равнымъ образомъ, не рѣдко бывало и то, что смотритель, какъ маленькій самодуръ-деспотикъ, цѣлыми десятками выгонялъ изъ училища, на самомъ дѣлѣ, очень способныхъ мальчиковъ, за то только, что по смотрительскимъ соображеніямъ они значились въ спискахъ *малоспособными*, *тупицами*, или же *не имѣющими поведенія*. Всѣ другіе педагоги училища имѣли полное право соглашаться съ смотрителемъ во всемъ, и больше ничего не имѣли, да и сами не хотѣли имѣть.

Вторая власть въ училищѣ — былъ инспекторъ, блюститель благоповеденія. Эта власть, обыкновенно, сочиняла инструкціи, т. е. правила благоповеденія, и съ утвержденія верховной смотрительской власти объявляла ихъ всему школьному люду. Въ рамки этихъ-то инструкцій маленькіе члены школьнаго міра должны были пичкать свои дѣтскія натуры. И, Боже упаси, если какойнибудь шаловливый членъ школы, какънибудь по неосторожности, преступалъ хоть одинъ изъ многочисленныхъ и безсмысленныхъ параграфовъ инструкціи: розги, пониженіе въ спискахъ благоповеденія, удвоенный надзоръ начальства, названіе «негодая» и, наконецъ, изгнаніе изъ школы — грозили несчастному.

Для наблюденія за точностью и строгостью выполненія инспекторскихъ инструкцій, существовала цѣлая градація меньшей школьной чиновности. Это было что-то въ родѣ полиціи, поставленной отъ высшаго начальства и совершенно преданной ему. Во главѣ этой градаціи стоялъ помощникъ инспектора, назначавшійся изъ болѣе почетныхъ и надежныхъ педагоговъ, потомъ слѣдовали, обыкновенно избираемые изъ учениковъ высшаго класса: главный старшій, квартирныя старшіе, подстаршіе и, наконецъ, квартирныя цензоры. Точно въ римской республикѣ! Но на дѣлѣ у насъ была вовсе не республика, а школа, управ-

ляемая единымъ главою—смотрителемъ. Все мелкое школьное чиновенство имѣло свои особенныя черты, отличавшія его отъ частныхъ безчиновныхъ школяровъ: оно по возможности не являлось съ простыми учениками, старалось доводить до свѣдѣнія высшаго начальства проступки и шалости учениковъ, разумѣется съ цѣлью выслужиться, и, въ добавокъ, имѣло поползновеніе форсить надъ подчиненными, запугивать ихъ и даже брать маленькія взятки. Словомъ, въ школѣ было все такъ же, какъ и повсюду, за стѣнами школьнаго міра; заскамейный міръ также изобиловалъ всѣми тѣми недостатками, какіе существовали и внѣ его; только у него, разумѣется, все это было своеобразно, въ своихъ размѣрахъ и выражалось въ своей заскамейной формѣ. Главными отличительными чертами въ характерѣ простыхъ школяровъ были — бессознательная недовѣрчивость, затаенная нелюбовь къ властямъ, особенно къ меньшему чиновенству, и такое же бессознательное, инстинктивное стремленіе къ оппозиціи. Руководимые такими инстинктами, школяры употребляли разные средства: предостереженія, укрывательства, заширательства и всякія хитрости и увертки, какія только могли придумывать дѣтскія головы, — чтобы спасти, не выдать когонибудь изъ своихъ, чтонибудь сбѣдокурившаго противъ инструкцій начальства, но по суду дѣтей, еще не напитавшихся возрѣвѣніями своихъ взрослыхъ руководителей, вовсе невинатаго и не заслуживающаго никакого наказанія. Конечно, школьникамъ рѣдко удавалось избѣгать зоркихъ глазъ бдительнаго чиновенства съ римскими именами; къ тому же, въ заскамейномъ мірѣ, существовали и маленькіе наушники — несчастныя существа, такъ рано и бессовѣстно испорченныя благоволеніемъ и ласками школьнаго начальства. Этимъ сбѣдняжкамъ плохо приходилось по временамъ, когда вышедшая изъ терпѣнія школа начинала волноваться, доискиваться и мстить. Такимъ образомъ, въ грязнодольскомъ училищѣ, при его внутреннемъ строгомъ устройствѣ, которое напоминало и древній Римъ, и средневѣковой іезуитизмъ, и оттоманскую Порту, дѣти въ одно и то же время и набивали свои головы заучиваньемъ разныхъ уроковъ, и съ свойственною имъ перенимчивостію и впечатлительностію успѣшно усвоили себѣ всѣ житейскія аномаліи взрослого люда, руководившаго ими въ школѣ.

V.

Восемь часовъ утра. Ученики въ классѣ сидятъ смирно, склонивъ головы къ книжкамъ. Нѣкоторые изъ учениковъ со слезами на глазахъ, украдкой отъ сосѣдей, набожно крестятся и что-то шепчутъ; другіе совсѣмъ залѣзли подъ парты, и тамъ втихомолку выполняютъ какую-то таинственную операцію отплевыванья и заклинанья отъ учителя, чтобъ онъ въ настоящій день не спросилъ урока и—слѣдствія этого всегда были одни и тѣ же—не выпоролъ на славу. Всѣ вообще ученики находятся въ какомъ-то ликорадочномъ, тревожномъ состояніи; только двое артистовъ—Ванька Левагинъ и Степка Емельяновъ, воссѣдая въ углу у печки, страшно хлопочутъ около старой лозы, желая привести ее въ надлежащій наилучшій видъ подбавкой свѣжихъ прутьевъ. Стараніями этихъ двухъ знатоковъ своего дѣла лоза скоро и искусно приведена въ наилучшее состояніе, и Ванька Левагинъ съ самодовольной улыбкой выдвигается изъ-за парты на свободное мѣсто класса и съ дивнымъ искусствомъ дѣлаетъ репетицію: повинаясь искусной рукѣ Левагина, лоза выдѣлываетъ въ воздухѣ разныя вычуры и пронзительно высвистываетъ. Левагинъ, должно полагать, слишкомъ увлекся своимъ занятіемъ; онъ не слышалъ, какъ отворились двери, и въ классъ вошелъ Иванъ Ивановичъ Сырниковъ, учитель русской грамматики, ариметики, священной исторіи, нотнаго пѣнья и прочихъ наукъ...

Иванъ Ивановичъ, войдя въ классъ, остановился у дверей; разгулявшаяся въ рукѣ Левагина лоза была тому причиной: она не давала Ивану Ивановичу ходу, серьезно грозя задѣть его по носу своими гибкими кончиками. Однакожь, Ивану Ивановичу нужно же было какъ нибудь пройти въ классъ,—и вотъ онъ нахмуриваетъ брови и оретъ грознымъ гласомъ:

— Дубина! что ты это хлещешь? Скотъ безмозглый!..

Левагинъ остолбенѣлъ.

— Апиробацію, болвашъ, дѣлаешь? Я вотъ тѣ задамъ апиробацію!.. Ложись-ка!.. Ишь, свинопасъ!.. Емельяновъ, возьми-ка лозу.

Емельяновъ беретъ лозу и начинаетъ немножко бездѣлничать, чтобы услужить своему другу. Но Ивана Ивановича не проведешь! Иванъ Ивановичъ все видѣлъ и съ какою-то неопытною

улыбкой долго молчалъ; но цотомъ вдругъ развернулся и задалъ Емельянову такого трезвона въ затылокъ, что бѣдный Степка чуть-чуть не задрълъ своимъ носомъ тѣхъ частей Левагина, которыя подлежали сѣченію. Этотъ неожиданный урокъ мгновенно образумилъ Емельянова: онъ съ особеннымъ азартомъ принялся выполнять свое дѣло—и вздулъ своего друга на славу!

— Довольно! промышаль Иванъ Ивановичъ и легонько улыбнулся.

Левагинъ всталъ, посмотрѣлъ на учениковъ и тоже улыбнулся; въ отвѣтъ ему улыбнулись и нѣкоторые изъ учениковъ; но это, очевидно, не совсѣмъ понравилось Левагину; онъ съ какой-то злобой на лицѣ отправился на свое мѣсто, взялъ у Емельянова лозу и судорожно сжалъ ее въ рукѣ. Что хотѣлъ сказать этимъ Левагинъ, ученики всѣ очень хорошо поняли: «я дескать вамъ, только попадитесь сегодня, задамъ жару»!..

Послѣ этой вступительной катаваси, цензоръ класса съ подобающимъ благоговѣніемъ прочелъ молитву; а Иванъ Ивановичъ сѣлъ за столъ, взялся за нотату, раскрылъ ее, и въ классѣ начались другія, болѣе серьезныя занятія.

— Василій Старцевъ, Иванъ Тришцынъ, Петръ Черныыхъ, Гаврилъ Рябовъ, Василій Котлецовъ, Иванъ Рутовъ, — вы, ребята, сегодня, какъ и всегда, опять ничего не знаете? Записаны «*peccatis*»! — къ лозѣ!.. Константиъ Протопоцовъ, Иванъ Доновъ, Никита Дьяковъ, Никифоръ Дьяконовъ, Иванъ Пономаревъ, — вы почему записаны «*non tot*»? Почему не хотѣли выучить дсего урока?.. а?.. У, дурачье! — къ лозѣ! При этомъ грозномъ словѣ Иванъ Ивановичъ, бывало, очень энергично махнеть рукой. Захаръ Введенскій, Савватій Срѣтенскій, Игнатій Преображенскій, Никита Вознесенскій, Степанъ Воскресенскій, Макаръ Кременскій, — за «*erravit*» на колѣна!.. Стоять, пока не спрошу урока!..

Такъ усердно и съ воодушевленіемъ занимался Иванъ Ивановичъ почти ежедневно отъ восьми до одинадцати часовъ. Въ эти часы классъ представлялъ изъ себя нѣкое подобіе поля битвы: страшныя возгласы командующаго Ивана Ивановича «къ лозѣ!» «на колѣна!» и проч., очень эффектно переживались плачемъ, стономъ, млыбамъ, визгомъ наказуемыхъ и свистомъ лозы!..

Но какъ время постоянно идетъ, а вмѣстѣ съ нимъ проходятъ и все, такъ бывало проходили и ужасы въ классѣ, т. е. Иванъ Ивановичъ оканчивалъ свою расправу и принимался за другое дѣло, впрочемъ по его мнѣнію, уже менѣе важное: онъ

начиналъ слушать уроки, т. е. собственно говоря, одинъ урокъ, только отъ разныхъ лицъ. Это слушаніе одного и того же начиналось такимъ образомъ: Иванъ Ивановичъ, развалившись на стулѣ и протянувъ ноги подъ столъ, минуты двѣ или три смотритъ на учениковъ какими-то испытующими взглядомъ,—это онъ старается угадать, кто изъ учениковъ, записанныхъ въ спискѣ — «списокъ», на самомъ дѣлѣ не знаетъ урока. Подобныя плутни между школярами конечно бывали очень часто: бывало, Воскресенскій сунетъ своему аудитору Субботину гривенную булку, или пштаный калачъ, — тотъ и запишетъ ему въ нотатъ — «списокъ». Что же дѣлать? Надо же было какъ нибудь вывертываться; а то розги да розги — очень плачевно! Такъ смотреть, бывало, Иванъ Ивановичъ минуты двѣ или три, — и замѣчаетъ, что вотъ напримѣръ хоть Иванъ Дьяконовъ отъ чего-то не спокойно сидитъ на своемъ мѣстѣ и какъ-то боязливо, черезчуръ боязливо выглядываетъ на него, т. е. на особу Ивана Ивановича. Иванъ Ивановичъ тотчасъ занодозрѣваетъ, что этотъ шиввикъ мальчишка не знаетъ урока, хоть и записанъ знающимъ,—и вызываетъ его къ отвѣту:

— Дьяконовъ! Ты что тутъ вертишься? Иди-ка, отвѣчай урокъ.

Дьяконовъ выходитъ и, не смотря на то, что весь растерялся отъ страху, отвѣчаетъ дѣльно. Благо, хорошо было вызубрено: языкъ дѣлаетъ свое дѣло и безъ вѣдома головы.

Ивану Ивановичу становится немножко какъ будто неприятно и досадно, что его педагогическая пронизательность срѣзалась: вотъ и начинается онъ путать ученика, конечно, на этотъ разъ не съ тѣмъ, чтобы, сбивъ его съ толку, высѣчь,—но чтобы хоть немного оправить свою сконфуженную педагогическую пронизательность.

Дьяконовъ, конечно, начинаетъ врать; а Иванъ Ивановичъ вызываетъ къ нему на помощь кого нибудь изъ стоящихъ на колѣнахъ за «списокъ».

— Ну ты, Дьяконовъ, врешь; хоть и выучилъ урокъ, да безъ толку. Введенскій скажи-ка ты ему, безтолочь, попрашь его. . .

Введенскій, какъ на зло, поправляетъ удачно. Ивану Ивановичу, очевидно, того только и хотѣлось, хотя онъ въ то же время ни за что не сознался бы въ этомъ не только другимъ, но и себѣ. Вотъ онъ громко обращается къ аудитору Введенскаго Тренскому:

— Ты что, поросенокъ, бедѣльничаетъ? Введенскій нарочно знаетъ урокъ...

— Да онъ, когда я слушалъ его, плохо зналъ, а теперь вы... выучилъ, нищитъ перетрусившій до смерти Троицкій.

— Смотри у меня!..теперь выучилъ!.. Сиди, да будь исправенъ; только на первый разъ прощаю... Ну, а ты, Дьяконовъ, за то, что мелешь безъ толку—еще хорошій ученикъ!—ступай ложись къ порогу.

Дьяконовъ идетъ, повѣсивъ голову; ему до того горько, совѣстно и обидно, что даже не плачется, какъ бы слѣдовало... Но нечего дѣлать, надо ложиться,—и вотъ ложится онъ, сдѣлавъ прежде все, что нужно...

Но Иванъ Ивановичъ видитъ, что Дьяконовъ его не понялъ, и исправляетъ его ошибку:

— Къ чему ты такъ протянулся, дурачина: не такъ, не такъ нужно... ложись просто на спину!.. Ну вотъ, ладно! Теперь смотри прямо на Введенскаго; а ты, Введенскій, стань у него въ ногахъ, да напередъ возьми лозу и положи ее на плечо... Ну, вотъ такъ — болваны! Учите же впередъ уроки съ толкомъ и вовремя...

Наконецъ, за дверью класса раздается веселый звукъ колокольчика. Въ классѣ начинается нетерпѣливое движеніе. Лица ребятъ веселятъ и начинаютъ улыбаться. Въ концѣ концовъ Иванъ Ивановичъ улепетываетъ изъ класса съ видимымъ удовольствіемъ на лицѣ, конечно отъ сознанія того, что въ настоящій день онъ исправно занимался своимъ дѣломъ...

Удочивъ объ Иванѣ Ивановичѣ, нельзя не сказать нѣсколько словъ и объ его сослуживцѣ и закадычномъ другѣ, Азаріѣ Ивановичѣ Архистратиговѣ, потому что эти друзья педагоги оба были люди совершенно одинаковыхъ вкусовъ относительно педагогическихъ забавъ и развлеченій. Разница между ними была только въ томъ, что Азарій Ивановичъ обладалъ несравненно большою изобрѣтательностію на эти педагогическія развлеченія. Такъ, напримѣръ, Азарій Ивановичъ, желая показать всему классу на дѣлѣ, такъ сказать, въ живыхъ картинахъ, что лѣнивые ученики, т. е. неаучивающіе его уроковъ на зубокъ,—совершенно тѣшныя свиньи или поросята, часто устраивалъ такую штуку:

— Эй вы! записанные «неисіе», долой изъ-за-партъ! всѣ сюда, на средину класса!

Ну, и выйдутъ всё на средину класса; а Азарій Иванычъ продолжаетъ:

— Ну, что вы не учитесь? Вѣдь вы чистыя свиньи!.. Поросята! Миѣ ужъ надоѣло и драть-то васъ!.. Прочь къ порогу!..

И погонитъ, бывало, Азарій Иванычъ своихъ лѣнливѣхъ питомцевъ къ порогу цѣлой гурьбой, стадообразно, отпуская имъ въ догонку ловкіе подзатыльники. У порога Азарій Иванычъ прикажетъ всѣмъ лечь на полъ въ груды, и самъ хлопочетъ тутъ, стараясь устроить эту груды какъ нибудь живописнѣе.

И лягутъ воображаемые поросята: одинъ такъ, другой этакъ, третій поперекъ, четвертый какъ нибудь на бокъ, пятый еще иначе и т. д. и т. д.

А Азарій Иванычъ глядитъ на эту груды да ухмыляется...

Сколько важны, разнообразны и полезны были для дѣтей послѣдствія такихъ ежедневныхъ занятій и педагогическихъ развлеченій въ школѣ, пусть выводитъ всякій для себя и по своему...

А мы съ своей стороны скажемъ, что здѣсь, т. е. среди такихъ ежедневныхъ занятій и педагогическихъ забавъ получались первые задатки той забитости, какую мы встрѣчаемъ въ людяхъ, называемыхъ семинаристами, первые слои той жесткой, типичной коры, которую семинаристы долго не изнашиваютъ и за стѣнами заскамейной жизни...

VI.

Не всё маленькіе школяры, только что поступившіе въ за-скамейные ряды, одинаково легко мирились съ жизнью школы; одни изъ нихъ какъ-то скоро и безъ особеннаго труда входили въ эту тѣсную, удушливую жизнь, другіе послѣ довольно продолжительной внутренней агоніи, обыкновенно проявлявшейся въ слезахъ, тоскѣ по родной деревнѣ и родительскомъ кровѣ, мало по малу тоже обурсачивались; но нѣкоторые изъ школяровъ, не смотря ни на время все сокрушающее, все измѣняющее, ни на товарищество, которое въ школѣ также имѣетъ большое вліяніе на дѣтей, никакъ не могли вполне помириться съ заскамейнымъ житьемъ-бытьемъ. Изъ этихъ-то послѣднихъ, надо полагать, отъ природы не сошлись уживчивыхъ натуръ выходили школьные бѣглецы, герои заскамейнаго бурсацкаго эпоса, заслуживающіе

и некотораго вниманія. Бѣгство изъ школы, бѣгство отъ науки, въ пятидесятихъ годахъ настоящаго столѣтія — фактъ, самъ по себѣ уже много говорящій о нашихъ настальныхъ расадникахъ просвѣщенія. Что вынуждало ребятъ бѣжать изъ школы, всегда смотрѣть на нее, какъ на какое нибудь страшилище, какъ на медвѣдя? Лѣнь, страхъ розги, или просто ребячья глупость, бавовство, какъ, бывало, выражалось школьное начальство? Но отчего же не бѣжали дѣти изъ другихъ училищъ — не нашихъ, хотя тамъ тоже, быть можетъ, существовали лѣнь, розги и проч.? Отчего, напримѣръ, тотъ же заскамейный питомецъ, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ измученный, измуштрованный разными инструкціями аскетическаго свойства, напичканный и совершенно сбитый съ толку разною книжною чепухой и соломоновскою мудростью древнихъ отецъ, по окончаніи семинарскаго курса, за которымъ убиты лучшіе годы молодости, еще лѣзетъ снова учиться въ какое нибудь другое учебное заведеніе, напримѣръ, въ университетъ?... Надо полагать, что наши кастальные питомники образованія страдали самымъ большимъ, существеннымъ недостаткомъ, а именно, недостаткомъ естественнаго, чистаго воздуха и свѣта (разумѣя то и другое преимущественно въ нравственномъ смыслѣ), необходимыхъ для молодыхъ натуръ; надо полагать, что этотъ недостатокъ воздуха и свѣта душилъ питомцевъ, и преимущественно тѣхъ изъ нихъ, которыхъ мать-природа надѣлила натурами болѣе чуткими, разборчивыми, болѣе живучими, и потому болѣе требовательными. Этимъ-то болѣе живымъ и способнымъ ребятамъ, разумѣется, скорѣе и больше, чѣмъ другимъ, становилось жутко, невыносимо въ школьной атмосферѣ, всегда разившей какою-то ветхозавѣтною, придирчивою строгостью и книжною гнилью былыхъ блаженныхъ временъ, когда человѣчество черезчуръ настойчиво лѣзло куда-то все за облака, въ какой-то занебесный міръ. Дѣти, конечно, не могли дать себѣ отчета, почему имъ противна, тяжела школа; они только инстинктивно чувствовали, что имъ тяжело въ ней, душно... Каково же было молодой, еще только развивающейся жизни находиться въ такой атмосферѣ, жить и дышать ею не мѣсяць, не два, а цѣлые длинные, однообразные годы?... Вѣдь, чтобы не задохнуться, не завянуть окончательно, ей необходимо нужно было по временамъ переводить духъ. Но гдѣ же перевести духъ, гдѣ исключительно можно было это сдѣлать, какъ не за стѣнами заскамейнаго міра?... И вотъ ребята

пускались въ бѣги, и бѣжали, куда глаза глядятъ. Но школьное начальство и мнооученые педагоги совсѣмъ иначе смотрѣли на бѣгство ребятъ: «лѣнь, дескать, ихъ одолеваетъ; не выучатъ урока,—вотъ и бѣгутъ отъ взысканія». Но откуда бы такая лѣнь нападала на ребятъ? Нѣтъ ли какойнибудь причины, какогонибудь повода къ этой лѣни? Ни о чемъ подобномъ школьные отцы-воспитатели и педагоги никогда не помышляли, не вѣдали, да и вѣдать не могли, по той простой причинѣ, что всегда смотрѣли на своихъ питомцевъ, просто, какъ на какуюнибудь утварь, мебель, нужную для школы потому только, что существуетъ сама школа.

Бѣгство изъ предѣловъ заскамейныхъ производилось больше лѣтомъ; бывали, впрочемъ, случаи, что нѣкоторые ходоки удирали и зимой. Зимніе побѣги сильно обезпокоивали школьную власть; она въ подобныхъ случаяхъ поднимала страшную кутерьму въ заскамейномъ мірѣ—кричала, сѣкла, рвала...

Зимнее время для кого другаго — время, какъ время, а для заскамейнаго міра — тяжелая, скучная пора: нынѣ вечеромъ школяры, заткнувъ уши, во всю прыть зычнаго голоса долбятъ уроки изъ православнаго катихизиса, Корнелія Непота и допотопной ариеметики, назавтра вечеромъ — уроки изъ географіи Арсеньева, изъ греческой грамматики неудобосваримые глаголы, τίπω, τίσημι, ἔσημι, и въ заключеніе изъ потнаго обихода самый вычурный догматикъ «въ черннемъ мори». Къ тому же, сегодня мерзнуть въ скверной, сырой конурѣ дешевенькой квартирки и ѣдать крошеную, стылую капусту съ прокислымъ квасомъ; назавтра, рано утромъ бѣгутъ въ классъ и тамъ въ изобиліи получаютъ либо отеческое вразумленіе существеннаго свойства, или какоенибудь другое удовольствіе *eiusdem generis*. Такъ, бывало, вся зима проходитъ; а бѣднымъ ребятамъ все одно и то же. Настанетъ ли, бывало, воскресенье, и тутъ ребятамъ некогда хорошенько отдохнуть, отвести душу въ какойнибудь игрѣ или забавѣ: воскресенье — день по преимуществу Божій, а заскамейные питомцы, дѣти церковниковъ, и приготавливаются къ наслѣдственному служенію (ремеслу) отцовъ своихъ; значить, кому другому, а заскамейнымъ питомцамъ нельзя не быть въ этотъ день въ церкви. Но вотъ тяжелая зима на исходѣ: на улицѣ свѣтитъ привѣтливое солнышко; съ крышъ домовъ, сараевъ, амбаровъ и торговыхъ лавочекъ каплетъ вешняя водица... Эхъ, какъ весело, легко становится ребятамъ, безкорыстнымъ труженикамъ тяже-

лой, безтолковой школьной науки, которою начиниваютъ ихъ до головной боли, часто остающейся у многихъ на всю жизнь... Настаетъ, наконецъ, и сама красная весна: на улицѣ теплынь стоитъ; вездѣ пробивается зеленая травка—муравка; воздухъ мягкій, душнѣтый... Эхъ, какъ не охота бѣднымъ ребятамъ ходить въ школу и сидѣть тамъ за грязной, противной скамьей въ такую благодатную пору! А безчувственные педанты—педагоги, хорошо помня, какъ бывало ихъ самихъ школили и ни въ чемъ никогда не давали ослабы, какъ на зло въ это время начинаютъ сильнѣе налегать на школяровъ. Пора повторять! Недалеко переводный экзамень! «Кто что посѣялъ, тотъ то и пожнетъ!» немолчно жужжать педагоги. Ну, вотъ и настаетъ бѣдовое повторенье всей пройденной, бѣдовой ахинеи, и начинаютъ школяры снова долбить и зубрить свои уроки, какъ на фабрикѣ, день и ночь: долбить въ комнатахъ, во дворахъ, на сараяхъ, на подволокахъ, въ огородахъ, завалившись подъ какой нибудь капустный разсадникъ, или пріютившись подъ раскидистую иву, усѣвшуюся гдѣ нибудь за баней или возлѣ сараю; а въ классахъ вмѣстѣ съ повторенцемъ учащаются и повышаются на квадратъ, даже на кубъ разнообразныя педагогическія вразумленія и наставленія, съ цѣлю, разумѣется, пособить бѣднымъ ребятамъ въ ихъ трудной работѣ набиванья головы слалбливаньемъ разныхъ книжныхъ безтолковостей... А за стѣнами школы стоитъ живоносная весна, все зеленѣетъ, цвѣтетъ и живетъ обновленною, молодою жизнію... И простая, еще неисковерканная дѣтская натура вдвойнѣ страдаетъ, инстинктивно чуя всѣмъ существомъ своимъ эту вышнюю, коношашую жизнь матери-природы, страдаетъ отъ того, что ее коверкаютъ и душатъ въ такую благодатную пору сухимъ, безтолковымъ школярствомъ, совершенно бесполезнымъ, ничего не дающимъ, даже вреднымъ для ея нормальнаго, дѣйствительнаго, здороваго развитія... Что же оставалось тутъ дѣлать бѣднымъ ребятамъ? Да одно — бѣжать куда нибудь, въ поле, въ лѣсъ, въ родное село; хоть это и дорого обходилось имъ послѣ.

На улицѣ стояло превосходное весеннее утро; солнышко тихо катилось по синему небу, не опасаясь встрѣтить ни одного облачка. Было часовъ около шести. Трое школяровъ шли по одной изъ улицъ уѣзднаго городишка Козьегорска, улетаая на походѣ

свои завтраки, толсто отрѣзанные ломти чернаго хлѣба, и въ то же время не безъ труда занимаясь разговоромъ:

— Ты, Бабушкинъ, знаешь сегодня урокъ? спрашиваетъ Преполовенскій одного изъ своихъ спутниковъ.

— Знаю, да плохентеръ; все смѣшиваюсь на безличныхъ глаголахъ: oportet, roenitet, libet, licet, taedet.... вотъ дальше какой стоитъ?... Чортъ его знаетъ! никакъ не заучишь по порядку.

— Я самъ тоже не знаю этого.

— А я такъ вызубрилъ! похвастался третій изъ школяровъ, Рождественскій.

— Ну ладно, подставляй карманъ-то, вызубрилъ!... А вотъ Павелъ Ивановичъ спроситъ, такъ тутъ хоть перевызубрилъ, а на оглоблю (*), какъ быть, отвѣтишь; а Павелъ Ивановичъ ужъ изволь!... и начнетъ тебѣ тутъ задавать тукмановъ хорошихъ, да на верхосытку еще оддубаситъ такъ, что... И Преполовенскій не договорилъ, потому что только что откусилъ отъ ломтя порядочную штуку, которая не позволяла больше издавать звуковъ.

Рождественскій поглядѣлъ искоса на Преполовенскаго и какъ будто хотѣлъ что-то сказать, но ничего не сказалъ, отвернулся и по прежнему принялся за свой ломоть.

Преполовенскій, между тѣмъ, оправился и продолжалъ:— вотъ что, ребята: давайте унырнемъ сегодня изъ класса? Я знаю славное мѣсто, веселое; вонъ тамъ, въ полѣ, есть большой логъ; около него все орѣшникъ растетъ, густой, чуть пролѣзешь, а въ логу ключикъ бѣжитъ.... Ой, больно тамъ весело! Мы ходили туда съ нашимъ хозяиномъ зайцевъ стрѣлять.

— Да—а! Уйдешь, а послѣ такъ отпарять!... возражаетъ Бабушкинъ.

— Ну такъ что? Ну, отпарять послѣ; а вѣдь сегодня не уйдешь изъ класса, Павелъ Ивановичъ тоже отпарить, да еще, пожалуй, почище того, какъ парить за утѣкъ.

— Я, пожалуй, удралъ бы, сказалъ Бабушкинъ послѣ нѣкотораго раздумья.

— А ты что, Ваня? спрашиваетъ Преполовенскій Рождественскаго:—пойдешь съ нами?

— Я?... Я того... нѣтъ, я не пойду; боюсь, исключать, пожалуй...

(*) Т. е. на единцу—плачевный баллъ.

— Ну, исключать! Исключать, такъ въ причетники пойдёмъ, вотъ и все.

— Нѣтъ, я не пойду сегодня; послѣ когда, пожалуй.

— Э, братъ, дрефишь (*)! Ну не пойдешь, такъ не ходи, пожалуй; только ты вотъ что, Ваня: скажи въ классѣ, что мы остались дома, нездоровы молъ что-то; а послѣ классовъ, вечеромъ, слящи съ квартиры хлѣба ломтищевъ шесть, да и катай къ намъ, вонъ туда, видишь лѣсокъ-то тянется? въ этомъ лѣску какъ разъ и есть тотъ логъ; ты только подойди къ нему да закричи или запой что нибудь, ну хоть «на синаиствѣй горѣ»; а мы ужъ услышимъ.

— Ладно, ступайте. Я еще луку слящу изъ солдатскаго огорода и притащу къ вамъ.

— Ай да Ванька! вотъ bene, совсѣмъ-таки bene!

— Славно, Ваня! laudo! кричали въ восторгѣ Преполовенскій и Бабушкинъ, удирая въ другую улицу.

Рождественскій направился къ училищу.

Классы кончились. Ученики гурьбами весело бѣжали на квартиры обѣдать; только двое довольно взрослыхъ питомцевъ шли особо отъ другихъ и о чемъ-то разговаривали. Разговоръ ихъ былъ, какъ видно, не совсѣмъ веселаго содержанія, что ясно показывали ихъ невеселыя физиономіи. Эти двое довольно взрослыхъ питомцы были огорчены заскамейнымъ правительствомъ для отгнисканія и поимки негодяевъ-бѣглецовъ съ строгимъ наказаніемъ не возвращаться безъ нихъ.

— Ну, гдѣ мы ихъ найдемъ? спрашиваетъ Боголѣповъ своего товарища Васю: — поди удрали, свиньи эдакіе, домой, въ село?

— Преполовенскій-то, я знаю, изъ Здерихвостова, нашего же Чернорборскаго уѣзда, отъ нашего села верстъ тридцать будетъ; онъ, чай, туда и дулъ.

— А Бабушкинъ-то куда побѣжалъ? вѣдь онъ здѣшній, у него мать здѣсь просвирней у Покрова.

— А я развѣ знаю!... чортъ его знаетъ, куда, отвѣчалъ съ досадою Вася Иконниковъ.

— Ишь, подлецы... (**) ладно, что удрали; а то бы Го-

(*) Т. е. трусишь.

(**) Подлецъ, свинья въ школахъ употреблялись различно: иногда въ смыслѣ брани, а иногда и въ смыслѣ ласки, одобренія

роховица (*) задалъ имъ сегодня хорошаго перду... Однако, вотъ что Вася, бѣги-ка скорѣе домой обѣдать; а я послѣ зайду за тобой.

Боголѣповъ и Иконниковъ разстались.

Преполовенскій и Бабушкинъ, вполне довольные собой, что избѣжали неминуемой бани, которую безъ всякаго сомнѣнія надѣялись получить отъ Гороховицы, счастливо добрались до предназначеннаго пункта. Здѣсь они расположились въ самомъ уютномъ и веселомъ мѣстѣ, со всѣхъ сторонъ прикрытомъ густымъ орѣшникомъ, и занялись каждый по своему: Преполовенскій, такъ какъ былъ парень уже довольно взрослый, — куреньемъ своей маленькой трубочки, которую постоянно носилъ за голенищемъ, а Бабушкинъ — просто лежаньемъ на спинѣ и глядѣньемъ въ синее небо.

— А-яй, Митя, какое небо-то синее, славное!...

— Чево?... небо-то? И Преполовенскій посмотрѣлъ на небо: — да, братъ, славное!

Бабушкинъ, повернувшись на бокъ и опершись головою на руку, съ раздумьемъ глядѣлъ на мягкую, молодую лужайку, на которой лежалъ, на зеленый орѣшникъ, на глубокий логъ, находившійся отъ него въ двухъ, трехъ шагахъ, на каменистое дно лога, гдѣ бѣжалъ обильный, свѣтлый ручей, и ему чувствовалось что-то такое и пріятное, и вмѣстѣ грустное, что возбуждало въ немъ сильную охоту говорить о чемънибудь; а о чемъ именно, онъ и самъ хорошенько не зналъ. Однакожъ, Бабушкинъ заговорилъ какъ разъ на тему, хотъ самъ и не признавалъ того, т. е., какъ разъ о томъ, что ему чувствовалось въ настоящую минуту:

— А-яй, Митя, какъ здѣсь весело!... право, такъ бы и не уходилъ отсюда... Смотри-ка, смотри-ка, Митя, какая фигура ползетъ въ травѣ... Эхъ, какой косматый! А ногъ-то сколько!... Куда это онъ ползетъ? вѣдь ползетъ же, чай, куданибудь?

— Куда? вишь въ рожь ползетъ; онъ рожь ѣстъ... Давни-ка его!

— Зачѣмъ! пусть ползетъ; не много, чай, съѣстъ...

Червякъ проползъ, и разговоръ прекратился. Преполовенскій продолжалъ курить которую-то трубку; а Бабушкинъ все еще

(*) Такъ звали одного педагога.

чувствовали что-то такое и хорошее и вѣстѣ, и грустное, и ему снова хотѣлось говорить.

— А что, Митя, если насъ выключать нынче къ вакаціи, ты въ причетники пойдешь?

— Пойду. У меня отецъ ужь старикъ, меня на свое мѣсто все хочетъ просить... славно будетъ! Поживу на мѣстѣ года два, либо три, за стихаремъ поѣду; а тутъ и тово... жениться, ножа-луй, стану... И дальше Преполовенскій уже про себя, въ своемъ воображеніи сталъ рисовать себѣ копію съ картины семейной жизни своего родителя — пономаря: тутъ ему представились и мать его старуха, вѣчно что нибудь стряпающая, и старикъ отецъ, валяющійся на полатяхъ послѣ скромнаго пономарскаго обѣда и по временамъ понюхивающій съ шумомъ и присвистомъ изъ берестяной самодѣльной табакерки своемолотую махорку, и будущая молодая пономарица его, съ цѣлой аравой ребятишекъ, которые о чемъ-то каючатъ; представились тутъ же и вѣчно лежащіе на полкѣ въ переднемъ углу отцовскіе святцы и псалтирь; представились и пономарскія обязанности по службѣ, отношенія къ отцу Никитѣ, дѣлежи доходовъ, хожденія по приходу за сборомъ и посильныя дающія православныхъ по крупницамъ да расколотымъ грошамъ; представились, наконецъ, и благочинный, и все церковное чиновначаліе съ его грубостью и безапелляціонною, безконтрольною властью, и пономарское ничтожество въ рядахъ іерархіи... словомъ, представилось Преполовенскому все, что составляетъ обстановку положенія и житья-бытья пономарскаго, и вдохнулось у него какъ-то особенно, какъ никогда еще не вдыхалось, и прерывисто, и глубоко, и больно...

— А мнѣ такъ не охота въ причетники, продолжалъ Бабушкинъ:—и учиться въ училищѣ не охота... убѣждалъ бы куда нибудь, да и ходилъ бы все.

— Исключать, такъ, небось, пойдешь и въ сторожа; не то, гдѣ станешь жить-то? Дома что ли, у матери?... У ней, чай, и безъ тебя еще много...

— Много...

Не вдалекѣ гдѣ-то вдругъ раздалось неистово крикливое пѣнье нѣсколькихъ голосовъ: пѣлась очень извѣстная и употребительная въ школахъ пѣснь «на сипайстѣй горѣ». Пѣснь эта нравилась школярамъ по своему оригинально дикому напѣву. Бѣглецы успѣли убраться въ самую густую чащу орѣшника и при-

затихли; пѣвцы, однакожь, скоро наткнулись на нихъ. Первый открылъ бѣглецовъ соучастникъ ихъ Рождественскій. Ему, какъ видно было, хорошо удалось выполнить данное ему порученіе, касательно пяти, шести ломтей, и собственное обѣщаніе слячить луку изъ солдатскаго огорода: онъ явился съ порядочнымъ грузомъ съѣстнаго.

— Э-э, куда вы забились! А славно здѣсь... Поу! усталъ больно... Вотъ, я привелъ (*) вамъ всего,—нате.

— Вотъ они гдѣ, идолы эдакіе! кричитъ Боголюбовъ, подбѣгая къ бѣглецамъ: — мы съ Иконниковымъ за вами пришли; насъ инспекторъ послалъ.

— Ну, послалъ!... проворчалъ съ досадою Преполовенскій: — давай-ка, Ваня, сюда, что привелъ; жрать бѣда какъ хочу!

— Да ты что, свинья, дуешься? Мы развѣ скажемъ, что вы здѣсь?... Скажемъ, что не нашли моль. Пусть думютъ!..

— А хотъ и сказали бы, что нашли, такъ развѣ я пойду въ училище? Я вотъ сейчасъ же, только поѣмъ, пойду домой, въ село... Пусть выключаютъ!...

— А мнѣ больно нужно, поди! Мы скажемъ, что не видали. А ты, Бабушкинъ, тоже не пойдешь?

— Я, пожалуй, пойду теперѣ домой; мнѣ некуда бѣжать-то. А завтра приду въ училище; только отжарятъ вѣдь больно подлецы!...

— Ничего!... Не выключать за то, какъ самъ яридешь.

— А чортъ ихъ знаетъ, не выключать ли?...

Уже поздно вечеромъ, четверо школяровъ возвратились въ городъ; одинъ Преполовенскій остался въ полѣ ночевать, положивъ на другой же день отправиться въ родное Здериховство.

На утро заскамейный синадріонъ, по важности предстоящаго дѣла составившійся изъ трехъ лицъ — властительнаго смотрителя, праведнаго инспектора и еще одного педагога, сангвиника по натурѣ, и вслѣдствіе того страшнаго любителя всякихъ торжественныхъ случаевъ, и въ особенности экзекуцій, — учинилъ всѣмъ помянутымъ героямъ, и бѣглецамъ, и съидцамъ ихъ (последнимъ, разумѣется, за то, что одинъ изъ бѣглецовъ не былъ ими представленъ) отеческое nota bene, повелѣвъ для вящшей памяти зарубить его не на носу провинивших-

(*) Это на заскамейномъ языкѣ значило: «ловко сплести, уловисто сплести».

ся, а на подобающихъ частяхъ, которыя, по мнѣнію многихъ старыхъ и опытныхъ педагоговъ, будто бы для того только и даны человѣку Господомъ Богомъ, чтобы писать на нихъ всякія вразумительныя поѣ bene.

Не удалось вернуться отъ отеческаго поѣ bene и странствующему Преполовенскому. Съ нимъ, по несчастію, верстахъ въ пяти отъ города, на одномъ полѣ повстрѣчался какой-то дядя Борисъ, да и придрался:

— Ты, говоритъ, парнюга — кто такой? въ кои мѣста спозаранку бѣжишь?

— А тебѣ чего надо? отвѣчаетъ недружелюбно Преполовенскій.

— Какъ чего? вишь ты не по дорогѣ идешь, все стороной паровишь, какъ есть воръ какой...

— Эхъ ты, сивакъ толстолапый! выбранивается Преполовенскій и, подобравъ полы своего крашениннаго халатика, удираетъ въ сторону отъ дяди Бориса.

Дядѣ Борису стало немножко какъ будто обидно, и онъ захотѣлъ догнать обидчика. Къ тому же, дядя Борисъ по самой одеждѣ обидчика догадывался, какой такой этотъ сорванецъ.

— Я вотъ те, жеребенка, изловлю да къ вашему наибольшему и приставлю! кричитъ дядя Борисъ, гонясь за Преполовенскимъ.

Ну и дѣйствительно — догналъ и представилъ.

Такимъ образомъ, Преполовенскій, на другой же день своего странствія, приведенъ былъ въ школу, какъ одичавшая овечка, представленъ дядей Борисомъ къ наибольшему и получилъ извѣстное отеческое поѣ bene; а въ концѣ концовъ, къ ваканціи исключенъ, какъ непотребный членъ заскамейной семьи, какой по общему мнѣнію заскамейнаго синедріона безотлагательно подлежало отечѣ, дабы не заразились отъ него вредоноснымъ соблазномъ скитанія и другіе члены.

Рѣшая однимъ глупымъ словомъ «исключить» и безъ того уже незавидную судьбу какого нибудь голяка пономарскаго сына, думали ли школьные воспитатели что нибудь, кромѣ того, что дѣлали? Думали ли, напримѣръ, что будетъ въ жизни съ этимъ голякомъ, еще ничему ими не наученнымъ, ничего не знающимъ, лишеннымъ даже самой возможности получить какое нибудь посредственное образованіе, которое влослѣдствіи могло бы ему въ гѣсной жизни? Взродило ли имъ въ мудрыя головы хоть во снѣ, отложивъ въ сторону всѣ свои педагогиче-

скія амбиціи, но человѣчески приласкать питомца, войти въ его положеніе, поговорить съ нимъ просто, по братски, не обращая большаго вниманія на то, если онъ и сдѣлалъ дѣйствительно какую нибудь глупость, шалость? Никогда!.. Школьные воспитатели не могли сдѣлать ничего такого при существовавшихъ во дни оны, да и теперь еще ревностно охраняемыхъ, наивглупѣйшихъ отношеніяхъ, въ которыя поставлены наши кастаные воспитатели и педагоги къ своимъ питомцамъ и послѣдніе къ своимъ воспитателямъ-просвѣтителямъ. Въ этихъ отношеніяхъ сохраняется всегда ужасно широкій промежутокъ, набитый съ одной стороны глупымъ педантизмомъ, чиновничьимъ чванствомъ, зудливыми претензіями, — съ другой стороны нѣмою безотвѣтностью, боязливою неразвязностью и растерянностью, тотчасъ овладѣвающею воспитанникомъ, при видѣ особы начальника-воспитателя, или чиновника-педагога. Замѣчательно, что слѣдствія этихъ глупѣйшихъ отношеній проявляются совершенно одинаково, какъ въ дѣтяхъ-школярахъ, такъ и во взрослыхъ воспитанникахъ среднихъ и даже высшихъ учебныхъ заведеній, не смотря на то, что послѣдніе имѣютъ за собой уже и лѣта, и стяжаніе нѣкоторыхъ правъ, гарантирующихъ достоинство и извѣстную неприкосновенность личности. Смѣшно, неловко, даже немножко стыдно становится, какъ вспомнишь, напримеръ, такую сцену изъ жизни уже студенческой-академической. Идетъ, бывало, по корридолу какой нибудь студентъ солидной наружности, даже съ красивыми баками; бодро и съ достоинствомъ идетъ онъ, — и вдругъ на встрѣчу ему попадаетъ начальникъ заведенія. Въ одну секунду студентъ чувствуетъ себя какъ-то не ладно; куда дѣвалась вся его солидность! Онъ невольно опускаетъ руки по швамъ, такъ же невольно церемѣняетъ всю наружную осанку изъ солидной въ какую-то невнятно-скромную, глупенькую, даже, можно сказать, благочестивую; начинаетъ сѣменить ногами...

Если взрослые молодые люди чувствовали себя не совсѣмъ ладно при столкновеніяхъ съ воспитателями, то о дѣтяхъ-школярахъ и говорить нечего...

Вѣдь не даромъ же у бѣдныхъ ребятъ, самовольно покусившихся перевести духъ за стѣнами душевной школы, зачастую вырываются слова: пусть дуютъ!.. пусть выключаютъ!.. Имъ, по правдѣ сказать, нечего было и ждать больше; имъ и въ голову не приходило, что, возвратясь къ заскамейной дѣятельности, они

встрѣять тамъ что нибудь другое, что тамъ войдутъ въ ихъ положеніе, снисходительно будутъ спрашивать ихъ, какъ спрашивали бы отецъ, мать, или братъ: да какъ, да что, да зачѣмъ вы это, ребята, убъжали?.. Развѣ тяжело, надоѣло, наскучило что нибудь?..

VII.

Въ скучное зимнее время у школяровъ были, однакожь, и развлеченія своего рода, между которыми первое мѣсто занимали нищенство и хищничество, производившіяся съ цѣлью пріобрѣтенія разныхъ разностей, большею частію, впрочемъ, изъ сѣстнаго. Это скорѣе грустное, чѣмъ смѣшное явленіе совершалось преимущественно въ базарные дни — въ субботу и во вторникъ. Вотъ настаегъ, бывало, суббота. Съ какимъ нетерпѣніемъ ждутъ школяры окончанія дообѣденныхъ классовъ! Бьетъ одиннадцать часовъ. Эхма! еще цѣлый часъ сидѣть, думаютъ школяры, глядя въ книжки какъ будто со всевозможнымъ вниманіемъ. А Сергѣичъ-Собакинъ, алушій учитель греческаго языка, переводитъ себѣ да переводитъ изъ греческой христоматіи какую-то басенку, какъ угрюмый Харонъ, не смѣняемый перевозчикъ, переправляетъ души людей черезъ рѣку Ахеронъ изъ этой жизни въ темное царство Плутона. Сергѣичъ какъ будто и не чаегъ до сыта напереводиться; у него слюнки текутъ отъ удовольствія, что еще цѣлый часъ впереди; значить, можно еще попереводить да и поймать какого нибудь ученика въ незнаніи какой нибудь греческой живюки... И пока ученики какъ будто со вниманіемъ смотрятъ въ книжки, мысленно же бѣгаютъ по базару и тянутъ у тетушекъ калачи, бьетъ двѣнадцать часовъ: въ одинъ моментъ греческія книжки закрываются, а Сергѣичъ какъ-то неохотно встаетъ изъ-за стола и киваетъ головой на икону, это значило — приказываетъ читать молитву. Молитва прочитана. Сергѣичъ забылъ уже свою неохоту отстать отъ греческой книжки и славно удираегъ изъ класса. Пфу!.. Уфъ!.. всею грудью вздыхаютъ ребята и поднимаютъ невообразимую кутерьму: бѣгутъ, скачутъ, ивкаютъ, поютъ, дерутся, говорятъ.

Вотъ гдѣ-то въ суматохѣ слышится смѣшный разговоръ во все горло:

— Эй, Ванька, стой-ка, я что тебѣ скажу, кричитъ Ганька Рябовъ, прыгая черезъ парту.

- Ну-у! на улицѣ успѣешь...
- Да стой, ослина! Я вотъ что тебѣ скажу: послѣ обѣда пойдешь ошаривать (*)?
- Пойду; а ты думалъ, нѣтъ?
- И я, братъ, тоже пойду; да съ нашей квартиры чай всѣ пойдутъ.

Въ другомъ мѣстѣ идетъ жаркая перепалка:

- Ты!.. оплеуха эдакая! Чернилы-то у меня пролилъ...
- Ну чортъ тебя зналъ тутъ съ чернилами-то!.. Еще ругается—рыжій теленокъ!
- А самъ-то не ругаешься! Свинья эдакая!..
- Молчать, рлбая харя; не то фдало сворочу!..
- Эко!.. Сворочу... На-ко вотъ, нарвись!..

Но словесная прѣ оказывается недостаточною и переходитъ въ теребачку, которая и оканчивается на скорую руку, по той причинѣ, что серьезно заняться этимъ дѣломъ было некогда, нужно было скорѣе бѣжать обѣдать, а тамъ и на базаръ потолкаться, поглазѣть и промыслить что нибудь.

Пообѣдавъ на скорую руку, школяры собирались въ кучки отъ четырехъ до пяти человѣкъ, и большею частію устранивались такъ, что жильцы съ одной квартиры составляли одну кучку, съ другой—другую; это дѣлалось такъ для того, чтобы при дѣлежѣ добычи базарнаго дня между промышленниками не могло быть какихъ нибудь неприятныхъ столкновеній, непременно сопровождаемыхъ зуботычинами, затрещинами, теребачками и разными другими штукаами подобнаго рода, очень употребительными въ заскамейномъ мірѣ. Затѣмъ, всѣ такія кучки запасались довольно помѣстительными салазками, которыя были необходимы для склада будущихъ базарныхъ пріобрѣтеній, и отправлялись на базаръ въ такомъ порядкѣ: одинъ кто нибудь изъ кучки запрягался въ салазки, а остальные конвоировали ихъ. Кучки расходились по разнымъ пунктамъ базара: одна, напримѣръ, партію отправлялась туда, гдѣ шумными рядами сидѣли, торговали калашницы, пирожицы, кисельницы, сусленницы и всякія другія тетушки, — все большею частію оспротѣлыя, одинокія созданія, съ горемъ пополамъ добывающія себѣ насущный кусокъ; другая партія пробиралась туда, гдѣ обыкновенно стояли пріѣзжіе мужики и продавали свои деревенскіе продукты: горохъ, сѣмя,

(*) Т. е. тавутъ у калашницы калачи, пироги и прочее съѣдомое.

толокно, лукъ, картофель, рѣдьку и рѣпу. Всѣ эти съѣдомости сильно привлекали къ себѣ всегда голодныхъ заскамейныхъ питомцевъ, и преимущественно тѣхъ изъ нихъ, чьи отцы, дьячки или пономари, по крайней бѣдности своей не въ силахъ были порядочно содержать своихъ дѣтищъ. Всѣ бѣдные дьячки и пономари, для которыхъ рубль денегъ—уже большой капиталъ, пропитываютъ своихъ учащихся дѣтищъ по большей части своими хлѣбами, какъ говорится, т. е. по временамъ сами доставляютъ имъ изъ сельскую нужную провизію. Такой способъ питанія дѣтей для какого нибудь пономаря, конечно, былъ легче, удобнѣе, потому что провизія у него всегда своя, не купленная; но за то онъ не слишкомъ былъ удобенъ для самыхъ ребятъ: напримѣръ, вышла у ребятъ вся провизія, а отцы ихъ, по какимъ нибудь домашнимъ или другимъ обстоятельствамъ, не могутъ привезти имъ ко времени новой провизіи. Что тутъ дѣлать ребятамъ? Голодать, а поголодавъ день, два, идти промышлять какъ нибудь...

Третья партія школяровъ, это партія уже не голодныхъ, а просто лакомыхъ ребятъ-поповичей, протиралась туда, гдѣ стояли пряничники съ парусинными лавками, около которыхъ нашъ простой, провинціальный людъ почему-то особенно любить стоять и глазѣть, переминаясь съ ноги на ногу.

Первая кучка школяровъ въ рядахъ торгующаго соборща тетушекъ приводитъ въ дѣло свои способности и испытанную ловкость:

— Дьяконовъ!.. сычъ эдакой! кричитъ возница салазокъ одному изъ своихъ товарищей.

— Чего?

— У, пучеглазый!.. Чего-о!.. Развѣ ослѣпъ? вонъ старушонка-то рыбу удить; уведи-ко у ней вонъ этотъ пирогъ. Возница указываетъ, какой именно пирогъ.

— Который? этотъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, попузатѣе-то который.

Дьяконовъ стащилъ и ловко передалъ добычу возницѣ, да еще въ намяшку старухѣ, вывелъ ее изъ дремоты и сталъ торговать небольшой пирогъ:

— Что, баушка, за этотъ пирогъ?

— За этотъ?

— За этотъ, баушка.

— За этотъ, голубчикъ, трѣшникъ.

— Усь! трѣшникъ!..

— Не дорого вѣдь, голубенокъ, купи!

— Купилъ бы, баушка, да купилъ-то у меня съ трѣшникъ не будетъ.

— А много ли у те всего-то?

— Одинъ грошъ, баушка.

— О!.. на вотъ, голубенокъ, я тѣ не то такъ дамъ одну половинку, а другую сама съѣмъ, къ числу, самой ѣсть что-то захотѣлось маненько.

— Спасибо, баушка...

— Ёшь на здоровье, да поди домой; вишь какъ измерзъ весь!..

Дьяконовъ почувствовалъ, что у него какъ будто кольнуло въ сердцѣ; ему что-то стало совѣстно... И пошелъ онъ домой, думая: добрая какая!.. А я пирогъ у ней уведь...

Пока Дьяконовъ обдѣлывалъ дѣлишки со старухой, прочіе его товарищи прилаживались къ другой разбитной теткѣ, торговавшей разными снѣдами.

— А что у тебя, тетка, сіе стоитъ? приставалъ Ганька Рябовъ, лучше всѣхъ изловчившійся въ разныхъ одувательствахъ при частыхъ сношеніяхъ съ базарными тетками.

— Кое?

— А вотъ сіе? Рябовъ указалъ на большую заманчивую печенку.

— Это, братикъ, стоитъ все три гривны; а этотъ кусочикъ пятакъ, а этотъ трѣшникъ, а этотъ за старый грошникъ уступлю.

— Ну, ты что-то больно дорого продаешь сегодня; за все три пятака, ладно!

— Экой ты!.. Дешево покупаешь, да домой не носишь.

— Дешево!.. да стоитъ ли больше-то? еще хорошая ли? можетъ быть, старая какая, пахнетъ; только деньги даромъ отдашь, и Рябовъ тряхнулъ деньгами, которыя лежали у него за пазухой.

— Экъ тебя розорвало сыча!.. Ёдалъ ли дома-то такую!.. Тетка схватила большой кусокъ печенки и ткнула имъ въ рыло Рябову.

— Поди-ко, не ёдалъ! съ трудомъ отвѣчалъ Рябовъ, пробуя за обѣ щеки предложенную печенку.

Между тѣмъ тетка, окончательно убѣжденная бряцаньемъ денегъ, что покупатель пришелъ не такъ себѣ, и подстрекаемая желаньемъ продать, обращается къ своимъ салазкамъ и отыски—

ваетъ тамъ другой кусокъ печенки, вѣроятно, получше, посяѣ-
жѣ. Рябовъ пользуется удобной минутой, схватываетъ большой
кусокъ печенки и еще кой-какого печенья и исчезаетъ въ базар-
ной толпѣ.

Другая партія школяровъ въ рядахъ мужиковъ, продающихъ
свои продукты, дѣйствуетъ такъ же успѣшно, только посред-
ствомъ другихъ приѣмовъ.

Двое школяровъ стоятъ около саней съ горохомъ и любезно
болтаютъ съ дядей, приторговываясь къ гороху:

— Какой это у тебя, дядя, горохъ-то? Свой что ли, самъ
сѣялъ?

— Нѣ; эфто, парни, горохъ казанской.

— Онъ въ Казани что ли растетъ? Или такъ только зовутъ его?

— Нештò; его теперича, будучи примѣрно сказать, въ Каза-
нѣ только покупаютъ; а рости теперича, онъ пожалуй, что и
у насъ можетъ родиться, плохой только, сѣрой.

— А этотъ славный какой! Чай сладкій?..

— Нештò, скусѣнъ.

— А почему пудъ стоитъ?

— Да што съ васъ?.. два безъ гривны.

— Дорого, дядя.

— Да ты отвѣдай, парнюга, больно вѣдь мягкой!.. слатимъ
шибко!

Покупатели того и ждали: они начинаютъ забирать горохъ
въ горсти, а изъ горстей сыпать въ ротъ за обѣ щеки, а больше
того въ рукава своихъ нагольныхъ тулупишковъ.

Такъ бывало, поторгуютъ школяры здѣсь, поторгуютъ тамъ,
и глядишь, обремененныя салазки уже плохо катятся, и не легко
становится одному возницѣ.

А вотъ у балаганиныхъ лавокъ, преисполненныхъ всякими
сластями неопредѣленнаго сорта и всякаго вида, вмѣстѣ съ глу-
по-глазбующей публикой стоитъ и такъ же глазѣть, толчется и
трется третья партія заскамейныхъ питомцевъ. Не нужда выгна-
да этихъ школяровъ толкаться по базару; нѣтъ, эти пришли про-
сто такъ, развлеченія ради и прогнанія одуряющей скуки, какую
налагаетъ на ребятъ заскамейное житье съ его однообразной,
тяжелой, плачевной обстановкой.

— Эй, ты, вороній сынъ! чего тутъ тебѣ надо? Не слышать
ли чего смекаешь? кричатъ лавошникъ на одного изъ школя-
ровъ, уже слишкомъ близко протеревшагося къ лавкѣ.

— Я купить... Почему рожки-то?

— То-то, купить!.. У васъ вѣдь у всѣхъ, ужь племя такое, завидушіе глаза... А рожки, братецъ, три гривны за фунтикъ-съ.

Народъ, толкущійся около лавки, съ удовольствіемъ смѣется надъ остротами потѣшника-лавочника, и съ своей стороны тоже отпускаетъ острия словечки все на счетъ школяра-покупателя.

— Ишь его, на задѣ-то у себя какъ протеръ; видно, сидитъ все, замѣчаетъ кто-то изъ толпы.

— Знамо сидитъ, подтверждаетъ другой.

Попавъ въ просакъ, школяръ ужь не ридится много съ лавошникомъ, не до того; а проситъ поскорѣ отвѣсить ему полфунта рожковъ. Благо еще, что деньжонокъ-то случилось пятака два, три, а то бы плохо пришлось школяру!

Запятавъ кое-какъ свои рожки въ пазуху и ничего не отвѣчая на насмѣшки, школяръ утекаетъ отъ лавки. Въ догонку ему сыплются со всѣхъ сторонъ остроты и гиканье; даже какой-то татаринъ, находившійся тутъ же въ толпѣ, въ числѣ глазбьющихъ, слыша остроты другихъ на счетъ школяра, отпускаетъ тоже что-то въ родѣ остроты:

— Э-э! школьничъ она, книга глядитъ усѣ, та малой знагъ...

— Эхъ ты, чугушка эдакая! Туда же!.. вотъ бы тебѣ чего, точеной головѣ! И школяръ представилъ изъ полы своего нагольного тулупишка подобіе уха извѣстнаго, грязнолюбиваго животнаго.

Остриакъ-татаринъ возмущается духомъ и покушается догнать охальника, но бойкія ноги школяра скоро увоняютъ его отъ насмѣхающейся толпы и съ глазъ задорнаго татарина.

Базаръ кончается. Базарныя толпы замѣтно рѣдѣютъ; длинные ряды саней гуськомъ танутся съ базара къ разнымъ концамъ города и приваливаютъ у кабаковъ; то тамъ, то здѣсь слышатся веселыя или безтолково-пьяныя пѣсни. Значитъ, продажа и купля кончены; конченъ базаръ. И промышленники школяры тоже покончили свои базарныя походы и отправились въ свои кодуры; они веселы: у нихъ есть теперь приобрѣтеніе, составленное изъ разныхъ крупницъ, добытыхъ разными путями... И пріятно ребятамъ, и они довольны нынѣшнимъ днемъ, хоть

онъ и принесъ имъ вмѣстѣ съ удовольствіемъ не мало насмѣшекъ и сраму... Благо, что все это было въ дѣтствѣ; въ дѣтствѣ мало думается и иначе мыслится; значить, ребятамъ было все нипочемъ!.. Но теперь всѣ подобные эпизоды изъ заскамейнаго житья-бытья невольно наводятъ на раздумье и заставляютъ передумать многое, о чемъ, впрочемъ можно и не говорить...

VII.

Возлюбленная дочь прогресса! Желанная гласность! Сколько шуму, сколько треволненій и шушуканья понадѣлала ты въ нашихъ пространныхъ россійскихъ углахъ и отдаленнѣйшихъ закоулкахъ своимъ внезапнымъ посѣщеніемъ!.. Не погнушалась ты заглянуть даже въ такія мѣстечки, вертепцы и лужицы, куда, бывало, не совсѣмъ охотно заглядывали и небрезгливые господа—солнечный свѣтъ и вольный воздухъ. Но отчего же ты еще доселѣ не заглянула попристальнѣе въ такія, напримѣръ, мѣстечки, какъ наши кастаньные питомники просвѣщенія?.. Или, быть можетъ; ты напередъ вѣдала, что въ эти мѣстечки тебѣ трудно хорошенъко проинкнутъ, да и не зачѣмъ, по той причинѣ, что люди тамъ все особаго покроя, все такіе... о которыхъ, какъ *de mortuis* (*) для современной, дѣятельной жизни, въ нашемъ любезномъ отечествѣ позволительно говорить только *aut bonum, aut nihil*?.. Или, быть можетъ, ты полагаала, что въ этихъ не совсѣмъ опрятныхъ и душныхъ мѣстечкахъ искони обитаютъ люди спокойные, все благомыслящіе, или вовсе ничего не мыслящіе?.. Но истинѣ, и не ошиблась ты, юная дочь прогресса!.. Вотъ, хоть бы начальники этихъ разсадниковъ просвѣщенія, отцы воспитатели, благодѣтели и педагоги, что въ нихъ увидѣла бы ты, что сказала бы объ нихъ?.. Прежде всего и паче всего всѣ они благомысленны, житіемъ внѣшнимъ благообразны и благочестны; добродѣтели христіанскими, разумѣется, наукрашены, къ своему начальству благопокорливы; въ отношеніи же къ своимъ питомцамъ чадолюбивы и многопопечительны, одного только развѣ нехватаетъ въ нихъ немножко: какъ нынче говорится, негуманны, неподвижны, да разумомъ туги и неизобильны... Однакожь, какъ ни хороши, какъ ни безпорочны глѣбующіе люди нашихъ питомниковъ просвѣщенія, а все-таки и въ хорошихъ мѣ-

(*) Лучше перевести словомъ «отвѣтный».

стахъ, и у хорошихъ людей стрясались и стрясаются такія оказія, о которыхъ вѣдать честному люду во всякомъ случаѣ не мѣшало бы...

Вотъ, для примѣра, оказія.

Былъ во дни оны въ одномъ изъ питомниковъ просвѣщенія вѣжкій питомецъ, не то, чтобы маленькій, да и не то, чтобы слишкомъ взрослый. Способный былъ мальчикъ, этотъ питомецъ, и нравомъ очень страненъ: иногда, бывало, не удержиимо рѣзвится, скачетъ, поетъ и смѣется, а въ другой разъ сидитъ гдѣ нибудь въ углу, ни съ кѣмъ ничего не говорить и все какъ будто думаетъ о чемъ-то. Въ школѣ между товарищами онъ былъ извѣстенъ просто подъ кличкой «Глазыря», хотя въ школьныхъ спискахъ и писался Викторомъ Глазыревымъ. У школьнаго начальства онъ слылъ за неисправимаго шалуна и негодяя, по той причинѣ, что разъ какъ-то учинилъ нѣчто въ родѣ продерзости передъ однимъ почтеннымъ педагогомъ, т. е. совершенно справедливо отказался пойти къ порогу за полученіемъ педагогическаго вразумленія, назначеннаго ему за какіе-то пустяки. Достопочтенный педагогъ нашелъ себя сильно уязвленнымъ въ самое средоточіе своей педагогической амбиціи, и разумѣется, такъ же сильно, то есть съ разными прикрасами, нажаловался на негодяя главнымъ лицамъ, правящимъ и володѣющимъ школою; а эти лица, разумѣется, безъ дальнихъ разсужденій, вздули грубіянишку, да въ добавокъ изрекли пророчество: что этотъ-де мальчишка такъ ужъ и останется негодяемъ, далеко не пойдетъ по тернистому пути науки, и покончитъ съ собой, если не красной шапкой, то ужъ непременно чѣмъ нибудь другимъ, не добрымъ. Прореченіе прозорливыхъ воспитателей, разумѣется, не могло не исполниться, по той причинѣ, что сами они, т. е. воспитатели, разъ забивъ себя въ мудрыя головы, что такой-то ихъ воспитанникъ будто бы негодяй, уже не въ силахъ были отрѣшиться отъ этого мнѣнія, имъ не дозволила бы этого сдѣлать ихъ внутренняя стойкость и умственная скудость; а воспитанникъ — забитое, запуганное дитя, по своему положенію въ школѣ и по самому возрасту болѣе всего нуждающееся въ снисхожденіи, участіи и ласкѣ, не видя въ своихъ пѣстунахъ никакого сколько нибудь чело-вѣчески-отеческаго чувства, напротивъ, постоянно чувствуя на себя ихъ тяжелое, убивающее начальниче нерасположеніе, которое, разумѣется, обнаруживалось при всякомъ случаѣ, есте-

ственно долженъ былъ мало-по-малу ослабѣвать нравственно... Такъ коверкалось и изводилось много ребятъ въ заскамейномъ мѣрѣ; такъ извелся и Глазырь, и случилось же такъ, извелся не морально только, но и тѣлесно...

Была суббота. Въ этотъ день у школяровъ четвертаго класса былъ греческій урокъ; а учителемъ греческаго языка былъ нѣкто Юна Исачъ Осочкинъ, страшно сердитый и зачастую пьяный педагогъ. Поэтому всѣ школяры четвертаго класса чрезвычайно смирно сидѣли на своихъ мѣстахъ и, судорожно перевертывая листки своихъ книжонокъ, шопотомъ затверживали свои уроки. Все это означало, что вотъ-вотъ, того и гляди, дверь класса отворится, и въ ней покажется Осочкинъ. Но Осочкинъ что-то долго не является; а въ классѣ все-таки стоитъ такая тишина, что слышно какъ кто вздыхаетъ изъ ребятъ. Только двое школяровъ, Глазырь да Ванька-Мясникъ, здоровый, большущій парень, какъ видно, нисколько не труся Осочкина, нарушаютъ всеобщую тишину; они очень громко бесѣдуютъ между собою и посмѣиваются:

— Глазырь! ты подскажешь, если скнипа спроситъ меня? Я вѣдь ни батьшки не знаю!..

— Ладно, подскажу, говоритъ Глазырь:— да я и самъ-то не знаю, что и задано.

— Ну, подскажи! Ты вѣдь знаешь что нибудь, хоть и не заглядывалъ въ книжку.

— Подскажу; ты только поближе стань къ партѣ...

Двери класса отворяются, и въ нихъ показывается Юна Осочкинъ съ нахмуренными бровями, раздутымъ носомъ и красной рожей. Ученики быстро встали, ни живы, ни мертвы. Цензоръ прерывистомъ голосомъ прочелъ молитву.

— Садитесь! говоритъ себѣ подъ носъ Осочкинъ, садясь за столъ и раскрывая нотату.

Нотата раскрыта; Осочкинъ думаетъ, кого бы спросить:

— Гм... Иванъ Трутневъ! поди отвѣчай.

Ванька-Мясникъ выходитъ.

— Читай по гречески и переводи! рычитъ Осочкинъ, хмурясь все больше и больше.

Трутневъ развертываетъ греческій завѣтъ, отыскиваетъ то мѣсто, съ котораго начинается урокъ, и стоитъ, понуривъ голову.

— Ну, что же ты, бычина, стойшь? Читай!.. Э, да ты, гусь, знаешь ли, съ котораго стиха слѣдуетъ урокъ-то?

— Знаю, вотъ съ этого.

— Ну, ну!

Трутневъ читаетъ: *уър тѣ* и проч. Прочиталъ.

— Ну, переводи.

Трутневъ стоитъ и пыхтитъ.

Это начинаетъ бѣсить Осочкина; онъ краснѣетъ все больше да больше и раздуваетъ ноздри.

— Ну, дубина! переводи же!

Трутневъ стоитъ и пыхтитъ.

— Ну, что значить, *уър*? Говори! Ну, что такое, *уър*? Глазырь шопотомъ подсказываетъ своему другу: «ибо» значить, ибо... ибо...

Трутневъ не дослышалъ и бухнулъ: «рыба»!..

— Что-о? *уър*—рыба!.. Я вотъ тебѣ задамъ!.. рыба!.. *уър*—рыба!.. Прочь къ порогу!.. Рыба!.. *уър* — рыба!.. гм... рыба!..

Трутнева высѣкли, и разумѣется такъ, что небо съ овчинку показалось.

Теперь Осочкинъ обращается къ Глазырю:

— А ты, пустая башка, подсказываешь? а? подсказываешь?.. Туда же! Осочкинъ указалъ къ порогу.

Но Глазырь не шевелится съ мѣста. Осочкинъ это видитъ и разумѣетъ, что съ этимъ болваномъ не легко справиться... Глазырь ужъ извѣстный въ школѣ грубиянъ...

— Гм! корошо же! говоритъ Осочкинъ и, скрѣпя сердце, садится за столъ и начинаетъ заниматься слушаньемъ уроковъ.

Бьетъ двѣнадцать часовъ. Осочкинъ встаетъ и выходитъ изъ за стола. Цензоръ прочиталъ молитву.

Ученики начинаютъ шумѣть и выдвигаться изъ-за партъ.

— Стой! кричитъ Осочкинъ во все горло: — цензоръ, позвать служителей!..

Служители приходятъ.

— Возьмите-ка вотъ эту упрямую животину, говоритъ имъ Осочкинъ, указывая на Глазыря: — да сведите въ марцеръ.

— Я самъ пойду, говоритъ Глазырь, весь трясаясь отъ волненія, гнѣва и страха.

— Возьмите его!... Чего глазѣете!...

Сторожа берутъ Глазыря и ведутъ. Осочкинъ идетъ вслѣдъ за ними.

Глазырь молчитъ; молчать служители; молчитъ и самъ Осочкинъ.

Привели Глазыря къ карцеру. Это была комнатка въ аршинъ съ четвертью ширины и въ двѣ сажени длины. Одинъ изъ служителей, староста, отперъ замокъ и отворилъ дверь.

— Теперь отпустите его, говоритъ сторожамъ Осочкинъ.

Служители отпустили.

Теперь Осочкинъ подходитъ къ Глазырю и задаетъ ему ужащающую оплеуху въ лицо: — «вотъ тебѣ, грубое животное!... Ты отбился отъ всѣхъ... а я... я тебѣ покажу!...» И вталкиваетъ его въ карцеръ.

У Глазыря показалась кровь изъ лѣваго глаза; но онъ не плакалъ, не стоналъ...

Заперли Глазыря, и такъ оставили до понедѣльника, до двѣнадцати часовъ.

Вечеромъ въ тотъ же день одинъ изъ служителей приносилъ заключенному ломоть хлѣба. Служитель просунулъ руку съ ломтемъ въ единственное треугольное окошечко карцера и говоритъ:

— На-ка, братъ, поѣшь; чай ѣсть-то хошь?...

Глазырь молчитъ.

Служитель выпустилъ ломоть изъ руки, и онъ упалъ на полъ карцера.

Приноситъ служитель другой ломоть хлѣба и на другой день, т. е. въ воскресенье, — та же исторія! Молчитъ, не беретъ заключенный ломтя...

Въ понедѣльникъ, въ двѣнадцать часовъ, Иона Исачъ Осочкинъ беретъ старшаго изъ служителей, у котораго обычно хранились ключи отъ всѣхъ классовъ комнатъ и отъ карцера, и идетъ съ нимъ къ карцеру; за ними идетъ порядочная толпа любопытныхъ школяровъ, между прочими и Ванька-Мясникъ.

Приходятъ Осочкинъ съ служителемъ, отпираютъ замокъ, отворяютъ двери, — и Осочкинъ повелительно кричитъ:

— Глазыревъ! выходи!...

Глазыревъ молчитъ...

Осочкинъ заглядываетъ въ карцеръ, заглядываетъ туда и

служитель, за ними заглядывают и некоторые любопытные школяры, — заглядывают...

А Глазырь виситъ, употребивъ свои собственные штанишки...

Такъ извелся Глазырь, ... такъ же изводились въ заскамейномъ мірѣ и изводятся и другіе....

Въ послѣдніе годы въ газетахъ появлялись извѣстія, что въ такомъ-то заскамейномъ разсадникѣ просвѣщенія неизвѣстно почему застрѣлился такой-то питомецъ; а въ другомъ питомникѣ просвѣщенія зарѣзался такой-то перочиннымъ ножичкомъ, и проч... Заскамейные воспитатели объясняютъ эти странные случаи по своему: «либерализмъ и еще какой-то (болѣе страшный) — измъ, говорятъ они вздыхая: — сильно проникаютъ въ послѣднее время въ наши заскамейные питомники; молодежь (разумѣется, глупые ребята) съ жадностью отравляется этими глетворными вещами, и отъ этой отравы у молодежи за-раждаются въ душѣ боренія и разныя мучительныя сомнѣнія; а вслѣдъ за тѣмъ настаетъ и пустота, скука душевная... а тутъ, ужъ и до грѣха недалеко!... Разныя боренія, сомнѣнія, отрицаніе, невѣріе и пустота душевная, — вотъ гдѣ вся бѣда!...»

Эхма! Милостивые государи, не то, не то вы говорите! Молодежь вашихъ разсадниковъ — способная, здоровая молодежь... Изъ нея много вышло бы хорошаго, дѣльнаго, еслибы... Молодежь эта чувствуетъ, что за стѣнами заскамейнаго міра давно ужъ началась и идетъ другая жизнь; чувствуетъ ова это, и болитъ, томится; чувствуетъ она также, что заскамейные питомники, въ которыхъ ее просвѣщаютъ, ужъ никуда не годится какъ устарѣли, много отстали и мало соответствуютъ времени и его потребностямъ, что поэтому-то въ нихъ теперь душно, тяжело, скучно находится молодежи, стремящейся къ развитію, къ знанію, что пора, давно пора уже поправить, передѣлать весь строй заскамейнаго міра, что... и проч. и проч... Вотъ что, братья мои, надо бы говорить...

И. НОВИЦКІЙ.

АСПРОМОНТЕ.

Прежде чѣмъ рѣшиться писать объ этомъ предметѣ, о которомъ такъ много было говорено послѣ самаго событія въ итальянскихъ и другихъ журналахъ, я неоднократно задавалъ себѣ вопросъ: можетъ ли въ настоящее время человѣкъ, котораго самые существенные жизненные интересы тѣсно связаны съ закончившеюся при Аспромонте драмою, относиться къ ней съ тѣмъ холоднымъ безпристрастіемъ историка, какое необходимо въ подобномъ случаѣ?—Для этого приходилось анатомизировать многое мнѣ слишкомъ близкое, приходилось забывать, во имя болѣе или менѣе холодныхъ принциповъ, многія слишкомъ горячія привязанности, живыхъ людей, и людей такихъ, которымъ не могутъ не удивляться и самые заклятые ихъ враги по профессіи....

А между тѣмъ сколько мнѣ ни приходилось читать реляцій и разсказовъ, официальныхъ и неофициальныхъ, я во всѣхъ ихъ встрѣчалъ столько же, иногда можетъ быть и добросовѣстной, только слѣпой вражды партій,—что не только одна абстрактная истина страдала отъ этого, но и все то, что было во всей этой драмѣ высокаго, явилось въ совершенно искаженномъ видѣ, а порою и совершенно исчезало за риторическими фразами и всякаго рода благонамѣренной и неблагонамѣренной клеветой... Кромѣ того, имѣвъ случай очень близко узнать самое дѣло со многими его подробностями, я ясно увидѣлъ, на сколько правильное и безпристрастное изложеніе фактовъ будетъ на этотъ разъ болѣе всевозможныхъ риторическихъ прикрасъ и разглагольствованій служить самому дѣлу.

Достигъ ли я своей цѣли, предоставлено судить читателю...

Во всей Европѣ очень распространено мнѣніе, будто событіе послѣдняго лѣта въ Сициліи—начало какого-то демагогическаго переворота, но столько не увѣреннаго еще въ своихъ силахъ, что предводители его сочли за лучшее прикрьтсь до времени гарибальдѣйскимъ девизомъ 1860 года: *Italia una e Vittorio Emmanuele!*

Чтобы показать, на сколько неправильно это мнѣніе, основанное на болѣе или менѣе официальныхъ, т. е. министерско-правительственныхъ показаніяхъ, я начну свой разсказъ съ того самаго времени, когда Гарибальди въ первый разъ въ Палермо сказалъ свое рѣшительное: *Roma o morte.*

Это было 21 іюля: Гарибальди, наканунѣ этого дня, совершенно неожиданно пріѣхалъ въ Палермо, гдѣ его по обыкновенію встрѣтили не только проявленіями самой горячей признательности за все, имъ уже сдѣланное для Сициліи, но и выраженіями самаго полнаго и горячаго довѣрія къ нему, какъ человѣку, отъ котораго одного ждутъ скорого по возможности и честнаго рѣшенія всѣхъ волнующихъ Италію вопросовъ. Гарибальди говорилъ народу съ балкона Преторіанскаго дворца, въ которомъ, два года тому назадъ, онъ жилъ въ качествѣ избраннаго народомъ диктатора...

Я не стану приводить здѣсь всей его рѣчи, которая была напечатана во всѣхъ почти итальянскихъ журналахъ. Припомню только, что въ заключеніи ея, представляя палермцамъ соотечественника ихъ, полковника Коррао, какъ вполне пользующагося его довѣренностью, человѣка, которому онъ тутъ же передавалъ право дѣйствовать отъ его собственнаго имени,—Гарибальди призывалъ итальянцевъ снова стать съ оружіемъ въ рукахъ подъ то самое знамя, которое они и побѣдоносно пронесли въ 1860 г. по всей южной Италіи и которое развѣвалось надъ урнами плебисцитовъ».

Слова его были приняты громкими рукоплесканіями, и почти то же самое повторилось во всѣхъ городахъ Сициліи, которые тогда носѣтилъ Гарибальди, призывая жителей «оружіемъ взять то, что по праву принадлежитъ имъ, и что только силою у нихъ отнято».

Все это говорилось имъ публично; жандармы и войска были въ числѣ его слушателей, представители административной власти не разъ вмѣстѣ съ ними влѣзали на балконъ, съ котораго онъ говорилъ. Министерство между тѣмъ предписывало повсюду мѣстнымъ гражданскимъ и военнымъ властямъ воздавать ему всѣ возможные почести. Въ Палермо ему была отведена квартира въ королевскомъ дворцѣ, и очень скоро эта его квартира обратилась въ резиденцію главнаго штаба войска, къ организаціи котораго онъ приступилъ немедленно, и приступилъ вполне откровенно, безъ всякихъ тайнъ.... Въ Палермо же было заказано нѣсколько тысячъ красныхъ рубахъ

и военных фуражек, и фабриканты вовсе не держали въ секретъ свои новыя работы. Грузъ оружія (около 3,000 ружей), для предполагаемаго войска, прошелъ черезъ палермскую таможену и былъ впущенъ въ городъ безъ всякихъ затрудненій. Ружья эти среди бѣлаго дня и на одной изъ многочислѣннѣйшихъ площадей города грузились на фуры, которыя должны были ихъ везти въ Фикуццу, и всѣ знали очень хорошо, куда и зачѣмъ онѣ отправляются. Не слѣдуетъ забывать, что изъ Палермо въ Фикуццу слишкомъ 30 миль большой торной дороги, по которой находится нѣсколько пикетовъ конныхъ карабинеровъ, и что ружья эти не были сопровождаемы вооруженными гарибальдійцами.

Въ то же самое время здѣшній журналъ *la Campana della sanzia*, органъ крайняго отдѣла партіи дѣйствія, ежедневно сообщалъ очень точный и подробный (очень часто преувеличенный) отчетъ объ успѣхѣхъ новаго предпріятія Гарибальди, и очень многіе итальянскіе журналы занимали изъ него вѣсти и перепечатывали эти всѣхъ интересовавшія свѣдѣнія...

Похоже ли все это на заговоръ и можно ли назвать революціею предпріятіе, которое дѣлалось открыто, съ вѣдома всѣхъ и cadaго, нимаю ни заботясь скрывать ни отдаленной цѣли своей, ни средствъ, которыми хотѣли идти къ достиженію ея, отъ правительства? Не основательно ли было предположить, что между этимъ послѣднимъ и Гарибальди царствовало полнѣйшее согласіе? И въ самомъ дѣлѣ, почти вся Италія не могла въ то время допустить и мысли о томъ, чтобы король смотрѣлъ неблагосклонно на это предпріятіе.

Въ самомъ Палермо и во всей Сициліи люди, открыто принадлежащіе къ умѣренной и къ правительственной партіи, — въ этой увѣренности и съ полнымъ сознаниемъ того, что дѣло Гарибальди истинно народное итальянское дѣло, — стали содѣйствовать ему, на сколько могли, и часто очень значительными денежными приношеніями. Палермитанское патріотическое общество, самое умѣренное изъ итальянскихъ патріотическихъ обществъ, открыло подписку на организацію военно-походнаго госпиталя для гарибальдійскаго войска, и всѣ итальянскіе журналы, за исключеніемъ развѣ *Monarchia Nazionale* и *Discussione* почтеннаго адвоката Боджіо, рассказывали съ восторгомъ объ этомъ человѣколюбивомъ подвигѣ палермитанскаго братства.....

Я было совершенно упустилъ изъ виду слѣдующее, весьма краснорѣчиво говорящее само за себя, обстоятельство: маркизь Паллавичино, префектъ города и провинціи Палермо (его ни почему не должно смѣшивать съ берсальерскимъ полковникомъ Паллавичино.

о котором я буду говорить послѣ), объявляя со своею обычною откровенностью, что онъ никогда не рѣшится препятствовать новому предпріятію Гарibaldi; онъ даже писалъ объ этомъ въ министерство, которое и безъ того должно бы было знать, что съ вѣдома Паллавичино болѣе 1000 волонтеровъ изъ Сѣверной Италіи успѣли уже собраться въ Палермо, ходили совершенно свободно по улицамъ въ гарibaldiйскихъ мундирахъ и ни отъ кого не скрывали настоящей цѣли своего пріѣзда въ Сицилію. Однакоже, не смотря на все это и на его собственную формальную декларацію, Паллавичино не былъ отставленъ отъ должности префекта, пока самъ наконецъ и исполнилъ добровольно—*motu proprio*, не оставилъ ея, находя, что положеніе его становится болѣе двусмысленнымъ и запутаннымъ, чѣмъ бы онъ желалъ....

Со стороны націи не было изъявляемо никакого недовѣрія къ Гарibaldi или страха за возможность неудачи его смѣлой попытки, однакоже нѣкоторые изъ парламентскихъ депутатовъ сочли за нужное сдѣлать министерству по этому поводу запросъ. Ратацци отвѣчалъ, если не уклончиво, то во всякомъ случаѣ слишкомъ туманно и лаконически, что онъ будетъ наблюдать за тѣмъ, чтобы законъ не былъ нарушенъ. А въ то же время, и не смотря на возраставшій съ каждымъ днемъ успѣхъ Гарibaldi въ Сициліи, о которомъ упомянутая *Campana* и *Corriere Siciliano* трубили на весь міръ, министерство не давало никакой интимаціи Гарibaldi, не давало даже никакихъ инструкцій мѣстнымъ военнымъ властямъ, и, когда за отставкою Паллавичино, другой префектъ, г. Де-Феррари принялъ въ свои руки управленіе островомъ, ему не было дано никакихъ особенныхъ инструкцій, или экстренныхъ правъ, т. е. власть его оставалась чисто административною въ настоящемъ и самомъ узкомъ смыслѣ этого слова....

Когда наконецъ (28 іюля къ вечеру) нѣсколько сотъ правильно экипированныхъ или вооруженныхъ гарibaldiйцевъ проходили черезъ весь городъ отдѣльными звонами и собрались потомъ на одной изъ площадей предмѣстія, называемаго *delle Teste*; ихъ повсюду встрѣчали только выраженіями самаго искреннаго и дружескаго сочувствія, и не только народъ, но и самыя войска и даже карабинеры. А между тѣмъ всѣ знали очень хорошо, что волонтеры эти отправляются въ военномъ порядкѣ въ лагерь подъ Фикуццу, Мизильмери и Піану.

На слѣдующій день, т. е. 29/17 іюля, когда Гарibaldi, собравшись оставить Палермо, чтобы ѣхать тоже въ свой лагерь, въ прощальной своей рѣчи снова объявилъ цѣлому городу, съ какими цѣлями онъ снова призываетъ ихъ къ оружію; — тогда только Де-Фер-

рари объявилъ ему, что имъ получена инструкція отъ центрального правительства, согласно которой онъ объявляетъ все дѣло Гарибальди совершенно несогласнымъ съ правительственными стремленіями. Онъ тутъ же прибавилъ, что министерство потому только и не препятствовало прежде его замысламъ, что не знало ихъ, но что въ настоящее время онъ, Де-Феррари, вынужденъ будетъ употребить даже военную силу, если Гарибальди не сдастся на его увѣщанія...

Гарибальди уѣхалъ. Де-Феррари почти слѣдомъ за нимъ послалъ въ Фикуццу 10 ротъ пѣхоты, состоявшей подъ начальствомъ Ригина. Этого послѣдняго — достойнаго друга и послѣдователя Чьяльдини — никто здѣсь не подозреваетъ въ приверженности Гарибальди или въ слабости и нерѣшительности; а между тѣмъ инструкціи, данныя имъ посланному войску, были такого рода, что это послѣднее сводилось исключительно на роль ненужнаго зрителя, тогда какъ оно могло очень мирно помѣшать по крайней мѣрѣ дальнѣйшему развитію предпріятія Гарибальди, занять всѣ главныя дороги и отнять такимъ образомъ у гарибальдйскаго лагеря возможность сообщенія съ городами, откуда къ нему постоянно являлись новые волонтеры. Этого однакоже не дѣлали, и на слѣдующую же ночь (съ 30-го на 31-е іюля) пришла въ лагерь колонна, состоявшая изъ 400.человѣкъ изъ Палермо, гдѣ никто не подумалъ препятствовать ей выйти изъ города, хотя она вовсе не позаботилась скрывать ни самое свое отправленіе, ни цѣль этой прогулки.

Утромъ 1-го августа Гарибальди явился въ Фикуццу, бывшую королевскую виллу, извѣстную по многимъ историческимъ событіямъ и въ которой жилъ король Фердинандъ, когда бѣжалъ изъ Неаполя отъ партенопейской республики.

Тотчасъ по своемъ пріѣздѣ, Гарибальди занялся окончательнымъ устройствомъ своего маленькаго войска.

Гарибальди хотѣлъ назвать всѣ отряды общимъ именемъ *Римскаго легиона*. На знамени его, кромѣ прежняго девиза: *Italia e Vittorio Emanuele*, были еще слова: *Roma o morte*. Войско это должно было быть устроено сообразно съ пьемонтскимъ военнымъ уставомъ, съ тою существенною разницею, что всѣ чины, офицеры и солдаты, получали одинаковое совершенно жалованье и совершенно равную пищу. На первый разъ все войско было раздѣлено на 14 отрядовъ, и такъ какъ число волонтеровъ увеличивалось съ каждымъ днемъ, то скоро должны были дать ему другое устройство и подраздѣленіе.

Образовали два стрѣлковыхъ баталіона подъ начальствомъ Бедескини и Менотти Гарибальди, изъ остальныхъ образовали 3 полка подъ начальствомъ Бендивеньи, Траселли и Бадія. — Это была первая бригада подъ начальствомъ генерала Коррао. Впоследствии соста-

вились два другихъ стрѣлковыхъ баталіона подъ начальствомъ Гверцони и Пелицари, рота генуэзскихъ карабинеровъ, состоявшая вовсе не изъ генуэзцевъ, и два баталіона пѣхоты. Всѣ эти вѣсѣтъ составляютъ вторую бригаду. Кроме того, подъ начальствомъ Миссори составлялся эскадронъ гвйдовъ.

Начальникомъ главнаго штаба назначенъ былъ полковникъ Корти, командовавшій въ 1860 г. гарибальдской экспедиціею, взятою въ морѣ въ плѣнъ бурбонскимъ корветомъ. Но Корти долго не являлся, и мѣсто его занималъ подполковникъ Бруцезе. Миссори командовалъ главною квартирою. При главномъ штабѣ состояли полковники Фриджіери, Энрико Капроли, Руджіеро Мауриджи (издавшій потомъ свои записки объ этомъ дѣлѣ), Нуволари и парламентскіе депутаты Никотера и Мичели; этотъ послѣдній потомъ былъ генеральнымъ аудиторомъ. Позже пріѣхали полковники Гвасталла, Нулло и Санемонс. Въ качествѣ секретаря при Гарибальди былъ редакторъ известной газеты *il Divitto*. Медицинскою частью завѣдывалъ старикъ Рипари, и при немъ состояли два молодые итальянскіе хирурга Вазиле и Альбанезе.

«Единственнымъ замѣчательнымъ событіемъ перваго дня, — говорить г. Мауриджи въ своихъ запискахъ, — было появленіе двухъ конныхъ карабинеровъ. Они спрашивали медика, но такъ какъ его не оказалось, то вручили генералу запечатанный пакетъ. Въ немъ было нѣсколько экземпляровъ прокламаціи Де-Феррари, которую наканунѣ развѣсили было на стѣнахъ домовъ въ Палермо; но народъ сорвалъ ее оттуда. Я еще утромъ принесъ ему экземпляръ этой прокламаціи. Онъ прочелъ ее очень спокойно, и изъ нѣсколькихъ словъ его, сказанныхъ имъ мнѣ по этому поводу, я увидѣлъ, что онъ твердо увѣренъ въ томъ, что министерство не рѣшится препятствовать намъ, потому что знаетъ, что программа наша есть основа его же собственнаго существованія и само оно обѣщало много разъ развивать ее, во что бы то ни стало».

«Послѣ обѣда, Гарибальди дѣлалъ смотръ всему своему войску и, обратясь къ тѣмъ, которые стояли близъ него, сказалъ:

«Со мною не было и половины этого числа, когда я въ 1859 г. отправлялся изъ Турина, и еще меньше было со мною при отъѣздѣ изъ Кварто (*). Я никогда и не разсчитывалъ на такую цифру.

«Гарибальди въ это время думалъ, можетъ быть, о штыкахъ французскихъ, думалъ и о штуцерахъ тирольскихъ егерей, — прибавляетъ полковникъ Мауриджи, — но конечно ему и въ голову не приходило,

(*) Изъ Кварто экспедиція Гарибальди отправилась къ Марсалѣ въ 1860 г.

чтобы могли на мѣстѣ этихъ послѣднихъ случиться итальянскіе же солдаты. Мысль объ этомъ ему показалась бы сумасшествіемъ».

Такъ какъ мѣсто, гдѣ былъ расположенъ лагерь Гарибальди, было очень бѣдно водою, то онъ на зарѣ слѣдующаго дня (2-го августа) отправилъ сына своего съ его батальономъ въ Меццоюзо, куда и самъ намѣренъ былъ прибыть къ вечеру. Затѣмъ нѣсколькими часами позже онъ отправилъ въ Кормеоне полкъ Бентивеньи, состоявшій изъ 3-хъ батальоновъ. Самъ же онъ съ остальными колоннами отправлялся по направленію параллельному этому пути къ Кукко.

Отъ Фикуццы до Кукко идетъ очень трудная и гористая дорога, и потому — хотя разстоянія всего 3 мили — Гарибальди сдѣлалъ распоряженіе, чтобы колонна его остановилась на вершинѣ горы, гдѣ расположено Кукко, изобилующее лѣсомъ. Самъ онъ тоже расположился обѣдать. Онъ собственными руками воспотрошилъ и зажарилъ козленка и пригласилъ нѣкоторыхъ изъ своего главнаго штаба раздѣлить съ нимъ этотъ не Лукулловскій обѣдъ... Скоро монахи сосѣдняго монастыря прислали ему довольно роскошный и лакомый завтракъ, но такъ какъ онъ уже пообѣдалъ, то и передалъ свой завтракъ молодымъ солдатамъ, любимымъ своимъ *picciotti*, изъ бригады Коррао.

Около 4-хъ часовъ по полудни они снова отправились въ путь къ Меццоюзо. Дорога была такъ неудобна, что пришлось слѣзать съ лошадей, которыхъ даже было трудно подъ уздцы проводить по едва замѣтнымъ тропинкамъ, претоптаннымъ стадами и охотниками. Къ 8-ми часамъ они были уже въ Меццоюзо, жители котораго вышли имъ на встрѣчу за милью разстоянія отъ этого мѣстечка.

Гарибальди пошелъ съ ними въ церковь, гдѣ отслужили молебствіе и священники благословили его и его войско. Потомъ, взойдя на балконъ сосѣдняго дома, онъ говорилъ народу, и слова его были приняты слушателями по обыкновенію.

Меццоюзо одна изъ старѣхъ албанскихъ колоній; народонаселеніе здѣсь частію православнаго, частію католическаго вѣроисповѣданія. Между двумя духовенствами здѣсь постоянныя ссоры и вражды; оба они однако же послали депутацію къ Гарибальди. Генералъ принималъ ихъ одинаково ласково и, ланкинная имъ изъ старья распри, замѣтилъ, что онъ надѣется, что скоро всѣ эти несогласія прекратятся, и что люди поймутъ наконецъ, что одинъ Богъ народовъ и Богъ сира-вельности.

Главную квартиру расположили въ двухъ маленькихъ комнаткахъ, гдѣ Гарибальди принималъ многихъ изъ своихъ офицеровъ и нѣсколькихъ гражданъ, герцога Вердура, профессора Ла-Моджіа, и др., пра-

ѣхавшихъ къ нему изъ Палермо съ извѣстіемъ, что префектомъ Палермо назначенъ Куджіа съ особенною властію административною и военною. Они же привезли Гарибальди экземпляры прокламаціи короля за подписью министровъ, которою правительство объявляло себя враждебно расположеннымъ къ предпріятію Гарибальди и убѣждало его послѣдователей разойтись по домамъ, угрожая въ противномъ случаѣ всюю строгостію законовъ.

«Отъ нихъ мы узнали, — говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ этой драмы, — что генераль Куджіа снабженъ особенными инструкціями и что ему предписано прибѣгнуть даже къ самымъ рѣшительнымъ и крайнимъ мѣрамъ, для того, чтобы остановить Гарибальди на его пути. Они говорили намъ также, что народъ сицильскій рѣшился твердо не допустить никакого насилія со стороны войска противъ гарибальдійцевъ; затѣмъ эти извѣстные патріоты просили не отъ имени народа, а отъ своего собственнаго, чтобы Гарибальди отказался отъ своего труднаго предпріятія, потому что результатомъ его легко можетъ выйти кровавая стычка между войсками и гражданами».

Объ этой депутаціи очень много было говорено во всевозможныхъ газетахъ. Общій слухъ на счетъ ея, слухъ распространенный здѣсь очень многими, заслуживающими довѣрія газетами, тотъ, что будто лица, окружавшія въ то время Гарибальди, шумно возстали противъ депутатовъ, едва ли не оскорбили ихъ, и такимъ образомъ вынудили генерала дать имъ отрицательный отвѣтъ. На сколько несправедливъ этотъ слухъ, доказывается прежде всего уже тѣмъ, что депутаты были люди слишкомъ близкіе и самому Гарибальди, и большей части окружавшихъ его тогда лицъ, и что кромѣ того, какъ я и сказалъ уже, они совѣтовали Гарибальди отказаться отъ начатаго имъ предпріятія вовсе не какъ депутаты отъ лица сицильскаго народа, а просто въ качествѣ добрыхъ итальянскихъ патріотовъ, которые готовы были многимъ пожертвовать для того, чтобы избѣжать кровопролитій и междоусобій.

Дальнѣйшія подробности этой сцены я выписываю изъ дневника маркиза Мауриджи, бывшаго его свидѣтелемъ.

«Нѣкоторые изъ присутствующихъ стали было возражать депутатамъ и совѣщаться съ ними о разныхъ подробностяхъ и случайностяхъ этого дѣла, но Гарибальди, котораго единъ изъ главныхъ недостатковъ именно въ томъ, что онъ въ критическія минуты не любитъ спрашивать ничего совѣта, прервалъ ихъ: онъ рѣзко отвѣчалъ, что ни въ какомъ случаѣ не откажется отъ исполненія своего слова и отъ своей маршальской программы, но что, конечно, онъ, во что бы то ни стало, избѣжитъ стычки съ королевскими войсками. Затѣмъ онъ предложилъ передать сицильцамъ отъ его имени, чтобы они тоже воздер-

жались отъ всякихъ крайностей и «ни за что и никогда не проливали бы и капли итальянской крови, которая вся принадлежитъ отечеству».

Должно прибавить, что королевская прокламація, экземпляры которой депутаты принесли Гарибальди, была распубликована по всѣмъ городамъ Италіи, но что ее никто и нигдѣ не принималъ въ настоящемъ смыслѣ: всѣ были убѣждены, что это необходимая дипломатическая уловка со стороны правительства, но что въ сущности оно само содѣйствуетъ Гарибальди: «*lo fa apposta*» или «*per salvar le apparenze*» (оно это дѣлаетъ нарочно, для видимости) былъ здѣсь общій говоръ...

Нѣсколько дней маленькое войско Гарибальди шло безъ особенныхъ приключеній по уединеннымъ и очень дурно проложеннымъ горнымъ тропинкамъ по направленію къ Мессинѣ. Во всѣхъ мѣстечкахъ и городахъ, черезъ которые имъ приходилось проходить, ихъ встрѣчали съ энтузіазмомъ, и число ихъ возрастало съ каждымъ днемъ. 8-го августа они пришли въ Вильальба, небольшое мѣстечко въ горахъ надъ долиною Валлелунга. Гарибальди думалъ по обыкновенію расположить свое войско на ночь на площадяхъ городка, но узналъ, что мѣсто это извѣстно своимъ вреднымъ воздухомъ, и рѣшился идти дальше въ горы.

Въ это время явился извѣстный падре Панталео, капелланъ гарибальдійскаго войска, хорошо знакомый тѣмъ, кому извѣстны событія 1860 г. Онъ отправился изъ Фикучцы за колонною Бендивенни, отправившейся, какъ я сказалъ уже, на Корлеоне. Отъ него Гарибальди узналъ то, что случилось съ этою колонною и что я постараюсь разсказать здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ съ возможною послѣдовательностью.

Колонна Бендивенни пришла въ Корлеоне 3 августа (я ставлю числа по новому стилю) и была встрѣчена тамъ съ большимъ почетомъ не только жителями, но и военнымъ гарнизономъ. На слѣдующее утро она отправилась въ Палаццо-Адріано, гдѣ ждалъ ее полковникъ главнаго штаба Фриджіери, которому было поручено заняться ея организаціею. Тамъ она пробыла нѣсколько дней и 7 августа прибыла въ мѣстечко Санто-Стефано, пройдя въ ночь нѣсколько миль очень трудной дороги, гдѣ приходилось переправляться въ бродъ черезъ нѣсколько горныхъ ручьевъ и рѣкъ.

Санто-Стефано принадлежитъ къ Бивонской коммунѣ и отстоитъ едва на 2 мили отъ самой Бивоны. Бендивенья отправилъ двухъ своихъ офицеровъ въ этотъ городъ, чтобы объявить тамошнимъ властямъ о своемъ приходѣ. Въ Бивону въ это время только что пришли 2 линейныя роты, посланныя туда новымъ префектомъ (генераломъ Куджіа), и офицеры Бендивенни сочли за нужное представиться

начальнику этого отряда. Тотъ принялъ ихъ довольно дружелюбно, и они отправились безъ всякихъ приключеній назадъ въ Санто-Стефано. Тамъ между тѣмъ уже успѣли размѣстить волонтеровъ въ двухъ большихъ церквахъ, находящихся въ противоположныхъ концахъ города. Едва офицеры успѣли, размѣстивъ солдатъ, сами отправились по квартирамъ, раздалась перестрѣлка.

Дѣло состояло въ слѣдующемъ. Въ Палаццо-Адриано, и прежде еще въ Корлеоне, къ колоннѣ Бендивенъ пристало нѣсколько чело-вѣкъ регулярнаго войска. Ихъ конечно объявили за дезертеровъ и отдано было приказаніе всѣмъ пикетамъ карабинеровъ ловить ихъ. Близъ Санто-Стефано нѣсколько карабинеровъ узнали одного изъ такихъ дезертеровъ между гарибальдійцами и хотѣли тотчасъ же арестовать его; гарибальдійцы воспротивились этому, и между ними скоро завязалась драка. Сержантъ карабинеровъ послалъ немедленно въ Бивону просить подкрѣпленія отъ войска. Двѣ роты, о которыхъ я уже говорилъ, скоро явились въ окрестности Санто-Стефано, тотчасъ же оцѣпили все мѣстечко и отправили одинъ взводъ на рекогносцировку внутрь города.

Нѣсколько гарибальдійцевъ, бывшіе совершенно случайно на дорогѣ, пробовали было удержать этотъ взводъ сначала мирнымъ путемъ и, наконецъ, выстрѣлами. Солдаты отвѣчали имъ батальнымъ огнемъ. Это происходило возлѣ одной изъ церквей, откуда гарибальдійцы выбѣжали тотчасъ же на помощь своимъ.

Бендивенъ и Каироли, услышавъ выстрѣлы, бросились тотчасъ же въ другую церковь, гдѣ расположена была большая часть ихъ, войска, сдѣлали тамъ необходимыя распоряженія о защитѣ и, обезпечивъ своимъ на всякій случай отступленіе въ горы, поспѣшили на мѣсто драки. Бендивенъ, очень молодой чело-вѣкъ, въ первый разъ командовавшій отдѣльнымъ отрядомъ, нѣсколько смущался. Но Каироли, взявъ съ собою трубача и парламентарскій значекъ, бросился въ самый центръ драки. Солдаты, не обращая вниманія на его бѣлое знамя, выстрѣлили по немъ нѣсколько разъ и на очень близкомъ разстояніи; однакоже, благодаря счастливой случайности, онъ остался не раненъ. Ему удалось найти наконецъ начальника регулярнаго отряда. Онъ упрекалъ его за то, что тотъ рѣшился безо всякой нужды на кровопролитіе и уговорилъ его наконецъ заставить прекратить огонь съ своей стороны. Чтобы болѣе убѣдить его въ своихъ добрыхъ замыслахъ, онъ отдалъ ему свой револьверъ. Пока Бендивенъ переговаривался съ майоромъ регулярнаго войска, Каироли стоялъ въ порядокъ свою колонну, чтобы она могла правильно дѣйствовать противъ регулярнаго войска, въ случаѣ еслибы переговоры между Бендивенъ и пьемонтскимъ майоромъ шли неблагопріятный ис-

ходъ. Должно замѣтить, что регулярные солдаты завладѣли ружьями гарибальдийцевъ, такъ какъ эти, по приказанію Камроли и чтобы показать свое невраждебное расположеніе къ войску, составили ихъ въ козлы и оставили безъ прикрытія.

Солдаты отказывались возвратить гарибальдийцамъ ихъ ружья, однакоже Бентивенья счелъ за лучшее выйти изъ С.-Стефано и отправился въ Кастельтермини.

Полковникъ Фриджіери, майоръ Камроли и 4 венгерца составляли авангардъ.

Едва прибыли они въ Кастельтермини, бывшій тамъ отрядъ регулярнаго войска тотчасъ же вышелъ оттуда...

Когда падре Пангалео рассказалъ все это Гарибальди, тотъ на минуту казался очень раздраженъ случившимся, но скоро съ обыкновеннымъ своимъ спокойствіемъ приказалъ своей колоннѣ готовиться въ путь.

По дорогѣ встрѣтили они отрядъ великолѣпно экипированной конной національной гвардіи, выѣхавшій имъ на встрѣчу изъ небольшого городка Маріанополи. Отрядъ этотъ проводилъ ихъ до Кальтанисетты. Въ Санта-Катарина Гарибальди встрѣтилъ консула сѣвероамериканскихъ штатовъ въ Палермо, съ двумя морскими офицерами: они для того только проѣхали въ торопяхъ нѣсколько десятковъ миль скверной и иногда опасной дорогой, чтобы повидаться съ Гарибальди. Ночью Гарибальди долженъ былъ принять депутата, прибывшаго изъ Кальтанисетты, чтобы объявить ему, что тамошній гарнизонъ весь ушелъ къ Джирдженти.

Утромъ 10-го августа Гарибальди отправилъ всю свою колонну различными дорогами къ Вилларозѣ и, оставивъ при себѣ только батальонъ Бидесинни и нѣмоторыхъ изъ офицеровъ своего штаба, въ каретѣ отправился въ Кальтанисетту. Тамъ встрѣтили его такой блестящей демонстраціей, какія только юные итальянцы умѣютъ дѣлать.

Гарибальди говорилъ къ народу съ балкона дома Унитарнаго Общества... Смыслъ его рѣчи и восторгъ при этомъ слушателей не трудно угадать...

Я вообще не останавливаюсь на описаніяхъ торжествъ, которыми встрѣчали Гарибальди почти во всѣхъ проѣжаемыхъ имъ городахъ Сициліи. Но не могу пропустить слѣдующій эпизодъ изъ пребыванія его въ Кальтанисеттѣ. Предпочитаю передать его въ разсказъ очевидца.

«Въ самый день нашего приѣзда префектъ Марко, суровый пьемонтскій чиновникъ, явился къ генералу съ визитомъ и пригласилъ его вмѣстѣ съ его офицерами на обѣдъ во дворцѣ префектуры. Въ

8 часовъ вечера мы были у префекта; съ нами обѣдалъ синдикъ и другія муниципальныя власти. Къ концу обѣда префектъ провозгласилъ тостъ въ честь Виктора Эммануила, избраннаго народомъ короля Италіи и въ честь Гарибальди, пожелавъ этому послѣднему отъ души успѣха во всемъ, что бы ни предпринялъ онъ на благо Италіи. Гарибальди всталъ и, поблагодаривъ префекта, предложилъ въ свою очередь тостъ въ честь короля и выразилъ надежду, что онъ вскорѣ провозгласитъ этотъ же самый кликъ въ Капитоліѣ. Тогда всѣ присутствующіе — горожане и военные, монархисты и республиканцы, умѣренные и неумѣренные — отвѣчали однимъ дружнымъ и искреннимъ *viva il re!*»

На сколько префектъ Марко былъ въ этомъ случаѣ представителемъ правительства, не знаю. Но положительно извѣстно, что онъ не только не былъ смѣненъ за то, что съ такимъ почетомъ принялъ въ правительственномъ дворцѣ *математика*, а еще больше — за то, что передъ приходомъ Гарибальди вывелъ войска изъ Кальтанисетты; — но правительство даже не сдѣлало ему никакого замѣчанія по этому поводу...

На слѣдующій день всѣ городскія знаменитости являлись по очереди къ Гарибальди; большая часть изъ нихъ были слишкомъ преданы настоящему порядку вещей, чтобы ихъ можно было заподозрить въ какой либо недобросовѣстности: но всѣ они очень хорошо понимали тогда, что Гарибальди не партія, что въ его словахъ двусмысленности не кроется и пр... Удивительно, какъ они перестали совершенно внезапно понимать это.

13 августа Гарибальди прибылъ въ Вилларозу, гдѣ ждала уже его колонна Бентивеньи и другіе отряды его маленькаго войска, шедшіе другими путями изъ Фигуццы. 14-го утромъ они отправились въ Кастроджiovanni. Гарибальди ѣхалъ въ экипажѣ по большой дорогѣ. небольшой конный отрядъ подъ начальствомъ Миссори отправился кратчайшимъ, хотя и очень неудобнымъ путемъ черезъ горы туда же.

Баронъ Варизано, богатый патрицій изъ Кастроджiovanni, вышелъ на встрѣчу Гарибальди съ собравшимъ имъ самимъ и экипированнымъ на собственный свой счетъ батальономъ волонтеровъ, которымъ самъ онъ командовалъ, не смотря на очень уже преклонныя свои лѣта. Гарибальди остановился въ его домѣ и рѣшился подождать тамъ нѣсколько дней. Между тѣмъ онъ отправилъ депутацію въ Катанію, чтобы объявить тамошнимъ жителямъ, что онъ ни въ чемъ не измѣнилъ своей старой монархической программы и что онъ готовъ, во что бы то ни стало, избѣжать стычки съ королевскими войсками, а слѣдовательно всѣ слухи, распускаемые на его счетъ его недоброжелателями, онъ объявляетъ вполне ложными. Депутатами

были выбраны майоръ Руджеро Мауриджи и князь Коррадо Никошеми, служившій капитаномъ въ батальонѣ Менотти.

«Проѣхавъ въ 18 часовъ всю эту длинную и неудобную дорогу отъ Кастроджiovанни до Катаніи, — рассказываетъ Мауриджи въ своихъ запискахъ: — мы добрались до Катаніи 15-го утромъ. Городъ этотъ былъ въ сильномъ волненіи: ходили слухи, что Гарибальди намѣренъ силою войти туда, если его не впускаютъ добромъ. Пока Никошеми дѣйствовалъ съ своей стороны, я обратился къ нѣкоторымъ городскимъ знакомымъ моимъ, пользовавшимся большимъ вѣсомъ въ Катаніи. Миѣ не безъ труда удалось убѣдить ихъ въ томъ, что Гарибальди далеко не имѣетъ тѣхъ замысловъ, которые ему приписываютъ. Затѣмъ я отправился къ префекту Талозано, старому своему другу. Съ нимъ я имѣлъ довольно длинный разговоръ въ присутствіи Сантъ-Элена, командира карабинеровъ и капитана корвета «Duca di Genova». Я сказалъ имъ, что поведение министерства во всемъ этомъ дѣлѣ до того темно и загадочно, что трудно его понять. Въ доказательство я приводилъ факты, которые нѣсколько смутили префекта: онъ однако же объявилъ миѣ, что имѣетъ довольно подробную инструкцію, съ которой и будетъ сообразовать свои дѣйствія. Тогда я еще разъ объявилъ ему отъ имени Гарибальди, что обвиненія въ республиканизмѣ и въ желаніи междоусобій, которые взываютъ на насъ, — совершенная клевета, что Гарибальди по прежнему держится своей монархической программы, но что онъ твердо рѣшился не оставлять оружія, пока программа его не будетъ выполнена.

«Я ушелъ отъ него, а черезъ нѣсколько времени мы, Никошеми и я, получили приказаніе немедленно уѣхать изъ Катаніи. Я было отправился къ нему, но разговоръ нашъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій: префектъ стоялъ на томъ, чтобы мы уѣхали, а иначе онъ вынужденъ будетъ насъ арестовать.

«Я видѣлъ, что намъ пожалуй можно ожидать ареста, и рѣшился уѣхать. Мы отправились, но такъ какъ намъ приходилось проѣзжать черезъ лагерь Мистерьянко, бывшій тогда на военномъ положеніи, то мы и рѣшились назваться чужими именами, подъ опасеніемъ быть узнанными и принятыми за шпионовъ. Оставивъ одного изъ нашихъ офицеровъ съ нѣкоторыми порученіями въ Катаніи, мы сами отправились въ Леонфорте, гдѣ нашли полковника Корте съ нашимъ авангардомъ. Генерала не было: онъ съ нѣсколькими офицерами изъ Кастроджiovанни отправился въ Пьяццу и Пьетраперцію, такъ какъ жители этихъ деревень очень настоятельно приглашали его къ себѣ; только къ пяти часамъ по полудни онъ возвратился оттуда и, выслушавъ наше донесеніе, рѣшилъ послать снова въ Катанію одного довѣ-

реннаго своего челоуѣка, который наканунѣ только двинулся въ лагерь...»

На слѣдующій день Гарибальди былъ въ Регальбуто, гдѣ его встрѣтили депутаты Мордини, Фабрици и нѣкоторые другіе, рѣшившіеся быть посредниками между нимъ и министерствомъ. Послѣ очень длинныхъ переговоровъ съ Гарибальди, они снова отправились въ Туринъ...

17-го августа, узнавъ, что регулярныя войска изъ Мистербянко придвинулись ближе къ нимъ и расположились въ Адерно, такъ что аванпосты находились на разстояніи за 4 мили отъ гарибальдійскихъ, Гарибальди перенесъ свой лагерь въ сторону къ Ченторби; это—старый городокъ съ остатками норманскихъ древностей, расположенный на вершинѣ крутаго холма.

Не смотря на сдѣланный въ этотъ день гарибальдійскимъ войскомъ, трудный переходъ, почти 30 миль въ 24 часа, къ вечеру того же дня Гарибальди снова появился въ Патерно, гдѣ оставалось въ это время всего три роты регулярнаго войска бригады Riunonte. Остальныя генералъ Мелла, командовавшій этою бригадою, вывелъ оттуда, чтобы идти на встрѣчу генералу Рикотти, который съ своею колонною преслѣдовалъ Гарибальди почти отъ самаго Джирдженти и прибылъ въ Кастроджованни сутками позже его.

Гарибальди думалъ перейти черезъ Патерно ночью въ расплохъ. Планъ этотъ не удался. Бригада Коррао, которая должна была составлять авангардъ, опоздала въ Ченторби, при томъ еще рѣка Симето, черезъ которую пришлось переправляться въ бродъ, сильно разлилась, и только днемъ уже удалось гарибальдійской колоннѣ перебраться на другой берегъ. Среди бѣлаго дня гарибальдійцы подошли къ Патерно. Тамъшній военный отрядъ приготовился встрѣтить ихъ въ боевомъ порядкѣ. Гарибальди послалъ офицеровъ къ майору, командовавшему отрядомъ, чтобы спросить у него, что онъ намѣренъ дѣлать. Онъ отвѣчалъ, что онъ долженъ препятствовать имъ войти въ городъ; но что онъ готовъ позволить, чтобы были посланы туда въ небольшомъ числѣ люди за провизіей,

Тогда Гарибальди расположилъ своихъ солдатъ лагеремъ въ сѣнѣ оливковой рощѣ. Такъ прошло время до 6-ти часовъ пополуночи. Когда свечерѣло, вся гарибальдійская колонна по данному сигналу оправилась по два примѣтной горной тропинкѣ и благополучно добралась такимъ образомъ до центральной площади Патерно. Жители встрѣтили ихъ въ буквальномъ смыслѣ слова румовлеска-ніями.

Прежде чѣмъ регулярныя солдаты успѣли въ свою очередь спуститься въ городъ, гарибальдійцы уже шли по дорогѣ въ Катаніно, и

часовой, стоявший съ этой стороны у городскихъ вратъ, отдавъ имъ военныя почести.

Но пьемонтскій отрядъ засталъ еще въ городѣ порядочное число гарибальдійцевъ, но большей части итальянцевъ бригады Коррао. Майоръ приказалъ было силою удержать ихъ; гарибальдійцы приготовлялись на силу отвѣчать также силою. По счастью, Гарибальди былъ извѣщенъ во время о случившемся и успѣлъ предупредить кровопролитіе.

Около полуночи того же дня вся гарибальдійская колонна, состоявшая изъ 4000 человекъ, подходила къ Мистерьянко. Толпа Катанскихъ гражданъ съ факелами и съ крикомъ: Viva Garibaldi, вышла имъ на встрѣчу...

Весь переходъ отъ Мистерьянко до Катаніи имѣлъ характеръ триумфальнаго шествія: карету Гарибальди окружала густая толпа, жѣшавшая ей двигаться скорѣе. Нѣсколько молодыхъ людей хотѣли было выпрячь лошадей, чтобы самимъ занять ихъ мѣсто. Городъ былъ иллюминированъ, звонили въ колокола, карабинеры и батальонъ пѣхоты, остававшійся еще въ Катаніи, выстроились военнымъ порядкомъ на площади, казалось, недоумѣвая, какую играть роль имъ во всемъ этомъ?...

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ прибытія Гарибальди, разнеслись слухи, что колонна генерала Меллы тоже поворотила на Катанію, и вскорѣ узнали съ достовѣрностью, что авангардъ его былъ уже возлѣ Мистерьянко. Гарибальди приказалъ своимъ приготовиться къ защитѣ, предполагая, можетъ быть, что его рѣшимость подѣйствуетъ на регулярныхъ солдатъ и что дѣло и тутъ кончится безъ драки. Граждане Катаніи прислали ему депутацію, прося его расчитывать на ихъ силы и быть убѣжденнымъ, что они готовы защищать его противъ кого бы то ни было. Національная гвардія собиралась близъ его квартиры и объявила себя готовою поступить въ его распоряженіе... Въ разныхъ мѣстахъ стали появляться баррикады и набатный звонъ со всѣхъ колоколенъ звалъ народъ на площадь... По всему считали кровопролитіе въ этотъ день неизбежнымъ: жители Катаніи и многіе изъ гарибальдійцевъ были слишкомъ озлоблены и не хотѣли видѣть въ наступающихъ войскахъ солдатъ ими же избраннаго правительства... Такъ какъ муниципальныя власти не показывались, то Гарибальди назначилъ депутата Никотеру комендантомъ города. Затѣмъ еще разъ въ эту критическую минуту Гарибальди объявилъ народу, что программа его осталась прежнею, и первый закричалъ Viva Vittorio Emanuele! Крикъ этотъ скоро раздался по всему городу, повторенный тысячею голосовъ...

Совершенно неожиданно явился полковникъ генеральнаго штаба

Подцолони въ качествѣ парламентаря отъ регулярнаго войска. Онъ требовалъ, чтобы изъ города были выпущены съ оружіемъ всѣ находившіеся тамъ линейные солдаты и карабинеры, обшчая въ свою очередь отпустить на свободу нѣсколько десятковъ гарибальдійцевъ, оставшихъ дорогою и захваченныхъ солдатами. Гарибальди согласился. Тотчасъ же явился новый парламентарь, объявившій отъ имени генерала Меллы, что регулярныя войска вовсе не имѣютъ предписанія атаковать волонтеровъ, и что если бы подобное предписаніе пришло въ послѣдствіи, то генералъ обязывается честнымъ словомъ увѣдомить объ этомъ Гарибальди прежде, чѣмъ начать враждебныя противъ него дѣйствія.

Тогда Гарибальди отиѣнилъ сдѣланныя имъ прежде распоряженія на счетъ защиты города. Выходившіе оттуда карабинеры и солдаты были провожаемы криками: *Viva l'esercito italiano!* Жители и національная гвардія положили оружіе, толпились вокругъ квартиры Гарибальди: онъ вышелъ на балконъ и сказалъ имъ:

«Что сказать мнѣ такимъ людямъ, какъ вы, жители Катаніи? Вы не нуждаетесь въ побужденіяхъ: когда Италія встанетъ на освобожденіе своихъ страждущихъ еще въ неволѣ братьевъ,—я убѣжденъ, что вы отзоветесь на ея призывъ».

Гарибальди оставался нѣсколько дней въ Катаніи. Число волонтеровъ его увеличивалось вновь прибывавшими изъ Сициліи, и онъ приступилъ къ формированію новой бригады, которую назвалъ «Катанія»... 21 августа, узнавъ о приближеніи колонны Рикотти, состоявшей изъ 7000 слишкомъ человекъ, Гарибальди перенесъ свою главную квартиру въ бенедиктинскій монастырь, находившійся на высокомъ холмѣ въ самомъ центрѣ города.

Между тѣмъ королевскія войска занимали всѣ сосѣднія деревушки. Къ нимъ тоже являлись новыя подкрѣпленія (отъ 2000—3000 человекъ и одна баттарія)...

Въ ночь съ 23-го на 24-е въ гарибальдійскомъ лагерѣ ударили тревогу: разнесся слухъ, что только что прибывшій генералъ Рикотти хочетъ атаковать ихъ. До утра гарибальдійцы простояли подъ оружіемъ, совершенно впрочемъ напрасно, такъ какъ Рикотти намѣренъ былъ атаковать не эту, а слѣдующую ночью:—такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ «Italia Militare», оффиціальная военная газета.

Утромъ гарибальдійскіе часовые, стоявшіе на верху монастырской колокольни, объявили о входѣ въ портъ двухъ коммерческихъ пароходовъ: одного итальянскаго «il Dispassio», другаго французскаго «генералъ Аббатуччи». Гарибальди, осмотрѣвъ ихъ въ ползорную трубу, сказалъ окружающимъ:

«Этою случайностью нельзя не воспользоваться». Онъ тутъ же сѣлъ

въ карету и отдалъ приказаніе майору Каттабене занять оба эти парохода гарибальдйскими отрядами, — а самъ отправился наблюдать за выполненіемъ своего приказанія...

Въ 10 часовъ утра сдѣлано было распоряженіе, чтобы, сколько можно было помѣстить на два эти парохода гарибальдйцевъ, были готовы къ отплытію... Въ 2 часа по полудни бригада Коррао была уже размѣщена на французскомъ пароходѣ, а незначительная часть ея расположилась на итальянскомъ «il Dispassio». Тутъ же были четыре стрѣльцовыхъ батальона, соединенные въ одинъ легионъ подъ начальствомъ Менотти, генуэзскіе карабинеры, рота моряковъ и гвиды главнаго штаба... Всего на оба парохода едва взошло 3000 человекъ. Двѣ тысячи должны были остаться въ Катаніи. Убѣжая такимъ образомъ, Гарибальди надѣялся избѣжать преслѣдованій пьемонтскаго войска, съ которымъ драться онъ не хотѣлъ. О числѣ своихъ волонтеровъ онъ не заботился, потому что зналъ, что тамъ, куда онъ придетъ, найдетъ новыхъ. Въ 8 часовъ вечера Гарибальди подалъ сигналъ къ отплытію...

Прежде, чѣмъ идти дальше, скажу еще нѣсколько словъ о томъ распоряженіи Гарибальди во время пребыванія его въ Катаніи, на которое всего больше нападаютъ его враги, и на основаніи котораго думаютъ взвалить на него такого рода обвиненія, какія едва ли могутъ быть когда либо взваливаемы на людей, подобныхъ Гарибальди. Распоряженія, о которыхъ я думаю говорить, касаются денежныхъ суммъ, которыми, по словамъ послѣдователей и приверженцевъ Боджіо, Гарибальди будто бы силою овладѣлъ въ Катаніи и другихъ городахъ.

Я считаю совершенно потеряннымъ трудомъ доказывать, что Гарибальди въ этомъ дѣлѣ не могъ поступить недобросовѣстно, и разскажу только дѣлю, какимъ оно выходитъ по очень точнымъ и вполне безпристрастнымъ свѣдѣніямъ, заимствованнымъ мною по большей части изъ правительственныхъ же журналовъ,

Говорятъ, будто бы Гарибальди получилъ отъ англійскаго правительства какую-то баснословную сумму на свое послѣднее предпріятіе, — ложность этого слуха теперь уже доказана: Гарибальди получилъ дѣйствительно изъ Англии сумму, собранную тамъ по подпискѣ; сумма эта выдѣль въ восьми деньгами, полученными изъ отъ итальянскихъ патриотовъ, составляла казну его войска и не доходила до 10,000 франк. Ея конечно не хватало бы на содержаніе гарибальдйской колонны во время перехода ея изъ Палермо въ Катанію, если бы жители проходившихъ городовъ не оказывали ей всевозможнаго содѣйствія. Положительно извѣстно, что муниципальныя правленія

сами предлагали имъotto денегъ за доставляемыя продукты брать росписки съ нихъ за подписью Гаршбади или его штаба.

Въ Катаніи однако же ему нужно было запастись деньгами для предпринимаемаго имъ похода черезъ всю южную Италію въ Римъ. Онъ обратился къ нѣкоторымъ изъ гражданъ города, болѣе всего пользовавшимся почетомъ и властью, прося ихъ получить отъ казначействъ таможеннаго и финансоваго правленія, какія найдутся суммы. Такимъ образомъ собрано было до 300.000 франк. и выдано ему вѣдь росписку.

II.

Пароходы «ген. Аббатуччи» и «Dispersio» съ своимъ неожиданнѣмъ грузомъ вышли изъ Катанскаго рейда еще до наступленія ночи.

«Всѣ молчали и не безъ трепета поглядывали на военный фрегатъ «Duca di Genova», который однимъ выстрѣломъ своихъ огромныхъ пушекъ могъ бы отправить всѣхъ насъ на дно морское, — рассказываетъ одинъ изъ актеровъ этой драмы: — было до того душно, что мы буквально едва дышали; нельзя было не только ходить по палубѣ, но съ трудомъ можно было повернуться или измѣнить позу... Генералъ вышелъ на капитанскую рѣйку и принялъ начальство надъ экипажемъ. «Генералъ Аббатуччи» вышелъ нѣсколько прежде насъ и, какъ очень хорошій ходокъ, успѣлъ уже обогнать насъ. Онъ остановился близъ Ачи-Реале почти при выходѣ изъ порта; нагнавъ его, мы также остановились для передачи ему кое-какихъ распоряженій.

«Королевскій фрегатъ, который слѣдовалъ за нами на нѣкоторомъ разстояніи, вдругъ усилилъ пары и, казалось, хотѣлъ воспользоваться этою минутою, чтобы напасть на насъ...

«Мы уснули съ увѣренностью едвали проснуться иначе, какъ при громѣ пушекъ или шумѣ войны, заливающей обломки нашего парохода... Вышло иначе: — переходъ нашъ былъ очень коротокъ и покоемъ. До разсвѣта мы были уже у Калабрійскаго берега».

Пароходы пристали близъ мыса «Capo d'Agini». Мелотти съ нѣсколькими стрѣлками первымъ вылезъ на берегъ; за нимъ Корте, Никотера, Бруццезе и нѣсколько сенцеровъ главнаго штаба стѣрались на реконспировку. По соудству нельзя было достать барокъ, и были принуждены высаживать 3000 чел. и небольшое количество съѣстныхъ и военныхъ припасовъ на пароходныхъ шлюпкахъ. Благодаря этому едва къ 11 час. кончили высадку...

Оттуда прямо отправились по песчаной дорогѣ въ Мелито, небольшую деревушку въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега, гдѣ предполагали расположить главную квартиру.

Въ Мелито встрѣтили Гарибальди нѣсколько старыхъ калабрійскихъ патриотовъ, наговорили ему очень много о выгодномъ расположеніи къ нему народонаселенія, но обѣщали очень много такого, что существовало только въ ихъ пламенномъ воображеніи.

Гарибальди предполагалъ на слѣдующій же день переѣхать въ Реджію, куда тотчасъ же отправилъ нѣкоторыхъ своихъ офицеровъ пехотнаго штаба, родовъ калабрійцевъ, въ числѣ ихъ парламентскихъ депутатовъ Мичели и Никотеру.

На зарѣ слѣдующаго дня вся колонна отправилась по направленію къ Реджію. Пройдя 10 миль, т. е. полъ-пути, сдѣлали первый отдыхъ въ Ладзаро... Меньше чѣмъ черезъ полчаса явилась къ нимъ депутация изъ Реджіо съ вѣстіемъ, что осадное положеніе объявлено въ Калабрію, что отовсюду собирается сюда регулярное войско, что солдаты выказали озлобленіе противъ гарибальдійцевъ и пр. Депутаты говорили много о преданности всей провинціи Гарибальди, но просили его отъ лица гражданъ, чтобы онъ не подавалъ повода къ междоусобицѣ. Гарибальди отвѣчалъ имъ, что Ламармора и его политикты плохіе судьи въ народномъ дѣлѣ, если объявляютъ мятежниковъ и возмущенниковъ того, кто взялся за оружіе во имя короля и Италіи.

Волѣдъ затѣмъ явился гарибальдійскій майоръ Саломоне, котораго звали въ пѣхотѣ вѣстѣ съ 7 вблонтерами. Съ ними обращались очень дурно, но ему удалось бѣжать: онъ бросился въ море, въ него выстрѣлили нѣсколько разъ, но не ранили.

Послѣ полудня гарибальдійская колонна, построившись боевымъ порядкомъ, двинулась впередъ. Не успѣли пройти еще и мили, какъ повстрѣчали панцирную пловучую батарею «il Terribile», которая, казалось, выбирала мѣсто, чтобы стрѣлать по нимъ.

Черезъ нѣсколько минутъ дѣйствительно надъ головами гарибальдійцевъ засвѣдали пули, направленные по преимуществу къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Гарибальди, котораго ни такое маленькое разстояніе не трудно было увѣять и по костюму и по фигурѣ. Гарибальди не смутился; однако же и продолжалъ свой путь.

Послѣ трехъ часовъ хода они узнали, что авангардъ регулярнаго войска расположилъ свои аванпосты очень недалеко отъ С.-Грегоріо, мѣсто, гдѣ они тогда находились, и Гарибальди приказалъ сойти съ дороги, которая вела въ Реджію, и углубиться внутрь страны. Послѣ двухъ часовъ ходьбы по страшно утомительной горной тропинкѣ, Гарибальди, боясь заблудиться, приказалъ остановиться близъ Волла-

види, не смотря на то, что регулярные аванпосты были едва во ста шагахъ отъ мѣста, гдѣ приходилось ночевать гарибальдійцамъ...

На разсвѣтъ Гарибальди отправился по дорогѣ къ Аспромонте, надеясь, что этимъ путемъ онъ пройдетъ черезъ всю Калабрию, не встрѣчаясь съ королевскими войсками.

Послѣ 10 часовъ очень утомительнаго пути гарибальдійцы достигли наконецъ первыхъ холмовъ Аспромонте. Аррьергардъ былъ еще на самомъ верху дороги у мѣста, называемаго ручьемъ св. Николая (torrente di S. Niccolo), откуда нужно было спускаться по отвѣсной почти скалѣ, когда изъ-за кустовъ показались три роты регулярной пѣхоты, которыя шли скорымъ шагомъ и въ боевомъ порядкѣ нѣмъ во флангъ.

Не смотря на очень невыгодное положеніе гарибальдійской колонны, пьемонтскіе солдаты не атаковали ее, а разсыпавшись строемъ выжили на немногихъ отсталыхъ. Имъ удалось схватить и связать нѣкоторыхъ, но остальные стали отстрѣливаться. Скоро подошелъ небольшой гарибальдійскій отрядъ (около 150 чел.), замыкавшій шествіе. Регулярные солдаты открыли по нимъ живой батальонный огонь и убили первыми же выстрѣлами капитана Риччи. Гарибальдійцы отстрѣливались такъ энергически, что заставили регулярныхъ солдатъ отступить, оставивъ около 20 чел. убитыми, ранеными и плѣнными. Гарибальдійцы потеряли почти весь свой обозъ, который по непонятной оплошности шелъ позади ихъ безъ всякаго прикрытія. Убитъ былъ мулъ, на спицѣ котораго находился ящикъ съ деньгами, и только благодаря отчаянной храбрости немногихъ, самъ ящикъ этотъ не достался въ руки непріятеля.

Отдохнувъ около часа на одной изъ высшихъ точекъ первой цѣпи аспромонтскихъ холмовъ, Гарибальди повелъ свою колонну дальше и остановился на такъ называемой *Реджіанской равнинѣ*, гдѣ нашелъ въ достаточномъ количествѣ ключи хорошей воды.

Гарибальдійцы были совершенно истощены, не столько, можетъ быть, усиленными переходами, сколько голодомъ; въ теченіе послѣднихъ двухъ дней они почти ничего не ѣли. Не смотря на всѣ усилія фуражировъ, могли достать всего 20 овецъ, которыми нужно было накормить все войско усталое и голодное. Въ эту ночь Гарибальди потерялъ около 100 чел., умершихъ отъ голоду, холоду и истощенія. Много другихъ, между которыми не мало оказалось храбрыхъ и сильныхъ солдатъ, не могли слѣдовать на слѣдующій день за своимъ предводителемъ.

Къ ночи всѣ офицеры главнаго штаба (за исключеніемъ 2 или 3, оставшихся съ генераломъ) укрылись въ лѣсу Базиліко отъ проливнаго дождя: они были всѣ пѣшкомъ, потому что лошадей оставили

въ Катаніи и не могли свободно слѣдовать за движеніями колонны... Вся колонна была въ самомъ жалкомъ видѣ: незнаніе дорогъ, проливной дождь, усталость, болѣзнь — все это вмѣстѣ уничтожило всякій порядокъ между ними... Едва 300 чел., болѣе сильныхъ и здоровыхъ, могли идти впередъ за Гарибальди и его сыномъ Менотти. Еще вѣчью пришли они въ небольшую ферму Платаніи, гдѣ укрылись, какъ могли, отъ непогоды.

На утро дождь не переставалъ. Однако же гарибальдійцы, добывъ проводника, отправились въ Платанію, чтобы соединиться со своимъ предводителемъ. Человѣкъ около 500 разбрелись дорогою искать деревни или фермы, гдѣ бы могли утолить голодь... Къ концу этого дня у Гарибальди оставалось едва 800 человѣкъ, изъ которыхъ большая часть были истощены до того, что на нихъ нельзя было и рассчитывать.

Утромъ, 27 августа, Никотера и Мичели возвратились съ извѣстіемъ, что правительство твердо рѣшилось атаковать гарибальдійцевъ, и что для этой цѣли больше 30,000 регулярнаго войска собираются въ Калабрію. Имъ во время ихъ пребыванія въ Реджіо пришлось окончателно разочароваться во всѣхъ надеждахъ, возбужденныхъ въ нихъ словами калабрійскихъ патриотовъ въ Мелито.

Гарибальди, выслушавъ ихъ донесеніе, тотчасъ же отправилъ обоимъ ихъ съ полковникомъ Миссори и съ майоромъ главнаго штаба Ломбардіи развѣдать страну, по которой ему предстояло вести свое ослабѣвшее войско.

Ночью того же числа и утромъ на слѣдующій день нѣсколько сотъ оставшихъ было гарибальдійцевъ присоединились къ Гарибальди; и хотя нѣкоторые, узнавъ о враждебныхъ намѣреніяхъ на ихъ счетъ правительства и получивъ новое увѣреніе въ томъ, что Гарибальди не станетъ драться съ итальянскими солдатами, а будетъ продолжать свои затруднительные переходы, чтобы избѣжать съ ними встрѣчи—нѣкоторые рѣшились оставить его,—тѣмъ не мѣнѣе, утромъ 29, когда Гарибальди дѣлалъ смотръ всему своему легиону, на лицо оказалось около 1500 человѣкъ. Гарибальди сказалъ имъ, что ихъ ждутъ новыя и еще болѣе тяжелыя жертвы и что потому онъ проситъ только тѣхъ оставаться съ нимъ, которые не пересчитываютъ лишений, перенесенныхъ ими за родину, а понимаютъ, что, что бы ни отдалъ человѣкъ своему отечеству, онъ никогда еще не заплатитъ ему своего долга. Эти слова обѣщали въ будущемъ продолженіе прежнихъ страданій; около 300 человѣкъ, не считая себя въ силахъ дальше выносить ихъ, оставили Гарибальди. Между тѣмъ пришло извѣстіе о приближеніи довольно многочисленнаго регулярнаго отряда, и Гарибальди, раздавъ своимъ небольшое количество

съѣстныхъ припасовъ, повелъ свою колонну по горамъ и послѣ часу ходьбы (около 3 часовъ по полудни), остановился на сплошномъ возвышенномъ холмѣ, поросшемъ довольно густымъ лѣсомъ и вслѣдствіе этого называющемся Форестале. Оставивъ въ центрѣ обозъ, Гарибальди расположилъ часть стрѣлковъ Менотти и генуэзскихъ карабинеровъ вокругъ этого центра, остальные стрѣлки составляли лѣвое, и бригада Коррао (изъ которой осталось не больше 500 человѣкъ) — правое крыло. Гарибальди съ нѣкоторыми изъ офицеровъ главнаго штаба и съ немногими гвидами обходилъ всю линію...

Около 5 часовъ вечера регулярная колонна, состоявшая изъ 6-ти батальоновъ пѣхоты и почти такого же числа берсальеровъ, показалась на сосѣднихъ высотахъ, миляхъ въ 2-хъ разстояніи отъ гарибальдійскаго лагеря. Замѣтивъ гарибальдійцевъ, полковникъ Паллавичино, выдвинувъ впередъ дѣнь застрѣльщиковъ и распредѣливъ остальныхъ батальоннымъ порядкомъ, повелъ ихъ бѣглымъ шагомъ къ Форестале.....

Гарибальди въ это время приказалъ своимъ офицерамъ повторить своимъ солдатамъ, чтобы они отнюдь не стрѣляли по регулярному войску...

Не подойдя еще на ружейный выстрѣлъ, Паллавичино раздѣлилъ все свое войско на двѣ колонны. Очевидно было, что одна изъ нихъ, командуемая бывшимъ гарибальдійскимъ, а теперь регулярнымъ полковникомъ Эбергардтомъ, должна была обойти въ тылъ гарибальдійцамъ, а другая подъ начальствомъ полковника Паррокви занять равнину у подножья холма. Планъ этотъ едва ли бы могъ быть исполненъ колонною Эбергардта, нужно было пройти слишкомъ большое пространство въ виду и подъ выстрѣлами непріятеля, но Гарибальди и его офицеры обѣгали всю линію, убѣждая своихъ не стрѣлять....

Колонна Паррокви подходила все ближе и ближе безъ выстрѣловъ. Когда наконецъ она подошла шаговъ на 300 къ гарибальдійскому авангарду, состоявшему изъ стрѣлковаго батальона Менотти и изъ батальона бригады Коррао подъ начальствомъ майора Ди-Бенедетто, по внезапно данному сигналу она открыла сильный огонь по волонтерамъ.... Гарибальдійцы, благодаря усиліямъ генерала и своихъ офицеровъ, не тронулись съ мѣста и даже не взяли за оружіе.....

Пули свистали изрядно и большая часть ихъ была направлена къ небольшому холму, откуда Гарибальди, котораго весьма легко отличить во всякой толпѣ, отдавалъ свои приказанія... Менотти однако не долго выдержалъ предписанную ему пассивную роль. Потерявъ въ первую же минуту нѣсколькихъ солдатъ и офицеровъ и бу-

лучи самъ уже раненъ, онъ приказалъ своему батальону стрѣлять по передовой цѣпи берсальеровъ. Двѣ роты его батальона, одна подъ начальствомъ молодаго князя Никошеми, другая поручика Риччи, брата убитаго утромъ капитана, послѣ перваго залпа бросились въ штыки на берсальеровъ и заставили ихъ отступить..... Въ то же самое время батальонъ Ди-Бенедетто съ успѣхомъ открылъ въ свою очередь батальонный огонь, когда разнеслась печальная вѣсть: «Гарибальди раненъ».

И дѣйствительно: онъ ни за что не хотѣлъ сойти съ возвышенія, съ котораго могъ самъ видѣть всю свою линію и быть видѣннымъ всѣми. Въ первыя же минуты стрѣльбы онъ былъ контуженъ рикошетною пулею въ лѣвое бедро, но не обратилъ никакого вниманія на это, какъ вдругъ почувствовалъ сильную боль въ щиколкѣ правой ноги. Ступая машинально нѣсколько шаговъ впередъ, онъ упалъ на землю, и махая шляпою громко прокричалъ, и нѣсколько разъ, *Viva l'Italia*.

Напрасно офицеры уговаривали его позволить перенести себя въ безопасное мѣсто; адъютантъ его Турилло-Малато, Каироли и прибывшій майоръ Бидескини почти насильно взяли его на руки и повесли. По настоятельнымъ требованіямъ раненнаго, они должны были положить его у опушки лѣса. Полулежа на землѣ, Гарибальди попросилъ у одного изъ ближе стоявшихъ фляжку и носовой платокъ и принялся самъ лечить и перевязывать свою рану, не переставая приказывать, чтобы трубили сигналъ отбою и чтобы огонь со стороны волонтеровъ былъ немедленно прекращенъ.

Батальонъ Менотти, выйдя уже далеко впередъ, услышалъ сигналъ отбою. Не зная, что дѣлать, волонтеры остановились передъ самымъ лицомъ непріятеля, т. е. итальянскими же берсальерами, и прокричали: *Viva l'Italia! Viva Vittorio Emmanuele al Campidoglio*. Берсальеры, вскинувъ за плечи свои штуцера, отвѣчали имъ дружнымъ *Viva Garibaldi!*

Перестрѣлка замолчала и регулярные солдаты и волонтеры въ дружномъ согласіи всходили на верхъ холма Форестале...

Закончу выпискою изъ записокъ Мауриджи, такъ какъ послѣдующая сцена, мнѣ кажется, выиграетъ въ разсказѣ очевидца.

«Болѣе 400 волонтеровъ тѣснились вокругъ дерева, подъ которымъ лежалъ дорогой имъ раненный, очень довольный тѣмъ, что сраженіе кончилось и уже не повторится.

«Нѣкоторые офицеры и солдаты регулярнаго войска стояли тутъ же, робко поглядывая на него, или съ невольнымъ страхомъ чело-вѣка, создающаго свою сильную вину и надѣющагося, что случай мо-

жетъ ослабить его послѣдствія, спрашивали у каждаго о состояніи генерала.

«Въ это время подѣхалъ верхомъ поручикъ регулярнаго штаба. Онъ протискался сквозь толпу и, не знаю, по глупости ли или изъ наглости, не слѣзая съ лошади и не кланаясь, подѣхалъ къ Гарибальди, требуя, чтобы онъ сдѣлся.

«Гарибальди не разслышалъ его словъ, но вѣрно по нахальному виду поручика угадалъ, въ чемъ дѣло. Онъ спросилъ:—кто это? Ему отвѣчали:—парламентеръ. Тогда онъ сказалъ:—пусть же онъ отдастъ свою саблю, потому что въ такомъ видѣ парламентеры не являются ни въ какой войнѣ... Нѣсколько минутъ спустя, пришелъ самъ полковникъ Паллавичино и своимъ вѣжливымъ обращеніемъ вполне загладилъ грубость и невѣжество своего посланнаго. Онъ подходя снялъ шапку и, ставъ на одно колѣно передъ раненымъ героемъ, въ очень искреннихъ выраженіяхъ высказалъ всю горестъ, опущаемую имъ въ эту минуту его перваго съ нимъ знакомства. Потомъ онъ сказалъ, что не можетъ предложить никакихъ условій, и что убѣжденъ, что Гарибальди въ избѣжаніе дальнѣйшихъ междоусобій согласится признать себя и своихъ военнопленныхъ, тѣмъ болѣе, что онъ Паллавичино убѣжденъ, что правительство немедленно распуститъ его волонтеровъ по домамъ. Самъ же Гарибальди съ выбранными имъ 12-ю офицерами его главнаго штаба, сохранивъ оружіе свое, должны отправиться въ ближайшій морской портъ и подождать, пока Паллавичино получитъ разрѣшеніе отъ высшаго начальства допустить ихъ сѣсть на англійскій пароходъ и плыть куда угодно. Отрядъ берсальеровъ долженъ былъ слѣдовать за ними во время перевоза, на извѣстномъ разстояніи.

«Генералъ обратился къ окружавшимъ его офицерамъ и спросилъ ихъ, какъ думаютъ они:—согласятся ли гарибальдійцы на это условіе? Печальное молчаніе было ему утвердительнымъ отвѣтомъ. Тогда онъ, поручивъ раненыхъ и дезертировъ честиности полковника Паллавичино, приказалъ немедленно собираться въ путь.

«Промысливъ кое-какъ плохія носилки и положивъ на нее Гарибальди, мышли по трудной дорогѣ, ведущей въ Шиллу, и остановились почевать на фермѣ, называемой Marchesina. Въ домикѣ пастуха Винченцо, стараго знакомаго Гарибальди, мы сдѣлали ему постель изъ нашихъ шинелей, а сами улеглись подъ открытымъ небомъ въ одну изъ тѣхъ холодныхъ ночей, которыя въ этой части Апеннинъ неизбѣжно слѣдуютъ за жаркими осенними днями.

«На утро приближенные къ генералу офицеры, потерявшіе наканунѣ свои кошельки, попросили у меня взаймы 2 франка, чтобы купить хлѣба. А въ очень многихъ журналахъ и даже въ рапортѣ полковника

Паллавичино было говорено о какой-то раздачѣ денегъ между гарибальдйскими офицерами ночью на виллѣ Marchesina!

«Оттуда мы шли почти 4 часа до Шиллы. Городъ имѣлъ странный видъ; жинщины въ траурѣ привѣтствовали раненаго изъ оконъ и съ балконовъ.

«Полковникъ Паллавичино, прибывшій сюда раньше насъ, встрѣтилъ Гарибальди и на этотъ разъ очень вѣжливо и объявилъ ему, что, вслѣдствіе приказанія правительства, долженъ отправить его на военный пароходъ Dusa di Genova, нарочно присланный въ Шиллу изъ Мессины. Какой-то гражданинъ пригласилъ Гарибальди остановиться у него, но генералъ пожелалъ тотчасъ же отправиться на пароходъ.

«Позволено ему было взять съ собою уже только 10 офицеровъ; онъ выбралъ тѣхъ, къ которымъ былъ больше другихъ привязанъ и тѣхъ, которые всего больше изъявляли желаніе остаться съ нимъ...

«Нѣсколько минутъ спустя, его перенесли на походной постели на пароходъ...»

Ливорно.

10/2 ноября 1862.

ЛЕОНЪ БРАНДИ.

I.

ЖЕРТВЫ.

(ИЗЪ БАРБЬЕ).

Я спалъ и видѣлъ сонъ... мрачнѣй, чѣмъ ночи мгла,
Стоялъ алтарь и ждалъ онъ жертвъ на муки,
И шли, и шли онѣ — имъ не было числа —
Съ мольбой къ Предвѣчному простерши руки.
На скорбномъ ликѣ ихъ былъ видѣнъ слѣдъ рубцовъ,
И всѣ, какъ будто тощіе бараны,
Лишенные руна руками пастуховъ,
Несли на тѣлѣ обнаженномъ раны...
Я видѣлъ стариковъ; съ жезлами шли они,
Склонивъ чело и съ бородой до чреселъ,
Подобные мужамъ, что въ Римѣ въ день рѣзни
Смерть встрѣтили среди курульныхъ креселъ;
За ними юноши съ отвагою въ сердцахъ,
Къ добру и правдѣ звавшіе народы,
И, смертью прервана, въ открытыхъ ихъ устахъ
Замолкла пѣснь священная свободы!...
И волоклись тѣла... къ ихъ мокрымъ волосамъ
Присталъ песокъ и грязь ихъ покрывала,
Какъ будто-бъ ихъ волна, примчавши къ берегамъ,
О скалы острья и била, и терзала...
И груди групповъ, сожранныхъ огнемъ

Внутри быковъ изъ раскаленной мѣди,
 Разорванныхъ звѣрями предъ лицомъ
 Толпы, просящей «хлѣба и комедій»...
 И сонмъ замученныхъ подъ тяжестью оковъ
 Страдальцевъ, гордыхъ пыткой и позоромъ,
 Святыхъ ораторовъ, поэтовъ, мудрецовъ
 Съ челомъ задумчивымъ, съ орлинымъ взоромъ,
 И матерей толпа съ младенцами въ рукахъ,
 Любовники съ подругами своими,
 И дѣти блѣдныя съ слезами на глазахъ,
 Бѣгущіе со вздохами глухими...
 И тѣни эти всѣ съ рыданьемъ горькимъ шли,
 Ихъ руки были трепетно подняты,
 И тщетно воли ихъ неслись къ Творцу земли,
 Прося за жертву правосудной платы!...

II.

ПРОГРЕССЪ.

(ИЗЪ ВАРЬЕ).

Увы! прошли вѣка, народы миновали,
 И въ свой чередъ идя по ихъ слѣдамъ,
 Читаемъ мы прошедшаго скрижали,
 Но ихъ уроки бесполезны намъ!
 Стезею темною ошибокъ и страданій,
 Какъ въ старину, проходить родъ людской,
 И жизнь дѣтей полна безумныхъ подражаній
 Дѣяньямъ предковъ, сиящихъ подъ землей...
 Безумцы бѣдныя! передъ лицомъ вселенной,
 Июльскимъ солнцемъ ярко облиты,
 Мы пѣли гимнъ, свободѣ гимнъ священный,
 Убравъ чело въ дубовые листы...
 О дѣва чистая! тебѣ несли хвалу мы,
 Полны надеждъ, въ забвеніи святомъ,
 И не было тогда въ душѣ печальной думы,
 Что за тебя мы столько слезъ прольемъ!

Мы сладко грезили о небесахъ безъ бури,
 О вѣчномъ счастья, полномъ тишиной,
 А тучи между тѣмъ собирались на лазури,
 Грядущее темнѣло предъ грозой...
 И вновь узрѣли мы позорныя дѣянья
 Растлѣнныхъ дней, забытыхъ нами дней;
 Измѣну подлую, безчестныя стяжанья,
 Разгаръ развратныхъ и слѣпыхъ страстей...
 Вернулись снова къ намъ всѣ ужасы былые,
 Кровь полилась... у матерей сердца
 Отъ страха замерли... и въ ночи роковыя
 Не умолкала дробящій стукъ свинца!
 Вновь въ бѣшеной рѣвнѣ перемѣшались люди,
 Возсталъ мечь, струилась кровь царей,
 И острый штыкъ бродилъ нагя женщинъ груди
 И въ ихъ рукахъ закалывалъ дѣтей!
 Злодѣйства старыя времена безчеловѣчныхъ
 Воздвигли вновь окровавленный стягъ,
 И все, все намъ твердить, что мiръ въ стремленьяхъ вѣчныхъ
 Впередъ едва ли сдѣлалъ шагъ!

В. ВУРЕННЪ.

ЛОТЕРЕЯ.

I.

НИКИТА ЗНАМЕНСКІЙ КЪ ВАСИЛЮ ПРАВДОЛЮБОВУ.

Вотъ ужъ я цѣлый мѣсяцъ какъ въ Петербургѣ, дружище Вася, а нишу къ тебѣ въ первый разъ... Чай ты и не вѣсть что думаешь. Вотъ молъ, каковы они пріятели-то; только что съ глазъ долой, и забыли! Можетъ быть, тебѣ даже приходитъ въ голову, что я попалъ въ какія нибудь золотыя хоромы, гдѣ какъ сыръ въ маслѣ плаваю, въ нѣгѣ и роскоши утопаю, и гдѣ мнѣ, стало быть, не до старыхъ товарищей. Нѣтъ, братъ Вася. Золотыя хоромы не для насъ съ тобой созданы; а если бы и залетѣли мы туда какими чудомъ, такъ ужъ навѣрное остались бы прежними бурсаками. Не изъ такого мы матерьялу сколочены, чтобы изъ насъ стѣсненные бары выходили. Такъ-то, дружище! А не писалъ я къ тебѣ по тому самому, что ни минуты отдыха не имѣю. И это не слова одни только. Утромъ хожу на лекціи да на урокъ; а тамъ до глубокой ночи — сижу не разгибая спины за переписной бумагой. Еще слава Богу, что есть работа, а то бы пришлось околѣть съ голоду. Яковлевъ не забылъ меня, и когда я пришолъ къ нему, принялъ меня въ объятія... Долго мы съ нимъ прокалякали. Вспомнили старое: пріѣздъ его, на канику-

лы, въ нашъ городишко, вечера, которые мы втроемъ проводили. Спрашивалъ о тебѣ. Что, говоритъ, онъ все еще не оставилъ намѣренія идти въ духовное званіе, по стопамъ родительскимъ? А вѣдь кабы не Яковлевъ, и я не ушолъ бы въ Петербургъ! Такъ бы дѣло и кончилось однимъ порываніемъ. Онъ подбодрилъ меня... духу миѣ придалъ. Славный онъ малый, Вася! И курсъ отлично кончилъ. Теперь въ Сибирь хочетъ ѣхать, и нисколько его не пугаетъ далекій путь. Да и чего пугаться? да и имѣемъ ли мы право пугаться? Я объяснилъ ему свои обстоятельства; сказалъ, что меня тянетъ учиться въ университетъ, и что въ карманѣ всего три гривеника. Онъ миѣ пять цѣлковыхъ сейчасъ же займы далъ, да и урокъ обѣщалъ достать. Урокъ я дѣйствительно получилъ въ самомъ скоромъ времени, только плата ужъ очень дешевая—не проживешь на это. Пришлось еще за переписку взяться: черезъ него и переписку нашолъ. Сперва романъ какому-то сочинителю переписывалъ; а теперь проектъ чиновникъ одинъ далъ. И скука же, братецъ ты мой, этотъ проектъ... Ну, да и романъ не лучше: все на счетъ любви; графы да князья разные дѣйствуютъ, и такую несутъ околесицу, что мое почтеніе.

Поселился я въ номерахъ, у съемщицы, Анной Гавриловной Кондаковой прозывается. За комнату плачу 8 цѣлковыхъ да 30 коп. сер. въ день за кормъ. И то и другое не ахти. Комнатка еще ничего бы, да пространства ужъ больно мало. А вотъ ужъ пища такъ куда плоха. Рѣдкій день выдается, чтобы чего набудъ тухлаго не дали. Есть жильцы, что побольше платятъ; ну, тѣхъ лучше кормятъ. Но всего сокрушительнѣе — лѣстница. Ступенекъ сто никакъ будетъ. Какъ взберешься на верхъ, такъ едва духъ переводишь. У меня же грудь хилая; и кашель вотъ ужъ съ которыхъ поръ привязался. Совѣмъ скверно. Да что дѣлать. Пониже-то еще дороже будетъ. Жильцовъ, братецъ, у Кондачихи у этой—гибель: больше дюжины наберется. И какого тутъ народу нѣтъ!.. И чиновники, и офицеры, и помѣщики, и иностранцы... Чего хочешь, того просишь. Впрочемъ о нихъ рѣчь впереди. А теперь, братъ, прощай пока; послѣдній огарокъ догорѣлъ, а новой свѣчи нѣтъ. Пиши Вася, что у васъ дѣлается... Что Фуфаевъ? какъ его амурь идутъ?

Отецъ, видно, на меня крѣпко сердить. Я ему разъ писалъ, но отвѣта не удостоился. Зайди къ нему какъ набудъ; не будетъ ли чего говорить... Жаль старика; скучаетъ онъ чай... Ну,

да Богъ дастъ, дѣлишки мои поправятся, самъ будетъ радъ. Кончу курсъ, пригожусь и семьѣ. Забылъ тебѣ еще одну штуку сообщить. Есть у этой Кондачихи племянница Маша, милая дѣвочка, кроткая, добрая. Она мнѣ обѣдъ приноситъ, и мы съ ней въ разговоры пускаемся; ты это скажи Фуфаеву. Онъ мнѣ завидовать станетъ.

Будь здоровъ и помни душевно любящаго тебя товарища, Никиту Знаменскаго.

II.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА ПОРУЧИКА ШАЛФѢВА.

Дѣла гнусны. Все еще не пристроился. Въ кассѣ всего десять пѣлковыхъ, а давно ли я прибылъ въ Санктпетербургъ? Нѣтъ еще и трехъ мѣсяцевъ. Прапорщикъ Лоботѣсовъ говорилъ мнѣ святую истину: профулыжишься братъ, Пафнутій, въ столицѣ. Соблазновъ много. И точно, соблазны здѣсь, можно сказать, на каждомъ шагу. Иначе и быть не можетъ: на то резиденція.

Пріятное чтеніе представляютъ «Полицейскія Вѣдомости». Я посвящаю имъ нѣсколько часовъ каждый вечеръ, и даже дѣлаю изъ нихъ выписки. Есть презаманчивыя объявленія. Такъ, напри- мѣръ, вчера: — одна молодая особа предлагала себя въ гувер- нантки, но съ тѣмъ, чтобы на ночь уходить домой. Спрашивается, зачѣмъ? а? Подозрительно. Очень краснорѣчиво также описы- ваются разные предметы по съѣстной части, въ нѣкоторыхъ магазинахъ, такъ что даже слюнки текутъ. Мнѣ рассказывали за достовѣрное, что нарочно для этой надобности магазинщикъ сочинителя при себѣ держитъ, которому одного жалованья 25 р. сер. въ мѣсяцъ платить. Жаль, что я не владѣю перомъ: лучше этого мѣста не желалъ бы.

...Стараюсь по возможности извлечь изъ «Полицейскихъ Вѣдомостей» для себя пользу. Выписавъ на бумажку различ- ныя объявленія, отправляюсь на слѣдующее утро въ путь. Особенно люблю смотрѣть квартиры, которыя отъ жильцовъ отдаются. Можно натолкнуться на очень хорошенькую мамзель- ку. Вотъ напри- мѣръ, третьяго дня, на Выборгской, славную штучку видѣлъ. Сама мнѣ комнаты показывала и все улыбалась.

Я, разумѣется, ей разные комплементы... и то и се. Очень, очень хорошенькая. Такъ что, имѣй я нужду въ квартирѣ, непременно бы нанялъ. Благородную интрижку можно бы завести. Я давно мечталъ объ этомъ. Главное то хорошо, что благородная интрижка денегъ не стоитъ. Вотъ тоже иногда вещи по случаю продаются... Люблю посмотреть. Недавно одна вдовушка, весьма аппетитная, двѣ серебрянныхъ табакерки, шубу енотовую и чернильницу—продавала. Должно думать, что послѣ мужа остался. Я таки за ней приударилъ: вотъ ты, голубушка, теперь дорожишься, а если бы эдакъ какой нибудь дружокъ подвернулся—и даромъ бы все ему отдала! Женщины на это очень просты, только нужно умѣть имъ понравиться. Однако вдовушка на мои комплементы не отвѣчала. Должно быть, еще недавно мужъ померъ. Пережду немного и опять зайду... на счетъ шубы. Къ тому времени она, можетъ быть, ее ужъ и спустить; не спустить, такъ предложу такую цѣну, за которую она не отдастъ. Не захватить ли съ собой конфетъ, да такъ—между прочимъ—въ разговорѣ и поподчивать? Можетъ быть, это ей понравится...

Одна дама объявляла, что возвратясь изъ своей поѣздки, доводитъ о томъ до свѣдѣнiя многочисленныхъ своихъ знакомыхъ и всѣхъ имѣющихъ до нея надобность... Это тоже заманчиво. Нужно зайти... Позвонить, какъ бы ошибкой... и распросить горничную, какая такая дама и зачѣмъ къ ней ѣздить.

Денегъ тоже въ займы предлагаютъ много — въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ». И большими и малыми суммами. Но все подъ залогъ. Жаль, никакой драгоцѣнности не имѣю, а то бы непременно спустилъ. Часы, правда, есть серебрянные. Да говорить, они нынче дешево стали.

...Имѣлъ разговоръ съ хозяйкой, Анной Гавриловной, на счетъ богатыхъ невѣстъ. Такъ и такъ говорю, хотѣлъ бы пристроиться... Сирѣ, одинокъ... Надоѣла жизнь холостая, и прочее въ этомъ родѣ. Обѣщала сваху прислать.

...Смазливенькая племянница у Анны Гавриловны, Маша! Жмилцы ее Несмѣяной царевной прозвали. Очень ужъ, говорятъ, серьезна. Знаемъ мы эти сурьезы. Расшевелить надо. Одна бѣда—эта Анна Гавриловна прощальга большая; пожалуй и жениться заставить. Ну, а жениться на голы—ихъ дажке, же ву мерси! Этого добра вездѣ много. Для этого не стоило въ Санктпетербургъ ѣздить.

...Былъ въ балетѣ. Очаровательно! Какія милашки эти танцовщицы!.. Юбочки на нихъ на всѣхъ коротенькія; и какъ повернутся на одной ножкѣ—каналы! просто на мѣстѣ не удержишь! Кричалъ такъ, что даже многіе ко мнѣ обернулись. Вышелъ изъ театра взволнованный... Ужасно какъ разбирало меня пожуривать... но вспомнилъ, что въ кассѣ—въ обрѣзъ, и удержался. Однако же зашелъ въ ресторанъ, съѣлъ котлетку.

...Какіе однакожь уроды жильцы у нашей хозяйки... Никакого съ ними разговора пріятнаго имѣть нельзя. Пробовалъ съ нѣкоторыми на счетъ балета заговорить, хотѣлъ съ ними чувства свои раздѣлить: только мычать... Видно, что ни одинъ изъ нихъ даже знакомства свѣтскаго не имѣетъ. По вечерамъ все больше дома сидятъ; нѣкоторые лежатъ на кровати и курятъ; студентъ одинъ есть изъ семинаристовъ — тотъ цѣлыя ночи пишетъ. Я какъ-то къ нему зашелъ въ номеръ: ученый человекъ, думаю, пріятно время провести вмѣстѣ. Куда! и не смотритъ, медвѣдь косопалый. Что, говорить, вамъ нужно? Я занятъ. Многіе жильцы пьянствуютъ; однажды даже драка случилась. Хозяйка за квартальнымъ посылать хотѣла, но я отсовѣтывалъ. Самимъ, говорю, можно справиться... и такъ ихъ уговорилъ, что люблю. Одному руки связалъ, другому такого толчка далъ, что онъ какъ повалился на кровать, такъ до утра и пролежалъ въ безчувствіи.

Нынче новый жилецъ переѣхалъ. Бравый такой мужчина, кровь съ молокомъ. Усы носить и въ венгеркѣ ходить. Надо познакомиться; фамилія ему Горлопаевъ.

III.

ЗНАМЕНСКІЙ КЪ ПРАВДОЛЮБОВУ.

Спасибо тебѣ за твою эпистола, голубчикъ Вася, и за подробныя свѣдѣнія обо всѣхъ нашихъ. Находятъ минуты, когда у меня такъ и рвется къ вамъ сердце, въ нашъ веселый товарищескій кружокъ, гдѣ мы все дѣлили между собой, и неудачи, и радости. Недавно получилъ письмо и отъ отца... Не вытерпѣлъ старикъ; благословляетъ на новый путь своего блуднаго сына... Эхъ! кабы можно было лѣтомъ катнуть къ вамъ — на вакаци,

лихо бы было! Да гдѣ тутъ! и думать нечего, скверная братъ со мной оказія приключилась. Давалъ я, какъ тебѣ не безъизвѣстно, уроки у одной чиновной особы; вдругъ этой особѣ пришла фантазія помѣстить своего мальчугана въ пансіонъ какой-то. Миѣ и дали абшидѣ. Но это, хоть и гадко, да все еще ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что дальше будетъ. Не подозрѣвая о намѣреніяхъ чиновной особы, являюсь я, по обыкновенію, на урокъ. Лакей меня не пускаетъ (а лакейство, надо тебѣ сказать, въ этомъ домѣ прегрубое): дома, говорить, никого нѣтъ. Какъ же, говорю, нѣтъ дома? это мой часъ, я издалека хожу. Сказано, что нѣтъ—и шабашъ, повторяетъ лакей, и захопнулъ миѣ подъ носъ дверь. Выругалъ я въ душѣ и особу чиновную, и ея холоповъ. Однакоже рѣшился въ другой разъ зайти, какъ вдругъ получаю записку по городской почтѣ, что ходить больше не надо, а объ деньгахъ ни слова. Подождалъ я еще съ недѣлю; думаю, не пришлютъ ли. Однако нѣтъ;—наконецъ самъ пошолъ. Опять отказали; захожу черезъ день — та же исторія. Надоѣло миѣ даль такую по грязи шлепцать; написалъ письмо, самое настоятельное. Денегъ миѣ приходилось за цѣлый мѣсяцъ получить слишкомъ десять рублей. Нарочно письмо ме по почтѣ отправилъ, а повросилъ дворника снести; пятнацтынный ему за это далъ. Дворникъ тоже съ пустыми руками вернулся. Гости, говорить, у барина, нельзя беспокоить. Взорвало это меня. Иду на другой день самъ, и положилъ, во что бы то ни стало, добиться денегъ, или скандалъ сдѣлать. Только что же ты думаешь, два часа звонилъ, чуть колокольчикъ не оборвалъ,—не отворяютъ дверь, да и баста. Наконецъ, ужъ мужикъ какой-то со двора вышелъ. Вамъ, говорить, кого нужно? Такого-то, молъ, Облеухина, статскаго совѣтника. Они, говорить, нынче въ Москву уѣхали, по машинѣ, со всѣмъ семействомъ. Какъ, спрашиваю: — навсегда уѣхали? Навсегда, говорить; къ должности тамъ опредѣлились. А мебель—то и всѣ вещи какъ же?—Да мебель хозяйская, а вещи, какія были, всѣ съ собой захватили. Такъ я, братецъ ты мой, своимъ денежкамъ и поклонился! Вѣдь есть же этакой подлый народъ на свѣтѣ!..

Яковлева на дняхъ проводили: въ Сибирь уѣхаль. Выпили, какъ водится, на прощаньѣ. Жаль миѣ его очень; одинъ только и былъ у меня здѣсь человекъ близкій. При немъ бы статскій совѣтникъ такой пакости со мной не выкинулъ; онъ бы его заставлялъ отдать, потому что Яковлевъ же меня и рекомендовалъ въ этотъ домъ.

Такъ я нынѣшній мѣсяцъ, Вася, на бобахъ и сѣдъ. И переписка кончилась. Сочинитель, правда, обѣщаль еще драму принести, да вотъ не несетъ что-то. Хочу я, Вася, попробовать самъ чтонибудь написать... Говорять, нынче хорошія деньги въ журналахъ платять. Я народный бытъ знаю. Оп пишу обычай разные нашихъ мѣстъ. У меня и пѣсенъ довольно записанныхъ есть. Можетъ, куда и примуть. А что, какъ я вдругъ въ сочинители попаду, Вася? а? Прощай братъ. Поклонъ до земли всѣмъ нашимъ. Хворается что-то мнѣ, бокъ лѣвый побаливаетъ. Кашель тоже не отстаеть.

IV.

ДНЕВНИКЪ ШАЛФѢВА.

Была сваха; долго бесѣдовала. Сказала, что имѣеть на приѣтъ трехъ шевѣтъ и всѣ съ капиталомъ. Обѣщаль ей салонъ лисій и четвертную, если пристроюсь, а чтобъ впередъ была ласкова, угощаль водкой и чаемъ. Ходилъ, по вѣдомостямъ, фортепьяны смотрѣть; но только напрасно. Показывала старуха. Освѣдомился, кто продаетъ? Учитель, говорить, Ну, я разумѣется, на-лѣво кругомъ. Публиковалась также горничная, пригодная для всякой работы, и въ отъѣздъ согласна. Пошолъ взглянуть. Вышла рябая рожа, лѣтъ сорока. Для проформы, однако жъ, спросилъ: — сколько возьметъ жалованья, въ Тамбовъ ѣхать, и затѣмъ благородно ретировался.

Новый жилецъ Горлацаевъ — предлюбезнѣйшій малый, образованный, обходительный. Любитъ военныхъ; былъ, говорятъ, полковникъ, восемь сотъ душъ имѣлъ, но все прожуировалъ; теперь пробавляется больше картами. Мы съ нимъ очень сошлись.

...Еще съ однимъ жильцомъ познакомился, Сидоренкой; занимается комиссіонерствомъ. Покупщиковъ на дома находить, и беретъ за это весьма выгодные проценты. Не заняться ли и мнѣ тѣмъ же? Вотъ, посмотрю, что сваха скажетъ. Если не удастся пристромиться, пушусь въ афферы.

...Вчера попробовалъ Машутку щипнуть въ корридорѣ, но она такъ заорала, что я со страху насилу свой номеръ нашель... Жильцы всѣ высыпали, какъ тараканы изъ щелей. Въ такой кон-

фузь привела меня бестія! Спасибо то, что въ корридорѣ темно было, и она лица моего не замѣтила. Чтобы отклонить подозрѣнія, я, вмѣстѣ съ другими, удивлялся дерзости незнакомца. Анна Гавриловна заподозрила гимназиста, живущаго въ пятомъ номерѣ, и запретила племянницѣ носить къ нему кушанье.

V.

ЗНАМЕНСКІЙ КЪ ПРАВДОЛЮБОВУ.

Ты меня спрашиваешь, дружище Вася, отчего я ни съ кѣмъ изъ жильцовъ не знакоплюсь. Да еслибъ ты зналъ, братъ, что это за народъ такой!... Послушалъ я было разъ, о чемъ они разговариваютъ, просто уши вянуть. Я даже и за общій столъ ходить пересталъ; а велѣлъ себѣ въ номеръ обѣдъ носить. Шулеръ какой-то поселился недавно, все рассказываетъ, какъ онъ такого-то купчика обманулилъ, да такому-то лансону въ трактирѣ въ зубы далъ. Нѣмецъ еще тутъ есть, — Богъ его знаетъ, чѣмъ промышляетъ, только по русски ни слова не говоритъ; за то ѣсть за трехъ, и больше все на картофель напираетъ. Гимназистъ, молоденькій мальчикъ, съ дядей живетъ. Дядя брюзга такой, и все съ подвязанной щекой ходитъ, должно быть, страдаетъ зубами; а потому вѣчно не въ духѣ, на всѣхъ ворчитъ; то хозяйку ругнетъ, то жильцовъ, а племянница только тогда не шипитъ, когда спитъ; бѣдняга слова при немъ сказать не смѣетъ. Потомъ слѣдуетъ ростовщикъ Моисѣевъ; носить халатъ безъ нижняго платья и полотенцемъ подвязывается вмѣсто пояса. Больше про него и сказать нечего. Коммиссіонеръ какой-то, Сидоренко, этотъ дома почти никогда не бываетъ, а если и бываетъ, такъ все къ нему какія-то подозрительныя личности шлюются. Рожа мошенническая самая; какъ взглянешь, такъ невольно карманъ пощупать хочется, не вытащилъ ли платка. Музыкантъ, выгнанный изъ оркестра, рядомъ со мной стоитъ; этотъ все пьетъ больше. Съ ранняго утра начинается и къ вечеру такъ налижется, что лыка не вяжетъ. Я вотъ ужъ сколько времени здѣсь проживаю, а онъ всего только раза два при мнѣ на скрипкѣ игралъ. Играетъ не то, чтобы очень, а все же послушать можно. Я вѣдь до музыки большой охотникъ. Помню, какъ у насъ нѣмецъ за-

ѣзжій концертъ давалъ, я каждый разъ просто въ азартѣ домой приходилъ. Ужъ и игралъ же онъ, разбойникъ! Не чета этому. Зашолъ я какъ-то на дняхъ къ нашему скрипачу въ нумеръ. Что это, говорю, вы, Антипъ Карнычъ, рѣдко играетъ? Бросьте вы это вино проклятое, сгубить оно вѣдь васъ! Что, говорить, мени губить; я и безъ того погибшій. Слово за слово, и рассказалъ мнѣ свою исторію. Не веселая исторія, Вася. Всю жизнь бѣд-няга въ нуждѣ маялся, и на старости лѣтъ, только что было кое-какъ пристроился въ театральнй оркестръ, влюбился нелегкая дернула въ какую-то дѣвочку. Та нигъ, какъ куклой вертѣла, обѣщала за него замужъ выдти; а пока обирала его кругомъ. Что ни заработаетъ, бывало, все ей несетъ. Наконецъ, свадьбу назначили. А тутъ вдругъ и подвернулся одинъ молодчикъ, гу-сарь отставной, собой красивъ, денегъ много — она съ нимъ въ Одессу и укатила. Съ тѣхъ самыхъ поръ мой скрипачъ запивать началъ, и черезъ годъ до того дошелъ, что отъ мѣста ему отка-зали. Богъ его вѣдаетъ, чѣмъ и живетъ теперь. По харчевнямъ, кажется, ходитъ нублику веселить. Пытался я съ нимъ сойтисъ, и даже отъ своихъ скудныхъ средствъ удѣлялъ ему, когда дву-гривонный, когда четвертакъ, но только нѣтъ никакой возмож-ности. Главное, что въ пьянствѣ буенъ. Разъ даже драку учинилъ съ другимъ жильцомъ, изъ чиновниковъ, который тоже придерживается чарки.

Но особенно мнѣ претитъ здѣсь офицеръ одинъ отставной, Шалеѣвъ. Это, братецъ ты мой, такая назойливая скотина, что и сказать нельзя. Одна фязіономія чего стоитъ: красная, вся въ угряхъ, и съ нафабранными усами, завитыми въ кольца. А вѣдь воображаетъ, что онъ красавецъ; мыла себѣ разныя души-стыя покупаетъ, и передъ зеркаломъ по цѣлымъ часамъ сидитъ. Ведумалъ онъ, какъ-то разъ, ко мнѣ съ разговоромъ подѣхать, исторію свою рассказывать. Кровь, говорить, проливалъ за оте-чество; потомъ вышелъ въ отставку за ранами и къ матушкѣ въ Моршанскъ отправился. Матушка въ скорости померла и до-нишка мнѣ деревянный оставила. Я, разумѣется, его продалъ и тотчасъ же въ Санктпетербургъ катнулъ! Въ уѣздномъ городишкѣ, вы сами знаете, образованному человѣку жить невозможно... Потому тамъ невѣжество....мужичье. Ни о чемъ понятія не имѣютъ.

— Это все хорошо, говорю, но чѣмъ же вы здѣсь заниматься намѣрены?

— А постарюсь пристроиться.

— То есть, как же оно пристроится?..

— Здѣсь, говорятъ, можно изъ купеческаго званія невѣсту съ капиталомъ найти... А не то и такъ... Богатую даму, пожилыхъ лѣтъ... которая бы на денежки не скуна была. Нашъ братъ военный, на это дока.

И при этомъ подмигнулъ самымъ подлѣйшимъ образомъ. Одинъ у него разговоръ и есть — это на счетъ клубнички.... И главное, во всеуслышаніе рассказываетъ свои похождения; да еще всю компанію обведетъ самодовольнымъ взглядомъ. Каковъ, молъ я, молодець! И все вретъ, что раненъ; я думаю, ни въ одномъ сраженіи не бывалъ, а всю жизнь въ какомъ нибудь линейномъ батальонѣ носокъ тянулъ да солдатъ подзатыльниками корчилъ. Многие, говорятъ, нынче изъ раненыхъ въ городничіе поступаютъ. Я тоже, говорятъ, искалъ... да рука нужна...

Безъ нея ничего не подблаетъ. Благородному человѣку нынче очень трудно! А мѣстечко городничаго теплое... Можно бы жить. Изъ однихъ этихъ бородъ православныхъ, если корешенечко поприжать ихъ, можно славный сокъ выжать...

И опять то же подмигиванье. Ну, какъ тутъ не вспоминишь Утѣшительнаго, Вася? До всего, говорятъ, унижусь, но до подлости никогда!

Послѣ этого объясненія поручикъ явился было однажды въ мою каморку, вѣроятно, думая, что я очарованъ его бесѣдой; но я просто на просто объявилъ ему, чтобы онъ убирался, потому что мнѣ некогда. Вотъ тебѣ и жильцы наши. Изволь съ ними сходиться. Что же касается до товарищей, до студентовъ, то между ними есть, кажется, ребята славные... кое съ кѣмъ я познакомился, да все такіе же голяки, какъ и я. Некогда имъ по гостямъ-то шлаться. Да и тугъ я какъ-то, братъ Вася, на новыя знакомства... Опять же застѣнчивость проклятая... Да и какъ показаться въ люди въ такомъ одѣяніи, какое у меня, напримеръ?... Сапоги вотъ ужъ три раза чинилъ; и подметки новыя дѣлалъ, и заплатки ставилъ—совсѣмъ отказываются. Отличную статью вчера далъ мнѣ одинъ студентъ: дневникъ семиднариста, Никитина. То есть, такъ тамъ все вѣрно. Ну точно, какъ съ нашей бурсою списано!

Ты спрашиваешь, что Маша?... Она все горюетъ бѣдненькая, не больно хорошо ей житье здѣсь. Цѣлые дни все скребетъ да моетъ. А какіе, братъ, у ней добрые, славные глазки... Любовь

въ нихъ топится... Какъ посмотреть она ниш, такъ, кажется, какое бы горе ни было, все какъ рукой сниметь. Расписался я къ тебѣ нынче Вася, чай, письмо-то больше лота потянетъ. Ты не ругай меня, что не часто пишу. Намедни вотъ написалъ, да дѣлую недѣлю письмо-то и пролежало. Отправить не на что было. Вотъ оно что. Лобзаю тебя въ сахарныя уста.

А статейку висать засѣлъ. Боюсь, не складно выйдетъ.

VII.

ДНЕВНИКЪ ШАЛФЪЕВА.

Блаженствую! Торжествую!! Взыбранной воеводѣ побѣдительная! Три дня сряду ѣздилъ смотрѣть невѣсты. Цѣлыя двѣ стеклянки духовъ извелъ. Нельзя безъ этого. Ароматы на женскій полъ чрезвычайно какъ дѣйствуютъ. У насъ въ полку капитану Разсомахину одна барышня единственно изъ того отказала, что отъ него нехорошо пахло.

Ай да сваха! Я даже ей безешку въ ея жирныя щеки влѣпилъ.

Спервоначалу, ѣздилъ въ Коломну, къ чиновнику Предметову. Трехъ дочерей имѣетъ, за каждой по 10 тысячъ сереб. даетъ. Кушъ не дурень! а? можно пожуровать. Только всѣ три не казисты. Средняя еще ничего, да ужъ очень курноса; но, впрочемъ, плечи и все, какъ слѣдуетъ. Но старшая и меньшая совсѣмъ негодятся. Старшая оспой попорчена, вѣроятно, отъ недосмотру, а младшая ростомъ не вышла, точно карлица, и при томъ хромаетъ. Одна нога короче другой. Я хочу, чтобы съ женой можно было и по Невскому пройтись, и въ театръ, и все такое. А съ эдакимъ чучеломъ куда покажешься! Пальцемъ на тебя тыкать станутъ. Она мнѣ головой по темлякъ хватаетъ. Старался показать свое предпочтеніе средней и подѣзжалъ къ ней со всѣхъ сторонъ. Говоритъ по французски и играетъ на фортепьянахъ. Это тоже статьи не лишнія. Однакоже окончательно не рѣшился, зная, что въ виду есть еще двѣ невѣсты.

На другой день былъ у купца Половникина: москотильнымъ товаромъ торгуетъ. Дешвищевъ, говорятъ, бездна, но скаредъ, а что-то черзачуръ пристально на меня смотреть. Глазъ шельма

не сводить. Такъ что я даже въ нѣкоторый моментъ пришло и почувствовалъ, что во мнѣ нѣтъ той развязности, какая была въ домѣ чиновника. Дочь ничего... дѣвица въ соку... Хотя я, конечно, не аматеръ до поджарыхъ, но эта ужъ какъ-то слишкомъ... Непристойно какъ будто выходитъ. По французски не говорить и инструментомъ никакимъ не владѣть. Не рѣшился. Боюсь, чтобы родитель не надулъ, очень ужъ лудой смотритъ. И сваха тоже сказывала, что на счетъ приданого заминается. Я, говорить, не оставлю, коли будетъ почитителемъ. Знаемъ мы, какова эта птица: *не оставлю!* Двѣ перины да самоваръ отвалить, и прохладжайся тутъ. Большая нужна осмотрительность нашему брату, жениху.

№ 3. Вдовица! Я, признаюсь, всего болѣе склоненъ къ вдовцамъ. Потому, онѣ отъ родителей въ независимости. Когда я нынче вошелъ къ ней, она лежала на софѣ и читала книжку; сочиненіе какого-то князя... Вотъ и забылъ, какого; помню только, что въ Москвѣ напечатано. Съ большой похвалой относилась объ этой книжкѣ и мнѣ прочитавъ совѣтывала. Образованная, да и изъ себя не дурна. На лѣвой щекѣ бородавка—и три волоска изъ нея торчатъ. Обладаетъ каменнымъ домомъ и въ ломбардѣ, говорить сваха, тысячъ до пяти есть. Очень любезно со мной обошлась; просила посѣщать ее, сколь возможно чаще. Одиночествомъ, говорить, скучаю, женское сердце, говорить, непременно сочувствія требуетъ. Это она тоже, полагать надо, изъ сочиненія изъ какого нибудь почерпнула. Рѣшаюсь. Вечеромъ съ Горлопаевымъ въ танцклассъ ѣздили. Отличное заведеніе. Вотъ что значить столица! Ну имѣютъ ли понятіе въ какомъ нибудь тамъ Моршанскѣ, что такое танцклассъ! Я даже въ танцы пустился, съ одной дѣвицей, изъ Риги. Много интереснаго она про этотъ нѣмецкій городъ рассказывала.

Когда буду жениться, Горлопаева шаферомъ приглашу... Ловкій мужчина, на танцахъ собаку съѣлъ. Такія штуки въ этомъ танцклассѣ откальваль, что публика даже въ ладоши хлопала.

Хозяйка наша лотерею затѣяла; нынче ко всѣмъ жильцамъ листъ носила. Полтинникъ за билетъ. Разыгрываются серебряные часы, жилетъ атласный, халатъ изъ термаламы, самоваръ, чубукъ черешневый и фарфоровая чашка. Не хотѣлъ было брать, такъ нѣтъ, пристала жидовка, бери да бери. Нечего дѣлать, отдалъ полтинникъ. Даже у студента и у музыканта пьня-

го, у всѣхъ выключила. Эти, говорить, деньги племянницѣ на приданое пойдутъ. Вреть!

VIII.

ЗНАМЕНСКІЙ КЪ ПРАВДОЛЮБОВУ.

Больно давно не писалъ я къ тебѣ Вася... И чего только мнѣ въ этомъ промежуткѣ времени не довелось вынести. Во первыхъ, болѣзнь меня совсѣмъ доконала, то есть такъ разкленялся, что и сказать не могу. Даже къ лѣкарю недавно ходилъ, а ты знаешь, что я начкаться и микстуры хлебать не охотникъ. Спасибо, лекарь хорошій попался; никакого лѣкарства и теперь не далъ; только сказалъ: вы этого климата переносить не можете; уѣзжайте куда нибудь, если можете... да подалше, на югъ. Легко сказать, уѣзжайте!.. А съ чѣмъ, — и куда? Неужели опять пѣхтурой во свояси возвращаться, ничего не сдѣлавши?.. Неужели все только тѣмъ и покончится, что пожилъ въ какихъ-то номерахъ грязныхъ, да чинovníчій проектъ переписалъ? А наука, а будущее, а семья? Къ духовному аваню я рѣшительно не чувствую себя способнымъ, и не могу грѣшить противъ совѣсти, вступая въ него: не честно это будетъ. Я все еще не теряю надежды поправиться. Погода ужъ больно скверная здѣсь стоитъ; воть измѣнится, такъ авось и мнѣ легче будетъ. До весны не далеко; всего какой нибудь мѣсяць остается.

И со всѣхъ-то сторонъ неудача мнѣ, Вася. Я тебѣ говорилъ, кажись, что статейку одну писать началъ. Послушай же, братецъ, какая исторія съ ней приключилась. Писалъ я ее никакъ съ мѣсяць; все, знаешь, слегъ подиривлялъ. Не привыченъ я къ этому дѣлу-то; ну, и казалось мнѣ, что и то не такъ, и другое не складно. Однакожь, одолѣлъ и понесъ ее къ журналисту; живеть онъ въ такихъ палатахъ, что хотъ бы вельможѣ какому. Къ самому-то не допустили; секретарь вышелъ, молодой человекъ, чистенькій тавой, блѣдырьскій. Что, говорить, вамъ угодно-съ? Я объяснилъ, что редактору желаю статью вручить. Они, говорить, теперь заняты и принять васъ не могутъ; а не угодно ли вамъ статью оставить; я передамъ имъ. А вы — эдакъ черезъ недѣлю позавѣдайтесь. Черезъ недѣлю! подумалъ я себѣ, дол-

гонько! Миѣ, знаешь, хотѣлось поскорѣй деньжонокъ скольконибудь за нее взять; потому — обстоятельства-то мои ужь очень не ладны. Постоялъ я, помялся съ минуту на мѣстѣ, и спрашиваю, нельзя ли пораньше? Никакъ, говоритъ, невозможно. Матерьяловъ у насъ очень много. Ну, дѣлать нечего, можетъ, и вправду такъ. Выждалъ, братецъ ты мой, недѣлю, и опять отправился.

Опять меня тотъ же секретарь встрѣчаетъ. Статью, говоритъ, вашу все еще просмотрѣть не успѣли... Такъ когда же, я говорю, просмотрятъ? Очень, очень скоро... Дня черезъ три заверните. Завернулъ я черезъ три дня. На этотъ разъ народу пропасть нашло. И все франты такіе; шарфы съ золотыми булавками, перчатки свѣтлыя. Я въ уголокъ прижался, стою, они на меня искоса поглядываютъ, что молъ это за чучело? Неужели сочинитель тоже? Ждали мы братецъ, эдакъ, минутъ съ десять. Наконецъ сукно на дверяхъ зашевелилось, и самъ редакторъ выпелъ. За нимъ секретарь, знакомый мой. Редакторъ всѣмъ руку протягиваетъ, улыбается... Человѣкъ еще не старій солидной такой наружности. Гости къ нему такъ и льнуть... съ кѣшъ онъ заговорить, у того и лицо просіяеть. Правду миѣ одинъ товарищъ про этого редактора говорилъ, что онъ генералъ отъ литературы. Ну точно какъ министръ пресвителей принимаетъ. Я хоть у министровъ въ приемныхъ и не бывалъ, а по описаніямъ заключаю, что должно быть тамъ то же самое. Пешли разговоры: о сочиненіяхъ разныхъ, о цензурѣ; потомъ въ политику перешло. Любопытно миѣ было очень послушать ихъ; я даже и про дѣло свое забылъ. Говорятъ бойко, складно... рѣчь свою разными иностранными словами переплетаютъ... Вотъ вижу, наконецъ, секретарь взглянулъ на меня и что-то шепчетъ редактору. Тутъ только онъ видно и запримѣтилъ меня. Тотчасъ же подошелъ ко миѣ и говоритъ: ваша статья можетъ быть напечатана; въ ней есть кое какія интересныя подробности объ обычаяхъ —ской губерніи. Вы откуда? Оттуда, говорю, и чувствую, что самъ покраснѣлъ, какъ ракъ; гости-то всѣ, знаешь, на меня глаза уставиши. Да... да... статья не дурна, хотя языкъ требуетъ нѣкоторыхъ исправленій... и длинноты есть. Мы напечатася..., но не скоро. У насъ очередь, матерьяловъ у насъ накопилось теперъ много. Скоро — никакъ нельзя.

И послѣ этой неутѣшительной рѣчи кивнулъ миѣ головой: прощайте — дескать, больше намъ толковать съ вами не о чемъ.

Хотѣлъ я ему на счетъ денегъ заикнуться, да не хватило духу; точно языкъ къ небу прилиплъ. Напишу, думаю себѣ, лучше письмо. Гдѣ тутъ при эдакомъ сборѣ — еще разговаривать!

Такъ я и сдѣлалъ. Раза четыре письмо начиналъ, и все рвалъ, все не нравилось: не знаю я, какъ къ этимъ гусямъ писать-то. Наконецъ, ужъ въ пятый разъ намахалъ три страницы, и не перечесть даже; боялся, что опять чтонибудь не покажется, порву. Письмо взялся отнести челоуѣкъ, который дядѣ гимназистика прислуживаетъ.

Ходилъ онъ часа четыре, если не больше. Я во все это время какъ на горячихъ угольяхъ былъ. Денегъ у меня не было ни полушки; и хозяйка проклятая каждый день приставала. Грозилла даже, что съ квартиры сгонять; да еще квартальному пожалуется.

Отвѣтъ получилъ я на печатномъ бланкѣ, за номеромъ и за секретарской подписью. Въ ономъ отвѣтѣ излагалось, что редакция положила себѣ неизмѣннымъ правиломъ денегъ никому впередъ не давать, и что поэтому Александръ Ефимовичъ (то есть самъ журналистъ), свидѣтельствуя мнѣ свое почтеніе, просить его извинить. А статья, буде я пожелаю, можетъ быть мнѣ возвращена.

Погоревалъ я, погоревалъ и рѣшился статейку свою изъ редакціи выручить и снести къ другому журналисту. Секретарь попросилъ меня пообождать; она, говоритъ, у редактора въ кабинетѣ, а онъ теперь занятъ. Пашироку мнѣ предложилъ и газету далъ. Просидѣлъ я безъ малаго часъ, газету всю отъ пачала до конца прочелъ, даже объявленія всѣ; секретарь, какъ исчезъ, такъ и не возвращался. Ужъ я и по коннатѣ-то ходилъ, и картины разсматривалъ на стѣнахъ, и накурился чуть не до тошноты, а его все нѣтъ. Я думалъ было взять шанку да въ свояси отправиться: когда-то еще редакторъ судьбы Евроны рѣшить, а меня голодъ пронимать сталъ. Однакоже, дождался. Секретарь опять появился; но объяснилъ, что статью никакъ не могъ отыскать, куда-то между бумагами завалилась; но что какъ только найдетъ, то немедленно мнѣ доставить. Вобѣсило это меня сильно. Но дѣлать было нечего, я поплелся съ пустыми руками во свояси. Недѣлю цѣлую ждалъ я; потомъ заходилъ самъ три раза, и всякій разъ мнѣ отказывали. Наконецъ, записку написалъ — и та безъ отвѣта осталась. Такъ, братецъ ты мой, статейка моя и ухнула. Должно быть, ребятинки у журналиста

стациях. А черновую, — она у меня на разных клочках писалась, я изодрал по маленьку. Приниматься за эту статейку снова ни охоты, ни силъ нѣтъ. Не могу никакъ долго сидѣть за работой; слабость такая — дурнота дѣлается. Советывалъ мнѣ товарищъ, тотъ самый, что журналиста назвалъ генераломъ, въ газетахъ все это опубликовать, да я не захотѣлъ. Ну его! Можеть, и въ самомъ дѣлѣ, не виноватъ онъ.

Теперь гимназистикъ ко мнѣ ходитъ учиться. Въ латинскомъ языкѣ онъ не твердъ; такъ дядя просилъ позаняться съ нимъ. Плата скудная, да все лучше, чѣмъ ничего. Этимъ только и пробавляюсь.

Скажу тебѣ однакоже, Вася, что не все я здѣсь вижу только черные дни. Одинъ денекъ такой выдался, что его на всю жизнь хватить можеть! Я ужъ тебѣ сказалъ, что хозяйка меня выгнать съ квартиры грозила. Только вотъ, братецъ, на другое утро, послѣ моей стычки съ ней, приноситъ ко мнѣ въ комнату Маша самоваръ... Поставила на столѣ и стоитъ. А я книжку читалъ въ это время, и не видалъ даже, какъ она вошла. Да вдругъ случайно поднялъ глаза, и встрѣтился съ Машинымъ взглядомъ.

И что это, Вася, за взглядъ такой былъ! На меня никто не глядѣлъ такъ, отъ роду моего. Ласковый, мягкій, преданный!... Я вскочилъ съ мѣста и пробормоталъ:

— Извините, Машенька, я не примѣтилъ васъ...

— Никита Ѳедорычъ, сказала она какъ-то робко, и замаялась.

— Что вамъ угодно, Машенька? спросилъ я; а сердце у меня, самъ не знаю почему, такъ застучало вдругъ, такъ застучало... что не могу и выразить.

— У меня до васъ просьба будетъ... только я боюсь... вы разсердитесь на меня.

Я ее сталъ увѣрять, что на нее ни за что бы въ свѣтѣ не разсердился; хотъ бы и хотѣлъ даже.

— Ну такъ вотъ что... Никита Ѳедорычъ... Да нѣтъ! вы сперва общайтесь, что сердиться не будете.

— Не буду, Машенька; ужъ повѣрьте мнѣ...

— Нѣтъ, побожитесь.

Я побожился.

— Такъ вотъ что, Никита Ѳедорычъ... Вчера тетка ругала васъ, что вы ей должны много, и съ квартиры васъ согнать гро-

зла... Я ей нынче отдала эти деньги; сказала, что отъ васъ получила... Теперь она васъ должно тревожить не будетъ. Вы человекъ хворый; вамъ покой нуженъ...

Маша замолчала и потупилась. Я смотрѣлъ на нее во всѣ глаза и не зналъ, что мнѣ отвѣтить; чувствовалъ только, что слезы вотъ сейчасъ брызнуть у меня изъ глазъ... И брызнули... Не совладалъ съ собой, Вася... А она какъ увидѣла, что я плачу, бросилась ко мнѣ, обняла меня и стала цаловать, цаловать... Что со мной было, Вася! никто не пойметъ этого... И ты не поймешь; надо самому пройти черезъ это, чтобы понять... Мнѣ, кажется, и умирать теперь легче будетъ... Все же узналъ на своемъ вѣку, что такое это счастье, про которое прежде только въ книжкахъ читывалъ!

Однако же, какъ онамятовался, говорю ей: «зачѣмъ ты, Машенька, это сдѣлала?... Я не хочу брать у тебя послѣдняго». А она улыбается и руками своими лицо мнѣ гладитъ... Мнѣ, говорить, и не надо. Мнѣ нуще всего, чтобы ты спокойствіе имѣлъ... потому ты себя убиваешь... день и ночь за работой сидишь... Коли любишь меня, такъ не станешь и поминать мнѣ про эти деньги... А не любишь, такъ поди скажи теткѣ: вотъ могъ она что сдѣлала. Тетка меня и отгаскаетъ. Она вѣдь и не знала, что у меня есть свои деньги, это мнѣ сестра покойница передъ смертью тихонько отъ нея дала...

Такъ вотъ какая это дѣвушка, Вася! Рѣдкая душа. Но только все-таки деньги ея у меня тяжелымъ грузомъ на совѣсти лежатъ... Я бы, кажется, въ кабалу пошелъ, лишь бы отдать ихъ ей...

Мы видимся съ Машей только урывками... на минуточку... но за то у меня цѣлый день потомъ на душѣ такъ хорошо, такъ хорошо, что и нужда горькая и неудача — все ни почемъ. Прощай, Вася. Не могу писать больше. Перо въ рукахъ не держится; такъ обезсилѣлъ совсѣмъ. Будь здоровъ и помни своего друга.

IX.

ДНЕВНИКЪ ШАЛОФЪЕВА.

Я въ эмпиреяхъ. Прелестная Наденька очаровала меня. Хожу каждый вечеръ и возвращаюсь поздно ночью. Она врѣзалась въ

меня, кажется, по уши. Рассказывала мнѣ о своемъ покойникѣ; пьяница былъ горчайшій и часто ее колотилъ. Она его иначе не называетъ, какъ мой тиранъ. Однако же подъ конецъ его упрятали за долги въ яму; и хотя домъ на ея имя былъ купленъ имъ, но она отказалась платить за него. Радешенька была, голубушка, что забавилась! Съ характеромъ баба... Занялъ у нея вчера пятьдесятъ рублей.

Скверная сваха не сказала, что у ней двое ребятишекъ есть... Я узналъ объ этомъ случайно, отъ горничной, которая тоже весьма лакомый кусочекъ...

Хотя Наденька и говоритъ, что дѣти намъ мѣшать не могутъ, ибо они гдѣ-то обучаются, но все же навязать себѣ на шею чужихъ ребятъ — плезиру мало. Постараюсь, нельзя ли пока безъ законныхъ узъ обойтись... Если вдовушка начнетъ скаредничать и въ деньгахъ будетъ отказывать, у меня есть въ виду дѣвица Предметова, которой могу предложить руку во всякое время. Что за бѣда, что курноса. Приглядится — ничего будетъ. Нашъ братъ военный ко всему привыкнуть можетъ.

Начинаю замѣчать, что Манютка хозяйкина что-то часто къ студенту похаживаетъ... Неужели она завела съ этимъ идоломъ шашни? Нашла красавца, могу сказать! Надо удостовѣриться, потому что я большой аматеръ до любовныхъ исторій... Что же она, бестія, такой гвалтъ подняла, когда я ее щипнулъ въ коридорѣ? А я-то думалъ, что и въ самомъ дѣлѣ добродѣтельная. Погоди жь ты... я твою добродѣтель выведу на свѣжую воду!

Хорошій очень романсъ Наденька мнѣ вчера пѣла. Я нарочно списалъ на бумажку четыре стишка:

Помню, какъ во мракѣ ночи,
Уносный, я лобзалъ
Щель къудрей и неба очи,
И мятельный груди валъ!

X.

ЗНАМЕНСКІЙ КЪ ПРАВДОЛЮВОВУ.

Сердце мое надрывается отъ тоски и боли, Вася... Нынче забѣгала ко мнѣ украдкой Маша и, вся въ слезахъ, рассказала,

что къ ней посватался какой-то писарь, и что тетка велѣла ей выбирать любое, или идти за него, или убираться, куда знаетъ. Черезъ двѣ недѣли и свадьбу назначили. Не знаю, что и будетъ со мной, когда моя Маша уйдетъ отсюда... Господи! кабы здоровье... кабы силы!... Нѣтъ, кажется, такой тяжелой работы, за которую бы не взялся, чтобы выручить ее бѣдную. Какъ она плакала, Вася! Еслибъ ты только видѣлъ, какъ она плакала!... Въ первый разъ я вижу такое горе! Да и мнѣ-то не легче было... И теперь вотъ я чувствую, точно стонудовая гиря лежитъ у меня на сердцѣ... Тяжко, Вася... пожалѣй насъ обоихъ. Вчера показалась у меня кровь горломъ, и все лихорадка трясеть. Знать, не жилецъ я на этомъ свѣтѣ... Да что и проку жить такъ, какъ я живу... Ужъ лучше скорѣй кануть. Открылъ я какъ-то недавно книжку, что далъ мнѣ товарищъ, и прямо вошалъ на стихи:

Вырыта заступомъ яма глубокая!
 Жизнь не веселая, жизнь одинокая,
 Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
 Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая,
 Горько она, моя бѣдная, шла,
 И какъ степной огонекъ замерла!

Должно быть, это я судьбу свою въ книжкѣ прочелъ... Прощай, Вася. Не поминай лихомъ. Коли этотъ мѣсяцъ отъ меня письма не получишь, такъ ужъ и знай, что нѣтъ въ живыхъ твоего Никиты.

P. S. Только что сталъ было печатать это письмо, какъ вдругъ получилъ извѣстіе отъ Яковлева. Къ себѣ зоветъ. Мѣсто есть отличное при заводѣ. Тысяча слишкомъ жалованья и на всемъ на готовомъ. Пріѣзжай, пишетъ, хорошо будетъ. Тысячи въ годъ адѣсь не проживешь; стало, сберечь кое-что можешь; а тамъ годика черезъ два или три, пожалуй, опять катни себѣ въ Питеръ. По крайности ужъ нуждаться не будешь. А учиться никогда не поздно; всегда успеешь. Скорѣй отвѣчай, согласенъ ли? Вотъ братъ, и орѣхи къ бѣлкѣ пришли, когда зубы повывали! Золотая душа этотъ Яковлевъ!

XI.

эпизодъ.

Былъ праздничный день. Анна Гавриловна Кондакова, содержательница извѣстныхъ уже читателю номеровъ, разыгрывала свою лотерею. Всѣ жильцы собрались въ столовую. Явилось нѣсколько постороннихъ лицъ. На ломберномъ столѣ, покрытомъ ярославской цвѣтной салфеткой, были разложены симметрически вещи, которыя жильцы то и дѣло подходили разглядывать. Одни примѣряли на себя халатъ изъ термаламы; другіе подносили къ свѣчку атласный жилетъ; третьи, раскрывъ внутренность часовъ, любопытствовали узнать, на сколькихъ они камняхъ. Маленькая дѣвочка, въ коротенькомъ ситцевомъ платьицѣ, съ чрезвычайно старообразнымъ личикомъ, и съ двумя заплетенными косами, висѣвшими на спинѣ, тоже терлась около розыгрышей, изподлобья поглядывая то на того жильца, то на другаго. Ростовщикъ Моисѣевъ не измѣнилъ своему обыкновенію, и на этотъ разъ онъ былъ въ халатѣ, подпоясанномъ полотенцемъ. Шалоѣевъ съ Горлопаевымъ бесѣдовали, разваливъ на обтянутомъ кожей диванѣ, въ ожиданіи вождѣннаго пунша. Музыкантъ расхаживалъ взадъ и впередъ, бросая украдкой взоры на графинчикъ съ водкой и закуску, поставленные въ уголокъ, на маленькомъ столикѣ. По его красному носу видно было, что онъ уже положилъ основаніе. Молчаливый комиссіонеръ смиренно сидѣлъ поодаль отъ всѣхъ, ковыряя въ зубахъ перышкомъ въ бисерномъ чехлѣ. Гимназистикъ не отходилъ отъ вещей. Дядя взялъ на его имя билетъ: а потому онъ старалъ желаніемъ выиграть серебряные часы. У дяди, какъ всегда, былъ флюсъ, вслѣдствіе чего онъ ежеминутно когонибудь ругалъ. Посторонніе, между коими было одно духовное лицо, держались въ сторонѣ и не вмѣшивались въ разговоры.

Всѣ ждали появленія хозяйки, которая пошла за билетиками. Писать на нихъ номера и свертывать ихъ въ трубочку было возложено на Машу. Наконецъ г-жа Кондакова вошла въ столовую, держа обѣими руками картузъ съ номерными билетами. Ее сопровождала племянница, съ опухшими отъ слезъ глазами; она несла другой картузъ, гдѣ находились пустые и выигранные билеты.

— А! вот и фортуна! милости просимъ! наконецъ-то!... раздался со всѣхъ сторонъ восклицаніе.

Дядя гимназиста не утерпѣлъ, чтобъ не ругнуть хозяйку за то, что слишкомъ долго заставляла себя ждать. Сердце гимназистика усмеленно забилося, такъ что онъ даже покраснѣлъ, какъ кляква; дѣвочка засуетилась въ безотчетной ажитации. Горлозвѣзъ подлетѣлъ къ Мангѣ, съ какой-то пошлѣйшей любезностью, и предсказалъ ей, что она должна выиграть халатъ изъ термаламы, который подарить своему жениху, въ брачную ночь. Шалѣевъ покрутилъ усъ и предложилъ къ великому удовольствію музыканта передъ началомъ лотереи, для оживленія компаніи, хватить по рюмкѣ водки, что и было немедленно исполнено всѣми присутствующими. Музыкантъ ухитрился какъ-то мошенническимъ образомъ подойти къ закускѣ два раза и оба раза выпить по двѣ рюмки. Наконецъ, всѣ усѣлись вокругъ большого, обѣденнаго стола, стоявшаго посреди комнаты. Рѣшено было, чтобы билетки изъ одного картуза вынималъ гимназистъ, а изъ другаго дѣвочка, такъ какъ оба они были существа невинныя и къ шаромыжническимъ продѣлкамъ неспособныя. Комисіонеръ спряталъ въ карманъ жилета свою зубочистку, и взявъ лотерейный листъ, приготовился отмѣчать карандашемъ, чьи номера выйдуть.

Начался розыгрышъ. Каждый пустой билетъ сопровождался восклицаніями: въ рѣжъ проѣхало! карету подали! нось! лопнуло! адѣ мусьѣ! ихъ данке. Жильцы съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за движеніемъ губъ, читавшихъ номера. Нѣкоторые вставали съ мѣста и нетерпѣливо заглядывали въ картузъ къ гимназисту...

Первый вышелъ атласный жилетъ, доставшійся Шалѣеву; какой-то посторонній мужчина, въ вицъ-мундирѣ, не безъ зависти взглянулъ на поручика, прицолкнувъ при этомъ языкомъ. Но онъ тоже не остался безъ выигрыша. На его долю выпала чашка съ надписью: «Iubesci dai». Онъ тотчасъ же снялъ ее со стола и поставилъ, неизвѣстно для чего, около себя, на окно.

Самоваръ перешелъ въ руки музыканта, который оказался очень доволенъ этимъ приобрѣтеніемъ, и тотчасъ же мысленно составилъ въ головѣ планъ, какъ онъ на другой день его продастъ и наживется до положенія ризъ. Гимназистъ выигралъ черешневый зубукъ, и чуть не заплакалъ съ досады. Голосъ его

видимо дрожала, когда онъ говорилъ слѣдующіе номера. Лотерея потеряла для него всякій интересъ. А дядя съ флюсомъ на проминувъ пѣсладъ и чубукъ, и лотерею, и хозяйку во всѣмъ чертямъ. Дальше всего не выходили халатъ и часы. Нетерпѣніе возросло подѣ конецъ до высочайшей степени. При каждомъ номерѣ—жилыцы подскакивали на своихъ стульяхъ или издавали какое нибудь восклицаніе. Сама хозяйка, вполне довольная, что лотерея возбуждаетъ въ компаніи такой сильный интересъ, и гдѣ всѣ почти вещи достаются жильцамъ ея, ободряла и ободряла каждого съ самымъ любезнымъ видомъ.

Представьте себѣ изумленіе публики, когда халатъ нѣз гермаламы дѣйствительно достался Машѣ. Горлопаевъ съ какимъ-то неистовымъ азартомъ вскочилъ съ дивана и подбѣжалъ къ Машѣ.

— Что?—что? не говорилъ я?... а? орагъ онъ.—Вѣдъ напро- рочилъ!...

— Каковъ же угадчикъ! съ милой улыбкой произнесла г-жа Кондакова.—Я теперича постоянно буду у васъ на счетъ судьбы своей освѣдомляться.

— Халатъ нужно вспрыснуть, господа, сказалъ Горлопаевъ, и наливъ себѣ рюмку, мгновенно осушилъ ее. Остальные послѣ- довали его примѣру. Потомъ поручикъ въ честь Маши крикнуть ура, на которое отозвались всѣ жилыцы. Маша, пристыженная и съ горемъ въ сердцѣ, вышла изъ комнаты. Придя въ темную и тѣсную коморку, гдѣ стояла кровать ея, она упала на небѣ—и прижавшись лицомъ къ подушкѣ, зарыдала.

— Господа! мы сконфузили невѣсту! сказалъ поручикъ... это не хорошо....

— Ну вотъ еще! возразила хозяйка.—Что за конфузъ! Она за честь должна почестъ, что господа съ ней шутятъ.

— Одначе нужно окончить лотерею, замѣтилъ ростовщикъ Моисѣевъ. Кому-то часы достанутся.

Въ картузахъ оставалось не болѣе десяти билетовъ, когда вынулъ, наконецъ, главный выигрышъ, составлявшій предметъ всеобщихъ желаній. Онъ достался—Знаменскому.

— И скажите, какой счастливецъ! воскликнула хозяйка: — и хорошо, прибавила она, со вздохомъ, онъ человекъ недоста- точный... Вотъ-то, чай, обрадуется, батюшка мой!

— Отчего же нѣтъ адѣсъ господина студента? сказалъ Гор- лопавъ:—онъ, можетъ быть, брегуетъ нашей компаніей?

— И! что это вы, отвѣчала хозяйка:—куда ему брезгать, голн адакой. Онъ человекъ больной. Чай спать залегъ спозаранку.

— Голь, голь, замѣтилъ поручикъ:—а тоже амбицію имѣеть. Не подходит.

— Господа! крикнулъ Горлопаевъ:— я предлагаю идти къ нему торжественнымъ маршемъ, поздравить его съ выигрываньемъ и притащить сюда насильно! А если будетъ сопротивляться, то дадимъ ему себя знать...

Многіе съ восторгомъ приняли это предложеніе. Больше всего понравилось оно поручику, который выражалъ въ добавокъ желаніе, чтобы Знаменскій, заложивъ часы хозяйкѣ, поставилъ обществу бутылку шампанскаго. Музыкантъ одинъ воспротивился, хотя и довольно слабо, потому что языкъ его плохо вочался.

— Зачѣмъ, господа? бормоталъ онъ:—больной человекъ... будить... испугаешь еще.

Но Горлопаевъ и поручикъ настаивали. Къ нимъ примкнули Моисѣевъ, Сидоренко и трое изъ постороннихъ гостей. Поручикъ вырѣбнялъ всѣхъ, поставилъ рядами, и самъ ставъ впереди, scomандовалъ: скорымъ шагомъ! Процессія двинулась.

Комната Знаменскаго была не заперта. Но въ ней было темно. Онъ спалъ, какъ видно; хозяйка откомандировала тотчасъ же дѣвочку за свѣчой въ столовую; а сама всё твердила: экой счастливецъ какой, экой счастливецъ! Часы выигралъ, а вѣдь всего одинъ билетъ бралъ.

Когда дѣвочка принесла свѣчу, общество, остановившееся передъ дверями Знаменскаго, ввалилось къ нему въ комнату.

— Вставайте! гаркнулъ во всю глотку поручикъ:—вы часы выиграли.

— Съ чѣмъ и имѣемъ честь васъ поздравить, добавилъ Горлопаевъ.

— Не слышите! ужь очень заспался, сказалъ кто-то.

Горлопаевъ взялъ изъ рукъ дѣвочки свѣчку.

— Вотъ я ему къ носу свѣчу поднесу господа!

И онъ освѣтилъ лицо спавшаго Знаменскаго. Когда вся компанія увидала это лицо,—каморку огласилъ общій крикъ ужаса. Всѣхъ пронзительнѣе закричала хозяйка...

Бѣднякъ не нуждался больше въ часахъ. Время остановилось для него. Онъ былъ мертвый.

По опредѣленію всѣхъ жильцовъ г-жи Кондаковой, часы должны были остаться у нея, а она обязывалась похоронить за это на свой счетъ Знаменскаго. Эта неожиданная катастрофа разогнала веселую компанію. Всѣ разбрелись по своимъ номерамъ, нѣкоторые не безъ сожалѣнія, что предполагаемый пуншъ не состоялся. Поручикъ Шалѣевъ въ тотъ же вечеръ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «ужасное происшествіе!! девятый номеръ, коему достались часы, совершенно неожиданно окончилъ жизнь своею смертію».

А. ПЛЕЩЕНЪ.

МОН СЕНТАНІЯ ПО БЪЛУ СВЪТУ.

V.

ДВИЖЕНІЕ КЪ ДАМАСКУ. — ВИДЪ НА ДАМАСКЪ. — ЗАКУСКА ВЪ САДУ. — ВЪЪЗДЪ
КОНСУЛА ВЪ ГОРОДЪ. — ОЧЕРКЪ ДАМАСКА И ЕГО ЖИЗНИ.

Мы проснулись всё разомъ, или почти разомъ. Я увидѣлъ въ растворенную дверь гуляющаго по двору адъютанта Ресуль-аги, при той же красной саблѣ, никогда его не покидавшей, и въ томъ же платкѣ, который окутывалъ всю его голову, такъ что она смотрѣла отсюда точно изъ повозки. Кромѣ того двигались по двору еще двое молодыхъ, вооруженныхъ винтовками.

И такъ, нашъ эскортъ былъ хоть куда. Напившись кофею, мы зашатались всей гурьбой по дорогѣ къ Дамаску. Картина была посмотреть, какъ вошелъ нашъ разнокалиберный караванъ. Тутъ былъ и толстый Юсефъ-Сеуръ, въ черной чалмѣ и такого же цвѣта курткѣ и шароварахъ. Такъ ходятъ обыкновенно солидные арабы православнаго исповѣданія и даже, можно сказать, вообще арабы-христиане извѣстныхъ лѣтъ. Черный цвѣтъ былъ имъ навязанъ когда-то насильно ихъ повелителями-мусульманами. Другихъ, яркихъ цвѣтовъ они не смѣли носить, точно такъ же, какъ не смѣли давать своимъ дѣтямъ нѣкоторыхъ именъ: Селима, Солимана, Мухаммеда и другихъ, благозвучившихъ и связанныхъ для мусульманъ съ дорогими преданіями ихъ славнаго прошедшаго. Теперь эти времена прошли. Христиане

могутъ давать благозвучныя имена и носить яркіе цвѣта, но они уже привыкли къ черному и съ нимъ расстаются рѣдко. Толстый Юсефъ-Сеоръ былъ весь въ черномъ. Потомъ ѣхалъ какой-то жирный мусульманинъ, закатывавшій по доброй чаркѣ запретнаго напитка въ каждомъ домѣ, и даже вообще при всякой остановкѣ, такъ что подъ конецъ съ его глазами произошло нѣчто очень странное: они безпрестанно убѣгали подъ лобъ, а самъ онъ едва держался въ сѣдлѣ, невѣстно какими таинственными силами. Этотъ арабъ, по свойству многихъ проѣзжихъ арабовъ, присталъ къ намъ еще въ Ханъ-Бахмутѣ и, увидя, что его даромъ накормили, пристроился къ поѣзду, какъ и путный, и такъ доѣхалъ съ нами до Дамаска. Было тутъ еще два араба, сильно обдерганныхъ, но воинственныхъ и вооруженныхъ до невѣроятности. Дальше, пестрый адъютантъ Ресуль-аги, его ребята съ винтовками, Михаелъ и знаменитый Мухаммедъ-ага съ пикой. О пасъ двоихъ, безцвѣтныхъ и прозаическихъ европейцахъ, я не упоминаю. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, сзади, слѣдовали мухры съ нашимъ багажемъ. О мухрахъ говорятъ вообще, что они находятся со всѣми разбойниками въ постоянной стачкѣ, и долгъ ихъ — знать, какой караванъ, сколько людей и пр. Мы приняли относительно нашихъ мухровъ всевозможныя предосторожности и наблюдали за ними въ обѣ ночи.

Около часу тянулось какое-то ущеліе, послѣ чего мы выѣхали на большую равнину, верстъ въ 8 шириною и около того же въ длину. Здѣсь очень часто происходятъ нападенія. Мухаммедъ-ага, по принятому всѣми наѣзdnиками обычаю, началъ носиться какъ угорьный по сторонамъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, потрясалъ копьемъ и вдругъ замиралъ въ положеніи берлинской амазонки, разящей тигра, и потомъ опять кружилъ и посылалъ. Вы не можете представить, до чего это было смѣшно; и чѣмъ серьезнѣе Мухаммедъ-ага предавался своимъ наѣзdnическимъ штукамъ, тѣмъ было смѣшнѣе. Я люблю до смерти все характерное. Этотъ чудакъ былъ чертовски на своемъ мѣстѣ, и вы бы мнѣ сказали большое спасибо, еслибъ я привезъ его съ собою, и онъ зашагалъ бы во всеоружіи на Невскомъ, этотъ курдъ! Однажды, полный такихъ мечтаній, я даже спросилъ его: «а что, Мухаммедъ-ага, поѣхалъ бы ты со мной въ Россію?» — Сплю и вижу Россію и ея бѣлаго царя (*), да боюсь моря: ѣздилъ я какъ-то съ консуломъ въ Яффу: такъ укачало, что не дай Богъ! Согласенъ 60 часовъ скакать во весь опоръ на конѣ, чѣмъ полчаса проплыть по морю. Ну сго къ Богу!...

(*) Ассеръ-Шелли, о которомъ вы отъ меня уже знаете, но узнаете еще больше въ послѣдующихъ разсказахъ.

— А это что тамъ махаютъ влами? спросилъ вдругъ консулъ: — какъ будто всадники?

— Да, всадники! отвѣчалъ кто-то.

— Ну, вотъ!

Окинувъ взглядомъ все пространство равнины и даже горы, которыя шли потомъ, я примѣтилъ нѣсколько разбросанныхъ тамъ и сямъ фигуръ, какъ казалось, конныхъ. При томъ разстояніи, на которомъ эти фигуры находились отъ насъ, нельзя было сказать: что это такое? Это были весьма неясныя точки, которыя то пропадали, то появлялись опять и вообще двигались и маячили какъ-то весьма неопредѣленно. Мы ѣхали и глядѣли на нихъ, составляя самыя разнообразныя предположенія. Наконецъ стало видно, что часть фигуръ близится къ намъ. Вотъ они — за этимъ холмомъ!.. пропали... вотъ шагахъ во ста... и что же? Мы увидѣли просто на просто небольшой караванъ бѣдныхъ арабовъ, на ослахъ. Вьюки покачивались по бокамъ этихъ милыхъ и симпатичныхъ животныхъ. Я готовъ написать цѣлую диссертацию въ защиту осла: вотъ ужъ истинно несправедливо несетъ онъ, какъ бремя, свое неудачное прозвище! И сколько вѣковъ! Едва мы съѣхались, оба каравана сейчасъ забормотали другъ съ другомъ.

— Что, плохо! говорилъ длинный, сухошавый старикъ въ чалмѣ, опоясавшій ногами крокетнаго, чуть живаго осла:—разбойники набѣдокурили и въ эту ночь!

— Гдѣ же?

— Подъ Доммаромъ!

Это была другая дорога на Дамаскъ, куда мы чуть чуть не попали. Не знаю, кто настоялъ отправиться на Меззе, а не на Доммаръ. Я помню, что при «военномъ совѣтѣ», который мы держали въ Дамаскѣ, я сильно упиралъ на Доммаръ, и тутъ бы мы попались. Такъ, въ этихъ мѣстахъ, все зависитъ отъ счастья, отъ случая.

— Вездѣ бѣдокурятъ, продолжалъ старикъ: — вотъ третьеводни подъ Сасой (*) напали. Шелъ большой-пребольшой караванъ: 20 человѣкъ переранили, а ограбили только двухъ: подоспѣлъ Ресуль-ага съ баша-бузуками, а то бы всѣхъ до чиста положили. Такая сволочь! теперь эти раненые всѣ въ Дамаскѣ.

Еще покалякали въ томъ же духѣ. Арабъ на это здоровъ: только остановись да заведи машину, и пошелъ! Ослы будутъ моргать да помахивать ушами, а всадники болтать неизвѣстно сколько времени.

(*) Саса деревня въ 6-ти часахъ отъ Хаабей, а Хаабей въ 15-ти часахъ отъ Дамаска.

— Что жь, что тамъ за народъ? спросили мы у старика, показывая вдаль.

— А, это Ресуль-ага со своей командой. Наша прислала. Будь онъ вчера подъ Доммаромъ, караванъ бы прошелъ себѣ, горя мало; а онъ стоялъ здѣсь, ну, разбойники и пронохали, да и туда! они знаютъ, гдѣ имъ не рука.

Дѣйствительно, оглядываясь хорошенько, я сталъ различать кое-гдѣ раскинутыя палатки. Онѣ выступили еще ярче, когда мы, простясь со старикомъ, тронулись въ путь. Равнина кончалась значительнымъ холмомъ, на которомъ расположились живописнымъ станомъ черномазыя наѣздники Ресуль-аги. Большинство было совершенно-черныхъ. Одни бродили по холму, другіе лежали. Часть спустилась къ намъ, когда мы, переѣхавъ какой-то ручей, стали оглябать холмикъ, оставляя его вправѣ. Всѣ были хваты хоть куда: пестрые, живописные, кто съ пикой, кто съ ружьемъ, кто такъ, съ однимъ кинжаломъ. Они разсматривали насъ съ любопытствомъ и просили бакшишь. Безъ этого ужъ нельзя. Я любовался на пасущихся на косогору статныхъ коней, подъ красными чепраками. Вѣтеръ взвивалъ красиво ихъ хвосты и гривы. На самомъ верху холма стоялъ чей-то одинокій конь, привязанный къ шесту у палатки и поглядывалъ вдаль, настороживая уши. Онъ одинъ составлялъ картину. Хорошо было бы набросить очеркъ всего этого стана. Какой блескъ красокъ! Какая жизнь и одушевленіе!

Внизу, подъ холмомъ, была своя картина: въ густой травѣ, которая заѣла по ручью, вылившему туда и сюда, среди зеленой пашни, таились, въ разныхъ мѣстахъ, другіе кони и подгѣ каждого выглядывала какая нибудь темная рожа. Тамъ сверкала какъ огонь красный чепракъ; тамъ пестрѣла всякими металлами и раковинами наборная, хитрая уздечка...

Нападеніе 80 разбойниковъ, за два дни передъ тѣмъ, случилось именно тутъ. Разсчитано было превосходно: ускакать некуда, сзади топкій ручей; впереди стоякомъ горные пороги. Одинъ человекъ съ пикой могъ удержать здѣсь напоръ цѣлаго каравана. Мы оглядывали каждый камушекъ; вопрошали кусты... и потомъ весело перекатили на ту сторону ущелія. Какъ гора съ плечъ, всѣ тревоги, предчувствія и прочее. Городъ калифовъ, о которомъ большинство изъ насъ грезитъ какъ о нѣкоемъ невѣроятномъ волшебномъ видѣніи, сталъ рисоваться вдали, среди океана зелени.

Дамаскъ чрезвычайно красивъ издали. Онъ лежитъ на днѣ глубокой долины, которая покрыта самыми пышными садами, чуть не на сто верстъ. Они идутъ какими-то густыми облаками, круглятся, переливаются изъ тона въ тонъ и даютъ желтоватыя строенія, мел-

кую мелюзгу и кашу какихъ-то глиняныхъ горшочковъ, бѣгущую узенькой полоской поперегъ всей этой массы зеленыхъ волнъ. Индѣ мелькаютъ сѣрые, величественные кунолы мечетей, и стоятъ прямыя пики минаретовъ. Все вмѣстѣ довольно одноцвѣтно, но красиво и солидно. Не мечутся въ глаза никакія яркія краски, Городъ беретъ свое разибраніе и этой несравненной, единственной зеленою въ мірѣ. Такого количества садовъ въ одномъ мѣстѣ вы не увидите нигдѣ, или въ крайней мѣрѣ, такъ удачно расположенныхъ. Сзади желтѣетъ и туманится пустыня, а на горизонтѣ встаютъ самыми легкими, воздушными линиями голубые треугольники хураускихъ горъ. Вѣвно—песчаные уступы до облаковъ и мы сами — подъ облаками! Все какъ-то необыкновенно и оригинально. «Я чувствую благоуханіе рай» — шамъ—дженнѣтъ—меннѣтъ, — сказалъ Магометъ, подѣхавъ къ Дамаску тѣмъ же самымъ путемъ, и потомъ, говорятъ, поворотилъ лошадь и ускакалъ. Про умнаго человѣка умно разсказывается и въ преданіи. Видно, у него было вкусу побольше, чѣмъ въ цѣлой Аравіи. Онъ не хотѣлъ портить своего желудка въездомъ въ грязь и смрадь восточныхъ улицъ города, который издали дѣйствительно судить что-то райское... Магометъ зналъ недурно свой старый Шамъ и прежде, чѣмъ стать пророкомъ, продавалъ въ немъ табакъ и всякую дрянь. Подлѣ базара, гдѣ торгуютъ узечками, что называютъ «базаръ альсуруджій», живъ до сихъ поръ необыкновенно-почтешный плантъ, семи обхватовъ, къ которому Магометъ, когда тотъ былъ еще тоненькой тросточкой, привязывалъ свою немудрую кобыленку...

Между тѣмъ мы ѣхали да ѣхали и подвигались къ «райскому благоуханію»... Скоро удивительные сады очутились передъ носомъ. Вся гурьба всадниковъ стала нырять, одинъ за другимъ, въ зеленъ, когда очередь дошла до меня, я нырнулъ туда же — и увидѣлъ себя на площадкѣ, въ живой оградѣ кустовъ. Консулъ уже спѣшилъ и былъ встрѣченъ архіереемъ. Меня поразило въ ту же минуту *католическое* выраженіе лица архіепископа. Это былъ знаменитый отецъ Юстинскій, Хурри Хана, имя котораго столько разъ повторилось въ горахъ въ послѣднее время... Мы будемъ имѣть случай поговорить объ немъ подробнѣе.

Потомъ стали подходить къ консулу разные почетныя лица изъ дамаскинцевъ восточнаго исповѣданія; подавали ему руку, кланялись и дѣлали *теменна* (*). Все это представляло чрезвычайно живую картину, которую трудно забыть. Это была загородная почетная встрѣча

(*) Прикладываніе руки къ устамъ и ко лбу.

консулу. Чѣмъ дальше арапъ выѣзжаетъ васъ встрѣтить, тѣмъ болѣе оказываетъ вамъ почтенія.

Когда кончились всѣ эти привѣтствія, мы уѣхали на пестрые ковры, подъ сѣнью великолѣпныхъ орѣховъ, гранатъ, абрикосовъ и маслинъ, индѣ оплетенныхъ виноградомъ. Прислуга начала суетливо хлопотать о закускѣ тутъ же, на лугу, безъ всякихъ столовъ. Быстро, по щучьему велѣнью, раскинулась скатерть, и на ней явились много-различныя неслыханныя въ Европѣ яства, которыхъ я не возьмусь и пересчитать. Было не мало рису, зелени, куръ и сладостей. Архіерей благословилъ этотъ полевой завтракъ, и мы, перекинувъ по колѣнямъ одну длинную салфетку, въ родѣ пологенца (такъ всегда бѣдятъ на востокѣ), принялись угощаться... а тамъ, въ сторонѣ, подъ этими дивными деревьями, расхаживали пестрыя, характеристичныя фигуры нашихъ проводниковъ. Еще далѣе, въ травѣ, паслись десятки коней и муловъ. Наконецъ, за ними, въ сумрачной зелени тополей, смуглыя арабскія женщины мотали шелкъ и пѣли пѣсни. Все это было садъ, принадлежавшій какому-то купцу. Его заняли навѣшавшіе гости, какъ бы заняли всякій другой. Таковъ здѣсь обычай, и никто противъ этого не спорить.

Немного погодя, по дорогѣ изъ Дамаска раздалось новое топотанье лошадей: неслись другіе пріятели консула, изъ мусульманъ, привѣтствовать его возвращеніе въ градъ калифовъ. Они сѣли закусывать тутъ же, съ нами, и когда эта исторія кончилась, и мы поднявшись, отошли въ сторону пить кофе, тогда, къ той же самой трансеѣ, приступила прислуга. Только подбавили куръ, рису и сластей. Сильно-практическій въ подобныя минуты, кавасъ-съ-пикой устремилъ тотъ же часъ свое вниманіе на французскіе конфеты, привезенныя изъ Бейрута и поступилъ съ ними совершенно такъ же, какъ Собакевичъ съ извѣстнымъ вамъ осетромъ, такъ что когда глѣнула остальная нострая публика на хитрыя парижскія коробки, украшенныя портретомъ Наполеона, то отъ «удивленія природы» осталось только одно воспоминаніе. Видѣли иные, какъ сверкнули какія-то чудеса въ густыхъ усахъ Мухаммеда, а попробовать этихъ чудесъ никому не случилось.

Мы просидѣли и прохладились тамъ довольно. Было такъ хорошо. Небо такъ чудно смотрѣло сквозь вѣтви какого-то рогатого дерева съ листьями въ лопату, и красными цвѣтами, которые такъ хрупаютъ иногда, какъ огурцы.

Но всему бываетъ конецъ; такъ и нашъ пріятель часъ подняться. Все наше воинство, вся пестрота, выѣхавшая на встрѣчу консулу, въ садъ, прыгнула на коней, и мы загудѣли по направленію къ Дамаску. Стоило посмотрѣть на эту волну разнообразныхъ всадниковъ: тутъ

были и друзья, изъ Димасо, и яркіе, цвѣтистые дамаскинцы, и черныя фигуры пошловъ: все это звенѣло, брякало, разговаривало и катилось точно рѣка по бѣлой дорогѣ, среди безконечныхъ садовъ. Кавась—ника и еще нѣсколько любителей неслись впередъ и падали вверхъ изъ ружей, подымая перѣдко десятки птицъ изъ зеленой гущины вѣтвей! Когда истощились патроны, кавась началъ выдѣлывать какинъ-то чудеса никой, при чемъ я сильно боялся, что онъ когонибудь запереть. И вотъ вся гурьба ввалилась въ ворота Дамаска. Желтая, узкая, сорная улица! Вымазанная глиной кособокие рошаны (*), выступаютъ одинъ за другимъ изъ стѣнъ; индѣ встрѣчаются лбами и производятъ въ улицѣ нѣкоторый сумракъ. Рыжія и черныя собаки, съ унылой физиономіей, лежатъ, растянулись тамъ и сямъ, какъ дохлая и не шевельнутся, хоть дави. Женщины, точно бѣлыя статуи съ гробовыхъ наматниковъ, двигаются мимо лавокъ съ трубками, гвоздями, сырцомъ и всякой всячиной. Петомъ — халаты, чалмы, мушъ-мушъ (**), апельсины, грязь и верблюды, загородившіе улицу...

Вотъ онъ «Шамъ-джеиветь-мешамъ!» Очень недурно сбѣлалъ Магометь, усканявши послѣ того, какъ произнесъ свою безсмертную фразу. Лучше всего вѣзжать въ Дамаскъ пыльнымъ. То же самое можно разумѣть и о другихъ восточныхъ городахъ. Иначе, въ трезвомъ видѣ, вы будете поминутно вскрикивать, опасаясь, что вотъ вотъ рыжая машина-верблюдъ сниметъ васъ съ сѣдла, или прижметъ къ забору висящей рогатыхъ дровъ. А не то обомрете, когда ваша лошадь скользнетъ всѣми четырьмя ногами по мостовой, скривившейся на бокъ еще при Гарунъ-аль-Рашидѣ...

«Это удивительно, даже убійственно: я вѣзжалъ въ Дамаскъ, какъ въ Тамбовъ; ничего особенно затрогивающаго, сильно любопытнаго. Такъ вѣдлись мнѣ эти улицы, съ желтыми собаками; эти минареты, апельсины и гортанный говоръ во всю глотку. Чертъ знаетъ, какъ скоро наступилъ непрощенный сонъ и все стало просто и пошло, какъ будни. Я знаю этого Шамъ, какъ пять пальцевъ, и могу рассказать вамъ его жизнь съ сѣдла, откуда мы ѣдемъ по желтымъ однообразнымъ улицамъ и жители отъшвыряютъ нашему консулу усердныя поклоны.

Да, сильно разочарованіе, которыйя охватить васъ старый городъ кака-отъ, лишь только вы въ него ввалитесь. Куда дѣнутся всѣ эти грязь, навѣянная жаримая коморитемъ «Тысячи одной ночи!» Вдалеко, тѣсно и грязно, отъ одного конца до другаго! Никакъ не пой-

(*) Выступилъ въ видѣ фонариковъ съ окнами, какъ дѣлается и у насъ.

(**) Абрикосы:

мешь, гдѣ это тутъ развѣжалъ и расхаживалъ такой великолѣпный калифъ, какимъ описываютъ, напримѣръ, Гарунъ-аль-Рашида?... или его только тамъ описываютъ, а на дѣлѣ онъ былъ такой загрохотанный турокъ, какъ и всѣ дамаскинцы и также спалъ не раздѣваясь!... Многое въ исторіи еще крѣпко-туманно и проснется на свѣжую воду...

А странно это: смотришь, люди, какъ люди, даже очень бравый и красивый народъ... Но есть какая-то штука, что-то странное и роковое въ судьбахъ этихъ уморительныхъ массъ и толпищъ: отчего это въ нихъ все замерло, околѣло на сто тысячъ вѣковъ сряду? Отчего имъ не хочется другой, лучшей жизни? Сто тысячъ вѣковъ!

Я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что старинный Шамъ, по нашему Дамаскъ, имѣлъ всегда точно такую же физиономію, какую имѣетъ теперь, и всѣ его улицы были также однообразно-тоскливыя, также грязны и узки, какъ первая, въ которую вѣдешь отъ Дамаска, или отъ Сайданайи. Точно, есть кое гдѣ небольшія особенности, нѣчто выступающее изъ ряда этихъ желтыхъ проспектовъ съ кособокими рощами на курьихъ ножкахъ: вверху высунется откуда нибудь огромное дерево, съ крупными, не нашими листьями, и подлѣ него зашумитъ рѣка, эта всеоживляющая здѣсь Барада, которая бѣжитъ по всему Дамаску семью рукавами. Вотъ лечинскій мостикъ. Словои сельскій видъ. Играетъ оазаренная солнцемъ площадка. Кругомъ навѣсы, на тонкихъ подпоркахъ, и тутъ сидятъ, въ живописныхъ группкахъ, восточные чудаки, въ своихъ яркяхъ халатахъ и бѣлыхъ величавыхъ чалмахъ. Цѣлыя шеренги стеклянныкъ казановъ, съ витыми чубуками, журчатъ и рокочутъ усынительнымъ воркованіемъ голубей, преданныхъ страсти... Истинно — сумасшедшая картина для человека рисующаго... Но такія вещи въ Шамѣ немногіе, и притомъ, онъ вовсе не зависитъ отъ вкуса жителей и ни чуть не устроитъ уменьшенно. Идѣ какъ-то вымарло изъ подъ земли случайно и неожиданно, какъ готъ волшебный обѣдъ или завтракъ, какимъ насладился одмажлы, въ неприятномъ и дикомъ полѣ, царь Иванъ-Царевичъ. Что бы воспользоваться такимъ «обѣдомъ»? Улучшить, дополнить всю эту прелесть, данную природой, — при этомъ небѣ и при этомъ солнцѣ! Представимъ, одно, что 8 мѣсяцевъ въ году для стараго Шама не возможны никакія другія дѣла, кромѣ великолѣпныхъ. Житель Шама ложится спать не то, что петербуржецъ: онъ спитъ и спокойно мечтаетъ о завершенной на завтра прогулкѣ, правда безъ дамъ... Но для чего ему дамы — въ прогулкѣ? Помните, что онъ весь другой, съ ногъ до головы. Думать по европейски, по петербургски — невозможно.

отъ день дамаскинца: встаетъ онъ рано, неѣроотно-рано. Если онъ мусульманинъ, то за два и даже за три часа до восхода солнца; если же христіанинъ — за часъ. Потомъ первый идетъ въ мечеть, а оттуда въ кофейню, гдѣ сидитъ вплоть до восхода солнца и осушаетъ добрыхъ чашки четыре кофе, при трехъ-четырехъ наргиле! Христіанинъ пьетъ кофе и куритъ наргиле дома; потомъ, можетъ быть, идетъ къ обѣднѣ. Затѣмъ, оба, христіанинъ и мусульманинъ, встрѣчаются на вселюбезномъ для нихъ базарѣ. Выше и лучше базара для этихъ господъ ничего нѣтъ. Тутъ они снова курятъ, присаживаются у колоннъ, толкуютъ о политикѣ (непремѣнно о политикѣ, которую очень любятъ), или бродятъ изъ ряда въ рядъ. Это не то что у насъ — купцы и покупатели: нѣтъ, тутъ не то; весь Дамаскъ одно цѣлое, дружеская семья, гдѣ всякій извѣстенъ всѣмъ, какъ въ уѣздномъ городѣ; не то, что свой братъ-дамаскинецъ, но даже какаянибудь Хаджи-Евпраксія, монахиня изъ Самды и какойнибудь удалый Ресуль-ага изъ степи, баба изъ Хаураца въ синей рубашкѣ и въ саноггахъ съ подковками. Всѣхъ знаютъ; все это одно гармоническое общество, какому, можетъ статься, нѣтъ равнаго. А жизнь кипитъ, и задоритъ, и манитъ этимъ кипѣніемъ, и оглушаетъ трескомъ. Вотъ привалило три верблюда съ досками, камнями, бревнами, и, Аллахъ ихъ вѣдаетъ, какъ эти бревна и камни не задѣваютъ правобѣрныхъ головъ. Все страшно нестро и вышло бы чудесно на картмахъ, гдѣ разумѣтся, никакъ нельзя пошехотать грязь, чѣмъ она пахнетъ, и получить толчка подъ бокъ... тутъ и ашельсины со своимъ горькимъ цвѣтомъ, и дѣйствительныя уголья, надъ которыми готовятъ иншицакъ. Вотъ висятъ и струятся серебромъ, золотомъ и всякими яркостями пояса, уздечки; тутъ же распялена нестрая шаура тигра, убитаго гдѣнибудь въ 3-хъ часахъ отъ Дамаска. Милліонъ баншиковъ и тусель, красныхъ, желтыхъ и зеленыхъ, громадится съ одной лавки, снизу до верху, этажами. Звенитъ маленькій жестиной фонтанчикъ, обѣщающій ледъ и прокладу. «Барретъ альбахъ» восклицаетъ особеннымъ тономъ купецъ: «вотъ охлажденіе твоего сердца!» (подразумѣвалось «горящаго отъ любви»). Я хан! Я аллахъ! Я нинча! — распѣваетъ другой чалмоносецъ о водѣ: «о жизнь! о Богъ! о утоленіе!» и никакъ иначе нельзя воскликнуть. Въ старомъ Шамѣ держатся древнихъ порядковъ: никогда не называютъ товаръ по имени. Вотъ продаютъ что-то зеленое: это салатъ! Вы волагаете, что салатъ издумавъ въ Европѣ нѣмцами, ни чуть не бывало! Его помучалъ на томъ же базарѣ еще Авраамъ, разбившій Ходаллогомора на равнинѣ Сидонской и пригнавшій вражескія полчища подъ самый Дамаскъ. Это извѣстно изъ св. писанія. О салатѣ восклицаютъ такъ: «Я дамъ!» или: «Аллахъ-здѣ-дамъ!» О Боже присносущныи! Эти

слова, произнесенныя известнымъ тономъ, для дамаскинца отзываются салатомъ. Вотъ продають хлѣбъ: «Я мевдудъ! Я керимъ (*)! Я аллахъ!» — раскиваетъ продавецъ, т. е. «О вездѣсущій! О великодушный! О Господи!»

— Таибъ, я ванъдъ! — «хорошо, мальи!» слышится иной разъ бѣглымъ, звонкимъ напѣвомъ, и это значитъ, что несутъ кисляку напѣтки...

И все это сливается въ странный оригинальный говоръ, какого не услышишь нигдѣ. Это итальянская опера и все на свѣтѣ — для дамаскинца. Тутъ же взвизгнетъ и собака, на которую наѣхали кономъ, или шули ногою. Восточный житель и пинаетъ, и бьетъ свою собаку поминутно, но никогда не убиваетъ до смерти и не забрасываетъ ея щенять, а потому собачьи роды плодятся въ Шамѣ и вездѣ на востокѣ бесконечно. Собаки составляютъ до такой степени существенную принадлежность базаровъ и улицъ стараго Шама, что вымри онѣ въ одну ночь, всѣ жители почувствуютъ вдругъ необычайную скуку, какъ будто бы выбыла куда-то половина гражданъ и ихъ знакомыя всѣмъ лица мгновенно перестали мелькать передъ глазами.

Двигаются по базару и женщины, очель похожя, какъ я сказалъ, на мраморныя фигуры гробовыхъ памятниковъ, но потомъ къ этому привыкаешь. Лица у большинства пѣзъ нихъ закрыты темными платками, носившими названіе «мондиль», другія ходятъ съ открытыми лицами, только пожалуйста не завидуйте мнѣ, читатель, бывавшему такъ много и долго по разнымъ восточнымъ базарамъ, гдѣ мимо меня прошло въроятно нѣсколько милліоновъ этихъ бѣлыхъ куколъ, иной разъ чрезвычайно молоденькихъ и нѣжныхъ. Вы привыкли грезить о восточной женщинѣ съ малолѣтства; васъ задразнили восточными женщинами на картинкахъ, между тѣмъ какъ, на дѣлѣ, въ нихъ право не много привлекательнаго. Нѣтъ въ мірѣ женщины, которая была бы такъ нескладна, какъ восточная, смотрѣла бы такнигъ обрубкомъ. Восточную женщину портить прежде всего *жизнью*, вотъ въ чемъ ея главный существенный недостатокъ. Подобно тому, какъ «нувшинное рыло» уходитъ у насъ въ оконечность лица, т. е. въ носъ и губы, такъ восточная женщина развивается преимущественно въ животъ. Это произошло отъ вѣковой небрежности и неумѣнья бабушекъ обходиться съ ними послѣ родовъ. Его плохо *подбираютъ*. Это дѣлалось и дѣлается на востокѣ многія тысячи лѣтъ сряду и происшедшее отсюда безобразіе перешло въ народъ и передается наследственно точно такъ же, какъ передается стройность и грація француз-

(*) Всѣ эти слова: даймъ, мевдудъ, керимъ — суть имена изъ 99-ти именъ Воинихъ.

женки, тоже выработанная вѣками. Вдругъ этого не сдѣлаешь. Стройная маленькая ножка — въ цѣломъ народѣ, въ цѣлыхъ поколѣніяхъ женщинъ дѣло не шуточное. Мнѣ случалось видѣть кучи восточныхъ ребятъ женскаго полу, безъ всякихъ покрывалъ: повѣрите ли, у иной дѣвочки по осьмому году уже лѣзетъ животъ на носы! Ужъ она *пошла въ животъ*. Тоже, въ своемъ родѣ, кувшинное рыло. Такова масса восточныхъ женщинъ отъ Алтая до Урала, отъ Урала до Крита и оттуда до Гибралтара. Исключенія, разумѣется, есть, какъ и во всемъ, но чрезвычайно рѣдки. Напримѣръ, между *арабками* попадаются иногда чрезвычайно стройныя женщины, съ маленькими руками и ногами; но ихъ происхожденіе всегда подвержено нѣкоторому сомнѣнію. Что собственно до лицъ — точно: лица бываютъ совершенное заглядѣнье, но можетъ ли значить что нибудь мило, когда, откинувъ мысленно чадру, вы должны необходимо представить, что тамъ, прежде всего, чрезвычайно грязное и нескладное платье; и еще грязнѣйшая сорочка и шаровары, въ которыхъ женщина спала, можетъ быть, *мысль не раздвоялась!* Вѣдь это ужасъ! На востокѣ можно *сдѣлать женщину*, взявъ ее ребенкомъ, лѣтъ семи, это правда, но *найти женщину* не возможно. Вкусъ восточнаго человѣка — плотныя, и полныя ярасавицы, съ лицомъ восточныхъ цирюльничихъ куколъ, то, что у насъ зовутъ *писанымъ*. Эти женщины непременно должны быть *бѣлы* и *румяны*, кровь съ молокомъ: и будучи очень часто такими отъ природы, онѣ все-таки притираются разными разстояніями и выводятъ сурьюю брови и рѣсницы. Я видѣлъ гаремъ султана и великаго визиря; послѣдняго даже нѣсколько разъ и на самомъ близкомъ разстояніи. Кажется, женщины этихъ гаремовъ могутъ быть поставлены образцомъ лучшаго турецкаго вкуса по этой части и что же? все это не что иное, какъ дебелыя, сочныя дѣвочки весьма надежнаго здоровья, съ лицами, лишенными всякой мысли. Между наложницами султана, есть, правда, нѣсколько худшескихъ и блѣднѣешихъ, за то ужъ ихъ варуманнѣе не на животъ, а на смерть. И такими-то куклами восхищается ларило.

Но мы потеряли его на базарѣ, этого милаго человѣка, занявшись его прекраснымъ поломъ.

Часовъ до трехъ, четырехъ онъ толчется на базарѣ, потомъ идетъ гулять въ *бустаны*, — сады, расположенные за городомъ. Мусульмане въ свои, на западъ отъ Дамаска; христіане въ свои, на востокъ. Соединеніе тѣхъ и другихъ, т. е. христіанъ съ мусульманами, въ прогулкахъ, бываетъ очень рѣдко. Даже католики гуляютъ особо отъ православныхъ, хотя бы въ однихъ и тѣхъ же садахъ.

Загородные сады Дамаска, *бустаны*, не совсѣмъ похожи на то, что мы называемъ садомъ. Бустанъ Дамаска, это квадратъ земли, огоро-

женный сѣрою стѣною изъ глины и камня. Внутри растутъ деревья безъ всякаго моряку и толку, какъ посадилъ ихъ Господь Богъ: страшная верасла-тополь рядомъ съ кустами розъ; потомъ слѣдуетъ страшная проталина, съ какими-то жесткими и рѣдкими усамн мѣсто травы; затѣмъ опять тополь, а не то цѣлая куча орѣховъ, гранатъ, фигъ или абрикосовъ. Тамъ снова луговина съ жесткими усамн, о гавонѣ на востокъ нечего и думать. О дорожкахъ также. Шагайте по кождамъ какъ угодно. Въ хорошемъ бустонѣ Дамаска, бѣжить узкая полоска воды, каналъ, проведенный изъ Барады. Гуляющіе, въ особенности женщины, собираются непременно къ этому каналу, или, величественнѣе сказать, къ ручью, и сидятъ по берегу *оуста ес воду мени*. Самое аристократическое препровожденіе времени. Въ этомъ заключается величайшее наслажденіе ядрилы. *Мое*, вода, для него все, да еще *хава* — воздухъ, гдѣ нибудь въ открытомъ загородномъ мѣстѣ. Иной же лучше устраивался просто по луку, поближе къ деревьямъ. Вы видите группы въ фескахъ и чалмахъ. Одни курятъ наргиле, другіе играютъ въ шашки, третьи сидятъ такъ и разговариваютъ о политикѣ. Въ иной группѣ слышится пѣсня. Поетъ обыкновенно какой нибудь молодой человекъ, или даже мальчикъ, звонко, съ заливомъ. Многіе изъ арабскихъ мотивовъ довольно пріятны. Чтобы имѣть какое нибудь понятіе о содержаніи пѣсенъ, вотъ вамъ точный переводъ двухъ, самыхъ употребительныхъ:

Скажите мнѣ, скажите мнѣ,

Откуда онъ, откуда онъ, откуда этотъ мальчикъ, похитившій мой разумъ?

Скажите мнѣ, зачѣмъ отъ насъ красавецъ мой скрылся,
Красавецъ мой, возлюбленный, кого люблю какъ очи.

Похитилъ разумъ у меня и что же мнѣ оставилъ!

Я не видала никогда, мой другъ, тебѣ подобнаго.

И все хотѣлось, чтобы ты пришелъ къ намъ въ домъ скарфе,
Красавецъ мой, возлюбленный, кого люблю какъ очи.

Когда я думаю объ немъ, ночь длится безконечно,

И сонъ отъ глазъ моихъ бѣжить, я плачу и тоскую.

Какъ дорогъ мнѣ мой милый другъ, мой другъ съ хорошими
становъ,

Красавецъ мой, возлюбленный, кого люблю какъ очи.

Твое онъ нещечко, любовь, твоей баговень и шѣстунъ,

Скажи ему, мояя ему, что онъ меня не любитъ;

О еслибъ онъ любилъ меня, какъ я не немъ страдаю,

Красавецъ мой, возлюбленный, кого люблю какъ очи.

О ты, кто сокрушилъ меня, повергнувъ взгляды на асмь,
 Боже, какъ-то ты меня, не помянешь, Фрешны!
 Тогда моя сестрица тебя къ себѣ принимаетъ,
 Красавецъ мой, возлюбленнаго, кого люблю какъ отца.

Послѣ каждого куплета повторяется первый, который по арабски
 будетъ такъ:

Элегия, элегия, дѣшайъ уломъ?
 Азарраъ, азарраъ саллабамъ?
 Варахбу «оо» да махбуа!
 Ахуббу зей айнае:

Вотъ другая пѣсня, на оборотъ, отъ мужчины къ женщинѣ:

О дѣвица, ясныя очи моя,
 Ты плачешь, будто отъ вѣтра,
 Завидя раскопанныхъ грудой маслина,
 Лишенные влажныхъ лобзаний.

Пустилась ты въ путь, не простила со мной,
 А все-таки... все-таки любить!
 О Боже, когда бы ты вѣтеръ послалъ,
 Она дуновъ — и сталибъ мы видѣтъ!

Въ красильню пойду я и платье свое
 Окрашу я въ черную краску,
 Скажу я: красильня! мой другъ далеко,
 Моя ненаглядная, гдѣ ты?...

Не то, что смугла ты, не то, что бѣла;
 Ты между блондинной и смуглой;
 Мылье, чѣмъ райская гурія ты,
 О, дочь бедуинскаго шейха!

И здѣсь послѣ каждого куплета повторяется первый: «о, дѣвица,
 ясныя очи моя!»

Между группами по луку рассказываютъ продавцы всякой усладительной всячины. Тутъ новыя, особыя восклицанія и тоны: «миндѣ арафъ!» кто пробовалъ, тотъ знаетъ! А не то: «я керимъ!» о великодушный! съ особеннымъ акцентомъ и быстрѣе, чѣмъ кричатъ о хлѣбѣ. Оба эти напѣва «я керимъ» и «миндѣ арафъ» означаютъ *тансу*.

Кое, котораго требуется больше всего, готовятъ съенщики сада, въ небольшомъ каменномъ строеніи, въ родѣ хана. Тамъ же лежатъ подушки и ковры для почетныхъ гостей. Лучшій, или, по крайней мѣрѣ, болѣе посѣщаемый садъ, такъ сказать, «аристократи-

ческий», принадлежит Ханна-Фреджу, богатому арабу, когда-то католику, но теперь переведшему въ православіе. Садъ это называется «Живене-т-эль-меняхъ» — садъ славаго повола. Его снимають одинъ дамастинецъ за 5 тыс. шастревъ въ годъ, то есть за 250 р. с. Это цѣна небольшая, потому что на однихъ кофейхъ, водѣ, сластяхъ и кальянахъ съемщикъ выручить отъ 50 до 100 шастревъ въ сутки.

Многіе сады Дамаска сданы точно такимъ же образомъ. Всѣ они, больше или меньше, наполняются, съ извѣстнаго часу, народомъ, но лучшее общество Дамаска, первыя негодантовыя и первыя красавицы христіанскаго квартала — ищите въ Живене-т-эль-менахъ. Иныя забираются туда очень рано, съ обѣдомъ, и тамъ по своему кутягъ: женщины особо, мужчины особо. Впрочемъ, иногда въ женскую компанію вмѣшиваются какойнибудь родственникъ.

Въ 6, 7 часовъ бустены пустыютъ. Рѣдко кто остается въ нихъ ночевать, потому что это опасно. Народъ валитъ въ городъ; ворота запираются; наступаетъ часъ сна. Дамаскъ спитъ неслыханнымъ образомъ, какъ немногіе города вселенной. Онъ спитъ *всѣмъ*, съ собаками, улицами, *харисами*, или ночными сторожами у лавокъ. Всякій знаетъ, что въ Дамаскѣ объ эту пору больше нечего дѣлать, какъ спать. Вздумалъ бы иной войти къ крѣпелю, да нельзя: внутри города запирается *45 воротъ*! Собственно говоря, ближайшій *харисъ* долженъ отпереть прохожему ворота своего участка, но *харисъ* часто спитъ и вопіять къ нему черезъ стѣну — напрасно.

Зимою, когда бустены тонуть въ грязи, жители ходятъ другъ къ другу и тамъ пьютъ кофе, курятъ и бесѣдуютъ о политикѣ.

Вотъ и все. Вы спросите: гдѣ же, въ чемъ и какъ проявляется то дивное и вѣчное чувство, которое наполняетъ нашу жизнь, наши водевили, драмы, поэмы; это въ сониксѣ, какъ говоритъ Гейне... Это чувство проходитъ здѣсь неслышными шагами, подъ шапкой невидимкой, звуча только въ пѣсняхъ, подъ сѣнью тополей и орѣшинъ, на берегахъ Барады; или проглядывая въ глазахъ иной черноокой газели, когда, откинувъ съ лица пестрый мондиль, она торгуется у какойнибудь красивой бородки серьги, браслетъ, кусокъ матеріи; а потомъ, когда уже «молодые люди» объяснились, чувство скрывается тихими знаками подъ чадрой, дышитъ въ складкахъ ялунаго восточнаго савана, выражается въ походкѣ, въ легкомъ, ищкому незамѣтномъ движеніи головою, въ ту минуту, какъ газель, плотно закутанная, но нисколько не скрытая для взоровъ того, кому это нужно, летитъ быстро мимо лавокъ, шума своимъ *изаромъ*...

Настаетъ бракъ. Ядрило въ любви сильно порывистъ и необузданъ. Онъ плачетъ и реветъ, цалуя ноги и руки своей красавицы, и

даже нѣсколько больше, что называется по арабски «бебустъ-чиза». Потомъ, какъ и вездѣ, слѣдуетъ разочарованіе. Кукла нестерпимо скучаетъ, когда ея мужъ шляется по базарамъ и бустенамъ. Она пускается въ сокровенныя цырижки... даже съ франками. Последнее такъ выгодно, что мужъ, узнавъ, закрываетъ глаза. Если же онъ христіанинъ, то самъ начнетъ водить жену къ франку. Это очень простая вещь въ старомъ Шамѣ. Я говорю не по слухамъ, а по собственному опыту. Я даже видѣлъ отца, который привелъ свою дочь и что болѣе поразительно — отца-мусульманина, офицера турецкой службы, имѣвшаго отъ казны все-таки какое нибудь содержаніе. Но цинизмъ, въ этомъ отношеніи, вошелъ въ плоть и кровь этихъ людей; для нихъ это ровно ничего. Я слышалъ, будто бы въ Дамаскѣ положительно нѣтъ женщины, которою нельзя было бы обладать, принеся приличную жертву. *Джабъ-рмля* (*) (золотушка), двѣ, три играютъ въ этомъ случаѣ первую роль. А вѣдь кажется, Дамаскъ одинъ изъ священныхъ, глухихъ, трущобистыхъ городовъ мусульманства; нѣчто въ родѣ Мекки. Кому развращать его нравы? Гдѣ наплывъ европейскихъ массъ? Но Дамаскъ развращенъ искони, какъ и вся Сирія и Палестина. Храбрые офицеры Александра Македонскаго; роскошные римскіе кутилы: Помпей, Скарвъ, цѣлыя полчища чужеземныхъ солдатъ, смѣнявшіеся одинъ другими, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ сряду — потрясли нравственность «райскаго благоуханія». Чего только не видали эти сады, эти бустены, по которымъ мы только прогулялись? Тогда-то слово *Sygius* и *Sygia*, въ извѣстномъ, неблагопристойномъ смыслѣ, заняло видное и ядровитое мѣсто въ классическихъ комедіяхъ римлянъ. Къ чему, послѣ этого, дикія покрывала, мондили, страшнѣйшее преслѣдованіе публичныхъ домовъ, когда весь городъ давнымъ-давно превратился въ публичный домъ, только подъ чадрую?...

Надо же, въ заключеніе, сказать что нибудь относительно образованности жителей Дамаска. Она состоитъ въ знаніи грамоты «читать, писать», и никакъ не больше. Здѣсь христіане далеко опередили мусульманъ. На 100 христіанъ 30—40 непременно читаютъ, тогда какъ на 100 мусульманъ читающихъ не наберется и 10. Вообще христіане забѣжали впередъ повсюду. Ихъ берутъ богатые негоціанты въ сидѣльцы, въ *comptis*; они поступаютъ писарями въ мижлисы, то есть въ суды, а писарь въ восточномъ мижлисѣ рѣшительно все: онъ прибираетъ къ рукамъ и муфтія, и кадія, и пашу. Къ нему въ карманы валятся первые бакшиши. Наконецъ, лучшіе дома Дамаска принадле-

(*) *Джабъ* — золото. *Рмля* племянное лира (*livre sterling*). Русскіе въ тамешныхъ мѣстахъ говорятъ: турецкая лира, французская лира.

жаты, или, правильнѣе, принадлежали христіанамъ. Не видныя, затиснутыя снаружи общей массой желтыхъ-глиняныхъ горшковъ и рошанами, дома христіанъ, когда вы входили внутрь, поражали богатствомъ и часто изяществомъ половъ, фонтановъ, цѣлыми дверями и стѣнами изъ мрамора, зеркалъ и золота, правда, нагроможденнаго безъ вкуса, но все-таки это богатство.

Остальныя особенности Пшама вы увидите ниже. Покажи́те я набросилъ вамъ его очеркъ: то, что бьетъ въ глаза, поражаетъ прежде. Между тѣмъ мы подѣхали къ дому консула.

VI.

ПРИВѢТІЕ КОНСУЛА ВЪ ДОМѢ. — ВѢСТІЕ ЕПИСКОПА. — ИСТОРИЯ ОБРАЩЕНІЯ АРАБОВЪ УНАТСАГО ИСНОВѢДАНІЯ ВЪ ПРАВОСЛАВІЕ. — ОБЪѢДЪ ВЪ МЕЙДАНСКОЙ ЦЕРКВИ. — МУРИ. — МАЛЕНЬКІЙ ПАТРИАРХАТЪ. — ВЕДУШСІЙ ШЕЙХЪ. — ДУХИ. — ГОЛОВА БАХЕЙТАНА ВЪ ДАМАСКѢ. — НАМЪРЕНІЕ ѢХАТЬ ВЪ ХАУРАНА. — ПИСЬМО АБУ-АБДИ.

Едва консулъ вошелъ въ домъ и устроился на диванѣ, устланномъ богатыми коврами, какъ явился архіерей, имѣя на шеѣ панатію, полученную имъ отъ русскаго правительства. Это былъ тотъ самый Іоанникій, который встрѣтилъ насъ въ саду. Я уже сказалъ, что меня поразило католическое выраженіе лица этого епископа. Я даже подумалъ тогда, слѣзая съ сѣдла и окинувъ взглядомъ фигуру Іоанникія: «какимъ образомъ могъ тутъ попасть *католикъ*?» Вотъ что значитъ «западная» мысль, прошедшая даже черезъ арабскую голову. Я не ошибался: епископъ былъ католикъ и перешелъ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, къ намъ. Тутъ цѣлая исторія.

Извѣстно, что католики съ давнихъ поръ работаютъ на востокѣ въ свою пользу и успѣли очень много. Въ числѣ причинъ, которыя содѣйствовали преимущественно этому успѣху, было между прочимъ то, что православные арабы имѣли у себя постоянное греческое духовное начальство, т. е. патриарха, который назначается константинопольскимъ синодомъ, гдѣ всѣ члены греки. Между тѣмъ, какъ грекъ и арабъ, это двѣ враждебныя стихіи, никогда не могуція слиться. Арабу легче посить всякое ярмо, только не греческое; а потому тѣ изъ арабовъ, кто былъ помышленѣе, давно искалъ выходу куда нибудь: къ русскимъ, въ папство... католики подвернулись скорѣе и образовали изъ недовольныхъ общину, хоть, по видимому, и православную, но признававшую своимъ духовнымъ владыкой папу. Имъ нужно было только избавиться отъ греческаго патриарха. Потомъ латинныя втерли имъ *filioque*, католическій обрядъ крещенія и еще нѣкоторыя

особенности, имѣя конечно въ виду обратить этихъ отщепенцевъ въ совершенные католики.

Въ 1856 году патриархомъ греко-униатской общины арабовъ (уже пустившей кое-какія отрасли въ Египтъ и Палестинѣ) былъ вѣкто Климентъ, человекъ очень ограпиченный. Такого поставили умышленно французы, чтобы имъ управлять по своему. Бывшій до того греко-униатскимъ (*) патриархомъ Максимъ, человекъ умный, не слушался французскихъ внушеній и черезъ это потерялъ мѣсто. Климентъ захотѣлъ отличиться передъ своими благодѣтелями какъ можно скорѣе, и рѣшилъ ввести въ свою общину европейскій календарь и тѣмъ подвинуть ее еще на шагъ къ католицизму. Это было дѣло, собственно, не очень мудреное, еслибъ повести его черезъ старшинъ и вѣдательныхъ поповъ съ присоединеніемъ, конечно, приличныхъ бакшишей. Но Клименту вообразилось, что онъ можетъ сдѣлать это одинъ, не спрося ни съ кѣмъ, и вдругъ, въ день крещенія 1856 г., неожиданно ни для кого, объявилъ въ церкви своей наставъ о введеніи новаго календаря. Старшины почувствовали себя обиженными. Произшло волненіе, грозившее расколомъ. Климентъ увидѣлъ свою ошибку и побоялся настаивать. Такъ прошелъ мѣсяцъ. Всѣ считали дѣло по старому, но 2 февраля, въ Срѣтеніе, Климентъ объявилъ снова о введеніи грегорианскаго лѣтосчисленія, и на этотъ разъ, вслѣдствіе внушеній французскаго консула, требовалъ, чтобы оно было непремѣнно принято всѣми. Тогда униаты раздѣлились на двѣ партіи. Одни перешли на сторону Климента, другіе остались вѣрными старому счисленію, будучи подстрекаемы обиженными арабами изъ вѣдательныхъ, преимущественно Ханной-Фреджемъ, австрійскимъ протекжѣ и первымъ богачемъ Дамаска (**), который одно время даже управлялъ австрійскимъ консульствомъ. Къ нему присталъ немедля священникъ Хури-Ханна, теперешній епископъ Іоанникій. Поразительно въ этомъ случаѣ ошибка французскаго консула Утрея, человека очень умнаго и солиднаго. Въмѣсто того, чтобы приласкать Фреджа и Хури-Ханну, въ которыхъ и была вся сила, онъ прибѣгнулъ къ угрозамъ и далъ знать этимъ лицамъ, что они лишатся покровительства западныхъ державъ, если будутъ идти противъ своего патриарха. Они отвѣчали, что не могутъ ни въ какомъ случаѣ дѣйствовать противъ убѣжденій совѣсти; что они уже въ такихъ лѣтахъ и въ покровительствѣ запада не нуждаются, а обратятся къ Россіи.

(*) Прошу помнить, читатель, постоянно, что здѣсь говорится объ арабахъ, и греческаго нѣтъ ничего, хотя я называю ихъ греко-униатами.

(**) Ему принадлежить аристократическій садъ, гдѣ мы прощались, Жюнаж-эль-монажъ.

Нашъ консулярный агентъ Дамаска, Телятиниди, вошелъ по этому поводу въ сношенія съ русскимъ генеральнымъ консуломъ Бейрута, Мухимымъ, и Ханну-Фреджи сдѣлали сейчасъ первымъ драгоманомъ нашего консульства въ Дамаскъ. Фреджъ устроилъ у себя на дому церковь, гдѣ служилъ Хури-Ханна, уже чисто по православному, не номиня папу и откинувъ filioque. Тогда же образовалось названіе *восточниковъ* — шарки и *западниковъ* — гарби. Дѣло принимало съ каждымъ часомъ болѣе и болѣе серьезныя размѣры. Сколько ни хлопотали патриархъ Климентъ и французскій консулъ Утрей о закрытіи домовою церкви Фреджа, она все-таки удержалась. Легко понять, что турецкое правительство оказалось на сторонѣ Шарки, которые для него *болѣе удобны*. Хури-Ханна ѣздилъ по деревнямъ и вездѣ находилъ цѣлыя массы поборниковъ стараго календаря. Такъ въ деревнѣ Маррѣ явилось вдругъ человекъ 300 восточниковъ, и они требовали построения особой церкви. Въ Сайданой и отдѣлилось слишкомъ 200 человекъ и пристали къ Хури-Ханнѣ. Тогда русскій генеральный консулъ Бейрута объявилъ Фреджу и Хури-Ханнѣ, что для окончательнаго успѣха ихъ партіи необходимо отложившимся уніатамъ принять православіе. Но принять православіе означало, въ тѣхъ мѣстахъ, подчиниться деспотизму и невѣжеству греческихъ архипастырей, надѣтъ старое ярмо, которое, по особенной милости Божіей, довольно давно уже не тяготѣетъ на уніатахъ. Легко представить себѣ, что головы, черезъ которыхъ проникли уже лучи западнаго образованія, пришли въ сильное недоумѣніе. Къ тому же и греки: дамасскій намѣстникъ патриарха, архидіаконъ Парсеній, и самъ Іеросей, антиохійскій патриархъ (онъ же и дамасскій), смотрѣли косо на такое присоединеніе. Имъ казалось, что все это затѣяно Россіей, съ намѣреніемъ возстановить въ Сиріи народный элементъ (*) и подавить грековъ. Такое положеніе дѣлъ заставило наше правительство назначить въ Дамаскъ консула, вмѣсто бывшаго тамъ до тѣхъ поръ консулярнаго агента. Назначенъ имъ былъ секретарь Мухина Макѣвъ, человекъ настойчивый и владѣющій отлично двумя восточными языками: турецкимъ и арабскимъ, вслѣдствіе чего онъ могъ вступить въ самыя непосредственныя объясненія по этому предмету съ Фреджемъ и Хури-Ханной. Но прежде всего онъ старался всѣми мѣрами уничтожить слѣды недоумѣнія между духовенствомъ Шарки, готовымъ принять православіе, и греками, которые вовсе этого не хотѣли. Однако это шло чрезвычайно туго. Макѣвъ добился только того, что въ Маррѣ начали строить церковь. *Два года* Марра напрасно взывала объ этомъ

(*) То есть вести дѣла такъ, чтобы современныя явились у арабовъ ихъ собственные арабскіе патриархи.

къ намъ и греческому патріархату въ Дамаскѣ. Даже слышался ропотъ между «восточниками» Марры и вообще. Они говорили: «какъ же намъ присоединиться къ такому недѣятельному православію, когда оно, въ продолженіи двухъ лѣтъ, не хочетъ намъ выстроить даже церкви!» Была минута, которою могли бы воспользоваться латины, и тогда Шарки увидѣли бы себя въ самомъ небольшомъ числѣ; но Макѣевъ, Фреджъ и Ханна дѣйствовали съ большимъ искусствомъ. Въ самый критическій моментъ они убѣдили общину присоединиться къ православію на слѣдующихъ условіяхъ: 1) чтобы въ Дамаскѣ была учреждена отдѣльная епархія, которая бы въ основаніяхъ своихъ ничѣмъ не рознилась отъ прочихъ; 2) чтобы за новообращенными осталось право избирать епископа, а посвящать его можетъ антиохійскій патріархъ, коего они готовы признавать своимъ главою; 3) чтобы былъ выстроенъ въ Дамаскѣ отдѣльный храмъ.

Макѣевъ сообщилъ эти условія кому слѣдуетъ. Пошла переписка, не дѣйшшая ровно никакого результата. Патріархъ Іерофей, жившій тогда въ Константинополь, умышленно затягивалъ присоединеніе. Между прочимъ, греки говорили: «какъ же будутъ крестить новообращенныхъ? Вѣдь по нашему обряду необходимо *погрузить въ воду!*» Увіаты же, конечно, не хотѣли объ этомъ и слышать. Имъ казалось достаточнымъ быть *только миропомазанными*. Объ этомъ одномъ шла бесполезная переписка. Дѣло Шарки висѣло на волоскѣ...

Вдругъ совершенно неожиданно въ Бейрутъ прибылъ іерусалимскій епископъ Кириллъ. Едва узналъ объ этомъ Макѣевъ, какъ сѣлъ съ Хури-Ханной на коня и примчалъ также въ Бейрутъ. Это уже было 20 марта 1860 года. Епископъ, послѣ объясненій съ Макѣевымъ, взялся за дѣло живо и просто: онъ отпрашилъ Хури-Ханну въ Константинополь съ письмомъ къ посланнику, котораго просилъ склонить патріарха на миропомазаніе и рукоположеніе Хури-Ханны въ архимандриты. Посланнику удалось этого достигнуть: Хури-Ханна, а затѣмъ и прибывшій изъ Александріи Хури-Джибара были рукоположены патріархомъ и стали православными архимандритами. Однако, на это рукоположеніе потребовалось *около года времени*. Греки упорствовали, сколько могли. 30 октября того же года, уже послѣ возстаній, прибыли новые архипастыри въ Бейрутъ; главнымъ генеральнымъ консуломъ въ этомъ городѣ былъ тогда Бечеръ, человѣкъ чрезвычайно ловкій и умный. Онъ открылъ въ Бейрутѣ особую церковь (въ іюнѣ 1861 г.) на перекоръ всѣмъ проискавъ французовъ, и только съ этой минуты дѣло пошло, какъ слѣдуетъ. Турки (Фуадъ-Паша), какъ было уже сказано, были на нашей сторонѣ. Имъ

уже слишкомъ насолили католики и ихъ вліяніе на востокъ. Въ самое короткое время число *Шарки* возросло до чрезвычайности: ихъ оказалось всего навсе, въ Сиріи, Палестинѣ и Египтѣ, около 25 тысячъ (*), но присоединилось къ православію только 6 тысячъ. Остальные выжидаютъ, что будетъ...

Таковы были судьбы этого дѣла. Хури-Ханна сталъ епископомъ и получилъ русскую митру и панагію.

Между прочимъ, оппозиція уже начинается; епископъ хомскій Григорій, въ числѣ другихъ также перешедшій на сторону Шарки, — не получивъ никакой митры, снова перешелъ къ католикамъ, старикъ 80 лѣтъ! За нимъ тронулось сейчасъ же около сотни другихъ. Койкого удержали подаренные нашимъ правительствомъ почетные мшалаки, или, иначе сказать, халаты. Уѣзжая изъ Дамаска въ Бейрутъ, по поводу этихъ новыхъ отщепенцевъ, чтобы видѣться и переговорить обо всемъ этомъ съ тамошнимъ русскимъ генеральнымъ консуломъ, Хури-Ханна, конечно, могъ воскликнуть о своемъ Дамаскѣ, какъ нѣкогда Югурта объ Римѣ: «*o urbem venalem, cito perituram, si emptorem inveneris!*» (**).

Въ доказательство, какъ еще шатко дѣло Шарки, я расскажу случай, бывшій при мнѣ: у одного араба, изъ повообращенныхъ, была племянница, шалившая съ однимъ купцомъ, который приходился ей двоюроднымъ братомъ. Дядя пришелъ къ Іоанникію и просилъ разрѣшить свадьбу влюбленныхъ, говоря, что, по католически, очень недавно, ихъ бы обвинчали сію минуту, и горя мало. Епископъ отвѣчалъ, какъ ему и слѣдовало отвѣчать, что, по обрядамъ православной церкви (къ которой они всѣ теперь принадлежатъ), такіе браки не возможны, и онъ, какъ главный блюститель, и при томъ *только что* утвержденный въ санъ православнаго епископа, обязанъ въ настоящую минуту всеобщаго броженія умовъ и еще не установившихся понятій, охранять, больше чѣмъ когда либо, свои правила и принципы, а потому разрѣшить подобнаго брака не можетъ. «Ну, такъ они перейдутъ снова въ католики и обвинчатся завтра же безъ всякихъ затрудненій!» отвѣчалъ проситель. — Какъ хотятъ! сказалъ Іоанникій, но собственно ему, разумѣется, вовсе не желалось, чтобы они стали снова католиками. Такой примѣръ могъ быть весьма соблазнительнъ. Благоразуміе требовало принять какія либо исключительныя мѣры. Дѣло устроилось такъ: шепнули арабу, дядѣ соблазненной племянницы, что есть возможность обвинчать ребятъ въ какой нибудь де-

(*) Въ Сиріи близъ 21 тысячи, въ Палестинѣ 2½, и въ Египтѣ до тысячи. Гарби тысячъ 30.

(**) О городъ продажный! мигомъ бы ты погибъ, найдмсь только купецъ тинной.

реванъ, подкупивъ попа, *такъ чтобы не зналъ епископъ*. Попъ на-шелся, обвинчалъ; Іоанникій узналъ, распекъ попа официальнымъ образомъ, и тѣмъ все кончилось, и въ католики никто не перешелъ. И волки сыты, и овцы цѣлы.

Въ первое воскресенье Іоанникій служилъ обѣдню въ мейданской церкви. Я уже рассказалъ когда-то читателямъ, что эту церковь отстоялъ, во время возмущеній, мусульманинъ Нури, человекъ въ высшей степени почтенный и заслуживающій великаго уваженія. *Мейданъ* — это особый, отдаленный кварталъ Дамаска, гдѣ живетъ нѣсколько православныхъ семей. Въ настоящую минуту, мейданская церковь есть единственная православная церковь Дамаска, и не будь ея, нашимъ единовѣрцамъ негдѣ было бы служить обѣдню. Конечно, Нури стоялъ бы награды скорѣе, чѣмъ какой нибудь Абдель-Кадеръ, подготовленный Наполеономъ, но за Абдель-Кадера ходатайствовало весьма солидное правительство, поднявши по этому поводу шумъ въ цѣлой Европѣ, а у Нури нѣтъ ровно никакого ходатая, не то, что ужъ Наполеона, и потому Нури никогда ничего не получитъ, хоть и ждетъ вѣсть чего, какой-то манны *небесной*, съ удивительнымъ упорствомъ.

Обѣдня шла обыкновеннымъ православнымъ порядкомъ, на арабскомъ языкѣ, только клиросъ пѣлъ иногда по гречески: обычай, введенный греками съ давнихъ поръ, отчего арабы никакъ не могутъ избавиться. Евангеліе читалось съ особой каедрой, устроенной саженьхъ въ двухъ отъ земли, на подобіе того, какъ это бываетъ въ католическихъ церквахъ. «Господи помилуй» пѣли очень часто по русски, вѣроятно для насъ. Нечего говорить, что народъ слушалъ обѣдню въ чалмахъ и фескахъ. Это кажется страннымъ только въ первый разъ, а потомъ привыкаешь. Головы обнажались однако при появленіи даровъ, во время чтенія евангелія и еще въ нѣкоторыя минуты. Женщины, въ чадрахъ, но безъ мондила, помѣщались на хорахъ, за рѣшеткой. Онѣ всегда ведутъ себя въ церкви черезчуръ развязно: все время болтаютъ; садятся на полъ или на чурки, принесенныя съ собою, нянчатъ ребятъ и молятся плохо. Большинство изъ нихъ чрезвычайно молодыя хохотушки. Но такъ какъ онѣ помѣщены всегда высоко и отдѣльно, то ихъ шушуканье и прочее никому не мѣшаетъ и внизу почти неслышно.

Церковь мейданская очень бѣдна, по крайней мѣрѣ, была такою полгода назадъ. Представьте одно, что иконостасъ ея былъ *ситцевый*. Я слышалъ, что послѣ она получила вспомошествованіе изъ Петербурга.

Изъ церкви почетная публика отправилась къ Нури: это ужъ такъ заведено. Въ прежнее время, когда еще существовалъ православный

патріархатъ (разрушенный и сожженный во время возстанія), православные арабы собирались послѣ обѣдни туда; но когда его не стало, домъ Нури сдѣлался мѣстомъ ихъ соединенія послѣ обѣдни, для бесѣды и легкой закуски, и они назвали его «маленькимъ патріархатомъ».

Мы вошли въ этотъ маленькій патріархатъ, какъ будто въ домъ своего единовѣрца. Отецъ Іоанникій явился также, съ своимъ причетомъ, и я только и ждалъ, что Нури подойдетъ къ нему подь благословеніе.

Нури, это — типъ солиднаго мусульманина тамошнихъ странъ; вѣчто, напоминающее русскаго купца прошлаго вѣка, гдѣ чрезвычайное хлѣбосоольство и радушіе соединяется съ вѣкоторой угловатостью и деспотизмомъ. Дѣти Нури — шесть здоровыхъ ребятъ: дюжіе гостинодворцы, немного съ новымъ закаломъ, уже смотрящіе больше въ сторону Франціи и никакъ не умѣющіе понять, отчего это ихъ батка такъ прилѣпился къ Россіи и все чего-то упорно ждетъ оттуда. Между тѣмъ Наполеонъ, какъ Мефистофель, слышитъ носомъ, гдѣ есть колебаніе въ его пользу и гдѣ хотятъ его вызвать, какъ духа: онъ ужь тутъ какъ тутъ и прислалъ ребяткишкамъ Нури отличное ружье, цѣлковыхъ въ 500.

Востокъ — это особенный край по части политики: чуть вліятельный, богатый человекъ, ужь онъ и долженъ имѣть свою окраску; ужь отъ него требуется непременно, чтобы онъ такъ и сказывалъ, во что бы то ни стало: кто онъ такой? французъ, русскій или англичанинъ; Нури покажетъ русскій.

Его восточный домъ, съ зеркалами, мраморомъ, фонтанами, золотыми надписями на дверяхъ и окнахъ; эти древніе приемы въ приготовленіяхъ къ закускѣ, какая-то торжественность и порядокъ во всякомъ движеніи; эта сосредоточенность вниманія на хозяинѣ, восьми-десятилѣтнемъ крѣпышѣ въ родѣ Тараса Бульбы, — все это дышало какимъ-то эпосомъ. Я вспомнилъ Югъ-Богдана.

Са несчова девет соколова,
Соколова, девет Іуговила;

Въ особенности, когда мы сѣли закусывать точно за такую же «софру», круглый восточный столъ, на низенькихъ ножкахъ, и перебросили по колѣнямъ одну общую салфетку, въ родѣ длинной ширинки, сходство стало еще разительнѣе. Такъ и читались сами собою стихи:

Выше всѣхъ, въ челѣ, на первомъ мѣстѣ,
Югъ-Богданъ, домовладыка старый;
Страхиныбанъ ему по праву руку,
А потомъ Юговичи и гости...
Больше всѣхъ Юговичи служили

Куханья были хорошия. Больше всего было кислаго молока въ чашкахъ, похожихъ на наши полоскательныя. Посрединѣ стола стояло огромное блюдо рису, съ бараниной, словомъ, неизбѣжный въ тѣхъ мѣстахъ шмавъ. Ъли руками безъ ножей и вилокъ; только для молока воданы были деревянныя ложки, не совсѣмъ удобнаго фасона. Въ заключеніе, явились какія-то круглыя лепешки съ сахаромъ, который предлагался отдѣльно. Замѣтивъ, что я плохо ѣмъ, Югъ-Богданъ взялъ собственноручно двумя пальцами лепешку, окунулъ ее въ кислое молоко и потомъ въ сахаръ и отправилъ мнѣ въ ротъ. Это была высшая мусульманская любезность. Сохрани Богъ отказаться. Я проглотилъ.

Вдругъ сказали: Духи! Духи! и вслѣдъ за тѣмъ быстро вошелъ въ комнату бедуинъ не большаго роста, въ черной абѣ и желтомъ тичическомъ платкѣ, какіе носятъ почти всѣ бедуины. По звуку его шаговъ можно было замѣтить, что онъ босикомъ. Правая рука бедуина была скрыта, а лѣвую онъ живо протянулъ хозяину, его дѣтямъ, консулу и мнѣ. Такъ мы познакомились.

Это былъ Духи, котораго имя такъ извѣстно въ Сиріи и Палестинѣ, начальникъ огромнаго племени бедуиновъ *Валидъ-Али*, раскинутыхъ отъ Дамаска до Йемена. Всего на все ихъ считается тысяча 40. Все это вооруженные съ ногъ до головы разбойники, готовые слѣдовать всюду за своимъ атаманомъ. Оттого Духи знаютъ всѣ, къ югу востокъ, и всѣ его боится. Его трясуть и Измаиль-Атрашъ, теперешній повелитель друзей; боится и разбойникъ Хар-Фунгъ, со своими мугуадіями, въ Бальбахѣ; потрушиваетъ даже и само правительство, располагающее всего какими нибудь 5—6-ю тысячами солдатъ, разбросанныхъ по разнымъ угламъ Сиріи и Палестины. Духи очень трудно схватить, задержать: головорѣзы найдутъ его на днѣ моря. Когда начинается какая нибудь серьезная свалка, гдѣ бываетъ ангажировано нѣсколько бедуинскихъ шейховъ и участвуетъ Духи,—онъ говоритъ обыкновенно такъ: «Духи можно побить разъ, и два, и даже три и четыре, но потомъ ужъ начнетъ бить Духи и тогда держись!»

Смыслъ въ этихъ словахъ таковъ, что его племя, разбросанное на огромномъ пространствѣ, не можетъ быть собрано сейчасъ въ одну значительную массу, а когда соберется, то ужъ плохо.

Духи получилъ свою власть наследственно и укрѣпилъ ее разными военскими подвигами. Онъ лихой наѣздникъ и всегда бьется во главѣ своей дружины, вслѣдствіе чего племя любитъ его безъ памяти. Въ одной схваткѣ онъ даже потерялъ руку, что ему пуще всякаго горя. Онъ прячетъ ее, какъ знакъ неизгладимаго и неомывасмаго позора: истый бедуинъ, по ихъ понятіямъ, долженъ быть ловокъ и от-

нгодь не допускать въ себѣ никакого увѣчья. Духи не терпятъ вопросовъ по поводу этой спрятанной руки, и никто ихъ ему не предлагаетъ.

Духи, на видъ, лѣтъ 35, а самъ онъ не помнитъ, когда онъ родился. «Ана барешъ? Ма барешъ!» скажетъ онъ при такомъ вопросѣ: «нешто я знаю, почемъ я знаю!» Это впрочемъ типическій отвѣтъ бедуниновъ на многіе вопросы. Тѣлосложеніе Духи желѣзное. Онъ весь изъ металла, и притомъ изъ хорошаго, можетъ быть, изъ древней дамасской стали, какой теперь уже нѣтъ, но отнюдь не изъ костей и мяса. Добрый былъ булатъ, который отнесъ ему руку. Лицо его совершенно кирпичное, смотритъ не глупо. Борода и усы какъ уголь. Глаза вѣчно щурятся, какъ бы вглядывались постоянно въ отдаленные предметы степи. Ротъ часто немного открытъ, и въ немъ видишь недостатокъ нѣсколькихъ зубовъ, чрезвычайная рѣдкость въ бедунинѣ. Весь онъ — ртуть, а не человѣкъ. Все двигается, пересаживается съ мѣста на мѣсто; говоритъ какими-то обрывками, нѣсколько шепеляво и съ придыханіями. А ужъ грязенъ — не приведи Богъ! Надъ лбомъ его, въ платкѣ, который покрываетъ голову, зашитъ амулетъ. Онъ часто трогаетъ его руками, судите, какъ должно быть чисто это мѣсто его платка.

Едва онъ вошелъ и усѣлся на диванъ, какъ мы почувствовали запахъ деревяннаго масла. Вѣроятно, онъ имъ мажется. Посидѣвъ немного, поморгавши и прищурясь нѣсколько разъ, онъ вскочилъ и сѣлъ на другой диванъ, подобравъ подъ себя одну ногу. Видно было сію минуту, что ему тутъ не по себѣ; и нечего и не съ кѣмъ разговаривать. Дѣти хозяина, чтобы занять этого ребенка, стали показывать публикѣ ружье, подаренное Наполеонѣмъ.

— Мнѣ бы это ружье, такъ оно бы такъ! — сказалъ Духи.

— А знаешь ли, сколько оно стоитъ? — сказалъ кто-то.

— Сколько стоитъ?

— Десять тысячъ пиастровъ!

— Да, можетъ, въ ящикѣ; а вотъ надо посмотрѣть, чего оно стоитъ въ полѣ!

Разговорились о военныхъ потѣхахъ. Была минута, когда Духи чрезвычайно одушевился, привсталъ съ дивана и откинулъ назадъ руку, какъ бы чувствовалъ въ ней пику. Во всей сто фигурѣ было что-то летящее, стремительное. Глаза его сверкнули. Я увидѣлъ степнаго, страшнаго Духи. Потомъ онъ сѣлъ, и все въ немъ утихло, какъ будто онъ почелъ, что все было сказано, разъяснено этимъ летучимъ движеніемъ. Онъ проговорилъ, уже сидя на диванѣ, своимъ страннымъ, придыхательнымъ способомъ: «ну и халло!» т. е. и конецъ.

— Трусозъ у насъ нѣтъ, сказалъ Духи, немного погода: — и нельзя имъ быть: и дѣвки замужъ не пойдутъ, и никто терпѣть не станетъ!

— А что, Духи, спросилъ я:—меня разбираетъ охота побывать у тебя въ гостяхъ, въ Джедурѣ: что, можно?

Онъ окинулъ меня взглядомъ, хотѣлъ что-то сказать, но не сказалъ ничего, а только принирился, какъ бы смотря въ свою безконечную, лобозную степь.

— Я не шута говорю это, Духи! повторилъ я.

— Ну!—отвѣчалъ онъ тихо и смотря въ поле; потомъ опять сталъ шуриться. Въ этомъ законическомъ «Ну!» было много разныхъ разностей. Духи выражалъ этимъ почти слѣдующее: «Не зачѣмъ, молъ, тебѣ туда ѣздить, и не изъ того ты матерьяла. У насъ и мошкара, и блохи, и ѣдимъ мы не суразно. А случись что нибудь такое, не приведи Богъ: опарапай тебя кто нибудь саблей, вѣдь ты пролежиши полгода, тогда-какъ нашему брату эти вещи ни почемъ: чихнулъ и все выскочило. Да и скучно тебѣ будетъ между нами, не объ чемъ намъ съ тобой говорить». Все это заключалось въ законическомъ отвѣтѣ Духи, въ его «ну», помалчиваньи и принириваньи.

— А что, если я все-таки прѣйду? сказалъ я снова Духи.

— Что жь, прѣжай. Сраженіе тебѣ покажу, какъ мы бьемся, другимъ станемъ рассказывать.

Этимъ кончались мои бесѣды съ Духи. Онъ сталъ собираться домой, правильнѣе сказать, въ какую-то кофейню, гдѣ проводилъ цѣлые дни. Тамъ же стояли его лошади, подъ наблюдениемъ одного бедуина. Крімъ того, трое молодцовъ, въ родѣ его тѣлохранителей, находилось при немъ. Они закусывали въ сосѣдней комнатѣ. Одинъ былъ изъ породы ээіоповъ: высокій, чернолицый. Остальные два чистые бедуина, небольшіе ростомъ, но крѣпкіе и проворные, какъ тигры. Всѣ они были въ бѣлыхъ рубашкахъ и полосатыхъ абахъ; на головахъ—желтые кефѣе: словомъ, общая, типическая одежда феллаховъ, бедуиновъ и другихъ арабовъ низшаго класса. Вооруженіе ихъ состояло изъ пикъ и пистолетовъ. Закусывали они совершенно победуински: мли въ рукѣ жирный рисъ и отправляли въ ротъ, между тѣмъ какъ масло текло по пальцамъ. Чтобы присутствовать при бедуинскомъ завтракѣ, надо имѣть нѣсколько привычныя нервы. Духи правъ, что отвѣчаетъ молчаніемъ на желаніе франка ѣхать къ нему въ гости. Я впрочемъ и не думалъ ѣхать серьезно, а только *заяхать*, отпраляясь въ Хауранъ, куда мнѣ давнымъ давно хотѣлось, и я уже велъ по этому поводу переговоры съ Измаиль-Атрашемъ, о результатѣ которыхъ сообщу читателямъ нѣсколько ниже. Я очень

хорошо зналъ, что застать Духи у себя было почти невозможно. Да и что такое у себя для бедуина? Сегодня его шатеръ здѣсь, завтра тамъ, послѣ завтра, Богъ знаетъ, гдѣ. Говорятъ, что Духи большею частію кочуютъ около Джедуръ, но собственно онъ ведетъ такую жизнь, что проводникомъ къ нему можетъ быть — развѣ только онъ самъ, и никто больше. Онъ вѣчно въ развѣздахъ; ему не сидится на одномъ мѣстѣ никакъ. Его видятъ и въ Бейрутѣ, и въ Дамаскѣ, и въ Леджѣ, и въ Мухтарѣ почти въ одно и то же время.

Настоящее появленіе его въ Дамаскѣ имѣло цѣлю — ходатайствовать у сераскира за девять своихъ молодыхъ, взятыхъ гдѣ-то въ горахъ Ресуль-агою (уже знакомымъ читателю), вслѣдствіе подозрѣнія въ разбоѣ. Духи увѣрялъ, что ни одинъ изъ его подданныхъ разбойникомъ и не былъ, и что эти девять захвачены совершенно несправедливо, а потому ихъ слѣдуетъ отпустить. Паша однако же отказалъ Духи, и тотъ увѣхалъ опять къ себѣ, т. е. Богъ знаетъ, куда, замѣтивъ пріятелямъ, что, вотъ, посмотрите, какихъ хвонотъ онъ надѣлаеть этимъ туркамъ! Но прежде всего онъ хотѣлъ добраться до Ресуль-аги: какъ тотъ смѣлъ захватить его «Валидъ-Али», т. е. *Алиевыхъ ребятъ*, извѣстное уже вамъ прозвище его племени. Только добраться до Ресуль-аги дѣло не очень легкое. Ресуль-ага, въ своемъ родѣ, тоже не промахъ. Вотъ какую шутку смутилъ онъ недавно со своимъ пріятелемъ Бахейтаномъ, тѣмъ разбойникомъ, который беспокоилъ горы въ продолженіи полугода и безпрестанно грабилъ огромные караваны. (Мы только что проѣхали горы, подъ вліяніемъ разсказовъ о шалостяхъ Бахейтана).

Такъ какъ въ этомъ краѣ, въ сущности, всѣ разбойники, и тѣ, кто ловить, и тѣ, кого ловятъ, то правительство весьма основательно заподозрило Ресуль-агу въ сношеніяхъ съ Бахейтаномъ. Если бы Ресуль-ага дѣйствовалъ искренно съ самаго начала, какъ онъ повелъ себя только подъ конецъ, уже черезъ полгода, то Бахейтанъ не могъ бы распоряжаться въ горахъ такъ свободно, какъ мы это видѣли. Сераскиръ Дамаска смотрѣлъ, смотрѣлъ на это кумовство и велѣлъ однажды схватить Ресуль-агу и посадить въ крѣпость. Мѣра очень обыкновенная въ здѣшнемъ разбойничьемъ краѣ. Черезъ недѣлю Ресуль-ага попросилъ позволенія переговорить съ нами. У нихъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

— За что вы меня посадили, Саадеткомъ (*)?

— А за то, что ты являешься съ Бахейтаномъ, стало быть, такой же разбойникъ.

(*) «Ваше благополучіе» — говоря: въ пашамъ, консуламъ, эмирамъ.

— Никогда и съ нимъ не лишался, только нельзя его взять, вотъ что.

— Возмешь, захочешь. Отведите его назадъ въ крѣпость!

— Развѣ вотъ что, заговорилъ Ресуль-ага: — дайте мнѣ еще сотню народу: пойду въ Леджу, попытаю, что ужъ тамъ ни будетъ!

— Возьми сотню, только смотри, разбойникъ: если что не такъ, *меду тебѣ* на днѣ моря!

— Всегда въ вашихъ рукахъ, Саадеткомъ!

И вотъ, въ тотъ же вечеръ, пестрая толпа всадниковъ, человекъ съ 200, онутанныхъ до невѣроятности, въ полосатыхъ абахъ, чалмахъ, фескахъ съ длинными пиками и всякимъ дреколіемъ, неслась картинно къ деревнѣ Сасѣ, по горячимъ слѣдамъ Бахейтана, который, ограбивъ тамъ огромный караванъ, утекалъ восвояси, въ Леджу, глухую и невѣстную мѣстность Хаурана. Но слѣды Бахейтана скоро пропали. Дичь, скалы и враждебныя цѣлому міру племена курдовъ и бедуиновъ! Ресуль-ага, со своими двумя сотнями, могъ пропать въ одинъ мигъ, и пропать такъ, что потомъ не разыскали бы ни одной его косточки. Его спасала нѣсколько ночь. Надо было дѣйствовать быстро и энергично. Вдругъ попадается ему курдъ изъ шайки Бахейтана.

— Ты Бахейтанскій? сказалъ ему Ресуль-ага.

— Бахейтанскій; что жъ изъ этого?

— А гдѣ Бахейтанъ?

— Почему я знаю!—

— Дери съ него шкуру!— Молодцы Ресуль-аги наскочили на курда и дѣйствительно содрали бы съ него шкуру, еслибъ онъ не успѣшилъ взмолиться къ Ресуль-агѣ, обѣщая рассказать ему всю подноготную. Такимъ образомъ узнали, что Бахейтанъ раненъ въ голову, при встрѣчѣ съ Фейсаломъ, другимъ наѣздникомъ, и лежитъ у входа въ Леджу, въ палаткѣ, при чемъ была описана подробно и самая палатка.

— Дѣло! маршъ съ нами! сказалъ Ресуль-ага плѣнному курду—и отрядъ полетѣлъ въ Леджу во весь опоръ и, вмѣсто того, чтобы проехать обычныхъ 15 часовъ, былъ тамъ черезъ 6 часовъ. Бедуины Бахейтана расположились огромнымъ лагеремъ. Все спало, подъ покровомъ тихой восточной ночи, не принявъ, разумѣется, никакихъ предосторожностей, вслѣдствіе чрезвычайной безпечности, свойственной тамошнему человѣку. Ресуль-ага спѣшилъ съ отборными молодцами и подошелъ къ палаткѣ Бахейтана, не окликнутый рѣшительно никѣмъ. Бахейтанъ не спалъ, страдая отъ раны, и сейчасъ услышалъ шумъ и бряцанье оружія у своего шатра. Онъ вско-

чилъ, но было уже поздно: Ресуль-ага стоялъ передъ нимъ, заслоняя выходъ.

— Ты Абу-Абдалла? (*отецъ Абдаллы*)—спросилъ Ресуль-ага. Это означало Бахейтана: у арабовъ существуетъ обычай называть великаго человѣка «отцомъ такого-то» съ той минуты, когда у него явится на свѣтъ сынъ—первенецъ. Ресуль-ага не могъ въ потьмахъ разобрать черты пріятеля, и потому спрашивалъ.

— Я Абу-Абдалла! отвѣчалъ Бахейтанъ.

— А я Абу-Иосефъ! (*отецъ Иосифа*) — и тутъ же сваливъ Бахейтана, отрѣзалъ ему ятаганомъ голову. Въ то же самое мгновеніе свалилась съ плечъ голова Бахейтанова зятя, Абу-Ахмета, окруженнаго въ сосѣдней палаткѣ молодцами Ресуль-аги. Нѣсколько бедуиновъ вскочило на ноги... могъ подняться цѣлый лагерь... дѣлать было нечего. Проложивъ себѣ дорогу ятаганами къ лошадамъ, стоявшимъ за шатрами, Ресуль-ага и его наѣзники вскочили въ сѣдла и пустились по направленію къ Дамаску, какъ вихорь. Конечно, никто и никогда не летѣлъ такъ, какъ летѣли они. И вотъ, къ утру, шумная толпа окровавленныхъ всадниковъ, съ гиканьемъ и пѣснями, въѣзжала въ Дамаскъ, попарно, держа на двухъ пинахъ добытыя головы разбойниковъ. Ихъ воткнули на сераль пашин; народъ собирался, толковалъ... а Ресуль-агу украшали въ это время орденомъ Меджидіе 4-й степени, опоясывали почетной саблей и всыпали ему въ карманъ 20 тысячъ піастровъ (1000 цѣлковыхъ). И все это дѣлалъ ему тотъ же паша, который наканунѣ хотѣлъ сгноить этого самаго Ресуль-агу въ сырыхъ казематахъ крѣпости и называлъ не иначе, какъ разбойникомъ.

Поучительно для этого буйнаго и безнокойнаго края торчала на пикѣ голова Бахейтана, какимъ-то чернымъ комкомъ. «Снилась ли тебѣ, удалая башка, твоя печальная судьбина? (думалъ я, глядя на нее) когда ты дремала, не дальше какъ вчера, тамъ, далеко, въ Лоджѣ, среди испристушныхъ ушелій и мрака,—ты, кто срѣзалъ такъ свободно столько головъ?»

Подобная участь грозитъ здѣсь всякому, и мусульманинъ, вслѣдствіе своихъ религіозныхъ убѣжденій, мало объ этомъ думаетъ, повторяя свое: *ля илляхъ иль Аллахъ*—нѣтъ Божества кромѣ Бога единого, а Магометъ пророкъ его!

И вотъ, горы немного успокоились. Бедуины пріутихли, ожидая себѣ новаго Бахейтана. Онъ, конечно, не заставитъ себя долго ждать... Я хотѣлъ воспользоваться этой временной тишиной збубеинаго края и съѣздить въ Хауранъ, и повелъ дѣйствительно переговоры съ Измаиломъ Атрашемъ. Знаете ли вы, читатель, кто такой Измаилъ Атрашъ?

Измаилъ Атрашъ былъ, до послѣдняго возстанія, однимъ изъ вліятельныхъ друзскихъ шейховъ въ Хауранѣ. Когда занялись пламенемъ горы, гдѣ работалъ свой Измаилъ-Атрашъ—извѣстный начальникъ друзовъ, Саидъ-Джембасъ, погибшій, годъ тому назадъ, такъ печально, — Измаилъ-Атрашъ, набравъ шайку всякихъ головорѣзовъ изъ бедуиновъ, курдовъ, друзовъ и мусульманъ арабскаго племени, двинулся на Рашею, перерѣзалъ тамъ всѣхъ христіанъ, и потомъ пошелъ къ деревнѣ Захлѣ. Участь ея очень извѣстна. Измѣна и обманъ предали храбрыхъ захайотовъ на жертву негодьямъ и фанатикамъ, причемъ турецкія войска, присланныя изъ Дамаска, оказались на сторонѣ грабителей. Всѣ думали, что Измаилъ-Атрашъ двинется послѣ этого къ Дамаску, но онъ поостерегся и ушелъ снова въ свой неприступный Хауранъ, прославленный многими побѣдами надъ войсками правительства. Прежде всего, обыкновенно, рассказываютъ поражение отряда Кубрусли-паши, который былъ не такъ давно великимъ визиремъ.

Съ этой минуты, съ разгрома Рашей, Захли и Маржа, Измаилъ-Атрашъ получилъ еще болѣе значенія въ Хауранѣ, даже сталъ очень скоро первымъ лицомъ, въ родѣ независимаго правителя или князя. Ему повинуются безпрекословно все, что носитъ имя друга — въ Хауранѣ, Леджѣ и другихъ, соединенныхъ земляхъ. Даже Ливанъ и Антиливанъ соображается съ его повелѣніями. Измаилъ-Атрашъ съ нѣкоторыхъ поръ ведетъ себя подобно Хемудъ-Беширу. Чуть что не пошлеть между христіанами, или своими (въ Хауранѣ есть и христіане, тысячъ 7), — Измаилъ-Атрашъ хватается за саблю и говоритъ: «вотъ тебѣ патриархъ, и вотъ тебѣ султанъ!» Если какъ почемунибудь не вѣнчаютъ, женихъ и невѣста идутъ къ Измаилъ-Атрашу съ бакшишемъ — и все улаживается мгновенно. Заупрямился кадіи — ступайте и поклонитесь Измаилъ-Атрашу, и кадіи разсудить ваше дѣло, какъ вамъ угодно, противъ всякихъ гамайюнскихъ (") законовъ.

Теперь легко понять, что посѣщеніе Хаурана не возможно безъ согласія Измаила-Атраша. Надо замѣтить, что онъ и племянникъ его, Абу-Абди, такъ же вліятельный друзскій шейхъ, чрезвычайно уважаетъ нашего консула, которому нельзя не имѣть съ ними сношеній, вслѣдствіе того, что въ Хауранѣ (какъ мы уже сказали) находится нѣсколько тысячъ христіанъ, изъ коихъ тысячъ до трехъ православныхъ. Я просилъ консула принять участіе въ моей хауранской поѣздкѣ, и онъ написалъ къ Измаилъ-Атрашу письмо. Мы жда-

(*) Высочайшихъ, султанскихъ. Отсюда же «хатчи-гамайюнъ» высочайшая грамота. Собственно, гамайюнъ значитъ орлиный отъ «гама» орелъ.

ли отвѣта недѣли двѣ... вдругъ распространились слухи о безпокойствахъ въ Хауранѣ, угрожающихъ перейти въ междоусобную войну.

Случилось такое происшествіе. Братъ Измаила-Атраша, бывши въ какой-то деревнѣ, подлѣ Меджемира, въ гостяхъ у мусульманъ, повздорилъ съ ними довольно серьезно. Началась драка. Люди его бросились тотчасъ къ Измаилъ-Атрашу, который находился отсюда всего въ полчаса, въ деревнѣ Ара. Онъ прискакалъ ту же минуту и нашелъ брата уже лежащимъ на землѣ, съ прострѣленной грудью. Говорятъ даже, что въ это самое мгновеніе пуля скользнула по черепу самого Измаила. Онъ покаялся отомстить смерть брата и тогда же угналъ у мусульманъ той же деревни, гдѣ шировавъ его братъ, 2000 барановъ. Мусульмане, предвидя еще большую напасть, заперлись въ Босрѣ, селеніи, похожемъ на крѣпость. Измаилъ-Атрашъ подымае все, что могъ, изъ преданныхъ ему курдовъ, друзовъ и бедуинъ. Шейхъ Фейсаль, начальникъ огромнаго племени *Роуль*, которое расположено близъ Багдада, оказался на сторонѣ Атраша. Но Духи объявилъ себя защитникомъ мусульманъ. Правительство, желая существенно помѣшать такому междоусобию, отправило въ Хауранъ два батальона Низама, съ пушками — не драться ни съ кѣмъ, а склонять обѣ стороны къ примиренію.

Въ такомъ положеніи были дѣла Хаурана и Леджи, когда наше письмо пришло къ Измаилу-Атрашу. Ему, конечно, было не до отвѣта, тѣмъ болѣе, что отвѣты такими лицами пишутся очень осторожно съ разными пышными фразами и церемоніями, чтобы какъ нибудь не обвинили «въ незнаніи политики.» Это ужасная вещь — «незнаніе политики» на востокѣ, то есть надлежащей учтивости и умѣнья соблюсти приличный тонъ въ поступкахъ. Измаилъ-Атрашъ передалъ письмо племяннику, Абу-Абди. Тотъ прочиталъ и, не находя, по своимъ хауранскимъ соображеніямъ, никакого затрудненія развѣзжать по ихъ странѣ, въ такое время, приготовилъ мнѣ исмаила 30 человекъ провожатыхъ и прислалъ письмо къ консулу, которое я считаю нелишнимъ перевести для васъ слово въ слово. Вы увидите образецъ тамошнихъ учтивыхъ писемъ съ «знаніемъ политики». Вотъ это письмо:

«Высокопочтительный, обладающій похвалы достойными качествами, добродѣтельнѣйшій мой господинъ, высокостепенный бей и славнѣйшій мужъ, — да продлитъ Богъ вашу жизнь (*).

«Послѣ цалованія вашихъ щедрыхъ ладоней и послѣ мольбы ко Господу о продолженіи на многіе и многіе годы вашего существова-

(*) Все это по арабски въ двухъ строкахъ.

нія и вознесенія васъ на высокія степени, имѣю честь доложить вамъ, что мы были удостоены милости получить ваше достопочтенное письмо отъ 2-го зыльхидже (*), которое увѣдомляетъ о здоровьѣ вашего существа и вмѣстѣ съ тѣмъ радуется прибытіемъ вашимъ во здравіи въ благоустроенный вашъ домъ. Мы поздравляемъ ваше благополучіе съ счастливымъ возвращеніемъ съ поклоненія Гробу Господню и съ водвореніемъ, въ полной радости, въ вашемъ благоустроенномъ домѣ. Всгдъ затѣмъ, о господинъ нашъ, вы приказали въ вашемъ высочайшемъ письмѣ прислать всадниковъ для русскаго путешественника и, по вашему приказанію, мы не замедлили исполнить ваше требованіе и спарядили двухъ племянниковъ нашихъ, Селяме и Касима, и съ ними всѣхъ нашихъ всадниковъ, но въ тотъ самый часъ, когда они намѣревались ѣхать, мы получили отъ вашего благополучія извѣстіе, чрезъ сына нашего Мухаммедъ-Абдуль-Мелика (**), чтобы остановить отправленіе ихъ до слѣдующаго письма, покаместъ не придутъ войска въ Босру. Когда же мы спарядили всадниковъ, готовыхъ ѣхать, войска прибыли, но мы все-таки удержали нашихъ людей, въ ожиданіи вашего вторичнаго приказанія. Далѣе, о господинъ мой, отправляется для цалованія рукъ вашихъ сынъ нашъ, Бикра-Сьюфи, желающій записаться въ число вашихъ слугъ и быть подъ вашимъ приказаніемъ: почему мы просимъ васъ бросить на него вашъ оживляющій взглядъ, умоляя осчастливить насъ требованіемъ всякаго рода нашей службы, если будете имѣть въ оной надобность. Такъ какъ при насъ находятся въ настоящее время на лицо братъ нашъ Касимъ и племянникъ Селяме, а также и писавщій письмо братъ нашъ Али: то всѣ они осѣдомляются о вашемъ здоровьѣ и цалуютъ ладони рукъ вашихъ. Да продлитъ, о господинъ мой, Всевышній Богъ ваше священное существованіе на долго. 4 зыльхидже, 1278 года (***) . Молящійся за васъ Сулейманъ Абу-Абди Атрашъ».

Я отправился къ Нури посоветоваться, можно ли ѣхать въ такое время въ Хауранъ: онъ отсоветовалъ, и я остался.

Н. ВЕРГЪ.

(*) Одно изъ чиселъ іюня мѣсяца.

(**) Эгогъ Мухаммедъ-Абдуль-Меликъ вовсе не былъ сыномъ Абу-Абди, но такъ принято выражаться о близкихъ молодыхъ людяхъ.

(***) Прошлаго 1669 года.

* * *
(ИЗЪ БАРЕБЪ).

О, горькая бѣдность!
Ты, ваявшая съ искони вѣка
Въ свое обладанье
Изъ божинхъ рукъ человѣка, —

Губительный привракъ,
Играющій жертвой безсиьной,
Отъ дней колыбельныхъ
До сумрачной двери могильной, —

Ты, пьющая жадно
Кровавыя слезы людскія,
Отъ вѣка глухая
На стоны и вопли живые...

О, мать всѣхъ бѣдствій!
Я звалъ тебя часто къ отвѣту
И всѣ твои язвы,
Какъ въ зеркалѣ, выставилъ свѣту.

Затѣмъ, чтобы каждый,
Въ груди чьей не камень положенъ.
Увидя твой образъ,
Былъ тайною думой встревоженъ.

Чтобъ могъ онъ глубоко
 Проникнуться теплымъ участіемъ
 Къ безчисленнымъ жертвамъ,
 Гонимымъ нуждой и несчастьемъ,

И, гнѣвъ поборовши,
 Уста ограда отъ проклятій,
 Считалъ бы за долгъ свой
 Прощать осуждаемыхъ братій.

О, горькая бѣдность!
 Дай Богъ моимъ пѣснямъ успѣха,
 Пускай онъ всюду
 Пробуждать отвѣтное эхо...

Пускай отзовется
 На кличъ мой толпа благородныхъ
 Поборниковъ дѣла —
 За черное племя голодныхъ!

Пора вдохновеннымъ
 Слить дружно свой голосъ скорбящій
 И стать противъ язвы,
 Людей миллионы губящей...

Пора лютой голодъ
 Изгнать навсегда изъ-подъ неба —
 И, съ братской любовью,
 Дать каждому рту кусокъ хлѣба...

Пора безпріютнымъ,
 Чтобъ въ мірѣ ихъ что нибудь грѣло,
 Дать на зиму шерсти
 Прикрыть свое зябкое тѣло.

Гнетущая бѣдность!
 Изъ рукъ твоихъ, жадныхъ отъ вѣка,
 Пора бы всецѣло
 Извлечь бѣдняка-человѣка...

Но тщетно! въ юдоли
Стенаній и горькаго плача,
Едва ль разрѣшима
Великая эта задача.

Какъ умъ нашъ ни бейся,
Въ тенетахъ труда и науки,
Чтобъ какъ нибудь братьямъ
Смягчить ихъ тяжелыя муки, —

Увы! бѣднымъ жертвамъ,
Идущимъ житейской дорогой,
На стражѣ въ грядущемъ
Страданій такъ много, такъ много,

Что робкое сердце людское,
Далеко предѣла земнаго,
Искать будетъ вѣчно
И міра, и быта иного...

С. ДУРОВЪ.

НѢСКОЛЬКО ПОДРОБНОЕ, НО ВЕСЬМА ПРАВДИВОЕ

ЖИЗНЮПИСАНІЕ ОДНОГО ГОРОДСКАГО ГОЛОВЫ.

Будущій городской голова, его высокостепенство (такъ его называли и титуловали почти всѣ купцы и мѣщане города *Веселая*) господинъ Степанъ Степанычъ Подметкинъ, родился не такъ, какъ рождаются другіе обыкновенные люди. Природѣ хотѣлось произвести его на свѣтъ человѣкомъ *необыкновеннымъ*, такъ и родился онъ необыкновеннымъ образомъ. Онъ родился въ тысяча семь сотъ восемьдесятъ девятомъ году, октября четвертаго дня, то есть, по просту сказать, увидѣлъ міръ и людей прежде настоящаго времени, потому что мать его, отъ побой своего сожителя, не доносила его цѣлыхъ два мѣсяца. Слѣдовательно, Степанъ Степанычъ Подметкинъ былъ только семи мѣсяцевъ, когда, въ одинъ *прекрасный* вечеръ, какая-то кривая, довольно почтенной наружности дѣвица, представляющая пова, погрузила маленькаго и «хиленькаго» Степашу въ кадучку наполненную водой. Надо замѣтить, что родители Степана Степаныча были какой-то «Дуниной» вѣры, о которой въ настоящее время нѣтъ ни слуху, ни духу. Онъ, Степаша, былъ первый и послѣдній сынъ у матери: пьяный его отецъ, вскорѣ послѣ родовъ, еще разъ поколотилъ свою жену, но поколотилъ такъ неосторожно, что она чахла, чахла и наконецъ отдала душу Богу. Маленькій Степаша былъ взятъ изъ челоуѣколюбія сестрой его отца. Хорошая сестрица слыла (между *сосѣдъ*) благочестивой дѣвственницей, исправляла усердно всякіе обязанности по своей моленной — была и чтецомъ, и уставщикомъ, и

толкователемъ трудныхъ мѣстъ въ псалтири, и попомъ и т. п. По этимъ причинамъ, волѣдствіе усердныхъ подачекъ усердныхъ модельщиковъ, тетушка Степаша скопила себѣ небольшой достаточекъ и жила очень безбѣдно и независимо. Вотъ и взяли сироту Подметкина на воспитаніе. Съ этого дня Степанъ не видалъ болѣе своего родителя, потому что, черезъ годъ, неизвѣстно за что, онъ былъ сосланъ на поселеніе въ отдаленную губернію.

Набожная тетка отъ полноты сердца приложила стараніе о воспитаніи своего племянника. Вотъ, бывало, они занимаются уроками и бесѣдуютъ такъ:

- Степаша!
- Что ты, тетьнышка?
- Выучилъ заучку?
- Выучилъ, да плохо.
- Возьми азбуку, ночитай, а я послушаю.

Рваная славянская азбука, съ искаженнымъ и изуродованнымъ текстомъ, появляется на столѣ. Степанъ, начиная тыкать узорчатой указкой въ каждое слово, на распѣвъ гнусить:

— Оксія, исо, варія, камора, краткая, звательцо, титло, кавыка, ерокъ (съ горохомъ-пирогъ), спѣшить добавить Степаша про себя, въ утѣшеніе, что онъ заучку знаетъ твердо.

— Э, Степаша, замѣчаетъ тетка: — кажись, ты читаешь-то не такъ?

— Такъ, тетьнышка, ой Господи такъ, отвѣчаетъ двѣнадцатилѣтній ученикъ.

— Ну-ка, прочти «азъ-ангель-ангельскій».

— *Азъ-андиль-андильски, апостоль-постольскій, буки...*

— Стой, злодѣй ты безпутный! кричитъ разсерженная тетка: — не такъ...

— Такъ, тетьнышка...

— Врешь, олухъ!..

— Е-е-ей...

— Т-съ, нишкни, остолопъ! Вотъ я тебѣ сейчасъ задамъ выпорку.

Степаша начиналъ рюмить. Тетка была неумолима. Она отпраждалась въ сѣни, приносила оттуда вѣнникъ и, выдернувъ десятка полтора прутьевъ, приказывала племяннику ложиться на скамейку. Племянникъ покорно повиновался волѣ своей учительницы; онъ привязывалъ къ такимъ вещамъ. Тетка привязывала ноги Степаша къ скамьѣ, потомъ спину подъ самыя мышцы, потомъ уладивъ все это такъ, какъ ей хотѣлось, она отсчитывала племяннику ударъ за ударомъ, съ нѣкоторыми разстановками и съ разнаго рода назидательными поуче-

ними. Степаша горланилъ во всю силу своихъ легкихъ. Испестривъ довольно порядочно наказуемое мѣсто, даже нѣсколько до крови, учительница отвязывала битаго ученика и спрашивала:

— Ну, что, хорошо я тебя? Будешь лѣниться?

Степаша молчалъ и приводилъ въ порядокъ свой костюмъ.

— Ухъ, измучилъ же ты меня, извергъ рода христіанскаго!

Отдохнувъ нѣсколько отъ трудной работы, тетушка опять обращалась къ Степашѣ, но уже съ другими словами, и говорила другимъ голосомъ:

— Не хошь ли, Степашенька, вареньица?

— Хочу, тетинька, отвѣчалъ племянникъ самымъ пискливымъ и плаксивымъ голосомъ.

— Больно я тебя?

— Больно, състь нельзя...

Тетка начинала ласкать Степашу.

— Ну, ничего голубчикъ, до свадьбы заживетъ. Самъ виноватъ — не слушаешься, изъ повиновенія выходишь... Не хочешь ли кисленькаго молочка?

— Хочу, тетинька.

— Ну, а смѣтанки!

— И смѣтанки хочу.

— А яблочковъ моченыхъ?

— Хочется, тетинька.

— Голубчикъ ты мой! заключала тронутая невинностью племянника тетка, и заключала Степашу въ свои родственныя объятія.

Потомъ начинала пичкать Степашу, и водворялась между ними прежняя дружба — дня на два, на три, много на недѣлю. Потомъ опять все принимало, то очень будничныи видъ, то слишкомъ праздничныи.

Надо сказать читателю, что Степаша былъ весьма тупъ на ученье: онъ былъ большой мастеръ на одно — лазить по крышамъ, разорять птичьи гнѣзда, разбивать носы своимъ товарищамъ, отрѣзывать кисти у саней извозчиковъ, воровать у торговковъ съ лотковъ яблочки, дули, орѣхи и пряники — все, что попадетъ подъ руку, и, въ заключеніи, былъ большой мастеръ и умѣлъ самымъ тонкимъ и искуснымъ образомъ опустошать погребъ своей тетушки, гдѣ хранился большой запасъ разныхъ лакомыхъ *подачекъ*.

Жизнь тетки и племянника текла мирно, тихо и ровно.

Да и не могло быть иначе. Тетушка отправляла по своей моленной возложенныи на нее должности аккуратно и ревностно. Въ числѣ прихожанъ были весьма зажиточныи люди. Эти помогали ей деньгами и съѣстнымъ, бѣдныи тоже не оставляли отъ своей *обязанности*:

кто приносилъ ей калачей, говядины, яицъ, масла; кто муки, пшени, меду и проч. Но главный доходъ тетушки составляла такъ называемая «тайная милостина».

Такимъ образомъ жизнь этихъ двухъ существъ была обезпечена. Они не думали о днѣ грядущемъ, они не трепетали, ихъ не была дихорадка при мысли, что завтра они будутъ на тощахъ, не ѣвши въ обѣдъ, не ѣвши въ ужинъ. Нѣтъ, они жили не такъ, а по *своему*.

Вотъ на дворѣ стоитъ зима; морозъ свыше 25°: нельзя показать носу; мятель.

Холодно, страшно холодно, а тетушкѣ ничего, у тетушки келья отлично проконопачена — морозъ не войдетъ. Вьюга на дворѣ, порывистый вѣтеръ съ ногъ срѣзываетъ, ничего: у тетушки окна прекрасно и крѣпко устроены, вьюшки у трубы отлично прилажены, съ приправою новенькихъ кополокъ — вѣтеръ не ворвется, а тепло не уйдетъ: а если и ворвется, у тетушки есть «подтопокъ» — родъ маленькой голландской печки: тетушка положитъ дровъ полѣнцевъ съ десятокъ — и тепло возвращено, даже съ избыткомъ. Въ другомъ мѣстѣ отъ голоду и тоски проклинаятъ день своего рожденія, а у тетушки статья другая: тетушка отправляется въ подполье, устроенное тутъ же, внутри кельи, вытаскиваетъ разнаго соленья и варенья, и разныхъ грузочковъ, и вишни залитой, разложить все это доброе чисто и красиво на маленькія тарелочки и все это скупаешь съ Степашей. Морозъ и вьюга ждятся больше и больше. Да какая надобность? Тетушка отправляется на печку — тамъ посланъ мягкій войлокъ изъ шпенской шерсти: тетушкѣ тепло, сытно и покойно. Степаша садится въ головахъ у тетушки съ азбукой, которую, по мнѣнію тетушки, онъ долженъ читать про себя, а на самомъ дѣлѣ, прилежный ученикъ только на азбуку смотреть; мысли же его гуляютъ далеко, далеко, по лоткамъ торгововъ и безданнымъ безпошлинно лакомятся пряниками и орѣхами.

И вотъ, по временамъ, между тетушкой и племянникомъ начинается разговоръ. Первый начинаетъ племянникъ:

— А что, тетенька, раздражается вдругъ и неожиданно Степаша, продолжая тыкать указкой въ несчастную азбуку: — скоро будетъ свѣта представленіе?

Ученикъ попадалъ на любимую тему тетки, тетка его только и знала, что, *въ свободное* отъ *днѣ* время, проповѣдывала о свѣта представленіи. Лежа на печкѣ, она оборачивала къ племяннику голову и рѣшительнымъ тономъ отвѣчала:

— Скоро, голубчикъ мой, скоро...

— А какъ скоро? — перерывалъ любопытный ученикъ.

— Скоро.

— А! мычалъ протяжно Степаша. — Значить, скоро?

— Да, мой голубчикъ, скоро... Эхъ, Степашенька, не знайся ты Христа ради съ щепотниками? Погубишь ты, голубчикъ, самъ себя; попадешь ты скорехонько къ сатанѣ на колѣни.

Мальчикъ торопливо свертывалъ азбуку и съ напуганнымъ воображеніемъ жалея къ теткѣ ближе и ближе. Степаша видѣлъ на толкучемъ рынкѣ картинку, какъ люди, подвѣшенные надъ огнемъ за ребра, за языкъ, за ноги, висѣли и болтались въ различныхъ направленіяхъ: онъ вспомнилъ эту картинку и — струсилъ. Пугливое его воображеніе разыгрывалось все больше и больше. Степаша, завалась за спину тетки, съ закрытыми глазами и робкимъ голосомъ спрашивалъ:

— Коли же скоро-то?

— Да ужь скоро будетъ, отзывалась съ убѣжденіемъ раскольниковца.

— А куда же я дѣнусь-то? спрашивалъ мальчикъ.

— Будешь себя хорошо вести, такъ попадешь въ хорошее мѣсто.

— А куда дѣнется Митьянъ Катаевъ?

— Твой пріятель-то! ахъ, Степашенька, этому мошеннику не одобровать. Да, голубчикъ, видишь ли какой онъ сквальжничекъ: ему только шестнадцать лѣтъ, а ужь отецъ поручилъ ему торговляшку — продавать овчины. Материно молоко на губахъ не обсохло, а торговецъ...

— И мнѣ бы торговать тетинька? прерывалъ вопросительно Степаша.

— Куда тебѣ, голубчикъ, замѣчала съ состраданіемъ тетка: — ты еще ребенокъ. А торговое дѣло такое: — надо ѣздить по городамъ да по селамъ, продавать и покупать. Нѣтъ, голубчикъ, тебѣ надо погодить годиковъ шесть. Вотъ Митьянъ Катаевъ совсѣмъ не то, въ одно ухо выѣзеть, а въ другое выѣзеть; взрослому за поясъ заткнеть! Охъ, не одобровать ему: Митьку на томъ свѣтѣ повѣсятъ за ноги, а башкой воткнуть въ горячую смолу! Ты рассуди, Степашенька, омигъ: ну, пригожее ли это дѣло — продавать тулупникамъ *мерлину*.

— Какую это тетинька?

— А вотъ такую, голубчикъ, что стоитъ плюнуть Митьянъ Катаеву въ рыло — вотъ какъ! Околѣеть овца, а они съ ней шакуру долой, да и въ продажу тулупникамъ. А иные тулупники-то, какую рому смыслятъ, прости Господи! покупаютъ знай, да покупаютъ. Митьянъ ничево: онъ руками къ ней не притрогивается — ему татары обрабатываютъ; ну, а тѣмъ-то, тулупникамъ-то, и плоховато приходится, шолуди такіе на нихъ появляются — жиде страсть сказать! лшшан, чирьи разные, губы гниютъ; а у нашего у родича даже носъ отвалился прочь — вотъ гѣдь какія дѣла-то!

Степаша начиналъ дремать. Тетушка, подстрекаемая безобразностью своего родственника, начинала ворчать :

— По дѣломъ дураку и мука! Не покупай *мерлику* у Митьки Катаева, не носи тулуна изъ паршивыхъ овчинъ. По дѣломъ! Да приди только до мнѣ, уродъ, въ три шен провожу, и чтобъ духъ не шлѣ! острамить только мою келью сиротскую...

Степаша заснулъ было; но отъ послѣдняго энергическаго возгласа разговаривающей тетушки проснулся.

— Что ты, тетеньшка?

— Слышишь? Не знайся съ Митькой Катаевымъ: онъ у тебя носъ исхитить, слышишь?

Степаша пощупалъ себя за носъ и, удостовѣрившись, что носъ цѣлъ, опять началъ дремать. Однако тетушка разохотилась говорить :

— Чувствуешь, Степашенька?

— Чувствую, тетеньшка.

— То-то-же, голубчикъ, послушася меня, не знайся съ Митькой, проку не будетъ. Негодный онъ человекъ: придерживается молокопщины, знай только лопаеъ молоко по средамъ и пятницамъ, ни одново образа въ домъ нѣтъ, ни одного таки и нѣтъ — нехристь! Наплевать на него, Степашенька, пострѣломъ его положь, свернаго человека. Плюнь, Степашенька.

Степаша послушался.

— Вотъ такъ, умникъ ты мой. Теперь сотвори молитву.

Степаша еще разъ послушался. Тетушка замолчала и придумала немного отдохнуть.

— Ну, а тотъ, заговорилъ Степаша: — какъ бишь его — Левонтиѣ Гладковъ? еще Зайцевъ? еще Змиѣницынъ?

— О-о-хо-хо, Степаша, ты думаешь, что это хорошіе люди? дрянной народишка, проого сказать, колѣйки не стоятъ, и мошенникъ на мошенникъ, воръ на воръ: ихъ бы не на томъ свѣтѣ, а на этомъ надо повѣсить—на томъ свѣтѣ-то имъ ужъ не будетъ ни дна, ни покрывки. Живопродавцы! Вотъ ихъ припекутъ на томъ свѣтѣ, Гладкова свартъ въ кнуточей смола, а Зайцева и Змиѣцына запарягъ желѣзными вѣшниками. По дѣломъ имъ и мука! таковскіе и были... Плюнь, Степашенька.

Степаша повиновался. Тетя продолжала.

— Это, Степашенька, все еще ничего: это мошенники и воры на-ненскіе, а вотъ въ нашемъ городѣ есть большіе воры, ну, такъ ужъ тѣмъ и на томъ свѣтѣ мѣста не будетъ!

— Какіе это, тетеньшка?

— Какіе? воры изъ хорошаго роду, кучество именитое.

— А! промычалъ Степаша.

— Да, голубчикъ, кучечество. Да вотъ не далеко идти, сходи только на мушной базаръ, спроси тамъ Андрея Стобитова, второй гильдин купца, всякой тебѣ его укажетъ, да ты и самъ заглянись: рыжій, красный, такой...

— Схожу, тетенька.

— Нѣтъ, голубчикъ, не надо, пещь съ нимъ! Это я такъ къ слову сказала, а ты лучше лежи да слушай. Ну, вотъ, эготъ Андриюшка, допрежь сево, былъ такой же мужикъ, какъ и ты, Степаша: ты-то хотъ мальчикъ честный, а тотъ былъ воръ, грабитель и закигатель... Господи! какъ это имъ проходитъ! Ну, вотъ, бывало, онъ крендели продавалъ на верхнемъ базарѣ, бывало, кричать ему: — «Андриуха! хошь пятакъ заслужить?» — «Хочу». — «Давай, за волосы оттаскаемъ?» — «Да много ли разъ?» — «До четырехъ», — скажутъ, — «Нѣтъ до двухъ!» — «Ну, ладно». — Тутъ Андриюшка ложится на землю, двое капижъ ишбудъ соберутъ на его головѣ волосы такъ, чтобы ловчѣ было, и потащутъ отъ каменнаго кабачка до кузиницъ и назадъ, шаговъ двѣсти будетъ: это у нихъ называется два раза. Наскучило, видно, Андриюшкѣ такое промышенье: головѣ больно, а доходу мало. Вотъ онъ и задумалъ карманничать: отправляется на цѣвнй базаръ; долго ли, коротко ли онъ такъ воровалъ, только его изловили съполичничикъ, да и прямо въ часть. Улика на лицо, — сто сличкомъ рублей укралъ, заператься нельзя. Почали его судить, и начальники присудили: дать ему двадцать плетей и потомъ отпустить на выпускъ домой. Такъ и было. Спина у Андриюшки зажила и онъ опять принялся за дѣлишки, только за другія. Ему во сотенкамъ-то воровать было не выгодно, — денегъ мало, а бьютъ много. Вотъ онъ и придумалъ штуку: ходить по наймамъ въ кучерахъ: паронь видный, красивый, сильный; всякому лестно имѣть такого кучера. Вотъ всѣ богатые-то въ городѣ его на расхватъ, тотъ зоветъ къ себѣ, другой къ себѣ. Позволять ходить Андриюшка по добрымъ людямъ, а самъ высматриваетъ да высматриваетъ. Ну, и началъ онъ съ тово, что свелъ знакомство съ лакеемъ тово барина, гдѣ жилъ въ кучерахъ самъ. Андриюшка плутъ, лакей простофиля; баринъ богатый и семейный. Слово за слово, подружились: сегодня въ харчевнѣ чайку напьются, завтра пивца, тамъ и винца, и порѣшили такъ: Андриюшка зажгетъ сѣнникъ, а за часъ до прежь сего лакей уговорился украсть шкатулку у барина, лакей шкатулку укралъ и передалъ Андриюшкиной пріятельницѣ, та стреканула, и съ семи кобелями не сыщешь. Андриюшка запалилъ, и пошла писать: ахъ, да ахъ, да охъ! суматоха, крикъ: цѣльнй кварталъ выхватило! А въ шкатулкѣ-то не мало не много, сто тысячъ рублей. Спусти мѣсяць, лакей и Андриюшка раздѣлили ихъ поровну и прищипились, лакей пересталъ пить

и винцо. Знамо дѣло, Андриюшку и лакея на другой день послѣ пожару пристраунили, задали даже и розгачей для страху, да порѣшили тѣмъ, что продержали подъ карауломъ двѣ недѣли и прогнали. Самъ и баринъ не имѣлъ на нихъ подозрѣнія; звалъ ихъ опять къ себѣ жить, да они еще на него сами обидѣлись: «дескать, насъ выдрали, сударь, за васъ, здорово живешь». Тѣмъ и покончилось. Не знаю, гдѣ былъ Андриюшка послѣ, только я его, не много спустя лѣтъ, видѣла въ нашей мѣщанской каморѣ. Вишь-де, онъ приписался въ мѣщане, и общество выбрало его старостой. Я такъ и ахнула, хотѣла закричать: какой это староста? это Андриюшка Стобитовъ, воръ и грабитель! Да подумала:—не ладно, засудятъ, такъ и промолчала. Посмотри-ка ты на него теперь, Степашенька, теперь его и рукой не достанешь: миллионщикъ, торгуетъ крупчаткой, пять водяныхъ мельницъ, домъ хороший, подъ домомъ лавки съ мукой. А изъ мошенниковъ выплелъ въ хорошие люди, право слово, изъ воровъ! Теперь старичокъ ужъ сталъ...

Степаша наострилъ уши: казалось, ему эта исторія очень понравилась. Доселѣ рассказы тетюшки онъ слушалъ съ простыми, дѣтскимъ любопытствомъ, теперь онъ напрегъ все свое вниманіе и приготовился ждать послѣдствій разсказа.

Тетюшка продолжала:

— На чемъ-бишь я остановилась? Да, старичокъ сталъ, сталъ купецъ второй гильдіи; только, говорятъ, почету-то ему мало. И намедни, нашъ степенный голова на сходу, при всѣмъ кувечествѣ, такъ вотъ его и оконфузилъ: дескать, зачѣмъ вы, почтенные, наказаннаго-то принимаете? дескать, его въ полиціи стегали — такъ, вотъ, право слово, и липнулъ. А онъ, голубчикъ, ни словечушка, взялъ шапку и былъ таковъ. Ну, да я чаю, ему наплевать на общественныя-то дѣла: ему же больше покою, сидитъ себѣ дома, ѣсть сладко, спать на бархатѣ, да отъ скуки червончики считаетъ.... Ты спишь, Степаша?

— Нѣту, тетьнька.

— Что бишь еще я хотѣла сказать? Дай Богъ память... Да, одну притчу на счетъ того, какъ Андрей Стобитовъ дочь замужъ выдалъ. Вотъ, мой голубчикъ Степашенька, прошла не хорошая молва про Андрея Стобитова, да такая, что твои барабаны бьютъ, а въ ту пору, какъ на зло ему, и дочь подросла, невѣста, двадцатый годокъ пошолъ, да еще годокъ, да еще — знаешь ты, все время-то и идетъ себѣ незамѣтно. А дочку-то выдать хочется. Ужъ онъ и такъ и сякъ, и эдакъ, и вотъ эдакъ, и посулы хорошие обѣщаль — не тутъ-то было! — хотъ тресни, а въ дѣвкахъ изволь оставаться. Межъ-тѣмъ, дѣвка-то ждала себѣ ждала, да и рукой махнула. Въ тѣ поры, у Андрей

Стобитова, былъ по наймамъ прикащикъ, Трофимомъ, кажется, звали, по отчеству, помнится, Федотычъ, кликали; а прозвище-то его я ужъ и позабыла. Ну, такъ и быть, пусть остается безъ прозвища — персона-то не великая. Вотъ какъ Трофимъ-то прикащикъ поразнохалъ хорошененько свою хозяйина, да и дочь-то распозналъ, да и молву-то слышалъ не хорошую, — ну, и намоталъ себѣ на усъ. Вѣстимо, парень молодой, проворный, ростомъ только Господь обидѣлъ, а награды толщиной, — познакомились. Долго ли, коротко ли они тамъ разводили калину съ малиной, только отецъ и узналъ, что дочка, значить, на взостяхъ. Ай батюшки! разпумѣлся Андрей Стобитовъ, волосы на себѣ рветъ, въ зубы себя бьетъ, по щекамъ себя валлетъ, а легче нѣтъ — не знаетъ, кто виновникъ. И дивное диво: дочь нигуда не ходила, а грѣхъ случился. Старикъ просто съ ума скондитъ, половину ужъ бороды со злости у себя вырвалъ. «Трофимкино дѣло! завонилъ онъ благимъ матомъ: я дескать его допеку. Къ фартальному дескать пойду жалобиться, къ мипистеру!» Покричалъ, покричалъ, да на томъ и съѣхалъ. Успокоился опослѣ, позвалъ Трофима прикащика, да и сталъ смирененько держать съ нимъ разговоръ: «Признайся, дескать, Трошка, ты виноватъ передо мной?» «Ложни мои глаза и утроба, хозяйинъ; знать ничево не знаю». «А на счетъ дескать Танюша?» «Разрази, порази, разстрѣли! божился прикащикъ: знать ничево не знаю». Говоритъ: «признай, Троша, замужь за тебя отдамъ». «Вы меня, дескать, хозяйинъ, обижаете, всяку напраслину на меня заводите—по лавкѣ все состоитъ у меня чисто и смирно, хоть извольте повѣрить». Думаетъ Андрей Стобитовъ: «ну, дескать, этотъ мошенникъ почище меня»; и въ слухъ говоритъ: «признайся, Троша, ей-Богу, замужь за тебя отдамъ, наследникомъ тебя сдѣлаю, все за тобой уиришь». Трофимъ говоритъ: «хозяйинъ, коли милость ваша будетъ, такъ вы ужъ такъ отдайте за меня вашу-то дочку, не пригѣсняйте меня сироту безвинно—я съ нашимъ великимъ удовольствіемъ готовъ ихъ взять, Татьяну-то Андреевну, а еще пойдутъ ли они сами-то за меня?» Хозяйинъ посмотрѣлъ на прикащика, помогать головою и сказалъ: «Слушай, насъ двое, подслушать насъ не кому: она призналась мнѣ, а ты что же подлець, заираешься?» Прикащикъ говоритъ: «Коли изволили признаться, позовите ихъ сюда, при мнѣ спросите». Позвали дочку. «Ты виновата вѣдь передо мной, Танюша?» «Я вамъ давнѣе сказала, тятинька, что виновата». Хозяйинъ заревѣлъ: «Ну, слышишь, мошенникъ? — виновата, дескать. А ты что же отиѣкиваешься?» Прикащикъ тихонько шепчетъ: «Въ чемъ же они виноваты, мы не можемъ знать». Хозяйинъ говоритъ ласково: «Слажи, Таня, въ чемъ виновата». Дочка Таня пищитъ: «Вѣдь съ вами я, Трофимъ Федотычъ....» И заплакала горько. Прикащикъ подумалъ: «Ду-

рища! ничего не видя призналась—значить смѣтки не знаетъ. Да изъ меня хоть всѣ жилы тани... дура! Коли бъ не богата, такъ я бы ни тебя наплевалъ только!» Хозяинъ сказалъ: «Ступай къ себѣ, Татьяна». Татьяна пошла тихоюшко. А хозяинъ опять сказалъ сердито таково: «что мошенникъ, ты все будешь заператься? Слышалъ? Что скажешь?» Прикащикъ промолвилъ: «Хозяинъ, если вамъ очень желательно отдать за меня вашу дочку, я съ нашимъ удовольствіемъ, — только на счетъ приданова, и на счетъ денежной суммы позвольте узнать?...» Хозяинъ завопилъ что есть голосу: «Мнѣ желательно тебя шарамыгу въ тюрьму упрятать, въ каторгу отослать! Шаверень паршивая, мѣщаниншика мерзкой! Я кто? купецъ второй гильдіи, а не нончѣ, такъ завтра буду первой гильдіи! Смѣешь приданое запрашивать?!» Тутъ хозяинъ сталъ дрожать и задыхаться. Прикащикъ тихоюшко проговорилъ: «Вы, хозяинъ, напрасно изволите обижаться — всякій женикъ воленъ спросить приданое...» Хозяинъ перебиваетъ: «Нѣтъ, Трофимъ, ты меня задумалъ обижать. Такъ приданое не спрашиваютъ — съ кривляньями да ломаньями; приданое спрашиваютъ ласково. Я старый воробей—меня не прведешь. Ты думаешь, сколько я дамъ за ней деньгами?» Прикащикъ говоритъ: «Сколько вамъ будетъ угодно, и мнѣ чтобъ не было обидно». Хозяинъ настаивалъ: «Признайся, Трофимъ, сколько тебѣ желательно? А не хочешь признаваться, такъ я самъ за тебя скажу? Сказать? — тебѣ хочется взять весь мой капиталъ!» Прикащикъ отвѣчалъ: «Это точно, что мнѣ точно хочется имѣть у себя вашъ капиталъ: «Вотъ видишь, я и узналъ. Капиталъ твой и дочь моя твоя; чуръ ее любить. А до свадьбы тебѣ надо записаться въ купцы — хоть въ астраханскіе. Поѣзжай съ Богомъ. А я пока до тебя къ свадьбѣ все устрою и приготовлю». Прикащикъ кланяется хозяину въ ноги, цалуетъ ему руки и говоритъ: «По гробъ моей жизни не забуду вашей отеческой милости; деино и ночью буду, говорить, молить за васъ Богу, чтобъ вы были живы и здоровы, и...» Много таково онъ говорилъ. А черезъ полтора мѣсяца была у нихъ свадьба. Не даромъ говорится пословица: «Рыбакъ рыбака видитъ издалека». Ну, хороню, рыбаки оба — и тестъ и зять! Господи прости мое великое согрѣшеніе... Степаша? Ты спишь, голубчикъ?

Степаша не отвѣчалъ. Онъ въ самомъ началѣ разказа о свадьбѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ. Этотъ разказъ не такъ показался ему занимательнымъ, какъ разказъ о воровствѣ и зажигательствѣ Андрея Сдобитова. Тетушка еще разъ окликнула Степашу и, еще разъ удостоившись, что онъ спитъ, глядя на него, сама захотѣла уснуть.

— Согрѣшила я вонячѣ грѣшница, согрѣшила окаянная, согрѣшила маегогрѣшная, согрѣшила недостойная...

Эти слова тетушка твердила до тѣхъ поръ, пока сонъ взялъ пере-
лѣсть надъ ея тѣломъ.

Въ то время, когда Степанъ Подметкинъ былъ мальчикомъ, между простыми народомъ существовали всѣ возможные расколы и ереси. Въ городѣ *Веселомъ*, гдѣ Стенаша съ тетушкой имѣли свое счастливое мѣстопробываніе, было три главныхъ секты, кромѣ нѣсколькихъ дру-
гихъ *мелкихъ*. У каждой общины раскольниковъ были моленныя или часовни. Основателями этихъ часовенъ были довольно зажиточ-
ные купцы, и всякій изъ нихъ, посредствомъ денегъ, старался при-
влечь въ свою секту поборниковъ изъ другихъ сектъ.

Купецъ Кабановъ былъ бѣднѣе другихъ купцовъ въ городѣ *Весе-
ломъ*. По такимъ причинамъ и часовня его не славилась прихожана-
ми. Часовня эта была — посредственной величины деревянная изба,
выстроенная на обширѣйшемъ дворѣ, огороженномъ крѣпкими дере-
вянными заборами. Теперь на этомъ мѣстѣ пустырь, и только одѣвъ
полусгнившія столбы, заборовъ свидѣтельствуютъ, что нѣкогда, во
время оно, тутъ жили люди, и было между ними много кое-какихъ
человѣческихъ дѣлишекъ. Обширный дворъ часовни, въ два ряда
кругомъ былъ установленъ кельями, построеными подъ одинъ фа-
садъ. Въ этихъ-то кельяхъ, въ тишинѣ и покоѣ, проживало десятковъ
шесть стариковъ, и старухъ, почти уже выжившихъ изъ ума. Эти
почтенные люди учили грамотѣ дѣтей, дѣтей такихъ же расколни-
ковъ. Бывало, идешь и издалека слышишь, какъ дѣти всѣ въ разъ
во распѣвъ твердятъ свои уроки. Образование этихъ невинныхъ со-
зданій, изъ которыхъ, при другомъ направленіи, вышло бы что ни-
будь порядочное, ограничивалось азбукой, псалтирю и часословомъ.

На этомъ-то дворѣ, въ числѣ прочихъ, стояла въ углу у забора и
келья тетушки Степана Подметкина.

Когда родился будущій городской голова Степанъ Подметкинъ,
городъ *Веселый* былъ мало населенъ; полиція находилась въ совер-
шенномъ младенествѣ: отъ того-то тутъ и плодились всѣ возможные
расколы. Кругомъ *Веселую* степь, къ востоку — кочуютъ киргизы, къ
юговостоку — калмыки, тутъ татары, а тамъ хотя и Русскіе — право-
славные, но они сквозь пальцы смотрѣли на своихъ земляковъ — рас-
кольниковъ, а иногда, въ случаѣ нужды, и сами переходили къ нимъ
же.

Такимъ-то образомъ, въ городѣ *Веселомъ*, кромѣ городскихъ мо-
ленъ, основались еще два скита за городомъ: одинъ въ *мичеевомъ*
буеракѣ, другой въ *баранниковомъ*. Оба скита находились въ ушель-
яхъ, въ лѣсу: молись, какъ хочешь, никто не помѣшаетъ. А между

тамъ, въ этихъ скитахъ часто происходили сцены совѣтъ не религіозныя, потому что тамъ проживали не старики и старухи, а люди находящіеся въ лучшей порѣ силы и здоровые. Эти богомольцы рѣшительно ничѣмъ не занимались; днемъ они большею частію — или спали, или читали старинныя книги, особенно когда приходилъ кто нибудь изъ города, изъ касты ихъ собратій, или изъ другаго скита. Эти люди, не смотря на то, что были довольно румяны, постоянно жаловались на нездоровье, охали, стонали и наводили другъ на друга невольную тоску и уныніе; а чтобъ тоска и уныніе не усилились, раскольники старались развлекать себя водкой: по ихъ уставу, употребленіе вина и елей разрѣшалось очень часто. И вотъ, рюмочка по рюмочкѣ—и затворники напивались довольно изрядно. Тутъ являлись и молодыя женщины, жоны не жоны, а такъ, что-то въ родѣ того, которыя были выпить не прочь; словомъ, тутъ начиналась порядочная попойка. Въ одномъ углу слышались шумные разговоры объ Антихристѣ, въ другомъ—увѣреніе въ любви и дружбѣ, въ третьемъ видѣлось киваніе носами о столѣ, въ четвертомъ пошлялись пѣсенки, въ родѣ такихъ:

«Изъ-за Волги кума
Въ рѣшетѣ приплыла,
Веретенами гребла,
Юшкой парусила».

или:

«Научить ли те, Ванюша,
Какъ ко мнѣ ходить» и пр.

или:

«Шла дѣвочка маленька,
На ней шубка аленька,
Опушка бобровая. —
Сама чернобровая».

Ночью эти люди занимались уже другими дѣлами, иногда только нѣтъ однихъ извѣстными, а иногда нѣсколько гласными и для городскихъ властей. А потомъ опять все шло своей чередой, по старому, тихо и глухо.

Въ тѣ поры прославились своими сильными подвигами нѣкто Британикъ и Мошинъ: первый былъ разбойникъ, головорѣзь — одинъ ограбилъ три почты, разубѣтса, въ разное время, убилъ трехъ почтальониковъ и трехъ ямщиковъ; а второй, то есть Мошинъ, былъ дѣлатель фальшивой монеты. Обѣ эти удачныя головы, постоянно по при-

тельски, обрѣтались въ *млячесомъ* и *баранниковомъ* буеракахъ. У Монина въ *млячесомъ* была даже мастерская, гдѣ онъ, съ помощію преданныхъ ему восьми товарищей, производилъ свою фабрикацію: тутъ чеканились оловянные талеры, цѣлковые и полтинники; тутъ дѣлались ассигнаціи, начиная отъ бѣленькихъ сто и пятидесяти рублевыхъ и нисходя до красенькихъ и синенькихъ десяти и пяти рублевыхъ. Монинъ былъ такъ искусенъ въ своемъ ремеслѣ, что, кромѣ фальшивыхъ денегъ, дѣлалъ гербовую бумагу и вексельные бланки. Понажились тогда нѣкоторые люди отъ Монина, а всѣхъ больше понажился Степанъ Степанычъ Подметкинъ, потому что онъ былъ Монину лучшимъ другомъ и закадычнымъ пріятелемъ, зналъ всѣ его тайные углы и закоулки, мѣнялъ ему фальшивыя деньги на настоящія, рискуя за такіе подвиги радѣяться своею спиною и свободой.

Они познакомились довольно страннымъ образомъ.

Степану Подметкину исполнилось двадцать пять лѣтъ. Онъ уже успѣлъ жениться, успѣлъ нажить маленькій домишко; у него уже было четверо дѣтей: два сына и двѣ дочери. Подметкикъ давно бросилъ свою тетку, обворовавъ ее самымъ гнуснымъ образомъ; давно бросилъ и келью, въ которой такъ *несимно* воспитывался, и стариковъ, и старухъ, которые такъ непорочно руководили его для житейскаго поприща и житейской мудрости. Онъ нашелъ выгоднымъ перейти въ другую секту, подъ заглавіемъ *поповскую*, поборникомъ которой уже былъ до конца своей многотрудной жизни, хотя наружно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, *исповѣдывалъ* религію православную. Степанъ Подметкикъ сдѣлался человѣкомъ положительнымъ, основательнымъ, постояннымъ и, главное, коммерческимъ. Онъ уже успѣлъ нажить себѣ лавчонку, въ которой, въ маломъ количествѣ, продавались мука, крупа и овесъ.

Однажды, въ жаркій июньскій день, въ самый полдень, Степанъ Подметкинъ сидѣлъ въ своей лавчкѣ. На улицахъ народу никого не было; всѣ сидѣли по домамъ, въ холодкѣ. Въ смежныхъ лавчкахъ и приканцяхъ и хозяева — кто спалъ, кто дремалъ, зная, что покупателей въ такую пору не будетъ. Степанъ Подметкинъ купилъ себѣ квасу, луку и соеной рыбы, покушалъ во здравіе, то есть, съѣлъ три довольно порядочныхъ чашки и принялся дремать. Вотъ сидѣлъ онъ эдакъ съ полчаса, наконецъ, всталъ и началъ ходить по лавчкѣ по всѣмъ ея направленіямъ. Онъ былъ на этотъ разъ, противъ обыкновенія, задумчивъ, влѣлъ и нѣсколько разстроены. Казалось, какая-то необыкновенная новая мысль засѣла ему въ голову и тревожила воображеніе. Онъ ходилъ долго, потомъ сѣлъ на складныя деревянныя кресла и вновь принялся думать думу:

— Тыфу ты, пропасть! прощенталъ онъ, наконецъ, теряя терпѣ-

ніе:—такъ вотъ и ноетъ сердце, что ниды могутъ моеи нѣтъ. Къ чему это? Если Лукерья умретъ, на то воля Божья; а жениться въ другой разъ не стану. Если изъ дѣтей кто умретъ, на то воля Божья. Если домъ сгоритъ... Кажется, этого удару не перенесу, самъ умру, протянусь безъ покаянія! Если... Да говорятъ, сердце ноетъ къ радости! Дай-то Господи!

Степанъ Подметкинъ опять зашагалъ по лавочкѣ. Потомъ машинально вынулъ изъ-за пазухи засаленный бумажникъ и сталъ повертывать его въ рукахъ:

— Вотъ только всего и житья-бытья! продолжалъ онъ говорить самъ съ собою:—полторы только тысячки! Господи, Господи! скоро ли я поправлюсь? На людей посмотришь, любо-дорого: кто имѣетъ сто, двѣсти, пятьсотъ тысячъ... Почетъ-то, почетъ какой! А я-то? голъ несчастная; всякой можетъ назвать сволочью... Святители вы мои!... Эхъ, Господи! еслибъ мнѣ довелось нажить полтораста тысячъ, да не худо бы серебромъ... Кажется, ничего не пожалѣлъ бы, рискнулъ бы такъ и быть, во что ни стало!... За то подъ старость будетъ хорошо и спокойно. А здѣсь, добавилъ онъ, осмотрѣвъ кругомъ лавочку: что здѣсь? «Суета суетъ и всяческая суета». Дрянь все, дрянь. Въ лавочкѣ ничего не высидишь, какъ тутъ ни сиди, хоть башкой тыкайся въ стѣну, а прибыли большой не будетъ.

Подметкинъ развернулъ бумажникъ и началъ разсматривать ассигнаціи. Лицо его опять нахмурилось, когда онъ отложилъ въ сторону одну сторублевую ассигнацію и положилъ ее къ себѣ на колѣни.

— Вотъ эта штука очень меня мучаетъ, заговорилъ опять самъ съ собою Подметкинъ: — добро бы глазъ-то что-ль у меня не было, али тово... пѣсь знаетъ, что это за притча такая случилась со мной! ужъ видно быть такому грѣху. А славно сработана, пострѣломъ ее положи, очень хорошо. Видно, что была въ рукахъ мастера, молодецъ, право! Желательно посмотрѣть, что за человекъ, видно, что умища. Ужъ если бы не жаль было убытковъ, шутъ ее знаетъ, сойдетъ благополучно или нѣтъ, расцаловалъ бы злодѣя, угостилъ бы на половину. Вотъ такъ руки и чешутся, такъ и хочется самому сработать такую же...

Послѣднія слова Степанъ Подметкинъ, отъ избытка чувствъ, произнесъ довольно громко и вдругъ прикусилъ языкъ. Передъ нимъ стоялъ незнакомый ему человекъ, лѣтъ тридцати-пяти, средняго роста и довольно сильнаго сложенія. Незнакомецъ стоялъ молча, слегка улыбался и внимательно разсматривалъ фюзіономію Подметкина. Степанъ Подметкинъ торопливо и дрожащими руками старался припрятать деньги. Замѣтивъ это движеніе, незнакомецъ сказалъ:

— Не трудись хлопотать, Степанъ Степанычъ, и не бойся:—твоихъ денегъ я не возьму, не надо, у меня своихъ достаточно.

— Какъ же это ты меня знаешь? спросилъ удивленный и озадаченный Подметкинъ.

— Просто знаю, знаю потому, что ты мнѣ нуженъ, сказала открыисто незнакомецъ, не переставая, между тѣмъ, смотрѣть на Подметкина долгимъ испытующимъ взглядомъ: — я давно за тобой слѣжу, знаю, чѣмъ и какъ ты живешь, куда ходишь, и что дѣлаешь; что у тебя есть въ домѣ, все знаю.

Подметкинъ нѣсколько смутился и опустилъ глаза въ землю. Незнакомецъ продолжалъ:

— Что, почтенный Степанъ Степанычъ, какъ твоя фальшивая ассигнація? А вѣдь славно сдѣлана? Ты, я вотъ подслушалъ, хотѣлъ поцеловать мастера. Скажи, по совѣсти, радъ ли ты былъ, еслибъ ты его увидѣлъ передъ собою?

Подметкинъ поблѣднѣлъ. Незнакомецъ продолжалъ глядѣть на него долгимъ—долгимъ взглядомъ и продолжалъ говорить тихимъ и ровнымъ голосомъ:

— Ну, какъ же, Степанъ Степанычъ, хочешь видѣть мастера, который сварганилъ твою ассигнацію? Не бойся другъ, онъ человекъ простой, вреда тебѣ не будетъ, а пожалуй тебя съ нимъ познакомлю. Желаетъ познакомиться?

Подметкинъ не отвѣчалъ.

— Кажется, я тоже давеча слышалъ, продолжалъ неизвестный человекъ:—что у тебя было желаніе сдѣлать самому такую же ассигнацію. Вѣдь правда? Пожалуй, выучиться можно.

Отъ послѣднихъ словъ, сказанныхъ незнакомцемъ, Степанъ Подметкинъ выскочилъ на улицу. Онъ боязливо посмотрѣлъ по всѣмъ сторонамъ и, видя, что никого по близости нѣтъ, робкими шагами воротился въ лавочку.

— Ты опасаешься, что весь подслушаютъ? спросилъ незнакомецъ:—ну, нѣтъ, братъ, стара штука, я вѣдь травленный волкъ, вижу охотниковъ далеко. Не бойся и слушай, я тебѣ скажу, господинъ сударь Подметкинъ, ласы да балясы намъ точить зря нечего, надо заниматься дѣломъ. Говори, любезный: — хочешь познакомиться съ мастеромъ?

На послѣднемъ словѣ незнакомецъ сдѣлалъ рѣзкое удареніе. Подметкинъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Я не знаю, что и сказать тебѣ, проговорилъ Степанъ Степанычъ нерѣшительнымъ и застѣнчивымъ тономъ.

— Какъ, любезный, развѣ ты себя не знаешь? Не можетъ быть, ты просто трусишь. Не робь, говорю тебѣ, я къ тебѣ ни кѣмъ не

подосланъ, я пришелъ самъ, по своей волѣ. Не знаю! гм... мальчишкѣ можно такъ говорить, а у тебя борода-то, слава Богу, порядкомъ выросла. Не знаю! Чего тутъ не знать? хочешь, да, не хочешь, нѣтъ: тебѣ же будетъ хуже. Въ этой лавчонкѣ ничего, братъ, не наживешь; такъ и будешь сволочь-сволочью, никто не будетъ имѣть къ тебѣ никакого почтенія, такъ все и будутъ называть тебя Степаншкой, такъ доживешь до сѣдыхъ волосъ. Нѣтъ, пріятель, тамъ у насъ будетъ прибыльнѣе: вотъ ты, Степанъ Степанычъ, недавно поддѣлъ клещевского крестьянина: за три воза муки не заплатилъ, какъ слѣдуетъ, денегъ, да еще у него же у пьянаго вынулъ изъ кармана двѣсти рублей. Да вотъ еще, на прошлой недѣлѣ, помнишь, на пѣшемъ базарѣ, ты отрѣзалъ кошелекъ съ деньгами у какого-то бѣднаго бурлака, самъ это я видѣлъ, самъ, а бурлакъ-то, говорятъ, отъ горя утопился. Помнишь? припомни-ка, хорошенько.

Степанъ Подметкинъ внутренно сѣтворилъ молитву. Онъ былъ суевѣренъ и подумалъ, что это дьяволъ стоитъ передъ нимъ, который безъ запинки высказываетъ ему правду-матку, который читаетъ въ его душѣ, что только извѣстно одному ему, Степану Степанычу. Подметкинъ прочиталъ нѣсколько молитвъ, незнакомецъ не проваливался сквозь землю. Степанъ Подметкинъ сильно оступилъ и, чуть слышимъ, робкимъ голосомъ спросилъ:

— Какъ же ты знаешь, что я надулъ клещевского крестьянина? Незнакомецъ засмѣялся.

— Узнай, отгадай, сказалъ онъ.

Подметкинъ отрицательно покачалъ головою.

— Не желаешь отгадывать, проговорилъ незнакомецъ, взявъ Подметкина за руку:—такъ я самъ тебѣ скажу. Вотъ видишь ли, одному человеку ты понадобился, сталъ нуженъ, вотъ онъ и послалъ за тобой слѣдить. За тобой слѣдили и теперь слѣдятъ, узнали, что ты мужикъ съ толкомъ и въ тебѣ будетъ прокъ; испытывали и видѣли твою ловкость на дѣлѣ. Славный ты мальшъ оказался—тонкій плутъ, изъ воды выдешь сухъ, изъ огня невредимъ. По рукамъ, что ли? я тебя познакомлю съ мастеромъ!

— Я не э-н-а-а-ю...

— Э, братище, перебилъ съ вѣтеритѣишемъ незнакомецъ:—я не лицейскій, меня бояться нечего. Чего тутъ не знать? Вѣдь ты хочешь нажить капиталъ, да еще какъ можно скорѣе? Наживешь. Будешь жить въ большихъ каменныхъ хоромашъ. Въ два года такъ наживешься, что иной въ сорокъ лѣтъ того не получитъ.

Подметкинъ подумалъ, подумалъ, и потомъ твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ сказалъ:

— Ладно, быть такъ.

Степанъ Степанычъ подалъ незнакомцу руку. Незнакомецъ потрясъ руку Подметкина и въ свою очередь сказалъ:

— Быть такъ: ты мой!

Чувство корысти и сребролюбия было преобладающее чувство въ натурѣ Подметкина. Онъ не спрашивалъ незнакомца, съ какою цѣлю и для чего онъ хочетъ познакомиться его съ мастеромъ: жадность къ деньгамъ все въ немъ заглушила, онъ рѣшился на всякую крайность, на все, чего бы отъ него ни потребовали.

Новые друзья уговорились видѣться въ этотъ же день, въ полночь, за городомъ, въ глухомъ мѣстѣ. Въ назначенный часъ, Степанъ Подметкинъ явился, какъ и слѣдуетъ аккуратному человѣку.

Ночь была темная и на небѣ нависли тучи; однако, въ воздухѣ было тихо и тепло. Подметкинъ сѣлъ на траву; ждетъ часъ, ждетъ два—и никого нѣтъ.

— Пѣсъ возьми! думалъ Степанъ Степанычъ:—ужь не въ ловушку ли меня заманили? Чего добраго! Оберуть, какъ липку, да еще порядкомъ бока намятуть. Оберуть—жалъ чуйки и жилетки, а бока, пусть мнутъ, заживутъ, лишь бы не убили. Нынче такъ довольно стали пошаливать, а все отъ того, что водка вздоржала... Ну, шутка ли, гривенникъ за шкаликъ! да это страсть! Порядочному пьяницѣ, въ прогулку, надо въ день плохо-плохо десять шкаликовъ—ну! вотъ и цѣлковый вонъ изъ кармана. Выпить хочется, а денегъ нѣтъ: надо украсть по неволѣ, а не украдешь, такъ придется ограбить. Не знай, чего это смотрять старшіе въ Питерѣ. Просто, откупщики Бога не боятся, хуже не знай кого, прости Господи! разорли они въ разоръ монхъ землячковъ! люди рабочіе, Волга близко, осенью по поясъ въ водѣ, послѣ работы слѣдуетъ косушечку выпить; онъ: пожалуйста дву-гривенный, да съ косушки—то и толку мало—вода водой. А доходу-то только три гривенничка, а иногда четыре въ день, больше и не жди. Значитъ, на водку идетъ больше половины. Эхъ, грѣшно этимъ откупщикамъ! Хоть бы водку—то продавали путную... По моему, лучше мошенничать другимъ образомъ, тогда обманешь только десять, ну, тридцать, ну, двѣсти человѣкъ, а не миллионъ человѣкъ, да какихъ? нищихъ!! Слава Богу, что я пересталъ пить. Бывало, напьешься на цѣлковый, а цѣлыхъ три дня опохмѣляешься, смотришь, какъ ни вертись, пяти цѣловыхъ нѣтъ, такая мерзкая была утроба, и все вѣдь на одной сивухѣ выѣзжала... Тьфу, будь вы прокляты!... Вотъ, когда сдѣлаюсь городскимъ головой, такъ я имъ задамъ продавать по гривеннику шкаликъ! Я и въ Питеръ брякну... Да что, нельзя. Того начальника надо уважить, другаго не обидѣть. «Пожалуйте, дескать, Степанъ Степанычъ шампанское кушать, обѣдать съ нами, да какой еще человѣкъ—то скажетъ!! Передъ которымъ я пакость, мокрица.

Нельзя! Извольте, скажешь, ваше благородіе, ваше высекородіе, въ отношеніи вина дѣлать, какъ вамъ угодно. А изъ угожденія еще подскажешь:—не угодно ли, молъ, по трешничку на шкаликъ прибавить, будетъ непримѣтно-съ. Право, такъ самъ языкъ и скажетъ... Однако, мой новый знакомый призвалъ меня сюда, а самъ нейдетъ? Кажись, этотъ человекъ не похожъ на вора... Эхъ, Боже, Боже! Куда бы хорошо нажать сто тысячъ дѣлковыхъ! Въ кунды первой гильдіи приписался бы, завелъ бы садъ отличный, сталъ бы жить честно да Богу молиться, часовню отдѣлалъ бы заново, въ монастырь на Иргизѣ сдѣлалъ бы богатый вкладъ—вѣдь тамъ живутъ наши...

Размышленія Степана Подметкина были прерваны вырканьемъ лошади, и Степанъ Подметкинъ быстро вскочилъ на ноги. Передъ нимъ была телѣга, запряженная въ одну лошадь, и въ ней сидѣлъ давнишній незнакомецъ.

— Вотъ спасибо Степану Степанычу! вскричалъ весело незнакомецъ, дружески протягивая Подметкину руку: — не обманулъ! Давеча ты желалъ поцеловать мастера? Мастеръ передъ тобой — давай поцалуемся?..

— Да развѣ это ты?! воскликнулъ удивленный Подметкинъ,

— Вона! А кто жъ другой? подхватилъ незнакомецъ съ какой-то молодецкой удалью: — дружище, я самъ — я Монинъ.

Подметкинъ невольно присѣлъ на землю. Монинъ быстро поднялъ Подметкина и принялся его обнимать. Наконецъ, съ обѣихъ сторонъ изліяніе дружбы истощилось.

Монинъ спросилъ:

— Что говорятъ обо мнѣ въ городѣ, Степанъ Степанычъ, какіе ходятъ слухи?

— Не слишкомъ-то хорошіе... Говорятъ, что ты дѣлаешь деньги, что тебя посадили въ тюрьму.

— Деньги я дѣлаю, это правда; а на счетъ тюрьмы погодятъ маленько. Надо сначала поймать на дѣлѣ, а потомъ ужъ посадить.

— Двухъ мѣнялъ взяли, замѣтилъ робко Подметкинъ: — обѣихъ посадили.

— За дѣло! не будь дураки. Вишь раскалякались словно на ярмаркѣ: рады, что дешево пришлось! За дѣло! По ихъ милости полиція десять разъ дѣлала у меня обыскъ. Дурака наша! стану я держать... Ха-ха-ха-ха! У меня есть для этого свое мѣсто. А еще что слышно?

— Еще ничего. Только много стало въ народѣ появляться не настоящихъ денегъ.

— Говори, прямо, фальшивыхъ, перебилъ весело Монинъ: — пріятеля нечего стыдиться. Да, правда твоя, Степанъ Степанычъ.

Надо для моего товару найти другое мѣсто. Не было все такого чело-
вѣка — теперь есть, нашелъ его — вотъ онъ!

Монинъ съ дружкой и лаской взялъ Подметкина за руку и при-
влекъ къ себѣ.

— Вотъ что, Степанъ Степановичъ, сказалъ Монинъ тихо:—нужно
надѣлать Макарьевскую ярмонку: слышно, что золота и серебра
тамъ слишкомъ ужъ много, а бумажекъ въ недостатку...

Подметкинъ только крикнулъ, но ни слова не сказалъ Монину.

Тутъ разговоръ пріятелей на нѣсколько минутъ прекратился. Мо-
нинъ пригласилъ Степана Степановича къ себѣ въ гости.

— А гдѣ ты живешь? Спросилъ Подметкинъ.

Монинъ сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ, и потомъ они сѣли
и поѣхали.

Прошло тридцать пять лѣтъ. Степанъ Степановичъ былъ уже не
просто Степанъ Степановичъ, а титуловался его высокостепенство, ве-
селовскій первой гильдіи купецъ, потомственный и почетный гражда-
нинъ. Да, не малыхъ трудовъ стоило Подметкину, чтобы добиться та-
кого блестящаго титула. Въ продолженіе тридцати пяти лѣтъ, много
его высокостепенство успѣлъ надѣлать хорошихъ дѣлашекъ, полез-
ныхъ для собственной персоны. Самымъ первымъ долгомъ, онъ ус-
пѣлъ нажить вмѣсто желаемыхъ имъ ста тысячъ цѣлковыхъ — пол-
тораста, успѣлъ и постарался предать въ руки правосудія своего прі-
ятеля Монина, со всѣми его сообщниками и инструментами; успѣлъ
и *заставилъ утонуться на Волгѣ одного частнаго пристава* и успѣлъ
изъ этой кутерьмы выдти чистымъ и невредимымъ. Потомъ года два
Степанъ Степановичъ гдѣ-то изволилъ пропадать: надо думать, что
онъ гостилъ у монаховъ на *Примъль*. Наконецъ, господинъ Подмет-
кинъ воротился въ родной городъ *Веселый*. Вотъ тутъ-то развернулся
его высокостепенство! Онъ выстроилъ себѣ и семейству каменный
двухъ-этажный большой домъ, съ каменными службами и такими же
заборами, развелъ отличный садъ, верстахъ въ десяти отъ города,
расширилъ свою *торговлю хлѣбомъ* до большихъ размѣровъ, позна-
комился съ знатыми купцами и властями города, давалъ обѣды и
ужины, словомъ: жилъ прекрасно, кормилъ нужныхъ особъ сытно.
А между тѣмъ, онъ по своему великодушію не забывалъ и бѣдныхъ:
въ голодный 1833 годъ его высокостепенство роздалъ неимущимъ
жителямъ города *Веселаго* нѣсколько сотъ четвертей муки, получалъ
за это медаль и благодарность жителей. Конечно, муку онъ раздавалъ
не свою, а чужую, потому что, въ хлопотахъ по хозяйству, онъ не
успѣлъ занатить за нее денегъ хозяйну, ну, да все равно: Степанъ
Степановичъ сочтется съ хозяиномъ нослѣ, когданибудь, когда бу-
дутъ благопріятныя обстоятельства. Аккуратный былъ чело-вѣкъ Сте-

пашъ Степаньчъ! нечего сказать: умѣлъ заслужить и благоволеніе начальства, и любовь жителей. Бывало, лишь только выйдешь на хлебную площадь, или на пѣшій базаръ, повсюду въ ушахъ раздаются возгласы: «Подметкинь! Подметкинь! Степанъ Степаньчъ! Ахъ, какой хорошій человѣкъ! вотъ выбрать бы въ городскіе-то головы! Да вѣдь самъ не захочеть! Кто велитъ служить богатому человѣку?» и проч. и проч., все говорили въ такомъ тонѣ. Его давно мучилъ бѣсъ честолюбія; даже Степанъ Степаньчъ ночью иногда не досыпалъ, все думалъ да думалъ... Какъ бы эдакъ поскорѣе на самомъ дѣлѣ сдѣлаться ему городскимъ головою? Почеть-то почетомъ, да и нажитья можно, на свой пай, порядочно. Часто, во время безсонницы, по ночамъ, Степанъ Степаньчъ изволилъ въ своихъ апартаментяхъ, для собственнаго удовольствія, дѣлать репетиціи, какъ овъ будетъ *головою*, какъ будетъ сидѣть за столомъ въ присутствіи Думы, между шести гласныхъ и въ обществѣ секретаря. Для такихъ немалыхъ цѣлей, Степанъ Степаньчъ выдвигалъ на средину комнаты большой столъ, становилъ на него вмѣсто зеркала самоваръ безъ воды; потомъ къ столу ставилъ стулья, по три въ рядъ, съ каждой стороны и, наконецъ, на одномъ концѣ стола, ставилъ свои президентскія кресла. Потомъ Степаньчъ надѣвалъ свой длиннополоый сюртукъ, воображая его форменнымъ кэтаномъ. Надо тутъ къ кэтану саблю. Ахъ, канальство! Сабли-то и нѣтъ, саблю-то Степанъ Степаньчъ не догадался купить для такого важнаго случая. Да впрочемъ ничего: Подметкинь человѣкъ изобрѣтательный. Онъ отправляется въ переднюю, беретъ отъ голандской иетки маленькую желѣзную кочергу, привязываетъ ее на полотенце и прицѣпляетъ къ своей талии.

Степанъ Степаньчъ останавливается на нѣкоторое время въ дверяхъ залы и размышляетъ:

— Вотъ, дескать, я войду въ присутствіе Думы—дѣлается страшный шумъ и суматоха: стулья гремятъ, гласные и секретарь торжественно встаютъ съ своихъ мѣстъ и униженно итѣ кланяются. Очевидно хорошо, дескать, кланяйтесь, я вамъ не буду кланяться, моя должность не такая, да и обязанность требуетъ соблюсти приличіе въ отношеніи къ младшимъ чинамъ.

Тутъ Степанъ Степаньчъ въ первый разъ въ жизни вспомнилъ о приличіи, и неизвестно почему, громко засмѣялся.

Степанъ Степаньчъ идетъ отъ двери передней, кланяется, какъ подобаетъ истинно городскому головоу—гордо и церемонно, и смотритъ на присутствующихъ, т. е., на порожніи стулья, съ выкова, прищуря оба глаза, которые и безъ того были не слишкомъ зорки, кромѣ денегъ не могли разсмотрѣть рѣшительно никакихъ вредис-

товъ. Секретарь уже тащитъ, и прѣмехонько къ носу Степана Степаныча, огромную кипу бумагъ для подписи. Его высокостепенство, потомственный и почетный гражданинъ, Степанъ Степанычъ Подметкинъ садится въ кресло, надѣваетъ золотые очки, поглаживаетъ свою бороду и, глядя глубокомысленно на бумаги, сама съ собою разсуждаетъ:

— Какая гибель бумагъ! Неужели же я долженъ всѣ ихъ читать? Какъ бы не такъ! Я думаю, что половина этихъ бумагъ дрянная какая нибудь? Погляди́мъ—ка: «отвоше́ние 2-й части города Веселаго отъ 1 мая за № 22. Она́ часть, въ оную городскую думу, имѣетъ честь при семъ препроводить веселовскаго мѣщанина Николая Васильева Загренкова валята за пьянство и мозаи́е ночное хожденіе, и покорнѣйше проситъ, предать сего мѣщанина суду добросовѣстныхъ. Подписано: приста́въ Де́ньгобромовъ; писъмоводитель Обираломовъ». Ну, это дрянно, продолжалъ думать Степанъ Степанычъ: заглянемъ—на лучше въ журналъ думы. «Слушана въ общемъ присутствіи думы слѣдующее: предписаніе *своеловское* губернскаго правленія отъ 12 марта, сего года, за № 1,334,314 кони́тъ на рапортъ думы отъ 4 апрѣля прошлаго года, за № 44,713 разрѣшается гласному думы Феодору Кривоглазову, произвестъ нѣкоторыя починки и поправки, въ городо́выхъ частяхъ, и сверхъ сего, къ оныхъ же частяхъ сдѣлать новы́ми 16 сигнальныхъ шаровъ, для могу́щихъ предсто́ять въ городѣ пожарныхъ случаевъ».

Вотъ эта статья замѣчательна! подумалъ Степанъ Степанычъ, оставивъ чтеніе: такія я всегда буду читать. Ахъ, воръ Кривоглазовъ! продолжалъ Подметкинъ, грустно склоня надъ столомъ голову: какъ онъ лихо грабитъ нашу любезную думу! непременно дѣлится съ секретаремъ и стражникомъ. Всѣ 16 шаровъ стоятъ всего на все восемь цѣнко́въ, а онъ выставилъ восемьдесятъ пята! Нутъ, подлець, прикупъ такъкъ наместей не будетъ въ обществѣ, выведу всѣ молчаливоства и плутни! Видишь! сидитъ словно не онъ: не знаетъ коншка, чѣмъ мѣс. сѣла. Отны́нѣ и до конца моей службы, всѣ постройкы, какія бы то ни были въ городѣ, я буду производить самъ, лично.

Степанъ Степанычъ произнесъ эти слова хотя и про себя, но рѣшительность и энергія ере поворотавъ въ креслѣ, ясно говорили, что онъ воплощаетъ свои слова на *самомъ дѣлѣ*, или, какъ онъ любилъ выражаться, на практикѣ.

А кипа бумагъ продолжала лежать безъ дѣйствія подъ носомъ Степана Степаныча. Господи́нъ Подметкинъ еще разъ взглянулъ особеннымъ взглядомъ *созерзъмля*, и еще разъ подумалъ:

— Царь возьми! гаѣ тутъ, въ самомъ дѣлѣ, успѣешь прочесть столько!

Степанъ Степанычъ подумалъ и выдумалъ, что бумаги можно подпisyвать, не читая, на дому, лежа на диванѣ, поставивъ возлѣ себя чернилицу, и строчи знай, на колѣнѣхъ: и легко, и удобно, и спокойно, и спина не болитъ. Для такого благаго подвига, его великостепенство, Степанъ Степанычъ, повелительно приназываетъ вахмистру: «завтра, чуть свѣтъ, принести бумаги къ нему, его высокостепенству, на домъ». И величественно обращается съ такимъ же требованiемъ къ секретарю. Толстякъ секретарь отвѣчаетъ: — «Очень хорошо-съ». Вахмистръ, вытянувшись въ струнку, говоритъ: — «Слушаю, ваше высокоблагородiе!» — Ахъ, какъ это хорошо! Какiя почести воздаютъ Степану Степанычу! Да послѣ этого и умирать не слѣдуетъ. Глядя на стоявшаго передъ нимъ вахмистра, который вытянулъ руки по швамъ, Степанъ Степанычъ простодушно пожелалъ быть генераломъ, или полковникомъ. «Дескать, такъ весь полкъ сталъ бы передо мной вытягиваться!» А между тѣмъ, его высокостепенство, *оеселоскiй* первой гильди купецъ, потомственный и почетный гражданинъ, Степанъ Степанычъ Подметкинъ, съ привѣшонной за полотенце кочергой, стоитъ все еще въ дверяхъ залы. Орлиный взоръ его смотритъ на ковецъ стола, гдѣ стоитъ порожнее кресло. — «Надо сѣсть и начать присутствiе», — сказалъ воображаемый городской голова. Идетъ Степанъ Степанычъ тихой и мѣркой поступью къ своему креслу, и кочерга за нимъ тащится и гремитъ, словно настоящая сабля. Садится Степанъ Степанычъ въ кресло и обращаетъ рѣчь къ крайнему отъ себя стулу, держа въ умѣ своимъ мыслъ, что на немъ сидитъ старшiй гласный отъ купцовъ, хитрый Кривоглазовъ, къ которому господишъ Подметкинъ, неизвѣстно почему, чувствовалъ сильнѣйшее отвращенiе.

— Намъ надо уличить въ городѣ нѣкоторыя постройкн, говорить отъ лица своей персоны Степанъ Степанычъ, обращаясь къ крайнему отъ себя порожнему стулу, столциему съ правой стороны: — вотъ, наприимѣръ, Казанскiй мостъ слѣдуетъ переделывать...

Стулъ, какъ извѣстно Степану Степанычу, долженъ молчать, но за него спѣшитъ отвѣтить самъ господишъ Подметкинъ.

— Совершенная истина, «ваше высокоблагородiе», постройкн въ городѣ сдѣлать необходимо, и если можно, то надо къ этому приступить немедленно, по тому случаю, что третьяго дня на Казанскомъ мосту провалились три бабы, одинъ водовозъ съ лошадыю, да еще почмейстеръ, Иванъ Иванычъ Сургучовъ. Бабы и водовозъ живы, а почмейстеръ изволилъ скончаться. И слава Богу, что скончались, а то намъ кушамъ житья не было: отбили всю торговлю. Я умъ даже отъ радости, господа, три панихиды отслужилъ, да сию двадцать отслужу. Просто — житья не было! дѣлалъ всякiя притѣсненiя.

Вотъ бывало и на почту придешь, подаешь письмо съ деньгами... Подай ему сургучу палочку — какъ же! подай ему непременно *два* палочки, да еще 1 №; а то и письмо не приметъ; сдачи никогда не давалъ. «Вы, говоритъ, купцы, народъ богатый, а я чиновникъ, бѣдный человекъ—мнѣ взять негдѣ». Бѣдный! съ меня одного перебрать до двухъ сотъ цѣлковыхъ. Бѣдный! домъ съ садомъ стоятъ тысячу пятьдесятъ, да столько же далъ на торговлю часовому мастеру Маятникову, да втрое есть не тронутаго капитала — прямая жидовская порода, все бы «хапать!» А мнѣ-то, господа, какой слѣлалъ подрывъ— всю мою табачную торговлю поставилъ верхъ дномъ. Съ осени еще, во всѣхъ колоннахъ, гдѣ сѣютъ нѣмцы табакъ, я далъ задатку, чтобы весь табакъ остался за мной. Наше почтеніе! — проныра почмейстеръ весь табакъ перекупилъ—и мой даже задатокъ лоннулъ. Что съ нимъ будешь дѣлать? вѣдь онъ въ чинѣ генерала почти. А стыдно бы такъ дѣлать?—вѣдь ужъ я купилъ—нѣтъ, надо сдѣлать человекъ подлость... Да вотъ что еще, господа, вы знаете лекаря Михѣева, вотъ что трагикъ составлялъ? Съ этимъ старикомъ такъ онъ смастерилъ штуку, просто водить важно... Да и за дѣло — вывѣстѣ плутовали. А вѣдь въ чинѣ генерала—стыдно, кажись бы, дѣлать пакости!.. Но-мостъ надо точно передѣлать.

— Ваше замѣчаніе оправедливо, почтеннѣйшій Федоръ Федорычъ; отвѣчаетъ Подметкинъ отъ своего лица: только постройку слѣдуетъ учинить *хозяйственнымъ образомъ*. Я беру эту обязанность на себя...

Тутъ Степанъ Степанычъ ждетъ возраженій, которыя должны послѣдовать отъ гласнаго Кривоглазова, и готовится дать ему на первый разъ смѣлѣйшій отпоръ, чтобы онъ, Кривоглазовъ, на будущее время, держалъ себя какъ можно приличнѣе въ обществѣ его высочества; чтобы онъ Кривоглазовъ, крѣпко помнилъ, что ведетъ рѣчь съ потомственнымъ и почетнымъ гражданиномъ, и къ тому же, съ городскимъ головой, и чтобы замѣчаній на его слова дѣлать не смѣлъ.

— Я тебѣ дажѣ! думалъ про себя Степанъ Степанычъ: — у меня кашъ пирожекъ съ грибами, а держи языкъ за зубами, — въ мои дѣла не мѣшайся. О, я знаю, какъ съ вами дѣлаться!

Степанъ Степанычъ грозно посморгнулъ на корожніе стулья. Онъ даже пожелалъ было для назиданія гласнымъ заскрипеть зубами, но зубомъ въ вѣдѣности не оказалось, потому что у него всего на все было только три съ половиною зуба, да и тѣ были въ одномъ мѣстѣ. Его высочество поглядѣлъ себѣ бороду и потомъ продолжалъ молчать:

— Какъ вы думаете, почтеннѣйшій Федоръ Ивановичъ, сколько надо употребить денегъ на постройку Казанскаго моста?

— Тысячъ пять, отвѣчалъ почтительно Кривоглазовъ.

— Нѣтъ-съ, Федоръ Ивановичъ, возражаетъ его высокостепенство:—не пять тысячъ, а девятнадцать серебромъ-съ. Я уже сдѣлалъ нужныя исчисления! тутъ не этимъ пахнетъ.

— Старый лѣсъ можно употребить въ дѣло, замѣчаетъ Кривоглазовъ.

— Старый лѣсъ тутъ не пригоденъ, отвѣчаетъ съ негодованіемъ его высокостепенство:—мы старый лѣсъ раздадимъ бѣднымъ мѣщанамъ.

При этомъ случаѣ, Степанъ Степанычъ обратилъ мысль на своихъ племянниковъ, которымъ онъ внутренне обѣщався выстроить домъ на общественныя деньги, лишь бы только «Господь устроилъ его городскимъ головою».

— Да, бѣдныхъ въ городѣ много, отвѣчаетъ за гласнаго Кривоглазова Степанъ Степанычъ:—но они всѣ лѣшвыды, пьяницы и праздношатающіе—о нихъ и заботиться не стоитъ.

— Ваша правда, любезнѣйшій Федоръ Федорычъ, отвѣчаетъ отъ себя господинъ Подметкинъ:—пьяницъ, бѣдныхъ и праздыныхъ очень много. Я хочу предложить обществу: не благоудно ли будетъ ему—обратить ихъ всѣхъ въ солдаты? На кой песь ихъ держать въ мѣщаныхъ?—только недомка накопается. Вѣдь на нашемъ мѣщанскомъ обществѣ постоянно числится тридцать тысячъ цѣлковыхъ. А тамъ они будутъ на казенномъ продовольствіи.

— Да многіе изъ мѣщанъ изъ лѣтъ ушли, замѣтилъ это-то изъ гласныхъ съ лѣвой стороны.

— Мы подаримъ, кого съядутъ, попросимъ, насъ уважутъ.

Эти слова сказаны были Степаномъ Степанычемъ такимъ мягкимъ и нѣжнымъ головомъ, что будто бы онъ обѣщавъ мѣщанскому сословию рай земной.

— Мы подаримъ, кого съядутъ, попросимъ, насъ уважутъ, подтвердилъ Степанъ Степанычъ.

— Очень хорошее дѣло, проговорили нѣкоторые гласные.

А другіе гласные уморно молчали.

Но вотъ молчаніе нарушилъ молодой, сильный голосъ.

— Не лучше ли, «ваше высокоблагородіе», началъ говорить гласный отъ мѣщанъ:—сдѣлать складочный капиталъ, собрать бездомнѣстныхъ мѣщанъ и дать имъ на устройство хозяйства рублей по 20 серебромъ, на первый случай—они могутъ пахать и обить, и могутъ поправить свое состояніе. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, положеніе бѣдныхъ мѣщанъ достойно истинной жалости: должностей частныхъ неимѣють нѣтъ, земли давать не положено. Что тутъ дѣлать? За что жить? — закружится голова, если хорошенько взглянуть въ положеніе бѣдомнѣ-

ностнаго мѣщанина. Пьяницы! тотъ не испыталъ бѣдности, кто такъ говорить. По неволѣ заплешь, если оглянешься назадъ и кругомъ — все голо, пусто, хоть шаромъ покати, а ѣсть-то хочется. Тоска бѣдному человѣку—онъ мечется и туда и сюда, берется за всякую крайность, сердце въ немъ кипитъ, голодъ мучаетъ, безнадежность доводить до отчаянія, приходится хоть въ петлю — а грѣшно, и все таки бѣдняку хочется жить и жить. Вамъ, Степанъ Степанычъ, стоитъ только взяться и похлопотать о мѣщанахъ, сдѣлать куда слѣдуетъ представленіе, сказать просто и ясно, что у города земли много, а городу доходъ есть большой и безъ земли. И спросить, нельзя ли эту землю раздѣлить для мѣщанъ на участки? Вотъ тогда-то вамъ скажутъ спасибо, истинное и большое спасибо! Тогда и земледѣіе приметъ широкіе размѣры; на васъ глядя, тогда и другіе губервскіе города возьмутся за то же. Но за то вамъ первому, Степанъ Степанычъ, будетъ принадлежать мысль объ улучшеніи быта мѣщанъ...

Много и долго еще говорилъ гласный отъ мѣщанъ. Но будущій городской голова, его высокостепенство, потомственный и почетный гражданинъ, Степанъ Степанычъ Подметкинъ, давнымъ давно спалъ, сидя на своихъ, покуда еще живыхъ, президентскихъ креслахъ.

Ночь впроходила. За часъ до разсвѣта, его высокостепенство проснулся, торопливо отвязалъ кочергу, которая ночью служила ему мѣсто сабли, убралъ со стола самоваръ и оставилъ на прежнія мѣста стулья и столъ.

Такъ во время оного, очень уже давно, князь Александръ Даниловичъ Меньшиковъ изволилъ дѣлать подобныя репетиціи въ тронной залѣ царскаго дворца. Князь садился на тронъ, принималъ корону Петра II, надѣвалъ на себя порфиру.

Степанъ Степанычъ Подметкинъ, конечно, не могъ равнять себя съ княземъ въ отношеніи умственныхъ способностей, но все-таки онъ дѣлалъ въ своемъ домѣ репетиціи — и былъ счастливъ, какъ мальчикъ, которому дарятъ красивую игрушку.

Его высокостепенство боязливо осматривался по всѣмъ угламъ комнаты, труся, чтобы кто нибудь изъ домашнихъ не замѣтилъ его проназъ; потому Степанъ Степанычъ не утерпѣлъ и тихонько про себя сказалъ:

— Буду городскимъ головой.

Потомъ господинъ Подметкинъ принялся за свои обычныя занятія.

Однако, какъ потомственный и почетный гражданинъ, Степанъ Степанычъ Подметкинъ, страстно и влчательно ни желалъ быть городскимъ головою, а встрѣтилъсь не мало препятствій. Во первыя, Подметкинъ былъ раскольникъ, слѣдовательно, законъ не допуеалъ

его къ отправленію общественныхъ должностей; во вторыхъ, были въ городѣ *Веселомъ* купцы и старше его родомъ, и много богаче; въ третьихъ, половина мѣщанъ города ненавидѣла его за непомерную гордость и высокомеріе; въ послѣдствіи эта ненависть возрасла до негодованія, до явнаго ропота.

Степанъ Степанычъ думалъ ночь, думалъ двѣ, думалъ сто, двѣсти ночей, да и отстранилъ всѣ эти пренятствія.

Настала ночь 18го года, *такого-то* мѣсяца и числа, ночь знаменитая въ биографіи Подметкина. Большой домъ его, стоящій на главной улицѣ города, былъ иллюминированъ со всею затѣйливостію, тутъ горѣли голубые, красные, синіе, зеленые и другихъ цвѣтовъ шкалки; тутъ были разные транспаранты и щиты, съ изображеніемъ цвѣтовъ, то есть, розъ, лилій, лавровъ, и т. п. тутъ были... Впрочемъ, тутъ было много всего: всего не упомнишь, и, слѣдовательно, не перескажешь. Главное вниманіе должно обратить на большой съѣздъ у дома его высокостепенства. Вся площадь и улица около воротъ были загромождены разными экипажами; начиная считать съ двухъ-трехъ колясокъ, можно добраться общимъ числомъ до сотни долгушъ и другихъ общеупотребительныхъ экипажей. Народу передъ домомъ его высокостепенства было очень много. Эту толпу занимало внутреннее освѣщеніе комнатъ, гдѣ было такъ свѣтло, какъ словно въ ясный день при солнцѣ. Толкотня между любозпытныхъ зрителей была порядочная; всякій старался пролѣзть впередъ и всякій старался узнать причину такого блестящаго освѣщенія.

— Послушай-ко, поштенный, эй, ты, землячокъ, заговорилъ въ толпѣ одинъ мѣщанинъ въ желтомъ верблюжемъ чпанѣ, обращаясь къ другому мѣщанину въ такомъ же одѣяніи: — что это за лименація такая?

— А Богъ ее знаетъ. Говорить, кажись, что Степанъ Степанычъ дочь свою отдаетъ замужъ.

— Какую-это? перебила рѣчь мѣщанинъ, выѣхавшій въ разговоръ, какая-то пошлая мѣщанка. — Кособокую-то Фетинью Степановну?... Да кто ее возьметъ? На богатство наплевать. Надо, чтобъ былъ человекъ, какъ слѣдуетъ.

— И, матка ты моя! воскликнула, выѣхавшій въ общій разговоръ, мѣщанка мележе первой: — новѣ только будь денежки, а те возьмутъ дѣвку и безъ того-сево... безъ ногъ, калѣку...

— Нѣтъ, братцы, сказала высокая, рослый парень, подводя къ кучкѣ разговаривающихъ и внимательно вслушиваясь въ ихъ слова: — тутъ замужъ никого не выдаютъ. Я вчера работала въ умо-

коякъ Степана Степаныча. Полы натиралъ воскомъ, такъ знаю кое-что...

— Расскажи, любезный, расскажи! воскликнула толпа разомъ.

Парень, переминаясь съ ноги на ногу, таинственно сказалъ:

— Степанъ Степанычъ третьева дня окстился..

Въ томпѣ раздался громкій, продолжительный хохотъ.

— Что ты врешь, любезный! замѣтилъ первый мѣщанинъ: — чаю, онъ не жидъ какой. Надо жь городить такую ерунду съ кашковой!

— Право, ей Господи, не вру, замѣтилъ парень нѣсколько обиженнымъ тономъ: — самъ и ходилъ смотрѣть-то въ новый соборъ. Духовенства было много, купечество было и много хорошихъ мѣщанъ. Самъ архимандрій мазалъ Степана Степаныча масломъ...

— Муромъ, перебилъ кто-то въ толпѣ.

— Да полно вамъ вры-то городить, вмѣшался опять первый мѣщанинъ.

— Ей ей же Господи! божился парень: — вотъ если я вру, такъ сами спросите кого хотите.

Стоявшіи вблизи бабы хотѣли было хоромъ сдѣлать какое-то возраженіе на слова парня, но вѣрно на нихъ напелъ «тихой стужей», потому что они не стали больше слушать и смѣшались съ толпой. Двое мѣщанъ остались на мѣстѣ спора и задумались.

— Какъ же это такъ? спросилъ первый мѣщанинъ втораго: — какъ же окстился-то Степанъ Степанычъ? Вѣдь онъ русскій чело-вѣкъ.

— А можетъ и не русской, а прикинулся только русскимъ, ото-звался второй мѣщанинъ: — вѣдь всяко бываетъ. Чувашинъ, али мордвинъ — кто ихъ отличить отъ русскаго чело-вѣка...

— Вона! возразилъ первый мѣщанинъ: — что мордвинъ, что Степанъ Степанычъ — тутъ есть разница. А вотъ все мнѣ не вдомекъ, зачѣмъ Степанъ Степанычъ окстился-то...

— А ты, голова съ мозгомъ не догадаешься? сказалъ подошедши къ разговаривавшимъ третій мѣщанинъ. — Зачѣмъ? вѣдь онъ былъ «часовенный».

— Ну, такъ что жь-то?

— «Часовенному» быть степеннымъ головой нельзя, начальство запрещаетъ.

— Эка оказія-то! А что, парень, вѣдь и точно, можетъ быть. А-я-я-й! ну, прокуратъ! нечево сказать.

— Захотѣлось оченно быть степеннымъ-то головой...

— Видно, что захотѣлось...

— Теперь «часовеннымъ-то» будетъ безъ него не вотъ ладно.

— Да, не очевидно.

— Степанъ Степанычъ своихъ не покинетъ, замѣтилъ третій мѣщанинъ, обращая все свое вниманіе на окна дома Подметкина, откуда слышалось: «ура, Степанъ Степанычъ!»

Двое мѣщанъ подвинулись было къ третьему говорившему, чтобы послушать его рѣчей, но толпа любопытныхъ подвигалась все ближе и ближе къ воротамъ и ихъ съ собой захватила... Тутъ сдѣлался общій смѣшанный говоръ и шумъ, и слышны были только отрывистыя, глухія слова:

— Да какъ же это, любезный?

— Да ночемъ я знаю...

— Ты расскажи толкомъ.

— Нечего рассказывать—то, всѣ знаютъ...

— Ай, батюшки! ногу сдавили!

— Тише, тише, не тѣснитесь.

— Ну—ка ты, олухъ, что ты налегся... Аль спать захотѣлъ?...

— Тише, братцы, тише, раздайтесь!...

Гуль и говоръ усиливались. Оставимъ эту толпу на улицѣ, гдѣ она время отъ времени движется и переходитъ на разныя мѣста. Перейдемъ теперь во внутреннія комнаты Степана Степаныча.

Его высокостепенство, потомственный и почетный гражданинъ давалъ обѣдъ. На этотъ великолѣпный обѣдъ приглашены были только избранныя, изъ сословія купцовъ и мѣщанъ такіе люди, на которыхъ Степанъ Степанычъ рассчитывалъ, то есть, разсчелъ уже заранѣе. Эти люди были, можно сказать, одна семья, семья, которая теперь сидѣла за столомъ Степана Степаныча, которая имѣла удовольствіе кушать хлѣбъ и соль господина Подметкина, семья, которая знала, что ея любимый членъ, принялъ «единовѣріе» собственно не за тѣмъ, чтобы перемѣнить свою вѣру и сдѣлаться «богоотступникомъ», но единственно, съ невинною цѣлю, чтобы быть городскимъ головою и служить для общей пользы, для пользы раскольниковъ (главные представители «поповской» секты, замѣчу мимоходомъ, всѣ тутъ были налицо). Степанъ Степанычъ издавна проповѣдывалъ, что если будетъ угодно гражданамъ города *Веселаю*, и если они удостоятъ его такимъ почетнымъ выборомъ, то онъ, его высокостепенство, *соблюдая* слова присяги «не щадя живота своего до послѣдней капли крови», будетъ стараться всѣми зависящими отъ него мѣрами и всѣми средствами о улучшеніи города и быта его жителей, небогатыхъ купцовъ и въ особенности мѣщанъ: обѣдное положеніе послѣднихъ крайне *трогало нѣжное* сердце Степана Степаныча. Его высокостепенство, подѣ рукою и черезъ своихъ приближенныхъ, давно толковалъ о такомъ своемъ пламенномъ и челоуѣколюбивомъ

желаніи, и толковалъ такъ, что рѣшительно никто изъ самыхъ прощительныхъ не могъ быть разувѣренъ въ искренности его убѣжденій. Степану Степаньичу повѣрили и не одни раскольники. Всякій членъ своего сословія, въ какомъ бы онъ званіи ни находился, конечно, желалъ улучшеній города, въ которомъ онъ родился и живетъ. Степанъ Степаньичъ именно былъ избранъ въ головы такими людьми, которые родились и живутъ постоянно въ городѣ *Веселомъ*, и въ ономъ свои дома, сады, лавки и т. п. Эти люди, во время балотировки, клавиши шары на правую сторону, разумѣется, *немножко* покривили своею совѣстью и *немножко* нарушили присягу, ну, да Богъ имъ проститъ, они желали себѣ *лучшаго*, они хотѣли себѣ *блага*: Степанъ Степаньичъ въ перспективѣ рисовался для нихъ какимъ-то кумиромъ, или, по крайней мѣрѣ, если ни кумиромъ, то человѣкомъ дѣлательнымъ, твердымъ и непоколебимымъ за права гражданъ, справедливымъ, добрымъ до крайности и неутомимымъ. У избирателей въ головѣ было одно: Степанъ-Степаньичъ былъ для нихъ человѣкъ *нужный*, необходимый, потому что онъ для нихъ *объщалъ* сдѣлать многое. А какъ не востоять за такого человѣка, который *объщаваетъ*, и ужь конечно выполнить свое обѣщаніе.

Какъ бы ни было, тянулось дѣло долго ли, коротко ли, все-таки его высокостепенство, Степанъ Степаньичъ Подметкинъ, былъ избранъ городскимъ головою: граждане, въ знакъ особенной къ нему довѣренности, удостоили его такого почетнаго званія, а губернское правленіе, безъ всякаго сомнѣнія, утвердить въ этомъ званіи — Степанъ Степаньичъ увѣренъ и въ *себѣ*, и въ губернскомъ правленіи.

Въ комнатахъ, въ особенности въ большомъ залѣ, очень свѣтло. Самъ хозяинъ и виновникъ торжества, Степанъ Степаньичъ, сидитъ на главномъ концѣ стола, передъ лицомъ гостей *близкихъ*, избранныхъ и почетныхъ; прочіе гости сидѣли въ другихъ комнатахъ, за другими столами. Лакеи давно распорядились кушаньемъ. Музыка въ боковой комнатѣ играетъ какой-то веселый маршъ; бокалы шампанскаго вина и стоятъ подъ носомъ у cadaго гостя. А Степанъ Степаньичъ что-то задумался и, вопреки своему знанію свѣта и людей, *взбавилъ* даже *немножко* приличіе: не превозгласилъ даже за кого слѣдуетъ перваго гостя. О чемъ же задумался Степанъ Степаньичъ и въ такое благоприятное для него время? Вотъ объ чемъ: его высокостепенство, потомственный и почетный гражданинъ Подметкинъ, теперь имѣетъ счастье быть головой, представителемъ своего купечества и ишпанства, и цѣлыхъ три года будетъ носить этотъ почетный титулъ — прекрасно; три года пройдутъ, и не увидишь какъ — будущее неизвѣстно. Степану Степаньичу ничего больше не хотѣлось и не хочется, какъ умереть въ такомъ почетномъ званіи, въ званіи,

въ какомъ онъ находится теперь, въ настоящую минуту. Степанъ Степанычъ надѣется прожить не три только года, будущее все-таки неизвѣстно. Изберутъ ли его на слѣдующее трехлѣтне и потомъ, за мимъ послѣдующее? Вотъ эта-то мысль немножко и затуманила голову его высокостепенства.

— За здоровье Степана Степаныча! воскликнулъ одинъ изъ гостей, почтенный кушечъ, закоренѣлый раскольникъ, пріятель Подметкина, который сидѣлъ возлѣ своего патрона:—желаемъ многолѣтнаго здравія Степану Степанычу, дай Господи ему жить, служить и насъ любить.

Гости всѣ до одного встали и взяли въ руки бокалы. Степанъ Степанычъ послѣдовалъ примѣру другихъ, тоже взялъ бокалъ и всталъ съ своего мѣста; но онъ, умный человекъ, и тутъ позабылъ, что первый гость слѣдуетъ быть не за его собственно здоровье, а за чье нибудь другое. Но минута прошла, бокалы осушены, а постороннія мысли были далеко отъ натуры Подметкина. Степанъ Степанычъ, поднимая къ верху другой налитый шампанскимъ бокалъ, сказалъ дрожащимъ, отъ многообразныхъ чувствъ и мыслей, голосомъ:

— Милостивые государи, почтеннѣйшіе господа, любезные мои соотечественники! всепокорнѣйше васъ прошу, выслушайте меня со вниманіемъ. Я теперь ничего не могу сказать ни о себѣ, ни о моемъ усердіи ко благу города, я только теперь могу васъ благодарить за вниманіе, которое вы мнѣ оказали... я постараюсь... я сдѣлаю мѣщанъ совершенно...

Далѣе Степанъ Степанычъ не могъ ничего говорить, даромъ что ему, по заказу за двадцать пять рублей серебромъ, уставщикъ его часовни, мѣщанинъ Герасимъ Зайцевъ написалъ цѣлую рѣчь, на цѣломъ листѣ съ кудрявыми фразами: Степанъ Степанычъ все позабылъ, потому что собственное честолюбіе, почести ему оказываемыя, и прочія многообразныя чувства, и другое, все такое хорошее, лестное для его высокостепенства, немножко захватило ему духъ и выжало на глаза капли двѣ слезы. Однако, Степанъ Степанычъ на столько имѣлъ твердости, что могъ вышить душкомъ свой бокалъ, который въ рукахъ его неизвѣстно почему дрожалъ. Гости съ своей стороны послѣдовали примѣру господина Подметкина. Тутъ всѣ присутствующіе окончательно убѣдились, что Степанъ Степанычъ — человекъ чувствительный и, слѣдовательно, добрый: значитъ, отъ него будетъ прокъ.

Потомъ слѣдовали тосты по порядку за здоровье нѣкоторыхъ властей города, — тутъ Степанъ Степанычъ нѣсколько опомнился отъ угара честолюбія, — за здоровье ихъ супруговъ и т. п. Въ серединѣ обѣда, какая-то густая русая борода изъ мѣщанскаго сословія, подъ вліяніемъ

шенинскаго (которое ей Господь привелъ пить первый разъ въ жизни), изволила было провозгласить тостъ «за здравіе и благоденствіе» отставнаго частнаго пристава, какого-то Василья Гаврилыча; но на этотъ тостъ сочувствіемъ никто ни откликнулся, и бородака должна была невольно сконфузиться, то есть просто срѣзаться передъ почтенными гостями. Обѣдъ былъ, по истинѣ, шумный, какъ и всегда бываетъ между подобными людьми. Тутъ разсуждали о разныхъ предметахъ, о томъ, о семъ, и о томъ, чего сами разсуждающіе вовсе не разумѣли. Тутъ даже нѣкоторые пустились въ плясъ. По окончаніи обѣда, Степана Степаныча, порядкомъ опьянѣвшаго, обязательные гости на креслѣ, какъ онъ сидѣлъ во всей своей красѣ, благополучно откатали въ спальню. Нѣкоторые гости сами сошли съ крыльца, а нѣкоторыхъ лакеи вынесли на рукахъ и бережно положили на тарантасы и на другіе экипажи.

Тѣмъ обѣдъ и покончился.

Прошло два года.

Его высокостепенство, потомственный и почетный гражданинъ Степанъ Степанычъ Подметкинъ править своими дѣлами весьма умно и успѣшно; всѣ жители, то есть купцы, и въ особенности мѣщане, притаились, молчать: по видимому, они довольны правленіемъ Степана Степаныча. Да, это правда, но не слишкомъ большая. А вотъ въ чемъ штука...

Въ самый третій годъ благополучнаго вступленія Степана Степаныча въ головы и его прекраснаго управленія городскою думою, повѣренный мѣщанскаго общества, неизвѣстно вслѣдствіе какихъ причинъ, вздумалъ на Степана Степаныча подать просьбу, да еще по почтѣ, прямо въ Петербургъ. Дерзкій человекъ!

Въ этомъ доносѣ были прописаны всѣ его продѣлки и съ мѣщанскимъ обществомъ, и съ своимъ братомъ-купцомъ, и съ казною, и все такое, что должно было быть весьма неприятно Степану Степанычу. А между тѣмъ, потомственный и почетный гражданинъ господинъ Подметкинъ былъ спокоенъ, потому что онъ былъ *уверенъ*, что доносы на городскихъ головъ пишутся людьми неблагонамѣренными, клеветниками, ябедниками, однимъ словомъ, людьми безъ всякой нравственности. Онъ, Степанъ Степанычъ *вѣрно* зналъ, что доносъ не подѣйствуетъ и рѣшительно не будетъ имѣть никакого вліянія на его управленіе общественными дѣлами, — зналъ и продолжалъ дѣйствовать, какъ подсказывали ему собственный умъ и сердце.

А ты, писавшій этотъ доносъ, мѣщанинъ Иванъ Зиновичъ, ты, всю жизнь жившій честно, ты, вздумавшій подвизаться за правое дѣло, за дѣло бѣдныхъ и беззащитныхъ мѣщанъ, выигралъ ли ты

сколько нибудь своимъ поступкомъ въ мнѣніи Степана Степаныча? Ровно ничего, а потерялъ много. Во первыхъ, его высокостепенство, господивъ Подметкинъ, узнавъ *положительно* о твоёмъ доносѣ, удалилъ тебя отъ должности «повѣреннаго по городскимъ землямъ»; во вторыхъ, онъ призывалъ тебя къ себѣ въ домъ, долго смотрѣлъ на тебя, качалъ головою, кричалъ, кашлялъ, ходилъ скорыми шагами по комнатѣ, опять подходилъ къ тебѣ, и опять начиналъ смотрѣть на тебя долго и пристально тѣмъ мучающимъ сердце взглядомъ, который извѣстенъ только бѣднякамъ. Потомъ Степану Степанычу мимика безъ дикціи надоѣла, онъ еще разъ подошелъ къ тебѣ, Иванъ Зиновичъ, взялъ тебя за бороду торжественно и съ сознаниемъ собственнаго достоинства потрясъ ее и сказалъ: «Слушай ты, Ванька, если ты впередъ будешь писать на меня въ Питеръ доносы, да беспокоить здѣшнее начальство, то я тебѣ на первыхъ порахъ оборву всю твою бороду — вотъ этакъ, вотъ-такъ, вотъ-такъ, чувствуешь? (Степанъ Степанычъ во время своей назидательной рѣчи сильно дергалъ Чайникова за бороду, а уничтоженный такимъ обхожденіемъ, Иванъ Зиновичъ стоялъ смиренно, боясь пошевелиться, потому что въ дверяхъ залы стояли два дюжіе лакея, которые по одному мановенію Подметкина поступили бы съ «повѣреннымъ по городскимъ землямъ» хуже и много нечеловѣчнѣе). Слушай ты, Ванька, я тебѣ никогда этого не прощу, я тебя сотру съ лица земли, превращу въ пыль и прахъ, слышишь? въ Сибиріи мѣста не будетъ. Пошелъ, скотъ». Ты пошелъ, Иванъ Зиновичъ, повѣся голову, съ горькимъ и грустнымъ чувствомъ ты сказалъ: «Боже, Боже! когда же будетъ справедливость въ людяхъ?...»

СЕМЕНЪ МАКАНИНЪ.

ПЕДЬЯ ВЪ КИТАЙСКОЙ КУМИРНЪ (*),

ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕКИНА.

Вчера я дотащился сюда изъ Пекина, усталый и въ пыли, но съ чувствомъ того живаго удовольствія, какое испытываютъ выздоравливающіе при первомъ выходѣ своемъ изъ душной комнаты на вольный воздухъ. Здѣшняя мѣстность не всѣмъ нравится; она пустынна и не разнообразна; вблизи голья горы; кругомъ, по долинкамъ, безбрежныя поля; кумирня китайской богини, единственное сносное пристанище, расположена при подошвѣ каменстаго отрога горъ, скромна и уютна; болотистое озеро оцѣпляетъ ея красныя стѣны съ трехъ сторонъ; на западѣ рисуется мрачная масса главнаго кряжа пекинскихъ горъ, почти всегда покрытая тонкимъ туманомъ. Здѣсь вдоволь можно насладиться уединеніемъ и свободой, столь вождѣливой для больныхъ и одержимыхъ хандрою.

Въ кумирнѣ я засталъ все то же и тѣ же самыя лица, какія видалъ въ прежніе разы. Встрѣтилъ меня пріемный даосъ, дѣтина лѣтъ за 30, статный и сановитый, украшеніе кумирни и не послѣдняя из-

(*) Всю прелесть этого разсказа пойметъ вполне только тотъ, кто былъ въ Китаѣ и кто знаетъ, сколько поэтическихъ сторонъ и сколько задушевныхъ стремленій заключаетъ жизнь народа, котораго привыкли считать космическимъ въ самомъ грубомъ матеріализмѣ; вотъ почему между прочимъ мы рѣшились отдать въ печать этотъ отрывокъ нашего почтеннаго сослуживца, проведшаго полъ жизни своей въ Китаѣ и теперь находящагося вдали отъ родины.

Прим. издателя.

вѣстность между обитателями края. *Вань-чженъ*, — такъ называется эта замѣчательная личность, — поборникъ декорума, неукоризненно сохраняетъ его всегда, и въ рѣчи, и въ одѣвнн, и въ приемахъ; онъ третій въ іерархіи монастыря, но далеко именитѣе своихъ собратій; на немъ лежитъ обязанность гостепріимства, исполняемая имъ очаровательно, и финансовая отчетность кумирни. Другой даосъ, называемый хозяиномъ, старикъ лѣтъ 60, исключительно занятъ пашнями и огородомъ, гдѣ и проводитъ всѣ дни, избѣгая столкновений съ посѣтителями. Самый главный даосъ, старикъ несчетныхъ лѣтъ, сидитъ гдѣ-то въ захолустьѣ, заброшенный и забытый; его кормятъ не столько по долгу, или изъ состраданія, сколько по привычкѣ. О другихъ особахъ этого скромнаго брагства не стоитъ упоминать.

Сегодня утромъ, входитъ въ занимаемую мной комнату мягкими шагами Ванъ-чженъ, одѣтый, какъ всегда, въ свою черную рясу, выбритый, вымытый, съ тщательно завитымъ хохломъ на головѣ, и предлагаетъ мнѣ пачать съ нимъ поѣздки по пригорью. Мы запаслись провіантомъ, сѣли на муловъ и отправились къ западному хребту. еще не скинувшему съ себя утреннихъ тумановъ, глубокія пади его покрыты были бѣлою облачною пеленою; съ зеленыхъ полей, по которымъ мы пробирались, вѣяло свѣжестію и здоровьемъ; по полямъ разсыяны были крестьянки и дѣти, они пололи горную траву между рядами колосевъ; китайцы ухаживаютъ за своими полями, какъ за цвѣтникомъ.

Мой путешественникъ озираетъ окрестности, какъ свои владѣнія; онъ знаетъ древности и преданія всей пригорной страны и занималъ меня разсказами, указывая своей мухоголкой то въ ту, то въ другую сторону. Вотъ столообразная гора, на которую небожители слетаются играть въ шахматы; а вотъ высокій пикъ, наклонившійся надъ долиной, съ котораго одинъ баснословный герой Китая, осажденный полчищами враговъ, испустилъ носомъ звукъ, подобный гулу огромнаго колокола; при этомъ волшебномъ гулѣ, какъ при звукѣ Роландова рожка, враги, объятые неодолимымъ ужасомъ, побросали оружіе и бѣжали безъ оглядки. На концѣ горнаго отрога, на вершинѣ сопки, виднѣлись развалины капища, построеннаго въ честь одной матери, двѣнадцать сыновей которой погибли на здѣшней долинѣ, въ кровавомъ бою съ киданями; печальная душа ея витаетъ надъ долиной и зоветъ къ себѣ блуждающія тѣни сыновей. Многое и другое сообщалъ мнѣ всезнающій спутникъ мой. Если бы мнѣ вздумалось спросить его о жителяхъ деревень, черезъ которыя мы проѣзжали, онъ могъ бы разсказать мнѣ подноготную каждого семейства и каждого крестьянина въ особенности; за то и жители долины, отъ мала до велика, звали *Ванъ-чжена*, и не было ни одного встрѣчнаго крестьянина или

крестьянки, которые не привѣтствовали бы его добрымъ словомъ и, по обычаю, не разспросили бы, куда и зачѣмъ мы путешествуемъ. Здѣсь я долженъ дополнить характеристику этого рѣдкаго человѣка, чтобы имя его не было забыто, какъ имя дюжиннаго таланта. Онъ упречилъ свою славу по долинь необыкновеннымъ искусствомъ миротворенія; самые лютые раздоры и запальчивые споры таяли, смягчались и совершенно исчезали отъ его благоразумной красной рѣчи, сопровождаемой спокойнымъ и пропитательнымъ взглядомъ. Даръ его не оставался втунѣ; съ этою благотворительною цѣлю, достойный человѣкъ почти каждый вечеръ уходилъ изъ кумирни и нерѣдко возвращался уже утромъ.

Итакъ, когда вся долина узнала, куда и зачѣмъ мы путешествуемъ, мы вѣхали въ горное ущелье и чрезъ овраги и буераки подвигались до полгорья, гдѣ находились каменноугольныя копи. Работа была въ полномъ разгарѣ; голые мальчики, черные съ ногъ до головы, одинъ за другимъ, спускались въ колодець и выходили оттуда, таща на себѣ глыбы угля; на платформѣ устроена была кассирская, гдѣ выдавали мальчикамъ плату за каждый приносъ и принимали деньги отъ покупателей, стоявшихъ тутъ же, кучей, съ ослиами и мулами. Колодець шелъ внутрь сажени на сто и имѣлъ другое отверзтіе, къ которому приделанъ былъ герметически, закрытый вентиляторъ, или колесо съ маховыми досками, для того, чтобы, въ лѣтнюю пору, приводить въ движеніе воздухъ въ колодець. Близъ копей, были ломки известкового камня. Мѣсто было на припекѣ; солнце начинало калить каменные отвѣсы горъ; отраженія отъ известковыхъ скалъ рѣзало глаза; мы сгѣшши улизнуть отъ жара и духоты, отряхая съ себя слой каменноугольной и известковой пыли.

Выбравшись изъ ущелья снова на долину, мы направили нашъ поѣздъ вдоль подошвы западнаго кража горъ, и по дорогѣ посѣщали мѣста, которыя, по мнѣнію моего путеводителя, заслуживали вниманія, или давали пищу его наставительной бесѣдѣ. Доѣхавъ до одной отвѣсной и, по видимому, неприступной скалы, мы оставили муловъ на запущенномъ кладбищѣ и стали подниматься по крутой тропинкѣ къ кумирнѣ, расположенной на скалѣ; оттуда открывался видъ на всю долину. Подъемъ былъ крайне утомителенъ; мы шагали съ камня на камень, снотыкаясь и зацѣпляясь за колючія растенія; въ самой пустынной и дикой дебри, подъ нависшими скалами, мой спутникъ вдругъ зацѣлъ громкимъ и не стройнымъ голосомъ, горное эхо дико вторило ему; зацѣлъ онъ не для того, чтобы позабавиться эхомъ, а чтобы избавиться коварства и наважденія горныхъ духовъ, которые за частую, или бросаютъ въ путника камнями сверху, или вырываютъ изъ-подъ ноги его камень, или овладѣваютъ его душой и увескаютъ въ пади;

они, какъ и съ земные духи, боются только человѣческаго голоса. Голосъ моего спутника, походившій на крикъ о помощи, дѣйствовалъ на террасу кумирни хилаго *Лаодао* (мирлиана, удалившагося на житье въ кумирнѣ), единственнаго обитателя покинутаго капища. Наконецъ, мы вскарабкались до кумирни и отправились отдыхать на вѣшную террасу. Видъ отселѣ дѣйствительно былъ великолѣпный; передъ нами разостлалась зеленая долина, какъ на ладони; селенія съ купами плантацій рѣзко очерчивались среди безграничной площади хлѣбныхъ полей, отдѣлявшихся одно отъ другаго правильными линіями; мы могли слѣдить за протяженіемъ сѣвернаго хребта горъ до восточныхъ его отроговъ; влѣво видѣлись золотистыя крыши старинныхъ царскихъ кладбищъ. Пока мы любовались этой широкой картиной, *Лаодао* сообщилъ намъ, что онъ, изъ сожалѣнія къ покинутой всѣми кумирнѣ и для собственнаго спасенія, рѣшился пожертвовать остальными днями своей жизни, на присмотръ за кумирами, и что только разъ въ недѣлю онъ сходитъ съ горъ въ деревню, за провіантомъ. *Ванъ-чженъ*, выслушавъ его, снисходительно замѣтилъ, что подобнымъ поступкомъ, онъ показалъ примѣръ похвальнаго самопожертвованія, похвалилъ отрѣшеніе отъ міра вообще, и обнадежилъ старика, что настанетъ время, когда онъ, по примѣру прежнихъ пустынниковъ, не будетъ нуждаться въ пищѣ, вовсе и не умретъ, а скинетъ съ себя брэнную кожу и возлетитъ выспръ. *Ванъ-чженъ* былъ мастеръ говорить съ убѣжденіемъ. Послѣ того, онъ разсказалъ мнѣ кое-что о послѣднемъ жильцѣ этой дикой кумирни, Хэшанѣ (монахѣ фонетской секты). Онъ слылъ въ околоскахъ за чудотвора и имѣлъ въ услуженіи змѣю и тигра, которые, при посѣтителяхъ, скрывались въ пещерѣ. Жилъ онъ здѣсь долго, пока не пропалъ безъ вѣсти; полагаютъ, что онъ возымѣлъ какіе нибудь земные помыслы и заѣденъ тигромъ. Послѣ его исчезновенія пещеру заложили. При этомъ разсказчикъ указалъ на устьѣ пещеры въ скалѣ, дѣйствительно заложенное и закрашенное бѣлой краской. «А мнѣ сдается, замѣтилъ *Лаодао*, что онъ съѣденъ не тигромъ, а волками. Когда онъ исчезъ, и я переселился сюда, разъ вышелъ на эту террасу, на которой Хэшанъ любилъ сидѣть; смотрю, она на половину обрушилась; я и догадался, что онъ полетѣлъ внизъ вмѣстѣ съ насыпью, и остатки его внизу, навѣрно, съѣдены волками. Много мнѣ стоило труда починить эту прорѣху». Когда онъ сказалъ намъ это, мы поспѣшно отступили отъ парашета террасы и едва не смали изумленнаго *Лаодао*, и тутъ только замѣтили, что насыпь устроена кое какъ на неправильномъ уступѣ скалы; намъ не хотѣлось испытать судьбу Хэшана и слетѣть внизъ, прямо на нашихъ муловъ, которые едва видѣлись подъ нами, въ квадратѣ кладбища. Полюбовавшись дикой природой, мы спустились къ по-

дошеи скалы, но той же опасной тропинкѣ, при чемъ спутникъ мой не забываетъ отгонять горныхъ духовъ своимъ испытаннымъ средствомъ.

Отсюда мы отправились странствовать дальше; объѣхавъ два большихъ горныхъ отрога, мы усмотрѣли въ глубинѣ небольшой долины кушу зеленыхъ деревьевъ и сквозь нихъ красную стѣну монастыря; сюда мы направили медленные шаги нашихъ муловъ; не мѣшало, по мнѣнію моего спутника, отдохнуть въ этомъ красивомъ и тихомъ приютѣ. «Вотъ здѣсь-то и живетъ *Люлао!*» сказалъ онъ. Этотъ господинъ *Лю* былъ 80-ти лѣтній придворный внучекъ, который на старости удалился въ горы и откупилъ, для своего убѣжища, часть буддѣйской кумирии. Прошла молва, что онъ владѣетъ значительнымъ богатствомъ, и потому онъ пользовался извѣстностію и почетомъ во всемъ пригорьѣ, до самаго дальняго отрога. *Ванъ-чжэнъ*, какъ китайскій, питавшій безусловное благоговѣніе къ золотому тельцу, выражался о старомъ внучкѣ всегда съ особеннымъ уваженіемъ и не опускалъ случая напоминать ему о себѣ незначительными подарками въ годовые праздники; втайнѣ онъ питалъ нѣкоторую надежду на завѣщаніе безроднаго и набожнаго старика въ пользу кумирии. *Ванъ-чжэнъ* разумѣется зналъ всю подноготную внука. Онъ былъ нѣчто въ родѣ дядьки покойнаго принца, и не безъ участія въ его скандальныхъ похожденияхъ въ стѣнахъ дворца; прежде, чѣмъ дворцовыя интриги обпаружились, внучекъ постарался выйти изъ дворца и остался чистъ и невредимъ. Прежде у него была страсть къ алхиміи и онъ устроилъ въ своемъ уединеніи алабикъ изъ синей извести, запасся самородною киноварью, орпиментомъ и сѣрой, и по руководству секретныхъ книгъ, десять лѣтъ, вываривалъ чудотворную *дань*, которая доставляетъ золото, летаетъ по воздуху, безсмертне, или по крайней мѣрѣ, доуголѣтіе. Добился ли внучекъ своей цѣли, или нѣтъ, никто не зналъ; онъ никому о томъ не говорилъ и никому не показывалъ своихъ результатовъ. Въ одну ночь, онъ долго стоялъ на дворѣ, разсматривая что-то, при лунномъ свѣтѣ, на четверугольномъ подносіи, что называется въ алхиміи повѣркой операци, и съ того времени прекратилъ свою таинственную работу; алабикъ былъ разбитъ въ куски. Многіе были увѣрены, что онъ добылъ *дань* и приписывали этому обстоятельству его богатство и долгую жизнь, съ свѣжими силами.

Мы переѣхали черезъ каменный мостикъ, красиво перекинутый черезъ ручей, и въѣхали на первый дворъ кумирии. Здѣсь встрѣтилъ насъ хозяинъ ея, проворный и вѣжливый Хэшанъ, и ввелъ насъ въ особую гостиную; мой спутникъ объяснился сначала, какъ водится, о теплѣ и холодѣ (погодѣ), выпилъ чашку желтаго чая, кое что ска-

заялъ о путешествіи и красивомъ положеніи кумирни и потомъ уже осторожно спросилъ о здоровьѣ интереснаго квартиранта кумирни. «О! превосходно, отвѣтствовалъ Хэшанъ. Надобно удивляться, какъ этотъ достойнѣйшій человѣкъ еще здоровъ и крѣпокъ; небо, видимо, благоволяетъ къ нему, за прекрасныя качества его души». — «Въ какомъ положеніи его кумиренка? Я такъ давно не былъ здѣсь». — «Поддерживается отлично. Да не угодно ли пройти?» — Мы пошли. Хэшанъ осторожно постучалъ въ боковую калитку, которая чрезъ минуту отворилась передъ нами. Одинъ изъ служителей евнуха, *Лаочжанъ*, простой и наивный крестьянинъ пожилыхъ лѣтъ, ввелъ насъ въ небольшой изящный дворикъ; Хэшанъ остался за калиткой. Кругомъ дворика были посажены въ землѣ и банкахъ цвѣты и гдѣ-то не вдалекѣ слышалось журчанье ручья. Главное зданіе, ярко выкрашенное киноварью, служило капищемъ, устроеннымъ евнухомъ; самъ онъ помѣщался въ тѣнистомъ флигелѣ; рамы въ простѣнкахъ были сдѣланы изъ дорогаго дерева. Внутри кумирни, въ богатой нишѣ, поставленъ былъ золоченый кумиръ китайскаго женоподобнаго божества; передъ нимъ въ жаровнѣ курились благовонныя свѣчки; на полу потертый отъ поклоновъ коврикъ; рядомъ съ коврикомъ стоялъ на подпоркахъ гробъ, закрытый наглухо синимъ холстомъ. Мой спутникъ шелъ молча, ступая кошачьимъ шагомъ и посматривая кругомъ умильно; войдя въ кумирню, онъ прежде всего растянулся передъ кумиромъ, съ набожнымъ видомъ и вздохомъ. «Вотъ здѣсь, подлѣ гроба, говорилъ нашъ чичероне, *Люлаоп* каждое утро и вечеръ совершаетъ свои поклоненія; смотрите, какъ потерялся коврикъ; о, это набожная душа». Ванъ-чженъ осторожно открылъ часть чехла съ гроба и мы увидѣли, что онъ сдѣланъ не изъ простаго дерева и изъ цѣльныхъ толстыхъ кусковъ; середина его окрашена была въ черный цвѣтъ, а оконечности въ желтый съ золотыми узорами, въ память придворнаго служенія будущаго жильца его. *Ванъ-чженъ*, слегка постукивая своими длинными ногтями по гробу, спросилъ вожатаго въ полголоса: «полагаю, что не дешево стоитъ?» — «Да; онъ сдѣланъ въ Пекинѣ, по заказу, отвѣтилъ *Лаочжанъ* съ притворнымъ равнодушіемъ, но поглядывая на насъ значительно; всего за 200 ланъ (400 руб. сереб.)». *Ванъ-чженъ* не удержался бросить на меня знаменательный взглядъ. «Старикъ, продолжалъ словоохотливый домочадецъ, на такія вещи не жалѣетъ денегъ; а посмотрите, какъ онъ одѣвается; вѣдь едва отличишь отъ нашего брата. У него тамъ цѣлый сундукъ набитъ шелковыми съ золотымъ шитьемъ платьями, которыя онъ носилъ во дворцѣ; хоть бы разъ вынулъ да надѣлъ на себя; далъ бы намъ полюбоваться; такъ нѣтъ, не хочетъ и смотрѣть; такой скромный. Есть у него и другой сундукъ поменьше (здѣсь *Ванъ-чженъ*, знавшій хорошо, о чемъ

идеть рѣчь, торжественнымъ взглядомъ пригласилъ меня усугубить мое вниманіе), сундукъ крѣпко на крѣпко запертый и такой тяжелый, что мы едва втащили его намедни въ новую спальню». Говоря это, простодушный *Лаочжэнъ* для внящаго нашего вразумленія, опустилъ руки внизъ и показалъ видъ, что поднимаетъ что-то съ величайшимъ усиліемъ. «У старика есть-таки кое-что на его вѣкъ», прибавилъ онъ, кивнувъ головой. Когда мы, оставивъ моленную, вышли на переднюю террасу ея, первый предметъ, бросившійся намъ въ глаза, было морщинистое, какъ изюмъ, и дряхлое лицо евнуха, который шелъ къ намъ, пробираясь промежъ цвѣточныхъ банокъ. *Ванъ-чжэнъ* стремглавъ бросился со ступенекъ террасы и успѣлъ раскланяться прежде, чѣмъ тотъ выкарабкался изъ цвѣтовъ. «*Люлао!* Какъ ваше драгоценное здоровье?» — «Какое мое старческое здоровье!» — Какъ такъ? Но вѣдь вашъ видъ такой свѣжій и здоровый. А мы вотъ любовались вашимъ чуднымъ заведеніемъ. Я такъ заинтересовалъ особю вашею моего гостя, почтеннаго иностранца, что онъ непремѣнно желалъ насладиться вашимъ лицезрѣніемъ». И безсовѣстный *Ванъ-чжэнъ* старался не смотрѣть на меня. «Что вы говорите? воскликнулъ евнухъ дребежжающимъ голосомъ. Стоитъ ли вниманія такая бѣдная хижина и такой убогій пустынный? Но зачѣмъ мы стоимъ на солнечномъ жару? прошу удостоить вашимъ посѣщеніемъ мою скромную лачужку и освѣжиться чашкой водицы (чаю)». Евнухъ отворилъ двери флигеля и пригласительно простеръ руку. Начались церемоніи уступчивости и изящныхъ приемовъ и поворотовъ, въ которыхъ *Ванъ-чжэнъ* оказался замѣчательнымъ практикомъ; но какъ мы имѣли дѣло съ старымъ царедворцемъ, то принуждены были уступить его превосходству и сѣли въ кресла, въ глубинѣ, удрученные тяжестью вѣжливостей хозяина. Съ лица *Ванъ-чжэна* потъ катился градомъ; евнухъ, замѣтивъ, что въ рукахъ его, вмѣсто вѣера, мухогонка, подошелъ къ нему съ боку, и прежде чѣмъ тотъ успѣлъ опомниться, съ изысканною угодливостію пахнулъ на него своимъ вѣеромъ и потомъ ласково всучилъ вѣеръ очарованному гостю. Когда, однакожъ, мы всѣ приняли твердыя позанціи и евнухъ утѣлся противъ насъ на скамьѣ, въ немъ произошла замѣтная перемѣна; легкое безпокойство овладѣло имъ; онъ вставалъ безъ всякой причины, одергивалъ себя, мялъ рукава, отворачивался въ сторону; это странное состояніе замѣчается въ извѣстныхъ случаяхъ во всѣхъ евнухахъ и походить на непріятное ощущеніе, какое испытываешь, сидя въ обществѣ, и забывъ взять съ собой носовой платокъ. Бесѣда, между тѣмъ, текла своимъ чередомъ. *Ванъ-чжэнъ*, прихлебнувъ поданнаго намъ чаю, воскликнулъ: — «да этотъ чай»... «Изъ давнихъ; осталось нѣсколько отъ дворцоваго». *Ванъ-чжэнъ* обратилъ вниманіе и на вѣеръ. «Ба! воскликнулъ онъ, посмотрѣвъ при-

стально на надпись на вѣрѣ и подпись ея; это знаменитой кисти *Лохэманя*! Вотъ драгоценность!» — «Да, да: какъ-то уцѣлѣлъ этотъ вѣрѣ. Въ старину, когда я былъ еще въ мѣрѣ, я былъ большой любитель каллиграфіи да старыхъ монетъ; что дѣлать, страсть». — «У васъ, на что ни взглянешь, все рѣдкости; подлинно есть гдѣ открыть глаза. Это дача *Таочжуню* (знаменитаго богача пустытника)», заключилъ *Ванъ-чжэнъ*, осклабясь всѣмъ лицомъ. Разговоръ переходилъ съ предмета на предметъ. Евнухъ былъ не чуждъ и политики; и до него дошелъ слухъ о знаменитомъ пограничномъ вопросѣ, извѣстномъ подъ именемъ: «пренія о лапахъ чернаго дракона»; онъ выразилъ по сему предмету мнѣніе въ духѣ національнаго предубѣжденія. Когда *Ванъ-чжэнъ* упитался лестною бесѣдою съ богатымъ евнухомъ, мы встали; вѣрѣ возвращенъ былъ съ глубочайшею благодарностью; *Ванъ-чжэнъ* убѣдительноше просилъ евуха посѣтить его грубый скитъ и отретировался изъ залы и черезъ весь дворикъ задомъ, до самой калитки, за которой подслушивалъ Хэшанъ. «Ну, вотъ видѣли *Люлаоъ*, говорилъ онъ мнѣ, при выходѣ изъ монастыря, не правда ли онъ любезнѣйшій и достоуважаемый человекъ?» — «Куда жъ мы теперь поѣдемъ?» — «Все равно, куда бы ни ѣхать», отвѣтилъ *Ванъ-чжэнъ*, еще подъ вліяніемъ восторженности. Главное, по его мнѣнію, т. е. посѣщеніе евуха, было сдѣлано; все другое не стоило вниманія. Между тѣмъ, послѣполуденный жаръ началъ сильно беспокоить насъ; наши клячи спотыкались отъ усталости. Но не ожидая тривиальнаго отдыха, мы кое какъ доплелись до одной старинной кумирни, расположенной на живописномъ уступѣ горы. Кумирня занимала большое пространство, но была запущена; кругомъ ея лѣсъ старыхъ деревьевъ; ручей протекалъ черезъ весь дворъ и потомъ подъ сѣнію рощи спускался по скату серебристыми каскадами. Здѣсь былъ нѣкогда загородный дворецъ старинныхъ династій. Хозяина-Хэшана не было дома; насъ встрѣтилъ ученикъ его, мальчикъ, и прямо повелъ черезъ калитку въ лѣсъ; здѣсь, на берегу ручья, стояло фисташковое дерево, необыкновенной толщины, футовъ 8 или 9 въ поперечникѣ ствола. По увѣренію *Ванъ-чжэна* оно самое большое дерево этого рода не только въ Пекинскихъ окрестностяхъ, но и во всемъ Китаѣ. Мы расположились подъ древесною тѣнію, близъ ручья, развернули узелъ съ провіантомъ и съ чувствомъ рѣдкаго удовольствія принялись за скромный завтракъ. *Ванъ-чжэнъ* не хотѣлъ оставить безплоднымъ для меня настоящее посѣщеніе и спросилъ мальчика: — «а что сдѣлалось съ грѣшникомъ?» — «Ушелъ послѣ праздниковъ (майскихъ) и не возвращался». Задавъ такую загадку, благоразумный спутникъ мой отложилъ объясненіе до конца завтрака. По окончаніи трапезы, когда принесли къ намъ подстилокъ и мы возсѣвъ на нихъ предались усла-

длительному покою, *Вань-чженъ* рассказалъ мнѣ: «назадъ тому года два, въ этомъ монастырѣ было до пяти хэшановъ. Разъ, въ покаянный день, ночью, когда они собрались въ храмъ, приходитъ къ нимъ незнакомый хэшанъ, одѣтый въ рубище и съ глубокою скорбію на лицѣ, входитъ въ среду ихъ и громогласно объявляетъ, что на совѣсти его лежитъ тяжкій неслыханный грѣхъ, и что онъ проситъ у нихъ пріюта, давая обѣтъ покаянія до конца дней своихъ. Ему отвели уединенную келью, гдѣ онъ, съ тѣхъ поръ не переставалъ расписывать покаянныя молитвы, ударяя палочкой о столъ. Онъ совершенно чуждался общества человѣческаго и ни съ кѣмъ не хотѣлъ говорить. Когда слухъ объ этой личности распространился по окрестностямъ, многіе стали посѣщать монастырь, любопытствуя взглянуть на отчаяннаго грѣшника, въ окно его кельи; особенно, въ открытіе кумирень (празднества), сюда валили цѣлыя толпы. Долго бились надъ тѣмъ, какой именно грѣхъ тяготѣлъ надъ его душою; наконецъ, народная молва, неизвѣстно на какомъ основаніи, придумала ему названіе висѣльника. Бѣдному покаянику это наименованіе, должно быть, не понравилось, и опасаясь возбудить подозрѣнія, онъ счелъ благоразумнымъ удалиться изъ этого края. «Что до меня, продолжалъ, помолчавъ *Вань-чженъ*, отъ проникательности котораго не ускользали никакія ухищренія и тайныя побужденія его собратьевъ по ремеслу, — что до меня, я увѣренъ, что онъ такой же великій грѣшникъ и висѣльникъ, какъ я». И при этомъ онъ указалъ палецъ на кончикъ своего носа, подобно тому, какъ мы говоря о себѣ, указываемъ на грудь. *Вань-чженъ* полагаютъ безпрекословнымъ и общезвѣстнымъ, что за нимъ не было вошіющихъ грѣховъ, и что онъ менѣе, чѣмъ кто либо, заслуживаетъ висѣльницы. «Дѣло вотъ въ чемъ: эта кумирня стоитъ въ сторонѣ отъ дорогъ, которыя ведутъ на верхъ хребта къ знаменитому кашницу; въ праздничную луну, пилигримы шли на другія кумирни, лежавшія на прямыхъ дорогахъ и рѣдкимъ случалось попасть сюда. Вотъ адѣшняя братія, ревнуя о пользахъ своего монастыря, и придумала средство привлекать къ себѣ пилигримовъ. На первый разъ оно удалось, а потомъ кончилось такъ, какъ кончаются всѣ слишкомъ своекорыстные расчеты». Сказавъ это, *Вань-чженъ* глубокомысленно устремилъ взоры свои въ свѣтлыя струи ручья. Усталость, тепло, тѣнь и тишина неодолимо усыпляли насъ и смежали наши очи; закутавъ головы платками, мы повалились, какъ снопы и погрузились въ глубокой и безмятежный сонъ.

Мы не приняли предосторожностей и не рассчитали, что вечернее охлажденіе воздуха можетъ застать насъ почивающими, и испаренія нагрѣтой земли пустыря зловредно подѣйствуютъ на разслабленные члены наши. За то мы поплатились припадкомъ бреда. Когда намъ

сонъ началъ утончаться и рѣдѣть, странный шумъ, похожій на тихій, однотонный звонъ, огласилъ нашъ слухъ, производя въ сердцѣ бо-
лѣзненную тоску и страхъ; одинаковое ощущеніе овладѣло нами обо-
ими; мы старались подняться съ нашего ложа и открыть отяжелѣв-
шія вѣки глазъ, и какъ будто воскресали отъ смертнаго сна въ
мірѣ новыхъ невиданныхъ и неслышанныхъ явленій. Смутныя вос-
поминанія родныхъ лѣсовъ и полей, непрощенныя золотыя впечатлѣ-
нія дѣтства, волновали мою душу то радостію, то томительною скор-
бію; напрасно хотѣлъ я уяснить несвязныя грезы въ своемъ усып-
ленномъ самосознаніи; разстроенная фантазія преобладала. Славалось
мнѣ изрѣдка, что это не больше, какъ неохотное пробужденіе, и по-
томъ мысль моя снова разбѣгалась въ сферѣ волшебныхъ видѣній и
я легко уступалъ свинцовому гнету опаснаго усыпленія; изрѣдка так-
же темно мелькала предъ моими глазами фигура моего страждущаго
спутника, хотя я не могъ дать себѣ отчета, что это за согбенное су-
щество. Въ это время онъ успѣлъ приподняться, уперся колѣнами и
локтями въ подстилку и силился образумиться отъ обаянія; страшная
мысль, какъ блудящій огонекъ на болотѣ, затеплилась въ его отума-
ненной головѣ, мысль о наважденіи злаго горнаго духа, который, вѣ-
роятно, воспользовавшись мирнымъ сномъ его, впился своими лапами
въ разумную часть его существа и злодѣйски старался удержать за со-
бой обезсиленную жертву. *Ванз-чжэнъ* собралъ всѣ свои силы и из-
далъ, наконецъ, жалобный вопль. — «Иду!» отозвалось вдалекѣ, вслѣдъ
за тѣмъ; эхо повторило откликъ и неприятно поразило нашъ раз-
строенный слухъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, мы ожили и поднимались, крихта,
охла, облитые потомъ съ головы до ногъ, отъ безплодныхъ усилій въ
въ борьбѣ съ невидимымъ врагомъ, не помня, гдѣ мы, и дико озир-
аясь кругомъ. Прибѣжалъ мальчикъ, который, слыша крикъ *Ванз-
чжэна*, полагалъ, что мы зовемъ его, онъ-то и откликнулся. «Скорѣе
чаю!» сказалъ слабымъ голосомъ *Ванз-чжэнъ*. Мальчикъ побѣжалъ
за чаемъ; мы осмотрѣлись и увидѣли себя въ томъ же прекрасномъ
мірѣ Божіемъ; вечернее солнце на безоблачномъ небѣ пылало за чер-
ными зубцами гребнистыхъ скалъ и пронизывало къ намъ яркіе лучи
своимъ сивозъ зеленыя вѣтви деревьевъ; ручей тихо струился у ногъ на-
шихъ и съ журчаніемъ бѣжалъ въ темную рощу; позади насъ, не вдалекѣ,
густой рой дикихъ пчелъ, обитавшій въ дуплѣ фисташковаго
дерева, шумно игралъ и кружился, подлѣ своего улья, на золотыхъ
лучахъ солнца; его-то жужжаніе было таинственными звуками, впоору
разбудившими насъ. На скалѣ кудачталъ фазанъ, клича свою подругу;
вдали, въ лѣсу, раздавался звонкій и печальный кликъ иволги. Передъ
этими живыми чарами природы одуреніе наше совершенно прошло;
осталась слабость въ тѣлѣ и возбужденіе въ нервахъ, располагавшее

насъ къ гнѣву и раздраженію, при малѣйшемъ поводѣ. Мы сползли къ ручью и промыли свои неясныя очи, и когда мальчикъ притащилъ къ намъ большой чайникъ съ крѣпкимъ настоемъ желтаго чая, мы съ величайшимъ наслажденіемъ утолили этимъ горячимъ напиткомъ нашу жажду. Чай освѣжилъ насъ и возстановилъ наши силы; мы физически и душевно пришли въ нормальное состояніе. Такъ кончилось это сонное приключеніе, грозившее намъ злокачественной лихорадкой. *Ванъ-чженъ* не могъ простить себѣ оплошности, съ какою онъ поддался искустельному сну, зная хорошо, что наважденія духовъ особенно свирѣпствуютъ въ уединенныхъ мѣстахъ.

Послѣ непродолжительнаго путешествія, мы возвратились и съ небольшого возвышенія увидѣли нашу обитель и пурпуровое отраженіе заката на озерѣ. *Ванъ-чженъ* внимательно всматривался, и легкая тѣнь тревоги пробѣжала по лицу его. «Гости пріѣхали, сказалъ онъ. Кто бы это могъ быть? А! это фамилія Хань! Зачѣмъ ихъ принесло сюда въ эту пору?» Прибавилъ онъ въ недоумѣніи. Надобно сказать, что глава этой фамиліи, пекинскій мандаринъ, былъ благотворителемъ кумирни *Ванъ-чжэна*; осенью присылалъ ей въ даръ цѣлый возъ риса, весной дѣлалъ денежныя приношенія и въ годичные праздники устраивалъ при кумирнѣ театральныя представленія на свой счетъ. «Пріѣхали гости, продолжалъ съ неудовольствіемъ *Ванъ-чженъ*, а мнѣ вѣтъ дома; не кому было встрѣтить и занять ихъ. Мои собратія не сѣмѣютъ сказать путнаго слова; одинъ выжилъ изъ ума, и только вѣтъ да пьетъ; хозяинъ (второй старій даосъ) вѣчно въ огородѣ, да и походитъ на огородную чучелу; третій грубъ и пьяница; ученики деревеньщина; трудись для всѣхъ и за всѣхъ. Вотъ и теперь, я увѣренъ, что они только ротозѣютъ. Такъ и есть: вотъ собрались у воротъ; о гусиныя головы! (уличныя зѣваки)». *Ванъ-чженъ* въ досадѣ былъ строгъ.

Съ приближеніемъ къ кумирнѣ, открывалась передъ нами вся предкумирная площадь, по которой носился духъ чопорности; мальчишки съ важностію водили муловъ и верховыхъ лошадей, закинуть стремяна на богатыя сѣдла; въ сторонѣ стояло нѣсколько дамскихъ экипажей, покрытыхъ узорчатымъ плисомъ; дюжіе кучера, молча, омывали колеса; столичные гости разбрелись по озеру; у воротъ стояла неподвижно толпа кумиренныхъ, вдали, у покла колодца, остановился съ своимъ осломъ сельскій учитель, въ засаленной рубахѣ, и не хотѣлъ, кажется, разстаться съ этою картиною. Мы неслышно подѣхали и сошли съ муловъ; *Ванъ-чжэнь* далъ имъ по пинку, и мулы, освободившись отъ докучливой ноши, наостривъ уши, весело побѣжали на скотный дворъ. Мы подошли къ воротной толпѣ, гдѣ послышался голосъ неизвѣстнаго оратора. Не обращая на то внима-

нѣя, Вань-чжэнъ бросилъ свою соломенную шляпу за стѣну и прежде всего обозрѣлъ позицію; на лѣво видѣлась пестрая компанія дамъ, на право блестяли бритые лбы кавалеровъ. Правовѣрный подумалъ бы, что Вань-чжэнъ совершаетъ молитвенный салламъ, такъ сосредоточенно и задумчиво посмотрѣлъ онъ на право и на лѣво; послѣ минуты колебанія, онъ остался на этомъ мѣстѣ, какъ Бурдановъ оселъ, между сѣномъ и водой.

Ораторъ, на котораго Вань-чжэнъ не обратилъ вниманія, былъ слѣпой крестьянинъ; въ одной рукѣ держалъ онъ палку, въ другой нищенскую чашку; рубище его начинало пестрѣть лохмотьями; на лицѣ его выражалась смѣсь грусти и благодушія. Передъ нимъ, впереди толпы, стоялъ, опираясь на посохъ, самъ престарѣлый, забытый всѣми Даосъ, выползшій изъ своей конуры, по случаю любопытнаго прїѣзда пекинскихъ гостей, совершенно лысый, опухшій, безъ зубовъ, безъ бровей, безъ рѣсницъ, съ красными вѣками, почти совсѣмъ закрывавшими его слезливые глаза; старикъ постоянно мѣлъ своими толстыми губами. Бѣдный слѣпецъ поймалъ эту жалкую и безчувственную развалину и не отпускалъ ее отъ своихъ темныхъ глазъ. Не понимая причины торжественной тишины, онъ громко и безъ горечи рассказывалъ о постигшемъ его несчастіи. — «Ну, такъ вотъ, говорю я тебѣ, собиралъ я объ эту зиму хворостъ по горѣ въ снѣгу; вдругъ чувствую рѣзь въ глазахъ и слезы ручьемъ; я отеръ рукавомъ—думаю, не кровь ли? нѣтъ, слезы; пуще и пуще, глазамъ больнѣе; ужъ не до топлива; я прислонился къ дереву». — «Къ какому дереву?» спросилъ безстрастно старикъ. — «Къ какому? дѣло не въ томъ; я домой—еще хуже; ночью ломота, а на другой день смотрю и не вижу». — «Вотъ какъ!» — «Да, вотъ какъ! Ну, на работу не ходилъ; на третій день тоже; никого, знаешь, у меня нѣтъ; я покинулъ работу; и силы, и охота есть, да нельзя; вижу-то я вижу, да еле-еле; вотъ я вижу тебя, а коли бы не слышалъ твоего голоса, то не узналъ бы. А какъ, братъ, твои глаза? Плохи! Да тебѣ на что ихъ?» съострилъ добродушно слѣпецъ. — «Какъ на что?» — «Я пошутить. Ну, вотъ я и таскаюсь по добрымъ людямъ; подумалъ: пойду въ вапу кумирню, вѣдь знакомы». Слепой не договорилъ и слегка выставилъ руку съ чашкой. Старикъ, быть можетъ, разщедрился бы, чтобы только отвязаться отъ этого знакомаго, но онъ не имѣлъ ничего и не смѣлъ распорядиться ничемъ. — «Помнится, сказалъ онъ, у тебя есть зять въ Пекинѣ». — «Какъ же, есть; былъ я и у дочери, да сами они бѣдняки, едва себя вдвоемъ пропитываютъ; я пожалѣлъ ихъ и вернулся въ деревню; адъсь, думаю, есть добрые знакомые». Бѣднякъ опять остановился. Старикъ помялъ губами и возразилъ: — «Да у нихъ вѣдь нѣтъ дѣтей!» — «Говорятъ тебѣ, старина, что они дво-

онъ едва могутъ прокормить себя», отвѣтилъ съ фамилярной досадою слѣпой, еще не привыкшій къ униженнымъ пріемамъ нищенства. Эту тягостную сцену покончилъ хозяинъ даосъ, котораго *Ванъ-чженъ* титуловалъ огороднымъ чучелой. — «Ослѣпъ, братецъ?» вѣшался онъ. — «А! это ты, я не узналъ, что ты здѣсь; вотъ я объясняю нашему батькѣ...» — «Знаю, знаю, прервалъ даосъ и тономъ тщеславія прибавилъ: — «Я тебя накормлю». Съ этими словами, онъ далъ знакъ подбородкомъ одному изъ учениковъ; парень, схвативъ чашку слѣпаго, побѣжалъ въ кухню и чрезъ минуту вынесъ ее наполненною рисовою съ горохомъ кашей, съ прибавкой зеленого лука. Когда голодный нищій обонялъ горячій паръ риса, лицо его растворилось блаженствомъ. Онъ выбралъ себѣ мѣсто близъ самыхъ воротъ, сѣлъ, поджавъ ноги, на помысть и располагался насладиться трапезой, къ великому смущенію предстоявшихъ. *Ванъ-чженъ* замѣтилъ это. «Ну, теперь убирайся, сказалъ онъ слѣпцу сухо. Здѣсь гости». Слѣпецъ поспѣшно всталъ и выбрался изъ толпы; я положилъ въ рисъ свою долю милостыни и бѣднякъ, выпрямивъ голову, побрелъ, ощупывая тростію нуть горькой нищеты. Общество пришло въ порядокъ.

И было время удалить со сцены отрепья бѣдности. Дамы, насладившись на озерѣ, подъ сѣнію плакучихъ ивъ, видомъ роскошныхъ цвѣтовъ неньюфара, отошли отъ зеленого берега и медленно подвигались къ воротамъ кумирни; вечерняя заря освѣщала группу великолѣпно. Толпа, подъ предводительствомъ *Ванъ-чжена*, притаила дыханіе, и только одинъ вновь прибѣжавшій ученикъ, высунувъ полное лице свое черезъ плечо даоса хозяина, тяжело дышалъ и носомъ, и ртомъ. Даосъ не выдержалъ: «что ты пыхтишь, какъ мулъ подъ вьюкомъ?» сказалъ онъ шопотомъ. *Ванъ-чженъ*, услышавъ шопотъ, тихо обернулся и посмотрѣлъ на старика съ упрекомъ. Воцарилась тишина. Дамы подошли къ воротамъ и остановились. Впереди была *Таймай* (пожилыхъ лѣтъ), старушка съ добрымъ и печальнымъ лицомъ. Она одѣта была скромно, безъ вычуръ и опиралась на руку изящно убранной служанки; за ней воздымалась величавая и надменная фигура барыни, *Наймай* (замужней женщины), въ богатомъ красномъ платьѣ, съ дорогими привѣсками. Круглое лицо ея было набѣлено, но не нарумянено; на головѣ, какъ и у другихъ дамъ, колыхалась натуральные цвѣты; длинный ноготь на мизинцѣ правой руки защищенъ былъ золотымъ наперсткомъ, похожимъ на гасильникъ. Несомнѣнно было, что эта дама была властительница въ семьѣ. Потомъ была дѣвушка, по обыкновенію, съ развоцѣвтой перелинкой на плечахъ; она держала въ рукѣ цвѣтокъ неньюфара и смотрѣла на него въ раздумьѣ; за ней верѣлась маленькая служанка, съ длинными дамскими трубками въ рукахъ, бойкая дѣвушка, съ разстегнутой

курткой и черными кистями кругомъ головы. Шествіе замыкалъ мальчикъ-баричъ, съ красивымъ, но тощимъ и болѣзненнымъ личкомъ. *Ванъ-чжэнъ* зналъ, какъ съ кѣмъ говорить. Опустивъ руки и наклонившись всѣмъ бюстомъ, онъ встрѣтилъ старушку короткимъ, но чрезвычайно мягко произнесеннымъ словомъ: «*Тайтай!*» — «*Шифу!*» (учитель). — «Изволили прогуливаться на нашемъ болотѣ?» — «Да, прекрасное озеро; на берегу деревья и зелень; въ водѣ прелестныя цвѣты, — право, послѣ городской жизни, отдыхаешь у васъ». — «Что я слышу? я увѣренъ, что вся эта окрестность не стоитъ передняго двора вашего дворца въ Пекинѣ». — «*Шифу* черезчуръ скромнѣе; гдѣ у насъ, напримѣръ, найдете этотъ милый цвѣтокъ бѣлаго неюфара? Красныхъ я много видѣла, по бѣлые рѣдки. На озерѣ я мечтала, какъ бы развести въ чану этотъ цвѣтокъ у себя на дворикѣ; онъ былъ бы утѣхой для моихъ старыхъ глазъ». — «Я постараюсь почтительнѣйше доставить его въ вашу дворецъ». — «О, нѣтъ; много будетъ хлопотъ». — «Скажите, сказала *Найнай*, придавая своему голосу тонъ наивности: вѣдь тотъ же неюфаръ, а цвѣты разные. Различаются ли они чѣмъ нибудь кромѣ цвѣта?» — При этомъ она медленно устремила осеннія волны (очи) на *Ванъ-чжэна*. «Весьма различаются, отвѣтилъ ловкій даосъ. Мы охотно уступаемъ радостный (красный) цвѣтъ небожителямъ и оставляемъ въ нашей юдоли печальный (бѣлый) цвѣтъ». — Намекъ былъ восхитительный». — «И только?» спросила *Найнай* съ улыбкою. — «Различаются и корнемъ. У насъ приготавлиютъ изъ корней того и другаго порошокъ; и есть разница между тѣмъ и другимъ. Порошокъ отъ бѣлаго неюфара вѣжливѣе, пріятнѣе и дѣйствительнѣе». — «Я не знала этого». — «Постараюсь, съ наступленіемъ зимы доставить его на ваше высокое употребленіе. Онъ имѣетъ замѣчательныя свойства». — Здѣсь *Ванъ-чжэнъ*, по роковому ли увлеченію краснорѣчія, поощряемаго столь лестнымъ вниманіемъ, по страсти ли къ универсальности, или, просто, по остатку горнаго наважденія, присоединилъ о физиологическомъ дѣйствіи неюфарскаго порошка нѣсколько книжныхъ замѣчаній, которыхъ, въ благово-спитанномъ обществѣ китайскомъ, не принято говорить дамамъ. Съ послѣднимъ словомъ, онъ повялъ свой промахъ, замолкъ и поднявъ высоко брови, потупилъ глаза въ землю; тамъ онъ отыскивалъ потерянный тактъ. Старушка не обратила на то вниманія и набожно замѣтивъ, что пора уже совершить поклоны и возжечь куренія предъ кумирами, тихо вошла въ калитку. Величавая *Найнай* гордо приподняла свое бѣлое лице; сердитые глаза ея говорили: «Этотъ *Нюбицзы* (коровье рылю, — народное прозвище даосовъ) осмѣливается навязываться съ своими подкрѣпительными порошками!» Она прошла мимо, не удостоивъ *Ванъ-чжэна* полуоборотомъ лица; за ней тронулись ос-

тальныя лица; маленькая служанка не удержалась, чтобы не бросить въ *Ванъ-чжэна* насмѣшливой улыбки и игриво пмыгнула въ калитку. Запахъ мускуса и розоваго масла облакомъ обдалъ толпу кумиренныхъ; нѣсколько времени стояли они неподвижно, раздувъ ноздри и ушываясь аристократическими благовоіаніями.

Ванъ-чжэнь стоялъ спокойно, и только легкое движеніе его бровей обличало задушевную бесѣду, которую велъ онъ съ своею совѣстію. Правдивые укоры ея смущали его. — «*Ванъ-чжэнь!* говорила она ему: — скоро ли ты вполнѣ изучишь науку жизни? Еще такая глупость, и ты прославнешь пустомелей; твоя репутація исчезнетъ, какъ мимолетное облако. Не ты ли повторяешь вычитанную тобой сентенцію, какъ плодъ твоей мудрости, что репутація тоже что слово: разъ выпустишь, не поймашь. Ты безъ нужды потащился въ горы, предоставивъ кумиренныя случайности на поличеніе такой братіи, какъ твоя; что ты тѣмъ выигралъ? Вытащилъ ли у скареднаго свуха завѣщаніе въ твою пользу? Теперь ты затронулъ красную *Найнай*, съ которой, какъ знаешь, шутить опасно; чего добраго, вмѣсто воза риса, лучшаго украшенія кумиреннаго *чжэна* (книги), ты получишь цѣлый возъ нареканій». — Могу увѣрить, что таковы были скорбныя размышленія *Ванъ-чжэна*. Но этотъ удивительный чело-вѣкъ владѣлъ неистощимыми ресурсами. Онъ сказалъ самъ себѣ: — «Промажъ неумышленный; умиротворю *Найнай* любимымъ ея кушаньемъ». — Успокоивъ свою совѣсть, *Ванъ-чжэнь* нагнулся къ одному изъ учениковъ и сказалъ ему: — «*Бэнъ!* бѣги въ кухню и вели повару приготовить для зальпыхъ гостей (дамъ) круглые пельмени со свиной и чеснокомъ и испечь на парахъ; да чтобы напичкалъ чесноку побольше, бѣлаго и зеленаго; когда станутъ подавать, пусть скажутъ, что это-де отъ кумирни. Пошолъ!» — Мальчикъ побѣжалъ. *Ванъ-чжэнь* обратился потомъ къ своему сосѣду, отъ котораго пахло водкой: — «*Ханъ-сянъ!* ты зачѣмъ здѣсь? ступай къ своимъ конюшнямъ и не показывайся, пока у насъ гости». — Это былъ четвертый лаосъ, завѣдывавшій кумиреннымъ скотомъ, весь день онъ былъ въ полѣ; по возвращеніи, успѣлъ сбѣгать въ деревню за провіантомъ для гостей и получилъ отъ нихъ порцію водки, до которой былъ большой охотникъ. Желая поразить и поблажить свою тугую натуру, онъ тоже присоединился къ обществу зрителей; по слову *Ванъ-чжэна*, онъ молча и безпрекословно повиновался, ни сколько не сконфузившись, быстро затопалъ деревянными подошвами своихъ башмаковъ и скрылся на скотномъ дворѣ.

Исправивъ поврежденія въ храминѣ кумиренной репутаціи, доблестный *Ванъ-чжэнь* предпослалъ самоувѣренную улыбку въ полумракъ, туда, гдѣ слышался веселый разговоръ гостей мужчинъ. Пока

дамы любовались, по своей части, цѣбтами, кавалеры, изъ утонченнаго приличія, отдѣлялись отъ нихъ, избравъ поприщемъ своей прогулки другой конецъ озера, гдѣ согнанное съ горъ стадо овецъ и козъ утоляло жажду. Некинскіе зѣваки, съ невыразимымъ удовольствіемъ, забавлялись прыжками козлятъ по камнямъ и сообщали другъ другу важныя замѣчанія. Усмотрѣвъ, что дамы уже вернулись, они направили свои атласные сапоги и степенные шаги къ воротамъ кумирни. Ханъ, мапдаринъ которой-то степени, былъ высокій и полный мужчина; съ нимъ былъ домашній учитель и виѣстѣ секретарь, изъ южныхъ китайцевъ, человекъ ученый и въ очкахъ; были еще два родственника Хана. Одинъ изъ нихъ былъ куритель опиума, — что доказывали землистый цвѣтъ лица и черныя впадины кругомъ глазъ. Ванъ-чженъ сметка кашлянулъ, выступилъ и началъ: «Десять тысячъ разъ виноватъ, что не выбѣжалъ за нѣсколько верстъ встрѣтить высокаго гостя и патрона. Если бы я заранѣе зналъ, что ваша драгоценная персона снизойдетъ въ нашу низменную область, я не пожалѣлъ бы трудовъ и пота, чтобы приготовить достойное помѣщеніе. Надѣюсь, что простите неразуміе горнаго дикаря. Какъ ваше высокое здоровье?» «Весьма хорошо; только вотъ мой сынишка...» Отецъ вздохнулъ. «Поправится непременно. Я замѣтилъ даже счастливую перемену въ его лицѣ; прогулка, движеніе, аппетитъ...» Въ другое время Ванъ-чженъ не опустилъ бы случая замолвить словечко о шоршкѣ; но въ настоящую минуту онъ ни за что не захотѣлъ бы возвращаться къ этому ненавистному предмету. «А мы, сказалъ гость, вздумали проѣхаться на фамильное кладбище, побывали въ горной кумирнѣ и на обратномъ пути заѣхали къ вамъ. Все ли у васъ хорошо?» «Какъ нельзя лучше, вашимъ счастіемъ». «Ба! это кто? иностранецъ. Я знаю ихъ хорошо, — и Ханъ обратился къ своему обществу: — что у нихъ добраго, такъ это богатство, астрономія и медицина. Кстати: что бы это значило явленіе около луны въ прошлый мѣсяць?.. Какъ вздоръ? атмосферическое явленіе? А астрономическій трибуналъ объяснилъ, что этимъ небо указывало на недостатокъ опытныхъ полководцевъ. Правду сказать, — и Ханъ опять обратился къ своимъ спутникамъ: — трудны дѣла въ поднебесной: то длинноволосые (инсургенты), то рыжеволосые (англичане); ни серебра, ни жѣды; я васъ спрашиваю, что вы купите на эти бумажки? вѣдь онѣ ходятъ теперь въ треть цѣны». Друзья съ прискорбіемъ качнули головами. «А вотъ вамъ, отцамъ, такъ ни почемъ, весело продолжалъ Ханъ, неожиданно обратившись къ даосу хозяину: — съ земель не платите податей, сыты и довольны, ложитесь рано, встаете поздно. Не такъ ли, старина?» Ванъ чженъ говорилъ правду о своей братіи; огородный даосъ не напелся, что отвѣчать, и ухмыляясь, замахалъ рукою; ас-

известно; отрицалъ ли онъ этимъ справедливость нападенія, или просто хотѣлъ сказать: не говорите мнѣ ничего — отвѣта не будетъ. Но Ванъ-чжэна не легко было сбить. «Напастъ общая, сказали онъ утѣрительно. — Но вы говорите правду, что мы не чувствуемъ ее вполне; дѣлѣна, отшельниковъ, мірскія тревоженія то же, что приврекъ. Къ роскоши мы не привыкли, и въ нуждѣ будемъ довольствоваться горстью кукурузы или сорго». При этомъ онъ граціозно выставилъ свою горсть. Ханъ засмѣялся и молвилъ: «Не у всѣхъ такое благодушіе. Теперь-то сказать: *бу цзай чокумъ го* (коли не въ среднемъ государствѣ)...» — «*Смиь цзай сы и* (такъ сердце мое у варваровъ)», докончилъ поговорку домашній учитель. Веселость возвратилась. Въ это время, изъ кумиренной кухни раздавалось шипѣніе сковородъ, сопровождаемое разбѣренными ударами скалки. Кухонныя наслажденія составляютъ идеалъ земнаго блаженства для китайца. Чистый воздухъ, здоровый аппетитъ и наступленіе сытнаго ужина растворили сердца гостей кроткою любовію къ человѣчеству; общительность осѣнила ихъ физиономіи, и они двинулись къ калиткѣ, говоря одинъ другому пріятнѣйшія рѣчи. Такъ углубились они во внутренній дворъ, увлекая съ собой и Ванъ-чжэна. Толпа кумиренныхъ, хотя не призванная на усладительную трапезу, также тронулась за гостями и остушила шумную кухню, какъ стая тѣней, привлеченныхъ запахомъ жертвенныхъ лавъ. Яркое пламя очага, черезъ полу стѣны кухни, игриво освѣщало зрителей, въ числѣ которыхъ былъ и ветхій старикъ. Прислонясь къ углу и облитый краснымъ пламенемъ, которое распространяло призрачное оживленіе на его дряхломъ лицѣ, онъ мѣлъ губами и вдыхалъ въ себя благовоніе жаренаго мяса, луку и чеснока. Площадка передъ кумирней опустѣла; послѣдній зритель, сельскій учитель, возсѣлъ наконецъ на осла и удалился, желкій топотъ его скоро исчезъ вдали. Наступила ночь, тихая и темная; одинъ только горный кузнецикъ, своимъ заунывнымъ пѣніемъ, праздновалъ таинственный бракъ неба съ землею, какъ называютъ ночь китайскіе поэты.

Черезъ нѣсколько времени, вышелъ на площадку больной мальчикъ, вѣрно, для того, чтобы освѣжить жаръ вечерняго припадка недуга; онъ устремилъ грустный взглядъ фосфорическихъ глазъ своихъ въ темную глубь неба; не отыскивалъ ли онъ исхода своей немощи въ роковыхъ письменахъ жизни и смерти, которыя пишетъ по небесному своду неумолимое созвѣздіе сѣверной медвѣдицы? Долго стоялъ онъ въ молчаніи, какъ вдругъ изъ глубокой пасти горной пади вырвалась струя воздуха; легкій порывъ вѣтра обдалъ насъ запахомъ горной артемизии, зателестилъ въ кумирнѣ по стѣнѣ свѣжимъ плющемъ, задѣлъ крыломъ цесони и олеандры, и полетѣлъ въ незримую даль

нарушать покой усыпленной долины. Какаянибудь скорбная душа, по суевѣрію китайцевъ, индуящая правосудіа и мести, движимая слѣбыми инстинктомъ и окруженная холодной атмосферою загробнаго міра, летала въ ночномъ мракѣ; скоро ли найдетъ она сочувствующее существо, которое пойметъ ея безмолвную жалобу и будетъ мстителемъ погубленной невинности? Мальчикъ, сжавъ плечи, закапсала. Въ то же время, изъ калитки послышался голось дѣвушки служанки: «Вась ждутъ!» сказала она баричу, и рѣзвая малютка два раза пробѣжала межъ горшковъ съ цвѣтами, расправляя члены и топая своими ножками по звонкимъ плитамъ помоста. Мальчикъ подошелъ къ ней. «*Найтмай* приготовила корейскую пилюлю на тепломъ винѣ и ждетъ вась». — «Что мнѣ пилюли! мнѣ тяжело. Я хотѣлъ бы остаться на горахъ; не хочется ѣхать въ Пекинъ; я тамъ умру». — «Зачѣмъ умирать! *Тайтай* хочетъ заказать дома ночныя лампы звѣздамъ за ваше здоровье—и она взглянула на звѣзды, которыя весело мигали ей.— Съѣдутся родные, продолжала она, будетъ празднично, а потомъ вы поправитесь!» — «Какъ же это такъ?» возразилъ заинтересованный больной и пошелъ съ дѣвушкой, слушая ея щебетанье. Въ капищѣ, предъ истуканомъ богини, теплилась грязная лампада; тускло освѣщенный ея трепещущимъ свѣтомъ, грубо-золоченый кумиръ какъ будто точилъ масло изъ своего тѣла; стекловидные глаза богини бессмысленно смотрѣли на юную пару, которая медленно проходила мимо. Это было послѣднее явленіе длиннаго дня. Я взглянулъ на сѣверный сводъ незаходимыхъ звѣздъ, незамѣтно вращавшійся надъ далекою отчизною; мысль моя унеслась на сѣверъ, за горы, степи и рѣки, отыскивая тамъ знакомые и любезные образы; съ этой мечтой тихо нобрелъ я въ уединенный пріютъ свой. И гости и хозяева почивали уже мирнымъ сномъ и воздушные замки вились надъ кельей *Вань-чжэна*.

На другой день, чуть свѣтъ, молодые даосы—ученики затянули обычное пѣніе передъ кумиромъ, крикливѣе, чѣмъ въ другое время, съ кромкими ударами въ барабанъ и мѣдныя тарелки, воображая сдѣлать тѣмъ угоду гостямъ. Сладкій утренній сонъ былъ нарушенъ; во всѣхъ помѣщеніяхъ послышался говоръ неудовольствія. Напрасно старались снова погрузиться въ самозабвеніе; пѣвцы докучливо продолжали пѣть и стучать до тѣхъ поръ, пока окончательно не прогнали сонныхъ мечтаній изъ стѣнъ кумирни. Дѣлать было нечего; началось хожденіе, стуканье, полосканье. Вышедъ изъ кумирни, я поднялся на ближній холмъ, встрѣтить восходъ солнца; но горизонтъ былъ въ туманѣ, по долину разстилался густой слой испареній. Кое гдѣ видѣлись соломенныя шляпы поселянъ, на поверхности тумана, словно плывшія по озеру; вдали пары скупивались и облаками медленно ползли

вверхъ, на хребетъ. Я раздумывалъ, какъ употребить начинавшійся день и куда направить любознание свое. Въ кумирнѣ оставаться неприятно; столичные гости нарушили однообразіе и простоту деревенской тиши. На Ванъ-чженя нечего было разсчитывать; никакія искушенія не оттащили бы его отъ фамиліи Хань. Оставалось взять съ собой Хань-сяна, которому въ кумирнѣ не было дѣла, и устроить съ нимъ прогулку, хоть до той груды камней, которая виднѣется вдали къ ясую погоду. Мы наскоро собрались; тѣ же мулы, со вздохомъ, явились къ нашимъ услугамъ. Мы сѣли на нихъ и хотѣли тропуться, какъ старикъ хозяинъ поспѣшно выбѣжалъ изъ огорода и кликнулъ: стойте! Онъ взвалилъ на Хань-сяна и мула его мѣшокъ съ рѣдкой, кузовъ съ зелеными овощами и еще нѣсколько свертковъ, поручивъ завести эти дары въ какую-то деревню его родственникамъ. Хань-сянъ погрузился въ растительное царство, и мы отправились въ далекій путь. Достигнувъ полями до указанной деревни, мы остановились у воротъ одного дома, и Хань-сянъ кликнулъ тетку. Вышла неопратная тетка и съ изумленіемъ смотрѣла на насъ; она подумала, кажется, что мы продаемъ зелень. «Вотъ, возьми—отъ старика». — «Какого старика?» и тетка взглянула на меня, подозрѣвая, не я ли тотъ старикъ. «Да вашего». — «Нашего?» Изъ-за плетней начали показываться нечесанныя головы, вызванныя голосомъ Хань-сяна; я хотѣлъ опередить спутника, но упрямый мулъ, привыкнувъ ходить гуськомъ, не трогался съ мѣста. «Э!» воскликнулъ съ досадою Хань-сянъ и высунулъ свою голову изъ-за кузова. «Это ты, Хань-сянъ? А я не узнала. Здоровъ ли дядя?» спросила она и принялась снимать свертки. «Что ему дѣлается!» — «Что онъ не жалуется къ намъ? наемни звали его съ поклонами—не пришелъ». — «Куда же ему? Вы на работѣ. Чудный старикъ вашъ дядя: богатъ и земли есть свои собственныя, а работаетъ всѣ дни». — «Ну, и за то спасибо, что не забылъ хоть овощью. А что Ванъ-чженъ?» — «Разумѣется, сидитъ да считаетъ». — «Продалъ ли онъ свой пай на каменно-угольныя копи?» — «Куда тебѣ! хоть онъ всякому встрѣчному навязываетъ его, никто и слушать не хочетъ; уголь дурной, съ сѣрой, и копи скоро бросятъ». — «А умный человекъ!» — «Гм.» промычалъ Хань-сянъ, и мы продолжали нашъ путь. Нескромный Хань-сянъ безжалостно и, вѣрно, съ примѣсью лжи, разболталъ, какъ Ванъ-чженъ предлагалъ пай другимъ, увѣряя, что добрый знакомый поручилъ ему сбыть его, и прибавляя, что онъ самъ непременно приобрѣлъ бы его, если бы позволяли то его совѣсть, пустынножительскія привычки и средства. Это была тайная забота въ блистательной карьерѣ его, украшенной успѣхами; немовѣрно, какъ мудрый мужъ не чуялъ, что грязный уголь чернить его еще не занятванную репутацію.

Солнце было уже высоко и удушливо грѣло сквозь пары, когда мы достигли цѣли нашего странствованія. Здѣсь оканчивается высокій каменистый отрогъ горъ, и близъ него, почти на ровномъ мѣстѣ, лежить гряда огромныхъ камней; въ старину, китайскіе государи имѣли здѣсь временный дворецъ и съ вершины этой гряды потѣшались зрѣлищемъ облавы; кругомъ разстилается гладкая равнина; на сѣверѣ виднѣется, въ ясную погоду, часть горнаго ущелья, черезъ которое пролегаетъ дорога въ Колчанъ и Монгольскія степи; восточнѣе, блестя желтыя черепицы на здавіяхъ старинныхъ царскихъ кладбищъ. Недалекъ простирается длинное селеніе, состоящее почти изъ однихъ магометанъ, торгующихъ рогатымъ скотомъ; посреди его виднѣлся куполъ мечети, съ яблокомъ наверху. Въ полверстѣ отъ насъ стоялъ большой даосскій монастырь, съ густой аллеей впереди; необыкновенное движеніе замѣтно было около монастыря и со всѣхъ сторонъ тянулись къ нему цѣпью пилигримы и процессіи. Ясно было, что происходило тамъ народное празднество въ честь божества кумирни; Ханъ слянь простиралъ туда жадные взоры. Между тѣмъ мы осмотрѣли камни; хотѣли подняться на вершину ихъ, но высѣченные въ нихъ ступеньки были смыты дождями. На одной сторонѣ ихъ мы замѣтили множество полустертыхъ надписей и по отвѣсу камня ямки; мы остановились передъ этики послѣдними и не знали, что это такое? Къ намъ подошелъ прохожій, добрый старикъ, въ которомъ, по остриженнымъ усамъ и запаху баранины, я сейчасъ узналъ магометанина. Видя нашу недогадливость, онъ поднялъ съ земли камень и сталъ стучать имъ въ ямки, отчего издавался какъ будто металлическій звонъ; тогда мы поняли, отчего образовались ямки: камни были знамениты своей звонкостью. Словоохотливый старикъ вступилъ съ нами въ дружелюбный разговоръ. «Эта куча камней, говорилъ онъ, та самая, съ которой садился на коня Китайскій герой Янъ люанъ, врагъ Киданьской царицы; на этомъ полѣ она напустила свои чары на китайскую рать. Этотъ край горнаго кряжа называется головой дракона, хвостъ его у Нанкина». Старикъ простился съ нами, прося на пути захватить къ нему въ селеніе на чашку чаю; онъ поспѣшно пошелъ, громко распѣвая китайскую пѣсню. Ханъ слянь принялся стучать въ камни изо всей мочи; потомъ отошедъ на нѣсколько шаговъ, сталъ мѣтить и бросать камнями въ ямки; когда и эта забава надоѣла, мы обошли еще разъ кругомъ кучи камней и собирались захватить вдоль подошвы горъ. Вдругъ глухой гулъ покотился по хребту; грузная колесница тучи незамѣтно и неожиданно наѣхала на долину. Ханъ слянь, немедленно обвязавъ свою голову грязной тряпкой и указавъ мѣть на даосскій монастырь, бросился къ муламъ и черезъ минуту мы не легли, а тащились, обливаясь

толпамъ проливающимъ дождемъ; крупныя, какъ орѣхи, капли его, били насъ немилосердно; за то исполнилось задушевное желаніе Ханъ сая повеселиться на деревенскомъ праздникѣ. Подъѣзжая къ кумирнѣ, мы увидѣли страшный безпорядокъ; воѣ суетились и бѣжали сами, не зная куда, чтобы скрыться отъ дождя. Торговцы собирали и наскоро закрывали трубки, кремни, соломенныя шляпы, домашнюю посуду, печенья, варенья и разныя другія произведенія. Покинувъ у веротъ монастыря нашихъ муловъ на произволъ судьбы, мы втѣснились на передній дворъ; но нельзя было и думать повасть въ храмъ—онъ былъ битномъ набитъ народомъ. Къ счастью, пріемный даосъ замѣтилъ насъ, подошелъ къ намъ съ зонтомъ и окольными путями привелъ насъ въ одну изъ гостинныхъ. Даосъ былъ такой же красивый дѣтина, какъ нашъ Ванъ чженъ, владѣлъ черными усами и простирая изысканность въ обращеніи до того, что говорилъ почти шепотомъ. Съ величайшею вѣжливостію и предупредительностію онъ помогъ мнѣ раздѣться. Ханъ сая, выжимая свою тряпку, старался придать себѣ видъ измученнаго и усталаго до одышки. «Что за дождь!» воскликнулъ онъ, поглядывая на меня значительно. Я понялъ и вручилъ ему средства осушиться; онъ тотчасъ же сѣрлся, изъ признательности отыскалъ для меня свѣжихъ яицъ и сварилъ ихъ въ сметку, въ ближней кухнѣ, къ немалому соблазну кухоннаго общества. «Бѣтъ полусырыя лица големомъ!» слышалось восклицаніе. «У нихъ ужъ такъ водится, отвѣчалъ резонно Ханъ сая, ничего недопекають и недожариваютъ». Обязательный даосъ самъ принесъ мнѣ завтракъ, втайнѣ любопытствуя видѣть, какъ я обойдусь съ полусырыми лицами. Когда мой аппетитъ и любопытство даоса и того глаза, который смотрѣлъ извнѣ въ отверстіе оконной бумаги, были удовлетворены, дождь пересталъ и платье обсохло; даосъ предложилъ мнѣ отправиться въ главный храмъ, гдѣ гудѣли несвязные звуки. Подошедъ къ заднему входу напещи, я остановился въ нерѣшительности: вся внутренность храма, вмѣщавшая до нѣсколькихъ сотъ человекъ, наполнена была почти одними женщинами; изрѣдка видѣлись головы мужчинъ, случайно попавшихъ въ эту спомощную толпу; не въ силахъ будучи выбраться изъ нея, они съ покорностію переносили свое стѣснительное положеніе. Однакожъ даосъ успокоилъ меня и довелъ протѣшилъ до самаго жертвеннаго стола. Посреди храма, на возвышенномъ тронѣ, воссѣдалъ кумиръ врачевнаго божества; у ногъ его и сивной къ нему, за длиннымъ жертвеннымъ столомъ, стояли шесть даосовъ; при каждомъ новомъ поклоникѣ, они били въ чугунныя котлы и кто во что былъ гораздъ. Мой проводникъ очистилъ на одномъ краю жертвеннаго стола мѣстечко, отодвинувъ курьальнику съ благоуханными свѣчами, и пред-

ложилъ мнѣ встать на столъ; онъ услужливо подставилъ и колѣно свое для моей ноги. О, мой отдаленный, но не забытый другъ, съ которымъ провелъ я давніе годы своей юности! Если какой нибудь невѣдомый случай доставитъ въ твои руки чистосердечное описаніе приключеній моей обыденной жизни на чужбинѣ, и когда ты дойдешь до сего послѣдняго пункта, ты остановишься и оплачешь своего бѣднаго друга, опутаннаго сѣтями и ковями жрецовъ. Представляя въ своемъ воображеніи мою унылую фигуру, воздымающуюся на трепещущей и принимающей, наравнѣ съ истуканомъ, куренія, плоды, сладкія и масляныя печенья и цвѣты, при громѣ мѣдныхъ тарелокъ и котловъ, ты вознегодуетъ на мое нешиновѣрное легкомысліе. Да усюконтся твой законный риторизмъ; я не всталъ на жертвенный столъ и не оперся на колѣно даоса, предпочитая обречь себя на тѣсноты и испытанія. Даосъ, которому такая церемонность казалась странною, оставилъ меня у стола и ушелъ. Громадная зала оглашалась звономъ, стукомъ, шумомъ и крикомъ; облако дыма отъ курительныхъ свѣчей застилало открытыя стропила; куреніе табаку на потномъ маслѣ, вмѣстѣ съ запахомъ свѣчнаго сала, которымъ крѣпко намазаны были волосы деревенскихъ дамъ, распространяло не стерпимую вонь. По угламъ капища отдыхали, лежа и сидя на полу, носильщики священнаго катафалка, недавно еще переносившіе пенатовъ на своихъ плечахъ съ религіозною восторженностію, а теперь спойкойно покуривавшіе трубочки и выбивавшіе золу изъ нихъ на помятость капища. Служившіе даосы тоже пользовались свободными минутами, чтобы отвести духъ любимымъ зельемъ; выкуривъ трубку, даосы выбивали ее безъ церемоніи о громадную золоченую ногу кушера и прятали кисеты подальше отъ поклонниковъ. Неуваженіе китайцевъ къ ихъ святынѣ не должно казаться страннымъ; лзычество не выполняетъ внутреннихъ потребностей души и ведетъ къ пустому фармализму, а угодливыя секты потворствуютъ всѣмъ капризамъ чувства, не имѣющаго опредѣленной точки опоры. Пора лзычества прошла; религіозныя инстинкты, которыхъ не лишена натура китайца, нуждаются въ болѣе разумномъ исходѣ и удовлетвореніи.

Женщины, среди которыхъ я такъ не кстати очутился, одѣты были въ синія и бѣлыя холщевыя рубахи и украшались искусственными цвѣтами, оловянными бляхами и запястьями. На мою бѣду, повзвяди меня, стояла женщина съ ребенкомъ на рукахъ; ребенокъ оперся о мое плечо и дышалъ мнѣ подъ самое ухо; недоставало только, чтобы онъ взялъ его въ свой ротъ. Я хотѣлъ, во что бы то ни стало, отодвинуться отъ этого общества и осторожно коснулся краемъ своего рукава, стоявшей впереди меня женщины, въ надеждѣ, что она подажнется; она медленно обернула ко мнѣ строгое лицо свое,

не встрѣтивъ иностранную фигуру, отвернулась и повела изумленной взоры свои по широкимъ, гладко зачесаннымъ ватылкамъ деревенскихъ матронъ; къ счастью, одинъ изъ слушающихъ даосовъ, схватилъ ребенка и усадилъ его на жертвенный столъ; малютка былъ доволенъ и забилъ рученками своими по чугунному котлу. Я не зналъ какъ обратиться изъ толпы и тѣмъ кончилось ожиданіе, выражавшееся на всѣхъ лицахъ, и сердился на Ханъ сьма, покинувшего меня въ трудныя минуты. Наконецъ, раздался вблизи звонъ въ мѣдныя тазы: приближалась процессія, шестая въ этотъ день, и изъ отдаленной деревни. Хоръ мальчиковъ, бившихъ въ звонкія тарелки, обогнулъ кругомъ храма, и поднявшись на террасу, остановился у его входа; по бокамъ террасы расположились на колѣнахъ, въ два ряда, другіе мальчики; старѣйшины вошли въ храмъ и стали на колѣна передъ жертвеннымъ столомъ. Всѣ пришлецы были промочены дождемъ до нитки. Хоръ мальчиковъ началъ круговую пляску, подъ звуки барабана и мѣдной пластинки, потѣшая истуканъ; потомъ другіе мальчики заплѣли молитвы; старѣйшины, межъ тѣмъ, сожигали писанныя молитвы, за которыми слѣдовали взрывы ракетъ, тутъ же, въ кашнѣцѣ. Удушливый запахъ сѣры присоединился къ другимъ зловоніямъ; церемонія кончилась кривляньемъ двухъ дѣтдицъ, одѣтыхъ въ дракона и тигра. За тѣмъ процессія обратилась назадъ къ театру, устроенному противъ монастыря; за ней хлынула въ широкія двери храма, вся наполнявшая его толпа. Напряемые невидимой силой, мы необузданной волной неслись черезъ террасу, кумиренный дворъ, ворота, мощеную аллею и брызгами рѣсѣлись по площади передъ театромъ. Узничество кончилось и свободный воздухъ освѣжилъ мою спертую грудь. Мальчики взосли на театръ, чтобы потѣшить публику своими прыжками. Собраніе было оживлено и шумно; водившіе крестьяне были въ самомъ пріятномъ расположеніи духа; площадь испещрена была ихъ соломенными плащами, широкія поля которыхъ кольхались отъ быстрыхъ движеній; для почетныхъ гостей устроены были сѣдалища изъ толстыхъ жердей, на распоркахъ. Я отыскалъ своего Ханъ сьма; онъ нашелъ старую свамью, расположился на ней верхомъ, поставилъ тутъ же оловянный сосудъ съ нагрѣтой водкой и безпечно осушалъ себя, бросая кругомъ искрытые взгляды и перекидываясь словами съ веселыми поселянами. Помѣстившись вблизи его, на гибкой жерди, я созерцалъ оттогдѣ живую картину. На высотѣ, возвышавшемся надъ площадью, усѣлся густой рядъ избраннаго дамскаго общества деревень; искусственные дѣты на головахъ дамъ колебались при малѣйшемъ движеніи; вычищенные бляхи блестяли на груди; въ рукахъ ихъ были динныя трубки и перьяныя вѣера, кончики которыхъ производили визгъ летающей птицы. Нѣсколько

уѣданныхъ эрастовъ, въ голубыхъ рубашкахъ и шарфовыхъ башмакахъ, степенно расхаживали по площади; пожевывая арку, куря трубки, или заложивъ руки за спину, мѣшались они къ толпѣ; блестящю лбы ихъ переходили то къ тому, то къ другому кружку. На подмостѣ театра стояла куча актеровъ, видимо пронинутыхъ своимъ превосходствомъ надъ деревенщиною. Кружокъ солидныхъ крестьянъ разсуждалъ о хлѣбѣ и жудобствѣ продажи его. «Теперь не стоитъ возить хлѣбъ въ города, говоритъ одинъ: вывеземъ желѣзные деньги, ни на что негодныя. Когда-то кончатся всѣ эти смуты! Видно, что такое ужъ движеніе воздуха (судьба) у сына Неба!» — «Кончатся? возразить другой: онѣ только начинаются. Вчера мой братъ вернулся изъ Юань-минъ-юния и разсказывалъ, что государь самъ смотрѣлъ войска и отправилъ ихъ далеко. Слышите, и Гуанъ думъ (маньчжурія) въ волненіи; явился одворуцій воевода и говоритъ: всѣ тамоннія рѣки мои! Ему говорятъ: какъ же это такъ?—Вы, говоритъ, живете въ водѣ?—Нѣтъ.—Ну такъ, на что вамъ рѣки.—Сегодня онъ здѣсь, а завтра за 1000 ли. Вотъ какъ! къ вамъ не будетъ въ Пекинѣ рыбы—это вѣрно». Такъ-преобразились слухи съ востока въ устахъ деревенскаго вѣстовщика. Сказавъ это, разсказчикъ выколочилъ трубку о подошву своего изношеннаго башмана; слушатели издали продолжительное: см! Самая разительная сцена происходила въ толпѣ набожныхъ женщинъ, сопровождавшихъ послѣднюю процессію; промокшія отъ дождя, онѣ стояли въ наивномъ смущеніи, не выпуская изъ рукъ красныхъ священныхъ древковъ, похожихъ на копыя; искусственные цвѣты ихъ были сбиты; тушевка, маскированная безплодными мѣста на головахъ, до чиста смыта; золотые пеншоферы (обувь) загрязнены и изуродованы; добрыя и смиренныя поселанцы, въ короткихъ рубашкахъ и широкихъ панталонахъ, съ древками въ рукахъ, имѣли видъ воинственныи и наступающій и какъ будто только что вернулись съ небозима. Одна изъ нихъ не вынесла чудесныхъ невгодъ и огорченій и накинулась на одного варяшину. И было, изъ за чего потерять всякое терпѣніе: мальчикъ долженъ былъ нагнать ее на дорогѣ въ головнягъ чехломъ отъ дождя, а настигъ ее уже здѣсь и въ вѣшнему негодованію старуки, съ чехломъ на собственной его головѣ. Старуха гнѣвно журила своего внучка, потрясая древкомъ, верхушка котораго изображала руку; зрители отступали отъ нея на длину древка, но вършому плакомѣру, сдерживая улыбку, чтобы не обратить на себя общительнаго гнѣва пилигримки. Когда вся желчь ея вылилась до капли, она вдругъ успокоилась, отдала мальчику древко, выморкалась на обѣ стороны и, какъ ни въ чемъ не бывало, пошла исправлять свой туалетъ; у всякъ отлегло на сердцѣ, и всѣ снова поновесѣли; сама она смѣялась отъ души, когда проказникъ внучокъ

вѣдѣль чекоть онъ на древо и торжественно понесъ въ кумирю, при гласнѣхъ мальчишекъ.

Между тѣмъ, актеры собирались начать игру; они церемоніально опирались въ капище, прогѣли тамъ оду и вернувшись начали первую піесу, называвшуюся *Бѣднякъ и серебро*. Собраніе пришло въ порядокъ; всѣ взоры обратились на сцену, во глубинѣ которой музыканты заняли уже свои мѣста на полу. Выходитъ богатъ, окруженный своими кліентами, прикащиками и наемниками, и поетъ о суетности человеческихъ желаній и о тяжести непрерывныхъ заботъ; потомъ объявляетъ, что приобрѣтши значительное богатство, онъ задумалъ, на склонѣ дней своихъ, оставить всѣ дѣла и вести жизнь въ покоѣ и уединеніи. Онъ отпускаетъ всѣхъ своихъ сотрудниковъ и награждаетъ каждого изъ нихъ богато; подходитъ работникъ, старикъ вручаетъ ему кусокъ серебра; бѣднякъ не знаетъ, что такое серебро и на что оно годится; хозяинъ съ улыбкой говоритъ ему: «этотъ кусокъ доставитъ тебѣ довольство и наслажденіе». Тогда работникъ бережно завертываетъ серебро въ тряпку. Всѣ уходятъ и зрители должны вообразить, что сцена представляетъ убогое жилище вдовы, при наступленіи ночи. Входитъ работникъ со сверткомъ, воспоминаетъ слова патрона и предполагаетъ въ кускѣ серебра чудодѣйственную силу. Онъ раздумываетъ, куда бы спрятать его на ночь и находитъ всего безопаснѣе положить его себѣ за пазуху. Онъ ложится и во снѣ видитъ себя въ дорогѣ и какого-то незнакомца, который трется около него, съ явнымъ намѣреніемъ запустить руку въ его пазуху; бѣднякъ бредитъ, вскрикиваетъ и просыпается. «Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, у меня могутъ вытащить кусокъ изъ пазухи, а хозяинъ говорилъ, что я буду наслаждаться съ нимъ». Бѣднякъ придумываетъ спрятать кусокъ въ ведро съ водой; никому не придеть въ голову, что тамъ лежитъ сокровище. Онъ снова ложится и снова бредитъ; ему видится потопъ, который уноситъ и серебро и ведро, и онъ въ испугѣ просыпается. Бѣднякъ причетъ серебро въ очагъ и видитъ во снѣ пожаръ; онъ, по прежнему, просыпается и слышитъ пѣніе пѣтуховъ. Наконецъ, онъ зарываетъ серебро подъ порогомъ двери и увѣренъ, что теперь никто не догадается, гдѣ скрыто сокровище, которое, по словамъ его хозяина, усладитъ его жизнь. Во снѣ онъ видитъ нѣсколько человѣкъ съ заступами и лопатами; они подкрадываются къ его хижинѣ и замышляютъ отрыть серебро и убить его владѣтеля. Поплевать въ руки, они начинаютъ копать землю около порога; сердце спящаго замираетъ отъ страха и за серебро, и за жизнь, и когда воры докапываются наконецъ до серебра, бѣднякъ съ воплемъ пробуждается и вскакиваетъ; онъ видитъ, что уже разсвѣло. Благодаря сокровищу старика, онъ провелъ первую

мучительную ночь. Завернувъ серебро въ тряпку, онъ сѣѣннѣ воз-
вратить его хозяину, вмѣстѣ съ обѣщаннымъ довольствомъ и насла-
жденіемъ. Публика необыкновенно потѣшалась зрѣлищемъ и выра-
жала свое удовольствіе смѣхомъ и одобрительными восклицаніями.
Мораль пьесы была назидательна и доказательна; но стрѣлы ея лопались
о стальной щитъ любостязанія, — передъ идеею тщеты и вреда
богатства китаецъ глухъ, слѣпъ и облакается непроницаемой корой,
которую наивный моралистъ напрасно сталъ бы смягчать. Зрители,
способные понимать возвышенные порывы, когда они льстятъ ихъ
національной гордости, не поддавались внушеніямъ комедіи, смотрѣли
на представленіе, какъ на кукольную игру, и думали про себя: вѣдь
есть же на свѣтѣ дурни, не знающіе толка въ серебрѣ.

Когда первая пьеса кончилась и публика занялась другими развлече-
ніями, я звалъ Ханъ-сяна въ обратный путь; но онъ унерся и гро-
зилъ мнѣ проливнымъ дождемъ. Вдругъ онъ внимательно устремилъ
свои взоры вдаль, осѣнивъ свои очи ладонью; не удовольствовавшись
этимъ, онъ всталъ на скамью, еще разъ посмотрѣлъ и съ свѣтлою
улыбкою воскликнулъ: «Лю-лао-ль ѣдетъ!» Онъ торжествовалъ, что
первый замѣтилъ такого знаменитаго гостя. Въ толпѣ послышались
голоса: «возможно ли? а говорили, что онъ умеръ». — «Ну, нѣтъ,
не скоро умереть». — «Вотъ старикъ! живетъ себѣ, а еще евнухъ;
онъ и не думаетъ о томъ, кто, по смерти его, будетъ по немъ тво-
рить поминки и приносить жертвы». — «Правда ли, что хозяинъ
его, Хашанъ, сродни ему?» — «Куда ему, бритой головѣ». — «Гово-
рятъ, у него есть сухой (пріемный) сынъ гдѣ-то въ Пеннѣ?» —
«Не правда, я знаю это хорошо; никто изъ города не ѣздитъ къ нему,
и онъ ни къ кому». Это успокоило всѣ опасенія и сундукъ кофеев,
распростершій свои клещи и доселѣ, остался, по прежнему, какимъ-
то общимъ, неприкосновеннымъ достояніемъ. Евнухъ, между тѣмъ,
съ помощію погонщика, слѣзъ съ осла и широкими евнуховскими
шагами приближался къ собранію, слегка тряся наклоненной головой.
«Лю-лао-ль!» раздавалось со всѣхъ сторонъ и посыпались привѣты и
любезности. «Я сидѣлъ въ своей лачужкѣ, говорилъ улыбаясь евнухъ,
и думалъ про себя: не посѣтитъ ли вашей высокой кумирни? разомну
свои старья кости. Выхожу на дворъ, смотрю: небо прояснилось
(евнухъ взглянулъ на небо и всѣ тоже подняли головы); я и поѣхалъ
по подгорью». Говоря это и раскланиваясь на обѣ стороны, онъ во-
шелъ въ средину и сѣлъ на жердь, отдуваясь. Элегантный даосъ не-
медленно явился съ чашкой чаю. «Вы такъ устали, сказалъ онъ сер-
доболюю: выкушайте нашей дурной водицы и освѣжитесь». Евнухъ
взялъ чашку и только что приблизилъ ее къ устамъ своимъ, какъ съ
террасы раздался звонкій голосъ матроны. «Лю-лао-ль совсѣмъ за-

былъ вась, говорила она, разводя длиннымъ тубукомъ — хотѣ бы заѣхалъ когда нибудь на чашку деревенскаго чаю». — «А! *Най-най!* отозвался свнухъ, вставая съ чашкой въ рукѣ, какъ поминваете?» — «Хорошо!» — «Вашъ почтенный супругъ?» — «Весьма хорошо!» — «Ваша дѣтка?» — «Превосходно!» Эта градація употребляется въ разговорѣ только для равнообразія слога. «Малютка у насъ такой забавникъ; вѣдь помнитъ васъ!» — «Заѣду, непременно заѣду». Свнухъ хотѣлъ сѣсть; но тутъ мой Ханъ-сянъ, понатужившись, поспѣлъ ему любезность. «Вотъ мы приготовимъ для *Лю-лао-ль* журавля!» Онъ сказалъ и посмотрѣлъ кругомъ торжествующимъ взглядомъ. Намекъ на птицу, на которой летаютъ бессмертные, возбудилъ въ обществѣ симиатическій смѣхъ. Свнухъ обратился къ Ханъ-сяму и благодарилъ его рукой; замѣтивъ меня, онъ дружески кивнулъ мнѣ головой. Ханъ-сянъ съ изумленіемъ спросилъ меня: «неужели и вы знакомы съ нимъ?» — «Еще бы!» Ханъ-сянъ посмотрѣлъ на меня серьезно. Догадливый старшина собранія мигнулъ актерамъ и изъ толпы ихъ вышелъ живой и развязный мальчикъ, игравшій женскія роли, въ шелковомъ платьѣ яркаго цвѣта, набѣленный и нарумяненный, съ золотой серьгой въ одномъ ухѣ. Подбѣжавъ къ свнуху и наклонившись, онъ оставилъ на него свои быстрые и лукавые глазки и поднесъ къ его мутнымъ очамъ табличку, на которой написаны были названія пѣсней и отдѣльныхъ дѣйствій. «Что это такое? спросилъ свнухъ. Пѣснь? Какъ можно! Мнѣ ли эта честь? Я не смѣю нѣмѣнить важнаго порядка». — «Просимъ васъ: порауйте насъ, назначьте!» заговорило разомъ множество голосовъ. Мальчишки, видя, что происходитъ что-то веселое, крикнули хоромъ: га, го! Отлушенный старикъ поспѣшно снялъ съ пуговицы очки, надѣлъ ихъ взявъ отъ досады кисть и на удачу отмѣтилъ; отмѣтилъ онъ и, какъ водится, засмѣялся. Отдавъ кисть, онъ началъ шарить на себѣ; всѣ смѣкали, что онъ хочетъ, по обычаю, поощрить усердіе трушны и всѣмъ хотѣлось хоть взглянуть на бумажникъ его. Свнухъ пощупалъ лѣвымъ бокомъ: нѣтъ; пощупалъ правый: тоже нѣтъ — что за оказія? ужъ не обронилъ ли! нашелъ, старинунка, нашелъ: за пазухой! И свнухъ вынулъ изъ пазухи, къ общему разочарованію, не бумажникъ, а платокъ, и сталъ отирать имъ вспотѣвшее лице свое; потомъ развернулъ вѣеръ съ знаменитой надписью и пахнулъ на себя струю воздуха, радуясь, что избавился наконецъ отъ истязаній. Обманутый актеръ повернулся на одной ногѣ и пошелъ, держа табличку, какъ нищенскую чашу и напѣвая арію: «Бѣдный мальчикъ бродитъ по улицѣ; кто-то ежжится надъ нимъ? Добрыя барыни! скальтесь надъ маленькимъ нищимъ! Умолю вамъ новое платье, яркое платье, узорчатое»... Голосъ его исчезъ въ шумѣ. Ханъ-сянъ былъ въ ударѣ и, смотря на

молчаливою сцену актера съ смухомъ, выработывагь въ возбужденномъ мозгу своемъ какую-то забавную острогу; онъ-таки выработалъ ее, выпилъ залпомъ чарку вина, откинулся и залмлся свѣкомъ; потомъ облокотился на колѣна, устремилъ на меня невѣрный взглядъ, и обливавъ масляныя, давно не бритыя губы свои, умышлялъ уморить меня со свѣху острогой. И онъ, навѣрно, уморилъ бы меня, если бы оглушительный звонъ мѣдныхъ тазовъ не возмѣстилъ печалью представленія; общее вниманіе обратилось на театръ. Вынукъ отыграть дѣйствіе изъ одной оперы, извѣстное подъ именемъ «Донось». Исторія такого рода: во времена династїи Мингъ, монголы, послѣ продолжительныхъ набѣговъ на Китай, требовали свободной торговли и сношеній на границѣ. При пекинскомъ дворѣ, одна и самая сильная партія хотѣла, во что бы то ни стало, мира и склонялась къ уступкамъ, — во главѣ ея былъ временщикъ *Янь-сунъ*; другіе, въ большинствѣ числѣ, истые китайцы и непреклонные поборники національной особности, не хотѣли слышать ни о мирѣ, ни о торговлѣ, ни о сношеніяхъ съ варварами; самый неумолимый изъ этихъ работорговцевъ былъ *Янь-цзи-шенъ*. Онъ подавалъ государю адресъ за адресомъ; его мучили, ссылали, но не могли побѣдить его твердости; онъ настоялъ на прекращеніи сношеній съ варварами. Возвратясь изъ ссылки, съ незажившими еще отъ пытокъ ранами, онъ вознегодовалъ на злоупотребленія *Янь-суна*, всемогущаго временщика, погубившаго многихъ патріотовъ, и хотѣлъ открыть глаза государю. Онъ подѣлъ на *Янь-суна* донось, который погубилъ автора; *Янь-цзи-шенъ* былъ казненъ, какъ преступникъ. Въ послѣдствіи, когда память его была оправдана, духъ его произведенъ былъ въ геніи-хранителя Шкинни; кумиръ его доселѣ чествуется. Имя его дорого китайцамъ и напоминаетъ имъ идеалъ гражданскаго фанатизма, который такъ уважается въ поднебесной имперіи. Дѣйствіе «Донось» представляетъ то время, когда *Янь-цзи-шенъ* готовитъ роковое писаніе. Я изложу сцену въ сокращенномъ переводѣ, въ одной прозѣ.

(Ночь. Кабинетъ *Янь-цзи-шена*. Входитъ стройная фигура *Янь-цзи-шена*, въ старинномъ костюмѣ. Онъ поетъ:) На небѣ свѣтила восходятъ и заходятъ; на землѣ путь служенія измѣняешь, какъ оборотъ руки. Хищные волки наводили царственную столицу; пораку ихъ острѣежъ кисти. (Говоритъ) Я, *Янь-цзи-шенъ*, сосланный въ Великой стѣнѣ за мое сопротивленіе свободнымъ сношеніямъ на границѣ, по милости государя, не только возвращенъ изъ ссылки, но и возведенъ въ высшіе сановники. Отселѣ впередъ, вся моя жизнь, вся моя служба — на пользу моего царственнаго благодѣтеля. Не пожалѣю жизни, чтобы отблагодарить его. Теперь при дворѣ усилился *Янь-сунъ* съ своимъ сыномъ; въ ихъ рукахъ все управленіе. Если

не искоренить эту злобную вѣртію, то все истинно вѣропоклонные погибнутъ. Я проникъ ихъ замыслы и коварныя намѣренія, а государь не видитъ ихъ. Этою ночью, я напишу доносъ, обверну въ злодѣйства и завтра рано представлю его государю. Если онъ приметъ его благосклонно, то счастье для всей имперіи. (*Садится*). Не могу помыслить безъ гнѣва о вренекъщикахъ, захватившихъ въ свои руки бразды правленія! (*Хочетъ писать и останавливается*). Для ихъ явны и все знаютъ о нихъ; съ чего мнѣ начать? А! вашель. (*Пишет*). Я напишу только, какъ все шесть членовъ одной фамилии, занимая важные посты, единодушно безчинствуютъ, и какъ они устроили всемирное торжище, для своего обогащенія. Я дополню предъ лицомъ государя то, что внушитъ мнѣ пламенная преданность. (*Дѣлаетъ движеніе рукою*). Написалъ нѣсколько строкъ и рука заболѣла. Это послѣдствія пытокъ. Но пусть болитъ рука; не только руки, жизни не жаль. Увы! одинокій сановникъ клянется скорѣе погибнуть въ пропасти, чѣмъ оставить закрытыми свирѣпости злодѣевъ. Правда, я не изъ цензоровъ, которые одни имѣютъ право дѣлать уищанія государю; но если я буду молчать, то уже никто не скажетъ ни слова. Не захотятъ обнять столбовъ дворца, и кто осмѣлится ухватиться за полы царской одежды? (*Кровь выступаетъ изъ пальцевъ; Янъ-ци-шенъ послѣшно бросаетъ кисть и стираетъ платно на бумагѣ*). Вотъ и кровь пошла изъ руки; пусть она каплетъ. Грозная рука моя должна писать, хотя бы кровь запятнала всю бумагу. Можеть быть; слѣды слезъ и крови на доносъ тронуть сердце моего владыки. (*Внимательно пересматриваетъ бумагу. За сценой раздастся глухое рыданіе. Онъ не слышитъ. Рыданіе повторится. Онъ вслушивается, кладетъ тетрадь и кричитъ*). Кто тамъ? Слуги, служанки! (*Слышно прежнее рыданіе*). Никого нѣтъ! что это за голосъ? А! понимаю. Это душа моего покойнаго родителя. Онъ боится, что я подвергнусь несчастію и не хочетъ, чтобы я подалъ этотъ доносъ. О, тѣнь родная! Да будутъ потомки твои вѣрными и правдивыми, и имя твое будетъ славно во вѣки! А если предки и будутъ забыты и потомство прекратится, то такова неизбѣжная судьба. Къ чему сѣтовать? (*Тѣнь продолжаетъ рыдать. Янъ-ци-шенъ съ гнѣвомъ*). Плачь и рыдай, сколько хочешь—мое намѣреніе неизбѣжно. Остановишь ли ты мою кисть? Умереть, такъ умереть! Не уступлю древнимъ героямъ правды! (*Входитъ привидѣніе, въ бѣлой погребальной одеждѣ, съ широкими рукавами; на головѣ перевязь, концы которой спускаются по спиць. Тѣнь стоитъ безмолвно, опустя руки, съ выраженіемъ глубокой скорби и плача*). Вотъ онъ! Кто ты? Чей образъ является изъ страны мрака? (*Раздраженно*). Ты являешься мнѣ въ этомъ обликѣ, чтобы остановить мой доносъ. (*Тѣнь плачетъ*). Удались, тѣнь! Не разливай здѣсь своихъ

стенами. *(Поднимается селечу)*. Но гдѣ же ты родная? Не духъ ли мой, въ эту рѣшительную минуту, облекся въ образъ зловѣщаго привидѣнія, и блуждая, является передо мной, какъ наважденіе? Иди сюда! *(Тѣнь приближается)*. Слушай! Приходитъ человекъ въ міръ не на вѣки; такъ или иначе, онъ долженъ помереть; жизнь есть временная остановка, и кто смѣетъ сказать мнѣ, что тяжелъ смертный переходъ? *(Тѣнь заситъ селечу и уходитъ. Янъ-цзи-шенъ холодно смѣется; потомъ кричитъ)*. Огня! Кто тамъ есть, слуги, служанки! огня! *(Входитъ жена Янъ-цзи-шена, въ ночномъ платьѣ со селечою въ рукѣ. Она не обращаетъ на нее вниманія, вырываетъ у нея селечу и осматриваетъ на-право и на-лѣво, издавая неопредѣленный звукъ)*.

Жена. Странно! Что съ нимъ? Чего онъ ищетъ? *(подходитъ къ нему сзади)*. Супругъ мой!

Янъ *(вздвигнувъ, оборачивается)*. Кто ты?

Жена. Я, твоя супруга.

Янъ *(съ удивленіемъ)*. Ты здѣсь! Сама пришла съ огнемъ!

Жена. Теперь ночь глубокая; всѣ люди наши спятъ крѣпкимъ сномъ. Я услышала твой крикъ и пришла сюда.

Янъ. Другъ мой! Я писалъ здѣсь, какъ вдругъ слышу загробный голосъ во мракѣ; вслѣдъ за тѣмъ, является привидѣніе; оно имѣло видъ глубокой скорби и смотрѣло на меня такъ грустно.... погасило свѣчу и исчезло.

Жена. Странно! Это не предвѣщаетъ добраго. Прошу тебя, скажи мнѣ: что ты писалъ?

Янъ. Это дѣло государственное и до тебя не касается. Для чего ты спрашиваешь объ этомъ?

Жена *(вкрадчиво)*. Супругъ мой! Были въ древности мудрые мужи, которые уклонялись отъ опасныхъ предпріятій, однакожь сохранили и долгъ, и честь, и имя. Были другіе, вѣрные и преданные мужи, которые жертвовали своею жизнію, идя на переکورъ другимъ. Я желаю, что бы ты хранилъ свой долгъ и не приносилъ жертвы.

Янъ. Супруга! Сохранить долгъ и принести жертву, во имя правды, — одинъ законъ; все зависитъ отъ времени и обстоятельствъ. Тѣ мудрецы, спокойно наслаждавшіеся жизнію, при первомъ представившемся случаѣ, не задумались бы пожертвовать собою для блага.

Жена. Вспомни, мой другъ, что мудрецъ смотритъ на время и выжидаетъ случая. Вспомни тѣхъ доблестныхъ мужей, которые не потеряли своей славы, благоразумно уклоняясь отъ опасностей. Не забудь и того, что ты не имѣешь права увѣщаній къ государю; ничто не обязываетъ тебя на вмѣшательство. Обожди болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ *(съ нѣжною настойчивостью)*. Прошу тебя: долгъ, а не жертву!

Янъ. Супруга! Кто ѣсть у другаго хлѣбъ, тотъ раздѣляетъ и печаль его. Гдѣ есть польза для трона, тамъ и жизнь, и смерть моя. *(сведущимъ тономъ)* Какы! простолюдины избавляли государей отъ позора и народъ отъ бѣдствія, и возвышались до геройства, а я, сановникъ, ничего не сдѣлаю! Еще съ раннихъ лѣтъ моей жизни я скорбѣлъ, что не могу принести пользы; теперь представляется случай дѣйствовать, и мнѣ говорятъ, чтобы я зажалъ свои уста, потому что не въ моемъ правѣ! Такъ никогда не будетъ времени для моей рѣчи? И сколько теперь добросовѣстныхъ цензоровъ! Одинъ; или двое, да и ограничиваются однимъ пустословіемъ, боясь дѣйствовать открыто. Если я останусь спокойнымъ зрителемъ, то какъ низвергнуся эти злодѣи?

Жена *(съ волненіемъ, съ стороны)*. Я понимаю теперь истину! *(къ маму)*. Этотъ доносъ *(тихо)* не на Янь-суна ли?

Янъ *(твердо)*. Да!

Жена *(съ горестію)*. Супругъ! ломаю раковину, бойся повредить жемчужинѣ. Янь-сунъ пользуется полнымъ довѣріемъ государя и покупалъ евнуховъ. Недавно еще онъ погубилъ первое лицо въ государствѣ; если государь вѣритъ ему и считаетъ его притворство преданностію, то тебя обвинять въ клеветѣ; ты возбудишь царскій гнѣвъ, и постигнешъ тебя страшное бѣдствіе. Вѣрно, ты плакала о тебѣ; другъ мой, образумься!

Янъ. *(устрашимозъ взоры неподвижно)*. А! ты, вижу, еще не знаешь моего характера. Измѣнить правдѣ, изъ любви къ жизни, не въ духѣ доблестнаго мужа; убить тѣло ради блага — вотъ достоинство мужчины! Умереть изъ преданности, — мой удѣлъ. Этотъ доносъ дѣлаю я не съ тайной надеждой избавиться отъ смерти, не изъ жажды пустой славы и похвалы, — нѣтъ! моя кровь, которая обогрѣтъ землю, тронетъ сердце моего владыки и откроетъ глаза его. Если бы только уничтожить злодѣевъ и отмстить за невинно погубенныя ими жертвы, тогда я буду спокойно спать въ гробовой постели. Супруга! Не настаньвай больше!

Жена. Когда ты такъ твердъ и неумолимъ, то я вижу что, намъ съ тобой нѣтъ спокойной могилы *(плачетъ)*. Склонись на мои просьбы и подумай!

Янъ. Нельзя внимать рѣчамъ женщины.

Жена. Твой предокъ погибъ отъ такой же ревности. Смотри: правдивые сановники погублены, весь дворъ опутанъ сѣтью. Почупись изъ прежнихъ прихворъ и безъ пользы, презирая жизнь, не нарушай фамильнаго долга.

Янъ. Зачѣмъ плакать и скорбѣть! Я знаю долгъ вѣрнопопданнаго, знаю, что служеніе это требуетъ жертвы жизни.

Жена. Сжался хоть надъ твоими дѣтьми.

Янъ. Не останавливай меня привязанностію къ дѣтямъ; мужу великой души, въ этомъ мірѣ, надобно кончить свое поприще доблестно и съ шумомъ.

Жена. О, каменное сердце, желѣзная утроба! Какъ мнѣ перенести горе! Бѣдныя мои дѣти!

Янъ. Супруга! Ты похожа на ту вѣрную жену, которая плакала о своемъ погибшемъ въ битвѣ мужѣ, такъ горько, что и великая сѣна раздалась. Что же! забываютъ, что и умные, и неразумные всѣхъ вѣковъ (съ печальною улыбкою) всѣ идутъ подъ одну земляную кровлю!

Жена. Увы! его воля непреклонна—онъ забылъ себя; самъ влечь себя въ пропасть. Къ какому духу обратиться съ молитвою!

Янъ. Завтра я, быть можетъ, разобью свою голову предъ мѣсяцъ владыкой. Супруга! Когда я умру, ты не погребай моего трупа. Пусть и по смерти моей, мои кости и преданная душа говорятъ государю слова правды.

Жена. Берегись оскорблять царское величіе.

Янъ. Пойду и испытаю силу своего слова.

Жена. Погоди, супругъ!....

Янъ (съ иеръшимостію). Если вернусь, то не буду стоить последней монеты. Огня! (убѣгаетъ).

Жена (бросается за нимъ и останавливается). О, не послушалъ онъ моихъ совѣтовъ; завтра будутъ вопли и сѣтованье (закрываетъ лице и уходитъ).

Дѣйствіе кончилось. Толпа оставалась въ созерцательномъ положеніи, молча помахивая вѣрами. Угрюмая тѣнь героя стояла предъ воображеніемъ зрителей, — любимый ихъ идеалъ гражданской доблести, съ своимъ неукротимымъ фанатизмомъ, презирающимъ всѣ препоны и опасности, съ его суровымъ стоицизмомъ, понижавшимъ самыя нѣжныя чувства человѣческаго сердца. Национальное самознѣніе было пріятно затронуто, и я замѣтилъ, что у многихъ зрителей, изъ глазъ, освѣщенныхъ крыльями шляпъ, исходилъ лучистый восторгъ и смуглыя лица ихъ процѣпили самодовольствіемъ. Надобно сознаться, что театръ есть одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ, которыя обобщаютъ народное воспитаніе въ поднебесной имперіи и укрѣпляютъ понятія, предрасудки и взгляды ея жителей. Сценическія средства у нихъ плохи и даже странны; но народъ съ пылкимъ увлеченіемъ очерчиваетъ въ этихъ кукольныхъ зрѣлищахъ пищу для своего ограниченнаго ума. Онъ самъ содалъ свой театръ, прославляетъ свой театръ, прославляетъ на немъ свои идеалы и довольствуется его характерной организаціей.

За дѣйствіемъ «Демосъ», слѣдовала цѣльная пѣса, съ предисловіемъ. Выходитъ актеръ и поетъ что-то о пользѣ театральныхъ представлений; потомъ обратившись къ дверямъ сцены, громко спрашиваетъ: какую пѣсу намѣрены играть теперь? За сценой также громко отвѣчаютъ: драму «Убитая собака, или ссора и примиреніе братьевъ»! Актеръ, обратившись къ публикѣ, говоритъ: А! «Убитая собака, а, а, а!» Затѣмъ поетъ: «Вы увидите, какъ неприятны и гибельны семейные раздоры и какъ умная жена, въ примѣръ всѣмъ другимъ, искусно примирила братьевъ». Пропѣвъ эту мораль, актеръ снова кланчетъ за сцену: теперь выходите, кому слѣдуетъ, и уходите.

Мы съ Ханъ-слюмъ, такъ какъ намъ слѣдовало уходить, выслушавъ предисловіе и удовольствовавшись общимъ выводомъ пѣсы, отправились искать нашихъ муловъ. Путь былъ не близкій; дорога на долгие задыта была дождемъ; ручьи сбѣгались потоками, и намъ приходилось дѣлать кругъ по пригорью. Когда мы оставили за собой кумирню,—приятная тишина наступила послѣ крика и шума, просторъ и раздолье послѣ тѣсноты и безпорядка. Воздухъ былъ прозраченъ: смоченныя дождемъ поля и скаты горъ такъ и вѣяли живительною свѣжестью; по ясному небу неслись темныя облака разорванной тучи. Мы не встрѣчали почти никого ни на поляхъ, ни въ деревняхъ. Мы подѣзжали къ одной изъ нихъ, когда солнце, готовое скатиться за хребетъ, вышло изъ темнаго облака; окраины облака зардѣлись жаркимъ пламенемъ и прощальные лучи свѣтила облили вершины холмовъ, постепенно спускавшихся на долину, кроткимъ и тихимъ свѣтомъ. При этомъ простомъ, но не наглядномъ явленіи, изъ души вытѣснились шумныя впечатлѣнія праздника и уступили мѣсто тихой задумчивости; самъ нутеводитель мой былъ пораженъ этимъ зрѣлищемъ. Хмельной чадъ испарился изъ его головы; онъ молча указалъ мнѣ на свѣтлую полосу и долго держалъ руку поднятою, словно генералъ на батальной картинѣ. Въ сумерки мы услышали издали звуки похороннаго служенія, съ ударами въ барабанъ и колокольчикъ; они выходили изъ полевой хижины, стоявшей на бѣдной фермѣ. Подѣзжая къ ней, мы замѣтили у уличныхъ дверей скромное траурное убранство; подъ рогожнымъ шатромъ стоялъ небольшой гробъ и близь него чухлый хшанъ съ ученикомъ усердно выпѣвалъ «Пѣсню о черномъ», произносилъ заклинанія и, бросая хлѣбныя зерна по сторонамъ, съзывалъ безпріютныя тѣни голодныхъ духовъ и демоновъ на теургическую трезну,—для избавленія бѣдной души отъ мытарства. Сдвигаясь отъ эту зловѣщую и хищную стаю ко гробу, въ которомъ покоилось, по видимому, невинное дитя; въ углубленіи сидѣла убитая горемъ бѣдная женщина, въ засаленной траурной одеждѣ, никого болѣе не было. Мы остановились у шатра, и на насъ назвуло запа-

хоть съѣзжаго холста, изъ котораго состоитъ обыкновенно траурное убранство. «Умерла!» сказала Ханз-слыз и оставался въ нерѣшительности, ѣхать ли далѣе, или выйти въ шагерь. «Надобно!» рѣшилъ онъ—знакомы! Онъ сошелъ съ мула, оправилъ себя, сколько могъ, и вошелъ; хашанъ недружелюбно посмотрѣлъ на него, прекратилъ чтеніе и занялся чаемъ въ сторонѣ. Ханз-слыз возмилъ вина передъ гробомъ и, склонивъ голову на бокъ, обратился ко вдовѣ, — это была вдова, — съ безмолвнымъ возраженіемъ сожалѣнія; мать, сжавъ дрожавшія губы, указала на гробъ, также молча. Ханз-слыз не опустилъ случая спросить вдову, за сколько начала она хашана отиѣтъ похороны, и онъ ли взялся доставить служебныя принадлежности. Или, по уговору, это оставлено на заботу козвевъ; вдова не вслушалась и молчала, принявая вопросъ его за слова участія.

Грубый человѣкъ не постыдился повторить вопроса своимъ крикливымъ голосомъ; интересы корысти и погребнаго сбора вращали его дьякомъ. Вдова наконецъ поняла и простодушно отвѣчала, что не знаетъ; добрые люди помогли ей одиночеству Ханз-слыз, окинувъ взглядомъ убранство, снявъ рукой со съѣзжа магаръ и кинувъ вдовѣ головой, вышелъ. Мы отправились къ полумракъ. Ханз-слыз сказалъ мнѣ, что покойница была дѣвушка и умерла отъ болѣзни, полученной ею въ горахъ, т. е. по его увѣренію, отъ наважденія, и онъ указалъ на хребетъ, темный силуэтъ котораго едва рисовался въ потухавшей зарѣ. Онъ не желалъ продолжать разговора о такомъ печальномъ предметѣ, при на ступленіи ночи, когда атмосфера кишитъ духами. Медленно подвигались мы во мракъ, то переѣзжая лужи, то окропляемые брызгами съ тополей, ирѣдка замѣчая покрывшіеся памятники на придорожныхъ могилатъ. Не вдалекѣ отъ нашего прѣставища, мы миновали высокую стѣну стариннаго опустѣлаго зданія и встрѣтили тутъ толпу крестьянъ, человѣкъ пять, которые прислонились къ стѣнѣ, что бы дать намъ проѣхать по узкой и грязной дорогѣ. «Кто?» спросили они. Отвѣга не было. «Откуда?» повторяли они. Мой спутникъ, не останавливаясь, отвѣчалъ: «эго я, Ханз-слыз; ѣду съ праздника.» — «Здорово, Ханз-слыз, что такъ поздно?» — Но мы были уже далеко. Это были каргезинные игроки, которыхъ велъ въ опустѣлое зданіе хашанъ, единственный обитатель его. Каждую ночь собиралъ онъ празничъ крестьянъ въ свою б-рлюгу и рас пространялъ въ сосѣдней деревнѣ губельную страсть къ азартной игрѣ. Когда миновали мы послѣднюю деревню, Ханз-слыз вдохнулъ свободно и закричалъ во все горло, давая знать въ кумирню о нашемъ возвращеніи. Воронныя цѣпи были сняты и я вошелъ въ нашу мирную пріютъ. Столичные гости уѣхали еще днемъ; большая часть кумиренныхъ сидѣлъ; одинъ только Ванг-чжэнъ сидѣлъ въ своей кельѣ, погруженный

въ сведеніе счетовъ за минувшій день. Онъ вышелъ на средній дворъ и освѣдомился о приключеніяхъ нашего путешествія. Вотъ человѣкъ, который, сидя дома, зналъ все, что происходитъ на долинѣ, и если бы Ханъ самъ обратился къ нему съ вопросомъ о похоронныхъ расходахъ вдовы, онъ получилъ бы подробный и удовлетворительный отвѣтъ. По разсказу Ванъ чжэна, покойная дѣвушка, лѣтъ 14 или 15, была единственная дочь вдовы. Всѣ дни своей бѣдной юности, она проводила въ лонѣ горной природы, собирая по скатамъ горъ хворостъ для топки, или гоня единственного осла вдовы по зеленымъ долинамъ. Разъ застала ее въ горахъ бурная гроза, одна изъ тѣхъ, которыя часто оглашаютъ трескучими ударами и глубокіе пады, и ущелья пустынного хребта. Когда дѣвушка, вечеромъ, вернулась въ домъ, ее нельзя было узнать; блѣдная, безмолвная, дрожа всѣмъ тѣломъ, она и руками, и испуганными глазами указывала на горы, какъ будто вернулась изъ заколдованной страны, гдѣ была свидѣтельницей ужасающихъ видѣній. Она потеряла способность говорить и слегла въ постель. Огорченная мать прибѣгла къ лекарямъ и знахарямъ; тѣ, посмотрѣвъ на блѣдное, испуганное лице малютки, на ея блуждающіе взоры, пощупавъ тремя пальцами пульсъ на обѣихъ рукахъ ея, покачали головой и объявили, что тутъ не помогутъ ни пилюли, ни порошки, ни даже акупунктура и мокса, и что у больной похищена разумная душа, осталась одна животная. Фейсты замѣчали, что эта болѣзнь есть слѣдствіе поступкомъ прежнихъ перерожденій. Даосы предполагали, что дѣвушка была гениемъ-небожителемъ, осужденнымъ на испытанія земной жизни, за какую нибудь чувственную мысль, за улыбку страсти, и т. п. Но сосѣди вдовы, основываясь на мнѣніи докторовъ, были увѣрены, что душа больной была похищена горнымъ духомъ, большимъ любителемъ душъ человѣческихъ вообще, и женскихъ въ особенности. Каждый вечеръ, печальная мать, послѣ дневныхъ трудовъ, отправлялась съ пучкомъ курительныхъ свѣчъ, на ближній холмъ, въ полуразвалившееся капище, гдѣ былъ кумиръ богини, покровительницы дѣтей, и передъ этимъ созданіемъ материнской любви напрасно изливала свои горячія и безотрадныя чувства. Дѣвушка доживала послѣдніе дни своей жизни. За нѣсколько минутъ до смерти, взоры ея успокоились; она напрасно силлась сказать что-то, можетъ быть, слово вѣчной разлуки, или повѣдать матери своей тайну незаслуженныхъ ею мукъ; она взглянула на рыдающую мать и съ образомъ ея заснула на вѣки.

Этотъ разсказъ навѣялъ на Ванъ чжэна грустные размышленія. Наши мудрецы говорятъ, сказалъ онъ чрезъ минуто, что смерть есть единственная непреложная истина. Но они забываютъ, что люди, усовершенствовавшіеся въ тайнахъ даосскаго ученія, часто не умирая воз-

лстали на небо, и даже со всѣмъ своимъ домомъ. Есть также бессмертныя и среди людей; они живутъ на землѣ, безъ физическихъ потребностей, и не умираютъ. Нашъ знаменитый *Бошмиэль* не хотѣлъ ни за что удалиться отъ земли; на 900 году его жизни, недалеконидные выражали свое удивленіе, что онъ еще не возлетѣлъ на небо. Друзья мои, отвѣчалъ онъ имъ: вы знаете одно, но не знаете другаго; я нахожу, что на землѣ веселѣе, чѣмъ тамъ, вверху. *Бошмиэль* понималъ сладость земной жизни; годы не утомляютъ, и я еще не видѣлъ ни одного человѣка, который бы охотно покидалъ эту жизнь. Думаю, что можно безпечально прожить и 1000 лѣтъ, съ маленькими талантами и съ тѣмъ, что тутъ есть, заключилъ *Ванъ-чжэнъ*, нѣжно хлопнувъ себя по брюху. По миѣнію китайцевъ, умъ и познанія обрѣтаются не въ головѣ, а во чревѣ, и мой собесѣдникъ имѣлъ довольно выгодное понятіе о своемъ. Съ послѣднимъ словомъ, *Ванъ-чжэнъ* взглянулъ на положеніе звѣздъ, пожелалъ мнѣ покойной ночи и медленно унесъ прямую фигуру свою въ келью. Въ послѣдствіи, онъ признался мнѣ, что взглянувъ на небо, онъ замѣтилъ падающую звѣзду; несомнѣнно было, что душа какого нибудь знаменитаго мужа, въ это время, покинула міръ сей. Въ такой оригинальной странѣ, какъ Китай, и небо имѣетъ свои причуды; оно сыплетъ звѣзды для именитостей, не при жизни, а по смерти ихъ. Потомъ, войдя въ свою келью, онъ почувствовалъ сотрясеніе въ вѣкъ лѣваго глаза своего, продолжавшееся съ минутой, вѣрное предвѣстіе какого-то несчастія или тревожнаго событія; лежа на постелѣ, онъ долго раздумывалъ, что бы такое могло вошатнуть его на крѣпкой позиціи или возмутить зеркальную поверхность на озерѣ его завидной жизни.

ПИСЬМА ОБЪ ОСТАШБОВЪ.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

ИМАННИНЫ.

Никто вѣроятно не сомнѣвается въ томъ, что знакомства, самыя разнообразныя, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, служатъ однимъ изъ надежнѣйшихъ способовъ изученія нравовъ. Никакія статистическія данныя, никакія внѣшнія наблюденія и впечатлѣнія не даютъ такого яснаго, осязательнаго понятія о жизни какойнибудь мѣстности, какъ личное сближеніе съ такъ называемымъ *живымъ матеріаломъ*. Но, не смотря на все превосходство этого способа передъ прочими, а можетъ быть и потому, что я лично чувствую къ нему наибольшую склонность, мнѣ нѣсколько разъ приходилось убѣдиться собственнымъ опытомъ, что это одинъ изъ самыхъ трудныхъ и самыхъ краткихъ способовъ. Личное знакомство съ предметомъ изученія, какъ и всякій другой приемъ, въ такомъ только случаѣ даетъ вполне удовлетворительные результаты, когда наблюдатель относится къ изучаемому предмету совершенно свободно, ни на одну минуту не стѣсняясь своими личными симпатіями, и пока знакомство для наблюдателя остается только средствомъ, а не цѣлію. Но какъ скоро онъ позволилъ себѣ втянуться въ интересы изучаемой имъ среды и принялъ въ нихъ хоть малѣйшее участіе, такъ сейчасъ же знакомство теряетъ для него свое поучающее значеніе и получаетъ совершенно

безплодный смысл. Наблюдатель из наблюдателя превращается въ дѣйствующее лицо и, какъ заинтересованный въ дѣлѣ, уже лишается возможности видѣть жизнь во всей ея полнотѣ и неприкосновенности.

Къ подобнымъ же результатамъ приходятъ и тѣ легкомысленные наблюдатели, которые не могутъ воздержаться отъ желанія *разыграть роль наблюдателя*. Такіе люди никогда ничего узнать не могутъ, потому что они прежде всего заняты сами собою и выполнениемъ своей роли, не говоря уже о томъ, что самый видъ наблюдателя заставляетъ каждого скрытничать и притворяться. Слѣдовательно, каждый смотрящій на дѣло изученія серьезно и желающій извлечь изъ наблюденія существенную пользу долженъ поставить себѣ за правило: выбрать себѣ по возможности самую ничтожную, самую невыгодную роль и скромно пребывать въ ней, почти не показывая признаковъ жизни. Если я хочу застагъ чужую жизнь врасплохъ, то понятно, что я самъ долженъ уничтожиться и притаить дыханіе, чтобы не возмутить покоя въ интересующемъ меня болотѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, разумѣется, такое чисто-объективное отношеніе къ предмету изученія встрѣчается большія затрудненія со стороны самого предмета, а иногда становится и совсѣмъ невозможнымъ, но городская, да и всякая русская жизнь вообще, сколько я могъ замѣтить, до сихъ поръ еще не слишкомъ противится пытливому взору всякаго мало-мальски искуснаго наблюдателя. Большинство у насъ до сихъ поръ еще такъ неспособно къ объективному взгляду на жизнь, и въ то же время до того поглощено своими домашними нуждами, что ему даже и въ голову не приходитъ, чтобы кто нибудь могъ серьезно заниматься наблюденіемъ и изученіемъ общественной жизни просто для того только, чтобы наблюдать и изучать. Подсматривать, подслушивать и послѣ снаушничать, или наконецъ подлечь на смѣхъ, это еще понятно; но безкорыстнаго, совершенно безучастнаго наблюденія большинство не понимаетъ и даже въ другихъ допускаетъ съ трудомъ, считая подобное занятіе совершенно пустымъ и правды дѣломъ; а потому и не дастъ себѣ труда остерегаться и скрываться отъ наблюденія. Да къ тому же и остерегаться—то очень трудно. Какъ тутъ остережешься, когда Богъ его знаетъ, что нужно скрыть и что обнаружить. Если же иной разъ изучаемый субъектъ и догадается, что его изучаютъ, спохватится и начнетъ скрытничать, то большею частію и это ни къ чему не ведетъ, потому что даже струсивши и съезжившись, онъ невольно обнаруживаетъ такія свойства, скрывать которыя уже рѣшительно невозможно. И чѣмъ больше онъ скрытничаетъ, чѣмъ хитрѣе старается обмануть васъ, тѣмъ больше помогаетъ вамъ. Такъ что во всякомъ случаѣ уйти отъ наблюденія трудно. И притомъ надо замѣтить, что осторожныхъ людей вообще мало, т. е. дѣй-

сверхъизянно осторожны; — большинство же вбѣдъ составляютъ люди легкомысленные и до крайности безпечныя. Въ извѣстныхъ случаяхъ дѣйствительно общество падаетъ и въ другую крайность; такъ напр. иногда цѣлый городъ вдругъ ни съ того, ни съ сего заражается страшною подозрительностію по поводу какого нибудь прѣзжаго или какого нибудь слуха. Подозрительность въ это время совершенно принимаетъ видъ эпидеміи и свирѣпствуетъ въ некоторое время дико, безобразно, нападая очень часто и на такихъ людей, которые въ другое время все неспособны вѣрить всякой ослетѣ. Заподозрѣнному въ подобныхъ случаяхъ лучше всего отмолчаться и переждать грозу. Какъ легко появляется эпидемія подозрительности, такъ же легко она и проходитъ. Переждавъ недѣлю, другую, и все пойдетъ по старому. Но и для подозрительности, какъ и для всякой другой эпидеміи, бываетъ извѣстный періодъ зрѣлости, когда появленіе ея становится возможнымъ и признаки заболѣванія начинаютъ носиться въ воздухѣ.

Я прѣѣхалъ въ Осташковъ какъ разъ въ пору, прожилъ въ немъ ни много, ни мало, а именно столько, сколько нужно было для того, чтобы насмотрѣться, послушаться вдоволь, сойтись со всѣми и ни съ кѣмъ не сблизиться, и уѣхалъ. Вслѣдствіе крайней невзыскательности моеи относительно знакомствъ всякаго рода, число ихъ съ каждымъ днемъ возрастало. Этому возрастанію очень благопріятствовало еще и то обстоятельство, что самые подозрительные люди скоро поняли, что мнѣ въ сущности ничего не нужно, что я ничего не ищу, ни о чемъ очень не стараюсь. Этого было вполне достаточно для начала и хватило на тотъ короткій періодъ времени, который я пробылъ въ городѣ, а признаки заболѣванія подозрительностію обнаружиться еще не успѣли.

Только что успѣлъ я вернуться изъ поѣздки въ Нилову пустынь, какъ узнаю, что заходящій за мною мой знакомый, Иванъ Ивановичъ. Въ сумерки я пошелъ къ нему узнать, зачѣмъ онъ заходитъ. Оказалось, что въ тотъ день были именины одного рыбнаго промышленника, и знакомый хотѣлъ предложить мнѣ отправиться вѣстѣ къ нему на вечеръ. Я, разумѣется, съ удовольствіемъ согласился, и мы пошли. Хозяинъ встрѣтилъ насъ въ сѣняхъ со свѣчами и провелъ въ кухню. Здѣсь мы застали хозяйку, хлопотавшую что-то надъ пирогами, и мальчика, ковырявшаго свѣчку. Въ слѣдующей комнатѣ, на комодѣ стояла водка и два старика, тоже рыболовы, разговаривали въ углу. Въ гостиной, посреди комнаты, учитель уѣзднаго училища, два чиновника и одинъ старикъ купецъ играли на стуколку; нѣсколько гражданъ стоя смотрѣли на игру. Въ залѣ видѣлись сидящія по стѣнѣ дамы въ желтыхъ и зеленыхъ платьяхъ. Они шлоковались другъ къ другу и вели

тихій разговоръ. Да и вообще было очень тихо; только играющіе, пристально и серьезно саѣдя за картами, восклицали иногда: — *снук-ну! сѣвжмхл!* и проч. Хозяинъ, кланяясь и нѣсколько кневоуясь, пригласилъ насъ къ водкѣ, а когда мы вышли, — попросилъ сѣсть на диванъ. Мы сѣли, а хозяинъ стоялъ возле насъ, прислонившись къ косяку спиною и заложивъ руки за спину. На немъ былъ новый долгополоый сюртукъ и красный платокъ на шеѣ. Мы съ Иваномъ Ивановичемъ стали глядѣть на гостей, отчего они, т. е. не играющіе, начали понемногу вздыхать, задумываться и подергивать плечами, а нѣкоторые даже вышли изъ комнаты. Мы такъ долго сидѣли. Наконецъ Иванъ Ивановичъ спросилъ у хозяина: какъ его дѣла? хозяинъ покраснѣлъ и сказалъ, что слава Богу, по маленьку и, подумавъ немного, спросилъ:

— Да не угодно ли еще по рюмочкѣ?

Мы отказались.

— А то выкушайте. Чтожь такое?

— Нѣтъ, ужъ благодаримъ покорно.

— Ну, какъ угодно.

Далѣе разговоръ не продолжался. Иванъ Ивановичъ вынулъ табакерку и очень старательно началъ нюхать табакъ; а я все разсматривалъ лежащій передо мной на столѣ бисерный поддонникъ и чувствовалъ, что языкъ у меня послѣ балыка сдѣлался совсѣмъ гладкій, точно суконный. Я время отъ времени начиналъ коситься въ залу, на дамъ и замѣчалъ, что и они тоже на насъ косятся; но встрѣтись глазами, мы сейчасъ же отворачивались, и я серьезно разсматривалъ поддонникъ, а черезъ нѣсколько минутъ опять принимался подсматривать и опять встрѣчался съ любопытными взорами дамъ. Это было весело.

Когда мы достаточно, по мѣшью хозяина, посидѣли, онъ предложилъ намъ пройтись. Мы вращлись по залѣ, но дамы при нашемъ появленіи замолчали, причемъ многія изъ нихъ даже стали отмахиваться отъ мужъ, хотя ихъ вовсе и не было. Мы посидѣвши уйти и, посмотрѣвъ на играющихъ, направились въ ту комнату, гдѣ стояла водка. Тамъ горѣла свѣча на комодѣ, и гражданинъ, увидя насъ, всталъ, такъ что намъ оставалось только одно: опять сѣсть на диванъ, что мы и сдѣлали. Хозяинъ, прогулявшись за нами по всѣмъ комнатамъ, тоже прислонился къ косяку и снова принялся тескливо смотрѣть за гостями. Его по видимому томилъ скука смертная, но варвары гости этого не замѣчали. Но вдругъ лицо хозяина стало оживляться: онъ наморщилъ лобъ, заморгалъ глазами и скрылся. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ мальчишъ, неся на подносѣ чай. Мы взяли по чашкѣ; Иванъ Ивановичъ въ то же время нагнулся ко мнѣ и сказалъ шепотомъ:

— Вы знаете этого господина? онъ указалъ глазами на одного изъ играющихъ.

— Знаю. А что?

— Не совѣтую быть знакомымъ.

— Почему же?

— Да такъ. Будьте осторожны. Конечно, мнѣ не слѣдовало бы говорить о знакомомъ; но чтожь дѣлать, надо сознаться, что это не человекъ, а чудовище, извергъ рода человѣческаго.

— Мм!

Я посмотрѣлъ на изверга рода человѣческаго съ любопытствомъ и подумалъ: — отчего же это прежде я ничего не замѣчалъ чудовищнаго, да и теперь чудовище преспокойно записывало мѣломъ и, помусивъ большой палецъ, отбирало карты.

— Сдѣлайте такое ваше одолженіе! вдругъ сказалъ мнѣ хозяинъ, стоя передо мной съ рюмкой хереса и мармеладомъ.

Гости, между тѣмъ, уходили изъ ту комнату, гдѣ стояла водка, и возвращались съ кускомъ пирога. Игра по немногу стала оживляться. Одинъ старикъ, набирая въ руки карты, говорилъ всякій разъ:

— Ну-ка, дава-кась я посморкаю (т. е. посмотрю).

— Ахъ, чортъ тебя во всемъ совѣмъ, старый хрѣнъ! помирая со смѣху, восклицалъ всякій разъ послѣ этого одинъ чиновникъ.

Иванъ Ивановичъ заговорилъ съ хозяиномъ о его сынѣ, томъ самомъ мальчикѣ, который подавалъ намъ чай. Хозяинъ очень обрадовался этому случаю и все просилъ, чтобы Иванъ Ивановичъ, какъ можно больше, порогъ его сына.

— Зачѣмъ же, сказалъ Иванъ Ивановичъ: — лучше увѣщаніями дѣйствовать. Онъ и такъ послушается.

— Нѣтъ, ужъ сдѣлайте Божескую милость! Какъ чуть что, сейчасъ драть. Дерите, сколько душѣ угодно. Что ихъ баловать!

— Это, что у тебя? а? спросилъ вдругъ хозяинъ у своего сына, вытаскивая у него изъ-подъ жилетки какую-то теосику.

— Пошелъ, вели матери пришить. Или болвангъ! такъ это все дѣлаетъ *мнѣшионально*, и хозяинъ хлопнулъ сына по затылку, желая этимъ, вѣроятно, показать Ивану Ивановичу свое усердіе.

Надо было мнѣ сидѣть, я и сталъ опять бродить по комнатамъ. Въ это время вошелъ старый заштатный причетникъ.

— А, Иванъ Матвѣичъ (*)! весело закричалъ ему Иванъ Ивановичъ: — садитесь сюда! что я вамъ скажу.

Причетникъ недовѣрчиво поглядѣлъ на Ивана Ивановича.

— Что вы? подойдите! Не бойтесь!

(*) Вымышленное имя.

Причетникъ подошелъ и нагнулся. Иванъ Ивановичъ сказалъ ему что-то на ухо, отчего тотъ очень разсердился, замахагъ руками и ушелъ въ залу, ворча что-то себѣ подъ носъ.

— Ну-ка, дава-кась я... вдругъ воскликнулъ было игравшій въ карты старикъ, но замѣтивъ, что я стою сзади его, кашлянулъ и замолчалъ.

Наконецъ, въ залѣ поставили большой столъ и подали ужинъ. Игравшіе рассчитывались и шумѣли. Потомъ всѣ пошли къ водкѣ. Хозяинъ оживился и сталъ ежеминутно бѣгать въ кухню. Хозяйка, красная и заклопотавшаяся до поту лица, выгладывала изъ двери и въ полголоса кричала сыну, несшему блюдо:

— Смотри, не пролей.

У комода одинъ изъ гостей, тотъ самый, на котораго указывалъ мнѣ Иванъ Ивановичъ, взялъ меня за руку, отвелъ въ уголъ и таинственно сказалъ:

— Вы будьте осторожны съ тѣмъ господиномъ, съ которымъ вы пришли.

— Почему же?

— Да такъ ужь. Повѣрьте.

Иванъ Ивановичъ, между тѣмъ, опять ужь успѣлъ разсердить Ивана Матвѣича, такъ что онъ сталъ плеваться и ушелъ отъ него въ кухню.

Начался ужинъ. Дамы взяли тарелки и усѣлись въ гостинной, а мы остались въ залѣ одни мужчины. Во время ужина, впрочемъ, не случилось ничего особеннаго; только подразнили немного Ивана Матвѣича, напоминая ему о какомъ-то шестѣ. Хозяинъ все хлопоталъ, подчивалъ и давалъ сыну подзатыльники, чтобы онъ скорѣе ходилъ.

— И чудакъ этотъ у насъ Иванъ Матвѣичъ, говорилъ мнѣ смѣясь Иванъ Ивановичъ.

— Что только съ нимъ дѣлаютъ! Вы спросите его: какъ ему сажи въ рукавицы насыпали, взгляните, какъ разозлился.

Но я не рѣшился спрашивать его объ этомъ, тѣмъ болѣе, что старикъ вдругъ захмѣлѣлъ и началъ ругаться.

— Чегожь, еще рюмочку? спросилъ меня хозяинъ.

— Нѣтъ-съ, благодарю.

— Да вы такъ, мимомалю.

— Не могу.

— Ну, принуждать не смѣю.

— Дарай, я выпью. Приняму себя и выпью, покачиваясь и махая руками, говорилъ Иванъ Матвѣичъ; потянулся къ рюмкѣ и разлилъ вино.

— Ха, ха, ха, покатались гости.

Послѣ ужина сейчасъ же всѣ стали расходиться, и я ушелъ.

У воротъ постоялаго двора встрѣтилъ меня Нилъ Алексѣичъ, продававшій безъ вѣсти нѣсколько сутокъ сряду и только что вернувшійся изъ продолжительнаго странствія по кабакамъ, а потому необыкновенно услужливый, но въ то же время грустный и прикидывающійся казанскою сиротою. Онъ сейчасъ же объяснилъ, что дожидался меня и нарочно не ложился спать по этому случаю; побѣждалъ со свѣчей отпирать дверь, бросился снимать съ меня пальто и вообще употреблять всѣ записавшія отъ него средства, чтобы мнѣ поправиться. Я очень хорошо понималъ, что эта услужливость означаетъ только, что у Нила Алексѣича отъ пьянства болитъ голова, и слѣдовательно, нужно опохмѣлиться; я и далъ ему на шкаликъ. Такъ какъ было еще рано, то я и сказалъ ему, чтобы онъ, опохмѣлившись, зашелъ ко мнѣ на минуту. Взялъ было я книгу, началъ читать; входитъ Нилъ Алексѣичъ, уже веселый, и вытанулся у дверей.

— Пришелъ-съ.

— Вотъ что: возьмите-ка вы мои сапоги; да еще я хотѣлъ спросить васъ объ одномъ дѣлѣ.

— Слушаю-съ.

— Видите ли: собирюсь я ѣхать на этой недѣлѣ, такъ нельзя ли мнѣ заранѣе подыскать попутчика до Волочка?

— Это можно-съ.

— Такъ устройте это пожалуйста, да разбудите меня завтра пораньше.

— Слушаю-съ.

Я замолчалъ. Нилъ Алексѣичъ постоялъ, постоялъ и вдругъ сказалъ:

— Ваше благородіе!

— Что?

— Осмѣлюсь вамъ доложить, это пустое дѣло — попутчики.

— Какъ пустое дѣло?

— Да ужь... такъ какъ мы здѣсь, можно сказать, вотъ съ этихъ лѣтъ при этомъ дѣлѣ, довольно хорошо понимаемъ, что изъ чепухи.

— Нѣтъ, ужь вы пожалуйста...

— Нѣтъ, позвольте-съ. Это какъ вамъ угодно, ну только я такъ рассуждаю, что какъ это нейдетъ, совсѣмъ нейдетъ, чтобы съ попутчиками ѣхать. А вотъ какъ ездятъ сейчасъ приказать тройку — тарантасъ, ямщика подрядить до мѣста; по крайней мѣрѣ спокой. Чудесное дѣло-съ. А между прочимъ, какъ угодно.

— Ну, да мы объ этомъ послѣ поговоримъ. Скажите-ка вамъ нѣтъ лучше вотъ что: гдѣ здѣсь у васъ продаются осташи? (*)

— Осташи-съ? въ лавкѣ-съ.

— Да вѣдь у васъ здѣсь ихъ въ каждомъ домѣ дѣлаютъ. Такъ нельзя ли на дому у мастера купить? Вѣдь это будетъ дешево.

— Это справедливо. На дому совершенно дешево. Ну, только не продадутъ-съ. А вамъ много ли требуется?

— Одну пару.

— Не продадутъ-съ. Изволите говорить, осташи. Осташи вамъ нейдутъ-съ. Какъ вамъ угодно. А вотъ у насъ такіе мастера есть, особенные, которые вытяжные сапоги могутъ сдѣлать. На городничаго и на прочихъ господъ тоже потрафляютъ. Но осташи, конечно, только теперь, какъ я понимаю, сохътамъ, можно сказать, не къ лицу.

— Нѣтъ, это я не для себя. А почему же вы говорите, что на дому не продадутъ? Кто же можетъ мнѣ запретить, если я самъ купилъ товаръ, самъ сшилъ?

— Это невозможно-съ. Хозяинъ запретить.

— Какой хозяинъ?

— Какъ какой? Хозяинъ, т. е. вотъ хоть бы я къ прищѣру завелъ мастерство, ну я шить могу и на дому, а товаръ у меня хороній и долженъ я представить работу хозяину. Ваше благородіе! ослѣпись васъ обезпокоить, — одолжите покурить!

— Возьмите. Такъ стало быть, ваши граждане изъ хозяйскаго товара шьютъ?

— Такъ точно-съ. Изъ хозяйскаго.

— Кто же эти хозяева?

— А тоже граждане-съ, которые купцы, капиталъ у себя имѣютъ и торгуютъ.

— А много ли такихъ?

— Нѣтъ, не много-съ. Человѣкъ пять настоящихъ хозяевъ, а то все мелочь, все больше изъ-за хлѣба дома сапожники ковыряютъ.

— А почему же эти мастера сами не торгуютъ?

— Гдѣ же? Помилуйте! Бѣдность. И опять же, нѣтъ такого мастера, который чтобы хозяину не былъ долженъ. У насъ ужъ такое заведеніе. Еще банковскіе должники—вотъ тоже. Кто ему не долженъ? Какъ въ яму, въ этотъ банкъ такъ и валется. А все лучше нѣтъ. Который если задолжалъ, пришелъ срокъ,—не могу заплатить, ну льготу даю; льгота прошла—шабашъ: отдають тебѣ какому нибудь хозяину, работай на него! Ну, давѣство дѣло, хозяину вѣкъ не заработаешь. Ты зарабатываешь, а онъ принципиаветъ, ты заработалъ, а

(*) Осташи — крестьянскіе сапоги здѣшней работы.

онъ приписалъ. Такъ и пойдетъ до скончанія вѣка. И дѣти все будутъ на хозяина работать.

Нилъ Алексѣичъ въ три приема вытянулъ всю паниросу, сразу выпустилъ цѣлую тучу дыма; поперхнулся и сказалъ рѣшительнымъ голосомъ:

— Ваше благородіе, позвольте вамъ сказать?

— Говорите.

Онъ нѣсколько минутъ соображалъ что-то, потомъ сдѣлалъ шагъ впередъ, спряталъ руки назадъ и опять сказалъ:

— Ваше благородіе! Я понимаю-съ, очень даже понимаю, что вамъ требуется.

— Что же вы понимаете?

— Я вамъ ногъ доложу-съ. Все-съ! Вы меня извольте спросить, и я вамъ могу, даже то есть до нитки рассказать.

Нилъ Алексѣичъ подошелъ ближе и началъ шептать:

— Вотъ какъ теперь господинъ Савинъ и прочіе, ежели что рассказать... чтожъ? я человѣкъ маленький. Меня погубить не долго. Только это имъ будетъ стыдно. Какъ я вамъ докладываю, я всей душой передъ вами. И какъ я надѣюсь на васъ. Ну, а они совсѣмъ напротивъ, и даже, можно сказать, стараются, какъ бы человѣку сдѣлать то есть вредъ, а не то что.

Я началъ теряться въ догадкахъ: хочеть ли онъ мнѣ сообщить что нибудь очень любопытное, или такъ, бессознательно съ похмѣля несетъ вѣдоръ.

— Какой же вредъ? спросилъ я на удачу.

— А ужъ они найдутъ такую вину. Имъ это ничего не значить человѣка погубить. Чтожъ? Я молчу. Я не могу противъ своего начальства говорить ничего. Я молчу-съ.

Я увидалъ, что Нилъ Алексѣичъ действительно молчитъ и что толку отъ него, должно быть, не добьешься. Я взялъ книгу.

— Такъ завтра въ какомъ часу прикажете разбудить?

— Часомъ въ восемь.

— Слушаю-съ. А что я хочу еще новросить ваше благородіе.

— Что? Еще на шкаликъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. На табачокъ.

Дня черезъ два послѣ описаннаго вечера проснулся я утромъ и даже какъ-то обрадовался, услыхавъ за стѣною знакомый голосъ помѣщика, котораго я видѣлъ въ Ниловой пустыни. Въ продолженіи этихъ двухъ дней я почти не сидѣлъ дома, возвращался поздно, а потому и не зналъ, что у насъ дѣлается. Въ это время уже успѣло произойти такъ называемое *соглашеніе*, и, судя по тому, что дѣлалось

до меня изъ соседней комнаты, можно было предположить, что приглашеніе совершилось къ общему удовольствію; по крайней мѣрѣ, помѣщикъ уже не кричалъ и не ругался, а такъ просто ходилъ по комнатѣ и кротко разговаривалъ съ посредникомъ. Время отъ времени слышался звонъ затыкаемаго графина и веселое побрякиваніе, обыкновенно слѣдующее за выпивкою. Въ передней скрытнѣ сапоги и въ дверную щель влеталъ въ мою комнату запахъ дегтя и овчины, по которому всегда можно еще издали узнать о присутствіи мужиковъ.

Поговоривъ съ посредникомъ, помѣщикъ выходилъ въ переднюю и заговаривалъ съ крестьянами слѣдующимъ образомъ:

— Ну, что? а? Ну, вотъ и кончили, благодаря Бога. Довольны? а? а? довольны?

— Благодаримъ покорно. Что жь? отвѣчали крестьяне.

— Ну, да. То-то. А? Баринъ вамъ зла не пожелаетъ. Не хотѣли, а теперь сами благодарите. А? Благодарите вѣдь? а?

— Такъ точно, Александра Васильичъ, благодаримъ покорно.

— Мы за васъ, Александра Васильичъ, должны вѣчно Бога молить, вмѣшивался какой-то вазойливый, тоненькій голосишко.

— Иванъ Петровичъ (*), обращаясь къ посреднику, говорилъ помѣщикъ: — вотъ я говорю, не хотѣли, а теперь сами благодарны. А?

— Да, да, изъ другой комнаты отвѣчалъ посредникъ.

— Своей пользы не понимаютъ, глупы, продолжалъ помѣщикъ.

— Вѣдь вы глупы? а?

— Это справедливо, Александра Васильичъ, со вздохомъ отвѣчалъ тотъ же тоненькій мужичій голосишко.

— Ну, да. Вотъ васъ на волю отпустили. Ну, да. Вы теперь будете вольные. А? Вотъ я зла не помню. Вѣдь я васъ люблю, даромъ, что вы мошенники, говорилъ помѣщикъ, рыгая и видимо смягчаясь все болѣе и болѣе.

— Вотъ я какой! а? А почему я васъ люблю? Потому что вы моей жены-покойницы. Да, заключилъ онъ и пошелъ въ другую комнату.

Послѣ непродолжительнаго молчанія мужики повсѣпталась и одинъ изъ нихъ кашлянулъ и сказалъ, подойдя къ двери:

— Мужикамъ, Александра Васильичъ, какъ прикажете, домой? или какъ ежели насчетъ чего приказывать извоите?

— Какимъ мужикамъ?

— А, то есть намъ-то-съ?

— А ты кто жь такой?

— Я-съ? Гм, мужикъ-съ.

— Такъ что жь ты? Чучело!

(*) Вмѣшивался нма.

Баринъ смягчился совсѣмъ и даже сталъ шутить.

— Нѣтъ, постойте. Я вамъ сейчасъ всюю водику дать. Эй! кто тамъ? Подать водки моимъ мужикамъ по рюмкѣ. Вотъ видите, продолжалъ онъ изъ другой комнаты:—я зла не помню. Богъ съ вами. Я вамъ все прощаю. Я за васъ хлопочу, а вы что? Вы моимъ дождамъ овса пожалѣли. Безстыжкіе ваши глаза! а? Не стыдно? а? Мошеники! мошеники! а? И не стыдно? а? Овса пожалѣли!

Мужики молчали.

— Алтонъ! и не стыдно тебѣ? Богатый мужикъ. Мѣры овса пожалѣлъ. А?

— Вивевать, Александра Васильичъ, растроганнѣмъ голосомъ отбичалъ мужикъ.

— А вѣдь я васъ люблю. Вѣдь я вамъ отецъ. 'А? Не чувствуете? Ну, чортъ съ вами! Пейте, подсацы, за мое здоровье, заключилъ пошеникъ и ушелъ въ другую комнату.

ПИСЬМО ОБЪШОЕ.

ОСТАШКОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Поналась мнѣ рукописная книжка «Лѣтопись города Останкова», писанная какими-то священниками. Много было хлопотъ и бѣготни, чтобы отыскать ее. Ходить она въ городъ по рукамъ ужь очень давно и всѣ ее знаютъ чуть не навзусь, но добыть ее, если кому понадобится, трудно. Лежитъ она у кого нибудь, а у кого, Богъ знаетъ. Иногда и тотъ, у кого она находится въ данную минуту, не знаетъ навѣрное: у него она, или нѣтъ. Дѣти куда нибудь затащатъ, ища. Точно такъ же странствуютъ и другія рукописныя тетради. Одну изъ нихъ мнѣ тоже удалось найти совершенно впрочемъ случайно. Тетрадь большаго формата въ листъ, въ переплетѣ; на первой страницѣ написано: «Выписки изъ журналовъ, разныхъ писателей, сочиненій, такъ же К. Н. Гречникова и П. К. Стременаева. Прозы, стихи, басни, романсы и гимны. Съ 1835 г., а мною выписаны съ 1851 года. Вик.»

Тетрадь эта, не смотря на крайнюю бѣдность заключенныхъ въ ней мыслей и вообще скудость матеріала, а можетъ быть, именно и поэтому, показалась мнѣ нѣсколько занимательною. Этотъ жалкій сборникъ состоитъ главнымъ образомъ изъ произведеній туземной музыки, вдохновлявшей двухъ друзей, гг. Гречникова и Стременаева. Одинъ изъ нихъ, Гречниковъ, какъ видно изъ тетради, безвременно похищенъ раннею кончиною; и на первой же страницѣ читатель на-

ходить грустную вѣгю г. Стремешева «предсмертъ», отътвореніе, по видимому, написанное подъ вліяніемъ смѣрти друга и мастаеника, какъ называетъ его авторъ. Да и вообще произведенія этого поэта (г. Стремешева) отличаются грустными тѣнонь и болышою частію написаны не случайно чего нибудь.

Потомъ слѣдуетъ восторженный дисирамба: «Пароходъ на Селгеръ», написанный по случаю появленія въ Осташковѣ буксирнаго парохода братьевъ Савиныхъ, *Осташа*. Этотъ пароходъ, въ свое кратковременное служеніе фабрикѣ Савиныхъ, надѣлалъ въ городѣ много шуму и служилъ въ началѣ не малымъ поводомъ къ самохваляству всего города. Но къ несчастію, скоро кончилъ онъ свое површе скандаломъ, по случаю котораго не замедлила появиться адонитійный, хотя и безграмотный, псквиль. Какъ видно изъ разсказовъ и изъ псквилья, дѣло происходило такимъ образомъ: пароходъ былъ предложенъ одному, прибывшему изъ губерніи, значительному лицу для проѣзда въ Нилову пустынь. Отправленіе гостя сопровождалось, разумѣется, подобающими почестями и торжественностію.хлопотъ было много. Больше всего старались о томъ, чтобы торжество вышло какъ можно торжественнѣе; но на всякій часъ не уберешься. И на этотъ разъ, какъ часто въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, самое ничтожное, самое пустое, непредвидѣнное обстоятельство вдругъ совершенно разрушаетъ всю торжественность обстановки и всѣ хитро и задолго обдуманныя приготовленія. Гость взвѣшалъ на пароходъ и отчалилъ отъ берега. Ну, слава Богу! Не увы! ничто не проче лодъ лушою. Однако я буду лучше продолжать словами туземнаго юмориста.

«Осташъ—пароходъ
Насмѣшилъ весь народъ...
Лишь отъ пристани пустился,
За уголь бани вацѣнился,
Уголь бани затрепалъ,
Людей въ бани испужалъ.
Стѣна стала валиться, —
Люди бросили и мыться;
Испужались, закричали,
Вонъ изъ бани побѣжали.
Не успѣли смыть и мыло.
(Это вѣрно такъ и было).
Бѣжали всѣ нагіе...
Слушатели дороги!» и т. д.

— Да. Отъ великаго до смѣшнаго одинъ только шагъ. Говорятъ, распорядители торжества очень сердились на эту проклятую баню. И

подвернула же ее нелегка, да при томъ, какъ нарочно, именно въ такое время, когда уже все кончилось такъ хорошо, всё пригото- вленія удался какъ нельзя лучше, и тутъ... Чортъ знаетъ, что такое!... Послѣ неудавшагося парусства, паролодъ, разыгравшій такую скан- дальную штуку, куда-то пошелъ, вѣроятно, испугавшись насмѣшекъ. Странная судьба этого паролода! Давно ли еще г. Стременаевъ при- вѣтствовалъ его слѣдующими восторженными строками:

«— Селитеръ! гдѣ дни были?
 На раздольи своихъ водъ
 Ты не видишь ли впервые
 Смыслъ мысли — паролода?!...
 Посмотрижь, вотъ онъ дышится,
 Безъ веселъ и парусовъ,
 Но послушный пару мчится
 Прямо въ грудь твоихъ валовъ.
 По бокамъ горами плѣна,
 Зыбь сверкаетъ назади,
 Будто вырвавшись изъ плѣна,
 Онъ летитъ съ огнемъ въ груди» и проч.

Давно ли толпами ходили городскіе и сельскіе жители на пристань любоваться *сыномъ мысли* и хвастаться приѣзжимъ!

И вотъ, вслѣдствіе какого нибудь ничтожнаго случая, тѣ же ос- таши вспомнить безъ смѣха не могутъ о своемъ паролодѣ. Ужасно непостоянный народъ. Смѣшливы очень. Это я замѣтилъ.

Послѣ диэирамба о паролодѣ слѣдуетъ всякая всячина: отрывокъ изъ какой-то повѣсти (сантиментальная сцена объясненія двухъ лю- бовниковъ); потомъ «Романсъ» г-жи Языковой:

Лиры томной звукъ плачевной,
 Выражай печаль мою!

сладчайшее стихотвореніе Карамзина къ Лизѣ, и опять «На смерть Гречникова», г. Стременаева; изъ этой *элегіи*, какъ называется ее самъ авторъ, видно, что съ кончиною г. Гречникова

Еще не стало дарованья,
 Еще безвременно угасъ,
 Чей умъ и добрыя дѣянья
 Пребудутъ памятны для насъ, и проч.

Изъ этой *элегіи* ясно, что между двумя друзьями-поэтами суще-

ствовала самая тѣсная и трогательная связь. Г. Стремешаевъ, стоя на могилѣ умершаго друга, кладетъ на нее

Цвѣтокъ, который былъ посвященъ
Природою въ мою (Стремешаева) душу,
А имъ почившимъ возлегѣть,
Воспитанъ дружества въ тиши.

Цвѣтокъ этотъ—цвѣтокъ «*poëzie смиренной*».

Что же касается музы г. Гречникова, то она вовсе не такъ смиренна и не ограничивается, подобно музѣ г. Стремешаева, дневрабамъ и элегіями по случаю чьей нибудь смерти. Сколько можно понять изъ прозаическихъ и стихотворныхъ произведеній покойнаго, муза г. Гречникова не только отклонялась на всѣ мало мальски значительные случаи, которыми такъ бѣдна жизнь уединеннаго уѣзднаго города, но и рвалась даже куда-то дальше, за предѣлы видимаго міра. Чѣмъ больше вчитывался я въ ватасканную тетрадь, въ дождливый вечеръ, лежа на диванѣ постоялаго двора въ Осташковѣ, тѣмъ яснѣе и рельефнѣе рисовалась передо мною эта глухая, бѣдная жизнь съ ея жалкими мишурными украшеніями, и не менѣе жалкимъ самодовольствомъ, и этотъ г. Гречниковъ, съ своею бѣдною поэзіею, и неясными для него самого позывами куда-то туда. Впрочемъ, преобладающимъ мотивомъ этихъ позывовъ и у него все-таки половыя стремленія и дальше Киприды онъ, не идетъ. Хотя самъ онъ говоритъ о себѣ въ одномъ мѣстѣ:

«Пошли, Господи, въ душу мою покаяніе, смиреніе и возможность испить мою горькую чашу, которую я вполне заслужилъ своимъ *развратомъ и всевозможными пороками*» (*). Такое признаніе могло бы привести читателя въ соблазнъ, относительно развратнаго поведенія автора. Можно бы подумать, что авторъ сильно кутилъ, предавался всякаго рода излишествамъ, наказанъ за это и, приготовляясь испить *горькую чашу*, чувствуетъ угрызения совѣсти. Но на дѣлѣ вышло иначе.

«Я впалъ въ руцѣ Бога живаго!

Страшно!!!»... говоритъ далѣе авторъ. Это случилось 6 апрѣля 1847 года. Изъ этого видно отчасти, что г. Гречниковъ былъ немножко романтикъ и вѣроятно любилъ преувеличивать свои страданія и смотрѣть на жизнь нѣсколько мрачно. Окружающая среда его не удовлетворяла; это замѣтно по многимъ прозаическимъ размышленіямъ его, помѣщеннымъ въ той же тетради. Такъ, наприимѣръ, еще

(*) Курсивъ въ подлинникѣ.

въ 1844 году 28 октября, г. Гречниковъ писалъ противъ преобладанія матеріальной стороны нашей жизни.

«Признаюсь, иногда дѣлается грустно, при взглядѣ на странную нашу жизнь. Хотя *материальность* занятій нашихъ непремѣнно движется и живетъ *умственностію*; но самый умъ нашъ обратился въ какой-то *механизмъ*, въ которомъ цифры прыгаютъ будто условно, и мы слушаемъ ихъ, и понимаемъ просто незамѣчаемымъ нами животнымъ инстинктомъ!... Увы! Есть бухгалтеры, но только не мы съ вами, которые наслаждаются и сердцемъ, и мыслию. А мы-то что за пѣшки на пестрой шахматной доскѣ міра? Грустно, а безъ цифръ прожить нельзя».

Но все это было еще въ 1844 году. Поэтъ былъ молодъ, полонъ стремленій, хотя и неслыхъ, но все-таки стремленій. Понятнымъ образомъ развившееся недовольство окружающимъ, преобладаніе *материальности* въ жизни, возмущали его, и потому являлось желаніе «забыться» и искать спасенія въ «этомъ блаженномъ забвеніи». Но потребность жить дѣйствительною жизнью и пользоваться дѣйствительнымъ счастьемъ все-таки не унималась, не смотря на все желаніе обмануть самого себя. Эта странная, уродливая борьба однако была поэту не по силамъ, и потому являлось стремленіе какъ нибудь кончить, помириться съ жизнью и устроить съ нею маленькую сдѣлку въ родѣ слѣдующей:

«Но хотя бы и не всѣмъ намъ, землежителямъ, *не встать, да и то мзръдка*, залетать въ міръ неземной, въ міръ таинственный, въ благоговѣйномъ восторгѣ цѣловать покрывало Изиды, вѣрять въ лучшее, ожидающее насъ въ необъятной, непостижимой земнымъ умомъ вѣчности»... и т. д.

Такъ писалъ г. Гречниковъ г. Головану въ лучшіе годы своей жизни, но въ 1845 году читатель уже застаётъ оставшковскаго поэта по уши въ уѣздной тинѣ и уже занятымъ совершенно другими предметами. Поэтъ терзается ревностію и непонятою страстію (къ актрисѣ, какъ видно изъ одного намека).

Моя любовь погибла безвозвратно! восклицаетъ поэтъ.

На вопль души отзвуконъ сладкихъ вѣтъ!

Какъ поняла она меня превратно!

Какъ понялъ страсть мою превратно свѣтъ!..

Въ октябрѣ того же 1845 года поэтъ уже впадаетъ въ мистицизмъ. Склонность къ романтизму, замѣтная въ немъ и прежде, подъ вліяніемъ страсти увлекаетъ его въ бездну кабалистики.

— «Роковыя числа приближаются... пишетъ г. Гречниковъ къ своему дядьки, «предчувствую, что въ это время нѣкѣйшаго мѣсяца совершится многое. Я потеряю ее!»..

— «Такъ и есть. 21 числа она... Роковое число не измѣнилось»...

«Въ святомъ невѣжествѣ бездушно разцвѣтая,
И ада не страшась, не ожидая рай»...

К. Гречниковъ.

Но благородство чувствъ такъ свойственно высокой душѣ поэта. «Пусть будетъ она счастлива, а мы... мы будемъ справедливы»... черезъ десять дней послѣ роковаго числа уже писалъ поэтъ.

Вскорѣ послѣ описанной катастрофы г. Гречниковъ женился, и по этому случаю произвелъ сладострастный перифразисъ въ стихахъ, подъ заглавіемъ «Милая, а потомъ жена». Весь интересъ означеннаго стихотворенія вертится на трехъ словахъ: «шарфъ, улыбка и корсетъ».

Перечитавъ сдѣланныя мною выписки изъ тетради, я къ удивленію замѣтилъ, что это письмо принимаетъ видъ какой-то повѣсти изъ уѣздныхъ нравовъ, гдѣ героями являются темныя для меня самого личности двухъ друзей поэтовъ. Но это случилось какъ-то само собою, по мѣрѣ того, какъ я читалъ и выписывалъ. Повѣствовательный характеръ получился просто потому, что тетрадь эта заключаетъ въ себѣ и дневникъ покойнаго поэта; а стихотворенія, разсыпанные въ разныхъ мѣстахъ почти всѣ съ означеніемъ года и числа. Это обстоятельство даетъ возможность прослѣдить ихъ въ хронологической связи и найти отношеніе ихъ къ нѣкоторымъ событіямъ въ жизни поэта. Такъ напримѣръ видно, что въ то время, когда достойный другъ и выученикъ г. Гречникова упражнялъ свой природный даръ въ скромной поэзіи и писалъ посланія «Повту» и «къ своему портрету», самъ г. Гречниковъ занимался сочиненіемъ темы для повѣсти и философскими соображеніями въ родѣ слѣдующихъ:

«Миръ не на часъ созданъ. И я вамъ скажу:—миръ вѣченъ».

8 марта, 1847 года, г. Гречниковъ кончилъ свой журналъ.

КОНЕЦЪ ЖУРНАЛА ГРЕЧНИКОВА.

«Въ царство небесное не можетъ вникнуть ничто же сверхъно. (Апок. XXI. 27).

«Странно власти въ руку Бога живаго. (Евр. X. 30).

«Вотъ какими ужасными словами пришлось мнѣ закончить журналъ мой! И когда же? Въ періодъ полнаго развитія *спутреннаго* смѣла, когда бы мнѣ должно наслаждаться *самосознаніемъ* и проч.

«Всему причиною мой развратъ»... сознается авторъ и все болѣе

и болѣе проникается драматизмомъ своей участи. Какія-то тернія все мерещатся разстроеному воображенію бѣднаго поэта.

«Я вполнѣ заслужилъ мои тернія!!.. Даже къ Богу страшно обратиться мнѣ!!!»

Далѣе, перебирая всю бесплодность попусту растроченной жизни, поэтъ казнить самого себя и даже ссымается на свои прежнія мысли.

«Въ одномъ мѣстѣ я самъ сказалъ: сила, сила нужна, чтобъ сломать до основанія вслѣкопѣнный храмъ своихъ мечтаній, а изъ новыхъ матеріаловъ воздвигнуть простой, но несокрушимый храмъ дѣйствительности». Разсматривая свои произведенія, г. Гречиковъ приходитъ къ печальному заключенію, что онъ «до сихъ поръ еще не писалъ ни одной дѣльной статьи», а если что и было хорошаго въ нихъ, то это все чужое. Но чужаго онъ не хочетъ, «а своихъ не только нѣтъ запасовъ, но и крохъ отъ всего того блага, которымъ пользовался по милости другихъ»!

Мрачно кончилъ свое поэтическое поприще осташковскій поэтъ, но благодарные сограждане и теперь еще услаждаютъ свою скуку чтеніемъ его произведеній. А вѣдь странное это обстоятельство: въ городѣ есть публичная бібліотека, въ которой лежитъ 4238 томовъ и кромѣ того получается 22 экземпляра разныхъ періодическихъ изданій, а между тѣмъ при всеобщей грамотности большинство, или вовсе ничего не читаетъ, или пробавляется нѣсенниками и рукописными тетрадами въ родѣ той, о которой сейчасъ было говорено.

Перелистывая «Лѣтопись города Осташкова», о которой я упомянулъ выше, я долженъ признаться, что и эта рукопись не слишкомъ изобилуетъ матеріалами для характеристики города. Лѣтопись писана стариннымъ поповскимъ почеркомъ очень чисто и раздѣлена на рубрики, въ родѣ слѣдующихъ: «Мѣстоположеніе города. — Воздухъ. — Пространство озера Селигера» и проч. Историческія свѣдѣнія о происхожденіи города и его развитіи почерпнуты большею частію изъ Татищева, Карамзина, Пантеона російскихъ государей, Зеркала російскихъ государей, и даже изъ Житій Святыхъ. Кромѣ того рукопись заключаетъ въ себѣ кое-какія изустныя преданія о происхожденіи города и нѣкоторыхъ частей его и наконецъ личныя соображенія самого автора лѣтописи.

Я считаю нужнымъ замѣтить здѣсь кстати, что, какъ я упоминалъ уже въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ, въ городѣ вообще между достоючними гражданами сильно развита страсть къ древностямъ; разнаго рода историческія данныя о происхожденіи города слушаютъ однимъ изъ наиболѣе употребительныхъ предметовъ для

спора или разговора съ пріѣзжими, которые хоть сколько нибудь интересуютъ исторія города. Къ чести оставшей нужно сказать, что все касающееся этой исторіи всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно, и разговоры въ этомъ родѣ возбуждаютъ въ городѣ какой-то патристическій, хотя довольно узкій, интересъ. А потому «Лѣтопись» эта не болѣе, какъ сборникъ разныхъ отрывочныхъ свѣдѣній, бывшихъ давно въ обращеніи между здѣшними археологами. Священникъ, составлявшій ее, поступилъ какъ слѣдуетъ всякому добросовѣстному лѣтописцу, т. е. просто собралъ и систематизировалъ все, что по его мнѣнію хоть сколько нибудь относилось къ исторіи цивилизаціи Осташкова. Спорные пункты (какъ напр. о названіи города) онъ такъ и оставилъ спорными, помѣстивъ въ своемъ трудѣ догадки и предположенія и про, и contra. Это послѣднее обстоятельство, т. е. примѣрное безпристрастіе лѣтописца, вызвало, разумѣется, неудовольствіе двухъ спорящихъ сторонъ, такъ что и тѣ, и другіе равно не довольны. Но это-то, мнѣ кажется, и служитъ уже нѣкоторымъ ручательствомъ добросовѣстности автора и придаетъ его труду тотъ безстрастный характеръ, который необходимъ для простаго сборника матеріаловъ.

Изъ «Лѣтописи» видно, что о первоначальномъ заселеніи полуострова, на которомъ стоитъ теперь городъ, никакихъ положительныхъ свѣдѣній нѣтъ. Въ первый разъ упоминается о *Кличкѣ* (островѣ близь Осташкова) въ духовной князя Бориса Васильевича, брата великаго князя Іоанна Васильевича, т. е. около 1480 года. *Осташковъ*, подъ именемъ *Столбова* принадлежалъ къ Кличанской волости по мнѣнію Татищева; другіе же (акты археографической экспедиціи) утверждаютъ, что осташковскія слободы съ 1587 года управлялись волостелами и тиунами подъ вѣдѣніемъ ржевскаго намѣстника Волоцкаго и ржевскаго князя Федора Борисовича. О названіи города существуетъ преданіе характеристичное по простотѣ и наивности. Въ лѣтописи оно записано такъ:

«Устное доселѣ сохраняемое (преданіе) то, что здѣсь сперва поселился якобы нѣкто *Осташка* (вѣрно Евстафій, которое имя древне и на словахъ, и на письмѣ изражалось такъ: Иванъ—Ивашко, Евстафій—Осташка), и какъ Осташка сей сталъ жить хорошо, то стали къ нему и другіе приходить сожителствовать, и мѣсто сіе по имени первенца—жителя Осташки,—назвалось *Осташковомъ*. Съ симъ и историческое преданіе какъ бы согласно».

Изъ исторіи Татищева видно, что князь Владиміръ Андреевичъ пожаловалъ *Столбовъ* воеводѣ своему, какому-то Евстафію, который и переименовалъ полуостровъ въ *Осташковъ*. Лѣтописецъ приводитъ еще разные мнѣнія, но какъ бы то ни было, *Осташковъ* гдѣсь не

еще былъ сдѣланъ городомъ, а въ 1651 году, по указу царя Алексѣя Михайловича, построена въ немъ деревянная крѣпость. Впрочемъ существуетъ основаніе предположить, что деревянный городъ, т. е. крѣпость съ землянымъ валомъ, пушкарскими дворами, погребомъ съ салейною и свинцовою казною и сѣвшею избю существовала гораздо раньше и даже перетрѣла отъ литовскаго пораженія. Потому городская стѣна нѣсколько разъ горѣла, возобновлялась по указамъ царей и великихъ князей окрестными крестьянами, а изъ грамотъ Михаила Федоровича и Алексѣя Михайловича видно «чтобы непременно быть таможенѣ въ Осташковѣ и пріѣзжіе торговые люди товары свои привозили бы къ таможенной избѣ (приказу) и являли таможенникамъ» (*).

«Въ 1753 году послѣдовалъ Высочайшій именной указъ уже повсемѣстно дозволить монастырскимъ въ слободахъ крестьянамъ записываться въ купечество. На основаніи онаго Высочайшаго указа въ Осташковѣ немедленно записались 290 душъ изъ крестьянъ въ купечество и въ то же время испросили учредить правленіе свое — ратушу. И такъ еще новое раздѣленіе для Осташкова! — восклицаетъ лѣтописецъ и тутъ же утѣшаетъ себя тѣмъ, что — «это, можно сказать, заря, предвѣщающая скорую свободу, равенство и совокупность всѣхъ въ одинъ уже составъ и правленіе, что всегда къ лучшему: потому что, какъ всякое раздѣленіе, въ особенности по сердцу (т. е. по несогласію произошедшее), изводитъ несогласіе, зависть и нестроеніе; такъ и послѣдовавшее раздѣленіе на купцовъ и крестьянъ сдѣлалось было слѣдствіемъ тому, что крестьяне стали притѣснять купцовъ въ томъ, что живутъ и владѣютъ ихъ землею, выживали вонъ и не допускали до рыбной ловли; купцы не давали крестьянамъ производить никакого торгу, и затѣялись между жителями хлопотныя дѣла».

Къ сожалѣнію, лѣтописецъ не сообщаетъ ничего, что могло бы хоть сколько нибудь освѣтить путь, по которому шла городская жизнь Осташкова и какъ она слагалась. Каковы были условія, благодаря которымъ, городъ вдругъ ни съ того, ни съ другаго выдвинулся впередъ. Обращая взоры свои къ прошлому, авторъ лѣтописи видитъ только, что еще въ недавнее время «строеніе домовъ въ городѣ было малюю частію каменное и то старинной архитектуры и расположенія; а все почти деревянное и въ великомъ стѣсненіи. Улицы были весьма

(*) Поминки были съ товара: съ рубля по 2 деньги, да за нитку по деньгѣ съ рубля; а съ денегъ: по 4 деньги, да за нитку по деньгѣ.

малыя и узкія, дома стояли безъ порядка: гдѣ каменный, гдѣ деревянный, гдѣ большой, гдѣ маленькой. Украшеніемъ они никакимъ не блистали, даже внутреннее было самое простое. Самые богатые люди жили въ голыхъ стѣнахъ; стѣны огромныя, и двери узкія. Лучшее и отличное украшеніе въ домахъ составляли святые иконы, обложенныя серебромъ, а у другихъ и позлащенные. Самыя свойства, обычаи и одежда людей были тогда простыя».

Простота нравовъ и вообще несложность и законченность общественной жизни, въ періодъ предшествующій нашему, служить, какъ извѣстно, и до сихъ поръ большимъ мѣстомъ для всѣхъ людей тогдашняго времени. Всѣхъ нашихъ стариковъ сбиваетъ съ толку не существующая нынче простота. Точно то же случилось и съ оставшковскимъ лѣтописцемъ. Онъ могъ оставаться безпристрастнымъ повѣствователемъ исторіи своего города до тѣхъ поръ, пока дѣло шло о далекой старинѣ и о предметахъ уже давно умершихъ. Но къ правамъ, обычаямъ, живому преданію и вообще къ жизненному началу того общества, въ которомъ пришлось ему жить, оставаться равнодушнымъ онъ не могъ и потому, переходя къ характеристикѣ своихъ предковъ, онъ невольно увлекается и приписываетъ имъ такія качества, какія, по его мнѣнію, должны бы украшать людей того времени. Такъ напримѣръ подъ рубрикою—«свойства людей» говорится, что свойства эти были слѣдующія:—«набожность, простодушіе, дѣятельность, воздержаніе, бережливость и нероскопность почитались у нихъ фундаментомъ всего».

Можно предположить, что авторъ «Лѣтописи» въ качествѣ священно-служителя воспользовался случаемъ, чтобы, по поводу древнихъ обычаевъ, сдѣлать своимъ читателямъ приличное наставленіе, и, изображая качества предковъ, по привычкѣ, помѣстилъ въ эту рубрику тонкую мораль для назиданія потомства. Далѣе, рисуя старинныя нравы, онъ очевидно поддается также влеченію своихъ личныхъ склонностей къ простотѣ и никакъ не можетъ освободиться отъ привычки поучать. Это видно изъ слѣдующаго:

«Давали другъ другу и угощенія, пировали, веселились,—и страшное обыкновеніе:—за столомъ иногда сидѣли отъ полдня до глубокой ночи, проводя время то въ пѣніи, то въ разговорахъ, *спрочемъ не облатопріятельнѣхъ*. Какъ знатоки церковнаго и нотаго пѣнія, пѣли за столомъ канты и церковныя стихи; и на балахъ сихъ *никогда не зрѣмьлѣ у нихъ чайный приборъ и нисколько не знакомы были съ иностранными синами*. Не было кухни и джваровъ, а все было: пища и питіе простое свое и въ чрезвычайномъ довольствѣ. Ставили на столъ сначала пироги, *дначе коски* и такой величины, что малому ребенку

въ сажень. Въ такомъ же количествѣ подавали, въ мясоѣдъ, мясную щипу, а въ постъ рыбу».

Этимъ почти совершенно исчерпывается весь запасъ заключающихся въ «Лытошеск» матеріаловъ.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

ТЕАТРЪ И НОВЫЕ ЗНАКОМЫЕ.

Видѣлъ я чрезвычайно любопытную вещь, — осташковскій театръ. Намедни говоритъ мнѣ Ф.:

— Есть у насъ тутъ художничекъ одинъ и желаетъ онъ очень съ вами познакомиться. Хотите, онъ вамъ театръ покажетъ?

Я, конечно, очень былъ радъ этому случаю и пошелъ къ художничку въ гости.

Стоитъ домикъ на углу, у самаго почти озера, на окнѣ налѣпили вывѣска: *фотографія*; на дворѣ сохнетъ картина на солнцѣ, и собака ее нюхаетъ. Я подошелъ къ картинѣ, посмотрѣлъ: — *Юдиѣ и Олофернъ*. Олофернъ совсѣмъ коричневый со свѣсившейся рукою, а у Юдиѣи одна щека красная, а другая зеленая. Треножникъ тутъ какой-то.

— Что вы смотрите? вѣдь дрянъ, вдругъ сказалъ кто-то зади меня.

Это самъ художничекъ-то и былъ, К-въ.

— Ахъ, это вы? Очень радъ...

— Мнѣ такъ пріятно, давно желалъ... Милости просимъ!... сдѣлайте одолженіе, безъ церемоній... и т. д.

Взошли мы въ комнату, разговорились объ искусствѣ, о Петербургѣ. Художникъ оказался очень милымъ. Въ комнатѣ у него сидѣла дѣвочка въ монашескомъ платьѣ за рисованіемъ, послушница изъ монастыря. Она очень усердно подчищала бѣлымъ хлѣбомъ носъ какому-то Александру Македонскому и заправляла пятна. Заговорили, конечно, о театрѣ. Художникъ съ увлеченіемъ рассказывалъ о томъ, что вотъ у нихъ есть театръ, что есть и люди, съ любовію преданные искусству, и что, какъ жаль, что Федора Кондратьича нѣтъ въ городѣ; а то бы можно и спектакль устроить. Я между тѣмъ разсматривалъ картины и образа, въ безпорядкѣ развѣшанные по стѣнамъ. Потомъ онъ повелъ меня на верхъ, въ свою мастерскую, т. е. на большой чердакъ съ манекенами, подмалеваннымъ плафономъ и несоотвѣтственной картиною. Картина, впрочемъ, не важная, за то видъ съ чердака

на городъ и на озеро, покрытое островами, и синѣющей вдали боръ, видъ удивительный. Холодно было въ мастерской и пыльно, долго сидѣть было нельзя; вотъ мы и сошли внизъ, кофе намъ принесли; К-въ взялъ комедію Потемкина: «Чужое добро въ прокъ нейдетъ», стали мы ее читать.

— Да что тутъ толковать, сказалъ онъ наконецъ: — пойдемте въ театр! Мы для васъ устроимъ генеральную репетицію въ костюмахъ. Наши всѣ будутъ рады.

Однако въ театръ мы сейчасъ не пошли, а отложили до вечера, потому что нужно было повѣстить актеровъ о предстоящей репетиціи, да и роли не всѣ знали. Я пошелъ пока къ N*, служащему въ духовномъ училищѣ, а К-въ сейчасъ одѣлся и побѣжалъ къ актерамъ.

— Я, говоритъ, это все въ одну минуту.

На главной улицѣ попалась мнѣ цѣлая толпа дѣвочекъ, возвращавшихся изъ училища. Они шли всѣ въ чистенькихъ фаргучахъ съ сумочками черезъ плечо и, узнавъ меня, стали присѣдать и перешептываться. Потомъ увидалъ я знакомаго учителя, сидящаго у окна съ гитарою.

— А, здравствуйте! закричалъ онъ. — Прошу покорно, зайдите поболтать. Я болѣвъ.

— Нѣтъ, мнѣ некогда.

— Ну, послѣ. А то я самъ зайду ужъ.

— Заходите, только повозже, а то я буду въ театрѣ.

— Въ театрѣ? Да что? не стоитъ. Охота вамъ. До свиданья.

Отыскалъ я N*, постучалъ, впустили. Я вошелъ въ залу и долго ходилъ по комнатѣ. Въ это время что-то бѣгали, шептали, дѣти заглядывали въ двери, а въ залѣ было душно и пахло деревяннымъ масломъ. Потомъ вошелъ священникъ въ зеленомъ подрясникѣ и попросилъ садиться. Я сѣлъ.

— Надолго изволили пріѣхать? началъ было священникъ, но въ то же время отворилась дверь и появился N*. Онъ скромно поклонился и застегнулъ одну пуговицу.

— Я давно къ вамъ собирался, да все некогда было, сказалъ я.

— Благодарю васъ покорно-съ.

— Вы мнѣ что-то хотѣли сказать?

— Да-съ. Это я о литературѣ намѣрвался въ свободное время побесѣдовать.

— Такъ что же? Побесѣдуемте. Мы замолчали. Священникъ, сидя въ преслѣ, съ любознательствомъ поглядывалъ на насъ, то на одного, то

на другаго, ожидая, вѣроятно, какъ-то мы будемъ бесѣдовать. Наконецъ, N° спросилъ:

— Вы писатель?

— Нѣтъ, не писатель; а такъ немножко пописываю отъ нечего дѣлать. А что?

— Да вотъ-съ, удивляетъ меня духъ обличенія, распространенный нынче повсюду. Какая этому причина?

— Причина, я думаю, очень простая:—необходимость.

— Такъ-съ. Но извините меня, по моему крайнему разумѣнью, необходимости въ этомъ не ощущалось доселѣ, почему же такъ нынѣ?...

— Надо полагать, время такое пришло.

— Время? Гм, время все одно.

— Время-то пожалуй, что одно, да люди другіе.

— Люди?—На людей полагаться трудно.

— Зачѣмъ же на нихъ полагаться? Никто и не проситъ.

— Охъ, люди! люди! со вздохомъ сказалъ про себя священникъ, и задумался. N° тоже задумался и сталъ водить пальцемъ по столу.

— На кого же надо полагаться? спросилъ я, наконецъ.

Мы всѣ трое опять умолкли. И долго такъ промолчали. Потомъ я спросилъ:

— Къ какой епархіи принадлежитъ Осташковъ?

— Къ тверской, отвѣтилъ N°.

— А къ угоднику-то къ нашему, ѣздилъ? вдругъ спросилъ священникъ.

— Какъ же, ѣздилъ.

— 27-го мая обрѣтеніе святыхъ мощей преподобнаго Нила Столбенскаго, угодника Божія, бываетъ крестный ходъ.

N° между тѣмъ вышелъ и вернулся съ толстою тетрадью въ листъ. Онъ какъ-то нерѣшительно подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— У меня есть рукопись одного автора (объ имени его позвольте умолчать), и онъ чрезвычайно затрудняется.

— Въ чемъ же затрудненіе?

— Собственно въ томъ: гдѣ избрать мѣсто для напечатанія. Къ вамъ, какъ къ редактору журнала...

— Да я вовсе не редакторъ. Кто это вамъ сказалъ?

— А! такъ вы не редакторъ... и онъ нѣсколько отодвинулся отъ меня. — Извините!..

— Такъ что же вамъ угодно? Я можетъ быть, что ишбудь могу сдѣлать. Что это такое?

Я взял тетрадь и начал ее перелистывать. Она заключала въ себѣ огромное количество листовъ, очень тщательнаго письма. Это было описаніе монастырей Тверской епархіи, съ означеніемъ годовъ основанія каждой обители и перечисленіемъ всѣхъ настоятелей и настоятельницъ, управлявшихъ монастырями. Въ пей упоминалось, кажется, даже и о нѣкоторыхъ чудотворныхъ иконахъ вренодобныхъ святителей и угодниковъ, наиболѣе чтимыхъ въ епархіи и явившихъ заступничество свое жителямъ Тверской губерніи. Тутъ же заключались подробныя свѣдѣнія о возобновеніи храмовъ съ придѣлами; а также и о пожарахъ и раззореніяхъ, коими долвергались обители.

Пока я просматривалъ тетрадь, N° пристально смотрѣлъ мнѣ въ лицо. Я спросилъ:

— Должно быть, много труда и времени потрачено на это сочиненіе?

— Да не мало, успѣшилъ отвѣтить N°. — А что-съ?

— Я думаю, что врядъ ли начатаютъ эту рукопись въ свѣтскомъ журналѣ.

— Почему же-съ?

— Мнѣ кажется, что дѣло-то слишкомъ специальное. Конечно, это трудъ очень почтенный и, какъ видно, добросовѣстный;..

— Да. Я... мм., т. е. авторъ имѣлъ случай пользоваться весьма рѣдкими благопріятными обстоятельствами.

— Только жаль, что авторъ потратилъ столько времени на дѣло, не имѣющее, какъ бы это выразиться? — живаго интереса.

— То есть какого-съ?

— То есть, я хочу сказать, что тутъ жизни-то, современной-то жизни нѣтъ! сказалъ я, прихлопывая рукою по тетради, да вдругъ самъ почувствовалъ, что вышло не совсѣмъ ловко, и возвратилъ N° тетрадь. Онъ взял ее молча, подумалъ, поправилъ загнутшіеся углы, постоялъ немного и тихо вышелъ изъ комнаты. Я взглянулъ на священника, онъ тоже взглянулъ на меня, крикнулъ и забарабанилъ пальцами по столу.

Однако пора было въ театръ. Я посидѣлъ еще немного, поговорилъ о разныхъ обителяхъ и ушелъ.

Мой новый знакомый, художникъ К—въ, дѣйствительно меня ужъ дождался. Я зашелъ только къ нему на минуту, и мы сейчасъ же отправились въ театръ. Театръ устроенъ въ большомъ каменномъ зданіи и передѣланъ изъ какого-то, кажется, кожевеннаго завода и потому наружности, соответствующей своему назначенію, не имѣлъ. За то внутри все устроено какъ слѣдуетъ быть театру: и ложи, и оркестръ

и даже, такъ называемый, райкъ, все это есть. Мы прощали прямо на сцену; или лучше сказать, подъ сцену, въ мужскую уборную, гдѣ уже теплилась желѣзная печь, и театральныи парикмахеръ возился съ париками. Тутъ же встрѣтили насъ и актеры, частью уже одѣтые въ костюмы. Портной, или, я не знаю, кто-то изъ театральной прислуги, примѣривалъ на одного актера кафтанъ, еще кто-то вадъ свѣчку и цѣлѣвалъ одѣвать сцену. Всѣ сѣли. Суета началась; веселая такая суета. К—въ сейчасъ же прищипалъ себѣ бороду и новель меня за кулисы. Актеры давно ужъ не играли, и были очень рады случаю поиграть, тѣмъ болѣе, что пьеса новая и только еще ставилась. Но замѣтательно, что всѣ эти актеры, музыканты и прислуга—все любители, совершенно безкорыстно преданные дѣлу, и что почти всѣ они никогда въ жизни не видывали никакого театра, кромѣ своего. Только одинъ К—въ въ Петербургѣ видѣлъ, какъ играютъ на сценѣ, остальные же всѣ руководствовались своими соображеніями и собственнымъ художественнымъ чутьемъ. Все это очень странно, тѣмъ болѣе, если принять во вниманіе, что эти люди стали актерами чисто изъ любви къ искусству, и кромѣ бесполезной траты времени, видѣть въ этомъ занятіи ничего не могли. Никто изъ нихъ никогда не игралъ и понятія не имѣетъ о томъ, какъ надо играть, и въ добавокъ никто имъ гроша за это не даетъ.

Но это-то обстоятельство, по моему мнѣнію, и служить лучшимъ ручательствомъ того, что въ выборѣ этого занятія не было ни тѣни принужденія, что всѣ эти любители-ремесленники стали актерами и выучились играть только потому, что *дѣйствительно* очень этого желали, даже въ ущербъ своимъ матеріальнымъ интересамъ.

Понятно послѣ этого, съ какимъ любопытствомъ я, сидя въ ложѣ, дожидаясь поднятія занавѣса. Впрочемъ, нѣтъ; занавѣсъ былъ уже поднятъ давно (его и не опускали). Началось такими образомъ: К—въ вышелъ на сцену и закричалъ мнѣ:

— Вообразите себѣ, что занавѣсъ поднимается. Сцена представляетъ комнату на постояломъ дворѣ. Вообразили?

— Вообразилъ, закричалъ я ему изъ ложи.

— Ну, теперь начинается. *Степанъ Федоровъ* (*) пожалуйста на мѣсто!

Вышелъ старикъ, сѣлъ на стулъ, и пьеса началась. Но въ первой сценѣ все почти играетъ одинъ Михайло, т. е. К—въ, а я слышалъ и

(*) Имѣя одного изъ дѣствующихъ лицъ драмы «Чужое добро въ прокъ нейдетъ».

прежде, какъ онъ читалъ, и потому эта сцена меня мало занимала. Онъ игралъ какъ обыкновенно играютъ любители, т. е. контролировалъ столичныхъ актеровъ и, когда кончилъ своей заключительный монологъ, закричалъ мнѣ со сцены:

— Что, хорошо?

— Хорошо.

— Да нѣтъ. Я знаю, что скверно. Ну, все равно. Послѣ поговоримъ объ этомъ. Теперь смотрите!

Вышли другія дѣйствующія лица, потомъ сцена Михайлы съ женою. Второе дѣйствіе началось безъ перерыва, точно такъ же, какъ и первое: К-въ закричалъ: — второе дѣйствіе! и сѣлъ за столъ. Катерина (г-жа П-ва) тоже сѣла, немножко сконфузилась, посмотрѣла въ темный партеръ, К-въ ей сказалъ:—ну, что же вы? и она начала свою роль.

Я слышалъ и прежде отъ многихъ о г-жѣ П-вой, но думалъ, что врутъ, хвастаются; а потому, разумѣется, ждалъ криковъ, лонанья и жеманства.

И былъ просто пораженъ ея игрою. Такой простоты, свободы и вѣрности я себѣ и представить не могъ

— Что? каково? крикнулъ мнѣ К-въ.—Идите сюда!

Я пошелъ на сцену.

— Ну, какъ П-ва-то? что? видѣли? То-то же, говорилъ К-въ, видимо торжествовалъ.

— Да это что? Вы бы посмотрѣли ее въ драмѣ. Удивительно. Войдетъ въ роль, плачетъ, серьезно плачетъ. А тутъ у ней комическая роль, да и въ первый разъ: конфузится.

Когда кончилась пьеса, и актеры перемѣнили костюмы, К-въ познакомилъ меня со всѣми. Мы разговорились о пьесѣ и необыкновенно скоро сошлись. Я имъ началъ рассказывать, какъ я видѣлъ эту драму на другихъ театрахъ, они стали спрашивать, какъ кто изъ нихъ сыгралъ свою роль и гдѣ сдѣлалъ какую ошибку, и такъ это весело устроилось, такъ мы всѣ были хорошо настроены, что этотъ вечеръ оставилъ во мнѣ самое пріятное воспоминаніе. Главное, что тутъ не было рѣшительно ничего стѣснительнаго. Всѣ мы прониклись однимъ безкорыстнѣйшимъ чувствомъ, страстію къ искусству, всѣхъ въ этотъ вечеръ занимало одно желаніе наслаждаться искусствомъ. Когда мы пошли съ К-ымъ домой, я его спросилъ:

— Скажите пожалуйста, кто эти господа?

— Ремесленники большею частію, есть и чиновники. Вотъ этотъ, что «Степана» игралъ, старика, это библіотекарь.

Тутъ я только вспомнилъ, что дѣйствительно видѣлъ его и говорилъ съ нимъ въ библиотекѣ. Это былъ еще очень молодой человекъ, страстный любитель чтенія и театра. А когда я спросилъ о П—ой, почему она не ѣдетъ въ Москву или въ Петербургъ дебютировать, К-въ отвѣчалъ, что она своими трудами содержитъ семейство и, разумѣется, оставить его не можетъ.

— Это замѣчательная женщина, говорилъ К-въ. — Какая у ней душа! Сколько чувства и любви къ искусству. Вѣдь она, представьте себѣ, выучилась сама, ей даже никто никогда не показывалъ.

Любопытно, что когда П-ва была просто мѣщанкою города Осташкова, то никто объ ней и не думалъ; но когда она стала играть, сейчасъ же явилась толпа поклонниковъ и обожателей, въ томъ числѣ и офицеры съ предложеніемъ услугъ; но она ихъ всѣхъ

«Отвергла, заперлась
« . . . «ею недоступной
«И вся искусству предалась
«Душою неподкупной.

Только что я успѣлъ вернуться домой и, еще полный разныхъ пріятныхъ впечатлѣній, началъ раздѣваться, какъ вдругъ входитъ Нилъ Алексѣичъ.

— Ваше благородіе, гости. Прикажете впустить?

Взошелъ учитель и съ нимъ еще какой-то длинный господинъ.

Вотъ это Августъ Ивановичъ (*), сказалъ мнѣ учитель, знакомя меня съ длиннымъ господиномъ.

Я протянулъ ему руку, и мы, держась другъ за друга и кланяясь, простояли довольно долго среди комнаты. Онъ должно быть ждалъ, что я скажу что нибудь, а я видѣлъ, что онъ какъ будто ждетъ, и тоже чего-то ждалъ. Однако, не дождавшись ничего, мы сѣли и я имъ предложилъ чаю и колбасы. Августъ Ивановичъ взялъ ее въ руки и сказалъ:

— Я самъ колбаса, а потому захохоталъ. Тутъ только я замѣтилъ, что гость мой немножко навеселѣ и дѣйствительно что-то жуетъ и все не можетъ проглотить.

— Что это за Августъ Ивановичъ такой? думалъ я, глядя на него.

(*) Вымышленное имя.

— А я васъ видѣлъ вчера, сказалъ онъ, нарѣзывая колбасу.

— Гдѣ же?

— А въ лавочкѣ. Вы табаку покупали, а я видѣлъ.

— А можетъ быть.

— Что у насъ здѣсь, — скука! Вотъ въ Торжкѣ отлично жить, сказалъ учитель. — Вы были въ Торжкѣ?

— Нѣтъ?

— Вы съѣздите. Я тамъ жилъ. А во Ржевѣ не были?

— Не былъ.

— Наирасно.

Все больше въ такомъ родѣ шла у насъ бесѣда. Потомъ ужъ немножко разговорились.

— Наша служба чудесная, сказалъ Августъ Иванычъ. — Благородная служба. Вотъ я вольный козакъ.

Это мнѣ показалось очень любопытно, и я посмотрѣлъ на Августа Иваныча. Но я себѣ представлялъ вольнаго казака вовсе не такимъ. Августъ Иванычъ былъ худой и тощій нѣмецъ, съ длиннымъ носомъ и съ длинными тонкими ногами. Вовсе не похоже. Онъ между тѣмъ продолжалъ, принимая строгій видъ:

— Спокойная служба. Я самъ себѣ хозяинъ. Приказалъ, фють! готово.

— Нѣтъ, вотъ наша служба, чортъ бы ее дралъ, замѣтилъ учитель. — Хуже нѣтъ: всякому дураку кланяйся. Ъсть нечего, а тутъ еще требуютъ, слѣди за наукой. Какая тутъ, дьяволъ, наука?

— Ну, да. Конечно, продолжалъ Августъ Иванычъ, не слушая: — распоряженіе не скоро приходитъ. Я городничему сказалъ: — послушайте! Я не могу ждать. Мы безъ дровъ сидимъ. Когда еще тамъ комитетъ... Городничій молчалъ. Я скавалъ: фють! сюда! Понимаете? Я переставалъ понимать совсѣмъ и слышалъ только, что кто-то сдѣлалъ фють, сюда! Вообще, что-то очень странное; только я и могъ понять, что Августъ Иванычъ служилъ въ канцеляріи гдѣ-то на желѣзной дорогѣ, а потомъ *фють* стали повторяться такъ часто, что ужъ ничего нельзя было разобрать. А подъ конецъ какъ-то такъ стало выходить, что будто чуть что, сейчасъ фють, и Августъ Иванычъ погибъ. Чортъ знаетъ что. Я даже сталъ опасаться. Однако все кончилось благополучно. Августъ Иванычъ говорилъ, говорилъ, вдругъ вскочилъ и сказалъ: фють! пора спать. И они ушли.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ И ПОСЛѢДНЕЕ.

ОСТАШКОВСКАЯ ПОЛИТИКА.

По мѣрѣ того, какъ число знакомыхъ моихъ съ каждымъ днемъ возрастало, я все больше и больше сталъ приходить къ убѣжденію, что задача: что такое Осташковъ?—наконецъ приходитъ къ разрѣшенію, что доказательства болѣе или менѣе исчерпаны и даже начинаютъ ужь повторяться. Теперь, когда противорѣчія разнаго рода, такъ неожиданно поразившія меня въ началѣ, почти всѣ разъяснились,—теперь только вспомнилъ я о человѣкѣ, съ которымъ я познакомился случайно, сейчасъ же по прїѣздѣ сюда, и который тогда на всѣ мои разпросы отвѣчалъ одно:—«я вамъ ничего не могу сказать. Поживете,—увидите». Въ то время я счелъ это излишнею осторожностію съ его стороны, но теперь вижу, что онъ былъ совершенно правъ. Никто никогда не могъ бы мнѣ рассказать того, что я видѣлъ и слышалъ самъ. И теперь-то, именно теперь, мнѣ очень хотѣлось поговорить съ нимъ и провѣрить мои наблюденія. Я засталъ его дома, онъ собирался идти гулять, и мы отправились вмѣстѣ на озеро.

— Ну что? скоро вы собираетесь ѣхать? спросилъ меня мой знакомый, когда мы вышли на улицу.

— Да, я думаю, что ужь здѣсь больше дѣлать нечего.

— Здѣсь всегда нечего дѣлать. Все уже сдѣлано давно. Неужели вы въ этомъ еще не успѣли убѣдиться?

— Не хотѣлось бы мнѣ въ этомъ убѣждаться.

— Ну, это другое дѣло. Желанія бываютъ разныя, а я говорю о конкретѣ, такъ сказать, о фактѣ. Случается, что факты противорѣчатъ желаніямъ. Это я часто замѣчалъ.

— Однако вотъ что, перебилъ я моего знакомаго.—Я думаю, что вступленіе такого рода лишне. Приступимте прямо къ дѣлу. Вы понимаете, что мнѣ хочется знать наконецъ ваше мнѣніе о томъ предметѣ, о которомъ мы съ вами не упоминаемъ,—о городѣ.

— Да чтожь, мое мнѣніе? сказалъ онъ, размышляя.—Мое мнѣніе такое: исправный городъ. Чего жь еще?

— Дѣло не въ исправности.

— Городъ смиренный, продолжалъ онъ:—благочестіе процвѣтаетъ. Приспѣвальный городъ. Ну, да чортъ его возьми! совсѣмъ неожиданно заключилъ онъ.—Нѣтъ, это все вздоръ. Дѣло-то вотъ въ чемъ. Я все боялся, не увлеклись бы вы всѣми этими фестонами да павильонами. А если не увлеклись, такъ стало быть понимаете, — что это такое. Я

могу вамъ помочь только, прибавивъ какихъ нибудь два, три факта; тѣмъ, такъ сказать, усилить могу для рельефности.

— А много было взору моему
— Доступно и понятно, потому...

да потому, что какъ тамъ они ни хитрятъ, а все-таки видны бѣды нитки. Тутъ какая исторія, я вамъ скажу. Корень-то всему злу, знаете что?—Банкъ! Странно? не правда ли?

— Да какъ же это такъ?

— Да весьма просто-съ. Жилъ былъ въ городѣ, въ Осташковѣ, первостатейный купецъ богатѣйшій, коммерціи совѣтникъ, Кондратій Алексѣичъ Савинъ. Жилъ онъ здѣсь, можно сказать, царствовалъ, потому капиталы имѣлъ у себя несмѣтные. И задумалъ этотъ самый купецъ подъ старость, душѣ своей въ спасеніе и всему свѣту на удивленіе соорудить казно-хранилище... Да нѣтъ, это стихи какіе-то выходятъ. Будемъ продолжать просто. И такъ Кондратій Алексѣичъ покойникъ—мужикъ былъ умный и дѣло затѣялъ съ толкомъ: пожертвовалъ 25 тысячъ на ассигнаціи на учрежденіе банка, съ тѣмъ чтобы барыши съ него шли на богоугодныя учрежденія. Вотъ съ этого все и пошло. А надо вамъ сказать, что династія Савиныхъ ведется въ Осташковѣ споконъ вѣку, такъ что представить себѣ Осташковъ безъ Савиныхъ, или Савиныхъ безъ Осташкова какъ-то даже невозможно. Началъ благодѣтельствовать городу Кондратій Савинъ, и по его смерти сталъ благодѣтельствовать по наслѣдству сынъ его Степанъ, а по смерти и сего послѣдняго вступилъ на мѣсто его второй сынъ, Феодоръ.

Заведенъ у насъ такой порядокъ: гражданъ, которые не въ состояніи уплатить долга банку, отдавать въ заработки фабрикантамъ и заводчикамъ. Оно бы и ничего пожалуй, не слишкомъ еще безчеловѣчно, да дѣло-то въ томъ, что попавшій въ заработки должникъ большею частію такъ тамъ и остается въ неоплатномъ долгу, вѣчнымъ работникомъ. Уже какъ это устроивается, Богъ ихъ знаетъ. Известно только, что при всеобщей бѣдности жителей, предложеніе труда превышаетъ запросъ; вслѣдствіе этого, конечно, плата упадетъ и цѣнность труда зависить отъ фабриканта. Но вы не забудьте, что рядомъ съ этой нищетою стоитъ театръ, разные тамъ сады съ музыкою и проч., то есть вещи, необыкновенно заманчивыя для бѣднаго человѣка и при томъ имѣющія свойство страшно возбуждать тщеславіе. Теперь эти удовольствія сдѣлались такою необходимою потребностію, что послѣдняя сапожница, витающаяся чуть не осмивою ве-

рою, считаетъ величайшимъ несчастіемъ не имѣть криколина и не быть на гуляннхъ. Но на все это нужны деньги. Гдѣ же ихъ взять? А банкъ—то на что? Вотъ онъ тутъ же, подъ рунами, тамъ 200 тысячъ лежатъ. Ну, и что жъ тутъ удивительнаго, что люди попадаются на этихъ удовольствіяхъ, какъ мухи на меду?

— Но, скажите пожалуйста, вѣдь эти приманки однако не дешево же обходятся?

— Кому?

— Да тому, кто ихъ устроиваетъ?

— Ни гроша не стоятъ. Театръ, музыка, пѣвчіе, сады, бульвары, мостики, ерши и павильоны, — все это дѣлается на счегъ особыхъ сборовъ, такъ называемыхъ *темныхъ*. Это очень ловкая штука. Въ томъ-то она и заключается, что ничего не стоитъ, а имѣетъ видъ благодѣянія. И даже, я вамъ еще лучше скажу, противъ дѣйствительныхъ, капитальныхъ благодѣяній принимаются мѣры. Я вамъ расскажу одинъ случай.

Надо вамъ знать, что осташи имѣютъ похвальную привычку, разбогатѣвъ на сторонѣ, подъ старость, насытивъ жажду къ пріобрѣтеніямъ, возвращаться на родину и благодѣтельствовать своему родному городу. Вотъ и вернулся такой одинъ, богачъ страшный, слѣдовательно опасный конкурентъ, и принялся расточать богатія и щедрія милости нищимъ собратіямъ своимъ, но, какъ человѣкъ разсчетливый, благодѣтельствовалъ экономно, больше для виду. Паникадилъ тамъ надѣлалъ, позолотъ разныхъ, уграшеній, женское училище завелъ, пароходъ Ниловой пустыни подарилъ для безвозмезднаго переезда богомольцевъ.

— Ахъ, да. Я это знаю. Архимандритъ рассказывалъ.

— Ну, вотъ видите. Пока онъ школу заводилъ да храмы уграшалъ, то воспрепятствовать ему въ этомъ нельзя было; а какъ только подарилъ пароходъ, сейчасъ и затѣли тяжбу. Она Богъ знаетъ когда кончится, да вѣроятно и никогда не кончится, а пока пароходу запрещено возить богомольцевъ. Наконецъ, богачъ сдѣлалъ предложеніе души провести желѣзную дорогу до Волочка пополамъ съ городомъ. «Зачѣмъ же пополамъ?» говорятъ, не безпокойтесь, мы сами проведемъ всю. Ну, однако не провели, а богачъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, видитъ, дѣлать нечего, ухалъ. А то еще другой былъ, тоже разбогатѣвшій на сторонѣ. Это человѣкъ былъ права дикаго и необузданнаго и притомъ счастіемъ обладалъ удивительнымъ. Вѣкъ свой жался и сколачивалъ деньги, а какъ разбогатѣлъ, вдругъ и слурѣлъ совсѣмъ, и не знаетъ, какъ ему съ деньгами быть, куда ихъ дѣть. Natura животная, плотоядная, да

и тщеславіе-то ужь очень его распирать стало. Ореть не человѣческимъ голосомъ, окна бьеть, шампанскимъ пару поддаетъ; нѣтъ, все мало. Приѣхалъ сюда. Сейчасъ, разувѣтся, двадцать пудовъ серебра на украшеніе храмовъ, какъ жаръ горять, домъ себѣ выстроилъ, баню султанскую, заводъ выстроилъ; мучные склады какіе-то ни съ того, ни съ сего завелъ, неизвѣстно зачѣмъ. Пирры такіе сталъ задавать, что небу жарко. Только все это у него какъ-то не удавалось. Позоветь весь городъ обѣдать, придуть гости, а ужь онъ пьянъ и бунтуеть, посуду бьеть.

Только скоро онъ догадался, что поле для дѣятельности его здѣсь слишкомъ тѣсно. Сталъ гостей къ себѣ изъ губерніи выписывать и съ ними все знакомство водилъ и бражничалъ. Зашибъ кого-то въ пьяномъ видѣ, — ну, ничего, откупился. Однако и губернскіе гости скоро ему надобли; думалъ, думалъ, чѣмъ бы еще удивить свѣтъ, и пожелалъ онъ имѣть у себя въ домѣ особу.хлопотъ тоже было не мало. Ъздилъ, просилъ, наконецъ приѣхала особа. По этому случаю торжество было устроено немновѣрное, и самъ онъ встрѣтилъ особу на крыльцѣ въ *турецкомъ халатѣ*. Понимаете? Не зналъ ужь, чѣмъ удивить. Фракъ тамъ, или почетный кафтанъ, это все плевое дѣло, и выдумалъ халатъ изъ турецкой шали. Потомъ тамъ у него вышла скандальнѣйшая штука, вслѣдствіе которой онъ вдругъ все бросилъ и ускакалъ неизвѣстно куда.

Но этимъ двумъ описаніямъ вы легко можете себѣ представить, какого рода благодѣтели расточаютъ на насъ свои щедроты. Но послѣдній случай замѣчательнъ еще тѣмъ, что таковой соперникъ, какъ этотъ, могъ быть дѣйствительно опасенъ, и бороться съ нимъ было бы трудно. А потому и мѣръ противъ него никакихъ не принималось. Уже по первымъ выходкамъ его легко можно было предвидѣть, что онъ долго не напарствуетъ и самъ себя уходитъ. Слѣдовательно благороднѣе всего было просто выждать, пока онъ прогоритъ. Такъ оно и случилось. И въ этомъ случаѣ, что касается меня, то я не могу вамъ достаточно выразить того глубокаго благоговѣнія, которое я чувствую къ этой удивительной проицательности и находчивости нашихъ уѣздныхъ дипломатовъ.

Но для полноты характеристики этого господина, я вамъ разкажу одну изъ послѣднихъ его выходокъ, которая собственно не относится къ дѣлу, но за то отлично рисуетъ характеръ этого человѣка.

Послѣ одвой какой-то оргіи, ночью вздумалъ онъ жену свою колотить, а дочь его, отличнѣйшая дѣвушка была, вступилась за мать. Онъ дочь-то взялъ, да и выгналъ ночью на морозъ, въ одной сорочкѣ. Не знаю, ужь долго ли она тамъ простояла, однако простудилась

и заболѣла горячкою. Онъ на другое утро опомнился и послалъ въ Москву и въ Петербургъ за докторами. Прискакали доктора, горячку перехватили, но у дѣвушки все-таки сдѣлалась чахотка, и она умерла. Отецъ терзался и плакалъ, и не зналъ, чѣмъ загладить свое преступленіе, началъ дѣлать вклады, панхимиды служилъ, но потомъ вдругъ все это бросилъ и забылъ.

Въ это время мы проходили мимо одной церкви. Мой спутникъ предложилъ мнѣ зайти съ другой стороны и посмотрѣть одну очень курьезную эпитафію. У наружной стѣны этой церкви была чугунная дверь въ подвалъ, а на ней золотыми буквами написано слѣдующее:

«НАДГРОВНОЕ НАДПИСЬ».

«Прохожіи! помани меня дѣвицу екатерину, когда господь богъ послалъ мне кончину мой прахъ юный здѣсь первымъ положень. О родитель мой, безценный, тобой сей фамильный склей сооружень, Тобою сей святыи храмъ благолепне обновлень, тобою изамена, онъ свѣтлыми облаченьми снабженъ, тобою сей придѣльный храмъ во имя аковидкія учреженъ подъ коммъ богато убранныи мой гробъ стоитъ и предъ нимъ неугасимый елей горитъ, А сердце мое присени говорить, благодареніе тебѣ, О, родитель мой милый за любовь твою ко мнѣ: не будь же ты обо мнѣ Унылымъ: Тѣлу моему хорошо здѣсь, А душѣ На небесѣхъ. * *

Но кто, столь Добрый твой Отецъ спросишь ты, прохожіи, наконецъ, Осташковскій 1-ой гильдіи купецъ, Николай Кузмичъ, онъ Абабковъ, котораго За святыя храмы долженъ помнить. * *

ОСТАШКОВЪ.

1837 года Ноебря 22 дня Я рождена, А 1854 года Февраля 8 дня. Я здѣсь погребена, Послѣ семнадцатилетвія на свете моего житія. * *

ОТЪѢЗДЪ.

Вчера я еще разъ былъ въ театрѣ. Мы послѣдній разъ прочли вмѣстѣ пьесу и простились. При разставаніи я просилъ ихъ написать свои имена на память въ мою дорожную книжку; такъ что оно вышло даже слишкомъ чувствительно. Впрочемъ, они всѣ такіе славные люди, и мнѣ пришлось пожалѣть только, что я не познакомился съ ними раньше.

Сегодня я уѣзжаю изъ Осташкова. Въ продолженіе этого короткаго срока я такъ усердно изучалъ городъ, что теперь, мнѣ кажется, будто я вѣкъ прожилъ въ немъ и покидаю родину. Но разставаясь съ нимъ, я покидаю его съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ кончаешь какой нибудь долгій и тяжелый и долго неудававшійся трудъ, но который—таки кончился. И радъ, и жаль разстаться. Сейчасъ былъ у Ф. Онъ даже удивился, что я уѣзжаю. И ему, должно быть, уже начало казаться мое пребываніе здѣсь совершенно естественнымъ. Но когда я объявилъ о своемъ отъѣздѣ, то вдругъ какъ-то такъ вышло, что ужъ намъ рѣшительно стало не о чемъ говорить. Точно мы оба только что догадались, что мы люди другъ другу совершенно чуждые, и та искусственная связь, которая завязалась было между нами, вдругъ оборвалась. Странно что-то это вышло. Когда я вернулся домой, то художникъ К—въ меня ужъ дожидаясь и сейчасъ же сталъ хлопотать укладывать мои вещи. Я послалъ за лошадьми. Все готово. Я уѣзжаю.

В. СЛѢПЦОВЪ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СЛАВЯНСКІЙ ЮГЪ (*).

Послѣднія войны Черногоріи съ Турціею, восставіе части герцеговинцевъ и наконецъ бомбардированіе Бѣлграда обратили было на себя, какъ никогда до сихъ поръ, особенное вниманіе Европы и ея журналистики. Покуда впрочемъ дѣло шло только между Черногоріею и Герцеговиной съ одной стороны и Турціею съ другой, — оно мало имѣло значенія въ глазахъ Европы, и поэтому, за исключеніемъ Россіи, мало писали о немъ. Да и тутъ, кромѣ славянофильскаго «Дня», за исключеніемъ голыхъ извѣстій, никто не постарался связно представить дѣло хотя въ общихъ чертахъ. Но когда телеграммы дали знаніе о бомбардированіи Бѣлграда, многіе приняли серьезный видъ, а другіе стали разглагольствовать о важности совершающихся въ Сербіи событій. Кабинеты европейскіе тоже оказали къ этому дѣлу большое вниманіе, дѣлу, по ихъ мнѣнію, очень важному. Еще, можно сказать, турки громили Бѣлградъ, а ужъ ноты кабинетовъ, летавшіе вдоль и поперекъ Европы, успѣли рѣшить дѣло. Рѣшено было составить конференцію сначала въ Бѣлградѣ, а потомъ и въ Константинополѣ. И предварительно велѣно было сербскому князю Михаилу не бушевать больше, а ждать рѣшенія благолюбивой конференціи.

Члены конференціи раздѣлились, какъ это всегда бываетъ сначала, на три партіи: одна стояла pro, другая contra, а третья держалась

(*) Статья эта написана славяниномъ — сербомъ; сужденія ея о славянахъ можно было бы заподозрить скорѣй въ пристрастіи, чѣмъ въ ненависти. Однако, какъ увидятъ читатели, пристрастія въ ней нѣтъ; не можетъ быть въ ней и ненависти; мы смотримъ на нее, какъ на откровенное сужденіе человѣка о своихъ землякахъ и соплеменникахъ.

золотой середины. Пошумѣли, пошумѣли и утихли; значитъ, и рѣшеніе состоялось. «Сербія, такъ гласила конференція, быть по прежнему, съ тѣмъ впрочемъ прибавленіемъ, чтобы она платила за обиду, причиненную туркамъ; Турціи же въ свою очередь расширить бѣлградскую крѣпость». Сказано, сдѣлано. Шестъ великихъ державъ тотчасъ же выслали въ Бѣлградъ каждая по одному чиновнику особыхъ порученій для исполненія рѣшенія конференціи. Князь и правительство сербское, не надѣясь на такой исходъ дѣла, встревожились сильно. Стали опять бушевать; но, благодаря энергіи сэра Бульвера, все идетъ и кончается благополучно. Вотъ и вся суть турецко-сербскаго дѣла.

Кажется, нечего много и толковать. Между тѣмъ сколько объ этомъ говорилось въ Европѣ. Давно уснувшій для европейской журналистики знаменитый «восточный вопросъ» вдругъ былъ разбуденъ пушечными выстрѣлами съ бѣлградской крѣпости. И пошли толковать о возможности образованія на югѣ двухъ государствъ славянскихъ: сербскаго и болгарскаго, объ опасности, которая угрожаетъ Европѣ (западной), въ случаѣ такой кондетрировки силъ на славянскомъ югѣ; о стремленіи южныхъ славянъ прогнать турокъ въ ихъ вѣчные азіатскіе предѣлы; о завладѣніи южными славянами Константинополемъ; о союзѣ южныхъ славянъ съ Россіею; объ энергичнѣйшихъ дѣйствіяхъ, которыя будто Россія употребляетъ для этой цѣли и т. д. и т. д. Словомъ, такъ много высказано предположеній по поводу послѣднихъ событій на югѣ славянскомъ, что человѣку, ближе знакомому съ странами, въ которыхъ предвидится такая опасность, приходится изумляться, какъ могутъ люди, вовсе не зная дѣла, о которомъ говорятъ, трактовать во всеуслышаніе такія вещи, какъ будто они прошли вдоль и поперекъ всѣ эти опасныя страны, изучили ихъ до послѣднихъ тонкостей, постигли самые помыслы отдѣльныхъ индивидуумовъ юга. Говорятъ о возможности создаться на югѣ великимъ государствамъ — сербскому и болгарскому и даже, что не далеко то время, когда это приведется въ дѣйствительность, не задавая себѣ такого вопроса: есть ли какія нибудь гарантіи для возникновенія подобныхъ государствъ и изъ чего они возникнутъ? А если и задаютъ, то отвѣчаютъ очень просто: «изъ сербскаго и болгарскаго народа», и воображаютъ, что это отвѣтъ удовлетворительнѣйшій. Они знаютъ, что сербскаго народа, кромѣ двухъ съ половиною милліоновъ, которые находятся подъ властію Австріи, есть еще болѣе трехъ съ половиною милліоновъ полъ Турціею, что болгаръ однихъ болѣе семи милліоновъ и что народъ этотъ, имѣя все нужное для борьбы съ турками, не уступилъ бы этимъ послѣднимъ на полѣ битвы по своей храбрости, что имъ только недостаетъ малаго — матеріальныхъ средствъ

(только!), чтобы, будучи гораздо многочисленнѣе турокъ, разгромить этихъ послѣднихъ и этимъ самымъ положить базисъ для того фантастическаго (и дѣйствительно фантастическаго) зданія, которое, будучи еще въ фантазій, странить Европу. Какъ будто довольно, чтобы существовали только люди по числу больше тѣхъ, съ которыми намѣрены они бороться, чтобы смѣло можно было дѣлать самыя выгодныя заключенія въ пользу ихъ. Какъ будто большая цифра людей есть главнѣйшее условіе всякаго счастья людей, въ особенности въ дѣлѣ своего освобожденія отъ чужаго ига. Никто, сколько намъ извѣстно, въ журнальныхъ сужденіяхъ о южныхъ славянахъ не обращалъ вниманія на матеріальное и интеллектуальное состояніе ихъ, никто не спрашивалъ себя, есть ли у южныхъ славянъ силы, нужныя для борьбы съ турками, есть ли, что по нашему мнѣнію составляетъ первое условіе въ такомъ дѣлѣ, у нихъ сознаніе, что дѣйствительно они страшно угнетены, что всѣмъ имъ нужно возстать и возстать съ полнымъ сознаніемъ необходимости поголовнаго возстанія, чтобы общими силами поразить давящаго своего притѣснителя? И еще, если у нихъ есть такое сознаніе своего положенія, то готовы ли они на такое дѣло? На такіе вопросы едва ли какое нибудь печатное сужденіе, писанное по этому поводу, даетъ хоть нѣсколько удовлетворительный отвѣтъ. Скажутъ, какъ же не сознать угнетенія и какъ не быть готовымъ горою стать за освобожденіе отъ него? Но вѣдь не всегда угнетеніе встрѣчаетъ такое сильное противодѣйствіе себѣ въ массѣ, какъ это обыкновенно полагаютъ. Есть природы, которыя хотя сначала и противятся, но упавши, нѣкоторымъ образомъ сживаются съ гнетомъ, которыя привыкаютъ къ нему, и только тогда способны нѣсколько пошевелиться, когда этотъ гнетъ достигаетъ высшей своей степени. Такова въ особенности натура славянская. Поборются немного съ враждебной себѣ внѣшней силой и, если эта послѣдняя не уступитъ съ перваго раза, то преклонится предъ нею и, выражаясь старинною фразой, затворившись въ себя, высказывать въ своихъ думахъ и пѣсняхъ свою несчастную долю—вотъ, по нашему мнѣнію, одна изъ главныхъ чертъ славянскаго характера. Рѣшимости, энергіи — у нихъ всего меньше, а если иногда онѣ и проявляются, то почти всегда не во время. Посмотримъ на южныхъ славянъ и, во первыхъ, на болгаръ: вѣковое ярмо турецкое до того задавило этотъ несчастный народъ, что онъ буквально ни о чемъ уже больше теперь не думаетъ, кромѣ возможности добиться, чтобы нѣкоторые необузданные турки по временамъ не грабляли его, и устроить, чтобы турки въ судахъ были нѣсколько справедливыѣ. Такъ думаетъ весь болгарскій народъ, живущій въ селахъ. Горожане стоятъ нѣсколько выше ихъ: они готовы и возстать, только ужъ конечно тогда, когда увидятъ, что

всѣ около нихъ находящіеся другіе народы возстали. Пролетаріатъ городской, правда, готовъ на отчаяннѣйшую борьбу, но кто же полагался и кто можетъ положиться на него? Болѣе богатые люди, будучи довольны своимъ положеніемъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, никакихъ войнъ знать не хотятъ; много даже такихъ примѣровъ, что подобные люди дѣлаются самыми надежными шпионами и доносчиками турецкими. Что же касается до людей образованныхъ и притомъ патріотовъ, то ихъ чрезвычайно мало сравнительно съ массою населенія. Школы, посредствомъ которыхъ можно было бы дѣйствовать на народъ, по крайней мѣрѣ на возрастающее поколѣніе, очень рѣдки; да и учителей такихъ, которые бы работали на подобномъ поприщѣ, самое ограниченное число. Припомните еще греческихъ савариотовъ въ Болгаріи—людей во сто разъ ненавистнѣйшихъ болгарамъ, чѣмъ сами турки, людей, которые, связавши свои интересы съ интересами турецкими, неусыпно бдѣтъ надъ болгарскимъ народомъ, старающіеся всѣми мѣрами противиться всякому со стороны болгаръ благородному дѣлу,—людей, въ рукахъ которыхъ до недавняго времени была и теперь есть большая половина школъ народныхъ. За тѣмъ, за всякое слово, будь оно прямо или косвенно не согласно съ воззрѣніями турецкаго правительства, надо заплатить головою. Что же касается до матеріальныхъ средствъ болгаръ, то объ этомъ мы сообщимъ вѣрнѣйшія свѣдѣнія и въ немногихъ словахъ, когда обозримъ другіе славянскіе народы, находящіеся подъ непосредственнымъ управленіемъ турокъ.

Отъ Болгаріи перейдемъ къ старой Сербіи. Иго турецкое тяготѣетъ на жителяхъ этой страны въ такой же мѣрѣ, какъ и въ Болгаріи, и дало точно такіе же плоды. Если взять во вниманіе еще и то обстоятельство, что въ старой Сербіи въ селахъ рядомъ съ сербскими находятся и турецкія избы, кромѣ *комаковъ* (конакъ—зданіе), въ которыхъ живутъ помѣщики—турки, то понятно, что отъ глазъ ихъ ничто не можетъ скрыться, а равно и то, что такое положеніе продолжается столько вѣковъ. Отсюда можно заключить, каковъ долженъ быть этотъ народъ теперь. Имъ овладѣлъ полный летаргическій сонъ, пропала его прежняя доблесть славянская. Думъ у него много, но думы большею частію остаются думами, при томъ онѣ сосредоточиваются у него не на новомъ, не на современности, а по славянски, на старинѣ одной; глубокаго сознанія своего положенія и, главное, энергіи для выхода изъ него, нѣтъ у нихъ нисколько. На сколько мы знаемъ ихъ, мы увѣрены, что отними турецкое правительство у нашей, визирей, помѣщиковъ право давить и грабить этотъ народъ, дай деспотизму хоть нѣсколько смягченныя формы, тогда этотъ народъ былъ бы не только вполне доволенъ своимъ положеніемъ, онъ сталъ бы даже ратовать противъ всякаго покушенія переимѣнить его. Школы въ старой

Сербіи и рѣдки, и безпоходно жалки. Изъ учителей рѣдко кто знаетъ больше, чѣмъ читать да писать. Пріѣзжающіе отсюда воспитываться въ княжество Сербію, что, впрочемъ, очень рѣдко бываетъ, тамъ же и остаются по большей части, да еслибъ и возвращались, такъ мало бы принесли пользы. Городскіе жители, кромѣ своихъ личныхъ интересовъ, ничего больше знать не хотятъ. Тѣ же, которые иногда и подумываютъ объ освобожденіи, устремили взоры на княжество Сербію и Россію, а чего могутъ они ждать отъ княжества Сербіи, мы увидимъ ниже.

Въ Босніи все то же. Босняки меньше всѣхъ ждуть себѣ добра отъ княжества Сербіи. У нихъ даже замѣчается нѣкоторая антипатія къ этой послѣдней. Быть въ мирѣ съ турками они склонны больше другихъ. Мы по опыту знаемъ, что всегда, когда турки по временамъ меньше давили ихъ, они оставались очень довольными своимъ положеніемъ. Къ какому бы то ни было возстанію они нисколько не готовы. Мы даже увѣрены, что если бы княжество Сербія и возстала противъ турокъ, въ Босніи отголоска не будетъ, потому что она до того напугана турками, что всегда, какъ только турки заподозрятъ ихъ или даже герцеговинцевъ въ чемъ бы то ни было, они стараются заявить своимъ господамъ абсолютную покорность. Купцы—настоящіе жидаы. За своими личными интересами они ничего не видятъ и видѣть не хотятъ. Они на столько же способны ободрать своего брата, на сколько способны на это и живущіе тамъ жидаы. Съ турками они въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ. А извѣстно, что для того, чтобы жить въ ладу съ туркомъ, нужны жертвы, нужны деньги, на добычаніе которыхъ, какъ мы сказали, и обращены всѣ ихъ помыслы. Простой народъ, а равно и образованные люди, которые тамъ находятъ, ненавидятъ купцовъ столько же, сколько и турокъ. Для народныхъ учителей они ненавистнѣе всего на свѣтѣ, потому что всѣ школы, какія тамъ находятся, за исключеніемъ развѣ одной, въ которой попечительницей нѣсколько извѣстная русской публичкѣ, прозванная герцеговинскимъ оракуломъ, самоучка Стака—Скендерова, за исключеніемъ, говоримъ, этой одной школы, всѣ другія находятся подъ непосредственнымъ попечительствомъ купцовъ. Какія слѣдствія подобной опеки, можно видѣть хоть изъ слѣдующаго разсказа. Когда въ княжествѣ Сербіи громилъ Бѣлградъ, въ Босніи, именно въ Сараево, въ то же самое время былъ присланъ султанскій берить. Визирь сараевскій свѣзаетъ всѣхъ знатныхъ турокъ и тамошнихъ сербовъ къ себѣ и читаетъ имъ, что вотъ «братъ солнца, двоюродный братъ луны, единственный царь въ мирѣ, султанъ, сынъ султанши и пр. и пр., приказываетъ ему (визирю) рабу своему, всѣмъ вѣрнопопаннымъ его султанскаго дивана туркамъ и всѣмъ остальнымъ «факиръ-фунаръ-рамъ» жить

въ мирѣ и дружбѣ между собою и не смотрѣтъ на тѣхъ Богомъ и диваномъ презрѣнныхъ *лупежсовъ* (сводочъ) въ княжествѣ Сербіи, которые дерзнули воспротивиться его султанской всемогущей волѣ, которыхъ непреминитъ наказать Аллахъ и намѣстникъ его, великій султанъ, и что если они будутъ вести себя такъ же въ отношеніи къ дивану, какъ и всегда, т. е. жить въ мирѣ и покорности, султанъ наградитъ ихъ такъ, какъ не награждалъ еще до сихъ поръ, и пр. и пр. По прочтеніи берита, зала была оглашена громнымъ крикомъ: «многая лѣта отцу и благодѣтелю — султану». Вслѣдъ за этимъ почтенныя купцы, сараевскіе христіане, отправляются въ школы, приказываютъ учителямъ мужскихъ и женскихъ школъ собрать своихъ учениковъ и ученицъ, всѣмъ имъ одѣться въ лучшія платья и пройти по главной улицѣ до *комака* визиря съ крикомъ «ура» и вѣнчьемъ «многая лѣта» и «да хранитъ Богъ отца и благодѣтеля султана» и проч., что и было сдѣлано въ точности. Процессія эта, какъ насъ извѣстили, была самая торжественная, самая комическая и, наконецъ, самая пошлая!... Требования подобныхъ заявленій вѣрноподданничества султану, какъ тоже извѣстно, ни со стороны визиря, ни со стороны турокъ не было; а это было ни больше, ни меньше, какъ гнусная поддѣлка со стороны самихъ сараевскихъ купцовъ, которые хотѣли хоть чѣмъ нибудь выслужиться передъ визиремъ. Вотъ каково обученіе дѣтей! Учителей тамъ очень немного и они крайне ограниченныхъ познаній. Приѣзжали туда и нѣсколько образованные люди, но ужиться тамъ не могли. Современныхъ или такъ называемыхъ революціонныхъ идей въ этой странѣ неводится.

Отъ Босніи переходимъ къ Герцеговинѣ. Что найдемъ въ ней? Найдемъ ли какіе нибудь признаки, показывающіе возможность возстанія? Возстаніе «*Зубчакъ*» подъ руководствомъ прославленнаго героя Луки Вукаловича всего нагляднѣе показываетъ это. Множество побудительныхъ причинъ, которыя представляла Черногорія, множество воззваній, которые дѣлали такъ называемые «*ускоки*» (живущіе на границѣ Черногоріи и Герцеговины сербы), наконецъ, самъ Вукаловичъ—не могли поднять Герцеговину. Почему? Потому что народъ тамъ, какъ и на всемъ славянскомъ югѣ, подчиненномъ дивану, убить, потому что онъ знаетъ, что будетъ ему въ случаѣ неудачи, что при такой низкой степени цивилизаціи сербскаго народа, при такой жадности къ деньгамъ всѣхъ почти тамъ выдающихся личностей, не умерли *Вуки Бранковичи* (*), а въ случаѣ измѣны дѣло очевидно про—

(*) Вука Бранковичъ замѣчательный въ исторіи Сербіи измѣнникъ. Онъ отдался со всѣмъ своимъ войскомъ туркамъ въ роковой битвѣ сербовъ съ турками на *Косовѣ* (въ XIV вѣкѣ).

играно, и тогда пойдутъ въ ходъ тѣ ужасы, которые всегда производили турки послѣ возстанія въ христіанскихъ странахъ. Не легко возставать тому, кто подъ ярмомъ сильнаго и въ особенности подъ ярмомъ турецкимъ! Герцеговина—это лучшая, благороднѣйшая страна сербская, герцеговинскій народъ — это храбрѣйшее и способнѣйшее племя сербской семьи, но увы! онъ жертва турецкаго звѣрства, онъ въ ужаснѣйшихъ турецкихъ цѣпяхъ! И тамъ есть нѣсколько школъ, но всѣ онѣ бѣдны, жалки, безъ хорошихъ учителей, безъ средствъ и, главное, ничѣмъ не гарантированы. Купеческое сословіе далеко не такое, какъ боснійское; никто такъ не готовъ жертвовать на школы, какъ оно; и что всего замѣчательнѣе, народъ, столь подавленный, столь мало цивилизованный, а между тѣмъ, какъ свѣтло понимаетъ выгоду школъ! Герцеговинскіе купцы и народъ, можно сказать, опередили въ этомъ и не сербовъ. Наконецъ, герцеговинцы чужды узкаго мѣстнаго патріотизма, сильнаго въ другихъ славянахъ. О нихъ именно можно сказать, что они въ случаѣ всеобщаго возстанія стали бы бороться не за герцеговину, а за сербство, за сербскую славу, за сербское имя. Другіе сербы не таковы.

Теперь о Черногоріи. О народѣ, боровшемся четыреста лѣтъ съ турками, конечно, нельзя сказать того, что мы говорили доселѣ о другихъ южныхъ славянахъ. Говорить, напримѣръ, что онъ не готовъ къ возстанію, значило бы говорить чистую ложь, потому что онъ и не знаетъ другой жизни, кромя жизни лагерной. Но мы имѣемъ полное право сказать, что черногорскій народъ фактически нѣсколько не счастливѣе своихъ братьевъ, другихъ сербовъ, и вотъ почему: черногорскій народъ, не смотря на всю свою независимость отъ вѣдшихъ враговъ, есть рабъ своего домашняго деспота, есть жертва, надъ которой слуги деспота и самъ онъ дѣлаютъ все, что только угодно ихъ грубымъ, дикимъ, пошлымъ и необузданнымъ желаніямъ! Прогнать черногорца изъ своей — его предкамъ, его отцемъ, братьямъ, наконецъ имъ самимъ облитой кровью земли, и прогнать или совершенно ни за что, или за какую нибудь бездѣлицу; дальше, разстрѣлять опять изъ-за какихъ нибудь пустяковъ или просто вслѣдствіе одной клеветы, и разстрѣлять часто безъ всякаго суда и расправы; отбирать послѣднее у этого на полѣ битвы непобѣдимаго народа по одной дикой прихоти и т. п., все это слишкомъ обыкновенно въ Черногоріи! Скажутъ и, кажется, печатно уже говорили, что всего этого требуетъ самая лагерная жизнь. Но этотъ лагерь существуетъ не годъ, не два, не десять, а слишкомъ четыреста лѣтъ; при томъ въ этомъ самомъ лагерѣ такая жизнь не велась до очень недавняго времени: она начинается не дальше, какъ съ 1851 г., съ водворенія въ Черногоріи княжескаго достоинства. Лагерная жизнь, значитъ, не всегда требуетъ

военнаго деспотизма. Будучи особеннымъ явленіемъ въ человѣческой жизни, эта лагерная жизнь при долгомъ своемъ существованіи способна значить выработать и особенныя ей приличныя начала, которыя никакъ не должны быть военно-деспотическими. Вспомнимъ все то время независимой жизни черногорцевъ, когда у нихъ не было никакихъ князей, когда и мірская, и церковная власть находились въ рукахъ одного лица, одного *владыки-епископа*. При военномъ образѣ жизни, черногорцы, не смотря на свою независимость, не могли уйти дальше своихъ братьевъ въ цивилизаціи. Торговля у нихъ менѣе всего развита и не почему нибудь другому, а именно вслѣдствіе постоянной борьбы съ вѣдными врагами. Школъ чрезвычайно мало, порядочныхъ учителей еще меньше. Какъ самая каменистая страна, Черногорія не могла и не можетъ быть плодородною страной; это обстоятельство и сосѣдство черногорцевъ съ азіатскимъ міромъ служить одною изъ главныхъ причинъ ихъ вѣчныхъ стычекъ съ турками. Провіантъ, который до сихъ поръ дарятъ черногорскому народу различныя государства, особенно Россія, никогда, со времени учрежденія княжества въ Черногоріи, не доходилъ даромъ въ руки народа; онъ платилъ и платитъ за него иногда дорогою цѣною. Подобные подарки теперь поступаютъ въ руки князя и князь распоряжается ими, какъ своею собственностью, и если когда продаетъ этотъ провіантъ по дешевой цѣнѣ, то какъ будто изъ милости. Изъ разныхъ государствъ, чаще всего изъ Россіи, были высылаемы и деньги «для раздачи народу», но народъ почти никогда и глазами не видалъ ихъ. Они оставались у князя и его фамиліи и тратились на разные прихоти двора. Самая же значительная часть ихъ, какъ мы недавно узнали, находится у какого-то австрійскаго купца, которому отдалъ ихъ прославленный европейскими газетами Мирко Петровичъ на сохраненіе, разумѣется, съ процентами и съ намѣреніемъ обезпечить себя на случай черныхъ дней. Это княжество, это чиновничество, какъ справедливо замѣчено было г. Аксаковымъ, дѣйствительно погубило Черногорію; но погубило не потому, какъ говоритъ г. Аксаковъ, что «этотъ народъ не способенъ ни къ какому государственному строю», а потому, что Черногоріи не посчастливилось въ своихъ князьяхъ, что, вмѣсто добрыхъ, толковыхъ и честныхъ людей, ей пришлось имѣть профановъ, франтовъ, гулякъ, то петербургскихъ, то парижскихъ совершенныхъ невѣждъ, въ какомъ бы то ни было дѣлѣ и съ бездарною головою. Съ установленіемъ княжескаго достоинства въ Черногоріи появилось въ ней и все то зло, какое только можетъ быть при быстромъ переходѣ изъ патріархальнаго быта въ европейскую, или лучше, во французскую форму гражданской жизни, когда эта фракція совершается исключительно подъ вліяніемъ людей

пустыхъ, совершенно необразованныхъ, но съ широкою фантазіею, съ упорною волею и вдобавокъ съ умѣніемъ заводить и поддерживать интриги. Не прошло и одного года послѣ установленія княжескаго достоинства въ этой странѣ, какъ явились висѣлицы, мушкетаніе (разстрѣливаніе), жесточайшія тѣлесныя наказанія, тюрьмы, изгнанія изъ отечества, за тѣмъ правило, по которому если одинъ членъ известной фамиліи будетъ обвиненъ въ чемъ нибудь, то и вся фамилія подвергается опалѣ и проч. Являются народныя протесты: народъ покушается на жизнь князя, требуетъ изгнанія всей княжеской семьи, поднимаются открытые бунты, князя убиваютъ — но уже поздно: начало положено, а слѣды искореняются не легко. Убитому князю наследуетъ другой, еще худшій, не по личному своему характеру, а по бездарности, бывшей причиною того, что народъ сдѣлался добычею нѣсколькихъ лицъ изъ княжеской фамиліи. Наконецъ, чтобы зло, такъ сказать, завершилось, переформируется издавна существовавшій при дворцѣ отрядъ людей, названный *перьянками*, которому суждено было разорвать всякую нравственную связь народа съ правительствомъ. Княжескіе перьянки — это что-то въ родѣ древнихъ преторіанцевъ. Это величайшее зло, какое когда либо существовало въ народѣ: это безжалостнѣйшіе люди въ Черногоріи, просто изверги чело-вѣчества. Для черногорца-перьяника все ни о чемъ, для него не существуетъ ни отца, ни матери, ни кого бы то ни было. Одного слова княжескаго довольно, чтобы съ несчастною жертвою изъ черногорскаго народа перьяникъ совершилъ всякія неистовства: побить въ физиономію, бить ни за что, ни про что палкою по всѣмъ частямъ тѣла, связать, кинуть въ тюрьму — все это для нихъ самое обыкновенное дѣло. Нѣкоторые изъ нихъ до того дерзки, что хвастаются своимъ дикимъ характеромъ, и даже явно, въ виду князя, въ виду народа. И въ такія минуты князь хоть бы слюнейбрилъ, хоть бы поморщился, нѣтъ, онъ даже улыбается! На этихъ людей народъ смотритъ такъ же, какъ смотрятъ въ цивилизованныхъ странахъ на палачей. Такимъ образомъ, народъ черногорскій теперь въ совершенномъ разладѣ съ своимъ правительствомъ.

Наконецъ, переходимъ къ гордому княжеству сербскому, къ главному пункту на славянскомъ югѣ, къ которому устремили свои взоры не только Болгарія, Старая Сербія, отчасти Боснія, Герцеговина, Сербія австрійская и другіе маленькіе славянскіе народцы, но и западныя кабинеты, не говоря уже о Россіи. Взгляды эти конечно разнохарактерны, но ихъ можно подвести подъ двѣ категоріи. Западъ видитъ въ княжествѣ Сербіи центръ, около котораго, по его понятію, могутъ сгруппироваться всѣ югославянскія силы — и тогда горе Австріи! прибавьте еще тѣ предположенія, о которыхъ мы говорили

въ началѣ нашего обозрѣнія. Западъ какъ будто боится Сербіи. Россія, какъ и всѣ другіе славяне, смотритъ на Сербію, какъ на страну, которая своимъ положеніемъ служитъ залогомъ величайшаго счастья для южныхъ славянъ, какъ на страну, отъ которой можно ждать много добра. Россія и другіе славяне ждутъ отъ Сербіи добра и радуются этому. Вѣрны ли эти взгляды? Какова Сербія сама въ себѣ? Есть ли въ ней дѣйствительно что нибудь такое, что бы оправдывало мнѣнія запада и Россіи (особенно же такъ называемыхъ славянофиловъ)? Правда ли, что Сербія въ настоящее время совсѣмъ готова для борьбы съ оттоманами, и что она поставила теперь себя въ такое положеніе въ отношеніи къ другимъ славянамъ, что, какъ говорятъ, стоитъ ей только возстать и, полетѣть за нею всѣ окружающіе ее сербы, болгары и чуть ли даже не русины?

Правительство и первый князь сербскій почти тотчасъ же, какъ только они были восстановлены, пошли врознь съ народомъ. Первое двадцатипятилѣтнее правленіе князя Милоша Обреновича сопровождалось постоянно самыми ужасными сценами. Кончилось тѣмъ, что князя прогнали, а его мѣсто занялъ старшій его сынъ, который скоро умеръ. Время при этомъ послѣднемъ прошло только въ однихъ мщеніяхъ за обиду, нанесенную его отцу. Теперь княземъ былъ младшій сынъ Милоша, Михайлъ Обреновичъ, который по своему малолѣтству находился подъ опекою матери и трехъ первыхъ сановниковъ сербскихъ. При перемѣнѣ князей одно зло слѣдовало за другимъ. Явились бунты. Молодой князь встрѣтился съ бунтовщиками въ открытомъ полѣ и, проигравши битву, бѣжалъ въ Австрію. Вслѣдъ за тѣмъ избранъ былъ княземъ сынъ знаменитаго вождя сербскаго во время освобожденія Сербіи отъ ига турецкаго, Чернаго Георгія, Александръ Карагеоргіевичъ. Этимъ положено начало одному изъ величайшихъ золъ для княжества Сербіи: образовались двѣ враждебныя другъ другу партіи, Обреновичей и Карагеоргіевичей, и эти партіи своими дѣйствіями окончательно разоряютъ сербскій народъ. Правда, время правленія Александра Карагеоргіевича было временемъ спокойствія и мира, но у него, какъ и у прежнихъ князей недоставало одного, — именно султанскаго утвержденія его династіи на наслѣдство. Добиться этого можно было только посредствомъ денегъ, и князь не скупился. Не смотря на бѣдность Сербіи, деньги однако находились на покупку княжескаго наслѣдства, хотя все-таки султанъ этого послѣдняго не утвердилъ за нимъ. Обдирая такимъ образомъ народъ, онъ этимъ самымъ давалъ возможность усилиться партіи Обреновичей. Его успѣли очернить передъ народомъ, попытались даже убить, но попытка не удалась. Между тѣмъ Обреновичи оперлись на народъ и по лѣхъ предлагомъ, что въ продолженіе десяти лѣтъ не собиралась на-

родная скупщина (собрание), (что было результатомъ съ одной стороны недалковидности князя, а съ другой дальновидности и хитрости его оппозиционистовъ), внушили народу мысль требовать «скупщины народной». Народъ дѣйствительно потребовалъ ея. Гроза таковыи образомъ поднималась надъ головой Карагеоргіевича и раздражалась, когда скупщина собралась. Это чрезвычайно важный моментъ въ жизни сербскаго народа въ княжествѣ Сербіи. Народные депутаты здѣсь фактически убѣждаются, что вся сила въ ихъ рукахъ и что горе тому, кто будетъ идти противъ народа. Жители Бѣлграда сознали это еще раньше, что обнаружилось въ самое время выборовъ депутатовъ, именно при выборѣ заклятаго врага антинароднаго правительства, Милована Яковича, нѣсколько извѣстнаго русской публикѣ. Наконецъ народная скупщина прогнала и князя Александра. Княземъ сербскимъ провозглашенъ былъ прежній Милошъ Обреновичъ. Милошъ скоро померъ, и его мѣсто занялъ вторично Михаилъ М. Обреновичъ, который и теперь княжить въ Сербіи.

Мы по необходимости сдѣлали этотъ перечень послѣдняго періода исторіи сербской; безъ него трудно понять хорошо настоящій порядокъ вещей въ этомъ княжествѣ: бѣдствія его прямо вышли изъ упомянутыхъ событій. Прежде всего замѣтимъ, что казна сербская въ настоящее время почти что пуста. Но въ ней, правда, рѣдко когда и бывало много денегъ. Съ изгнаніемъ князей, можно сказать, всегда изгонялась и казна сербская. Ее грабили князья, грабили министры, сенаторы, грабилъ всякій, кто могъ. Пополнить ее совершенно не откуда: народъ совершенно обѣднѣлъ. Хотя у него есть земля и въ достаточномъ количествѣ, но достаточность земли не вдругъ можетъ обогатить народъ. Нужно умѣнье управиться съ землею, нужна любовь къ труду, нужны вышнія поощренія къ труду, т. е. нужно, чтобы былъ выгодный сбытъ продуктовъ, доставляемыхъ трудомъ, чтобы была развита торговля. А этого—то и недостасть въ Сербіи. Торговля въ Сербіи не развита, народъ лѣнивъ; онъ, правда, и трудится, но трудится на столько, чтобы обезпечить свое существованіе до слѣдующаго урожая. Но въ случаѣ неурожая отъ града, или отъ какихъ нибудь другихъ причинъ, цѣлые округи чуть не вымираютъ отъ голода. Система воздѣлыванія земли еще прародительская. Только въ нѣкоторыхъ округахъ поля удобряются; «намъ и такъ некогда обрабатывать землю и безъ всякихъ удобреній», говорятъ сербы. Такія обстоятельства дали самые неприятные результаты: народъ сильно задолжалъ. Долги эти начались еще со времени освобожденія отъ турокъ и тянулись до вторичнаго правленія Сербіею Милоша. Послѣдній рѣшился разомъ уничтожить всѣ эти долги и освободить, значитъ, чиновниковъ отъ всякой работы по дѣлу долговъ народныхъ. Рѣшено

было, чтобы послѣ известнаго срока, начиная со дня выслушанія указа, каждый должникъ непремѣнно уплатилъ свои долги, въ противномъ случаѣ все имѣніе должника будетъ продано съ аукціона. Рѣдкіе, конечно, исполнили волю князя на этотъ разъ, и пошла продажа. Когда Милошъ померъ, новый князь Михаилъ, какъ извѣщаютъ, нѣсколько смягчилъ этотъ указъ тѣмъ, что у должника продается не все имущество начисто, а оставляется домъ, нѣсколько земли подъ домомъ и около дома и два вола. Продажа имущества бѣднаго народа продолжается до сихъ поръ. Стоитъ только взять «Сербскія Новины» (правительственная газета), чтобы быть сразу пораженнымъ цифрою аукціоновъ въ этой маленькой, не болѣе каждой изъ среднихъ русскихъ губерній, страны. Почти единственное средство у простаго народа для добыванія денегъ — это торговля свиньями. Но лишь только въ Австріи дѣла устроятся какъ нибудь такъ, что будетъ малое требованіе свиней, тогда бѣднякамъ нечѣмъ будетъ платить подать, которая въ настоящее время ввѣс увеличена, чѣмъ была до прошедшаго года. Торговля съ другими государствами совершенно остановлена. Почти каждый день по нѣскольку разъ жители Бѣлграда и другихъ городовъ съ барабаннымъ боемъ извѣщаются о продажѣ такого-то и такого-то магазина или лавки съ товаромъ. Торговцы сербскіе въ отчаяніи. Каково-то должно быть настроеніе ихъ послѣ того, какъ былъ распущенъ слухъ—это еще до пріѣзда Милоша въ Бѣлградъ, что возстановленный князь Милошъ Обреновичъ дастъ имъ 2,000,000 дукатовъ въ долгъ безъ всякихъ процентовъ для поправленія своихъ торговыхъ обстоятельствъ, чего, конечно, не случилось? Вотъ почему народъ сербскій при первомъ выстрѣлѣ съ Бѣлградской крѣпости такъ жадно схватился за оружіе. Ужъ нѣсколько лѣтъ онъ настраивался къ этой войнѣ; но сербское правительство не смѣло начать войны: оно съ своимъ княземъ какъ будто спало. Но когда пушечный выстрѣлъ разбудилъ правительство и князя, они не знали, что дѣлать. Ихъ испугъ напугалъ и весь людъ бѣлградскій, который, за исключеніемъ простыхъ купцовъ да лавочниковъ, сразу кинулся бѣжать. Болѣ 21,000 человекъ почти въ одинъ день перебрались въ Австрію. Что это было слѣдствіемъ испуга, можно видѣть изъ того, что когда прибѣжали окрестные поселяне на защиту Бѣлграда, то были поражены огромнымъ количествомъ французскихъ и другихъ шляпъ, одеждъ, сабель, даже и другихъ вещей, которыхъ въ минуты бѣгства некогда было поднимать. А что правительство съ своими великими политиками совершенно спало, это можно доказать слѣдующимъ образомъ: когда сдѣлано было перемиріе съ турками и эти послѣдніе стали выходить изъ крѣпости, то вотъ какіе разговоры были между ними и знакомыми имъ сербами: «Эхъ, братъ, если бы

мы знали, въ какомъ положеніи мы находились тогда, когда перестали было въ вась стрѣлять (а у нихъ, какъ оказалось, и немому было стрѣлять), вы бы просто пришли и безъ бою взяли крѣпость. Тогда бы намъ не вѣдать больше Сербіи!» Что же отвѣчаетъ ему сербъ? «А еслибъ, говоритъ онъ, вы знали, въ какомъ положеніи находились мы, то вы бы просто пришли да и взяли бы все, что ни есть у насъ, и побить могли столько, сколько душѣ угодно. Тогда кто бы расправился съ вами? Конечно никто». Вотъ каково правительство сербское! Имѣя подъ несомъ непримиримаго врага, который всякую минуту можетъ разгромить главный городъ Сербіи, оно не знало даже, на сколько силенъ этотъ врагъ, не знало, на сколько сильна сосѣдняя крѣпость. Ему и въ голову не приходило, что когда нибудь да нужно будетъ бороться съ этимъ врагомъ. Для него легче заводить и тянуть интриги, чѣмъ наблюдать, откуда грозитъ опасность отечеству; для него выгоднѣе интриговать, чѣмъ заботиться объ общемъ благѣ страны.

Не смотря на это, князь и правительство Сербіи не перестаютъ двигаться на поприщѣ реформированія. Преобразовываются суды, преобразовываются законы гражданскіе и церковные, преобразовывается скупщина народная, преобразовывается положеніе князя и двора и проч. и проч., однимъ словомъ, теперь въ Сербіи совершается самая радикальная реформація. Всѣ эти реформы пожалуй могутъ дать и хорошій плодъ, но реформы народной скупщины и вслѣдъ за этимъ перемѣна положенія князя тяжело ложатся на душу того, кто хорошенько знаетъ Сербію и сербскій народъ. Реформированіе народной скупщины есть святотатственное покушеніе на народную свободу, на благо народное. Народная скупщина есть единственное добро, какое только имѣетъ Сербія въ складѣ своей политической жизни. Князь этого знать не хочетъ, правительство тоже. Для нихъ народъ ничто, тотъ самый народъ, который и безъ нихъ такъ достойно боролся, отстаивая свою свободу, свою родину, который столькими опытами пріучился сознать свою силу, свои права, этотъ народъ для нихъ безсмысленная толпа, которою можно вертѣть на всѣ возможные нѣмецкіе и французскіе лады, которою можно управлять такъ, какъ совѣдуетъ Гегель и Наполеонъ! Мы бы простили князя и правительство, еслибъ ихъ дѣйствія могли на самомъ дѣлѣ принести пользу народу. Но мы видимъ, что все это идетъ къ тому самому, что совершилось въ 58 годъ, т. е. къ изгнанію князя и правительства, къ опустошенію казны народной. Князь уничтожаетъ скупщину и беретъ въ свои руки неограниченную власть; а народъ явно говоритъ ему, что скоро то время, когда онъ расплатится и съ нимъ; князь держитъ въ своемъ дворцѣ іезуитовъ папскихъ, его жена католичка и поэтому держитъ патера при дворцовой церкви, а народъ явно назы-

васть ее *шокицею* и *жмбойкою* (*шокицъ*—униать; но это просто ругательное слово у сербовъ); князь вѣряетъ войско сербское французу, а наскоро устроенная народная милиція торжественно ему объявляетъ, что ова француза знать не хочетъ. Князь какъ будто ничего этого не видитъ. Всѣ проекты о преобразованіи, всѣ дѣйствія правительства обсуждаются только въ канцеляріяхъ. Ни о чемъ до сихъ поръ, что ни намѣревалось правительство дѣлать, не было ни одного слова въ литературѣ, а все дѣлается, что называется, прямо сплеча, не спрашиваясь ничего мнѣнія, какъ пойдетъ то или другое дѣло въ народѣ. Какія слѣдствія подобныхъ дѣйствій? Такія, что народъ только и ждетъ случая, чтобы, выражаясь ихъ языкомъ «расплатиться са чин-повишцима». Они дѣйствительно, при первомъ удобномъ случаѣ, очень легко могутъ быть жертвами ярости народной. Вотъ каковы взаимныя отношенія народа и правительства въ княжествѣ Сербіи.

Мы сказали, что никакія правительственныя дѣйствія, покуда они еще находятся въ намѣреніи, не обсуживаются въ литературѣ, не передаются на судъ народа и общества сербскаго. Но вѣдь въ Сербіи и нѣтъ, собственно говоря, литературы. Не только дѣйствія правительства, но и ничто еще не было обсуживаемо литературнымъ образомъ въ Сербіи. Ни одинъ существенный вопросъ тамъ еще не затронуть. Между тѣмъ—не забудьте—тамъ существуетъ цензура. Не смѣшно ли это? Народная скупщина 58 года уничтожила было цензуру, но князь утвердилъ ее опять. Каково?.. Какъ видите, современное положеніе Сербіи самое незавидное.

Обозрѣвая другія страны славянскаго юга, мы вездѣ касались, хотя кратко, и школъ, которыя въ нихъ находятся. Скажемъ нѣсколько и о тѣхъ, которыя находятся въ княжествѣ Сербіи. Школъ въ княжествѣ Сербіи очень достаточно, но учителей нѣтъ, т. е. нѣтъ хорошихъ учителей. Система школьная здѣсь самая пошлая. Мало того, что учителя ничего не читаютъ, а просто задаютъ «отъ сихъ и до сихъ», мало того, что учителя безжалостно сѣкутъ школьничковъ, начиная съ реальныхъ училищъ и до лицей, тутъ существуетъ просто кулачный бой. Онъ существуетъ даже и въ семинаріи бѣлградской между учениками и монахами-учителями. А между тѣмъ сколько въ княжествѣ сербіи якобы высокоученыхъ съ дипломомъ доктора по разнымъ наукамъ! Что же касается до матеріальнаго состоянія всѣхъ вообще южныхъ славянъ, то, не распространяясь долго объ этомъ, скажемъ, что у нихъ нѣтъ почти ничего. Въ княжествѣ сербіи оно только теперь обратило на себя вниманіе правительства, которое и стало отбирать у народа и послѣднюю копѣйку; но, какъ мы упомянули уже, такой крутой поворотъ не приминетъ дать свои обыкновенныя послѣдствія. Этого только и недоставало партіи Карагеоргиевичей.

Разсмотрѣвши коротко славянскія населенія на югѣ, мы спросимъ: что такое южные славяне въ настоящее время? Не очевидно ли, что это ни больше, ни меньше, какъ глупый рабъ турецкихъ и своихъ деспотовъ? Онъ до того глупъ, что—это во многихъ мѣстахъ—вѣруеть, будто туркамъ самъ Богъ велѣлъ владѣть имъ за его грѣхи и что только тогда онъ освободится, когда всмоленится достойная мѣра наказанія. Онъ не чувствуетъ въ себѣ никакой силы, никакой воли, никакого сознанія; онъ рабъ и рабъ лѣвый. Ему никогда и въ голову не приходитъ подвинуться впередъ (да хоть бы и назадъ наконецъ, потому что этотъ самый актъ движенія, можетъ быть, послужилъ бы побудительною причиною выйти изъ совершеннаго спящаго положенія). Онъ постоянно твердитъ: «такъ жилъ мой дѣтъ, отецъ, отчего же и мнѣ не жить такъ»? Старое—вотъ идеалъ славянина, хотя нѣтъ дѣла ему до того, каково это старое? Въ этомъ любимомъ для него старомъ, какъ извѣстно, больше нѣтъ ничего, кромѣ мрака и невѣжества. Но что ему до этого? Проникать, анализировать онъ куда какъ неохотникъ. Да!... грустно, а надо сознаться, что примговоръ, давно произнесенный нападомъ надъ славянами, т. е. что они ни къ чему большаго не способны, какъ къ рабству, не совсѣмъ несправедливъ. Если и освободится славянинъ отъ яра, наложеннаго на него другимъ, такъ создастъ себѣ самъ другое яро; если и случится ему освободиться отъ пашы турецкаго, онъ создастъ себѣ пашу сербскаго; если случится ему самому выйти изъ рабства, онъ непремѣнно захочетъ имѣть рабовъ у себя и, если удастся ему достигнуть этого, онъ хуже всякаго турка, словомъ—онъ въ душѣ въ одно и то же время и неподвиженъ, и глупъ, и тиранъ, и подлѣ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на южныхъ славянъ, несвободныхъ: они въ полномъ мракѣ, въ полной тупости съ примѣсю еще подлости: посмотрите на свободныхъ: они давятъ другъ друга—они тираны, звѣри. Въ Сербіи напримѣръ въ продолженіе какихъ нибудь 50 лѣтъ, т. е. со времени начала ихъ нѣскольکو свободной жизни всѣ князья или были изгнаны, или убиты. Князь Милошъ убиваетъ великаго Георгія Чернаго и самъ дѣлается княземъ Сербіи. И чѣмъ ознаменовываетъ онъ свое правленіе? Тѣмъ, что снимаетъ нѣскольکو сотенъ лучшихъ сербскихъ головъ. Его прогоняютъ, бросая въ него камни; но рѣзня, изгнанія и т. п. не прекращаются въ продолженіе правленія Сербіей обоихъ его сыновей. Прогоняютъ и сына, но безсмысліе, которое обуяло сербовъ, стоитъ неподвижно. (Хотя смысла у нихъ никогда нехватало, однако въ интригахъ они искусны). Словомъ въ княжествѣ Сербіи ничего, кажется, больше и не дѣлаютъ, какъ только изгоняютъ да возстановляютъ князей. Люди, которые задумываются надъ этимъ грустнымъ явленіемъ въ своей жизни, тѣ говорятъ: «надъ нами лежитъ

словно какое-то проклятіе; одно зло прогонишь, и думаешь—ну, слава Богу, теперь будетъ лучше, а какъ посмотримъ, оно такъ же цѣло, какъ и было».

Вѣдь сколько, продолжаютъ они, мы прогнали князей, а въ итогѣ все то же, что и прежде и было—тиранство, смуты, интриги, сплетни, отсталость въ торговлѣ, отсталость въ образованіи. «Нѣтъ, тутъ не проклятіе, а бессмысліе, которымъ страдаетъ большая часть и изъ васъ», высокоученые доктора сербскіе! Да, страдаете дѣйствительно, потому что вы нѣкоторымъ образомъ виною всѣхъ этихъ несчастій, которыя разыгрываются въ княжествѣ Сербіи, вы и скрываете ее и не поручаетъ и ногамъ только, но и по головѣ. Вѣдь все княжество сербское въ вашихъ рукахъ; одни вы Парижскіе, Берлинскіе и Германскіе воспитанники и управляете всѣми этими мерзостями, отъ которыхъ Сербіи трудно освободиться. За тѣмъ посмотрите на свободную Черногорію. Такое тиранство, такой деспотизмъ едва ли можно найти и въ Китаѣ. Тотъ самый черногорецъ, который съ ружьемъ, такъ сказать, сидитъ, съ ружьемъ бдитъ, который безпободно сражается на полѣ битвы съ турками за какую-то свободу отечества, есть въ то же время агненокъ въ лапахъ волка, съ которымъ этотъ послѣдній можетъ дѣлать и дѣлаетъ все, что угодно его звѣрской душѣ. Кто знаетъ Черногорію и черногорцевъ, — этотъ воинственнѣйшій изъ всѣхъ славянъ народъ, кто знаетъ его правитель-ство, его князей, и съ другой стороны кто не гѣшитъ пустыми утопіями, а смотритъ на черногорцевъ съ здравомысленной точки зрѣнія, тотъ не позавидуетъ свободѣ, какая у нихъ есть.

И вотъ въ этакомъ-то народѣ западъ видитъ своего врага, а Россія находитъ какое-то серебро! Вотъ въ этакомъ-то народѣ они видятъ — одни какъ будто бы на зло, а другіе на добро — скорую сконцентрировку страшныхъ силъ на югѣ славянскомъ! Кто же-то ихъ сконцентрируетъ? Ужели сами они? Но вѣдь мы, кажется, доказали, что это вещь совершенно невозможная для нихъ. Пожалуй, они могли бы и сконцентрироваться какъ нибудь, только прежде всего нужно выслать изъ Европы турокъ. Но кто же это сдѣлаетъ? Они? Никогда. Южные славяне ждутъ такого дѣла единственно отъ Россіи; они прямо говорятъ: «насъ только Россія можетъ спасти». Не очевидно ли, что, какъ мы сказали, собственныхъ своихъ силъ сами они не сознаютъ, на себя не надѣются, а ждутъ освобожденія со стороны.

Какъ будто Россіи и не о чемъ больше думать, какъ только о южныхъ славянахъ?

Ж. СЕЛАНЪ.

НОВЫЕ НАШИ БЛАГОДѢТЕЛИ.

Въ послѣдніе годы едва ли не сильнѣе всего выросла у насъ страсть къ облагодѣтельствуванію соотечественниковъ, къ оказанію имъ надлежащей опеки противъ всего вреднаго, или къ указанію настоящаго пути ко всему полезному. Масса предостереженій, совѣтовъ, доказательствъ и путеводныхъ напутствованій по истинѣ изумительна и только растетъ съ каждымъ днемъ все шире и гуще. Искренніе рдѣтели національнаго блага неутомимы, ихъ дальновидность и заботливость не имѣютъ предѣловъ: все ими предусмотрѣно, всюду заглянулъ ихъ безпокойный глазъ. Начиная отъ предостереженій противъ коварно-эманципированныхъ чтеній г-жи Толмачовой и легкомысленнаго посѣщенія танцклассовъ, подвергающихъ насъ опасности попасть на одну ловушку съ австрійцами, и до призывовъ наслаждаться пѣснями калѣкъ переходящихъ, отъ чего должно процвѣсти истинное народное чувство наше — совершенно было безчисленное множество попытокъ уяснить истинное и ложное, высокое и низкое, родственное и чуждое намъ. Казалось бы, ни одна область теоріи и практики не ускользнула отъ вниманія оберегателей русскаго понятія, ума и чувства, казалось бы, всё уже перебраны одна за другой, всё анатомированы съ искусствомъ и знаніемъ, всюду пушены въ ходъ надлежащія пружины, и по всѣмъ частямъ уже послышались отъ насъ заявленія, ярко свидѣтельствующія о томъ, что мы несокрушимо стоимъ на настоящей дорогѣ.

Однако же вышло, что не все еще сделано, оказалась еще одна область деятельности, требующая облагодетельствованія совѣтами и практической помощью, цѣлая область, до сихъ поръ забытая и оставленная въ тѣни. Это значительное несовершенство нашей общественной жизни недавно усмотрѣно было нѣкоторыми профессорами московскаго университета и другими московскими учеными, и они, сознавъ печальную несостоятельность настоящаго порядка вещей, и, въ то же время, ясно чувствуя, что можетъ сдѣлать во время поданная помощь, они рѣшились образовать особое *братство*. Одинъ изъ числа ученыхъ братьевъ, профессоръ Буслаевъ, взялъ при этомъ на себя обязанность печатно высказать предъ нашимъ обществомъ цѣли и направленіе братства, и посвятилъ этому особую статью въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «*Современной Литературы*». Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи дать нашимъ читателямъ понятіе о главныхъ соображеніяхъ, руководящихъ братьями. «Мы живемъ въ такое время, говоритъ г. Буслаевъ, когда гоненія и всякія нравственныя насилія не мыслимы, когда всякому принципу, глубоко коренящемуся въ жизни народа, даются права гражданства, когда заявленію всякой мысли стараются дать возможный просторъ, чтобъ она свободно себя высказала и, вслѣдствіе своей свободной деятельности, сама опредѣлила права на свое законное существованіе... Имѣя въ виду эту гуманную терпимость мнѣній и убѣжденій, предполагаемое братство всего меньше надѣется встрѣтить себѣ противодѣйствіе со стороны людей истинно образованныхъ, хотя бы они вовсе не раздѣляли попятій братства. Если же оно встрѣтило бы себѣ гоненіе отъ неуверенныхъ поборниковъ всякой новизны, то тѣмъ самымъ оно только сильнѣе убѣдилось бы, что дѣло, которому оно посвящаетъ себя, имѣетъ существенную важность въ русскомъ быту, потому что въ противникахъ возбуждаетъ подозрѣніе, негодованіе, насмѣшки и ненависть, то есть такія чувства, которыя человѣкъ высказываетъ только тогда, когда его затронутъ за живое».

Изъ этого можно, кажется, неоспоримо заключать, что хотя новое братство и подозрѣваетъ за собой что-то такое, что должно возбуждать негодованіе и насмѣшки, и хотя оно искренно желаетъ, чтобъ его дѣло никого не задѣвало за живое, но тѣмъ не менѣе оно надѣется, что пынѣшнія гуманныя чувства принудятъ всѣхъ терпѣть его направленіе и стремленіе. Сочувствуя со своей стороны гуманнымъ идеямъ и горячо желая попасть въ число тѣхъ, кого братство признаетъ истинно-образованными, мы ни чуть не помышляемъ оказать ему противодѣйствіе или гоненіе, напротивъ, желаемъ способствовать распространенію его мыслей и принятію ихъ, но въ то же время не можемъ скрыть, что, несмотря ни на какія старанія, намъ не удастся на

этого разѣ остаться незатронутыми. Новое братство выбрало цѣлью своей дѣятельности какъ разѣ то, что имѣетъ (по его собственнымъ словамъ) «*существенную важность въ русскомъ быту*», гдѣ «*лежатъ коренныя преданія русской жизни*», гдѣ «*заключается вопросъ національный*», и мы довольно хорошо понимаемъ ту мысль, что все это именно такіе предметы, которые никого не должны задѣвать за живое, но, по необъяснимой странности, мы все-таки поддались тому чувству, котораго по настоящему вовсе не должно быть, и признаемся въ искренней симпатіи къ предмету. Заявивъ это заблаговременно искреннимъ сожалѣніемъ и опредѣливъ такимъ образомъ отношеніе наше къ братству, мы теперь можемъ уже твердо приступить къ узнанію: чего оно хочетъ, въ чемъ состоитъ открытая имъ болѣзнь русскаго общества, чѣмъ оно намѣрено лѣчить ее.

Болѣзнь эта: недостаточное обращеніе современнаго русскаго общества, и вообще народа, къ византійству. Лѣченіе — это учное и практическое противодѣйствіе такому ужасному факту.

Намъ кажется, публика должна безиѣрно обрадоваться твердому и опредѣленному поставленію вопроса о византійствѣ. Она уже довольно давно находится въ совершенномъ недоумѣніи по этой части. Она въ крайнемъ затрудненіи между разнообразными мнѣніями, доносящимися до нея изъ двухъ противоположныхъ лагерей. «Не слушайся, не звай Византію, говорятъ ей одни, отвернись отъ нея, заткни уши, запри глаза. Византія — это китайскій застой и мертвая гниль. Бездушный холодъ въ сердцахъ и цвѣтистая риторика на губахъ — вотъ все, что наполняетъ моральный образъ Византіи. Чего же надѣяться отсюда, какихъ живыхъ дѣлъ, какихъ созданій ждать отъ породы людей, родившейся и выросшей въ такой средѣ? На всемъ легда у нихъ печать душевнаго рабства, скованной преданіями и со всѣхъ концовъ кастрированной мысли, вездѣ ярко выразилась неспособность къ свободному порыву и созданію. Прочь же отъ этой людской породы и всего ею дѣланнаго — это враги наши». — «Преклонись предъ Византіею, говорятъ другіе, прильпнись къ ней, боготвори ее. Въ ней лежатъ основы всего національнаго, всего значительнаго для насъ. Въ ней вся красота и глубокость, въ ней корень нашего прошедшаго, въ ней зерно нашего будущаго. Ею жила старая Россія, ею жить и той, которая впереди». Кого слушать, кому вѣрить? Публика, какъ всегда, конечно, всего менѣе это знала и въ тоскливой нерѣшимости приваливала постоянно то къ тому, то къ другому берегу. Что же ей было и дѣлать, когда она поставлена между двухъ огней, когда ей грозилъ самымъ непріятнымъ обвиненіемъ и съ той и съ другой стороны. Послушайся она однихъ, тотчасъ попрекнуть отступничествомъ отъ народности, неспособностью разумѣть, что намъ родственно и близко,

гдѣ лежитъ самое драгоценное, прекрасное и характерное нашей національности. Послушайся другихъ, уличать въ незаконномъ сожительство съ самыми печальными идеями. Какъ быть! Вотъ общество наше и виляло то туда, то сюда, смотря по тому, кто являлся тащить его въ ту или другую сторону. Нынче жалкій этотъ разладъ долженъ кончиться, московскій ученый кружокъ нашелъ истинное средство помочь дѣлу, и «чего нельзя достигнуть въ настоящее время усиленіемъ одной личности, къ тому будетъ стремиться цѣлое братство совокупными силами». Цѣль признана, дорога намѣчена, можно ли сомнѣваться, что пропаганда братства удастся? Могутъ ли новые наши византийскіе Франкъ-масоны не успѣть въ своемъ благотворительномъ стремленіи, когда на ихъ сторонѣ «современный элементъ жизни, столь же существенный, какъ и многіе другіе нравственные элементы, опредѣляющіе ея національную физиономію?»

Мы первые ихъ привѣтствуемъ, но только о томъ сожалѣемъ, что они открываютъ свою дѣятельность такъ скромно, починаютъ съ одного только угла, когда напротивъ они могли и должны бы разомъ начать со всѣхъ угловъ, когда они могли бы вступить теперь же подъ всѣ паруса. Братство рѣшилось, кажется, пока теперь ограничиться одною узкою сферою, именно сферою живописи, но ясно, что тутъ не вся его программа. Это только такъ, на первый разъ, остальные части программы будутъ, конечно, осуществляться позже, при болѣе удобныхъ обстоятельствахъ. На эту мысль наводятъ насъ слѣдующія слова статьи профессора Буслаева о живописи, которую братство беретъ себѣ цѣлью: «она, какъ дѣятельный элементъ, состоитъ въ противодѣйствіи съ новымъ свѣтскимъ художествомъ и ему противопоставляетъ себя точно такъ же, какъ церковная литература противопоставляется свѣтской, и въ народномъ обученіи азбука церковная — гражданской». Когда сознано подобное противоположеніе и необходимость противодѣйствія одного дѣятельнаго элемента другому, очевидно, недѣятельному и незаконному, кто же рано или поздно не перейдетъ отъ теоріи къ практикѣ, отъ свѣтлыхъ идей къ свѣтлomu приложенію ихъ? Кто въ состояніи уберечься отъ обаятельной задачи сѣять и прививать тѣ мысли, которыхъ глубокая истина почувствована во всей силѣ, кто можетъ отказаться отъ приложенія собственныхъ рукъ къ доставленію имъ торжества? Конечно всего менѣе братство, имѣющее цѣлью не разсужденія, а практику, не празднаго соображенія, а проведеніе въ самую жизнь убѣжденій созрѣвшихъ. На пути истиннаго византизма много вещей держится одна за другую, какъ тѣсно связанныя кольца, и потому нѣтъ сомнѣнія, что когда, по словамъ профессора Буслаева, «наука и образованность подадутъ свою руку византийскому живописцу, то скоро оправдаются ожиданія и надежды».

и тѣмъ вѣрнѣе опредѣлится путь для будущихъ успѣховъ». О да, ожиданія оправдаются, путь успѣховъ опредѣлится, они придутъ, но уже не для одной живописи, этой незначительной частицы, а для всего огромнаго славнаго цѣлаго, пылающаго священными огнями въ провидящей фантазіи братства, и тогда скоро, скоро, вмѣсто скромнаго братства, только живописнаго, братство вдругъ явится тѣмъ, что оно дѣйствительно по натурѣ и въ корню своемъ есть: свѣтлымъ, благороднымъ, великимъ братствомъ обще-византійскимъ.

Ничто такъ не способствуетъ разъясненію и успѣху дѣла, какъ строгая опредѣленность руководящей мысли. Теперь всѣ мы не можемъ болѣе блуждать въ неизвѣстности и мракѣ на счетъ вопроса о національности и всѣхъ самыхъ существенныхъ основъ нашей жизни. Новая литература должна подвергаться противодѣйствию византійской, гражданская азбука—противодѣйствию церковной, новая живопись—противодѣйствию византійской. Когда все это совершится, наша національность уляжется прочно, сложится незыблемо, и московское братство опочіетъ на лаврахъ.

Наше общество выведено теперь изъ прежняго недоумѣнія: ему не придется уже болѣе тревожно бросаться изъ стороны въ сторону, разговоры теперь замѣнятся дѣятельностью, разладъ споровъ—крѣпкимъ единствомъ осуществляемой цѣли. Мало по малу мы будемъ избавлены ото всего вреднаго и пагубнаго, что обезображиваетъ нашу общественную жизнь, и то, что назначено будетъ впредь для нашихъ глазъ, для нашего наслажденія, для восторговъ нашей фантазіи, получить, наконецъ, ту красоту, глубину и истину, которую способна дать одна Византія, истинная наша мать и кормилица.

Но что важнѣе всего узнать намъ теперь, эго — что московскіе ученые мало по малу обращаются, наконецъ, къ настоящей своей роли и выполненію всѣхъ истинныхъ задачъ своей природы. Слишкомъ долго настоящая сущность этой природы была скрыта для всѣхъ за множествомъ разныхъ ширмъ и эквивоковъ, и лишь послѣдніе годы помогли истинѣ разъясниться во всемъ ея блескѣ. Кто, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, зналъ, въ чемъ истинная задача жизни всѣхъ этихъ профессоровъ, по видимому занятыхъ столь разнообразными предметами, но въ сущности, какъ мы теперь узнаемъ, рожденныхъ для укрѣпленія и торжества однихъ и тѣхъ же убѣжденій, для насажденія по всему лицу земли русской однихъ и тѣхъ же благодѣтельныхъ правилъ жизни? Кто могъ бы, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ожидать, что вся внутренняя борьба и какъ будто къ чему-то недостижимому равнявшаяся сила и энергія прежняго московскаго университета найдетъ себѣ такое скорое и простое успокоеніе! Вездѣ наступило изумитель-

ное единство, сложное и трудное разрѣшилось въ самые простые, но твердые законы дѣйствія, опасаться за будущее больше не надо, правильность, законность и соотвѣтствіе истиннымъ народнымъ интересамъ минуты, заявлены и закрѣплены несокрушимо. Профессоръ Буслаевъ не могъ, конечно, отстать отъ общаго движенія, и неутомимо старался достигнуть высоты и единичной твердости общаго идеала. Нынче и то и другое достигнуто. Нечего ему болѣе грустно и перѣшительно шататься между славянофильствомъ и западничествомъ, и поражая cadaго чудовищнымъ соединеніемъ въ своихъ сочиненіяхъ возгласовъ о Микель-Анжело и Леонардо-Винчи, съ набожнымъ изученіемъ бороды, расаховатой и клиномъ; глубокомысленныхъ замѣтокъ о колоссальности образовъ Тора и Бальдура, съ умиленіемъ предъ нѣжнымъ женственнымъ типомъ Юліаніи, не желавшей ходить въ баню и предпочитавшей класть себѣ острые черепки; восхищеній передъ красотами античности, съ глубокимъ постиженіемъ граціи суздальской школы. Всему этому пришелъ теперь конецъ; какъ у остальныхъ московскихъ ученыхъ, натура и у него взяла свое, всѣ призраки, фантазмагоріи, все накидное и притворное уступаетъ, наконецъ, мѣсто коренному убѣжденію, долженствующему лежать въ основѣ всего истинно-русскаго: нужно противоположеніе новому, выѣшнему, беззаконному, прошлому; опуститесь во глубины Византіи и вынесете оттуда настоящіе перлы для свѣтлаго вѣнца нашей народности, наука и образованность подадутъ намъ на это твердую руку помощи.

Быть можетъ, иные не повѣрятъ обращенію профессора Буслаева на путь истины, быть можетъ, найдутся люди, которые усомнятся въ полномъ его единствѣ съ патриотическимъ и національнымъ настроеніемъ всего московскаго ученаго сословія, быть можетъ, намъ укажутъ на то, что и въ статьѣ о братствѣ профессоръ Буслаевъ опять говорить о Рафаэлѣ, античномъ искусствѣ и многихъ другихъ напрасныхъ вещахъ. Но кто же не увидитъ сразу, что все это ничего, что это только остатокъ старыхъ его привычекъ и замашекъ? Кто не успокоится, увидавъ, что тутъ нѣтъ никакого дѣйствительно вреднаго убѣжденія, и сообразивъ, что возможность «примирить византійскую живопись съ Рафаэлемъ и Альбертомъ Дюреромъ и со всѣми успѣхами новѣйшей живописи» такой же невѣроятный мифъ для самаго автора, какъ и для cadaго читателя. Здѣсь только нѣкоторая любезная игривость словъ, нѣкоторая шаловливость съ именами и талантами, и что это именно такъ, а не иначе, обнаруживается въ словахъ, что «братство должно стоять за разнообразіе школы, опредѣляемое разными отгѣнками въ преобладаніи того или другаго направленія, начиная отъ самаго строгаго сухаго стиля византійскаго

до виднаго преобладанія натуры и впроч». Какіе же тутъ на самомъ дѣлѣ Рафаэли, какіе Дюреры, когда братство должно стоять за византійскій стиль, даже самый сухой? Ясно, что все остальное — только слова, только золотая шлюля для тѣхъ, кто не сразу способенъ прилѣпиться къ красотѣ и величію Византіи. Тамъ, гдѣ удаются зашептыванье и заговариванье, ладонки и зелія, на что тамъ медицина, естествознаніе? Тамъ, гдѣ надо стоять за оттѣнки византійскаго стиля, да еще за всѣ, какая же рѣчь можетъ идти о Рафаэлѣ и какихъ-то услѣхахъ какого-то новаго искусства? Незаконное, чрезмѣрное возвышеніе этихъ послѣднихъ во вредъ истинѣ уже слишкомъ очевидно, парализовано, и наукѣ и образованности нѣтъ уже никакой надобности предпринимать походъ *противодѣйствій*: они уже сами собою уничтожены въ самомъ корню.

И такъ, дружно въ путь, братья—масоны, и Богъ въ помощь вамъ въ великомъ, начатомъ вами дѣлѣ очищенія и укрѣпленія истинныхъ основъ русской народности! Да увидимъ мы, въ близкомъ будущемъ, на нашемъ еще вѣку, свѣтлые результаты вашего благодѣтельнаго, святаго начинанья! Да утвердятся на нашей родной сторонѣ и на всегдашнихъ нашихъ навѣки нерушимыхъ основахъ идеи и представленія, на которыхъ съ такою горячностью указываетъ намъ теперь братъ—глашатай, профессоръ Буслевъ: «идеи и представленія, какія во времена царя Алексѣя Михайловича господствовали въ царской школѣ или ранѣе въ школѣ новгородской». Братство сознало уже, что «академическое художество, воспитывая себя на образцахъ повдѣйшей западной живописи, не могло питать никакого сочувствія къ кореннымъ преданіямъ русской жизни», и потому твердо вѣрить, что скоро, скоро, при его надежной помощи, и художникъ со всѣми развитыми средствами не погнушается быть византійскимъ живописцемъ. Мы въ этомъ тоже убѣждены, мы этого тоже ждемъ, надѣемся. Но такъ какъ, не смотря на самую огневую ревность братства, на это все-таки понадобится время, и пожалуй много его уйдетъ прежде осуществленія великой задачи, пусть покуда «дѣятельный элементъ» братства исполнитъ настоящее свое назначеніе: пусть онъ противопоставитъ себя самымъ энергическимъ образомъ новому художеству съ тою силою и рѣшительностью, которую дастъ соединеніе свѣтлой мысли съ глубокою спеціальною ученостью и пылкимъ талантомъ, и пусть онъ такимъ образомъ приготовитъ окончательное торжество и остальныхъ истинныхъ элементовъ нашихъ надъ всѣмъ постороннимъ и вреднымъ.

Въ одномъ только придется намъ осудить братство и пожуричь его. Впрочемъ это только въ видахъ собственной его пользы. Намъ хотѣлось бы сказать ему: велико твое начинаніе, вѣрнѣе успѣхъ, сладка

будущая награда твоя отъ грядущихъ поколѣній; но вѣдьмы же ты, о братство, на первыхъ же порахъ выступило предъ нашимъ обществомъ со злою шуткой, съ язвительною ироніей? Приличны ли шутки серьезному, основательному кружку, совокупившему въ себѣ ученыхъ университета и музея, да еще по дорогѣ прихватившему кое-кого изъ оружейной палаты? Но надо рассказать, въ чемъ дѣло.

Недавно началось въ Москвѣ изданіе фотографическихъ снимковъ съ разныхъ византійскихъ миниатюръ, находящихся въ Москвѣ. Можете вообразить, пріятна ли была эта новинка для братства. Не знаемъ, чѣмъ оно поспособствовало изданію: словомъ, дѣломъ или помышленіемъ, можетъ быть, всѣмъ вмѣстѣ, но нѣтъ сомнѣнія, что оно должно быть до крайности близко его сердцу, оно что-то въ родѣ дорогаго дѣтища, оно какъ будто начатое осуществленіе одного изъ параграфовъ его устава. Но мы заключаемъ объ этомъ не по тѣмъ нѣжнымъ прозвищамъ, которыми герольдъ братства, профессоръ Буслаевъ, умащаетъ описаніе каждаго выданнаго тутъ листика. Нѣтъ, «грація и красота, античная драпировка и важность, естественность и простота» и сто другихъ эпитетовъ не поражаютъ насъ. По этому еще у профессора Буслаева ничего не узнаешь. Онъ всѣми этими цвѣтами осыпаетъ всякую старую картинку, которая попадетъ ему въ руки, и надо что нибудь самое завѣтное изъ ортопедическихъ коллекцій клиники, чтобъ удержать на его перѣ готовый капнуть медь восхипшенія. Мы всему этому уже не вѣримъ, мы знаемъ, что это только вообще писательскій пріемъ, маленькое антраше, и больше ничего. Нѣтъ, у насъ на этотъ разъ свидѣтельства болѣе положительныя восторговъ и герольда, и братства. «Это великолѣпное изданіе, оиатъ поспѣшилъ написать профессоръ Буслаевъ, со снимками, наклеенными на самой лучшей картонной бумагѣ, свидѣтельствуетъ о пробудившейся наконецъ у насъ потребности съ должнымъ уваженіемъ относиться къ источникамъ нашей національности», а изданная въ первомъ выпускѣ рукопись «одинъ изъ лучшихъ образцовъ византійской живописи XII вѣка, гдѣ суровость византійскаго стиля еще не успѣла заглушить чувство изящнаго и природы, и гдѣ византійское величіе гармонически соединяется съ нѣжностью и граціей ранняго, болѣе свободнаго стиля». Кажется, нельзя опредѣлительнѣе и полнѣе высказать великія достоинства великаго произведенія.

Но что вы скажете, читатель, когда узнаете, что все это лишь шутка, пріятная и рѣзвая шутка, острота ума, коварство бойкаго и краснорѣчиваго пера? Подозрѣвали ли вы, что здѣсь, подъ обычными красотоми слога, кроется желаніе немножко потѣшиться, тонкая улыбка ученаго, для отдыха отъ тяжелыхъ работъ своихъ подсмѣи-

мощагося надъ публикой. Не надо много хитрости и знанія, чтобъ разумѣть, что никакого тутъ нѣтъ, въ этой рукописи, ни XII вѣка, и никакихъ «источниковъ нашей національности», потому что рисунки эти неоспоримо принадлежатъ концу XV или еще скорѣе XVI вѣку: форма головъ, черты лица, линіи складокъ, подробности крыльевъ, рукъ, ногъ и т. д., наконецъ, и всего болѣе, формы и подробности заглавныхъ буквъ—слишкомъ ясно и съ перваго же взгляда убѣждаютъ, что эта рукопись дѣлана въ очень позднее время, когда ужо совершенно исчезло все византійское, когда производились уже только однѣ болѣе или менѣе порченныя и уродованныя копіи съ самостоятельныхъ (какъ бы то ни было) сочиненій прежняго времени, и когда и послѣдніе эти остатки насквозь пропитаны были проникавшими всюду элементами новой Европы. Всего этого не могутъ не знать тѣ, изъ рукъ кого мы должны получить истинные источники нашей національности, они сами себя объявили коренными знатоками дѣла, они куютъ намъ помощь, при ихъ благодѣтельномъ содѣйствіи наука должна спать всеобщее незнаніе. Они всего этого не могутъ не звать. Еще бы имъ дать такого маху—спутать XII-й вѣкъ съ XVI-мъ! Нѣтъ, это невозможно. И такъ, все это шутка, острога, любезность, быть можетъ, зондированіе, для курьезу, истинной глубины общаго невѣжества.

И этому нельзя не сочувствовать: ученые всегда такъ завалены тяжелой работой, у нихъ вѣчно въ головѣ идетъ такая возня, шумъ, ломъ:—какъ имъ иной разъ не развлечься на чемънибудь, отдохнуть, развеселиться, хотя бы и на нашъ счетъ! Намъ ли на это сердиться, намъ ли жаловаться? Но вотъ бѣда: что, если наше общество все такъ и приметъ за чистыя деньги, что провозгласилъ герольдъ братства? Вѣдь наша публика такъ еще молода и простодушна, что не угадываетъ шутки, не чувствуетъ ироніи: это сказалъ самъ Лермонтовъ. Что если она въ самомъ дѣлѣ на этотъ разъ не пойметъ ни шутки, ни ироніи профессора Буслаева, и въ выдохшихся, искаженныхъ копіяхъ станетъ искать настоящихъ источниковъ нашей національности? Что, если наши ремесленники, наши золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, еще меньше понимающіе ученые шутки и ироніи, тоже примутъ за серьезнѣйшую правду совѣтъ профессора и примутся въ самомъ дѣлѣ работать съ заглавныхъ буквъ этой рукописи, потиры, чаши, кубки и проч., воображая дѣйствительно, что тутъ все только самая коренная Византія XII и XIII вѣка, все только настоящіе источники настоящей нашей національности, когда въ сущности тутъ орнаменты съ полнѣйшимъ преобладаніемъ западно-европейскихъ формъ XVI вѣка, въ томъ стилѣ, который извѣстенъ подъ именемъ *renaissance*!

Нѣтъ, братія, полно-те шутить. Этакія шутки до добра не доводятъ.

Но все это, быть можетъ, одни напрасныя опасенія съ нашей стороны, и братство такъ крѣпко стоитъ на своихъ основахъ, что никакія неловкія шутки, никакія напрасныя забавы не потрясутъ его корней. Дай Богъ, дай Богъ! Мы только того и желаемъ, и въ ожиданіи будущаго успѣховъ, предлагаемъ тостъ за его широкое и быстрое процвѣтаніе: да здравствуютъ византійскіе франкъ-массоны, наши московскіе благодѣтели!

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

МЕТОДЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ.

I.

Методы разработки положительнаго права и общественное значеніе юристовъ, отъ глоссаторовъ до конца XVIII столѣтія, изслѣдованіе А. Стоянова. Харьковъ. 1863.

Вопросъ о методѣ есть вопросъ о наукѣ. Методъ есть тотъ логическій путь, коимъ извѣстная отрасль знанія доходитъ до открытія простыхъ и постоянныхъ законовъ, по которымъ происходятъ явленія, и слѣдовательно, до возможности предсказывать будущія явленія. Только открывъ рядъ такихъ законовъ, относительно даннаго ряда явленій, мы можемъ сказать, что узнали эти явленія и возвели наши свѣдѣнія о нихъ на степень науки: пока этого не сдѣлано, до тѣхъ поръ у насъ нѣтъ науки, а есть только наборъ фактовъ или частныхъ случаевъ. Отсюда существеннымъ признакомъ науки является обладаніе общими и постоянными законами явленій, а методъ означаетъ лишь то отношеніе, въ которое становится умъ къ предмету изученія, или путь, которымъ онъ трудится.

Если ученая разработка приводитъ дѣйствительно къ открытію постоянныхъ законовъ, по которымъ происходятъ явленія, то это

означаетъ, что методъ, при этомъ употребляемый, хорошъ, если нѣтъ, то значитъ, онъ дуренъ. Поэтому, тамъ, гдѣ знаніе достигло означенной степени точности и законченности, тамъ оно и выработало соотвѣствующій методъ. Такимъ образомъ методъ является необходимымъ элементомъ науки и вмѣстѣ съ тѣмъ признакомъ для повѣрки степени ея совершенства. Отъ несовершенства науки мы заключаемъ къ негодности метода, и обратно, отъ слабости метода къ бѣдности знанія. Если мы видимъ, напримѣръ, что все ученое дѣло ограничивается собираніемъ фактовъ и классификаціей подъ извѣстныя рубрики, основанныя на внѣшнемъ сходствѣ предметовъ: напримѣръ, на ихъ цвѣтѣ или запахѣ, то мы заключаемъ, что знаніе, которое получится въ суммѣ такого труда, будетъ еще очень бѣдно, потому что самое отношеніе, въ которомъ находится исследователь къ явленіямъ, не заслуживаетъ названія научнаго метода; если знаніе опирается въ своихъ трудахъ на мистицизмъ, или метафизику, то это знаніе опять не заслуживаетъ названія науки, ибо оба послѣдніе методы суть методы неудовлетворительныя.

Въ этихъ немногихъ словахъ заключаются основныя данныя для оцѣнки настоящаго положенія юридическаго знанія. Если, какъ думаютъ нѣкоторые, юридическая наука въ теченіе своей разработки не выяснила ни однаго постояннаго закона, по которому можно было бы предсказывать явленія юридическаго порядка, то значитъ, что методы, которымъ она слѣдовала, были шатки, а слѣдовательно, она и не заслуживаетъ названія науки; и обратно, если, какъ утверждаетъ большинство юристовъ, наука эта достигла значительной степени совершенства, то значитъ, она должна была открыть общіе законы, по которымъ совершаются явленія юридическаго порядка, и показать намъ методъ, которымъ она дошла до познанія этихъ законовъ.

Что касается самыхъ законовъ, по которымъ строятся юридическія отношенія, то эти законы намъ отчасти извѣстны, они оказываются довольно просты, и есть основаніе думать, что полное уясненіе ихъ для человѣческаго ума воспослѣдуетъ гораздо скорѣе, чѣмъ рѣшеніе коренныхъ вопросовъ естествознанія, которое по видимому дѣйствовало гораздо блистательнѣе и успѣшнѣе наукъ нравственныхъ. Вопросъ только въ томъ, кому принадлежать открытія, которыми мы уже владѣемъ по нравственнымъ вопросамъ, принадлежатъ ли они именно юристамъ или спеціалистамъ совершенно невѣдомой для послѣднихъ отрасли знанія. Люди, знакомые ближе съ дѣломъ, знаютъ, что самыя драгоцѣнныя истины, которыми мы владѣемъ въ этомъ родѣ, принадлежатъ экономической наукѣ; она, раскрывая условія труда, производства и распредѣленія продукта, указала намъ настоящее содержаніе, котораго слѣдуетъ искать въ юридическихъ формахъ.

объяснила настоящій смыслъ и причины такихъ явленій, какъ словныя дѣленія, собственность, рабство, наемъ, налогъ и т. д., словомъ, всего ряда юридическихъ формъ, изъ нея узнали мы настоящую природу этихъ явленій и причину ихъ общности и повторяемости у различныхъ народовъ, узнали болѣе, узнали слабыя стороны этихъ явленій, и слѣдовательно, тѣ условія, которымъ должно отвѣчать разумное юридическое устройство.

Но до какой степени все это было приобрѣтено помимо юриспруденціи, весьма просто показываетъ то, что юристы до сихъ поръ остаются большей частью въ полномъ невѣдѣніи заслугъ, оказанныхъ экономической наукой для разъясненія явленій чисто юридическаго порядка. И рѣшительно отказываются отъ изслѣдованія вопросовъ права съ экономической стороны.

Они толковали, ради усовершенствованія юридическаго метода, о связи юриспруденціи со всѣми науками, съ исторіею, философіей, физиологіей, медициной, математикой, даже астрономіей, забывая одну экономію. Встрѣтить юриста, знакомаго съ экономическими понятіями, столь же трудно, какъ когда-то было трудно встрѣтить историка, знакомаго съ общественнымъ и законодательнымъ устройствомъ народовъ, и отыскать юридическій трактатъ, хотя бы о гражданскомъ правѣ, наиболѣе связанномъ съ экономическими условіями, въ которомъ бы эта связь была сколько нибудь принята въ соображеніе и разработана, даже просто невозможно. Только въ послѣднее время являются между юристами одинокія указанія на такой недостатокъ. «Въ нашихъ учебникахъ, напримѣръ, пишетъ Фольграфъ, обыкновенно утверждаютъ, что обязательства возникаютъ изъ договоровъ, но нигдѣ не видно, откуда возникаютъ самые договоры? Каждый начинающій юристъ долженъ былъ бы взяться сперва за изученіе народной экономіи, а потомъ уже за право частное. Можно прекрасно усвоить теорію экономическихъ отношеній, не будучи юристомъ, но не на оборотъ». Но такія слова могутъ указываться какъ рѣдкость въ юриспруденціи. Если, такимъ образомъ, юристы остаются въ полномъ невѣдѣніи тѣхъ существенныхъ открытій, которыя сдѣланы собственно для юридическихъ вопросовъ посторонней наукой, то отсюда мы можемъ судить, какъ далека была сама юриспруденція отъ этихъ открытій, и какими несовершенными методами она могла владѣть для своихъ изслѣдованій.

Конечно, едва ли кто болѣе юристовъ толковалъ о важности метода въ наукѣ, едва ли гдѣ болѣе было предложеній, споровъ и ученой возни изъ-за этого предмета. Замѣчательно, что тѣ знанія, которыя достигли какихъ нибудь прочныхъ результатовъ, весьма мало

толковали о методѣ, послѣдній выработался у нихъ самъ собой, и чѣмъ тверже шла впередъ наука, тѣмъ онъ оставался неизмѣннѣе въ своихъ существенныхъ чертахъ. Преимущественно толковали о методѣ философія и юриспруденція, двѣ отрасли знанія, находившіяся въ одинаково тѣсной связи съ трудами средневѣковой теологіи. Еще Лейбницъ очень наивно проводилъ параллель между послѣдней и юриспруденціей, и если мы обратимъ вниманіе, что здѣсь встрѣчаются до послѣдняго времени такія явленія, какъ Шталь, де-Мэртъ, Крузе и Аренсъ, и ничего подобнаго не встрѣчается ни въ математикѣ, ни въ естествознаніи, то мы должны будемъ придти къ тому заключенію, что въ юриспруденціи происходитъ дѣйствительно нѣчто особенное относительно мегода.

Г. Стояновъ вслѣдъ за другими также говоритъ о важности метода для науки и на первыхъ страницахъ исчерпываетъ въ общихъ чертахъ всѣ способы разработки права, испробованные европейской юриспруденціей, а потому приведемъ его собственные слова. «Способъ разработки научнаго матеріала является естественнымъ послѣдствіемъ основнаго воззрѣнія на сущность его. Идея метода есть вѣрное зеркало, гдѣ обозначается общая идея предмета знанія. Какъ всякій свободный дѣятель въ наукѣ, юристъ воленъ имѣть различныя идеи объ объективной природѣ права». Ну, это немного слишкомъ; въ томъ-то и весь вопросъ, что онъ воленъ стать только на ту точку зрѣнія къ этой природѣ, которой требуетъ сущность дѣла.

Послѣднее (т. е. мнѣніе объ объективной природѣ права или прощю о сущности права), можетъ вполне совпадать въ глазахъ юриста съ формою писаннаго закона, даннаго ближайшимъ законодателемъ, или дошедшаго по преданію. Законъ и писанный разумъ сдѣлаются для него синонимами. Съ другой стороны, законъ можетъ представляться одною высшею формою, въ которой выражается частнымъ образомъ объективное содержаніе. Ясно, что въ обоихъ случаяхъ не можетъ быть рѣчи о единствѣ и тождествѣ въ приѣмахъ обработки матеріала научнаго: для одного юриста съ данной формой слито все содержаніе; для другаго надъ данною формою господствуетъ высшее независимое содержаніе. Первый сосредоточитъ свою дѣятельность надъ закономъ. Понять его, раскрыть внутренній смыслъ толкованіемъ, вотъ что будетъ казаться главнымъ дѣломъ науки.

Если законы собраны въ одно цѣлое, путемъ кодификаціи, юристъ будетъ экзегетомъ по преимуществу. Если этого нѣтъ, ежели законы разрознены, юристъ сдѣлается прежде всего собирателемъ и догматикомъ. Не таковы будутъ приѣмы юриста во второмъ указанномъ случаѣ.

Его станетъ занимать вопросъ о томъ, какъ именно высшее начало дѣлается частнымъ, положительнымъ? Экзегетика и догматика въ данномъ матеріалѣ останутся у него пока въ сторонѣ, на первомъ планѣ будетъ выводъ права изъ началъ всеобщаго. Въ работѣ его обнаружатся приемы философскіе.

Но здѣсь опять возникаютъ частности. Выборъ одного можетъ клониться къ разуму, какъ единственному источнику всѣхъ коренныхъ идей въ природѣ человѣческой. Выводъ другаго придетъ къ началу органическаго образованія, подъ творческимъ вліяніемъ духа народнаго. Въ первомъ случаѣ будетъ преобладать элементъ діалектическаго развитія, во второмъ возстанетъ съ особенною силою воззрѣніе историческое. Въ обоихъ случаяхъ, вмѣстѣ съ различными воззрѣніями на сущность предмета, вносятся такіа начала въ науку, которыя прежде всего измѣняютъ способъ обработки, и за тѣмъ всяма часто внутреннее ея содержаніе. Такимъ образомъ, юристу необходимо искать опредѣленнаго и правильнаго отношенія къ предмету своего знанія.

Въ этихъ словахъ г. Стояновъ перечислилъ собственно говоря всѣ различныя способы разработки права, испробованныя юриспруденціей отъ среднихъ вѣковъ и до настоящаго времени, иначе, назвалъ всѣ школы и направленія, чрезъ которыя прошла юриспруденція. Этихъ методовъ было очевидно два сорта, одинъ методъ чисто виѣшней разработки матеріала, эмпирический, состоящій въ толкованіи и систематизѣ положительнаго закона. Этимъ направленіемъ, начатымъ глоссаторами, и ограничивается до сихъ поръ все опредѣленное содержаніе юриспруденціи. За тѣмъ слѣдуютъ методы, испробованные для объясненія сущности явленій юридическихъ или методы философскіе. Это во первыхъ, методъ метафизическій, начатый умозрительной философіей, противъ котораго подняла войну школа, извѣстная въ юриспруденціи подъ именемъ исторической, и представителемъ которой явился Савиньи. Во вторыхъ, стало быть, методъ историческій, или школа историческая, и наконецъ вышедшій отсюда въ послѣднее время, методъ органический или школа органическая, къ которой принадлежатъ Блунчли, Планте, Вангентеймъ и др. и которая замыкаетъ собою рядъ системъ, испробованныхъ юристами для объясненія сущности юридическихъ явленій.

Понятно, что изъ двухъ разрядовъ одни только такъ называемые философскіе методы, какъ служившіе для объясненія сущности явленій, и могутъ быть приняты за основаніе для оцѣнки научнаго достоинства юриспруденціи, ибо первый методъ, какъ чисто эмпирический, не ведетъ и не обѣщаетъ вести нашего знанія далѣе фак-

товъ или частныхъ случаевъ. Если при помощи его мы узнали, какое постановленіе или какой положительный законъ существуетъ въ такомъ-то законодательствѣ по данному предмету, и поняли положительный смыслъ этого закона, то мы не вправѣ уже ничего требовать болѣе отъ этого метода, мы не вправѣ спрашивать, на какихъ высшихъ и постоянныхъ условіяхъ, управляющихъ общественными явленіями, основанъ этотъ положительный законъ, хорошъ онъ или дуренъ, и дѣйствительно ли основанъ онъ на чемъ нибудь, кромѣ простаго случая или произвола законодателя; словомъ, мы не выходимъ изъ предѣловъ факта, преклоняемся передъ фактомъ или частнымъ случаемъ.

Объяснить постоянные законы, по которымъ происходятъ явленія, и слѣдовательно дать ключъ къ оцѣнкѣ положительнаго закона, юриспруденція могла надѣяться только посредствомъ философскихъ методовъ. Но мы уже не разъ говорили о томъ, что, въ сущности, и такъ называемые философскіе методы не могли повести юриспруденцію далѣе такого же чисто пассивнаго отношенія къ фактамъ, какъ и методъ эмпирической, что, думая допытываться путемъ ихъ до сущности дѣла, наука права рассказывала только иными словами тѣ же факты, и только обольщалась воображеніемъ, что дѣлаетъ нѣчто болѣе.

Вглядываясь въ сущность каждаго изъ философскихъ методовъ, не трудно убѣдиться, что оно и не могло быть иначе. Въ отдаленности каждый изъ нихъ былъ настроенъ на особой интонаціи, и легко доказать, что всѣ онѣ были одинаково шатки.

Методъ метафизическій основанъ на томъ предположеніи, что единственнымъ источникомъ познанія сущности всего на свѣтѣ, а слѣдовательно и юридическихъ явленій, служитъ чистый разумъ, и потому возможно, изучая природу чистаго разума, открывать въ ней тѣ законы, по которымъ строятся юридическія явленія. Опытъ показалъ, что въ природѣ чистаго разума могутъ быть отысканы только весьма общія, ко всему примѣнимыя и лишенная всякаго положительнаго содержанія, категоріи всеобщаго, особеннаго и такъ далѣе.

Отсюда приверженцы метафизическаго метода должны были полагать, что изъ такихъ отвлеченныхъ категорій можетъ быть выведено все конкретное содержаніе юридическихъ установленій, тѣмъ даже, кто бы никогда не слышалъ, ни о семьѣ, ни о собственности и т. д. Философія Гегеля такъ именно и поступала. Но ясно, что допустить это было то же, что допустить, будто по одной идеѣ платья можно выкроить сюртукъ, не видавъ никогда ни сюртука, ни человѣка. По-

этому легко понять, какими логическимъ обманомъ должна была разрабатываться подобная система философскихъ построений.

Прежде чѣмъ имѣть понятіе о всеобщемъ или особенномъ, философъ очень хорошо зналъ всѣ эмпирическія формы юридическаго порядка, а потому, угадывая себя и другихъ, будто чистый разумъ заключаетъ непосредственно къ этимъ формамъ, онъ поступалъ совершенно обратно, отыскивалъ въ сѣромъ эмпиризмѣ отвлеченныя категоріи, и на этомъ основаніи приписывалъ этимъ формамъ эпитеты разумности. Такимъ образомъ, вся діалогическая работа происходила внутри чисто эмпирическихъ формъ, философія не возвышалась надъ этими формами, а была ими кругомъ связана; вся роль ея, поэтому, состояла въ томъ, чтобы оправдывать эмпиризмъ, иначе, проповѣдывать логику случая.

Далѣе, методъ историческій отправлялся отъ того предположенія, что юридическія установленія суть созданія народнаго духа, и потому законы, ими управляющіе, могутъ быть открыты только черезъ изученіе этого духа, который лучше всего открывается въ исторіи. Но не трудно видѣть, что по такому правилу все, что ни происходитъ въ общественномъ строѣ народа, есть такое же созданіе народнаго духа; этотъ же духъ производитъ формы явно неразумныя, какъ-то: грабежь, вѣденье женъ, рабство и т. д. Гдѣ же тогда критеріумъ въ этомъ методѣ для различенія разумнаго отъ неразумнаго? Его очевидно нѣтъ, и потому и наука путемъ такого метода можетъ придти только къ самому слабому оправданію всякаго факта.

Наконецъ, методъ органическій есть только весьма неудачное недомыслие предыдущаго, и мы говоримъ о немъ особо только потому, чтобы насъ не могли упрекнуть въ томъ, что мы совершенно упустили его изъ виду. Органисты также считаютъ юридическій порядокъ созданіемъ народнаго духа. Методъ основанъ на томъ предположеніи, что общество есть живой организмъ, и потому законы, по которымъ оно строится, должны быть сходны съ тѣми, которыя замѣчаются въ физиологическихъ организмахъ. Народный же духъ опредѣляетъ индивидуальныя стороны организма. Но во первыхъ, что такое законы, по которымъ строится физиологическіе организмы? эти законы намъ такъ же мало извѣстны, какъ и все остальное. Всѣ выводы метода могли ограничиться, стало быть, здѣсь лишь созданіемъ параллели между весьма общими, чисто внѣшними эмпирическими формами, замѣтными въ строѣ физиологическихъ организмовъ съ одной стороны, и общества съ другой. Наконецъ, положимъ, что намъ была бы извѣстна вполнѣ, напримѣръ, система кровообращенія, не станеть же юриспруденція отыскивать такой же системы въ обществѣ. Вы ошибаетесь,

ибо органическая школа поступаетъ именно такъ. Но если бы ей удалось въ этомъ смыслѣ провести остроумное сближеніе, спрашивается, что бы она этимъ доказала? Доказала ли бы она намъ, что юридическая жизнь такъ же, по крайней мѣрѣ, совершенна, а слѣдовательно столь же мало способна къ усовершенствованію, какъ и физиологическая? Само собой разумѣется, что доказать это было бы трудно, но очевидно, что таковъ долженъ былъ бытъ единственный выводъ, къ которому вела система подобнаго рода сближеній. Такого вывода дѣйствительно и добивалась органическая школа, дополняя свои сближенія положеніемъ исторической школы, что всѣ найденныя ею органическіе признаки въ юридическихъ явленіяхъ суть не что иное, какъ продуктъ народнаго духа. Отсюда выходило неминуемо то заключеніе, что общество двигается само собой, безъ всякаго участія человѣческой воли, растетъ, какъ груша, высасывая изъ почвы все, что ему нужно для прозябанія, питаясь своей индивидуальностью. Дорастетъ до извѣстнаго предѣла, и начинаетъ разлагаться, а на мѣстѣ его станетъ расти новое.

Въ результатѣ органическая школа какъ будто только хотѣла соединить въ себѣ недостатки обѣихъ предъидущихъ. На подобіе исторической, она проповѣдывала такой же прямой фатализмъ и подтверждала свои выводы такими же несовершенными средствами, какими пользовалась и метафизика для своихъ построеній. Какъ послѣдняя походила на архитектора, который, желая создать теорію архитектурал, полагалъ бы возможнымъ вывести всѣ подробности разнообразныхъ видовъ построекъ изъ одной идеи заданія, такъ иная органическая думала оправдать разумность данной постройкы черезъ сравненіе ея частей съ составными частями человѣческаго организма, не справляясь вовсе съ тѣми условіями, которымъ должно служить заданіе, т. е. будетъ ли здѣсь фабрика, воксалъ или просто жилые покои. Но что бы сказали объ архитекторѣ, который бы рассуждалъ такъ: я не хочу вовсе знать, чему должна служить моя постройка; для опредѣленія ея сущности мнѣ нужно только отыскать всеобщее, особенное; всеобщимъ будетъ цѣлое заданіе, взятое вмѣстѣ, особеннымъ отдѣльныя его части и т. д., или: мнѣ нужно только, чтобы въ моей постройкѣ отыскиались части, соответствующія частямъ живаго организма, — чердакъ съ крышей будетъ представлять голову, она — глаза, бельэтажъ — желудокъ, а подвалъ — ноги; то же самое конечно должно быть сказано и о юристахъ, которые строили науку изъ такихъ основаній.

Теперь вы можете видѣть, что въ основѣ всѣхъ методовъ лежало одно общее свойство, которое связывало ихъ съ трудами схоластическаго характера, это — признаніе заранѣе данныхъ историческихъ

формъ за неприкосновенныя разумныя явленія, тождественныя съ сущностью нравственныхъ требованій. Наука затѣмъ ставила своей задачей лишь объяснить разумность и нравственность того, что давали случайныя историческіе факты, утвердить фатализмъ фактовъ на какихъ либо убѣдительныхъ для человѣческаго ума основаніяхъ. Роль юристовъ-философовъ, историковъ и органистовъ состояла въ томъ, чтобы зашѣпить охранительное вліяніе на умы, которое имѣла когда-то схоластика и которое пало послѣ XVI вѣка, замѣнить откровеніе писанное признаніемъ самого факта за откровеніе.

Черезъ это у науки отнималось ея главное назначеніе—служить путеводительницей общественныхъ улучшеній, она становилась ненужна или хуже того, должна была составить особый видъ чувственнаго развлеченія, дабы каждый могъ услаждаться, наблюдая все, что происходитъ съ нимъ и съ его подобными, или по крайней мѣрѣ извративъ первое невыгодное впечатлѣніе, которое производятъ данныя явленія, заставить человѣка мириться съ этими явленіями. Философская юриспруденція становилась хоромъ древней трагедіи, поющимъ хвалу всему безъ разбора. Трупъ Полиевкта выбрасываютъ на сѣденіе галкамъ, хоръ словословить; Антигона на зло закону хоронитъ брата, хоръ опять въ удовольствіи; за это самое Антигону зарываютъ живо въ землю, и хоръ снова наслаждается.

Все дѣло юриспруденціи сводилось къ тому, чтобы создать оффиціальную штатсъ-науку, и за то же штатсъ-юристы и философы были почтены милостями отъ Лейбница до Гегеля и Савиньи. Поощренія приносили свои плоды и наконецъ довели дѣло до шутовства, до поразительныхъ безсмыслицъ, какъ лучше всего показала школа органическая. Плотэ, самый умѣренный изъ физиологовъ, если не считать Шеллинга, который собственно первый высказалъ основу физиологическаго воззрѣнія на политическія отношенія, Плотэ останавливался на уравненіи зарожденія нравственныхъ союзовъ съ физическими организмами. Эшенмайеръ и Вангенгеймъ дошли до сравненія различныхъ свойствъ души съ отдѣльными государственными установленіями, разума съ министерствами, воли съ королемъ, двора съ воображеніемъ; но тупоуміе всѣхъ оказался Блунчли. Этотъ профессоръ историко-философскаго правовѣдѣнія въ Мюнхенѣ кончилъ тѣмъ, что уравнивалъ министерство внутреннихъ дѣлъ съ памятью, иностранныхъ дѣлъ съ слухомъ, уголовный судъ съ пупкомъ и т. д. У государства оказались такимъ образомъ всѣ члены и чувства, какія только есть у любого животнаго. Не трудно понять, сколько здѣсь было недобросовѣстнаго, сколь мало могла выиграть наука отъ методовъ, придуманныхъ съ задней цѣлью плодить политическую слѣпоту и ученое суевѣріе. Спросить, можетъ быть, да почему же именно

здѣсь оказалась такая недобросовѣстность, почему здѣсь наука превратилась въ орудіе штатсъ-культа и неужели она находила только недобросовѣстныхъ труженниковъ? Нѣтъ, конечно, были и здѣсь добросовѣстные, допустимъ даже, что ихъ было больше, чѣмъ остальныхъ, но въ томъ-то и дѣло, что и труды первыхъ должны были оставаться столь же безплодными, потому что ошибка состояла не только въ ложномъ примѣненіи методовъ, но въ ихъ безусловной негодности. Очевидно, что то, что мы назвали здѣсь методами, было не что иное, какъ привлеченіе на помощь юриспруденціи постороннихъ наукъ. Чтожъ это были за науки? мы знаемъ, что это была философія въ томъ или другомъ видѣ, то метафизика, то философія исторіи; ну, а есть ли, собственно говоря, философія какъ наука? И такъ, ясно, что на такомъ основаніи не могла стать наукою и юриспруденція.

Вотъ на чемъ мы настаиваемъ уже не въ первый разъ и противъ чего стоятъ, конечно горой, юристы, въ томъ числѣ и г. Стояновъ. Послѣдній идетъ даже далѣе другихъ, отстаивая не только научное значеніе юриспруденціи, но и общественное значеніе юристовъ. Но послѣднее доказалось бы само собою, если бы только юристы доказали, что возраженія, дѣлаемыя противъ методовъ, на которыхъ основывались юриспруденціи, несостоятельны, и что эти методы имѣютъ научное значеніе.

Все это было какъ нельзя удобнѣе сдѣлать г. Стоянову, взаимномуся рассказывать исторію разработки положительнаго права, потому что и здѣсь также независимо отъ юристовъ-философовъ была испробована вся сумма названныхъ нами методовъ, и слѣдовательно и должно было опредѣлиться весьма ясно ихъ удѣльное совершенство. Не смотря на то, серьезные юристы какъ-то все устранились отъ прямого отношенія къ вопросу, при которомъ только и возможно окончательное рѣшеніе спора, и покричавъ противъ отрицателей, на этомъ и останавливаются.

Такъ точно поступаетъ и г. Стояновъ, и потому вмѣсто того, чтобы поддержать довѣріе къ юридическимъ методамъ, даетъ намъ только случай подтвердить нашъ взглядъ еще съ новой стороны.

Если эти методы, говоримъ мы, были основательны и выработали какія либо прочныя начала, то начала эти должны были оказать неминуемое вліяніе на разработку положительнаго права и войти въ трактаты и учебники. Мы знаемъ, что философскіе методы дѣйствительно примѣнялись къ разработкѣ положительнаго права. Посмотримъ же, что скажетъ намъ г. Стояновъ и что можемъ мы узнать независимо отъ того о заслугахъ, оказанныхъ философскими методами трактатамъ о положительномъ правѣ.

Здѣсь дѣло начиналось съ чисто эмпирическаго метода, съ экзегезы.

По всей вѣроятности, пока положительное законодательство находилось въ хаотическомъ состояніи, представляя смѣсь варварскихъ, каноническихъ и римскихъ законовъ, методъ этотъ и долженъ былъ приносить существенную пользу для образованія чисто практическихъ дѣятелей. Начатый глоссаторами, онъ сталъ усовершаться довольно быстро и вскорѣ соединилъ въ себѣ нѣсколько направленій; кромѣ грамматической и филологической критики, толкованіе текста стало пополняться историческою критикою и историческимъ толкованіемъ, а вслѣдъ затѣмъ форма комментарія показала уже недостаточною и высказалось желаніе затѣмъ систематическимъ изложеніемъ положительнаго матеріала, сообразно общей идее, которая бы связывала всѣ отдѣльныя части матеріала въ одно стройное цѣлое. Но тутъ-то и явились затрудненія: для того, чтобы создать стройную систему изъ матеріала, оказалось нужнымъ изслѣдовать сущность тѣхъ основныхъ юридическихъ явленій, около которыхъ группировался матеріалъ.

Чисто-внѣшній приемъ изслѣдованія, о которомъ идетъ рѣчь, оказывался недостаточнымъ для такой задачи, а потому и для построения системы стали тогда обращаться за помощью къ тѣмъ методамъ, которые изслѣдовали право по существу и о которыхъ было говорено выше.

Въ разработку положительнаго права стала мѣшаться діалектика и естественное право, а потомъ и другія болѣе позднія варіаціи созерцательнаго умозрѣнія. Вѣроятно, мало довѣря этой помощи, юриспруденція не вездѣ соблазнялась надеждами на философскія воззрѣнія. Тамъ, гдѣ юриспруденція впервые развила экзегетическій методъ и впервые же высказала потребность системы, какъ во Франціи, тамъ разработка положительнаго права и не ударилась въ метафизику, а сознавая потребность правильнаго расположенія матеріала, ограничилась той системой, которая могла быть получена при помощи чисто формальнаго метода, т. е. расположеніемъ матеріала по эмпирическимъ рубрикамъ.

Примѣнившая въ разработку положительнаго права философскіе методы преимущественно Германія. Начавъ эту разработку неже друмихъ, т. е. не ранѣе XVІІІ вѣка, она впервые въ лицѣ Лейбница заявила необходимость свѣдѣвать въ одно цѣлое комментарій и естественное право.

Исторію такой-то разработки права, сперва чисто эмпирическимъ методомъ, потомъ съ примѣсью другихъ, хотѣлъ разсказать намъ г.

Стояновъ. Но къ несчастью, изъ его книги мы не только не узнаемъ ничего о пользѣ, принесенной философскими методами, но даже ничего не узнаемъ объ усовершенствованіяхъ, которыя сдѣлало законовѣдѣніе, благодаря трудамъ комментаторовъ и систематиковъ. Еслибъ г. Стояновъ показалъ намъ по крайней мѣрѣ характеръ, который имѣла первоначальная экзегеза, и въ томъ же смыслѣ разобралъ вопросъ о систематикѣ, тогда все-таки его дѣло осталось бы не безъ пользы для критическаго уясненія той системы, которою мы пользуемся въ современныхъ книгахъ о положительномъ правѣ.

Вмѣсто того г. Стояновъ перечисляетъ намъ, почти формально, нѣсколько десятковъ геніевъ, которые по видимому приносили сверхъестественную пользу наукъ правовѣдѣнія. Нигдѣ, какъ извѣстно, нѣтъ, не было и не будетъ столько геніевъ, какъ между юристами. Гейнекцій — геній, Пухта — геній, Гуго — геній, но что они совершили геніальнаго, этого никто намъ до сихъ поръ не рассказываетъ, а отъ г. Стоянова опять узнаемъ только, что они геніи. Готовы вѣрить ему на слово, но позволимъ спросить: вѣдь онъ писалъ исторію «методовъ», — иначе онъ не поставилъ бы этого слова въ главѣ книги, — а не исторію геніевъ, а между тѣмъ изъ содержанія книги выходитъ совсѣмъ другое; методъ остается у г. Стоянова на послѣднемъ планѣ, а на первомъ оказывается исторія геніевъ. Если г. Стояновъ, разсуждаемъ мы, перечиталъ всѣ труды этихъ геніевъ, на которые онъ ссылается, что бы, казалось, стоило ему взять и представить намъ, по крайней мѣрѣ изъ самыхъ главныхъ изъ нихъ, столько выдержекъ и объясненій, сколько нужно для того, чтобы дать понять, какъ, въ чемъ и на сколько усовершалась ими система разработки положительнаго права. Авторъ конечно согласится съ нами, что для науки не самое еще важное знать, кто для нея трудится, какое носить прозвище и подъ какимъ заглавіемъ писалъ книги; для насъ важнѣе сумма, результатъ труда.

Ну вотъ этихъ-то результатовъ, которые только и могутъ быть для насъ цѣнны для оцѣнки современной систематики и методологій положительнаго права, мы не находимъ у г. Стоянова вовсе.

Приступая къ изложенію голландской школы, Стояновъ извиняется, что средства провинціальной жизни не дали ему возможности доставить сочиненія: Фопенса, Пако, Давала, Гаубольда и т. д. Но вотъ у него были въ рукахъ труды Муяціа, Донала, что же онъ извѣстилъ насъ ни о чемъ? Мы охотно бы простили г. Стоянову, еслибъ онъ не сказалъ ни слова о голландской школѣ, — и къ чему въ самомъ дѣлѣ провинціальному городу, у котораго нѣтъ бульваровъ, сочиненія Гаубольда?

Вѣдь не можетъ же не видѣть г. Стояновъ, что весь этотъ старшій хламъ можетъ годиться развѣ только для объясненія хламовитости настоящаго хлама, а потому имъ слѣдуетъ пользоваться съ большою умѣренностію. Но если пользоваться уже, то конечно не ради пріятнаго препровожденія времени, ибо, какъ выразился еще Готманъ въ XVI вѣкѣ, «кому охота убивать цвѣтъ молодости на чтеніе подобныхъ книгъ?» Мы совершенно были бы довольны поэтому, если бы г. Стояновъ, взявши вопросъ даже чисто историческій, остановился лишь на самыхъ критическихъ моментахъ въ исторіи разработки положительнаго права, на весьма немногихъ писателяхъ, но за то извлекъ изъ нихъ все, что нужно для того, чтобы познакомить читателя съ успѣхами, которые сдѣлала при ихъ помощи разработка положительнаго права. Между тѣмъ у г. Стоянова главные имена теряются въ массѣ второстепенныхъ, такъ что въ суммѣ, при помощи книги въ триста страницъ, общавшей говорить о методахъ, читатель едва въ состояніи намѣтить въ общихъ чертахъ главные перемѣны, испытанныя въ системѣ разработки положительнаго права, но за тѣмъ не въ состояніи оцѣнить вовсе, какую пользу принесли эти перемѣны и отнести къ нимъ критически. Вся книга представляетъ не болѣе, какъ историческое введеніе, изъ котораго узнается о самомъ методѣ не болѣе того, что нами уже сказано.

Первыя и самыя главные заслуги въ исторіи разработки положительнаго права сосредоточиваются во французской школѣ. Она разработала экзегетическій методъ лучше другихъ, ввела въ него элементъ историческаго толкованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ первая же высказала потребность систематики.

Главный же интересъ и все внутреннее развитіе методы толкователей французской школы сосредоточивается на трехъ писателяхъ Куяціи, Довеллѣ и Готманѣ, какъ представителей трехъ отдѣльныхъ направленій. Между тѣмъ о Куяціѣ мы узнаемъ только то, что онъ былъ строгимъ приверженцемъ стараго, чисто экзегетическаго метода, который и довелъ до совершенства, и кромѣ того, первый ввелъ историческое толкованіе въ экзегетическую разработку права.

Довелль былъ врагомъ Куяціи въ томъ отношеніи, что пытался доказывать недостаточность одного толкованія матеріала, а требовалъ, чтобы наука приняла матеріалъ въ систему, распредѣлила его согласно общій идѣи, требовалъ классификаціи.

Готманъ идетъ далѣе Довелля въ томъ отношеніи, что отвергаетъ всякую пользу римскаго положительнаго права въ томъ видѣ, какъ оно разработано толкователями. «Спокойная критика метода обра-

щается под перомъ Готомана въ ученый пафлетъ, говоритъ г. Стояновъ; недовольство современнымъ состояніемъ науки и юридической практики переходитъ съ одной стороны въ болѣе строгое отрицаніе стараго метода, съ другой въ категорическое требованіе немедленной кодификаціи. Антитрибоньявъ (сочиненіе Готомана) разбираетъ Юстиніановъ сводъ съ двухъ сторонъ, научной и практической. По мнѣнію Готомана, жизнь опередила букву большинства римскихъ законовъ. Не только политическій отдѣлъ этихъ законовъ, но даже гражданскій не подходитъ во многомъ къ современнымъ требованіямъ. При томъ Юстиніановъ сводъ не можетъ быть названъ лучшимъ выраженіемъ римскаго права. Полнымъ живымъ органомъ его были классическіе юристы, сочиненія которыхъ вошли въ сводъ небольшими отрывками съ многочисленными вставками. Эти обломки подвергались дальнѣйшимъ искаженіямъ у канонистовъ и глоссаторовъ. Эпоха возрожденія была безсильна помочь злу; она прибавила только новыя затрудненія. Средніе вѣка страдали слѣпымъ поклоненіемъ преданію, эпоха возрожденія впала въ противоположную крайность и загроздила науку работами критическими. А между тѣмъ, вся эта кропотливая работа кажется Готоману построенною на самомъ зыбкомъ основаніи отъ того, что наибольшая часть содержанія книгъ или совершенно отмѣнена и вышла изъ употребленія, или переполнена противорѣчіями, или испорчена ошибками, или подлежитъ спору и сомнѣніямъ вслѣдствіе тѣхъ исправленій, которыя тамъ обыкновенно производятся. Отсюда Готоманъ выводитъ такое заключеніе, что при подобныхъ условіяхъ не можетъ быть истиннаго изученія юриспруденціи. Последнюю занимаютъ теперь подъ вліяніемъ однихъ денежныхъ расчетовъ. Да и какое счастье убивать цвѣтъ своей жизни на изученіе подобныхъ книгъ!»

Изъ этихъ словъ видно, что если Довелль доказывалъ недостатокъ систематики матеріала у исключительныхъ экзегетовъ, то Готоманъ указывалъ весьма вѣрно настоящую, хотя весьма ограниченную цѣль, которой должна и только можетъ служить разработка права этимъ методомъ, цѣль чисто практическую — облегчить знаніе и примѣненіе положительнаго закона къ частнымъ случаямъ жизни.

Этимъ время, только что указанными требованіями отъ разработки положительнаго права, экзегезы и систематики, и заключеніемъ объ матеріалѣ всего устарѣвшаго и не действительнаго, было определено французскими юристами XVI вѣка весь объемъ задачи, которую могло выполнить юридическое знаніе, ограничиваясь методомъ вѣчной разработки положительнаго закона. Вся роль науки сводится

этими методомъ къ тому, чтобы сдѣлать новъ науки полезное орудіе юридической кауистики.

Немного прибавили къ сказанному, какъ мы сейчасъ увидимъ изъ книги г. Стоянова, труды голландскихъ и германскихъ ученыхъ.

Голландская школа пришла послѣ французской, и тотчасъ же въ ней открылись два направленія, примкнувшія одно къ Куяцію, другое къ Донелло: чистые комментаторы и систематики. Къ систематикамъ г. Стояновъ относитъ Винія Ульриха Губера (+1682 г.) Иоганна Фута (+1719 г.); къ комментаторамъ Нодта (+1725 г.), Скультинга (+1734 г.) и Бенкергуска (+1749 г.). Затѣмъ г. Стояновъ полемизируетъ въ защиту заслугъ голландскихъ юристовъ съ Ганцемъ, который сомнѣвается въ этихъ заслугахъ. Но читатель, конечно, можетъ забыть какъ только-что названныя имена голландскихъ ученыхъ, такъ и самого Ганца безъ всякаго ущерба для своего образованія. Мы назвали имена только для того, чтобы онъ могъ знать, что была также и голландская школа юристовъ, которая составила часть изъ учениковъ Куяція, частью изъ учениковъ Донелля, да развѣ кстати напомнить, что Бенкергускъ и тогда уже жаловался, что въ юридической наукѣ завелась ученые кондотьери, занятіе конхъ состоитъ въ томъ, чтобы отвергать заслуги юриспруденціи: они видя тому, заключаетъ Бенкергускъ, «что наука, одинаково полезная и необходимая, сдѣлалась предметомъ общаго посмѣянія».

Поэтому-то г. Стояновъ могъ очень просто опустить голландскую школу, какъ не прибавившую ничего къ тому, что сказала французская, и перейти къ Германіи.

Какъ голландскіе ученые примыкаютъ въ XVII вѣкѣ къ французскимъ, такъ въ XVIII столѣтіи къ голландской школѣ примыкаетъ германская. Она приходитъ, такимъ образомъ, позже всѣхъ и образуется изъ учениковъ голландскихъ ученыхъ.

Ученая исторія начинается здѣсь съ Лейбница и Томазія и характеризуется внимательствомъ въ разработку положительныхъ законовъ естественнаго права. До тѣхъ поръ, т. е. до XVII вѣка, длилось здѣсь въ наукѣ положительнаго права полное вліяніе схоластиковъ. Страшное дѣло: послѣ сокращенія схоластическихъ преданій за цѣлый вѣкъ до того, во Франціи, Италиі и Англии, послѣ Макиавелли, Томаза, Мори и французскихъ парламентовъ XVI столѣтія, здѣсь Лейбницъ кажется вполноромъ и Томазіи публичнымъ поджигателемъ потому только, что рѣшается писать ученые трактаты по нѣмцки.

Что же сдѣлалъ Лейбницъ? Онъ написалъ сочиненіе о новомъ ме-

тогда, въ которомъ пробовалъ начертить планъ совершенной *юриспруденціи*. Юриспруденцію хотѣлъ онъ заставить соединить оба метода, придуманные французскими юристами, экзегезу и систематику, удовлетворить разумъ Кудція и Донелла. Но этого мало, на развалинахъ схоластическаго толка публицистика отыскала въ XVI вѣкѣ новое средство для спасенія довѣрія къ данному порядку въ естественномъ правѣ.

Ольдендорпъ еще въ концѣ XVI вѣка жаловался на нѣмецкихъ юристовъ, говоря, что они могутъ поглотить въ одну минуту 600 законовъ, но не имѣютъ понятія о природѣ вещей. Все это, заключалъ онъ, происходитъ отъ того, что они не выводятъ права изъ философіи. Лейбницъ примѣшалъ къ двумъ названнымъ элементамъ поэтому еще третій, право естественное. Къ этимъ тремъ частямъ прибавилъ онъ еще двѣ, исторію и казуистику, и вотъ его совершенный методъ.

Далѣе онъ объяснял, чѣмъ долженъ быть въ частности каждый изъ названныхъ отдѣловъ. Относительно экзегетической части Лейбницъ какъ будто полагаетъ, что все дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы придумать нѣсколько подраздѣленій для этого отдѣла. Экзегетика раздѣляется на филологію права и собственно комментарий. Затѣмъ каждая часть подраздѣляется, въ свою очередь, на безду новыхъ отдѣловъ; филологія, на примѣръ, дѣлится на грамматику, дидактику, реторику съ поэтикою, исторію, этикополитику, логику, метафизику и наконецъ легальную физику. Все это конечно не болѣе, какъ схоластическая чепуха.

Естественное право по Лейбницу слагается изъ трехъ моментовъ: право войны и мира, которое даетъ человѣку право на плѣненную вещь, начало справедливости и божественной воли, выраженной въ религиозномъ законѣ. Эта-то новая смѣсь различныхъ нравственныхъ толковъ, выраженныхъ до Лейбница подъ именемъ естественнаго права, и должна служить средствомъ для объясненія закона по существу.

Польза, которую могла извлечь наука изъ такого источника, виднѣе всего у Лейбница изъ слѣдующихъ примѣровъ: наследованіе безъ завѣщанія, объясняетъ онъ, возможно потому, что душа родителей переходитъ къ дѣтямъ при рожденіи; завѣщанія же были бы совершенно ничтожными безъ догмата безсмертія души.

Что касается затѣмъ вопроса о систематикѣ, то здѣсь Лейбницъ высказываетъ слѣдующее: систематика римскихъ источниковъ, особенно институтовъ Гая, страдаетъ слабостью идеи.

Раздѣленіе матеріала на лица, вещи и искъ несоотвѣтельно. «Есть.

лица, говоритъ онъ, которыя трактуются тутъ же, какъ вещи, а они возникаютъ изъ правъ личныхъ и по имуществу. Затѣмъ же, послѣ этого, говоритъ о лицахъ, вещахъ и всахъ въ особыхъ отлѣвленіяхъ. Коренной недостатокъ этой системы состоитъ въ томъ, что она вытекаетъ изъ основаній фактическихъ, а не юридическихъ. Лица и вещи суть факты. Отношенія власти и обязанность между лицами по поводу вещей и дѣйствій, вотъ гдѣ моменты юридическіе». Поэтому Лейбницъ предлагаетъ слѣдующее дѣленіе. Природа, наследство, владѣніе, договоръ и обида. Но на чемъ основано это новое дѣленіе, опять не видно. На Лейбницъ мы собственно и покончили съ германской школой: узнавъ, что въ лицѣ его юриспруденція принимала метафизику къ праву, мы узнали все, и ничего болѣе новаго не открыть намъ г. Стояновъ, говоря о перемѣнахъ Лейбница. Съ легкой руки его умозрительный элементъ принимался къ разработкѣ положительнаго права и потянулась исторія дефиницій и демонстрацій. Но что выиграла разработка положительнаго права отъ этого, г. Стояновъ намъ не говоритъ. Все это можетъ быть важно для насъ, востому только какъ фактъ, въ которомъ выразилось сознаніе возможности дойти до настоящей систематической разработки положительнаго права однимъ вышнимъ методомъ, съ которымъ мы до сихъ поръ имѣли дѣло, понять ясно положительный законъ въ странной системѣ, не выяснивъ внутренняго его содержанія или сущности такихъ юридическихъ опредѣленій, какъ право вообще, собственность, договоръ и т. д.

Затѣмъ мы узнаемъ только у г. Стоянова, что за методомъ метафизическимъ явился методъ историческій, въ лицѣ Гуго Геттингенскаго.

На этомъ—то и обрывается книга Стоянова; въ заключеніе онъ опять возвращается къ Лейбницу, говоритъ на нѣсколькихъ страницахъ о томъ, какъ Лейбницъ любилъ милости сильные земли, въ какихъ ежовыхъ рукавицахъ эти сильные земли держали юристовъ, несогласныхъ съ ними во взглядахъ на вещи, и изъ всего этого у него какъ—то должно выйти, что юристы всадъ и всегда имѣли сильное обидчивое значеніе. Мы конечно смѣемъ замѣтить, что изъ всего этого не усматривается, во первыхъ, общественнаго значенія юристовъ и, во вторыхъ, что подъ влияніемъ диалектической прихоти въ разработку положительнаго права, начавшейся съ Лейбница, образовалась та система научнаго изложенія положительнаго матеріала, которая до сихъ поръ въ ходу въ юридическихъ учебникахъ и которую юристы собственно и считаютъ за восведеніе матеріала въ науку; что если историческая школа и явилась шизою метафизической, то метафизика принималась въ разработку права въ то время, которое

насаются изслѣдованіе; а потому мы были вправѣ ожидать, что г. Стояновъ покажетъ намъ, что выиграла наука положительнаго права отъ примѣнъ нѣмецкой діалектики вообще и естественнаго права въ особенности. Все это интересно было бы знать потому, что существовать мнѣніе, будто примѣсь, вывѣтъ съ естественнымъ правомъ діалектическаго начала въ систему распредѣленія и разработки матеріала, не принесла никакой пользы и даже мало въ чемъ измѣнила самую систему. Предполагается, что господство въ расположеніи матеріала осталось за эмпирической системой, а не той, которая была получена изъ діалектики, что въ сущности діалектика и философія играли и здѣсь роль пятаго колеса въ телегѣ, оказывая вліяніе скорее на языкъ и расположеніе отдѣльныхъ частей матеріала внутри чисто эмпирической системы, что отсюда—то именно получилась та сухая, тяжелая метода изложенія, которая господствуетъ до сихъ поръ въ юридическихъ книгахъ. Матеріалъ дробился на логическія категоріи, теряя ясность, связность и полноту и нерѣдко просто урѣзывался. Его отодвигали на второй планъ и заставляли служить презрѣннымъ примѣромъ для наполненія діалектическіхъ дѣленій, которыя прежде всего должны уцѣлѣть въ памяти учащагося, а между тѣмъ, очевидно было, что все это хозяйничанье отвлеченныхъ раздѣловъ происходило внутри чуждой, болѣе обширной и данной чистымъ эмпиризмомъ системы, внутри такихъ отдѣловъ, какъ собственность, наследство, договоръ, ни объяснить сущность которыхъ, ни провести строгой связи между которыми не могла діалектика или естественное право.

За тѣмъ для объясненія общихъ началъ и сущности науки образованъ былъ спеціальнй отдѣлъ, выстроенъ рядомъ съ изложеніемъ положительнаго матеріала особый діалектическій балаганъ подъ названіемъ общей части, въ которомъ дѣло начиналось съ дефиниціи или опредѣленія науки, никогда впрочемъ не совпадавшаго съ ея содержаніемъ, потомъ указывались источники и наконецъ діалектическіе элементы матеріала, какъ-то ученіе о субъектахъ, объектахъ, юридическихъ дѣйствіяхъ и т. д.

Все это принесено было тѣмъ движеніемъ, которое началось въ Германіи съ Лейбница и о которомъ право говорить г. Стояновъ. Чтось, были эти плоды полезныя или вредныя? Объ этомъ ни полслова не сказано у г. Стоянова. Судя по тѣмъ учтивостямъ, которыя онъ оказываетъ каждому новому имени, кажется, будто г. Стояновъ какъ нельзя болѣе долженъ былъ быть доволенъ помощью діалектики. Но вотъ является Савиньи и, минуя всю нѣмецкую науку, пишетъ диссертацию о владѣніи подъ вліяніемъ Куллія и Демелли, и г. Стояновъ еще въ большае восторженіе. Въ октябрѣ 1796 г. прибылъ въ

Геттингемъ, личность его, неизвестный студентъ правъ и внимательно прослушалъ лекціи историка Шенкелера, а въ 1802 г. издалъ монографію о владѣніи. Имя автора трактата, о которомъ заговорилъ вся ученая Германія, былъ Фридрихъ Карлъ Савиньи», и тутъ обрывается.

Не правда ли, красиво сказано? Судя по слогу фразъ, читатель можетъ подумать, что въ юридической наукѣ совершилось нѣчто необыкновенное, что вдругъ смѣнилась вся декорация безплодной диалектической работы и юриспруденція понеслась въ открытое море на всѣхъ парусахъ, открывая шагъ за шагомъ вѣчные законы, по которымъ строятся юридическія явленія, что по крайней мѣрѣ систематика положительнаго матеріала нашла въ исторической школѣ твердую опору; но если онъ захочетъ познакомиться съ дѣломъ, то увидитъ совсемъ другое, увидитъ, что если, какъ мы только что прочли у г. Стоянова, исторія показала невозможность достичь стройной системы бѣдными средствами чисто эмпирическаго метода, то съ другой стороны испробовавъ помощь метафизическаго и историческаго методовъ, разработка положительнаго права махнула на нихъ рукой и въ русскихъ учебникахъ ограничивается чистымъ эмпиризмомъ. Конечно появляются пудами сочиненія, проникнутыя всеми возможными изъ названныхъ философскихъ методовъ, существуютъ направленія не только метафизическія, но даже клерикальныя, но это объясняется только живучестью всякихъ ученыхъ школъ, тамъ гдѣ нѣтъ собственно говоря прочныхъ установившихся началъ. Изъ всей этой ученой кухни не вышло до сихъ поръ ни одной философской аксіомы, ни одного общаго закона, который юридическое знаніе могло бы представить въ доказательство того, что оно можетъ дѣйствительно называться наукой, и которое можно было бы ввести въ учебникъ, не боявшись солгать и быть тутъ же уличеннымъ первымъ изъ слушателей. Что касается учебниковъ, то на нихъ жалко смотрѣть: въ самыхъ добросовѣстныхъ, наука права походитъ на науку о томъ, какъ нѣмецъ, русскій или французъ можетъ жениться, покупать, продавать, занимать, какимъ подлежитъ наказаніямъ, и за какіе проступки. Будто лишь для того, чтобы соблюсти приличіе и такой слѣпой парафразъ кодексовъ придать faux air науки, удерживается схоластическое вступленіе подъ именемъ общей части, состоящей изъ диалектическихъ дѣмницій и т. д.

Чтобы показать, сколько можетъ быть пользы отъ такой приправы и какой ближайшій видъ имѣетъ послѣдняя, возьмемъ для примѣра лучшій русскій трактатъ о гражданскомъ правѣ, принадлежащій профессору Мейеру, на который не разъ указываетъ г. Стояновъ. По общему правилу, согласно системѣ, заименной Лейбницемъ, здѣсь дѣло

должно начинаться съ дефиницій или опредѣленія предмета и отсюда должны уложиться уже сами собою объемъ предмета и его составныя части и подраздѣленія: оно какъ будто такъ и есть по «формѣ», но съ первыхъ строкъ насъ поражаетъ вещь довольно интересная, — оказывается, что не составныя части предмета выводятся изъ опредѣленія, а на оборотъ самое опредѣленіе строится по заранѣ даннымъ, чисто эмпирическимъ частямъ. Отсюда выходитъ, что наука до сихъ поръ сама себя обманываетъ, и думая выводить систему изъ общей идеи, ищетъ собственно готовую систему, которую и старается включить въ одно общее отвлеченное опредѣленіе: все это влечетъ за собой поразительную путаницу. Оказывается, что части эмпирической системы никакъ не могутъ совмѣститься съ отвлеченнымъ опредѣленіемъ.

Но эмпирической системѣ или системѣ кодексовъ въ составъ гражданскаго права должны войти наприимѣръ постановленія, касающіяся семейства, собственности, наследства и договоровъ. Теперь представьте себѣ, что относясь чисто пассивно къ кодексамъ, какъ юридическимъ фактамъ, и основываясь на томъ положеніи, что все эмпирическое разумно, вы захотите отыскать общую идею или отвлеченное опредѣленіе которое бы объяло всё эмпирическія части. У васъ выйдетъ именно то, что выходило у науки права, которая задавалась такой загадкой; отыскивая различныя опредѣленія, окажется, что они или не объимаютъ вполне эмпирическаго состава или объимаютъ болѣе, т. е. ваши опредѣленія гражданскаго права будутъ выходить или шире или уже того, что разумѣютъ подъ нимъ кодексы. За тѣмъ придется или отказаться вовсе отъ опредѣленія предмета по существу и держаться чисто эмпирическаго, или распорядиться произвольно фактами, т. е. выбросить эмпирическія части, не соответствующія привсканному опредѣленію. Вотъ что и дѣлаютъ юристы. Одни поступаютъ такъ, другіе иначе, но въ суммѣ выходитъ одно, что не смотря на признаваемые г. Стояновымъ успѣхи въ разработкѣ права, юристы сами не знаютъ до сихъ поръ, что такое гражданское право и гдѣ его настоящіе предѣлы. Не знаетъ, какъ рѣшить этотъ вопросъ, собственно говоря, и Мейеръ. Обыкновенно опредѣляютъ гражданское право, говорятъ о немъ, наукою о правахъ и обязанностяхъ, опредѣляющихъ отношенія гражданъ между собою въ качествѣ частныхъ лицъ. Но такое опредѣленіе недостаточно, и довольствоваться имъ значитъ только обольщать себя пониманіемъ науки; спрашивается, какія же отношенія между гражданами разсматриваетъ гражданское право, и всё ли отношенія между гражданами составляютъ предметъ его?

Одно лицо наносить другому обиду: представляется отношеніе между гражданами, но юридическія послѣдствія обиды болѣею

частью определяются не гражданскимъ правомъ, и даже когда допущается гражданскій искъ по обидѣ, она вѣсто того можетъ быть преслѣдуема судомъ уголовнымъ. И такъ, гдѣ же черта, отдѣляющая гражданское право отъ другихъ частей права? И одни ли отношенія между гражданами обнимаютъ гражданское право? Оно рассматриваетъ, напримѣръ, право собственности, господство лица надъ вещью: правда, и здѣсь могутъ представиться отношенія между гражданами, но господство лица надъ вещью существуетъ само по себѣ, независимо отъ отношеній между лицами.

Очевидно, что общепринятое опредѣленіе вышло съ одной стороны шире, съ другой уже эмпирическаго содержанія науки; и все, что сказано до сихъ поръ о немъ г. Мейеромъ, вѣрно, по крайней мѣрѣ, отчасти. Отсюда, выводитъ г. Мейеръ, слѣдуетъ дать наукѣ другое опредѣленіе болѣе точное. Опредѣленіе науки, говоритъ онъ, должно быть выведено изъ ея содержанія, и пыгается дать новое болѣе точное опредѣленіе.

Что же предлагаетъ намъ въ этомъ отношеніи учебникъ Мейера, и что такое гражданское право, если это не наука о частныхъ отношеніяхъ? Обращается ли Мейеръ для отысканія новаго опредѣленія къ метафизикѣ? Нѣтъ. Къ исторической школѣ? Еще нѣтъ. Къ органической? Опять нѣтъ. Мейеръ обращается, какъ мы увидимъ, къ чистому эмпиризму. Для того чтобы рѣшить вопросъ, Мейеръ и началъ съ того, что выбрасывалъ изъ эмпирическаго содержанія все то, что мѣшало, по его мнѣнію, логической цѣлости содержанія науки.

«Въ сферу гражданскаго права, говоритъ онъ, вносятся, кромѣ ученія объ имущественныхъ правахъ, ученія объ учрежденіяхъ, союзѣ семейственномъ, о бракѣ, объ отношеніяхъ родителей и дѣтей, о союзѣ родственномъ и опекаѣ. Эти-то ученія и слѣдуетъ изъ нея исключить, и вотъ на какомъ основаніи: по существу своему, учрежденія семейственнаго союза чужды сферѣ гражданскаго права. Такъ бракъ, съ точки зрѣнія христіанской религіи, представляется учрежденіемъ религіознымъ. Потому и мѣсто ученію о бракѣ въ системѣ каноническаго права». И такъ первый аргументъ чисто эмпирическій. «Юридическая сторона отношеній между родителями и дѣтьми заключается преимущественно въ родительской власти», опять основаніе эмпирическое, «и, слѣдовательно, прилично помѣстить ученіе о ней въ государственномъ правѣ. Или, если имѣть въ виду, что отношенія между родителями и дѣтьми суть прямое слѣдствіе брачнаго союза, можно рассматривать ихъ въ каноническомъ правѣ. Союзъ родственннй прежде всего учрежденіе нравственно-религіозное, слѣ-

доказательно, и ему мѣсто въ сферѣ каноническаго права. Существо опеки составятъ въ положеніи государства объ участіи лицъ, которымъ сами не могутъ заботиться о себѣ. Потому и ученіе объ опекѣ должно отнести къ государственному праву».

Въ суммѣ, всѣ аргументы, приведенныя Мейеромъ, основаны на чисто эмпирическихъ данныхъ.

За тѣмъ въ результатѣ остается у Мейера одно имущественное право, которое и должно составить предметъ *гражданскаго права*.

И такъ опредѣленіе, къ которому пришелъ Мейеръ, также чисто эмпирическое, онъ свелъ всю науку на одинъ изъ эмпирическихъ отдѣловъ этой науки; мы съ нимъ согласны, что можно разсматривать ученіе объ имущественныхъ правахъ отдѣльно отъ другихъ, но почему это будетъ гражданское право, а не просто ученіе объ имущественныхъ правахъ, изъ объясненій Мейера не видно.

Мы покажемъ сейчасъ, что приемомъ, который употребилъ Мейеръ, нѣтъ ничего легче перебросить всѣ эмпирическія части права въ какой хотите отвѣченный отдѣлъ, въ каноническое, государственное или гражданское право и обратно, а стало быть, отправить и самое ученіе объ имущественныхъ правахъ въ каноническое или государственное право, и оставить гражданское право совершенно ни при чемъ.

Если переводить ученіе о семействѣ въ каноническое право на томъ основаніи, что бракъ есть установленіе религиозное, то туда же слѣдуетъ перевести и ученіе о государствѣ, потому что государство считается до сихъ поръ священнымъ установленіемъ, а установленіе верховной власти, въ самомъ положительномъ законѣ, имѣетъ каноническій характеръ; наконецъ, было время, когда приобрѣтеніе имущественныхъ правъ связывалось съ религиозными обрядами.

Если ученіе о родительской власти и опекѣ имѣетъ мѣсто въ государственномъ правѣ потому только, что здѣсь дѣло идетъ о власти, то и ученію о бракѣ мѣсто тамъ же, потому что вѣдь и брачный союзъ основанъ на власти мужа надъ женою, а ученію о собственности, какъ увидимъ, и подавно.

Если бы юристы были сколько нибудь знакомы съ экономическими понятіями, они бы поняли это сами собой.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое имущественное право, съ экономической точки зрѣнія? Это право на доходъ, на ренту, или % съ капитала, то есть право на чужой трудъ, власть, стало быть, лица надъ другими лицами, такая же точно, какая заставляетъ г. Мейера отнести ученіе о родительской власти къ государственному праву, такая же власть, какъ право на налогъ, рекрутскую повинность и т. д.

И такъ, стало быть, вводя въ дѣло экономическій методъ, мы увидимъ очень просто, что между имущественнымъ правомъ и правомъ государственнымъ, и имущественнымъ и семейственнымъ нѣтъ существеннаго отличія въ томъ отношеніи, въ какомъ хотѣлъ отдѣлять ихъ Мейеръ, а есть напротивъ общій существенный признакъ, относящійся одинаково какъ къ государственному праву, такъ къ семейному и имущественному, — признакъ власти лица надъ лицомъ, или лицъ надъ лицами, связывающій всѣ три отдѣла отношеній въ одинъ рядъ явленій.

А вотъ послѣ этого не трудно будетъ отыскать тѣмъ же путемъ и различіе. Условіе власти лица надъ лицомъ есть очевидно явленіе случайное; съ ходомъ исторіи оно можетъ измениться, и тогда общимъ связующимъ признакомъ всѣхъ трехъ видовъ отношеній будетъ другое, болѣе рациональное условіе. Оно не могло бы быть принято потому за существенный признакъ для отдѣленія одной части отъ другой, даже въ томъ случаѣ, если бы мы отыскали его въ имущественномъ правѣ и не отыскали въ семейномъ. Существенные признаки должны заключаться здѣсь видимо въ тѣхъ особахъ основаніяхъ, которыя даютъ мѣсто тремъ отдѣльнымъ видамъ отношеній, семейнымъ, имущественнымъ и государственнымъ. Разсматривая же эти особа основанія, легко убѣдиться, что въ основаніи первыхъ двухъ видовъ отношеній лежатъ двѣ неизмѣняемыя коренныя потребности человѣческой природы, третій же видъ отношеній самъ по себѣ не имѣетъ смысла и существуетъ только для охраненія имущественнаго и семейнаго порядка, какъ слѣдствіе настоящаго несовершенства того и другаго.

Отсюда, стало быть, открывается, что законъ половой и имущественный составляютъ коренной законъ общежитія, а потому, стало быть, и есть нѣкоторое основаніе замыкать ихъ въ одинъ особый отдѣлъ, противоположный праву уголовному, финансовому или вообще государственному, составляющему лишь условный, охранительный придатокъ гражданскаго закона, то есть семейнаго и имущественнаго.

Отъ опредѣленія учебникъ переходитъ къ источникамъ. Эмпирическіе источники извѣстны, это писанное право, обычай. Философскихъ источниковъ опять столько, сколько методовъ метафизики предлагаютъ естественное право, историки и органисты, юридическое сознаніе народа. Но что касается Мейера, то онъ отказывается положительнo признать за источникъ юридическое сознаніе народа, и о метафизикѣ даже не упоминаетъ, стало быть, отвергаетъ вовсе философскіе источники.

Затѣмъ идетъ изложеніе діалектическихъ элементовъ матеріала;

учебникъ говорить о субъектахъ и объектахъ права: конечно, это съ одной стороны лица, съ другой такія же лица, вещи и дѣйствія другихъ лицъ.

Всякій все это знаетъ и безъ науки, говорите вы, все это не болѣе, какъ схоластическій мусоръ, всякій знаетъ, что такое лицо и т. д. Но въ томъ-то и дѣло, что сейчасъ окажется, будто вы не знаете, что такое лицо.

«Лицомъ технически, говоритъ учебникъ, называется субъектъ права... Но понятіе о лицѣ въ смыслѣ юридическомъ не совпадаетъ съ понятіемъ о человѣкѣ, иногда оно тѣснѣе, иногда шире понятія о человеческой личности, иногда положительное право не признаетъ за человѣкомъ никакихъ правъ, иногда люди одаряются способностію къ правамъ, отсюда дѣленіе лицъ на физическія и юридическія». Но этого мало, далѣе слѣдуетъ еще прибавка:

«Какъ понятіе о лицѣ не совпадаетъ съ понятіемъ о человѣкѣ, такъ съ понятіемъ о человѣкѣ не совпадаетъ иногда и понятіе о физическомъ лицѣ: во всѣхъ древнихъ гражданскихъ обществахъ были люди, не считавшіеся субъектами права, точно такъ же и въ нѣкоторыхъ современныхъ обществахъ не всѣ люди признаются правоспособными».

Если это новое свѣдѣніе о лицѣ, которое вы только что приобрѣли изъ юридической науки, вамъ не по вкусу, учебникъ на слѣдующей же строкѣ постарается васъ утѣшить. «Но это различіе, скажетъ онъ, между понятіемъ о человѣкѣ и понятіемъ о физическомъ лицѣ не имѣетъ значенія по отношенію къ современнымъ европейскимъ обществамъ, въ нихъ каждый человѣкъ считается правоспособнымъ, и слово человѣкъ и физическое лицо должны считаться синонимами».

И такъ, что же вы узнаете? сперва, что человѣкъ не есть физическое лицо, а потомъ опять, что человѣкъ то же, что физическое лицо. Вотъ сейчасъ узнаете, что и лицо не есть лицо, а иногда половина, иногда треть, и менѣе того.

«И такъ, говоритъ учебникъ, существованіе физическаго лица отъ рожденія до смерти составляетъ условіе юридическаго значенія человѣка. Но права лицъ (т. е. юридическое значеніе) неодинаковы, и зависятъ отъ различныхъ обстоятельствъ, отчасти естественныхъ, отчасти историческихъ. Обстоятельства эти слѣдующія: рожденіе законное и незаконное, полъ, возрастъ, здоровье, отношенія свойства и родства, мѣсто жительства, образованіе, вѣроисповѣданіе, состояніе, званіе и гражданская честь».

Спрашивается, конечно, гдѣ же авторъ здѣсь нашелъ естественныя обстоятельства: разумѣлъ онъ видимо возрастъ и здоровье, но

эти положенія совершенно исключительныя, общія же положенія, какъ всѣ остальные, очевидно, чисто случайнаго свойства. И такъ, что же мы можемъ заключить въ суммѣ изъ всего, что только узнали о лицахъ, какой признать приговоръ? Заключение одно, очевидно, что въ эмпиризмѣ исковеркана совершенно человѣческая логика, и потому наука находитъ нужнымъ также исковеркать эту логику въ учащемся, чтобы настроить ее на одинъ ладъ съ эмпиризмомъ, къ этому только и служить ей діалектика. Въ суммѣ вы узнаете, что юридическія лица не представляютъ между собою алгебраическаго уравненія $a=a$, но вѣдь это знаетъ каждый и безъ науки, для этого нечего совѣтоваться съ юриспруденціею... Вы требуете отъ науки, чтобы она вамъ показала, откуда происходитъ это отсутствіе уравненія; если оно нормально, то гдѣ законъ, на которомъ оно основано.

Но на эти вопросы не отвѣтятъ вамъ ни трактаты, отвергающіе философскіе методы, ни пользующіеся методомъ историческимъ или метафизическимъ.

Послѣдніе, пожалуй, будутъ стараться васъ увѣрить, что такой законъ есть, но если бы они дѣйствительно отыскали его, то онъ давно бы сдѣлался общимъ достояніемъ науки, какъ всякая безспорная истина, и тогда бы не было многихъ споровъ, возмущающихъ теперь общественныя понятія. Въмѣсто того метафизика скажетъ вамъ, что все это должно быть такъ, потому что все это продуктъ добра, которое дошло до сознанія самого себя; историческая школа подтвердитъ, что все это должно быть разумно, потому что все это продуктъ народнаго духа, и т. д.

Если же, бросивъ старыя методы юридической науки, вы обратитесь къ помощи экономическаго знанія, то передъ вами вдругъ возстанетъ вся историческая картина хозяйственной или экономической борьбы, изъ которой вышли эмпирическія условія, которыя возбуждаютъ въ настоящемъ случаѣ ваше вниманіе; вы узнаете очень просто тѣ ближайшія причины, которыя обуславливаютъ этотъ эмпиризмъ, и для васъ будетъ понятно, вслѣдствіе какихъ измѣненій въ причинахъ должны измѣниться и слѣдствія. Вы, словомъ, увидите въ своихъ рукахъ ключъ къ закону, по которому обращаются юридическія формы, и этимъ ключомъ будетъ въ вашихъ рукахъ опять экономія.

Если затѣмъ отъ гражданскаго права мы перейдемъ къ уголовному, то здѣсь найдемъ едва ли еще не большее подтвержденіе сказанному. Но такую попытку считаемъ удобнѣе оставить до слѣдующаго раза, тѣмъ болѣе, что это дастъ намъ случай отдать въ то же время отчетъ читателю о вновь появившемся учебникѣ уголовного права

г. Спасевича; во всякомъ случаѣ выводъ, къ которому мы должны будемъ прийти уже и теперь, долженъ быть достаточно ясенъ читателю. Это—выводъ, что если, какъ показала исторія юриспруденціи, послѣдняя должна обращаться за разъясненіемъ сущности своихъ явленій къ помощи посторонняго знанія, и потому не можетъ быть разработываема, какъ самостоятельная наука, то такую помощь она естественно можетъ найти только въ томъ знаніи, которое само владѣетъ прочными научными основаніями. Во всемъ же отъѣлѣ нравственныхъ наукъ есть только одна, представляющая въ этомъ смыслѣ достаточныя ручательства: это наука экономическая. И такъ, стало быть, въ ней одной юриспруденція и можетъ искать своего прочнаго философскаго метода.

Ю. ЖУКОВСКИЙ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Стихотворенія К. Павловой. Москва. 1863.

Г-жа Павлова занимаетъ въ русской литературѣ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ: она чуть ли не единственная въ настоящее время представительница такъ называемой мотыльковой поэзіи. Мотыльковою поэзія эта называется по имени мотылька, самаго рѣзваго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самаго легковѣрнаго изъ насѣкомыхъ, а происходитъ она по прямой линіи отъ знаменитой пѣсни о чижижѣ, потомъ проходитъ сквозь кн. Шаликова и г. Шевырева и заканчивается г-жею Павловой. Вся эта поэзія есть не что иное, какъ стихотворное примѣненіе пріятныхъ манеръ къ случайно встрѣчающимся на пути предметамъ. Встрѣтитъ, на примѣръ, г-жа Павлова поэта — она пишетъ посланіе поэту, увидитъ И. С. Аксакова — пишетъ посланіе И. С. Аксакову, заприимѣтитъ гдѣ нибудь лампадку изъ Помпей — и ея не оставитъ безъ пѣснопѣнья. Ей все равно, къ кому бы ни обращаться, что бы ни гдѣ, потому что не предметы внѣшняго міра поражаютъ ее, а она поражаетъ предметы внѣшняго міра галантерейностью своего обращенія.

Главный мотивъ этой поэзіи заключается въ томъ, что все въ природѣ не столько премудро, сколько прекрасно, и что единственно разумная цѣль человеческого существованія состоитъ въ непрерывномъ разыгрываніи различныхъ пріятныхъ *pièces de société*. Въ силу такого воззрѣнія, и жизнь, и природа представляется рядомъ разнообразныхъ *tableaux de genre*, равно милыхъ по достоинству и содер-

жанію. Картина первая: вечеръ; синее небо усыяно звѣздами; рѣка; за рѣкою роща, въ рощѣ рокочеть соловей; на балконѣ сидятъ графиня и Вадимъ и объясняются въ любви:

ГРАФИНЯ.

Вы надо мной смѣтаетесь.

ВАДИМЪ.

Я?

ГРАФИНЯ.

Немножко.

ВАДИМЪ.

Помигуйте, я?

ГРАФИНЯ.

Продолжайте.

ВАДИМЪ.

Но...

ГРАФИНЯ.

Смѣтаетесь вы забавно и умно.

Извольте.

ВАДИМЪ.

Да повѣрьте...

(Графиня роняет платокъ. Вадимъ поднимаетъ его и, подавая, говоритъ спололоса).

Что за ножка!

Прелестно. Картина вторая: полдень; небо столь же безоблачно, какъ и вчера, но на немъ вмѣсто звѣздъ стоитъ палачее солнце; графиня и Вадимъ уже объяснились; они сидятъ на балконѣ нѣсколько утомленные и смотрятъ, какъ по рѣкѣ плаваютъ бѣлые лебеди; вдали видѣется пахарь, который всею грудью налегаетъ на соху; но такъ какъ онъ далеко, то графиня и Вадимъ не видятъ его загорѣлаго лица, не видятъ крупныхъ капель пота, покрывающихъ это лицо, не видятъ испитой, ободранной клячки, черезъ силу передвигающей ноги въ вязкомъ черноземѣ; имъ кажется, что это лишь особый жанръ, что это только милая подробность, необходимая для полноты общей картины. Подъ вліяніемъ этой мысли, графиня беретъ лиру и поетъ:

Трудъ ежедневный, трудъ упорный!
 Ты духъ смиренъ непокорный,
 Ты гонишь вѣжныя мечты;
 Неумолимо и сурово
 По сердца области все слова,
 Какъ тяжкій плугъ, проходишь ты,

Ее отъ края и до края
 Въ просторъ невзрачный превращая,
 Гдѣ нестрый блескъ цвѣтовъ исчезъ...
 Но на нее, въ ночное время,
 Въ бразды — святое съять сѣмя
 Нисходятъ ангелы съ небесъ.

Не взыщите, что графиня поетъ нескладно; во первыхъ, она утомлена разговорами съ Вадимомъ, во вторыхъ, ей жарко, и въ третьихъ, съ мужичка будетъ и втого. Затѣмъ слѣдуютъ картины: третья, четвертая и т. д. и т. д.

Хотя такіе мотивы мало по малу утрачиваютъ въ нашей литературѣ право гражданственности, однако есть еще избранныя сердца, въ которыхъ они держатся упорно, и которыя не прочь даже подчасъ ими щегольнуть. Людямъ, отрицающимъ русскій прогрессъ, чтобъ убѣдиться въ неосновательности подобнаго отрицанія, достаточно прочесть сборникъ стихотвореній г-жи Павловой. Они безъ всякихъ стороннихъ убѣжденій поймутъ, что нынче слѣвалось уже невозможнымъ многое, что было не только возможно, но даже считалось довольно приятнымъ явленіемъ, немного лѣтъ тому назадъ. Съ этой точки зрѣнія, мы привѣтствуемъ книжку г-жи Павловой, какъ фактъ отрадный и даже достойный подражанія не только въ сферѣ поэзіи, но и въ различныхъ другихъ сферахъ человѣческой дѣятельности. По крайней мѣрѣ, люди, занимающіеся отрицаніемъ для отрицанія, могли бы легко удостовѣриться, что гиль современная все-таки имѣетъ болѣе складу, нежели гиль архивная.

Вотъ, напримѣръ, какое представленіе составила себѣ г-жа Павлова о поэтѣ:

Но проходитъ между нами
 Не одинъ поэтъ нѣмой,
 Съ бесполезными мечтами,
 Съ молчаливыми очами,
 Съ сокровенною душой.

Ихъ внушаютъ вдохновенье
 Не высокіе труды,
 Ихъ призванье, ихъ умѣнье —
 Слушать ночью вѣтра пѣнье
 И влюбляться въ лучъ звѣзды.

Не говоримъ уже о томъ, что стихи эти не что иное, какъ лепетъ галантерейной души, но мѣстамъ вовсе лишеныиъ смысла; спрашивается, чтожь въ томъ особенно сочувственнаго, что человѣка не за-

нимаютъ высокіе труды, а занимаетъ лучъ звѣзды, что въ томъ заслуживающаго поощренія, что человѣкъ обуреваемъ бесполезными мечтами и ходитъ съ молчаливыми очами и сокровенною душой? Всякій, встрѣтивъ такого человѣка, скажетъ: быть можетъ, сей человѣкъ весьма чистъ душой, но что онъ глупъ, это доказывается именно тѣмъ, что онъ ходитъ съ молчаливыми глазами и сокровенною душой. За всѣмъ тѣмъ, г-жа Павлова все-таки чего-то требуетъ для людей этой категоріи, правда, не очень многого (*asini exiguo rabulo vivunt*), но все-таки требуетъ. Она обращается къ толпѣ и требуетъ:

Пусть имъ только дастъ она
Уголокъ, гдѣ шумъ вѣмѣетъ,
Гдѣ полудня солнце грѣетъ,
Гдѣ съ небесъ глядитъ луна —

однимъ словомъ, чего-то въ родѣ даровато мѣста въ богадѣльнѣ. Ну это, пожалуй, можно еще дать; но мы крѣпко сомнѣваемся, чтобы сами поэты удовольствовались такою скромною долей. Не смотри на бесполезныя мечты, а быть можетъ, именно по причинѣ ихъ, народъ этотъ имѣетъ наклонности скорѣе сибаритскія, нежели аскетическія. Вспомните, какую тревогу поднялъ недавно г. Фетъ изъ-за 11 рублей, *чуть-чуть* не пропавшихъ у него; да это и понятно, потому что вѣдь онъ поэтъ, а поэтъ, по выраженію г-жи Павловой,

Онъ вселенной гость, ему всюду ширь
Всюду край чудесъ;
Ему данъ въ удѣлъ весь полуднный міръ,
Весь объемъ небесъ.
Все живить его, ему все кругомъ
Для мечты магнить;
Зажурчить ручей, вотъ и въ хоръ съ ручьемъ
Его стихъ журчить.
Зареветъ ли гдѣсь, при борьбѣ съ грозой,
Какъ сердитый тигръ—
Ему бури вой лишь предметъ живой
Сладковзвучныхъ игръ.

Вотъ для того-то именно, чтобы предаваться этимъ «сладковзвучнымъ играмъ» вполне свободно, и нужны тѣ одиннадцать рублей, о которыхъ хлопоталъ г. Фетъ. И за тѣмъ, хотя г-жа Павлова въ другомъ стихотвореніи «Мотылекъ» и совѣтуетъ поэту уподобиться этому красивому масѣчному, т. е. «покинуть земную обитель, уиить-ся чистымъ эфиромъ и порхать оживленнымъ сандромъ», но это она дѣлаетъ неосновательно, во первыхъ потому, что поэтъ все-таки

человѣкъ и мотылькомъ ни подъ какимъ видомъ сдѣлаться не можетъ, а во вторыхъ потому, что если бы, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, поэтъ сдѣлался мотылькомъ, то вѣдь и мотылекъ совсѣмъ не «чистымъ эвропомъ» питается, а также находитъ для себя пищу болѣе благопотребную.

Да, это дѣйствительно страшное явленіе. Цѣлыя литературныя поколѣнія бесплодно погибали и продолжаютъ погибать въ непрерывномъ самообольщеніи на счетъ того, что дѣйствительно блаженство заключается въ безтѣлесности и что истинный *comme il faut* состоитъ въ томъ, чтобы питаться эвропомъ, запивать эту пищу росою и испускать изъ себя амбрё. Гдѣ источникъ этого сплошнаго лганья? Съ какой цѣлью допускается такое тунейное празднословіе? Вѣдь всѣ эти поэты очень хорошо знаютъ, что относительно ѣды и другихъ органическихъ отправленій, они не уступятъ никому изъ простыхъ смертныхъ; мало того, что знаютъ сами, но знаютъ также, что и другимъ неизбежно свойство, — и за всѣмъ тѣмъ все-таки удорствуютъ въ притворствѣ, все-таки продолжаютъ лгать самымъ постыднымъ образомъ. Повторяемъ: это явленіе странное, но оно не необъяснимо. Это продуктъ цѣлаго строя понятій, того самого строя, который въ философіи пораждаетъ Юркевичей, въ драматическомъ искусствѣ даетъ балетъ, въ политической сферѣ отзывается славянофилами, въ воспитаніи — институтками, сосущими мѣлъ и грызущими карандаши. Тутъ нѣтъ ни одного живаго мѣста, тутъ все фраза, все призракъ; тутъ одна нелѣпность доказывается посредствомъ другой, и всѣ эти пустяки, склеенные вмѣстѣ, образуютъ подъ конецъ такую умственную трупщобу, которую съ трудомъ пробиваютъ самыя смѣлыя попытки здраваго смысла.

Чтобы читатель не подумалъ, что мы пристрастны относительно г-жи Павловой, мы охотно укажемъ еще на нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ высказывается ея задушевная мысль. Заслышавъ изъ г-жи Павлова о переворотѣ 1848 года, онъ кажется ей чѣмъ-то въ родѣ холеры; вычитаетъ ли изъ газетъ о попыткѣ Ломбардо-Венеціанскаго королевства освободиться изъ подъ Австрійскаго ига, попытка эта представляется ей дѣтскою вспышкой. Все это излагаетъ она въ посланіи къ С. К. Н., гдѣ прямо такъ-таки и говоритъ, что знать ничего не хочетъ: ни

....про сеймъ Нѣмецкій,
Давно стоящій на мели...

ни

....о вспышкѣ этой дѣтской,
Съ которой справился Радетскій...

О мотылекъ! да о чемъ же вы хотите знать, чѣмъ вы интересуетесь? чѣмъ васъ можно утѣшить, милое, невинное созданіе? спрашиваетъ нѣсколько озадаченный читатель. На всѣ эти вопросы мотылекъ отвѣчаетъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Мы, мотыльки, говоритъ онъ, не станемъ обращать вниманія на исторію, въ которой, того гляди, насъ невзначай раздавятъ, а лучше уберемся на мы восвоюемъ отъ всѣхъ этихъ обидчиковъ и

....будемъ жить, свой пылъ смири
И предаваясь хоть вѣрѣ,
Что свидимся, по крайней мѣрѣ,
Въ Москвѣ, въ началѣ октября.

Какъ видите, желаніе не высшее, но вѣдь много ли мотылку и нужно? Порѣзвиться на Арбатѣ, попорхатъ на Спиридоновкѣ и ужаснуться своей смѣлости, залетѣвъ на Живодерку...

Точно такъ же взглядъ г-жи Павловой и на молодое поколѣніе, выраженный ею въ посланіи къ И. С. Аксакову. Поколѣніе это кажется ей толпою «пламенныхъ невѣждъ», по поводу которой приличествуетъ сказать:

И, можетъ, ляжетъ имъ на темя,
Безъ пользы, времени рука,
И пропадетъ и это племя,
Какъ Богомъ брошенное сѣмя
На почву камня и песка.

Одинъ словомъ, все живое представляется ей жертвѣмъ, все мертвое живымъ. Какой фокусъ—покусъ происходитъ въ это время въ ея сознаниі, посредствомъ какого ряда умазаключеній приходитъ она къ такому неестественному результату—это тайна изъ категорій тѣхъ самыхъ тайнъ, при помощи которыхъ человѣкъ дѣлается мотылькомъ.

Только и можно отдохнуть на стихотвореніяхъ въ родѣ «сцены графини съ Вадимомъ», да еще на «Монахѣ». Это послѣднее стихотвореніе до того прелестно, что мы не можемъ воздержаться, чтобы не выписать первый куплетъ его. Вотъ этотъ драгоценный перлъ:

Блѣдолокій,
Инокъ дивній,
Что забылся ты въ мѣстахъ?
Что такъ страстно,
Такъ напрасно
Смотришь въ даль, сѣдой монахъ?

Дальше этого мотыльково-чижиковой поэзіи идти не дерзаетъ.

Последніе дни жизни и кончина Александра Сергѣевича Пушкина. Со словъ бывшаго его лицейскаго товарища и секунданта, Константина Карловича Данзаса. Изданіе Я. А. Исакѣва. Санктпетербургъ. 1863 г.

Авторъ этой брошюры, г. Аммосовъ, имя котораго встрѣчалось подъ двумя, тремя убогими стихотвореніями, вѣроятно хотѣлъ сказать: послѣдніе дни и кончина Пушкина, *рассказанные* со словъ, и т. д., но не сказалъ, и придавъ словамъ К. К. Данзаса какое-то убійственное значеніе. Это, во первыхъ. Во вторыхъ, г. Данзасъ не переставалъ быть лицейскимъ товарищемъ Пушкина, слѣдовательно, не *бывшій*.

Хотя обстоятельства дуэли Пушкина близко извѣстны многимъ по слуху, а письма, предшествовавшія ей, довольно распространены въ рукописи, но брошюра г. Аммосова представляетъ подробности о дуэли, которыя забывались или искажались въ устныхъ разсказахъ; теперъ же изложены на основаніи достовѣрнаго источника. «Имѣя честь близко и давно знать глубоко уважаемаго нами г. Данзаса (говоритъ авторъ) и бесѣдуя съ нимъ при частыхъ встрѣчахъ, мы не рѣдко старались *незамѣтно* (какая тонкость!) наводить разговоръ нашъ на обстоятельства, сопровождавшія кончину Пушкина. Разказы Константина Карловича, тотчасъ по окончаніи нашихъ бесѣдъ, старались мы записывать, по возможности слово въ слово, и слѣданныя нами замѣтки прочитывали потомъ ему» (стр. 4). Издатели особенно заслуживаютъ благодарности за то, что выхлопотали разрѣшеніе напечатать переписку по поводу дуэли, переписку весьма любопытную и ярко характеризующую современное общество. Письма эти, напечатанныя со множествомъ опечатокъ, и переведенныя на русскій языкъ, отнесены въ приложенія, составляющія половину брошюры.

На основаніи этихъ документовъ мы расскажемъ исторію дуэли, дополнивъ описаніе г. Аммосова нѣкоторыми новыми подробностями.

Авторъ начинаетъ биографическими свѣдѣніями о главномъ виновникѣ катастрофы Дантесѣ, который, какъ мѣтко выразился о немъ Лермонтовъ въ стихотвореніи «На смерть Пушкина», былъ

..... издадека,
 Подобно сетнямъ Флгленовъ,
 На долю счастья и чиновъ
 Забрешетъ къ намъ по волѣ рока.

Дантесъ былъ человѣкъ «весьма скудно образованный», и не смотря на «готовство и слабость хвастать своими успѣхами у женщинъ», въ тогдашнемъ петербургскомъ обществѣ «пользовался очень хорошей репутаціей» и нравился «всѣмъ съ перваго взгляда», единственно лишь

.. затѣмъ, что былъ французъ.

Дантесъ былъ принятъ въ кавалергардскій полкъ, прямо офицеромъ (стр. 7), а бывший тогда въ Петербургѣ голландскій посланникъ баронъ Хеккернъ, «человѣкъ замѣчательно безнравственный», усыновилъ Дантеса и передалъ ему свою фамилію. Оба они, ведя жизнь «совершенно свѣтскую», то есть праздную, часто посѣщали семейство Пушкина и близкіе ему дома Карамзиныхъ и князя П. А. Вяземскаго. Скоро стали распространяться слухи, что Дантесъ ухаживаетъ за Н. Н. Пушкиной, и когда дошли до мужа, онъ пересталъ принимать Дантеса. Вслѣдъ за этимъ Пушкинъ получилъ нѣсколько дерзкихъ анонимныхъ пасквилей на французскомъ языкѣ, одинаковаго содержанія, но писанныхъ разными руками. Пасквили этотъ не напечатанъ, и хотя извѣстенъ по рукописнымъ спискамъ, но мы не приводимъ его по тому же чувству, въ отношеніи къ упоминаемымъ и подразумѣваемымъ въ немъ лицамъ, которое, вѣроятно, удержало и издателей отъ воспроизведенія этого возмутительно грязнаго документа. Авторомъ пасквиля Пушкинъ подозрѣвалъ Хеккернотца, «по сходству почерка», и, какъ мы слышали, еще потому, что нѣкоторые изъ читавшихъ записки, признали, что онѣ писаны на той самой бумагѣ, которая употреблялась въ голландскомъ посольствѣ. Подозрѣнія эти Пушкинъ высказалъ въ слѣдующемъ письмѣ къ тогдашнему шефу жандармовъ, графу Бенкендорфу:

«Monsieur le Comte!

«Je suis en droit et je me crois obligé de faire part à Votre Excellence de ce qui vient de se passer dans ma famille. Le matin du 4 Novembre, je reçus trois exemplaires d'une lettre anonyme, outrageuse pour mon honneur et celui de ma femme. A la vue du papier, au style de la lettre, à la manière dont elle était rédigée, je reconnus dès le premier moment, qu'elle était d'un étranger, d'un homme de la haute société, d'un diplomate. J'allais aux recherches. J'appris, que sept ou huit personnes avaient reçu le même jour un exemplaire de la même lettre, cachetée et adressée à mon adresse, sous double enveloppe. La plupart des personnes qui les avaient reçues, soupçonnant une infamie, ne me les envoyèrent pas.

«On fut en général indigné d'une injure aussi lâche et aussi gratuite; mais tout en répétant que la conduite de ma femme était irréprochable,

он disait que le prétexte de cette infamie était la cour assidue que lui faisait m-r Dantès.

«Il ne me convenait pas de voir le nom de ma femme accolé, en cette occasion, avec le nom de qui que ce soit. Je le fis dire a m-r Dantès. Le baron de Heckern vint chez moi et accepta un duel pour m-r Dantès, en me demandant un délai de 15 jours.

«Il se trouve, que dans l'intervalle accordé m-r Dantès devint amoureux de ma belle soeur m-lle Gontscharoff, et qu'il la demanda en mariage. Le bruit public m'en ayant instruit, je fis demander à m-r d'Archiak (second de m-r Dantès), que ma provocation fut regardée comme non avenue. En attendant je m'assurai que la lettre anonyme était de m-r Heckern, ce dont je crois de mon devoir d'avertir le gouvernement et la société.

«Etant seul juge et gardien de mon honneur et de celui de ma femme, et par conséquent ne demandant ni justice, ni vengeance, je ne peux, ni ne veux livrer à qui que ce soit les preuves de ce que j'avance.

«En tout cas, j'espère, monsieur le Comte, que cette lettre est une preuve du respect et de la confiance que je porte à votre personne.

«C'est avec ces sentiments que j'ai l'honneur d'être,

«monsieur le Comte,

«Votre très humble et très obéissant serviteur

«A. Pouchkina.»

Но подозрѣнія Пушкина были неосновательны: оказалось, что Хеккернъ не принималъ непосредственнаго участія въ анонимныхъ письмахъ, и что они сочинялись, переписывались и распространялись нашимъ же аристократическимъ обществомъ. По смерти Пушкина, многіе подозрѣвали въ этомъ позорномъ дѣлѣ князя Гагарина, вступившаго потомъ въ іезуиты. Будучи уже за границей, онъ привнесъ, что записки были писаны у него и на его бумагѣ, но не имъ, а княземъ Петромъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ, тѣмъ самымъ, который издавалъ за границею прекратившіеся съ скандаломъ журналы «Будущность», «Правдивый» и «Правдолюбивый», а года два тому назадъ подвергся въ Парижѣ публичному преслѣдованію и осужденію за анонимное же письмо къ князю Воронцову. Если бы не было анонимныхъ писемъ, то, по мнѣнію г. Данзаса, не было бы и дуэли. Такимъ образомъ, главнымъ виновникомъ смерти великаго поэта оказывается князь Долгоруковъ, при участіи достойнаго послѣдователя Лойблы, князя Гагарина, а молодой Хеккернъ былъ только безсмысленнымъ орудіемъ клеветы и убійства.

Отказъ молодому Хеккерну отъ дома «не превратилъ гнусной интриги». Онъ нѣсколько разъ писалъ Н. Н. Пушкинѣ, которая, по словамъ г. Данзаса, показывала письма мужу, а оскорбительные слу-

ли не прекращались и вынудили Пушкина послать къ Хеккерну, чрезъ К. О. Ропша, вызовъ, который былъ принятъ съ отсрочкою на двѣ недѣли и сдѣлался извѣстнымъ Жуковскому, князю Вяземскому и отцу противника, старавшимся разстроить дуэль. Хеккернъ-отецъ объявилъ, между прочимъ, Жуковскому, что вниманіе его сына къ г-жѣ Пушкиной было дурно понято, и что онъ имѣлъ только намѣреніе просить руки жившей у нея сестры ея, Катерины Николаевны Гончаровой. Жуковскій сообщилъ объ этомъ Пушкину и совѣтовалъ Хеккерну сдѣлать скорѣе предложеніе, чтобы прекратить враждебные слухи и отношенія. Онъ немедленно послѣдовалъ совѣту. И зимой 1836 г. была его свадьба съ дѣвицею Гончаровой. Во все это время Пушкинъ не измѣнилъ дружескихъ отношеній съ женою, не обвинялъ ее ни въ чемъ и сохранилъ къ ней прежнее довѣріе; но съ Хеккерномъ, не смотря на его женитьбу, не хотѣлъ помириться. Хеккернъ, по совѣту своего отца, искалъ встрѣчъ съ Пушкинымъ и писалъ ему письма, въ которыхъ убѣждалъ забыть прошлое и помириться. Авторъ, можетъ быть и не безъ основанія, видитъ въ этихъ впушеніяхъ тайную злобу *мстительнаго голландца*, раздраженнаго сухимъ, почти презрительнымъ обращеніемъ съ нимъ поэта. Намъ кажется однакожъ вѣроятнѣе, на основаніи сообщаемыхъ г. Аммосовымъ фактовъ, что взаимное озлобленіе обѣихъ сторонъ поддерживалось не столько которою либо изъ нихъ, какъ самимъ обществомъ, которое находило какое-то злобное удовольствіе въ этомъ патриваніи противниковъ другъ на друга. Общество раздѣлилось на партіи, хотя враждовавшія между собою, но одинаково преслѣдовавшія поэта, одна своимъ человкимъ участіемъ и непрошеннымъ вышательствомъ въ его дѣла, другая — неутомимою и самою мелочною злобою. Чѣмъ усерднѣе опровергались одною изъ нихъ оскорбительныя слухи, тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ распространялись они другою, и пока одни старались успокоивать Пушкина, другіе нарочно давали балы и вечера, чтобы устроить, какъ будто неожиданную, встрѣчу жены его съ Хеккерномъ,

И, для потѣхи, возбуждали
Чуть затанувшійся пожаръ.

Въ честь новобрачныхъ данъ былъ графомъ Строгановымъ обѣдъ, съ цѣлью условеннаго заранѣе нѣкоторыми лицами примиренія Пушкина съ Хеккерномъ; но оно, какъ и слѣдовало ожидать, не состоялось: Пушкинъ сухо отвѣчалъ, что, не смотря на родство, не желаетъ возобновлять съ нимъ отношеній. Однакожъ, не смотря на такой отвѣтъ, молодые пріѣзжали къ Пушкину съ свадебнымъ поздравленіемъ, но онъ не принялъ ихъ. Послѣ этого Хеккернъ написалъ въ

тому второе письмо, которое Пушкинъ; не распечатывая, положилъ въ карманъ, и поѣхалъ къ родственницѣ своей, фрейлинѣ Е. И. Загряжской, чтобы черезъ нее возвратить письмо. Встрѣтясь тамъ съ отцомъ Хеккерномъ, онъ просилъ его передать письмо тому, кто его писалъ, прибавивъ, что не желаетъ ни читать писемъ его сына, ни даже слышать его имени. Баронъ отвѣчалъ, что письмо адресовано не ему и что онъ не можетъ принять его. Взорванный этимъ отвѣтомъ, Пушкинъ бросилъ письмо въ лицо Хеккерну, сказавъ: «Tu la gesses, gredin!» Такое энергическое объясненіе произвело совершенный разрывъ, а враждующія партіи, образовавшіяся въ обществѣ, обрисовались яснѣе. На сторонѣ Хеккера, т. е. противъ Пушкина, кромѣ упомянутыхъ уже лицъ, были часть офицеровъ кавалергардскаго полка, графъ Бенкендорфъ, родственница его, княгиня Б., и многія другія великосвѣтскія дамы, которыя, по словамъ автора, почти всѣ «не отличались блистательною репутаціею (.) и не могли служить примѣромъ нравственности» (стр. 16). Чувствуя неприятность подобныхъ обстоятельствъ, Наталья Николаевна предлагала мужу уѣхать съ нею, на время, изъ Петербурга; но Пушкинъ, потерявъ терпѣніе, рѣшился кончить иначе и написалъ Хеккерну слѣдующее письмо, бывшее окончательной причиной роковой дуэли:

«Monsieur le Baron!

«Permettez moi de faire le résumé de ce qui vient de se passer. La conduite de m-r votre fils m'était connue depuis longtemps et ne pouvait m'être indifférente. Je me contentai du rôle d'observateur, sauf à intervenir lorsque je le jugerai à propos. Un accident, qui dans tout autre moment m'eût été très désagréable, vint fort heureusement me tirer d'affaire. Je reçu les lettres anonymes. Je vis que le moment d'agir était venu et j'en profitai. Vous savez le reste: je fis jouer à m-r votre fils un rôle si pitoyable, que ma femme, étonnée de tant de platitude, ne put s'empêcher de rire et que l'émotion que peut-être avait-elle ressentie pour cette sublime passion, s'éteignit dans le mépris, le plus calme et mieux mérité. Vous me permettrez de dire, Monsieur le Baron, que votre rôle à vous dans toute cette affaire n'a pas été des plus convenables. Vous, le représentant d'une tête couronnée, vous avez été paternellement le maquereau de votre bâtard ou soi-disant tel. Toute sa conduite (assez maladroite d'ailleurs) a été probablement dirigé par vous; c'est vous probablement, qui lui dictiez les pauvretés qu'il venait débiter, et les misères qu'il s'est mêlé d'écrire. Semblable à une obscène vieille, vous alliez guetter ma femme dans tous les coins, pour lui parler de l'amour de votre fils, et lorsque malade de vérole, il était retenu chez lui par les remèdes, vous disiez qu'il se mourait d'amour pour elle, vous lui marteliez: «rendez moi mon fils». Vous sentez bien, qu'après tout cela

je ne pouvais souffrir qu'il y eût des relations entre ma famille et la vôtre. C'était à cette condition, que j'avais consenti à ne pas donner suite à cette sale affaire, et à ne pas vous déshonorer aux yeux de notre cour et de la vôtre comme j'en avais le pouvoir et l'intention. Je ne me soucie pas que ma femme écoute encore vos exhortations paternelles. Je ne puis permettre que m-r votre fils, après l'abjecte conduite qu'il a tenue, ose encore lui adresser la parole, encore moins qu'il lui fasse la cour et débite des calembours de corps de garde, tout en jouant le dévouement et la passion malheureuse, tandis qu'il n'est qu'un pleutre et qu'un chenapan. Je suis donc obligé de vous prier, Monsieur le Baron, de faire finir tout ce manège, si vous tenez à éviter un nouveau scandale devant lequel certes je ne reculerai pas.

«J'ai l'honneur d'être etc.

«A. Pouchkine.»

Fac-simile съ коніи этого письма, собственноручно списанной Пушкинымъ для свидѣтелей, находится въ приложеніяхъ. Получивъ письмо, Хеккернъ бросился за совѣтомъ къ графу С., который посоветовалъ, чтобы сынъ барона вызвалъ Пушкина на дуэль, «такъ какъ послѣ подобной обиды, по мнѣнію графа, дуэль была единственнымъ исходомъ» (1). Слѣдуя его совѣту, Хеккернъ написалъ Пушкину, отъ имени своего сына, вызовъ, отправивъ его съ служившимъ при французскомъ посольствѣ виконтомъ д'Аршіакъ, который долженъ былъ условиться о мѣстѣ немедленной ихъ встрѣчи. Аршіакъ доставилъ Пушкину свою визитную карточку съ слѣдующею надписью: «Je prie m-r de Pouchkine de me faire l'honneur de me dire s'il peut me recevoir, ou s'il ne peut maintenant, à quelle heure ce sera possible». Отвѣтъ Пушкина неизвѣстенъ, но 26 января Аршіакъ уведомилъ его, что будетъ ждать у себя, а съ 11 часовъ вечера на балѣ у графини Разумовской, лицо съ порученіемъ условиться о дѣлѣ, которое должно кончиться завтра. На другой день, въ 9 часовъ утра, Аршіакъ снова писалъ Пушкину, требуя, чтобы онъ прислалъ для переговоровъ своего секунданта. Пушкинъ немедленно отвѣчалъ слѣдующее:

«Monsieur le Vicomte!

«Je ne me soucie nullement de mettre les oisifs de Pétersbourg dans la confidence de mes affaires de famille; je me refuse donc à tout pour parler entre seconds. Je n'amenerai le mien que sur la place du rendez-vous. Comme c'est m-r Heckern, qui me provoque et qui est offensé; il peut m'en choisir un, si cela lui convient; je l'accepte d'avance quand ce ne serait que son chasseur. Quant à l'heure, au lieu, je suis tout-à-fait à ses ordres. D'après nos habitudes à nous autres Russes, cela suffit. Je vous prie de croire, M-r le Vicomte, que c'est mon dernier mot, et que je n'ai rien de plus à répondre à rien de ce qui concerne cette affaire, et que je

ne bouge plus que pour aller sur place. Veuillez accepter l'assurance de ma parfaite considération.

«A. Pouchkine.»

Entre 9¹/₂ et 10 h. du matin
27 Janvier.

Это были послѣднія строки, написанныя великимъ поэтомъ. Аршиакъ отвѣчалъ, что Хеккернъ поставилъ однимъ изъ своихъ условій свиданіе свидѣтелей передъ дуэлью, и что Пушкинъ долженъ самъ выбрать своего. Пушкинъ немедленно отправился къ г. Данзасу, жившему тогда близъ Таврическаго сада. Мы слышали, что г. Данзасъ видѣлъ ту ночь во снѣ, что Пушкинъ умеръ, и самъ спѣшилъ къ нему, чтобъ узнать, не случилось ли съ нимъ чего нибудь. Они встрѣтились въ Павловской, близъ цѣпнаго моста. Пушкинъ посадилъ Данзаса съ собою въ сани, сказавъ, что намеренъ везти его во французское посольство, гдѣ онъ будетъ свидѣтелемъ одного разговора. Дорогой до большой Миллюнной, они говорили о совершенно постороннихъ вещахъ. Поздоровавшись съ Аршиакомъ, Пушкинъ разсказалъ при немъ г. Данзасу свои послѣднія отношенія къ Хеккернямъ. О разговорѣ этомъ упоминаетъ князь П. А. Вяземскій въ неизданномъ письмѣ къ А. Я. Булгакову, которое намъ извѣстно по сдѣланной изъ него выпискѣ: «Il y a deux espèces de coeurs, — сказалъ Пушкинъ Аршиаку, — ceux qui le sont de fait savent à quoi s'en tenir; le cas de ceux qui le sont par la grâce du public est plus embarrassant, et c'est le mien». Прочитавъ концо своего письма къ Хеккерну-отцу, которую вручилъ г. Данзасу, Пушкинъ окончилъ свое объясненіе слѣдующими словами: «Maintenant la seule chose que j'ai à vous dire c'est que si l'affaire ne se termine pas aujourd'hui même, la première fois que je rencontre Hekker, père ou fils, je leur cracherai à la figure». Потомъ, указавъ на Данзаса, сказалъ: «Voilà mon témoin», спросилъ: согласенъ ли онъ, и получивъ утвердительный отвѣтъ, уѣхалъ, оставивъ секундантовъ условиться о дуэли. Условія, сдѣланныя по желанію Аршиака, были слѣдующія: дуэль назначена была въ тотъ же день, 27 января, въ 5-мъ часу по полудни, за Черной рѣчкой, близъ комендантской дачи. Оружіе — пистолеты; разстояніе — двадцать шаговъ; но каждый изъ противниковъ могъ сдѣлать пять шаговъ и подойти къ барьеру. Преимущество перваго выстрѣла никому не было предоставлено: каждый могъ стрѣлять когда угодно; въ случаѣ же промаха съ обѣихъ сторонъ, дуэль продолжалась на тѣхъ же условіяхъ. Объясненія между противниками не допускались; въ случаѣ же надобности, за нихъ должны были объясняться секунданты. Г. Данзасъ немедленно возвратился къ Пушкину, который, не прочитавъ даже условій, согласился на все. Условьясь сойтись съ нимъ въ кондитерской Вольфа, г. Данзасъ нанялъ пар-

ше сани, заѣхалъ къ оружейнику Куранину за пистоледами, заранее
выбранными Пушкинымъ, и къ четыремъ часамъ пріѣхалъ къ Волѣу,
гдѣ Пушкинъ уже ожидалъ его. Авторъ рассказываетъ по этому случаю
слѣдующую подробность: «Выпивъ стаканъ лимонаду или воды, Дан-
засъ не помнитъ, Пушкинъ вышелъ съ нимъ изъ кондитерской» (стр. 21).
А вѣдь какъ жаль, что не помнитъ... На дворцовой набережной встрѣти-
лась Данзасу и Пушкину жена поэта въ экипажѣ. «Данзасъ узналъ ее,
надежда въ немъ блеснула, встрѣча эта могла поизвѣститъ все. Но жена
Пушкина была близорука; а Пушкинъ смотрѣлъ въ другую сторону». По
видимому, онъ былъ совершенно спокоенъ, и на Невѣ спросилъ г. Дан-
заса, не въ крѣпость ли онъ везетъ его. Всевозможныя неблагопріятныя
обстоятельства соединились для неизбежности рековой развѣлки. Мно-
жество великосвѣтскихъ знакомыхъ Пушкина встрѣчалось ему во-
вращаясь съ катаями на ледяныхъ горахъ, и хотя сдѣланный ему вы-
зовъ не могъ быть извѣстенъ, но въ то время, когда шумно было посто-
роннее внимательство, никто какъ будто не догадывался о дуэли. Тайное
подоброезательство Пушкину со стороны русскихъ князей и графовъ
и иностранныхъ бароновъ и виконтовъ было довершено помѣщикомъ
графомъ Бенсендорфомъ, ненавидѣвшимъ Пушкина. «Одинъ только
отникъ порасположеніемъ, говоритъ Данзасъ, и можно объяснить,
что дуэль Пушкина не была остановлена полиціей. Жандармы были
посланы, какъ онъ слышалъ, въ Екатеринбургъ, будто бы по ошиб-
кѣ»... (стр. 15). Противники подъѣхали къ комендантской дачѣ одво-
аремешно, въ половинѣ пятиго. Погода была ясная, и припятнадцати-
ти-градусномъ морозѣ, дулъ довольно сильный вѣтеръ. Секунданты
вышли отыскивать удобное мѣсто, и нашли саженяхъ въ полтораста
отъ комендантской дачи площадку, окруженную кустарничкомъ, отиѣ-
рали двадцать шаговъ, на пространствѣ которыхъ углопали глубокой
сабѣгъ, и когда все было готово, позвали противниковъ. На вопросъ
г. Данзаса, удобно ли выбранное мѣсто, Пушкинъ отвѣчалъ: «*Ça n'est
fort égal, seulement tâchez de faire tout cela plus vite*». Означивъ барье-
ры своими шинелями, секунданты начали заряжать пистоледы. Пуш-
кинъ былъ въ нетерпѣніи, и спросилъ: «*Eh bien! est-ce fini?*» Напо-
нецъ противниковъ поставили, дали имъ пистоледы, и по знаку, ко-
торый сдѣлалъ г. Данзасъ, махнулъ шляпой, они стали сходиться.
Пушкинъ немедленно подошелъ къ барьеру, и началъ наводить писто-
летъ; но Хеккернъ, пройдя четыре шага, выстрѣлилъ раньше. Равно-
ный Пушкинъ упалъ на шинель г. Данзаса и оставался недвижимъ
лицомъ къ землѣ. Секунданты бросились къ нему; Хеккернъ хотѣлъ
сдѣлать то же; но Пушкинъ поднимаясь, сказалъ ему: «*Attendez!*!...
Хеккернъ возвратился къ барьеру, сталъ бокомъ и прикрылъ грудь
правою рукою. Пистолетъ, который держалъ Пушкинъ, былъ по-

крыть свѣжомъ, и потому г. Данзасъ подалъ ему другой. Приподнявшись немного и опираясь на лѣвую руку, Пушкинъ выстрѣлилъ. Противникъ упалъ. На вопросъ Пушкина, куда онъ ранилъ его, Хеккернъ отвѣчалъ: «Je crois que j'ai la balle dans la poitrine».

«Bravo!» вскрикнулъ Пушкинъ, отбросивъ пистолетъ, и снова упалъ лишившись чувствъ. Онъ два раза терялъ сознание, которое, однакожь, скоро возвращалось... Но Хеккернъ ошибся: пуля контузила ему грудь и попала въ руку. Пушкинъ же былъ раненъ смертельно: пуля, раздробивъ кость верхней части правой ноги у соединенія съ тазомъ, остановилась въ животѣ. Секунданты подозревали извощиковъ и съ помощью ихъ разобрали заборъ, мѣшавшій подлѣзть къ мѣсту, гдѣ лежалъ Пушкинъ. Усадивъ его въ сани, оба они пошли впередъ, а Хеккернъ ѣхалъ за ними. На разстояніи около полуверсты самой дурной дороги Пушкинъ сильно страдалъ, но не жаловался. Всѣ эти подробности дуэли описаны въ напечатанныхъ, въ приложеніяхъ, двухъ писемъ къ князю Вяземскому отъ секундантовъ, которые засвидѣтельствовали, что обѣ стороны, во все продолженіе дѣла, держали себя съ достоинствомъ. У комендантской дачи ожидала карета, присланная, на всякій случай, Хеккерномъ-отцомъ. Хеккернъ и Аршіакъ предложили г. Данзасу отвезти въ ней Пушкина, для котораго не было принято даже этой, самой простой предосторожности, не говоря уже о докторѣ, необходимость котораго при дуэли на такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ была несомнѣнна. Не сказавъ, кому принадлежала карета, г. Данзасъ посадилъ въ нее раненаго и поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ. «Пушкинъ, говоритъ г. Анненковъ въ его біографіи, еще поглядѣлъ вслѣдъ удаляющагося врага и прибавилъ: «Мы не все кончили съ нимъ», но уже все было кончено, и другой рядъ болѣе возвышенныхъ и болѣе достойныхъ мыслей ожидалъ умирающаго». Дорогой онъ держался довольно бодро, но, чувствуя по временамъ сильную боль, началъ подозрѣвать опасность раны. Онъ вспомнилъ о знакомомъ изъ Щербачевъ, смертельно раненомъ въ животъ на дуэли съ Дороховымъ, и жалуюсь на боль, сказалъ г. Данзасу: «Я боюсь, не раненъ ли я какъ Щербачевъ». Пушкинъ напомнилъ также о своей дуэли съ Зубовымъ въ Кишиневѣ, которая кончилась далеко не трагически, и о которой онъ когда-то сказалъ:

Пушкинъ съ Зубовымъ подрался:
Пушкинъ..., а тотъ...

Онъ особенно безпокоился, чтобы не испугать жены, и давалъ наставленія г. Данзасу какъ поступить, чтобы этого не случилось. У водъѣзда своей квартиры на Мойкѣ, въ домѣ княгини Волковской, Пушкинъ

просилъ г. Данзаса выдти впередъ, послать прислугу, чтобъ вывести его изъ кареты, и предупредить и успокоить его жену. Отсюда начинается трогательная драма кончины, описанная Жуковскимъ въ известномъ письмѣ его къ отцу поэта. Оно напечатано въ «Современникѣ» 1837 г. (т. V) подъ заглавіемъ *Послѣднія минуты Пушкина*, нѣсколько разъ перепечатывалось и вошло въ приложенія къ біографіи поэта, написанной г. Анненковымъ. Матеріаломъ для этого письма, кромѣ личныхъ воспоминаній Жуковского, послужила еще написанная для памяти домашнимъ врачомъ Пушкина, покойнымъ докторомъ И. Т. Спасскимъ, статья, напечатанная лишь недавно въ «Библіографическихъ запискахъ» (1859 г. т. II. № 18, стр. 555—559). Оба они почти безотлучно находились при умиравшемъ. Описание Жуковского дополнено нѣкоторыми подробностями въ составленной Баттышъ-Каменскимъ, для своего «Словаря достопамятныхъ Россій», біографіи поэта, выписка изъ которой также приложена къ труду г. Анненкова. Источники эти, по видимому, неизвѣстны г. Аммосову, который нигдѣ не ссылается на нихъ, и рассказывая нѣкоторыя мелочныя подробности, пропускаетъ болѣе важныя. Если бы автору были известны эти описанія, онъ старался бы примирить нѣкоторое разногласіе между ними и его рассказомъ, разногласіе не важное, но разъяснить которое лежало на непремѣнной обязанности поэтическаго рассказчика. Хотя г. Данзасъ былъ такимъ же близкимъ свидѣтелемъ кончины Пушкина, какъ Спасскій и Жуковскій, но есть основанія болѣе довѣрять послѣднимъ. Они записали свои воспоминанія подъ свѣжими впечатлѣніями только что совершившейся передъ ними драмы: воспоминанія Спасскаго помѣчены 2 февраля 1837 года, слѣдовательно окончены на шестой день по смерти поэта, а письмо Жуковского, написанное по полученіи извѣстія о погребеніи, имѣетъ помѣту *15 февраля 1837 года*. Весьма естественно, что воспоминанія, записанныя немедленно, подъ вліяніемъ неотступныхъ еще впечатлѣній, должны быть гораздо живѣе, обстоятельнѣе и подробнѣе, чѣмъ рассказъ, спустя двадцать пять лѣтъ записанный, при томъ не самимъ очевидцемъ, а только со словъ его человѣкомъ совершенно постороннимъ. Если бы еще самъ г. Данзасъ описалъ то, чего былъ близкимъ свидѣтелемъ, слова его имѣли бы болѣе значенія, описаніе его, какъ очевидца, было бы живѣе, и вѣроятно заключало бы нѣкоторыя новыя подробности, такъ легко улетающія въ изустномъ рассказѣ. Но послѣ трогательныхъ страницъ Жуковского, принадлежащихъ къ его лучшимъ произведеніямъ, какъ-то странно читать жиденькое и сухое описаніе г. Аммосова, приправленное, вѣроятно по его мнѣнію поэтическими, прикрасами, наприимѣръ, въ родѣ слѣдующей:

«Г-жа Пушкина возвратилась въ кабинетъ въ самую минуту его смерти... Наталья Николаевна Пушкина была красавица. Увидя умирающаго мужа, она бросилась къ нему (.) и упала передъ нимъ на колѣни; (.) густые(я) темнорусые(я) бубли съ безпорядкѣ рассыпались у ней по плечамъ. Съ глубокимъ отчаяніемъ она протянула руки къ Пушкину, толкала его (,) и (,) рыдая (,) вскрикивала: «Пушкинъ, Пушкинъ, ты живъ!» Картина была разрывающая душу... (Стр. 38).

Послѣ Спасскаго, Жуковскаго и Бятышъ-Каменскаго трудно сказать что нибудь новаго о кончинѣ Пушкина. Кромѣ темнорусыхъ бублией, въ безпорядкѣ рассыпавшихся по плечамъ, въ описаніи г. Аммосова находятся только слѣдующія новыя подробности:

1) Г. Данзасъ, отправившійся за докторомъ, троихъ врачей не нашелъ дома, и обратился къ встрѣтившемуся съ нимъ доктору Шольцу, который оказался акушеромъ, но вызвался однакожъ привезти другаго доктора, и дѣйствительно скоро пріѣхалъ къ Пушкину съ Задлеромъ, уже успѣвшимъ перевязать рану Хеккерма (стр. 29). Слѣдовательно умирающій остался безъ медицинской помощи, по крайней мѣрѣ, не менѣе двухъ часовъ.

2) «Впродолженіе ночи (говорить Аммосовъ) страданія Пушкина до того усилились, что онъ рѣшился застрѣлиться. Позвавъ человека, онъ велѣлъ подать ему одинъ изъ ящичковъ письменнаго стола; человекъ исполнилъ его волю, но вспомнивъ, что въ этомъ ящичкѣ были пистолеты, предупредилъ Данзаса. Данзасъ подошелъ къ Пушкину (,) и взялъ у него пистолеты, которые тотъ уже спряталъ подъ одѣяло; отдавая ихъ Данзасу, Пушкинъ признался, что хотѣлъ застрѣлиться, потому что страданія его были невыносимы. По утру на другой день 28 января боли нѣсколько уменьшились, Пушкинъ пожелалъ видѣть: жену, дѣтей и свояченицу свою Александру Николаевну Гончарову, чтобы съ ними проститься» (стр. 32).

3) «Подъѣздъ съ утра (29 января) былъ атакованъ публикой до такой степени, что Данзасъ долженъ былъ обратиться въ Преображенскій полкъ, съ просьбою поставить у крыльца часовыхъ (!), чтобы возстановить какой нибудь порядокъ (!?); густая масса собравшихся загромождала на большое разстояніе все пространство передъ квартирой Пушкина» (стр. 36).

Мы полагаемъ, однакожъ, что участіе общества, весьма естественное, не заслуживало полицейскаго, или даже военнаго, вниманія.

Вотъ все, что оказалось новаго о послѣднихъ минутахъ Пушкина, въ описаніи г. Аммосова, которое умѣстилось на 40 страницахъ крупнѣйшей печати. Самая любопытная и полезная часть его труда

та, которая не принадлежит автору, — приложения; но онъ обезображены такимъ множествомъ опечатокъ, что иногда трудно добраться до смысла.

Отчетъ члена главнаго правленія училищъ Воронова по обзорѣнiю учебныхъ заведенiй московскаго округа. 64 стр.

Отчетъ члена главнаго правленія училищъ т. с. Могиланскаго по обзорѣнiю гимназiй Харьковскаго учебнаго округа въ 1828 году. 17 стр.

Эти два отчета написаны пѣскольکو различно: первый, по поводу обзорѣнiя заведенiй Московскаго округа, преимущественно гимназiй, входитъ въ подробности о ихъ нынѣшнемъ устройствѣ и о неудовлетворительности разныхъ административныхъ и педагогическихъ порядковъ, которые должны бы были измѣнены; второй говоритъ объ этомъ очень мало и отмѣчаетъ только, согласно ли устройство тѣхъ или другихъ гимназiй съ оффиціальными предписанiями. Такъ напр. второй отчетъ замѣчаетъ прежде всего, что учебныя заведенiя Харьковскаго округа «организованы совершенно правильно, согласно съ уставомъ 1828 года и дополнительными постановленiями, развиваются успѣшно и приносятъ всю пользу, какую при настоящей организации можно отъ нихъ ожидать». Эти свѣдѣнiя имѣютъ конечно свою оффиціальную важность, но для общаго вопроса объ устройствѣ нашихъ среднихъ заведенiй они не представляютъ конечно этой важности, какъ и вообще отчетъ опредѣляетъ почти только оффиціальныи status quo учебныхъ заведенiй. Онъ упоминаетъ между прочимъ и объ учительскихъ съѣздахъ, происходившихъ въ Харьковскомъ округѣ: «о пользѣ учительскихъ съѣздовъ было бы излишне распространяться здѣсь, говоритъ отчетъ, она не подлежитъ никакому сомнѣнiю... но въ этомъ дѣлѣ есть вопросы еще нерѣшенные окончательно, по крайней мѣрѣ рѣшавшiеся начальствомъ округа различно, а именно о мѣстѣ и времени съѣздовъ, и вопросы не маловажные, потому что отъ рѣшенiя ихъ зависитъ степень теплоты усердiя, искренности участiя въ нихъ учителей, а слѣдовательно и плодотворность съѣздовъ» (стр. 2). Отчетъ находитъ, что всего лучше устраивать съѣзды въ гимназическихъ и особенно университетскихъ городахъ, гдѣ учителя уѣздныхъ училищъ могли бы видѣть высшiя учебныя заведенiя съ ихъ коллекцiями, услышать лекцiи, которыя бы могли быть прочтены нарочно для нихъ и т. д. Свое мнѣнiе о съѣз-

дакъ мы жи́ли уже случай высказать въ «Современникѣ» и, какъ прежде, полагаемъ, что степень усердія учителей будетъ зависѣть не столько отъ времени и мѣста, назначаемыхъ для съѣздовъ начальствами, сколько отъ степени самостоятельности, предоставленной въ такомъ дѣлѣ самимъ учителямъ; безъ того съѣзды останутся для учителей только развѣсией или экзаменомъ въ другой формѣ. Чтеніе учителямъ особыхъ лекцій во время съѣздовъ и тому подобныя мѣры окончательно сдѣлаютъ съѣзды только новымъ средствомъ начальнической опеки, а не средствомъ развитія самобытности учителей; а если учителя нуждаются въ приобрѣтеніи педагогическихъ знаній, то случайныя, и во всякомъ случаѣ немногочисленныя лекціи профессоровъ въ какую нибудь недѣлю съѣзда, вовсе не принесутъ ожидаемой пользы. Вообще говоря, съѣздовъ не стоитъ заводить, пока уровень развитія и знаній не достигнетъ въ учителяхъ известной удовлетворительной степени, а затѣмъ, если начальство найдетъ устройство съѣздовъ возможнымъ, съѣзды должны быть предоставлены самимъ учителямъ и избавлены отъ внѣшней опеки...

Въ заключеніе, второй отчетъ говоритъ, что во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ «есть и хорошая и слабая сторона, но первая преобладаетъ болѣе или менѣе надъ послѣднею, которая зависитъ отъ недостатковъ, присущихъ *самой организаціи* заведеній, или отъ случайностей, внѣ власти непосредственныхъ начальниковъ, или наконецъ отъ личныхъ качествъ послѣднихъ»... Поэтому отчетъ находитъ, что пересмотръ устава 1828 года былъ совершенно необходимъ, хотя прежде онъ называлъ организацію гимназій по уставу 1828 года совершенно правильною. «Для того, чтобы узнать всѣ потребности предстоящаго преобразованія, — продолжаетъ отчетъ, — нельзя было избрать лучшаго пути, какъ обратиться къ общественному мнѣнію и вызвать замѣчанія самихъ непосредственныхъ дѣятелей на поприщѣ о ученія и воспитанія. Но это хорошее начинаніе имѣло неизбѣжное невыгодное послѣдствіе. *Съ того времени* необходимость всего, что существовало и требовалось донынѣ, сдѣлалась сомнительною, всѣ правила подверглись критикѣ, прежнія убѣжденія оставлены, новыя еще не выработались; такое направленіе въ учащемъ сословіи къ сожалѣнію отзывалось отчасти и на учащихся» (стр. 17). Мы полагаемъ, что эти выраженія нуждаются въ известныхъ ограниченіяхъ: если правила подверглись критикѣ и прежнія убѣжденія оставлены, въ этомъ нѣтъ ничего печальнаго: была, слѣдовательно, признана необходимость имѣть нѣчто лучшее прежняго; если новыя убѣжденія не выработались, по словамъ отчета, то развѣ въ томъ только смыслѣ, что не успѣли еще сдѣлаться основнымъ принципомъ нашего гимназическаго устройства и педагогикъ, не успѣли сдѣлаться общими достояніи-

сти; но важно было и одно то, что учительское сословіе перестало вѣрять въ непогрѣшимость старой рутинѣ. И данныя министерствомъ матеріалы и мнѣнія по вопросу о преобразованіи устава показываютъ достаточно, что рядомъ со многими, дѣйствительно невыработанными мнѣніями, являются и такія записки, въ которыхъ видно совершенно сознательное и ясное пониманіе дѣла и слѣдовательно ясное убѣжденіе.

Г. Вороновъ въ своемъ отчетѣ также замѣчаетъ эту неопредѣленность въ педагогическихъ понятіяхъ, господствующую въ современномъ гимназическомъ преподаваніи, но онъ очень просто указываетъ причину ея въ томъ, что «новыя педагогическія идеи не успѣли еще достаточно проникнуть въ среду нашихъ гимназическихъ педагоговъ» (стр. 4). Вопросъ только въ этомъ и заключается: если теперь «необходимость прежняго сдѣлалась сомнительною и всѣ правила подверглись критикѣ», какъ говоритъ отчетъ г. Моголявскаго, то этому надобно только радоваться. «Первый врагъ учебной дѣятельности есть рутинѣ, а потому необходимо принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы не дать преподавателю возможность впасть въ эту западню, губившую и до сихъ поръ продолжающую губить столько дѣятелей на трудномъ педагогическомъ поприщѣ». Такъ говоритъ отчетъ г. Воронова (стр. 9—10), и конечно справедливо.

Въ отчетѣ г. Воронова мы вообще нашли много весьма вѣрныхъ педагогическихъ замѣчаній о разныхъ предметахъ гимназическаго преподаванія и ясное пониманіе потребностей современнаго образованія, о которыхъ такъ много толкуютъ теперь вкрякъ и вкось. Встрѣчаясь намъ въ трудѣ оффиціальномъ, они тѣмъ болѣе производятъ пріятное впечатлѣніе. Между прочимъ г. Вороновъ, останавливается на преподаваніи въ гимназіяхъ естественныхъ наукъ и классическихъ языковъ, о которыхъ уже начались толки въ нашей педагогической литературѣ; г. Вороновъ отдаетъ первымъ рѣшительное предпочтеніе и считаетъ ихъ дѣломъ первой необходимости, въ чемъ конечно согласится съ нимъ каждый, кто сколько нибудь способенъ серьезно понять потребности нашего образованія, хотя въ своихъ доказательствахъ пользы естественныхъ наукъ г. Вороновъ и впадаетъ въ преувеличенія. Съ другой стороны г. Вороновъ, опять совершенно справедливо не придаетъ такой преувеличенной важности изученію классическихъ языковъ, какую приписываютъ ему наши доморощенные гуманисты. Онъ вѣрно замѣчаетъ, что знаніе ихъ всегда бывало слабо въ нашихъ гимназіяхъ, не смотря на то, что латинскій языкъ считался необходимымъ условіемъ для поступленія въ университетъ, а съ знаніемъ греческаго соединялись даже извѣстныя привилегіи, — иначе говоря, знаменитый 14-й классъ. «Чтобы убѣдиться

въ этомъ особенно, стоитъ только пересчитать, сколько ученыхъ специалистовъ по греческому или латинскому языку вышло изъ нашихъ гимназій во все время ихъ существованія. Едва ли наберется и пять человекъ, дѣйствительно заслуживающихъ этого названія и сколько нибудь извѣстныхъ своими трудами по древней филологіи! Причина такого явленія кроется въ особыхъ условіяхъ нашей дивинизаціи, и вслѣдствіе того въ исключительномъ положеніи нашихъ гимназій» (стр. 18). Наши гуманисты, какъ будто не замѣчали этого факта, который имѣетъ, однако, свое значеніе: классическіе языки не прививались у насъ, не смотря на то, что имъ сравнительно посвящали гораздо больше вниманія, и даже сообщали имъ вѣнскую приамку. Извѣстно, что министерство Уварова старалось, сколько могло, усилить у насъ знаніе классическихъ языковъ, такъ что г. В. Ламанскій совершенно напрасно плакался на то, что «петербургскій періодъ» оказывалъ пренебреженіе къ греческому языку.

Г. Вороновъ, на основаніи фактовъ, утверждаетъ, что и въ университетахъ роль классическихъ языковъ была столько же ничтожна (стр. 18—20).

«Фактъ этотъ не показываетъ ли достаточно, продолжаетъ онъ, что сочувствіе къ изученію древнихъ языковъ въ нашемъ обществѣ никогда не существовало, что они поддерживались постоянно искусственными мѣрами, и при всемъ томъ приносили плоды, далеко не соответствовавшіе усиліямъ и пожертвованіямъ правительства. Въ будущемъ разсчитывать на усиленіе такого сочувствія въ такой степени, чтобы классическими языками привлечь въ наши гимназій большинство общества, было бы также, по моему мнѣнію, неосновательно, особенно если принять въ соображеніе новыя потребности времени, создавшія и въ западной Европѣ, рядомъ съ классическими училищами, реальныя и значительно уменьшившія и тамъ число безусловныхъ поклонниковъ классицизма. Потребности эти, по недостатку въ ученыхъ дѣятеляхъ по части положительныхъ наукъ, сознаются у насъ еще сильнѣе, чѣмъ на западѣ, и будутъ служить постояннымъ препятствіемъ къ основанію у насъ всего общаго образованія на изученіи древне-классическихъ языковъ».

На этомъ основаніи, для правильнаго существованія нашихъ гимназій, соответствующаго потребностямъ общества, г. Вороновъ предлагаетъ, что въ настоящее время нужно было бы ограничиться только небольшимъ количествомъ классическихъ гимназій, въ которыхъ должно бы быть поставлено на первомъ планѣ изученіе древнихъ языковъ, а затѣмъ въ остальныхъ оставить нынѣшній курсъ съ естественными науками, для изученія которыхъ осталось бы тогда больше времени; въ то же время слѣдуетъ допустить, чтобы и ученики гим-

назій, не учившіся вовсе латинскому языку, сохраняли полное право вступать въ университетъ по факультетамъ, въ которыхъ знаніе этого языка не требуется. Такихъ и подобными мѣрами г. Вороновъ думаетъ избѣжать тѣхъ несообразностей гимназическаго образованія, которыя продолжаютъ господствовать до настоящей минуты. «Но для исполнѣнія успѣшнаго дѣйствія этой мѣры, прибавляетъ онъ, — необходимо уничтожить привилегіи за ученіе, которыя одиѣ только привлекаютъ въ университеты большинство учащихся, и увеличить число высшихъ реальныхъ заведеній, въ которыхъ оканчивающіе курсъ не въ классическихъ гимназіяхъ могли бы довершать свое образованіе, а также допустить, какъ выше замѣчено, не знающихъ латинскаго языка въ физико-математическіе факультеты университетовъ». Увеличеніе числа высшихъ реальныхъ училищъ дѣйствительно составляетъ первую необходимость нашего образованія въ настоящее время, но мы не считаемъ дѣломъ справедливымъ и послѣдовательнымъ уничтоженіе привилегій за ученіе, которое предлагаетъ г. Вороновъ. Уничтоженіе привилегій было бы послѣдовательно только тогда, когда, вмѣстѣ съ университетами, оно простиралось бы и на всѣ остальные учебныя заведенія, надѣляющія своихъ воспитанниковъ привилегіями; въ противномъ случаѣ подобная мѣра явнымъ образомъ будетъ дѣйствовать только въ ущербъ университетамъ, не уничтожая привилегій, которыя считаются вредными. При томъ наше образованіе и вообще далеко еще не дошло до такой степени, чтобы оно не нуждалось больше во вѣднѣхъ побужденіяхъ и поощреніяхъ; мы не питаемъ относительно его никакихъ преувеличенныхъ надеждъ и предположеній, и думаемъ, что подобныя укрѣпляющія средства еще нужны для его слабаго организма.

Относительно вѣднѣхъ училищъ г. Вороновъ также думаетъ, что для исправленія ихъ современнаго состоянія, вообще довольно прискорбнаго, также нужно было бы упрощеніе и измѣненіе ихъ курса въ практическомъ направленіи. Онъ указываетъ также необходимость увеличенія учительскихъ окладовъ, — истина, въ которой опять не можетъ быть никакого сомнѣнія; эти оклады, установленные давно, съ измѣненіемъ цѣнъ, быстро возвышавшихся въ послѣднее время, стали до такой степени недостаточны, что мѣста вѣднѣхъ учителей нисколько не привлекательны для людей съ дарованіемъ, которые надеются найти больше на другой дорогѣ.

Въ числѣ разныхъ другихъ предположеній объ улучшеніи гимназическаго преподаванія, г. Вороновъ находитъ еще нужнымъ слѣдующее: «обратить особенное вниманіе на водвореніе однихъ и тѣхъ же учебныхъ началъ, какъ въ преподаваніи разныхъ предметовъ въ каждой гимназіи, такъ и въ обученіи одному и тому же предмету въ

разныхъ гимназіяхъ», и «съ этою цѣлю потребовать отъ всѣхъ гимназій на первый разъ программы преподаванія русскаго языка и словесности, исторіи и естественныхъ наукъ, какъ предметовъ наиболѣе спорныхъ, напечатать эти программы и подвергнуть ихъ общему обсужденію преподавателей для составленія окончательнаго о нихъ заключенія совѣтомъ попечителя округа, а затѣмъ назначить, въ случаѣ надобности, учительскіе съѣзды по тѣмъ предметамъ, личныя объясненія по которымъ окажутся наиболѣе необходимыми. Этимъ путемъ только могутъ выработаться хорошіе учебники, въ которыхъ теперь чувствуется такой недостатокъ» (стр. 44—45). Не знаемъ, поможетъ ли это средство, но и въ стараніяхъ о водвореніи однихъ и тѣхъ же учебныхъ началъ въ преподаваніи нужно быть осторожнымъ, потому что при нашихъ порядкахъ эти старанія опять могутъ привести къ той же обязательности департаментскихъ учебниковъ, которая и до сихъ поръ еще не потеряла своего неблагоприятнаго вліянія, или по крайней мѣрѣ къ обязательному однообразію курсовъ, которое не удовлетворитъ и педагогическимъ требованіямъ. Чтобы требовать этого однообразія, надобно предположить, что педагогія выработала окончательно извѣстный непогрѣшимый приемъ преподаванія для русской словесности, исторіи и т. д.; но этого, конечно, сказать нельзя, и даже, если бы цѣлый конclave учителей какого нибудь учебнаго округа рѣшился принять какую нибудь однообразную систему, это рѣшеніе не должно лишать педагога съ свѣжимъ дарованіемъ возможности ввести въ преподаваніе новый приемъ, отъ котораго бы онъ надѣялся большей пользы.

Курсъ исторіи русской литературы (съ библиографическими указаніями). Соч. *К. Петрова*. Спб. 1863.

Съ нашими учебниками, какъ извѣстно, давно творится что-то непонятное и уже давно они не могутъ подойти подъ тѣ требованія, которыя выставляетъ для нихъ здравый смыслъ и педагогическая критика. Всего несчастнѣе были въ этомъ такъ называемая русская словесность и всеобщая исторія. Книги, выходяшія по этимъ предметамъ съ претензіей быть учебникомъ, каждый разъ возбуждали сомнѣніе въ людяхъ опытныхъ и каждый разъ оправдывали его. Но исторіи только въ послѣдніе годы явился учебникъ г. Шульгина (В.), которымъ можно было удовлетвориться; но русская словесность все еще продолжаетъ разрѣшаться книжками въ родѣ «Курса» г. Петрова. Для этого страннаго явленія приводились разные причины, и всего чаще жаловались на то, что профессора университетовъ не ви-

нать учебниковъ, или вообще не пишутъ ихъ извѣстные специалисты; но случилось, что учебники писали и профессора, писалъ напримеръ г. Буслаевъ, но книга вышла у него такъ непроходимо учена, что она принята была за руководство для учителей, а не для учениковъ. Въ большей части случаевъ учебники невольнительно отставали отъ настоящаго положенія науки и продолжали повторять то, что литература давнымъ-давно догадалась бросить, какъ негодное. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ были еще цѣлы слѣды риторикъ и пѣтикъ восемнадцатаго столѣтія; въ послѣднихъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ къ нимъ начали присоединяться клочки изъ эстетикъ новѣйшаго происхожденія. Исторія литературы сначала излагалась въ видѣ послужныхъ списковъ, потомъ съ эстетическими разсужденіями въ родѣ того, что Карамзинъ сообщилъ русской литературѣ сантиментальное направленіе и легкость слога, что Жуковский внесъ въ нее романтизмъ, Пушкинъ художественность, а Крыловъ народность: но въ чемъ собственно состояло общественное движеніе, какое отношеніе имѣла литература къ обществу, — этого не умѣла сказать почти ни одна изъ такихъ книжекъ. Съ пятидесятыхъ годовъ у насъ начали особенно заниматься старинной, и мало по малу набралось значительное количество изслѣдованій о старыхъ памятникахъ, но и здѣсь составители учебниковъ не скоро еще нашли нужнымъ воспользоваться этими изслѣдованіями. Теперь считается наконецъ нужнымъ углубиться нѣсколько и въ эту старину и сообщить читателю нѣкоторыя свѣдѣнія, заимствованныя изъ г. Буслаева. Такъ поступилъ, напримеръ, курсъ, начатый г. О. Миллеромъ; такъ дѣлаетъ и г. Петровъ.

Книжка г. Петрова — удивительное произведеніе въ своемъ родѣ. По видимому, авторъ хотѣлъ удовлетворить новымъ требованіямъ и воспользоваться новыми взглядами на исторію русской литературы; но изъ этого соединенія новыхъ взглядовъ съ его старыми взглядами вышла такая путаница, что книжку г. Петрова просто вредно дать въ руки какому нибудь ученику. Библиографическія указанія, которыми онъ хотѣлъ одобрить свою книжку, еще увеличиваютъ эту путаницу, потому что для него одинаковыя авторитеты—г. Шевыревъ и Добролюбовъ, г. Никитенко и Бѣлинскій, Пятковский и де-Пуле, и т. д., и т. д. Въ изложеніи то же самое: онъ говоритъ и о романтизмѣ Жуковского, художественности Пушкина, народности Крылова, и о животномъ эпосѣ, апокрифическихъ книгахъ и т. д., — говоритъ такъ, какъ обыкновенно говорятъ о нихъ ученики на экзаменѣ, запомнивши только нѣсколько фразъ изъ занисокъ учителя и пересказывающіе съ пятого на десятое. Въ изложеніи новой литературы г. Петрову еще довольно легко было идти по слѣдамъ своихъ предшественниковъ и

толковать о художественности Пушкина, юморъ Гоголя и т. п.; но въ старой литературѣ, гдѣ онъ не имѣлъ такихъ руководителей и долженъ былъ самъ набираться учености изъ специальныхъ книгъ, онъ рѣшительно не знаетъ, куда дѣвать народную литературу, куда книжную, куда памятники самобытные или византийскіе. Онъ, очевидно, мало отдастъ себѣ отчета о тѣхъ вещахъ, которымъ разсуживаетъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно привести нѣсколько фразъ изъ книги г. Петрова:

«Кромѣ богатырскихъ пѣсень и былинь историческаго характера, существовали въ народной словесности сказки, которыхъ содержаніе взято изъ обыкновенной, будничной жизни и тонъ забавный; шутовской, сатирической, такъ что предполагаютъ въ составитель какую нибудь заднюю мысль» (стр. 9).

Въ примѣръ приводится, между прочимъ, сказка о жаръ-птицѣ: хороша обыкновенная, будничная жизнь! Далѣе: о заунывномъ характерѣ русскихъ пѣсень:

«Есть причины глубокой грусти и въ суровомъ климатѣ нашего отечества, и въ тяжелыхъ событіяхъ нашей исторіи, каково напримѣръ татарское иго. Поэтому—то въ нашей народной поэзіи бездна (!) трагическаго элемента, который свидѣтельствуетъ о страшной силѣ русскаго духа; попавшись въ противорѣчіе обществѣности (?) съ потребностями и стремленіями человѣческой натуры, духъ мстилъ и самому себѣ, и всему окружающему» (тамъ же).

Очевидно, авторъ вычиталъ что-то подобное, но въ настоящемъ случаѣ все это крайне безтолково.

Древній періодъ русской литературы авторъ дѣлитъ на народную словесность, къ которой относятся былины, пѣсни и т. д. и на письменность *оффиціальную*, куда относятся переводы св. писанія, духовные писатели, лѣтописцы (1), и т. д. и т. д.; въ *оффиціальныя* писатели попали и Аванасій Никитинъ, и Курбскій, и Котошихинъ, и т. д., и т. д.

Общій характеръ русской литературы послѣ реформы, г. Петровъ опредѣляетъ такимъ образомъ:

«Подражательность, составлявшая главный характеръ русской литературы, начиная съ Петра, обнаружилась *сначала* въ формѣ, а *потомъ* и въ содержаніи. Подражаніе въ формѣ состояло въ томъ, что русскіе писали поэмы, идилліи, оды... однимъ словомъ, перенесли къ намъ всѣ тѣ роды и виды словесныхъ произведеній, которые существовали у иностранцевъ. Когда подражательность отразилась и на содержаніи (!), *тогда* брали изъ *иностранныхъ сочиненій* идеи и взгляды на жизнь,

напр. въ эпоху господства сентиментальности, и потомъ въ эпоху романтизма» и т. д. (стр. 70).

Какимъ образомъ это происходило, совершенно неизвѣстно. Разсужденіе о романтизмѣ прелестно:

«Заслуга Жуковского состоитъ въ томъ, что онъ внесъ въ русскую литературу романтизмъ, котораго ей недоставало (1). Романтизмъ въ обширномъ смыслѣ есть внутренній міръ души человѣка, жизнь его сердца. Слѣдовательно онъ присущъ всякому человеку, и потому мы встречаемъ романтическій элементъ въ литературѣ всѣхъ народовъ, напримеръ, у древнихъ индійцевъ (1), персовъ (1), грековъ и т. д. Такъ, напримеръ, въ индійской повѣсти, «Налъ и Дамаянти», есть выраженіе чувствъ Налъ и особенно Дамаянти, когда ее покинулъ Налъ. То же видимъ и въ персидской повѣсти, «Рустемъ и Зорабъ»: напримеръ, состояніе чувствъ Зораба, его сомнѣніе, когда онъ увидѣлъ Рустема и не зналъ, отецъ ли это его», и т. д. (стр. 119).

Совершенно похоже на плохо выученный урокъ. Мы указали лишь немногіе образцы нескладицъ новѣйшаго «Курса»; желающій убѣдиться можетъ найти подобныя вещи на каждой страницѣ книги.

ПОЛИТИКА.

ОТНОШЕНИЯ ПРУССКОЙ ПАЛАТЫ КЪ МИНИСТЕРСТВУ: ВОПРОСЪ ОБЪ ОРГАНИЗАЦИИ ВОЙСКА, ЗАКОНЪ ОБЪ ОТВѢТСТВЕННОСТИ МИНИСТРОВЪ И ПРОЧ. — СТОЛКНОВЕНІЕ МЕЖДУ МИНИСТЕРСТВОМЪ И ПАЛАТОЙ И ПОСЛѢДСТВІЯ ЭТОГО СТОЛКНОВЕНІЯ. — АВСТРІЯ ВЪ ПОСЛѢДНІЯ ШЕСТЬ МѢСЯЦЕВЪ. — ЗАСѢДАНІЯ РЕЙХСТАТА И ЗНАЧЕНІЕ ЭТОГО СОБРАНІЯ. — БЮДЖЕТЪ И ФИНАНСЫ АВСТРІИ. — ОТНОШЕНІЯ АВСТРІЙСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА КЪ РАЗЛИЧНЫМЪ НАРОДАМЪ АВСТРІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

Но всѣмъ виднѣющимся дѣламъ въ Пруссіи быстро приближаются къ тому исходу, на который мы указывали въ одномъ изъ послѣднихъ нашихъ обзорѣевъ (въ мартовской книжкѣ «Современника»), и который, какъ мы говорили тогда, долженъ былъ состоять въ томъ, что правительство, наскучивши настоящимъ положеніемъ дѣлъ, окончательно откажется отъ того пути, по которому оно доселѣ еще старалось слѣдовать, и откровенно вступитъ на путь, болѣе согласный съ его вкусами и преданіями. Послѣ того, какъ мы писали это, въ Пруссіи еще около трехъ мѣсяцевъ продолжалась та траги-комическая борьба между министерствомъ и народнымъ представительствомъ, которая идетъ тамъ уже въ теченіи какихъ нибудь полутора лѣтъ; но изъ послѣднихъ мѣсяцевъ прусскаго правительства можно вывести заключеніе, что оно хочетъ оставить ту почву, на которой оно стояло доселѣ, и которая конечно не представляется ему достаточно твердой, и рѣшилось искать другой, болѣе надежной почвы. Посмотримъ, что дѣлалось въ Пруссіи въ послѣдніе три мѣсяца, и какъ дѣло постепенно приходило къ той развязкѣ, которая теперь совершается на нашихъ глазахъ.

Какъ извѣстно, первую и главную причину несогласія между правительствомъ и народными представителями Пруссіи является вопросъ о реорганизаціи арміи. Объ этомъ вопросѣ было весьма много говорено, между прочимъ, и въ нашемъ журналѣ; но тѣмъ не менѣе мы считаемъ не лишнимъ напомнить въ немногихъ словахъ, въ чемъ состоитъ въ сущности этотъ спорный вопросъ. Когда въ 1859 году успѣхи Наполеона III въ сѣверной Италіи встревожили всю Германію, прусское правительство сочло своею обязанностью увеличить свои военныя силы на случай, если бы дальнѣйшіе успѣхи французовъ принудили Пруссію взяться за оружіе для поддержки Австріи и для защиты германскихъ интересовъ (въ нѣкоторыхъ головахъ эти двѣ вещи представляются какъ нѣчто вполне совмѣстное, если не тождественное). Поэтому увеличены были кадры прусской арміи, увеличено было число линейныхъ войскъ и, конечно, потрачено было на это нѣсколько милліоновъ талеровъ. Съ тѣхъ поръ прусское правительство пришло къ убѣжденію, что для безопасности и чести прусскаго государства и прусскаго народа необходимо содержаніе арміи на той ногѣ, на которую она была поставлена въ виду исключительныхъ обстоятельствъ 1859 года. Но какъ за это страна будетъ платить лишнихъ 10 мил. тал. на военныя издержки, и будетъ имѣть 72, а не 42 линейныхъ полка, то человекъ 200 изъ тѣхъ, которые засѣдали въ 1860 году въ прусской палатѣ депутатовъ, не раздѣляли этого убѣжденія массинкъ правительственныхъ лицъ въ Пруссіи; слѣдствіемъ этого было то, что они отказали утвердить законъ о преобразованіи арміи и объ ассигнованіи на это 9 или 10 милліоновъ талеровъ. Однако военный министръ, г. Роонъ, и другія правительственныя лица не видѣли въ этомъ несогласіи достаточнаго повода къ тому, чтобы отказаться отъ своей любимой мысли; поэтому, какъ только закрыты были засѣданія палаты 1860 года, сдѣлано было распоряженіе о приведеніи въ исполненіе той реорганизаціи войска, которой желало правительство, и о томъ, чтобы, начиная съ 1861 года, расходы на это преобразованіе вносились ежегодно въ бюджетъ, въ разрядъ обыкновенныхъ, а не чрезвычайныхъ расходовъ. Но если прусскіе министры считали себя вправѣ стойко держаться за свою идею fixe, то народные представители тоже захотѣли поуправиться и не принимать благодарія, навязываемаго Пруссіи въ видѣ увеличенной постоянной арміи: отсюда постоянные споры между палатою и министерствами. Преобразованіе уже совершено, тутъ палата уже ничего не могла сдѣлать; но она могла отказывать правительству въ утвержденіи суммъ, необходимыхъ для этого преобразованія; на этомъ полѣ и продолжалась борьба. Палата отказывалась ассигновать правительству суммы, необходимыя для ре-

организации армій; правительство производило эти расходы без утверждения палаты; несогласія усиливались, палаты распускались и созывались новые, столь же упрямые, министерства выходили въ отставку и замѣнялись новыми, еще болѣе враждебными притязаніямъ палаты; однимъ словомъ, сложился тотъ извѣстный порядокъ вещей, который существуетъ въ Пруссіи въ настоящее время. Такимъ образомъ вопросъ о преобразованіи арміи съ теченіемъ времени совершенно утратилъ свой спеціальный и техническій характеръ и приобрѣлъ характеръ вопроса чисто политическаго и конституціоннаго. Но хотя теперь между правительствомъ и палатою дѣло идетъ уже не объ одной только организации армій, однако и правительство, и всѣ партіи въ палатѣ очевидно желаютъ принять какое нибудь окончательное рѣшеніе по спеціальному вопросу объ обязанности военной службы и объ организации войска въ Пруссіи. Поэтому и въ нынѣшней сессіи палаты долженъ былъ обсуждаться этотъ вопросъ. Военный министръ, не смотря на то, что его предложенія уже неоднократно были отвергаемы, съ свойственною ему настойчивостью рѣшился вновь явиться передъ палатою съ своимъ проектомъ, который въ сущности есть не что иное, какъ новое предложеніе утвердить въ видѣ постоянного закона то, что было сдѣлано въ 1859 году при исключительныхъ обстоятельствахъ. Не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что и на этотъ разъ проектъ военнаго министра вновь будетъ отвергнутъ палатою. Но если бы палата опять ограничилась тѣмъ, что отвергла бы министерскій проектъ, то она безъ сомнѣнія вновь подверглась бы упрекамъ въ безплодномъ отрицаніи, въ отрицаніи ради отрицанія, упрекамъ, на которые очень щедръ извѣстный господа. Пруссіе министры повторяли бы то, что мы уже слышали съ разныхъ сторонъ чуть не миллионъ разъ, а именно, что отрицать не трудно, но что отрицатели не въ состояніи сами произвести ничего положительнаго; они стали бы опять увѣрять всѣхъ и каждого, что палата хочетъ только дѣлать неурядности правительству, и что она не хочетъ и не можетъ произвести сама что либо лучшее. Различныя партіи прусской палаты очевидно хотѣли избѣгнуть этихъ упрековъ, хотѣли доказать, что они вовсе не забавляются отрицаніемъ ради отрицанія, что наконецъ они дѣйствительно желаютъ устроить впрочемъ образомъ вопросъ объ организации военной силы въ Пруссіи. Поэтому въ теченіе марта и апрѣля мѣсяца были выработаны различныя проекты законовъ касательно военной службы въ Пруссіи и касательно устройства прусской арміи. Различныя отѣнки либеральныхъ партій:—просто либералы (въ прусскомъ значеніи этого слова), умѣренные прогрессисты, крайніе прогрессисты и проч., явились каждый съ своими проектами, въ которыхъ они болѣе или менѣе

расходились съ проектомъ правительства сообразно съ тѣмъ, преобладало ли въ нихъ миролюбивое или воинственное настроеніе духа. Каждая партія, каждый членъ палаты, предлагавшій проектъ, считали, какъ водится, свое предложеніе единственно возможнымъ и удобоосуществимымъ, и крѣпко за него держались, такъ что это подало даже поводъ къ опасеніямъ, чтобы въ рядахъ либераловъ не произошло серьезный раздоръ, которымъ правительство могло бы воспользоваться для своихъ цѣлей.

Дѣйствительно, если бы настоящее прусское правительство не отличалось такою непреклонностью въ желаніи своемъ идти по однажды избранному пути, если бы оно обладало нѣкоторою долей изворотливости и желаніемъ сколько нибудь пользоваться обстоятельствами, то ему не трудно было бы воспользоваться несогласіями либераловъ по поводу военного вопроса для того, чтобы посредствомъ незначительныхъ уступокъ и разныхъ другихъ полумѣръ склонить по крайней мѣрѣ часть ихъ (самыхъ умѣренныхъ) на свою сторону, и чтобы произвести въ рядахъ ихъ настоящую междоусобицу. Но настойчивость министерства послужила въ пользу либеральной партіи и сдѣлала невозможнымъ окончательный разрывъ между различными отѣнками ея. Чтобы дать нашимъ читателямъ понятіе о томъ, о чемъ собственно спорятъ или такъ долго спорили въ прусскихъ палатахъ, мы намѣрены познакомить ихъ въ немногихъ словахъ съ сущностью различныхъ предложеній по поводу вопроса. Проектъ правительства состоитъ въ томъ, что каждый пруссакъ долженъ служить три года въ строю (не считая времени, которое ему остается въ резервѣ и въ ландверѣ), и число поступающихъ ежегодно въ военную службу должно простираться до 72,000 человекъ; такимъ образомъ сила постоянной прусской арміи въ мирное время равнялась бы 216,000 человекъ; по проекту министерства ландверъ (привлеченіе людей къ оружію только въ случаѣ нужды, во время серьезной войны) слѣдовало бы совершенно отбѣежить на задній планъ, но зато значительно увеличить силу постоянной арміи (съ 120 до 216 тысячъ человекъ). Вотъ та военная реформа, отъ которой, по умѣреніямъ министровъ, зависитъ могущество и счастье прусскаго народа. Противъ этого предложенія правительства сдѣлано было, какъ мы сказали выше, много предложеній со стороны членовъ палаты; болѣе другихъ замѣчательно предложеніе депутатовъ Форкенфеса, Вальдека и Вирхова. Сущность проекта военного закона, предложеннаго Форкенбескомъ (умѣреннымъ прогрессивномъ), заключается въ слѣдующемъ: всякій пруссакъ достигнувшій 20-лѣтняго возраста обязанъ вступать въ военную службу; число поступающихъ ежегодно въ военную службу не должно превышать 60,000 человекъ; срокъ воен-

ной службы определялся въ 2 года для линейныхъ войскъ, и въ 3 года для спеціального оружія; такимъ образомъ численность арміи въ мирное время не должна превышать 160 тысячъ человѣкъ. Кроме того, всѣмъ прусскій гражданамъ должно еще прослужить три года въ резервъ, пять лѣтъ въ ландверъ перваго призыва и четыре года въ ландверъ втораго призыва; но люди служащіе въ резервъ и въ отпущеніи пользуются всѣми гражданскими и политическими правами наравнѣ съ прочими гражданами государства и подчиняются гражданскимъ, а не военнымъ судамъ (да и надъ лицами, находящимися на дѣйствительной службѣ, военные суды производятъ судъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда совершено преступленіе и преступникъ противъ военной дисциплины); они могутъ также вступать въ бракъ, не спрашивая на то позволенія военного начальства; само собою разумѣется также, что они не могутъ быть призваны къ оружію иначе, какъ въ случаѣ войны; кроме того, Ференбекъ предлагалъ увеличить жалованье унтеръ-офицерамъ и рядовымъ. Крайній прогрессистъ Вальдекъ предлагалъ безусловно ограничить время военной службы двумя годами и назначить ежегодный контингентъ въ 45,000 человѣкъ. Депутатъ Вирковъ, причисляемый также къ крайней прогрессивной партіи, предлагалъ не назначать разъ на всегда ежегоднаго континента, а хотѣлъ, чтобы онъ былъ определяемъ каждый годъ, сообразно съ потребностями времени и другими условіями. Но противъ этого возстали очень многіе депутаты, опасаясь, чтобы принятіе подобнаго рѣшенія не повело къ безконечнымъ спорамъ и періодическимъ столкновеніямъ съ правительствомъ. Наконецъ, иные депутаты требовали престога возвращенія къ тому порядку, который существовалъ до 1859 года. Однимъ словомъ, явилась цѣлая куча проектовъ, которые въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ обсуживались, оспаривались, одобрялись или осуждались разными коммиссіями, газетами и наконецъ цѣлою прусскою націей. Но общаго во всѣхъ этихъ проектахъ было то, что всѣ они были враждебны проекту правительства; поэтому не трудно было предсказать, что какъ скоро эти проекты поступятъ на обсужденіе палаты, проектъ правительства будетъ непременно отвергнутъ, хотя, конечно, и трудно было предсказать, который изъ многочисленныхъ проектовъ будетъ одобренъ палатою (министерство заранѣе объявило, что правительство не признаетъ ни одного изъ нихъ, потому конечно, что считало свой единственно хорошимъ и удобоисполнимымъ). Пренія о военной организаціи начались въ палатѣ 7 мая; но были неожиданнымъ образомъ прерваны еще до окончательнаго обсужденія этого вопроса. Однако, прежде чѣмъ приступить къ изложенію этихъ преній и послѣдствій ихъ, мы скажемъ нѣсколько словъ о другомъ важномъ законѣ, который еще въ апрѣлѣ

мѣсяцъ обсуждался въ прусской палатѣ, и въ которомъ правительство тоже никакъ не хотѣло согласиться съ народными представителями; это именно вопросъ объ *отвѣтственности министровъ*.

Извѣстно, что необходимой статьёй въ каждой конституціи является статья объ отвѣтственности министровъ. Конечно, болѣею частію эта статья является только, какъ украшеніе въ государственномъ устройствѣ, не приносящее почти никакой пользы (потому что въ самыхъ конституціонныхъ государствахъ министры, что бы они ни дѣлали, почти никогда не подвергаются суду: коли ужъ очень дурно управляли страной, то въ концѣ концовъ выйдутъ себѣ въ отставку, да и проживаютъ въ своихъ помѣстьяхъ; а о преслѣдованіи ихъ никто и не думаетъ). Настоящая прусская палата депутатовъ, въ которой рядомъ со множествомъ псевдо-либераловъ, занимающихся либерализмомъ, какъ искусствомъ для искусства, и понимающихъ его совершенно особеннымъ образомъ, сидятъ нѣсколько людей, дѣйствительно заботящихся объ интересахъ народа, — поняла необходимость создать законъ, который бы сколько нибудь гарантировалъ страну отъ злоупотребленій исполнительной власти; поэтому въ самомъ началѣ сессіи нынѣшняго года поднять былъ вопросъ о законѣ, касательно отвѣтственности министровъ. Въ прусской конституціи 1850 г. сказано, что министры отвѣтственны, и что особымъ закономъ определены будутъ случаи отвѣтственности и процедура преданія суду министровъ; но съ тѣхъ поръ до настоящаго времени не было издамо подобнаго закона. Между тѣмъ, правительство, замѣтивъ, что палата серьезно помышляетъ о созданіи подобнаго закона, рѣшилось предупредить ее и явиться съ своимъ собственнымъ закономъ объ отвѣтственности министровъ; такъ оно, между прочимъ, предложило (какъ мы замѣтили въ одномъ изъ прежнихъ нашихъ обзорѣй), чтобы судъ надъ министрами производился верхнею палатою — мѣсто собранія реакціонеровъ и феодаловъ; но какъ мы тогда же сказали, этотъ проектъ г. министра юстиціи, графа Кур-Липпе, встрѣтилъ самую полную неудачу. Тѣмъ временемъ и оппозиція выработала свой законъ объ отвѣтственности министровъ. Главныя основанія этого закона состояли въ томъ, что министры подвергаются суду за нарушеніе конституціи, подкупъ и взятку; право обвиненія ихъ принадлежитъ нижней палатѣ, право преданія суду верхней палатѣ, а самый судъ производится верховнымъ судьищомъ страны. Не смотря на всю умѣренность этого закона, комиссары правительства объявили еще въ засѣданіяхъ комиссіи, занимавшейся составленіемъ его, что этотъ законъ никогда не будетъ одобренъ правительствомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они заявили, что правительство считаетъ невозможнымъ представленіе въ нынѣшнюю сессію своего

проекта закона объ отвѣтственности министровъ, такъ какъ законодательные факторы слишкомъ далеко расходятся во взглядахъ на этотъ политическій вопросъ, и потому еще, что въ конституціи есть пробѣлы. (Что это за пробѣлы, и почему эти пробѣлы, о которыхъ постоянно твердятъ правительственные лица, не позволяютъ представить вышеупомянутого закона — это остается неразъясненнымъ). По этимъ же самымъ причинамъ правительство не хотѣло согласиться на предложеніе, внесенное партіей прогресса, и министры заранѣе объявили, что король отвергнетъ этотъ законъ. Министерство въ особенности указывало на то, что изъ трехъ случаевъ, въ которыхъ министры должны быть преданы суду по предложенію прогрессистовъ, можетъ быть допущенъ только одинъ случай—случай нарушенія конституціи, такъ какъ послѣ изданія уголовного кодекса преступленія измѣны и подкупа наказываются сообразно съ этимъ кодексомъ; (при этомъ комиссары упустили изъ виду то, что уголовный кодексъ имѣетъ въ виду измѣну и подкупъ въ самой грубой ихъ формѣ, къ которой врядъ ли когда нибудь прибѣгнетъ какой либо министръ, и что есть множество другихъ формъ подкупа и измѣны, за которыя уголовный кодексъ не назначаетъ никакихъ наказаній, но за которыя министры все-таки должны быть подвергнуты отвѣтственности). Во вторыхъ, комиссары объявили, что правительство не можетъ никакъ согласиться на то, чтобы судъ надъ министрами производился верховнымъ трибуналомъ страны, такъ какъ въ такомъ случаѣ это судилище не могло бы сохранить характера безпристрастія и не могло бы пользоваться въ странѣ достаточнымъ довѣріемъ и авторитетомъ. Такъ какъ министерство самымъ категорическимъ образомъ объявило, что король не одобритъ этого закона, и такъ какъ того же можно было ожидать и отъ верхней палаты, то этотъ законъ не могъ пройти, имѣя за себя одного только фактора законодательной власти, а противъ себя двухъ факторовъ. Поэтому дѣло и ограничилось тѣмъ, что объ этомъ проектѣ потолковали въ палатѣ депутатовъ, приняли его огромнымъ большинствомъ, и только; дальше дѣло не пошло. Во время этихъ преній министръ народнаго просвѣщенія, г. Мюлеръ между прочимъ опровергалъ необходимость закона объ отвѣтственности министровъ на томъ основаніи, что не зачѣмъ предавать ихъ суду здѣсь на землѣ, такъ какъ они за всѣ свои дѣла, хорошія и дурныя, подвергнутся суду Божию и получатъ въ будущей жизни должное возмездіе.

Наконецъ, 7 мая въ прусской нижней палатѣ приступлено было къ обсужденію вышеупомянутыхъ проектовъ законовъ о реорганизациіи арміи. Пренія объ этотъ вопросъ происходили 7 и 9 мая, при чемъ было говорено немало рѣчей. Министры и немногіе ихъ приверженцы въ палатѣ говорили, конечно, въ пользу проекта правительства и про-

тивъ проектовъ либераловъ; они основывались при этомъ на доводахъ въ родѣ слѣдующихъ: что составители разныхъ проектовъ, какъ не специалисты по военной части, не могутъ достаточно вѣрно судить о потребностяхъ страны въ военномъ отношеніи и объ условіяхъ сформированія хорошаго войска. Вотъ, напримеръ, вы хотите, говорятъ имъ, узаконить двухъ-годовалый срокъ службы вмѣсто трехъ-годовалого; но вы упускаете изъ виду всѣ трудности изученія военного дѣла и забываете, что если принять ваши предложенія, то придется распускать по домамъ солдатъ, едва только они успѣютъ чему нибудь выучиться. Но г. Роонъ полагаетъ, что на обученіе солдатъ никакъ нельзя употребить менѣе трехъ лѣтъ. Члены нижней палаты, впрочемъ, какъ-то плохо убѣждались доводами г. Роона и продолжали энергически возставать противъ проекта правительства и отстаивать различныя, враждебныя ему предложенія. При этомъ случаѣ министерству опять пришлось выслушать множество неприятныхъ вещей. Можетъ быть, пренія продолжались бы еще нѣсколько дней, если бы совершенно неожиданный эпизодъ не прервалъ правильного хода ихъ, и не приблизилъ бы къ развязкѣ событій въ Пруссіи. Этотъ эпизодъ весьма любопытенъ, во первыхъ самъ по себѣ, потому что онъ, не смотря на свой странный характеръ, отлично характеризуетъ настроеніе, господствующее между членами палаты и министрами, и лучше всего обрисовываетъ настоящія отношенія различныхъ факторовъ власти; во вторыхъ, этотъ эпизодъ, не смотря на то, что онъ самъ по себѣ кажется вовсе не важнымъ, имѣлъ довольно важныя послѣдствія: онъ, какъ мы замѣтили выше, положилъ ковецъ тому порядку дѣлъ, который существовалъ въ Пруссіи доселѣ, и во всѣмъ видимостямъ приблизилъ дѣло къ какому нибудь исходу — въ ту или другую сторону.

11 мая въ прусской нижней палатѣ продолжались пренія о преобразованіи арміи. Военный министръ, г. Роонъ, объявилъ, что депутаты должны доказать свой патріотизмъ и принять правительственный проектъ преобразованія. Г. Зибель, членъ лѣваго центра (значить, довольно умѣренный либераль), замѣтилъ на это, что во всей палатѣ навѣрное нѣтъ ни одного члена, который бы имѣлъ менѣе патріотизма, нежели военный министръ, и что министрамъ представляется тоже отличное средство доказать свой патріотизмъ: пускай они откажутся отъ управленія государствомъ. Послѣ этихъ словъ г. Зибеля въ палатѣ произошла слѣдующая сцена. Г. Роонъ всталъ съ мѣста и, не получивши отъ президента палаты права говорить, заговорилъ слѣдующимъ образомъ: «я не намѣревался вновь принимать участія въ общихъ преніяхъ; но личное направленіе, которое приняли разсужденія, заставляютъ меня сказать нѣсколько словъ. Можно быть убѣжденнымъ въ

томъ, что конституція нарушена, я допускаю это; но если въ палатѣ дѣлаются личныя нападки на все министерство или на одного изъ членовъ его, то я вижу въ этомъ самое непопозволительное притязаніе»...

Вице-президентъ палаты, Бокумъ-Дольфсъ, занимавшій въ этотъ день президентское мѣсто: «я долженъ замѣтить г. военному министру»...

Генералъ Роонъ: «я не хочу, чтобы меня прерывали»... (Волненіе въ палатѣ).

Вице-президентъ (звоня въ колокольчикъ): «я намѣренъ говорить и поэтому я прерываю г. военного министра».

Генералъ Роонъ: «Прошу извиненія: мнѣ принадлежитъ право говорить и я не хочу отказаться отъ этого права (вице-президентъ продолжаетъ звонить въ колокольчикъ). Повторяю, мнѣ принадлежитъ право говорить; это право принадлежитъ мнѣ въ силу конституціи, и никакіе колокольчики, никакія повелѣнія, никакія прерыванія»... (Колокольчикъ продолжаетъ звенѣть, раздаются крики: къ порядку, сильнѣйшее волненіе въ палатѣ).

Вице-президентъ: «Когда я прерываю г. военного министра, онъ долженъ молчать (голоса на правой сторонѣ: о, о!, на лѣвой сторонѣ громкія рукоплесканія), и съ этою цѣлью я прибѣгнулъ къ колокольчику; а въ случаѣ, если г. министръ не послушается, я потребую, чтобы мнѣ принесли мою шляпу».

Генералъ Роонъ: «Я не имѣю ничего возразить противъ того, чтобы г. президентъ велѣлъ принести свою шляпу (на лѣвой сторонѣ восклицанія: къ порядку), но я долженъ замѣтить... (громкія восклицанія на лѣвой сторонѣ). Господа, 350 голосовъ громче, нежели одинъ голосъ. Я требую только права предоставляемаго мнѣ конституціей; въ силу конституціи я могу говорить, когда мнѣ вздумается, и никто не имѣетъ права прерывать меня».

Вице-президентъ (продолжая все звонить въ колокольчикъ): «Я прерываю г. министра. Когда президентъ говоритъ, всѣ присутствующіе должны молчать, и всѣ они, въ какой бы части палаты они ни сидѣли, должны слушаться президента. Если бы здѣсь дѣйствительно случилось что нибудь нарушающее порядокъ въ палатѣ, то мое дѣло прекратить это. Но я не нашелъ нужнымъ сдѣлать замѣчаніе г. Зибею и призывать къ порядку почтеннаго оратора (рукоплесканія на лѣвой сторонѣ, шиканье на правой). Теперь я даю право слова г. военному министру».

Генералъ Роонъ. Я снова протестую противъ притязаній г. президента относительно права прерывать министровъ. Я утверждаю, что

его власть простирается только (какъ уже однажды было сказано) (*) до этого стола (показывая на министерскій столъ) и не далѣе. (Знаки неодобренія на лѣвой сторонѣ; шиканье на правой сторонѣ. Сильное волненіе въ палатѣ). *Вице-президентъ* (надѣвая свою шляпу при громкихъ рукоплесканіяхъ лѣвой стороны): «такимъ образомъ объявляю, что засѣданіе закрыто на одинъ часъ». (Депутаты встаютъ и съ шумомъ направляются къ дверямъ палаты; военный министръ стоитъ нѣсколько времени у министерскаго стола и оглядывается кругомъ, что вокругъ него происходитъ; затѣмъ онъ укладываетъ въ портфель всѣ свои бумаги, разложенныя передъ нимъ на столѣ, и выходитъ изъ палаты вмѣстѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и съ правительственными комиссарами. Когда по прошествіи одного часа времени засѣданіе вновь было открыто, на министерской скамьѣ не было ни одного министра). Настоящій случай обозначаетъ съ особенною ясностью натянутость отношеній, которая дошла до того, что палата и министерство никакъ уже не могутъ существовать вмѣстѣ; и король, и министерство, и палата, и вся страна должны были убраться въ этомъ, и поэтому всѣ очень хорошо поняли, что королю придется теперь выбирать между министерствомъ и палатою. Дѣйствительно, въ очень скоромъ времени должно было обнаружиться, на которую сторону склонится король.

На другой день послѣ описаннаго нами происшествія предсѣдатель совѣта министровъ, г. Бисмаркъ, препроводилъ въ палату письмо, въ которомъ онъ говоритъ, что на основаніи 60 статьи конституціи 1850 года президентъ палаты не имѣлъ права прерывать рѣчи министра (**), и что министры явятся въ палатѣ не прежде, чѣмъ палата и президентъ ея не откажутся отъ права прерывать рѣчи министровъ и призывать ихъ къ порядку. Это письмо г. Бисмарка вызвало, какъ и слѣдовало ожидать, весьма оживленныя разсужденія въ палатѣ. Нѣкоторые изъ членовъ ея замѣчали, что министерство толкуетъ 60-ю статью конституціи совершенно ошибочнымъ образомъ, и что если эта статья даетъ право министрамъ говорить, когда имъ угодно, то она не даетъ имъ права говорить, *что* имъ угодно; что палата обязана всегда выслушать объясненія и оправданія

(*) Г. Бисмаркомъ, во время преній о русско-прусской конвенціи. Тогда между г. Бисмаркомъ и вице-президентомъ Берендомъ случилась сцена въ родѣ настоящей, только тогда г. Бисмаркъ уступилъ, и не пришлось закрывать засѣданія.

(**) Вотъ эта 60-я статья конституціи, на которую опирается министерство: «министры и государственные чиновники, которымъ поручено представлять ихъ въ палатѣ, имѣютъ доступъ въ обѣ палаты и должны быть, по ихъ требованію, выслушиваемы во всякое время».

министровъ, но что никакая конституція не обязываетъ ее выслушивать дерзости и личные оскорбленія, если бы иному министру вздумалось высказать ихъ въ засѣданіи палаты. Значить, можно было еще многое возразить противъ того толкованія, которое министры давали 60-й статьѣ конституціи (что и дѣлалось въ палатѣ). Но кромѣ того, въ данномъ случаѣ не было никакой надобности разсуждать о томъ, имѣлъ ли президентъ право запрещать министру говорить или нѣтъ, потому что оказалось, что президентъ никогда не изъявлялъ подобающаго желанія, и что, во время засѣданія 11 мая, онъ прервалъ министра Роона только затѣмъ, чтобы замѣтить ему, что онъ началъ говорить безъ разрѣшенія президента, и что не его дѣло дѣлать замѣчанія предъидущему оратору; это дѣло президента палаты, и если онъ, президентъ, не сдѣлалъ замѣчанія г. Зибелю, то значить, въ рѣчи г. Зибеля не было ничего несогласнаго съ парламентскими обычаями, и ему, г. военному министру, уже не приходится дѣлать замѣчаній оратору. Послѣ всего этого вице-президентъ далъ военному министру право говорить и оправдываться противъ направленныхъ на него обвиненій; но тотъ продолжалъ увѣрять, что его не смѣли прерывать, продолжалъ вызывать беспорядки въ палатѣ и принудилъ президента закрыть засѣданіе. По мнѣнію большинства палаты, вице-президентъ Бокумъ-Дольфсъ имѣлъ полное право поступить такъ, какъ онъ поступилъ, и что ни 60-я, ни какія либо другія статьи существующихъ конституцій не запрещаютъ президенту поступать такимъ образомъ, какъ поступилъ г. Бокумъ-Дольфсъ. Но прусскіе министры постановили не являться въ палатѣ, пока палата и президентъ ея не провозгласятъ, что признаютъ за ними право — говорить, не подвергаясь никакимъ замѣчаніямъ; и по всему видно было, что они будутъ держаться этого рѣшенія съ свойственною имъ настойчивостью. Вслѣдствіе подобнаго оборота дѣла въ палатѣ прекращено было обсужденіе военнаго закона; между тѣмъ изъ среды депутатовъ выбрана была коммиссія для рѣшенія спорнаго вопроса о правахъ президента въ палатѣ и для постановленія рѣшенія о томъ, какъ поступить въ настоящемъ случаѣ. Черезъ нѣсколько дней коммиссія эта представила свое мнѣніе о настоящемъ вопросѣ; она вѣдомъ оправдала поступокъ вице-президента, осуждала рѣшеніе министровъ, и палата, соглашаясь съ ея мнѣніемъ, постановила пригласить министровъ отказаться отъ своего рѣшенія, сообщеннаго въ письмѣ г. Бисмарка, и вновь явиться въ засѣданія палаты. Какъ и слѣдовало ожидать, министры не послушались приглашенія палаты; напротивъ, черезъ нѣсколько времени послѣ этого приглашенія, въ палату явился г. Бисмаркъ и прочелъ посланіе короля, въ которомъ говорится, что король находитъ поступокъ палаты и ея президента незаконнымъ и приглашаетъ палату объ-

явить, что дисциплинарная власть президента не простирается на министровъ. Послѣ этого посланія въ Берлинѣ быстро последовали другъ за другомъ событія, которыя приближаютъ дѣло къ развязкѣ. Еще до послѣдняго столкновения въ палатѣ, нѣкоторые члены прогрессивной партіи, и во главѣ ихъ Вирховъ, предложили подать королю адресъ, въ которомъ излагалось бы неудовлетворительное положеніе страны, и въ которомъ его просили бы отказаться отъ настоящихъ своихъ совѣтниковъ и отъ теперешней, несогласной съ конституціей, системы правленія. Но въ то время всѣ умѣренные прогрессисты и такъ называемый лѣвый центръ отказались приступить къ этому предложенію и находили, что незачѣмъ ставить вопросъ такъ прямо и категорически. Теперь же, послѣ того, какъ прерваны были очередныя занятія палаты, и когда для всѣхъ стало очевиднымъ, что нѣтъ болѣе никакихъ средствъ къ соглашенію между министерствомъ и народнымъ представительствомъ, почти всѣ либеральныя фракціи приступили къ мысли Вирхова и его партіи, и палата занялась составленіемъ и обсужденіемъ адреса. 22 мая палата вотировала огромнымъ большинствомъ адресъ, предложенный Вирховомъ, и 24 мая этотъ адресъ былъ доставленъ королю (опять частнымъ образомъ, такъ какъ король вторично объявилъ, что онъ не приметъ депутаціи, которая явилась бы къ нему для представленія адреса). Въ этомъ адресѣ говорится сначала, что министры представили королю въ ложномъ свѣтѣ то, что произошло въ палатѣ 11 мая; происшествіе это излагается въ настоящемъ свѣтѣ, и эта часть адреса оканчивается тѣмъ, что палата не можетъ ничего измѣнить въ своемъ прежнемъ рѣшеніи относительно вопроса о власти президента въ палатѣ, и что конецъ этому столкновению должны положить министры, послушавшись приглашенія палаты вновь явиться въ ея засѣданія... Затѣмъ депутаты переходятъ къ общему положенію дѣлъ и говорятъ о неконституціонномъ образѣ дѣйствій министерства, о томъ, что правительство не хотѣло признать законовъ объ отвѣтственности министровъ и о преобразованіи арміи, предложенныхъ палатою и т. д.; однимъ словомъ, дѣйствія министерства подвергаются въ адресѣ самой строгой критикѣ; изъ всего этого вытекаетъ тотъ выводъ, что подобный порядокъ вещей не можетъ продолжаться, и что необходимо положить этому конецъ. Повторивши еще разъ свои увѣренія въ преданности королю и въ уваженіи къ конституціи, палата слѣдующимъ образомъ заключаетъ этотъ адресъ, торжественно подтверждающій окончательный разрѣзъ между палатою и министерствомъ: «Палата депутатовъ приближается къ трону вашего величества въ то время, когда она не можетъ болѣе сомнѣваться въ томъ, что намѣренія палаты и желанія страны не

были вѣрно представлены вашему величеству. Она еще разъ исполняетъ обязанность, возлагаемую на нее ея совѣстью, и съ самымъ глубокимъ почтеніемъ объявляетъ вашему величеству, что она не находитъ болѣе ередствъ войти въ соглашеніе съ министерствомъ, и что она отказываетъ настоящей политикѣ правительства въ своемъ содѣйствіи. Всякія дальнѣйшія разсужденія могутъ только еще болѣе утвердить насъ въ нашей увѣренности, что между совѣтниками короны и странкою существуетъ бездна, которая можетъ быть уничтожена или посредствомъ перемѣны лицъ, находящихся во главѣ управления, или, лучше сказать, посредствомъ перемѣны всей системы правленія». Черезъ три дня въ палату присланъ былъ отвѣтъ короля на этотъ адресъ. Въ этомъ отвѣтѣ король опять заявляетъ о своемъ желаніи сохранять конституцію, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ во всемъ оправдываетъ своихъ министровъ и говоритъ, что они пользуются полнымъ его довѣріемъ; онъ обращаетъ на самую палату всѣ упреки, которыя та сдѣлала было министерству, и дѣлаетъ ее отвѣтственною за настоящее положеніе дѣлъ. Онъ такъ же, какъ и палата, видитъ невозможность совмѣстнаго существованія настоящаго министерства и настоящей палаты. Но такъ какъ министерство пользуется полнымъ его довѣріемъ, то изъ этого очевидно, что онъ не захочетъ разстаться съ нимъ и съ олицетворяемой имъ системой правленія; но одинъ изъ двухъ враждующихъ элементовъ долженъ быть удаленъ. — Конечно тотъ, который не пользовался довѣріемъ и симпатіей главы государства долженъ былъ уступить. Дѣйствительно, король рѣшился сохранить теперешнихъ своихъ министровъ и отстранить палату, закрывши ея засѣданія.

Поэтому въ тотъ самый день, какъ палатѣ сообщенъ былъ отвѣтъ короля на ея адресъ, закрыты были засѣданія палаты (27 мая). Иные находятъ, что закрытіе сессіи гораздо менѣе важно, нежели распушеніе палаты, къ которому прусское правительство не прибѣгнуло; поэтому они не придаютъ особеннаго значенія этой мѣрѣ правительства и не хотятъ видѣть въ ней начала рѣшительнаго поворота въ прусской политикѣ.

Но они забываютъ, что простая отсрочка засѣданій палаты можетъ быть въ иномъ случаѣ гораздо выгоднѣе распушенія палаты. Если палата распускается, то въ самомъ скоромъ времени послѣ распушенія ея должны быть назначены новыя выборы. Между тѣмъ понятно, что при настоящемъ настроеніи населенія и при настоящемъ избирательномъ законѣ отъ новыхъ выборовъ нельзя ожидать ничего хорошаго, и распушеніе палаты будетъ только двухъ или трехъ-мѣсячное перемиріе, не болѣе; послѣ того придется опять возиться и бороться съ непокорною палатою. А простая отсрочка за-

сѣданій палаты гораздо удобнѣе: можно не созывать вновь палаты въ теченіе многихъ мѣсяцевъ и въ это время совершенно спокойно управлять страной. 27 мая произошло закрытіе, и немедленно послѣ того «феодалныя и полуо-фициальныя газеты начали говорить, что въ виду неблагонамѣреннаго образа дѣйствій и происковъ различныхъ партій, правительству, можетъ быть, придется прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Въ самомъ скоромъ времени оказалось, что эти слова не были одной только пустой болтовней; предсказанія эти не замедлили осуществиться. 1 іюня издано было королевское повелѣніе, которымъ, въ силу 63 статьи конституціи административнымъ властямъ предоставлялось право запрещать на время или навсегда изданіе газетъ и журналовъ, которые будутъ найдены вредными для общественной безопасности (*). Вредными же газеты и журналы считаются не только тогда, когда нѣкоторыя статьи ихъ заслуживаютъ судебного преслѣдованія, но и тогда, когда общее направленіе обнаруживаетъ желаніе поколебать уваженіе и вѣрность королю, нарушить общественное спокойствіе черезъ возбужденіе гражданъ государства другъ противъ друга; когда замѣтно желаніе возбудить ненависть противъ общественныхъ учреждений, властей и ихъ распоряженій, и понудить къ непочиновенію законамъ и повелѣніямъ властей; наконецъ, когда замѣтно желаніе поколебать въ народѣ нравственность, благочестіе и уваженіе къ какой нибудь христіанской религіи. Эти запрещенія журналовъ производятся мѣстными, административными властями послѣ двухъ предостереженій. Наконецъ, эти же власти могутъ запрещать въ своей провинціи распространеніе неблагонамѣренныхъ иностранныхъ изданій. Нѣсколько дней спустя, шесть либеральныхъ берлинскихъ газетъ протестовали противъ этого распоряженія правительства, какъ противъ мѣры несогласной съ конституціей, не оправдываемой обстоятельствами и нисколько не вытекающей изъ 63 статьи конституціи. Въ этой статьѣ сказано: «въ промежуткахъ между сессіями палатъ исполнительная власть можетъ издавать постановленія, которыя имѣютъ силу законовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда этого безотлагательно требуютъ исключительныя обстоятельства и сохраненіе общественного спокойствія, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы эти постановленія не противорѣчили конституціи, и чтобы они были представлены на утвержденіе палаты немедленно послѣ созванія ея». Вышеозначенныя шесть газетъ указывали на то,

(*) Мы должны напомнить нашимъ читателямъ, что, по существующей въ настоящее время въ Пруссіи конституціи, пресса нисколько не подвержена вліянію административныхъ властей; всякія преступленія и проступки прессы преслѣдовались судебнымъ порядкомъ.

что во первыхъ, въ силу 63 статьи конституціи, исполнительная власть одна, безъ содѣйствія палаты, можетъ издавать законы только въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требуютъ исключительныя обстоятельства и сохраненіе общественнаго спокойствія; прусскія палаты были собраны до 27 мая, и никакого проекта объ измѣненіи законовъ о прессѣ имъ не было представлено; королевское постановленіе издано 1 іюня; въ 4 дня, прошедшіе между 27 мая и 1 іюня не случилось ничего, угрожающаго безопасности государства; отсюда ясно, что нельзя основывать изданія закона 1 іюня на 63 статьѣ конституціи. Во вторыхъ, 63 статья говоритъ объ изданіи такихъ законовъ, которые не противорѣчили бы конституціи: повелѣніе 1 іюня, очевидно, противорѣчитъ конституціи; значитъ, оно не можетъ быть основано на 63 статьѣ. Въ третьихъ, за постановленія, изданныя въ промежутокъ между сессіями, министры должны отвѣчать передъ палатою: въ Пруссіи еще не существуетъ закона объ отвѣтственности министровъ, и съ этой стороны постановленіе 1 іюня не подходитъ подъ 63-ю статью конституціи. А слѣдовательно, это постановленіе совершенно несогласно съ существующею нынѣ въ Пруссіи конституціей и нисколько ею не оправдывается. Издатели шести газетъ, напечатавшихъ протестъ, получили по предостереженію отъ президента берлинской полиціи, за то, что они давали ложное толкованіе дѣйствіямъ правительства, возбуждали въ читателяхъ своихъ ненависть къ правительству, и проч. Теперь если бы въ этихъ газетахъ появилась еще какаянибудь статья, которая будетъ признана неблагонамѣренною, можетъ быть дано второе предостереженіе, а тамъ хоть черезъ двѣ недѣли газеты могутъ быть запрещены; такимъ образомъ шесть либеральныхъ берлинскихъ газетъ могутъ быть уничтожены въ самомъ скоромъ времени; съ тѣми изъ провинціальныхъ газетъ, которыя будутъ слѣдовать противуправительственному направленію, будетъ, конечно, поступлено такимъ же образомъ. Значитъ, сопротивленіе прессы будетъ побѣждено. То же самое отчасти случилось и въ прочихъ сферахъ государственной и общественной жизни. 4 іюня берлинскій муниципальнѣй совѣтъ постановилъ послать къ королю денутацію, которая должна была описать королю вредное вліяніе, которое новое постановленіе о прессѣ, управленіе безъ правильнаго бюджета и вообще разногласія правительства съ палатами, производятъ на собственность, на частную промышленность и на кредитъ; денутація эта должна была также просить короля, чтобъ онъ, создавши въ скоромъ времени палату, возстановилъ вновь конституціонное управленіе страной.

На другой день и магистратъ (исполнительная власть общины) приступилъ къ этому рѣшенію муниципальнаго совѣта, и рѣшено было послать денутацію къ королю. Но предположенію этому не сум-

дело было осуществиться. *Крестовая газета*, которая постоянно выражает убъждения феодальной партіи, а слѣдовательно, и настоящаго прусскаго министерства, которая за нѣсколько дней до 1 іюня доказывала необходимость ограничить прессу и выражала надежду, что правительство такъ поступитъ (что дѣйствительно и случилось), эта газета напечатала на другой день послѣ постановленія берлинскаго муниципальнаго совѣта слѣдующую замѣтку: «надобно надѣяться, что правительство съумѣетъ заставить замолчать маленькихъ возмутителей, съ тѣмъ же спокойствіемъ и съ тою же энергіей, съ которою оно заставило замолчать большаго брата (подъ большими братьями здѣсь конечно разумѣется налата депутатовъ, которая только что была закрыта). Мы желаемъ только, чтобы этимъ господамъ не сдѣлалось удовольствія и не распустили немедленно муниципальный совѣтъ. Этимъ прогрессивской партіи дали бы только случай волновать народъ новыми выборами. Мы полагаемъ, что штрафы, судебныя преслѣдованія и дисциплинарныя наказанія зачинщиковъ были бы гораздо болѣе умѣстными и лучше бы достигали своей цѣли. Если правительство не поколебалось, когда дѣло шло о закрытіи палаты, то оно теперь, когда опытъ показалъ, что народъ остался совершенно равнодушенъ къ этому его поступку, еще менѣе покажется поступить, какъ слѣдуетъ, съ помощниками прогрессивской агитаціи». Правительство на этотъ разъ, какъ и въ дѣлѣ прессы, не обмануло ожиданій этой газеты: не далѣе, какъ 8 іюня, въ офенціальной прусской газетѣ напечатанъ былъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ къ губернаторамъ провинцій относительно расужденій общинныхъ совѣтовъ о конституціонныхъ вопросахъ и объ общей политикѣ правительства. Въ этомъ циркулярѣ сказано, что подобныя расужденія не могутъ быть допущены, и что ихъ слѣдуетъ считать противозаконными; въ немъ далѣе сказано, что рѣшенія, принятыя вслѣдствіе подобныхъ расужденій, не должны быть приведены въ исполненіе; въ заключеніе министра выражается надежду, что власти, вѣдѣнію которыхъ это подлежитъ, съумѣютъ твердо сохранить въ своихъ рукахъ дисциплинарную власть надъ магистратами. Заключаящаяся въ этомъ циркулярѣ повелѣнія были приведены немедленно въ дѣйствіе: въ тотъ самый день, какъ онъ былъ напечатанъ въ офенціальной газетѣ, губернаторъ Ногодама уже запретилъ магистрату и муниципальному совѣту посылать депутацію въ Берлинъ; кромѣ того онъ въ этомъ же распоряженіи своимъ предоставляетъ себѣ право принять даламбійскія мѣры, не объясняя впрочемъ, въ чемъ они будутъ состоять.

Принимая въ соображеніе тѣ рѣшительныя мѣры, которыя правительство уже приняло въ короткій промежутокъ времени послѣ закры-

тѣмъ палатѣ (съ 27 мая и 8 июня), мы имѣемъ полное право предполагать, что оно не остановится на этихъ двухъ мѣрахъ (постановленіе относительно прессы и относительно общинныхъ совѣтовъ). Въ этой нашей увѣренности утверждаютъ насъ еще болѣе намеки и полупримаанія официальныхъ прусскихъ газетъ. Такъ одна изъ нихъ замѣчаетъ, что въ скоромъ времени прусскому правительству, можетъ быть, придется, къ суду той же самой 63-й статьи конституціи, сдѣлать нѣкоторыя, сообразныя съ обстоятельствами, измѣненія въ избирательномъ законѣ, какъ оно сдѣлало измѣненія въ законѣ о прессѣ. Это было бы конечно очень удобно для правительства: создавши новый избирательный законъ, оно могло бы вновь собрать палату, но только эта палата состояла бы не изъ лицъ противудѣйствующихъ, какъ теперь, а изъ благонамѣренныхъ и благонадежныхъ людей; тогда правительству можно бы операться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ на рѣшеніе палаты и управлять страной сообразно съ конституціей. *Крестовая газета* идетъ еще далѣе и таинственно замѣчаетъ, что вромѣ 63-й статьи конституціи, правительству, можетъ быть, вскорѣ придется примѣнить къ дѣлу и 111 статью (эта статья говоритъ о случаяхъ объявленія всей страны или мѣстности на военномъ положеніи). Можетъ быть, подобныя предсказанія и преувеличены, но если мы вспомнимъ, что предсказанія *Крестовой газеты* относительно прессы и общинныхъ совѣтовъ оказались совершенно вѣрными, то мы по неволѣ придемъ къ тому заключенію, что настоящими распоряженіями правительства дѣло не кончится и нѣтъ ничего невѣроятнаго, если за ними послѣдуютъ другія мѣры въ этомъ же духѣ, однимъ словомъ, что дѣло приближается къ развязкѣ.

Если настоящее положеніе дѣлъ въ Пруссіи можетъ привести кому либо какую либо пользу, то это конечно Австрія. Извѣстно, что между Австріей и Пруссіей существуетъ теперь уже въ теченіе почти 50 лѣтъ такой же споръ за гегемонію въ Германіи, какой въ древности, по сказаніямъ историковъ, существовалъ между Спартой и Афинами за гегемонію въ Греціи. Германскія правительства, а глядя на нихъ и граждане мелкихъ германскихъ государствъ, вотъ уже 50 лѣтъ, все колеблются, все не могутъ рѣшить, кто же изъ двухъ соперниковъ лучше, у кого лучшая система правленія, у кого болѣе шансовъ въ будущемъ, къ кому значить лучше пристать, чью политику себѣ усвоить. Лѣтъ пять тому назадъ, когда управленіе Пруссіей, за болѣзнь короля Фридриха Вильгельма IV, перешло къ настоящему королю, германцы непремѣнно захотѣли, чтобы и остальная Германія воспользовалась тѣми благами, которыхъ они ожидали для Пруссіи; поэтому началось всеобщее тяготѣніе германскаго народа къ Пруссіи, всеоб-

щее желаніе объединить Германію подъ либеральнымъ управленіемъ Пруссіи. Между тѣмъ Австрія послѣ итальянской войны 1859 года тоже рѣшила, что нужно покончить съ старою, меттерниховскою системою, и громко возвѣстила, что она намѣрена вступить на путь широкихъ, либеральныхъ реформъ. Сначала австрийское правительство дало было своимъ народамъ такъ называемую октябрьскую конституцію 1860 года, которою отдѣльнымъ провинціямъ давались не Богъ знаетъ какія права, но все-таки хоть нѣкоторый признакъ самостоятельнаго управленія. Но вскорѣ государственные люди Австріи нашли, что дано слишкомъ много, и что связь между центральнымъ управленіемъ и различными составными частями австрийской монархіи соблюдена не довольно тѣсная; къ тому же они, какъ нѣмцы, нашли, что цивилизирующему германскому элементу дано слишкомъ мало значенія среди варварскихъ элементовъ славянскаго, итальянскаго и проч. Поэтому черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ дарованія октябрьской конституціи, дана была конституція февральская (1861), въ силу которой нѣмецко-централизаціонный элементъ получалъ во всей имперіи преобладаніе надъ мѣстнымъ и національнымъ. Венгры, славяне и прочіе австрийскіе народы, довольные октябрьской конституціей, пришли въ уныніе, и въ различныхъ частяхъ австрийской имперіи началась борьба между приверженцами февральской конституціи (централистами) и приверженцами октябрьскаго диплома (федералистами). Но за то нѣмцы торжествовали и радовались тому, что должное воздано должному, что равноправность народностей уничтожена въ австрийской имперіи, и что цивилизирующему германскому элементу предоставлено обширное поле дѣятельности. До того этому обрадовались нѣмцы, что даже стали задумываться, на чью сторону имъ склониться—на сторону ли Пруссіи, хваставшейся своимъ конституціонными учрежденіями, или на сторону Австріи, тоже хваставшейся своею новою конституціей, и кромѣ того сдѣлавшей и дѣлающей столько для распространенія по земной поверхности германскаго духа. Австрія старалась по возможности пользоваться заблужденіемъ Германіи, которая хотѣла во что бы то ни стало видѣть начало новой эры въ исторіи Австріи; она влчсони привлекала къ себѣ ея симпатіи, и при этомъ для нея очень кстати пришлись послѣднія событія въ Пруссіи. Ей не трудно было привлечь къ себѣ почти всѣ симпатіи Германіи, тѣмъ болѣе, что она обладала извѣстнымъ искусствомъ—такъ повертывать предметъ передъ глазами наивныхъ германцевъ, что они всѣ являлись освѣщенные самымъ душимъ свѣтомъ: правительства Германіи чувствовали къ ней влеченіе за то, что она постоянно являла величайшее уваженіе ко всѣмъ икъ правямъ. къ древнимъ традиціямъ, что она, однимъ словомъ, являлась

страною довольно консервативною; а народы Германіи похвалялись ея обращеніе на новый путь, ея уступки новымъ идеямъ, ея заботливость о торжествѣ германнаго надъ варварствомъ. Поэтому въ послѣдніе полтора года симпатіи Германіи къ Пруссіи все болѣе и болѣе уменьшались, и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе увеличивались симпатіи ея къ Австріи. Австрія и Пруссія, въ отношеніяхъ своихъ къ Германіи, представляютъ намъ двѣ чашки вѣсовъ, изъ которыхъ одна постепенно опускается по мѣрѣ того, какъ другая поднимается вверхъ. Но конечно, для человека безпристрастнаго и прिवычнаго смотрѣть на предметы съ настоящей ихъ точки зрѣнія, достаточно бросить бѣглый взглядъ на настоящее положеніе дѣлъ въ Австріи, чтобы прийти къ тому убѣжденію, что тамъ все благополучно состоитъ по старому, и что новыя дарницы и наряды, пристроенныя къ старому аданію, не обновили этого зданія. Мы постоянно высказывали эту мысль и въ прежнихъ нашихъ обзорѣніяхъ; сегодня мы тоже упоминаемъ въ нѣсколькихъ словахъ о событіяхъ въ Австріи за послѣдніе полгода, чтобы показать нашимъ читателямъ, что на эту почтенную страну клещутъ, когда говорятъ, что она обратилась въ полую вѣру.

Увѣрить Европу и своихъ собственныхъ подданныхъ въ томъ, что она вступила на новый, благотворный путь реформъ, и въ то же время вести у себя все на старый ладъ, — вотъ какъ можно въ двухъ словахъ характеризовать исторію Австріи за послѣдніе два года. Для того, чтобы понять событія, совершившіяся въ Австріи въ это время, нужно непремѣнно смотрѣть на нихъ съ той точки зрѣнія; а то вмѣстѣ съ Германіей и съ значительною частью европейскихъ публицистовъ выходя въ заблужденіе. Вотъ наприимѣръ въ Вѣну собирается государственнѣй сеймъ, то есть собраніе народныхъ депутатовъ; этотъ политическій органъ долженъ заниматься и изданіемъ новыхъ законовъ, и бюджетомъ, и утвржденіемъ договоровъ, заключаемыхъ правительствомъ; со стороны и думаешь, что видяши передъ собою настоящее представительное собраніе, со всѣми его атрибутами и съ настоящимъ его значеніемъ.

Ничуть не бывало: государственный сеймъ въ Австріи имѣетъ совершенно особенное значеніе, значеніе *административное*, такъ сказать, отъскакивающее. Дѣло въ томъ, что въ октябрѣ 1860 г. правительство, какъ мы сказали выше, дало нѣкоторыя признаки самостоятельнаго управленія отдѣльнымъ провинціямъ. Но нѣмцы—централизаторы никакъ не могли простить ему того, что оно дало такое, будто бы огромное, значеніе провинціальнымъ сеймамъ; и вотъ они—то въ февралѣ 1861 года создали общій государственный сеймъ, котораго главное назначеніе было противодѣйствовать развитію мѣстнаго, областного

самоуправленія и сосредоточить управленіе всѣми австрійскими областями въ одномъ общемъ центрѣ, который кромѣ того долженъ былъ имѣть преимущественно нѣмецкій характеръ. Вотъ какое оригинальное назначеніе имѣло это знаменитое учрежденіе, столь неуверенно прославленное и прославляемое нѣмцами—либералами. Мало того, что при существованіи общаго сейма множество дѣлъ переходитъ изъ-подъ вѣдѣнія областныхъ сеймовъ въ вѣдѣніе общаго государственнаго сейма, и что такимъ образомъ значеніе первыхъ уменьшается на счетъ послѣдняго, но правительство извлекаетъ еще и другія выгоды изъ существованія послѣдняго: пока собранъ общій сеймъ, не могутъ быть созваны областные сеймы, и поэтому австрійское правительство тянуло какъ можно дагѣ засѣданіе перваго. Это конечно было не особенно трудно для него; можно было всегда найти какойнибудь предметъ, о которомъ гг. депутаты могли разсуждать долгое, очень долгое время, нисколько не подвигая впередъ самаго дѣла. Напримѣръ при исходѣ 1862 года можно взять бюджетъ за этотъ годъ и предложить его сейму; пускай онъ потолкуетъ столько недѣль о фактѣ совершившемся, о деньгахъ, давно уже истраченныхъ; а тамъ ему найдутъ еще другой подобный же предметъ для занятій и т. д.; такимъ образомъ можно тянуть дѣло очень долго. Перечисляя труды закрывшагося сейма, мы найдемъ, что въ минувшую сессію онъ выработалъ много важныхъ законовъ: законъ о неприкосновенности депутатовъ, о личной свободѣ, новый законъ о прессѣ, разныя финансовыя постановленія, и проч.; наконецъ, имъ рассмотрѣны и утверждены бюджеты 1862 и 1863 годовъ. Если прочесть весь этотъ переченьъ законовъ и трудовъ сейма, то пожалуй дѣйствительно подумаешь, что онъ не тратилъ по напрасну своего времени, и что съ тѣхъ поръ, какъ началась его дѣятельность, дѣла въ Австріи пошли совершенно по новому. Но слѣдуетъ только вспомнить, что со времени изданія новаго закона о прессѣ почти всѣ редакторы независимыхъ газетъ перебивали въ тюрьмѣ и процессы печати бывають чуть не каждый день (*), что личная свобода существуетъ только на бумагѣ, а на дѣлѣ господствуетъ полнѣйшій административный произволъ; что финансы Австріи послѣ конституціонныхъ реформъ чуть ли еще не болѣе запутаны, чѣмъ прежде, что бюджеты представляются на обсужденіе сейма уже послѣ того, какъ деньги истрачены; что налоги въ Австріи удвоились въ послѣдніе годы. Сеймъ

(*) Объ этомъ предметѣ была помѣщена особая статья въ I, IV и V книжкахъ «Современника» за нынѣшній годъ; читатели могли усмотрѣть изъ нея, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать въ настоящее время свободу печати въ Австріи.

не обмануть тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагались министерствомъ. Это совершенно вѣрно: отъ него ожидали, что онъ будетъ повиннѣйшимъ, покорнѣйшимъ и безмолвнѣйшимъ собраніемъ людей, и онъ оказался дѣйствительно такимъ. Да и не мудрено, что депутаты были смиренны: дисциплина у нихъ очень хорошо соблюдается. Напримѣръ президентъ сейма, докторъ Гейнъ (впоследствии министръ юстиціи) грозилъ нѣкоторымъ депутатамъ, что онъ отправитъ ихъ домой, если они не согласятся на нѣкоторыя мѣры, предложенныя правительствомъ; но неволь согласился: кому же охота быть отправленнымъ во своемъ же неблагонадежность. Могущество Австріи сильно возвысилось со времени введенія въ ней конституціонныхъ учрежденій, ея прогрессъ по пути мирнаго развитія оживилъ и утвердилъ за нею симпатіи всѣхъ прочихъ европейскихъ державъ, и проч. Все это, пожалуй, правда: мы уже говорили выше, что многіе не шутя повѣрили тому, что Австрія возродилась или возрождается, и обратились къ ней съ своими симпатіями. Правительство твердо рѣшилось идти впередъ по тому пути, который былъ открытъ февральскою конституціей 1861 г., не смотря на то, что противъ этой системы болѣе двухъ лѣтъ протестовала большая часть австрійскихъ подданныхъ и отказывалась посылать депутатовъ въ общій сеймъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что австрійское правительство не отказывается отъ этой системы, представляющей ему столько удобствъ, привлекающей къ нему симпатіи нѣмцевъ, и все-таки неопасной. Однимъ словомъ, общій государственный сеймъ оказывается преползнымъ учрежденіемъ: и конституціонно, и смиренно, и для всѣхъ безобидно; а то если венгерцы и итальянцы отказываются посылать своихъ депутатовъ въ это собраніе, это конечно ничего не значитъ; австрійскія правительственныя газеты доказываютъ самымъ несомнѣннымъ образомъ, что это дѣлается по врожденной имъ страсти къ оппозиціи, по упрямству, по глупости, по непониманію собственныхъ своихъ выгодъ.

При словѣ Австрія какъ-то невольно приходятъ на умъ разстроенныя финансы и разныя финансовыя затрудненія. Австрія какъ-то немислима безъ всѣхъ этихъ атрибутовъ, и какъ-то странно, говоря объ Австріи, не говорить о дефицитахъ, займахъ и проч. И дѣйствительно въ quasi-обновленной Австріи и съ этой стороны не произошло ни малѣйшаго измѣненія. На финансовый годъ, начинающійся съ 1 ноября 1862 года и оканчивающійся 1 ноября 1863 года предположено доходовъ 304½ милліоновъ гульденовъ, а расходовъ 366½ милліоновъ гульденовъ: значитъ чистый дефицитъ 62 милліона. Этотъ дефицитъ предполагается покрыть новымъ увеличеніемъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ (налоги были увеличены въ 1859 году по случаю итальянской войны на *среля*; и дѣйствительно они оставались въ

этомъ увеличенномъ размѣрѣ только на время, т. е. до 1862 года, когда они были вновь увеличены, такъ что многіе изъ нихъ вдвое значительнѣе, нежели были до итальянской войны); даже предполагалось произвести разныя финансовыя операціи съ государственными банкомъ, продать государственныя облигаціи, и т. д., за всѣмъ тѣмъ оставалось не покрытыми 12 милліоновъ гульденовъ (а въ случаѣ неуспѣха банковской операціи 42 милліона), которыя должны были покрыться новымъ займомъ. И въ такомъ-то положеніи находится финансы Австріи, среди глубокаго мира, при полномъ отсутствіи экстренныхъ расходовъ. Но за то очень любопытно видѣть, какъ австрійское правительство поступаетъ съ палатой въ вопросѣ о расходахъ на армію. Правительство требовало на этотъ предметъ 118 милліоновъ гульденовъ; палата желала произвести въ этой суммѣ сокращеніе — одни предлагали въ 16, другіе въ 14, въ 8 милліоновъ и т. д. Военный министръ объявилъ, что правительство, одушевляемое желаніемъ облегчить для народа расходы на военныя нужды, наименѣе возможнымъ сдѣлать сокращеніе въ 5 милліоновъ, но что болѣе оно не можетъ уже уступить ни копѣйки; наконецъ помирилось на 6 милліоновъ гульденовъ. Всѣ остались довольны, и австрійскія газеты съ гордостью указывали на этотъ результатъ преній о военныхъ расходахъ, сравнивая его съ прусскими несогласіями; тамъ одно упрямство, озлобленіе, неудовольствія; здѣсь министры любезны и услужливы, депутаты еще болѣе любезны и еще болѣе уступчивы, и чуждыся проявляется какое-то особенно радостное и правдивое настроеніе.

И такъ если мы взглянемъ на общее положеніе дѣлъ въ Австріи, то подъ нѣсколько обновленной формой мы встрѣимъ старыя, давно знакомыя явленія: разстроенныя финансы, господство административнаго произвола, преслѣдованіе всего, не поддающагося ношѣ общую мѣрку, и все это прикрытое въ послѣднее время манной конституціонализма. Теперь бросимъ бѣглый взглядъ на отношенія центральнаго австрійскаго правительства къ различнымъ народамъ, входящимъ въ составъ австрійской монархіи, хотя мы должны при этомъ предупредить нашихъ читателей, что и здѣсь они найдутъ очень мало новаго; это — безконечное повтореніе одной и той же пѣсенки.

Въ Венгріи въ настоящее время существуютъ собственно три главныя политическія партіи. Такъ называемая партія Деака, которая желаетъ возвращенія къ законамъ 1848 г., равноправности венгровъ съ прочими національностями, входящими въ составъ древняго венгерскаго королевства — славянами, румынами — вообще партія, которую мы преимущественно передъ всякой другою согласились бы назвать партіей либеральною. Во вторыхъ, нѣмецкая партія, партія Шмерлингга или централизаторовъ, которая желала бы одинаково подчинить

и венгровъ, и чеховъ, и поляковъ, и румыновъ всеобщему, нивелирующему германскому элементу. Эта партія тоже считаетъ себя партией либеральною. Наконецъ третья партія, которая занимаетъ середину между партией Деака и Шмерлинга, и которая, подобно всѣмъ приверженцамъ золотой середины, имѣетъ менѣе всего почвы подъ ногами. Она желала бы для Венгріи большей самостоятельности, нежели какую предназначаетъ ей Шмерлингъ, но она отмахивается отъ учрежденій 1848 года, какъ отъ наважденія революціи; она желаетъ, чтобы цѣлостъ венгерскаго королевства не была нарушена, чтобы опять созванъ былъ венгерскій сеймъ, и чтобы вѣнское правительство отказалось отъ своихъ централизаціонныхъ стремленій; она желаетъ, чтобы вопросы, касающіеся иностранной политики, войска, финансовъ и торговыхъ дѣлъ, разсматривались для Венгріи сообща съ прочими частями имперіи, и предоставлены были одному общему для всей имперіи управленію. Они не желаютъ подчиниться вѣмецкому вліянію, но они не хотятъ признать за Крозціей, Славоніей и Трансильваніей равноправности съ Мадырами. Однимъ словомъ, программа этой партіи есть рядъ несообразностей и нелѣпостей. Эта партія тоже считаетъ себя либеральною. Къ ней принадлежатъ большая часть феодальной аристократіи Венгріи, а также канцлеръ Венгріи, графъ Форгачъ и генераль-губернаторъ Венгріи, графъ Пальфи. Эти господа находятся во враждѣ съ Шмерлингомъ, но людей изъ партіи Деака они боятся пуще огня. До августа 1861 г., пока былъ собранъ венгерскій сеймъ, партія Деака играла очень видную роль, потому что она преобладала на сеймѣ; но послѣ того, какъ распущенъ былъ сеймъ, эта партія обратилась къ пассивному сопротивленію и объявила, что она не хочетъ слышать о созваніи венгерскаго сейма, если не будутъ признаны венгерскіе законы 1848 года. Съ тѣхъ поръ въ Венгріи борются только два стремленія, двѣ партіи, партія Шмерлинга и Форгача-Пальфи. То одержитъ верхъ послѣдняя—и венгерскимъ политическимъ преступникамъ даются амнистія, пресса дѣлается болѣе свободною, начинаютъ поговаривать объ уступкахъ правительства и о скоромъ созваніи сейма. То опять въ содѣлѣ министровъ одолѣетъ Шмерлингъ (что обыкновенно и бываетъ), тогда въ Венгріи принимались опять болѣе крутыя и стѣснительныя мѣры. Картина донелзя скучная и однообразная. Однообразіе это было только нѣсколько нарушено въ апрѣлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года эпизодомъ, въ которомъ опять выступаютъ Деакъ и его партія. Съ тѣхъ поръ, какъ эта партія заключилась исключительно въ область пассивнаго сопротивленія, многіе какъ будто вовсе забыли о ея существованіи и считали ее какъ будто уничтоженною; но въ томъ эпизодѣ, о которомъ мы упоминали, эта партія вновь заявила о

томъ, что она существуетъ и что она ни на одинъ шагъ не отступаетъ отъ своей программы. Члены венгерскаго сейма 1861 года рѣшили уже давно поднять Деаку, какъ составителю двухъ знаменитыхъ адресовъ сейма, альбомъ со всѣми своими портретами; но это намѣреніе было исполнено только весною нынѣшняго года. При этомъ случаѣ одинъ изъ извѣстныхъ членовъ партіи Деака, баронъ Этвешъ, произнесъ рѣчь, въ которой онъ упомянулъ о заслугахъ Деака, и въ особенности объ его образѣ дѣйствія въ 1848 году. Въ отвѣтъ на эту рѣчь Деакъ отвѣчалъ рѣчью, въ которой говорилъ, что Венгерцы должны твердо держаться законовъ 1848 года, не вступать ни въ какіе компромиссы съ правительствомъ, которые не были бы основаны на этихъ законахъ; онъ распространялся также довольно много о томъ, что не нужно отступать отъ пути легальности и что не должно ибѣнять этого пути на путь революціонный. Но гораздо болѣе замѣчательны тѣ части рѣчи, гдѣ онъ говоритъ о необходимости отиѣнить сословныя и національныя неравенства, которыя въ прѣжнее время подтачивали могущество Венгріи, и о невозможности того, чтобы обновленная венгерская нація не приобрѣла своей независимости. Вотъ это ибѣсто изъ его рѣчи:

«Нашъ народъ уже 900 лѣтъ живетъ въ этихъ странахъ; мы прожили тяжелыя времена: внутренніе раздоры и виѣшніе враги часто доводили насъ до края гибели, но мы сумѣли среди этой постоянной борьбы сохранить неприкосновенными нашу независимость, наши законы и наши учрежденія. При этомъ, въ теченіи всѣхъ этихъ 900 лѣтъ, съ нашими учрежденіями была неразрывно связана величайшая несправедливость, которая состояла въ томъ, что тѣ классы, которые не несли никакихъ повинностей, угнетали тѣ классы, которые несли всѣ тягости и не пользовались никакими гражданскими правами. Къ счастью, это нравственное преступленіе было заглажено венгерскою націей въ 1848 году.

«Я не думаю, чтобы божественное провидѣніе допустило, чтобы въ то время, когда каждый венгерець честно заплатилъ свой долгъ народу, прекратилось національное существованіе его родины, и чтобы страна наша потеряла свою самостоятельность, свои учрежденія и свою свободу именно въ ту минуту, когда она принялась за уплату этого тяжелаго долга. Придѣтъ время, когда тѣ, которые хотятъ нибѣ уничтожить нашу конституціонную самостоятельность, во имя своей собственной свободы, сами усмотрятъ, что свобода одного народа не можетъ быть враждебна свободѣ другаго народа, и что нибѣтъ ничего нелѣпнѣе попытки—насилъственно уничтожить самостоятельность одного народа для укрѣпленія существованія другаго. И такъ, мы и впредь будемъ добросовѣстно исполнять наши гражданскія

обязанности; и когда мы вновь будем имѣть случай возвысить голосъ, въ интересахъ нашего отечества, мы будемъ справедливы ко всякимъ національностямъ и ко всякимъ вѣроисповѣданіямъ, какъ мы въ 1848 году были справедливы къ нашимъ меньшимъ братьямъ».

Вѣнскимъ псевдо-либераламъ, какъ тѣмъ, которые сидятъ въ канцеляріяхъ и министерствахъ, такъ и тѣмъ, которые занимаютъ въ редакціяхъ официальныхъ и полуофициальныхъ газетъ, конечно не могли понравиться подобныя рѣчи. Правительство потеряло обычную свою осторожность и осмотрительность и прибѣгло къ самымъ строгимъ мѣрамъ: пять пестскихъ газетъ, которыя или перепечатали рѣчи Этвеша и Деака или просто упомянули о содержаніи ихъ, были конфискованы и редакторы ихъ, какъ водится, преданы суду; верховный судья Венгрии, графъ Антони, былъ отрѣшенъ отъ должности только за то, что онъ былъ также въ числѣ лицъ, поднесшихъ свои портреты и участвовавшихъ въ депутации. Вѣнскія газеты также пришли въ страшное негодование: онѣ съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства говорили объ упрямствѣ Венгерцевъ, о неумѣренности ихъ притязаній, и пр.; онѣ очень остроумно подсмѣивались надъ тѣмъ, что въ рѣчи Деака не было ни одной новой идеи, такъ что тотъ, кто со стороны послушалъ бы эти упрёки, могъ бы родумать, что вѣнскія газеты презиобидуютъ разными богатыми, новыми идеями. Послѣ этого любопытнаго эпизода въ отношеніяхъ вѣнскаго правительства и Венгрии, все опять пошло по старому, и опять пошлы безконечныя скучныя толки о томъ, кто одержитъ верхъ—Шмерлингъ или Форгачъ, выйдетъ ли послѣдній въ отставку, и пр. И не видать конца подобному положенію дѣлъ. Ничто подобное тому, что дѣлается въ Венгріи, мы видимъ, только въ меньшихъ размѣрахъ, и въ Трансильваніи. И тамъ требуютъ возвращенія къ законамъ 1848 года, и тамъ отказываются посылать депутатовъ въ общій государственный сеймъ. Но здѣсь правительство съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ Венгріи, употребляетъ одно изъ любимыхъ своихъ средствъ для проведенія своихъ желаній: оно поддужается тѣмъ, что въ этой области существуютъ три различныя національности—венгерская, румынская и нѣмецкая, и при помощи двухъ послѣднихъ старается сломить сопротивленіе первой, которая особенно твердо стоитъ на законахъ 1848 года. Послѣ усилій это, кажется, наконецъ удалось. 1 іюля будетъ созванъ

свѣдѣніямъ, которыя получаютъ изъ Венеціи, тамъ и послѣ италіанской войны, подъ управленіемъ генераль-губернатора Бенедекка, продолжается прежняя система, основанная на полнѣйшемъ административномъ произволѣ, на арестахъ, шпіонствѣ, стѣсненіи прессы, и пр. Правда, вѣнскія газеты неоднократно распускали слухъ о томъ, что Венеціи дается особая конституція; то говорили, что она будетъ составлена,—то, что она составляется,—то, что она уже составлена и въ скоромъ времени будетъ обнародована, и при этомъ не мало толковали о содержаніи ея. Но подъ конецъ оказалось, что конституція по всей вѣроятности вовсе не будетъ, такъ какъ генераль-губернаторъ Бенедекъ отвѣтилъ на сдѣланный ему по этому случаю запросъ, что у него достаточно войска для подавленія открытаго возстанія Венеціанской области, но что при пассивномъ сопротивленіи Венеціанцевъ нечего и думать о дарованіи имъ конституціи.

Славянскіе народы, входящіе въ составъ австріійской монархіи, менѣе враждебны центральному правительству, нежели мадьяры и италіанцы; они по крайней мѣрѣ согласились выслать въ Вѣну депутатовъ въ общій сеймъ. Но и здѣсь германизирующія и централизирующія стремленія г. Шмерлинга встрѣчаютъ сопротивленіе: въ особенности сильно это сопротивленіе въ Галиціи и Чехіи. Первая находится въ совершенно особенномъ, не нормальномъ положеніи, которое отчасти обусловливается настоящими событіями въ царствѣ польскомъ. Что касается Богеміи, то въ ней мы займемся постоянно, довольно правильно организованное сопротивленіе политикъ г. Шмерлинга. Въ этомъ отношеніи не лишній интересъ эпизодъ, случившійся въ прошедшемъ мартѣ мѣсяцѣ, во время засѣданій чешскаго провинціального сейма. Для того чтобы на этихъ сеймахъ дать болѣе силы нѣмецкому и феодальному элементу, австріійское правительство издало такой избирательный законъ, по которому и въ не-нѣмецкихъ земляхъ крупныя поземельныя собственники и капиталисты, т. е. незначительное меньшинство, состоящее преимущественно изъ нѣмцевъ, имѣло при выборахъ болѣе голосовъ, нежели большинство туземнаго населенія; кромѣ того избирательныя округа (подобно тому, какъ во Франціи) были такъ искусно распредѣлены и перебиты, что выборы непременно должны были выпасть въ пользу лицъ, угодныхъ центральному правительству. Вотъ противъ этого-то несправедливаго избирательнаго закона возстали чешскіе депутаты на сеймѣ нынѣшняго года. Депутаты Палацкій описали несправедливость настоящаго порядка выборовъ и сдѣлали предложеніе о томъ, чтобы чешскій сеймъ ходатайствовалъ объ измѣненіи этого порядка для Чехіи. Противъ этого предложенія особенно много говорилъ нѣмецъ Гербстъ. Хотя Гербстъ считается либераломъ и человекъ-

комъ очень умнымъ, однако это не помѣшало ему сказать, что нынѣшній избирательный законъ очень хорошъ и нисколько не несправедливъ относительно славянъ, «потому что собираніе сейма должно быть основано на представительствѣ интересовъ»; и затѣмъ онъ принялся доказывать, что настоящій порядокъ избранія депутатовъ въ сеймъ вполне соответствуетъ интересамъ большихъ поземельныхъ собственниковъ, торговцевъ и промышленниковъ (т. е. капиталистовъ). Большинство сейма, созданнаго въ силу избирательнаго закона, такъ краснорѣчиво защищаемаго Гербстомъ, конечно не могло желать измѣненія этого закона. Поэтому, не смотря на энергическую рѣчь чеха Сладковскаго, сказанную въ защиту предложенія Палацкаго и вызвавшую сильную бурю въ сеймѣ, это предложеніе было отвергнуто значительнымъ большинствомъ 130 голосовъ противъ 70. И такъ, въ Чехіи все осталось по старому.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

НА ПАРАДЪ, ВЪ ТОЛПѢ ЗРИТЕЛЕЙ.

Погода была холодная; вѣтеръ со свистомъ носился по Лѣтнему саду; набѣгали тучи. На Царицыномъ лугу строились войска; съ Михайловской улицы двигалась артиллерія. На самой срединѣ плаца стояли музыканты. Изъ конца въ конецъ, подобно молніи, носились адъютанты. Народъ толпился около веревки, протянутой вокругъ всей площади; далѣе, въ окнахъ, на скамьяхъ, на деревьяхъ, въ экипажахъ, на фонарныхъ столбахъ и даже на крышахъ видны были кучки любопытныхъ. Полиція тщетно старалась укротить народные восторги и удержать ихъ въ предѣлахъ благоразумія. Напрасно квартальные при помощи городскихъ силъ исьлились подѣйствовать на массу то ласкою, то угрозою. По всему видно было, что усилія останутся безплодными. Толпа густѣла, волновалась и съ каждою минутою все болѣе и болѣе тѣснилась къ веревкѣ. Въ разныхъ мѣстахъ слышался визгъ, глухой говоръ проносился въ толпѣ, кашляли, перекликались, лошади ржали, навади заскрипѣли подмостки, кто-то свалился: — смѣхъ.

— Господа, назадъ-съ! Позвольте, господа! Назадъ! Ты куда? Вотъ я тебя! Сдѣлайте милость, господа! ^{вскри...}
направшую со всѣхъ сторонъ.

— Господи...

одолженіе, посадите назадъ-съ! говорилъ городской, упираясь въ животь стоящихъ впереди.

— Ну, что вы толкаетесь, господа? Ахъ, Боже мой! вразумлялъ другой, стоя передъ толпою, со сложенными на груди руками, и качая головой.

— Ай-ай-ай! Ахъ, господа!

Публика, по видимому, устыдилась и, не отвѣчая ничего, начала смотрѣть въ какую-то сторону.

Въ одномъ мѣстѣ любопытные лѣзли, очертя голову, на жандармскую лошадь, такъ что она могла свободно махать хвостомъ по глазамъ тѣснившихся сзади людей. Въ другомъ мѣстѣ четыре человѣка городскихъ, съ помощію трехъ казаковъ и одного жандарма, ничего не могли сдѣлать. Публика напирала къ веревкѣ. Наконецъ, подошли еще два пѣшихъ жандарма и къ нимъ присоединился одинъ отставной солдатъ, изъявившій желаніе помогать полиціи. Отставной солдатъ употребилъ слѣдующую остроумную мѣру: — началъ снимать шапки съ мужиковъ и бросать ихъ назадъ. Мѣра отчасти удалась: оставшійся безъ шапки, дѣйствительно сейчасъ же уходилъ назадъ отыскивать ее; но послѣ трехъ, четырехъ такихъ улетѣвшихъ шапокъ, мужики ухитрились: — сами сняли съ себя шапки и спрятали, а другіе присѣли. Отставной солдатъ очень за это разсердился и сталъ бранить мужиковъ. Тогда, послѣ нѣкотораго совѣщанія, рѣшили поступить такъ: — взяться за руки и, устроивъ живую цѣпь, оттащить толпу подальше отъ веревки. Взялись за руки и стали напирать на стоящихъ впереди. Публика начала подаваться.

— Не расходись, братцы, не расходись! покрикивалъ товарищамъ одинъ городской.

— Забирай! забирай! Съ права-то осади! Дружнѣй! Ну-ка, еще! ну-ка, еще! Куда ты? Уйди отъ грѣха! кричалъ солдатъ, сопя и утаптывая обратно въ толпу пробиравшагося впереди мальчишку.

— Вотъ такъ! продолжалъ солдатъ, налегая грудью: — вотъ! ишь ты? Хорошо! Только вотъ этого нужно убрать. Ну-ну-ну! Ну, еще! Разъ! Подержись, братцы, подержись!...

— Смирррно!... вдругъ прокатилось по площади: — ровняйся! ровняйся! стали перекликаться командиры.

Все на мгновеніе затихло, и вслѣдъ за этимъ вся толпа разомъ кинулась къ веревкѣ.

— Куда? куда? Ну! отчаянно махнувъ руками, сказали городовые и сами, увлеченные общимъ стремленіемъ, бросились вмѣстѣ съ толпою впередъ.

А на плацу, между тѣмъ, строились повзводно. Равнялась и догоняя товарищей, заходили фланговые. Музыканты топтались на одномъ мѣстѣ, и тамбурь-мажоры, пятясь задомъ и устремивъ глаза на адъютантовъ, ожидали команды.

— Шагомъ марш! раздалась команда.

Музыканты заиграли и пошли полки одинъ за другимъ церемониальнымъ маршемъ.

— Творякъ ты мой небесный! въ изумленіи воскликнулъ купецъ.

Движеніе въ толпѣ стало по немногу утихать; каждый начиналъ прилаживаться и къ своему мѣсту, и къ окружающимъ; въ разныхъ мѣстахъ завязались разговоры; только тамъ и сямъ еще продирались любопытные; кое-гдѣ еще происходили небольшие стычки. Но задніе ряды не унимались. Тамъ все еще замѣчались понуженія то силою, то съ помощью хитрости пробраться къ веревкѣ; все еще шли распри, споры и неудовольствія, какъ со стороны полиціи, такъ и со стороны публики.

Одинъ городской, нѣсколько разъ уже съ успѣхомъ обращавшій зрителей на путь умѣренности и благоразумія, и только что упорно выдержавшій сильный натискъ толпы, сердитый и вспотѣвшій, стоялъ у фонаря и, снявъ фуражку, отиралъ платкомъ съ лица потъ. По временамъ изъ груди у него вырывались вздохи. Только что вразумленная публика безмолвствовала и лишь у нѣкоторыхъ неволью прорывалось неудовольствіе: одни охрикли, другіе ворчали:

— Невѣжа! право, невѣжа! и т. д.

— Ну, задно. Вотъ вы поворчите еще, поворчите!

— Это довольно даже глупо—дамъ не пропускаетъ, говорила съ негодованіемъ одна дама.

— А вы бы дома сидѣли, коли вы умны, отвѣчала ей городской.

— Что дома-то дѣлать?

Дамъ, по видимому, хотѣлось поговорить. Городовой ей отвѣчалъ:

— Мало что? по хозяйству заняться можно, нечѣмъ шиться.

— Нѣтъ, я посмотрю, какъ бы онъ со мной поговорилъ, хвастался между тѣмъ мужчина въ длинномъ сюртукѣ и въ ды-

сокомъ галстухѣ, оборачиваясь къ городовому спиной и подмаргивая на него дубашнѣй.

Городовой притворился, что не слышитъ, и продолжилъ свое: .

— А то бы книжку взялъ читать.

← Очень мнѣ нужно книжки, отвѣчала дама.

— Нѣтъ, я посмотрю, какъ онъ со мной... уже садиралопившій тономъ продолжаетъ мужчина. — Посмотрю—у!

— Господа, не слушая говорилъ городовой, все болѣе и болѣе смягчаясь: — господа, представьте пожалуйста, еще нештожко назадъ. А то что коровяго толкаться!

— А я несмотрю—у!...

Но городовой мгновенно потерялъ терпѣнiе и вдругъ шапнулъ на деревяго мужчину:

— Да что вы въ самомъ дѣлѣ? Посмотрю, посмотрю! Вотъ и смотри! смотри! смотри! и обхвативъ его за шиворотъ, протолкалъ назадъ.

Въ публичнѣ произошло возмущенiе: женщины стали кричать, нѣкоторые, пользуясь смятенiемъ, успѣли проскользнуть впередъ, къ веревкѣ. Мужчина, ошеломленный неожиданной развязкой, постоялъ нѣсколько минутъ въ замѣцательствѣ, потомъ началъ чистить себѣ рукавъ и ворчать, сердито косоля на городского:

— Ударъ! непробуй! ударъ!

Подлѣ Лѣтняго сада, у самой веревки, сѣмали отборные зрители. Тутъ же было нѣсколько дамъ. Но лицамъ зрителей замѣтно было, что они очень устали. А сада, между тѣмъ, ни на одну минуту не занимающаяся толпа все нѣтъ, нѣтъ да и продолжаетъ. Зрителей это беспокоило! Они каждый разъ оборачивались назадъ и говорили городовымъ:

— Что же вы смокрите? и?

Городовые бросались водворять порядокъ, но это ни къ чему не вело, потому что, съ одной стороны отиснутая толпа, подобно фалангѣ, перематывалась въ другую. Начиная двигаться, качалась, качалась, нерѣзвельно подавалась то туда, то сюда; во движенiе растеть, растеть и вдругъ вся масса хлынула въ одну сторону. Вновь обезпуженные переднiе зрители изурнались и словно оборачивались къ толпѣ.

— Да чтожь это, наконецъ? Да уймите вы ихъ! кричали зрители.

Впрочемъ повади ихъ стояло нѣсколько постороннихъ лицъ: чиновниковъ, купцовъ и разночинцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ, при всякомъ періодически повторяющемся натискѣ, выказывали добровольное рвеніе охранять переднихъ и не допускать до нихъ толчка; но это не совсѣмъ удавалось.

— Вы не извольте беспокоиться, говорилъ одинъ тѣлохранитель своему патрону. — Я здѣсь стою-съ.

— Хорошо.

— Вы извольте на меня облокотиться.

— Спасибо, спасибо, говорилъ патронъ.

Но въ это время вдругъ налетѣлъ новый приливъ. Тѣлохранитель, сбитый съ ногъ, и самъ толкнулъ своего патрона, восклицая:

— И что это полиція смотритъ? Ахъ Господи! обезноженный патронъ оглянулся назадъ и, сверяя глазами, сказалъ:

— Только бы мнѣ этого мошенника увидать, который толкаетъ. Вѣдь это одинъ балуется.

— Это одинъ, одинъ кто нибудь, подтверждали остальные зрители.

— Эй, городовоі! Да поймай, братецъ, этого негоддя.

— Котораго прикажете?

— А вотъ, что толкается.

— Слушаю-съ.

А полки все идутъ, все идутъ. Вслѣдъ за нѣхохой, потянулась кавалерія; загрѣмѣли сабли, засверкали наски. Солнце начало прищекать. Въ разныхъ мѣстахъ первоначальный порядокъ нарушился, рвеніе полиціи стало утомляться; какіе-то интервалы, устроенные было въ началѣ, исчезли. Нѣкоторые зрители стали уходить. вмѣстѣ ихъ прибывали новые. Все какъ-то переменялось, только два, три человека самыхъ отъявленныхъ недантовъ — полицейскихъ все еще продолжали приставать и уговаривать публику подвинуться назадъ. Но и они уже вѣроятно сами начинали утомляться, и потому начинали сердиться и безъ толку придирались къ словамъ. Такъ наприимѣръ, одинъ, ни съ того, ни съ другаго, вдругъ началъ кричать на какого-то мастероваго. Тотъ отвѣтилъ ему: — что ты ругаешься? развѣ тебя трогаетъ?

— А, да ты еще вздумалъ отвѣчать. Постой! я тебя давно замѣтилъ. Кто ты таковъ?

— Тебѣ какое дѣло?

— Какое дѣло? А вотъ я тебѣ покажу. Говори, кто ты такой?

— Солдатъ.

— Солдатъ? хорошо. Показывай билетъ!

— Какой тебѣ, дьяволь, билетъ?

— Дьяволь? Нѣтъ, я не дьяволь.

— Я говорю: у дьявола билетъ.

— А! у дьявола билетъ! пойдѣмъ въ часть! и т. д.

Въ заднихъ рядахъ было гораздо больше оживленія. Тамъ настроены были подмостки, стояли скамейки, бочки, стулья и доски на нослахъ; и все это было усталою народомъ. Зрители, стоя на подмосткахъ, разговаривали о всякой вещицѣ. Внизу было очень просторно. Тутъ ходили равноущи съ дѣцами, мороженымъ и съ разными лакомствами; дѣти играли и шныряли между зрителями. Мужчины ловили за ноги дамъ, стоящихъ на бочкахъ; дамы визжали и ругались.

— Матвѣй Ивановичъ! перекликался одинъ зритель съ другимъ, стоя на разныхъ подмосткахъ. — А, Матвѣй Ивановичъ! Что толку стоять-то? Сбѣгаемъ, чайку поьемъ.

— Да ужь я, братъ, раза два никакъ сбѣгалъ.

— Ну, чтожъ? въ третій!

— Пожалуй сбѣгаемъ. Ахъ, грѣхи тяжки! Вы стойте адѣсь! говорилъ слѣзая Матвѣй Ивановичъ двумъ женщинамъ, стоявшимъ рядомъ съ нимъ на доскѣ.

— Мы стоимъ, отвѣчали женщины.

— Чудесная нынче погода, говорилъ молодой чиновникъ своей сосѣдкѣ по доскѣ.

— Да, погода славная. А вы зачѣмъ руками трогаете? Что это за подлость за такая? Стойте смирно.

— Вонъ они, фильяпцы-то, стоятъ, показывалъ купецъ своей женѣ и дочери. — Молодцы!

— Нѣтъ, гарнадерамъ противъ гвардіи не потрафить, замѣтилъ кто-то.

— Гдѣ же? Одно слово — гвардія.

Однако вниманіе зрителей тоже стало утомляться. Многіе уже успѣли пообѣдать и въ публикѣ стало показывать водкой. Послышались разные неожиданныя восклицанія, въ родѣ того, что — Боже! очисти мя грѣшнаго! или кто-то начиналъ звать, повторяя безпрестанно: — ахъ ты, хти, хти!

У моста стояли деньщики, держа подъ уздцы офицерскихъ

лошадей, около нихъ толпилось нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ кучера, конно-артиллерійскіе кузнецы и фурштаты. Денщики гладили лошадей, подтягивали имъ подпруги и разговаривали между собой о подковахъ.

— Ишь ты, какъ выдержала? говорилъ денщикъ, поправляя хвостъ у лошади.

— Ну, лошадь, я тебѣ скажу. Въ цѣлой бригадѣ одна. Своелоч! Гляди, у ей хвостъ. Не подвиги, весь выдержаетъ.

— Чтожъ это она? спрашивалъ другой.

— Такая ужъ у ей привычка. Стоитъ теперь въ стойлѣ, все помакиваетъ, все помакиваетъ. Зуда, что ли, чортъ ее знаетъ.

— Трубочки бы покурить, говорилъ со вздохомъ кучеръ.

— Чтожъ такое? Пойдемте вонъ подъ мостъ. Чудесно.

Стоящій около одного изъ денщиковъ фурштатъ спрашивалъ:

— Ну, а какъ же теперь сапоги, по новому положенію, у весь казенные?

— У насъ сапогъ вольный, не глядя отвѣчалъ денщикъ.

— Чтожъ, это у насъ хорошо.

— У насъ, братъ, я тебѣ скажу: садовой надо быть, не служить. Паекъ я получаю, чтожъ мнѣ?

— Ну, да, разданнымъ перорилъ фурштатъ.

— А по армянику бы таверъ принесть?

— Ничего. Можно бы.

Вдругъ раздалась команда: — марш — марш!

Дрешула плащадь лошади встремомулась, и саблосъ же полки стали расходиться.

За отсутствіемъ М. А. Некрасова, завѣдыва-
ніе редакціею «Современника» съ іюня мѣсяца
принялъ на себя А. Н. Пыцинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯНОСТО ШЕСТАГО ТОМА.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

	Стр.
Следы въ больницѣ. <i>В. А. Сладкова.</i>	5
Крестьянское дѣдо и общественная мнѣніе. — III. — <i>Ю. Г. Дукаскаго.</i>	23
Что дѣлать? Изъ разсказовъ о новыхъ людяхъ. Романъ. Часть третья в послѣдняя. <i>Н. Г. Чернышевскаго.</i>	55
Загадка. Стихотв. <i>Н. В. Берга.</i>	198
Очерки стариннаго быта Польши. <i>Е. П. Карновича.</i>	199
Солдаты. Стихотв. <i>Ф. Н. Берга.</i>	228
Процессы о печати въ Австріи. — III. — — А —	229
Кое-что изъ жизни засаженной. <i>П. Нолицкаго.</i>	241
Аспромонте. <i>Леона Бранчи</i>	285
I. Жертвы. — II. Прогрессъ. Стихотв. <i>В. Бурякина.</i>	310
Лотерея. Разсказъ. <i>А. Н. Плещеева.</i>	313
Моя скитанія по бѣлу свѣту. <i>Н. В. Берга.</i>	337
«О горькая бѣдность!» Стихотв. <i>С. Дурова.</i>	368
Нѣсколько подробное, но весьма правдивое жизнеописаніе одного городского голода. <i>Самуила Макашчина.</i>	371
Недѣля въ китайской кумирнѣ, въ окрестностяхъ Цекина.	403
Цисьма объ Осташковѣ. <i>В. А. Славцова.</i>	439

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

МАЙ.

	Стр.
О преобразованіяхъ по части прямыхъ налоговъ. <i>А. Улюковскаго</i>	1
Послѣ всемірной выставки. — II. — <i>В. В. Стасова</i>	25
Наши толки о народномъ образованіи. — II. Учительскіе съѣзды въ харьковскомъ округѣ. («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1863 г., № 3—4).	59
Русская литература. — Парламентское дѣлопроизводство. (Государственный строй Англіи. Соч. Фишеля. Перев. Цейдлера. — Парламентское дѣлопроизводство по англійскимъ источникамъ. Погорнаго—Подольнаго. Вып. I—II). <i>М. А. Антоновича</i>	73
Новыя книги: Раскольниковъ дѣла XVIII столѣтія, Извлеченныя изъ дѣла преображенскаго приказа и тайной розыскальн. дѣла канцеляріи Г. Есиповымъ. Т. II (101). — Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, біографическій очеркъ, Владимира Ланжскаго («Отечественныя Записки» 1863, № 1 и 2) (110). — Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. <i>М. Стасюлевича</i> . Періодъ первый: отъ паденія Западной Римской Имперіи до Карла Великаго, 476—771 г.	122
Политика. (Какъ управляется польское возстаніе: диктатуры Мирославскаго, Лангевича и центральный комитетъ. — Европейская дипломатія и отношенія ея къ польскому возстанію отъ удаленія Лангевича до рѣчи лорда Джона Росселя, произнесенной 8 мая. — Результаты, достигнутыя европейской дипломатіей въ польскомъ вопросѣ. — Новое англо-американское столкновеніе по поводу двухъ захваченныхъ англійскихъ кораблей).	125
Еще по поводу «Замѣтки изъ Подтавской губерніи».	158
Внутреннее обозрѣніе. (Нѣкоторыя лакейскія привычки современнаго общества. — О тѣлесныхъ наказаніяхъ, по поводу новаго указа по этому предмету. — О женскомъ трудѣ. — Внѣшнее и внутреннее значеніе всеподданнѣйшихъ адресовъ по поводу польскихъ событій. — Отзывы иностранн. педагоговъ о проектѣ новаго устава нашихъ народныхъ училищъ).	159
Наша общественная жизнь. (Горькія размышленія о жизни и различныхъ ея проявленіяхъ въ обществѣ. — Доказывается, что приходитъ въ отчаяніе ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ. — Добрые люди. — Подвиги русскихъ гулящихъ людей за границей. — Гдѣ источникъ этихъ подвиговъ и кто герои ихъ. — Скверный анекдотъ съ двумя русскими дамами въ столицѣ цивилизованнаго міра).	219

	Стр.
Славянскій югъ. <i>Ж. Склава</i>	259
Новые наши благодѣтели.	275
Русская литература. — Методы юридической науки. I. (Методы разработки положительнаго права и общественное значеніе юристовъ, отъ глоссаторовъ до конца XVIII столѣтія, изслѣдованіе А. Стоянова). <i>Ю. Г. Жуковскаго</i>	285
Новыя книги: Стихотворенія К. Павловой (311). — Последніе дни жизни и кончина Александра Сергѣевича Пушкина. Со словъ бывшаго его лицейскаго товарища и секунданта, Константина Карловича Данзаса. Изданіе Я. А. Исакова (317). — Отчетъ члена главнаго правленія училищъ Воронова по обзорѣнію учебныхъ заведеній московскаго округа. — Отчетъ члена главнаго правленія училищъ т. с. Могиланскаго по обзорѣнію гимназій Харьковскаго учебнаго округа въ 1863 году (328). — Курсъ исторіи русской литературы (съ библиографическими указаніями). Соч. К. Петрова.	333
Политика. (Отношенія прусской палаты къ министерству: вопросъ объ организаціи воѣны, задача объ ответственности министровъ и проч. — Столкновеніе между министерствомъ и палатой и послѣдствія этого столкновенія. — Австрія въ послѣднія шесть мѣсяцевъ. — Засѣданія рейхсрата и значеніе этого собранія. — Бюджетъ и финансы Австріи. — Отношенія австрійскаго правительства къ различнымъ народамъ австрійской имперіи).	337
Петербургскія зашѣтки.	364

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Оллинтонскій Малый Домъ. Романъ. *Ант. Троллопа*. (Переводъ съ англійскаго). Стр. (1—96).

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ.

Свѣтштербургъ, іюня 25-го дня 1863 года.

**ВЪ КОНТОРЪ РЕДАКЦІИ «СОВРЕМЕННОГО»
ИМѢЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ, ИЗДАНЫЯ ЕЮ, КНИГИ:**

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЪБЛОЖКА заключеній въ себѣ въ переводѣ съ исправленнаго изданія, исторію XVIII столѣтія и XIX до паденія французской имперіи, съ особенно подробнымъ разложеніемъ хода литературы. Соч. Шлессера. Это изданіе состоитъ изъ 8 томовъ, до 30 печатныхъ листовъ въ каждомъ. Цѣна за все 8 томовъ 10 руб., сер. безъ пересылки, а съ пересылкою 12 руб. Отдѣльно послѣдніе четыре (5, 6, 7 и 8) тома (исторія конца XVIII столѣтія, съ 1788 года, и начало XIX до паденія французской имперіи) продаются за 5 руб., съ пересылкою 6 руб.

РАЗСКАЗЫ Н. В. УСПЕНСКАГО. Спб. Цѣна 75 коп., съ пересылкою 1 руб.

ГРОЗА, драма А. Островскаго. Спб. Цѣна 30 коп., съ пересылкою 50 коп.

ВОСПИТАНЦА, комедія А. Островскаго. Спб. Цѣна 30 коп., съ пересылкою 50 коп.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ НОВАГО ПОЭТА, И. И. Панаева. Спб. Цѣна за 2 тома 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 50 коп.

ОЧЕРКИ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ И ПРАВОВЪ ВЕЛИКОРУССКАГО НАРОДА ВЪ XVI и XVII СТОЛѢТІЯХЪ, Н. И. Костомарова. Спб. Цѣна 1 руб. 25 коп., съ пересылкою 1 руб. 50 коп.

Книги эти по вышеозначеннымъ цѣнамъ можно получать въ С.-Петербургской и Московской конторахъ «Современника».

Въ конторѣ редакціи «Современника» осталось нѣкоторое количество экземпляровъ пяти выданныхъ номеровъ «Современника» 1862 г. Желающіе имѣть эти пять номеровъ, могутъ получать или выписывать ихъ изъ С.-Петербургской конторы «Современника», уплачивая по 5 р. с. за экземпляръ (изъ пяти номеровъ) безъ пересылки, и по 6 р. с. съ пересылкою.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ:

**НОВОЕ (ТРЕТЬЕ) ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ
СТИХОТВОРЕНІЙ
Н. НЕКРАСОВА.**

Со втораго изданія, содержащаго въ себѣ 500 стран., въ 12 доло, съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями. Цѣна за двѣ части въ Петербургѣ и Москвѣ 1 руб. сер., съ перес. 1 руб. 50 коп. Желающіе получить книгу могутъ высылать требованія въ Конторы «Современника», Петербургскую или Московскую.

ПОДВОДНЫЙ КАМЕНЬ.

РОМАНЪ

М. В. АВДЬЕВА.

1 томъ. Изданіе книгопродавца Кожанчикова. Цѣна 1 руб. 50 коп.; съ пересылкой 2 руб.

САТИРЫ ВЪ ПРОЗѢ.

СОЧИНЕНІЕ

И. ПЕДРИНА.

1 томъ, заключающій въ себѣ до 500 страницъ. Изданіе книжнаго магазина Серво-Соловьевска. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 2 руб.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Іюня 1883 года

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ

И. ВЕРНАРДА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Малой Морской,

№ 10.

ЦѢНЫ ОЗНАЧЕНЫ НА СЕРЕБРО.

ДЛЯ ВИОЛОНЧЕЛИ.

СЪ АКОМПАНИМЕНТОМЪ ФОРТЕПИАНО.

- BATTA.** *Songe d'enfant. Réverie* (1 p.). Скажите еш! *Romance de la Princesse Kotschoubey* (75 к.). *Souvenir de Gluck. Morceaux de concert* (1 p. 70 к.). *Sommeil de Nanino. Mélodie* (75 к.).
- BATTANCHON.** *Souvenir d'un bal. Fantaisie* op. 23 (1 p. 15 к.). *Élégie* op. 24 (85 к.). *Valse brillante* (85 к.). *La primavera* (1 p. 30 к.). *Caprice* op. 28 (1 p. 70 к.).
- BURCHARD.** *Transcriptions* № 1. *Adagio de Mozart* (75 к.). № 2 *Air de la clûte enchantée* (60 к.). № 3 *Air de Don Juan* (60 к.). № 4 *La romanesca* (75 к.). № 5 *Quintetto de la Sonnambula* (60 к.).
- CHOPIN.** *Quatre Mazurkas* op. 33 (1 p. 70 к.).
- DAVIDOFF.** *Souvenir de Zarizino. Deux Pièces de salon* (1 p. 30 к.). *3 pièces caractéristiques* (2 p. 15 к.).
- FORBERG.** *Perles de mélodies. Choix de morceaux faciles et agréables* 6 №№ (по 45 и 60 к.).
- FRANCHOMME.** *Fantaisie sur un thème de Handel* (1 p. 45.). *12 études* op. 35 (3 p.). *Grande valse* op. 34 (1 p. 45 к.).
- FRANCO-MENDES.** *Nocturne* (1 p.). *Réverie* (85 к.). *Quatre mélodies* (3 p.). *Deux mélodies* (2 p.). *Impromptu* (85 к.).
- FRIDERICHS.** *Berceuse dédiée à Charles Schuberth* (75 к.).
- GOLTERMANN.** *Concertos* № 1 и 2 (каждая 2 p. 30 к.).
- GRIMM.** *Réverie et romanesca* (1 p. 30 к.). *Andante* (85 к.). *Élégie et revoir. Deux morceaux de salon* (1 p. 45 к.). *Rigoletto. Petit divertissement* (75 к.). *Scène dramatique sur un air des Huguenots* (1 p. 15 к.). *Deux morceaux sur les Puritains et Don Pasquale* (85 коп.).
- GRUTZMACHER.** *Six morceaux faciles et progressifs* op. 51 liv 1 и 2 (каждая 1 p. 70 к.). *Concerto* № 2 (3 p. 45 к.).
- HAYDN.** *Concerto, Nouvelle édition revue par Bockmuhl* (2 p. 85 к.).
- KUMMER.** *Les soirées du nord. Fantaisies sur des airs russes et Bohémiens* op. 115. 8 №№ (по 60, 70 к. и 1 p. 15 к.). *Transcriptions de mélodies favorites de Schubert.* op. 117. 13 №№ (по 60, 75 к. и 1 p.). *Repos de étude. Petites pièces très faciles sur des thèmes d'opéras favoris.* 10 №№ (по 60 и 75 к.). *Transcriptions des thèmes favoris.* 5 №№ (по 75 к. и 1 p.).
- MAGEN.** *Fleur de Solitude. Pièce de salon* (85 к.).

MARX-MARKUS. Six morceaux de salon, 2 tetr. (каждый 1 р. 15 к.).
LUTGEN. Recueil de mélodies célèbres. 6 tetr. (каждый 1 р. 30 к.).
Deux mélodies de Martini (1 р. 45 к.).

OFFENBACH. Fantaisies faciles 6 №№ (по 1 р. 15 к.).

SERVAIS. Souvenir de Bade. Grande fantaisie op. 20 (2 р. 30 к.). Grande fantaisie polonaise sur le ballet la noce cracovienne (2 р. 30 к.). Concerto militaire op. 18 (3 р. 45 к.). O cara memoria. Mélodie de Caraffa. Fantaisie (2 р. 30 к.). La fille de régiment. Fantaisie (2 р. 30 к.). Souvenir de St.-Pétersbourg. Fantaisie (2 р.). Morceau de concert op. 14 (2 р. 30 к.). Fantaisie sur deux airs russes op. 13 (2 руб.).

ДЛЯ СЕМИСТРУННОЙ ГИТАРЫ.

МОРКОВЪ. Подлая школа для семиструнной гитары. Съ объясненіемъ о вновь усовершенствованной десятиструнной гитарѣ и приложеніемъ нѣсколькихъ для нея пьесъ. Въ этой школѣ, кромѣ подробно изложенныхъ правилъ для изученія музыки и игры на гитарѣ, даже безъ помощи учителя, помѣщено свыше 50 упражненій, экзерцицій, прелюдій, этюдовъ и разныхъ, нигдѣ еще не напечатанныхъ, новыхъ пьесъ, какъ для семиструнной, такъ и для десятиструнной гитары; нѣсколько дуэтовъ для двухъ гитаръ и для гитары съ фортепиано. При школѣ приложены два рисунка, кромѣ того, гитарный грифъ для облегченія при самоученіи и портретъ автора (3 р.).

Выписывающіе ноты на сумму не менѣе трехъ руб. сер. получаютъ двадцать пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обращаются съ требованіями непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, жѣмъ бы они ни были изданы и объявлены.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го іюня 6-я тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXIV), содержащая въ себѣ 7 пьесъ: *Эстерда, Трестера, Лешорна; Спиндлера* и др., 3 танца, 1 русскій романсъ и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты. (Годовая цѣна подписки 10 р. съ перес. 11 р. 50 к.). Желающіе подписаться на Нувеллистъ, на 1863 г., получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

Вновь получены: **ИНОСТРАННЫЯ РОДЛИ** и **ШАПИНО, СКРИПКИ, ВИОЛОНЧЕЛИ, СМЫЧКИ, ФЛЕЙТЫ, ГАРМОНИ ФЛЕЙТЫ, ГИТАРЫ, МЕТРОНОМЫ, КАММЕРТОНЫ** и проч. по умѣреннымъ цѣнамъ.

ДВѢ ЛУЧШИХЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ СТРУНЪ .

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 іюня 1863 года.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

КОММИССИОНЕРА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ,

АЛЕКСѢЯ ИВАНОВА ДАВЫДОВА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала
Николаевскаго дворца, въ домѣ Лихачева, № 58.

ПРОДАЮТСЯ:

- ИСТОРИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ, ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ.** Соч. Галахова. Два тома. Спб. 1863 г. Цѣна за два тома 3 р., съ перес. 4 р. 50 к., на второй томъ выдается билетъ.
- КУРСЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,** съ библиографическими указаніями. Соч. К. Петрова. Спб. 1863 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.
- ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЯ ПИСЬМА,** Карла Фогта. Перевели съ третьяго нѣмецкаго изданія: Н. Бабкинъ и С. Ламанскій. Выпускъ первый. Съ 34-ми рисунками въ текстѣ. Спб. 1863 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
- ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ МИРОЗДАНІЯ.** Съ нѣмецкаго перевода Карла Фогта. Перевелъ и дополнилъ примѣчаніями А. Пальховскій. М. 1863 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.
- ОБЩАЯ ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ НАСѢКОМЫХЪ,** содержащая въ себѣ подробное описаніе вредныхъ и полезныхъ насѣкомыхъ, ихъ превращеній, пищи, пріемовъ, служащихъ для ея добыванія, жилищъ и проч. Соч. Кэрби и Спенсъ. Перевелъ съ англійскаго седьмаго изданія Андрей Минъ. М. 1863 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 3 р. 50 к.
- КУРСЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА,** профессора Каченовскаго. Часть первая. Харьковъ. 1863 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.
- ГЕОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.** Составилъ по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества дѣйствительный членъ общества П. Семеновъ. Выпускъ четвертый. Спб. 1863 г. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р. Тоже выпуски 1, 2 и 3. Цѣна по 75 к., съ перес. по 1 р. с.
- СРАВНИТЕЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ СИЛЪ И БОГАТСТВА ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ.** Соч. Блокка. Переводъ съ французскаго, съ атласомъ. Спб. 1863 г. Цѣна 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 50 к.
- ВСЕМІРНАЯ ИСТОРИЯ ШЛОССЕРА.** Томъ восьмой. Спб. 1863 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. Тоже томы 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7-й. Цѣна по 1 р. 50 к., съ перес. по 2 р.
- ПОѢЗДКА НА ВОСТОКЪ.** М. Н. Доктурова. Спб. 1863 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.
- ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ** Маколея. Семь томовъ. Спб. 1860-1863 г. Цѣна 11 р., съ перес. 15 р.

т. ХСVI. Отд. II.

26 1/2

- КАЛѢКИ ПЕРЕХОЖІЕ.** Сборникъ стиховъ и изслѣдованіе П. Безсопова, съ нотами и рисунками. Выпускъ V-й М. 1863 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Тоже выпуски 1, 2, 3, 4 и 5. по 1 р., съ перес. по 1 р. 50 к.
- ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЖИВАГО ВЕЛИКОРУССКАГО ЯЗЫКА.** В. И. Даля. Выпускъ VI-й. М. 1863 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Тоже выпуски 1, 2, 3, 4 и 5 по 1 р., съ перес. по 1 р. 50 к.
- УЧЕБНИКЪ УГОЛОВНАГО ПРАВА,** составленный Спасовичемъ. Томъ 1-й, выпускъ первый. Спб. 1863 г. Цѣна 85., съ перес. 1 р. 20 к.
- РУКОВОДСТВО КЪ ХИМИИ** описательной и теоретической В. Одишга, перев. съ англійскаго. Д. Савченковымъ, горнымъ инженеромъ. Выпускъ первый. Спб. 1863 г. Цѣна за два выпуска 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; на второй выпускъ выдается билетъ.
- РУКОВОДСТВО КЪ БОТАНИКЪ,** составленное В. В. Григорьевымъ, преподавателемъ Естественной Исторіи въ 1-й московской гимназіи. Изданіе второе съ 517-ю политипажамъ въ текстѣ. М. 1863 г. Цѣна 3 р., съ перес. 4 р.
- ЧЕЛОВѢКЪ И СОХРАНЕНИЕ ЕГО ЗДОРОВЬЯ.** Общепонятныя гигиеническія письма. Д-ра Фр. Эстерлена. Переводъ подъ редакціей Бакста. Выпускъ первый. Спб. 1863 г. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.
- ШЕКСПИРЪ.** ГERVINUSA. Перев. съ третьяго изданія К. Тимофѣевъ. Выпускъ третій. Спб. 1863 г. Цѣна 40 к., съ перес. 65 к. Тоже выпуски 1 и 2. по 50 к., съ перес. по 75 к.
- ЮЛНЫЙ СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВЪ,** вошедшихъ въ составъ русскаго языка, заключающій въ себѣ до 25,000 словъ. Составленный по образцу нѣмецкаго Словаря Гейзе. Спб. 1862. Цѣна 3 р., съ перес. 4 р.
- ОЧЕРКИ ПЕРОМЪ И КАРАНДАШЕМЪ ИЗЪ КРУГОСВѢТНАГО ПЛАВАНІЯ** въ 1857, 1858, 1859 и 1860 годахъ А. Вышеславцова. Съ 27 рисунками. Спб. 1862 г. Цѣна 5 р., съ перес. 6 р.
- РУЧНАЯ КНИГА РУССКОЙ ОПЫТНОЙ ХОЗЯЙКИ,** составленная изъ сорокалѣтнихъ опытовъ и наблюденій доброй хозяйки русскою. Изданіе девятое, 3 части. К. Авдѣевой М. 1859 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.
- ДУМЫ И ПѢСНИ** Д. Д. Минаева и юмористическія стихотворенія обличительнаго поэта (Темнаго Человѣка). Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50.
- ЗАПИСКИ ПАЛАЧА** или политическія и историческія тайны Франціи. Соч. бывшаго исполнителя верховныхъ приговоровъ парижскаго уголовного суда Г. Сансона. Перев. съ фр. Два тома. Спб. 1863 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ВЪ МАГАЗИНЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ

Д. Е. КОЖАНЧИКОВА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Публичной
Библиотеки, въ домъ Демидова.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ, на площадкѣ, близъ главнаго дома, во все
продолженіе ярмарки.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

- УКРАИНСКІЯ ОПОВИДАННЯ.** Олекси Стороженка. На малороссійскомъ языкѣ, два тома. Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 2 руб.
- ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЯ ПИСЬМА.** Карла Фогта. Выпускъ 1-й, въ 214 стр. съ 34 рисунками. Спб. 1863 г. Ц. 1 р. съ пер. 1 руб. 50 к.
- ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЯ КАРТИНЫ.** Соч. Бюхнера, перев. С. Усова. М. 1863 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 2 р.
- ОБЩАЯ ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ НАСѢКОМЫХЪ.** Соч. Кэбри и Спенсъ; перев. А. Минна. М. 1863 г. Ц. 2 р. 50 коп., съ пер. 3 руб.
- ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО,** или философія права Ф. А. Шиддинга, перев. М. Капустина (гражданское право) М. 1863 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 руб. 25 коп. Тоже 1-й выпускъ. Ц. 75 коп., съ пер. 1 руб.
- ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЪ АНГЛИИ** Соч. Бокля; перев. К. Бестужева-Рюмина, томъ 1-й, въ двухъ частяхъ. Спб. 1863 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 50 к. (часть 1-я и 1-й выпускъ 2-й части выдаются) отдѣльно за каждую часть по 1 р. 50 к., съ пер. по 2 р.
- КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ Императора Фридриха II-го.** В. Бильбасова. Спб. 1863 г. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 50 коп.
- ИСТОРИЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ** въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ М. Стасюлевича. Томъ 1-й (476-771) Спб. 1863 г. Большой томъ въ 800 стр. съ картою. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. 25 к.
- КАЛѢКИ ПЕРЕХОЖІЕ.** Сборникъ стиховъ и изслѣдованіе П. Безсонова, съ нотами и рисунками. Выпускъ V. М. 1863 г. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 50 к. Того же изданія выпуски I. II. III и IV по 1 руб. за выпускъ, съ пер. по 1 р. 50 коп.
- ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ живаго велирусскаго языка** В. И. Даля. выпускъ VI М. 1863 г. Ц. 1 р. съ пер. 1 руб. 50 коп. тоже выпуски I. II. III. IV и V по 1 руб. за выпускъ, съ пер. по 1 р. 50 к.
- ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ** томъ X (Тверская Лѣтопись) Спб. 1863 г. Ц. 2 р. съ пер. 3 р. того же изданія отдѣльно томы III. IV. V. VI. VII VIII и IX. по 2 р. за томъ съ пер. по 3 р. Всѣ 10 томовъ (2 экземпляра) Ц. 30 р. съ пер. 38 руб.

- СОБРАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ГРАМОТЪ и договоровъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, съ гравированными изображеніями печатей и со снимками собственно-ручныхъ подписей 4 большихъ тома. М. 1813-1818 г. Ц. 20 р. съ пер. 32 руб.**
- АКТЫ ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ЮЖНОЙ и ЗАПАДНОЙ Россіи томъ 1-й (1361-1598 г. дѣла по внутреннему устройству государства и церкви, юридическаго быта, управленія, торговли и правъ) спб. 1863 г. Ц. 2 р. съ пер. 3 р. Тоже томъ III (2-й еще печатается) Ц. 3 р. съ пер. 4 р. 50. Томъ IV-й (дѣла молороссійскаго казачества при гетманствѣ Ивана Выговскаго). Всѣ три тома изданы подъ редакцію Н. Костомарова. Спб. 1863 г. Ц. 2 руб. съ пер. 3 руб.**
- ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ИСТОРИИ дипломатическихъ сношеній Россіи съ западными европейскими державами отъ заключенія всеобщаго мира въ 1814 году до конгресса въ Вероніи въ 1822 г. изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ; два большихъ тома. М. 1823 г. Ц. 12 р. съ пер. 16 руб.**
- АКТЫ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 4 тома Ц. 10 руб. съ пер. 14 руб.**
- АКТЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ пять томовъ. Ц. 10 руб. съ пер. 14 руб.**
- ДОПОЛНЕНІЯ КЪ АКТАМЪ ИСТОРИЧЕСКИМЪ 8 томовъ Ц. 16 р. съ пер. 22 руб.**
- АКТЫ ОТНОСЯЩІЕСЯ ДО ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ РОССІИ пять томовъ Ц. 10 р. съ пер. 14 руб.**
- О РОССІИ въ царствованіе Алексея Михайловича, современное сочиненіе Котошихина 2-е изданіе спб. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.**
- СКАЗАНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ О РОССІИ томъ 1-й Ц. 2 р. съ пер. 3 руб.**
- АКТЫ ЮРИДИЧЕСКІЕ Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 4 р.**
- АКТЫ ОТНОСЯЩІЕСЯ ДО ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА древней Россіи томъ 1-й Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 к.**
- НОВГОРОДСКІЯ ПИСЦОВЫЯ КНИГИ 2 тома Ц. по 2 руб. за томъ съ пер. по 3 руб.**

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

О ПРЕОБРАЗОВАНІЯХЪ ПО ЧАСТИ ПРЯМЫХЪ НАЛОГОВЪ.

Давно уже замѣчено многими, что требованія высшей правды, въ практическомъ ихъ приложеніи, совершенно сходятся съ требованіями истинныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ. То, что справедливо, всегда бываетъ выгодно, и на оборотъ, все, что выгодно, всегда бываетъ справедливо. Конечно, здѣсь разумѣются истинные человѣческіе интересы, а не тѣ призрачныя выгоды, которыя болѣею частію являются обыкновенными двигателями дѣйствій отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ.

Какъ въ исторіи, такъ и въ современной жизни, мы видимъ, что отдѣльные люди и цѣлыя общества дѣйствуютъ очень часто на перекоръ своимъ истиннымъ выгодамъ и съ большимъ трудомъ приходить къ сознанію своихъ собственныхъ, дѣйствительныхъ интересовъ. Между тѣмъ, мы замѣчаемъ, что всякое уклоненіе отъ пути, ведущаго къ достиженію истинныхъ выгодъ, представляетъ такое же уклоненіе и отъ высшихъ нравственныхъ началъ. Достаточно вспомнить, что всѣ несправедливости общественнаго устройства разныхъ народовъ всегда оказывались противорѣчащими истиннымъ интересамъ, какъ цѣлыхъ обществъ, такъ и тѣхъ лицъ, въ пользу которыхъ онѣ совершались. Такимъ образомъ окончательные практическіе выводы изъ идей такъ называемаго высшаго порядка совершенно совпа-

даютъ съ требованіями обыденной жизни. Мы не имѣемъ никакого намѣренія обсуждать причины этого постояннаго совпаденія высшихъ нравственныхъ началъ съ удовлетвореніемъ человѣческихъ интересовъ и дѣлать какіе либо выводы объ относительномъ ихъ значеніи. Но мы вспомнили объ этомъ совпаденіи только потому, что оно нигдѣ не проявляется такъ ярко, какъ въ экономическомъ устройствѣ человѣческихъ обществъ. Обсуждая разныя системы государственныхъ податей и налоговъ, нельзя не придти къ тому заключенію, что чѣмъ равномернѣе и справедливѣе налоги, тѣмъ менѣе они приносятъ вреда источникамъ народнаго богатства и болѣе даютъ государственному казначейству, и, на оборотъ, чѣмъ несправедливѣе налоги и ихъ распредѣленіе, тѣмъ болѣе они вредятъ народному благосостоянію и менѣе даютъ средства для государственныхъ потребностей.

Ни въ одной сферѣ общественной жизни справедливость не является съ перваго взгляда до такой степени выгодною, какъ въ области финансоваго права. Здѣсь что ни шагъ къ справедливости, то выгода; что ни шагъ отъ нея, то убытокъ, и убытокъ, какъ для общественной казны, такъ и для частныхъ лицъ. И всѣ эти выгоды и убытки до такой степени очевидны, что ихъ можно сосчитать съ математическою точностію.

Такъ какъ единственный источникъ государственнаго дохода заимчивается въ доходахъ частныхъ лицъ, то само собою разумѣется, что справедливость требуетъ, чтобы каждый гражданинъ жертвовалъ государству суммы, соразмѣрныя съ его чистыми доходами. Того же самаго требуютъ и выгоды отдѣльныхъ гражданъ и всего государства. Если государственнй доходъ составляется изъ суммъ, удѣляемыхъ изъ доходовъ частныхъ лицъ, то очевидно, что источники этихъ общихъ доходовъ одни и тѣ же. Это трудъ и капиталъ, единственные производители народнаго богатства, отъ величины которыхъ зависитъ самое количество общаго народнаго дохода. Собственные интересы народа и фиска требуютъ, чтобы налоги въ пользу общихъ государственныхъ цѣлей падали на чистый доходъ, а не на его источники, потому что пораженіе налогомъ самихъ производителей (капитала и труда) влечетъ за собою пониженіе уровня матеріальнаго благосостоянія народа и, слѣдовательно, общеобщественнаго. Простой расчетъ показываетъ, что справедливое распредѣленіе налоговъ между частными лицами, соразмѣрно количеству получаемыхъ ими чистыхъ доходовъ, есть самое выгодное, какъ для всего общества, такъ и для государственнаго казначейства. Если налогъ выходитъ изъ предѣловъ той доли чистаго дохода, которую плательщикъ можетъ пожертвовать въ пользу государства безъ всякаго стѣсненія, то онъ

уменьшаетъ его производительный фондъ и поражаетъ на будущее время самые источники его дохода. Въ этомъ случаѣ плательщикъ лишается части своего производительнаго капитала и теряетъ энергію къ труду. Неминуемымъ слѣдствіемъ подобнаго налога на самые источники народнаго богатства бываетъ то, что капиталы прячутся, количество труда уменьшается и производство останавливается, а съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшается и цифра народнаго дохода. Изъ этого одного уже видно, что государство не можетъ пользоваться большими доходами отъ налоговъ, несоотвѣтствующихъ средствамъ податныхъ лицъ. Правительства, не соразмѣряющія налоги съ доходами плательщиковъ и распредѣляющія ихъ какъ попало, напр. поголовно или по дворно, обыкновенно должны довольствоваться такою малою цифрою, которая не выходитъ изъ предѣловъ средствъ большинства бѣднѣйшаго населенія. Прямые послѣдствія этихъ налоговъ заключаются въ томъ, что въ государственномъ казначействѣ постоянно недостаетъ средствъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей и что въ будущемъ предвидятся еще большіе недочеты, потому что вся тяжесть налоговъ лежитъ исключительно на бѣднѣйшемъ и наиболѣе трудящемся народонаселеніи и разрушаетъ въ самомъ корнѣ главные источники народнаго благосостоянія. Такимъ образомъ, несправедливое распредѣленіе налоговъ влечетъ за собою явныя невыгоды для государственнаго казначейства и для большинства народонаселенія. Между тѣмъ, оно не приноситъ никакихъ выгодъ и тѣмъ лицамъ, въ пользу которыхъ, по видимому, устанавливается этотъ неправомѣрный порядокъ. Богатые люди, платящіе налоги, несоразмѣрно малые съ получаемыми ими доходами, такъ же какъ и привилегированныя лица, избавленныя вовсе отъ платежа податей, нисколько отъ этого не выигрываютъ. Ущербъ, происходящій для нихъ отъ этого неправомѣрнаго порядка вещей и сопряженнаго съ нимъ разстройства государственныхъ финансовъ, далеко превышаетъ ту видимую выгоду, которою они пользуются въ платежѣ податей передъ другими бѣднѣйшими классами народа. Прежде всего надобно сказать, что они несутъ извѣстныя матеріальныя потери, какъ потребители народныхъ произведеній. Такъ какъ неравномѣрные налоги, падающіе большею частью на самые производительные классы народа, останавливаютъ производство, то само собою разумѣется, что отъ этого всѣ предметы потребленія становятся дороже, и дѣло приходитъ къ тому, что при этомъ порядкѣ вещей матеріальное благосостояніе большинства не поднимается, тогда какъ богатые и привилегированныя классы, на одною уже возвышеніи цѣнности предметовъ потребленія, теряютъ почти столько же, сколько бы они заплатили налоговъ при справедливомъ распредѣленіи по количеству получаемыхъ доходовъ. Для того,

чтобы убѣдиться въ справедливости этого заключенія, достаточно вспомнить, что никто не имѣетъ возможности производить или торговать съ постояннымъ убыткомъ; а потому всѣ налоги, вносимые производительными классами народа, необходимо причисляются къ продажной цѣнѣ предметовъ потребления. Такимъ образомъ, богатые и привилегированныя лица, не смотря на видимое освобожденіе ихъ отъ соразмѣрныхъ пожертвованій для удовлетворенія общественныхъ потребностей, все-таки несутъ значительную долю государственныхъ расходовъ и пользуются только тѣмъ преимуществомъ, что уплачиваютъ эти суммы тайно и не имѣютъ никакого права считать себя гражданами, исполняющими общественныя обязанности. Сверхъ того, разстройство государственныхъ финансовъ, неизбежное при неравномѣрномъ распредѣленіи налоговъ, производитъ постоянный и ощутительный ущербъ въ ихъ имущественныхъ интересахъ. Кажется, что этой истины не нужно доказывать. Всякій знаетъ и видитъ, что неудовлетворительное положеніе государственныхъ финансовъ влечетъ за собою неизбежныя потери для капиталистовъ и владѣльцевъ недвижимыхъ имѣній. Отечественный опытъ ясно доказываетъ совершенную солидарность между положеніемъ фиска и дѣлами частныхъ лицъ. Если счастье всѣхъ вышеупомянутыя потери богатыхъ и привилегированныхъ людей при неравномѣрномъ распредѣленіи налоговъ, то нельзя не придти къ положительному заключенію, что несправедливость въ дѣлѣ распредѣленія государственныхъ налоговъ вредитъ даже матеріальнымъ интересамъ тѣхъ лицъ, въ пользу которыхъ она совершается. Что же касается до общихъ невыгодъ этой несправедливости, то онѣ еще болѣе очевидны. Неравномѣрное распредѣленіе налоговъ между гражданами производитъ безпорядокъ въ экономической жизни цѣлаго народа и ведетъ къ случайному и неправомѣрному перемѣщенію имуществъ изъ однихъ рукъ въ другія. Поражая бѣдныхъ производителей болѣе, нежели богатыхъ, налогъ даетъ вторымъ средства пользоваться огромною выгодой, тогда какъ первымъ ведетъ къ потерѣ всего капитала. Если бѣдный производитель обязывается платить ту же сумму налога, какую вносятъ и капиталисты, имѣющіе обороты въ нѣсколько тысячъ разъ болѣе, то всѣ произведенія стоютъ ему гораздо дороже, нежели его богатымъ соперникамъ. Между тѣмъ, на основаніи общаго закона, состоящаго въ томъ, что на одномъ рынкѣ не можетъ существовать разныхъ цѣнъ, всѣ однородные предметы продаются по одной цѣнѣ, не смотря на различную стоимость ихъ производства. Если предлагаемое количество извѣстныхъ произведеній не превышаетъ требованія, то богатые производители, поставленные въ болѣе выгодныя условія, пользуются огромными незаслуженными барышами, тогда

какъ бѣднѣйшіе, получая ту же плату, едва покрываютъ издержки производства; если же количество предлагаемыхъ предметовъ превышаетъ требованіе, то вторые находятся въ необходимости сбывать же свои произведенія съ убыткомъ, тогда какъ первые, получая ту плату, не только не терпятъ никакого ущерба, но даже имѣютъ и нѣкоторую выгоду. Такимъ образомъ, неравенство условій производства всегда влечетъ за собою неправомѣрное, случайное перемѣщеніе цѣнностей изъ однихъ рукъ въ другія. Очевидно, что неравномѣрный налогъ еще болѣе усиливаетъ случайности этого несправедливаго перемѣщенія капиталовъ и дѣйствуетъ всегда въ пользу нѣсколькихъ капиталистовъ и во вредъ огромному большинству потребителей и трудящагося народонаселенія. Поэтому, неравномѣрные налоги, уменьшая вознагражденіе небогатаго и наиболѣе производительнаго народонаселенія, лишаютъ трудъ необходимой энергіи и служатъ прямымъ препятствіемъ къ расширенію производства и развитію матеріальнаго благосостоянія. Наконецъ, неравномѣрные налоги, представляя явную несправедливость, возведенную на степень закона, отнимаютъ у общественнаго порядка всякое нравственное обезпеченіе. Большинство трудящагося народонаселенія, обремененное налогами, смотритъ съ естественнымъ недоброжелательствомъ на привилегированныхъ и богатыхъ людей, не исполняющихъ никакихъ обязанностей въ пользу государства или несущихъ бремя налоговъ, несоизмѣрно малое съ количествомъ получаемыхъ ими доходовъ. Такое положеніе вещей ведетъ къ совершенному резъединенію отдѣльныхъ классовъ народа, крайне невыгодному въ видахъ общаго блага, и, поселяя недоумѣріе, къ общественному порядку, незамѣтно подтачиваетъ всѣ его основы. Не видя справедливости въ отношеніяхъ, освященныхъ общими законами, граждане мало по малу приходятъ къ мысли, что весь существующій общественный порядокъ основывается на одной несправедливости.

Такъ какъ, при этихъ условіяхъ, общественный порядокъ не можетъ пользоваться сочувствіемъ со стороны большинства народонаселенія, то онъ находится въ зависимости отъ всѣхъ случайностей и, будучи всегда въ опасности, нуждается въ постоянномъ поддержаніи его внѣшнею силою и чрезвычайными мѣрами. Поэтому въ странахъ, гдѣ нѣтъ справедливаго распредѣленія государственныхъ обязанностей, никогда не можетъ быть политической свободы. Въ администраціи ихъ царствуетъ произволъ, въ большинствѣ ихъ народонаселенія господствуетъ крайняя бѣдность, а въ казначействахъ ихъ нѣтъ ничего, кромѣ длиннаго списка внѣшнихъ и внутреннихъ долговъ и отсутствія всякой надежды заплатить ихъ.

Всѣ эти мысли не представляютъ ничего новаго. Онѣ уже давно

считаются аксиомами, не подлежащими никакому спору и сомнѣнію. Но не смотря на то, что онѣ признаются вѣрными въ смыслѣ общихъ основаній для распредѣленія податей и налоговъ, практическое ихъ осуществленіе замедляется разными соображеніями, доказывающими ложное пониманіе личныхъ и общественныхъ интересовъ. Это ложное пониманіе собственныхъ выгодъ и служитъ главнымъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ укрѣпляются всѣ силы, враждебныя развитію человѣческихъ обществъ. Мы еще прежде сказали, что не имѣемъ никакого намѣренія дѣлать какіе либо выводы о значеніи нравственныхъ началъ и о причинахъ постоянного совпаденія ихъ съ требованіями человѣческихъ интересовъ. Положимъ, что эти начала существуютъ сами по себѣ, независимо отъ условій человѣческой жизни и что совпаденіе ихъ съ требованіями выгоды происходитъ единственно потому, что отъ хорошаго начала нельзя ожидать никакихъ дурныхъ послѣдствій. Но мы считаемъ нужнымъ только замѣтить, что исповѣданіе нравственныхъ началъ, какъ общихъ основныхъ идей высшаго порядка, не имѣетъ никакого вліянія на установленіе общественныхъ отношеній до тѣхъ поръ, пока люди, ихъ исповѣдающіе, не убѣждаются, что практическое приложеніе ихъ выгодно и полезно. Это постепенно приходящее сознаніе собственныхъ выгодъ и приближаетъ человѣческія общества къ тому порядку вещей, который наиболѣе соглашается съ общими основаніями, носящими названіе высокихъ нравственныхъ истинъ. Сами же по себѣ нравственныя начала никогда не служатъ непосредственными руководителями въ дѣлѣ установленія общественныхъ отношеній. Хотя ихъ часто провозглашаютъ, но они не пользуются дѣятельною вѣрой. Непосредственная причина уничтоженія какой либо несправедливости общественнаго быта всегда заключается въ сознаніи ея невыгодъ. Изъ исторіи, и въ особенности новѣйшей, мы видимъ, что всѣ несправедливости общественныхъ отношеній исчезаютъ только тогда, когда большинство людей, имѣющихъ вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ, убѣждается, что эти несправедливыя отношенія положительно вредны имъ самимъ. Такимъ образомъ вездѣ уничтожались разныя историческія отношенія, противорѣчившія началу справедливости, какъ-то: рабство, крѣпостное право и т. п. По крайней мѣрѣ, мы не видимъ, что этимъ реформамъ соотвѣтствовало одновременное измѣненіе нравственнаго кодекса. Въ настоящее время выгодность приложенія высшихъ началъ справедливости въ дѣлѣ распредѣленія государственныхъ налоговъ уже не составляетъ спорнаго вопроса. Всѣ нынѣшнія правительства понимаютъ, что соразмѣрность налоговъ съ доходами податныхъ лицъ требуется не одною только справедливостію,

но и дѣйствительными выгодами плательщиковъ и государственнаго фиска. Въ настоящее время уже стало очевиднымъ для всѣхъ и каждаго, что подати и налоги, соразмѣрные съ доходами податныхъ лицъ, менѣе обременительны и могутъ быть собираемы въ большемъ количествѣ и гораздо вѣрнѣе, нежели суммы, не соответствующія ихъ доходамъ. Поэтому правительства употребляютъ всѣ возможные средства, чтобы достигнуть желаемой соразмѣрности налоговъ съ доходами, и если мы не видимъ до сихъ поръ совершеннаго осуществленія этой идеи, вполне согласной съ началами высшей справедливости и требованіями общаго интереса, то это происходитъ отъ того, что правительства руководствуются разными посторонними соображеніями, построенными на ложныхъ основаніяхъ, и избѣгаютъ прямого пути къ достиженію своей цѣли, считая его почему-то опаснымъ или неудобнымъ. Дѣйствительно, опредѣленіе всѣхъ частныхъ доходовъ, подлежащихъ налогу, кажется съ перваго взгляда чрезвычайно труднымъ и почти невозможнымъ. Но обсудивъ этотъ вопросъ внимательно, нельзя не придти къ положительному заключенію, что эта невозможность представляется только тогда, когда за это дѣло берется центральное правительство, которое, конечно, не можетъ имѣть никакихъ средствъ къ исполненію этой задачи на всемъ пространствѣ нынѣшнихъ государствъ. Но для мѣстныхъ обществъ этой невозможности вовсе не существуетъ. Въ средѣ небольшой общины эта задача уже значительно облегчается вслѣдствіе того, что опредѣленіе доходовъ производится на ограниченномъ пространствѣ общими силами лицъ, заинтересованныхъ въ справедливомъ распредѣленіи налоговъ и болѣе или менѣе знающихъ положеніе дѣлъ каждаго изъ своихъ соеѣдей. Подобное дѣло становится еще легче, если подоходный налогъ, распредѣляемый мѣстными обществами, назначается для удовлетворенія мѣстныхъ же общественныхъ потребностей. Въ такомъ случаѣ податныя лица, производящія раскладку, являются заинтересованными не только въ справедливомъ распредѣленіи налога, но даже и въ правильномъ его употребленіи. Возможность введенія чистаго подоходнаго налога и распредѣленія его въ средѣ мѣстныхъ обществъ доказывается примѣрами Англій и Америки, гдѣ подобныя налоги существуютъ для удовлетворенія нѣкоторыхъ мѣстныхъ потребностей и раскладываются между отдѣльными лицами въ предѣлахъ небольшихъ общинъ. Но не смотря на эти живые примѣры, правительства до сего времени не рѣшаются приступить къ коренной реформѣ въ распредѣленіи податей и налоговъ на основаніи началъ справедливости, именно потому, что исполненіе этой задачи является возможнымъ только при условіи предоставленія всего дѣла самимъ платель-

щамъ. Имъ кажется, что такое расширеніе народныхъ правъ ведетъ къ потерѣ ихъ собственнаго политическаго значенія. При этомъ правительства удерживаются отчасти и вліяніемъ высшихъ классовъ народа, которые, находясь ближе къ центрамъ власти, останавливаютъ ихъ въ этомъ дѣлѣ, воображая, будто бы несправедливое распредѣленіе налоговъ соответствуетъ ихъ выгодамъ. Важность предмета заставляетъ насъ повторить, что это мнѣніе основывается на ложномъ пониманіи собственныхъ интересовъ и общихъ законовъ экономической жизни. Всякій налогъ, хотя бы онъ лежалъ исключительно на низшихъ классахъ народа и нисколько не соответствовалъ средствамъ платящихъ, всегда стремится къ тому, чтобы упасть на чистые доходы гражданъ и распредѣлиться соразмѣрно ихъ количеству. Всякое лицо, не имѣющее средствъ для уплаты налога, естественно старается переложить слѣдующую съ него сумму на другихъ, прибавляя ее къ цѣнности своихъ произведеній. Если бы это постоянное стремленіе производителей не встрѣчало никакихъ препятствій, то налогъ распредѣлился бы сообразно съ началами справедливости. Въ такомъ случаѣ бюджетное распредѣленіе его осталось бы безъ всякихъ послѣдствій, и это было бы самымъ выгоднымъ результатомъ для высшихъ классовъ, въ пользу которыхъ устанавливается неравномѣрное распредѣленіе налоговъ. Но въ дѣйствительности послѣдствія бываютъ гораздо хуже. Такъ какъ всѣ граждане являются виждѣть и производителями и потребителями чужихъ произведеній, то неравномѣрные налоги, увеличивая стоимость производства для людей, владѣющихъ небольшими средствами, отнимаютъ у нихъ всякую энергію труда и заставляютъ ихъ довольствоваться изготовленіемъ предметовъ первой необходимости для поддержанія своей жизни. Отъ этого въ государствѣ напрасно гибнетъ огромное количество труда, и матеріальное благосостояніе большинства народонаселенія нисколько не возвышается; податныя лица обременяются налогами, превышающими ихъ средства; между тѣмъ суммы, вносимыя ими, далеко не соответствуютъ государственнымъ потребностямъ. Такимъ образомъ, налоги, несоразмѣрные съ доходами платящихъ, поддерживаютъ бѣдность народной массы и не даютъ необходимыхъ средствъ для удовлетворенія общественныхъ потребностей. Принятомъ для высшихъ и болѣе обеспеченныхъ классовъ народа представляются слѣдующія явныя невыгоды. Во первыхъ, всѣ предметы, выходящіе изъ круга первыхъ потребностей, достаются гораздо дороже, такъ какъ производство ихъ затрудняется. На одномъ этомъ высшіе классы теряютъ гораздо болѣе тѣхъ суммъ, которыя они обязывались бы внести при справедливомъ распредѣленіи налоговъ между всеми гражданами. Во вторыхъ, при обремененіи народа неравномѣрными на-

легами, общественныя классы не изобилуютъ средствами для достиженія многихъ цѣлей, которыя могутъ достигаться лишь совокупными усиліями всего общества. Наконецъ, въ третьихъ, высшіе классы народа, избавленные отъ справедливаго участія въ общественныхъ повинностяхъ, никогда не пользуются сочувствіемъ народа и не могутъ быть увѣрены въ прочность своихъ имущественныхъ правъ, ибо при такихъ условіяхъ, какъ уже сказано выше, нельзя рассчитывать даже и на прочность самаго общественнаго порядка. Принявъ въ соображеніе всѣ эти обстоятельства и вычисливъ приблизительно матеріальныя потери, происходящія отъ неравнобѣрнаго распределенія налоговъ, всякій убѣдится, что заботы высшихъ привилегированныхъ классовъ о сохраненіи такого неестественнаго и несправедливаго порядка вещей совершенно противорѣчатъ здравому смыслу и собственнымъ ихъ выгодамъ. Что же касается до боязни правительства предоставить опредѣленіе и раскладку налоговъ самимъ плательщикамъ, то она также не имѣетъ никакихъ основаній. Политическое значеніе правительства зависитъ болѣе всего отъ степени прочности общественнаго порядка и тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыми оно обладаетъ. Само собою разумѣется, что при пустомъ казначействѣ и постоянномъ страхѣ за будущее общественнаго порядка, можетъ существовать только правительство, не имѣющее никакой внутренней силы и поддерживаемое лишь до времени невѣжествомъ народа и другими случайными обстоятельствами.

Все, что мы сказали о послѣдствіяхъ неравнобѣрнаго распределенія налоговъ вообще, болѣе всего относится къ личнымъ податямъ производительныхъ классовъ народа и къ пошлинамъ за право торговли и промысловъ. Налоги этого рода наиболѣе уклоняются отъ требованій справедливости и общественныхъ интересовъ. Поголовная подать, налагаемая безразлично въ одномъ и томъ же количествѣ на всѣ лица многочислѣннѣйшаго производительнаго класса народа, не можетъ дать большаго дохода, потому что поступленіе всякой общей личной подати возможно только тогда, когда она не выходитъ изъ средствъ самыхъ бѣднѣйшихъ плательщиковъ. Сверхъ того, признаніе человеческой личности за предметъ, подлежащій налогу, требуетъ такихъ ограниченій въ личной свободѣ платящихъ, которыя необходимо стѣсняютъ производство и задерживаютъ развитіе матеріальнаго благосостоянія. Необходимый надзоръ за правильнымъ поступленіемъ личныхъ податей ведетъ за собою неизбежное прикрѣпленіе ихъ къ однимъ извѣстнымъ мѣстамъ и другія важныя стѣсненія личной свободы, которыя препятствуютъ успѣшному производству. На этомъ основаніи, поголовныя подати, несоразмѣрныя со средствами платящихъ, одинаково противорѣчатъ, какъ началу справедливости, такъ

и общимъ выгодамъ. Что же касается до пошлинъ за право торговли и промысловъ, которыя не соразмѣряются съ доходами торговцевъ и производителей, то вредныя послѣдствія ихъ далеко превъзшаютъ невыгоды общихъ поголовныхъ податей. Установляя эти пошлины въ одномъ размѣрѣ для известнаго вида торговли или промысла, правительства совершенно устраняютъ отъ этой производительной дѣятельности все народонаселеніе, которое не имѣетъ достаточныхъ капиталовъ для того, чтобы его промыслы могли оплачивать установленные налоги. Въ этомъ случаѣ употребленіе труда на известное дѣло становится правомъ, за которое надобно платить деньги прежде, нежели оно приноситъ какія либо выгоды. Очевидныя послѣдствія подобныхъ налоговъ состоятъ въ искусственномъ сокращеніи нѣкоторыхъ видовъ торговли и промысловъ и сосредоточеніи ихъ въ рукахъ монополистовъ, владѣющихъ известными денежными средствами. Такъ какъ торговля служитъ необходимою посредницею между производствомъ и потребленіемъ, то обращеніе ея въ право, приобретаемое покупкою, подрѣзываетъ главный жизненный нервъ народной промышленности. Устраняя отъ этой дѣятельности огромное большинство народонаселенія, законъ дѣлаетъ ее исключительнымъ занятіемъ немногихъ монополистовъ, которые обращаютъ ее въ средство увеличивать свои капиталы на счетъ производительнаго народонаселенія. Будучи поставлены законами въ наиболѣе благоприятныя отношенія, большіе капиталисты имѣютъ на своей сторонѣ всѣ случайности рынка. Разсчетъ этотъ очень простъ. Положимъ, что право заниматься известнымъ видомъ оптовой торговли продается за 600 рублей въ годъ, не смотря на величину оборота и получаемыхъ выгодъ. Въ такомъ случаѣ два торговца, изъ которыхъ одинъ имѣетъ годовой оборотъ не болѣе 15,000 р., а другой до 15,000,000 р. должны платить одно и то же. Предполагая, что они покупаютъ и продаютъ товары съ одною выгодною, на примѣръ, получаютъ 10%, мы видимъ, что платимый налогъ для перваго представляетъ чувствительное бремя и отнимаетъ у него болѣе трети получаемого имъ чистаго дохода, тогда какъ, въ отношеніи дохода втораго, онъ составляетъ не болѣе 0,04% и не стоитъ никакого вниманія. Между тѣмъ, торговля дѣла находится въ постоянной зависимости отъ случайныхъ обстоятельствъ, и всякое пониженіе торговой прибыли увеличиваетъ разницу въ относительномъ положеніи дѣлъ обоихъ торговцевъ. Такъ при пониженіи прибыли до 4% первый торговецъ, за уплатою налога, уже ничего не получаетъ, тогда какъ второй пользуется еще съ своего капитала чистымъ доходомъ до 3,96%. Наконецъ, при отсутствіи всякой прибыли, первый лишается значительной части своего капитала, тогда какъ второй почти ничего не теритъ. Очевидно, что эта огромная разница въ

положеніи большихъ и мелкихъ капиталистовъ, производимая однимъ неравномѣрнымъ налогомъ независимо отъ общаго значенія капиталовъ, даетъ первымъ полную возможность совершенно уничтожить всякое соперничество и захватывать въ свои руки всю торговлю извѣстными товарами. Такимъ образомъ, налогъ за право торговли дѣлаетъ ее искусственною заставою между производствомъ и потребленіемъ, отданною на откупъ и служащую личнымъ интересамъ нѣкоторыхъ лицъ. Разумѣется, что доходы съ этой заставы никакъ не могутъ вознаградить и сотой доли тѣхъ убытковъ, которые причиняются ей существованіемъ. Причина этого заключается въ самыхъ существенныхъ основаціяхъ этого сбора. Купеческіе и промысловые патенты, продаваемые правительствами, суть не что иное, какъ свидѣтельства на право производства извѣстнаго торга или промысла, и по самому смыслу своему не допускаютъ мысли о соразмѣрности налога оборотамъ и доходамъ производителя. Здѣсь, очевидно, продается одно право употребленія труда въ извѣстной торговлѣ или промышленности. Если бы это было иначе, то налогъ не имѣлъ бы никакой надобности различать роды и виды производительной дѣятельности, а сообразовался бы единственно съ величиною оборота производителей и составлялъ бы въ сущности подоходную подать съ лицъ, занимающихся торговлею и промышленностію. Но такъ какъ продажа патентовъ на право торговли и промысловъ можетъ существовать только при условіи уплаты налога прежде открытія производства, то само собою разумѣется, что этотъ налогъ является, по самой сущности его, нераціональнымъ и несправедливымъ, потому что онъ поражаетъ самые источники народнаго дохода и совершенно устраняетъ отъ извѣстныхъ родовъ производительной дѣятельности всѣхъ способныхъ лицъ, не имѣющихъ достаточныхъ капиталовъ для открытія производствъ въ такихъ размѣрахъ, которые соотвѣтствовали бы цифрамъ назначенныхъ патентныхъ сборовъ. Такимъ образомъ, этотъ налогъ, по самому его смыслу, имѣетъ цѣлью ограниченіе подлежащихъ ему отраслей производительной дѣятельности и сосредоточеніе ея въ рукахъ лицъ, обладающихъ извѣстными капиталами. Изъ этого одного уже видно, что всѣ усилія соразмѣрить этотъ налогъ съ оборотомъ и доходами производителей, посредствомъ общихъ соображеній о доходности каждаго вида производительной дѣятельности по извѣстнымъ внѣшнимъ признакамъ, не могутъ достигать своей цѣли, потому что желаніе сдѣлать этотъ налогъ рациональнымъ находится въ прямомъ противорѣчій съ самымъ характеромъ и значеніемъ этого сбора. Если правительство отнимаетъ у всѣхъ гражданъ естественное, прирожденное имъ право употребленія труда и личныхъ способностей въ извѣстныхъ родахъ дѣятельности для того, чтобы продавать его

за деньги, то разумѣется, что въ этомъ случаѣ дѣло заключается въ продажѣ личныхъ правъ, а не въ полученіи государственныхъ податей, соотвѣтствующихъ доходамъ производителей. Здѣсь съ перваго раза видно, что правительство, разрѣшая за деньги разныя производства, должно руководствоваться извѣстнымъ опредѣленіемъ ихъ родовъ и видовъ, которые не могутъ ни въ какомъ случаѣ соотвѣтствовать количеству оборотовъ и доходовъ производителей. Продавая право употребленія труда, нужно прежде всего опредѣлить, чѣмъ дозволяется заниматься, то есть, опредѣлить самый родъ дѣятельности и оцѣнить его сравнительно съ прочими занятіями; между тѣмъ, какъ видъ производства не имѣетъ никакого отношенія къ величинѣ его оборота и количеству приносимаго имъ чистаго дохода. Очевидно, что неравномѣрность этого налога лежитъ въ самомъ его основаніи и не можетъ быть уничтожена иначе, какъ съ совершеннымъ его отмененіемъ. Поэтому, всѣ усилія исправить его и согласить съ требованіями здраваго смысла посредствомъ количественнаго измѣненія его по разнымъ внѣшнимъ признакамъ, какъ-то: по роду произведеній и способу ихъ сбыта, по количеству народонаселенія въ мѣстахъ производства, по числу употребляемыхъ работниковъ, по числу и пространству занимаемыхъ помѣщеній и т. п., не могутъ представлять значительныхъ улучшеній уже потому, что всѣ эти условія принадлежатъ большею частію къ тому же роду внѣшнихъ признаковъ, на основаніи которыхъ опредѣляются и самыя виды разрѣшаемыхъ производствъ, и такъ же мало соотвѣтствуютъ разбѣру и доходности торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Родъ произведеній и способъ ихъ сбыта не представляютъ ни малѣйшаго указанія на количество оборота и дохода. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы торговля фарфоровыми, фаянсовыми произведеніями, новою мебелью и новыми книгами была гораздо выгоднѣе или непремѣнно требовала большаго оборотнаго капитала, нежели торговля глиняною посудой, старыми книгами и подержанною домашнею утварью. Точно такъ же нѣтъ никакого основанія предположить, что розничная продажа произведеній въ лавкахъ должна представлять всегда менше оборотнаго капитала и дохода, нежели такъ называемая оптовая торговля, состоящая въ продажѣ товаровъ партіями другимъ торговцамъ и производителямъ. Если же эти явленія и замѣчаются въ настоящее время, то не надобно забывать, что они вызываются искусственно тѣми законами, которые, продавая право употребленія труда въ разныхъ родахъ дѣятельности по разнымъ дѣнамъ, приводятъ къ сосредоточенію извѣстныхъ занятій въ тѣсномъ кругѣ людей, владѣющихъ извѣстными капиталами. Количество народонаселенія въ мѣстахъ производства ничего не доказываетъ. Оно можетъ еще служить нѣкоторымъ указаніемъ на воз-

возможность употребленія въ дѣло извѣстныхъ средствъ; но не даетъ никакого понятія о дѣйствительномъ количествѣ оборотнаго капитала и ожидаемыхъ доходовъ того лица, которое покупаетъ себѣ право пользованія своими способностями. Очевидно, что въ этомъ случаѣ устанавливается между общими размѣрами производства и частными средствами одного лица какое-то фиктивное отношеніе, не имѣющее вовсе практическаго смысла. Число употребляемыхъ работниковъ и пространство помѣщенія также не могутъ имѣть никакого значенія въ дѣлѣ равномѣрнаго распредѣленія податей и налоговъ. Рѣдкій изъ производителей капиталистовъ ограничивается трудомъ своихъ постоянныхъ работниковъ. Многія части работы обыкновенно отдаются на отрядъ постороннимъ лицамъ и нерѣдко эти отдѣльныя работы, производимыя на сторонѣ, занимаютъ въ тысячу разъ большее число рукъ противъ количества постоянныхъ работниковъ, живущихъ на содержаніи производителя въ собственномъ его помѣщеніи. Слѣдовательно, всѣ эти признаки, видоизмѣняющіе налогъ, не представляютъ никакихъ существенныхъ основаній для соразмѣренія его съ количествомъ оборотовъ и доходовъ предпріятій. Такимъ образомъ, торговля и промышленныя пошлины, устанавливаемыя въ видѣ продажи права употребленія труда въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ родахъ производительной дѣятельности, не могутъ быть рациональными и выгодными. Доходъ, приносимый ими, не можетъ быть значителенъ уже потому, что каждая копѣйка, ими доставляемая, ведетъ къ сокращенію производительной дѣятельности и неправоумному экономическому похищенію бѣднѣйшихъ людей болѣе богатымъ. Каждая копѣйка, полученная за право торговли и промышленной дѣятельности, усиливаетъ значеніе капиталовъ и неравноумное распредѣленіе народнаго богатства. Лишая мелкихъ капиталистовъ всякой возможности участвовать въ извѣстной производительной дѣятельности, эти налоги дѣлаютъ ихъ простыми работниками капиталистовъ и, содѣйствуя уменьшенію количества вознагражденія за трудъ и увеличенію прибыли на капиталъ, лишаютъ трудъ необходимой энергіи и прямо ведутъ къ сокращенію производства и уничтоженію общихъ источниковъ народнаго и государственнаго дохода. Такъ какъ количество вреда, приносимаго этими налогами, находится въ прямомъ отношеніи къ количеству доставляемаго ими дохода, то изъ этого одного уже видно, что суммы, приносимыя ими, должны быть чрезвычайно малы и не могутъ вознаграждать огромныхъ убытковъ, производимыхъ ими въ общей народной экономіи. Поэтому нѣтъ ни одной страны, въ которой патентные сборы за право торговли и промышленности составляли бы значительную часть государственнаго дохода.

Такъ во Франціи, гдѣ система патентныхъ сборовъ является наиболѣе развитою, они составляютъ менѣе $\frac{1}{24}$ части государственнаго дохода (по бюджету на 1862 г. отъ нихъ предполагалось получить 80,046,204 франк. валоваго дохода, тогда какъ общій валовой государственный доходъ предполагался до 1,940,196,912 фр.), въ Пруссіи менѣе $\frac{1}{41}$, а въ Бельгіи менѣе $\frac{1}{49}$ части государственныхъ доходовъ (*). При этомъ надобно сказать, что дѣйствительный чистый доходъ Франціи отъ патентнаго сбора долженъ быть гораздо менѣе суммы, назначенной по оффиціальному тексту ея бюджета, потому что значительная часть ея идетъ на мѣстные общественныя нужды и на покрытие издержекъ самого сбора, усложненнаго раскладкой его на основаніи промышленныхъ тарифовъ и мѣстныхъ изъисканій. По исчисленію Цѣрннга, сумма этого налога, получаемая государствомъ, не можетъ быть болѣе 57,134,000 франковъ (14,283,500 нашихъ рублей), если не считать ничтожнаго пяти-сантимнаго сбора за выписки изъ окладныхъ листовъ (**). Надобно замѣтить, что въ Англіи, преимущественно торговой странѣ, эти сборы почти не существуютъ. Изъ всего этого видно, что несправедливая продажа права на производство торговли и промышленности, влекущая за собою неисчислимыя потери въ народной производительности и неравномѣрныя послѣдствія въ распредѣленіи дѣяностей, даетъ незначительный доходъ, даже и при большомъ ея развитіи. Что же касается до нашего отечества, то въ немъ эти сборы даютъ еще менѣе и производятъ еще большее количество вреда, потому что они соединяются съ продажей такихъ личныхъ привилегій, которыя даже не имѣютъ никакого отношенія къ торговой и промышленной дѣятельности. Мы уже не станемъ говорить о нравственномъ значеніи этой торговли личными привилегіями, освобождающими отъ исполненія нѣкоторыхъ важнѣйшихъ государственныхъ и общественныхъ повинностей и нарушающими равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ. Въ этомъ отношеніи не можетъ быть никакихъ недоразумѣній, потому что еще при существованіи крѣпостнаго права само правительство находило нужнымъ брать въ опеку имѣнія тѣхъ помѣщиковъ, которые облагали крестьянъ денежнымъ сборомъ за забавленіе отъ рекрутства (***). Слѣдовательно, въ воззрѣніи на этотъ

(*) Das österreichische Budget für 1862 in vergleichung mit jenen der verglichenen anderen europäischen Staaten, systematisch dargestellt von Carl Freiherrn, von Coernig. II Band. Anhang.

(**) Тамъ же, I, стр. 138 и 139.

(***) Постановление казужскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, напечатанное въ № 3 газеты «Деш.» 19 января шлѣдующаго 1863 года.

предметъ мы совершенно сходимся съ самимъ правительствомъ. Нечего и говорить, что если освобожденіе за деньги отъ исполненія государственныхъ повинностей считалось злоупотребленіемъ крѣпостныхъ душевладельцевъ, то узаконеніе продажи подобныхъ личныхъ привилегій самимъ правительствомъ представляетъ такое отступление отъ нравственныхъ началъ, которое ничѣмъ оправдано быть не можетъ. Поэтому мы считаемъ нужнымъ лишь сказать нѣсколько словъ объ особыхъ экономическихъ послѣдствіяхъ такого патентнаго сбора, который вмѣстѣ съ правомъ известной торговой и промышленной дѣятельности предоставляетъ и нѣкоторыя личныя привилегіи въ порядкѣ суда, платежа податей и отправленія повинностей. Такъ какъ нѣкоторыя общественныя обязанности очень тяжелы, какъ напр. рекрутская, то очевидно, что всякій семейный человѣкъ, не занимающійся вовсе производствомъ или торговлею, но имѣющій возможность покупать ежегодно привилегію до выхода своихъ дѣтей изъ рекрутскаго возраста, непременно пожертвуетъ для этого всѣмъ своимъ достаткомъ. Покупка этой привилегіи дѣлается еще болѣе доступною и выгодною въ томъ случаѣ, когда вмѣстѣ съ главою семейства эти права приобрѣтаются большимъ количествомъ лицъ, уничтожаемыя повинности которыхъ въ общей сложности составляютъ значительную сумму. Если семейство покупающаго патентъ на производство торговли или промысла очень велико, то правительство посредствомъ продажи привилегій можетъ даже терять известную часть своихъ доходовъ. По нашимъ законамъ (35, 36, 38 и 49 ст. Торг. Уст. 2-й части, XI т. Св. Зак.), въ одномъ семейственномъ купеческомъ капиталѣ могли состоять и пользоваться тѣми же гражданскими правами, которыя принадлежать и главѣ семейства, не только дѣти, внуки и правнуки его, живущіе съ нимъ нераздѣльно, но и неотдѣленные родные братья, незамужнія сестры и племянники. Можно смѣло сказать, что при этомъ порядкѣ очень часто приходилось на одинъ капиталъ болѣе десяти человѣкъ мужскаго пола. Весьма естественно, что при существованіи такихъ узаконеній всѣ сколько нибудь состоятельныя семейства изъ городскихъ сословій покупали себѣ освобожденіе отъ рекрутства, платежа подушныхъ сборовъ и обыкновенныхъ судебныхъ наказаній, и затѣмъ всѣ подати и повинности ложились исключительно на самыхъ бѣднѣйшихъ жителей, которые дѣлались отъ того еще бѣднѣе и несостоятельнѣе.

Между тѣмъ, изъ обнаруженныхъ росписей государственныхъ доходовъ за послѣдніе два года видно, что всей суммы налоговъ съ торговли и промышленности было исчислено къ полученію только 5,200,000 р., что составляетъ менѣе $\frac{1}{59}$ части всего государственнаго

дохода. Чтобы помѣть всю незначительность этой суммы въ сравненіи съ громадными невыгодами, сопряженными съ продажей права торговли и промысловъ и соединяемыхъ съ ними личныхъ привилегій, достаточно обратить вниманіе на то, что въ теченіи прошедшаго 1861 года (какъ видно изъ пояснительной записки комиссіи высочайше утвержденной для пересмотра системы податей и сборовъ отъ 6 сентября 1862 г.), выдано только 1085 купеческихъ свидѣтельствъ 1-й гильдіи, которой предоставляется право внутренней и внѣшней торговли безъ всякихъ ограниченій, и исключительное право банширскихъ, вексельныхъ и страховыхъ операцій, и что такимъ образомъ всѣ важнѣйшія торговыя операціи обширнѣйшей имперіи, сопряженные съ громадными личными привилегіями, не приносили государству и 700,000 р. Кажется, что въ этомъ случаѣ самыя цѣны налоговъ служатъ лучшимъ доказательствомъ ихъ невыгоды. На этихъ основаніяхъ мы твердо увѣрены, что справедливость и самыя выгоды общества и государственнаго казначейства требуютъ совершеннаго уничтоженія этихъ оборотовъ и замѣны ихъ подоходною податью.

Въ послѣднее время обнародованы новыя финансовыя реформы, которыя подають надежду на то, что распределеніе нашихъ государственныхъ податей и налоговъ, мало по малу, будетъ соглашаться съ требованіями справедливости и дѣйствительныхъ народныхъ интересовъ. 1 января 1863 года, послѣдовали два высочайшіе указа правительствующему сенату. Въ первомъ изъ нихъ говорится, что во вниманіе къ тѣмъ важнѣйшимъ неудобствамъ и затрудненіямъ, съ которыми сопряжены дѣйствующія нынѣ, одновременно и безъ должнаго единства сложившіяся постановленія о правахъ торговли и другихъ промысловъ, а также въ видахъ уравнительнѣйшаго распределенія взимаемаго съ нихъ налога, признано необходимымъ установить эту часть на другихъ, болѣе справедливыхъ и болѣе соответственныхъ своей цѣли основаніяхъ, и при этомъ ирпроводится въ правительствующій сенатъ для исполненія новое положеніе о пошлинахъ за право торговли и промысловъ. Въ другомъ же высочайшемъ указѣ говорится, что для усиленія средствъ государственнаго казначейства, по случаю предстоящихъ оному новыхъ значительныхъ расходовъ, признается необходимымъ установить на 1863 годъ особый налогъ на недвижимыя въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ имущества, вовсе отменить въ то же время, въ видахъ улучшенія быта многочисленнѣйшаго и наименѣе обеспеченнаго въ средствахъ къ существованію городского сословія, подушную подать съ мѣщанъ, съ тѣмъ, чтобы сія отбѣна была распространена и на нѣкоторые особыя мѣстные налоги, имѣющіе, вслѣдствіе подушной подати, лицами, приписанными къ городамъ. При этомъ

послѣднемъ указѣ препровождены въ правительствующій сенатъ для надлежащаго исполненія правила о взиманіи въ 1863 году налога съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ.

Изъ этихъ новыхъ законоположеній видно, что наше правительство имѣетъ въ виду уничтожить несправедливыя и нераціональныя поголовныя налоги и замѣнить ихъ имущественными.

Нельзя не порадоваться такому явленію. Кроме удовлетворенія справедливости, эта реформа представитъ возможность дѣйствительно улучшить средства государственнаго казначейства и общее финансовое положеніе страны. Какъ мы уже сказали выше, никто отъ этой реформы ничего не потеритъ, и даже самыя привилегированныя сословія, избавившіяся доседѣ отъ исполненія всякихъ государственныхъ обязанностей, выиграютъ и нравственно, и матеріально. Начиная эту реформу съ городскихъ сословій, правительство поступаетъ какъ нельзя болѣе рационально, такъ какъ мѣщане, составляющіе классъ народа, наименѣе обезпеченный въ средствахъ существованія, вполнѣ заслуживаютъ того, чтобы тяжесть поголовныхъ податей и налоговъ была снята съ нихъ прежде, нежели съ другихъ низшихъ сословій, существованіе которыхъ обезпечено осѣдлостію и поземельнымъ надѣломъ. Поэтому объявленіе объ отмигѣ подушныхъ сборовъ съ мѣщанъ не можетъ не пользоваться безусловнымъ сочувствіемъ. Но что касается до самыхъ подробностей этихъ реформъ, то онѣ служатъ яснымъ доказательствомъ, что составленіе новыхъ уставовъ бюрократическимъ порядкомъ, безъ живаго участія народа, не можетъ привести къ значительнымъ успѣхамъ въ общественной и государственной жизни.

Если взглянуть въ новыя законоположенія о пошлинахъ за право торговли и промысловъ и о взиманіи налога съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, то окажется, что они представляютъ едва замѣтное движеніе къ осуществленію мысли законодательства объ установленіи этой части на другихъ, болѣе справедливыхъ и болѣе соответственныхъ своей цѣли, началахъ. Вся разниця между этими положеніями и прежними узаконеніями состоитъ въ слѣдующемъ. Прежде существовали четыре разряда торговыхъ и промысловыхъ правъ, изъ которыхъ первые три принадлежали собственно купеческому сословию и соединялись для него съ особыми личными преимуществами въ порядкѣ суда, платежа податей и отправленія повинностей, и четвертый разрядъ былъ установленъ исключительно для сельскихъ обывателей. Свидѣтельство 1-го разряда или гильдіи, приносившее госу-

дарству дохода 660 рублей повсемѣстно (за исключеніемъ купцовъ Енисейской и Иркутской губерній, которые платили 600 рублей, и евреевъ, вносившихъ 540 рублей), давало право торговли заграничной и внутренней, безъ всякихъ ограниченій, и исключительное право банкирскихъ вексельныхъ и страховыхъ операцій. Свидѣтельство 2-го разряда, приносящее государству дохода 240 рублей повсемѣстно, давало право внутренней торговли безъ ограниченій, право заграничной торговли, съ ограниченіемъ ея годовыхъ оборотовъ суммою 90,000 рублей серебромъ, и право заключать условія по торговлѣ и подрядамъ на сумму не свыше 15,000 рублей. Съ свидѣтельствомъ 3-го разряда, за который платежъ опредѣлялся по 3-мъ классамъ мѣстностей отъ 66 до 30 рублей серебромъ (за исключеніемъ Камчатки, гдѣ взималось только 20 рублей), сопряжено было право внутренней, розничной торговли всѣми туземными произведеніями и иностранными товарами, приобретаемыми отъ купцовъ первыхъ двухъ гильдій, и право заключать контракты на сумму не свыше 6,000 рублей. Съ свидѣтельствомъ 4-го разряда, облагавшимся по тѣмъ же 3-мъ классамъ мѣстностей отъ 23 до 12 рублей, покупалось только право на торги и промыслы, состоявшіе въ торговлѣ нѣкоторыми крестьянскими и другими товарами, поименованными въ особой росписи, и правомъ заключать обязательства не свыше 1,200 рублей. Затѣмъ повсемѣстная торговля предметами первой необходимости, какъ-то хлѣбомъ и вообще земными произрастеніями (исключая продажи ихъ изъ торговыхъ заведеній), скотомъ, и т. п., торговля товарами всякаго рода на ярмаркахъ и на установленныхъ торгахъ, а также и нѣкоторые производства (какъ-то: изготовленіе машинъ и аппаратовъ для фабрикъ, выдѣлка кирпича), были предметами свободныхъ записей, для лицъ всѣхъ состояній; кромѣ того, для сельскихъ обывателей всѣ работы и ремесла, свойственныя крестьянскому быту, какъ-то: извозничество, садоводство, содержаніе харчевенъ и постоялыхъ дворовъ, не подлежали никакому ограниченію; наконецъ, дворяне пользовались правомъ учреждать въ своихъ имѣніяхъ фабрики и заводы всякаго рода, производить оптовый какъ внутренній, такъ и заграничный торгъ своими собственными произведеніями и вступать въ подряды, поставки и откупы безъ всякаго ограниченія суммы и безъ записки въ гильдію, а мѣщане имѣли право свободно производить въ городахъ торги и промыслы, присвоенные свидѣтельствамъ 4-го разряда. Еще были и другія льготы для нѣкоторыхъ мѣстностей. Дворянъ, торговавшимъ по свидѣтельствамъ первыхъ трехъ разрядовъ, давалось право имѣть, безъ платежа особой пошлины, по три лавки

ные магазины съ вкладными или безъ оныхъ, а лицамъ, торговавшимъ по свидѣтельствамъ четвертаго разряда, — по одной лавкѣ; если же торгованіе желали имѣть большее число лавокъ или магазиновъ, то обязаны были брать на каждое торговое заведеніе особый билетъ, съ платежемъ установленной пошлины по гильдіямъ и по мѣстностямъ отъ 23 р. до 15 р. Сверхъ того, законъ облагалъ повсемѣстно особымъ сборомъ въ 15 р. купеческихъ приказчиковъ перваго разряда, подъ которыми разумѣлись уполномоченные, нонѣренныя или коммиссіонеры при оптовой торговлѣ, коимъ поручался закупка или продажа товаровъ, а также управляющіе всѣмъ торговъ хозяина или цѣлымъ заведеніемъ, откуномъ или подрядомъ, сидѣльцы, управляющіе нисыводствомъ въ конторахъ, кассеры, приказчики и управляющіе всѣми торговыми заведеніями для розничной продажи. Всѣ же прочія лица, которымъ не поручалось распоряженіе по цѣлой части, а только исполненіе предписаннаго и производство случайныхъ мелочныхъ расходовъ, назывались приказчиками 2-го класса и освобождались вовсе отъ пошлины. Такимъ образомъ, при существованіи стѣны правилъ, главныя статьи государственнаго дохода съ торговли и промышленности состояли: 1) въ пошлинахъ за выдаваемые свидѣтельства на право торговой и промышленной дѣятельности, взятой изъ числа свободныхъ занятій; 2) въ пошлинахъ за билеты на право содержанія магазинныхъ лавокъ и магазиновъ и 3) въ пошлинахъ за свидѣтельства, выдаваемые купеческимъ приказчикамъ на право исполненія торговыхъ порученій. При этомъ мѣщане, пользовавшіеся правомъ свободно производить извѣстные торги и промыслы, были обложены сборомъ въ 2 р. 38 к. съ каждой ревизской души мужескаго пола, который они уплачивали за круговую порукою своима обществу. Что же касается до городскихъ недвижимыхъ имуществъ, то они не подлежали никакимъ сборамъ въ пользу государственнаго казначейства, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что члены купеческихъ семействъ обоаго пола, состоящіе въ одномъ семейственномъ капиталѣ, но сами въ гильдію не записанные, обязывались за право владѣнія въ столицахъ недвижимою, лично принадлежащею имъ собственностию, стоющею по городской оцѣнкѣ свыше 1500 р., платитъ въ казну купеческаго поминности по 3-й гильдіи. Сверхъ того, существовалъ особый однопроцентный сборъ съ купеческихъ наследственныхъ капиталовъ, казавшійся при переходѣ ихъ отъ одного лица на другое. Особые же привилегіи купеческаго сословія, присвоенныя торговымъ гильдіямъ, предоставлялись всѣмъ лицамъ, числящимся въ одномъ семейственномъ капиталѣ, которыми могли быть: 1) отецъ съ сыновьями, незамужними дочерьми и съ внуками

(сыновними дѣтьми), если они не отдѣлены; 2) вдова съ сыновьями, незамужними дочерьми и съ внуками (сыновними дѣтьми), когда всё они живутъ нераздѣльно; 3) родные братья и незамужнія сестры, когда они живутъ нераздѣльно; 4) при наследственномъ нераздѣльномъ капиталѣ дяди, сироты племянники и 5) при дѣдовскомъ капиталѣ, неотдѣленные внуки и правнуки. Таковъ былъ прежній порядокъ въ его главныхъ основаніяхъ.

Въ настоящее время онъ измѣняется слѣдующимъ образомъ. Начало раздѣленія торгующихъ на разряды или гильдіи, съ присвоеніемъ купеческому сословію извѣстныхъ личныхъ привилегій, остается въ прежней силѣ, но измѣняются только виды торговой и промышленной дѣятельности, предоставляемой каждому разряду. Вся торговля раздѣляется на оптовую, розничную и мелочную. Первый изъ этихъ видовъ предоставляется исключительно лицамъ, покупающимъ свидѣтельства первой гильдіи, вмѣстѣ съ которою приобретается право розничной торговли русскими и иностранными товарами по всей имперіи. Вся же розничная торговля въ предѣлахъ одного города и его уѣзда, принадлежавшая прежде торгующимъ по свидѣтельству первыхъ трехъ разрядовъ, предоставляется лицамъ, покупающимъ свидѣтельства второй гильдіи. Эти два разряда торговыхъ свидѣтельствъ называются собственно купеческими свидѣтельствами, съ которыми соединяются личные преимущества этого сословія. За купеческія свидѣтельства первой гильдіи назначается повсемѣстно одна пошлина, значительно повышенная противъ прежней, а именно 365 рублей, а за свидѣтельство 2-й гильдіи пошлина назначается различно въ разныхъ мѣстностяхъ государства, которое въ этомъ отношеніи раздѣляется на пять классовъ, по которымъ взимаются 60, 55, 45, 35 и 25 рублей. Затѣмъ, новыя законоположенія устанавливаютъ промысловыя свидѣтельства, которыя выдаются: 1) на мелочной торговлѣ, по тѣмъ же классамъ мѣстностей отъ 20 до 8 рублей, 2) на развозный торговлѣ въ селеніяхъ, повсемѣстно за 15 рублей, 3) на разносный торговлѣ также въ селеніяхъ, за 6 рублей, 4) на мѣщанскіе промыслы, бывшіе до сего времени свободными, какъ-то: на трудъ мѣщанъ и цеховыхъ мужскаго пола, которые не имѣютъ въ городѣ никакой недвижимой собственности и занимаются ремеслами сами, безъ наемныхъ рабочихъ, или занимаются въ рабочіе и домашніе слуги, безъ взятія свидѣтельства на мелочной торговлѣ (ежегодная плата за право труда въ этихъ случаяхъ назначается повсемѣстно по 2 р. 50 к. съ каждаго рабочаго) и 5) купеческимъ приказчикамъ 1-го разряда по 20 р. и 2-го разряда по 5 р. При этомъ общимъ правиломъ устанавливается, что лица, занимающіеся

купеческіи или промышленныя свидѣтельства, имѣютъ право содержать неограниченное число торговыхъ и промышленныхъ заведеній со взятіемъ лишь на каждое особаго билета, если оно законами не изъято отъ билетнаго обора; но во всякомъ случаѣ, лицо, получающее купеческое свидѣтельство, обязано взять вмѣстѣ съ онымъ, по крайней мѣрѣ, одинъ билетъ на торговое или промышленное заведеніе. Пошлина за эти билеты назначается различная, по разрядамъ торговыхъ свидѣтельствъ и по мѣстностямъ, а именно при свидѣтельствахъ 1-й гильдіи она простирается отъ 80 до 10 р., при свидѣтельствахъ 2-й гильдіи отъ 20 до 5 р., а при свидѣтельствахъ на мелочной торговѣ отъ 10 до 2 р. При этомъ новомъ порядкѣ, правила о лицахъ, могущихъ числиться въ одномъ свидѣтельствѣ и пользоваться личными правами и преимуществами купеческаго сословія, подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ, а именно: въ настоящее время дозволяется причислить къ одному семейственному капиталу только сыновей, незамужнихъ дочерей, усыновленныхъ законнымъ порядкомъ пріемышей, незамужнихъ сестеръ и внуковъ сыновнихъ дѣтей (но лишь въ такомъ случаѣ, когда отцы послѣднихъ не производятъ торговли отъ своего имени) и отцевъ, удалившихся отъ дѣлъ. Причисленіе же къ одному капиталу родныхъ братьевъ и сестеръ, безъ родителей, допускается только въ видѣ исключенія для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, до достиженія ими совершеннолѣтія, и, въ видѣ временной мѣры, для родныхъ братьевъ, состоящихъ нынѣ въ одномъ свидѣтельствѣ, до тѣхъ поръ, пока они будутъ производить торговлю на нераздѣльный капиталъ. Сверхъ того, всѣ недвижимыя имущества въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ облагаются новымъ налогомъ въ 1,037,950 р., распределеніе которыхъ между городами, посадами и мѣстечками будетъ, по подлежащемъ разсмотрѣніи, утверждено высочайшею властію, а внутренняя раскладка между отдѣльными недвижимыми имуществами предоставляется особой раскладочной комиссіи, члены которой избираются самими владѣльцами подлежащихъ налогу имущества. Недовольные рѣшеніемъ раскладочныхъ комиссій могутъ обращаться съ жалобами въ городскую думу или ратушу, которая составляетъ въ дѣлахъ этого рода послѣднюю инстанцію. Недвижимыя имущества, потребляемыя пожаромъ или другимъ несчастнымъ случаемъ, и строения, со времени окончанія постройки коихъ не протекло еще двухъ лѣтъ, совершенно освобождаются отъ налога. Сверхъ того, городскимъ думамъ и ратушамъ предоставляется право освобождать отъ налога недвижимыя имущества, не приносящія дохода, и владѣльцы коихъ не имѣютъ ни постоянного промысла, ни обеспеченныхъ средствъ существованія.

Изъ всего этого видно, что новыя законоположенія не представляютъ никакой существенной разницы съ прежнимъ порядкомъ. Все дѣло состоитъ только въ томъ, что старый порядокъ нѣсколько видоизмѣняется въ его подробностяхъ, и при этомъ устанавливаются новыя налоги и усиливаются нѣкоторые прежде существовавшіе сборы съ единственною цѣлью увеличенія государственнаго дохода. Такимъ образомъ, эти законоположенія оставляютъ всѣ прежнія начала сборовъ за право торговли и промысловъ, а именно продажу права употребленія труда въ извѣстныхъ родахъ производительной дѣятельности и тѣхъ же самыхъ личныхъ привилегій, но стараются только усилить эти сборы посредствомъ 1) предоставленія 1-й гильдіи исключительнаго права на оптовую торговлю въ тѣхъ видахъ, чтобы большинство купцовъ 2-й гильдіи было вынуждено взять свидѣтельства 1-го разряда; 2) посредствомъ увеличенія числа продаваемыхъ приказчицкихъ свидѣтельствъ и билетовъ на содержаніе торговыхъ и промышленныхъ заведеній и нѣкоторымъ увеличеніемъ пошлины, съ нихъ назначенной; 3) посредствомъ обложенія сборомъ такихъ родовъ производительной дѣятельности, которые до сего времени были свободны, какъ, напримѣръ, мѣшанскихъ промысловъ, и 4) посредствомъ уменьшенія числа лицъ, могущихъ числиться въ одномъ гильдейскомъ свидѣтельствѣ и пользоваться правомъ купеческаго сословія. Что же касается до сложенія подушной подати съ мѣщанъ, то оно не можетъ представляться на практикѣ дѣйствительнымъ облегченіемъ участи этого населенія. Такъ какъ это сословіе облагалось подушною податью за общую круговую отвѣтственность цѣлыхъ обществъ и внутренняя раскладка этихъ налоговъ производилась самими обществами плательщиковъ, то очевидно, что эти сборы падали исключительно на людей, владѣющихъ городскою собственностію или обеспеченныхъ въ средствахъ существованія какими либо промыслами. Если же въ настоящее время, при сложеніи подушной подати, лица, владѣющія въ городѣ недвижимою собственностію, облагаются налогомъ по цѣнности ихъ имущества, а всѣ прочіе граждане, не имѣющіе никакого имущества, но способные къ работѣ, объявляются брать особымъ промысловымъ свидѣтельствомъ, то само собою разумѣется, что все недвижимое и трудящееся городское населеніе остается обложеннымъ въ дѣйствительности такимъ же личнымъ налогомъ, но только съ тою разницею, что раскладка его между платящими не будетъ проходить внутри самыхъ обществъ и соразмѣряться съ ихъ средствами. Въ этомъ случаѣ вся существенная разница между прежнимъ порядкомъ и новыми законоположеніями можетъ заключаться только въ количествѣ налога. Притомъ, новый порядокъ не представляетъ особаго

выгодъ и въ отношеніи равномернаго распредѣленія этого налога. Такъ какъ новыя законоположенія совершенно освобождаютъ отъ этого промысловаго налога всѣхъ лицъ, способныхъ къ работѣ и владеющихъ какою либо городскою недвижимою собственностью, не принимая во вниманіе ея цѣнности и количества падающей на нее подати, то очевидно, что лица, имѣющія постоянный промыселъ и владеющія самою незначительною собственностью, могутъ быть обложены въ дѣйствительности меньшимъ сборомъ, нежели совершенно неимущіе граждане, существующіе однимъ личнымъ трудомъ. Такъ, на примѣръ, по новымъ законоположеніямъ всякое лицо, которое платитъ съ своего недвижимаго имущества 50 коп., должно освобождаться отъ взноса промысловой пошлины, тогда какъ лицо, ничего не имѣющее, должно платить 2 р. 50 коп. за одно право труда. Наконецъ, новыя законоположенія не дѣлаютъ ни одного шага къ раціональному и равномерному распредѣленію налоговъ и не представляютъ никакихъ обезпеченій въ правильной внутренней раскладкѣ ихъ. Опредѣленіе налоговъ, падающихъ на отдѣльныя мѣстности, должно производиться прежнимъ бюрократическимъ порядкомъ, по имѣющимся официальнымъ свѣдѣніямъ разныхъ вѣдомствъ. О степени соразмѣрности объявленныхъ цифръ этого налога съ средствами разныхъ мѣстностей мы не можемъ имѣть никакого понятія, потому что мы вовсе не знаемъ, чѣмъ руководствовалося центральное правительство при ихъ опредѣленіи. Что же касается до внутренней раскладки сборовъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, то о ней тоже ничего нельзя сказать, потому что составъ раскладочныхъ комиссій и образъ ихъ дѣйствій остаются до сего времени не извѣстными и должны быть опредѣлены впоследствии министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Относительно этого предмета мы можемъ сказать только одно, что правильность внутреннихъ раскладокъ налога между отдѣльными недвижимыми имуществами ничѣмъ не обезпечена. Судя по новымъ правиламъ о взиманіи этого налога и по основнымъ положеніямъ для преобразования судебной части, надобно полагать, что это дѣло будетъ исключительно предоставлено выборнымъ городскимъ учрежденіямъ и окончательному рѣшенію мѣстной административной власти, потому что безъ согласія послѣдней не можетъ быть подаваемо никакой жалобы въ независимыя судебныя мѣста на неправильныя дѣйствія городскихъ раскладочныхъ комиссій, думъ и ратушъ. Между тѣмъ, выборныя учрежденія, не отвѣтственные предъ судебною властью, всегда представляютъ господствующее большинство и служатъ исключительно его интересамъ.

Вотъ всѣ замѣчанія, которыя мы находимъ нужнымъ сдѣлать относительно подробностей новыхъ законоположеній о пошлинахъ за право торговли и промысловъ и о взиманіи въ 1863 году налога съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ. Что же касается до общаго ихъ значенія, то оно уже достаточно объясняется нашими предъидущими разсужденіями о степени справедливости этихъ налоговъ и о томъ, во сколько они согласны съ дѣйствительными интересами народа и государственнаго казначейства.

А. УНКОВСКІЙ.

ПОСЛѢ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКИ.

IV.

Про живопись нельзя уже сказать того, что намъ приходилось говорить про архитектуру и скульптуру.

Она одна вознаграждала за совершенное почти отсутствіе тѣхъ двухъ искусствъ на выставкѣ. О нашей живописи какъ будто бы не было и заботились, кое-что собирали и выбирали между картинами. Что жъ это доказываетъ? То ли, что у насъ вѣрятъ въ существованіе и потребность живописи, убѣждены въ дѣйствительной значительности нашихъ картинъ, или просто, глядя на лондонскую выставку практическими глазами торговца, надѣялись, что авось не одна картина найдетъ себѣ заграничныхъ покупателей, да и на будущее время будетъ готовый для насъ рынокъ? Я думаю, послѣднее соображеніе было не изъ послѣднихъ. Чѣмъ большинство нашихъ живописцевъ (особливо прежнихъ) лучше большинства нашихъ архитекторовъ и скульпторовъ? Всѣ они одно и то же, одинаково настроены, одинаково работаютъ, одинаково производятъ, а между тѣмъ, одни появились въ Лондонѣ, а другіе нѣтъ. Значитъ, для однихъ былъ расчетъ показаться на всемирной выставкѣ, а для другихъ — никакого. Однимъ нужно было, чтобъ ихъ имена сдѣлались извѣстны за границей, другимъ это было все равно. По видимому, художественныя и эстетическія соображенія не играли тутъ никакой роли; иначе какъ объяснить, что въ ту минуту, когда мы въ первый разъ показывались въ Европу и должны были собраться со всѣми силами, со всѣмъ, что въ насъ было лучшаго и характернѣйшаго, мы въ торопяхъ сгреб-

ли только то, что вышло изъ подъ кисти нынѣшнихъ модниковъ и любимцевъ, да по дорогѣ прихватили кое-что изъ прежняго, и, разумеется, при такихъ сборахъ, безъ плана, безъ мысли, безъ соображенія, одно забыли, другое оттолкнули, третье не впопадъ схватили. Вспомнимъ все и всѣхъ, чѣмъ мы до сихъ поръ чванились, за что посылали на долгіе годы за границу, за что дѣлали профессорами, за что платили дорогія деньги, — гдѣ все это? Куда дѣвалось? Ничего на выставку не попало.

Но возьмемъ нашу выставку, какъ она есть, она все-таки представляетъ довольно значительное цѣлое, осязательно доказывающее, что у насъ есть живопись и живописцы, и что послѣдніе не только учились въ школѣ, но работали и послѣ нея.

Какой же характеръ имѣло это цѣлое?

Иностранцамъ оно внушало мало симпатій и уваженія, потому что представлялось имъ только странной мозаикой на прокатъ, какимъ-то случайнымъ маскарадомъ. «Русское искусство», говоритъ Пальгрэвъ, по видимому находится до сихъ поръ въ такомъ первоначальномъ и шаткомъ состояніи, что выставка его произведеній не заключаетъ высокаго національнаго интереса. Безъ каталога, трудно было бы догадаться, что эти столько различныя одна отъ другой картины, на которыхъ отразились всевозможныя вліянія, кромѣ русскаго, произведены однимъ и тѣмъ же великимъ государствомъ; а при отсутствіи опредѣленнаго національнаго стила, мы ничего не можемъ ожидать, кромѣ разбѣжныхъ по частямъ достоинствъ.» — «Любопытно, говоритъ Тейлоръ, увидѣть на русской выставкѣ сплѣтку всѣхъ особенныхъ вліяній, подъ гнетомъ которыхъ русское искусство доросло до своего нынѣшняго, очень несовершеннаго развитія (дальше онъ исчисляетъ эти вліянія: итальянскія, голландскія, французскія).» — Что же теперь мы сами? Неужели мы больше иностранцевъ имѣемъ права быть довольны нашимъ искусствомъ, и, не смотря на сравненія, къ которымъ приводили чужія коллекціи на всемирной выставкѣ, все-таки будемъ увѣрять себя, что насъ не понимаютъ и не цѣнятъ? Неужели мы вѣчно будемъ убаюкивать себя ложными утѣшеніями?

Нѣтъ, взглянемъ прямо въ глаза нашему прошедшему и смѣло скажемъ ему, что мало у насъ съ нимъ родственнаго, мало для насъ дорогаго въ немъ.

Что это за наше искусство, въ которомъ все чужое? И это — отъ первой мысли и до послѣдней черты исполненія. На всемирной выставкѣ мы удивили не нашимъ искусствомъ, а нашею готовностью быть послушнымъ эхомъ всѣхъ и cadaго. Что, послѣ того, значить наше умѣнье, наша техника? Рядъ и другіе тоже не слади съ Европѣ,

нѣдь и они тоже дѣлали успѣхи въ умѣнныхъ и техникахъ, конечно, никакъ не меньше нашего, только съ тою разницею, что давно почувствовали не только постыдность, но и безполезность быть подражателями, и спустились на свою собственную дорогу.

Всемирная выставка 1862 года послужила наконецъ къ опредѣленію, съ какою пиколой искусства у насъ всего болѣе сходства. Имѣть постоянно передъ глазами одинъ только образцы, съ которыхъ копировали, мы съ ними одними себя и сравнивали, къ нимъ искали точить орудія для самовосхваленія и самовозвеличенія.

Мы же кажется, дѣйствительнаго сходства у ней нѣтъ ни съ прежними итальянцами, которыхъ она копировала по привычкѣ или модѣ, и однакоже безъ всякой внутренней потребности, но нѣтъ у ней сходства и ни съ одной изъ новыхъ европейскихъ школъ. Всѣ онѣ давно уже углубились каждая въ свою особенную задачу, для нашихъ художниковъ либо далекую, либо странную и дивную, и, оставшись при старинныхъ привычкахъ, мы давно уже разошлись съ ними въ путь. Наша школа (я говорю о прежнихъ ея періодахъ) наша школа всего болѣе имѣетъ общихъ чертъ съ одною изъ европейскихъ школъ прежняго времени, съ которою ее еще не сравнивали, да и вѣроятно было этого сдѣлать до нынѣшней выставки, — съ англійскою.

Такое сравненіе на первый взглядъ оскорбитъ многихъ. Какъ! сравнивать наши таланты, нашихъ гениевъ съ англійскими живописцами, которыхъ въ Европѣ никто не знаетъ, да и знать не хочетъ! Да, съ ними. Всемирная выставка переиравитъ много прежнихъ понятій, переиравитъ, переиравитъ отъ ногъ до головы много старинныхъ преданій, въ томъ числѣ прежнія понятія объ англійской живописной школѣ. Она, какъ и мы, въ первый разъ выступила передъ цѣлымъ свѣтомъ, со всеми своими силами и недостатками, со всеми своими хорошими и дурными. Быть можетъ, и для самихъ Англичанъ въ первый разъ станетъ ясно настоящее значеніе ихъ школы. Что же мудренаго, послѣ этого, если мы до сихъ поръ имѣли о ней еще меныя понятія.

Человѣкъ, куда юнѣе, всему учится, на многомъ пробуетъ себя, прежде чѣмъ ему самому и другимъ сдѣлается ясно, есть ли у него къ чему нибудь дѣйствительная, особенная способность. До тѣхъ поръ онъ на все готовъ, до всего дотрогивается, ни отъ чего не отказывается. То же самое бываетъ съ народами. У нихъ оной годы юношества, пробъ, неузнанныхъ силъ и наклонностей, годы долгихъ потемковъ и шаренья въ нихъ ощущую. При такой же, какъ и всѣ другіе народы, вѣрѣ въ свою всеобщую способность, Англія собрала со всѣхъ концовъ своихъ картины всѣхъ возможныхъ родовъ и наклонностей, и пріѣхавъ въ столицу всеобщей художественной выставки. Но доказала

ли она тутъ то, что думала, устраняла великолѣпную свою залу, убѣдила ли она Европу въ томъ, что ей самой до сихъ поръ представлялось, а именно, что ея мало знаемая, до сихъ поръ невпризнанная старая школа ничѣмъ не ниже остальныхъ европейскихъ школъ вѣдѣннхъ трехъ столѣтій? Нѣтъ, этого результата ни для кого не вышло. Англія доказала только, что и ея художники были въ самомъ дѣлѣ художники, что и въ нихъ глубоко волновалась родникъ вѣстического ощущенія и упоенія красотами формъ и краски. Но тутъ же сдѣлалось для всѣхъ ясно, что эта прежняя школа была лишена — творческаго дара.

Чего-то она не пробовала на своемъ вѣку: и мифологій во вкусѣ прошлаго вѣка, и священной исторіи во вкусѣ нынѣшняго, и гресковъ и римлянъ, и трагедій эпохи до-французской революціи, — ничто не удавалось, ничто не выходило за предѣлы посредственности, а еще чаще бездарности. Жалко было смотрѣть на прекраснѣйшій англійскихъ мужчинъ и женщинъ прошлаго вѣка, подвергнутый забавному маскарладу и служащій на неуклюжее представленіе древнихъ героевъ или первобытныхъ христіанъ, но еще болѣе жалко было встрѣчать болѣзненные, сантиментальные типы и сцены, созданныя собственнымиъ воображеніемъ прежнихъ англійскихъ художниковъ. Никакія усилія не давали имъ подняться до той ложной идеальности, которая была тогда въ общей модѣ, и которою такъ свободно щеголяли французскіе и всѣ ихъ тогдашніе подражатели. Англійскіе Герміоны, Эдипы, Пріамы, святые и апостолы, цари и народы, выходили въ сто разъ нелѣпѣе, смѣшнѣе и неудачнѣе, чѣмъ у другихъ, героическія сцены и историческія событія поражали своею вросой и деревянностью, въ нихъ не было тѣни даже того ложнаго шесеса, который хотя нѣсколько служилъ оправданіемъ другимъ. Ни языческа, ни христіанская религія, ни древняя, ни новая исторія не давались въ руки англійскимъ живописцамъ, не шли имъ къ лицу, мали и гнали ихъ естественную наклонность, какъ чужое платье. У нихъ не было фантазій, т. е. той способности, которая создаетъ сцену, событія, лица, мѣсто дѣйствія, которая наполняетъ жизнью и цветомъ, и чувство зрителя.

За все это прежняя Европа и отворотилась отъ англійской живописи, за все это и признала ее бездарною. Но въ тогдашнемъ презрѣніи ко всему, что не было грескою ходулею и римскою хламидою, Европа XVIII вѣка пропустила мимо глазъ всю жизненную правду и красоту, заключенную — въ англійскихъ портретахъ. Тутъ уже не было ничего героическаго и театрального, отъ нихъ не пахло ни трагедіей, ни одой; понятно, что они должны были казаться малозначущими. Правда и натуральность ни для кого еще не были тогда драгоценностями

качествами; но именно отъ этого, между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ искусство все болѣе и болѣе гибло, задыхаясь въ добровольныхъ кандалахъ фальшиваго классицизма, въ Англіи оно, въ тихомолку и незамѣтно для другихъ, крѣпло и распускалось на здоровыхъ корняхъ. Въ англійскихъ портретахъ прошлаго вѣка нѣтъ конечно творчества, нѣтъ создающей фантазіи, но есть все, что служитъ имъ главнымъ основой; вѣрное наблюденіе человѣческой природы, вниманіе въ жизнь и характеръ, стремленіе передавать ихъ во всей правдѣ и глубинѣ. А всего этого, не только въ портретахъ, но и вообще въ живописи того времени, нигдѣ нѣ въ Англіи не было. За то эти портреты займутъ одну изъ видныхъ страницъ въ исторіи искусства новаго времени. Современныя имъ картины остальной Европы останутся вездѣ въ галлерейхъ лишь памятниками печальныхъ заблужденій эпохи и страннаго искаженія человѣческихъ понятій, но англійскіе портреты никогда не перестанутъ блистать глубокой правдой и характерностью, поэзіей красокъ, чудесною игрою тоновъ. На всемирной выставкѣ не было портретовъ, которые могли бы стать въ сравненіе со старыми англійскими. Въ нихъ торжество европейскаго художества трехъ послѣднихъ столѣтій. Правда, имъ еще далеко до созданий великихъ портретистовъ прежней Италіи и Нидерландовъ, но все-таки они одни идутъ носомъ нѣтъ, безъ всякихъ соперниковъ. Быть можетъ, лишь одного не доставало, чтобы стать еще выше: чтобы ихъ время заключало болѣе художественныхъ элементовъ и было бы менѣе одно-стороннее. Эпоха, когда явились на свѣтъ тѣ портреты, была эпохой придворнаго аристократства въ полнѣйшемъ его развалѣ. Искусство не существовало еще для всего народа, оно служило только роскошью небольшому кружку баричей и придворныхъ. Стоя посреди блестящихъ англійскихъ художественныхъ коллекцій всемирной выставки, обводя глазами всѣ эти великолѣпные портреты, ничего иного не встрѣчаешь, кромѣ все только представителей аристократіи: передъ вами одни лорды, баронеты и графы на всѣхъ ступеняхъ жизни, начиная отъ пеленки и игрушечной лошадки, и до мантии съ парикомъ парламентскихъ засѣданій, или разшитаго золотомъ кафтана главнокомандующаго въ Индіи; чередъ вамъ однѣ леди, начиная отъ дѣтской и объятій кормилицы, и до той поры, когда разцвѣтшія великолѣпныя красавицы, въ своихъ шифонныхъ ялаляхъ, съ жемчугами на открытой чудесной груди и перьями на головѣ, стоятъ на террасахъ, посреди стриженой садовъ своихъ, улыбаются въ дворцовыхъ залахъ, прекрасными аристократическими руками своими ласкаютъ сына или дочь, будущихъ въ свою очередь лордовъ и леди. Выработавшаяся столѣтіями послѣдственная красота тѣла, склада и чертъ, изящество движений и позъ, вѣломое благородство взгляда и улыбки, все тутъ

соединилось, все тутъ сіяетъ въ яркой апопееѣ, возмеченное поэзію горячихъ гармоническихъ красокъ. Но скоро уставши въ этомъ безсмысленномъ аристократическомъ собраніи. Праздная жизнь, бьющая изъ этихъ портретовъ, сначала неумоливоритель, а потомъ наводитъ досаду, наполняетъ какимъ-то болѣзненнымъ нетерпѣніемъ. Чувствуешь, что какъ ни изящна эта блестящая жизнь, вслѣдствіе ея она до крайности мѣлка, безцвѣтна и монотонна, значитъ, слишкомъ мало способна питать настоящее искусство; чувствуешь, что не здѣсь лежитъ сила и богатство человѣческихъ личностей, что далеки отъ этой ограниченности и одообразія тѣ безчисленные въ своемъ богатствѣ тишы, изъ которыхъ состоитъ каждый народъ и эпоха. Чувствуешь наконецъ, что эта школа аристократическихъ портретовъ, сколько ни выше другихъ современныхъ школъ, отшатнувшись отъ живой природы и жившихъ одинъ героическіе идеалы, но все-таки она еще только первая ступень къ тому искусству, которое нужно народамъ нынѣшняго времени, первая попытка овладѣть дѣйствительностью.

Наша русская школа прежняго времени представляетъ то же самое зрѣлище. Она тоже пробовала всѣ сюжеты, всѣ роды, но точно такъ же, какъ англійская, доказала свою неспособность къ каждому изъ нихъ, и вмѣстѣ полнѣйшую неспособность—къ творчеству. Мадонны и святые, историческія сцены и мифологія, всѣ понали подвѣялись, но это былъ только маскарадъ, гдѣ наши художники прикрывали на себѣ всевозможныя, давно уже отиошенныя другими платья, но гдѣ не сверкнуло ни своей мысли, ни формы.

Какъ и въ англійской школѣ, лучшее, что произведено временами нашего искусства, это портреты. Здѣсь мы доказали и свое постиженіе живыхъ формъ, и пониманіе характеровъ. Но, какъ и въ англійской школѣ, наша галлерей портретовъ есть галлерей аристократическихъ личностей разнаго времени; всѣ наши талантливыя портретисты воспроизводили одинъ только титулованный, высшій кругъ общества, позабывъ объ остальныхъ. Отъ Екатерининскаго времени намъ остались портреты только баричей въ дорогихъ касторавахъ и съ золотыми табакерками, только фрейлингъ и князень, протянувшихъ свои золотыя барскія ручки къ арфѣ или электрической машинѣ, — или принадлежавшихъ въ придворномъ балетѣ свои пастушескія юбочки и ножки передъ напудренными пастушками, камеръ-юнкерами. Отъ первыхъ 30 или 40 годовъ нашего вѣка останутся лишь портреты генераловъ съ толстыми эпогетами и значительною миной; князей въ барскіяхъ кастахъ, или форменномъ мундирѣ; знатныхъ дамъ съ овалками одялокъ въ рукахъ, или затаенною въ глазахъ каждою походящею на французскую герцогиню; художниковъ, глядящихъ Вандейками—арис-

сторонами; живописниковъ, галляцкихъ министрами. Много тутъ разлито во всемъ красоты формы и краски, но болѣе всего прoustупаетъ вездѣ высокомѣрное чванство оригиналовъ, и потворство этой несчастной страсти со стороны художниковъ портретистовъ. Самый рѣдкій случай былъ тотъ, когда русскій художникъ рѣшился представить своего отца, родственника, пріятеля, знакомаго, въ какъ всеневной, всегдашней фигурѣ и образѣ, безъ прикрасы и возвеличенія. Кисть художника казалась слишкомъ драгоценною, чтобы тратить ее на простыя, обыкновенныя люди.

Покуда дѣло шло объ этой ступени развитія и объ этомъ направленіи искусства, мы сыграли на всемирной выставкѣ одну изъ самыхъ блестящихъ ролей. Мы тутъ шли однимъ шагомъ съ Англійей, и воѣ вѣнцы, которые она заслужила, принадлежать и намъ. Портреты Левицкаго, Бородинскаго, Кипренскаго и Брюлова станутъ рядомъ съ лучшими портретами Рейнольдса, Геймборо, Ромнея и Доренса. И тѣ, и другіе являются точно посреди шума и блеска праздничнаго праздника, или на торжественномъ приемѣ у министра, и такіе портреты, какъ скромно глядящіе изъ своихъ рамокъ отецъ Левицкаго и отецъ Кипренскаго — необходимое исключеніе изъ общаго правила.

На службѣ у бальныхъ и парадныхъ наклонностей никогда не уйдетъ далеко искусство, и конечно наша живопись долго не выбралась бы на болѣе широкую дорогу. Не смотря на талантъ своихъ художниковъ, она долго бы еще оставалась при одностороннемъ (хотя и прекрасномъ) копированіи съ извѣстныхъ типовъ, совершенствовалась бы на нихъ свою характеристику и краски и затаивала бы подъ ними всю бѣдность и тонкость своей задачи. Но въ русскомъ искусствѣ, какъ и въ англійскомъ, съ самого начала лежалъ болѣе глубокий корень, поразительное зерно иныхъ художественныхъ стремленій. Въ Англии, въ одно время съ лучшими ея портретистами, посреди самого развала аристократизма и возвеличенія его искусствомъ, жилъ и работалъ великій художникъ, который, наперекоръ своему вѣку, наперекоръ вкусамъ и привычкамъ современниковъ, поднялъ вдругъ на холстѣ кисть, окунающуюся въ правду жизни. Не только въ Англии, но во всей Европѣ онъ первый осмѣлился на такую задачу.

Это былъ Гогартъ.

Онъ началъ представлять все то, что совершается въ дѣйствительной всеневной жизни. Картины и рисунки его были точно отразившіяся въ зеркаль-обскурѣ и потомъ закрѣпленные навсегда спены изъ дѣйствительности. За то какими же чуждымъ человекомъ долженъ онъ былъ казаться своимъ современникамъ! Быть можетъ, нѣсколько человекъ уже и тогда чувствовали величье его начинанья, но осталь-

ныя—остальные не хотѣли знать его картинъ, правдивыхъ и ѣдкихъ, никто не хотѣлъ покупать, даже за безцѣнокъ, лучшихъ его созданій, и если бы не та геройская непреклонность, которая всегдашній спутникъ таланта, сознательно идущаго къ своей цѣли, Гогартъ принужденъ былъ бы, чтобы не умереть съ голода, бросить живопись.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ, какъ не преступленіемъ противъ искусства, должны были казаться Гогартовымъ современникамъ его спускъ съ улицы, съ рынка, изъ тюрьмы, изъ кабака и заворнаго дома, закупленные тайны барской жизни, снѣло выставленная наружу изнанка пинциповъ и величія? Чѣмъ, какъ не страшнымъ позоромъ искусства должно было представляться все это публикѣ и художникамъ, воспитаннымъ въ благочестивомъ обожаніи только тѣхъ картинъ, гдѣ являлись фальшивыя спартацы и небывалыя сабинки, холудьные Оержопиды и сентиментальныя Федры, забавныя Бруты и жалкіе Сократы. Какъ имъ было не считать низкимъ, презрѣннымъ, неприличнымъ искусство, которому служилъ Гогартъ, въ сравненіи съ ихъ высокими, благородными и прибраннымъ искусствомъ! Эти понятія долго еще и послѣ смерти Гогарта удержались не только во всей Европѣ, но и въ самой Англій: въ продолженіе многихъ десятировъ лѣтъ не нашлось и тамъ ни одного продолжателя великаго дѣла, начатаго Гогартомъ. Но пришло наконецъ время, и то, что было тайной одного, раздѣлилось на весь міръ, сдѣлалось потребностью и стремленіемъ во всѣхъ. Гогартъ былъ лишь первый вѣстникъ всеобщаго настроенія къ правдѣ, которое должно было охватить искусство всей Европы.

Нигдѣ мы не встрѣтимъ такой близости къ Гогартовскому направленію, какъ въ русской *новой* школѣ. Федотовъ—Гогартъ Россіи. Онъ явился у насъ точно такимъ же раннимъ, передовымъ вѣстникомъ новаго искусства, и точно такъ же, какъ и тотъ, не понятый и оттолкнутый за попытку едѣвать изъ живописи что-то низкое и неприличное, умеръ въ домѣ сумасшедшихъ, отъ бѣдности и несчастья. Его настоящее значеніе и до сихъ поръ еще у насъ не созвано. Вотъ тому яркій, выпуклый примѣръ. Одно изъ совершеннѣйшихъ созданій Федотова, это: «сватовство маіора», не уступающее Гогарту по глубинѣ постиженія разнообразнѣйшихъ характеровъ, по безконечной правдѣ типовъ, по ѣдкому юмору, по силѣ и жизненности представленія. Это созданіе, конечно, должно бы было ваятъ на всемірной выставкѣ *первое* мѣсто между тамошними нашими картинками, какъ одно изъ тѣхъ произведеній, отъ которыхъ повело свое начало все новое русское искусство. И что же! вдругъ эту картину сочли нужнымъ повѣсить такъ высоко, что ничей главь не могъ ее видѣть. Ее сочли неприличною, увѣрили, что она будетъ только шокировать инбсудраицевъ и дастъ имъ слишкомъ невыгодное понятіе о

нашемъ искусствѣ. Такъ еще сильны прежнія привычки, такъ еще чудовищна для насъ простая правда и естественность, такъ еще она путаетъ и дичитъ наше фарисейство.

Но, при общемъ сходствѣ въ главныхъ чертахъ исторіи и общаго настроенія, между искусствами обоихъ народовъ существуетъ и глубокая разница. Русское искусство никогда не повторяло англійскаго. Это не удивительно: оно его вовсе не знало; оно именно явилось тутъ впервые самостоятельнымъ. Разница народностей и характера не могла не повести къ совершенной разности не только формъ, но и задачъ. Русское искусство никогда не имѣло тѣхъ моральныхъ и правоучительныхъ тенденцій, которыя у Гогарта и у всей послѣдовавшей за нимъ школы стояли почти всегда на первомъ мѣстѣ. Наше искусство еще не бралось доказывать на картинахъ пользу добродѣтели и вредъ порока. Наврядъ ли у насъ появятся картины въ родѣ гогартовскихъ сценъ «*льняной и прилежной*», которыхъ вся цѣль показать, какимъ образомъ одинъ путь приводитъ къ лордъ-мерству и богатой женитьбѣ, а другой къ висѣльцѣ. И не потому только кажутся онѣ у насъ невозможными, что теперь уже давно не время для морали, а потому, что не имѣютъ основъ въ направленіи народнаго духа. Резонеръ и моралистъ Стародумъ никогда не былъ у насъ въ славѣ; даже при своемъ появленіи онъ столько же надоѣдалъ, сколько и теперь, и, кажется, можно присягнуть, что будь у насъ настоящая живопись еще въ эпоху Гогарта, *льняной и прилежной* между нашими картинами не было бы. Другое отличіе нашей школы отъ прежней англійской то, что ей столь же мало, какъ и мораль, свойственна немного узкая, ограниченная сфера многихъ гогартовскихъ продолжателей.

Картины служатъ вѣрнѣйшимъ отголоскомъ литературы своего времени. Если Гогартъ правоучителенъ, какъ Фильдингъ и остальная англійская литература его эпохи, Вильки, не смотря на весь свой талантъ, часто напоминающій въ своихъ картинахъ мѣщанскую ограниченность нѣмецкаго филистерства, повторяетъ добронравность Гольдсмита, выводящую изъ терпѣнія своюю узостью. Фриты, Убстеры, Феды и остальные выѣзшіе живописцы, со своими «*скачками Дерби*», «*Дебаркадерами желѣзной дороги*», съ модными *Рамсетскими минеральными водами*, со своими микроскопическими драмами, романами и комедіями изъ англійской жизни, — совершенные pendants къ Диккенсамъ и Теккеремъ; конечно, много разницы въ индивидуальномъ талантѣ cadaго, но всѣ вмѣстѣ воспроизводятъ типы и сцены того самого рода, которые наполняютъ созданія ихъ товарищей романистовъ. У нихъ тѣ же красоты, то же направленіе, но вмѣстѣ и тѣ же недостатки. Даже и до сихъ поръ любимыя темы англійскаго искусства: угнетенная старость, страдающая безпо-

мощность, и потомъ, какъ послѣдняя страница англійскаго романа, счастливая свадьба, восторгъ оправданнаго судомъ семейства, схваченный закономъ преступникъ. Безъ благодѣтельнаго фатума, безъ апофеоза семейнаго счастья (немного приторнаго) Англійчанинъ и до сихъ поръ не обходится, безъ нихъ картина ему не полна, не вся тутъ.

Въ противоположность такимъ вкусамъ, русское искусство столько же мало думаетъ о морали, добронравности и непремѣнномъ семейномъ счастьи, какъ Гоголь и родившаяся отъ него литература. Конечно, оно не меньше англійскаго одарено талантомъ къ сатиры и юмору, ему какъ нельзя болѣе возможны такіа созданія, какъ гениальный рядъ гогартовскихъ картинъ, извѣстный подъ именемъ «*parade à la mode*» (безъ сомнѣнія, мы увидимъ у себя не мало подобныхъ созданій, они намъ слишкомъ близки, слишкомъ овоиственны); русское искусство столько же глубоко реально, какъ англійское, оно столько же смѣло и талантливо нисходитъ въ тину всеневной жизни, охватываетъ жадными руками и страстною кистью міръ бѣдности и несчастія, преступленія и комизма, карикатуры и глубокаго чувства, но у него есть свои мотивы и стремленія, которые ярко отдѣляютъ его отъ искусства англійскаго, ему до сихъ поръ даже новое и неизвѣстнаго. Когда художники этого послѣдняго взяли за кисть, передъ ихъ глазами не было уже такого богатства и многообразности человѣческой природы, какъ у нашего: поселянина англійскій несравненно ближе стоитъ къ горожанину, мѣщанину, ко всемъ высшимъ сословіямъ, чѣмъ нашъ крестьянинъ, представляющійся какимъ-то уцѣлѣвшимъ пластомъ древнѣйшаго общества человѣческаго. На сколько же, значитъ, больше разнообразныхъ ступеней, типовъ и формаций улеглось у насъ между нимъ и верхними слоями, общими у насъ съ остальной Европой! Какіе разнообразныя, характерныя мотивы должны истекать изъ жизни этого особаго міра, конечно, въ тысячу разъ болѣе близкаго къ наивной безыскусственности, къ живой природѣ, посреди которой постоянно живетъ, чѣмъ англійскій крестьянинъ или тѣмъ болѣе фермеръ! Какіе новые сюжеты представляютъ переходныя ступени отъ этого крестьянина къ другимъ классамъ общества, типы нашего мелкаго продавца, лавочника, промышленника, кантониста, канцеляриста, чиновника, совсѣмъ особенныя и нигдѣ болѣе не встрѣчаемыя. При такой разницѣ уже въ самыхъ типахъ, а слѣдовательно и во всемъ потокѣ ихъ жизни, наше искусство ни въ чемъ не могло столкнуться съ англійскимъ, ни въ чемъ не могло повторять его. Наше искусство имѣетъ съ нимъ сходство лишь въ однихъ чертахъ характера, въ общихъ стремленіяхъ, но всѣ подробности другія, оно по своему озирается вокругъ себя и принимается рисовать безчисленные своеобразныя типы и сцены.

Къ этому воспроизведенію дѣйствительности у русскаго искусства оказалось до сихъ поръ всего болѣе таланта и способности. Какъ въ прежнія эпохи не было у него дѣйствительной симпатіи и способности къ академическому направленію старой послѣ-рафаэлевской Италіи и къ ложной классичности до-наполеоновской старой Франціи, такъ и теперь нѣтъ у него ни симпатіи, ни способности къ историческому реализму нынѣшней Франціи, къ идеальной символистикѣ нынѣшней Германіи и, наконецъ, къ стремленію нынѣшнихъ ренегатовъ, перешедшихъ изъ протестанства въ католицизмъ, ищущихъ воскресить въ живописи младенчество среднихъ вѣковъ. Не смотря на безконечную гибкость и страсть къ подражанію, русское искусство даже еще и не пробовало отвѣдать котораго нибудь изъ этихъ новыхъ путей нынѣшняго европейскаго искусства. У насъ не было еще никого, кто бы даже издали пытался подражать Польделарошу, Корнелиусу, Каульбаху, или Овербеку, что же это значитъ? То ли, что направленіе этихъ вождей новаго искусства на столько чуждо нашимъ способностямъ и настроенію, что мы даже отказываемся, на этотъ разъ, отъ вѣчной своей привычки подражать, или то, что наконецъ просыпается самосознаніе, и мы пробуемъ приняться за свое?

Мнѣ кажется, вѣрнѣе послѣднее.

Всемирная выставка заключала въ себѣ, вмѣстѣ съ представителями двухъ прежнихъ направленій нашихъ (академическаго и портретнаго), нѣсколько представителей и нынѣшняго реалистическаго. Ихъ было не много, и ничего въ томъ числѣ высоко-талантливаго въ такой мѣрѣ, чтобы могло считаться совершеннымъ созданіемъ, наравнѣ съ ловко вскамотирванными отъ публики картинами Федотова. Но видно, въ нихъ заключается и сила новизны, и начатки будущаго широкаго развитія, когда они и въ Лондонѣ произвели на иностранцевъ то самое впечатлѣніе, которое производили у насъ дома, на выставкахъ. Только на нихъ и было обращено всеобщее вниманіе, только ихъ и изучали съ любовью, только на нихъ и указывали, какъ на выраженіе нынѣшняго состоянія русскаго искусства, какъ на вѣрнѣйшій залогъ самостоятельнаго развитія его. «Всѣ надежды русскаго искусства въ будущемъ, говоритъ Тэйлоръ, опираются на картины изъ русской жизни и исторіи, а не на претензивныя академическія сочиненія Брюлова, Иванова и другихъ. Съ искусствомъ послѣдняго рода Россія можетъ только занять мѣсто въ хвостѣ академическаго искусства Европы. Но если она примется за дѣйствительное національное направленіе, то можетъ занять почетное самостоятельное мѣсто.» Въ этихъ словахъ иностранца выражено точь въ точь то самое, что и мы, русскіе, начинаемъ нынче думать.

Послѣ долгаго, страннаго ослѣпленія, всѣ у насъ, и публика, и

художники стали догадываться, что нѣтъ никакого толка въ безцвѣт-номъ, безхарактерномъ, подражательномъ искусствѣ на чужія, и при-томъ старыя, темы, и стали искать новаго собственного рола. Между тѣмъ, нынѣшнее время вовсе неблагоприятно развитію портретной живописи: фотографія почти совершенно убила портретъ, и весь нашъ талантъ къ нему затихъ, замолкъ, вдругъ сошелъ со сцены. Всею, что только было у насъ даровитаго между людьми новаго поколѣнія, не оставалось ничего другаго, какъ поворотить на національную доро-гу, приняться за родные сюжеты древней или новой русской жизни.

Но переходъ отъ самой мертвой и лживой условности ко всему, что только можно вообразить себѣ самого живаго, одушевленнаго, дышащаго характерностью и правдой, вовсе не произошло посред-ствомъ какого-то скачка, неожиданнаго, негаданнаго.

Иностранцы могли бы это подумать, еслибъ повѣрили нашей кол-лекціи картинъ на всемірной выставкѣ и вообразили бы себѣ, что въ ней заключается дѣйствительно вся наша художественная исторія. Здѣсь вышли на свѣтъ только двѣ крайности: съ одной стороны, кар-тины того стараго академическаго направленія, гдѣ не было ровно ничего нашего (и которыя, впрочемъ, вовсе не для такого заключенія посылались на выставку, а напротивъ въ доказательство процвѣтанія у насъ «высокаго» искусства); тутъ же, вмѣстѣ съ этими картинами конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, являлись нынѣшніе запоз-далые ихъ отпрыски, подурмянные и приварядившіеся какъ будто по новому, но все-таки съ прежнимъ золотушнымъ скелетомъ. Съ другой стороны, представлялись картины на русскія темы, гдѣ все начинается быть нашимъ, своеобразнымъ. Но тутъ не все еще наше искусство, и между двумя этими антиподами было что-то еще, что совершило переходъ отъ перваго акта ко второму. Именно этого ин-тереснаго, важнаго звена на всемірной выставкѣ и не было. Какое блестящее доказательство нашего пониманія собственной же нашей художественной исторіи!

Посредствующимъ звеномъ между старымъ и новымъ направле-ніемъ были у насъ — картины на сюжеты военные. Періодъ этотъ былъ довольно долгій, но должно быть, теперь наступили другіе вку-сы. Такихъ картинъ не было на выставкѣ.

А напрасно! Смущаться передъ прошедшимъ въ исторіи еще болѣе смѣшно, чѣмъ странно. У каждаго народа было конечно только то про-шедшее, какого онъ былъ достоинъ и къ какому способенъ. Но этого мало. Если ужъ смущаться передъ своимъ прошедшимъ, то конечно будетъ гораздо разумнѣе смущаться передъ своимъ академическимъ, чѣмъ баталическимъ направленіемъ. Первое было эпохой болотнаго застоя, ни къ чему и никуда не ведущаго подражанія, мертваго, хо-

лодного и притворнаго; между тѣмъ второе, не смотря на всегдашнюю выѣшность, все-таки заключало въ себѣ стремленіе къ натурѣ, правдѣ, естественности, стремленіе выразить то, что видишь собственными глазами, что дѣйствительно существовало или существуетъ, а не то, что складывается по извѣстнымъ правиламъ въ тощемъ манежномъ воображеніи академиста. Выѣстъ съ пушками и ружьями, тесаками и шинелями, и маршировкой, наши баталлисты вглядывались въ живыхъ людей, въ живую ихъ природу и движенія, въ ихъ складъ и лицо, и писали на своихъ картинахъ уже не небывалыхъ людей, выточенныхъ и налаженныхъ по всѣмъ правиламъ идеальныхъ статуй, а настоящихъ людей, какъ они въ самомъ дѣлѣ бываютъ въ природѣ. Намъ нечего стыдиться ни нашихъ сраженій, ни солдатовъ, ни лагерей, ни парадовъ, ни стоянокъ и приваловъ. Будь они на выставкѣ, займи они мѣсто хоть тѣхъ «блудодѣйственныхъ», ничтожныхъ и пустѣйшихъ голыхъ нимфъ, передъ которыми всѣ только пожимали плечами (наравнѣ съ ихъ достойными прототипами, презрѣнными произведеніями кисти Винтергальтера), конечно, насъ за то не удивили бы и, во всякомъ случаѣ, разглядѣли бы, что и много жизни и правды вошло въ русское искусство съ тѣхъ поръ, какъ отъ группы людей, рисующихъ тоги и сандалы, отдѣлилась кучка людей, принявшихъ рисовать ранцы, каски и шинели, а выѣстъ съ ними и тулупы, лапти, избы, телѣги, сарафаны и русыя косы. Быть можетъ, уже и въ военныхъ нашихъ картинахъ и картинкахъ нашли бы выраженіе многихъ сторонъ національнаго типа, физическаго и моральнаго, и признали бы, что солдатъ-холерикъ этихъ картинъ такой же самостоятельный, достойный изученія и художественнаго воссозданія типъ, осадокъ извѣстной эпохи и извѣстнаго общества, какъ огненный, нервный солдатъ-самгвинникъ французскихъ баталій, или пассивный флегматическій солдатъ прусскихъ парадовъ. Кромѣ насъ, всѣ это признають, и оттого никто изъ другихъ народовъ не побоялся послать на всемирную выставку военныхъ своихъ картинъ. У французовъ, я думаю, добрая треть ихъ художественнаго отдѣленія была занята сраженіями, высадками войскъ, отдѣльными сценами боевой ихъ исторіи. У англичанъ тоже было не мало военныхъ сценъ на морѣ и на сушѣ, у другихъ тоже. Сколько дорогихъ душевныхъ чертъ умѣетъ воспронаводить эта живопись! Можно ли сравнить правду и глубину того самоотверженія, геройства, тѣхъ высоко-благородныхъ трагическихъ порывовъ, которые наша военная живопись старалась выразить на лицѣ своихъ солдатъ въ пылу боя или въ минуту смерти, съ тѣмъ выраженіемъ, выдуманымъ и прибраннымъ, которое чертила на лицахъ своихъ Героевъ ходульная условная живопись? Но важнѣе всего для насъ то, что военная живопись послужила мостомъ

отъ прежней, вѣчно-лгущей, накидной живописи къ нынѣшней, искренней и правдивой. Мало по малу исчезли всѣ тѣ пустяки, все то поклоненіе одной внѣшней декорации и костюму, которые обезображивали и обезсиливали военную нашу живопись, сливкомъ часто лишая ее глубокаго художественнаго значенія, но плодъ новаго направленія, пробившагося впервые въ военной живописи, — на лицо. Плодъ этотъ: нынѣшніе художники, нынѣшняя національная наша живопись, начинающая крѣпко запускать свои корни и расправлять сонныя вѣтви. Почти всѣ талантливые живописцы послѣдняго времени начали съ того, что были «баталистами». Самъ Федотовъ началъ съ военныхъ картинъ и рисунковъ, и теперь, окидывая взглядомъ наше прошедшее, убѣждается, что не будь у насъ военной живописи, вѣроятно мы долго еще не раздѣлялись бы съ мертвыми академическимъ направленіемъ. Поэтому, забыть эту живопись на всемирной выставкѣ едва ли было умѣстно.

Мы и тутъ безъ нужды наложили на себя руки, спрятали отъ другихъ одну изъ немногочисленныхъ, дѣйствительныхъ заслугъ своихъ.

Но не смотря на то, что многихъ художественныхъ произведеній нельзя было досчитать на нашей выставкѣ, и что другія совершенно по напрасну на ней очутились, все-таки тамъ было нѣсколько такихъ картинъ, которыя всѣмъ въ Европѣ могли доказать, что и у насъ нарождается наконецъ настоящее искусство. Какія же это были картины, какія созданія? О, это были все только такія вещи, которыя никогда еще не придавали у насъ большой цѣны, особеннаго значенія. Какъ удивились бы наши художественные коллеги, старье и молодые, большіе и малые, наши ординарные цѣнители и судьи, когда вдругъ узнали бы, что въ Европѣ сочли важнымъ изъ нашего вовсе не то, чѣмъ до сихъ норъ мы гордились, не то, для чего столѣтъ отперта была дверь академіи и рука поощрителей, для чего только и воспитывались прежнія поколѣнія художниковъ, не саженныя холсты, не сіянья и крылья, не вѣнцы и котурны, а тѣ полу-презирасмыя картинки, которыя считались у насъ пустяками и шалостями, бездѣлушками гостининыхъ, утѣхой людей ничего не понимающихъ въ искусствѣ: какое превращеніе понятій! Вдругъ занимаетъ первое мѣсто и получаетъ необыкновенное значеніе то, чему никогда не учили, что выросло само собой, безъ призора и поливки, какъ дикій волчець и тернъ. Взгляните на нынѣшнія темы искусства, какъ отъ нихъ не приходитъ въ ужасъ людямъ, окостенѣлымъ во лжи и притворствѣ прежняго направленія? Но для насъ въ нихъ—то все и заключается, отъ нихъ—то мы и ждемъ обновленія нашего искусства. Деревня, городъ, ширь полей, глушь провинціи, захоlustыя

чешовщина, уголокъ кладбища, развалъ рымака, всѣ радости и горести, что растутъ и живутъ въ избѣ и въ роскошномъ домѣ, что гочать сердце или даютъ ему радостно распахнуться и вснорхнуть, все, чѣмъ полны дни и ночи, все пошло теперь наружу, въ картины, точно пробивающаеся наконецъ зерно, долго зарытое подъ мерзлыми сугробами. Лишь нѣсколько нотъ изъ новой музыки послышалось съ нашей стороны на выставкѣ, но все это было молодое, свѣжее. Гдѣ уже и столько есть, тамъ весна начинается. Радостно привѣтствовали всѣ на всемирной выставкѣ наши первые звуки: и сѣнокосъ, полный живыхъ людей, не скопированныхъ съ чужихъ картинъ и фантазій, а прямо вятыхъ съ нашего поля; и толпа на ярмаркѣ, отъ которой такъ еще и вѣетъ Азіей и азіатской жизнью; и помѣщичье семейство, по старинному процарапанное съ уѣзжающимъ вдаль сыномъ; и подгулаившій у своей избы крестьянинъ, въ которомъ слышится русскій еще глѣть за 300—400 назадъ, та же изба, тѣ же лица, тѣ же люди, тѣ же кафтаны и рубашки, та же пласка съ притѣпываньемъ и свистомъ, та же пѣсня на губакъ; и ловкій пройдоха-разносчикъ; и дышащій на ладонь ниндѣй; и деревенскій свадебный поѣздъ; и тройка, застигнутая метелью, — все это было, точно первые крупинки золота изъ нескѣтной руды, вдругъ обнаженной.

Да, мы наконецъ добрались до той жилы, которая когда бьется, то бьется сильно и здорово, и больше не застоишься съ нею «въ хвосту у другихъ».

Теперь уже авось намъ больше не придется растрчивать по напрасну дѣйствительные сильные таланты, настоящіе или будущіе; не придется въ печальномъ незнаніи перелаживать на нынѣшній ладъ историческія и религіозныя картины прежнихъ итальянцевъ, или изъ чужихъ картинъ тедепершняго времени перетаскивать на свою палитру и колоть чужія краски, формы и манеру. Эти কর্মесы, эти Сорренто, эти Кенри и альбы, эти римскія куртки и испанскія лохмотья, эти обнимающіеся итальянцы и рѣжущіеся нѣмцы, выдаваемые намъ нынче за новѣйшіе и драгоцѣннѣйшіе успѣхи русской школы, будутъ же наконецъ признаны тѣмъ, что они дѣйствительно есть, сотымъ взвѣсъ нѣмѣннѣйшихъ бельгійскихъ, нѣмецкихъ, швейцарскихъ, итальянскихъ картинъ и картинокъ, значить, такими произведеніями, которыя ровно на столько же чужды и далеки, какъ передѣлки изъ Гвидореніевъ и Гверчирья. Не вѣдая, что творить, наши художники прошлаго времени убивли цѣлую эпоху, потратили кучу способностей, повторили какъ умѣя тѣхъ, кого тогда признавали первоклассными свѣтлами; нынче другіе художники признались у насъ тратить время и талантъ на повтореніе тѣхъ, кого считаютъ нынѣшними свѣтлами. Но развѣ одно другого не стоитъ? Развѣ одинъ идолъ лучше другого?

Не все ли равно подражать въ одну эпоху Каррачаемъ, Доменикину, Клодъ-Лоррену, или въ другую — Галлѣ, Каламу, Гюдему, Ахонбаку? Стоитъ ли даже одного идола мѣнять на другого, — что выигрываетъ? Нѣтъ, бѣда вся не въ идолѣ, а въ самомъ идолопоклонствѣ, въ потребности или, просто, въ привычкѣ идти по чьимъ бы то ни было, но только чужимъ слѣдамъ. Сколько ушло лучшихъ нашихъ дарованій не только на сюжеты и типы, но и на живопись чисто *иностранную*! Казалось бы, много прекраснаго и даровитаго лежало у нихъ въ натурѣ, казалось бы, они богато были надѣлены средствами, имѣли передъ собою великолѣпное призваніе, и потомъ, — ничего не осуществляя изъ ожиданнаго и гибли для нашего искусства, ничего не оставляя, кромѣ слѣдовъ полнаго искаженія своей природы на который нибудь иностранный ладъ. Самымъ злымъ врагомъ нашего искусства была до сихъ поръ итальянщина: ея жертвы безконечны, несчастливы. Въ наше время, прежняя широкая, неизмѣнная дорога для кастрированія своей національности и обезображиванія своей самобытности разбѣлась на нѣсколько мелкихъ тропочекъ. Но это не обманетъ уже нашего здраваго пониманія: переходя наконецъ къ настоящему русскому искусству, къ тому, которое дѣйствительно намъ нужно и важно, мы узнаемъ старое начало подражанія и повторенія чужаго, въ какіе бы блестящіе и новые костюмы оно ни рядилось, и отталкиваемъ его, какъ враждебный, вредный намъ наростъ, бородавку. То, что тяжелаго и безотраднаго навѣваютъ предъидущіе періоды нашего искусства, такъ что иногда мелькаетъ мысль о какомъ-то фаталистическомъ назначеніи нашемъ быть вѣчно только ловкими и быстрыми пероимичками, разсѣвается мигомъ, когда только изглавленъ на начинающійся новый періодъ его. Слишкомъ ясенъ поворотъ въ другую сторону, наша живопись точно соскучилась и устала отъ прежней привычки возиться все только съ чужимъ, или тѣмъ, до чего ей въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ровно никакого дѣла. Маскарадъ, притворство, насильственные китайскіе башмаки ей теперь по видимому тошнѣе всего на свѣтѣ. Это выговариваютъ въ каждомъ штрихѣ, въ каждомъ почеркѣ кисти всѣ вынѣшнія наши картины, то же самое выговаривали и тѣ немногіе представители ихъ, которые повали на лондонскую всемірную выставку.

Къ сожалѣнію выговаривали онѣ это робко, едва слышно, только переминалась съ разныхъ угловъ, по которымъ онѣ были раскаты. Ихъ почти незамѣтно было, онѣ точно затерялись, бѣдныя, простыя и маленькія, въ массѣ высокаго, торжественнаго и героическаго, выставленнаго прежнимъ нашимъ искусствомъ. Не что, еслибы они, вмѣсто того, чтобы разбросаться кое-какъ, въ рассыпную по выставкѣ, сдвинулись дружной кучкой, однимъ сплошнымъ цѣлымъ?

Вѣдь тогда роль наша въ новомъ искусствѣ вызначилась бы ярче, сдѣлалась бы вдругъ во сто разъ выше: мы бы разомъ получили значеніе людей, твердо и безвозвратно покончившихъ со старымъ и идущихъ брать тяжелымъ приступомъ новыя задачи.

V.

Для всѣхъ народовъ Европы всемірныя выставки явились великими картинами исторіи въ прошломъ и настоящемъ, великимъ наученіемъ для будущаго. Одни мы смотримъ на нихъ какими-то полусонными, полу-отворачивающимися отъ лѣни глазами. Последняя выставка 1862 года для насъ точно не существовала. Мы о ней не заботились до начала ея, не заботились, пока она продолжалась, не заботились и теперь, послѣ ея окончанія. Неужели же такъ будетъ и со всѣми будущими всемірными выставками?

Цѣлу и важность начинанія чувствуетъ лишь тотъ, кто самъ работаетъ и начинаетъ, кого собственный трудъ научить понимать, сколько будущности лежитъ въ неразвитой еще, едва только распускающейся почкѣ. Всемірныя выставки кажутся намъ теперь лишь правдой затѣй роскоши, капризомъ людей, всѣмъ пресытившихся, потому что онѣ еще при своемъ началѣ, при своихъ первыхъ попыткахъ. Мы начнемъ ихъ цѣнить и понимать, но это случится уже тогда, когда взойдетъ вся ихъ жатва, когда другіе начнутъ уже собирать ихъ посѣвъ. Вотъ тутъ мы вдругъ спохватимся, заторопимся, бросимся догонять другихъ, наскоро привыкать къ тому, что вошло долгимъ востепеннымъ процессомъ въ кровь и плоть другихъ.

Авось хоть тогда эти самыя выставки пойдутъ намъ впрокъ: обрзуемъ насъ и отучивъ наконецъ отъ необыкновеннаго самодовольства и самовосхищенія, приучать смотреть на искусство не поверхностными и легкомысленными, а углубляющимися, разбирающими глазами.

Цопытаемса, однакожь, даже и теперь взглянуть, какимъ наученіемъ могла-бы послужить нашему искусству выставка 1862 года, эта выставка, еще разъ повторяемъ, тѣмъ особенно для насъ важная, что она еще первая.

Прежде всего она научила бы насъ тому, что нынче совсѣмъ ужъ не попрежнему смотреть на искусство. Одно высшее умѣнье, одна виртуозность формы не въ силахъ долѣе удерживать за собою перваго мѣста: искусство глядитъ теперь выше и дальше. «Нельзя довольно повторять, говоритъ Пальгрэвъ послѣ всемірной выставки, что только одна великость души и создастъ великія картины. Высшее

искусство будетъ то, которое выразитъ самыя широкія и глубокия мысли. Разница между великимъ и малымъ искусствомъ лежитъ не въ способахъ производства, не въ стиляхъ, не въ выборѣ сюжетовъ, но въ сущности той дѣли, къ которой направляются способность и умѣнье художника.» Быть можетъ, еще справедливѣе будетъ сказать, что только то произведеніе и можно считать истиннымъ и имѣющимъ дѣйствительно высокое значеніе, въ которое вложено здоровое, истинное содержаніе, которое создано честно противъ искусства, преданной ему одному рукой. Какое бы ни было вышшее мастерство, оно пропадаетъ, оно теряетъ всю свою вліятельную на насъ силу, когда служитъ для цѣлей беззаконныхъ, пустыхъ, легкомысленныхъ или гнилыхъ. Художественное произведеніе носитъ на себѣ неизгладимыя слѣды того настроенія, съ которымъ приступалъ къ нему художникъ: навидной ли жаръ его напоилъ, честолюбіе ли блеснуть техникой, или жажда догнать другихъ, легкомысленный ли капризъ, тяжелое ли безсмысліе, глубокое ли олушевленіе правды и позвѣи — все въ немъ выступитъ какъ въ зеркалѣ, проглянетъ и сквозь самое блестящее, и сквозь самое скромное умѣнье производства. Все дѣло въ первоначальномъ, основномъ настроеніи, все дѣло въ томъ: что хотѣлъ сказать художникъ, что ему нужно было выразить въ болѣе или менѣе совершенныхъ формахъ искусства. Конечно, время наше не менѣе любой прежней эпохи способно разумѣть значеніе формы и приходитъ въ восторгъ отъ ея красоты; оно никогда не потерпитъ ея попранія; какъ бы велико или прекрасно ни было содержаніе, наше время изъ за него одного не помирится съ неумѣлостью формы; болѣе чѣмъ когда нибудь оно требуетъ отъ художника строгаго, глубокаго ученія, мастерства, полнѣйшаго владѣнія средствами искусства; иначе признаетъ произведеніе нехудожественнымъ. Но, не смотря на все это, и даже именно вслѣдствіе окончательнаго овладѣнія формою, искусство не считаетъ ея по прежнему окончательною, главною задачею: она стоитъ для него на второмъ уже мѣстѣ. Но при такомъ понятіи, къ чему же мы нынче приходимъ? Къ тому, что живописное или скульптурное умѣнье производства и способность къ созданію картинны или статуи — дѣи вещи совершенно разныя, раздѣльныя безмѣрными пропастями. Самый рѣдкій случай именво и есть тотъ, когда человѣкъ, умѣющій писать красками и лѣпить изъ глины или рубить изъ мрамора, дѣйствительно способенъ къ художественному созданію. Цора смотрѣть на искусство глубже, заглядывать подъ блестящую шкуру, которою слишкомъ часто прикрыто не живое тѣло, не бьющаяся жила, не крѣпкія мышцы, а гнилыя трюхи и мочала. «Намъ, говоритъ Пальгрэвъ, гораздо нужнѣе нынче многое забывать, чѣмъ вспоминать изъ числа художественныхъ произведеній».

Второе, чему бы насъ научила всемірная выставка, это уразумѣнію направленія нынѣшняго искусства. Нѣтъ искусства единого, всецѣлаго, вѣчно одинакаго. Его никогда не было, да конечно, никогда и не будетъ. Какъ все существующее, какъ урожанъ и неурожанъ, какъ приливы и отливы, какъ болѣзни и волканы, какъ здоровые и вредныя періоды, искусство идетъ полосами, порывами, то стихающими до едва замѣтнаго пошота, то разрастающимися въ громадный неудержимый разливъ, то захватывающими лѣса, луга, нашия, города, то обнимающими едва нѣсколько бѣдныхъ точекъ. Одинъ періодъ искусства не похожъ на другой, у каждаго изъ нихъ свои особенныя стремленія. Но тогда наша главная задача цѣлкомъ не объ искусствѣ вообще, не объ идеальномъ какомъ-то совершенствѣ его, а объ ясномъ сознаніи задачи и характера искусства нашего времени. Въ чемъ же они состоятъ? «Ничто такъ меня не поражаетъ, говоритъ Тейлоръ, какъ преобладаніе въ настоящее время живописи изъ ежедневной жизни надъ прежнею живописью, на темы исключительно историческія, религіозныя и академическія. Нельзя не видѣть въ этомъ общаго стремленія всего европейскаго искусства, независимо отъ ученія той или другой школы». Да, въ чемъ прежде искусство находило интересъ и высшую задачу себѣ, въ томъ больше не находитъ. Точки соприкасанія искусства съ жизнью передвинулись, одинъ впередъ, другія назадъ, значить, плоды, результаты теперь совсѣмъ иные протѣвъ прежнихъ. Нынѣшнее искусство уже не ищетъ, во что бы то ни стало, представить полный комплектъ во всѣхъ родахъ живописи; оно не боится, что, можетъ быть, нѣкихъ изъ числа ихъ вовсе не окажется, что останется нѣсколько мѣстъ пустыхъ. Что за бѣда! Безчестія въ этомъ нѣтъ никакого, ни для народа, ни для художниковъ. Видно, такая полоса пришла, видно, не для всего пражлаго теперь время, и иное на теперь, другое навсегда должно замолчать и загаснуть. Западное искусство не хочетъ болѣе тѣхъ произведеній, что похожи на мертвеца, изъ котораго вольтовъ столбъ извлекаетъ нѣмало что-то въ родѣ признаковъ жизни; оно не боится упрековъ въ недочетъ, въ односторонности. Какая эпоха искусства не была одностороння? Конечно ужъ, никто не являлся одностороннѣ Греціи и среднихъ вѣковъ, а это были въ искусствѣ двѣ самыя творческія эпохи міра. Наше время, стремясь къ самосознанію, т. е. къ настоящей силѣ, тоже не боится ограничить себя во многомъ, мужественно урѣзываетъ все, что находитъ лишнимъ, не хочетъ звать ничего кромѣ того, къ чему лежитъ настоящая его способность, что для него живо, гдѣ бьется настоящий, неподдѣльный пульсъ. «Я не стану разбирать, говоритъ Тейлоръ, какая настоящая цѣна того рода живописи, которой привыкли называть историческими. Но скажу, что

лишь немногимъ, да и то самымъ могучимъ художникамъ предназначено создавать дѣйствительно значительныя произведенія въ этомъ родѣ. Между тѣмъ, большой спросъ принуждалъ слишкомъ многихъ заниматься ими. Результатомъ этого выходила пустота, ложное чванство, полнѣйшее отсутствіе мысли. Обо всемъ этомъ можетъ дать понятіе обзорѣніе такой выставки, какъ нынѣшняя. Между тѣмъ, всякое воспроизведеніе дѣйствительной жизни и дѣйствительной природы заключаетъ для насъ интересъ чрезвычайный, коль скоро оно соединено съ достаточнымъ техническимъ умѣньемъ. Здѣсь нѣтъ непререкаемой необходимости въ гениѣ, хотя и здѣсь, какъ вездѣ, можетъ проявиться и наложить свою могучую печать гениѣ. Всего болѣе меня поражаетъ то, что каждая школа искусства, по видимому, тогда лишь растетъ и приобретаетъ силу, когда разрабатываетъ исключительно свои національныя матеріалы. Миѣ кажется, это происходитъ отъ того, что эти матеріалы дѣйствуютъ на наибольшее число людей, какъ истинная и укрѣпляющая пища, тогда какъ прежнія академическія сюжеты дѣйствуютъ прямо на оборотъ». Глубокая правда лежитъ въ этихъ словахъ. Они выражаютъ нынѣшнее общее настроеніе. Надо было отказаться отъ заманекъ на гениальность, отъ всего ложно великаго и геройскаго, чтобы стать на вѣрную надежную почву, почву дѣйствительности и національности, чтобы превратиться въ реальное, замышляющіе по видимому обыкновенное, но производящее значительное. По модѣ ли, увлекались ли общимъ потокомъ, и мы начинаемъ поворачивать на новую дорогу. Будемъ же уважать всѣ другіе роды живописи, всѣ другія школы, не будемъ отрицать ихъ возможности и необходимости, но бросимъ старую пустую чванливость, заставлявшую насъ стараться непререкаемо приблизиться во всѣхъ родахъ, и, отступившись отъ всего остальнаго, тѣмъ сильнѣе упрямъ на главную свою способность: передавать дѣйствительную народную нашу жизнь, ея на первый взглядъ не крупныя черты, ея кажущуюся мелочь, со всей правдой, поэзіей, юморомъ, потрясающими слезами, тихими или порывистыми радостями, со всею истинной чувства, намъ близкаго и понятнаго, потому что ваятаго съ природы. Зачѣмъ намъ тянуться къ смектинскимъ мадамкамъ и алексинскимъ школкамъ, когда до сихъ поръ настоящая способность у насъ была совсѣмъ къ другому! Зачѣмъ намъ тянуться за историческими задачами, когда всѣ опыты наши въ этомъ родѣ, отъ Лосевки до Брюлова, отъ прежнихъ святыхъ до нынѣшнихъ «Помпей», доказали до сихъ поръ одну нашу неспособность къ этимъ задачамъ, и то, что, не создавъ тутъ ничего дѣльнаго, мы только представляемъ жалкія, смѣшныя или полныя народни на исторію и психологію, печальныя заблужденія конистовъ, или еще болѣе печальную гниль и пустоту каприза? Какое бы ни

было наше будущее, что бы насъ впереди ни ожидало, хотя бы даже произведенія на свѣтъ такихъ великихъ всемірно-историческихъ создавій, какъ гамптонъ—кортскіе картоны Рафаэля, все-таки самая вѣрная, самая надежная дорога къ такому искусству не тѣ задачи и работы, условныя и книжныя, на которыхъ проводило все свое время наше искусство, а тѣ, которыя хотѣтъ знать одну невыдуманную правду жизни и всего совершающагося передъ глазами. Только идя этой дорогой, только слушалась ежедневной жизни и національности, доходилъ человѣкъ въ искусствѣ до всего, что ему возможно высконаго, патетическаго, страстнаго и изумительнаго по красотѣ и глубинѣ. Такъ было съ Греніей и средними вѣками, такъ было и съ самимъ Рафаэлемъ. Великій стиль ихъ есть результатъ художественнаго овладѣнія тѣмъ, что совершается всегда и вездѣ. Наши избы, деревни, улицы, толкучіе рынки, обжорные ряды, сцены изъ копошащейся по тысячамъ угловъ жизни, всѣ мыслящія картины, надъ которыми и до сихъ поръ еще раздаются тамъ и сямъ вопли негодованія, точно при первомъ появленіи гоголевской правды въ литературѣ, никогда не перестанутъ имѣть существеннѣйшаго смысла въ исторіи нашего искусства: съ нихъ начинается настоящая самостоятельная эра.

Наконецъ, всемірная выставка послужила бы великимъ наученіемъ всѣмъ тѣмъ, кто въ наше время боится за будущее искусства, всѣмъ, кто считаетъ ничтожною его нынѣшнюю работу, его неустановившіяся исканія, его неокрѣпшія формы, его полныя стремленія начинанія и яробы. Въ этой общей боязни встрѣтились люди двухъ совершенно противоположныхъ натуръ: и самыя отсталыя, и самыя передовыя люди. Здѣсь приняли къ одному и тому же заключенію и тѣ, которые въ слѣпотѣ своей и рабской привычкѣ къ прошедшему только его и признаютъ вѣчнымъ знаменемъ и ибрилломъ чело-вѣческой дѣятельности; но въ одно время съ ними и тѣ, чьихъ орлиные глаза глядятъ уже въ будущее, чей духъ способенъ разбирать страницы исторіи, всего чаще печальныя отъ величости и безумія, или занятанныя слезами и кровью, и, закрывая ихъ съ тоской, жадно идутъ на встрѣчу будущему, какъ къ вѣрной гавани. Люди обѣихъ породъ съ безучастіемъ или недоувѣрчивостью смотрятъ на то, что творитъ на нашихъ глазахъ искусство, и попираютъ его, каждый во имя своего идеала: тѣ прошедшаго, эти будущаго. Однимъ кажется, что задачи и формы нынѣшняго искусства глубоко упали съ прежней величественной высоты; другимъ, что эти самыя задачи и формы слишкомъ ничтожны и малы въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ должно бы быть искусство у будущаго, просвѣтленнаго челоуѣчества. Умерло искусство, оно болѣе невозможно, восклицаютъ люди обѣихъ партій.

Но и тѣ и другіе не замѣчаютъ, что ихъ страхъ есть только вы-

раженіе того деспотизма, съ которымъ они приступаютъ къ исторіи и созданіямъ человѣка. Какое дѣло до того, если искусство ставеть теперь, или когда нибудь послѣ, ниже того, чѣмъ прежде бывало! Развѣ у человѣчества есть обязанность наполнять все одну и ту же рамку, повторять разиѣры и линіи прежнихъ періодовъ? Вся его задача только въ томъ, чтобъ вынолнить, осуществить все, къ чему оно способно въ данную эпоху и въ данномъ мѣстѣ, ничѣмъ не развлекаясь по сторонамъ и не фальша противъ своей природы какими бы то ни было завлекательнымъ переряживаньемъ въ платье съ чужаго плеча и чужаго времени. Какой стыдъ, какой позоръ можетъ быть въ томъ, чтобы родиться простымъ человѣкомъ, а не гениемъ, крестьяниномъ, а не вельможей! Стыдъ лишь въ томъ, когда, родившись однимъ, изъ кожи вонъ лѣзешь, чтобы казаться другимъ. А этого-то именно и не хочетъ нашъ вѣкъ. Сознать свои силы, ища понять истинныя свои наклонности, онъ не примѣривается ни по какому другому времени, не повторяетъ чужихъ созданій, не гоняется за чужимъ величьемъ, не считаетъ прежнихъ формъ и задачъ искусства обязательнымъ себѣ идеаломъ. — онъ хочетъ только одного: быть самимъ собою. Значить, нечего и тосковать съ отсталыми о надеши, нечего сравнивать нынѣшняго искусства съ прежнимъ.

Неужели больше истинны на сторонѣ тѣхъ, кто преклоняется предъ невѣдомымъ будущимъ и во имя его не дасть иѣны настоящему? Что они говорятъ? «Искусство имѣетъ свой предѣлъ, восклицаетъ одинъ изъ гениальѣйшихъ писателей нашего времени. Есть камень преткновенія, котораго рѣшительно не беретъ ни смычокъ, ни кисть, ни рѣзецъ; искусство, чтобы скрыть свою немощь, издѣвается надъ нимъ, дѣлаетъ каррикатуры. Этотъ камень преткновенія — мѣщанство. Художникъ, который превосходно набрасываетъ челоуѣка совершенно голаго, покрытаго лохмотьями, или до того совершенно одѣтаго, что ни чего не видать, кромѣ жемѣза или монашеской рясы, останавливается съ отчаяніемъ передъ мѣщаниномъ во фракѣ.» Нѣтъ, нѣтъ, отвѣтимъ мы, не знаете вы нынѣшняго искусства; нѣтъ у васъ для него ни глазъ, ни ушей, вы слишкомъ привыкли къ старому искусству, къ тому, что до сихъ поръ было. Вы этимъ старымъ искусствомъ хотите мѣрять новое начинающееся искусство. По формуляру отца вы принимаетесь судить о сынѣ, а сынъ этотъ начинаетъ именно съ того, что разрываетъ вачисто со старыми преданіями. Взгляните на свѣжія начинанія свѣжими глазами, неподжужленными привычкой къ прежнему, и вы разомъ увидите, что сила новаго искусства именно всего больше въ томъ, что для него нѣтъ предѣловъ, нѣтъ камня преткновенія, что оно не останавливается ни передъ чѣмъ на свѣтѣ, даже ни передъ мѣщаниномъ во фракѣ. Не

нынѣшнее искусство, а старое, то, что только и умѣло превосходно набрасывать голаго человѣка, либо человѣка въ лохмотьяхъ, желѣзѣ и рясѣ, то только и остановится въ отчаянныя перады мѣщанствомъ, хотя бы оно въ самомъ дѣлѣ было главною струею нынѣшняго періода, идеаломъ, къ которому стремится, поднимается Европа со всѣхъ точекъ дна, хотя бы оно въ самомъ дѣлѣ было послѣднимъ словомъ цивилизаціи. Нынѣшнее не остановится. Все ему возможно, все по рукѣ, все его слушается и выгибается у него подъ кистью и рѣзцомъ. Ничего оно не боится, ни отъ чего оно не отрекается, потому что ростъ его начался съ настоящаго конца — съ маленькаго.

Знаете ли, въ какихъ темныхъ неказистыхъ углахъ зародилось новое искусство, знаете ли, гдѣ кроются его первыя зерна?

Для скульптуры, во всѣхъ тѣхъ группахъ, фигурахъ, безконечно-разнообразныхъ вещахъ и вещицахъ изъ бронзы, серебра и золота, во всѣхъ тѣхъ бездѣлушкахъ съ каминна, съ дамскаго туалета, съ нос-солей по стѣнамъ щегольскаго кабинета, или съ зеркалъ гостиницы, на которые мы въ наше время едва презрительно взглядывали, но гдѣ, незамѣтно для всѣхъ, улегся первый младенческій періодъ новонарождавшагося искусства. Для живописи, въ тѣхъ безчисленныхъ иллюстраціяхъ всевозможныхъ книгъ, романовъ, поэмъ, драмъ, комедій, путешествій, біографій, исторій, въ тѣхъ легіонахъ каррикатуръ на современную жизнь, нынѣшнія происшествія и нынѣшнихъ людей, которыя играли въ наше время такую дѣйствительную, важную роль, и на которыя однакоже старая привычка и старая наста художниковъ всегда запрещали сморѣть, какъ на что-то серьезное и художественное. И на эту новую нашу скульптуру, и на эту новую нашу живопись сморѣли всѣ, какъ на явленія случайныя, вѣсмерныя, а всего болѣе ничтожныя. Никто не замѣчалъ, сколько изъ нихъ новаго и прежде небывалаго, всего меньше помышляли о томъ, что всѣ эти «бездѣлушки» играютъ въ нашей жизни дѣйствительную и серьезную роль, что они-то и есть начинающееся искусство нашего времени. Теперь существованіе его закрѣплено, обезпечено; послѣ здороваго младенчества начинается уже столь же здоровая крѣпкая юность, въ которую ростъ ея не можетъ быть сомнѣнія.

Но развѣ новое это искусство отступало передъ чѣмъ либо, передъ какою бы то ни было задачею или формою? Нѣтъ, оно въ тихомолку, незамѣтно, росло своими завладѣвательными способностями и научилось со всѣмъ ладить, все схватывать, ничего не робѣть и все передавать съ могуществомъ поэзіи и правды. Все это такія качества; такія опособности, которыхъ въ подобной ширинѣ развитія не бывало еще прежде ни у одной эпохи; у каждой изъ нихъ, не смотря на талантъ художниковъ, бывалъ свой страхъ, свое робѣнье передъ той

или другой привычкой, передъ тѣмъ или другимъ преданіемъ и идеоломъ. У нашей эпохи ничего этого болѣе нѣтъ, она уже и теперь владѣетъ способностью такъ близко подходить къ жизни и жизненной правдѣ, какъ ни одна эпоха прежде.

Англія одна изъ странъ, гдѣ раньше, чѣмъ у другихъ, началъ совершаться переходъ новаго искусства отъ перваго младенчества къ юности, но у ней при этомъ та особенная роль и заслуга, что она пошла впередъ съ еще большимъ безстрашіемъ и послѣдовательностью, чѣмъ другіе. Когда сломаны были перегородки въ живописи и новый живописецъ пересталъ бояться всей той обыкновенной среды, которая была пугаломъ и отвращеніемъ прежней художественной породы, англичане съ непреклонной логикой принались ломать тѣ же самыя перегородки и въ скульптурѣ. Они не побоялись и тутъ гнѣва толпы европейской за поправіе прежняго художественнаго этикета и приличія, прежнихъ деспотическихъ законовъ и непереступаемыхъ нравилъ. Они перешагнули черезъ все это и стали лѣпить изъ глины, выливать изъ мѣди, вырубать изъ мрамора своихъ великихъ людей на народныхъ монументахъ точно съ тою самою вѣрностью жизни и воссмертвенной обстановки, которая уже передъ тѣмъ сдѣлалась закономъ въ живописи. Не всѣ опыты ихъ были талантливы, не всадѣ начала же пробилась на свѣтъ поэзія и красота: нѣтъ, при той борьбѣ за жизнь и за смерть, которая завязалась между старымъ и новымъ искусствомъ, при такихъ трудныхъ родахъ, какіе предстояли послѣднему, младшему, много должно было выйти на свѣтъ недоросковъ, много выкидышей, уродливыхъ, анти-поэтическихъ созданій. Не мало явилось у англичанъ такихъ смѣшныхъ созданій, какъ Веллингтонъ верхомъ, въ шинели и треугольной шляпѣ, на однихъ триумфальныхъ воротахъ въ Лондонѣ, какъ Робертъ Пилъ и Питтъ, доревалные и комическіе, или какъ разныя другія знаменитости, выставленныя на неуклюжихъ пьедесталахъ по разнымъ лондонскимъ площадямъ. Но правда, которой здѣсь прежде всего искали, искренняя потребность въ томъ, что начато было новымъ искусствомъ, взяли свое, и Англія наполнялась все болѣе и болѣе статуями и барельефами, гдѣ искусство наконецъ одѣло красотой и стройностью своихъ формъ неумѣлую дерзость, грубую смѣлость первыхъ попытокъ. Что прежде казалось несмысленнымъ, невозможительнымъ въ скульптурѣ, сдѣлалось вдругъ привычнымъ, и европейскій скульпторъ смѣетъ уже теперь, не оскорблять, не удивля ничьего глаза, представлять каждаго человѣка, любого времени, любого сословія, во всѣхъ формахъ его дѣйствительной жизни, смѣетъ изобразить изъ мрамора или мѣди на публичныхъ площадяхъ и холдную, злую, эгонистическую мишу Фридриха II, и его палку и са-

ноги, и причёску и лобку королевы-Викторин; и бѣдливѣ дѣвѣ, съ нѣх курткой, платяницею и сумкой — на фасадѣ публичной школы; и работница съ усталыми лбами и руками, съ домашнимъ передаткомъ и колобкомъ — передъ воротами фабрики; и генерала съ той самой шапкой на головѣ, которую онъ несилъ противъ остячандского солнца. И все это съ той-же истинностью, съ тѣмъ отсутствіемъ идеальности, съ какими Деларюшъ осмѣливался представить на полотнѣ масляной живописи, мертвыя глаза, разорванную чертатку и пыльные сапоги Кромвеля. Гдѣ скульптура дошла до такого переворота, гдѣ она до такой степени рѣшилась покончить съ прежними преданіями, гдѣ она показала такую правдивую, характеристическую реальность, тамъ для всего уже искусства нѣтъ болѣе преградъ ни въ чемъ и нигдѣ.

Но при достигнутомъ новомъ уживѣніи, при безгранично познающей силѣ формъ, неужели такое искусство не найдетъ, что ему творить новыхъ формъ, что ему вкладывать въ нихъ? Многие въ наше время сомнѣваются въ этомъ. «Гдѣ нынче искусство творческое, живое, гдѣ ядромъ существенный элементъ въ самой жизни?» спрашиваютъ тѣ, которые убѣждены въ смерти искусства, въ невозможности его въ наше время. Гдѣ! Оно вездѣ тамъ, гдѣ было всегда прежде; вездѣ, гдѣ есть поэзія; оно въ груди каждаго взглянушаго радостными глазами на солнце и природу, со страстью обильнаго любимую женщину, въ волнованнаго красотой или безобразіемъ творящейся передъ его глазами жизни, глубоко потрясеннаго радостью или горемъ; оно у него въ груди и тотчасъ потощъ же на его кускѣ полотна, на его дощукѣ бумаги, на его обломкѣ камня. Покуда есть на свѣтѣ Человѣчество, до тѣхъ поръ будетъ и искусство; какъ ни обзаводилась человѣка иная цивилизація, какова ни была его собственная натура, какъ ни высоко или низко стоялъ онъ до сихъ поръ въ ряду вѣковъ, никогда еще не обходился онъ безъ искусства, все равно, былъ ли онъ готтентотъ и малаякъ, или римлянинъ разлагающагося древняго міра и французъ самой прозаической эпохи новой Европы. Для вытѣшняго наследника прежнихъ художественныхъ поколѣній искусство остается столько же возможно, хотя бы Человѣчество всей массой своей тонуло во всеобщемъ ивѣцанствѣ; какъ средне-вѣковому художнику было оно возможно, не смотря на все безобразіе и нелѣпость окружавшей его жизни, не смотря на дикіе, или комическіе мотивы, которые для него складывались тогдашними главными актерами: тупыми людьми-звѣрьми въ желѣзныхъ броняхъ, или еще болѣе тупыми въ своей прозаичности людьми-ланжанами въ рясахъ, какъ для художника рафаэлевскаго времени оно было возможно, не смотря на прозу и ложь тогдашней жизни, на безобразный разладъ дѣйствительнаго сознанія съ тѣмъ, что

перушию признавалось. Сказавъ всю исторію, уродливость одного дѣла оценить уродливости другого; творческая сила, се создавшая, никогда не истощалась, никогда не оставалась, ни одна эпоха не осталась обдѣлена ею. Но на было и той эпохи, того вѣка, когда отлетѣла бы съ человѣческой сцены поэзія, когда въ дунѣ людской порвались и замолкли бы всѣ струны, заставляющія его треметать. А что такое искусство, какъ не воспроизведеніе содержащагося въ исторіи, въ жизни, въ дунѣ, въ природѣ? Искусство не создаетъ ничего своего, новаго, изъ собственныхъ матеріаловъ; оно безъ сдвигатій къ той или другой эпохѣ, человѣческой исторіи, оно не разсуждаетъ, оно только безкорыстно отражаетъ въ твердыхъ формахъ то, что способоно схватить, и въ быстро-несущейся жизни. Какъ изъ всѣхъ дѣятельностей нашей породы оно родится раньше всѣхъ, такъ и кончится раньше тогда, когда кончатся всѣ остальные. Боянь за будущность искусства, это полифійное мнемоничаніе его вынѣшняго роста и духа, это замерзаніе на прежнее его ступеняхъ, это напрасное отыскиваніе тѣхъ идеальныхъ пульсовъ, которые прежде казались единственными его двигателями, это — непониманіе настоящей его роли.

Подите, взгляните на всемірную выставку, она изъ всѣхъ угловъ проглянетъ вамъ и доказательства своей жизни, и выраженіе своихъ отреленій. Какъ! нашему искусству теперь кончиться, или хотя остановиться, когда оно только что подошло къ такому полномасштабу, умѣнью и свободѣ, какихъ прежде никто и не подозревалъ? Нашему искусству недвижно стать въ тупикъ и замереть отъ прозаичности или совершеннаго отсутствія задачъ, — ему, у котораго лишь только разверзлись глаза на новыя, истинныя его задачи? Ему, создавшему, что все прежде дѣланное — только предварительная ступень передъ настоящимъ дѣломъ искусства, или рядъ ошибокъ и заблужденій. Нѣтъ, будущее искусства громадно, неизмѣрно, какъ сами будущія судьбы человѣческія, — его оригиналь и вѣчный сюжетъ. Никто не скажетъ, какинъ именно выйдетъ это будущее, но глядя на то, какъ оно теперь зачинается, нельзя не подумать, что оно будетъ таково, какинъ никогда еще прежде не бывало.

Посмотрите на скульптуру и живопись, наполнившія всемірную выставку, оставьте въ сторонѣ личные таланты отдѣльныхъ художниковъ и скажите: въ какую другую эпоху исторіи, когда, гдѣ, можно встрѣтить такое богатство, такую глубину, такую многообъемлемость задачъ искусства? Если сравнить съ вынѣшними сюжетами, задачами прежняго искусства, эти покажутся бѣдными, тощими, ограниченными. Кромѣ рѣдкихъ, чрезвычайныхъ исключеній, да и то не глубоко проникающихъ, древняя и новая скульптура не представитъ

нѣтъ ничего; вромѣ апофеоза красоты формъ; благородства линій и выраженія, и болѣе или менѣе идеальной, т. е. живой характеристики. Въ Венерахъ и Аполлонахъ, Юпитерахъ и Феяхъ, матронахъ и весталкахъ, жрецахъ и царяхъ, воинахъ и геніяхъ нѣтъ уже болѣе для насъ прежней цѣны; но это не потому только, что тысячелѣтій и разность жизни отдѣляютъ насъ отъ нихъ, не потому только, что нельзя больше вѣрить въ этихъ боговъ и геніевъ, что не шло-лится болѣе прежнее участіе къ этимъ людямъ, а потому, что въ самыхъ задачахъ нѣтъ уже болѣе ничего для насъ, вышшихъ людей. Мы еще можемъ смотрѣть на нихъ, какъ на предметы для любопытства, для изученія, но сущностью, содержаниемъ своимъ они насъ больше не затрогиваютъ. Мы долго этого не замѣчали, и, по преданію, по привычкѣ, не думая, продолжали поклоняться прежнимъ идеаламъ, насильно восхищаясь созданіями, къ которымъ давно уже нѣтъ никакихъ симпатій, насильно увѣряя себя, что мы тронуты, ощущаемъ трепетный восторгъ, тогда какъ для него нѣтъ въ насъ ни матеріаловъ, ни возможности. Но пришелъ часъ размышленія, строгого вопроса внутри самихъ себя, и тогда вдругъ точно какія нибудь кора спала съ глазъ, слетѣли оковы, прежде невидимыя и нечувствуемыя, мы потянулись къ тому, что намъ близко и нужно. Самымъ послѣднимъ, самымъ рѣшительнымъ доказательствомъ разрыва съ прошедшимъ служатъ слова, которыя мы въ состояніи произнести наконецъ, теперь даже о лучшемъ скульпторѣ предшествовавшей намъ эпохи, о Торвальдсенѣ. «Вся жизнь его была одна неутомимая, нескончаемая ошибка, сказалъ глубоко-вѣрно Пальгрэвъ. Живя въ какомъ-то заоблачномъ мірѣ теорій и въ подражаніи второстепеннымъ римскимъ скульптурамъ, которыми загроможденъ Ватиканъ, скульпторы новой Европы являются лишеными всякаго здороваго сознанія настоящей правды, коль скоро имъ приходится коснуться рубежа дѣйствительной жизни». Когда мы пришли къ такому сознанію, нѣтъ уже больше возможности къ сдѣлкамъ съ прошедшимъ. Съ нимъ все кончено, и одно только остается—новыми людьми, съ новыми орудіями пониманья и работы, идти впередъ, на новыя дѣла.

Живопись не доходила до такого же паденія, до такой же унижительной и рабской роли, какъ скульптура. Она всегда стояла гораздо выше, служила болѣе истиннымъ и нужнымъ цѣлямъ, чѣмъ скульптура, эта много уже столѣтій сряду бездушная и праздная потѣха бессмыслия и чванства. Но и живопись слишкомъ долго и слишкомъ часто служила одной забавой глазамъ; и она тоже потратила понапрасну много столѣтій и талантовъ. Проходя галлерей и гравюры живописи, въ самомъ дѣлѣ теперь нужное многое забывать, чѣмъ вспоминать. Но неужели будетъ такова участь и будущаго искусства, бу-

лучшей живописи и скульптуры? Нѣтъ, никогда! Въ самомъ стремленіи ихъ, въ самыхъ цѣляхъ лежитъ уже столько необходимаго, здороваго, столько дорывающагося до корней правды и жизни, что однимъ появленіемъ своимъ на свѣтъ они застрахованы отъ всякаго гонимія и забвенія. Въ потребности выразить все, за что видяще борется искусство, лежитъ уже доказательство высшей его способности, глубокаго призанія къ творческой дѣятельности.

Каждая нація но своему служитъ новому искусству: Французъ своимъ реализмомъ, своимъ Деларошевскимъ пониманіемъ и передачею историческихъ сценъ и людей, своими широкими пламенными взглядами на цѣлыя эпохи, прожитыя міромъ; Германія своимъ искусствомъ, хотя на половину еще и символическимъ и реонерскимъ, но въ то же время глубоко чуткимъ и къ исторіи, и къ живой формѣ, и красотѣ; Англія бескончаемо-разнообразнымъ воспроизведеніемъ англійской домашней жизни, на фермѣ и въ городѣ, на кораблѣ и на улицѣ, въ полѣ и на дебаркадерѣ; Бельгія — такою страстностью ко всему національному, къ мотивамъ изъ прежней и нынѣшней отечественной жизни, къ которой не подходитъ покуда ни одна другая новая школа. Но, не смотря на все это разнообразіе, вездѣ чувствуешь и что-то общее, на чемъ всѣ школы сходятся; это — разрывъ съ прежнимъ искусствомъ, невозможность возвращенія къ его внѣшности, къ его существованію безъ содержанія. Лучшее, что можетъ создать холодный, бездушный формализмъ какого нибудь Энгра, этого сохраняющагося обломка прежнихъ эпохъ, лучшее и совершеннѣйшее созданіе всей его жизни, новая картина его «Источникъ» (la Source), въ формѣ стоящей нагой дѣвочки, льющей изъ урны воду, оставила теперь всякаго на всемірной выставкѣ холоднымъ и безучастнымъ. Наше время не хуже, не меньше всякаго другаго ощутило всю красоту, всю непорочность этихъ линий, упивается чистой ихъ мелодіей, но чувство и мысль уже тутъ не возбуждены, рвутся выше и дальше, и вмѣсто равнодушно проходимой энгровской картины, жадно останавливаешься на потрясающихъ сценахъ Делароша, на исторической правдѣ и красотѣ Лейса, на патетичности Галле, на «всемірномъ позорномъ столбѣ» (pilori) Глеза, даже на немногочисленномъ, но все-таки грандіозномъ и правдивомъ «цѣствіи Нерона по зажженному имъ Риму» Пилоти, на «Леонардо Винчи» Шрадера и на цѣлой стаѣ горячихъ, живыхъ художниковъ, которыхъ цѣль: бесконечно-вѣрное воспроизведеніе дѣйствительной жизни, всеневныхъ сценъ, картины полныя паэоса или юмора, граціи или чувства, симпатіи или каррикатуры.

Да, одинъ взглядъ на такую выставку, какъ нѣмѣцкая всемірная, разомъ покажетъ: есть ли у нашего времени искусство, и пришло

дѣлаютъ теперь время умирать, или подняться къ новой, несомненной жизни.

Но если, послѣ тѣхъ двухъ покусокъ, мы взглянемъ на тѣнѣешую архитектуру, задумаемся и о ея будущемъ, то встрѣтимъ тутъ съ громадными новыми фактами: Архитектура не умерла, какъ и обѣ сестры ея. Она тоже воскресаетъ отъ своего долгаго обмирания, отъ того полу-одряхлѣлаго состоянія, въ которомъ безъ движенія, безъ прилива жизни она пропустила нѣсколько столѣтій. Ничтожно и жалко было плыть изъ всевозможныхъ старыхъ доктринъ, которыми она кое-какъ закрывала тощій развитый скелетъ свой. И вдругъ все измѣнилось: мертвая встала и зашевелилась; съ перваго же шага она показала, сколько жизни, сколько непочатыхъ силъ лежало тамъ, гдѣ, казалось, наступила уже вѣчная смерть. Вмѣстѣ съ новой всеобщей вѣстовкой создалась вдругъ новая архитектура, небывалая, всеидеальная.

Какъ новая живопись и скульптура вышли изъ плесейснаго прозрачнаго рука, изъ иллюстраціи и каррикатуры, изъ бровазовой и ослѣпавшей бездѣлушки, такъ и архитектура истекла изъ родниковъ столько же ничтожныхъ, сколько же на первый взглядъ мало-художественныхъ. Дальше своихъ двухъ сестеръ пролежала она подъ отарасми шлохивами, вице выхода и новыхъ матеріаловъ, и вдругъ для превращенія своего выбрала два неожиданныхъ начала: прозрачную, связанную отъ низу до верху бронзерую, и все изъ стенокъ молчущую ланку. Она претворила въ одно оба начала, расширила, развила простираетъ, и тогда вышло то, чего никогда еще не создавала рука человѣка.

Что же сдѣлала эта страна, которую привыкли столько столѣтій считать классической страной анти-художественности, полнѣйшей неспособности къ искусству, Англии. Она и въ архитектурѣ ступила первой шагъ, съвѣлый до дерзости, невѣролтный до безумія: она поставила какое-то побывалое аданіе, какой-то невиданный домъ, дворецъ, палату—безъ стѣнъ, безъ оконъ, безъ кровли, изъ одного желѣза и стекла, какъ огромный хрустальный полникъ надъ миллионами чудныхъ драгоценностей, сіяющихъ съ цѣлаго свѣта. Не съ слабой; Обидной попыткой началась новая архитектура Европы, и въ, прямо съ гигантскаго шага, съ цикалоничебнаго зданія, съ параднаго всеобщаго дворца. Что передъ нимъ цирки и колізеи римлянъ? Что такое эти арены для прозрачнаго человѣчнго торреадорства, эти постидаемые слѣды душевнаго безобразія и оупѣлаго безумства умирившаго челоукассана, что она передъ хрустальнымъ лондонскимъ гигантомъ; соотносительна ли то, чтобы созвать въ него все народы міра, чтобы увидать въ одной грудѣ, въ одной величавой физиономіи, въ одномъ

верналъ все, что искусствомъ и ремесломъ сдѣлано великаго, благотѣтельнаго, гениальнаго, отважнаго, на всѣхъ розрозненныхъ кончикахъ ея! Что такое печальная пирамида, эти наменные мотылы египетскихъ мертвецовъ, что такое колоссальныя персонажисы древнихъ ассирианъ, что такое св. Петра новыхъ итальянцевъ, созданныя изъ пота и крови, изъ отнятой кошѣйки и вымученнаго труда, персятъ этихъ дворцовъ, созданныхъ рукою самого народа, изъ доветъ, радостно внесенныхъ въ нѣсколько дней, и силою труда и энергии добровольно отданныхъ. Великая цѣль родила великое произведеніе, наложивъ ту печать ширины и безмѣрности, которую не дастъ никакая другая цѣль и задача. Для народа-царя создавалось это диво, въ нормальнѣ еще разъ для него одного было все назначено, для его глазъ и ума, для его восторговъ и наученія.

Но вотъ кончилась первая всемірная выставка. Она просуществовала немного мѣсяцевъ, но послѣднее ею не замерло и не преналось. Идея новой архитектуры разнеслась и бросила по корню всюду (конечно кромѣ насъ). Началось возданганіе хрустальныхъ палатъ на всѣхъ концахъ Европы, вездѣ закипѣла работа продолженія, развитія новой идеи, во вышнѣ всѣхъ стала опять Англія.

За первой великой идеей всемірной выставки и ея хрустальнаго дома вдругъ вынеслась изъ проснувшагося творческаго духа вторая, еще болѣе великая мысль: создать дворецъ, гдѣ въ видимыхъ формахъ явилось бы изображеніе прожитой человѣчествомъ жизни, гдѣ въ одной картинѣ собрались бы представленія всѣхъ одна за другой наступавшихъ эпохъ исторіи искусства. Какая громадная задача! Какой колоссальный второй шагъ! Никогда еще человѣческое воображеніе, никогда еще творчество не поднимались до такой высоты.

За цѣлую четверть столѣтія до появленія хрустальнаго сиденганскаго дворца, мечталъ о чемъ-то подобномъ, на совершенно другомъ краю Европы, одинъ гениальный писатель. Его мысль представлялась ему лишь несбыточной фантазіей, онъ не помышлялъ, чтобъ она когда нибудь могла осуществиться. И однако же, она осуществилась. Вотъ что говорилъ этотъ писатель: «Архитектура за насъ льбоуишь міра. Она говоритъ тогда, когда уже молчатъ и мѣсяцъ, и преданія, и когда уже ничто не говоритъ о погибшемъ народѣ. Пусть же она, вотъ отрывками является среди нашихъ городокъ въ широкъ мѣстѣ, въ какомъ она была при отжианемъ уже народѣ, чтобы арцъ взглядѣ на неа осѣнила насъ мысль о минувшей ея мысли и погрушая бы насъ въ его бытъ, въ его привычки и стонень пониманія, и вызвала бы у насъ благодарность за его существованіе, бывшее ступенькаю нашего собственнаго возвышенія... Мнѣ прежде приходила очень страшная

мысль: я думалъ, что весьма не лишало бы имѣть въ городѣ одну такую улицу, которая бы вмѣщала въ себя архитектурную летопись, чтобы начиналась она тяжелыми, мрачными воротами, прошедши которыхъ зритель видѣлъ бы съ двухъ сторонъ возвышающіяся величественныя зданія первобытнаго дикаго вкуса, потомъ постепенное измѣненіе ея въ разные виды: высокое преобращеніе въ колоссальную, исполненную простоты египетскую, потомъ въ красавицу греческую, потомъ въ сладострастную александрійскую и византійскую съ плоскими куполами, потомъ въ римскую съ арками въ нѣсколько рядовъ, далѣе вновь исходящую къ дикимъ временамъ и вдругъ потомъ поднявшюся до необыкновенной роскоши арабійскою, потомъ готическою, въцѣломъ искусства, дышащею въ кельнскомъ соборѣ, потомъ страшнымъ смѣшеніемъ архитектуръ, происшедшимъ отъ обращенія къ византійской; потомъ древнею греческою въ новомъ костюмѣ, и наконецъ, чтобы вся улица окончивалась воротами, заключившими бы въ себя стѣжикъ новаго вкуса. Эта улица сдѣлалась бы тогда исторією развитія вкуса, и кто любилъ перевертывать толстыя томы, тому бы стоило только пройти по ней, чтобы узнать все». Это писалъ въ 1831 году — Гоголь. Въ 1854 году, черезъ три года послѣ первой всемірной выставки, его мысль, его завѣтъ были исполнены людьми, никогда объ немъ не слыжавшими, не имѣвшими понятія ни объ одной строкѣ, имъ написанной. Видно, въ воздухѣ нашего столѣтія пахло великими начинаніями, видно, въ немъ носилась потребность небывалой картины всемірнаго искусства. Англичане создали въ дѣйствительности то, о чемъ только темно мечталъ Гоголь, и какъ исполнили! Вознесся сиденгамскій дворецъ, опять на деньги самаго народа, въ нѣсколько дней собранныя, соединенными усиліями лучшихъ талантовъ и ученыхъ всей Англій, вознесся какъ летопись міра, какъ вѣчно открытая книга, гдѣ каждый читаетъ всю прошедшую исторію. Здѣсь, подъ громаднымъ стекляннымъ сводомъ, протянулась та улица, которая когда-то мелькнула въ воображеніи Гоголя. По обѣ стороны великолѣпныхъ бассейновъ съ хрустальными фонтанами и бронзовыми водометными чашами, поддерживаемыми чудными витыми фигурами четырехъ странъ свѣта, разставовились широкими полосами и группами куски архитектуры изъ всѣхъ эпохъ исторій, изъ всѣхъ странъ міра. Но не одна голая, безучастная архитектура явилась въ стѣнѣ и повѣствовательницею исторіи: живопись и скульптура, живительныя ея подруги, пришли и разцвѣтили мертвое ея лицо; вдохнули бьющуюся, волнующуюся жизнь въ ея строгія линии. Цѣлая аллея львовъ разлеглась передъ египетскими святилищами изъ перевязанныхъ какъ египетская мумія колоннъ, и передъ сидящими красивыми колоссами остолбенѣлыхъ египетскихъ бо-

жествь. Стоитъ святилище, покрытое отъ днзю до верху безчисленными цвѣтными сценами божественной и мірской жизни, и начиная отъ этого сѣдаго, сумрачнаго Египта и до веселой, удрубающей изъ подъ цвѣтовъ и гирляндъ папской Италиі рафаэлевскаго и микель-анджеловскаго времени, всё одинъ за другимъ періоды искусства явились тутъ съ лучшими созданіями своего творчества, какъ, свѣтлыя животворныя оазы посреди црозы и глуши остальной жизни. Всё три искусства страстно обнялись въ одно великое, шумно звучащее цѣлос, и вдохновеннѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, раздаются здѣсь, слова великаго поэта нашего времени: «искусство, вмѣстѣ съ зданіями личнаго счастья, единственное несомнѣнное благо; во всемъ остальномъ мы работаемъ или толчемъ воду для челоѣчества, для родины, для извѣстности, для дѣтей, для денегъ, и при томъ разрѣшаемъ безконечную задачу; въ искусствѣ мы наслаждаемся, въ немъ цѣль достигнута». Да, цѣль достигнута въ этихъ созданіяхъ, обступившихъ насъ со всѣхъ сторонъ въ хрустальномъ дворцѣ, въ этихъ регіонахъ статуй, точно поднявшихся со всѣхъ тысячелѣтнихъ гладибищъ міра, и перенесшихся сюда со всей красотой античной даготы, или съ атласомъ, кольчугами, глазетомъ, перьями и жемчугомъ новыхъ эпохъ; въ этихъ безчисленныхъ барельефахъ-живописахъ, цѣлыми полосами, цѣлыми стѣнами повторившихъ здѣсь, монастыри, соборы и дома средневѣковой Европы, въ этихъ созданіяхъ глубокой мысли или тонкой граціи, въ этихъ играющихъ днзяхъ, въ этихъ сіяющихъ краскахъ, въ этихъ несущихся стрѣльчатыхъ сводахъ. Да, никакая книга въ мірѣ, никакія изображенія не создадутъ того впечатлѣнія, которое даетъ эта каменная монументальная исторія. Ассирійскія процессіи и ниневійскіе крылатые истуканы съ колоссальными жрецами возлѣ, вся золотая и ослѣдѣлая Византія, изнѣженная, сверкающая въ пестрыхъ узорахъ Адамбра, гениальная Франція и Германія готическихъ церквей, древняя Греція со своими портиками чудныхъ языческихъ храмовъ и паренорскими барельефами, новая Европа возрожденія, какъ, убранныя на балъ красавица съ головы до ногъ въ золотѣ, завиткахъ и краскахъ, суровый засушленный Римъ, весь изъ солдатъ, авгуровъ и причушихся къ покрывало матронъ, Помпея съ крошечными горенками и садиками, яркими точно пестрѣющая бабочка или свѣтящаяся божья-коровка, Алжиръ съ узорчатыми куполами и арками, сквозной рѣзбой и кустами, встлѣбныя краски безконечныхъ въ своемъ разнообразіи мозаикъ, этихъ колоссальныхъ каменныхъ калейдоскоповъ, то дѣжныя, то деличавыя формы крестиденъ и фонтановъ, голтики и возрожденія, отъ какимъ аккордомъ неслыханныхъ звуковъ, какимъ небывалымъ сочетаніемъ ложится все это разомъ на днзѣ!

Долгіе годы безконечныхъ, неустанныхъ англійскихъ путешествій, цѣлые легионы англійцевъ-путешественниковъ: возводившихъ въ основу и на половину осмѣлившихъ, вслѣду провидѣвшихъ, все видѣвшихъ, все вымѣрившихъ и срисовавшихъ, — вотъ что нужно было для того, чтобы наконецъ, вознѣвша мысль все разомъ, собрать и въдомъ поставить, изъ всего сдѣлать ту общую единую громаду, которой никогда прежде міръ еще не представлялъ. Только въ Англіи могла родиться такая гигантская потребность, только тамъ и, тогда водвестись, такая дикиопическая работа.

И куда же ринулся, куда заключилъ эту исторію міра по памяти, цѣкамъ красоты и гения, эту величавую камениую иллюстрацію, приготавливающую Англію для себя и для всѣхъ народовъ? Въ стеклянную скорлупу, скваченную желѣзомъ, какой прежде Англіи тоже не создало еще ничье воображеніе. «Неужели невозможно созданіе совершенно особенной новой архитектуры, мимо прежнихъ условій?», спрашивалъ Гоголь. Когда дикій и мало развитый человѣкъ, которому одна природа, еще имъ грубо воспринимаемая, служитъ руководствомъ и вдохновеніемъ, создаетъ твореніе, въ которомъ является и красота, и тайный инстинктъ вкуса, — отчего же мы, которыхъ всѣ способности такъ обширно развились, которые болѣе видимъ и воспринимаемъ природу во всѣхъ ея тайныхъ явленіяхъ, отчего же мы не произведемъ ничего совершенно проникнутаго такимъ богатствомъ нашего познанія? Сколько образовъ нами еще вовсе не тронута!.. Въ нашемъ вѣкѣ есть такіа пріобрѣтенія и такіа новыя, совершенно ему принадлежащія, стихіи, изъ которыхъ бездушно можно заимствовать никогда прежде не воздвигаемыхъ зданій». Неужели невозможно это созданіе? Нѣтъ, нѣтъ, возможно! Оно воздвиглось на нашемъ вѣку, передъ нашими глазами; прозаическій, дореволюціонный англичанинъ наполнился вдохновеніемъ, съ грандіозностью котораго нечего равнять, въ его думѣ зачалось и выросло то новое, изъ котораго разрастется цѣлый міръ новыхъ формъ и сочетаній, онъ сложилъ вмѣстѣ всѣ пріобрѣтенія, всѣ силы промышленности и техническаго знанія, и создалъ вдругъ, изъ матеріаловъ и умѣнь, одному нашему вѣку принадлежащихъ, то никогда еще не воздвигавшееся зданіе, которое было невозможно всему прежнему человечеству. Съ привычнымъ вѣрнымъ глазомъ путешественника, обошедшаго цѣлый свѣтъ и восторгавшагося передъ картинами природы всѣхъ странъ, англичанинъ выбралъ великолѣпную мѣстность, возвышенную площадку, почти подлѣ самаго своего Лондона, съ которой на десятки верстъ кругомъ взоръ обнимаетъ виды чудной красоты. Онъ усадилъ эту площадку, посреди и прежде уже богатой растительности ея, всѣмъ драгоценнымъ, что представляютъ лѣса и чащи стараго и новаго свѣта, перерѣзалъ ново-

вознесенными роццъ свои широкими зеркалами бассейновъ, откуда несутся фонтаны выше и массивнѣе всѣхъ остальныхъ въ мірѣ, бросятъ въ одноузъ углу сада цѣлыя острова съ обнаженными пластами земной коры, налегающими одинъ поверхъ другаго сквозь всѣ періоды бы младенческаго и юношескаго роста, и съ каменными допотопными ей чудшцами, исполинскими птицами и четвероногими первыхъ эпохъ творческой природы; выше всѣхъ садовъ и роццей вознесъ нескончаемые ряды террасъ, усѣянныхъ цѣстами и статуями, и, какъ вѣнецъ цѣлаго, какъ торжество творчества, гениа и художества, поставилъ поверхъ всего хрустальный дворецъ свой, эту громадную волшебную скинію, гдѣ помѣстились скривали новаго завіта искусства.

Войдите туда по террасамъ и лѣстницамъ, разлегшимся у подножіа, какъ ступени алтаря, войдите, и васъ обдастъ свѣтомъ и красотой, которыхъ не найдетъ никакой другой музей, никакія нныя коллекціи въ мірѣ. Изъ подъ высокихъ стеклянныхъ сводовъ льются потоки свѣта, солнечные лучи обливаютъ груды яркой зелени, изъ-за которыхъ сверкають облизной и красками статуи, столпы, карнизы и рельефы, шумятъ водопады, органи, точно слонъ тяжело поворачивающійся на пятахъ, гудеть далеко разносящихся звуками, и когда какое нибудь народное дѣло, народный величавый праздникъ собереть въ эти роцци, въ эти хрустальные стѣны сотни тысячи людей, когда они рассыплются шевелящимся разноцвѣтнымъ муравейникомъ по зелени сада, когда наполнять весь прозрачный волшебный дворецъ, обгипать живою массой своей окаменѣлыя чудеса искусства, и вдругъ надъ этой толпой, раздастся съ громады ступенчатата амтеатра тысячный хоръ, соединившіяся въ одинъ аккордъ голоса дѣтей со всѣхъ лондонскихъ школъ, когда понесутся и все собою наполнять колоссальныя звуки Генделя или народные гимны среднихъ вѣковъ, — тогда услышите внутри себя восторгъ и трепетъ невѣдомаго чувства, и скажешь себѣ, что не умерло, не остановилось искусство въ наше вѣкъ, что начинаются у него новыя эпохи, которыхъ ростъ бесконеченъ въ красотѣ, глубинѣ и величинѣ, и что съ благоговѣніемъ взглянуть всѣ будущія поколѣнія на наше время и на то, что дѣлало наше искусство.

В. СТАСОВЪ.

НАШИ ТОЛКИ О НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ.

II.

Учительскіе сѣзды въ харьковскомъ округѣ. (« Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія », 1863, № 3—4).

Когда у насъ принялись недавно за вопросъ о народномъ образованіи, въ нашемъ обществѣ и въ нашей официальной педагогикѣ очень скоро получили интересъ разныя педагогическія идеи и педагогическія учрежденія, о которыхъ до того времени не думали у насъ ни официально, ни не официально. Такова была идея воскресной школы, къ которой общество обратилось съ особенной охотой, какъ одному изъ самыхъ удобныхъ приемовъ распространенія знаній въ массѣ. Таковы были многія другія вещи, занявшія наши педагогическіе и даже не педагогическіе журналы: у насъ заговорили о принципахъ воспитанія, о разныхъ европейскихъ школахъ, о дѣтскихъ садахъ Фрѣбеля, о методахъ преподаванія и т. д., заговорили о необходимости устраивать собранія педагоговъ, какъ они бывають въ Германіи, объ учительскихъ сѣздахъ... До нѣкоторой степени эти толки начинали переходить и въ дѣло.

Когда начались воскресныя школы, многіе господа, смотрящіе на общественныя интересы «ковыряя пальцемъ въ носу», по мѣткому выраженію Гоголя, относились къ нимъ обыкновенно съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ и ироніей, называли ихъ дѣломъ моды, слѣдующей вѣщью, не стоящей вниманія серьезныхъ людей. Мы думаемъ объ этомъ совершенно иначе. Воскресныя школы, только что разрознившіяся у насъ, имѣли конечно свои недостатки, напр. неприготовленность учителей и иногда избытокъ бесполезнаго усердія; но гораздо больше было въ нихъ серьезнаго, истиннаго достоинства. Присутствія ихъ правильному развитію были скорѣе избытны, чѣмъ недостаточны; онѣ не могли расквітнуться столько, сколько были способны. Участіе, которое оказали къ нимъ люди общества, обыкновенно очень тяжелые на подъемѣ въ случаяхъ такого рода, это

участіе показываетъ, что въ воскресныхъ школахъ нашелся бы прекрасный средній терминъ, на которомъ могли сойтись народная потребность съ добрыми стремленіями общества, что въ воскресныхъ школахъ представлялся весьма естественный путь для общественной самодѣятельности. Въ этой самодѣятельности и заключался въ сущности весь вопросъ: имѣло или не имѣло общество сочувствіе къ народной потребности? имѣло ли охоту давать ей свой трудъ и свое время? успѣвало ли оно возбуждать довѣріе къ этому участію и труду въ массѣ, обыкновенно столько недовѣрчивой? могло ли оно надѣяться на положительный и удовлетворительный результатъ этой своей дѣятельности? Воскресныя школы отвѣчали на этотъ вопросъ утвердительно, — въ этомъ не будетъ сомнѣваться ни кто, слѣдившій за ними безпристрастно и безъ упомянутаго выше преобращенія и ироніи.

Успѣхъ воскресныхъ школъ былъ важенъ и въ томъ отношеніи, что онъ весьма осязательно опровергалъ людей, толкующихъ объ особенныхъ свойствахъ русской народности и о непримолжности къ нимъ западныхъ пріемовъ развитія. Идея воскресной школы не русская; это прямо иноземная выдумка, явившаяся у насъ даже съ усовершенствованіями — въ томъ же иноземномъ духѣ; и несмотря на то, школы имѣли огромный успѣхъ, что нельзя не считать удивительнымъ, при обыкновенной неохотѣ нашего простаго народа отдавать дѣтей въ школу и при обыкновенномъ недовѣрціи къ людямъ другого, не простонароднаго класса. Оказалось, что учрежденіе, въ которомъ обращались къ народу просто и доброжелательно, тѣмъ самымъ и приобрѣло себѣ довѣріе; народъ не задавалъ себѣ вопроса о происхожденіи школы, о томъ, соответствуетъ ли она особеннымъ свойствамъ народнаго духа и т. д., о чемъ всегда такъ хлопочутъ его мнимые представители, — и посылалъ массу дѣтей въ школу, гдѣ учиди ихъ порядочно, обращались съ ними очень хорошо.

Вмѣстѣ съ воскресными школами явилась въ томъ кругу общества, который занимался ими, потребность болѣе тѣснаго сближенія для лучшаго достиженія педагогическихъ цѣлей. Начались правильныя педагогическія собранія, на которыхъ сходились специалисты и любители народной педагогики: вмѣстѣ съ общими вопросами, которые необходимо должны были выступить на сцену въ этомъ случаѣ, обсуждались и рѣшались часто и вопросы, которые вызывались ближайшими потребностями преподаванія, школьной организаціи и т. д. Педагогическія собранія были бы безъ сомнѣнія прекраснѣе приготовленіемъ для народныхъ учителей, если бы существовали воскресныя школы, которыя доставляли возможность практической повѣрки и приобщенія общими печаль и заповѣды.

Педагогическія собранія, темне сѣтъ и воскресныя школы; хотя ли конечно свои слабыя стороны, тратя время на вещи неважныя спорили о пустякахъ и т. п., но это было просто неизбежно въ массѣ людей, въ первый разъ заинтересовавшихся вопросами воспитаній и народной педагогикѣ. На первый разъ крайне важенъ былъ уже тотъ фактъ, что люди разныхъ убѣжденій, понятій, образованія, званія, соединились здѣсь однимъ общимъ интересомъ, которому они охотно жертвовали своимъ трудомъ и временемъ. Важно здѣсь было именно начало того, что называютъ общественной инициативой.

Нужно было потратить нѣсколько времени на то, чтобы общество успѣло ориентироваться въ своемъ дѣлѣ, организовать свою правильную дѣятельность, установить главные ея основанія и т. д. Затѣмъ, когда бы эта первая работа была сдѣлана, общество было бы совершенно обезпечено въ успѣхъ своей дѣятельности и полезныя ея результаты... Педагогическія собранія также не совсѣмъ удались, потому что ихъ существованіе было тѣсно связано съ практической дѣятельностью, прекратившейся съ закрытіемъ воскресныхъ школъ. Но общество во всякомъ случаѣ стояло на вѣрной дорогѣ...

Стали говорить наконецъ и объ учрежденіи такихъ педагогическихъ собраній въ болѣе широкихъ размѣрахъ, объ *учительскихъ сѣздахъ*. Такіе учительскіе сѣзды очень обыкновенны въ Германіи и составляютъ безъ сомнѣнія прекрасное средство для распространенія здравыхъ педагогическихъ понятій. На нихъ собирается иногда очень много нубанки, до нѣсколькихъ сотъ народныхъ учителей со всѣхъ концовъ Германіи. Ясно, что тамъ это есть такое же свободное собраніе, составляющееся безъ всякихъ предписаній начальства, какими были упомянутыя выше педагогическія собранія въ Петербургѣ. Учителя народныхъ школъ сѣзжаются добровольно, побуждаемые одной любовью къ дѣлу и желаніемъ расширить свои педагогическія знанія: это желаніе можетъ и дѣйствительно удовлетворяться, потому что на сѣздахъ бывають и лучшіе народные педагоги Германіи, изъ учителей народныхъ школъ, директоровъ семинарій и т. п. Лица, принимающія на себя устройство сѣзда, заранее объявляютъ его программу и указываютъ содержаніе предположенныхъ чтеній и вопросовъ, предлагаемыхъ на обсужденіе. Само собою разумѣется, что эта организациа сѣздовъ, опредѣленіе вопросовъ и т. д. совершаются исключительно по собственной инициативѣ учителей, безъ всякаго оффиціальнаго вмѣшательства какихъ нибудь министерствъ: это было бы не возможно уже и потому, что сѣздъ бы ваетъ какъ бы международнымъ дѣломъ, потому что учителя принадлежатъ къ разнымъ нѣмецкимъ государствамъ и слѣдовательно каждый имѣетъ свои законныя права и свои убѣжденія. Эта независи-

ность и составлять почти наилучшее условіе, при которомъ съезды могутъ быть дѣйствительно полезны.

Изъ мартовской и апрѣльской нижекъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» за нынѣшній годъ мы узнали, что учительскіе съезды происходили уже у насъ, и даже въ довольно значительномъ количествѣ. Это свѣдѣніе очень заинтересовало насъ: и такъ, стремленіе къ усовершенствованію проникаетъ на дѣлѣ въ школьный бытъ нашего отечества; въ харьковскомъ округѣ уже существуютъ тѣ школьныя учрежденія, которыя составляютъ такую прекрасную особенность нѣмецкой народной школы; въ харьковскомъ округѣ предоставляется школѣ возможность того самостоятельнаго движенія и развитія, которой не допускаетъ у себя, какъ извѣстно, прусское министерство. Г. Лавровскій посвятилъ двѣ большія статьи описанію этихъ съездовъ и даетъ подробный отчетъ о томъ, какъ эти съезды происходили. Онъ разсказываетъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ:

«Въ январѣ 1861 года мною представлено было мнѣніе «о педагогическихъ бесѣдахъ въ уѣздныхъ училищахъ и объ учительскихъ съѣздахъ» (Журн. минист. 1861, май). Попечительскій совѣтъ призналъ полезнымъ учрежденіе тѣхъ и другихъ, въ свободное отъ преподаванія время, а на введеніе послѣднихъ г. попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа испрошено было разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія.

Лѣтомъ 1861 года, по краткости времени до начала вакацій, могли быть собраны только въ Харьковѣ учителя ближайшихъ къ нему уѣздныхъ училищъ, такъ что въ томъ же году могъ быть открытъ только одинъ харьковскій съездъ. Лѣтомъ же 1862 года, открыты были учительскіе съезды въ слѣдующихъ городахъ Харьковскаго округа: въ Орлѣ, Ливняхъ, Трубчевскѣ, Новочеркасскѣ, Усть-Медвѣдидкой станицѣ, Лебединѣ, Изюмѣ, Тамбовѣ, Воронежѣ и Курскѣ. Протоколы совѣщаній на всѣхъ учительскихъ съѣздахъ доставлены г. попечителю Харьковскаго учебнаго округа и послѣднимъ переданы на обсужденіе въ попечительскій совѣтъ».

Изъ этого ясно, что характеръ нашихъ съездовъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ обозначеннымъ выше характеромъ съездовъ нѣмецкихъ. Тамъ они бывають дѣломъ самихъ учителей, у насъ они произошли по указаніямъ г. Лавровскаго и по предписанію начальства. Самъ г. Лавровскій ввѣлся представить и отчетъ объ усѣбно-сти предпріятія:

«Такъ какъ въ дѣлѣ объ учрежденіи учительскихъ съездовъ мною принималось было непосредственное участіе, то я почитаю своею нравственною обязанностью сдѣлать, сколько могу и какъ умѣю, обзорніе происходившихъ на съѣздахъ совѣщаній по представленнымъ протоко-

лить и привлеченіемъ къ нимъ широкаго шестирисеи и учившей учащихся училищъ. Будучи въ то же время убѣжденъ, что это новое и бесспорно полезное и важное учрежденіе, независимо отъ частнаго и патристическаго интереса для ближайшаго къ нему учебнаго сословія, нѣмца и общо-педагогическаго интереса, я рѣшился довести свое обсервіе до общаго сѣдѣнія. Сильнѣе побужденіемъ къ такому рѣшенію послужило и то обстоятельство, что совѣщанія учителей свидѣльствуютъ непосредственное отношеніе къ одному изъ важнѣйшихъ и жизненныхъ вопросовъ, къ вопросу о народномъ образованіи, вызванному въ послѣднее время, особенно по случаю пересмотра свѣдѣній и составленія новаго устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, многочисленныя и разнообразныя опыты рѣшеній. Не смотря на неоспоримыя достоинства многихъ изъ этихъ опытовъ, нельзя не замѣтить, что большая ихъ часть основана на общихъ, априорическихъ соображеніяхъ и обнаруживаетъ недостаточное знаніе дѣйствительнаго состоянія нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній и дѣйствующихъ въ нихъ учебныхъ силъ, между тѣмъ какъ дѣйствительная и разумная помощь дѣлу народнаго образованія возможна только при полнотѣ и точности этого знанія: учительскіе сѣзды, представляя всю совокупность своихъ совѣщаній живую и непосредственную характеристику современнаго состоянія народнаго образованія и обращеннаго къ народу многочисленнаго учебнаго сословія, сообщаютъ и будутъ сообщать могущественное и надежное средство къ полному и точному познанію того и другого. При правильной организаціи и при добросовѣстной и усердной дѣятельности, учительскіе сѣзды будутъ жизненнымъ органомъ между народомъ и правительствомъ по дѣлу образованія, вполне компетентными истолкователями нуждъ и потребностей народнаго образованія, вѣрнымъ и точнымъ указателемъ степени, характера и направленія обращающихся въ народѣ знаній».

Было бы слишкомъ долго доказывать подробнымъ разборомъ наше мнѣніе о неудовлетворительности сѣздовъ, описанныхъ г. Лавровскимъ. Мы ограничимся двумя, тремя примѣрами, изъ которыхъ это достаточно обнаружится, — самъ г. Лавровскій не можетъ скрыть, что и онъ остается очень неудовлетвореннымъ.

На одномъ сѣздѣ представлена была между прочимъ записка о преподаваніи русскаго языка, которая по словамъ г. Лавровскаго, «не смотря на значительный объемъ, замѣчательна развѣ только по отсутствію содержанія». Онъ характеризуетъ эту записку слѣдующими словами:

....«Всего непріятнѣе въ этой запискѣ *высокопарность* и какое-то *самохвалство*, что, при *безтолковости* и *безграмотности*, производитъ крайне непріятное впечатлѣніе. Авторъ начинаетъ (преподаваніе русскаго языка) чтеніемъ произведеній лучшихъ отечественныхъ писателей, заставляя въ то же время налагать прочитанное устно и письменно»;

что, как она говорит, «двигая прямо надѣясь на всеобщительный дѣйствіи успѣхъ не только по отечественному языку, но и по другимъ предметамъ, соизволяющимъ всеобщее дѣйствіе образованности въ ширѣ прототельномъ» (!, восклиц. знакъ г. Лавр.). Къ чтенію присоединяется вещественный разборъ и въ то же время *набрасывается листъ тамъ стихомъ», то есть объясняется главная часть рѣчи. Такая обстановка и такое равноправіе въ области науки, по мнѣнію автора, не только не уменьшитъ учениковъ, но несколько расположитъ ихъ въ учителю и заставитъ полюбить науку. Занять ученика, *подобитъ развитію его главныхъ идеаловъ, знакомится съ формами языка. При декламации стихотвореній лучшихъ отечественныхъ писателей, узнаютъ ученики и частоту языка, и языкъ народа, и есть поводъ въ образованію. Сложныя и простыя сказы, полагаетъ ихъ по мѣсту занимаемому, или по выраженію, разбирая практически, поддерживаются доказательствами теоріи изъ руководствъ Чернышевскаго и Булагова» и т. д. и т. д. (апрѣль, стр. 26).**

Въ другой запискѣ выводится, что такъ какъ въ училищѣ всѣ предметы преподаются на русскомъ языкѣ, то учитель русскаго языка долженъ быть готовъ объяснить ученику все, что касается всѣхъ предметовъ: «поле, какъ говоритъ авторъ, самое обширное!» А между тѣмъ, по замѣчанію г. Лавровскаго, все дѣло ограничивается обученіемъ грамматикѣ, при чемъ объясняется каждое слово учебника, дѣлаются дополненія и *вмущается сочувствіе къ предмету. Мы не будемъ указывать другихъ разсужденій — о преподаваніи русскаго языка, географіи, о значеніи историческаго преподаванія, — написанныхъ съ такимъ же стремленіемъ къ глубокомыслію. Приведеннаго примѣра достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о значительной массѣ этихъ официальныхъ задачъ, заданныхъ въ харьковскомъ округѣ учителямъ народныхъ училищъ. Ясно, что если подобныя вещи пишутся такъ, а не иначе, если въ нихъ является высокопарность и другія качества, указанныя г. Лавровскимъ, причина этого заключается просто въ томъ, что учителю предписывается, во что бы ни стало, представить ученую записку; онъ знаетъ, что записка назначается для начальства, что ее будетъ разбирать попечительскій совѣтъ, что на основаніи ея будутъ дѣлаться заключенія о состояніи «учебныхъ силъ», т. е. и объ немъ самомъ, — и онъ выкапываетъ всю педагогическую мудрость, какую только можетъ придумать. Изъ чтенія разборовъ г. Лавровскаго можно однако убѣдиться, что во многихъ изъ этихъ «высокопарныхъ и безтолковыхъ» записокъ встрѣчаются и мысли совершенно здравыя, которыя авторъ и съумѣлъ бы сказать удобопонятно и не безъ пользы для дѣла, не избываясь на ненужныя ходули. А часто встрѣчается и другое: предписаніе или чистая случайность вызываютъ иногда учителя говорить о вещахъ, о которыхъ онъ прежде вовсе не за-*

давать себѣ вопроса, и въ результатѣ опять оказываются вещи довольно странными. На одномъ сѣздѣ представляется напр. вопросъ о томъ: *есть ли учителя обязаны имѣть въ виду нравственность учениковъ?* Нѣкоторые члены были того мнѣнія, что образованіе сердца и вообще нравственная сторона дѣтей должна лежать исключительно на обязанности законоучителя. Впрочемъ вопросъ рѣшенъ не въ пользу этой монополіи, но единственно по той причинѣ, что «бываютъ и такіе законоучители, которые считаютъ учебникъ единственнымъ звеномъ, связующимъ ихъ съ учениками, и вовсе не обнаруживаютъ серьезнаго желанія дѣйствовать евангельскими истинами на развитіе нравственности въ дѣтяхъ». Члены сѣзда наши должны доказать, что предосудительные и безчестные поступки учениковъ могутъ быть осуждаемы, а также и нравственныя обязанности внушаемы *и другими учителями*, независимо отъ законоучителя, и что это осужденіе и эти внушенія вѣрнутся глубже въ память учениковъ, когда они будутъ слышать ихъ не отъ однихъ законоучителей (апрѣль, стр. 32).

Изъ подобныхъ примѣровъ можно видѣть, что въ нѣкихъ случаяхъ участникамъ сѣздовъ не доставало и весьма элементарныхъ педагогическихъ приѣмовъ и свѣдѣній, и можно желать, чтобы на будущихъ сѣздахъ не появлялись больше вопросы о томъ, которому изъ учителей слѣдуетъ имѣть нравственное вліяніе на учениковъ и которому не слѣдуетъ. Правда, членамъ сѣзда и теперь показалось, что это нравственное вліяніе можетъ имѣть каждый изъ учителей, но основанія, по которымъ они пришли къ этому заключенію, все еще неясны. Найдись законоучитель хорошій, учитель, по ихъ мнѣнію, могутъ пожалуй сложить съ себя эту заботу. Самый вопросъ объ этомъ предметѣ является на сѣздѣ чѣмъ-то случайнымъ; о немъ можно было говорить и не говорить, — «нѣкоторымъ», очевидно, онъ былъ совершенною новостью. Членамъ сѣзда, очевидно, недостаетъ иногда понятій очень крупныхъ, и поправить ихъ недостатокъ одними сѣздами намъ кажется довольно мудрено.

На лебединскомъ сѣздѣ представлена была однимъ изъ присутствовавшихъ учителей записка о собираніи учителями уѣздныхъ училищъ и гимназій историческихъ, этнографическихъ и т. д. свѣдѣній и прозаическій народный поэзіи, — предметъ, опять попавшій на сѣздѣ совершенно случайно. Такъ какъ вся исторія со сѣздами приняла чисто официальное направленіе, то и составитель этой записки предлагаетъ выполненіе своего проекта чисто канцелярскимъ способомъ. Г. Давровскийъ въ слѣдующихъ словахъ передаетъ содержаніе этого проекта:

«Сказавъ о необходимости, для успѣховъ съ каждымъ годомъ усиливающагося изученія нашего отечества и въ современномъ его состоя-

ним, и въ вышнихъ судьбахъ его исторической жизни, предварительнаго собранія по всей Россіи упомянутыхъ съѣздовъ, г. К. предлагаетъ снабдить для этой цѣли учителей гимназій и уѣздныхъ училищъ открытыми листами, казенными подорожными и прогоновыми деньгами (передъ отъѣздомъ учителю уѣзднаго училища 25 р., учителю гимназій 40 р., а по представленіи отчета остальные прогоныи деньги) и копейками (75 коп. въ сутки). Собранные матеріалы тѣ и другіе должны представлять въ попечительскій совѣтъ при харьковскомъ университетѣ (дѣло идетъ о харьковскомъ округѣ), для рассмотрѣнія и напечатанія въ губернскомъ сборникѣ, при чемъ должно быть предоставлено собирателямъ право печатать ихъ до изданія сборника въ современныхъ газетахъ и журналахъ за особую плату отъ редакцій. Экземпляры отпечатанныхъ сборниковъ должны быть разсылаемы въ бібліотеки гимназій и уѣздныхъ училищъ, а вырученную отъ продажи сумму, за уплатою всѣхъ расходовъ по заданію, раздѣлять между собирателями, по опредѣленію попечительскаго совѣта, выдѣляя изъ нея назначенную также совѣтомъ часть лицамъ, принявшимъ на себя редакцію сборника. Губернскія, уѣздныя и сельскія власти, какъ гражданскія, такъ и духовныя, по предписанію отъ губернскаго начальства, должны содѣйствовать собирателямъ всеми зависящими отъ нихъ средствами» (амр., стр. 39).

Г. Лавровскій нашелъ нужнымъ объявлять въ отвѣтъ на это предложеніе, что произведенія народной поэзіи и т. п. не собираются такими полицейскими средствами. Мы думаемъ. Но это предложеніе занимательно для насъ въ другомъ отношеніи, потому что очень наглядно показываетъ, какъ вообще привыкаютъ думать люди, которые видятъ кругомъ себя одну оффиціальную жизнь и которыхъ — къ исполненію ихъ собственной дѣятельности — вызываютъ такими же средствами.

Въ самомъ дѣлѣ, каковы бы ни были «учебныя силы», собиравшіяся на съѣздахъ, какъ бы ни были слабы ихъ средства для подобной дѣятельности, но въ неудовлетворительности и странности ея результатовъ значительная, даже главная доля принадлежитъ тому способу, который былъ употребленъ для составленія съѣздовъ. Эти съѣзды были для ихъ участниковъ только исполненіемъ предписанія начальства; на съѣздѣ эти участники собирались точно такъ же, какъ собираются представляться начальству; разсужденія и мнѣнія ихъ были конечно крайне оффиціальны. Мы не говоримъ о немногихъ исключеніяхъ, если они были. Въ этомъ характерѣ съѣздовъ мы, разумѣется, ни на минуту не подумаемъ обвинять самихъ участниковъ: это было бы крайней несправедливостью. Они съ своей стороны исполнили все, что отъ нихъ требовалось.

Этотъ оффиціальнѣйшій характеръ съѣздовъ ясно выдѣляется и изъ описанія г. Лавровскаго. Возьмемъ для примѣра нѣсколько случаевъ. На первомъ съѣздѣ, Орловскомъ, предсѣдатель открылъ съѣздъ вступительной рѣчью, въ которой, указавши въ общихъ чертахъ назначеніе съѣзда, выразилъ желаніе, чтобы члены съѣзда

«въ выраженіи своихъ мнѣній не стѣснялись никакими служебными отношеніями» (мартъ, стр. 351). Это прекрасно; но не смотри на это «не стѣсняться», этотъ самый съѣздъ въ своихъ постановленіяхъ, говоря о программахъ преподаванія, записываетъ слѣдующее: «что касается до препятствій, какія можетъ встрѣчать разумно понимающій дѣло учитель со стороны начальствующихъ лицъ, требующихъ отъ него неуклоннаго выполненія программы, то это, какъ выяснится отъ личности начальствующихъ, не подлежитъ обсужденію» (тамъ же, стр. 370). Съѣздъ, не смотря на вызовъ председателя, не рѣшился даже и предложить на обсужденіе такого мудредаго обстоятельства: изъ этого довольно ясно видно положеніе «разумно понимающаго дѣло» учителя.

На лебединскій съѣздъ явилось немного учителей; остальные, по словамъ г. Лавровскаго, «не могли явиться или по болѣзни, или по увольненію въ отпускъ до полученія предписанія о съѣздѣ». Тѣмъ не менѣе засѣданія начались, и «въ началѣ перваго засѣданія, собравшіеся члены выразили полное убѣжденіе въ благотворномъ дѣйствіи съѣздовъ на ихъ дальнѣйшій трудъ» и т. д. Эти выраженія убѣжденій повторялись чуть не на каждомъ съѣздѣ; они могли быть иногда и искренни, но намъ кажется трудно угадать, до которыхъ поръ шла здѣсь искренность.

Участники изюмскаго съѣзда просто не знали, что имъ дѣлать на съѣздѣ; они опять собрались только потому, что нужно было исполнить предписаніе начальства. На этомъ съѣздѣ, рассказываетъ г. Лавровскій, «большая часть времени посвящена чтенію и слушанію мнѣній и наименьшая часть занята была устнымъ обсужденіемъ мнѣній и вообще свободнымъ и живымъ обсужденіемъ разныхъ предметовъ училищнаго обученія и училищной дисциплины. Послѣдняго рода дѣятельности, можно сказать, даже не видно» (апрѣль, стр. 45). Это не нравится г. Лавровскому. «Весьма легко представить себѣ засѣданія изюмскаго съѣзда, продолжастъ онъ: — прочитается письменное мнѣніе, состоящее большею частію изъ *общихъ фразъ*, изрѣдка слѣдуетъ два, три замѣчанія, какъ будто потому, что нельзя же вѣдь обойтись совсѣмъ безъ замѣчаній, затѣмъ читается слѣдующее мнѣніе и т. д., до послѣдняго засѣданія. Такой способъ дѣйствій не можетъ быть названъ соответствующимъ цѣли даже и тогда, когда бы отдѣльныя письменныя мнѣнія отличались замѣчательными достоинствами... потому что та же польза отъ письменныхъ мнѣній могла бы быть достигнута *вовсе безъ съезда*, посредствомъ пересылки мнѣній изъ одного училища въ другое для свѣдѣнія. Протоколы изюмскаго съѣзда могли быть написаны *вовсе безъ засѣданій*... Мы не находимъ въ этомъ ничего удивительнаго; напротивъ, это совер-

шенно естественно. Если г. Лавровский подумает внимательно об официальном происхождении съездовъ, онъ перестанетъ кокетиво и удивляться, и огорчаться замѣчательнымъ явленіемъ; онъ самъ увидитъ, что такъ оно и должно было быть. Въдѣ и самыя записки написаны были только потому, что въдѣ нельзя же было не написать...

На курскомъ съѣздѣ предсѣдателемъ съѣзда былъ директоръ училищъ Курской губерніи. Предсѣдатель-директоръ самъ даже и составилъ отчетъ о съѣздѣ, избавивши отъ этой заботы своихъ подчиненныхъ. Самъ г. Лавровский, несмотря на все его сочувствіе къ съѣздамъ, происходившимъ по распоряженію начальства харьковскаго учебнаго округа, находитъ это присутствіе директора, въ качествѣ предсѣдателя, неумѣстнымъ. «Что бы и какъ бы *краснорѣчиво* ни говорили о преимуществахъ и пользѣ предсѣдательства директора: что учителя, по непритовленности своей, не могутъ съ успѣхомъ дѣйствовать на съѣздахъ безъ руководства, что директоръ ближе знакомъ съ *мажоритскими* достоинствами, недостатками и потребностями, что присутствіе директора возбудитъ въ дѣльныхъ учителяхъ желаніе блеснуть своими знаніями (!) и т. д., — что бы ни говорили о такихъ преимуществахъ предсѣдательства директора, при самомъ простомъ соображеніи взгляда училищнаго сословія на свои отношенія къ послѣднему, это предсѣдательство, по нашему рѣшительному убѣжденію, повлечетъ за собою стѣсненіе свободы и непринужденности сужденій, стѣсненіе самостоятельности и самодѣтельности членовъ, *краснорѣчивое* молчаніе, господство мнѣній директора и слѣпое, безотчетное подчиненіе этимъ мнѣніямъ». Это совершенно справедливо; и дальѣйшее разсужденіе г. Лавровскаго объ этомъ предметѣ миритъ насъ со многими его собственными понятіями о съѣздахъ. «А что, — спрашиваетъ онъ, — если эти мнѣнія (директорскія), догматически предлагаемыя къ исполненію, не только будутъ парализировать личныя убѣжденія членовъ, но еще и прямо погрѣшать противъ истины и противъ педагогики и дидактики въ частности?... А что, если директоръ проникнутъ гордымъ сознаніемъ такого величія, которое не только исключаетъ всякую самостоятельность мнѣнія, но и *тотого на мѣсть* учителю, за предпочтеніе послѣднимъ своего личнаго мнѣнія? Нельзя же сказать, что такіе экземпляры уже совсѣмъ перевелись на святой Руси». Справедливость этихъ словъ оправдывается на курскомъ съѣздѣ, гдѣ присутствіе начальства произвело свое обыкновенное дѣйствіе. Какъ мы замѣтили, само начальство и составило донесеніе о съѣздѣ: «гдѣ же самый съѣздъ, спрашиваетъ г. Лавровский, читавшій это донесеніе, — и при томъ съѣздъ столь многочисленный... гдѣ же его совѣщанія, что же говорили и писали члены о предметахъ, предложенныхъ для обсужденія, какъ дошли они до своихъ заключеній? Вы не видите членовъ съѣзда даже въ самыхъ общихъ

ихъ очеркахъ, хотя и видите подписи, свидѣтельствующія о дѣйствительномъ присутствіи на сѣздѣ; слышите ихъ глухое согласіе на предложеніе директора *вести между собою переписку для разрѣшенія нѣкоторыхъ сомнительныхъ педагогическихъ вопросовъ* (11)... и въ то же время чувствуете, что такое предложеніе едва ли осуществимо въ настоящее время и едва ли поведетъ къ чему» и т. д. (апрѣль, стр. 55—56). Это предложеніе о перепискѣ есть воски- тельный образчикъ бюрократической наивности. Всякій, кто сколько нибудь знакомъ со школьнымъ бытомъ нашего отечества, конечно, ницолнѣ согласится съ этимъ. Въ дополненіе къ этимъ чертамъ кур- ского сѣзда, мы замѣтимъ еще одну подробность, приведенную г. Лав- ровскимъ. По словамъ г. директора, составителя отчета, сѣздъ на- полнилъ сердца подчиненныхъ благодарностью къ некущемуся о нихъ начальству: «мнѣ приходилось, говорить г. директоръ, слышать отъ многихъ изъ этихъ лицъ (учителей), особенно отъ тѣхъ, которые относились болѣе оочувствованно къ дѣламъ педагогическихъ сѣздовъ, выраженіе, по видимому, непритворнаго удовольствія отъ академи- ческаго гонченія въ Курскѣ и засвидѣтельствованіе *почтительной признательности* высшему училищному начальству, устанавившему подобныя сѣзды».

Таковы были наши первые учительскіе сѣзды. Очевидно, что въ нихъ не было ни малѣйшаго сходства съ тѣми учительскими сѣз- дами въ Германіи, о которыхъ мы упоминали въ началѣ и которые послужили безъ сомнѣнія образцомъ для тѣхъ, кто придумывалъ сѣз- ды харьковскаго учебнаго округа. Г. Лавровскій чувствовалъ неудо- летворительность сѣздовъ, которыхъ онъ былъ историкомъ, и въ концѣ своей статьи высказываетъ «рѣшительное» убѣжденіе въ необ- ходимости свободы, независимости и самостоятельности сѣздовъ, — но изъ тѣхъ словъ, которыми онъ начинаетъ свое обзорѣніе сѣз- довъ и которыя были приведены нами выше, ясно, что онъ недоста- точно опредѣнилъ себѣ, въ чемъ должна быть эта свобода и незави- симость.

Главную пользу сѣздовъ г. Лавровскій указываетъ въ томъ, что черезъ нихъ можно будетъ имѣть «средство къ полному и точному познанію состоянія народнаго образованія и учебнаго сословія». Та- ково и было въ самомъ дѣлѣ значеніе описанныхъ имъ сѣздовъ: посторонній наблюдатель только и могъ замѣтить изъ нихъ, что силы нашего учебнаго сословія очень слабы. Но настоящая польза сѣздовъ могла бы и должна бы быть совершенно иная, и появленіе ихъ должно было бы имѣть совершенно иную причину, чѣмъ та, которая вызвала ихъ теперь: вообще, сѣздъ будетъ имѣть смыслъ только тогда, когда онъ вызывается дѣйствительной потребностью и охотой самихъ участ- никовъ, т. е. учителей. Только тогда, при *такомъ свободномъ устрой-*

ствѣ, члены съѣзда будутъ чувствовать себя дѣйствительно независимыми и свободными, только тогда будетъ возможенъ между ними живой и полезный размѣвъ мыслей. Но и этого еще мало. Г. Лавровскій думаетъ, что для достиженія этой свободы достаточно будетъ и того, если директоръ не будетъ стѣснять учителей своимъ присутствіемъ и предлагать себя въ предсѣдателя. Но на орловскомъ съѣздѣ, кажется, не было предсѣдателя изъ директоровъ, учителя вели свободно свою бесѣду, предсѣдатель даже възывалъ ихъ не стѣсняться, — но на дѣлѣ учителя все-таки не рѣшились обсуждать вещей, зависящихъ «отъ личности начальствующихъ». Слѣдовательно дѣло не въ матеріальномъ присутствіи директора, а въ нравственномъ состояніи нашего низшаго учительскаго сословія. Слѣдовательно, для правильнаго существованія съѣздовъ нужны болѣе широкія условія, чѣмъ одно отсутствіе господина директора.

Мы видѣли, что съѣзды были чисто официальные собранія, и что отъ г. Лавровскаго не скрылись разныя страхи, происходившія на съѣздахъ, напр. на изюмскомъ, члены котораго просто не знали, что имъ дѣлать на съѣздѣ: прочитали заказанныя мѣнія и не могли даже придумать, о чемъ имъ послѣ этого говорить. Все это произошло по нашему убѣжденію отъ того, что съѣздъ былъ обязательенъ, и что у гг. учителей не было къ нему ни малѣйшей охоты, или была охота, но къ съѣзду совершенно иного рода.

Въ самомъ дѣлѣ изъ-за чего было хлопотать имъ? Неужели у этихъ людей могла явиться охота высказываться откровенно и свободно, когда для нихъ было ясно, что съѣздъ—это та же ревизія, начальническій осмотръ, только въ другой формѣ. Учителямъ даются задачи, на съѣздѣ эти задачи должны читаться, для учителей устроены пригварные турниры, они должны критиковать и оспаривать другъ друга, — единственно для того, чтобы желающіе могли судить объ ихъ свѣдѣніяхъ и т. п. Другаго смысла съѣзды очевидно не имѣли, и вслѣдствіе того, учителя или пускались въ высокопарныя пелѣности или выполняли только требуемую форму, прочитывали задачи и расписывались въ своемъ присутствіи. Какая была нужда имъ дѣлать чтонибудь иное. Донесенія съѣздовъ представлялись высшему начальству, оно поручало разбирать ихъ свѣдущимъ людямъ, свѣдущіе люди писали свои замѣчанія и реприманды, и наконецъ, эти замѣчанія предаются тисненію. Чѣмъ же виноваты участники съѣздовъ, уязвимые учителя, подвергшіеся теперь публичнымъ репримандамъ? Если ихъ познанія не достаточны и мѣнія ошибочны, начальство сдѣлало бы лучше, еслибы просто составило для нихъ наставленія и разослало ихъ по училищамъ. Эти наставленія могъ бы составить тотъ же г. Лавровскій: онъ бы только избѣгнулъ необходимости употреблять все буквы именъ, которыя на мѣстѣ будутъ конечно для

вѣхъ доплатъ. Малоли, правда, отдать справедливость г. Лавровскому, что онъ вообще очень деликатно относится къ предметамъ своей критики, во въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ все-таки не удержался отъ жесткихъ указаній или намековъ, которые будутъ поняты и бесполезно оскорбятъ самолюбіе скромнаго уѣзднаго учителя, исполнившаго то, что отъ него требовали.

Мы полагаемъ, что большинство учителей, собиравшихся на сѣздахъ, не иначе и смотрѣло на сѣзды, какъ на задачу, заданную для испытанія учителей, какъ особенный родъ такъ называемой «визитации». Сѣзды писали свои отчеты и представляли оные на благоусмотрѣніе начальства. Только въ орловскомъ сѣздѣ намъ встрѣтилась фраза, какъ будто указывающая нѣкоторую самостоятельность мнѣнія: тамъ было именно принято, «чтобы каждое мнѣніе считалось *областельнымъ* только по одобреніи значительнымъ большинствомъ». Но члены орловскаго сѣзда очевидно находятся въ недоразумѣніи: какая же обязательность? Вѣдь протоколы будутъ еще разсматриваться начальствомъ и ученымъ попечительскимъ совѣтомъ? Быть можетъ еще, что это мнѣніе, принятое вашимъ большинствомъ, и не будетъ утверждено.

Можно пожалѣть, что г. Лавровскій, при его сочувствіи къ дѣлу народнаго образованія, при его искреннемъ желаніи защитить учительское сословіе отъ директорскаго высокоумія и дать ему возможную самостоятельность, сдѣлался истолкователемъ описанныхъ учительскихъ сѣздовъ, устроенныхъ по канцелярскому предписанію. Если они нужны для того, чтобы провѣрить учителей, узнать состояніе учебныхъ силъ, то этого можно было бы достигнуть и безъ этой процедуры сѣздовъ. Во первыхъ, начальство просто могло бы вытребовать записки учителей въ попечительскій совѣтъ, не заставляя учителей развѣзжать попустому; во вторыхъ, разсудительный директоръ или инспекторъ училищъ и безъ того хорошо знаетъ состояніе учительскаго сословія. Мало того, это сословіе приблизительно вѣрно извѣстно даже и каждому, кто нѣсколько близокъ къ управленію народнымъ образованіемъ. Если говорится о состояніи учебныхъ силъ, о средствахъ увеличить и улучшить ихъ, дѣло идетъ, конечно, объ общемъ вопросѣ и общихъ мѣрахъ, а для этого сѣзды почти совершенно бесполезны; по крайней мѣрѣ, неудобствъ и принужденія въ нихъ будетъ, при этомъ порядкѣ ихъ, гораздо больше, чѣмъ удобствъ и пользы.

Г. Лавровскій замѣтилъ далѣе, что многіе учителя, участвовавшіе въ сѣздахъ. (не большинство ли?) не могутъ похвалиться точнымъ пониманіемъ педагогическаго значенія своихъ предметовъ, что сужденія ихъ о приѣмахъ преподаванія крайне неопредѣленны и неясны. Онъ не рѣдко указываетъ весьма странные примѣры этого рода и по-

стоянно находятъ нужнымъ поправлять ошибки учителей. Намъ кажется, что этимъ средствомъ трудно помочь горю, состоящему въ положительномъ недостаткѣ педагогическаго образованія нашихъ народныхъ учителей. На съѣздахъ одна неопытность будетъ встрѣчаться съ другою неопытностію, одна ошибка будетъ усиливать другую ошибку, и придется конечно очень долго ждать, пока собирающіеся учителя дойдутъ наконецъ своимъ умомъ до правильныхъ понятій о дѣлѣ. Многіе учителя брали свои записки назадъ, убѣдившись на съѣздахъ въ ихъ невѣрности, и г. Лавровскій можетъ возразить намъ этимъ фактомъ, видя въ немъ положительный и полезный результатъ съѣзда: но, во первыхъ, у насъ нѣтъ ручательства за то, что эти учителя дѣйствительно замѣнили свои невѣрные понятія вѣрными; во вторыхъ, это средство исправленія учителей слишкомъ случайно, чтобы его можно было употребить постояннымъ орудіемъ ихъ улучшенія. Недостатокъ педагогическаго образованія долженъ быть исправленъ правильнымъ доставленіемъ этого образованія, — учрежденіемъ педагогическихъ курсовъ, возвышеніемъ требованій отъ народнаго учителя, указаніемъ пособій, чѣмъ хотите, но во всякомъ случаѣ мѣрой широкой и положительной.

И такъ, учительскіе съѣзды не нужны? Нѣтъ, они нужны, но въ совершенно иномъ видѣ. Они нужны только тогда, когда потребность ихъ будетъ чувствоваться и выражаться самими учителями; а не по заказу. Когда эта потребность почувствуется настоящимъ образомъ, когда народные учителя будутъ дорожить искренно своимъ дѣломъ и перестанутъ считать его одной службой, — тогда между ними будутъ находиться и люди, понимающіе дѣло серьезно, которые будутъ говорить на съѣздахъ о дѣйствительныхъ потребностяхъ школы и школьнаго преподаванія, а не предаваться высокопарному пустословію. При этихъ условіяхъ съѣздъ уже не будетъ нуждаться въ канцелярскихъ руководствахъ; записки его обойдутся и безъ помѣтокъ начальства: «хорошо», «худо», «изрядно» и т. п., и результатъ съѣзда не будетъ годенъ только на одно «почтительнѣйшее» донесеніе начальству, а самостоятельно войдетъ здоровымъ элементомъ въ преподаваніе и дисциплину. Начальство само отстранится, чтобы не стѣснять самостоятельности учительскаго сословія и открыть дѣйствительную возможность того саморазвитія, о которомъ мы всѣ столько хлопочемъ на словахъ. Когда будетъ возможна такая самобытная дѣятельность учительскаго сословія, трудно еще сказать. Собственно говоря, она, въ извѣстныхъ размѣрахъ, возможна даже и въ настоящую минуту; мы указывали уже, что эта самобытная инициатива выражалась уже въ основаніи воскресныхъ школъ, педагогическихъ собраній и въ другихъ учрежденіяхъ, — но имъ не посчастливилось внѣшнія обстоятельства. Мы полагаемъ, что если эти внѣшнія обстоятельства измѣнятся, общественная инициатива явится вновь, и народные учителя, не только въ большихъ центрахъ, но и въ провинціальныхъ городкахъ почувствуютъ жажду улучшенія и самобытной работы и сами будутъ желать устраивать учительскіе съѣзды въ новой, намъ указанной формѣ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ПАРЛАМЕНТСКОЕ ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО.

(Государственный строй Англіи. Соч. Фишеля. Перев. Цейдлера. Спб. 1862 г. — Парламентское дѣлопроизводство по англійскимъ источникамъ. Погорнаго-Подольнаго. Вып. I. II. Москва, 1862 г.).

Въ настоящую минуту, почти во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ, происходятъ засѣданія парламентовъ, палатъ и разнаго рода другихъ представительныхъ собраній. Эти собранія представляютъ собою средоточіе открытой политической дѣятельности государствъ. Путемъ парламентовъ и парламентскихъ разсужденій, доходятъ до свѣдѣнія общественнаго мнѣнія всѣ важные моменты въ жизни государствъ, всѣ законодательныя мѣры и законы и всѣ общія дѣйствія администраціи. Такимъ образомъ значительная часть современной исторіи совершается подъ формою парламентовъ и парламентскихъ преній. Иностранныя газеты, а вслѣдствіе этого и русскія, почти на половину наполняются отчетами о парламенскихъ засѣданіяхъ и преніяхъ. А между тѣмъ большинство русскихъ читателей даже по наслышкѣ и по теоріи не знакомо съ парламентскимъ дѣлопроизводствомъ, что очень затрудняетъ пониманіе хода и самой сущности преній. Терминовъ парламенскаго дѣлопроизводства у насъ нѣтъ, да

ихъ и не могло быть; въ переводѣ ихъ на русскій языкъ нѣтъ однообразія. Не только читатели, но даже часто и писатели га-зетъ, не понимаютъ этихъ терминовъ, которые иногда перево-дятся словами безсмысленными, или выражающими мысль со-вершенно противную той, какая заключается въ терминѣ. По-этому нельзя не одобрить мысли Г. Погорнаго-Подольнаго, ко-торый захотѣлъ познакомить русскую публику съ парламентскимъ дѣлопроизводствомъ; но онъ ограничился только англійскими источниками, т. е. точнѣе говоря, только дѣлопроизводствомъ англійскаго парламента, и въ изложеніи обращаетъ вниманіе на мелочи и подробности, затемняящая сущность дѣла. Главный недостатокъ вышедшихъ доселѣ его выпусковъ есть неясность и сбивчивость изложенія, а потому какая-то странная манерность въ мысляхъ и изложеніи. Часто онъ ни съ того ни съ сего пу-скается въ проповѣдь и избытыя моральныя назиданія, совер-шенно не идущія къ дѣлу. — Сочиненіе Фишеля мало занимается парламентскимъ дѣлопроизводствомъ; оно имѣетъ своимъ пред-метомъ весь государственный строй Англій и обращаетъ преимуще-ственное вниманіе на исторію этого строя, такъ что истори-ческая сторона часто заслоняетъ собою существующую и дѣй-ствующую сторону государственнаго строя. — Въ настоящей статьѣ мы нажѣрены представить краткій очеркъ парламентскаго дѣлопроизводства вообще, а не по англійскимъ только источни-камъ, заимствуя изъ другихъ источниковъ то, чего не достаетъ у Фишеля и г. Погорнаго-Подольнаго.

Парламентомъ мы называемъ представительное собраніе, т. е. собраніе лицъ, избранныхъ народомъ для того, чтобы они пред-ставляли собою и выражали желаніе и голосъ народа относи-тельно государственныхъ дѣлъ, чтобы они направляли эти дѣла сообразно съ мыслию и благомъ всего народа. Идея народнаго представительства въ государственныхъ дѣлахъ очень проста и естественна. Возникаетъ какое нибудь дѣло, касающееся посред-ственно, или непосредственно всѣхъ людей, составляющихъ одно политическое тѣло, одно государство; эти люди собираются вмѣ-стѣ, обсуживаютъ дѣло, рѣшаютъ его известнымъ образомъ, и по-томъ кому нибудь изъ среды себя поручаютъ исполненіе рѣшенія. Такъ это и было въ древнихъ греческихъ государствахъ, напр. въ Афинахъ или Спартѣ; возникаетъ вопросъ, — нужно ли воевать съ тѣмъ, или другимъ сосѣдомъ; народъ собирается на площадь и разсуждаетъ о вопросѣ; является какой нибудь Демосфенъ,

убиждаетъ народъ, что война нужна, или не нужна; народъ убиждается и сообразно своему убѣжденію рѣшаетъ вопросъ, и если рѣшится на войну, то и поручаетъ ее вести какому нибудь Оемистоклу. Вотъ идеальный типъ народнаго представительства и парламента. Въ новыхъ государствахъ, вслѣдствіе ихъ болѣе или менѣе обширнаго объема, и вслѣдствіе многосложности и искусственности государственныхъ дѣлъ, такой видъ представительства неудобенъ и даже невозможенъ. Нѣтъ физической возможности собраться вмѣстѣ и рассуждать огромной массѣ въ нѣсколько сотъ тысячъ и даже въ нѣсколько милліоновъ. Кромѣ того, не всѣ члены государства могутъ понимать государственныя отношенія и судить о государственныхъ дѣлахъ. Вслѣдствіе этого члены государства изъ среды себя избираютъ нѣсколько способныхъ и знающихъ представителей и передаютъ имъ свою волю и свой голосъ для рѣшенія государственныхъ дѣлъ. Эти выборные и составляютъ собою представительное собраніе. — Представительство въ новыхъ государствахъ, уклонившись по формѣ и по виду отъ чистой идеи представительства, уклонилось отъ нея и по содержанию, по сущности. По идеѣ представительства собраніе представителей отъ всѣхъ членовъ государства должно быть первымъ и главнымъ элементомъ; изъ него, какъ изъ олицетвореннаго выраженія общей воли, должно истекать все въ государствѣ, всякая государственная дѣятельность и всѣ орудія этой дѣятельности; представительство, какъ первый элементъ, творитъ изъ себя второй элементъ, силу, или власть исполнительную, приводящую въ дѣйствіе опредѣленія представительнаго собранія. Фактически такое положеніе представительства существуетъ только въ Англии, а по праву оно существуетъ въ сѣвероамериканскихъ и швейцарскихъ штатахъ. Въ другихъ же западноевропейскихъ государствахъ, представительство существуетъ въ извращенномъ видѣ; въ нихъ второй элементъ, власть исполнительная, занимаетъ первое и главное мѣсто; напротивъ, первый элементъ, представительство, имѣетъ даже не второстепенное, а третъестепенное значеніе. Исполнительный элементъ даже имѣетъ власть надъ представительствомъ; онъ долженъ былъ бы только служить орудіемъ представительства, а между тѣмъ на дѣлѣ онъ выше представительства, управляетъ имъ, какъ своимъ орудіемъ. Исполнительный элементъ въ этихъ государствахъ присвоилъ себѣ власть, не зависящую отъ общей воли, отъ представительства, и представительство не управляетъ хо-

домъ государственныхъ дѣлъ, а только допускается къ участию въ нихъ, ему принадлежитъ не все рѣшеніе, а только часть рѣшенія, участіе въ рѣшеніи. Рѣшенія и опредѣленія одного представительства не имѣютъ законной и обязательной силы до тѣхъ поръ, пока они не будутъ утверждены исполнительнымъ элементомъ, который такимъ образомъ можетъ уничтожать рѣшенія представительства.

Такое неестественное положеніе представительства въ современныхъ государствахъ выработалось исторически. Въ те времена, когда государства организовались и каждое изъ нихъ представляло собою одно сосредоточенное цѣлое, тогда исполнительный элементъ, элементъ власти, имѣлъ полную всеобъемлющую силу въ государствѣ, отъ него истекало все и все къ нему же приводилось; общимъ ходомъ государственныхъ дѣлъ и всѣми дѣлами въ государствѣ управлялъ онъ одинъ исключительно. Съ теченіемъ времени онъ не утратилъ всей своей силы, но только она постепенно ослабѣвала и ограничивалась, и ограниченіемъ ея было именно представительство. Представительству послѣ долгой и упорной борьбы удалось приобрести нѣкоторыя права и утвердить за собою хотя нѣкоторую долю участія въ государственныхъ дѣлахъ; исполнительный элементъ по прежнему преобладаетъ и управляетъ государственными дѣлами, но представительство все-таки имѣетъ контроль надъ нимъ, хоть иногда весьма ограниченный. Въ Англіи представительство уже давно успѣло приобрести себѣ самыя широкія права, тогда какъ въ прочихъ европейскіхъ государствахъ принципъ представительства сталъ развиваться только съ конца XVIII вѣка и до сихъ поръ имѣетъ самыя ограниченныя права.

Права представительства въ каждомъ государствѣ, или говоря конкретнѣе, права представительныхъ собраній, парламентовъ, полагаются въ актахъ, въ которыхъ опредѣляются общія начала и основанія государственнаго устройства и управленія, т. е. основныя законы государства, и которыя называются конституціонными актами, или просто конституціями. Эти акты иногда составляются самимъ представительствомъ, т. е. собраніемъ народныхъ представителей, которое и называется учредительнымъ или конституціоннымъ собраніемъ, потому что въ этомъ случаѣ, составляя актъ, собраніе этимъ самымъ постановляетъ учрежденія и законы и само опредѣляетъ мѣру и границу правъ представительства и исполнительной власти. Иногда же эти акты состав-

ляются самою властью, или точнѣе, правительствомъ; въ такомъ случаѣ права, которыя даются въ этихъ актахъ предстарительству, называются данными, пожалованными; или по французски октроированными, и самое составленіе актовъ и опредѣленіе правъ называется октроированьемъ.

Во всѣхъ представительныхъ государствахъ парламентъ состоитъ изъ двухъ собраній, изъ двухъ палатъ, верхней и нижней. Въ Англіи напр. парламентъ составляютъ: палата лордовъ и палата общинъ; въ Бельгійи и Италіи — сенатъ и палата депутатовъ; во Франціи — сенатъ и законодательный корпусъ; въ Пруссіи и Австріи — палата господъ и палата депутатовъ; въ Испаніи парламентъ называется кортесами и состоитъ изъ сенатнаго конгресса представителей. Обѣ палаты имѣютъ одинаковыя права и одинаковое значеніе, но различіе между собою по характеру и по элементамъ, изъ которыхъ они состоятъ. Верхняя палата, по смыслу конституціонныхъ актовъ, должна имѣть характеръ консервативный, охранительный; сдерживающій и состоитъ изъ элементовъ аристократическихъ; государственная власть имѣетъ въ виду опираться преимущественно на эту палату. Поэтому въ большинствѣ государствъ верхняя палата состоитъ изъ членовъ, избираемыхъ не народомъ, а назначаемыхъ государемъ, или входящихъ въ нее по праву рожденія и по сословнымъ привилегіямъ. Въ Англіи напр. верхняя палата состоитъ изъ пэровъ, которые засѣдаютъ въ палатѣ по праву наследства, по королевскому призванію въ палату, по должности, дающей право пэра — епископы; потомъ тѣ, которые пожизненно избираются въ палату — ирландскіе пэры, и которые избираются только на время продолженія парламента — шотландскіе пэры. Король имѣетъ право всякое лицо, за его заслуги, возвести въ достоинство пэра, и это лицо тѣмъ самымъ получаетъ право засѣдать въ верхней палатѣ. Въ Пруссіи палату господъ составляютъ: совершеннолѣтніе королевскіе принцы; главы дворянскихъ имперскихъ родовъ; главы тѣхъ фамилій, которыя въ королѣ имѣли наследственное право на засѣданіе въ палатѣ, — члены, которыхъ король назначаетъ въ палату пожизненно, наконецъ, нѣсколько представителей избираемыхъ соѣтниками большихъ городовъ и богатѣйшими гражданами. Во Франціи сенатъ, составляющій верхнюю палату, состоитъ изъ принцевъ императорской фамиліи, изъ кардиналовъ, маршаловъ и адмираловъ, — наконецъ, изъ тѣхъ лицъ, которыхъ

императоръ возводитъ въ сенаторское достоинство. Во многихъ государствахъ, напр. въ Англии и Пруссии, члены верхней палаты не получаютъ жалованья; а въ нѣкоторыхъ получаютъ, во Франціи наприимѣръ сенаторы получаютъ ежегодно 30,000 франковъ. — Такой составъ верхней палаты, опредѣляемый волею власти верховной и наследственными привилегіями, противорѣчитъ идеѣ представительства. Поэтому въ государствахъ, гдѣ нѣтъ аристократическихъ элементовъ и сословныхъ привилегій, гдѣ сама власть, какъ второй элементъ, происходитъ изъ народа и представительства, напр. въ Бельгійи и сѣверо-американскихъ штатахъ, — верхняя палата состоитъ изъ членовъ, избираемыхъ самимъ народомъ и въ нее не входятъ ни одинъ членъ по наследству, или по волѣ власти. Но и въ этихъ государствахъ верхняя палата составлена такъ, чтобы она сохраняла возможности характеръ консервативный; въ нее по закону избираются люди, обладающіе весьма значительнымъ богатствомъ и имѣющіе возрастъ, уже перешедшій за среднія лѣта. Въ Бельгійи напр. въ сенатъ, т. е. въ верхнюю палату, могутъ быть избираемы только люди, имѣющіе, по крайней мѣрѣ, 40 лѣтъ отъ роду и платящіе 1,000 гульденовъ прямыхъ податей. Многие признаютъ неадекватнымъ и не рациональнымъ составъ парламента изъ двухъ палатъ и утверждаютъ, что совершенно достаточно и одной палаты, что всѣ граждане должны избирать одно собраніе и не должно быть для нѣкоторыхъ гражданъ особаго представительнаго собранія. По конституціи, составленной въ Испаніи въ 1812 году кортесами, но потомъ уничтоженной, полагалась только одна палата; во всѣхъ же дѣйствующихъ конституціонныхъ актахъ полагается двѣ палаты.

Представительство страны въ собственномъ смыслѣ составляетъ въ каждомъ представительномъ государствѣ нижняя палата, палата представителей, или депутатовъ. Члены въ эту палату избираются самимъ народомъ и въ ней не бываетъ ни одного члена по назначенію; по смыслу конституціонныхъ актовъ, она должна имѣть характеръ прогрессивный, должна быть охранительницею народныхъ интересовъ, должна слушать, какъ сказать, противовѣсѣмъ верхней палатѣ и исполнительской власти. Основанія, на которыхъ утверждается право избранія депутатовъ въ нижнюю палату, бываютъ различны въ разныхъ государствахъ, равно какъ различны бываютъ и самыя системы выборовъ этихъ депутатовъ. По идеѣ представительства, каждый

членъ государства, каждый гражданинъ имѣетъ право участвовать въ избраніи депутатовъ въ представительное собраніе. Но на практикѣ это идеальное требованіе осуществляется не вездѣ, не во всѣхъ представительныхъ государствахъ. Въ Англіи напр. нижняя палата считается представительницею всѣхъ общинъ Англіи; фактически же имѣютъ своихъ представителей въ этой палатѣ только извѣстныя корпораціи: графства и нѣкоторые города, которымъ даровано королемъ избирательное право. Такимъ образомъ въ Англіи участвовать въ избраніи депутатовъ въ палату, т. е. быть избирателемъ, можетъ не всякое лицо, удовлетворяющее опредѣленнымъ для избирателей условіямъ, а только лицо, живущее въ извѣстной мѣстности и принадлежащее къ извѣстной корпораціи. Число депутатовъ, которыхъ должна избирать въ палату та или другая мѣстность, опредѣлено закономъ, и притомъ безъ всякаго соображенія съ числомъ жителей и избирателей этой мѣстности. Такъ напр. какое нибудь мѣстечко, въ которомъ всего 12 жителей, имѣло право избирать въ палату 2-хъ депутатовъ (подобныя мѣстечки называются въ Англіи гильдами), тогда какъ нѣкоторые города, имѣвшіе болѣе 200 тысячъ жителей, также избирали только 2-хъ депутатовъ, а другіе города, имѣвшіе болѣе 100 тысячъ жителей, вовсе не имѣли избирательнаго права, т. е. не могли избирать въ палату ни одного депутата. Знаменитый билль о реформѣ смѣгчалъ, хотя и не устраивалъ совершенно, эту несообразность между числомъ депутатовъ, избираемыхъ извѣстною мѣстностью и количествомъ жителей этой мѣстности; у многихъ гильдскихъ мѣстечекъ онъ отнялъ избирательное право и предоставилъ его городамъ, прежде не имѣвшимъ ни одного депутата въ палатѣ. Но и теперь еще указанная несообразность существуетъ; напр. въ 1851 г. Ливерпуль имѣлъ 14,072 избирателя, но онъ высылалъ въ палату столько же депутатовъ, сколько и Андеверъ, имѣвшій всего 242 избирателя. — Во Франціи начала избирательнаго права совершенно противоположны тѣмъ, которые существуютъ въ Англіи; во Франціи выборы основываются на количествѣ народонаселенія и осуществляютъ точное соотвѣтствіе между числомъ депутатовъ, избираемыхъ извѣстною мѣстностью въ законодательный корпусъ и числомъ ея жителей. Число депутатовъ для каждой мѣстности не опредѣлено заранее и неизмѣнно, какъ въ Англіи, а просто существуетъ общее правило, по которому на каждыя 35,000 совершеннолѣтнихъ гражданъ полагается одинъ депутатъ. Такимъ

образомъ, если напр. въ известномъ департаментѣ 35 тысячъ гражданъ, то департаментъ избираетъ одного депутата въ законодательный корпусъ, если 70 (2 + 35) тысячъ, то двухъ, если 105 (3 × 35) тысячъ, то трехъ и т. д. Если сверхъ 35 тысячъ окажется излишекъ, и этотъ излишекъ будетъ не менѣе 25 тысячъ, то на него прибавляется одинъ депутатъ. — Между этии двумя противоположными началами избирательнаго права, англійскимъ и французскимъ, колеблются всѣ прочія представительныя государства и одни болѣе приближаются къ англійскому, а другія къ французскому. Въ Пруссiи напр., какъ въ Англии, число депутатовъ для каждой мѣстности и общее число ихъ, составляющее всю палату, опредѣлены напередъ и неизмѣнно, съ нѣкоторымъ впрочемъ примѣненiемъ къ числу гражданъ. Въ Бельгiи же напротивъ, какъ во Францiи, число депутатовъ отъ каждой мѣстности вполне соответствуетъ числу ея жителей и на каждыя 40.000 гражданъ полагается одинъ депутатъ.

Во всѣхъ представительныхъ государствахъ отъ гражданъ, для того, чтобы они могли участвовать въ избранiи депутатовъ, т. е. могли быть избирателями, требуются известныя условiя; только тотъ, кто удовлетворяетъ этимъ условiямъ, есть избиратель. Требованiе такихъ условiй оправдывается слѣдующимъ соображенiемъ: если предоставить право выбора всѣмъ безъ исключенiя, то въ составѣ избирателей окажутся люди неспособные, негодные, не понимающiе дѣла, люди самостоятельныя, угодливыя, которые или выберутъ дурнаго депутата, или на крайней мѣрѣ, будутъ затруднять хорошiй выборъ. Поэтому законодательства стремятся къ тому, чтобы не возможности недопускать подобныя люди въ составъ избирателей, и для этого ограничиваютъ такъ называемое активное право избранiя, т. е. ограничиваютъ чисто лицъ избирающихъ. Вслѣдствiе этого всѣ несовершеннолѣтнiе не могутъ быть избирателями; возрастъ для избирателя полагается въ разныхъ государствахъ отъ 21 до 25 лѣтъ. За тѣмъ, не могутъ быть избирателями люди зависимыя, слуги и работники, не имѣющiе средствъ для жизни, живущiе милостыней и на счетъ благотворительныхъ заведенiй, опороченные по суду и лишенные гражданскихъ и политическихъ правъ. Почти во всѣхъ государствахъ существуетъ еще одно условiе для избирателей, это цензъ; избирателемъ можетъ быть только тотъ, кто имѣетъ собственность, движимую или недвижимую имущество въ известныхъ

опредѣленныхъ размѣрахъ. Количество собственности опредѣляется или количествомъ получаемого съ ней ежегоднаго дохода, или количествомъ платимыхъ прямыхъ податей. Въ Англіи напр. избирателемъ можетъ быть тотъ, кто имѣетъ свободную собственность, приносящую 10 фунтовъ стерлинговъ (около 60 руб. сер.) ежегоднаго дохода, или платитъ 10 фунтовъ стерлинговъ наемныхъ денегъ; арендаторы могутъ быть избирателями, когда они платятъ за аренду не менѣе 50 фунтовъ стерлинговъ (около 300 рублей серебромъ). Въ Бельгіи избирателемъ можетъ быть всякій, кто платитъ ежегодно прямыхъ налоговъ не болѣе 100 гульденовъ и не менѣе 20 (отъ 60 до 6 руб. серебромъ). Избирательный цензъ, особенно высокій, совершенно противорѣчитъ идеѣ представительства; при существованіи ценза, въ выборѣ депутатовъ въ палату не участвуетъ цѣлая масса недостаточнаго населенія, и палата является такимъ образомъ представительницей не всего народа, а только зажиточныхъ классовъ его. Говорятъ, такъ и должно быть; люди богатые болѣе заинтересованы въ государственныхъ дѣлахъ, они прямыми податями доставляютъ матеріальныя средства государству, значитъ, имъ только и должно принадлежать участіе въ государственныхъ дѣлахъ чрезъ выборъ депутатовъ. Но цѣль государства не составляютъ одни только матеріальныя интересы; оно имѣетъ въ виду и интересы нравственныя, касающіеся всѣхъ, а не богатыхъ только, поэтому и бѣдные должны имѣть право на представительство; кромѣ того, и недостаточные люди несутъ на себѣ тяжесть непрямыхъ налоговъ, исполняютъ государственныя повинности, напр. рекрутскую и, стало быть, имѣютъ право на участіе въ представительствѣ наравнѣ съ богатыми. Во Франціи и въ некоторыхъ сѣверо-американскихъ штатахъ избирательный цензъ не существуетъ, участіе въ выборахъ предоставляется всѣмъ, т. е. депутаты избираются всеобщей подачей голосовъ (*par le suffrage universel*). Кромѣ ценза активнаго, т. е. ценза для избирателей, существовалъ прежде въ некоторыхъ государствахъ цензъ пассивный, т. е. цензъ для избираемыхъ въ палату, для депутатовъ,—условіе совершенно излишнее и не рациональное; избиратели могутъ выбрать и небогатаго, но способнаго и достойнаго человѣка, и ихъ стѣснять не слѣдуетъ. Поэтому цензъ для избираемыхъ депутатовъ уничтоженъ почти вездѣ; его нѣтъ въ Пруссіи, въ Бельгіи, во Франціи и въ большинствѣ прочихъ представительныхъ государствъ.

Какимъ образомъ избиратели выбираютъ депутатовъ въ палату? Есть двѣ главные системы выборовъ: выборы прямые, непосредственные и выборы непрямые, посредственные. При прямыхъ выборахъ известное число гражданъ съ избирательными правами сами выбираютъ депутата, который и отправляется въ палату; при выборахъ же непрямыхъ тѣ же граждане выбираютъ сначала избирателей, эти избиратели соединяются вмѣстѣ и уже отъ себя выбираютъ депутата. Въ послѣднемъ случаѣ, значитъ, существуютъ двѣ степени выборовъ: на первой степени граждане, или первые избиратели выбираютъ отъ себя, такъ сказать, доверенныхъ лицъ; эти лица или избиратели второй степени выбираютъ уже депутатовъ въ палату. Для выборовъ все государство раздѣляется на избирательные округа; по каждому округу составляются административными мѣстными властями списки лицъ, удовлетворяющихъ всѣмъ условіямъ, требуемымъ для избирательнаго права, т. е. списки избирателей. Эти списки образуются; имѣющій избирательныя права, но не внесенный въ списокъ, можетъ требовать внесенія и можетъ протестовать противъ внесенныхъ незаконно; всѣ тяжбы и споры по этому поводу рѣшаетъ судебная власть. Въ известный день, назначенный правительствомъ, всѣ избиратели округа собираются въ одно определенное мѣсто и здѣсь выбираютъ депутата по абсолютному большинству голосовъ; подача голосовъ въ нѣкоторыхъ государствахъ бываетъ тайная, въ другихъ открытая.

Чтобы ознакомиться съ подробностями выборовъ, мы опишемъ выборы во Франціи, прямые, и выборы въ Пруссіи, непрямые. Во Франціи каждый департаментъ дѣлится на нѣсколько округовъ по числу избираемыхъ депутатовъ; избирательные списки составляются мерами; каждый округъ выбираетъ одного депутата. Собраніе избирателей известнаго округа называется избирательной коллегіей; для выборовъ они съѣзжаются въ одно мѣсто и по большей части въ праздничный, нерабочій день. Выборами руководить избирательное присутствіе подъ предсѣдательствомъ мера; избирателей вызываютъ въ присутствіе по списку въ алфавитномъ порядкѣ. Вызываемый приноситъ съ собою свернутую бумажку, заблаговременно имъ приготовленную, и на которой написано имя избираемаго имъ; бумажка должна быть бѣлая и безъ всякихъ наружныхъ знаковъ; онъ отдаетъ ее президенту, а тотъ опускаетъ въ ящикъ, запертый и запечатанный. По окончаніи вотпрованья ящикъ открывается и производится счетъ го-

долова. Въ Пруссіи въ каждомъ округѣ всѣ граждане, имѣющіе избирательный голосъ, т. е. избиратели первой степени, дѣлятся на три отдѣленія; въ первомъ заключаются тѣ, которые платятъ самое большое количество податей, во второмъ тѣ, которые платятъ менѣе, а въ третьемъ платящіе самое меньшее количество; всѣ отдѣленія выбираютъ равное число избирателей 2-й степени; въ первомъ отдѣленіи, положимъ, 5 гражданъ и они выбираютъ одного избирателя; въ третьемъ состоитъ 50 гражданъ, но и эти также выбираютъ одного. Подача голосовъ открытая; каждый избиратель 1-й степени является въ присутствіе и говоритъ, кому онъ дастъ свой голосъ, или же самъ пишетъ въ протоколѣ имя избираемаго имъ. За тѣмъ выбранныя такимъ образомъ избиратели 2-й степени соображаются правительственнымъ комиссаромъ въ одно мѣсто и здѣсь уже выбираютъ депутата въ палату, также происшя въ присутствіи имя избираемаго, или записывая его въ протоколъ. Въ Англіи выборы прямыя и ими завѣдываетъ шерифъ; выборы производятся публично, и каждый имѣетъ право присутствовать при нихъ. Является кандидатъ; подача голосовъ за, или противъ него производится чрезъ поднятіе рукъ, и подають голосъ всѣ присутствующіе, даже женщины, если пожелаютъ. О числѣ голосовъ судятъ по количеству поднятыхъ рукъ; если случаются возраженія, то подача голосовъ производится чрезъ протоколъ.

Передъ выборами обыкновенно происходитъ выборная агитация; избирателямъ нужно же напередъ согласиться, кого выбирать; начинается борьба партій; каждая партія рекомендуетъ и старается провести своего кандидата. Сами кандидаты записываютъ передъ избирателями, прибѣгаютъ къ подкупамъ, а иногда и къ угрозамъ. Всѣ эти избирательныя продѣлки особенно распространены въ Англіи, не смотря на строгіе законы противъ нихъ. Но всего опаснѣе для выборовъ влияние и стѣсненія со стороны административной власти, слабыя въ Англіи и сильныя въ другихъ государствахъ. Обыкновенно спорятъ о преимуществахъ той, или другой избирательной системы; но самая система выборовъ, какъ показываетъ опытъ, не много значитъ; все зависитъ отъ свободы выборовъ и независимости ихъ отъ административныхъ вліяній. Для устраненія административныхъ вліяній на самую палату, существуетъ правило, что депутатъ, избранный въ палату, и потомъ послѣ избранія принявшій отъ пра-

вительства должность съ жалованьемъ, лишается права депутатства или долженъ быть избираемъ во второй разъ.

Депутаты избираются въ палату на извѣстный опредѣленный срокъ, который обыкновенно называется законодательнымъ періодомъ; срокъ этотъ въ разныхъ государствахъ различенъ. Въ Пруссіи онъ составляетъ 3 года, въ Бельгій — 4, во Франціи — 6, а въ Англіи — 7. По истеченіи этого срока палата, такъ сказать, уничтожается, члены ея перестаютъ быть депутатами; за тѣмъ должна составиться новая палата, должны быть новые выборы; но при этомъ могутъ быть снова избраны прежніе депутаты. Но и до истеченія назначеннаго срока верховная власть въ государствѣ имѣетъ право уничтожить, или распустить палату, и назначить новые выборы для новой палаты. Это право основывается на такомъ соображеніи. Депутаты, избранные въ извѣстное время и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, черезъ нѣсколько времени, напр. черезъ годъ, при измѣнившихся обстоятельствахъ, могутъ оказаться несоотвѣтствующими назначенію, могутъ не понимать измѣнившіяся нужды и потребности народа; вслѣдствіе этого могутъ постановлять рѣшенія, несообразныя съ обстоятельствами и противиться рациональнымъ и необходимымъ мѣрамъ правительства. Поэтому правительство распускаетъ палату, апеллируетъ къ народу, требуетъ, чтобы онъ выбралъ новыхъ депутатовъ, лучше понимающихъ время и обстоятельства. Таковы теоретическія основанія права распустить палату, принадлежащаго правительству. Распуская палату, правительство долгое время могло бы оставаться безъ палаты, управлять произвольно, безъ контроля представителей народа; поэтому въ конституціонныхъ актахъ существуетъ законъ, что правительство по распусченіи палаты непременно должно созвать новую черезъ нѣсколько времени, которое и опредѣляется въ законѣ, обыкновенно отъ 2 до 3 мѣсяцевъ. Палата сама собою и по своей волѣ никогда не можетъ собраться и открыть свои засѣданія; ее можетъ созвать только верховная власть въ государствѣ. Верхняя палата, хотя она состоитъ изъ членовъ пожизненныхъ, однако собирается и распускается вмѣстѣ съ нижней палатой. Обыкновенно парламентъ, т. е. верхняя и нижняя палата, собираются ежегодно и продолжаютъ свои засѣданія въ теченіи извѣстнаго срока, болѣею частью около 3 мѣсяцевъ; этотъ срокъ называется парламентскою сессіей. По истеченіи этого срока, верховная власть закрываетъ засѣда-

на, депутаты расходятся, но не перестают быть депутатами; на слѣдующій годъ палата снова созывается, собираются прежніе депутаты, занимаются дѣломъ въ теченіи всей сессіи, и по окончаніи сессіи засѣданія палаты снова закрываются до слѣдующаго года, и т. д. до самаго конца законодательнаго періода, когда оканчивается срокъ, на который избраны депутаты. Такимъ образомъ, распущеніе палаты разнится отъ обыкновеннаго ежегоднаго закрытія ея засѣданій тѣмъ, что послѣ распущенія депутаты перестаютъ быть депутатами, должны быть новые выборы, новые депутаты, или и прежніе, но выбранные вновь. Избранные депутаты для отправленія на мѣсто засѣданій парламента получаютъ прогонныя деньги и кромѣ того, еще суточные деньги во все продолженіе засѣданій; въ Англии, впрочемъ, депутаты не получаютъ ни суточныхъ, ни прогонныхъ денегъ. Палата повѣряетъ полномочія своихъ членовъ, то есть разсматриваетъ, правильно ли и законно избранъ каждый депутатъ; она только одна рѣшаетъ этотъ вопросъ и рѣшенія ея неприкосновенны. Палата избираетъ президента и въ помощь ему вице-президента; должность президента (въ англійской нижней палатѣ — спикеръ) очень важна; онъ служитъ представителемъ палаты въ ея сношеніяхъ, онъ руководитъ преніями, даетъ членамъ право слова, дѣлаетъ замѣчанія членамъ, въ рѣчахъ своихъ уклоняющаяся отъ предмета, можетъ прерывать и останавливать говорящаго, принимаетъ въ порядокъ тѣхъ членовъ, которые его нарушаютъ; если члены стануть горячиться, шумѣть и кричать, не слушая другъ друга, и если президентъ не можетъ остановить ихъ, тогда онъ накрывается, то есть просто надѣваетъ шляпу; это значить, что засѣданіе прервано и дальнѣйшіе разговоры членовъ не имѣютъ уже оффиціального характера; когда разгорячившіеся депутаты поуспокоятся, тогда президентъ снова открываетъ засѣданію. По законамъ большей части государствъ президентъ палаты избирается самою палатою изъ числа ея членовъ и притомъ или на весь законодательный періодъ, или только на одну сессію; въ нѣкоторыхъ же государствахъ, гдѣ администрація хочетъ имѣть вліяніе на палату, президентъ назначается верховною властью. — При началѣ сессіи верхняя и нижняя палаты отираваются государемъ, или министромъ по его порученію; они же и закрываютъ засѣданія по окончаніи сессіи. Обыкновеннымъ же дневныя засѣданія открываются и закрываются президентомъ. Въ нѣмецкихъ палатахъ засѣданія обыкновенно

повсемно проходить утром и начинаются въ 9 или 10 часовъ, во Франціи и Бельгіи—въ полдень, въ часъ, или въ два, въ Англіи, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней, — вечеромъ и иногда продолжаются всю ночь. Засѣданія палаты проходятъ публично, въ присутствіи постороннихъ слушателей, для которыхъ устраиваются галлерей; впрочемъ, палаты могутъ назначать и секретныя засѣданія. Депутаты занимаютъ мѣста въ палатѣ сообразно съ своими политическими убѣжденіями; крайнія радикальныя партіи оппозиціи садятся на лѣво отъ президента, крайнія консервативныя — на право, центръ занимаютъ умѣренныя. Въ палатахъ есть особая министерская скамья для министровъ и правительственныхъ комиссаровъ.

Когда парламентъ собранъ и обѣ палаты его открыты, тогда они могутъ приступить къ своему дѣлу. Какое же ихъ дѣло, каковы ихъ права и обязанности? Парламентъ есть представитель всего народа; въ частности члены нижней палаты представляютъ собою всю націю, а не тѣ только округа и не тѣ личности, которыя набрали ихъ. Конечно, депутаты должны охранять интересы мѣстностей и лицъ, представляющихъ которыхъ они избраны, но главнымъ образомъ они должны имѣть въ виду общіе интересы всего государства и, при столкновеніи частныхъ интересовъ съ общими, давать преимущество послѣднимъ. Для депутата не обязательны воля и мнѣніе лицъ, его избравшихъ; во многихъ конституціонныхъ актахъ постановлено положительное правило, что депутаты не должны принимать отъ своихъ избирателей никакихъ инструкцій и порученій, но подавать въ палату голосъ по своему свободному убѣжденію, по собственному крайнему разумѣнію, не стѣсняясь убѣжденіями своихъ избирателей. Положимъ, избиратели потому и выбрали депутата, что взгляды его на известный предметъ согласны были съ ихъ взглядами; но если вслѣдствіе преній въ палатѣ взглядъ депутата измѣнился, то онъ долженъ вотировать сообразно съ собственнымъ взглядомъ, не обращая вниманія на избирателей. Избиратели могутъ быть недовольны этимъ; но они не имѣютъ права, до новыхъ выборовъ, смѣнить депутата и на его мѣсто послать другого; выборъ ихъ остается неизмѣннымъ во все продолженіе законодательнаго періода. Но депутатъ имѣетъ право во всякое время сложить съ себя званіе депутата; въ такомъ случаѣ посредствомъ дополнительнаго выбора на его мѣсто избирается другой; то же бываетъ и въ случаѣ смерти депутата. Парламентъ имѣетъ за-

конодательную власть, или точнѣе, онъ раздѣляетъ эту власть съ главою государства; законъ только тогда получаетъ силу, когда на него послѣдовало согласіе главы государства и обѣихъ палатъ парламента. Въ Англіи парламентъ присвоиваетъ себѣ почти абсолютную законодательную власть; однако для всякаго закона непремѣнно требуется утвержденіе королевы. Королева даетъ согласіе на законъ, или письменно посредствомъ патента, или лично; при окончаніи сессіи, обѣ палаты собираются вмѣстѣ, и здѣсь въ присутствіи королевы прочитываются заглавія всѣхъ биллей, утвержденныхъ палатами; королева при каждомъ изъ нихъ наклоненіемъ головы выражаетъ свое согласіе. Во всѣхъ почти представительныхъ государствахъ, верховная власть, или вообще правительство, и обѣ палаты имѣютъ право предлагать проекты законовъ, т. е. имъ принадлежитъ законодательная инициатива; въ нѣкоторыхъ же, напримѣръ, во Франціи, вопреки истинному духу представительства, законодательная инициатива принадлежитъ только верховной власти, т. е. только императору, или вообще правительству, имѣетъ право предлагать проекты законовъ, а палаты только обсуждаютъ и вотируютъ ихъ. — Верховная и правительственная власть имѣетъ право объявлять войну, заключать миръ и вступать въ договоры съ иностранными державами; она должна испрашивать согласіе парламента только на торговые договоры, и на тѣ, вслѣдствіе которыхъ увеличиваются расходы государства, или возникаютъ новыя обязательства для гражданъ. Въ Англіи право войны фактически принадлежитъ парламенту, потому что онъ только можетъ ассигновать деньги на ея веденіе. Во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ подати и налоги, назначаются съ утвержденія парламента; всѣ доходы и расходы государства на каждый годъ опредѣляются по бюджету, составляемому правительствомъ и утверждаемому парламентомъ. Проекты бюджетовъ сначала обыкновенно предлагаются нижней палатѣ, которая можетъ измѣнить и сокращать всѣ частныя статьи доходовъ и расходовъ. Бюджетъ, утвержденный нижней палатой, не можетъ быть по частямъ измѣненъ верхней палатой, она можетъ принять или отвергнуть его только весь, цѣлкомъ; и за тѣмъ нижняя палата проектируетъ новый бюджетъ. Безъ согласія палатъ, подати и налоги не могутъ быть увеличиваемы, и не можетъ быть заключенъ государственный заемъ.

Въ Англіи при открытіи засѣданій парламента королева въ тронной рѣчи, обращаясь къ членамъ нижней палаты, требуетъ

отъ нихъ назначенія денегъ для государственныхъ расходовъ на наступающій годъ, прибавляя, что она приказала своему правительству представить всѣ смѣты расходамъ. Затѣмъ въ засѣданіи палаты дѣлается предложеніе—ассигновать ея величеству нужныя суммы и палата утверждаетъ его. Послѣ этого она составляется изъ себя два комитета; въ одномъ разсматриваются смѣты расходамъ, то есть рѣшается, на что нужны деньги и сколько; комитетъ опредѣляетъ при этомъ, какова должна быть численность арміи и флота; другой комитетъ разсматриваетъ и опредѣляетъ, откуда взять денегъ на покрытіе расходовъ, утвержденныхъ первымъ комитетомъ, то есть опредѣляетъ подати и налоги и вообще всѣ источники государственныхъ доходовъ. Постановленія комитетовъ должны быть утверждены палатою.

«Когда палата утвердила резолюціи бюджетнаго комитета о числѣ людей, изъ которыхъ должны состоять на предстоящій годъ сухопутное войско и флотъ, и о расходахъ на ихъ вооруженіе и содержаніе, тогда она приказываетъ внести ежегодно возобновляемые акты: одинъ — о примѣненіи военныхъ законовъ и военныхъ судовъ къ арміи, другой—къ чинамъ военного флота, когда они находятся на берегу. Въ этихъ актахъ между прочимъ говорится, «что ея величество можетъ устанавливать законы, и учреждать военные суды, съ правомъ судить военныя преступленія по такимъ законамъ, и налагать наказанія по сентенціямъ или суду таковыхъ». Въ нихъ также постановляются нѣкоторые правила относительно расквартированія и довольствія солдатъ и матросовъ, когда послѣдніе находятся на берегу; и потому эти акты носятъ названія «актовъ о назначеніяхъ за ослушаніе и побѣгъ и о лучшемъ довольствіи и расквартированіи (арміи, или матросовъ)». Въ случаѣ, еслибы, по истеченіи годового срока, акты не были возобновлены, то самое существованіе сухопутной арміи сдѣлалось бы незаконнымъ; всѣ военные чины были бы освобождены, если нѣтъ войны, отъ всякаго повиновенія военнымъ уставамъ, отъ военной подчиненности и отъ всѣхъ обязанностей военного званія. Только въ военное время эти акты имѣютъ силу, исключенно отъ возобновленія ихъ парламентомъ. Чины флота, когда они находятся на военныхъ судахъ, подчинены военнымъ законамъ, которые установлены другимъ, бесспорнымъ парламентскимъ актомъ. Ежегоднымъ внесеніемъ и утвержденіемъ «военно-суднаго акта» палата общинъ обезпечиваетъ, не только каждагодневное собраніе парламента, но и право рѣшать, нужна ли постоянная армія для страны; кромѣ того этотъ актъ постоянно напоминаетъ арміи, что подсудность людей военного званія особенымъ законамъ и обязанности, налагаемыя этими законами — временныя,

налагаемыя другою, высшею властью какъ тягость, какъ нежзбѣжное зло. (Погор.—Подол. вып. 2. стр. 265 — 6)».

Обѣ палаты парламента, имѣютъ право принимать отъ гражданъ прошенія и жалобы (петиціи); равнымъ образомъ и каждый гражданинъ имѣетъ право подавать въ палату прошеніе, въ которомъ можетъ требовать измѣненія существующихъ постановленій, или постановленія новыхъ, можетъ жаловаться на несправедливости администраціи, на обиды и притѣсненія. Палата разсматриваетъ прошенія и если предметъ ихъ входитъ въ область правъ палаты, то она постановляетъ рѣшеніе; въ противномъ же случаѣ отдаетъ прошеніе на разсмотрѣніе министерства и требуетъ свѣдѣнія о томъ, что министерство сдѣлаетъ по поводу прошенія. Въ Франціи законодательный корпусъ не имѣетъ права принимать прошеній, которыя могутъ подаваться только въ сенатъ; такъ напр. недавно въ сенатъ подавались прошенія по польскимъ дѣламъ. Сенатская комиссія сначала рѣшила было передать прошенія министру иностранныхъ дѣлъ, а потомъ предложила оставить ихъ безъ вниманія и положиться вполне на благоусмотрѣніе правительства, что и утвердилъ сенатъ. — Члены парламента не подлежатъ отвѣтственности за подачу голоса; за мнѣнія, высказанныя ими въ палатѣ, они отвѣчаютъ только передъ палатой; чтобы ни сказалъ депутатъ въ палатѣ, его никто не можетъ обвинять и судить внѣ палаты за это. Членъ обвиняемый въ какомъ нибудь обыкновенномъ преступленіи, безъ согласія палаты не можетъ быть преданъ суду и арестованъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ будетъ пойманъ на мѣстѣ преступленія; и за долги онъ также не можетъ быть арестованъ безъ согласія палаты. Этими привиллегіями пользуются члены только во время парламентскихъ засѣданій.

Парламентъ не имѣетъ исполнительной власти, которая принадлежитъ главѣ государства, министерству и вообще администраціи; однако парламентъ имѣетъ общій надзоръ и контроль надъ исполнительной властью и администраціей. Въ представительныхъ монархіяхъ, монархъ есть источникъ и средоточіе исполнительной власти, и стало быть, на немъ должна была бы лежать отвѣтственность передъ парламентомъ за правительственные административныя дѣйствія; между тѣмъ монархъ, по идеѣ монархіи, есть лицо неприкосновенное, и слѣдовательно исполнительная власть, истекающая изъ него, не можетъ подлежать

никакой ответственности. Это противорѣчіе устраняется учрежденіемъ самостоятельнаго министерства; министры суть самостоятельные и самодѣятельные органы исполнительной власти, средоточіе всего правительства. Они дѣйствуютъ именемъ короля, но за эти дѣйствія, какъ за самостоятельныя, они отвѣчаютъ сами; всякое письменное повелѣніе и распоряженіе короля, для того, чтобы быть дѣйствительнымъ и законнымъ, нуждается въ подписи министра; этою подписью послѣдній свидѣтельствуетъ свое согласіе на это распоряженіе и принимаетъ на себя отвѣтственность за него. Если распоряженіе окажется противозаконнымъ и несправедливымъ, то король остается въ сторонѣ, а министръ оказывается виновнымъ; онъ не можетъ даже оправдываться волею короля, потому что она обязательна для него только условно; если онъ не согласенъ съ волею короля, то можетъ отказаться отъ своей должности. — Министры назначаются королемъ; обыкновенно одному государственному человѣку, пользующемуся вліяніемъ въ парламентѣ, поручается составить министерство; онъ избираетъ себѣ товарищей, болѣе или менѣе сходныхъ съ нимъ въ направленіи и политическихъ убѣжденіяхъ. Всѣ министры составляютъ одно цѣлое, совѣтъ или кабинетъ министровъ, президентъ котораго называется первымъ министромъ. Министры солидарны между собою и несутъ общую отвѣтственность. Министръ, не завѣдывающій никакимъ министерствомъ, а только засѣдающій въ совѣтѣ, называется министромъ безъ портфеля. Министры, или ихъ комиссары, имѣютъ право присутствовать при засѣданіяхъ обѣихъ палатъ и говорить рѣчи; вотируютъ же они только тогда, когда они члены палаты. Палата съ своей стороны можетъ требовать, чтобы министры присутствовали при ея засѣданіяхъ. Въ Пруссіи въ настоящее время министры отказались являться въ палату на томъ основаніи, что вице-президентъ ея прервалъ военнаго министра, когда этотъ говорилъ рѣчь. Министры сочли поступокъ вице-президента оскорбительнымъ для себя и видятъ въ немъ претензію—подчинить министерство дисциплинарной власти президента палаты; они рѣшились не являться въ палату до тѣхъ поръ, пока она формально не откажется отъ такой претензіи.

• Такимъ образомъ отвѣтственные передъ парламентомъ представители исполнительной власти, или правительства, суть министры. Формы, въ когорыхъ выражается контроль парламента надъ министрами и его сужденіе о дѣйствіяхъ правительства,

различны. — При открытіи парламента въ началѣ каждой сессіи глава государства, или по его порученію министръ, читаетъ такъ называемую тронную рѣчь; эта рѣчь не есть простая формальность, а есть, такъ сказать, отчетъ правительства о его дѣйствіяхъ до сессіи и краткій перечень того, что оно намѣрено сдѣлать во время открывающейся сессіи, и что хочетъ предложить на утвержденіе парламента. Въ отвѣтъ на эту рѣчь обѣ палаты, каждая особо, составляютъ адресъ главѣ государства, и въ этомъ адресѣ высказываютъ свой взглядъ на дѣйствія правительства. Во время преній, при составленіи адреса, каждый членъ палаты имѣетъ случай и возможность критиковать политику и частныя распоряженія правительства. Къ этому же времени правительство представляетъ палатамъ подробный отчетъ о состояніи государства и о дѣятельности всѣхъ отраслей администраціи: для разъясненія отношеній къ иностраннымъ державамъ, къ отчету прилагается дипломатическая переписка съ ними. Собраніе этихъ документовъ, представляемыхъ парламенту, въ Англіи называется «синей книгой», отъ синей обложки, во Франціи — «смагтой», въ Италіи — «зеленой». Опираясь на эти документы и на другіе восторонніе источники, члены палатъ во время преній объ адресѣ нападаютъ на политику и дѣйствія правительства и предлагаютъ высказать неодобреніе ихъ въ адресѣ; министры при этомъ могутъ защищаться и оправдываться. Если они замѣчаютъ, что большинство палаты недовольно ихъ дѣйствіями и высказываетъ это недовольство въ адресѣ, тогда они подаютъ въ отставку; министерство значитъ пало и должно быть образовано новое министерство. — Палаты имѣютъ право подавать адреса государямъ во все продолженіе сессіи и высказывать свои сужденія о дѣйствіяхъ правительства; такъ напр. пруская палата въ настоящее время подала адресъ королю. Независимо отъ адресовъ, палаты имѣютъ право рѣтировать и постановлять рѣшенія, въ которыхъ они выражаютъ довѣріе, или недовѣріе министерству. Нѣсколько членовъ палаты, недовольныхъ какими нибудь распоряженіями министерства, дѣлаютъ палатѣ предложеніе — выразить министерству недовѣріе; если большинство палаты противъ министерства, то предложеніе принимается и утверждается. Такое выраженіе недовѣрія обыкновенно влечетъ за собою отставку министерства; если же министерство уверено, то оно требуетъ, чтобы государь распустилъ палату, и въ этомъ случаѣ министерство остается. Такъ напр. въ концѣ

прошлаго года нижняя палата итальянскаго парламента вышла въ виду выразить недоверіе министерству Ратацци за его поступокъ съ Гарибальди, за угодивость передъ Франціею, за беспорядки на югѣ Италіи и проч.; Ратацци убѣждалъ короля распустить палату, король не согласился, и министерство подало въ отставку. Иногда министерство подаетъ въ отставку, если палата не соглашается съ какимъ нибудь предложеніемъ министерства; въ этомъ случаѣ обыкновенно говорится, что министры дѣлаютъ изъ этого предложенія вопросъ о существованіи министерства. — Другая форма, въ которой выражается контроль парламента надъ министерствомъ, есть право, принадлежащее членамъ палаты, дѣлать министерству запросы, или интерpellazioni обо всякихъ предметахъ, входящихъ въ кругъ министерской дѣятельности и вообще о всякихъ дѣйствіяхъ администраціи. Членъ палаты можетъ спросить, что сдѣлало министерство въ какомъ нибудь важномъ случаѣ, или что намѣрено сдѣлать, и министръ обязанъ отвѣчать на вопросы. Изъ газетъ, или изъ другихъ какихъ нибудь частныхъ источниковъ членъ можетъ получить свѣдѣнія о несправедливостяхъ и незаконныхъ дѣйствіяхъ администраціи; явившись въ палату, членъ спрашиваетъ министра, вѣрны ли эти свѣдѣнія, и если вѣрны, то что сдѣлало министерство съ своей стороны, чтобы остановить незаконныя дѣйствія своихъ подчиненныхъ. Запросы могутъ быть и относительно предметовъ иностранной политики; члены могутъ требовать свѣдѣній о сношеніяхъ министерства съ иностранными державами и представленія дипломатической переписки съ ними. Если министръ не можетъ отвѣчать на запросъ тотчасъ же, то ему дается время на обдуманіе отвѣта, и онъ можетъ отвѣчать въ другое засѣданіе. Часто министры и отказываются сообщать требуемыя отъ нихъ свѣдѣнія, если сообщеніе ихъ не удобно, или не выгодно для дѣла, о которомъ представленъ запросъ. — Наконецъ, самымъ существеннымъ выраженіемъ парламентскаго контроля надъ дѣйствіями министровъ, служитъ право парламента, въ силу котораго обѣ палаты его могутъ формально обвинять министровъ въ государственныхъ преступленіяхъ, въ намѣнѣ, въ подкупности, въ нарушеніи конституціи, въ растратѣ государственныхъ суммъ; за эти преступленія палата можетъ предать министра суду. Судитъ министровъ и постановляетъ приговоръ верховный судъ въ государствѣ; даже глава государства, которому принадлежитъ право помиловать всякаго рода преступниковъ и смягчать наказанія, не

может номинировать осужденнаго министра, исключая тѣхъ слу-
чать, когда о номинированіи будетъ ходатайствовать сама палата,
общинная министра.

Теперь намъ извѣстны права парламента и дѣла, которыми
онъ долженъ заниматься: какъ органъ законодательной власти,
онъ занимается составленіемъ или обсужденіемъ законовъ и за-
конодательныхъ мѣръ; какъ собраніе контролирующее админи-
страцію, онъ постановляетъ рѣшенія съ выраженіемъ своего
сужденія объ ея дѣйствіяхъ. Какимъ же образомъ парламентъ
ведетъ свои дѣла, какую форму имѣетъ его дѣятельность и ка-
кимъ способомъ устанавливаются его рѣшенія? Частныя формы
и подробности парламентскаго дѣлопроизводства различны въ
разныхъ парламентахъ; мы обратимъ вниманіе только на общія
формы, принятыя въ большей части парламентовъ.

Проекты законовъ по большей части составляются правитель-
ствомъ и вносятся въ парламентъ для обсужденія; палата, ко-
торой представленъ проектъ, или соглашается на него, прини-
маетъ его, или отвергаетъ, или наконецъ дѣлаетъ въ немъ не-
обходимыя по ея мнѣнію поправки и измѣненія; въ послѣднемъ
случаѣ она представляетъ проектъ съ своими измѣненіями на раз-
смотрѣніе другой палаты, и если она согласится на измѣненный
проектъ, тогда онъ поступаетъ на утвержденіе главы государ-
ства. Каждый членъ палаты также можетъ представлять ей
проектъ законовъ, какихъ нибудь отдѣльныхъ мѣръ и постанов-
леній, касающихся или самой палаты, или отношеній ея къ пра-
вительству; съ этою цѣлью членъ дѣлаетъ палатѣ предложеніе
(motion, Antrag) и въ немъ точно формулируетъ проектъ рѣше-
нія, которое должна постановить палата. Предложеніе должно
быть изложено на бумагѣ и представлено президенту палаты,
который и читаетъ его въ засѣданіи; кромѣ того, оно должно
быть поддержано по крайней мѣрѣ однимъ членомъ, т. е. на
представленіе его долженъ согласиться еще кто нибудь другой
изъ членовъ палаты, кромѣ самого представляющаго; поддержи-
вающие предложеніе или подписываются подъ нимъ еще до пред-
ставленія его президенту, или заявляютъ о поддержкѣ уже въ
палатѣ по прочтеніи предложенія. Если предложеніе не поддер-
жано нѣмъ, то оно падаетъ, уничтожается само собою, палата
не обращаетъ на него никакого вниманія, какъ будто бы оно и
не было представляемо. Такое правило о необходимости под-
держки имѣетъ въ виду ту цѣль, чтобы избавить палату отъ без-

полезныхъ трудовъ и устранить предложенія ничтожными и пустыми; ужь если ни одинъ членъ не захочетъ поддержать предложеніе, то это до известной степени ручается за то, что предложеніе въ самомъ дѣлѣ не стоитъ вниманія, и наоборотъ, очень трудно представить себѣ, чтобы дѣльное предложеніе не нашло себѣ поддержки хоть со стороны одного члена, если не нѣсколькихъ. Обыкновенно въ палатѣ образуются партіи и отдѣлы партій, которые имѣютъ предварительныя частныя совѣщанія и напередъ обсуждаютъ и условливаются, какия предложенія вносить въ палату, и потому вносимыя предложенія поддерживаются или цѣлою партіей, или отдѣломъ ея. Въ палату вносятся одновременно нѣсколько проектовъ и нѣсколько предложеній, по этому она должна прежде всего опредѣлить, въ какомъ порядкѣ она будетъ разсматривать проекты и предложенія. Для этого въ концѣ каждаго засѣданія палата опредѣляетъ, такъ сказать, программу слѣдующаго засѣданія, назначаетъ предметъ — проектъ или предложеніе, которымъ она будетъ заниматься въ день слѣдующаго засѣданія. Это назначеніе занятій для известнаго засѣданія называется по англійски — *order of the day*, по французски — *l'ordre du jour*, по нѣмецки — *Tagesordnung*; въ русскомъ языкѣ нѣтъ слова, которое бы точно соотвѣтствовало этимъ терминамъ; поэтому у насъ они переводятся различно — дневной порядокъ, списокъ очередныхъ дѣлъ дня, или просто очереднымъ дѣломъ. Въ назначенный день палата собирается и занимается тѣмъ, что стоитъ въ списокѣ очередныхъ дѣлъ. Впрочемъ, если встрѣтится дѣло срѣзное, не терпящее отлагательства, то палата занимается имъ, оставляя въ сторонѣ предметъ, стоящій въ списокѣ. Такъ напримѣръ, въ врусской палатѣ депутаты для засѣданія 6 мая назначены были въ очередномъ списокѣ пренія по поводу военнаго закона; между тѣмъ, въ началѣ этого засѣданія президентъ прочелъ сообщеніе отъ министерства, въ которомъ военный министръ отказывается присутствовать въ палатѣ при этихъ преніяхъ. Вслѣдствіе этого депутатъ Форженбекъ предложилъ: снять съ очереди, или съ очереднаго списка (*von der Tagesordnung*) пренія о военномъ законѣ до тѣхъ поръ, пока министерство не явится въ палату, а вмѣсто ихъ поставить, то есть назначить для слѣдующаго засѣданія, пренія объ адресѣ королю; предложеніе это принято и утверждено палатою. Объ этомъ происшествіи послана была телеграфическая депеша изъ Берлина въ Петербургъ, и одна русская газета перевела ее такимъ обра-

зомъ: «рѣшено по предложенію Форкенбека, что преніе о военномъ устройствѣ будетъ устранено отъ перехода къ порядку дѣлъ порѣ, пока министерство не явится снова въ палату. Пренія объ адресѣ перенесены къ мотивированному переходу къ порядку слѣдующаго засѣданія». Едва ли хоть одинъ читатель понялъ такую депешу.

Предложеніе внесено въ палату, для обсужденія его назначено засѣданіе; въ этомъ засѣданіи палата и занимается обсужденіемъ; начитаются пренія по поводу предложенія. Желающіе участвовать въ преніяхъ заблаговременно записываютъ свои имена у президента, или же обращаются къ нему къ засѣданіи и просятъ слова. Прежде всего слово дается члену, представившему предложеніе. Онъ разъясняетъ цѣль своего предложенія, его выгоды и представляетъ всевозможныя доказательства, чтобы склонить палату на принятіе предложенія. Послѣ него говорятъ другіе члены за или противъ предложенія; они не должны читать своихъ рѣчей по тетради, а должны проносить ихъ наизусть, позволяется читать только выдержки изъ газетъ, изъ дипломатическихъ документовъ и изъ другихъ источниковъ. Каждый членъ по поводу извѣстнаго предложенія можетъ говорить только одинъ разъ; въ этотъ разъ онъ долженъ высказать все, потому что говорить въ другой разъ ему не дозволено. Впрочемъ, если кто нибудь изъ членовъ, говорящихъ послѣ него, перетолкуетъ его слова, то онъ имѣетъ право говорить и въ другой разъ, но только для того, чтобы разъяснить настоящій смыслъ своихъ словъ. Когда всѣ члены, изъявившіе желаніе говорить по поводу предложенія, сказали свои рѣчи, когда такимъ образомъ высказаны всѣ доказательства за и противъ предложенія и никто не требуетъ у президента дозволенія говорить, тогда президентъ заключаетъ пренія и предложеніе идетъ на голоса. По заключеніи преній никто уже не можетъ говорить и разсуждать по поводу предложенія; впрочемъ и теперь допускаются личныя объясненія между членами; если во время преній упоминались факты, касающіеся личности какого нибудь члена, то этотъ членъ можетъ говорить о нихъ и по заключеніи преній. Когда окончатся и личныя объясненія, тогда начинается подача голосовъ, вотированіе; президентъ ставитъ вопросъ и спрашиваетъ: кто за, кто противъ? Отвѣтъ дается разными способами: члены, вотирующие за, встаютъ, а вотирующие противъ сидятъ, или наоборотъ; иногда обѣ стороны отвѣчаютъ хоромъ и вмѣстѣ да и нѣтъ, и президентъ

по звуку судить о томъ, какихъ голосовъ больше. Въ сомнительныхъ случаяхъ производится баллотировка, или каждаго члена спрашиваютъ, каковъ его голосъ, утвердительный, или отрицательный. Предложеніе считается принятымъ, когда на сторонѣ его абсолютное большинство голосовъ. Принятое предложеніе, равно какъ и всякое другое рѣшеніе палаты, считается законнымъ только тогда, когда въ засѣданіи ея присутствовало извѣстное, опредѣленное число наличныхъ членовъ; обыкновенно полагается большинство, большая половина числа всѣхъ депутатовъ, въ Англіи — не менѣе 40. Если членовъ соберется менѣе, то засѣданіе отлагается; поэтому передъ началомъ засѣданія производится счетъ членовъ. Въ Англіи, по заявленію когонибудь изъ членовъ, счетъ производится и во время засѣданія; это дѣлается съ цѣлью убить разсматриваемое предложеніе, потому что если при счетѣ окажется недостаточное число членовъ, то засѣданіе закрывается, и палата, собравшись на другой день, уже не возвращается къ этому предложенію. Счетъ членовъ, — это парламентская хитрость въ Англіи; въ началѣ засѣданія членовъ довольно, предложеніе вносится и начинаются пренія о немъ; между тѣмъ, члены уходятъ на время изъ палаты, чтобы закутить, или пообѣдать; противникъ предложенія, замѣтивъ, что осталось въ палатѣ мало членовъ, требуетъ счета, послѣ котораго засѣданіе закрывается, и предложеніе такимъ образомъ погибло. Иногда пренія по поводу какогонибудь не важнаго предложенія затягиваются надолго; предметъ предложенія бываетъ исчерпанъ вполне, а между тѣмъ многіе члены все еще вызываются говорить по поводу предложенія и такимъ образомъ пренія тянутся безъ всякой пользы для дѣла. Для устранения этого какимънибудь членомъ дѣлается предложеніе — заключить пренія. Какъ только это предложеніе представлено, пренія останавливаются и палата занимается этимъ новымъ предложеніемъ, начинается подача голосовъ; если большинство противъ предложенія, тогда прежнія предварительныя пренія продолжаются; если же большинство за предложеніе, то эти пренія уже не продолжаются; палата прямо начинаетъ вотировать первое главное предложеніе. Кромѣ этого способа можно устранить пренія по поводу предложенія такъ называемымъ предварительнымъ вопросомъ; какъ только представлено предложеніе, другой членъ можетъ предложить вопросъ, — нужны ли пренія объ этомъ предложеніи? Если большинство отвѣтитъ отрицательно, то пре-

нѣй не бываетъ и предложеніе прямо ставится въ видѣ вопроса для его балотировки. Пренія прекращаются также и въ томъ случаѣ, если во время ихъ кто нибудь сдѣлаетъ предложеніе, чтобы палата или отстрочила свое *засѣданіе*, или чтобы она отстрочила *пренія*. Если палата приметъ это предложеніе, то въ первомъ случаѣ засѣданіе палаты тотчасъ же закрывается и самое предложеніе, по которому шли пренія, устраняется совершенно, такъ сказать, косвенно отвергается, въ слѣдующемъ засѣданіи о немъ и не вспоминаютъ, во второмъ же случаѣ, т. е. когда предложено отстрочить *пренія*, засѣданіе тоже закрывается, но самое предложеніе не устраняется, но только пренія о немъ отлагаются до другаго засѣданія.

Можно прервать пренія и устранить самое предложеніе посредствомъ другаго предложенія — перейти къ очереднымъ дѣламъ дня (*à l'ordre du jour*). Переходъ къ очереднымъ дѣламъ есть, такъ сказать, вѣжливое, непрямое отверженіе предложенія. Въ списокъ очередныхъ дѣлъ для извѣстнаго засѣданія стоитъ, напримѣръ, какое нибудь предложеніе и проектъ закона; начинается засѣданіе и палата занимается предложеніемъ, по поводу его идутъ пренія. Въ это время какой нибудь членъ дѣлаетъ другое предложеніе — перейти къ очереднымъ дѣламъ; пренія тотчасъ же прекращаются, палата должна заняться этимъ новымъ предложеніемъ, должна вотировать его. Если оно принято, это значитъ, палата не хочетъ заниматься первымъ предложеніемъ, оставляетъ его безъ вниманія и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ, т. е. къ проекту закона, и въ существѣ дѣла предложеніе, значитъ, отвергнуто. Если на очередномъ списокѣ нѣтъ ничего, кромѣ предложенія, теперь отвергнутаго палатой, то она при этомъ составляетъ списокъ и рѣшаетъ, чѣмъ она займется теперь, или въ слѣдующее засѣданіе. Во французской сенатъ поданы были прошенія по поводу польскихъ дѣлъ; сенатъ, разсмотрѣвши эти прошенія и послѣ преній объ нихъ, рѣшилъ: перейти къ очереднымъ дѣламъ, т. е. другими словами, оставить ихъ безъ вниманія. Иногда переходъ къ очереднымъ дѣламъ мотивируется, т. е. палата формулируетъ основанія и побужденія, по которымъ она приняла такое рѣшеніе, иногда же рѣшеніе перехода высказывается и опредѣляется просто, безъ указанія мотивовъ.

Кромѣ предложеній, вполне принимаемыхъ, или вполне отвергаемыхъ палатою, могутъ быть представлены въ палату и такія предложенія, съ которыми она соглашается не вполне; одна

часть предложенія можетъ нравиться всѣмъ, а съ другою напротивъ не всѣ согласны; кромѣ того, многимъ можетъ не нравиться формулированіе предложенія, хотя они и согласны съ его содержаниемъ. Что же дѣлать палатѣ съ такимъ предложеніемъ? отвергнуть его она не можетъ, но также и принять не можетъ. На эти случаи существуетъ общее правило, что всякій членъ имѣетъ право къ сдѣланному предложенію предлагать измѣненія, или поправки (amendement). Въ поправкѣ обыкновенно предлагается или исключить нѣкоторыя слова изъ предложенія, представленнаго палатѣ, или замѣнить нѣкоторыя слова другими, или наконецъ дополнить предложеніе нѣкоторыми новыми словами. Всякая поправка разсматривается, какъ самостоятельное предложеніе, поэтому она также должна быть поддержана другимъ членомъ, по поводу ея бываютъ пренія, по заключеніи которыхъ поправка вотируется. Если поправка отвергнута, тогда предложеніе въ своемъ первоначальномъ видѣ поступаетъ на разсмотрѣніе палаты и въ такомъ видѣ утверждается ею. Напр. во французскомъ законодательномъ корпусѣ при началѣ послѣдней сессіи обсуждался отвѣтный адресъ на тронную рѣчь; былъ представленъ проектъ адреса, одобрявшій безусловно политику и всѣ дѣйствія правительства; пять оппозиціонныхъ депутатовъ къ каждому пункту проекта представили поправки, въ которыхъ высказывалось желаніе, чтобы правительство дѣйствовало въ болѣе либеральномъ духѣ и не прибѣгало къ системѣ стѣсненій; каждая поправка вызывала пренія и отвергалась корпусомъ, который такимъ образомъ утвердилъ первоначальный проектъ. Если же поправка принята, то въ предложеніи дѣлаются измѣненія сообразныя съ нею и предложеніе вотируется уже въ измѣненномъ видѣ. Напр. къ приведенному выше предложенію Форкенбека—снять военный законъ съ очереднаго списка до тѣхъ поръ, пока министерство не явится въ палату — Лева предложилъ поправку, состоящую въ томъ, чтобы уничтожить слова до тѣхъ поръ и т. д. Эта поправка была принята и предложеніе Форкенбека утверждено въ измѣненномъ видѣ. Къ поправкѣ, какъ къ самостоятельному предложенію, можно предлагать еще новыя поправки, которыя разсматриваются палатой тоже какъ самостоятельныя предложенія.

Всѣ важныя предложенія, особенно проекты законовъ, предложенныя палатѣ, никогда не обсуждаются ею тотчасъ же, а предварительно передаются на разсмотрѣніе комиссій, состоя-

щихъ изъ членовъ палаты. Въ Англіи членъ, представившій предложенію, самъ указываетъ тѣхъ членовъ, которые по его мнѣнію лучше другихъ могутъ обсудить его предложеніе и изъ которыхъ нужно составить комиссію; въ другихъ государствахъ сама палата выбираетъ и назначаетъ членовъ въ комиссію для обсужденія предложенія. Комиссія разсматриваетъ предложеніе, рѣшаетъ по большинству голосовъ принять, или отвергнуть его, дѣлаетъ въ немъ необходимыя по ея мнѣнію измѣненія, и потомъ представляетъ палатѣ докладъ; въ докладѣ комиссія разбираетъ предложеніе, налагаетъ свое рѣшеніе и тѣ соображенія, на которыхъ она основала его. Палата разсматриваетъ рѣшеніе комиссіи какъ новое предложеніе; она можетъ утвердить, но можетъ и отвергнуть его; вслѣдствіе этого по поводу рѣшенія бывають пренія въ палатѣ, и она вотируетъ его, такъ же точно, какъ всякое предложеніе. Комиссіи бывають или постоянныя, избираемыя на всю сесію, и каждой комиссіи поручаются всѣ дѣла извѣстнаго рода; или для каждаго проекта закона избирается особая комиссія. Представляется напр. палатѣ проектъ бюджета, для разсмотрѣнія его палата избираетъ бюджетную комиссію; вносится проектъ военнаго преобразованія, для него также составляется комиссія. Комиссія должна разобрать проектъ самымъ подробнымъ образомъ; она можетъ дѣлать въ немъ какія угодно измѣненія, поправки, дополненія и сокращенія, можетъ дать проекту совершенно другой видъ; она можетъ обращаться къ правительству съ требованіемъ необходимыхъ для нея официальныхъ свѣдѣній; министры, или ихъ комиссары присутствуютъ при совѣщаніяхъ комиссіи, помогаютъ ей своими указаціями и отклоняють комиссію отъ такихъ измѣненій въ проектѣ, на которые не согласится правительство. Пренія въ комиссіи происходятъ совершенно свободно и не стѣснены тѣми формальностями, которыя существуютъ для преній въ палатѣ. Обработанный такимъ образомъ проектъ комиссія представляетъ въ палату съ подробнымъ докладомъ, и палата съ своей стороны занимается его обсужденіемъ; сначала пренія идутъ обо всемъ законѣ, о его духѣ и направленіи; за тѣмъ начинается разсмотрѣніе его по пунктамъ. Здѣсь каждый членъ можетъ возражать противъ разсматриваемаго пункта и предлагать поправки къ нему; всякая поправка вызываетъ пренія и вопросъ объ ней рѣшается вотированіемъ. Если членъ предложитъ какую нибудь важную поправку, значительно видоизмѣняющую проектъ, то палата опять отсы-

дасть эту поправку на предварительное разсмотрѣніе комиссіи. — Въ Англіи проекты или биллы при первомъ чтеніи ихъ въ палатѣ не обсуждаются; обсуждения и пренія начинаются при второмъ чтеніи, послѣ котораго онъ передается на обсужденіе комиссіи. Обсужденный комиссіей билль читается въ палатѣ въ третій разъ, за которымъ слѣдуетъ вотированіе и окончательное утвержденіе. Для обсуждения важныхъ биллей вся палата образуетъ изъ себя комиссію. Это дѣлается для того, чтобы можно было вести пренія свободнѣе и безъ стѣсненій; въ комиссіи каждый членъ по поводу одного предмета можетъ говорить нѣсколько разъ, что не дозволяется при обыкновенномъ засѣданіи палаты. — Разсмотрѣнный и утвержденный нижнею палатою проектъ передается потомъ на разсмотрѣніе верхней палаты; если послѣдняя согласится съ нимъ, то проектъ получаетъ силу закона по утвержденіи верховною властью; въ противномъ случаѣ проектъ устраняется и трудъ нижней палаты пропадаетъ даромъ. Если же верхняя палата сдѣлаетъ замѣненія въ проектѣ, то она съ своей стороны передаетъ ихъ на разсмотрѣніе нижней и т. д. до тѣхъ поръ, пока проектъ не получитъ такого вида, на какой согласится обѣ палаты. Для этого иногда образуется конференція, или соединенная комиссія, состоящая изъ представителей обѣихъ палатъ; она и даетъ проекту видъ; удовлетворительный для обѣихъ сторонъ.

Законы въ представительныхъ государствахъ обнародуются отъ имени короля съ упомананіемъ однако, что они утверждены согласіемъ обѣихъ палатъ.

Судебная власть въ представительныхъ государствахъ не зависитъ ни отъ парламента, ни отъ правительства, и эта самостоятельность судовъ есть лучшая гарантія свободы гражданъ. Въ конституціонныхъ актахъ опредѣляются общія права гражданъ, каждый гражданинъ на нарушеніе этихъ правъ жалуется суду, откуда бы ни послѣдовало это нарушеніе, хотя бы и со стороны административной власти; судъ судитъ одинаково всѣхъ, и простыхъ гражданъ, и административныхъ чиновниковъ. Независимость отъ администраціи даетъ суду возможность быть безпристрастнымъ ко всѣмъ, и судъ такимъ образомъ становится защитой гражданъ даже отъ притязаній и притѣсненій администраціи.

М. АНТОНОВИЧЪ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Раскольниковыя дѣла XVIII столѣтія. Извлеченныя изъ дѣлъ преображенскаго приказа и тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи Г. Есиповыхъ. Томъ II. Спб. 1863.

Первый томъ «Раскольниковыхъ дѣлъ» г. Есипова вышелъ два года тому назадъ. Новая книга составлена такимъ же манеромъ, какъ и первая: одна половина ея занята «разказами» изъ дѣлъ, другая— приложениями, въ которыхъ напечатаны разные матеріалы для исторіи раскола и статьи изъ дѣлъ, служащія дополненіемъ къ тексту. Во 2-мъ томѣ помѣщены слѣдующіе разказы: «Старица Досифея и Веронесія», «Ложный доносчикъ», «Пашутій», «Русская борода и нѣмецкое платье», «Кликуши», «Керженцы въ царствованіе Петра Великаго». Сюжетъ всѣхъ этихъ разказовъ и дѣлъ одинъ: это преслѣдованіе раскольниковъ при Петрѣ и въ слѣдующія царствованія, преслѣдованіе изъ-за двуверстнаго сложенія, изъ-за антихристовыхъ пришестья, бороды, старо-печатныхъ книгъ, укрывательства отъ раскольничьей порчи и тому подобныхъ преступленій, которыя относились тогда къ слову и дѣлу, т. е. къ важнѣйшимъ политическимъ преступленіямъ. Старцевъ и раскольниковъ хватаютъ по доносамъ въ каземъ нѣбудь изъ этихъ преступленій, сажаютъ въ преображенскій приказъ въ «бѣдность» (тюрьмы этого приказа) или въ

тайную канцелярію, допрашиваютъ «съ пристрастіемъ», вѣшаютъ на дыбу и бьютъ кнутомъ, за тѣмъ посылаютъ иногда на «увѣщаніе» къ какому нибудь духовному лицу, сажаютъ опять въ тюрьму и наконецъ казнятъ или ссылаютъ въ каторжную работу; впрочемъ не всѣхъ,—множество народу умирало въ тюрьмѣ отъ истощенія и пытокъ. Такъ кончались дѣла; начинались они по доносамъ, причиною которыхъ была или злоба доносчика и желаніе отомстить, или просто, какъ это бываетъ и до сей поры, желаніе уже пойманнаго и осужденнаго преступника протянуть дѣло или даже избѣжать наказанія новымъ доносомъ, за которымъ должно было слѣдовать новое длинное слѣдствіе: если доносъ былъ «правый», доносчикъ могъ ожидать себѣ прямой выгоды. Поэтому онъ старался обыкновенно запутать въ дѣло какъ можно больше народа: людей отыскивали, допрашивали, ставили на очныя ставки, дѣла тянулись по цѣлымъ годамъ. Процедура судовъ еще не заразилась иноземными обычаями: приказъ переименовался въ канцелярію, но нравы остались тѣ же патриархальные и первобытные; искусство слѣдователя опредѣлялось ловкостью палача въ употребленіи кнута и дыбы, особенныхъ юридическихъ тонкостей не соблюдалось; правый и виноватый подвергались однимъ и тѣмъ же неприяностямъ слѣдствія и одной и той же пыткѣ; словомъ, нравы XVII-го столѣтія продолжали процвѣтать и въ той Россіи, которая будто бы бросила народную почву, камъ плчутся наши славянофильствующіе нисители. Все это въ сложности составляло весьма странное и трагическое заблужденіе: правительство самымъ безжалостнымъ образомъ преслѣдовало воображаемыя преступленія, казнило за слово и за складыванье пальцевъ,—это были свои процессы противъ вѣдьмъ, своя инквизиція противъ еретиковъ. Какъ бывало всегда, преслѣдованіе не уничтожало возможности новыхъ преступленій; они повторялись снова, и такъ шло дѣло до тѣхъ поръ, пока самимъ преслѣдователямъ не пришло въ голову, что дѣло можетъ быть ведено и иначе.

Эти дѣла взялся рассказывать г. Есиповъ. Рассказывать ихъ можно было конечно съ разными цѣлями: можно было ограничиться однимъ сообщеніемъ матеріаловъ, т. е. самыхъ производствъ дѣла, которыхъ было много подъ руками у г. Есипова; можно было взглянуть на эти событія и иначе, и представить цѣлую характеристику этого страннаго порядка вещей и понятій, господствовавшаго въ нашей жизни съ конца семнадцатаго вѣка; наконецъ, не задавая себѣ такой задачи, можно было пересказать фактическія подробности дѣлъ, руководясь одними положительными данными исторіи. Г. Есиповъ не остановился ни на одной изъ этихъ цѣлей, а предпочелъ гоняться за

всѣмъ тремя вдругъ. Мы находимъ въ его книгѣ и матеріалы въ ихъ первоначальномъ необработанномъ видѣ («Приложенія»), и попытку характеризовать эпоху (статья: «Керженцы»), и пересказы процессовъ, но, къ сожалѣнію, все это выполнено имъ не совсѣмъ удачно.

Его «Приложенія», составленныя изъ разныхъ документовъ, набранныхъ въ дѣлахъ преображенскаго приказа, тайной канцеляріи, въ рукописяхъ публичной бібліотеки и т. д., изданы способомъ весьма неудовлетворительнымъ. Не говоря о случайности въ подборѣ матеріаловъ—очевидно онъ бралъ, что попадалось подъ руку, печаталъ и то, что было напечатано («Исторія о бѣгствующемъ священствѣ», «Исторія о страдальцахъ соловецкихъ»), не указывая этого и не отмѣчая разницы своего изданія отъ прежнихъ,—самый способъ печатанія приводитъ насъ въ нѣкоторое недоумѣніе: статьи, взятыя г. Есиповымъ изъ старыхъ рукописей, напечатаны имъ съ такимъ отсутствіемъ какой нибудь человѣческой орфографіи, что въ нихъ можетъ ориентироваться только очень привычный читатель старыхъ и раскольничьихъ рукописей. Очевидно, г. Есиповъ наслушался или читался гдѣ нибудь, что старинные памятники нужно издавать съ величайшимъ вниманіемъ къ ихъ внѣшности и съ дипломатическою точностью; онъ вѣроятно и видѣлъ образчики такихъ изданій, испещренные множествомъ словъ, напечатанныхъ навыворотъ и съ совершенно особенной пунктуаціей. Г. Есиповъ вздумалъ сдѣлать то же и у себя, т. е. соблюсти ученыя требованія; онъ достигъ того, что мы изъ его матеріаловъ, какъ мы замѣтили, почти невозможно читать человѣку не искусившемуся въ такихъ вещахъ. Мы полагаемъ, что эта охота къ учености пришла г. Есипову совсѣмъ не кстаті: во первыхъ, подобныя дипломатически точныя изданія важны только тамъ, гдѣ внѣшность памятника дѣйствительно важна по старинѣ, или по своему значенію филологическому, или когда памятникъ представляетъ только единственный экземпляръ произведенія. Но въ настоящемъ случаѣ нѣтъ никакой причины заставлять читателя изучать всѣ орфографическія ошибки какого нибудь писца XVIII столѣтія, и въ свое время не знавшаго никакой орфографіи: въ результатѣ оказывается одна бесполезная и безграмотная нестрога, отъ которой нисколько не увеличивается польза читателя. Сочиненія раскольничьи (нѣсколько ихъ также напечатано у г. Есипова) отличаются въ особенности подобной безграмотностью, — г. Есиповъ берегаетъ и ее, какъ зеницу ока, хотя дѣло могло бы только выиграть, если бы онъ разставлялъ, какъ слѣдуетъ, знаки препинанія и уничтожилъ никому не нужныя ошибки. Впрочемъ, мы готовы были бы и помириться съ этимъ, но одно обстоятельство дѣлаетъ трудъ г. Есипова совершенно

потеряннымъ въ этомъ смыслѣ: дѣло въ томъ, что и вся его книга изобилуетъ такимъ количествомъ ореографическихъ ошибокъ, что читатель необходимо впадаетъ въ недоумѣніе о томъ, которая безграмотность принадлежитъ, на примѣръ, самой «исторіи о бѣгствующемъ священствѣ», и которая ея издателю, г. Есинову. Корректурa изданія г. Есинова ужасна, и при подобной наклонности г. Есинову слѣдовало бы по крайней мѣрѣ не хлопотать о накопленіи другихъ безграмотностей преднамѣренно. Совѣтуемъ г. Есинову избѣгать на будущее время порока безграмотности.

Характеристики времени, которыя дѣлаютъ иногда г. Есиновъ (на примѣръ, въ статьяхъ «Рус(с)кая борода» и «Керженцы въ царствованіе Петра Великаго»), отличаются нѣкоторой туманностью и, при всемъ значительномъ количествѣ матеріала, которымъ распоряжался авторъ, не приводятъ ни къ какому новому результату. Для примѣра того, какимъ образомъ г. Есиновъ вводитъ читателя въ изучаемыя событія, воспользуемся отрывкомъ изъ статьи о бородѣ. Она начинается слѣдующимъ образомъ:

«Убѣжденія рус(с)каго человѣка, () до(-)петровскаго времени, во всѣхъ классахъ народа безъ исключенія, шли въ уровень съ религиозными его понятіями (да вѣдь это также убѣжденія?), почерпая въ нихъ свою силу и непреложность. Уклоненіе отъ преданныхъ отцами и предками религиозныхъ понятій (и также убѣжденій, конечно?) считалось преступленіемъ—отсюда происходила та неподвижность въ мышленіи, та ненависть къ новымъ идеямъ, которыя могли поколебать убѣжденія, связанныя тѣсно въ практической жизни съ религиозными понятіями. Русь до(-)петровская, какъ мы сказали выше, дѣйствовала въ силу однихъ и тѣхъ же убѣжденій, во всѣхъ классахъ народа. Русско(і)и царь былъ представитель, охранитель православія — защитникъ отъ латинства, которое стало ненавистнымъ для русскихъ еще съ XI вѣка и потомъ въ особенности въ XVI вѣкѣ. Все жило въ тѣсной духовной связи отъ царя и до послѣдняго челднца, и только по немногу, незамѣтно, когда сознательно, когда безсознательно, *стлывалась* сила государственнаго управленія въ Москву, централизовалась въ Кремль. Но вся эта сила вращалась въ кругу административныхъ, судебныхъ и хозяйственныхъ предметовъ; она не трогала убѣжденій народныхъ, она не() входила въ обсужденіе религиозныхъ понятій—именно потому, что люди, управлявшіе государствомъ, думали и вѣрили одинаково съ управляемыми. Одинъ разъ въ до(-)петровской Руси, во время Никона, затронули жгучіе (?) элементы народныхъ вѣрованій, преданій — и борьба разгорѣлась; но *триста лѣтъ* (не двѣсти ли, со времени Никона?) доказали, что побѣда убѣжденій матеріальными силами, а не убѣжденіями, невозможна» и т. д. (стр. 159).

Какимъ образомъ «все жило въ тѣсной духовной связи» и «только по немногу стигивалась сила государственнаго управленія въ Москву»; мы не понимаемъ: авторъ очевидно соединилъ, какъ случилось, два понятія, которыя не имѣютъ никакого отношенія между собой. Какъ поговорить «сила государственнаго управленія», вращалась въ своемъ кругу, не касалась народныхъ убѣжденій, а потомъ затронула жгучіе элементы, также не понятно: затронула эти жгучіе элементы сначала не государственная, а церковная власть... Въ хронологіи, какъ мы замѣтили, авторъ также немногу смѣшался.

Въ статьѣ о Керженцахъ г. Есиповъ выражается такъ же неопредѣлительно, и причины раскола, которыя онъ желаетъ объяснить, остаются крайне неясны для читателя.

«Русское законодательство, начинается г. Есиповъ, въ ту эпоху, когда, начиналась борьба старообрядчества или раскола противу православной грековосточной церкви, сложилось уже окончательно, и на долгое время, въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича. Оно сложилось изъ различныхъ элементовъ, но преимущественно и въ связи съ каноническими правилами греческой церкви. Понятія о правдѣ или преступленіи, въ уложеніи, большею частію, разъяснялись твореніями святыхъ отцовъ, примѣрами изъ рѣшеній вселенскихъ или помѣстныхъ соборовъ. Гражданская власть шла на помощь духовной, для наравнѣ преступленій противу вѣры, и въ всякомъ соображеніи о свободѣ совѣсти и мыслей,—но эти соображенія не могли имѣть мѣста: убѣжденія религіозныя были во всѣхъ классахъ народа, начиная отъ царя до простолюдина, одни и тѣ же. Уложеніе, установленное общимъ соборомъ народнымъ, было всѣмъ любо и не возбуждало никакихъ опасеній, ни сомнѣній;—все, что въ немъ было постановлено, имѣло почву въ народной практической жизни, въ современныхъ понятіяхъ, въ преданіяхъ, въ обычаяхъ.

«Въ то же время, личная власть высшаго духовенства, т. е. патриарха и архіереевъ (,) стояла на самой высокой степени уваженія и пользовалась довѣріемъ и полнымъ повиновеніемъ. Низшее духовенство, напротивъ, было въ самомъ жалкомъ нравственномъ положеніи. Пьянство, безнравственность и невѣжество, () были отличительнымъ его характеромъ. Въ случаѣ какого либо событія, гдѣ понадобилось бы просвѣщенное и умное содѣйствіе низшаго духовенства, () высшему или правительству, надобно было предвидѣть, что низшее духовенство, руководимое личными интересами, можетъ пристать и не къ сторонѣ правительства или своего начальства, лишь бы соблюсти свои выгоды. Это такъ и вышло и даже очень скоро,—не далѣе какъ черезъ 5 лѣтъ послѣ издаванія уложенія» и т. д. (стр. 205).

... предварительныя явленія, изъ которыхъ онъ ... служить разсужденіе о законодательствѣ и ... — извѣстно; отъ него авторъ переходитъ къ духо- ... его положеніе очень вѣсно: по словамъ ... пользовалось довѣріемъ и повиновеніемъ, а ... (?), было въ жалкомъ нравственномъ отношеніи. ... противоположности, потому что можно пользо- ... и повиновеніемъ и также находится въ жалкомъ ... положеніи. Слѣдующія за тѣмъ слова г. Есипова о ... этого жалкаго положенія, низшее духовенство ... и не къ сторонѣ правительства, означаютъ, кажется, ... авторъ это положеніе низшаго духовенства и было ... распространенія раскола. «Для Никона, говоритъ онъ дальше, ... и необходимость исправленія въ книгахъ (книгъ?) ... — но народъ не могъ вдругъ понять этого, — а реформа ... и неожиданная. Кто могъ растолковать народу? Низшее ... Но оно было большею частію въ самомъ жалкомъ поло- ... въ отношеніи просвѣщенія и нравственности» (стр. 209). Да- ... изъ низшаго духовенства, которые были поправствен- ... исключительно только за стро- ... высшихъ обрядовъ, за привязанность къ правосла- ... за знаніе твердо священнаго писанія и церковно-служеб- ... старопечатныхъ, а теперь имъ приказывали отказываться ... этого авторитета—толковать народу (что?) противъ собственнаго ... ронять свой авторитетъ, весьма выгодный. Послѣдствіемъ ... что первые раскольники и расколоучители явились есте- ... изъ духовнаго званія. Въ главѣ ихъ былъ епи- ... Коломенскій, архимандритъ Богоявленскаго монастыря ... Потемкинъ, протопопъ Аввакумъ и другіе». Опять логи- ... хромаетъ: духовенство болѣе нравствен- ... грамотное пользовалось авторитетомъ за строгое исполненіе ... обрядовъ и проч., а теперь ему приказывали отказываться ... и толковать народу противъ собственнаго убѣжденія. ... опять недостаетъ чего-то. Если самъ г. Есиповъ говоритъ ... убѣжденіи, слѣдовательно, вопросъ былъ уже не только въ ... что низшему духовенству было жаль отказываться отъ ... авторитета. Убѣжденіе и выгода двѣ вещи весьма различнаго ... Если первые раскольники явились изъ духовнаго званія, ... было очень просто то, что духовенство прежде всего ... въ подавляемъ религиозномъ спорѣ; первые

раскольники были именно люди, участвовавшие въ прежнихъ изданіяхъ богослужебныхъ книгъ и потому не признанные Никономъ. Наконецъ, авторъ оказывается не правъ и въ томъ, что прежде вину распространенія раскола навязывалъ низшему духовенству, находившемуся въ жалкомъ, нравственномъ отношеніи. Павелъ Коломенскій, архимандритъ Спиридонъ, Аввакумъ далеко не были этимъ низшимъ духовенствомъ: не говоря о двухъ первыхъ, и Аввакумъ, если и не имѣлъ высшаго духовнаго сана, во всякомъ случаѣ былъ тогда лицомъ весьма замѣтнымъ; это былъ человекъ, до Никона имѣвшій также на своей сторонѣ большое довѣріе. Г. Есиповъ сожалѣетъ, что низшее духовенство не понимало затѣяннаго Никономъ исправленія; а до Никона развѣ не довольствовались плохо исправленными книгамъ всѣ безъ исключенія? Очевидно, вопросъ стоитъ нѣсколько шире, чѣмъ понимаетъ его г. Есиповъ, и мы бы совѣтовали г. Есипову лучше вникать въ дѣло прежде, чѣмъ онъ начнетъ объяснять его категорически своимъ читателямъ.

Наконецъ, г. Есиповъ пересказываетъ въ своей книгѣ фактическія данныя раскольничьихъ дѣлъ. Какъ прежде, въ первомъ томѣ, онъ рассказывалъ исторію подьячаго Докукина, такъ теперь рассказываетъ съ той же наперой исторію «старичъ Досноен и Варсонофія», исторію «Ложнаго доносчика» и т. д. Г. Есиповъ рассказываетъ эти дѣла такъ доскопально, какъ будто бы онъ самъ все это видѣлъ и слышалъ. Вотъ, на примѣръ, какъ начинается рассказъ о старичѣ Досноенѣ:

«12 февраля 1728 года въ Тобольскомъ надворномъ судѣ передъ судейскою кошатою, въ канцеляріи, у дверей, стояли три колодника, заведенные по рукамъ и ногамъ въ желѣза, воглѣ нихъ солдаты съ обнаженными малашамъ.

«Подьячій сидѣлъ за особеннымъ столомъ.

«— Омику Михрашова! закричалъ подьячій, смотря въ бумагу, передъ нимъ лежавшую.

«Одинъ изъ колодниковъ, звена цѣпями, подошелъ къ столу.

«— Не имѣешь ничего показать вновь къ прежнему допросу? спросилъ подьячій.

«— Ничего, отвѣчалъ колодникъ.

«— Ты имѣешь грамоты?

«— Не знаю, отвѣчалъ колодникъ.

«— Сидорычъ, приложи за него руку къ вышнему отвѣту, сказалъ подьячій, обращаясь къ плѣшивому старнику, который сидѣлъ за другимъ столомъ.

«Сидорычъ подошелъ къ подьячему столу и началъ подписывать.

«— Да что же въ нынѣшнемъ допросѣ? спросилъ колодникъ.

«— Ничего, отвѣчалъ подъячій: — то же, что и въ прежнемъ. Пошелъ прочь.

«Колодникъ поклонился и отошелъ къ своимъ товарищамъ.

«— Оедотъ Подикарповъ!

«Явился другой колодникъ — и съ нимъ то же самое, что и съ Оемкой Мухрашовымъ.

«— Дороф(е)ей Веселковъ! закричалъ подъячій.

«Третій колодникъ выдвинулся впередъ; солдаты съ казанцами, держа съ нимъ, подошли къ столу. Онъ былъ закованъ по рукамъ и ногамъ, длинная цѣпь съ замкомъ стучала о колѣна.

«— Тебя привезли сегодня ночью?

«Колодникъ молчалъ.

«— Откуда ты? какъ твое прозванье?

«— Сибирской губерніи, изъ Тюмени, казачій сынъ.

«— Ты сказалъ слово и дѣло?

«— Сказалъ! отвѣчалъ колодникъ.

«Подъячіе всѣ подняли головы и съ любопытствомъ прислушались.

«— Видно, спина зачесалась, сказалъ подъячій: — почесуть въ Преображенскомъ.

«Колодникъ молчалъ...»

И такъ далѣе. Весь рассказъ раздѣленъ на главы: первая называется «Доносъ», вторая — «Поѣздка», третья — «Тобольскъ», четвертая — «Преображенскій приказъ», въ родѣ того, какъ бываетъ въ раздирательныхъ драмахъ и романахъ. Выписанное нами начало въ самомъ дѣлѣ какъ будто приготовляетъ читателя къ роману. Предожженіе идетъ въ томъ же родѣ. Дороф(е)ей Веселковъ показанъ на раскольниковъ, живущихъ скрытно въ лѣсу; въ числѣ ихъ были и двѣ названныя старицы. Но доносу раскольники должны быть взяты въ Преображенскій приказъ, гдѣ грозятъ имъ пытки и истязанія за неподобныя слова о вѣрѣ и о царскомъ величествѣ. Воевода уже снарядилъ за ними солдата; раскольники не подозреваютъ опасности, — но у нихъ есть другъ и тайный покровитель, Тимоф(е)й Трифоновъ. Этотъ тайный другъ — зажиточный купецъ и скрытный раскольникъ, живетъ въ ладахъ съ начальствами и за деньги достаетъ отъ подъячихъ всѣ нужныя свѣдѣнія. Узнавши о посылкѣ солдата, Тимоф(е)й Трифоновъ спѣшитъ предупредить раскольниковъ: ему не удалось достигъ своей цѣли, раскольники не успѣли скрыться, и только послѣ ему посчастливилось выручить уже изъ подъ караула одного старца. Наконецъ, доносчикъ Дороф(е)й, двѣ старицы и еще одинъ

раскольникъ привезены въ Преображенскій приказъ; начинаются допросы, пытки, обыкновенная исторія Преображенскаго приказа.

Таковъ сюжетъ. Судя по тому, что г. Есиповъ приводитъ въ концѣ разсказа выписки изъ подлинныхъ допросовъ, видно, что исторія действительно заключалась въ доносѣ казачьяго сына Дороея Веселкова на раскольничьихъ старцевъ и старицъ, что раскольники были взяты, что ихъ допрашивали и пытали въ Преображенскомъ приказѣ. Но за этимъ главнымъ фактомъ разсказъ представляетъ столько подробностей, исторія разсказана съ такими мелочными обстоятельствами, которыя едва ли находятся въ подлинномъ дѣлѣ и потому невольно наводятъ на насъ сомнѣнiе. Г. Есиповъ доходитъ до того, что подобно одному герою Гоголя буквально начинаетъ пересчитывать по именамъ ящичковъ... Какого же рода произведенiе даетъ намъ г. Есиповъ? Чисто историческимъ оно быть едва ли можетъ, потому что едва ли въ источникахъ г. Есипова описанъ плѣшивый подъячій, разговоры воеводы съ солдатомъ и т. д. Очевидно, что въ сочиненiи разсказа участвовала и собственная фантазія г. Есипова. Прельстился ли онъ талантомъ г. Печерскаго, описывавшаго «Гришу», или талантомъ г. Семейскаго, описавшаго фрейлину Гамильтонъ въ ея нравственномъ и физиологическомъ бытѣ, но онъ явно захотѣлъ быть изящнымъ разсказчикомъ исторiи; но въ такомъ случаѣ мы совѣтовали бы ему открыто заявить о своемъ намѣренiи и не вводить въ заблужденiе читателя, который, по другимъ статьямъ его книги, вздумаетъ принять его за достовѣрнаго историка. Безъ этого мы не знаемъ, за что принять его повѣствованiе о старицахъ: выписки изъ дѣлъ означаютъ присутствiе историческаго основанiя, плѣшивый подъячій и пересчитыванье ящичковъ обнаруживаютъ присутствiе фантазiи. Намъ кажется напр. совершенно сомнительной личность Тимофея Трифонова, которому г. Есиповъ отвелъ почетное мѣсто въ своей исторiи.

Гораздо лучше было бы, если бъ г. Есиповъ «какъ язвы боялся вдохновенья» и старался бы просто передать вѣрнѣе историческіе факты безъ собственныхъ украшенiй. Факты и безъ того краснорѣчивы, и ими могъ бы воспользоваться спокойно историкъ преслѣдованій раскола; а теперь этотъ историкъ взглянетъ на произведенiе г. Есипова не вѣе доверчиво. Что касается красоты слога, то ея гораздо больше читатель можетъ найти во многихъ другихъ мѣстахъ.

Въ другихъ разсказахъ г. Есиповъ больше держится своихъ подлинниковъ, и вставивши свои беллетристическія украшенiя, начинаетъ просто выписывать показанiя и допросы со всѣми ихъ повторенiями и со всѣми ихъ запутанностью. Но цѣль опять не достигается:

беллетристическая форма не выдерживается, потому что ей мѣшают запутанныя выдержки изъ подлинныхъ дѣлъ (напечатанныя, кромѣ того, невнимательно); съ другой стороны, читатель не можетъ принять разсказа г. Есипова за подлинное производство дѣла, потому что оно прерывается собственнымъ изложеніемъ автора, которое, какъ мы видѣли выше, даетъ много поводовъ къ сомнѣнію.

Мы думаемъ, что г. Есиповъ, если желаетъ съ пользою продолжать свое изученіе раскольниковъ исторіи, сдѣлаетъ лучше всего, когда оставитъ заботу о литературномъ изяществѣ или историческомъ глубокомысліи своихъ произведеній. И то и другое удастся ему плохо. Вмѣсто того онъ долженъ постараться о болѣе точномъ изложеніи матеріала, находящагося у него подъ руками, или просто о болѣе вѣрной перепечаткѣ его съ соблюденіемъ обыкновенныхъ орфографическихъ предосторожностей. Теперь этихъ предосторожностей принято не было, и изданіе преизобилуетъ такимъ количествомъ ошибокъ, что онѣ становятся серьезнымъ недостаткомъ книги; потому что въ изданіи старинныхъ памятниковъ этотъ недостатокъ можетъ сдѣлать неудовлетворительнымъ весь трудъ, на нихъ возложенный, и можетъ просто сдѣлать необходимымъ вторичное, болѣе правильное изданіе. Г. Есиповъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, не совсѣмъ знакомъ и съ стариннымъ языкомъ. Въ первомъ томѣ его «Раскольниковъ дѣлъ», онъ выписываетъ напр. съ недоумѣніемъ и вопросительнымъ знакомъ такую фразу: «ты все по *сору* (?) говоришь», — что означаетъ: говорить на вѣтеръ, вѣтрено, необдуманно (отъ латинскаго слова *aer*). Далѣе, ему попалось слово *свела*, т. е. препятствіе, слово очень обыкновенное въ старинномъ употребленіи; г. Есиповъ для объясненія ставитъ въ скобкахъ: (*срета — врагъ*) какъ будто это было какое нибудь иностранное слово. Зачѣмъ онъ выписалъ его латинскими буквами, остается неизвѣстно. Во второмъ томѣ (прил. стр. 62) г. Есипова точно такъ же ввела въ недоумѣніе фраза: «воевода нѣкій *соеже* (?) о немъ воинствомъ», — объяснить которую излишне для тѣхъ, кто сколько нибудь основательно знакомъ съ стариннымъ языкомъ.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, біографическій очеркъ *Владимира Ламанскаго* («Отечественныя Заниски» 1863, № 1 и 2).

Въ началѣ своего очерка г. Ламанскій объясняетъ, что на изученіе Ломоносова онъ былъ наведенъ тѣмъ страннымъ явленіемъ, которое

представляет наша академія — нѣкогда поприще дѣятельности Ломоносова, — академія Шумахеровъ, Таубертовъ, Модераховъ, Штелиныхъ и т. д., и т. д., существовавшая въ русскомъ царствѣ, на русскія деньги, вѣроятно для пользы русскихъ, и не смотря на это, все-таки издавна и почти до сихъ поръ поголовно нѣмецкая, и за нѣсколькими исключеніями, ничего не дѣлавшая для русской литературы и образованности. Въ самой статьѣ г. Ламанскій нѣсколько разъ опять касается этого предмета. Предметъ не новъ и уже давно не разъ обращалъ на себя вниманіе людей благомыслящихъ и наполнялъ благороднымъ негодованіемъ патріотическія сердца, которыя не могли выносить такого нахальства со стороны нѣмцевъ. Въ подобныхъ случаяхъ нѣмцамъ обыкновенно доставалось очень сильно: они однако выслушивали все это очень спокойно и продолжали засѣдать въ петербургской академіи, а чаще даже и не выслушивали, потому что съ російскою литературой знакомы очень мало и иногда бываютъ плохо знакомы и съ русскимъ языкомъ... Такимъ образомъ негодующіе оказывались даже въ нѣсколько комическомъ положеніи, потому что ихъ филиппики не достигали тѣхъ, къ кому относились;—чтобы дѣйствительно задѣть академическихъ нѣмцевъ, оказывалось нужнымъ писать на нѣмецкомъ или на французскомъ языкахъ, на которыхъ академики печатаютъ свои бюллетени. Г. Ламанскому это положеніе академическихъ нѣмцевъ кажется наглою узурпаціей: онъ указываетъ, какъ званія академическія передавались отъ одного нѣмца другому по родству и кумовству, описываетъ злостныя дѣянія Шумахера, съ негодованіемъ говоритъ о томъ, что нѣмцы не хотятъ признать громадной заслуги Ломоносова, какъ не признавали славы Гуса и не признаютъ Гадки и Челяковскаго и т. д. Поступки академическихъ нѣмцевъ онъ представляетъ продолженіемъ той племенной ненависти, которую испоконъ вѣка нѣмцы питаютъ противъ славянъ. Нѣмецкая академія представляется въ заключеніе всего явленіемъ въ высшей степени ненормальнымъ и для русскаго образованія безплоднымъ.

Мы говорили, что такая тема развивалась нерѣдко патріотическими писателями, и читатели, можетъ быть, припомнятъ, какъ зло однажды, года два назадъ, «Сѣверная Пчела» «отдѣлала» эту академію. Но кто же виноватъ въ томъ? Патріотическимъ писателямъ не приходило въ голову, что ихъ жалобы напоминаютъ того гоголевскаго сапожника, который ставилъ на сапоги сѣверный товаръ и потому жаловался, что отъ нѣмцевъ житья нѣтъ; они забыли и то, что здѣсь, какъ и при появленіи варяговъ въ древней Руси, было не завоеваніе, а призваніе, — которое, какъ извѣстно съ норманскихъ

исследований г. Погодина, и составляет особенную национальную черту русской истории. Что русско-нѣмецкая академія была недѣльна, это говорили даже и сами нѣмцы: въ статьѣ самаго г. Ламанскаго помѣщикъ отзывъ нѣмца-академика, Шлѣцера, который весьма не лестно относился къ порядкамъ этого учрежденія. Г. Ламанскій не внимаетъ этому и продолжаетъ твердить о вѣковой ненависти и узурпации. Отчего г. Ламанскій не обратитъ вниманія на такой фактъ, напримеръ, какъ 2-е отдѣленіе (то есть русское отдѣленіе русскаго языка и словесности, состоящее исключительно изъ русскихъ) академіи, которое, по его собственнымъ словамъ, «болѣе, чѣмъ на половину, лишено строго ученаго характера» (январь, стр. 253). Если его такъ занимала вообще судьба петербургской академіи, ему вѣроятно известно это 2-е отдѣленіе и его ученая дѣятельность. Судя по его отзыву, мы предполагаемъ, что недостатокъ учености во 2-мъ отдѣленіи академіи г. Ламанскому не безызвѣстенъ, и думаемъ также, что и въ его глазахъ этотъ недостатокъ таковъ, что его нельзя одобрить въ учрежденіи, носящемъ названіе и прерогативы академіи. Въ этомъ 2-мъ отдѣленіи нѣтъ никакихъ нѣмцевъ, а одни чистые русскіе: кто же нѣмцѣмъ имъ отличиться своими заслугами и «удовольствовать не только сіе собраніе, но и все отечество учеными сынами своими», какъ желалъ Ломоносовъ? Мы предполагаемъ, что 2-е отдѣленіе также не удовлетворяетъ критическимъ требованіямъ г. Ламанскаго; но нѣмцевъ въ немъ нѣтъ, — гдѣ же станемъ искать причинъ его неудовлетворительности? Очень жаль, что г. Ламанскій обоняетъ этотъ вопросъ; если бы онъ занялся имъ, то, можетъ быть, увидѣлъ бы въ академической исторіи и какія нибудь иные явленія, кромѣ наглого захвата со стороны нѣмцевъ, кромѣ нѣмецкаго кумовства, кромѣ нѣмецкаго чиновничества и т. д.

Г. Ламанскій, какъ и слѣдуетъ вѣрному смодвижнику «Дня», неустанно твердитъ о «лжи» петербургскаго періода и полагаетъ между прочимъ, что эта ложь выразилась и въ томъ, что общество равнодушно и безразлично смотритъ на явленіе, представляемое петербургской академіей. Но эту ложь г. Ламанскій могъ бы и не взваливать на петербургскій періодъ, — потому что въ послѣднее время въ предѣлахъ того, что г. Ламанскій называетъ петербургскимъ періодомъ, существовало объ академіи весьма опредѣленное мнѣніе: одни уже давно, гораздо прежде г. Ламанскаго, считали нужнымъ выразить свое патристическое недовольство ея составомъ и трудами и говорили объ этомъ даже достаточно сильно; другіе совершенно отвернулись отъ академіи и, за немногими исключеніями, перестали ей интересоваться, какъ дѣломъ для нихъ нужнымъ и безплоднымъ. Въ этомъ отношеніи общественное

мнѣніе было довольно опредѣленно и ясно, и слѣдовательно не можетъ быть обвинено въ безразличности... Но г. Ламанскому должно быть известно, что это общественное мнѣніе не составляетъ власти, могущей измѣнять академическіе порядки; оно просто бросило академію, какъ бросало много другихъ вещей, о которыхъ бесполезно толковать. И г. Ламанскому не стоило бы убиваться изъ-за такихъ вещей. Можно было бы найти для изученія и болѣе важные предметы, чѣмъ С.-Петербургская академія.

Надобно отдать справедливость г. Ламанскому, что онъ дѣлаетъ свое изслѣдованіе очень обстоятельно, изучаетъ внимательно все, что можетъ характеризовать дѣятельность Ломоносова и развитіе его свѣдѣній и понятій. Въ напечатанныхъ теперь статьяхъ заключается только начало и программа труда, который г. Ламанскій предлагаетъ посвятить исторической роли Ломоносова въ наше образованіе. Но г. Ламанскій вѣрный послѣдователь Кирѣевскихъ, Хомякова и «Дня» и его изслѣдованіе проникнуто тѣми же извѣстными понятіями славянофильскаго свойства, которыя сильно повредятъ труду г. Ламанскаго, если авторъ не запасется болѣе широкимъ историческимъ безпристрастіемъ.

Заслуги Ломоносова признаются бесспорно всеми; но г. Ламанскій не доволенъ этимъ признаніемъ, потому что большинство нашихъ критиковъ и ученыхъ признавало Ломоносова съ точки зрѣнія «петербургскаго періода», слѣдовательно это признаніе заслугъ было въ принципѣ безсознательно — нечестно. Взамѣнъ того г. Ламанскій предлагаетъ для критики Ломоносова свою точку зрѣнія, состоящую въ томъ, что Ломоносовъ великъ отъ того, что онъ дѣятель народный; въ томъ смелѣ; какъ это понимаютъ славянофилы. Г. Ламанскій слѣдитъ за жизнью Ломоносова съ его деревенскаго быта, когда онъ занимался съ отцомъ промыслами, совращался въ расколъ и т. д., словомъ, много принадлежалъ народной жизни. По мнѣнію г. Ламанскаго, это и дало ему впослѣдствіи его великое значеніе: правда, онъ учился въ академіи, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Германіи, учился у философовъ, но вся нравственная его сила, весь его взглядъ на вещи были могущественны и здоровы потому, что онъ былъ поморъ. Г. Ламанскій отыскиваетъ самыя тонкія связи между его природнымъ поморствомъ и разными чертами его позднѣйшей общественной и ученой жизни. Точно такъ же прежде у насъ думали объяснить все въ Державинѣ тѣмъ, что онъ былъ потомокъ Багрина.

Несмотря на то, что Ломоносовъ раздѣлялъ общій характеръ тогдашней образованности и общественныхъ понятій, напр. писалъ торжественныя оды, надписи къ фейерверкамъ, занимался той наукой, которую русскіе тогда только что узнавали и которую славянофилы за-

зываютъ въмецкой, переносятъ къ намъ искусственныя формы иностранныхъ литературъ, — г. Ламанскій даетъ ему совершенно исключительное положеніе и приписываетъ его именно тому, что Ломоносовъ вышелъ изъ народа, — и именно изъ крестьянъ. Народъ понимается здѣсь г. Ламанскимъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ. Ломоносовъ носилъ въ себѣ нравственный міръ этого народа и отсюда его великая дѣятельность.

Г. Ламанскому кажется пошлою сентиментальностью, когда, говоря о Ломоносовѣ, считаютъ нужнымъ удивляться тому, что онъ родился въ курной избѣ, провелъ молодость въ бѣдной обстановкѣ и т. д. Ему кажется это оскорбленіемъ народа, — какъ будто изъ этой среды не могло выйти человѣка великаго и гениальнаго. Это до какой-то степени справедливо, тѣмъ больше, что факты, напримѣръ, бѣдности Ломоносова, на которыхъ основывалась эта преувеличенная сентиментальность, оказываются невѣрными; но удивленіе и особенное сочувствіе къ подобному появленію гениальнаго человѣка остается все-таки очень законно потому, что эти явленія къ несчастью очень рѣдки: талантливые люди народа всего чаще погибаютъ въ нашей дѣйствительности, не находя изъ нея выхода, или когда выходили изъ нея, выходили на ложную дорогу или не успѣвали ничего сдѣлать. Даже Кольцовъ далеко не сдѣлалъ того, чтобы могъ сдѣлать послоніи первоначальнымъ задаткамъ. По этому случаю, когда талантливый человѣкъ изъ народа успѣваетъ побѣдить всѣ трудности, стоящія на его пути, это справедливо можетъ возбудить удивленіе или особенную мягкость чувства.

Но г. Ламанскій видѣлъ въ этомъ одно оскорбленіе народа. Если гениальная личность вышла изъ народа, изъ крестьянства, то въ этомъ удивительнаго ничего нѣтъ, потому что она отсюда и должна выводить. Г. Ламанскій представляетъ это себѣ слѣдующимъ образомъ:

«Какъ государство зависимо отъ общества, точно такъ же и высшіе слои народа отъ низшихъ, отъ нихъ получающіе и силу, и значеніе. Какъ государство заимствуетъ себѣ руководящія начала отъ общества и только принимаетъ къ своимъ дѣламъ идеи, выработанныя дѣятелями общественными, точно такъ же и эти послѣдніе, поэты, проповѣдники, мыслители, публицисты, черпаютъ себѣ силы у народа, только формулируютъ свои воззрѣнія, выясняютъ и возводятъ въ сознаніе народныя начала, *безсознательно почющія въ языкъ, стравиваясь, нести и быть народа*. Общее можетъ проявляться только во множествѣ и разнообразіи особенностей. Свое общечеловѣческое значеніе проявляютъ народы своими великими дѣятелями и находятся къ нимъ въ такомъ же отношеніи, въ канонъ художники и мыслители къ своимъ создателямъ.

И таковы образцы, говорить, напримеръ, что Аристотель, Шекспиръ, Карлъ Великій, Петръ I были выше своего народа—все одно, что призвать въ Гамлетѣ, святинской Мадоннѣ и «Феноменологіи духа» — болѣе гениальности, чѣмъ въ Шекспирѣ, Рафаэлѣ и Гегелѣ.... Такого собственно отношеніе великихъ народныхъ дѣателей къ своимъ народамъ. Чѣмъ богаче народъ внутренними силами, тѣмъ сильнѣе бываетъ въ немъ общество; а чѣмъ сочувственнѣе къ нему, къ его *стихійной*, *безсознательной* жизни та среда, въ которой выясняются, формулируются его народныя начала, тѣмъ живѣе и свободнѣе проявляетъ онъ на сѣбѣ Божій свои силы. Исторія предлагаетъ намъ нѣсколько примѣровъ, какъ передовые классы народа, владѣя большимъ доступомъ и большими матеріальными средствами, забывали о своихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ народу, начинали господствовать надъ нимъ и не о томъ помышляли, чтобы трудомъ, мыслью и подвигами жизни выяснять народныя начала, а напротивъ, старались навязывать народу чужія иновѣчныя теоріи и ученія, воспринятые ими рабски, некритически. При этомъ точно такъ же извращается естественный законъ развитія общества, какъ и въ томъ случаѣ, когда государство само становится себѣ цѣлью, и когда оно не прилагивается и не примѣняется къ народу, не слушается его голоса, а напротивъ, хочетъ просвѣщать народъ, не служить ему, а брать его подъ свою охоту и водить его на *помочахъ*. (Иль., стр. 261).

Сущность этого взгляда состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, что гениальный или талантливый дѣатель только тогда великъ и благотворитъ, когда развиваетъ народныя начала, спичія безсознательно въ народѣ. Этотъ дѣатель получаетъ почти страдательную роль; онъ только воспринимаетъ и передаетъ народныя начала. Г. Ламанскій потому весьма старательно собираетъ факты, чтобы указывать всюду въ *Ломоносовѣ помора*, хотя это и весьма затруднительно; поморскаго, конечно, мало остается въ *Ломоносовѣ* — ученомъ, потому что все поморство его ограничивается здѣсь тѣмъ, что онъ вспоминаетъ о своихъ промысловыхъ поѣздкахъ и о разныхъ явленияхъ сѣверной природы. Во исполненіе теоріи г. Ламанскому нужно было непременно подвести къ дѣятельности и характеру Ломоносова все, въ чемъ онъ считаетъ народныя начала. Ломоносовъ для поступленія въ школу долженъ былъ снзаться, что онъ поповскій, а не крестьянскій сынъ (потому что крестьянскихъ дѣтей въ школу не принимали), и г. Ламанскій называетъ это измѣной и видитъ въ этой невинной лжи причину того, что Ломоносовъ потомъ не понялъ принудительности реформы Петра. Лѣтъ двѣнадцати Ломоносовъ крестился во раскольничьи, что впрочемъ скоро бросилъ, но г. Ламанскій выводитъ, что «ученіе (раскола) не могло не имѣть вліянія на даровитаго

малычика и, *воздвигая его душу сомнѣніями*, должно было разбудить до того спавшія въ немъ силы, развить въ немъ мысль и наблюдательность, *привычку къ анализу и преніяты*» (январь, стр. 271). Откуда все это слѣдуетъ, остается неизвѣстнымъ. Далѣе. Ломоносовъ отправляется въ кievскую академію, — г. Ламанскій выводитъ, что тамъ онъ долженъ былъ познакомиться съ южными православными славянами, болгарами и сербами; это знакомство, по программѣ г. Ламанскаго, непременно должно было входить въ систему бессознательно почлюпшк народныхъ началъ, которые должны были воспринимать Ломоносовъ. Принявши это за фактъ, г. Ламанскій сибно. повязываетъ потомъ Ломоносову панславистскіи тенденціи и, на основаніи одной фразы Ломоносова о сходствѣ южно-славянскихъ языковъ съ русскимъ, увѣряетъ, что Ломоносовъ думалъ будто бы о всеславянскомъ языкѣ. При этомъ г. Ламанскій приводитъ нѣсколько случаевъ, когда мысль о всеславянскомъ языкѣ появлялась у другихъ славянскихъ ученыхъ и писателей, и Ломоносовъ оказывается въ заключеніе однимъ изъ проповѣдниковъ панславизма.

Самый фактъ, приведенный г. Ламанскимъ, не даетъ, конечно, никакихъ основаній для этого вывода. Что Ломоносовъ зналъ о южныхъ славянахъ и о сходствѣ ихъ языка съ русскимъ, въ этомъ удивительнаго ничего нѣтъ, и для этого ему не нужно было даже ѣздить въ Кіевъ; это знали тогда и многіе другіе, напр. даже Сумароковъ. Г. Ламанскому просто нужно было для выполненія его программы, чтобы въ Ломоносовѣ были и начала, «бессознательно почлюпшк» въ славянскомъ племени, какъ думаетъ это г. Ламанскій.

Далѣе. Г. Ламанскій утверждаетъ, что наша образованность (т. е. образованность петербургскаго періода, не понимавшая Ломоносова хорошенько) «не могла не проглядѣть того могущественнаго (и въ высшей степени благотворнаго) вліянія, которое имѣла на Ломоносова церковь съ своимъ богослуженіемъ на славянскомъ языкѣ. Вообще, наша наука совсѣмъ еще не оцѣнила того великаго преимущества, которымъ всѣ православные народы отличаются передъ народами романо-германскими. Русский народъ уже нѣсколько вѣковъ пользуется возможностью ежедневно слышать въ храмахъ божіихъ, на родномъ почти языкѣ, высочайшіе образцы чистой христіанской поэзіи. Ломоносовъ еще крестьяниномъ узналъ наизусть большую часть церковныхъ нѣсенъ, каноны Іоанна Дамаскина и проч. Они развили въ немъ глубокое внутреннее благочестіе, чистый взглядъ на вѣру и на ея отношенія къ наукообразному отвлеченному знанію, словомъ, воспитали въ немъ православнаго человѣка, опредѣлили его философскія убѣжденія и вливали въ его поэзію ту чисто-православную струю, ко-

тораю отличаетъ нашу поэзію отъ всѣхъ европейскихъ, отъ Ломоносова до Языкова, Хомякова и А. Толстаго включительно» (лит., стр. 280). Изъ этого выводится, что Ломоносовъ не смотря на свои тяжелыя формы, народенъ больше, чѣмъ многіе наши писатели, выработавшіе себѣ народныя формы... Конечно, никто не станетъ противорѣчить г. Ламанскому касательно указаннаго имъ преимущества русскаго народа передъ народами романо-германскими, но намъ кажется, что г. Ламанскій понимаетъ вещи не довольно отчетливо. Даже редакция «Отечественныхъ Записокъ» нашла нужнымъ въ приобщеніи отородить свое мнѣніе отъ этихъ помятій г. Ламанскаго. Очевидно, г. Ламанскій сдѣлываетъ равнозначность писателя съ его поэтическимъ дарованіемъ: по его мнѣнію народность, одно изъ высшихъ качествъ художественнаго произведенія, достигнута была у Ломоносова однимъ тѣмъ его качествомъ, что онъ еще крестьянникомъ зналъ наизусть церковныя пѣсни и отличался внутреннимъ благочестіемъ. Эти качества безъ сомнѣнія дѣлали его человѣкомъ православнымъ, но конечно не имѣли вліянія на силу его поэтическаго дарованія... И здѣсь, какъ прежде, г. Ламанскому нужно было только указать въ Ломоносовѣ «безсознательно поименія» народныя начала. Точно также прежде г. Ламанскій указывалъ въ Ломоносовѣ вліяніе раскола, потому что и расколъ считаетъ онъ также однимъ изъ народныхъ началъ: но какъ помирить онъ въ своихъ герояхъ эти два начала, которымъ однако противорѣчатъ одно другому?

Предоставляя г. Ламанскому самому разрѣшать эту дилемму, когда онъ займется подробнымъ выполненіемъ своего біографическаго плана; мы останавливаемся на общемъ смыслѣ его теоріи. Если не его мнѣнію общественный дѣятель, писатель, мыслитель и т. д. только выводитъ на свѣтъ идеи и начала, скрывающіяся въ безсознательномъ видѣ въ самомъ народѣ, какимъ образомъ дѣлаются возможными какое нибудь развитіе? Исторически извѣстно, что народныя массы долго могутъ оставаться почти въ одномъ и томъ же положеніи, не подвигаясь впередъ, всего чаще задавленныя внѣшнимъ гнетомъ и стѣсненныя обстоятельствами; русскій народъ и теперь сохраняетъ несравненно больше старыхъ народныхъ свойствъ, т. е. понятій и обычаевъ, чѣмъ средній и высшій классъ; эти послѣдніе вездѣ и всегда опережали своимъ развитіемъ массу. Какого рода бываютъ это развитіе и преходитъ ли оно всегда изъ тѣхъ же «безсознательно поименныхъ» началъ, уже готовыхъ впередъ въ видѣ эмбриона, или допускаетъ и чужіе элементы? Въ послѣднемъ случаѣ оно по теоріи г. Ламанскаго очевидно переставало быть народнымъ, дѣлалось иностраннымъ; не законнымъ; г. Ламанскій и дѣйствительно пре-

даютъ осужденію развитіе петербургскаго періода, развитіе не народныхъ классовъ, онъ коритъ литературу XVIII и даже XIX столѣтій, какъ литературу дворянства, шляхетства, поповичей (даже и этихъ г. Ламанскій исключаетъ изъ народа!!). Законнымъ остается одно чисто-народное, принадлежащее къ исконнымъ свойствамъ національности: но точно такъ же исторически извѣстно, что развитіе никогда не можетъ жить однимъ этими данными а priori, и что народная жизнь всегда подвергается вліянію разныхъ обстоятельствъ, выходящихъ изъ круга этихъ данныхъ а priori. Для народовъ европейскихъ, и для русскаго въ томъ числѣ, христіанство не было такимъ даннымъ элементомъ; это было совершенно новое для нихъ спасительное начало, принятію котораго они даже сильно противодействовали въ началѣ и которое, по увѣреніямъ г. Булаева, до сихъ поръ еще не вполне изгнало изъ народа его древнихъ языческихъ вѣрованій. Г. Ламанскому извѣстны, конечно, изслѣдованія этого ученаго, онъ знаетъ приводимые имъ факты, — что же изъ двухъ онъ приметъ за «безсознательно почюющія» начала, опредѣляющія развитіе народа?—Въ жизни политической тѣ же противорѣчія: новѣйшіе историки утверждаютъ, что априорической формой этой жизни была у русскаго народа форма общинная и вѣчевая; затѣмъ, подъ вліяніемъ вѣвшихъ условий, эта форма уступаетъ строго монархическому государству, которое до такой степени вѣдалось въ понятіи народа, что безъ этого понятія о государствѣ онъ и не можетъ представить себѣ политической жизни. Что же изъ двухъ опять составляетъ истинное народное начало?

Каковы образцы, съ другой стороны, съ этими «безсознательно почюющими» началами мирится личное развитіе отдѣльнаго члена народности? Развитіе заключается въ измѣненіи того содержанія понятій, которыми владѣетъ отдѣльная личность, и это измѣненіе доходить до такой степени, что въ послѣднемъ своемъ фазисѣ развивающіяся понятія не вмѣютъ ничего общаго съ своимъ началомъ; даже нелегитимно противорѣчатъ ему. Илланы приводятъ примѣры того, какъ часто отдѣльныя личности замѣчательныхъ мыслителей доходятъ въ своемъ развитіи до понятій, противоположныхъ не только тому, что считается народнымъ представленіемъ, но и понятіямъ большей массы такъ называемаго образованнаго общества. Неужели эти люди, доводящіе мысль до ея послѣднихъ результатовъ, лишаются права на совершенно законное существованіе? Неужели есть другаго направленія, чѣмъ Ломоносовъ, только отъ этого перестаетъ быть народнымъ? Но быть можетъ, г. Ламанскій понимаетъ свои «безсознательно почюющія» начала такъ широко, что подъ нихъ входятъ

люди съ направлениемъ Ломоносова и съ направлениемъ, ему совершенно противоположнымъ? Въ такомъ случаѣ эти начала дѣлаются весьма совершенно безразличной, подл которую можно подвести все, что угодно, и потому совершенно безплодной и ненужной. Или же г. Ламанскій даетъ этимъ началамъ положительное и определенное значеніе, утверждаетъ за ними извѣстный status quo, и въ такомъ случаѣ долженъ будетъ осуждать, какъ ненормальное, всякое смѣлое движеніе человѣческой мысли, которое не захочетъ довольствоваться извѣстными традиціями. Въ первомъ случаѣ еще можно было бы помириться съ этими «безсознательно почіющими» началами г. Ламанскаго; потому что, если бы онъ напр. у французовъ соединилъ подл этими началами Боссоэта и Дидро, объ этихъ началахъ можно было бы не беспокоиться, потому что они оставили бы мѣсто здравому человѣческому смыслу. Но по видимому онъ придерживается рѣшительно послѣдствому: по немвогимъ примѣрамъ, на сколько намъ удобно было ихъ привести, читатель видѣлъ, что подл «безсознательно почіющими» начала г. Ламанскій подводилъ понятія весьма определенныя; съ разными натяжками онъ старался указать отраженія этихъ началъ и въ Ломоносовѣ. Эти отраженія изображаются у него съ слѣдующими свойствами: Ломоносовъ былъ поморъ и крестьянинъ — одно начало; Ломоносовъ былъ въ расколѣ — другое начало; Ломоносовъ былъ благочестивый православный — третье начало; Ломоносовъ (по утверженію г. Ламанскаго) былъ панславистъ — четвертое начало; Ломоносовъ учился греческому языку — пятое; Ломоносовъ возставалъ противъ ищцевъ — шестое; и т. д., и т. д. Все это качества весьма положительныя: человѣкъ, владѣющій кин, есть человѣкъ народный и смелый, существованіе его законно, — человѣкъ не раздѣляющій этихъ началъ, очевидно, будетъ не народенъ, зловреденъ, существованіе его не имѣетъ за себя законнаго права...

Мы полагаемъ, что съ подобными понятіями можно уйти очень далеко, если задумать проводить и примѣнять ихъ практически. Школа, къ которой принадлежитъ г. Ламанскій, и дѣйствительно уходитъ съ ними очень далеко.

Изъ теорій г. Ламанскаго выходитъ весьма узкая рамка развитія; проповѣдуя «безсознательно почіющими» начала, онъ, быть можетъ самъ того не замѣчая, осумждаетъ это развитіе на самую жалкую роль, повтореніе однихъ старыхъ задовъ традиціи; онъ долженъ будетъ предавать оглаuchenію человѣческую мысль, если она будетъ покидать перекривленную себя традицію и не станетъ связывать себя ея путами. Куда свнесетъ онъ напр. цѣлую новую науку, результаты которой конечно весьма часто несогласны съ тѣмъ, что даютъ «безсознатель-

но починица» начала; неужели наука должна пригонять свои результаты къ этимъ началамъ? По видимому такъ и должно быть по теоріи г. Ламанскаго. По крайней мѣрѣ, какъ вы видите выше, онъ возмущается въ Ломоносовѣ чистымъ взглядъ на «отношенія наукообразнаго отвлеченнаго знанія» и ставитъ въ примѣръ именно этотъ, а не какойнибудь другой взглядъ... Что г. Ламанскій дѣйствительно одержимъ этой нетерпимостью, ясно изъ того, какъ недружелюбно онъ относится къ тому, что называетъ петербургскимъ періодомъ и его людь. Несмотря на то, что онъ самъ довольно понижаетъ историческій смѣсль этого періода, онъ не пропускаетъ случая отозваться о его дѣятельности съ нѣкоторой язвительностью. Одинъ разъ онъ велеть его тѣмъ, что развитіе петербургскаго періода было дворянское и шляхетское: наши передовые классы забыли о своихъ обязанностяхъ къ народу и вмѣсто того, чтобы выяснять народныя начала, стали навязывать народу иноземныя, принятые рабски, теоріи (см. вышеску, приведенную выше), и затѣмъ, «отрекаясь отъ своего несравненно высшаго просвѣтительнаго начала (т. е. того же «безсознательно починящаго») и добровольно подчиняясь чуждому, низшему, котя и болѣе развитому (1), отрываясь отъ народа, наши высшіе классы, подобно чешскому, боснійскому и западно-русскому дворянству, значительнаго слабѣли умственно, развращались нравственно». Относительно развращенія мы думаемъ, что въ этомъ случаѣ наши передовые классы были подобны не только боснійскому или чешскому дворянству, а также французскому, нѣмецкому и т. д.; относительно умственного ослабленія думаемъ, что его, подобно понимати съ живѣйшими исключеніями, потому что этому же классу принадлежало и много истинно замѣчательныхъ людей и дѣятелей нашего образованія. Любопытно кромѣ того узнать, съ которыхъ мѣръ произошло, по мнѣнію г. Ламанскаго, это отдѣленіе высшихъ классовъ отъ народа и забвеніе ими своихъ обязанностей. Судя по всему, онъ желаетъ и это обстоятельство кинуть на петербургскій періодъ: софтуемъ ему справиться съ исторіей, — она ему укажетъ гораздо раньше отдѣленіе высшаго класса, забвеніе интересовъ народа, обращеніе народа въ крѣпостное сословіе, угнетеніе его податями и налогами и т. д. Г. Ламанскій ошибся въ хронологіи: что касается до того, что передовые классы рабски принимали и навязывали народу чужія иноземныя теоріи, то мы полагаемъ, что въ этомъ случаѣ и народный дѣятель — Ломоносовъ — дѣлалъ то же самое; что высшіе классы, т. е. перенимали иноземную науку, переносить къ намъ чужія литературныя формы, чѣмъ даже приобрѣли себѣ репутацию, раздѣляя общую наклонность къ мнимой лести и лживо-

и при въ поэзіи, одними словомъ, не смотря на то, что былъ поморъ и носилъ въ себѣ, по увѣреніямъ г. Ламанскаго, «безоосмысленно по-чтиціи» начала, подчинился въ своей дѣятельности общимъ условіямъ своего времени.

Другой разъ г. Ламанскій говоритъ на примѣръ о пребываніи Ломоносова въ кievской академіи. «Пребываніе его въ академіи было прежде всего полезно для него тѣмъ, что онъ хорошо выучился въ ней по латыни...; въ ней онъ также учился по гречески; но степень его познаній въ языкъ греческомъ неизвѣстна, ибо въ православной Рос-сіи петербургскаго періода, этотъ предметъ вообще былъ въ совершенномъ пренебреженіи; въ обѣихъ академіяхъ царяла польская, іезуитская латынь»... (Февр. стр. 67). Последнія слова должны конечно изображать иронию, но эта иронія къ сожалѣнію не совсѣмъ поладаетъ въ цѣль. Кромѣ разныхъ другихъ попрековъ петербургскому періоду, г. Ламанскій попрекаетъ его здѣсь пренебреженіемъ греческаго языка, забывая, что, во первыхъ, упомянутыя имъ академіи вовсе не были учрежденіями петербургскаго періода, а во вторыхъ, что московскій періодъ еще меньше заботился о греческомъ языкѣ, которому г. Ламанскій по ученію своей школы придастъ такую важность. Онъ опять ошибся въ хронологіи.

Заключеніе статьи г. Ламанскаго опять представляетъ въ Ломоносовѣ дробное образованіе народныхъ началъ. Онъ рассказываетъ, какъ Ломоносовъ спасся отъ прусскихъ вербовщиковъ, «только благодаря своимъ силамъ и ловкости, которыми преимущественно была обязана сидѣму крестьянскому происхожденію» (Февр., стр. 509). Затѣмъ г. Ламанскій дѣлаетъ слѣдующее уподобленіе: «любовь къ веселю жизни, общинность духа и страсть брататься (это — по поводу того, что Ломоносовъ повстрѣчался съ прусскими вербовщиками на постояломъ дворѣ) едва не увлекли Ломоносова въ вѣчную неволю нѣмцамъ; безъ этихъ природныхъ силъ, безъ твердой надежды на волю Божью, безъ крѣпкой вѣры въ себя и въ свое призваніе—не бывать бы ему у насъ на Руси, и служить было ему подъ знаменами героя Германія, Фридриха II, на поработеніе своихъ же братьевъ, славянъ, нѣмецкому цгу. Наше образованное общество, мы все, подобно Ломоносову, были увлечены подъ чужія знамена и долго сидѣли у нѣмцевъ въ умственномъ заточеніи. Будемъ твердо надѣяться, что свѣжія народныя силы выведутъ насъ наконецъ изъ этой духовной неволи на свѣтъ Божій, на волеиный просторъ, на родныя, славянскія нивы» (стр. 509).

Мы рѣшительно переставимъ понимать, какіе нѣмцы нѣмцаютъ г. Ламанскому.

Изъ всего того, что мы указывали, читатель вѣроятно усмотритъ, что г. Ламанскій продолжаетъ твердо стоять на той точкѣ зрѣнія, съ которой онъ описывалъ «славянъ въ Испаніи», обнаруживалъ пристрастіе къ «новымъ землицамъ», идеализировалъ «гулящихъ людей» и т. д. Онъ защищаетъ теперь «безсознательно почіющія» начала, защищаетъ не безъ нѣкотораго краснорѣчія, но это краснорѣчіе въ сожалѣнію не убѣдительно; его защита народности и тайныхъ внутреннихъ силъ народа не внушаютъ намъ довѣрія, какъ будто бы говорилъ о народѣ чужеземецъ, въ свою жизнь не видавшій лантей...

Исторія среднихъ вѣковъ въ ея источникахъ и исследованияхъ новѣйшихъ ученыхъ. М. Стасюлевича. Періодъ первый: отъ паденія Западной Римской Имперіи до Карла Великаго. 476—771 г. Спб. 1863.

Книга, заглавіе которой мы выписали, — только 1-й томъ учебнаго историческаго сборника, посвященнаго среднимъ вѣкамъ. Весь сборникъ, по предположенію составителя, долженъ состоять изъ трехъ томовъ.

Нельзя не поблагодарить г. Стасюлевича за счастливую мысль — составить для среднихъ учебныхъ заведеній средневѣковую историческую хрестоматию съ цѣлію содѣйствовать самостоятельному развитію учащихся. Нельзя также не отдать должной справедливости его трудолюбію и начитанности.

И не смотря на всѣ эти достоинства, приходится не соглашаться съ основною мыслию, которою г. Стасюлевичъ руководствовался при составленіи своей книги. Почтенный ученый, какъ намъ кажется, неосновательно полагаетъ замѣнить исторической хрестоматіей хорошую историческую учебникъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вѣли допустить, что въ этихъ заведеніяхъ исторія преподается какъ слѣдуетъ, т. е. дѣльнымъ наставникомъ, и притомъ только взрослымъ и болѣе развитымъ ученикамъ и ученицамъ старшихъ классовъ, то при такихъ нормальныхъ условіяхъ получаютъ особенное важное значеніе: во первыхъ, учитель; во вторыхъ, учебникъ; въ третьихъ, хрестоматія. Вся сила въ умномъ, нравственно-развитомъ и начитанномъ наставникѣ, съ надлежащимъ тактомъ преподающемъ свой предметъ вмѣстѣ аподиктически и сократически. Хорошій учебникъ нуженъ только для напоминанія того, что излагалъ и вмѣстѣ съ учениками или ученицами толковито разбиралъ, анализировалъ учитель. При такомъ способѣ занятія полезна и историческая хрестоматія:

ученики или ученицы найдутъ въ ней любопытное чтеніе. Чтеніемъ этимъ впрочемъ долженъ все-таки руководить опытный наставникъ.

И такъ, историческая хрестоматія, какъ дополненіе учебника, вещь весьма хорошая. Допустивъ въ среднемъ учебномъ заведеніи дидактическую пригодность исторической хрестоматіи, какъ всякой другой хрестоматіи, невольно однакожь спрашиваешь себя: какъ же должна быть составлена историческая хрестоматія?

Отвѣтъ простой. Историческая хрестоматія должна быть составлена, какъ всякая другая хрестоматія (напр. литературная). Она должна состоять изъ отрывковъ первоначальныхъ источниковъ (летописей, мемуаровъ, писемъ, грамотъ и другихъ памятниковъ), которые характеризовали бы время съ разныхъ его сторонъ и были бы расположены по эпохамъ въ хронологическомъ порядкѣ.

При этомъ, само собою разумѣется, должны быть приложены, тамъ гдѣ слѣдуетъ, необходимыя объясненія въ формѣ вступленій, введеній, очерковъ эпохъ, характеристикъ, приложений и проч. Историческая хрестоматія изъ отрывковъ первоначальныхъ источниковъ вещь вполне рациональная. Передъ читающимъ проходитъ въ хронологическомъ порядкѣ послѣдовательный рядъ свидѣтельствъ современниковъ съ ихъ разнообразными личными воззрѣніями на тотъ или другой предметъ. Все это очень любопытно и поучительно, естественно и закононо. Но послѣ всего сказаннаго невольно задаешь себѣ другой вопросъ: слѣдуетъ ли допустить въ составъ содержанія исторической хрестоматіи изслѣдованія новѣйшихъ ученыхъ.

Намъ кажется, что въ силу требованій здраваго смысла, не возможно смѣшивать первоначальные источники съ новѣйшими изслѣдованіями. Что можетъ быть въ самомъ дѣлѣ общаго во взглядѣ на средневѣковую жизнь между Григоріемъ Турскимъ, Вико и Гизо? Не только не рационально сопоставлять вмѣстѣ Сальвіана съ Мишле, Тацита съ Шатобрианомъ, Тертуліана и Сидонія Аполлинарія съ Гиббономъ, Павла дьякона съ Монталамберомъ, Беду преподобнаго съ Кудрявцевымъ, но совершенно неосновательно перемѣшать въ одной и той же книгѣ (о первой epochѣ среднихъ вѣковъ) статьи Шатобриана, Мишле, Тьера, Гизо, Монталамбера, Форіеля, Бокля и проч. Всѣ эти историки—люди не одного и того же поколѣнія, а потому различныхъ убѣжденій; въ вопросѣ о пониманіи жизни общественной вообще и средневѣковой въ особенности они по естественной необходимости должны рѣзко между собою расходиться. Какъ же послѣ этого изъ ихъ отрывочныхъ статей составлять какъ бы одно сочиненіе объ одномъ и томъ же предметѣ? Такая примѣсь изъ новѣйшихъ изслѣдованій

едва ли удовлетворить требованію безпристрастной критики. Рассмотрѣніе трудовъ новѣйшихъ писателей по части средневѣковой исторіи можетъ быть предметомъ подробной исторической библіографіи, но отнюдь не исторической хрестоматіи. Перелистывая книгу г. Стасюлевича, невольно убѣждаешься, что въ ней не совсѣмъ удачно соединены выстѣ двѣ разнородныя задачи: задача исторической хрестоматіи съ задачей исторической библіографіи. Такова, по нашему мнѣнію, слабая сторона книги г. Стасюлевича.

Тѣмъ не менѣе за нимъ остается инициатива попытки дать русской молодежи историческую хрестоматію. Это неогъешлемая заслуга г. Стасюлевича.

ПОЛИТИКА.

КАКЪ УПРАВЛЯЕТСЯ ПОЛЬСКОЕ ВОСТАНИЕ: ДИКТАТУРЫ МИРОСЛАВСКАГО, ЛАНГЕВИЧА И ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ. — ЕВРОПЕЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ОТНОШЕНІЯ ЕЯ КЪ ПОЛЬСКОМУ ВОСТАНІЮ ОТЪ УДАЛЕНІЯ ЛАНГЕВИЧА ДО РЪЧИ ЛОРДА ДЖОНА РОССЕЛИ, ПРОИЗВЕСЕННОЙ 8 МАЯ. — РЕЗУЛЬТАТЫ, ДОСТИГНУТЫЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИЕЙ ВЪ ПОЛЬСКОМЪ ВОПРОСѢ. — СЪЕЗДЪ АНГЛО-АМЕРИКАНСКАГО СТОЛПОВЕНІЯ ПО ПОВОДУ ДВУХЪ ЗАХВАЧЕННЫХЪ АНГЛІЙСКИХЪ КОРАБЛЕЙ.

Среди вопросовъ, занимающихъ европейскихъ дипломатовъ, европейскихъ журналистовъ, европейское общественное мнѣніе, на первомъ планѣ по прежнему стоитъ вопросъ польскій. Последнее наше обозрѣніе мы посвятили разсмотрѣнію развитія польскаго вопроса отъ начала возстанія до половины марта, т. е. до пораженія Лангевича и до преній о польскомъ вопросѣ, происходившихъ во французскомъ сенатѣ. Теперь мы намѣрены прослѣдить дальѣйшее дипломатическое и международное развитіе этого вопроса отъ половины марта до начала мая. Мы это делаемъ не безъ цѣли. Мы очень хорошо знаемъ, что и у насъ, какъ въ другихъ частяхъ Европы, есть множество людей, которые вѣрятъ въ то, что государственная мудрость въ состояніи разрѣшить запутанныя и спорныя дѣла, развязывать узлы, завязанные государственными же людьми и дипломатами. Не смотря на то, что на глазахъ всѣхъ современниковъ тянутся и безконечно тянутся дипломатами вопросы римскій и венеціанскій, кургессенскій и пшеванг-гольштинскій, греческій и черногорскій, и множество другихъ столь же замысловатыхъ вопросовъ, составляющихъ предметъ постоянной

заботливости для гг. дипломатовъ, — не смотря на то, вѣра въ силу дипломатіи все еще неизякла. Между тѣмъ польскому вопросу по нашему мнѣнію суждено доказать еще разъ, и притомъ самымъ нагляднымъ образомъ, бессиліе той современной дипломатіи, которая должна, по мнѣнію политическихъ идеалистовъ, разрѣшать всѣ запутанные и спорные международные вопросы. Вотъ почему мы останавливаемся такъ долго на изложеніи польскаго вопроса. А осьь, думаемъ мы, намъ удастся убѣдить хоть когонибудь изъ нашихъ читателей въ томъ, что и дипломаты, и газетчики, и всѣ прочіе господа, выбивающіеся изъ силъ, для разрѣшенія какогонибудь вопроса, только самихъ себя тѣшатъ своими усиліями, а дѣло не подвигаютъ ни на шагъ. А осьь либо иной изъ нашихъ читателей по прочтеніи этихъ двухъ обзорѣній нашихъ придетъ вмѣстѣ съ нами къ тому заключенію, что всѣ выше названные господа изображаютъ собою нѣкоторымъ образомъ мухъ, садящихся на спину къ лошадямъ и воображающихъ, что они втаскиваютъ на гору тяжело нагруженный экипажъ; можетъ быть, наши обзорѣнія хоть скольконибудь помогутъ ему отличать настоящихъ лошадей, везущихъ экипажъ, отъ этихъ усердныхъ и трудолюбивыхъ мухъ. Но конечно, изъ того, что мы теперь такъ подробно занимаемся польскимъ вопросомъ, читателямъ нашимъ нѣтъ ни малѣйшей причины опасаться, чтобы мы вздумали угощать ихъ каждый мѣсяцъ (а вопросъ этотъ вѣроятно протянется еще долго) какими-нибудь обстоятельными изложеніями хода этого вопроса. Мы только покажемъ, какъ друзья *Полки* вели этотъ вопросъ въ теченіи трехъ съ половиною мѣсяцевъ (отъ конца января до начала мая); затѣмъ въ слѣдующихъ нашихъ обзорѣніяхъ мы будемъ заносить только главныя явленія, относящіяся къ этому дѣлу, и читатель наши тогда сами будутъ въ состояніи судить о томъ, надлежащимъ ли образомъ мы одѣлили дѣятельность европейской дипломатіи въ настоящее время или нѣтъ.

Но такъ какъ дѣйствія европейскихъ министерствъ и дипломатовъ въ польскомъ вопросѣ находились въ тѣсной связи съ ходомъ самаго возстанія, такъ сказать, съ внутренней исторіей польской революціи, то мы, прежде чѣмъ предложить разсказъ о дипломатической комедіи, разыгранной Европой въ польскомъ вопросѣ, передадимъ нашимъ читателямъ нѣсколько свѣдѣній, сообщаемыхъ иностранными газетами о главныхъ дѣятеляхъ революціи, о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ революціоннаго правительства, то есть анонимнаго центрального комитета, а также нѣсколько скудныхъ свѣдѣній объ организаціи возстанія. При этомъ мы считаемъ не лишнимъ напомнить, что мы почерпнемъ эти свѣдѣнія изъ недостоверныхъ иностранныхъ источниковъ, и поэтому, разумѣется, не можемъ ручаться за вѣрность всѣхъ со-

общаемыхъ вами свѣдѣній. Что же касается до исторіи военныхъ дѣйствій, то мы ея вовсе не касаемся, такъ какъ мы остаемся при мнѣніи, высказанномъ нами въ прошломъ обзорѣніи, а именно, что читателямъ лучше всего знакомиться съ военными событіями въ Царствѣ Польскомъ, въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ изъ реляцій, печатаемыхъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» и отличающихся своею несомнѣнною правдивостью, а не изъ пристрастныхъ къ польскому возстанію извѣстій, сообщаемыхъ почти всею европейскою журналистикой и поражающихъ русскаго патріота своею неблагонамѣренностью, недостоверностью и ненадежностью.

Съ самаго начала польскаго возстанія извѣстно было, что и самое возстаніе было вызвано центральнымъ революціоннымъ комитетомъ, и что этотъ же анонимный комитетъ руководить всѣмъ ходомъ возстанія. Но изъ какихъ лицъ состоялъ комитетъ и гдѣ они засѣдали—ничего этого не было извѣстно. Многіе не хотѣли допустить, чтобы онъ былъ въ Варшавѣ: одни говорили, что комитетъ сидитъ въ Парижѣ, другіе, что онъ въ Краковѣ. Но оба эти увѣренія одинаково неправдоподобны: чего жъ бы иначе смотрѣла парижская и краковская полиція? Другіе шли дальше и увѣрили, что весь комитетъ, со всѣми его членами и агентами, никогда и нигдѣ не существовалъ, что онъ просто мифъ. Но и это предположеніе оказалось не вѣрнымъ, потому что за нѣсколько дней до начала возстанія былъ арестованъ въ Варшавѣ сынъ банкира Эпштейна, и изъ бумагъ арестованнаго было видно, что онъ былъ назначенъ министромъ финансовъ (?) временнаго правительства; въ одной изъ первыхъ стычекъ русскихъ войскъ съ инсургентами былъ взятъ въ плѣнъ Леонъ Франковскій — военный министръ революціоннаго правительства. Значитъ, комитетъ не мифъ; онъ имѣетъ какихъ-то министровъ, какую-то администрацію. Вскорѣ обнаружилось также, изъ какихъ людей состоитъ комитетъ: 25-лѣтній Франковскій — военный министръ, еще очень молодой Эпштейнъ — министръ финансовъ, 21 или 22-лѣтній Стефанъ Бобровскій, бывший еще недавно кіевскимъ студентомъ (онъ впоследствии былъ убитъ на дуэли однимъ приверженцемъ Мирославскаго) — комиссаръ центрального комитета. Дѣло ясно—въ комитетѣ сидитъ все молодежь (можетъ быть, еще и недоучившаяся), которая, по выраженію «Русскаго Инвалида», «оставила школьные скамейки, чтобы управлять судьбами своего отечества». Вопросъ о томъ, изъ кого состоитъ комитетъ, значитъ, опредѣлился; гдѣ онъ засѣдаетъ, это еще пока неизвѣстно; но судя по той быстротѣ, съ которою его распоряженія слѣдуютъ за распоряженіями русскаго правительства, надобно предполагать, что онъ сидитъ въ Варшавѣ. И такъ, этотъ-то безчиновный и неудовимый комитетъ произвелъ возстаніе и въ началѣ распорядился ходомъ его. Между тѣмъ

два агента центрального комитета, гг. Данилевский и Теско, отправлены были в Парижъ, чтобы тамъ войти въ сношенія съ польскими эмигрантами. Клерикальная газета Gazette de France увѣряетъ, что они дали опутать себя партіи Мирославскаго и предложили ему диктатуру; они же съ своей стороны увѣряютъ, что предложили Мирославскому диктатуру по порученію комитета. На чьей сторонѣ правда — трудно рѣшить. Хотя по всѣмъ видимостямъ комитетъ не слишкомъ желалъ видѣть Мирославскаго (или вообще кого бы то ни было) диктаторомъ, однако онъ согласился признать совершившійся фактъ и оставить за Мирославскимъ роль диктатора. Но Мирославскаго и на этотъ разъ преслѣдовало то же несчастье, которымъ онъ постоянно отличался: послѣ того какъ ему удалось счастливо проѣхать черезъ прусскія владѣнія подъ именемъ французскаго иноторговца, онъ былъ разбитъ въ двухъ встрѣчахъ съ русскими войсками не далеко отъ прусской границы, а такъ какъ онъ кромѣ того ошибся въ своихъ расчетахъ и не нашелъ между инсургентами тѣхъ вооруженныхъ силъ, на которыя онъ рассчитывалъ, и такъ какъ въ довершеніе всего онъ еще заболѣлъ въ это время, то онъ и счелъ за лучшее возвратиться въ Парижъ (*); однако онъ не отказывался отъ званія диктатора, и хотѣлъ выждать и, по мѣрѣ возможности, подготовить болѣе благоприятныя обстоятельства для вторичнаго появленія своего на мѣстѣ возстанія. Но тѣмъ временемъ изъ рядовъ инсургентовъ выдвинулся человекъ, имя котораго впродолженіи нѣкотораго времени раздавалось во всей Европѣ. Эта личность — Маріанъ Лангевичъ, родомъ изъ Познани. Въ самомъ началѣ возстанія Лангевичъ явился въ Царствѣ Польскомъ, началъ съ 70 человекъ инсургентовъ на тамошнюю въ мѣстечкѣ Сосновицѣ и захватилъ находящіяся тамъ денежныя суммы. Послѣ этого отрядъ его неоднократно бывалъ разбиваемъ и совершенно разсѣваемъ русскими войсками (**); однако, не смотря на все это, онъ черезъ полтора мѣсяца послѣ нападенія на Сосновицъ стоялъ въ южной части радомской губерніи, не далеко отъ галиційской границы съ отрядомъ въ 6 или по инымъ слухамъ, даже въ 8 тысячъ человекъ, раздѣленнымъ на легіоны, роты и отдѣленія, имѣющимъ кавалерію и кой-какую артиллерію (чугунныя и деревянныя пушки). Тогда-то Лангевичъ, получившій отъ центрального комитета чинъ генерала (?), рѣшился, по совѣту нѣкоторыхъ приближенныхъ къ нему лицъ, провозгласить себя диктато-

(*) Такъ онъ самъ объясняетъ свой образъ дѣйствій въ документѣ, обнародованномъ въ Парижѣ.

(**) Смотри реляціи «Русскаго Инвалида» о стычкахъ при Сташовѣ, на Зысой горѣ, при Малогошѣ, Пасиковой Силѣ и пр.

рогъ. 10 марта изъ лагерь Лангевича при мѣстечкѣ Гощѣ появилась прокламація, въ которой Лангевичъ объявлялъ, что для приданія большаго единства дѣйствіямъ инсургентовъ, найдено полезнымъ сосредоточить всю военную и гражданскую власть въ странѣ, исключивъ доселѣ изъ рукавъ анонимнаго центрального комитета, въ однихъ рукахъ; поэтому онъ, Маріанъ Лангевичъ, принималъ на себя званіе диктатора и верховное заведываніе всѣмъ военнымъ и гражданскимъ управленіемъ возставшей страны (1). Но въсѣсть съ тѣмъ онъ объявлялъ, что не начиняетъ собственно ничего новаго, а только продолжаетъ и приводитъ въ исполненіе дѣло, начатое центральнымъ комитетомъ; поэтому онъ повторилъ и утверждалъ во всемъ объемѣ тѣ основныя постановленія революціоннаго комитета, которыя обнаружены были 22 января, въ день начала возстанія, а именно: политическая и гражданская свобода всѣхъ сыновъ Польши независимо отъ ихъ происхожденія, происхожденія и сословія; безусловное предоставленіе въ собственность крестьянамъ земли, за которую они должны были платити доселѣ работою или оброкомъ, и вознагражденіе изъ государственныхъ средствъ помѣщиковъ за предоставленію ими крестьянамъ землю. Эта прокламація оканчивается воззваніемъ къ полякамъ, чтобы они мужественно продолжали однажды начатую борьбу. Въслѣдъ за тѣмъ Лангевичъ назначилъ помощниками своими изъ диктатуръ Юсифа Высоцкаго по военнымъ дѣламъ и Беніковского, познанскаго уроженца и члена прусской палаты депутатовъ, по управленію гражданскому; онъ назначилъ также нѣсколькихъ предводителей инсургентовъ и издалъ рядъ декретовъ, какъ по военнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ. Но въ какомъ отношеніи находился Лангевичъ къ центральному комитету? Это вопросъ, который трудно рѣшить при недостоверности газетныхъ извѣстій обо всемъ касающемся польской революціи. Но мы можемъ предположить, что происхожденіе диктатуры Лангевича схоже съ происхожденіемъ диктатуры Мирославскаго. Какъ кажется, Лангевичъ провозгласилъ себя диктаторомъ не по порученію центрального комитета, а по приглашенію нѣкоторыхъ агентовъ его, убѣдившихъ его, что это необходимо для успѣшнаго веденія дѣла. Комитетъ въ этомъ случаѣ, какъ въ первомъ, опять призналъ фактъ совершившійся, но онъ дѣлалъ это не безъ нѣкоторыхъ оговорокъ. Во первыхъ, онъ, по свидѣтельству австрійской «General-Korrespondenz» и другихъ газетъ, согласился предоставить Лангевичу верховную военную власть надъ инсургентами, если тотъ надеется отъ этого пользы для дѣла возстанія; но онъ находилъ неудобнымъ и даже вовсе ненужнымъ предоставлять ему высшее гражданское управленіе страной, потому что власть диктатора распространяется только на небольшое пространство

ство, а комитетъ находится въ сношеніяхъ съ инсургентами во всей странѣ; поэтому гражданское управленіе страны должно было по прежнему оставаться въ рукахъ комитета. Во вторыхъ, онъ требовалъ, чтобы Лангевичъ удаллъ отъ себя нѣкоторыхъ лицъ, которыми успѣли войти въ довѣренность къ молодому диктатору, но которыхъ, по мнѣнію комитета, не было достаточно надежны. Это нелюбезное диктатуры со стороны комитета поставило Лангевича въ весьма затруднительное положеніе, и есть нѣкоторое основаніе полагать, что онъ вскорѣ началъ раскаиваться въ томъ, что слишкомъ поторопился принять диктатуру. Къ тому же далеко не всё шло, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и за границею; согласился отчасти признать его диктатуру. Лангевичъ предпочелъ сложить съ себя званіе, которое, не принося особенной пользы, сопровождалось многими неудобствами и возбуждало много неудовольствій, и рѣшился сойти со сцены. Но онъ хотѣлъ показать сначала своимъ соплеменникамъ по оружію, что онъ не избѣгаетъ опасности. Поэтому онъ потушилъ въ сраженіи съ русскими войсками; и послѣ двухдневнаго сраженія при Бускѣ и Гроховискѣ (5—17 и 6—18 марта), и послѣ веснаго сѣмѣта (въ ночь съ 6 на 7 марта), онъ издалъ прокламацію къ своему отряду, въ которой говорилъ, что его обязанности заставляютъ его на время сложить съ себя командованіе и удалиться въ другое мѣсто; онъ раздѣлилъ свой отрядъ на четыре болѣе малые отряда и назначилъ каждому изъ нихъ предводителя (Езерского, Вашигерскаго, Чаховскаго и Снековскаго); затѣмъ онъ съ адъютантомъ своимъ, дѣвицей Пустовойтовой, и съ небольшимъ конвоемъ отправился къ австрійской границѣ. Но это удаленіе его имѣло на первый разъ очень нехорошія послѣдствія, какъ для отряда его, такъ и для него самого. Предводительствуемые инсургенты, узнавши объ отъѣздѣ диктатора, упали духомъ и рѣшили, что все потеряно. 7—19 марта часть ихъ, гѣсничая русскими, перешла австрійскую границу (около 1500 челомъ), другіе разбрелись въ царствѣ польскомъ, и только одинъ отрядъ подъ предводительствомъ Чаховскаго успѣлъ уйти въ горы св. Креста (въ радомской губерніи). Что касается до самаго Лангевича, то онъ, не смотря на фальшивый паспортъ свой, былъ узнанъ австрійской полиціей; ему не позволили свободно проходить чрезъ австрійскія владѣнія, арестовали и вмѣстѣ съ Пустовойтовой привезли въ Краковъ. Послѣ того какъ ихъ арестовали нѣсколько времени въ краковской цитадели, Лангевича перевели въ моравскій городъ Тишновицъ, гдѣ его оставили жить на свободѣ, давши съ него честное слово, что онъ не удалится отсюда. По слѣдствію австрійскихъ газетъ, путешествіе Лангевича изъ Кракова въ Тишновицъ было какимъ-то триумфальнымъ шествіемъ.

Но: возмущенный народъ, Богъ знаетъ, какими путями, узнавалъ, что везутъ экс-диктатора, и въ огромномъ количествѣ толпились на станціяхъ желѣзной дороги, выражая ему свое сочувствіе. Послѣ отъѣзда Лангевича изъ Кракова, Пустовойтову тоже освободили: она пошла сначала въ Прагу, а потомъ, невздвигнувшись съ Лангевичемъ въ Тиншвицъ, въ Парикъ. Между тѣмъ Лангевичъ, проживавши нѣсколькое время въ Тиншвицъ, объявилъ, что онъ беретъ назадъ свое честное слово и что онъ не считаетъ себя болѣе обязаннымъ оставаться въ Тиншвицѣ; и дѣйствительно, 26 апрѣля онъ выгнался бѣжать изъ этого города. Однако попытка его не удалась, и бывший польскій диктаторъ отведенъ 29 апрѣля въ богемскую крѣпость Лозенштадтъ.

Послѣ удавленія Лангевича распространился было слухъ, что польскіе партіи опять примирились, что онѣ согласились поручить главное начальство надъ инсургентами Мирославскому, что центральный комитетъ снова облекъ Мирославскаго диктаторскою властью, и что этотъ послѣдній вновь беретъ въ свои руки главное заглавливаніе восстанія. Дѣйствительно, Мирославскій оставилъ Парикъ и пошелъ въ Краковъ. Но состоявшаяся его неудача, и въ особенности неожиданная неудачная компанія его, а также его протестъ противъ диктатуры Лангевича, котораго онъ не задумался назвать узурпаторомъ, сильно раздражили противъ него поляковъ, и ему вѣрнее было и думать о томъ, чтобы сдѣлаться главнымъ диктаторомъ и распорядителемъ восстанія; при этомъ слухъ о его диктатурѣ съ разныхъ сторонъ поддѣлывалъ протесты. Старикъ Дембинскій написалъ въ парижскую газету *Рессе* письмо, въ которомъ говоритъ, что для польскаго дѣла было бы потѣшнымъ несчастіемъ, еслибы во главѣ движенія поставленъ былъ Мирославскій. Начальникъ отряда польскихъ жуавовъ, ерарцувъ Ромбронъ, написалъ подобное письмо. Видя подобное нерасположеніе къ себѣ, Мирославскій почувалъ невозможность дѣйствовать и удалился въ Молдавскій городъ Ботуншаны, гдѣ онъ хотѣлъ ожидать болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ. Оттуда онъ приехалъ протестъ противъ обвиненій, изводимыхъ на него краковскою гватою Слав, которую онъ называлъ органомъ аристократовъ и клерикаловъ. Однако онъ недолго могъ оставаться въ немѣ: по послѣднимъ извѣстіямъ, онъ вооружилъ на свой счетъ (?—это сомнительно, потому что онъ человекъ очень бѣдный) небольшой отрядъ и послалъ его изъ Краковской области въ Царство Шальское, соглашаясь играть хотя бы второстепенную или третьестепенную роль предводителя небольшого отряда. Но говорятъ, что и адѣсь вошедшее нечти въ по-словнику несчастье его не оставило его, и что отрядъ этотъ былъ раз-

бить вычлгѣ мая (по новому стилю) при Илодзѣ, около австрійской границы.

Между тѣмъ, какъ послѣ удаленія Лангевича продолжали еще ходить разнорѣчными слухи о томъ, сдѣлается ли Мироволавскій диктаторомъ или нѣтъ, центральный комитетъ издавъ съ концѣ марта прокламацію, въ которой онъ возвѣщалъ, что слѣдъ принять въ свои руки главное руководство возстаніемъ и угрожалъ смертью всякому, кто вздумаетъ присвоить себѣ власть диктатора. (Многіе полагаютъ, что эта угроза направлена была противъ Мироволавскаго). Хотя въ этой же прокламаціи говорится о томъ, что центральный комитетъ намѣренъ по прежнему энергически продолжать сопротивленіе, однако вѣдугъ Вѣнска General-Korrespondenz и Кельска гасета пущали слухъ, что ко всѣмъ предводителямъ возстанія послано приглашеніе положить оружіе и прекратить бѣготу. Не случилось, что центральный комитетъ никогда и никому не давалъ позволѣнія власти оружіе, и что извѣстіе объ этомъ распоряженіи его было не что иное, какъ газетная утка. По всему видно было, что центральный комитетъ и не думалъ прекратить бѣготу. Когда 31 марта (19 апрѣля), издавъ была манифестъ объ амнистіи, на другой же день (чего конечно не могло бы быть, еслибы комитетъ не было въ Варшавѣ), послѣдовалъ приглашеніе отъ центрального комитета не слагать оружіе и продолжать бѣготу, не смотря на манифестъ объ амнистіи. Вскорѣ послѣ того, 16 апрѣля (по н. ст.), издава была новая прокламація центрального комитета, которая можетъ слушать какъ бы программой его дѣйствій. Сначала въ прокламаціи говорится, что комитетъ очень хорошо видитъ и понимаетъ, какъ ему неудобно и невыгодно при настоящихъ обстоятельствахъ дѣйствовать анонимно; поэтому онъ и согласился было допустить одну за другою двѣ диктатуры, Мироволавскаго и Лангевича. Но опытъ доказалъ, что въ настоящее время диктатура не есть лучший способъ управлять возстаніемъ, и что она даже неудобнѣе, нежели анонимное управленіе; что нельзя ставить всю судьбу возстанія въ зависимость отъ судьбы одного лица. Комитетъ выражалъ увѣренность, что коллегіальное и анонимное революціонное правленіе, при всѣхъ неудобствахъ, все-таки лучше диктатуры, и поэтому онъ рѣшился сохранить настоящій порядокъ вещей до тѣхъ поръ, пока будетъ найдено нужнымъ и удобнымъ помѣнить его. Онъ объявляетъ, что не принимаетъ заранѣе никакихъ социальныхъ и политическихъ рѣшеній, а ставитъ себѣ цѣлью одно только освобожденіе Польши. Въ замѣчаніи своей прокламаціи, онъ призываетъ къ оружію весь польскій народъ. Вслѣдъ за тѣмъ обнародованъ былъ цѣлый рядъ мѣръ и распоряженій польскаго революціоннаго правленія. Такъ оно запрещаетъ полякамъ платить подати русскимъ властямъ и наза-

гасеть на веѣхъ поляковъ налогъ въ 2, 5, 7 и 10 процентовъ доходовъ (живущіе трудомъ своимъ платять отъ 2 до 5 процентовъ, владѣющіе землею—7 процентовъ, а капиталисты и рентьеры по 10 процентовъ). Оно запретило также вывозить хлѣбъ изъ предѣловъ Польши, оно запретило юношамъ, не достигшимъ 18-лѣтняго возраста, вступать въ ряды инсургентовъ и увѣщивало ихъ продолжать до тѣхъ норъ ученіе; наконецъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, оно намѣрено предпринять аѣкоторыя мѣры для уничтоженія злоупотребленій при исполненіи смертныхъ приговоровъ центрального комитета, потому что бывали случаи, что исполнители этихъ приговоровъ поступали не достаточно осмотрительно, и что иногда погибали неввинные (*). Наконецъ, центральный комитетъ имѣетъ нѣсколько своихъ органовъ, въ которыхъ печатаются веѣ его распоряженія, извѣстія съ театра войны, руководящія статьи и пр. Не смотря на то, что въ Варшавѣ были уже неоднократно открываемы тайныя типографіи, число этихъ органовъ тайной прессы все болѣе и болѣе увеличивается.

Теперь перейдемъ опять въ область европейской дипломатіи и европейской журналистики, которая для насъ можетъ показаться самымъ стремительнымъ, самымъ запутаннымъ лабиринтомъ; но никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду ариадниной нити, которая можетъ вывести насъ изъ этого лабиринта, и которую можно отыскать въ мелкихъ разсчетахъ, въ конкретныхъ интересахъ.

Мы встречаемся опять съ европейскими дипломатами и съ иными-ми представителями общественнаго мнѣнія въ Европѣ, т. е. съ журналистами, въ тотъ моментъ, когда до ихъ слуха только что долетѣло извѣстіе о пораненіи Лангевича, о паденіи его диктатуры и объ арестованіи его въ Галиціи. Какое же впечатлѣніе произвело на нихъ это событіе? Нельзя не замѣтить въ рѣчахъ большей части государственныхъ дѣятелей и газетъ скрытой радости, что дѣло такимъ образомъ кончилось: они черезъ это освободились отъ необходимости угадывать общественному мнѣнію, сочувствовать возстанію Польши; и ждуть успѣха этому возстанію; а какъ мы уже замѣтили въ пред-

(*) Болѣе всего надѣлалъ въ послѣднее время шуму приговоръ, исполненный 2 мая надъ Мишишевскимъ, литераторомъ и редакторомъ о-фициальной газеты Dziennik Powszechny. Сначала веѣ полагали, что Мишишевскій былъ убитъ за стѣнъ свои, въ которыхъ онъ уничтожаетъ польскіе революціонеры и угрожаетъ «польскихъ патрицѣвъ» помать благодѣанія русскаго правительства, и являлся энергическими противникомъ революціи и надежною опорю законнаго правительства. Но въ послѣдствіи оказалось, что онъ былъ приговоренъ къ смерти за то будто бы, что былъ членомъ комиссіи, имѣвшей цѣлью открытіе центрального комитета.

немъ нашемъ обозрѣнн, это была для нихъ нелегкая обязанность. Прежде всего, какъ слѣдовало ожидать, выражаетъ свою радость безпристрастная *Indépendance Belge*, которой такъ часто приходилось мѣнять тонъ своей рѣчи. *Presse* говоритъ въ томъ же смыслѣ и выражаетъ надежду, что Императоръ Россійскій окажется милосерднымъ относительно несчастныхъ побѣжденныхъ. Въ этомъ же смыслѣ стали выражаться *Constitutionnel*, *Paix*, *France* и многіе другіе органы благоразумной французской прессы. Только сочувствующія Польшѣ газеты *Opinion Nationale*, *Siècle* и отчасти полуофициальная *Patrie* не потеряли совершенно надежды на успѣхъ польскаго возстанія. Еще интереснѣе слѣдить за мнѣніями англійскихъ газетъ, потому что онѣ все-таки болѣе, нежели французскія, выражаютъ мнѣніе общества. Всѣ онѣ видятъ въ пораженіи и удаленіи Лангевича новый фінис *Poloniae*; но одна только *Daily-News* выражается объ этомъ исходѣ возстанія какъ будто съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ; что касается до прочихъ газетъ, въ родѣ *Times*, *Morning-Post*, *Morning-Herald* и другихъ менѣе значительныхъ, то онѣ радуются, что кровопролитіе будетъ наконецъ кончено, что дѣло наконецъ пришло къ тому результату, который всѣ онѣ предвидѣли, и который даетъ теперь императору Александру возможность жить свое великодушнѣе. Среди всѣхъ этихъ благоразумныхъ голосовъ какъ-то особенно странно слышится голосъ бернскихъ гражданъ, которые, собравшись на митингъ въ Бернѣ, постановили между прочимъ рѣшеніе о томъ, что они одинаково симпатизируютъ польскому возстанію и до пораженія инсургентовъ, и послѣ него.

Но между тѣмъ друзья Польшы изъ рядовъ государственныхъ дѣателей и дипломатовъ продолжали свою неутомимую и крайне полезную дѣятельность. Вскорѣ послѣ полученія извѣстій о печальной судьбѣ диктатуры Лангевича, лордъ Пальмерстонъ объявилъ въ Нижней Палатѣ, что Англія начала переговоры о дѣлахъ Польшы, но что она можетъ сообщить о результатѣ ихъ не ранѣе, какъ послѣ Пасхи. Но чтобы успокоить англичанъ, которые хотя и симпатизировали Польшѣ, и хотя всячески выражали свои симпатіи, однако опасались въ то же время, какъ бы эти симпатіи не повели къ войнѣ и не упали бы нѣкоторою тяжестью на ихъ карманъ, тотъ же самый лордъ Пальмерстонъ въ путешествіи, которое онъ около этого же времени предпринялъ по Шотландіи, объявлялъ при всякомъ удобномъ случаѣ, и въ Гриннокѣ, и въ Глесго, и въ Эдинбургѣ, и пр., что хотя Англія и очень симпатизируетъ Польшѣ, однако войны за нее никогда не затѣетъ; многочисленные слушатели его аплодировали этимъ рѣчамъ, а газеты перепечатавали ихъ да похваляли. Около этого же времени во Франціи кто-то пустилъ слухъ о созваніи европейскаго

конгресса, который долженъ будетъ заняться разрѣшеніемъ польскаго вопроса, — и опять пошли газетныя толки и разсужденія о конгрессѣ. Первая, кажется, выступила съ мыслью о конгрессѣ ультра-консервативно-клерикально-легитимистская France, которая возвѣстила, что конгрессъ приметъ за базисъ своихъ рѣшеній трактатъ 1815 года. Да, это лучшее средство разрѣшить вопросъ, говорилъ другой, но только нужно пригласить на конгрессъ какъ можно болѣе державъ — и Италію, и Испанію, и Турцію. Не въ нихъ вовсе дѣло, говорилъ третій, а преимущественно въ Англій и Австрію, и т. д. Газеты толковали, потолковали о конгрессѣ, видѣли даже, какъ онъ создавалъ какое-то польское королевство — да и перестали. И слава Богу. При этомъ французское правительство съ большою заботливостью наблюдало за тѣмъ, чтобы мысли о возстановленіи польскаго королевства, и о роли, которую при этомъ должна будетъ играть Франція, и пр. не единично волновали умы французовъ; поэтому мы постоянно видимъ его дѣйствующимъ въ духѣ умѣренности и сдерживающа обществу. Такъ напр. въ совѣтѣ министровъ 25 марта рѣчь шла о томъ, что французская пресса выражается съ слишкомъ большимъ сочувствіемъ о польскомъ вопросѣ, и что тонъ ея въ этомъ отношеніи замѣтно разнится напр. отъ тона г. Бильо; говорили также, будто русскій посланникъ г. Будбергъ жаловался на тонъ французской прессы о польскихъ дѣлахъ; вслѣдствіе этого газетамъ Opinion Nationale, Siècle и Patrie слѣдано было формальное опроверженіе, и извѣстія, ими сообщаемыя, были объявлены невѣрными: да вообще, парижской прессѣ поручено было высказывать поменьше сочувствія къ полякамъ и побольше умѣренности. Брошюра нѣкоего Анатоля Форда, съ слишкомъ большою симпатіей отзывавшагося о польскомъ вопросѣ, была подвергнута судебному преслѣдованію за возбужденіе ненависти къ императорскому правительству. Министръ духовныхъ дѣлъ г. Руланъ обратился ко всѣмъ епископамъ съ приглашеніемъ не касаться въ своихъ пастырскихъ посланіяхъ польскаго вопроса; въ театрѣ Амбизю запрещено было представленіе пьесы, въ которой изображено, какъ польскіе инсургенты разбиваютъ и преслѣдуютъ русскія войска; въ Парижѣ, въ Марсели и въ другихъ городахъ произведены были новые аресты за демонстраціи въ пользу поляковъ, и пр., и пр. Потомъ вдругъ императоръ милостиво принимаетъ въ аудиенціи и жалуетъ даже орденомъ Почетнаго Легіона начальника польскихъ зуавовъ г. Роллбрюна; такой же ласковій пріемъ со стороны императора встрѣтилъ извѣстный защитникъ польскаго дѣла г. Гевенесс. А г. Фульа остается въ министерствѣ, значить, войны не будетъ; а каррикатуры Charivari противъ русскихъ запрещены. Бѣд-

вые французы совсѣмъ сбѣлились съ толпу и не знаютъ, что имъ говорить и что думать о польскихъ дѣлахъ.

Между тѣмъ около этого же времени два эпизода, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ явленій, явились очень кстати для того, чтобы нѣсколько разнообразить утомительно скучную и однообразную картину дипломатическаго веденія польскаго вопроса. Эти два эпизода—вызовъ на дуэль, слѣданный графомъ Сигизмундомъ Велепольскимъ принцу Наполеону, и задержаніе англійскаго корабля Уарда Джексона, шедшаго къ берегамъ Польши съ инсургентами и оружіемъ. Графъ Сигизмундъ Велепольскій очень обидѣлся тѣмъ, что принцъ Наполеонъ сказалъ объ отцѣ его въ сенатѣ. Поэтому вконецъ послѣ произнесенія этой рѣчи, начали ходить слухи о томъ, что Велепольскій поѣхалъ во Францію и вызвалъ принца Наполеона на дуэль. Этотъ слухъ оказался ложнымъ, но не ложнымъ оказалось то, что графъ написалъ къ принцу Наполеону письмо, въ которомъ въ самыхъ рѣзкихъ и даже неприличныхъ выраженіяхъ вызывалъ его на дуэль. Такъ какъ отъ принца Наполеона не послѣдовало никакого отвѣта, то 6 апрѣля это письмо появилось на столбцахъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ газетъ. Конечно, ни одна газета, въ которой было напечатано это письмо, не была допущена во Францію; но оно все-таки распространилось по Парижу, такъ какъ графъ Велепольскій разослалъ по экземпляру всѣмъ членамъ дипломатическаго корпуса и другимъ лицамъ. Императоръ Наполеонъ, говорятъ, былъ сильно раздраженъ этимъ письмомъ. Поляки, проживающіе въ Парижѣ, числомъ до 225, написали протестъ противъ письма Велепольскаго и объявили, что между партией Велепольскихъ и польскою націей нѣтъ ничего общаго; вмѣстѣ съ тѣмъ они не поднесли принцу Наполеону благодарственный адресъ за его рѣчь о польскомъ вопросѣ, произнесенную имъ въ сенатѣ. Варшавскій центральный комитетъ также очень сильно отозвался противъ этого вызова. Кончилось тѣмъ, что одинъ изъ друзей принца Наполеона, графъ Браницкій, вызвалъ въ свою очередь Велепольскаго на дуэль, что Велепольскій, по слухамъ, принялъ этотъ вызовъ, и что дуэль между ними должна произойти 1 іюня въ Швейцаріи.

Другой эпизодъ, о которомъ мы упоминали выше, состоялъ въ томъ, что въ концѣ марта изъ англійской гавани Соутгемптона вышелъ пароходъ Уардъ Джексонъ, принадлежащій частной компаніи, съ 190 челоуѣками польскихъ эмигрантовъ (подъ предводительствомъ Лапинскаго и члена центральнаго комитета Домонтовича) и съ большимъ количествомъ оружія, и направился въ Балтійское море; послѣ къ этому отряду присоединился еще извѣстный русскій выходецъ В. Однако впоследствии капитанъ парохода узналъ, что русское правительство предупреждено о приближеніи этого корабля (говорятъ, что

снѣ объ этомъ дано было знать еще изъ Англіи), и что для поимки его высланы крейсера; поэтому онъ съ своими спутниками сошелъ на берегъ въ Коменгагенъ. Здѣсь начальники экспедиціи взяли на пароходъ датскій экипажъ и поплыли далѣе, но когда онъ взошелъ въ шведскую гавань Мальмё, шведское правительство севестровало находящееся на немъ оружіе. Пассажиры его могли свободно выходить на берегъ (только безъ оружія) и отправляться куда имъ угодно—въ Польшу, назадъ въ Англію, или же оставаться въ Швеціи. Послѣ того ходилъ слухъ, что русское правительство потребовало у шведскаго объясненія, касательно этого дѣла, и будто бы оно объявило, что въ случаѣ, если въ 24 часа не получитъ удовлетворительнаго объясненія, то отзоветъ своего посланника; а другіе говорили, что даже шведскій посланникъ уже выѣхалъ изъ Петербурга. Но разумѣется, эти слухи не имѣли ни малѣйшаго основанія: шведское правительство оставило корабль, который везъ помощь инсургентамъ — за что же тутъ быть на него въ претензіи, зачѣмъ же тутъ быть дипломатическому разрыву.

Еще въ началѣ апрѣля (по н. ст.) начали ходить слухи о томъ, что русское правительство приготовило указъ объ амнистіи, и что она имѣла бы обнародовать его, какъ только возстаніе будетъ подавлено. Вдругъ 12 апрѣля телеграфъ разноситъ по всей западной Европѣ извѣстіе, что манифестъ объ амнистіи опубликованъ въ первый день Пасхи (31 марта — 12 апрѣля). Интересно слѣдить за тѣмъ впечатлѣніемъ, которое обнародованіе этого указа произвело на западную Европу. Большая часть французской прессы хранила глубокое молчаніе, и даже Монiteur переночевала указъ объ амнистіи, не прибавивъ никакихъ комментаріевъ; за то независимыя газеты выражали неодобреніе къ амнистіи и указывали на то противорѣчіе, которое существуетъ между указомъ объ амнистіи и указомъ о севестрованіи инаучества лицъ, принявшихъ участіе въ возстаніи, и говорили, что амнистія не можетъ остановить дальнѣйшаго вниманія западной Европы въ дѣла Польши. Только двѣ французскія газеты, France и Nation, остались очень довольны указомъ объ амнистіи. Первая говоритъ, что она должна удовлетворить всю либеральную Европу, и жалуется на удивленное молчаніе или дурное толкованіе, которое французскія газеты даютъ этому указу. Она проситъ всѣхъ французовъ не смѣшивать севестрованія инаучества съ конфискаціей, и увѣряетъ, что къ тому же указъ о севестрованіи былъ по всей вѣроятности одной только угрозой, и что его можно считать откровеннымъ указомъ объ амнистіи.

Въ Англіи только торійскій Morning Herald и другіе аристократическіе и консервативные журналы (какъ-то Press, John Bull, Saturday

Review), остались довольны амнистіей и утѣрали своихъ читателей, что полякамъ нечего больше ожидать, что они теперь получили все, на что могли надѣяться, что съ ихъ стороны было бы безуміемъ не воспользоваться великодушіемъ императора Александра и продолжать безразсудную и отчаянную борьбу; но прочія газеты тоже или полагивали, или почитивали головой, и, отдавая должную справедливость великодушнымъ намѣреніямъ императора Александра, находили однако одно обнародованіе амнистіи недостаточнымъ. Наконецъ, нѣмцы тоже замѣтили, что одной амнистіи мало, и что Польша немедленно должна быть дарована національнымъ учрежденіямъ. Вообще общественное мнѣніе Европы склонилось къ тому, что указъ объ амнистіи не успокоитъ Польшу.

Между тѣмъ, европейская дипломатія все продолжала выбиваться изъ силъ, придумывая, какъ бы помочь полякамъ. Почти три мѣсяца прошло въ этихъ сверхъ естественныхъ усиліяхъ ея, и наконецъ она рѣшилась сдѣлать шагъ—одновременно послать въ Петербургъ ноты отъ трехъ великихъ западныхъ державъ—Франціи, Австріи и Англіи. Но не легко было ей согласиться объ этомъ, и прежде нежели онѣ были отправлены, было не мало толковъ о томъ, отправалять ли свою купную ноту, и кому ее писать въ этомъ случаѣ, или послать отдѣльные ноты, и какъ ихъ послать—одновременно или разновременно, и чего требовать въ этихъ нотахъ и проч. Въ одно прекрасное утро Европа узнаетъ, что въ началѣ апрѣля изъ Парижа, Вѣны и Лондона посланы въ С. Петербургъ ноты, которыя должны быть представлены русскому правительству въ одно и то же время. Вотъ гдѣ открылось обширное поле для разныхъ остроумныхъ предположеній и соображеній. Но вскорѣ газеты объявили о содержаніи депешъ, и сильныхъ догадкамъ положенъ былъ конецъ. Г. Друэ-де-Люз говоритъ сначала, что возстаніе возбудило сильныя опасенія Европы среди общаго мира, который казалось ничѣмъ не былъ нарушаемъ, и что польское движеніе привело въ волненіе всю Европу. Поэтому французское правительство считаетъ своею обязанностию выказать Россіи свои опасенія за сохраненіе европейскаго мира, тѣмъ болѣе, что польскія волненія не суть результаты временнаго кризиса, а повторяются періодически и показываютъ, что малымъ не могутъ или не хотятъ примириться съ тѣмъ положеніемъ, которое гарантировано имъ трактатами. Эти волненія, продолжаетъ французскій министръ, тѣмъ опаснѣе, что Польша занимаетъ среднее положеніе въ Европѣ. Возбуждая волненіе въ умкѣ, они требуютъ, чтобы европейскія правительства изыскивали средства прочнымъ образомъ устранивъ причины этихъ волненій. Французское правительство надѣется, что с.-петербургскій кабинетъ пойметъ это, и

что она опять обнаружитъ тѣ либеральныя стремленія, которыя уже неоднократно такъ блистательно являлъ императоръ Александръ. Изъ этой депеши видно, что Франція считаетъ трактатъ 1815 года неудовлетворительнымъ, но не указываетъ именно, чего она хочетъ, а желаетъ только видѣть Польшу спокойною, для того, чтобы ее не тревожили польскія смуты. Австрія говоритъ въ этомъ же смыслѣ, но еще умереннѣе: она говоритъ, что теперь послѣ пораженія Лангевича и другихъ мятежническихъ отрядовъ, честь русскаго оружія спасена, и что было бы хорошо, если бы русское правительство приняло мѣры для успокоенія страны; она указываетъ на опасность, которою польскія смуты угрожаютъ Европѣ вообще и ей, Австріи, въ особенности; но указанія на трактаты 1815 года мы не находимъ въ этой нотѣ. Наконецъ, англійская нота помпаетъ, что можно бы было найти средство къ успокоенію Польши въ трактатахъ 1815 года.

Извѣстіе, что Австрія, Франція и Англія отправили ноты въ С.-Петербургъ, переполошило всѣхъ европейскіхъ политиковъ, какъ нѣчто необычайное. Нѣкоторые увидѣли въ этомъ поступкѣ трехъ державъ что-то необыкновенно воинственное, чуть не начало разрыва. И Богъ знаетъ, какими непонятными путями логики мудрые политики доходили до подобныхъ заключеній. Что они увидали особеннаго въ послыскѣ трехъ нотъ? Франція и Англія еще прежде (16 февраля и 2 марта) обращались къ Россіи съ нотами, по поводу польскихъ дѣлъ—и ничего, войны изъ этого не вышло; Австрія тоже давала русскому правительству дружескіе совѣты черезъ своего посланника—и разрыва отъ этого тоже не послѣдовало. Что же случилось теперь? Тѣ же три державы обратились къ Россіи вторично съ своими неопредѣленными представленіями и совѣтами (въ особенности Франція и Австрія; да и Англія—то требовала не Богъ знаетъ чего). Какіе же могли быть результаты этого шага? Россія должна была безъ сомнѣнія отвѣчать на совѣты трехъ державъ указаніемъ на амнистію и на содержащіяся въ ней обѣщанія реформъ. А послѣ этого—то и начнется настоящія затрудненія и разногласія. Вопросъ тогда по необходимости долженъ быть сведеннымъ къ тому, удовлетворятся ли три державы этимъ указаніемъ, или нѣтъ? Если онѣ удовлетворятся (что по всѣмъ вѣроятностямъ было болѣе нежели вѣроятно), тогда внимательство Европы дѣлается бесполезнымъ, и вопросъ разъясняется: поляки ясно увидятъ, что имъ нечего ждать отъ дипломатіи, и что европейскія державы не могутъ и не хотятъ идти далѣе въ своемъ заступничествѣ; тогда они покорятся своей участи и подчинятся русскому владычеству. Если же они не удовлетворятся этимъ указаніемъ, тогда—то должны будутъ начаться истинныя дипломатическія затрудненія. Га-

эта Presse не без основанія спрашиваетъ себя, сколько времени потребуется въ такомъ случаѣ державамъ, чтобы принять какое нибудь малѣйшее, болѣе опредѣленное рѣшеніе, если имъ нужно было обратиться три мѣсяца для того, чтобы выступить впередъ съ подобными неопредѣленными и тусклыми требованіями. Мы еще въ прошломъ обзорѣни указывали на ту трезвость и откровенность, съ которою редакторъ Presse, Эмиль Жирарденъ, смотритъ на усилія дипломатовъ въ польскомъ вопросѣ. Онъ остается при этомъ своимъ взглядомъ и до настоящаго времени, и замѣтимъ между прочимъ, что до сихъ поръ ни изъ чего не видно, чтобы этотъ взглядъ былъ ошибочнымъ. «Храбрые полки, пишетъ онъ вскорѣ послѣ отправленія трехъ нотъ, внушающіе намъ симпатію своимъ геройствомъ и своими возвышенными стремленіями, не позволяйте болѣе обманывать себя мпромошнымъ журналистамъ, которые храбро посылаютъ васъ на смерть; вы проливаете драгоценную кровь свою, а они преспокойно сидятъ въ своемъ кабинетѣ и пишутъ свои красивыя и изящныя статьи въ промежуткѣ между вкуснымъ завтракомъ и роскошнымъ обѣдомъ. Они усыпаютъ васъ кровавымъ путемъ къ смерти риторическими цвѣтами и общими мѣстами: зачѣмъ же вы хотите проливать свою кровь для составителей фразъ»? Мы находимъ, что въ этихъ строкахъ очень вѣрно опредѣлена та роль, которую играютъ въ польскомъ возстаніи европейская дипломатія и европейская журналистика.

Вѣроятно вышеуказанныя три державы полагаютъ, что вслѣдствіе представленій, обращенныхъ ими къ Россіи, будетъ еще сильнѣе, когда къ русскому правительству обратятся съ подобнымъ же представленіемъ и прочія второстепенныя, третьестепенныя и даже самыя мелкія державы; въ особенности Франція хлопотала очень много о томъ, чтобы избѣжать въ польскомъ вопросѣ изолированнаго образа дѣйствія. Она обратилась ко всѣмъ европейскимъ правительствамъ, не исключая также Пруссіи и отдѣльныхъ германскихъ государствъ, съ уведомленіемъ объ отправленіи ноты въ Петербургъ и съ приглашеніемъ дѣйствовать при с.-петербургскомъ дворѣ въ подобномъ же смыслѣ. Англія обратилась къ европейскимъ дворамъ съ подобнымъ же предложеніемъ, и даже Австрія пригласила германскія правительства взять примѣръ съ нея и ходатайствовать за Польшу. Пруссія по видимому обидѣлась, что къ ней обращаются такъ же, какъ къ какой нибудь Саксоніи, Португаліи, Швейцаріи, и отвѣтила на это приглашеніе, что она желаетъ остаться совершенно нейтральною и поэтому воздержится отъ всякаго вмѣшательства; что она не видитъ въ поступкѣ трехъ великихъ державъ средства къ удовлетворительному разрѣшенію польскаго вопроса; что она всегда совѣтывала Россіи возбуждать въ польскомъ народѣ національ-

ния стремленія, и что поэтому ей было бы странно приглашать ее теперь къ принятію мѣръ, которыя должны способствовать къ возбужденію этихъ стремленій. Всѣ прочія германскія правительства, не исключая и баденскаго, считающагося особенно либеральнымъ, также отклонялись отъ подобнаго шага; къ чему это послужитъ? подумали они гнѣвно. Италия, Испанія, Швеція — посвѣщали тоже отправить ноты въ Петербургъ (послѣднія двѣ, впрочемъ, и прежде посылали ноты). Голландія, Бельгія, Данія, Португалія, говорятъ, слѣзая то же. Если бы мы вскользь упомянули о всемъ этомъ въ нашень оборотнѣ, то мы конечно дѣлаемъ это только для исторической полноты. Само собою разумѣется, что послѣ всего сказаннаго нами выше о возможномъ результатѣ ноты трехъ великихъ державъ, мы не можемъ придавать самаго вышшаго значенія нотѣ, отправленной Португаліей или Ганноверомъ.

Между тѣмъ въ ожиданіи отвѣта русскаго правительства на ноты европейскихъ державъ, европейскіе политики забавлялись тѣмъ, что поготовились воевать, то опять убѣдили, что дѣло ни въ какомъ случаѣ не можетъ дойти до войны. Дѣло Уарда Джаксона, о которомъ мы говорили выше, вдругъ выдвинуло на первый планъ Швецію, и всѣ стали говорить о неминуемости войны между Россіей и Швеціей. Дѣйствительно, шведы стали укрѣплять гавань свою Каральсхруну и вооружать свой флотъ, и около того же времени какой-то шведскій генералъ или адмиралъ пріѣхалъ въ Парижъ. Это было достаточно для того, чтобы распространился слухъ объ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ между Швеціей и Франціей. Оказалось, что французское правительство слѣзало будто бы запросъ у Шведскаго на счетъ того, можетъ ли оно надѣяться на поддержку его въ случаѣ войны у береговъ Балтійскаго моря, и будто бы на это шведскій король отвѣчалъ, что пусть только въ Балтійскомъ морѣ появятся два французскихъ корабля, и что тогда онъ выступитъ въ походъ со сто-тысячнымъ войскомъ. Другіе убѣдили, что заключить тройной союзъ между Франціей, Швеціей и Италіей, и даже выкопали откуда-то извѣстіе, сколько кто выставалетъ войска. Швеція выставитъ сто тысячъ, Франція — 50 тысячъ, а Италия будто бы отвѣтила на запросъ Франціи, что она готова выставитъ отъ 30 до 60 тысячъ войска. Вѣсть о тѣхъ французскія газеты опять заговорили очень вожествоннымъ тономъ, и начальство не сдерживало ихъ. Общественное мнѣніе тоже какъ-то стало очень воинственнымъ въ Парижѣ: всюду только и разговаривали, что о скорой войнѣ, въ одноименныхъ поляхъ и въ польскихъ туманъ, между русскими, живущими въ Парижѣ, и французскимъ обществомъ, замѣчалась какая-то натянутость отношеній. А тутъ вдругъ Morning Post молчалъ, молчалъ, да и

пустилъ вдругъ въ ходъ ту мысль, что, можетъ быть, Европѣ придется вконецъ признать Польшу вѣнующей стороною. Конечно, война значить неизречена. Все это до того обилье съ толку общество, что многие политики, какъ въ западной Европѣ, такъ и у насъ доказывали, что война неперемѣнно будетъ, потому что Франція желаетъ войны; а Франція-де желаетъ войны потому, что этого требуютъ ея династическіе и государственные интересы. А какое требуютъ и не думаютъ требовать. Династическіе интересы вовсе этого не требуютъ, потому что настоящій императоръ уже достаточно покрылъ себя и французское оружіе военной славою; а государственные интересы этого никакъ не могутъ требовать потому, что ни Англія, ни другія державы не позволятъ Франціи сдѣлать территориальное приобритеніе, а безъ этого что же Франціи жертвовать людьми и деньгами и подвергаться рискамъ войны. Значить трудно и представить, какъ можно это династическіе и государственные интересы заставить Францію воевать. Объ Англіи и Австріи не толковать ничего: тутъ и самый блестящій политикъ никогда не скажетъ, чтобы эти державы такъ или иначе желали затѣять драку. Единственная держава, которая, можетъ быть, дѣйствительно желаетъ и имѣетъ основаніе желать войны, это Швеція; но она очень хорошо понимаетъ, что прочія державы не будутъ воевать, а что ей одной затѣвать войны не приходится. Поэтому въ самой Швеціи мы очень скоро замечаемъ проявленіе мирныхъ инстинктовъ: оффиціальная газета объявляетъ восновательными всѣ слухи о воинственныхъ намѣреніяхъ Швеціи, о чрезвычайныхъ вооруженіяхъ ея, и проч.; все это объяснено было самымъ притворнымъ образомъ. Какъ и слѣдовало ожидать, такой же, и даже еще болѣе крупной поворотъ въ мирной политикѣ очень скоро совершился во Франціи.

Первый шагъ къ охлажденію воинственнаго жару французскаго общества былъ сдѣланъ газетою «*Paix*», которая, среди самого возбужденнаго состоянія умовъ, вдругъ напечатала статью, въ которой доказывалось, что теперь положеніе дѣлъ совсѣмъ иное, чѣмъ въ 1850 г., и что польскій вопросъ совсѣмъ не то, что итальянскій: те-перь была вопросъ французскій, а это вопросъ обще-европейскій. Какое бы страннымъ логикою вышеупомянутая газета ни пришла къ этому заключенію, но статья ея произвела свое дѣйствіе. На подобный же шагъ начали говорить во Франціи и другія газеты, и министры. Когда въ засѣданіи 24 апрѣля Э. Оливье опять захотѣлъ завести рѣчь о Польшѣ, г. Бизоль отвѣтилъ, что польскій вопросъ—вопросъ европейскій; и не французскій, и что поэтому нужна особенная тайна. И пошла безконечная слухи о мирномъ оборотѣ дѣла: Фульъ и Друвиль де-Лон, главные противники войны, окончательно остаются въ министерствѣ; вліяніе Морни и Персины тоже взяло верхъ надъ вліяніемъ императрицы и

гр. Вавельского, главных защитниковъ войны; въ Парижѣ стали съ каждымъ днемъ все меньше и меньше говорить о полякахъ. Что же касается до англійской политики, то она лучше всего характеризуется словами, которыми знаменитый адвокатъ за Польшу, г. Паше Гемманнъ, явился на банкетѣ, который былъ ему данъ въ Краковѣ. Здѣсь онъ подтвердилъ, что общественное мнѣніе Англійи рѣшительно въ пользу поляковъ; но онъ просилъ своихъ слушателей обратить вниманіе на то, что мнѣніи, высказываемыхъ на митингахъ и въ газетахъ, и даже въ парламентѣ, не слѣдуетъ принимать за выраженіе мнѣній правительства; всѣ эти мнѣнія сами по себѣ, а правительство само не себѣ; правительство дѣлаетъ, что оно находитъ нужнымъ, на обращая вниманія на всѣ эти замечанія.

Теперь посмотримъ, какъ продолжаютъ дѣйствовать въ польскомъ вопросѣ двѣ державы, которыя мнѣстѣ съ Россіей болѣе всего заинтересованы въ польскомъ вопросѣ — Австрія и Пруссія. Первая изъ этихъ державъ очень скоро пришла въ тому убѣжденію, что снисходительность относительно польскихъ мятежниковъ и тѣхъ, которые имъ помогаютъ, вещь совершенно лишняя, и поэтому она уже давно начала дѣйствовать самымъ энергичнымъ образомъ. Правда, она не выдала Лангснета и другихъ решившихся въ австрійскія владѣнія инсургентовъ; но за то она сама арестовала и задерживала всякаго мало-мальски подозрительнаго челоѣка. Такъ между прочимъ были арестованы генералъ бельгійской службы Крушевскій, жившій въ свѣстѣ помѣстьѣ близъ Кракова, редакторъ «Часа» Хржаневскій, редакторъ *Revue de Lyon* Роланъ, бывшій проклятаторъ Бентинскій, польскій эмигрантъ графъ Ледзковскій и множество другихъ; каждый день слышно было о новыхъ арестахъ. Наконецъ, австрійское правительство, узнавши, что въ рядахъ инсургентовъ находится много французовъ и итальянцевъ, вошло, говорятъ, задерживать на краковской станціи желѣзной дороги всѣхъ французовъ и итальянцевъ, отправляющихся въ царство польское. Губернаторъ Галиціи, графъ Мендореъ распорядился, чтобы крестьянамъ Галиціи поручено было наблюдать за тѣми, чтобы никто безъ дозволенія не переходилъ границы; и это распоряженіе безъ сомнѣнія привело бы въскорѣ къ повторенію событій, какія были въ 1846 г. Австрійскія полуофициальныя газеты съ особеннымъ рвеніемъ стараются указывать на всѣ мѣры, которыя австрійское правительство принимаетъ противъ возстанія; мнѣстѣ съ тѣми онѣ жалуются, что поляки злоупотребляютъ гостеприимствомъ Австріи, дѣлая Галицію мѣстомъ заговоровъ, и утверждаютъ, что дружественныя отношенія съ Россіи и безпристрастіе ея не позволяютъ ей поступать иначе. Не мудрено, что въ виду подобнаго образа дѣйствія австрійскаго прави-

тельства и въ виду той неохоты, съ которой оно приступило къ совокупному дѣйствию съ западными державами, стали возникать слухи о совершеномъ измѣненіи политики Австріи (т. е. собственно говоря, радикальнаго измѣненія политики не могло быть, развѣ только болѣе прямой и открытѣй образъ дѣятельнѣ въ извѣстномъ направленіи, между тѣмъ какъ прежде заступо было лавированіе и искривленіе этого образа дѣйствія). Многія газеты стали утверждать, что Австрія все болѣе и болѣе отклоняется отъ политики западныхъ державъ и склоняется къ политикѣ Пруссіи и Россіи. Слухи о тѣсномъ союзѣ между Россіей, Пруссіей и Австріей, о возобновленіи санкционнаго союза, о возвращеніи къ Меттерниховской политикѣ стали повторяться все съ большею и большею силою. Говорятъ, что о тѣсномъ сближеніи Австріи съ Россіей и Пруссіей очень много хлопочетъ съ одной стороны г. Вундъ-Шауэнштейнъ, а съ другой стороны прусскіе государственные люди.

Между тѣмъ, пока этотъ союзъ не сталъ еще фантомъ совершившимся, Пруссія продолжаетъ стоять въ нѣсколько неопредѣленномъ отношеніи, къ великому огорченію либеральнѣхъ прусскихъ органовъ, которые не переставали и не перестанутъ упрекать въ этомъ министерствъ. Отказавшись присоединиться къ дипломатическому шагу Англии, Австріи, Франціи и другихъ европейскихъ державъ, и не вѣривъ слухамъ о союзѣ между Франціей, Италіей и Швейцаріей, прусскіе политики стали хлопотать о заключеніи тѣснаго оборонительнаго и наступательнаго союза между Пруссіей и Россіей; мы не можемъ сообщить подробнѣ читателямъ, на сколько старанія ихъ увѣличались успѣхомъ. Между тѣмъ, прусское правительство проницательно продолжаетъ въ польскомъ вопросѣ свою прежнюю политику, основанную на конвенціи 8 февраля, и не обращаетъ при этомъ ни малѣйшаго вниманія на громкія крики прусской палаты и на принятое ею 28 февраля рѣшеніе. Такъ оно продолжаетъ выдавать русскому правительству оффиціальнѣ изъ Царства Польскаго, а когда въ концѣ апрѣля отъ 400 до 500 человѣкъ русскаго войска, гвѣнные инсургенты, перешли прусскую границу, то прусскія власти не обезоруживали ихъ, разбѣстали постоемъ у жителей сосѣдняго съ границей мѣстечка и потому съ военными почестями и съ конвоємъ проводили назадъ до русской границы. Когда 4 мая депутатъ Карловичъ сдѣлалъ по этому случаю запросъ министерству, указывая на противорѣчіе этого образа дѣйствія правительства съ постановленіемъ палаты 28 февраля, ему отвѣчали извѣстнѣй защитникъ министерства, либераль г. Финке, и министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Эйленбургъ. Этотъ послѣдній объявилъ, что прусское правительство потому поступило такъ относительно русскихъ войскъ, перешедшихъ на прусскую территорию, что

въ ностальовеніи 28 февраля говорится о *союзныхъ сторонахъ*, а что прусское правительство смотритъ на происшествія въ Польшѣ не какъ на войну между двумя равноправными сторонами, а какъ на возмущеніе подданныхъ противъ законнаго своего государя; поэтому оно считаетъ инсургентовъ, переходящихъ прусскую границу, разбойниками, которыхъ слѣдуетъ выдавать Россіи на основаніи конвенціи 1857 г., а русскія войска оно принимаетъ, какъ войска дружественной державы. Палата удовольствовалась этими объясненіями г. министра. Въ концѣ апрѣля случилось обстоятельство, которое еще болѣе встревожило прусское правительство; смотрѣвшее уже и безъ того очень недружелюбно на польское возстаніе. До его слуха дошло, что въ Познани составляется обширный заговоръ, имѣющій цѣлю произвести возстаніе въ этой области. Сдѣлано было нѣсколько обысковъ, которые сначала всѣ были безуспѣшны. Но наконецъ у графа Дзялыньскаго, члена прусской палаты депутатовъ и зятя князя Адама Чарторижскаго, найдены были планъ возстанія, списки членовъ познанскаго революціоннаго комитета (въ числѣ членовъ находился извѣстный польскій депутатъ Нѣголевскій); найдены были также имена комиссаровъ различныхъ отраслей управленія, военнаго и гражданскаго, даже для полиціи и прессы; найдено было также оружіе и аммуниція. Въмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что Дзялыньскій занялъ подъ залогъ огромнаго имѣнія жены своей одинъ миллионъ талеровъ, предназначая эти деньги на расходы по возстанію. Самъ Дзялыньскій, какъ депутатъ, не могъ быть арестованъ безъ согласія палаты; государственный адвокатъ обратился къ палатѣ за позволеніемъ арестовать Дзялыньскаго и другаго депутата Гуттри; но пока палата разрѣшила это, Дзялыньскій и Гуттри исчезли, — первый, какъ говорятъ, въ Калишскій округъ, въ лагерь инсургентовъ, а послѣдній въ Брюссель. Но за то были арестованы секретарь Дзялыньскаго и много другихъ лицъ, всего въ нѣсколько дней около 60 человекъ. Крестовая газета и нѣкоторые другіе министерскіе органы, объявили даже, что можетъ быть, въ виду подобныхъ исключительныхъ обстоятельствъ въ скоромъ времени придется объявить всю познанскую область на военномъ положеніи. Впрочемъ, этѣ же газеты объявили нѣсколько времени спустя, что послѣ обыска у Дзялыньскаго и арестованія главныхъ коноводовъ заговора опасность миновала, и что по всей вѣроятности не придется прибѣгать къ исключительнымъ мѣрамъ. И такъ, Пруссія на время успокоилась.

Послѣ отправленія ноть трехъ великихъ державъ и послѣ обнародованія содержанія ихъ, газетчикамъ и журналистамъ свалилась на шею новая забота. Прежде они ломали себѣ голову надъ разрѣшеніемъ вопроса, будетъ ли сдѣлано представленіе Россіи или не будетъ сдѣ-

лаво. Представленіе сдѣлано; новая забота—каково содержаніе отвѣренныхъ нотъ? Содержаніе опубликовано; новая забота — каковъ будетъ отвѣтъ Россіи.

Пока европейскіе политики дѣлали еще разныя гадательныя предположенія на счетъ возможнаго отвѣта Россіи, появились два документа, которые уже отчасти указывали нато, каковъ долженъ быть отвѣтъ этой державы на представленія западныхъ державъ. Эти документы были: депеша русскаго министра иностранныхъ дѣлъ къ русскому посланнику въ Мадридѣ въ отвѣтъ на ноту испанскаго министра Мира-Флореса касательно польскихъ дѣлъ, и депеша англійскаго посланника въ С. Петербургѣ къ лорду Росселю съ отвѣтомъ князя Горчакова на депешу Росселя отъ 2 марта. Въ обѣихъ этихъ депешахъ говорится, что Россія желаетъ добра Польшѣ не менѣе западныхъ державъ, чему она неоднократно давала доказательства, но что она ничего не можетъ сдѣлать прежде подавленія возстанія и возобновленія законнаго порядка. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ апрѣля и въ первыхъ числахъ мая въ Парижѣ, Лондонѣ и Вѣнѣ получены были отвѣты русскаго правительства на ноты трехъ державъ, посланныя въ началѣ апрѣля. Эти отвѣты (писанные 14/26 апрѣля) вскорѣ были обнародованы въ Journal de St. Pétersbourg, а нѣсколько дней спустя обнародованы были отвѣты на депеши Испаніи, Итали и Швеціи. Всѣ эти отвѣты были сдѣланы въ одинаковомъ смыслѣ, и именно въ томъ, на который еще прежде указывала газета Presse. Такъ какъ намъ придется дальше говорить о впечатлѣніи, произведенномъ этими нотами, и о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, основанномъ на этихъ отвѣтахъ, то мы и приводимъ здѣсь одну изъ русскихъ депешъ, именно депешу князя Горчакова къ русскому посланнику при англійскомъ дворѣ: эта депеша входитъ въ болѣе подробное разсмотрѣніе польскаго вопроса, и князь Горчаковъ ссылается на нее и въ депешахъ своихъ къ прочимъ правительствамъ.

«Утромъ 5-го (17-го) апрѣля лордъ Непиръ вручилъ мнѣ прилагаемую при семъ копію съ депеши государственнаго секретаря ея Британскаго Величества, относящейся къ настоящему положенію дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ. Первая часть этого документа посвящена ретроспективному обзору юридической стороны вопроса. Во второй части выражается желаніе, чтобы въ Царствѣ Польскомъ возобновлено было спокойствіе, и возобновлено на прочныхъ основаніяхъ. Я отвѣчу на оба эти пункта депеши лорда Джона Росселя.

«Что касается до вопроса о правѣ, государственнѣй секретарь ея британскаго величества повторяетъ аргументы, уже приведенные въ депешѣ его 2-го марта. Это позволяетъ мнѣ сослаться на замѣчанія, сдѣланныя мною тогда же англійскому посланнику. Правительство

ея британскаго величества становится на почву, на которой всегда не колеблясь готовъ встрѣтить его императорскій кабинетъ; на почву договоровъ. Въ настоящемъ случаѣ вопросъ идетъ впрочемъ не столько о текстѣ, сколько о толкованіи договоровъ. Мы имѣемъ право не принимать безъ оговорки всѣхъ различныхъ толкованій, которыя можно дать договорамъ. Лордъ Россель говоритъ въ своей депешѣ, что въ силу 1 статьи общаго акта, подписаннаго въ Вѣнѣ 28-го мая (9 іюня) 1815 года, «герцогство Варшавское возводится въ степень царства Польскаго и должно быть, при соблюденіи извѣстныхъ условій, неразрывно связано съ Россійской Имперіей». Между тѣмъ объ этихъ условіяхъ въ актѣ Вѣнскаго конгресса сказано слѣдующее: «поляки, подданные Россіи, Австріи и Пруссіи, получаютъ представительство и національныя учрежденія, установленныя сообразно съ тою формою политической самостоятельности, которую сочтеть полезнымъ даровать имъ каждое изъ вышеупомянутыхъ правительствъ» (русское, австрійское и прусское). Императоръ Александръ I развилъ эти принципы въ смыслѣ своихъ личныхъ намѣреній. Онъ даровалъ Польшѣ конституцію 1815 года. Конституція эта была добровольнымъ актомъ его державной инициативы. Въ отношеніи къ иностраннымъ державамъ она тѣмъ менѣе имѣла характеръ неизмѣннаго обязательства, что самый конституціонный актъ, обнародованный послѣ заключенія вѣнскаго трактата, никогда не былъ сообщенъ имъ. Лордъ Россель оспариваетъ принципъ, по которому польскій мятежъ 1830 года, провозгласившій низверженіе царствующей династіи, уничтожилъ основы политической жизни, дарованныя Польшѣ на основаніи вѣнскаго трактата. Хотя исторія вѣсколько разъ подтверждала этотъ выводъ естественнаго права, самая теорія можетъ служить предметомъ спора. По нашему мнѣнію, можно было бы доказать, что если мятежъ не потрясаетъ международныхъ обязательствъ, то онъ уничтожаетъ, по крайней мѣрѣ, естественное развитіе ихъ, бывшее произведеніемъ великодушной мысли и имѣвшее пагубный исходъ для Польши и для Россіи. Но государственный секретарь ея британскаго величества ставитъ этотъ аргументъ на первомъ планѣ. Что касается до меня, то я коснулся его только мимоходомъ въ продолженіи разговора моего съ лордомъ Ненроу. Впрочемъ, съ обѣихъ сторонъ высказано уже все, что можно сказать объ этомъ вопросѣ; продолжать пренія на этой почвѣ было бы дѣломъ совершенно безплоднымъ. Я приступаю ко второй части депеши лорда Росселя.

«Намѣреніе нашего Августѣйшаго Государя — привести дѣло къ практическому разрѣшенію. Мы полагаемъ, что таково же и желаніе правительства ея британскаго величества. Такъ какъ его цѣль—

обеспечить за Царствомъ Польскимъ спокойствіе и благосостояніе, составляющія предметъ заботливости Его Величества Государя Императора, то намъ, кажется, было бы трудно не придти къ соглашенію по этому предмету. Разница во взглядахъ проистекаетъ изъ того факта, что англійское правительство признаетъ по видимому конституцію 1815 года единственной нападеей, способной усмирить нѣкѣшнее волненіе Польши. Но англійское правительство и англійская нація, практическій смыслъ которыхъ основалъ величіе Англии, не могутъ утверждать, что существуетъ только одинъ образъ правленія для всѣхъ народовъ, каковы бы ни были ихъ исторія и развитіе. Прежде нежели достигнуть политической зрѣлости, причѣмъ которой представляетъ Англія, необходимо перейти черезъ много ступеней, и каждая нація должна дѣйствовать на этомъ пути согласно съ своими собственными побужденіями. Государю, проникнутому самыми благими намѣреніями, естественно приходится соображать значеніе и объемъ учреждений, которыя должны поставить его подданныхъ въ наиболѣе благоприятныя условія жизни.

«Мысль нашего Августѣйшаго Монарха высказалась немедленно по вступленіи его на престолъ и должна быть извѣстна всей Европѣ. Его Величество рѣшительно вступилъ на путь реформъ. Опираясь на довѣріе и преданность своего народа, онъ предпринималъ и совершилъ въ нѣсколько лѣтъ общественное преобразованіе, которое другія государства могли произвести лишь въ долгое время и цѣною большихъ усилій. Заботливость его на этомъ не остановилась. Система постепеннаго развитія примѣнена ко всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія и къ существующимъ учреждениямъ. Она открываетъ Россіи путь къ правильному прогрессу.

«Тѣ же намѣренія не переставали одушевлять Его Величество и въ заботливости его объ участи Царства Польскаго. Мы не будемъ входить здѣсь въ исчисленіе національныхъ учреждений, по большей части избирательныхъ, которыя были дарованы этому краю. Онѣ, какъ видно, не достаточно поняты въ Европѣ, по дальности разстоянія или, вѣрнѣе, потому, что справедливое и безпристрастное сужденіе затемнено химерическими страстями и своекорыстными усиліями враждебной партіи. Система, приведенная въ дѣйствіе нашимъ Августѣйшимъ Государемъ, содержитъ въ себѣ зародышъ, развитіе которыхъ должны время и опытъ. Она приведетъ къ административной автономіи, на основаніи областныхъ и городскихъ учреждений, которыя въ Англіи были исходной точкой и основой величія и благоденствія страны. Но при осуществленіи этой мысли, Императоръ встрѣтилъ препятствія, заключающіяся преимущественно въ возбужденіяхъ партій безпорядка. Партія эта поняла, что если большинство

Царства вступить на путь правильного прогресса, то стремления ея ни къ чему не поведутъ. Происки ея не позволили привести новыя учрежденія въ исполненіе. Невозможно было убѣдиться въ томъ, какъ онѣ дѣйствуютъ и на сколько онѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ потребностямъ и степени зрѣлости страны. Только послѣ того, какъ этотъ опытъ будетъ произведенъ, можно будетъ высказать сужденіе объ этомъ дѣлѣ. Въ манифестѣ 31 марта указаны относящіяся сюда намѣренія нашего Августѣйшаго Монарха. На ряду съ актомъ милосердія, который могъ получить широкіе размѣры съ того времени, какъ разсыяны наиболѣе значительныя вооруженныя шайки, Его Величество сохранилъ уже дарованныя имъ учрежденія и объявилъ, что предоставляетъ себѣ дать имъ развитіе, на которое указываютъ время и потребности края.

«Лордъ Россель приглашаетъ Россію исполнить, въ качествѣ члена европейскаго общества, нравственныя ея обязанности въ отношеніи къ другимъ государствамъ. Россія такъ непосредственно заинтересована въ спокойствіи Польши, что не можетъ не принять въ соображеніе того, что предписывается ей международнымъ ея положеніемъ. Нельзя сказать, чтобы она встрѣтила въ этомъ отношеніи взаимность со стороны другихъ державъ. Постоянный заговоръ, организуемый и вооружаемый извнѣ для поддержанія безпорядковъ въ Царствѣ, есть фактъ всѣмъ извѣстный; неудобство его заключается именно въ тѣхъ послѣдствіяхъ, какія выводятъ изъ него виновники мятежа, для того чтобы увлечь мирное населеніе страны. Такимъ образомъ проявилось двойное, одинаково прискорбное вліяніе: то, которое оказываютъ на мятежъ возбужденія извнѣ, и то, которое продолжительность этого мятежа оказываетъ въ свою очередь на общественное мнѣніе Европы. Эти два вліянія взаимно дѣйствуютъ другъ на друга и привели наконецъ къ тому положенію, на которое державы обращаютъ теперь вниманіе императорскаго кабинета. Отъ него требуютъ, чтобы онъ возвратилъ Польшѣ условія прочнаго мира. Это желаніе внушается державамъ тѣмъ убѣжденіемъ, что періодическія волненія въ Польшѣ производятъ потрясенія во всей Европѣ, что онѣ сильно тревожатъ умы и могли бы, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, повести къ волненіямъ самаго серьезнаго свойства. Правительство ея британскаго величества ссылается, кромѣ того, при заявленіи этого желанія, на трактаты 1815 года, устроившія судьбу различныхъ частей Польши. Мы не колеблясь можемъ объявить, что желаніе эти совершенно согласны съ желаніями нашего Августѣйшаго Монарха. Его величество допускаетъ, что волненія въ Царствѣ Польскомъ могутъ повредить спокойствію пограничныхъ государствъ, и что они могутъ обращать на себя вниманіе всѣхъ державъ, подписавшихъ

общее соглашеніе 28 мая (9 іюня) 1815 года. Его величество полагаеть, что объясненія на основаніи этого соглашения и въ духѣ сдѣланныхъ намъ сообщеній могутъ привести къ результату, сообразному съ общими интересами.

«Нашъ августѣйшій монархъ съ удовольствіемъ принимаетъ заявленія довѣрія къ нему англійскаго правительства, предоставляющаго ему принять мѣры, которыя бы даровали Царству Польскому условія прочнаго мира. Но чѣмъ болѣе Императоръ расположенъ принять въ соображеніе справедливыя заботы и участіе, съ какимъ державы, подписавшія трактаты 1815 года, относятся къ настоящему положенію дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, тѣмъ болѣе онъ считаетъ долгомъ обратитъ самое серьезное вниманіе европейскихъ дворовъ на истинныя причины этого положенія и на средства къ его прекращенію. Если правительство ся британскаго величества упоминаеть о вліяніи, которое польскія смуты оказываютъ на спокойствіе Европы, то насъ еще болѣе должно поразить вліяніе, которое возбужденія Европы изстари оказывали на спокойствіе Польши. Съ 1815 года въ этомъ краѣ начало распространяться матеріальное благосостояніе, невѣдомое дотогѣ въ его лѣтописяхъ, между тѣмъ какъ другія государства пережили въ тотъ же промежутокъ времени много внутреннихъ кризисовъ. Это спокойствіе было нарушено въ 1830 году только вслѣдствіе потрясеній извнѣ; 18 лѣтъ спустя, въ 1848 году, когда почти всю Европу колебала революція, въ Царствѣ Польскомъ все было спокойно. Мы убѣждены, что то же было бы и теперь, еслибы не постоянныя возбужденія партіи космополитической революціи. Партія эта, повсюду стремящаяся къ ниспроверженію порядка, сосредоточиваетъ теперь всю свою дѣятельность на Польшѣ; но было бы ошибочно предполагать, что стремленія ся ограничатся этимъ предѣломъ. Она ищетъ тамъ только средства къ тому, чтобы взволновать всю Европу. И такъ, кабинеты, дорожащія тѣмъ, чтобы Царство Польское скорѣе вступило въ условія прочнаго мира, не могутъ осуществить этого желанія лучше, чѣмъ содѣйствуя съ своей стороны къ прекращенію нравственнаго и матеріальнаго безпорядка, который стараются распространить по всей Европѣ, и къ уничтоженію главной причины волненій, которыми тревожится ихъ предусмотрительность. Мы твердо надѣемся, что, скрѣпивъ въ этомъ смыслѣ связующія ихъ узы, они окажутъ дѣйствительную услугу дѣлу мира и общихъ интересовъ».

Теперь для всей европейской журналистики открылось обширное поле для обсужденія значенія и смысла русскихъ нотъ (прочія ноты были составлены совершенно въ томъ же духѣ, какъ и нота къ барону Брунову). Прежде всего отозвались на нее французскія полуофициальныя газеты, на которыя русская нота произвела очень благо-

приятное впечатлѣніе. *Paus, France, Esprit public, Constitutionnel* и пр. съ особеннымъ удовольствіемъ выставляли на видъ то, что отвѣтъ русскаго правительства вообще миролюбивъ, что онъ свидѣтельствуетъ о добрыхъ намѣреніяхъ Императора Александра (будто кто нибудь въ этомъ сомнѣвался), что намѣренія Императора Александра въ сущности схожи съ намѣреніями Наполеона. Наконецъ, и самъ *Мониторъ* напечаталъ 5 мая депешу кн. Горчакова и замѣтилъ, что ятою депешю открывается путь для дальнѣйшихъ переговоровъ. Что касается до *Presse* и *Indépendance Belge*, то онѣ по прежнему сильно сомнѣваются въ успѣхѣ дипломатіи и выставляютъ на видъ ничтожность результатовъ, ею доселѣ достигнутыхъ. Австрійская полуофициальная *General-Korrespondenz*, какъ и французскія официозныя газеты, тоже очень довольна примирительнымъ характеромъ отвѣтовъ Россіи. Наконецъ, англійскія министерскія газеты сначала тоже были довольны этими отвѣтами; онѣ хвалятъ умѣренный и примирительный тонъ отвѣтовъ и говорили (напр. *Globe*), что Англія должна гордиться дѣйствіями въ польскомъ вопросѣ своего правительства вообще и лорда Росселя въ особенности.

И дѣйствительно, всѣ эти органы общественнаго мнѣнія были совершенно правы, когда восхищались результатами достигнутыми дипломатіей: дипломаты, писавшіе ноты, получивши вышешприведенные отвѣты Россіи, получили все, на что только они могли рассчитывать. Значитъ, первое впечатлѣніе, произведенное этими результатами на газетчиковъ, было очень вѣрное впечатлѣніе. Но почему-то за этимъ первымъ впечатлѣніемъ послѣдовало другое впечатлѣніе, противоположное ему. Тѣ самыя англійскія газеты (*Times, Globe, Morning Post* и пр.), которыя еще такъ недавно были довольны тономъ отвѣтовъ, стали вдругъ отзываться очень неблагоприятно о русской политикѣ въ Польшѣ и о самомъ содержаніи русскихъ депешъ (*).

(*) Около этого же времени лордъ Россель опубликовалъ цѣлый рядъ депешъ, обѣщанныхъ имъ въ разное время съ кабинетами с.-петербургскимъ, берлинскимъ, вѣнскимъ и парижскимъ. Въ этомъ опубликованіи хотѣли видѣть точно такъ же нѣчто важное, какъ нѣкогда въ опубликованіи французскихъ депешъ въ *Мониторѣ*, и конечно столь же неосновательно. Изъ всѣхъ этихъ депешъ болѣе всего интересна депеша лорда Непира къ лорду Росселю, въ которой онъ извѣщаетъ его объ обнаруженіи указа объ амнистіи, и отвѣтъ лорда Росселя на эту депешу. Въ отвѣтѣ своемъ лордъ Россель говоритъ, что амнистія могла бы дѣйствительно имѣть значеніе во 1-хъ тогда, когда бы возстаніе было совершенно подавлено, а во 2-хъ, когда она сопровождалась бы обѣщаніями, которыя могутъ заставить забыть причины возстанія; но такъ какъ, по его мнѣнію, ни то ни другое не имѣетъ мѣста, то амнистія не можетъ достигнуть своего значенія. На первое изъ этихъ замѣчаній «Русскій Швалеръ» возражаетъ, что возстаніе было бы давнымъ давно

Австрійскія газеты нашли, что тонъ отвѣта Австріи гораздо суше и недружелюбнѣе, нежели тонъ другихъ отвѣтовъ, и стали высказывать по этому случаю свое неудовольствіе; очень многія французскія газеты — почти всѣ такъ называемыя независимыя, и даже нѣкоторыя изъ тѣхъ, которыя пользуются покровительствомъ свыше — стали находить, что отвѣты Россіи не удовлетворительны и проч. Можетъ быть, въ связи съ этимъ неудовольствіемъ начали ходить новыя слухи о возможности войны, о вооруженіяхъ въ Шербургѣ, о тѣсномъ союзѣ съ Италіей и проч. Но мы удивляемся этимъ недовольнымъ господамъ. Чего же они ожидали отъ внимательства подобнаго тому, которое было сдѣлано западными державами? Три западныя державы обращаются къ Россіи и говорятъ, что нужно улучшить положеніе Польши, но не говорятъ, какъ это сдѣлать. Русское правительство отвѣчаетъ имъ на это, что и оно само считаетъ необходимымъ это улучшение, что оно и прежде дѣйствовало въ этомъ смыслѣ, намѣрено и впредь дѣйствовать въ такомъ же смыслѣ, и готово даже взойти по этому предмету въ соглашеніе съ европейскими державами. Три западныя державы говорятъ, что безпокойства въ Польшѣ тревожатъ всю Европу, что ихъ нужно прекратить, — но не указываютъ, какъ этого достигнуть. Русское правительство отвѣчаетъ имъ, что оно само желаетъ успокоить Польшу, но что оно одно не въ состояніи достигнуть этого, потому что польскіе беспорядки суть дѣло «космополитической революціи»; оно съ своей стороны полагаетъ, что лучшимъ средствомъ для достиженія этого былъ бы союзъ всѣхъ европейскихъ державъ для преслѣдованія этого зла, этого «бича нашей эпохи»; поэтому оно съ своей стороны предлагаетъ тремъ державамъ (какъ Франція предлагала Англій въ 1858 году), усилить надзоръ за происками революціонной партіи въ своихъ владѣніяхъ. Вообще всѣ отвѣты Россіи такъ непосредственно вытекаютъ изъ обращенныхъ къ ней требованій, суть такія прямыя, логическія послѣдствія этихъ требованій, что мы не понимаемъ, какъ могли найтись люди, которые ожидали чего нибудь другаго. Неужели они ожидали, что Россія предложитъ западнымъ державамъ болѣе, нежели сколько онѣ отъ нея требуютъ. Странныя ожиданія!

Поэтому намъ кажутся гораздо болѣе основательными мнѣнія тѣхъ, которые полагаютъ, что теперь открыто опять обширное поле для дѣйствій дипломатовъ. Уже теперь опять пошла рассу-

полавлено, еслибы русское правительство совершенно отказалось отъ чувствъ милосердія, не стало бы разбирать виновныхъ отъ невинныхъ, начало бы, однимъ словомъ, поступать такъ, какъ на его мѣстѣ поступила бы любая изъ западныхъ державъ.

женія о конференціи или конгрессѣ для рѣшенія польскаго вопроса, который долженъ будто бы собраться немедленно, объ основаніяхъ этого конгресса, о томъ, что здѣсь будутъ засѣдать и всѣ второстепенныя и третъестепенныя державы Европы. Однимъ словомъ, для дипломатіи представляется теперь матеріалу на многіе мѣсяцы. А тамъ авось-либо дѣла рѣшатся какъ нибудь сами собою, безъ нея, и Европа будетъ избавлена отъ необходимости записаться рѣшеніемъ этого неприятнаго вопроса. Въ томъ, что дѣла пойдутъ такъ, а не иначе, убѣждаетъ насъ и рѣчь, произнесенная 8 мая лордомъ Джонсомъ Росселемъ въ засѣданіи верхней палаты. Въ этотъ день лордъ Шефтсбери внесъ въ верхнюю палату прошеніе Сити въ пользу поляковъ. По этому случаю лордъ Россель отвѣтилъ, что было бы совершенно ошибочно ожидать отъ Англіи другаго вмѣшательства въ пользу поляковъ, кромѣ дипломатическаго, т. е. другихъ дѣйствій, кромѣ представлений, обращенныхъ къ Россіи, и что онъ надѣется, что при извѣстномъ либерализмѣ императора Александра II, эти представленія не останутся бесполезными для поляковъ; что англійское правительство желаетъ, чтобы Польша дарованы были учрежденія, обезпечиваемыя ей трактатами 1815 года, т. е. избирательная администрація и управление черезъ туземцовъ; что хотя нѣкоторые (кто?) и имѣли въ виду возстановленіе независимости Польши, но что англійское правительство и не думаетъ объ этомъ, потому что это возстановленіе касалось бы слишкомъ сильно интересовъ Австріи и Пруссіи, и могло повести къ продолжительной войнѣ, которой Англія вовсе не желаетъ, и на которую Англія могла бы только рѣшиться въ случаѣ крайней необходимости. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что дипломаты своимъ искусствомъ отвратятъ эту необходимость и устроятъ дѣло такимъ образомъ, что польское возстаніе будетъ подавлено прежде, нежели дѣло дойдетъ до войны; а тамъ конечно уже и войну не затѣмъ будетъ вести. Этимъ стараніямъ дипломатовъ вѣроятно не помѣшаетъ меморандумъ, который, какъ говорятъ, намѣрена опубликовать польская эмиграція, и въ которомъ она постарается доказать, что польскій вопросъ можетъ быть рѣшенъ только войною, которая не можетъ быть ни долга, ни разорительна. Имъ не помѣшаетъ также заемъ въ 1 миллиардъ, который будто бы предполагаетъ сдѣлать польское революціонное правительство подъ залогъ всей поземельной собственности въ Царствѣ Польскомъ, и который будто бы долженъ идти на вознагражденіе державамъ, которыя предприняли бы войну для возстановленія Польши. Все это, повторяемъ, по всей вѣроятности не заставитъ дипломатію оставить однажды избранный ей удобный путь переговоровъ и вступить на опасный и скользкій путь европейской войны. А о томъ, какіе въ дѣйствительности будутъ результаты отъ всѣхъ ихъ

стараний, они не заботятся: они увѣрены, что дѣлаютъ важное дѣло, — и вполне этимъ довольны.

Около половины апрѣля вниманіе Европы было нѣсколько отвлечено отъ событій въ Польшѣ новымъ англо-американскимъ столкновеніемъ, новымъ опасеніемъ, какъ бы не вспыхнула война между Англіей и Америкой. Эта исторія, которая сильно напоминаетъ исторію Трента, какъ по самому ходу дѣла, такъ и по тому, какъ держали себя въ настоящемъ случаѣ англійскіе государственные люди и пресса: та же заносчивость ихъ относительно американцевъ, то же желаніе покуражиться надъ ними, то же проявленіе завистливой злобы и ненависти къ американцамъ. Наконецъ, и самый исходъ этого дѣла совершенно напоминаетъ собою дѣло Трента: хотя оно еще не окончено, однако исходъ этотъ нетрудно предвидѣть. Расскажемъ вкратцѣ, какъ началось это дѣло и каковъ былъ дальнѣйшій ходъ его: въ подробности входить мы не ставемъ, потому что, какъ мы замѣтили выше, всю эту исторію можно принять за повтореніе исторіи Трента.

Въ концѣ марта на лондонской биржѣ вдругъ распространился паническій страхъ: пронесся слухъ, что весь британскій флотъ, со всѣми своими панцирными пароходами, изъ Канала отправляется въ вестъ-индскія воды. Этотъ слухъ распространился вслѣдствіе того, что адмиралъ Уильксъ (тотъ самый, который полтора года тому назадъ захватилъ Трентъ) взялъ англійское купеческое судно *Петергофъ*, шедшее изъ Англій въ мексиканскія гавани Вера-Крусъ и Матаморасъ; Уильксъ заподозрилъ его, что оно контрабандой провозитъ военные снаряды въ южные штаты. Впрочемъ, на этотъ разъ еще *Morning Post* въ номерѣ своемъ отъ 28 марта старалась успокоить общественное мнѣніе и говорила, что врядъ ли это столкновеніе можетъ повести къ войнѣ, и что поэтому вестъ-индскій флотъ не будетъ усиленъ. Эта газета объясняла своимъ читателямъ, что воюющая держава имѣетъ право представить подозрительное судно призовому суду, съ тѣмъ, что она, въ случаѣ неосновательности своихъ подозрѣній (какъ по всей вѣроятности въ настоящемъ случаѣ), вознаградитъ владѣльца судна. Въ заключеніи она увѣряетъ, что это непріятное, но не опасное дѣло. Въ этомъ же смыслѣ лордъ Россель отвѣчалъ владѣльцамъ корабля, которые просили заступничества англійскаго правительства. Онъ сказалъ, что если корабль окажется несправедливо задержаннымъ, то англійское правительство потребуетъ отъ американскаго возвращенія корабля и удовлетворенія владѣльцевъ его; но что оно не можетъ запретить американскому правительству представлять подозрительные корабли призовому суду. Онъ прибавилъ, что въ настоящемъ случаѣ, сколько

можно судить по первому взгляду, не было основательной причины захватывать *Петергофъ*; но что если американское правительство докажетъ справедливость захвата, то английскому правительству нельзя будетъ протестовать прогивъ этого. Этой умѣренности не раздѣляли другіе английскіе органы. Не только заклятой врагъ сѣвера и защитникъ юга, торійскій *Morning-Herald*, но и *Times*, *Globe* и др. полагали, что американскому правительству ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ позволять останавливать суда, идущія изъ Англій въ Мексику. Еще не успѣло успокоиться въ Англій волненіе по этому дѣлу, какъ пришло извѣстіе о томъ, что американцы захватили другой английскій корабль, *Дольфинъ*, тоже шедшій въ Мексику. Кромѣ того, стали еще извѣстны нѣкоторыя, неизвѣстныя до толѣ подробности о дѣлѣ *Петергофа*: оказалось, что на *Петергофѣ* были захвачены также почтовые чемоданы съ частной корреспонденціей, которая попалась такимъ образомъ въ руки американцевъ; оказалось также, что американскій посланникъ въ Лондонѣ, г. Адамсъ, выдалъ какимъ-то английскимъ купцамъ, отправляющимъ корабль въ Мексику, удостовѣренія въ томъ, что они не везутъ въ южные штаты военной контрабанды, и что ихъ поэтому не слѣдуетъ останавливать, между тѣмъ какъ другимъ онъ отказался выдать подобныя свидѣтельства. Англичане, не разобравъ еще хорошенько, въ чемъ дѣло, не выждавъ никакихъ подробностей обо всѣхъ этихъ дѣлахъ, пришли въ неописанную ярость. Та самая *Morning-Post*, которая еще недавно такъ умѣренно отзывалась о захватѣ *Петергофа*, стала вдругъ, доказывать, что американское правительство не имѣетъ никакого права мѣшать торговымъ сношеніямъ Англій съ Мексикой и останавливать корабли, идущія изъ Лондона въ Матаморасъ. Между нейтральными государствами, говорила газета, не можетъ быть производима военная контрабанда; этого принципа Англія придерживалась во время послѣдней войны съ Россіей и не задерживала военныхъ снарядовъ, перевозимыхъ изъ одного прусскаго порта въ другой, хотя была увѣрена, что они назначались для Россіи. (Мнѣніе, что между двумя нейтральными державами не можетъ производиться военная контрабанда, совершенно основательно, и противъ него нечего и возражать; но если, подъ видомъ переѣзда изъ одного нейтральнаго порта въ другой, корабль провозитъ военную контрабанду изъ нейтральнаго порта въ не нейтральный. — что по сознанію самихъ англичанъ часто дѣлалось английскими судами, подъ видомъ торговли съ Мексикой, — то воюющія стороны имѣютъ безъ сомнѣнія право задерживать подозрительные корабли, конечно давая должное удовлетвореніе въ случаѣ несправедливаго подозрѣнія; и английское правительство безъ сомнѣнія не иначе поступило бы на примѣръ съ американскимъ судномъ, которое

подъ видомъ торговли съ Швеціей и Пруссіей, вадумало бы во время послѣдней войны провезти оружіе въ русскій, блокируемый портъ). Относительно вышеупомянутаго поступка Адамса, Morning-Post и другія газеты отозвались тоже чрезвычайно энергически. Когда по этому поводу сдѣланъ былъ запросъ въ парламентъ, то лордъ Россель очень сильно выразилъ свое неодобреніе этому поступку, назвалъ его непростительнымъ и объявилъ, что не хочетъ болѣе вступать съ Адамсомъ ни въ какія сношенія, и что онъ обратится съ жалобой на его образъ дѣйствій прямо къ американскому правительству. Французское правительство тоже сочло нужнымъ обидѣться этимъ дѣломъ и поручило своему посланнику въ Вашингтонѣ, г. Мерсье, потребовать по этому поводу объясненій у вашингтонскаго правительства. Положеніе казалось еще болѣе опаснымъ, потому что въ это же время общественное мнѣніе въ Америкѣ было сильно раздражено противъ Англіи за снаряженіе крейсеровъ для юга и за явное пристрастіе къ Южнымъ Штатамъ, и ходили слухи о не менѣе энергической нотѣ, съ которой будто бы Сьюардъ обратился къ англійскому правительству по поводу снаряженія крейсеровъ. Англійскія газеты старались польстить національному самолюбію и врожденной ненависти англичанъ къ американцамъ и раздували, что было мочи, страсти англичанъ, и безъ того уже возбужденныя. 23 апрѣля въ засѣданіи парламента, два депутата, гг. Ребокъ, недавно заявившій свое нерасположеніе къ польскому возстанію, и Бентинкъ неистово нападали на сѣверо-американцевъ. Первый говорилъ, что прежде онъ былъ на сторонѣ американцевъ, но что теперь онъ отшатнулся отъ нихъ, потому что «они выказали себя не способными не только къ самоуправленію, но и къ сношенію съ образованнымъ міромъ». Послѣ этого онъ «отъ имени всей англійской націи» громко требовалъ, чтобы Сѣвернымъ Штатамъ объявлена была война. Вся эта рѣчь была пересыпана чуть не площадными ругательствами противъ сѣверо-американцевъ и правительства ихъ. Г. Бентинкъ говорилъ поумѣреннѣе, но все-таки выражалъ опасеніе, что американцы скоро будутъ захватывать корабли, идущіе изъ Дувра въ Кале. Между тѣмъ лордъ Россель дѣйствительно отпривилъ въ Вашингтонъ депешу по поводу задержанія двухъ кораблей и захвата на одномъ изъ нихъ почтовой корреспонденціи. Но американское правительство и въ настоящемъ случаѣ выказало ту же умѣренность и то же спокойствіе, какъ и въ трентскомъ дѣлѣ, и этимъ, можетъ быть, вторично отклонило войну. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ изъ Лондона отправлена была депеша лорда Росселя, въ Англію пришло извѣстіе, что Сьюардъ не велѣлъ вскрывать чемаданоу съ корреспонденціей, запечатанныхъ печатью почтоваго вѣдомства, и что они возвращены англичанамъ

невскрытые. Сначала призовый судъ Нью-Йорка хотѣлъ было распечатать ихъ и приглашалъ для этого англійскаго консула; но англійскій посланникъ Лейонсъ подалъ протестъ противъ этого вскрытія, и Сьюардъ по телеграфу прислалъ приказаніе возвратить корреспонденцію. Относительно поступка г. Адамса тоже было дано удовлетворительное объясненіе: оказалось, что онъ выдавши извѣстное свидѣтельство, вовсе не думалъ присвоивать себѣ особеннаго права, и что онъ въ этомъ случаѣ поступилъ по собственному своему усмотрѣнію, а не по инструкціямъ своего правительства. 30 апрѣля лордъ Россель и Лейардъ объявили обо всемъ этомъ, первый — въ Верхней, а второй — въ Нижней палатѣ, и прибавили, что законность самаго захвата Петергофа и Дольфина будетъ рѣшена призовымъ судомъ въ Америкѣ и коронными судьями въ Англій. Чтобы помогать Адамсу и чтобы разрѣшать вопросы тутъ же на мѣстѣ, не входя въ длинныя переписки, американское правительство, какъ говорятъ, намѣрено прислать въ Лондонъ особеннаго чиновника, свѣдущаго въ международномъ и морскомъ правѣ. Такимъ образомъ, благодаря благоразумію американскаго правительства и вопреки желанію большинства англичанъ, гроза по видимому прошла, войны очевидно не будетъ. Англичане сами признаютъ это. Times говоритъ, что Англія, хотя въ настоящемъ случаѣ съ сожалѣніемъ, но ради собственныхъ своихъ интересовъ, должна желать сохраненія за воюющими сторонами права осматривать въ случаѣ подозрѣнія нейтральные корабли, идущіе въ нейтральные порты. Morning-Post въ послѣдніе дни говоритъ объ этомъ столкновеніи: «уніонисты въ тѣхъ случаяхъ, когда они бываютъ неправы, готовы признать себя неправыми, но не прежде, какъ накричавшись вволю; имъ хочется лаять, а не кусать», и проч. Это замѣчаніе почтенной газеты во многихъ случаяхъ относится скорѣе къ самимъ англичанамъ, нежели къ противникамъ ихъ.

ЕЩЕ ПО ПОВОДУ «ЗАМѢТКИ ИЗЪ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ» (*).

Не смотря на то, что замѣтка наша имѣла въ виду не столько частный фактъ побіенія мирового посредника С., сколько явленіе, повторившееся одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ, не смотря на то, что мы и смотрѣли на него именно съ точки зрѣнія причинъ, его обусловившихъ, о чемъ уже и заявляли въ 3 № нашего журнала за сей годъ, мы продолжаемъ получать по этому дѣлу поправки и замѣчанія. Замѣчанія эти главнѣйшимъ образомъ трактуютъ о томъ, будто бы мы приняли на себя защиту и оправданіе посредника С., котораго дѣятельность не заключаетъ въ себѣ ничего похвальнаго. При этомъ намъ сообщаютъ и нѣкоторыя свѣдѣнія о г. С., не всѣмъ для него лестныя, т. е. все въ томъ же родѣ, въ какомъ уже было опубликовано одно свѣдѣніе въ газетѣ «День». Даже есть нѣчто и похуже: между прочимъ, исторія съ г. К. разъясняется очень гадко.

По этому поводу, второй разъ считаемъ долгомъ повторить, что ни г. С. и никого вообще изъ участниковъ этой исторіи мы не знаемъ, да и знать не желаемъ, и что самый фактъ драки обратилъ наше вниманіе единственно съ точки зрѣнія тѣхъ общихъ заключеній, которыя можно было вывести изъ всѣхъ подобнаго свойства фактовъ, которыхъ въ нашей статьѣ приведено не мало.

(*) «Замѣтка» эта была напечатана въ 1—2 №№ «Современника» за 1863

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НѢКОТОРЫЯ ЛАКЕЙСКІЯ ПРИВЫЧКИ СОВРЕМЕННАГО ОБЩЕСТВА. — О ТѢЛЕСНЫХЪ НАКАЗАНІЯХЪ, ПО ПОВОДУ НОВАГО УКАЗА ПО ЭТОМУ ПРЕДМЕТУ. — О ЖЕНСКОМЪ ТРУДѢ. — ВНЕШНЕЕ И ВНУТРЕННЕЕ ЗНАЧЕНІЕ ВСЕПОДАДАНЬИШИХЪ АДРЕСОВЪ ПО ПОВОДУ ПОЛЬСКИХЪ СОБЫТІЙ. — ОТЗЫВЫ ИНОСТРАННЫХЪ ПЕДАГОГОВЪ О ПРОЕКТѢ НОВАГО УСТАВА НАШИХЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

У всякаго человѣка есть множество разнаго рода симпатій и антипатій, ничѣмъ необъяснимыхъ. Я не могу, напримѣръ, равнодушно смотрѣть на людей, у которыхъ лицо въ тридцать или съ небольшимъ тридцать лѣтъ приняло форму шѣсяца, а то, что называется животомъ, имѣетъ подобіе турецкаго барабана, хотя, собственно говоря, тутъ ничего нѣтъ предосудительнаго, ибо дородство тѣлесное столь же хорошая вещь, какъ и благопріобрѣтенное имуществъ. Но при взглядѣ на юную лѣпоту и дебелость тѣлесную мнѣ всегда почему-то представляется, что мускульное вещество развивается здѣсь въ очевидный ущербъ нервному, и что общество напрасно тратитъ свои силы на воспитаніе человѣка, который въ цвѣтѣ своихъ лѣтъ такъ легко и безболѣзненно мѣняетъ необъятный и прекрасный міръ человѣческой мысли на нѣсколько фунтовъ говядины. Я не могу также спокойно, не почувствовавъ нѣкотораго нервическаго содроганія, слышать, когда въ обществѣ бесѣдующихъ раздается изъ мужской груди голосъ съ изысканно мягкимъ теноромъ или съ изысканно нѣжнымъ сопрано, хотя, собственно говоря, и здѣсь нѣтъ ничего предосудительнаго, — напротивъ, усовершенствовать свой теноръ или сопрано, какъ и совершенствовать всѣ вообще

таланты есть дѣло похвальное. Но мнѣ почему-то представляется, что человѣкъ, ухаживающій слишкомъ за мягкостію своего тенора и за нѣжностію сопрано въ обыкновенномъ разговорѣ, долженъ быть непременно немножко подлець. Но ничто не производитъ во мнѣ такого глубокаго омерзѣнія, какъ человѣкъ визитирующій *son amoge*. Бѣлыя перчатки, круглая шляпа, шаркающій и дѣлающій книксенсы господинъ, особенно если все это вижу я въ человѣкѣ почтенныхъ лѣтъ, и еще украшеномъ сѣдинами, и еще выдѣлывающемъ подобныя штуки въ зимнее время, возмущаютъ меня до глубины души и повергаютъ въ болѣзненное состояніе. Здѣсь я вижу лакейство человѣческой природы и лакейство не простое, не обыкновенное. Последнее еще бы ничего. Ибо лакейство природѣ нѣкоторой части людей. Еще Аристотель замѣтилъ, что сама природа производитъ однихъ для того, чтобы властвовать, другихъ, чтобы быть рабами. Противъ природы идти нельзя, и болѣе или менѣе лакействуютъ и очень почтенные, и очень не глупые люди. Но здѣсь лакейство является во всей его срамотѣ и гнусности, ибо на всѣхъ другихъ путяхъ жизни лакейство высказывается болѣе или менѣе скромно, между дѣломъ, маскируясь обыкновенно личиною взаимнаго дружества, взаимнаго уваженія, взаимной нѣжливости,—здѣсь оно принимаетъ наглый видъ, облачается въ самостоятельную форму, становится дѣломъ, службой, производится съ приготовленіемъ, съ искусствомъ, съ изученіемъ, а очень многими съ благоговѣніемъ, съ увлеченіемъ, съ засосомъ, съ пещадѣніемъ даже живота, мы разумѣемъ холодное время года, однимъ словомъ, *son amoge*. Просто омерзительно!

Я выражаюсь, можетъ быть, очень жестко для слуха читателя, не чуждаго общей слабости въ извѣстные дни въ году надѣвать бѣлыя или другаго цвѣта свѣжія перчатки, круглую шляпу, не смотря ни на какое время года, и волочиться изъ дома въ домъ по переднимъ, или, что еще хуже, какъ будетъ доказано ниже, по гостиницѣ. Но я выражаюсь такъ потому, что глубоко убѣжденъ, что ни одна язва отъ созданія міра не истребила столько людей въ мірѣ физическомъ, сколько язва визитнаго лакействованія погубила и развратила личностей въ мірѣ нравственномъ. Это кажется странно, а между тѣмъ несомнѣнно. Вѣдь если бы не было этой самостоятельной, отверженной формы лакействованія, гдѣ лакейство можетъ высказываться съ искусствомъ, съ вдохновеніемъ, съ увлеченіемъ,—въ обыкновенныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ не всегда бы было легко и удобно отличить глубокихъ и талантливыхъ лакеевъ отъ мелкихъ и малодаровитыхъ, усердныхъ и по любви преданныхъ своему дѣлу отъ менѣе усердныхъ и исполняющихъ долгъ лакейства *ex officio*, по необходимости, но

слабости водонѣлостой природы. Теперь же все это, какъ на блюде. Ну, и погибъ человекъ, если природа обдѣлала его этикъ даромъ. Могу сказать, что моя собственная жизнь есть не что иное, какъ результатъ нѣстѣе и неудачъ по пренебреженію къ бѣднѣмъ перчаткамъ и круглой шляпѣ. Идѣи я собою дою того таланта дакей-стрѣе, какой имѣеть другъ мой Пѣща, а могу смѣло сказать, что

Съ моимъ умомъ, съ моимъ талантомъ
Давно ужъ былъ бы я московскимъ комендантомъ.

Но, съ прискисіемъ, природа дамъ мнѣ значительные вѣдѣтѣи свободы. Они начали обнаруживаться и дѣйствовать по вѣду моему съ смѣлою копать лѣтъ. Какъ теперь должно, въ первый разъ голосъ во имя свободы дѣйствіи въ мысли я возвысилъ по поводу первого надѣванія ихъ меня штановъ. «Какъ чертъ лѣвѣи! штаны! — На что мнѣ штаны! Я не чувствую въ нихъ ни потребности, ни пользы, вижу даке, напрокивъ, неудобство для себя въ ихъ обладаніи. Пріятель вѣра, — почувствую надобность, — а самъ спрошу ихъ. Затѣмъ наскіе! Такіе мысли съ крѣпкомъ и словами высказывалъ я молодѣ, припово- лѣнныиъ меня надѣиъ штаны. Но моего протеста не послушали. Штаны были надѣты. Съ своей стороны, не хотѣлъ уступить и я. И началась борьба. Я пошелъ въ штанахъ въ лѣсъ, тамъ снялъ ихъ съ себя. Законала ихъ въ глубоко зарытую мною самимъ яму и считалъ себя побѣдителемъ. Легокъ и веселъ возвращался я мнѣ лѣсу домой, въ твердой увѣренности, что свобода завоевана. Но увы! Тутъ-то я и ошибся. Началась сильнѣйшая реакція. Меня жестоко выпороли, — штаны опять надѣли, а чтобы я со вторыми штанами не попустилъ, какъ съ первыми, перестали пускать изъ дому, и этого мало: подвергли строгому надзору домашней полиціи. Дѣло, какъ видитъ читатель, было окончательно проиграно. Изъ рассказаннаго обстоя- тельства читатель можетъ нѣсколько понять мою натуру. Она не относилась къ разряду дурныиъ, но не была и очень возвышенна. Въ ней были нѣрвыиъ къ свободѣ, быдо на столько стойкости, чтобы заявлять ихъ, но безъ послѣдствій. Но когда эти послѣдствія далинадисъ, реакція входила въ силу, во мнѣ не доставало столько твердости и неустра- шимости, чтобы выдержать реакцію. Прежде, когда былъ молодѣ, я сильно совершался объ этомъ моемъ недостаткѣ. Но когда пришелъ въ возрастъ, я увидѣлъ, что этого недостатка не чужды и другіе смертные. Сколько мнѣ нѣфетна исторія, смѣло утверждать, что нѣтъ ни одно- го народа, который бы при реакціи умѣлъ такъ ловко и затѣ- ливо повернуть вѣстомъ, какъ мои соотчичи. Ставши на твердой историческій штаид-пунктъ, я, само собою разумѣется, пересталъ таготиться тѣмъ недостаткомъ, которымъ такъ сильно таготился

прежде. Тѣмъ не менѣе пересматривая безпристрастно мою молодость, не могу не сказать, что именно этотъ недостатокъ былъ причиною безуспѣшности всѣхъ моихъ юныхъ протестовъ во имя свободы. Можетъ быть, пользуясь слабостію моей природы, люди совершенно задушили бы меня нравственно, загнали бы въ общую колесу тѣхъ безчисленныхъ, въ ранней молодости умершихъ ничтожествъ, которыя существуютъ на свѣтѣ только для истребленія съѣстныхъ припасовъ, оставаясь чуждыми и безчувственными ко всякому движению человѣческой мысли, если бы природа не вложила въ меня глубокой, ничѣмъ неопредѣлимой ненависти къ бѣлымъ чертанышкамъ круглой шляпки. Я могъ вывести въ жизни все, что угодно, притвориться къ чему угодно, примириться съ чѣмъ угодно, но свѣтлыи! нависшаго народа и процесса каждый разъ приводилъ меня въ ужасъ, поворачивалъ въ болѣзнь, возмущалъ всю желчь съ глубины души, — одного слова, его я не могъ перенести, — и я вступилъ въ борьбу. Эта ненависть, эта борьба сдѣлали меня. Она оставила меня вглядѣться ближе и думать въ существующія отношенія людей, заставила создать теорію другихъ новыхъ отношеній, отделила меня отъ проклятого стѣна отъ людей тѣхъ жалкихъ обществъ, въ которыхъ бросала меня судьба.

Но адѣсь я останавливаюсь, чтобы сдѣлать правдоу.

Правдоу. Южная! Изъ вышечечнаго разумѣнія, какъ колесо движется въ жизни даже одно убѣжденіе и крѣпко хранить его наче всякихъ наукъ и добродѣтелей. Въ житейскомъ морѣ, обуреваемомъ волнами еще сильнѣе, чѣмъ обуревается море водное, ничто такъ быстро не разбивается, какъ наука и добродѣтель, — кто возлагалъ на нихъ упованіе, дѣлается нищъ и голъ и безвозвратно погибаетъ, если не вынесъ и не умѣлъ сохранить въ жизни хотя одного изъ святыхъ завѣтовъ юности.

И такъ, я вступилъ въ борьбу. Борьба эта не заключала однакожъ въ себѣ ничего блестящаго на видѣ, ни даже ничего возвышеннаго. Адѣсь не было ни штыковъ, ни штуцеровъ, ни пушекъ, ни даже боксовъ. Борьба была такого разряда, что не требовала подобнаго рода орудій, — впрочемъ, едва ли и есть борьба, гдѣ бы подобныя орудія имѣли значеніе дѣйствительное, а не кажущееся только. Нынѣ известно несомнѣнно, что острота штыковъ, мѣткость штуцеровъ и губительная сила пушекъ зависятъ отъ денегъ. Но деньги сами по себѣ тоже ничего не значать. Есть сила, которая даетъ могущество и деньги, и штыкамъ, и штуцерамъ, и пушкамъ, и безъ которой все прочее ничто — это нравственное упорство мысля, которое точнѣе можно назвать задушевнымъ, завѣтнымъ убѣжденіемъ человека въ необходимости отстоять извѣстную мысль. Всякая борьба, въ какой бы

она «оригинальнее» началась, начиная от уличных драгъ и кухонных потасовокъ до знаменитыхъ историческихъ войнъ, есть не что иное, какъ нравственная тайпа двухъ противниковъ за обладаніе нравственныхъ предметовъ. Она кончается не тогда, когда временно слабѣеетъ физическія средства одного противника въ сравненіи съ средствами другаго; но когда отъ чѣхъ или другихъ причинъ ослабѣеетъ или совершенно падаетъ нравственно упорство одного противника въ преслѣдованіи той мысли, за которую идетъ борьба. Оттого самая блистательная вѣдѣнная побѣда въ сущности не всегда такъ блистательна, какъ это представляется по видности; для слабого нравственнаго противника иногда побѣда приноситъ такіе горькіе плоды, какихъ не принесло бы и пораженіе, потому что ослабляя весьма незначительно на время физическія силы, она служитъ врагу, властвующему нравственною силою, только указаніемъ, куда и какъ въ послѣдствіи онъ долженъ вѣрнѣе направить удары, и тѣмъ приготовляетъ ему полное и окончательное торжество въ будущемъ. Тѣмъ свойствомъ, которое мы назвали нравственнымъ упорствомъ мысли, никто не надѣлалъ въ такомъ общи, какъ женщины. Русскій народъ давно подмѣтилъ это свойство женскаго характера и изобразилъ его въ известномъ оригинальномъ анекдотѣ о женѣ, которая согласна скорѣе потовугъ, чѣмъ согласиться съ мужемъ, что *брито*, а не *стрижено*. Въ этомъ именно свойствѣ женскаго характера, въ нравственномъ упорствѣ ихъ мысли заключается тайпа ихъ владычества надъ мужчинами, начиная отъ великодушныхъ чертоговъ до ничтожнѣйшихъ хижинъ. Обыкновенно объясняютъ это владычество обаяніемъ женской красоты, чувственностію, слабостію мужчинъ и т. п. Но мы видимъ на дѣлѣ, что здѣсь очень часто безобразіе, невѣжество, видимое безсиліе, развратъ, бѣдность вполне господствуютъ надъ красотою, умомъ, силою, цѣломудріемъ, богатствомъ и царятъ надъ всѣми возрастными мужской породы, — и не можемъ не сознаться, что подобныя объясненія ничего не объясняютъ. Кто бы напримѣръ могъ подумать, чтобы такое ничтожное во всѣхъ отношеніяхъ созданіе, какъ Арина Васильевна Багрова, могла заставить что нибудь дѣлать такого самодура звѣря, какимъ былъ Степанъ Михайловичъ Багровъ, одного взгляда котораго трепетало въ домѣ все, начиная отъ самой Арины Васильевны до послѣдняго не только человѣка, но, кажется, до послѣдней собаки? Но вотъ эта Арина Васильевна, неимѣвшая своей воли, своей мысли, представлявшая даже не рабу, а скорѣе вещь въ домѣ своего мужа, не извѣстно какимъ путемъ воспитала въ себѣ, можетъ быть, единственное самостоятельное убѣжденіе объ употребленіи тонкаго полотна, совершенно не похожее на убѣжденіе Степана Михайловича. Она вѣдала, что для домашнего хозяйства будетъ очень убыточно, если Сте-

панъ Михайловичъ будетъ носить бѣлье изъ тонкаго твидоваго полотна, а не изъ оброчной крестьянской льняной холстинки, и стала готовить бѣлье изъ послѣдней. Напрасно Степанъ Михайловичъ изъ-за тонкой холстинки неоднократно билъ свою жену, напрасно разъяренный изрубилъ топоромъ все свое бѣлье. Анна Васильевна нашла шовъ такого же бѣлья и поставила на своемъ; Степанъ Михайловичъ погорчился. Вотъ это именно нравственное уворство или точнѣе сказать, *милучество жеманнаго уворства* и составляетъ силу женщины. Мужчина способенъ къ высокимъ геройскимъ подвигамъ, но эти подвиги бывають обыкновенно моментальными, во крайней мѣрѣ, продолжающимися не долго; къ героизму хроническому, къ подвигамъ, требующимъ напряженія и пожертвованія долговременнаго и постояннаго, онъ бываетъ способенъ рѣдко, женщина — напротивъ. Тутъ-то именно она и вырастаетъ. Воспринятая ею идея дѣлается у нея обыкновенно идея бѣда. Она дѣлится съ ней всюду, не даетъ покоя никому, ни дѣтямъ, ни мужу, ни роднымъ, ни знакомымъ, не слушаетъ никакихъ совѣтовъ благоразумія, переноситъ какія угодно лишения, и даже истязанія, — и наконецъ побѣждаетъ. Вотъ почему война, изъ которой затересованы женщины, всегда война самая жестокая, безконечная, война на жизнь и смерть.

Такою именно представляется современная война польская, изъ которой женщины являются на первомъ планѣ. Здѣсь мы считаемъ долгомъ уклониться на время отъ нашего предмета, чтобы воздать должную честь нашимъ русскимъ патриоткамъ, московскимъ дамамъ. Съ свойственною женскому полу проникательностію появъ, на чемъ держится сила польскаго возстанія, онѣ рѣшились противопоставить патриотизму польскихъ дамъ патриотизмъ русскихъ дамъ. Вслѣдствіе этого прошедшаго 29 апрѣля, когда было годовичное засѣданіе общества распространенія полезныхъ книгъ у предсѣдательницы ея А. Н. Стрѣкаловой, московскія дамы, по окончаніи предназначенныхъ по обществу занятій, подняли вопросъ о снабженіи и пополненіи на будущее время женскаго туалета исключительно произведеніями русской промышленности и русскаго искусства. «И всѣ присутствовавшія дамы рѣшили единодушно не покупать для своего туалета и не носить ничего иностраннаго, стараться распространить эту мысль по цѣлой Россіи, почему и принять мѣры для сношенія со всѣми губерніями и для собиранія подписокъ».

Н. Ф. Павловъ въ 84 № своей газеты, откуда мы заимствовали приведенное извѣстіе, по этому случаю философствуетъ такими образомъ:

«Завѣдя это важное событіе, которому нельзя дать другаго названія, мы не можемъ не прибавить къ сказанному уже нами, что дамы

начиналась война, может быть, болѣе достойную нашего вѣка, чѣмъ истребленіе себя подобными. Эта политическая демонстрація стоитъ другихъ демонстрацій, устраиваемыхъ мужчинами, и мы увѣрены, хотя съ перваго раза кажется труднымъ согласить такія причудливыя воли, какъ женскія, мы увѣрены однакоже, что искра, заглѣбавшаяся на Тверской, въ домѣ Варгина, въ тѣсномъ кругу русскія женщины, пробѣжитъ электрическимъ токомъ по огромному пространству нашего отечества. Конечно, найдутся русскіе умы, которые назовутъ это кивисымъ патристизмомъ, найдутся другіе, которые станутъ трунить надъ такою женскою рѣшимостью, принимая все дѣло за мелочь, за шутку, не стоящую вниманія. Истинъ покажется, что великое отыщется охотниковъ пристать къ иніціативѣ московскихъ дамъ.

Не должно сказать, что дѣло вовсе не шутка, а имѣетъ громадное значеніе. Работа во Франціи, какъ и вездѣ, на бумажныхъ фабрикахъ, въ недостаткомъ хлопка, чрезвычайно уменьшилась. Поэтому прилигъ рабочихъ рукъ устремлѣны особенно на шелковыя фабрики. У Англіи есть свое шелковое производство. Германію шелковыми матеріями снабжаютъ особенно Эрбельсфельдъ и Барменъ въ прусской Пруссіи. Южные американскіе штаты, куда въ значительномъ количествѣ шли французскія матеріи, находятся теперь въ блокадѣ. Поэтому они идутъ преимущественно въ Россію. Если этого сбытъ остановится, то конецъ во всякой кружокъ, собравшійся 29 апрѣля, дастъ такое сраженіе, котораго не забудутъ наши непріатели. На содержаніе рабочихъ, оставшихся безъ дѣла на бумажныхъ фабрикахъ, идутъ огромныя суммы, какъ въ Англіи, такъ и во Франціи. Лордъ Дерби, канцлеръ, въ Ланкаширѣ сдѣлалъ большія пожертвованія въ пользу несчастныхъ фабричныхъ. Людовикъ Наполеонъ назначилъ нѣсколько милліоновъ франковъ для той же цѣли. Какую же массу бѣдныхъ скитальцевъ нужно будетъ французскому правительству кормить еще, если производство на шелковыхъ фабрикахъ уменьшится?

«Тутъ наши недруги не могутъ ни въ чемъ увѣривать насъ. Но колову свободы, проповѣдываемой ими, всякій можетъ одѣваться, какъ ему угодно, и носить, что хочетъ. Тутъ будетъ дѣйствовать не запретительная система, не таможи, не стѣсненія, приличныя дикимъ эпохамъ, иерархическимъ временамъ, е человѣчскій произволъ, которому не помѣшаетъ никакая контрабанда, самостоятельная личность частнаго человѣка безъ всякаго правительственнаго вниманія, безъ всякаго содѣйствія государственной силы. Каждый идетъ въ ту лавку, куда идуваетъ, каждый можетъ выбрать товаръ, какой ему приглянется, следовательно, нельзя будетъ указывать слѣды какого либо деспотизма и помалочкѣ събѣгу на его вліяніе, нельзя будетъ нашихъ недругамъ сложить вину ни на кого, кромѣ себя. Мы ихъ ласкаемъ, мы не бнаемъ, какъ ихъ лучше принять, какъ имѣе угостить, мы съ жадностью бросаемся на плоды ихъ ума и таланта, платимъ огромныя суммы за пронаведеніе ихъ мануфактуръ, умѣемъ цѣнить ихъ знанія, искусство, творчество, трудъ, а они, что бы ни сдѣлалось, всякій разъ становятся

на сторону нашихъ враговъ, позволяютъ себѣ говорить о насъ безъ точныхъ свѣдѣній, безъ малѣйшихъ справокъ, не изучивъ ни нашихъ нравовъ, ни нашей исторіи, ни нашего быта, клеветаютъ на насъ такъ неглибоко, что маленькій ребенокъ, давъ себѣ трудъ подумать нѣсколько минутъ, долженъ понять, что это клевета, радуются каждому нашему несчастію и съ какими-то бестыднымъ злорадствомъ пророчатъ нашу гибель. Какъ скоро рѣчь коснется до насъ, то у нихъ, кромѣ лжи, нѣтъ на языкѣ ни единого слова. Послушать, напримѣръ, теперь ихъ, какъ наши войска, войска регулярныя, войска, невѣстныя, кажется, Европѣ, не одолѣли въ Польшѣ ни одной шапки. Моляны, т. е. сбродъ людей, плохо вооруженныхъ, бьютъ насъ на каждомъ шагѣ: и что еще! берутъ по тысячѣ плѣнныхъ. Тысяча плѣнныхъ, да какъ же война должна быть шапка, чтобы забрать такое количество регулярныхъ солдатъ! И это позволяютъ себѣ перепечатывать Титесъ, журналъ сараянскій, журналъ, достойный уваженія. Русскія женщины хотятъ съ своей стороны откликнуться на эти привѣты иностранцевъ. И прекрасно. Говорятъ, что отъ одной московской модистки послана уже телеграфическая депеша во Францію объ открытіи странной кампаніи. Мы убѣждены, что русскіе «забраванты» не злоупотреботъ счастливымъ положеніемъ, которое для нихъ создается, и скорѣе понизятъ, чѣмъ возвысятъ цѣны. Ну, а что, если мужчины послѣдуютъ примѣру дамъ и изъ своего туалета исключатъ привозные товары! Какими сугубыми зарварами явились мы въ глазахъ иностранцевъ!

«Разумѣется, голосъ Москвы тогда только получить слѣдъ, когда изъ него отзовутся со всѣхъ концовъ Россіи: многіе воображаютъ, что даны въ провинціяхъ не такъ легко поддадутся нововведенію и не охотно откажутся отъ предестей туалета, изъ котораго приважили, но какъ кажется, что напротивъ, въ провинціи московская мысль вринется съ жаромъ и оцѣнится по достоинству.

«Все, что задумано вѣрно, находитъ дорогу изъ сердцу и тотчасъ убѣждаетъ умъ. За Петербургъ отчаяваться нечего: онъ первый подвергается нападеніямъ, первый стоитъ на пути неспрѣтала, а потому конечно не задумается дать ему заранѣе почувствовать, хоть дѣсколко, тотъ приѣтъ, который его ожидаетъ.

«Въ исторіи много такихъ войнъ, въ которыхъ общество, народъ не принимали никакого участія.

«Война за Польшу не этого рода. Она, какъ мы уже не разъ говорили, затрогиваетъ живою каждого русскаго, потому что съ нею связано существованіе и значеніе Россіи. Очень понятно, что когда волею государственная сила одна, прихоть представителя народа, то народъ съ своей стороны можетъ служить предметомъ сбыта для вредныхъ промаделеній и доставать такимъ образомъ своимъ врагамъ средства къ благоосостоянію. Но когда война есть горькая необходимость и когда она ведется не одною волею, а съими волями, составляющими государство, и правительствомъ, и народомъ, то было бы странно, необъяснимо, неадекватно: съ одной стороны простирать желаніе врага неспрѣтало до нашо-

себя ему смерти, а съ другой заботиться о его благополучномъ пребываніи на землѣ.

«Нѣтъ, если уже воевать, то воевать. Если употреблять въ дѣло пули и штыки, то почему не допустить болѣе человѣколюбиваго оружія? Если требуется наносить вредъ непріятелю, то почему отказываться отъ единства дѣйствій и отстранять именно тѣ изъ нихъ, которыя не возмущаютъ совѣсти и не обнаруживаютъ кровожадныхъ инстинктовъ человѣка? Прибѣгать ко всякаго рода ужасамъ, чтобы, какъ можно поболѣе непріятелей отправить на тотъ свѣтъ, и въ то же время стараться, чтобы непріятель богатѣлъ, это — противурѣчіе, понятное московскими дамами и умищжаемое ихъ патріотическою мыслію.»

Мы съ своей стороны хотя и глубоко сочувствуемъ патріотическому чувству московскихъ дамъ, воодушевившему ихъ при рѣшительности отказываться отъ заграничныхъ издѣлій для своего туалета, а также сочувствуемъ и разужденіямъ Н. Ф. Павлова, на сколько въ нихъ проявилось патріотическое чувство, но мы согласиться съ ними не можемъ по ихъ экономической неосновательности. Рѣшимость русскихъ дамъ, если бы она была принята и приведена въ исполненіе во всей Россіи, принесетъ существенный вредъ нашей промышленности. Она устранитъ отъ насъ полезную иностранную конкуренцію и тѣмъ поведетъ нашу, и безъ того небрежную и мало заботящуюся о доброкачественности своихъ произведеній, промышленность еще къ большому застою, а главное, насильственно будетъ содѣйствовать къ паденію такихъ производствъ, которыя привиты къ намъ искусственно вопреки естественнымъ условіямъ страны, которыя по тому самому неизбежно должны пасть, и чѣмъ скорѣе падутъ, тѣмъ будутъ лучше, потому что трудъ, непроизводительный на нихъ истощаемый, обратится на другія производительныя и полезныя для страны производства. Но обращаемся къ нашему предмету.

Изъ сказаннаго нами читатель, конечно, усмотрѣлъ уже, что то, что мы называемъ нравственнымъ упорствомъ, есть въ сущности не что иное, какъ непреклонная твердость убѣжденія въ извѣстной мысли, и по видимому странно, что этимъ даромъ въ большей степени надѣляются отъ природы женщины, чѣмъ мужчины, тогда какъ логичностью и твердостью мысли послѣдніе несомнѣнно превосходятъ первыхъ. Сіе видимое противурѣчіе очень просто рѣшается тѣмъ, что въ дѣлѣ убѣжденія важна не сила логическаго приема мыслящаго субъекта въ развитіи извѣстной мысли, но внутреннее отношеніе его къ самой мысли. Можно отлично доказывать извѣстную мысль и внутренне быть въ ней очень слабо убѣжденнымъ, — это случается сплошь и рядомъ по той простой причинѣ, что логическія доказательства рѣдко могутъ имѣть несомнѣнность и очевидность доказательствъ матема-

тических. Внутренней убедительности здѣсь чаще всего помогаетъ особое ясновидѣніе, особое чутье истины, которое часто, отталкиваясь отъ научныхъ доказательствъ, прозираетъ истину по нѣсколькимъ отрывочнымъ, недостаточно выясненнымъ даннымъ, которыя по этому самому не могутъ принять формальнаго вида доказательствъ. Конечно, вслѣдствіе этого въ жизни совершается много ошибокъ, промаховъ, дѣйствій прямо преступныхъ, — но что вы будете дѣлать съ человѣческимъ сердцемъ, которое въ дѣлѣ убедительности создаетъ свою логику даже въ тѣхъ людяхъ, которые блистаютъ научною логичностію и твердостію мысли?—Кромѣ того, на снѣжноточность нашу къ извѣстной мысли, а слѣдовательно, на силу убѣжденія въ ней или, точнѣе сказать, на проявленіе того, что мы называемъ тягучестію нравственнаго упорства, весьма много вліяетъ впечатлительность нашей природы, живость и глубина нашего чувства. Истина, которая едва скользнетъ на поверхности одной души, въ другой проведитъ глубокую, неизгладимую борозду. Потому два субъекта, при одинаковой достовѣрности для нихъ извѣстной истины, могутъ по разности натуръ находиться совершенно въ разныхъ внутреннихъ отношеніяхъ къ этой истинѣ. Такъ человѣкъ холодный, чорствый, прочитавъ извѣстіе изъ Подольской или Рязанской губерніи о томъ, что какой нибудь мировой посредникъ избилъ мужика, можетъ твердо быть убѣжденнымъ въ несомнѣнности этого извѣстія, — и оставаться совершенно хладнокровнымъ и спокойнымъ на томъ основаніи, что, дескать, всяко бываетъ; напротивъ того, человѣкъ воспріимчивый, любящій на основаніи того же извѣстія можетъ создать цѣлую картину отношеній изъ крестьянскаго быта, страдать внутренне отъ нея и тѣмъ углубить убѣжденіе въ своей душѣ, дать ему тамъ силу. Какъ убѣжденіе перваго будетъ мертво и будетъ покоиться въ душѣ, какъ покоится въ архивѣ старья дѣла, такъ убѣжденіе втораго можетъ послужить живымъ началомъ, дать толчокъ извѣстному направленію мыслей и дѣятельности.

Однакожь позвольте... Начавъ разсказывать исторію бѣлыхъ перчатокъ и шляпы, я совершенно нечаянно попалъ въ психологію. Возвращаюсь къ разсказу. Но чтобы психологическая экскурсія не пропала даромъ, позвольте, читатель, сорвать мнѣ съ нея цвѣтокъ правоченія.

Правоченіе. Юноша! Когда рѣшаешься вести какую бы то ни было борьбу, не довѣрайся легкомысленно силѣ штыковъ, штуцеровъ, пушекъ, боксовъ. Прежде взгляни въ себя и размотри: есть ли въ тебѣ нравственное упорство мысли, есть ли несокрушимая ничтою тягучесть его. Вѣрь мнѣ: омылъ безъ сего ничто.

Итакъ, я вступилъ въ борьбу. Это было въ одномъ вѣдомствѣ, которое своимъ устройствомъ и образомъ мыслей похоже на сказочный міръ нравственныхъ антиподовъ, если впрочемъ только есть въ низкахъ той міръ. Тамъ мыслить, судить, дѣйствуютъ совершенно *на оборотъ*, какъ выразился бы Алередъ Августовичъ Фонъ-Юнгъ, т. е. совершенно вопреки общепринятому здравому смыслу и всей окружающей живой дѣйствительности. Бѣлое называютъ чернымъ, черное бѣлымъ, живое мертвымъ, мертвое живымъ, умное глупымъ, глупое умнымъ и т. д. Читатель можетъ усомниться не только въ дѣйствительности существованія такого вѣдомства на землѣ, но даже въ возможности мыслить о всѣхъ вещахъ на оборотъ. Слѣдемъ увѣрить его, что то и другое въ дѣйствительности такъ и есть, какъ мы изобразили. Относительно послѣдняго обстоятельства т. е. возможности мыслить обо всѣхъ вещахъ на оборотъ, мы можемъ заручиться даже мнѣніемъ философовъ. Еще Платонъ утверждалъ, что всѣ знанія наши имѣютъ самое малое соотвѣтствіе съ дѣйствительнымъ, истиннымъ состояніемъ вещей, что когда мы урлимъ міръ идей, тогда только поймемъ, что обо всемъ мыслили на оборотъ. Въ послѣднія времена Фихте пошелъ гораздо дальше. Онъ утверждалъ, что все, что существуетъ, или точнѣе сказать, утверждалъ что собственно ничего не существуетъ, что все, что мы представляемъ существующимъ, есть ни болѣе ни менѣе, какъ продуктъ нашего Я. Міръ лунатиковъ, сумасшедшихъ такой же дѣйствительный міръ, какъ и нашъ, — и вольно же намъ, признавая дѣйствительность нашего міра, отрицать дѣйствительность ихъ міра. Но будучи философомъ, я нѣкоторымъ образомъ склоняюсь въ пользу мнѣнія Фихте. Я думаю, что все зависитъ отъ точки зрѣнія на предметъ. Выбрали вы точку зрѣнія, съ которой не видно всего предмета, тѣмъ болѣе, если съ нея не видно даже многихъ существенныхъ его сторонъ, то и пойдетъ у васъ и въ мысляхъ, и въ сужденіяхъ, и въ дѣйствіяхъ — все на оборотъ. Я увѣренъ, напримѣръ, что родъ человѣчскій доселѣ въ большинствѣ, разумѣется, имѣетъ самое неправильное понятіе о телѣческой тѣлесной красотѣ, потому что судить о красотѣ по одному лицу. Конечно, лицо составляетъ важную часть въ человѣческомъ организмѣ по части красоты. Но Боже мой! Сколько красавцевъ и красавицъ превратились бы въ уродовъ, если бы разоблачить ихъ отъ скрывающихъ безобразіе ихъ остальнаго организма покрововъ и разсматривать красоту всего тѣла en tout. Представимъ же теперь, что у людей вмѣсто лица открыты были бы одни ноги и мы составляли бы понятіе о человѣческой красотѣ по ногамъ. Какъ бы различны были наши представленія о красотѣ, составленныя такимъ образомъ, отъ нашихъ теперешнихъ представленій! Полагаю, что сдѣланными мною соображеніями достаточно поясняется зависимость истинности нашихъ

понятій о предметѣ отъ точки зрѣнія на него, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность мышленія обо всѣхъ вещахъ на оборотъ. Я видалъ людей очень умныхъ, которые твердо убѣждены, что чорта можно держать за хвостъ, хотя сами они никогда его не держали, — слѣдовательно, тѣмъ болѣе убѣждены въ томъ, что у чорта есть хвостъ. Чѣмъ вы это объясните, если не точкой зрѣнія! — Миѣ скажутъ, что точка зрѣнія дѣло произвольное, можно ставить и на ту, и на другую точку, кому какъ угодно. Вотъ то-то нѣтъ! Бываютъ такія положенія, гдѣ человѣкъ не только обязуется, но и не можетъ смотрѣть иначе на предметы, какъ съ известной точки зрѣнія. Дикі! Сказаннымъ мною миѣ кажется, окончательно выяснена возможность таджкѣ мѣсть на землѣ, гдѣ люди на все смотреть на оборотъ. Вотъ въ такое-то мѣсто попалъ и я, — и былъ совершенно подѣ стать тому обществу, въ которомъ находился, ибо находился съ нимъ на одной точкѣ зрѣнія и самъ думалъ обо всемъ на оборотъ. Такимъ образомъ дѣло шло къ общему удовольствію и, конечно, пошло бы точно такъ же надолго, а можетъ быть, и навсегда, какъ вдругъ здѣсь замѣшалась исторія круглой шляпы и бѣлыхъ перчатокъ.

Проходя безконечное русское царство, можно найти очень много обществъ, считающихъ себя образованными и признаваемыхъ за таковыя во всѣхъ оффиціальныхъ и другихъ актахъ, въ которыхъ не имѣютъ понятія не только о возможности разныхъ точекъ зрѣнія, но даже о бытіи точки зрѣнія, даже не имѣютъ вовсе ни о чемъ понятія; ибо, подобно обитателямъ блаженнаго Глупова, не имѣютъ никакого образа мыслей.

— «Какого вы образа мыслей? спросилъ я однажды, — рассказываетъ правдивый историкъ города Глупова, — добраго моего сосѣда Флора Лаврентьича Ржаницева.

Флоръ Лаврентьичъ вынулъ изъ глаза.

— «То есть, какъ это... образа мыслей?» пробормоталъ онъ, наконецъ, вмѣсто отвѣта.

— «Ну да, какого вы образа мыслей?» настаивалъ я.

Флоръ Лаврентьичъ съ минуту подумалъ, и вдругъ разразился самымъ добродушнымъ хохотомъ.

— «Ахъ ты, проказникъ!» говорилъ онъ, держа себя за бока.

Онъ воображалъ, что я сказалъ острогу».

«Въ глазахъ глуповца міръ представляется, чѣмъ-то разрозненнымъ, разползшимся, чѣмъ-то къ родѣ мѣшка, въ которой шонанихъ ради разнообразнѣйшей всячины и потомъ взболтали. Глуповецъ видитъ заборъ, и думаетъ о заборѣ, видитъ рѣку, и думаетъ о рѣкѣ, а о заборѣ и забылъ. Конкретность видѣннаго міра подавляетъ его».

Даже въ такихъ обществахъ, по видимому чисто непосредствен-

накъ, но имѣющихъ слабость считать себя образованными, требованіе бѣлыхъ перчатокъ и круглой шляпы неизбѣжно. Тѣмъ болѣе необходимо оно въ обществахъ, успѣвшихъ подняться выше этого уровня, и вообще въ обществахъ образованныхъ, гдѣ есть уже и образъ мыслей и разныя точки зрѣнія. Само собою разумѣется, что требованіе круглой шляпы и бѣлыхъ перчатокъ не могло не быть и въ томъ обществѣ, гдѣ былъ я—и оно, какъ я уже сказалъ выше, явилось. Я по врожденному мнѣ отвращенію къ шляпѣ и бѣлымъ перчаткамъ сталъ отбывать и руками и ногами, ссылаясь на свою природу.

— Какъ! говорить. Да въ природѣ нѣтъ и не можетъ быть ничего подобнаго! Прирожденные идеи ненависти къ перчаткамъ и шляпамъ нѣтъ и быть не можетъ! Въ противуположеніи здѣсь должна быть затасанная цѣль, можетъ быть, заговоръ, бунтъ,—а ужь непокорности очевидная. А кто не имѣетъ покорности, тотъ очевидно не можетъ преуспѣвать и въ добродѣтели. Ясное дѣло, что онъ неблагонамѣнъ рожь!»!

«Да какое мнѣ дѣло до васъ!»! думалъ я. Говорите, что хотите, — и думайте, что хотите. Отсутствіе солидарности въ мысляхъ не помѣшаетъ взаимному пріятному обхожденію».

Однако жь нѣтъ, оказалось, что несолидарность въ мысляхъ можетъ мѣшать и пріятному обхожденію. Ибо у моихъ корреспондентовъ образовался такого рода силлогизмъ: «если онъ, говорили они обо мнѣ, не имѣетъ такого благочестія, какое имѣютъ другіе, то очевидное дѣло, что онъ недостойнъ наслаждаться и благами земными наравнѣ съ другими»! А въслѣдствіе этого стали обходить меня разными поощреніями и награжденіями по службѣ!—Вотъ оно куда пошло!

— Нѣтъ, думаю себѣ, тутъ ужь дальѣ пріятноснаго нинего ожидать нельзя. И перешелъ я въ другое вѣдомство. Другое вѣдомство представляло собою полнѣйшее изображеніе Глупова. Глуповы въ Россіи доселѣ были тѣмъ хороши, что не имѣли ни о чемъ ни собственнаго, ни вродписаннаго образа мыслей, — и потому принимали въ себѣ людей всѣхъ образовъ мыслей, не обращая никакого вниманія, думаетъ ли о чемъ кто ввбудъ и какъ думаетъ, даже не подозревая того, что думанье можетъ вести къ чему ввбудъ серьезному. Есть у новоприбыльшаго ротъ, брюхо, можетъ онъ, издавать членораздѣльные звуки,—ну, значить, и человекъ. Чего жь еще надо? Тамъкъ обривомъ и я былъ признанъ человекомъ не хуже другихъ, т. е. человекомъ хорошимъ,—и дѣло пошло къ общему удовольствію.

Какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день неизбѣжная доселѣ тайная отрицанія мною круглой шляпы и бѣлыхъ перчатокъ денна до общаго свѣдѣнія,—и дѣло мое было окончательно прегражено. Въ новомъ

обществѣ дѣлали разные предположенія о причинѣ моего отвращенія къ круглой шляпѣ и бѣлымъ перчаткамъ, но ни до какихъ логическихъ и опредѣленныхъ представленій обо мнѣ, подобно первому обществу, не дошли, а перѣшли на томъ, что для нихъ общественной жизни я не гожусь.

Въ это время какъ разъ образовывалась въ Россіи известная вещь секта нигилистовъ. Одинъ изъ основныхъ пунктовъ ея ученія состоялъ въ отрицаніи всякаго лакейства. Во вѣнцѣхъ кумѣ этотъ пунктъ выразился въ отрицаніи визитнаго обряда. Это какъ разъ совпадало съ моими природными воззрѣніями, потому я немедленно и вступилъ въ эту секту. Но я приобщился ея ученія только именно въ одномъ этомъ пунктѣ; во всемъ остальномъ я держусь своихъ собственныхъ воззрѣній; я и въ Бога вѣрую, и у чорта хвостъ признаю, однимъ словомъ, остаюсь человекомъ, какъ есть, съ теплою душевною. Нигилисты же народъ, какъ известно, отщепеный. Впрочемъ дѣло съ ними имѣть можно, я по крайней мѣрѣ лично очень доволенъ ихъ обществомъ. И такъ, я отбился навсегда отъ круглыхъ шляпъ и бѣлыхъ перчатокъ и съ сомагѣніемъ смотрю теперь на друга моего Пяшу, который будучи уже въ очень преклонныхъ лѣтахъ, въ зимній тридцати градусный морозъ, надѣваетъ на себя круглую шляпу и бѣлыя перчатки и отправляется рыскать изъ дому въ домъ, чтобы дѣлать подлые книженныя и лакейскія улыбки, говорить и слушать неслыханныя глупости. Отвратительно!

Иной читатель, прочитавъ то, что доселѣ нами было написано, можетъ замѣтить: изъ чего поднимается весь этотъ шумъ? Что за страшная ненависть къ круглой шляпѣ и бѣлымъ перчаткамъ? Почему не оказать почтенія тому, что заслуживаетъ почтенія? Это капризъ, нелюбимство, если угодно, новѣжество». Благословенный читатель! Изъ сего огорчительнаго для меня замѣчанія твоего я усматриваю, что я недовольно ясно выразилъ мою мысль. Круглыя шляпы и перчатки не сами по себѣ возбуждаютъ во мнѣ отвращеніе; сами по себѣ онѣ всегда для меня совершенно безразличны, онѣ возбуждаютъ мое отвращеніе только въ качествѣ аксессуаровъ визитнаго парада. Точно также не противъ изъявленія почтенія возстаю я. Если во всякомъ обществѣ есть люди заслуживающіе почтенія, то необходимо и выраженіе этого почтенія. Мы вооружаемся противъ того визитнаго парада, въ которомъ принято выражать это почтеніе и въ которомъ на самомъ дѣлѣ не остается никакого мѣста для выраженія искреннаго свободнаго почтенія. Ибо парадъ сей считается священнымъ и необходимымъ деломъ, службою, и представляеть въ себѣ съ одной стороны блестящую арену для упрямшенія, выработки и выставки талантовъ эрстистическаго свободнаго лакейства, съ другой инквизиціонное учрежденіе.

дѣше надъ ласковою вынужденнѣе, малосерднѣе, но постра-
дѣннѣе еще способности отъдѣлѣе за умноженіе чловѣческаго досто-
инства.

Вотъ парадный подъѣздъ. По торжественнымъ днямъ,
Одержимый холопскимъ недугомъ,
Цѣлый городъ съ какими-то испугомъ
Подъѣзжаетъ къ завѣтнымъ дверямъ;
Заиоавъ свое имя и званье,
Разнобжаются гости домой,
Тѣмъ глубоко довольны собой
Что подумашъ — въ конь нѣе приваанье!

Но въ то же время когда одни съ такимъ довольствомъ совер-
шаютъ путешествіе по параднымъ подъѣздамъ, чувствуя въ томъ свое
истинное призваніе, тащится тоже по разнымъ часто мизернѣйшимъ
подъѣздамъ, повинувшись обязательной, почти легальной силѣ визитнаго
парада, бѣдный чиновникъ, который

Въ департаментахъ разныхъ служилъ

и который совершаетъ путешествіе по параднымъ подъѣздамъ съ та-
кимъ же удовольствіемъ, съ какими шелъ бы онъ на каторгу. Вѣрны
для него, не имѣющаго времени, денегъ, платья, таланта лакейство-
вать, вѣснтеро труднѣе и невыносимѣе, чѣмъ служба, и оканчиваютъ
ся часто весьма плачевно не только для его репутаціи, а даже для жи-
зни. Вотъ правдивая исторія подобнаго рода визитаторовъ:

Петербургъ ему соленъ достался:
Въ заводенье жону потерялъ,
Цѣлый вѣкъ по квартирамъ таскался
И четырнадцать разъ погоралъ.
А ужъ службой себя какъ неводилъ!
Въ будни сидемъ сидѣлъ да писалъ,
А по праздникамъ ноги мозолилъ —
Все начальство свое поздравлялъ.
Вотъ и кончилось тѣмъ — простудился!

Можетъ ли быть что нибудь безсмысленнѣе и отврагнѣннѣе подоб-
ной формы выраженія почтенія, которая такимъ образомъ деморализи-
руетъ все общество, начиная отъ верхнихъ слоевъ его до такихъ же-
дкихъ подонковъ, какіе представляютъ визитирующіе збогіе чиновни-
ки, сидемъ сидѣние щѣлюю жедѣлю, чтобы выработать собѣ кусокъ
хлѣба, и обладающие въ праздникъ, вмѣсто отдыха, таскаться по началь-
ству съ поздравленіемъ?

Форма визитнаго шара въ ея настоящемъ видѣ есть форма отжившая для нашего времени. Исключая урожденныхъ лакеевъ; лакеевъ по внутреннему призванію и влеченію, ея тяготеютъ все: тяготеютъ тѣ, которые дѣлаютъ визиты, тяготеютъ тѣ, которые принимаютъ ихъ, — первые смотрятъ на нихъ, какъ на бесполезное бремя, тягчайшее самой службы, вторые не видятъ въ нихъ ничего, кромѣ жи. По свосму складу, подернутая вишннимъ французскимъ ласкомъ, форма эта носитъ однакожъ чисто азіатскій характеръ, а никакъ не европейскій. Европейское общество съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе стремится къ тому, чтобы упростить формы человѣческихъ отношеній, сдѣлать ихъ менѣе сложными, болѣе свободными, такъ, чтобы они стѣснили человѣка на столько, на сколько это требуется для самого дѣла, во всякомъ случаѣ, чтобы онѣ не мѣшали возможности искренняго проявленія мысли и чувства. Европейское общество въковимъ опытомъ дознало глубину и изворотливость лакейскихъ стремленій въ человѣческой натурѣ. Оно знаетъ, что чѣмъ многосложнѣе форма извѣстныхъ отношеній, тѣмъ скорѣе ухитрится человѣческая слабость приспособить ее для своихъ эгоистическихъ цѣлей, — и въ концѣ концовъ въ этомъ случаѣ всегда бываетъ то, что дѣло въ формѣ отодвигается на задній планъ или совершенно исчезаетъ, а форма дѣлается средствомъ для преслѣдованія эгоистическихъ интересовъ. Не смотря на такую прозорливость и осторожность европейскаго общества въ употребленіи разныхъ формъ, изобрѣтательное лакейство даже изъ формъ самыхъ, по видимому, простыхъ ухищряется создавать нужные для себя культы съ самыми замысловатыми обрядами. Въ примѣръ этого мы укажемъ на извѣстную всѣмъ форму привѣтствованія знакомыми другъ друга на улицахъ. У насъ принято издавна, что знакомые, встрѣчаясь другъ съ другомъ на улицѣ, снимали шапки и кланялись другъ другу. Въ наше время этотъ древній обычай измѣнился значительно. Знакомые, встрѣчаясь на улицѣ, или только нѣсколько приподнимаютъ шапки, или просто киваютъ головою, или подаютъ другъ другу руки, если встрѣчаются на близкомъ разстояніи. Кажется, что можетъ быть проще и короче этой формы привѣтствія? — Однакожъ, лакейство изъ этого создало цѣлый культъ. Вы видите не рѣдко господъ, которые снимаютъ шляпу шаговъ за десять, даже за двадцать передъ извѣстнымъ лицомъ, снимаютъ шляпу такъ стремительно, какъ будто это дѣлаютъ по командѣ, ватѣмъ такъ низко опускаютъ ее, что, кажется, готовы втиснуть ее въ землю для изъясненія преданности, но и этого мало: нѣкоторые съходятъ съ дороги и останавливаются, чтобы дать пройти извѣстному лицу, принимаютъ какую-то особенную смиренную, подобострастную по-

зу, слышать глазами, улыбки, вообще этой «эзоповки» принять какое-то особенное выраженіе, говорящее переходящему лицу: «и твоей раб! ты можешь, если у тебя есть желаніе, даже во мордѣ мнѣ дать!» Однимъ словомъ, старательно! — Что же это значитъ? — Это значитъ, что какъ ни просто по видимому принята форма взаимнаго привѣтствія, а она все еще представляетъ слишкомъ широкое поприще для утонченнѣйшей линейской изобрѣтательности. Надобно, значитъ, придумывать выведя новъ форму еще болѣе простую. Мы рекомендовали бы принять выведеннѣйшій способъ привѣтствованія другъ друга. Тамъ знакомство; встрѣчалась на улицѣ, показывають другъ другу языкъ. Этотъ способъ, если хотите, и рациональнѣе нашего способа привѣтствованія, потому что по языку можно судить о состояніи варадія встрѣчающагося съ вами лица, а главное, менѣе сложное; въ дѣйствіе употребляется одинъ языкъ; следовательно, лажейству, при этомъ способѣ привѣтствія, будетъ труднѣе создать культъ. Если и въ такой несложной формѣ, какую представляетъ собою взаимное привѣтствіе знакомыхъ другъ другу на улицѣ, усердное лажейство ухватилось принять столько земьселоватыхъ обрядовъ, то понятно, какое обширное поле для себя оно должно было найти въ многосложной формѣ визитнаго варадія. Мы назвали эту форму азиатскою; но едва ли можно найти какую нибудь и азиатскую форму, гдѣ бы лажейство доходило до такой степени и изобрѣтательности, до какихъ дошло оно въ визитномъ варадіи. Мы свѣдемъ, на примѣръ, надъ визитныя предками, которые, приходя къ своимъ кормильцамъ и благодѣтелямъ, въ явленіе почтенія стукали лбомъ въ землю. Но къ кормильцамъ всякій шелъ по собственной волѣ и усмотрѣнію, шелъ, одѣвшись, во что могъ, обязательно было только ступить лбомъ въ землю. Въ парадномъ визитѣ для насъ все обязательно: хотите или не хотите, вы должны идти, должны идти въ извѣстные дни, извѣстные часы, вамъ предписана одежда, въ которой вы должны являться, ея форма, цвѣтъ, покрой, какъ вы должны употреблять ее, предписана походка, поза, выраженіе лица, даме рѣчь... Да, и самая рѣчь, читатель. Дознано безчисленными опытами, что самый порядочный человекъ, одѣвшись въ визитный костюмъ и явившись на визитной аренѣ, начинаетъ нести вздоръ; умный человекъ не умѣетъ связать часто двухъ словъ. — Отчего это зависитъ? Оттого, что въ визитныхъ парадахъ люди ставятся обыкновенно въ ложное положеніе. По праву, каждый подчиненный долженъ дѣлать визитъ своему начальнику. По подчиненный находится часто въ такомъ положеніи, что вовсе не можетъ быть знакомъ съ своимъ начальникомъ, какъ человекъ; или не хочетъ быть знакомъ, или наконецъ, какъ къ человеку, по особенностямъ своихъ воззрѣній, можетъ не идти къ нему

никого уваженія и естественно старается скрыть отъ него великую свою мысль, великое истинное чувство. Разговоръ отъ начала до конца дѣлается ложью, или, что называется, разговоромъ *смысломъ*, гдѣ люди говорятъ не то, что имъ хотѣлось бы говорить, что ихъ интересуетъ, а чертъ знаетъ, что. Создана особенная наука, чтобы вести такіе разговоры, и чтобы быть сильнымъ въ ней, надобно изучать ее съ дѣтства. Но къ счастью нашему, изъ всѣхъ дѣлающихся вещей въ Россіи не найдется и тысячной части тѣхъ, которые бы изучали эту скверную науку. Читатель можетъ самъ вообразить себѣ, какіе ведутся внимательные разговоры въ бесчисленныхъ гостиницкхъ отрошлага царства русскаго въ близкіе дни, но и мы представимъ нѣкоторый образчикъ ихъ.

Первый день Насли. Въ нѣкоторомъ губернскаго города, въ одной дѣлѣ, въ гостиной на двѣсти сидитъ начальникъ нѣкотораго присутственнаго мѣста, мѣшико одѣтая, баба здоровенная, но разъяренная, чья роль очень класской и очень мерзкой жетцаны; передъ ней на стульцѣ вѣтъ вышнаторовъ, изъ нихъ четыре подбитыиыа чинюшки и одинъ учитель исторіи. Всѣ они сидятъ на кончикѣхъ стульцовъ, кромѣ учителя, который занялъ половнику стула, но вышноренно самъ не радъ, что сѣдѣлъ это; думаетъ, не примыли бы это за коньскисесть. Чинюшки № 1 и № 2, какъ-то особенно свораз того подежули обѣ ноги подъ стула, при чемъ такъ мѣстнастески для нихъ половникомъ вытѣркали стамъ, вытѣрали лѣво, что представлялѣтъ своєю фигурою большое сходство съ собачками, когда они слукасаютъ.

Начальница. Вы шорвіеиг (№ 1) рано сегодня встали?

№ 1-й. Я въ эту ночь никогда не сплю.

Начальница. Скажите, какой вы благочестивый. Я этого и не подозревала въ васъ.

(Чинюшки № 1 ухмыляется, за ними ухмыляются другіе чинюшки и учитель).

Начальница. А вы шорвіеиг (№ 2) были сегодня у обѣднн?

№ 2-й. Нѣтъ не былъ; я проспалъ.

Начальница. Ахъ! вы безбожникъ этакой! За это вамъ надобно запереться пристосоваться, съ кѣмъ бы вы хотѣли.

(Всѣ ухмыляются).

Начальница. А что холодно сегодня?

№ 3-й (*официальнымъ тономъ*). Не очень-съ; я прохождѣ мимо Чокина; у него термометръ показывааетъ только семь градусовъ.

№ 4-й. Должно быть, теплѣе еще; у Чокина термометръ купленъ здѣсь и очень не вѣренъ-съ; вотъ у Павла Ивановича Морина изъ Казани выписанъ; такъ тотъ превѣрный-съ.

(Вся чинацники очень довольны; потому что каждый успел сказать кое-что. Но учитель находится в сильномъ безпокойствѣ: «Господи! думать онъ, какъ бы мнѣ вклатить тотъ одно слово въ разговоръ!» Наконецъ, судьба сосаливается и надъ нимъ).

Учитель. Намъ вотъ теперь хорошо. Термометры есть; есть, по чему узнавать холодъ. А какъ люди узнавали холодъ, когда термометровъ не было?

(Сказавши сію рѣчь, учитель крапильте, какъ ракъ. «Господи, думаетъ онъ, какую же я слышу изрекѣ! Немноко изрекѣ! Видѣ не родится же на этотъ разъ въ проклятой башкѣ ни одной интересной мысли». Шамальница слышитъ однакожь къ нему на вырочку).

Начальница. Охъ! вы ученые! Никакъ не можете обойтись безъ вещей эмансипаціи.

(Начальница никакъ не можетъ усвоить себѣ хорошаенько значенія словъ эмансипація и ерудиція и постоянно перепутываетъ ихъ, употребляя одно вмѣсто другаго. — Вся ухмыляются замѣчанію начальницы; одинъ учитель смотритъ тупо; онъ все еще красенъ, какъ рѣкъ, отъ сказанной глупости. Однакожь, такъ какъ теперь вся визитаторы совершили свой словесный долгъ, т. е. сказали по нѣскольку словъ, то вся встають и раскланяются. Визитъ конченъ).

Согласитесь сами, читатель, что нѣтъ ничего бессмысленнѣе, жалкѣе, тяжелѣе визитнаго парада, со всею его обстановкой. И одинокъ вы всадѣ найдете людей, которые влюблены въ этотъ парадъ, поклоняются ему съ страстію, вводятъ почти въ обѣденный обѣдъ. Тѣмъ болѣе влюблены въ него многіе начальники, въ особенности начальницы. Они находятъ удовольствіе видѣть около себя одѣтыхъ изящно молодыхъ людей, въ болѣе или менѣе лакейскихъ положеціяхъ, отравляющихъ лакейскія должности, подающихъ скамеечки, недливающихъ платки, поглаживающихъ носекъ и проч. и проч. и ведущихъ почти такіе же или немного лучше разговоры, какіе мы изобразили выше. Въ сопровожденіи такихъ болвановъ онѣ предпринимаютъ уличныя, загородныя и другія прогулки, называютъ это пріятнымъ препровожденіемъ времени. Что здѣсь во время этихъ прогулокъ иногда дѣлается, сіе изобразить трудно. Я былъ свидѣтелемъ одного случая, отъ одного воспоминанія о которомъ вещь доселѣ бросаетъ въ холодъ. Въ одинъ прекрасный лѣтній день, такъ пріятно, передъ вечеромъ стоялъ я на берегу, рѣки, наслаждался хорошей погодой и хорошимъ видомъ. Какъ вдругъ откуда ни возьмись, мимо меня проскакиваетъ одна начальница, считавшаяся въ городѣ львицей, въ сопровожденіи визитаторовъ, вѣроятно, обѣдавшихъ у нея. Кавалькада остановилась недалеко отъ меня. Начальница полюбилась рѣкой, окрестностями, небомъ, сказала по этому

поводу нѣсколько чувствительно пошлакъ френъ, затѣвъ шефъ съ вдругъ остановился на дѣткѣ въ фракѣ, находившейся пришлекъ въ двухъ отъ берега. «Ахъ, messieurs, какой прелестный дѣтокъ! Monsieur Шапочкинъ! доставайте мнѣ его!» Въ это время вдругъ отъ швалькады отдѣляется человекъ во фракѣ, шляпѣ, перчаткахъ, штанахъ со штрипками, лакированныхъ сапогахъ и во всегъ, закъ сета, во фракѣ, шляпѣ, перчаткахъ, штанахъ со штрипками, лакированныхъ сапогахъ отправляется къ рѣку, заводитъ на носъ почесъ, срываетъ дѣтокъ и торжественно, съ сіяющими лицомъ несетъ его шальницѣ. Въ первую минуту я былъ такъ пораженъ, что шогъ только остолбенѣть отъ такого неожиданаго мною пассажа. Но за тѣмъ переворотило всю мою внутренность отъ этого глубокаго открытїя, которое я почувствовалъ къ любезному кавалеру, а еще болѣе къ чувствительной къ красотамъ природы дамѣ.

Примчаніе. Не могу скрыть отъ читателя, что это нѣскольکو рѣшительное вліяніе на всю мою послѣдующую жизнь. Дама была истатука. Я возненавидѣлъ всѣхъ російскихъ дамъ, получившахъ образованіе. А такъ какъ съ другой стороны, я съ самаго ранняго дѣтства, именно со времени изученія латинской грамматики не могъ безъ содроганія слышать, когда женщина говорила *наверситетъ* вмѣсто университета, *какстатутъ* вмѣсто институтъ, *галдарел* вмѣсто галлерей и т. п., то это и было причиною, почему и всю жизнь остался не женатымъ.

Мы могли бы продолжать до безконечности наши наблюденія надъ тѣмъ, какъ восторженное лакейство всюду старается внести въ жизнь формы византнаго парада, т. е. обезсмыслить и опопытить жизнь, ибсею того имѣющую мало смысла и не мало пошлуду. Подля нашей цѣль довольно и сказаннаго нами. Спрашивается: чѣмъ объяснить необъяснимую, непостижимую, неудержимую страсть образованнаго европейскаго человѣчества къ визитному параду? Или точнѣе сказать, чѣмъ объяснить страсть его къ лакейству? Для рѣшенія этого вопроса мы должны стать на историческую почву.

Исторія человѣчества раздѣляется обыкновенно на три части: на исторію древнюю, среднюю, новую, т. е. на исторію рабства, исторію крѣпостнаго состоянія и исторію лакейства.

Исторія древняя, т. е. исторія рабства изображаетъ азіатскій абсолютный деспотизмъ, который грабилъ чужой трудъ аноснѣ безъ остатка, открытой вооруженной силой, не стараясь болѣею частью прикрывать своихъ варварскихъ дѣйствій даже маской какого бы ни было закона и права.

Исторія средняя, или исторія крѣпостнаго состоянія изображаетъ смягченннй евангеліемъ деспотизмъ европейскій, который не

блговидному основаніи не имѣющихъ никакого основанія законовъ и правъ отбиралъ значительную часть чужаго труда посредствомъ бюрократическо-полицейскихъ мѣропріятій.

1 *Исторія новія или исторія лакейства* изображаетъ искусство посредствомъ различныхъ комбинацій, основанныхъ на человѣческой глупости, добровольно заставлять людей становиться въ такое положеніе, гдѣ бы можно было удобно эксплуатировать ихъ трудъ, пользуясь извѣстною частію его въ свою пользу.

Всѣ эти три отдѣла хотя и рѣзко разграничиваются въ наукѣ, но въ самомъ дѣлѣ не имѣютъ такого разграниченія. Уничтоженное *de facto* рабство не уничтожаетъ вмѣстѣ въ людяхъ понятій и привязанностей къ рабству; онѣ переходятъ въ другую эпоху и дѣйствуютъ тамъ свободно подъ другою формою; точно такъ же, какъ уничтоженное *de facto* крѣпостное состояніе не уничтожаетъ крѣпостныхъ понятій и привязанностей. Онѣ переходятъ въ слѣдующую эпоху. Эти-то понятія и привязанности стараются принести или создать въ новой формѣ жизни такіа комбинаціи, входя въ которыя по доброй волѣ, человѣкъ закрѣпощался бы точно такъ же, какъ и въ крѣпостномъ состояніи. Можно сказать поэтому, что исторія крѣпостнаго состоянія есть видоизмѣненіе исторіи рабства, а исторія лакейства есть видоизмѣненіе исторіи крѣпостнаго состоянія.

Вотъ почему лакейство, является ли оно въ томъ визитномъ нарядѣ, о которомъ мы вели рѣчь, или въ другихъ формахъ, хотя и представляется на видъ добровольнымъ, въ самомъ дѣлѣ имѣетъ свои глубокіе корни въ современномъ бытѣ общества и такъ же неизбѣжно, какъ и преступленія. Недостатокъ правильныхъ понятій въ общественномъ сознаніи въ человѣческомъ достоинствѣ съ одной стороны, съ другой отсутствіе всякой самодѣятельности въ обществѣ, правильнымъ же образомъ, отсутствіе правильнаго экономическаго устройства—вотъ что поражаетъ и влодитъ лакеешъ. Человѣкъ часто за 800, 500 рублей годоваго содержанія совершаетъ неслыханныя въ мірѣ подлости, иначе, при существующемъ положеніи дѣлъ, онъ долженъ бы былъ обречь себя на голодную смерть.

Ирасочеліе. Когда, читатель, ты будешь усматривать, что въ томъ обществѣ, гдѣ ты живешь, размножается число лицъ, рыскающихъ каждое воскресенье по городу во фракахъ, круглыхъ шляпахъ, бѣлыхъ перчаткахъ, не заключаи изъ всего этого послѣшно о процвѣтаніи общества. Вѣрь мнѣ, что часто пріятѣе встрѣтить на улицѣ нищаго, чѣмъ дѣлающаго визиты. Ибо оный, т. е. нищій, служить только вывѣскою общественной нищеты, а послѣдній, также зачастую служа несомнѣнною вывѣскою той же нищеты, служить вмѣстѣ и свидѣтельствомъ его крайней деморализаціи.

Люди долго думали, что благоденствовать на землѣ можетъ только избранное человѣчество, что остальные его миллионы должны влечить жизнь въ нищетѣ, невѣжествѣ, мракѣ. Это мнѣніе возведено было на степенъ непреложной догмы, утверждено, какъ мы видѣли выше, философій, реализировано въ устройствѣ самыхъ обществъ. Оно прожило тысячи лѣтъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что оно царитъ доселѣ надъ большинствомъ умовъ такъ называемаго образованнаго люда. Но давно явились уже въ мирѣ и другія идеи. Много есть людей, которые очень хорошо понимаютъ, что «благосостояніе всѣхъ классовъ общества зависитъ отъ состоянія массъ, что ея невѣжество отражается и на ученыхъ, ея пошлость и на свѣтскихъ людахъ, ея страданія и на людахъ, изобилующихъ всѣмъ, что развитіе искусствъ, наукъ, нравственности и всѣхъ другихъ совершенствъ бываетъ прямо пропорціонально матеріальному благосостоянію массы». Уже и государственные люди нѣкоторыхъ странъ начинаютъ гордиться, какъ трофеями, тѣми мѣрами, посредствомъ которыхъ удастся имъ исторгнуть хотя нѣсколько массы изъ власти тяготящаго надъ ними гнета капитала, невѣжества, произвола и повысить уровень ихъ благосостоянія. Не можемъ не привести здѣсь отрывка изъ весьма замѣчательной, а для насъ во многихъ отношеніяхъ весьма поучительной рѣчи Гладстона по поводу англійскаго бюджета, говоренной недавно въ палатѣ общинъ. «Система подоходнаго налога, такъ говоритъ Гладстонъ, — дѣйствуетъ у насъ въ продолженіи 19 лѣтъ. Онъ введенъ былъ частью для погашенія дефицита, а главнымъ образомъ для того, чтобы способствовать финансовымъ преобразованіямъ, которыя, содѣйствуя развитію торговли и промышленности, увеличивали бы благосостояніе и довольство всѣхъ классовъ общества. Теперь, послѣ 19-лѣтняго опыта мы можемъ обсудить выгоды, принесенныя средствамъ страны нашей системой. Я старался изучать этотъ предметъ съ невозможною точностью и вотъ результатъ моего изученія. Въ 1842 году въ одной Великобританіи, подоходный налогъ по 7 пенсовъ съ фунта, и то считая только доходы свыше 150 ф., рассчитанъ былъ по суммѣ доходовъ въ 156,000,000 ф. По тому же самому расчету и съ тѣми же ограниченіями сумма доходовъ, подлежащихъ этому налогу въ 1861, простиралась уже до 221,000,000 ф.; разица выходитъ въ 65,000,000 ф. ежегоднаго дохода т. е. $\frac{3}{4}$ всего ежегоднаго дохода, подлежащаго налогу въ сказанныхъ предѣлахъ. Уже одинъ этотъ результатъ необыкновенно замѣчателенъ, но при тщательномъ разборѣ окажется цифра еще болѣе поразительная, и именно быстрое усиленіе дохода въ послѣднихъ годахъ. Сравнимъ между собою два періода времени до 1853 и послѣ, мы видимъ, что въ десять лѣтъ, съ 1842 по 1852 г. включительно подлежащій на-

догу дохода увеличился на 6%, но въ слѣдующія восемь лѣтъ съ 1853 по 1861 г. доходы страны увеличились на 20%. (Голосъ г. Норд-кота: «да это Австралія!»). О итътъ! совѣтъ не Австралія: почтенный джентльменъ ошибается на этотъ счетъ. Я могу представить двѣ причины этого поразительнаго факта. Первая заключается въ быстромъ и необыкновенномъ развитіи механической силы, освобождающей человѣка отъ чрезмѣрнаго труда; но эта причина дѣйствуетъ непрерывно уже цѣлое столѣтіе, такъ что дѣйствительно въ новую причину явленія должно отыскивать въ законодательныхъ актахъ парламента, освобождающихъ промышленность и умственную дѣятельность британскаго народа. (Слушайте, слушайте). Таково положеніе дѣла по отношенію къ благосостоянію страны. Слажу прямо, я съ грустію и опасеніемъ взиралъ бы на такое увеличеніе довольства, если бы оно ограничивалось одними достаточными классами населенія. Дѣйствительно, указанное мною усиленіе доходовъ касается только собственниковъ. Но мы имѣемъ то глубокое и, можно сказать, неопредѣленное утѣшеніе, что въ то время, какъ богатый становится богатымъ, бѣдный становится менѣе бѣденъ. Не скажу, чтобы крайніе бѣдныи нищеты стали менѣе крайними и ужасными, но общее состояніе бѣдныхъ въ среднемъ выводѣ улучшилось въ послѣднее время въ такой значительной степени, что мы не найдемъ тому примѣра ни въ какой другой странѣ и ни въ какое время. (Одобреніе). На этотъ результатъ мы не можемъ смотрѣть иначе, какъ съ чувствомъ удовольствія и счастья, такъ какъ расходы правительства слагаются въ сущности изъ заработковъ народа, заработковъ, которые едвалигдѣ либо и когда либо могли дать рабочему лицу полное удовлетвореніе самыхъ даже первыхъ потребностей жизни, пищи, одежды, топлива. *И если мы дѣйствіями своими съ этой стороны, могли возвысить уровень благосостоянія и уменьшить страшную пропасть, которая не далье, какъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ тому, стояла между насущными потребностями рабочаго человѣка и средствами его къ ихъ удовлетворенію, то мы совершили дѣло, за которое нынѣшній парламентъ покроеся благословеніями потомства.* (Одобреніе).

Въ наше время исторія совершаетъ свое теченіе очень быстро. То, что дѣлалось прежде вѣками, теперь совершается въ теченіи десятковъ или даже менѣе лѣтъ. Исторіи рабства не суждено такъ долго господствовать, сколько господствовали исторіи рабства и крѣпостнаго состоянія. Мы твердо убѣждены, что не очень далеко то время, когда люди всей Европы будутъ направляться и одушевляться въ своей дѣятельности тѣми же тенденціями, какими продиктованы теперь лучшіе люди въ Англіи, когда общественное

нѣніе Европы на всѣхъ эксплуататоровъ чужаго труда. Будете смотрѣть такъ же не благовидно, какъ смотритъ теперь на уличныхъ воровъ. Мы также твердо увѣрены, что ни одно государство не можетъ надѣяться на процвѣтаніе въ будущемъ, если оно не восприметъ въ себя новаго движенія европейской мысли, если не уничтожитъ въ себѣ старыхъ институтовъ, задерживающихъ ея ходъ и дѣйствіе, если не откажется отъ старыхъ преданій и тенденцій узкаго эгоизма и не станетъ на штампунктъ человѣчески-народныхъ интересовъ.

Вотъ почему, желая желаніемъ пламеннымъ славы и счастья своему отечеству, мы съ восторгомъ привѣтствуемъ всякую законодательную мѣру, равно всякое движеніе общественной мысли и дѣятельности, имѣющія дѣлю просвѣщеніе массъ, гуманизированіе нѣтъ правовъ, возбужденіе въ нихъ и предоставленіе имъ самостоятельности, распространеніе между ними матеріальнаго благосостоянія, — и очень рады, что въ нынѣшнее наше обозрѣніе можемъ замѣсти нѣсколько такихъ явленій.

17 прошедшаго апрѣля данъ слѣдующій указъ *правительствующему сенату о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующей нынѣ системѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ.*

«Принимая за благо сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ существующей нынѣ системѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ, дабы съ тѣмъ вмѣстѣ еще точнѣе соразмѣрить кару оныхъ съ свойствами и степенью преступленія или проступка, Мы утвердили соотвѣтствующія сему предположенія особаго, при второмъ отдѣленіи собственной Нашей канцеляріи, комитета, въ государственномъ совѣтѣ разсмотрѣнныя, и вслѣдствіе того повелѣваемъ: 1) Во всѣхъ случаяхъ, когда виновные въ преступленіяхъ или проступкахъ подлежатъ, на основаніи дѣйствующихъ нынѣ по гражданскому вѣдомству законовъ, лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы или на поселеніе, или потерѣ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, или же иному наказанію или высылкѣ, а сверхъ того и наказанію тѣлесному, — приговаривать впредь ихъ къ слѣдующимъ по закону наказаніямъ и высылканіямъ, но кромѣ тѣлеснаго. 2) Къ определенному Уложеніемъ о наказаніяхъ (Св. Зак. т. XV ч. 1) и Уставами о паспортахъ и о ссыльныхъ (Св. Зак. т. XIV) вложенію клеймъ и штемпельныхъ знаковъ впредь никого не присуждать. 3) Определенное въ проступки, означенные въ статьяхъ 573, 574, 575 и 576-й того же Уложенія, наказаніе розгами, не сопровождаемое другими высылканіями, замѣнять впредь заключеніемъ въ тюрьмѣ, или кратковременнымъ арестомъ, въ постепенности, указанной въ статьяхъ 89 и 90 Уложенія и въ статьѣ 7-й настоящаго указа. 4) Лица женскаго пола доволѣе изъять отъ наказаній тѣлесныхъ. 5) При замѣнѣ для женщинъ, на основаніи статей

74 и 80-е Уложения, каторжныхъ работъ въ рудникахъ и крѣпостяхъ, работами на заводахъ, и при замиѣ содержанія въ исправительныхъ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства, какъ для женщинъ, такъ и для людей, по старости, дряхлости или инымъ причинамъ неспособныхъ къ работамъ въ ротахъ, заключеніемъ въ рабочемъ домѣ, — не увеличивать сроковъ работъ и заключенія. 6) Установленные Уложениемъ сроки работъ въ исправительныхъ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства сократить, опредѣляя ихъ впредь въ слѣдующей постепенности: степень 1-я — отъ трехъ съ половиною до четырехъ лѣтъ; степень 2-я — отъ трехъ до трехъ съ половиною лѣтъ; степень 3-я — отъ двухъ съ половиною до трехъ лѣтъ; степень 4-я — отъ полутора года до двухъ съ половиною лѣтъ; степень 5-я — отъ одного до полутора года. Въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ Уложениемъ опредѣляется отдача въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на время отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ, назначать вмѣсто того высшую, по первой изъ означенныхъ въ сей статьѣ настоящаго указа степеней, мѣру, но не болѣе чѣмъ четыре года. 7) При опредѣленіи заключенія въ тюрьмѣ, или въ смирительныхъ и рабочихъ домахъ и въ крѣпости, сроки сего заключенія, въ Уложеніи назначенные, сокращать одною третью, а при обстоятельствехъ, уменьшающихъ вину, и болѣе, даже до половины. 8) Виды въ законѣ опредѣляются за какое-либо преступленіе или проступокъ заключеніе въ тюрьмѣ, или въ смирительномъ или рабочемъ домѣ, или же временноустроенный арестъ, или обращеніе въ общественныя работы, — назначать сіи карательныя мѣры, не заѣмая оныхъ розгами и для виновныхъ, не изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній; кромѣ тѣхъ лишь случаевъ, въ коихъ представится явная невозможность опредѣлить одну изъ вышеупомянутыхъ мѣръ. 9) Установленные 23-го Ноября 1853 года временныя правила о замиѣ первыхъ четырехъ степеней отдачи въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, ссылкой на восточное въ Сибирь, — отмѣнить, и затѣмъ преступниковъ, подлежащихъ отчужденію въ сіи роты, приговаривать къ сему наказанію на основаніи предшествовавшей 6-й статьи настоящаго указа. 10) Изъятіе отъ всѣхъ видовъ тѣлесныхъ наказаній, сверхъ лицъ, уже и нынѣ отъ нихъ по закону изъятыхъ, распространить также: 1) на церковнослужителей христіанскихъ исповѣданій и дѣтей ихъ; 2) на всѣ духовныя лица неправославныхъ исповѣданій и дѣтей ихъ; 3) на учителей народныхъ школъ; 4) на лица, получившія аттестаты въ успѣшномъ окончаніи ученія въ уѣздовыхъ училищахъ, а также въ земледѣльческихъ, или равныхъ съ ними и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и 5) на лица крестьянскаго сословія, занимающія общественныя по выборамъ должности. Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать надлежащее распоряженіе къ приведенію сего въ исполненіе.»

Вѣсть съ указомъ правительствующему сенату послѣдовала принимать по сейску объ отмѣнѣ наказанія шпірутенами и о нашкокахъ выключенныхъ чинами безпорочно служащими:

«Объ отмены наказанія шпигрутскими и о истребленіи нашивокъ чинамъ безпорочно служащимъ. Государь Императоръ, желая явить явнымъ примѣръ отеческой заботливости о благосостояніи арміи, и въ видахъ возвышенія нравственнаго духа нижнихъ чиновъ, по всеподданнѣйшему докладу генералъ-аудиторіата, высочайше повелѣть соизволилъ:

«1) Для воинскихъ нижнихъ чиновъ прогнаніе сквозь строй или наказаніе шпигрутскими вовсе отиѣнить, какъ въ мирное, такъ и въ военное время.

«2) Нижнихъ чиновъ, виновныхъ въ преступленіяхъ, влечущихъ за собою, на основаніи дѣйствующихъ военно-уголовныхъ законовъ, наказаніе шпигрутскими и ссылку въ каторжную работу или въ Сибирь на поселеніе или водвореніе, или отдачу въ арестантскія роты, приговаривать безъ тѣлеснаго наказанія къ означеннымъ явнымъ вѣдѣніямъ, смотря по роду преступленія.

«3) Нижнихъ чиновъ, подлежащихъ по дѣйствующимъ военно-уголовнымъ законамъ одному лишь наказанію шпигрутскими, впрямь, до устройства въ военномъ вѣдомствѣ особыхъ кѣсть заключенія и предположенныхъ исправительныхъ учрежденій, подвергать, ввѣтъ прогнанія сквозь строй, наказанію розгами, въ кѣрь, не превышающей 200 ударовъ, предоставивъ военному министерству принять всѣ мѣры отъ него кѣры къ скорѣйшему приведенію въ исполненіе предположеній о военныхъ тюрьмахъ и исправительныхъ учрежденіяхъ.

«4) Всѣхъ безпорочно служившихъ нижнихъ чиновъ, или же хотя и подвергшихся оштрафованіямъ, по которымъ штрафы были прощены, а равно всѣхъ вновь поступающихъ въ военную службу, освободить отъ тѣлеснаго наказанія безъ судебнаго приговора до тѣхъ поръ, пока они сами не окажутся недостойными сей милости и не будутъ по приговору суда переведены въ разрядъ оштрафованныхъ, согласно утвержденныхъ правилъ.

«5) Дѣйствующія нынѣ постановленія о жалюзныхъ нашивкахъ чинамъ нашивкамъ и шевронахъ за безпорочную службу истребить, согласно утвержденнымъ правиламъ, и опредѣлить для заслуги первой нашивки шестилѣтній срокъ, всѣхъ нижнихъ чиновъ, имѣющихъ таковую нашивку, взъять отъ тѣлеснаго наказанія даже и по суду.

«6) Всѣхъ подсудимыхъ военного вѣдомства, которые, во время заключенія въ войскахъ настоящаго приказа, будутъ окончательнымъ приговоромъ присуждены къ наказанію шпигрутскими, но взъдь котораго наказанія еще не будетъ исполнено, отъ шпигрутскаго наказанія освободить, поступивъ съ ними на основаніи правилъ, наложенныхъ выше сего въ пунктахъ 1, 2 и 3, — и

«7) Съ установленіемъ таковаго снисхожденія къ нашивкамъ для случаевъ обыкновенныхъ, высочайше повелѣно истребить съ тѣхъ чиновныхъ въ важныхъ нарушеній дисциплины или общественной безопасности, вызывающихъ необходимость болѣе строгатаго и неслѣдствіаго наказанія, подвергать, не только въ военное, но и въ мирное время, съ выключеннаго разрѣшенія или по распоряженію главнокомандующихъ

и других высших военных начальников, облеченных равною властью, — суду по полковым военным законам, от назначенных положенных для военного времени наказаний.»

Приведенный нами указъ правительствующему сенату содержитъ въ себѣ:

1) Совершенно отъиъну употреблявшагося доселѣ клейменія въ-которыхъ преступниковъ.

2) Изъятіе отъ тѣлеснаго наказанія всѣхъ тѣхъ преступниковъ, которые подвергаются наказаніямъ по приговорамъ судебнымъ.

3) Сокращеніе сроковъ заключенія въ наказаніяхъ *исправительныхъ*.

4) Распространеніе привилегіи свободы отъ тѣлесныхъ наказаній на нѣкоторыя лица, которыя доселѣ этой привилегіей не пользовались.

1. Доселѣ клейменію подлежали у насъ слѣдующіе преступники: 1) всѣ присужденные къ лишенію правъ состоянія и ссылки въ каторжныя работы; если они не были по состоянію своему изъяты отъ наказанія тѣлеснаго, то непосредственно за публичнымъ наказаніемъ ихъ плетью черезъ палачей, также публично и черезъ палача налагались на лбу и щкахъ клейма, изображавшія буквы К. А. Т. т. е. каторжный. Не присуждались къ наложенію клеймъ всѣ женщины и мужчины достигшіе 70 лѣтъ; 2) всѣ бродяги и бѣглые (исключая женщинъ, малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ), объявившіе себя незнающими именъ и званія или не помнящими родства, равно называющіеся ложными именами. На нихъ налагался знакъ на правой рукѣ ниже локтя съ буквою Б. (бродяга или бѣглый). Если попадались бродяги, имѣвшіе уже помянутые знаки, то имъ ставились новые ниже первыхъ; 3) всѣ бѣглые ссыльно-поселенцы и каторжные, въ предѣлахъ Сибири или внѣ оной пойманные. Они подвергались клейменію особымъ клеймамъ, съ натираніемъ клеймъ на тѣлѣ, для неясности, опредѣленнымъ для сего составомъ. Клейма ставились у бѣглыхъ ссыльно-поселенцевъ и каторжныхъ, пойманныхъ въ предѣлахъ Сибири, на лѣвой, а у пойманныхъ внѣ Сибири на правой рукѣ, ниже локтя и на лопаткѣ съ буквами С. П. (ссыльно-поселенецъ) и С. К. (ссыльно-каторжный). За каждый новый побѣгъ прибавлялись новыя клейма, опускались ниже по рукѣ и лопаткѣ.

Клейменіе новымъ указомъ уничтожено совершенно для всѣхъ безъ исключенія для присуждаемыхъ въ первый разъ въ каторжную работу, равно какъ и для бѣглыхъ бродягъ, ссыльно-поселенцевъ и ссыльно-каторжныхъ. Это позорное наказаніе мы можемъ считать совершенно исчезнувшимъ изъ системы нашихъ уголовныхъ наказаній.

2. Помимо того же ссылки о плетяхъ. Вышеупомянутыя трихвостныя плетя, сывальщиной премий кнутъ, доселѣ въ системѣ наказаній, налагаемыхъ по суду, имѣла мѣсто только въ тяжкихъ преступленіяхъ, влекущихъ за собою ссылку: а) въ каторжную работу или б) ссылку на поселеніе въ Сибирь. Число ударовъ въ первомъ случаѣ производилось отъ тридцати до ста, во второмъ отъ десяти до тридцати. Но самое обширное употребленіе плетей, равно какъ и шпидрutenы, уничтоженные теперь выше приведеннымъ нами приказомъ, имѣли и имѣютъ доселѣ относительно каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ, гдѣ опредѣленіе наказаній производится не по суду, а по полицейскимъ постановленіямъ. Мы приведемъ здѣсь нѣкоторые изъ узаконеній по этому предмету.

1. За преступленія, подвергающія виновнаго по общему закону ссылкѣ въ каторжныя работы въ рудникахъ, каторжные разныхъ разрядовъ подлежатъ наказанію шпидрutenами отъ трехъ до шести тысячъ ударовъ, ссыльно-поселенцы отъ двухъ до трехъ тысячъ.

2. За преступленія, подвергающія виновнаго по общему закону ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ и заводахъ, каторжные разныхъ разрядовъ подлежатъ наказанію шпидрutenами отъ двухъ до пяти тысячъ ударовъ, ссыльно-поселенцы наказанію плетями отъ семидесяти до восьмидесяти ударовъ.

3. За преступленія, подвергающія виновнаго по общему закону ссылкѣ на поселеніе, подлежатъ каторжные разныхъ разрядовъ наказанію шпидрutenами отъ двухъ до четырехъ тысячъ, каторжные третьяго разряда наказанію плетями отъ семидесяти до восьмидесяти ударовъ, ссыльно-поселенцы наказанію плетями же отъ шестидесяти до семидесяти ударовъ.

4. За преступленія и проступки, подвергающія по общему закону ссыльнаго исправительнымъ наказаніямъ съ заключеніемъ на извѣстное время въ арестанскія роты гражданскаго вѣдомства, каторжные разныхъ разрядовъ подвергаются наказанію плетями отъ тридцати до восьмидесяти ударовъ, ссыльно-поселенцы отъ двадцати пяти до пятидесяти ударовъ.

Во всѣхъ исчисленныхъ нами пунктахъ наказаніе шпидрutenами и плетями составляетъ наказаніе *добавочное*; такъ, какъ по вслѣдствію означеннымъ преступленіямъ виновные кромѣ сего подвергаются другимъ наказаніямъ, именно безсрочные каторжные прикованы къ телѣжкѣ на извѣстное время и содержанію въ разрядѣ испытующихъ или безсрочно или на извѣстное число лѣтъ; каторжные срочные обращаются въ безсрочные и съ продолженіемъ сроковъ, а также содержанію въ разрядѣ испытующихъ въ теченіи извѣстнаго числа лѣтъ; ссыльно-поселенцы обращаются въ каторжныя работы въ рудникахъ

заключеніи безсрочно или на срокъ, съ содержаніемъ кромѣ того всегда только въ разрядѣ дисциплинарномъ.

За преступленія и проступки, подверженію по общему закону и по нѣкоторымъ исправительнымъ наказаніямъ съ заключеніемъ въ работный домъ, которыми наказываются только плетью отъ двадцати до пятидесяти ударовъ, ссыльно-поселенцы отъ десяти до сорока ударовъ.

Новый законъ отиѣняетъ наказаніе плетью только въ преступленіяхъ, судимыхъ по общему закону, налагаемыхъ судебнымъ приговоромъ.

Такъ какъ въ основаніе этой отиѣны приводится въ вышесказанномъ указѣ то обстоятельство, что плеть въ преступленіяхъ, судимыхъ по общему закону, составляла наказаніе *добавочное*, то можно думать, что со временемъ милость освобожденія отъ наказанія плетью и шпандутенами дроснется и на каторжниковъ и на ссыльно-поселенцевъ, такъ какъ и здѣсь плеть и шпандутены составляютъ наказаніе *добавочное*, тѣмъ болѣе, что существующая нынѣ штрафная каторжниковъ и ссыльно-поселенцевъ определена преимущественно къ существовавшей системѣ наказаній по общему закону и воставлена она въ соответствии и что рѣдко злоупотреблялись шпандутенъ и плетью относительно судимыхъ по общему закону, ссыльно-поселенцевъ, каторжниковъ и ссыльно-поселенцевъ, приговариваемыхъ къ заключенію полиціями, могутъ подвергаться ссыльному злоупотребленію приговоромъ.

Розга въ нашей системѣ наказаній исправительныхъ, налагаемыхъ по судебному приговору, составляла также наказаніе только *добавочное*, иждивая упоминаемыхъ въ указѣ ст. 573—576 Улож. о Наказ. по нѣкоторымъ преступленіямъ о рекрутствѣ, гдѣ она была наказаніемъ самостоятельнымъ, единственнымъ. Именно за тѣ преступленія, которыя для лицъ, издѣтыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, сопровождалась ссылкой на житье въ Сибирь, съ временнымъ въ опредѣленномъ для нихъ мѣстѣ жителства заключеніемъ, или безъ того иными же издѣтые отъ тѣлеснаго наказанія подвергались отдѣлъ на время въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдства, наложенію отъ пятидесяти до ста ударовъ розгами чрезъ полицейскихъ служителей. Новый законъ розги въ этомъ послѣдуетъ *случай*, гдѣ онѣ быдн наказаніемъ *добавочнымъ*, уничтожаетъ совершенно, а въ случаяхъ, гдѣ онѣ составляли наказаніе самостоятельное по ст. 573—576 Улож. о Наказ., замѣняется заключеніемъ въ тюрьмѣ или кратковременнымъ арестомъ. Такимъ образомъ розгу можно было бы считать не существующей, по крайней мѣрѣ, для всѣхъ тѣхъ преступленій, за которыя наказанія налагаются судомъ.

Но розга въ нашемъ уголовномъ кодексѣ существовала еще какъ

замане дружка назованій, Въ случаѣ принужденія судомъ кто-нибудь къ заключенію въ рабочихъ домахъ, смирительницъ, тамъ, гдѣ не было еще вѣнъ домовъ или не было достаточнаго въ нихъ помѣщенія, законъ дозволялъ закрѣпить заключеніе розгами въ установленной кодексомъ соразимости. Точнотакъ же въ тѣхъ случаяхъ, когда заключеніе къ тюрьмѣ могло бы подвергнуть осужденнаго преступника разоренію и лишенію средствъ къ пропитанію его семейства, оно могло быть закрѣплено, по усмотрѣнію суда, наказаніемъ розгами. Точно такъ же могли быть закрѣплены розгами кратковременные аресты, отдача въ общественныя работы. Новый законъ предписываетъ избѣгать всѣхъ этихъ закрѣпъ, назначая тѣ именно наказанія, какия означены въ кодексѣ за каждое преступленіе. Но такъ какъ во многихъ случаяхъ будетъ предостать вѣроятно физическая невозможность привести въ исполненіе прямыя требованія кодекса по недостатку, наприимѣръ, смирительныхъ и рабочихъ домовъ, по недостатку въ нихъ помѣщенія и т. п., то и новый законъ, предвидя сіи случаи, разрѣшаетъ тамъ, гдѣ представится такая невозможность опредѣлять въ наказаніе одну изъ вышеозначенныхъ мѣръ, предписываемыхъ кодексомъ, употреблять вмѣсто нихъ розгу. Такимъ образомъ и изъ нашего уголовного кодекса розга не вцолнѣ еще изгнана. Это впрочемъ не важно. Не важно потому, что судебное употребленіе розги рѣдко, всегда мѣрною, исчислено и всегда почти правильно.

Гораздо важнѣе то, что розга въ прежней своей, нетронутой силѣ остается въ рукахъ власти административной и полицейской. А здѣсь и было самое большое ея употребленіе и злоупотребленіе! Разсматривая новый законъ относительно отиѣны *судебнаго* употребленія розги, г. Александровъ говоритъ: «тѣлесному наказанію еще можно подвергнуться, но ужь не по суду, а безъ суда, по распоряженію полицейскихъ и прочихъ административныхъ властей. Безъ суда по распоряженію полиціймейстеровъ, исправниковъ и вообще блюстителей благочинія, русскіе люди еще могутъ быть наказываемы розгами... Законъ явно относитъ этотъ способъ наказанія къ области безсудной, къ области произвола, допускаемаго лишь административными соображеніями! Тамъ, гдѣ кончается административное произволеніе и начинается дѣйствовать строгая законность, воплощаемая судебными учрежденіями, нѣтъ, разумѣется, мѣста побоямъ, розгамъ и плеткамъ. Тѣмъ-то и важенъ — продолжаетъ онъ — указъ 17 апрѣля, что онъ вводитъ въ дѣйствіе такое начало, котораго логическимъ послѣдствіемъ будетъ, какъ можно предполагать, въ болѣе или менѣе близкомъ времени, совершенная отиѣна тѣлесныхъ наказаній въ сферѣ административнаго усмотрѣнія. Это сдѣлается непремѣнно само собою, ибо ирраціональность такого различія, обусловленная ифко-

терыми исключительными особенностями иного общественного устройства саниномъ очендше. Въ самомъ дѣлѣ, крестьянину выгодно бы нной разъ совершить преступленіе, включенное въ уголовномъ кодексѣ, и подчиниться правдѣному булу, который можетъ приговорить его къ кратковременному аресту или къ тюремному заключенію, чѣмъ проинитася въ поступкѣ, за который какой нибудь энергическій по- лнційместоръ домашннхъ порядкомъ накажетъ его сотней, другой ударомъ розгами».

То же самое думатьъ и мы.

3. Сокращеніе сроковъ заключенія въ новомъ законѣ касается только наказаній *исправительныхъ*, а не *уголовныхъ*. Сокращеніе сдѣ- лано весьма значительное. Такъ прежніе сроки заключенія въ исправительныхъ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства по раз- личнымъ степенямъ наказанія простиралось отъ двухъ до двѣнадцати лѣтъ. Новый законъ высшимъ срокомъ полагаетъ 4 года—и низшимъ 1 годъ. Заключеніе въ *рабочихъ домахъ* простиралось прежде отъ трехъ мѣсяцевъ до трехъ лѣтъ; въ *крѣпостяхъ* отъ шести недѣль до шести лѣтъ, въ *спиритальныхъ домахъ* отъ одного до трехъ лѣтъ, въ *школахъ* отъ трехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ. Новый указъ сокра- щаетъ эти сроки на треть и даже на половину. Кроме этого, новый законъ дѣлаетъ облегченіе для женщинъ, слабыхъ, дряхлыхъ и по инымъ причинамъ неспособныхъ къ тяжелымъ работамъ. Прежде въ случаѣ присужденія ихъ, по роду преступленія, къ работамъ въ руд- никихъ, крѣпостяхъ или въ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣ- домства, эти наказанія по ихъ неспособностямъ замѣнялись для жен- щинъ первыми два работами на заводахъ, а вторые для женщинъ, стар- ыхъ, дряхлыхъ и т. н. заключеніемъ въ *рабочій домъ*, но замѣня- лись такимъ образомъ, что вѣето года, въ рудникахъ, крѣпо- стяхъ, арестантскихъ ротахъ они должны были работать нѣкоторіе года на заводахъ и рабочихъ домахъ. Новый законъ уничтожаетъ эту нераціональную надбавку.

4. Въ указѣ, даннымъ правительствующему сенату порочиваются слѣдующія лица, вновь изыттыя отъ тѣлесныхъ наказаній: 1) церков- нослужители христіанскихъ исповѣданій и ихъ дѣти; 2) всѣ духов- ныя лица нехристіанскихъ исповѣданій и ихъ дѣти; 3) учителя на- родныхъ школъ; 4) лица, получившія аттестаты въ успѣшномъ окон- чавшіи ученія въ уѣздныхъ училищахъ, а также въ земледѣльческихъ или равныхъ съ ними и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и 5) лица крестьянскаго сословія, занимающія общественныя по выборамъ должности. Последний пунктъ выраженъ не довольно ясно; ибо не сказано, во время ли только занятія общественныхъ должностей, лица крестьянскаго сословія небаваются отъ тѣлесныхъ наказаній или

навсегда: т. е. и не освобождаетъ этихъ отъ ихъ обязанностей. Некоторые изъ лицъ крестьянскаго сословія, занимающихъ общественныя должности, не выборы, и прежде временно освобождались отъ телеснаго наказания, напримеръ, заседатели и добросовѣстные призывовъ и правлений въ селеніяхъ крестьянъ государственныхъ, удѣльныхъ и прочихъ казенныхъ, также государственные крестьяне, избранные въ церковныя старосты. Такъ какъ объ этихъ не упоминается въ указѣ, какъ уже пользующихся вновь даруемымъ правомъ, и следовательно, сила дѣйствія новаго права представляется распространяющеюся и на нихъ, то есть основаніе думать, что лица, упомянутыя въ 6 пунктѣ, какъ и упоминаемыя въ первыхъ четырехъ, освобождаются отъ телесныхъ наказаній не во время занятія должностей, не навсегда. Четвертымъ пунктомъ указа исключены вовсе отъ назначеній телесныхъ лицъ женскаго пола. Этотъ пунктъ также не дозволяетъ думать, но смотря на индивидуальную опредѣляемость. Но не сказано исключаются ли отъ наказаній женщины, находящіяся въ изторжной работѣ и сельско-поселенки. А было бы, конечно, весьма желательно, чтобы мысль новаго закона простиралась и на послѣднія, уже по тому одному, что было бы желательно, чтобы во всѣхъ положеніяхъ людей закономъ воспитывалась въ нихъ чувство ответственности въ отношеніи физической, чувство ответственности и индивидуальности въ отношеніи къ женщинамъ, гуманизирующее право. Впрочемъ, недобро думать, что упомянутымъ пунктомъ исключаются отъ телесныхъ наказаній и женщины изторжныя и сельско-поселенки. Иначе бы было наоборотно, чтобы для нихъ при освобожденіи другихъ женщинъ отъ наказанія не было сдѣлано смягченія въ наказаніяхъ, которыя въ настоящее время представляются очень жестокими. Статья 834 устава о сельскихъ людяхъ: «сельскія женщины не подлежатъ наказанію, ни приговору къ телѣжкѣ, а заѣго назначенія при нарушении въ наказаніе частями отъ восьмидесяти до ста ударовъ, полагая за преступленія, кои по общимъ законамъ наказываются только въ изторжныя работы безъ срока, всего сто ударовъ». За прочія же преступленія въ изторжной соработности: заѣго 5,000 — 6,000 ударовъ приговорами сто ударовъ плетями, заѣго 3,000 — 5,000 ударовъ приговорами 80 — 100 ударовъ плетями, и заѣго 2,000 — 3,000 ударовъ приговорами 80 — 100 ударовъ плетями.»

Чтобы не прерывать связи, перейдемъ къ вопросу о женщинахъ же въ другомъ родѣ. Недавно въ газетѣ было напечатано, что г-жа Клаузенциан назначаетъ своимъ кассиромъ джентльменской станціи съ 10 апрѣля сего года съ жалованьемъ 300 руб. сор. въ годъ. Искривленіе это обратило на себя общее вниманіе. Г-жа О. А. пишетъ

въ «Современномъ Слове», что «директоръ» восточна-азиатскаго россійскаго казеннаго дорожнаго управленія на такой важный ходящій назначеніи женщины назначенъ, надобно же и россійскому управленію извѣстна. Слухи доходятъ, что въ редакціи «Московскаго Вѣдомостей» написана трюмошная статья, доказывающая веро. бармакл. ложность, и выводитъ съ тѣмъ бравадой для общественнаго ошоръ подобнаго назначенія, но статья пока не печатается, потому что доказывается учеными притѣвленіями какъ вѣроческихъ и римскихъ писателей. Мы съ своей стороны приносимъ вамъ его соблаго, какъ весьма желанное въ настоящее время и ожидаемое въ будущемъ общаго добра послѣдствіа. Выступитъ и самъ сообщитъ нѣчто по этому предмету.

Вопросъ о положеніи женщины понятъ у насъ давно и много по тому было много, и по видимому большая часть людей образованных согласна съ тѣмъ, что было писано, т. е., что настоящее положеніе женщины въ нашемъ обществѣ ненормально, что по матеріальному своему положенію она постоянно въ вѣчной зависимости отъ другихъ, дряхлѣе, рабъ, паразита, рабы, игрушкы, вообще раба или безногнутаго, или жалкаго существа, или по и друаго выводитъ, что никакой не дѣлаетъ, не общественику дѣятельность, не имѣетъ средствъ для матеріальнаго, самостоятельнаго существованія; и тѣмъ понятъ ее слѣдъ, а черезъ все и все общоста. (Тѣмъ, которые улаживаютъ при этомъ, примѣрными, впрочемъ, Наталья К-го, что у хорошихъ матери не могутъ быть дурныхъ дѣтей. Занятые общественныи дѣлами, россійски не будучи принуждены на свѣтъ такое безчисленное множество Обломовыхъ, съ которыми теперь не знаютъ что дѣлать россійскія государственя). Мысль объ общественной дѣятельности женщины хотя очень многими найдена была прекрасною, но такъ прекрасною и оставалась, какъ остается у насъ многія прекрасныя мысли; ибо мы измышляемъ разныя прекрасныя мысли и облекаемъ въ словесную форму не для того, чтобы привести ихъ въ исполненіе, а для того, чтобы въ согласность устату московскаго общества любителей россійской словесности 1811 года, «обрабатывать сочиненія въ стихахъ и прозѣ, относящіяся къ такъ называемой россійской словесности и къ словеснымъ наукамъ, и тѣмъ распространять въ публикѣ свѣдѣнія о правдахъ и образцахъ здравой словесности». Какъ вдругъ въ покойной памяти «Очаркахъ» является опять съ такими воззваніемъ: «да что же, говорить, вы, господа, все только пишете и ораторствуете о необходимости общественной дѣятельности для женщины? Ну, необходимо, такъ необходимо. Давайте же приносить эту дѣятельность». Сначала такому воззванію нѣтъ думались. Дескать, что же еще? Мы, кажется, свое дѣло сдѣлали, статьи написали объ этомъ хорошия; многія изъ статей были полны неподдѣльнаго чувства и оду-

идеи и опыта могут быть отнесены къ суровымъ обращениямъ россійской словесности, — а нестигъ задумывать: думать, статьи въ самомъ дѣлѣ дѣло говорить. — А потомъ? — Потомъ была тоже ничего! Но и то хорошо, что нашлись люди, которые задумали и принялись здѣсь за дѣло, а не за упражненіе въ краснорѣчіи.

Говоря серьезно, нельзя не задуматься надъ странности, которые складываются болѣе, надъ какими-то положеніями женщины въ женскомъ обществѣ. Женщина признается тамъ же членомъ общества, какъ и мужчина, — и вмѣстѣ съ тѣмъ не признается за ней право, даже возможности трудиться въ большой часъ своей общественной дѣятельности; гдѣ трудится мужчина, т. е. гдѣ трудъ составляетъ достаточное для жизни вознагражденіе. Мало того: женщины такого труда предпочитаютъ въ ея сторону даже неблагопріятности. Если женщина объявляетъ свое намереніе вытупить на общественную дѣятельность, принимаются за какой-нибудь похвальный трудъ, — отсюда, мать, братца, всѣ отдаленные даже сродички, или мужъ считаютъ это поворотъ для себя. «Да ты какъ срамишь! Равнѣ у насъ нечѣмъ тебя пропитывать? Что скажутъ добрые люди?» А что скажутъ къ своему дѣлу добрые люди? — Добрые люди, къ которымъ пришла безъ нужды и безтолковая общественная дѣятельность, скажутъ: — одинъ, — что у нихъ и работъ не много для женскаго пола не получается, другіе, что у нихъ обществу приходится востановить не вѣдомое, чтобы мужское дѣло поручать бабамъ, что баба должна жить свое бабье дѣло, — а то зомкнѣтъ весь міръ. Однимъ словомъ, все общество проинкнута чѣмъ убійственнымъ, что баба должна жить только свое бабье дѣло, а такъ какъ всѣ знаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что бабья дѣла пропитываться нельзя, то образовалась другое убійство, равносильное первому, что женщину должны пропитывать или отецъ; или мужъ, или родные, а самостоятельно она существовать не должна. Все это дескать такъ давно бытъ и всегда такъ было. Подобная мнѣнія конечно очень дикіи. Но это бы еще ничего, если бы отъ не дѣйствовали такъ пагубно въ самой жизни, дегорализируя женщину, дѣлали ее бременемъ для себя самой и для цѣлаго общества. Приучалась съ дѣтства въ той мысли, что ей придется въ жизни быть паразитомъ, она не учится ни чему, что могло бы доставить ей средства безбѣднаго самостоятельнаго существованія, своимъ молодости проводить въ упражненіи въ пріятныхъ занятіяхъ, которые бы дали ей впечатленіе и дѣла въ собраніяхъ, на базарѣ, въ обществѣ кавалеровъ. А кавалеры-то у насъ сколько. Боже упаси! Проѣзжая третьяго года по Нижегородской желѣзной дорогѣ, я встрѣтила даму, которая въ дорогѣ въ день переѣхала три туалета! Вѣдь могутъ же люди доходить до такого безобразія! Но тутъ же я встрѣтила и сообразнаго ей кавалера (не посе-

ду она добродетельно и завсегда рѣчь: «Идешь, вълази въ комнату у ней: цѣлуй, если только она будетъ читать эти строчки». Кавалеръ былъ въ дружной командѣ, очевидно взятой изъ магазина передъ самымъ отправленіемъ въ путь, въ зеленыхъ перчаткахъ съ иголочки, съ завитыми волосами, въ лакированныхъ сапогахъ, надъ приданіемъ необычайнаго блеска которымъ онъ провелъ навѣрное всю ночь, — и, надобно полагать, во фракъ; я это утверждаю занесомнѣнное, хотя, откровенно признаюсь, не видѣлъ, потому что цолъ падѣть не видно. Но главное не въ этомъ, — а въ томъ, что этотъ кавалеръ всю дорогу искалъ одинокую даму, садился подле нея для перемѣны изъ разныкъ любовныхъ восторгъ. Я твердо убѣдился, что этотъ господинъ отпрашился въ дорогу, вошедъ въ расходъ только и именно для кавалерства во время дороги или для приключеній. Бываютъ же такія безобразія! — И что же это такое, какъ не плоды жалкаго воспитанія и положенія женщины въ обществѣ? — Но все это говорю я между прочимъ, главная рѣчь моя идетъ о томъ, что наши женщины воспитываются для баловъ, собраній, общества кавалеровъ, — а между тѣмъ жизнь женщины не всегда проходитъ среди этихъ утѣхъ. Въ морѣ житейскомъ зачастую встрѣчаются и съ женщинами бури, которыя перевертываютъ всю ихъ жизнь и заставляютъ искать не утѣхъ — какія тутъ утѣхи! просто кушка хлѣба.

Статья въ «Черняхъ», о которой мы упомянули выше, вызвала другую статью въ той же газетѣ (вѣчная память доброй газетѣ и вѣчная же благодарность за нее Амплію Николаевичу Очкину! Да дастъ ему Господь долгіе дни на наше утѣшеніе!), писанную женщиной. Авторъ передаетъ въ статьѣ слѣдующую интересную исторію одной женщины съ нѣкоторыми собственными не менѣе интересными сколками.

«Та, о которой я хочу говорить, въ 17 лѣтъ вышла замужъ за одного по виданію пердочнаго человѣка. Какъ это случилось за частую дѣль 15 тому назадъ (да, пожалуй, случается еще и теперь!), невіста знала о своемъ женихѣ только то, что онъ влюбленъ въ нее безъ памяти, что вѣсть очень хорошее состояніе и считается въ своемъ кругу исправнымъ и познателемъ. Вышла она замужъ, что называется, такъ особѣ: особенныхъ причинъ не было; женихъ сдѣлалъ предложеніе, рольные молодой дѣвушки сказали, что у него, молъ, хорошее состояніе, а у тебя почти нуль, — и дѣло сладилось. Пошли дѣвки, одна, другой, третій.... И вотъ тутъ-то началось для бѣдной женщины житье, которую описать невозможно, которую нужно промѣнить и прокуковать, чтобы коня указать ея. Почтенный супругъ, удовлетворяя своей чувственности, которую, бывши медикомъ, принималъ за любовь, не считалъ болѣе нужнымъ обуздывать свою густую натуру. Не было перека,

векорому был еще не проделан: «Марта» — человек армян, «рабуль» — во время его владычествованием все его «дворянство» (Баженов) пришло в бедный женский монастырь, страстная мучила, она родила, одолевая, в детях, забываях, занугодных, барульки, отцом. Вдвигавшей отрадой ее были дети, музика и книги. Но в ту же минуту ей издался над ее занятиями, называя ее самодурством ее осуждая, шали, находил особенное наслаждение мучить в глазах ее детей, одним словом, весь отдался самодурству в полном значении этого слова, совнавая все «бесиле» жены, всю «невозможность» для нее изречься изъеи его власти. Однадцать лет была она себе рада, но не могла, никому не жалела, но и думать ее была «Марта» была объ освобождении. Она ждала только удобного случая, чтобы сбросить ее себе «парашею» его. Наконец, лучший «проделавший» дело старинных детей были приняты на казенный счет, в «Синдикат» и «Петербургских» учебных заведений, осталась при ней одна маленькая, и потому, она рѣшилась не откладывать больше своего «напряженія». Выручив небольшую сумму от продажи «фортепьяно» и нескольких «ценных» вещей, она отправилась в Петербург. Безъ сожалѣнія оставила она свой «комфортабельный» домъ съ многочисленной прислугой; всю эту обстановку, давшую ей не только «нужа», а «мелочный» его «цѣль» и «обращеніе» себе добровольно на жизнь, полную трудъ и «лишнюю» «дѣл» «дородъ», «ко» «ворили» она, и «ко» «тому» учились. Буду трудиться и «своим» «не» «у» «ру» «го» «лода»; по крайней мѣрѣ, никто больше не станетъ меня мучить.

И вот она въ Петербургѣ. Но знаете ли вы, «каково» «такъ» «важно» «подать» «въ» «Петербургъ» «безъ» «денегъ», «безъ» «своей» «безъ» «знакомыхъ»? Тутъ всякому легко потеряться; а ей пришлось еще податься туда не одной, а съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ. Три года прошло съ тѣхъ поръ. Эти три года унесли здорovie и «энергію» ее. Борьба съ тяжелымъ трудомъ, вѣчный страхъ не имѣть на завтра куса хлѣба сокрушили ее душу. Какъ-какъ добыла она себѣ уроки, но и тутъ сколько пришлось ей «наторить» отъ однихъ «разпросовъ» «о» «у» «дѣл» и «при» «нахъ» ее «разлуки» съ ними. Имѣя университетскій дипломъ, она пробовала «искать» «казеннаго» «мѣста», но «неуспѣшныя» «вопросы» «гдѣ-ка» «вашъ» «нужа» «загораживала» «вездѣ» «дорогу». Хотѣла «поступить» «дочерь» «акушерки», но и тутъ «требовалась» «законное» «согласіе» «отъ» «мужа». Наконецъ, «испытывая» «вѣсь» «усилія» «найти» «работу» «въ» «Петербургѣ», она рѣшилась идти въ «губернанти», но и «тутъ» «вернула» «принятіе» «одна» «не» «хотѣли» «взять» «ее» «потому», «что» «у» «нее» «есть» «ребенокъ», «другіе» «не» «рѣшались» «взручить» «воспитаніе» «дѣтой» «женщины», «сконпродегированной» «любъ» «разрѣшила» «съ» «мужемъ».

«Гдѣ же тутъ искать «сирому» «дѣ» «денегъ»? Итъ его! Итъ «не» «хотѣли» «Быть» «она» «бѣднѣ», «какъ» «рыба» «объ» «ледь» «и» «она» «лишь» «кватить», «будетъ» «ходить» «на» «уроки» «вертъ» «са» «шестъ» «фаней» «не» «дѣтонки» «одна» «и» «тогда» «же» «костюмъ»), «чтобы» «получить» «какой-нибудь» «платаникъ», «и» «она» «нужна» «не» «одолеетъ» «ее» «въ» «конца», «пока» «у» «душливый» «камень» «не» «свалитъ» «ее» «окончательно» «изъ» «постель», а «квартирантъ» «покажетъ», «спасаясь» «на» «подполье»

ны не будут истощать жизнь одного из нас, другой же доставляя имъ больше матеріальныхъ средствъ, дастъ имъ возможность ввести въ жизнь элементъ эстетическій. Проработавъ целый день, они могутъ позволить себѣ вечеромъ заняться музыкой или прочесть выѣсть что нибудь хорошее, могутъ наконецъ пойти въ театръ, въ концертъ. А теперь? Придетъ ли въ голову мужу хотя почитать газету, когда, проспавъ часовъ 8 надъ бумагами, онъ является вечеромъ домой? Выплетъ онъ рюмку водки, съѣстъ плохой обѣдъ, да и завалится на несколько часовъ спать, чтобы хоть во снѣ забыть тяжелую дѣятельность. А жень тѣмъ временемъ скучно, дѣлать нечего. Ну, и пойдетъ она въ сосѣднѣ, чтобы за чашкой чаю наболтаться о своихъ нуждахъ, о капризахъ мужа и т. п. интересныхъ предметахъ. Такъ и вечеръ пройдетъ, пройдетъ равно, скучно, у одного во снѣ или опять-таки въ пернѣхъ надъ бумагами, у другой въ пустой болтовнѣ, пока наконецъ оба осядутъ ко сну.. Давайте же намъ работу, господа! давайте, во имя нашего спасенія, спасенія отъ пустоты, отъ ничтожества. Помните, что въ этомъ лежитъ и ваша сила: непрочное, ненадежно то общество, гдѣ половина членовъ его работаетъ на другую неработающую. Помните также, что женщина либѣтъ страшное вліаніе на жизнь мужчины, что въ рукахъ нашихъ воспитаніе нашихъ сыновей, — а имъ вѣрно захотѣте, чтобы сыновья ваши воспитались гражданами, а не рабами.

Какъ ни привыкъ я къ очень многому, и даже можно сказать, ко всему, что есть страннаго и неудобнаго, и даже мерзостнаго въ нашей жизни, и поэтому какъ ни пріучился хладнокровно смѣрять на все, но приведенная мною исторія размягчила и меня и возбудила во мнѣ жалость на положеніе женщины въ обществѣ. «Чтожь, думаю себѣ, — скверно! Какъ ни верти — скверно!» А потомъ немного погоди подумалъ и то, что подумали, вѣроятно, и многіе изъ моихъ читателей: «вѣдь не можешь ничѣмъ! такъ слѣдуетъ, значитъ!» Этимъ бы конечно моя чувствительность и кончилась, какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день является ко мнѣ господинъ и даетъ читать мнѣ слѣдующее:

«Одно изъ самыхъ трудныхъ положеній въ нашемъ обществѣ есть положеніе женщины.

Большая часть занятій для нея закрыты, не по неспособности ея къ нимъ, а по непривычкѣ общества видѣть женщину на мѣстѣ, которое обыкновенно занимаютъ мужчины.

Отсюда вытекаютъ послѣдствія весьма вредно отзывающіяся на общественномъ благоустройствѣ.

1) Значительное число нравственныхъ и умственныхъ силъ, которыя могли бы быть употреблены женщинами на общественное дѣло, пропадаютъ даромъ.

2) Находящіяся въ нищетѣ женщины увеличиваютъ собою число

лица, которыхъ общество обязано помогать совершенно произвольно для себя.

3) Весьма многія женщины, попадая въ подобное затруднительное положеніе, обращаются къ безнравственнымъ средствамъ для доставленія себѣ возможности существованія. Онѣ или прямо продаютъ себя всякому встречному, или (что еще хуже) употребляютъ самыя недостойныя средства, чтобы вступить въ бракъ и свалить на мужа заботу о своемъ существованіи и о существованіи дѣтей своихъ.

4) Трудность для женщины обезпечить себя собственными силами унижаетъ женщину въ глазахъ мужчины, при недостаточной образованности послѣдняго. Онъ смотритъ на женщину въ семьѣ, какъ на обузу, на существо вполне зависящее отъ его произвола, на существо низшее и т. п.

5) Имѣя исключительное право на большинство общественныхъ занятій, мужчины, не получившіе образованія, бесполезно тратятъ физическія свои силы на занятія, не требующія вовсе такихъ силъ, между тѣмъ, какъ они могли бы съ гораздо большею пользою для общества направить свою дѣятельность на другую работу, раздѣливъ свои нынѣшнія занятія съ женщинами.

Всѣ эти неудобства нравственныя и экономическія побуждаютъ учредить общество, которое бы имѣло въ виду устроить женскій трудъ на болѣе прочныхъ основаніяхъ.

Общество «женскаго труда» должно будетъ:

1) Изыскивать такія сферы дѣятельности, въ которыхъ женскій трудъ могъ бы быть допущенъ съ большею или равною пользою, чѣмъ трудъ мужской.

2) Ходатайствовать о допущеніи женщинъ къ этимъ родамъ дѣятельности.

3) Открывать учрежденія торговыя, промышленныя и т. п., гдѣ бы на практикѣ можно было убѣдить невѣрующихъ, что женщины способны иодогнать образцы дѣятельности, до сихъ поръ предоставленныя мужчинамъ».

Я прочтала все это съ недоумѣніемъ и спросилъ господина:— «чтожъ, говорю, вы привезли мнѣ это прочтатъ, какъ образецъ здравой словесности?»

— Нѣтъ, говорить, — я хочу основать такое общество.

При этихъ словахъ я не могъ удержаться отъ смѣха; я расхохотался потому... я старшій воробей, знаю россиявъ; знаю, что если бы потребовалось составить какое бы то ни было общество изъ двухъ членовъ, то неважно не составили его; въ концѣ концовъ непременно въ чемъ нибудь не согласятся и разойдутся. Я предложилъ эти соображенія господину.

— Помилуйте, говоритъ, свами было «исходо» изъ иракскому во-
просу! Тутъ солидарность можно найти между многими. Либеральныя
волати о женщинахъ вы теперь слышите: исходу.

— И вы, я говорю, вѣрите русскимъ либеральнымъ рѣчамъ, рус-
скимъ либераламъ. Вотъ посмотрите, что они такое.

— Я указалъ ему слѣдующія строки въ лежащихъ передо мной ста-
нотвореніяхъ Некрасова.

Странное племя, мудреное племя

Свободо въ насъ отеческѣ время.

Это не божь, искуситель ценовой;

Вотъ, увы! современный герой.

Книги читаетъ, да по свѣту рыщетъ —

Дѣла себя исполнскаго видетъ.

Все, что высоко, разумно, свободно,

Сердцу его и доступно, и средно;

Только дающая силу и власть

Въ словѣ и дѣлѣ чужда ему страсть!

Что ему книга послѣдняя скажетъ,

То на душѣ его сверху и ниже:

Вѣрить, не вѣрить — ему все равно,

Лишь бы доказано было убого

Самъ на душѣ ничего не шибаетъ.

Ничего не знаетъ, про востра сомнѣтъ

Только надѣрное слово поидетъ.

Это въ простомъ переводѣ выходитъ,

Что въ разговорахъ онъ время проводить

Идти отъ гнать господины. (Здѣсь же кн.) Востра иа добромъ

идеть дѣло, вопреку жиденный, наслодъ зный, востра диний. (Обы

неть не могутъ, востра богатъ, попусту. Въ языкъ должны быть осприв-

но заинтересованы очень многіе и мужчины, и женщины; Певрыно,

найдется много умныхъ и желейныхъ добре: свесму, чегосеку Нью-

дей, которые принуждены въ дѣлѣ гордые унаста

Господинъ говорилъ такъ самоувѣренно, такъ убогосомно, что

казывалъ такое, ирастичаное, упореное, инама, что речега въбразать

серьезно, и востра отъ свей, и дѣлѣ и востра диний, востра

Ну, положимъ, говорю, вы найдете людей, которые, шибаетъ,

составите общество, даже дѣлѣ достигнеть. Тѣмъ жиденныя ирастичаное

жиденною право, на много дѣлѣ достиженья, инама, инама, инама

только мужчинами. Ядѣтъ востра? Идѣтъ востра, инама, инама

мѣсть, занимаемыхъ теперь мужчинами, положимъ, четверть, инама

страши, въ учебной службѣ, въ коншанскихъ торгашахъ, промышлен-ныхъ и т. д. Директоръ московско-нижегородской желѣзной дороги сдѣлалъ великое дѣло въ нашей общественной жизни, опредѣливъ женщину, вопреки общему предрасудку относительно женщины, поддержи-вать.

Я согласился вполне съ доводами господина и занесу часть не-его разговора съ нимъ въ настоящее мое обозрѣніе даятого, чтобы читающіе эти строки вдумались въ современное наше положеніе женщину и помогли, на сколько зависитъ отъ каждаго изъ нихъ, или лучшему социальному устройству, а женщины съ своей стороны составляли кружки, общества, какъ для завоеванія себѣ этого положенія, такъ и для совокупныхъ предпріятій полезнаго труда.

Наши соображенія относительно необходимости перемѣны нынѣша-щаго социального положенія женщины заключены въ слѣдующія слова Милля о томъ же предметѣ:

«Но тѣмъ же самымъ причиною, по которой прекратилась не-обходимость бѣдному быть въ зависимости отъ богатаго, прекратилась также необходимость женщины быть въ зависимости отъ мужа, и наименьшее, чего требуетъ справедливость, состоитъ въ томъ, чтобы законъ и обычай не ставили насильственно женщину (по достиженіи совершеннолѣтія) въ зависимость своими правами, по которымъ женщина, не получившая средствъ къ жизни чрезъ замѣстство, почти не имѣетъ теперь никакой возможности приобрести средство жизни иначе, какъ становясь женою и матерью. Пусть же женщина, предпочитающая эту карьеру другимъ; привыкнуть къ се-ю теперь для огромнаго большинства женщинъ мнѣ виднаго выбора, никакой возможности другой карьеры, кромѣ того, какъ быть и думать-кою, — это явная и сильная общественная несправедливость. Конечно, не далеко уже время, когда будутъ признаны признаваться: преимуще-ствомъ нравственному, общественному и личному развитию участнику общества тѣ права и учрежденія, по которымъ служившее раз-личіе пола служитъ основаніемъ неравенства юридическихъ правъ и вынужденнаго различія въ общественныхъ отношеніяхъ. Изъ числа вѣроятныхъ послѣдствій промышленной и общественной независимости женщины, здѣсь я упомяну только одно — сильное уменьшеніе чрез-мѣрнаго различія. Цѣлью полезному члену всякаго рода мнѣ обрѣсти исключительно на эту функцію, сдѣлавъ ее единственною одоро-женіемъ цѣлой жизни одного пола и перенеся ее почти во всею дѣ-тельность другого пола, — вотъ причина тому, что современный ин-стинктъ различія различается до чрезвычайнаго, чересчуръ, давая до сихъ поръ пользоваться въ людской жизни».

Обращаемся къ вопросу пользы».

Повстанцы польскіе, въ отдѣльныхъ отрядахъ, проникаютъ въ мѣста отдаленныя отъ центра дѣйствія, въ губерніи Подольскую, Вольнскую, Кіевскую, Могилевскую. Центральный польскій комитетъ, подъ званіемъ принятымъ имъ именемъ національнаго правительства, продолжалъ дѣйствовать съ вѣрнымъ упорствомъ, не смотря на пораженія, наносимыя отдѣльными бандами повстанцевъ нашими войсками. Восстаніе польское, если не растетъ количественно, то не слабѣетъ качественно. Печальное и олушевевшее духомъ состояніе женщинъ, оно, если можно такъ выразиться, востаетъ все глубже и глубже. Бѣжать до лѣсу сдѣлалось страстію; до лѣсу бѣгутъ даже юнаны, неспособные носить оружія. До какой степени экзальтированы польскіе умы, мы можемъ судить по слѣдующей рѣчи бывшаго люблинскаго генералъ-губернатора Назимова, сказанной имъ 18 апрѣля въ многолюдномъ собраніи дворянства. «Вы—такъ говорятъ оныя дворянныя, начали измѣною и кончили вашей гибелью. Сегодня ночью отсюда снова ушли въ инсургентамъ 100 юношей, изъ которыхъ многому имѣтъ 17 лѣтъ отъ роду. Все это натворили женщины и женщины; амаль дурныя. Неужели вы до того слабы, что не можете держать вашихъ матеръ и дѣтей въ повиновеніи? Зачѣмъ вы идѣте житье? Служите въ вашихъ помѣстьяхъ, сидите тамъ тихо и старайтесь, чтобы все оставалось спокойно. Въ противномъ случаѣ знайте, что и безъ васъ состояніи защищать васъ отъ вашихъ крестьянъ; войска нѣтъ нужны противъ скрывающихся въ лѣсу. Надѣюсь, что вы кое-чему научились изъ дѣла графа Мола. Узнайте отъ Бога!» Рѣчь эта такъ вѣрно изображала существующее состояніе умовъ и дѣлъ, что ни одинъ изъ присутствующихъ не смелъ ничего отвѣчать на нее.

Европа продолжаетъ поддерживать польское восстаніе. Въ Европѣ мы, впрочемъ, должны различать два воззанда на польское восстаніе: воззанда общественыя и воззанда дипломатическыя.

Общественное мнѣніе Европы высказываетъ рѣшительныя симпатіи въ польское восстаніе и за самостоятельность Польши. Даже изъ отдаленной Италіи отправляются волонтеры и оружіе для поддержанія польскаго дѣла. Недавно представителю Россіи при туринскомъ дворѣ, графу Шпенсальбергу, просилъ Виксанти Веноста не делаться откровеніемъ: «Польшу орусія и соленинере». Когда Виксанти Веноста сказалъ на это, что королевское правительство не допуститъ поступковъ, империрующаго отъ прадъ императорскихъ, тогда графъ Шпенсальбергъ объявилъ, что онъ умоляетъ оныя князь Герцогиню отнестъ итальянскому правительству о императорѣ Парибильди едлать рѣшительную помышку со стороны Балтійскаго моря и не столько доставитъ немалыя путаки поддержану польскому движению, но и приведетъ къ всеобщему восстанію. Но этому повеланію едлать

эта амнистія вполне удовлетворитъ желаніямъ англійскаго кабинета. «Императорскій манифестъ, пишетъ онъ между прочимъ графу Росселю, излагаетъ въ томъ милостивомъ и человѣколюбивомъ тонѣ, который свойственъ личному характеру Императора Александра; онъ имѣетъ характеръ нѣсколько религіозный, какъ и всѣ вообще русскія государственныя акты». «Не могу утверждать, говоритъ лордъ Менширъ въ заключеніе, чтобы манифестъ не былъ вызванъ ожиданіемъ какого амбиціознаго правительства. Полагаю даже, что именно это опасеніе утѣрило его новизну; но я долженъ прибавить, что онъ вполне соответствуетъ благодушной политикѣ и нацѣреніямъ государя».

При такомъ взглядѣ лорда Меншира на манифестъ, тѣмъ страннѣе казалась всѣмъ отвѣтная посланная лорда Росселя, по поводу этого манифеста, отъ 24 апрѣля. Содержаніе ея въ сокращеніи сличено въ политическомъ обзорѣн. Мы приведемъ здѣсь тѣ возмущительныя для всякаго истиннаго патриота строки, въ которыхъ англійскій министръ къ милостивымъ обещаніямъ манифеста отнесся съ совершеннымъ недоумѣніемъ.

«Императоръ, пишетъ графъ Россель, говоря объ учрежденіяхъ дворянскихъ имъ Царству Польскому, выражается такъ:

«Сохранимъ и намиѣтки установленія во всей ихъ силѣ, но предоставимъ себѣ, когда они будутъ испытаны на самомъ дѣлѣ, прислушаться къ самымъ лучшимъ изъ развитій, соответственно измѣлять времена и страны».

«Обещаніе это не можетъ удовлетворить поляковъ, ибо нужно замѣтить въ отношеніи къ учрежденіямъ, уже дарованнымъ, что въ то самое время, какъ они были въ силѣ, проживало захвачено въ военное время до двухъ тысячъ молодыхъ людей, которыхъ заставили служить въ русскомъ войскѣ, вопреки волеи справедливости и не смотря на законъ 1859 года, какъ недавно еще изданный. И: такъ очевидно, подчинившись опять тѣмъ же законамъ, не возможно считать себя обезпеченными. Въ то время, какъ учрежденія эти вступаютъ въ полную силу, можно брать невинныхъ людей, заирать ихъ какъ преступниковъ, или приговаривать къ военной службѣ, или высылать въ далекіе края, — и все это безъ суда, безъ публичности, словомъ, безъ всякихъ гарантій».

«Что касается до обещаній въ будущемъ, то нужно замѣтить, что эти обещанія еще отъ вчерашняго звѣзды учрежденій, и никакъ эти потребности времени и страны».

«Перваго изъ этихъ условий достаточно, что бы ястребить самую разумную надежду на исполненіе какаго обещанія: ибо, принимая учрежденія, до сихъ поръ дарованныя, дарованія, или одобренія законодательныхъ положеній, заставляющихъ много членовъ государствен-

иже: съѣзды и собранія общегородскія и муниципальныя. Но подобное поведение русского правительства дѣлало его дѣлать въѣхъ тѣмъ же полковомъ и даже принудило ихъ оставить мѣста, ими занимаемыя»:

«Слѣдовательно въ императорскомъ манифестѣ недоставляя помыслимаго условія успѣха, т. е. обеспечения безопасности съ одной стороны, и чувства довѣрія—съ другой».

Но въ то время, когда явились иностранныя кабинеты, русский патриотизмъ совершалъ свое дѣло. Мы, въ прошедшемъ нашемъ обзорѣ, упоминали уже, что надъ разработкою польскаго вопроса, съ русской точки зрѣнія, трудятся въ особенности «Московскія Вѣдомости». Чувству патриотизма нечуждымъ издателю «Московскихъ Вѣдомостей», въ какомъ бы направленіи онъ ни вырвался, нѣтъ неограниченно не почувствовать, но никакъ не предполагали, чтобы благотворное дѣйствіе его могло простираться за предѣлы нашего отечества. Оказывается однакожъ такъ. Въ объявленіе этого мы должны указать, что иностранцы, при общемъ молчаніи нашей прессы о польскихъ дѣлахъ, составили себѣ, разумѣется, по внутреннему напикъ враговъ, такое мнѣніе о Россіи, что здѣсь общественное мнѣніе расположено въ пользу Польши, но что ему препятствуютъ высказываться въ этомъ направленіи. Особенно же къ усиленію такого мнѣнія пошла новость, по свидѣтельству вышеупомянутого нашего соотечественника, г. Касьянова, записка г. Аксакова, помѣщенная въ 5 № «Дня», переведенная и напечатанная Нордомъ, записка о томъ, что онъ г. Аксаковъ пишетъ, но не можетъ почему-то помѣщать статей своихъ о Польшѣ. Эта записка перепечатана была во многихъ иностранныхъ газетахъ, и она-то утвердила иностранцевъ въ томъ заблужденіи, что будто у насъ не позволено свободно высказывать своего мнѣнія о польскихъ дѣлахъ.... «Идите же, говоритъ г. Касьяновъ, растолкуйте глупымъ иностранцамъ, что это неправда, что это не такъ: не вѣрать. Вотъ въ это-то время общее молчаніе нашихъ газетъ о польскихъ дѣлахъ и помогли «Московскія Вѣдомости». «Статьи нѣтъ, по свидѣтельству г. Касьянова, отчасти приведенныя въ le Nord, отчасти прочтанныя официальноими элитами русского языка при французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, нѣсколько ослабили впечатлѣніе, произведенное всеобщей тишиной русской прессы».

Между тѣмъ въ помощь прессѣ скоро водослѣли пламенные выраженія патриотическихъ чувствъ разныхъ сословій, корпорацій, обществъ, городовъ, высказанныя въ многочисленныхъ и многообразныхъ адресатахъ. Уже появленіе первыхъ адресовъ произвело замѣтное впечатлѣніе на иностранныя кабинеты. По поводу адреса петербургскаго дворянства лордъ Неплювъ въ одной изъ депешъ своихъ писалъ слѣдующее:

приводяго согласия. Польскій король извѣстелъ о вѣдѣхъ приводего его вѣдомъ

«Великій Государь!

«Много голосовъ подымается къ Твоему престолу: дозволю и дамъ сказать нашу правду.

«Измѣнники и возмутители хотѣли оклеветать насъ предъ цѣлымъ міромъ и приравнять насъ къ себѣ. Они лгали на насъ.

«Мы хранимъ свой обрядъ, но мы Твои вѣрные подданные. Мы всегда повиновались властямъ преержавшимъ. Но Тебѣ, Царь Освободитель, мы преданы сердцемъ нашимъ. Въ поминки Твоего царствованія намъ старина наша слышится. На Тебѣ, Государь, почиваетъ духъ нашихъ Царей добродѣльцевъ.

«На годдо тѣловъ, во и душиго мы Русскіе люди. Россія наша, матерь родная; мы всегда готовы пострадать и умереть за нее. Наши предки были Русскіе люди, работали на Русскую Землю, и за нее умирали. Посрамимъ ли мы память отцовъ и дѣдовъ нашихъ и всѣхъ русскихъ христіанъ, отъ которыхъ кровь нашу приняли?

«Враги, злоумышляя противъ Твоей державы, возжигаютъ мятежъ въ Польшѣ и грозятъ намъ войною. Великій Государь! Десница Божія возвеличила державу Твоихъ предковъ: она дастъ Царю Освободителю одолѣніе на давнихъ враговъ и притѣснителей Русской Земли, которая народъ Русскій отъ юрны отрывали и вѣру его насмѣивали.

«Престолъ Твой и Русская Земля не чужое добро наше, а наше крѣпкое. Мы не оповѣдимъ явиться на заступу, ихъ: и овладѣемъ-ся или вѣра древолатіе и живая наша. Да не умалятся державы Твоя, а дозволятца, да не посрамится въ насъ предки наши, да дозрадуются о Тебѣ старина наша Русская.

«На Тебя всѣ надежды наши, а преданность наша Твоему престолу непоколебима. Царствуй долго, Великій Государь, на славу Россіи и на утѣшеніе Твоихъ вѣрноподанныхъ!»

Еще замѣчательнѣе слова Государя Императора къ депутатамъ московскихъ и петербургскихъ старообрядцевъ, изъяснившихъ съчастіемъ представить Его Величеству исподданнѣйшее что-нибудь въ означеннѣй дворцѣ.

«Я радъ васъ видѣть и благодарю за сочувствіе общему дѣлу. Мы хотѣли васъ очернить, но я этому не вѣрилъ; и убѣдился, что вы такіе же вѣрноподанные, какъ и всѣ прочіе. Вы мой дѣти, а я вашъ отецъ и молю Бога за васъ такъ же, какъ и за всѣхъ, которые, какъ и вы, близки моему сердцу».

Слова эти произвели глубокое впечатлѣніе на старообрядцевъ. Иначе это и не могло быть. Десетъ старообрядцы, особенно безнормочнаго согласія, разсматривались какъ вредные октанты, ихъ обществу было признаваемо незаконнымъ сборищемъ, ихъ стѣсняли и про-

сдѣловали всесозможная власть именно за то, что они старообрядцы. Теперь они, какъ легально существующее общество, получаютъ право явиться предъ Государя, выразить ему чувства своего общества и слышать отъ него, что они такіе же дѣти его, какъ и всѣ. Въ этихъ словахъ Государя заключается для нихъ санкція на утвержденіе ихъ общества, на уравненіе ихъ въ правахъ религіозныхъ и гражданскихъ со всѣми другими подданными. Съ сего времени никакое преслѣдованіе старообрядцевъ, какъ старообрядцевъ, никакое уменьшеніе гражданскихъ правъ ихъ только потому, что они старообрядцы, не могутъ имѣть мѣста, немислмы. Съ другой стороны, какъ на старообрядцевъ, такъ на всѣхъ вообще, понимающихъ и чувствующихъ страшный вредъ произведеннаго централизаціей разрыва между народомъ и правительствомъ не могъ не произойти глубокаго впечатлѣнія этотъ дозволенный въ первый разъ доступъ непосредственнаго заявленія своихъ чувствъ передъ царемъ. Старообрядцы имѣли полное право сказать Государю, что *въ новизнахъ твоего царствованія намъ старина наша слышится.*

Нынѣшнее обозрѣніе наше вышло довольно длинно. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ нужнымъ остановить вниманіе нашихъ читателей еще на одномъ важномъ и, полагаемъ, интересномъ для нихъ предметѣ. Предметъ этотъ составляетъ отзывы заграничныхъ, болѣею частью германскихъ ученыхъ и педагоговъ о томъ проектѣ народныхъ училищъ, составленномъ нашимъ ученымъ комитетомъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, о которомъ мы говорили въ нашемъ мартовскомъ обозрѣніи.

Послѣ составленія уставовъ для нашихъ учебныхъ заведеній, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія въ началѣ минувшаго года поручено было статсъ-секретарю Танъеву 2-му предпринять поѣздку въ чужіе края съ цѣлю предъявленія педагогамъ Германіи, Франціи и Бельгіи проектовъ учебныхъ уставовъ, составленныхъ въ виду предполагаемыхъ по сей части преобразованій. Съ тѣмъ вмѣстѣ г. Танъеву было вѣнено въ обязанность сообщить министерству шведскіе отзывы тѣхъ изъ иностранныхъ специалистовъ, которые бы согласились удовлетворить желанію нашего правительства доставленіемъ ему своихъ мнѣній. Теперь г. статсъ-секретарь Танъевъ исполнилъ возложенное на него порученіе, и при послѣдней книжкѣ журнала министерства народнаго просвѣщенія приложена небольшая брошюрка въ 8-ю л. листа въ 56 страницъ довольно разгонистаго шрифта, подъ заглавіемъ: *записка статсъ-секретаря Танъева 2-го о заграничной его дѣятельности въ теченіи 1862 года.* Въ брошюркѣ помѣщены сначала нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщаемыя г. Танъевымъ о сдѣланномъ ему порученіи, о сношеніяхъ по этому

порученію съ разными лицами за границею, потому замѣчанія, сдѣланныя на наши проекты равными педагогами.

Мы сообщимъ пона нашимъ читателямъ тѣ отзывы иностранныхъ педагоговъ, которые сдѣланы ими относительно проекта нашего устава о народныхъ училищахъ. Мы должны при этомъ замѣтить, что проектъ, который г. Танъвъ предлагалъ на обсужденіе иностраннымъ педагогамъ, по буквѣ не совсѣмъ тотъ, который обнародованъ теперь у насъ для общаго обсужденія. Послѣдній исправленъ вѣроятно послѣ того вновь по разнымъ указаніямъ.

Вниманіе иностранныхъ педагоговъ въ проектѣ обратило на себя:

Опредѣленіе цѣли народныхъ училищъ.

«Опредѣленіе это выражено слѣдующимъ образомъ: «народнымъ училища нѣтъ цѣлю нравственное и умственное образованіе народа въ такой степени, чтобы каждый могъ поднимать свои края и исполнять свои обязанности разумно, какъ слѣдуетъ человеку». Боннель обратилъ вниманіе на подчеркнутыя слова и замѣтилъ: «по идѣ это начало превосходно, но на практикѣ опасно, какъ доказано въ 1848 г. выводами изъ такъ-называемыхъ основныхъ правъ» (Grundrechte). Фогель, съ своей стороны, предлагаетъ, чтобы въ этомъ опредѣленіи, вмѣсто словъ «нравственнаго образованія», сказано было «религіозно-нравственнаго образованія». По поводу сего же опредѣленія, Ауербахъ замѣтилъ: «die Hauptaufgabe der Schule ist und bleibt die Menschen in der Berufstreu zu begleiten und nicht dahin zu führen, das Glück ausserhalb derselben zu suchen».

«Еще большее вниманіе обращено на предположеніе министерства о предоставленіи устройства народныхъ училищъ на волю поддѣжащихъ обществъ и частныхъ учредителей. Многие иностранные педагоги признаютъ это несудобнымъ и прежде всего въ прямыхъ выгодахъ самихъ обществъ и лицъ учреждающихъ школы. Они объясняютъ, что и въ прочихъ европейскихъ государствахъ, гдѣ просвѣщеніе народное пролито повсемѣстно, и гдѣ самое училищное устройство пріобрѣло известную степень совершенства, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вошло въ обычай; гдѣ, слѣдовательно, нѣтъ для учредителей недостатка въ образцахъ подобнаго рода учрежденій; было бы положительно невозможно предоставлять устройство училищъ на произволъ основателей, не снабжая ихъ нужными наставленіями, и не наблюдая за исполненіемъ тѣхъ-которыхъ, самыхъ необходимыхъ условій. А иные рецензенты, разсуждая о сему предметѣ въ болѣе обширномъ смыслѣ,—съ точки зрѣнія предоставляемой училищамъ автономіи, говорятъ, что, со стороны теоріи, начало это врядъ ли можетъ встрѣтить возраженіе, но что въ практическомъ отношеніи опытъ обнаружитъ непремѣнно многія неудобства даруемаго проектомъ произвола. Въ этомъ смыслѣ выразились Бокъ, Любень, Шмитцъ, Пальмеръ, Кеферштейнъ; а Дистервегъ отозвался съ свойственнымъ ему закончаніемъ: «Autonomie der Gemein-

den in Betreff ihrer Schulen — sehr gut; aber auch Ueberwachung und Beeinflichtigung (besonders bei vorhandener Kenntenz)!» Наконецъ, сюда же можетъ быть отнесено и мнѣніе *Азербакка*, который по поводу 36 ст. Общаго плана народныхъ училищъ замѣтилъ, что «въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, вѣрнѣе предоставить надзоръ за училищами подлежащему начальству» (*).

Далѣе; по мнѣнію *Бока*, *Фогела*, *Дистервега*, *Куртмана* и *Кефершмейна* нѣтъ особенной надобности отдѣлять дѣвочекъ отъ мальчиковъ и учреждать отдѣльныя школы для обоеихъ половъ, что нѣгло бы послѣдствіемъ бесполезное увеличеніе расходовъ на учрежденіе и содержаніе народныхъ училищъ.

«Вопросъ религіознаго образованія подавъ поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ, которыя доказываютъ, что иностранцамъ совершенно не извѣстны ни состояніе нашего духовенства, ни религіозная сторона народнаго быта, ни современныя отношенія православной церкви къ русскому обществу. Впрочемъ, замѣчаній, сдѣланныхъ по сему предмету, весьма не много, что говорить въ пользу скромности и политическаго такта иностранныхъ рецензентовъ. Оставляя въ сторонѣ замѣчанія частныя, которыя, я полагаю, ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить мѣриломъ при ближайшей оцѣнкѣ сего вопроса относительно Россіи, укажу только на нѣкоторыя мнѣнія, имѣющія характеръ совершенно общій, и потому столь же приимчивый къ нашему отечеству, какъ и ко всякому другому государству. Одно изъ нихъ касается цѣли обученія закону Божию. По этому поводу, *Бокъ* замѣтилъ, что слова проекта, опредѣляющія значеніе сего предмета въ народномъ курсѣ (**), могутъ относиться столько же къ школамъ магометанскимъ, сколько и къ школамъ, основаннымъ для христіанскаго юношества, а потому онъ предложилъ бы обозначить цѣль обученія закона Божіа въ сихъ послѣднихъ нѣсколько ближе, примѣрно такъ: «обученіе закону Божію должно имѣть предметомъ развитіе въ дѣтахъ вѣры въ Спасителя нашего Иисуса Христа и пріготовленіе ихъ симъ путемъ къ святости въ прохожденіи житейскаго поприща». Сюда же относится замѣчаніе *Смаца*, который, сказавъ, что народныя школы должны имѣть въ виду болѣе *воспитывать*, чѣмъ *обучать* народъ, присовокупилъ *il est bien entendu que le Christianisme, élément radical et essentiel de notre civilisation, doit avoir sa part légitime dans l'action éducationnelle*. Въ томъ же смыслѣ отозвался *Вильменъ*, который, сообщая мнѣ свои мысли о важности религіознаго воспитанія въ системѣ элементарнаго обученія, сказавъ: «dans cette phase primitive de l'instruction, il faut tâcher surtout que l'intelligence à peine éclose rencontre des idées saines, les vérités éternelles et immuables de l'évangile et de la morale qui en dérive».

(*) ... «Sonst liegt die Controlle der Schule am besten in den Händen der technischen Behörde».

(**) Ст. 17 проекта устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній.

«Въ числѣ другихъ замѣчаній, сдѣланныхъ на счетъ учебнаго курса народныхъ училищъ и методы обученія, предложено между прочимъ ввести, въ замѣнъ звуковаго способа обученія чтенію (*Lautirmethode*), способъ одновременнаго упражненія въ чтеніи и письмѣ (*Schreib-Lesemethode*). Въ пользу этого способа выразились *Дистервегъ, Шмитцъ, Любенъ*.

«Относительно обученія счисленію, нѣкоторые педагоги полагаютъ нужнымъ, чтобы въ уставѣ была обозначена съ большою опредѣлительностію необходимость примѣненія расчетовъ счисленія сколь возможно ближе къ случаямъ всендневной жизни. На этомъ основаніи они совѣтуютъ придать болѣе значенія вычисленіямъ въ головѣ, и ввести въ курсъ элементарной ариметики тройное правило (*Regel de tri*), какъ такое, въ которомъ всѣ предшествующія сему ариметическія выкладки получаютъ свое настоящее значеніе, и, при томъ, въ непосредственномъ ихъ приложеніи къ всендневнымъ хозяйственнымъ расчетамъ. Мнѣнія эти выразили *Пальмеръ, Кеферштейнъ, Дистервегъ, Шмитцъ*.

«Трое педагоговъ, *Любенъ, Дистервегъ и Кеферштейнъ*, совѣтуютъ обратить болѣе вниманія на ознакомленіе учениковъ съ природою и землеописаніемъ, свѣдѣнія о комъ они считаютъ необходимою принадлежностію курса народныхъ училищъ.

«Предназначенія проекта на счетъ методы нагляднаго обученія подверглись замѣчаніямъ нѣкоторыхъ рецензентовъ, въ томъ числѣ *Бокъ и Любенъ*, которые, объясняя ближе практическія условія сей методы, предупреждаютъ противъ ошибочнаго ея примѣненія, и доказываютъ необходимость, чтобы она шла совмѣстно съ обученіемъ предметнымъ.

«Относительно времени, свободнаго отъ ученія, нѣкоторые педагоги нашли, что совершенное прекращеніе уроковъ на все время полевыхъ работъ для учениковъ сельскихъ школъ, а также 8-ми недѣльных вакансій для учениковъ городскихъ училищъ, представляютъ слишкомъ продолжительный отдыхъ, сопряженный съ невыгодными послѣдствіями для успѣха въ ученіи. Таково мнѣніе *Шмитца, Кеферштейна, Бокъ, Дистервега, Любена, Пальмера и Рошера*.

«Двое изъ означенныхъ педагоговъ, *Кеферштейнъ и Шмитцъ*, полагаютъ, что слѣдовало бы обусловить окончаніе учебнаго курса болѣе положительными требованіями; по ихъ мнѣнію неопредѣлительность срока въ окончаніи ученія можетъ повести къ хаотическому безпорядку.

«Въ отношеніи къ дисциплинарной сторонѣ, большая часть иностранныхъ рецензентовъ выразила свое несогласіе съ предложеніемъ о совершенной отбѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ народныхъ училищахъ. Они находятъ, что это предположеніе превосходно по мысли, но сомнѣваются въ возможности постановлять правиломъ то, что не исполнено на практикѣ, и возводятъ въ законъ условіе, составляющее дѣло совѣсти. Такимъ образомъ, противъ упоминаемой вѣсы ибры объявили себя частію условно, частію безусловно: *Бокъ, Пальмеръ, Шмитцъ, Кеферштейнъ, Любенъ, Боннель, Дистервегъ, Фогель, Куртманъ, Дитцъ, Шмитцъ, Дедерлейнъ и Ауербагъ*.

«На счетъ заведыванія дѣвичьими школами, *Любке* замѣтилъ, что въ Германіи, гдѣ нѣтъ сего рода заведеній идутъ успѣшнѣе, которыя падаютъ подъ надзоромъ лицъ мужскаго пола, что объясняется сравнительно — большимъ авторитетомъ, коимъ пользуется мужчина передъ женщиною. А *Дистергейс* отозвался: «Die Lehrer sind den Lehrerinnen im Allgemeinen vorzuziehen»; и нѣсколько дальше: «die Direction muss dem Lehrer übertragen werden».

«Кромѣ сихъ замѣчаній, предложено нѣсколько совѣтовъ въ виду обезпеченія прочнаго успѣха въ ходѣ народнаго образованія, какъ-то: чтобы училища, учреждаемые правительствомъ, представляли образецъ достойный подражанія во всѣхъ отношеніяхъ, а чтобы за частными школами былъ установленъ, во возможности, надзоръ для предупрежденія разнаго рода безпорядковъ и злоупотребленій; чтобы министерство обратило все свое вниманіе на составленіе хорошихъ учебниковъ и книгъ для народнаго чтенія; чтобы къ учительскимъ мѣстамъ допускаемы были лица, заслуживающія довѣрія и проч. По этому поводу не оставленъ безъ замѣчанія афоризмъ, служащій однимъ изъ аргументовъ въ пользу предполагаемой ко введенію свободы обученія, и помѣщенный въ концѣ 1-й статьи объяснительной записки къ означенному выше проекту устава. Афоризмъ этотъ, выраженный словами: «лучше учить грамотѣ какъ нибудь, чѣмъ вовсе не учить ей», остановилъ на себѣ вниманіе *Рошера* и *Кеферштейна*. Первый сказалъ: «великая и смѣлая мысль, съ которою я готовъ при одномъ извѣстномъ условіи согласиться совершенно, — условіе, которое, какъ надо надѣяться, существуетъ въ Россіи, — именно, что въ народной жизни, вообще, благія начала и побужденія преобладаютъ надъ злыми». А *Кеферштейнъ*, анализируя смыслъ означеннаго афоризма, отозвался: «это значило бы — лучше учить дурно, чѣмъ вовсе не учить; а такъ какъ дурное ученіе можетъ причинить болѣе вреда, чѣмъ пользы, то мы и не имѣемъ права увлекаться смысломъ выраженной здѣсь мысли».

Г. Танъевъ, сообщая предварительныя свѣдѣнія о данномъ ему порученіи между прочимъ слегка касается слѣдующаго вопроса: можетъ ли принести какую нибудь пользу обсужденіе иностранцами проектовъ учебнаго устройства, предназначеннаго для Россіи? — Онъ говоритъ, что многіе, если не большая часть нашихъ соотечественниковъ, рѣшаютъ этотъ вопросъ отрицательно. «Мнѣніе это, говоритъ г. Танъевъ, основано на томъ, что иностранцы не знаютъ нашего отечества, что имъ слѣдовательно неизвѣстны ни духъ нашего народа, ни его потребности, ни мѣстныя условія различныхъ частей обширнаго русскаго царства, бытъ и состояніе общества со всѣми неисчислимыми изгибами его стремленій, нуждъ, вѣрованій, желаній, словомъ, со всею безконечно разнообразною обстановкою его дѣятельности умственной и наружной, и что носиму не имѣя передъ глазами этихъ нравственныхъ посылокъ, ведущихъ къ опредѣленію мѣръ, которыя

могли бы обусловить нормальное и вполне целесообразное развитіе русскаго общества на поприщѣ просвѣщенія, они не къ состоянію вывести правильнаго заключенія на счетъ достоинства или не достатка предположенныхъ преобразованій. Это возраженіе, — продолжаетъ г. Танъевъ, — столь сильно, что почти не допускаетъ опроверженія въ томъ случаѣ, если придерживаясь буквально смысла поговорки, — что городъ, то норовъ—мы примемъ въ основу, что всякое учрежденіе, какова бы то ни было рода, должно истекать прямо изъ началъ своеобразнаго быта и духа даннаго народа, безъ малѣйшей примѣси того, что представляетъ выводы науки и опыты старшихъ по развитію государствъ. Въ какой степени подобная исключительность оказывается справедливой, предоставляю судить другимъ; но думаю, что министерство не раздѣляетъ этихъ убѣжденій, и полагаетъ скорѣе, что въ подлежащемъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ общественныхъ и государственныхъ вопросахъ, представляются двѣ стороны: одна — болѣе или менѣе общая — подлежитъ общимъ же началамъ, которыя при тождественности нѣкоторыхъ главныхъ условій государственнаго строя, имѣетъ за малыми развѣ исключеніями одинаковое примѣненіе въ одномъ государствѣ, какъ и въ другомъ: тогда какъ другая сторона болѣе частная не подлежитъ правильной односторонней бытовыхъ условій мѣстности и народа. Конечно, не легко провести линію разграниченія между тою и другою стороною. Но врядъ ли есть поводъ къ предположенію безусловному, что иностранцы ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ возможности сказать путнаго слова въ томъ, что касается интересовъ Россіи, хотя бы это относилось до предметовъ близко имъ извѣстныхъ. Ограничивая сей вопросъ собственно въ чертѣ обсуждения учебныхъ предметовъ, въ защиту мысли нашего министерства, можно сослаться на два примѣра. Въ бытность мою въ Гейдельбергѣ въ 1861 году г. Миттермейеръ получалъ проектъ преобразованія высшихъ учебныхъ заведеній, составленный сенаторомъ Матеучи для итальянскаго королевства и переданный Миттермейеру, для обсуждения, самимъ составителемъ по приказанію итальянскаго правительства. Этотъ же самый проектъ сообщенъ былъ съ тою же цѣлію и нѣкоторымъ французскимъ ученымъ, — о чемъ мнѣ говорилъ Гизо въ октябрѣ мѣсяцѣ минувшаго года, вскорѣ послѣ того, какъ проектъ этотъ былъ ему доставленъ. Такимъ же образомъ судя по словамъ Кузена поступило нѣсколько лѣтъ тому назадъ и правительство соединенныхъ американскихъ штатовъ, которое передало составленный имъ проектъ преобразованія учебной системы на обсужденіе французскаго философа».

Какъ ни убѣдительно соображенія, представляемыя г. Танъевымъ, но ими едва ли удовлетворится какойнибудь читатель. Они

слишкомъ общія и неопредѣленны. Съ той стороны своей, съ которой они убѣдительны, они не прибавляютъ ничего къ общему всѣми почти принятому убѣжденію; другія же стороны защищаемаго г. Танъевымъ мнѣнія, нуждающіяся въ защитѣ, остаются беззащитными и при его соображеніяхъ. Вопросъ въ общей своей формѣ, т. е. нужно ли намъ имѣть въ виду мнѣнія иностранцевъ о нѣкоторыхъ предпринимаемыхъ нами преобразованіяхъ, не нуждается въ разрѣшеніи. Мы полагаемъ, что едва ли можно найти образованнаго человѣка, который бы сталъ отрицать эту истину. Но при всякомъ преобразованіи, когда нужно бываетъ взывать мнѣніе о немъ иностранцевъ, весьма важно опредѣлить: что именно нужно дать обсудить иностранцамъ, съ какой стороны дать обсудить, кому изъ иностранцевъ дать обсудить, и даже какихъ странъ иностранцамъ? Для опредѣленія всего этого требуется много ума и знанія, — и здѣсь мнѣнія могутъ быть весьма разнорѣчны. Но только тогда, когда съ умомъ и съ знаніемъ дѣла будетъ опредѣлено, на какіе именно пункты нашъ вопросы нужно вызвать сужденія иностранцевъ, сужденія ихъ и могутъ принести намъ пользу. Въ противномъ случаѣ, размыкаясь разнообразіемъ предметовъ въ предложенномъ имъ дѣлѣ, иностранцы будутъ давать намъ указанія въ такихъ предметахъ, которые мы знаемъ лучше ихъ самихъ, или высказывать общія мѣста и сентенціи часто совершенно не въ помядъ, компрессируя только самихъ себя.

Нѣчто подобное случилось и съ многими педагогами при разсмотрѣніи или нашего устава народныхъ училищъ.

Возьмемъ, напримѣръ, отзывъ Боннеля, сдѣланный имъ при разсмотрѣніи опредѣленія цѣли народныхъ училищъ. Въ опредѣленіи сказано, между прочимъ, что училища имѣютъ цѣлю образованіе народа въ такой степени, чтобы каждый могъ понимать свои права. Какому бы изъ русскихъ педагоговъ или не педагоговъ ни показали мы это опредѣленіе, всякій изъ нихъ сказалъ бы, что подъ правами здѣсь разумѣются тѣ права, которыя изложены въ сводѣ законовъ. Если бы нашелся какой нибудь тонкій педагогъ, который сталъ бы утверждать, что оставить опредѣленіе въ такой редакціи опасно, потому, дескать, что могутъ найтись такіе злонамѣренныя люди, которые, прикрываясь параграфомъ устава, будутъ проповѣдывать другія права, которыхъ уставъ вовсе не разумѣетъ, — то надъ тонкостію такого педагога посиживалось бы и больше нечего. До того у насъ не мыслимо по самому положенію вещей какое нибудь подобное злонамѣренное толкованіе! — Г. Боннелью это именно страшное, не мыслимое у насъ злоупотребленіе устава: прежде всего и бросается въ глаза. Очевидно, что г. Боннель живетъ въ другомъ воздухѣ, совершенно не похожемъ на нашъ, и видаеть люди, которыхъ мы не только не ви-

дали, но которые считаемъ вовсе невозможными у себя! Но что всего забавнѣе, такъ это то, что г. Боннель боится, чтобы въ нашихъ народныхъ училищахъ не стали подъ прикрытіемъ устава преподавать мальчикамъ основныя права (Grundrechte). Г. Боннель не подозреваетъ, что у насъ ничего подобнаго нѣтъ даже въ среднихъ, даже въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ такомъ же родѣ сдѣланы замѣчанія объ опредѣленіи дѣли училищъ г. Фогелемъ и Ауербахомъ. Замѣчанія ихъ забавны, — и больше ничего.

Объ автономіи училищъ нѣкоторые педагоги сдѣлали—одни такое замѣчаніе, что она неудобна въ видахъ пользы самихъ училищъ, но не умѣяю обществъ и учредителей поставить дѣло, — что, скажемъ мы мимоходомъ, замѣчено все по *ad hoc*, т. е., не на предметъ, ибо съ даруемой автономіей училищамъ вовсе не отказывается въ наставленіяхъ тѣмъ обществамъ и учредителямъ, которыя изъявили бы желаніе ими пользоваться, — другіе, что со стороны теоріи предоставленіе автономіи врядъ ли можетъ встрѣтить возраженіе, но что въ практическомъ отношеніи опытъ обнаружитъ непремѣнно многія неудобства даруемаго проектомъ произвола. Мы не знаемъ, какой проектъ устава читали иностранныя педагоги; что касается до опубликованнаго во всеобщее свѣдѣніе, то въ немъ автономія обществъ и учредителямъ предоставлена почти только въ матеріальныхъ издержкахъ по училищу. Забавнѣе всего по предмету автономіи отзывъ Дистервега: «автономія обществъ въ отношеніи школъ, говоритъ онъ, весьма хорошее дѣло, но также весьма хорошее дѣло и наблюденіе и вынѣмательство особенно при нынѣшнемъ *Renitenz*, то есть злонаправленномъ направленіи и даже противодѣйствіи!» Что сказать объ этомъ отзывѣ кромѣ того, что Дистервегъ не знаетъ ни Россіи, ни состоянія дѣлъ въ ней положительно ни въ какомъ отношеніи!

Такимъ же незнаніемъ Россіи отличаются замѣчанія иностранныхъ педагоговъ, сдѣланныя относительно сокращенія сроковъ націоннаго времени, относительно обусловленія учебнаго курса болѣе положительными требованіями.

Остальныя замѣчанія иностранныхъ педагоговъ представляютъ собою или общія мѣста, или спорныя проблемныя современной педагогикѣ, или вовсе не заслуживаютъ никакого вниманія.

Не можемъ не отмѣтить здѣсь любопытнаго курьеза. Многіе иностранныя педагоги, и все лица важныя и извѣстныя, хотя и чуждыя, горой стоятъ за розгу въ дѣлѣ образованія. Считаемъ нужнымъ поименовать этихъ сочувственныхъ намъ, россиянамъ, людей. Они суть: 1) *Бокъ*—директоръ мюнстербергской учительской семинаріи, авторъ руководства къ мюнстербергской книгѣ для широкатаго чтенія *Wegweiser*; 2) *Пальмеръ*—профессоръ въ Тюбингенѣ, авторъ педагогики, катехе-

тики и многихъ другихъ сочиненій; 3) *Шмиггъ*—директоръ гимназій въ Вейльбургѣ; извѣстенъ, между прочимъ, знаніемъ русскаго языка и дѣятельнымъ своимъ участіемъ по устройству учебной части въ нассаускомъ герцогствѣ; 4) *Кеферштейнъ* — учитель въ дрезденскомъ коммерческомъ училищѣ; авторъ писемъ «Pädagogische Briefe»; 5) *Любенъ* — директоръ учительской семинаріи въ Бремсѣ; издатель журнала Pädagogischer Jahresbericht; 6) *Боннель* — директоръ вердерской семинаріи въ Берлинѣ, составитель многихъ учебныхъ руководствъ, издатель журнала «Berliner Blätter für Schule und Erziehung»; 7) *Дистервегъ* — бывший директоръ учительской семинаріи въ Берлинѣ, авторъ многихъ учебныхъ руководствъ и педагогическихъ сочиненій; 8) *Фогель* — бывший директоръ 1-й и 2-й высшихъ гражданскихъ школъ и реального училища въ Лейпцигѣ; 9) *Куртманъ* — директоръ педагогической гимназій въ Фридбергѣ, извѣстенъ между прочимъ разработкою сочиненія Шварца Lehrbuch der Erziehung und des Unterrichts; 10) *Дитцъ* — директоръ реальной гимназій въ Плауенѣ, издатель педагогическаго отдѣла журнала, Jahrbücher für Philologie und Pädagogik; авторъ многихъ учебныхъ руководствъ; 11) *Шмидъ* — директоръ гимназій въ Штутгартѣ, издатель лексикографическаго сочиненія «Encyclopédie des gesammten Erziehungs-und Unterrichtswesens»; 12) *Дедерлейнъ* — профессоръ въ Эрлангенѣ; истолкователь древнихъ классиковъ, авторъ «латинской синонимики» и многихъ въ особомъ томѣ изданныхъ академическихъ рѣчей педагогическаго содержанія; 13) *Дурбахъ*—извѣстный писатель.

Эхъ, господа иностранные педагоги! Плохо знаете вы Россію! Если бы уставъ золотыми буквами напечаталъ въ одномъ изъ своихъ параграфовъ, что розги употреблять не слѣдуетъ, если бы всѣ вы—не то, что въ числѣ 13, а общимъ собраніемъ, всѣхъ педагоговъ Европы порѣшили, что розга не служитъ къ открытію смысла отрокомъ, и тогда мы не отказались бы отъ сего мѣропріятія при ученіи отроковъ. Ибо для насъ, россиянь,

Розги вѣтви съ древа знанія!
Наказанья идеаль!
Въ силу предковъ завѣщанія
Родовой нашъ капиталъ!

Мы до школы и учителей,
Чуть ходя на помочахъ,
Изъ честной руки родителей
Познавали Божій страхъ.

И съ весною нашей розовой
Изъ начальническихъ рукъ
Глубкой, свѣжею, березовой
Намъ привили плодъ наукъ.

И потому, чтобъ просвѣщеніемъ
Мы не сдѣлались горды,
Въ жизни отческимъ сѣченіемъ
Насъ спасали отъ бѣды.

НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

ГОРЬКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ О ЖИЗНИ И РАЗЛИЧНЫХЪ ЕЯ ПРОЯВЛЕНІЯХЪ ВЪ ОБЩЕСТВѢ. — ДОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО ПРИХОДИТЬ ВЪ ОТЧАЯНІЕ НИ ВЪ КАКОМЪ СЛУЧАѢ НЕ СЛѢДУЕТЪ. — ДОБРЫЕ ЛЮДИ. — ПОДВИГИ РУССКИХЪ ГУЛЯЩИХЪ ЛЮДЕЙ ЗА ГРАНИЦЕЙ. — ГДѢ ИСТОЧНИКЪ ЭТИХЪ ПОДВИГОВЪ И КТО ГЕРОИ ИХЪ. — СКВЕРНЫЙ АНКЕДОТЪ СЪ ДВУМА РУССКИМИ ДАШАМИ ВЪ СТОЛИЦѢ ЦИВИЛИЗОВАННАГО МИРА.

Кислое время, кислая жизнь. Сидишь себѣ въ кабинетѣ, слѣдишь за журналами и газетами и спрашиваешь себя: да куда же она дѣвалась, эта жизнь? Остановилась она или просачивается гдѣ нибудь, просачивается, быть можетъ, безвѣстно гдѣ нибудь и близко насъ, какъ просачиваются въ болотѣ ключи, изъ которыхъ потомъ образуется хорошая, веселая и многоводная рѣчка...

Но прежде, нежели разрѣшить вопросъ, остановилась ли жизнь, или гдѣ нибудь она скрывается, но все-таки работаетъ свою безкомечную работу, необходимо объяснить себѣ, о какой именно жизни мы говоримъ и существовала ли когда нибудь для насъ эта жизнь.

Жизнь проявляется въ обществѣ въ двойной формѣ. Есть жизнь всѣми признанная, пролагающая свое ложе открыто, совершенствующая себя на глазахъ всѣхъ, и есть жизнь не признанная, но ищущая этого признанія неотступно, жизнь темная, погруженная въ подземную работу и цѣною величайшихъ жертвъ и усилій подготавливающая матеріалъ для жизни признанной. Цело-

женіе первой очень удобное: просто, хоть не умирай. Пути себѣ она прокладываетъ по усмотрѣнію, совершенствуется не торопясь и тоже по усмотрѣнію, однимъ словомъ, устраиваетъ свой комфортъ, какъ ей хочется. Для нея собственно даже и въ путяхъ—то новыхъ нѣтъ надобности, потому что она свое ложе уже облюбовала и разлилась въ немъ со всѣми удобствами; потому что неудобства, происходящія отъ старыхъ, рутинныхъ путей, которымъ она слѣдуетъ, падаютъ всею своею тяжестью не на нее, жизнь веселую и спокойно текущую, а на другую, на ту, которая все стучится и достучаться не можетъ, на ту, которая работаетъ да работаетъ себѣ за кулисами. И потому эта веселая, мирно текущая жизнь, всеконечно, и удовлетворилась бы, и успокоилась бы, и уснула бы, еслибъ съ одной стороны въ ней самой не ощущалась нѣкоторая потребность обновленія, и еслибъ, съ другой стороны, тайная, закулисная жизнь не подталкивала ее, не выбрасывала изъ себя на поверхность новыхъ матеріаловъ, которыхъ не возможно проглотить не разжевавши, ибо подавишься.

Первое, т. е. потребность обновленія, я толкую себѣ такимъ образомъ. Предположимъ, читатель, что мы съ вами... ну, что бы? ну, предположимъ, что мы откупщики (но прежнему сохраненію это высшее мѣрило благополучія). Народу мы спаваемъ множество, и казны можемъ тратить несчетное число; есть у насъ и на англійской набережной палаццо, и въ Москвѣ русская изба въ испанскомъ вкусѣ; есть у насъ и ѣда прекрасная, и шейло пьяное, и одежды золоткамья — чѣмъ бы, казалось, не жить? Роскошествуй себѣ дома, спавай народъ, выписывай изъ Парижа лоретокъ и совершенствуй свой домашній комфортъ, — вотъ все, къ чему обязывается это извѣженное дитя полугара: кто же бы не захотѣлъ себѣ такой жизни, и кто же, получивши ее, пожелалъ бы изъ нея выдти? Но, увы! какъ ни сладко подобное существованіе, а одно оно не удовлетворяетъ. На это есть множество совершенно убѣдительныхъ причинъ.

Укажу на двѣ главнѣйшія:

Первая причина заключается въ томъ, что человекъ, какой бы онъ ни былъ, не довольствуется однообразными ощущеніями. Вотъ, по видимому, онъ и смѣлъ и пьянъ, и нахался и нахѣлся — слава Богу, пора бы и спать! однако нѣтъ: есть нѣчто такое, что говоритъ ему о другого рода наслажденіяхъ; изъ груди его вырывается стонъ, въ воображеніи проносится всѣмъ этѣмъ будуще-

намъ, въ одну форму вылитыя физиономіи Сивунниковыхъ, Лампурдосовъ, Йоселей и пр. и о, вей миръ... какъ ему дѣлается тоскливо и тошно! И вотъ онъ вздыхаетъ, онъ дѣлается сантименталенъ, какъ институтка (откупщикъ-то!), онъ садится у окна и любитъ на луну. Все его занимаетъ въ эту минуту: и то, есть ли на лунѣ жители, и то, что на луну то и дѣло набѣгаютъ облака, одни почти прозрачныя, словно дымъ, другія плотныя. Что такое луна? Неужели и тамъ живутъ мужички, неужели и тамъ заведены откупщики? Нѣтъ, если ужъ существуютъ на лунѣ жители, то она должны ходить въ бѣлыхъ платьицахъ и съ серебряными крылышками. Потому что, вѣдь согласитесь сами, нельзя же, чтобы нигдѣ не было отбоя отъ Шлемовъ и Бестіонаки, нельзя же, чтобы эти законопротивныя физиономіи преслѣдовали и въ семь и въ будущемъ мирѣ! Почему, нельзя—онъ этого не объясняетъ себѣ, но въ эту минуту ему положительно кажется, что есть какой-то другой миръ, вовсе не похожій на тотъ исполненный любострастныхъ паровъ, въ которомъ онъ живетъ постоянно. И вотъ душа его мало по малу растворяется; отъ луны его мысль переходитъ къ туману, нависшему надъ рѣкой: въ этомъ туманѣ рисуются легкія, воздушныя видѣнія; отъ тумана переходитъ къ рѣкѣ, отъ рѣки къ тѣмъ убогимъ, Богомъ хранимымъ хижинамъ, которые видѣются вдали—и отовсюду-то дышетъ на него какою-то непривычною свѣжестью, со всѣкъ-то сторонъ заливаютъ его сердце новыя ощущенія!... Однимъ словомъ, нѣтъ того заскорумлага, огнепостояннаго откупщика, который, по временамъ, не дѣлался бы самою мечтательною институткой, котораго сердце не поддавалось бы самымъ ребяческимъ впечатлѣніямъ. Если разсуждать хладнокровно, то для насъ съ вами (не забудьте, что мы откупщики) такія порыванія въ область невѣстнаго, не имѣющаго ничего общаго съ нашею обычною дѣйствительностью, очень невыгодны, потому что каждый шагъ, который мы дѣлаемъ, чтобы выйти изъ нашей раковины, вносить въ нашу дѣятельность бесполезныя и растлѣвающіе элементы, дѣлаетъ насъ менѣе устойчивыми и не столь способными къ систематическому спаванью мужичковъ, но въ томъ-то и дѣло, что эти порыванья рождаются въ насъ помимо насъ самихъ, и что овладѣть ими мы столь же мало властны, какъ и овладѣть всякими другими, менѣе сложными потребностями нашего человѣческаго организма.

Но, независимо отъ этого фаталистическаго условія нашей жи-

ни, есть и вторая причина, препятствующая намъ, откупщикамъ, слишкомъ исключительно замыкаться въ тѣхъ дѣйствительныхъ сферахъ, гдѣ заключается наше благополучіе. Причина эта заключается въ томъ, что мы очень ужъ разбаловались, что наши обычные (высшія) наслажденія уязвляютъ насъ недостаточно. Душою намъ въ нашихъ дворцахъ и русскихъ избахъ на испанскій манеръ, не веселятъ взоровъ картины, изображающія нагихъ женщинъ, не ласкаютъ вкуса ни прянымъ яства, ни пыльными нитями: все хочется чего-то такого, чтобы, такъ сказать, душу на сторону своротило, ротъ обметало, грудь покрыло ссадинами, поясницу отшибло. Гдѣ искать такихъ пріятностей? гдѣ, какъ не въ тѣхъ необычныхъ (нижнихъ) наслажденіяхъ, которыя свойственны такъ называемымъ курьезнымъ дѣтямъ? И вотъ мы прикидываемся мужичками, начинаемъ обывать всѣхъ братцами, насильственно врываемся въ непріятную намъ жизненную колею... Все это мы производимъ единственно изъ одного баловства, изъ того только, что вотъ скучно пить чай въ палатко, отправимтесь-ка сегодня съ самоваромъ въ рощу! между тѣмъ это обстоятельство незамѣтно вноситъ въ нашу жизнь пагубное начало и приближаетъ къ ней чуждыя ей стихіи, которыя, по всѣмъ указаніямъ разсудка, слѣдовало бы держать какъ можно въ большемъ отдаленіи.

Вотъ видите ли, читатель, какъ все происходитъ естественно и какъ мы, откупщики, сами того не подозревая, немаленьку отравляемъ свою жизнь. По видимому, эта жизнь течетъ спокойно, весело и обезпеченно, однакожь мы все чего-то боимся; насъ ежеминутно тревожитъ вопросъ: а что, если веселое содержание жизни исчерпается, а что, если она утонетъ въ мелочахъ, изотрется въ своемъ собственномъ веселомъ ничтожествѣ! И вотъ, чтобы этого не случилось, чтобы намъ не сѣсть печально на мель и навсегда обезпечить свое будущее отъ угрожающей ему пустоты, мы начинаемъ думать объ обновленіи и, какъ люди предусмотрительные, разумѣется, начинаемъ думать тогда, когда отъ прежняго нашего великолѣпія остаются уже одни скорлупы.

Я полагаю, что этого примѣра совершенно достаточно, чтобы объяснить, какимъ образомъ происходитъ процессъ обновленія даже въ тѣхъ сферахъ жизни, которыя сами по себѣ никакой необходимости въ обновленіи не чувствуютъ. А такъ какъ я именно объ этой-то жизни и говорю (почему только объ

этой, объяснено будетъ ниже), то посмотритъ теперь, существовала ли у насъ такая жизнь, а, если существовала, то почему намъ кажется иногда, будто она остановилась.

Абъ шесть тому назадъ началось у насъ какое-то движеніе, которое многіе умы пренесло на гордыню великою, многія сердца заставило трепетать радостью необычною. Откуда шло это движеніе, что оно въ себѣ содержало, чѣмъ обуславливалось, куда направлялось — объ этомъ мы не спрашивали себя; мы видѣли только, что нѣчто шевелилось... Какъ оказалось впоследствии, это было движеніе мелочей и подробностей, но кто же знаетъ? быть можетъ, именно этотъ-то мелочной характеръ обновленія и составлялъ тайную причину нашей радости; но крайней мѣрѣ, такъ можно догадываться изъ того, что къ этому движенію симпатически относились не только тѣ, которые, подобно г. Громекъ, предварительно раздѣливши всѣ движенія на неподозрительныя и подозрительныя, отдаются первымъ со всею пламенностью, а послѣдними не увлекаются, по и тѣ, которые на всякаго рода движенія поглядываютъ вообще неблагоприятно. Въ немъ именно то и удобно было, что оно ничего не подкапывало, а только украшало. Вопросы представлялись не въ системѣ, а въ разбивку, не въ видѣ органическихъ отдѣленій, которыхъ не принять къ разсмотрѣнію и не разрѣшить нельзя, а въ видѣ отрывочныхъ тезисовъ, которые можно принять или не принять къ свѣдѣнію — ни отъ того, ни отъ другаго бѣды не будетъ. Понятно, что на первыхъ порахъ, всякій самый маленькій смертный смѣшалъ заявить, что и у него нѣтъ на примѣтѣ маленькій вопросецъ, который, въ числѣ прочихъ маленькихъ вопросцевъ, своимъ разрѣшеніемъ весь этотъ вертоградъ утвердить и украсить можетъ, и что такимъ образомъ вопросовъ должно было вдругъ накопиться множество.

Да, это было хорошее время; это было время поголовныхъ свѣшныхъ радостей. Угрюмый крѣпостникъ выходилъ изъ своей угрюмости въ надеждѣ, что его ждетъ впереди вопросъ объ устройствѣ поземельнаго кредита, обѣщаннаго В. П. Безобразовымъ, и что этотъ вопросъ спасетъ его; обиженный полиціей забывалъ нанесенную ему обиду во имя того, что вотъ еще потерпѣть немножко, и все пойдетъ какъ по маслу; а тамъ примутся за суды, а тамъ войдутъ школы, пути сообщенія, развитіе промышленности... «Въ какую сторону ни обернешя, на какой предметъ ни направимъ взоры, говорили мы, вездѣ возникаютъ и

развиваются передъ нами въ даль неизмѣримую ряды вопросовъ; всадъ надежды на богатую когда-то жатву изъ бросаемыхъ теперь въ землю сѣмянъ»...

И вдругъ мгновенно взбаламутившаяся поверхность общества столь же мгновенно сдѣлалась ровною и гладкою, какъ зеркало; но видимому, возможность ставить вопросы не прекратилась, но видимому, они и ставятся отъ времени до времени, а общество ни гугу, словно оцѣпенѣло, словно обуюлось преднамѣреннымъ, озорною безчувственностью. Значить ли это, что общество шесть лѣтъ тому назадъ жалко? значить ли, что оно до такой степени неустойчиво, что не можетъ вынести даже такого короткаго періода жизни, что оно равнодушно и малопринзательно, потому что мертво?

Нѣтъ, это просто значить, что шесть лѣтъ тому назадъ, точно такъ же, какъ и теперь, наше общество, относительно жизни, пребывало совершенно въ одинаковомъ положеніи, что оно не имѣетъ даже права сказать, что жизнь остановилась, потому что ея въ строгомъ смыслѣ и не было. Споры, когда они оканчиваются только спорами, крики, когда они имѣютъ въ виду только производство криковъ — все это искусство для искусства, все это не что иное, какъ особенный родъ одинокаго самоуслажденія, которое не имѣетъ другаго результата, кромѣ бесплоднаго истощенія силъ. Я говорю цѣлый день, я спорю и выхожу изъ себя, но вотъ день кончился, я запираюсь дома и ложусь спать. Прошелъ мнимый день и унесъ за собою мнимую дѣятельность... изъ-за чего тутъ хлопотать? изъ-за чего напрягать свои силы?

Вопросъ разрѣшается просто: до тѣхъ поръ, пока я заблуждался, пока думалъ, что есть какое-то дѣло, касающееся меня лично, я увлекался этимъ дѣломъ, я бесѣдовалъ объ немъ съ пріятелями и старался, на сколько это отъ меня зависѣло, расширить сферу этого дѣла, захватить посредствомъ его какъ можно больше жизненныхъ вопросовъ; но какъ скоро я убѣдился, что дѣйствую въ пустотѣ, что дѣятельность моя не выходитъ за предѣлы разговоровъ съ пріятелями, что мы не только не доходимъ до какого либо практическаго результата, но даже спорить между собой не можемъ, что мы бесплодно сходимся и столь же бесплодно расходимся, я разочаровался и сдѣлался чужденъ къ «развертывающимся въ неизмѣримую даль рядамъ вопросовъ». И если теперешнее мое разочарованіе доказываетъ отсутствіе жизни, то и недавнія очарованія мои отнюдь не доказывали присутствія ея.

Да, это явление почти невѣроятное.

Но если спросить меня, что я предпочитаю: теперешнее ли общество, погруженное въ совершенное равнодушіе къ обѣщаніямъ жизни, ни о чемъ не мечтающее, ни къ чему тревожно не стремящееся, или недавнее русское общество, исполненное любострастно-идиллическихъ мечтаній о внезапномъ водвореніи правды на землѣ и стремившееся возродиться посредствомъ искорененія чиновническихъ злоупотребленій, то я не обинуясь отдамъ предпочтеніе первому. Есть что-то умиротворяющее въ этомъ спокойствіи; глаза слипаются сами собою, въ ухахъ раздается расслабляющій звонъ. Точно вотъ плывешь по широкой рѣкѣ, и вдругъ выбиваешься изъ силъ: мало по малу начинаютъ захлестывать волны, сознание постепенно ослабѣваетъ, и хотя руки и ноги еще работаютъ, но эта работа есть только послѣднее усиліе остывающей жизни; еще минута — и эти послѣднія усилія прекратятся, наступитъ спокойствіе... Хорошо это спокойствіе и само по себѣ, но въ особенности оно хорошо тѣмъ, что издали кажется чѣмъ-то гордымъ; какъ будто бы человѣкъ говоритъ: вы не думайте, чтобъ я не могъ бороться, а вотъ могу, да не хочу...

Тѣмъ не менѣе, я долженъ оговориться, что это дѣло моего личнаго вкуса, если я отдаю предпочтеніе разочарованію передъ очарованіемъ, равнодушію передъ увлеченіями. Есть другіе, которые, напротивъ того, утверждаютъ, что шесть дѣтъ тому назадъ все-таки жилось веселѣе. Какъ ни мелки были вопросы, говорятъ они, какъ ни поверхностно мы за нихъ принимались, какъ ни мизерны были добываемые ими результаты, а все же нѣчто было. Былъ шумъ, былъ говоръ, была суетня. Все равно, какъ мельница, на которую давно помольцы не везутъ никакого мелева, и которой хозяинъ думаетъ: а ну-ко, пушу я снасть, пускай себѣ ходить жерновъ и безъ мелева! И вотъ пошелъ стучать жерновъ, пошло ходить колесо; окрестность становится какъ-то веселѣе, кругомъ раздается шумъ и стукъ, какъ будто кто-то хлопочетъ, какъ будто что-то живетъ... А кому охота спрашиваться, что тутъ дѣлается? Напротивъ того, всякій думаетъ: куда хорошо въ такомъ мѣстѣ пожить; и рѣчка таково сладко журчитъ, и меденка медеть—все какъ будто не одинъ, а на людяхъ!

Вотъ какъ говорятъ защитники нашего начинавшагося молодого возрожденія, и я долженъ сознаться, что, съ точки зрѣнія мельницы, въ этомъ разсужденіи есть своя доля справедливости. Тѣмъ не менѣе оно отнюдь не подрываетъ моей мысли объ отсут-

ствіи жизни, ибо работа жернова, мелющаго безъ мелева, есть все-таки работа праздная. Подобная работа все равно, что театральная декорация: унесутъ, и нѣтъ ея; былъ гѣсъ, — на мѣсто гѣса комната, на мѣсто комнаты адъ — все это дѣло балетмейстерской фантазіи. Но не надобно, однакожь, упускать при этомъ изъ вида одно важное обстоятельство: декорации, отъ частаго употребленія, линяютъ и приходятъ въ негодность; жернова, отъ безпрестаннаго тренія, измалываются и требуютъ перемѣны. Хорошо, коли есть неистощимый запасъ новыхъ жернововъ, посредствомъ которыхъ можно безъ конца поддѣлываться подъ жизнь, но худо, коли этого запаса нѣтъ, да притомъ еще, какъ на грѣхъ, вдругъ и взаправду подоспѣтъ настоящее, не картонное мелево...

Что такого неистощимаго запаса нѣтъ, это доказываетъ тѣмъ, что жернова перестали стучать сами собой, безъ всякой принудительной причины, а вслѣдъ за жерновами

...умолкли ручейки
И улеглись стада...

Даже такая сильная литературная мельница, какъ «Русскій Вѣстникъ» — и та перестала размалывать вопросы въ родѣ вопроса о китайскихъ ассигнаціяхъ, и та предпочла малое, негорчительное бездѣлье заманчивой, но ни къ чему не ведущей рѣзвости.

Я знаю многихъ изъ ратоборцевъ того веселаго времени, и съ удовольствіемъ долженъ сказать, что они сами весьма мало огорчались словесною засухою, наступившею послѣ недавнихъ проливныхъ дождей. «Мон cher! говорятъ они мнѣ, неужели же вы когданибудь могли подумать, что мы ратоборствовали серьезно? Нѣтъ, мы хотѣли только доказать, что способны къ ратоборству, и какъ скоро убѣдили въ этомъ кого слѣдуетъ, то умолкли». Слыша такія слова, я прихожу къ заключенію, что всѣ эти ратоборцы были просто благонамѣренные люди, всегда любившіе отечество, но не имѣвшіе средствъ помѣстить надлежащимъ образомъ эту любовь на служебномъ поприщѣ. Весьма естественно, что это ихъ огорчало; но весьма естественно и то, что они старались заявить объ этомъ огорченіи, — не въ формѣ огорченія, конечно (это было бы ужъ слишкомъ наивно!) — а въ формѣ дозволенныхъ словесныхъ упражненій на никогда не старѣющую тему о любви къ отечеству. Устроивши это самымъ ловкимъ и

незамѣтнымъ образомъ, они получили соответствующія по службѣ повышенія и, само собой разумѣется, предпочитаютъ теперь крѣпкое, практическое дѣло, имѣющее корни въ прошедшемъ, («токмо коренью» и т. д. см. эпитафю къ «Русской Бесѣдѣ») всевозможнымъ словоизверженіямъ рѣзвой юности.

Не могу не одобрить такого образа дѣйствія, прежде всего потому, что и съ точки зрѣнія національности онъ безукоризненъ. Вообще наша исторія представляетъ мало примѣровъ геройства и самоотверженія. Только Мстиславъ Удалой когда-то поревновалъ въ пользу земли русской, да Мининъ... да и тотъ не принадлежалъ къ такъ называемому «обществу» (на языкѣ славянофиловъ «société»), а былъ простой мѣщанинъ. Но въ большинствѣ случаевъ, предпринимая какое нибудь дѣло, мы прежде всего умильно посматриваемъ на печку, и какъ только влѣземъ на нее, такъ тотчасъ и начинаемъ говорить: «трудно! да, трудно! вотъ я и самъ, шол счег, какъ внизу-то стоялъ, такъ думалъ, что оно легко, а теперь вижу, что точно...» И пойдутъ это у насъ умныя рѣчи о томъ, какъ оно легко критиковать да охуждать, и какъ, напротивъ того, трудно организовать и приводить къ наилучшему концу. Ну, да и ништо намъ! благо, до печки-то дорвались!

Такимъ образомъ, и съ національной точки зрѣнія дѣлается яснымъ, что то, что мы принимали за признакъ пробужденія жизни, въ сущности заключало въ себѣ не болѣе, какъ похвальныя усилія нѣкоторыхъ благонамѣренныхъ личностей, наскучившихъ служебнымъ застоємъ и пожелавшихъ, при помощи примѣрныхъ турнировъ, получить соответствующія ихъ способностямъ повышенія. Однимъ словомъ, тутъ шла рѣчь не о пробужденіи, не о торжествѣ идеи, а о томъ, что не слишкомъ ли засидѣлся на своемъ мѣстѣ Максимъ Максимычъ (доказывалось, что не только «слишкомъ», но даже и самое мѣсто прогналъ), и не пора ли, дескать, его сверзить, а на его мѣсто засѣсть самимъ...

Все это такъ просто, такъ просто, что даже моя добрая знакомая, мадамъ Антонова, долгое время взиравшая на поднимающуюся у насъ словесную суматоху съ нѣкоторымъ остолбенѣніемъ, — и та, наконецъ, поняла, и, понявши, воскликнула: «ну да, ну да! вотъ это хорошо! вотъ на это я согласна!»

Но если жизнь признанная заявляетъ себя вяло, если въ ней прогрессъ является результатомъ случайнаго, механическаго на-

ростанія, которое может продолжаться, но может и прекратиться, если, вслѣдствіе такой своей обстановки, эта жизнь утрачиваетъ свои права на значеніе руководящей силы, то должна же быть гдѣ нибудь другая сила, другая жизнь, которая не нашивается такъ скоро созрѣвшихъ въ ея нѣдрахъ запросовъ, но, напротивъ того, съ неумолимою логикой проводить ихъ до конца.

Да, эта сила есть; но какъ поименовать ее такимъ образомъ, чтобы читатель не ошетинился, не назвалъ меня волтеріанцемъ или другимъ браннымъ именемъ, и не заподозрилъ въ утопизмѣ? Успокойся, читатель! я не назову этой силы, а просто сошлюсь только на правительственную реформу, совершившуюся 19 февраля 1861 года. Надѣюсь, что это не утопизмъ.

Вникните въ смыслъ этой реформы, взвѣсьте ея подробности, припомните обстановку, среди которой она совершилась, и вы убѣдитесь: во первыхъ, что, не смотря на всю заботность и безвѣстность, одна только эта сила и произвела всю реформу, и во вторыхъ, что, не смотря на неблагоприятныя условія, она успѣла положить на реформу неизгладимое клеймо свое, успѣла найти себѣ поборниковъ даже въ сферѣ ей чуждой.

Это та самая сила, которая ничего не начинаетъ безъ толку и безъ нужды, это та сила, которая всякое начинаніе свое дѣлаетъ плодотворнымъ, претворяетъ въ плоть и кровь. Ревновали Владиміры Мономахи, ревновали Мстиславы, Ярославы, Иоанны Грозные и негрозные, склеивали, подмазывали, подглаживали, подстраивали — и все-таки оно разлеталось врозь, все-таки оно при первомъ же случаѣ оказывалось дряблымъ и несостоятельнымъ («что такое это оно?» спросить читатель. — А я почему знаю! отвѣчаю я). А вотъ поревновалъ однажды Кузьма Мининъ Сухорукъ, — и сдѣлалъ. Неужели же это Мининъ сдѣлалъ? И какъ онъ сюда попалъ? Какъ не затонулъ въ общей засасывающей пучинѣ? Нѣтъ, это не Мининъ сдѣлалъ, а сдѣлала сила, которая выбросила его изъ пучины, выбросила не спросивъ никого, выбросила потому, что бываютъ такія минуты въ исторіи, что самыя неизмѣримыя хляби разверзаются сами собой.

Я знаю, читатель, что ты думаешь. Ты думаешь, что я вотъ вотъ сейчасъ начну говорить о польскомъ вопросѣ, который занимаетъ теперъ всѣ умы. Ты ошябаешься, однакожъ; я не стану говорить о польскомъ вопросѣ, во первыхъ, потому, что онъ нисколько не относится къ предмету моей настоящей хроники;

во вторыхъ, потому, что я относительно этого вопроса питаю тѣ же самыя чувства, какія въ настоящее время краснорѣчиво выражаются всѣмъ русскимъ населеніемъ

Отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды...

и слѣдовательно, если ты хочешь знать мои чувства, то можешь прочесть ихъ въ каждомъ номерѣ петербургскихъ и московскихъ газетъ; въ третьихъ, наконецъ, потому что польскій вопросъ специально разрабатывается редакціей «Московскихъ Вѣдомостей», и я, не имѣя возможности стать выше этой благонамѣренной корпораціи, взявшей на себя скромную обязанность разговаривать отъ лица всего русскаго народа, не желаю, однакъ, по самолюбію, стать ниже ея.

И такъ, я о польскомъ вопросѣ не буду бесѣдовать, потому что претензіи мои гораздо скромнѣе. Претензіи эти ограничиваются желаніемъ внушить тебѣ, читатель, что если ты задумываешь что нибудь въ родѣ возрожденія, то долженъ обращаться за матеріалами не къ наемнымъ болтунамъ, которые сначала окатятъ ливнемъ пустыхъ рѣчей и кончатъ все-таки тѣмъ, что вытащатъ изъ твоего кармана платокъ, а въ то мѣсто, гдѣ таковыя матеріалы дѣйствительно обрѣтаться могутъ. И съ этою цѣлью, я возобновилъ въ твоей памяти 1612 годъ и современную намъ крестьянскую реформу.

Часто мы думаемъ, что этой силы совсѣмъ нѣтъ, на томъ только основаніи, что она рѣдко и сдержанно проявляетъ себя. Подъ вліяніемъ этого обмана чувствъ, мы иногда заходимъ очень далеко, до того далеко, что не признаемъ никакой исторіи, кромѣ виѣшней, не допускаемъ никакого прогресса, кромѣ виѣшняго. Въ этомъ смыслѣ грѣшатъ даже такіе привилегированные народолюбцы, какими представляютъ себя, напримѣръ, славянофилы. Не были ли мы, напримѣръ, весьма недавно свидѣтелями сѣтованій «Дня» по поводу гг. Арцимовича, Купріянова и Барановскаго? Не приходила ли эта газета въ отчаяніе отъ того, что эти достойные администраторы были отторгнуты отъ родныхъ стадъ, не успѣвъ довершить начатаго? А вѣдь «День» откровенно чурается виѣшной исторіи, виѣшняго прогресса, а вѣдь «День» то и дѣло взываетъ, что общество мертво, что оно отъ чего-то оторвалось!

Конечно, со стороны «Дня» это не болѣе, какъ легкая неполнѣдность, потому что будь онъ строго логиченъ, для него

было бы совершенно все равно, какія имена носятъ участники внѣшней исторіи и каковы ихъ качества, но когда сообразишь, до какой степени понятіе о полнѣйшей зависимости нашей жизни отъ чего-то внѣшняго, случайнаго сдѣлалось ходячимъ, до какой степени оно впилося въ насъ, становится страшно. Невольно спрашиваешь себя: а что, если и въ самомъ дѣлѣ правда, что справедливость существовала въ судахъ не потому, что ей слѣдуетъ тамъ жить вслѣдствіе естественнаго хода вещей, а потому, что ее насильственно загонялъ туда NN? А что, если и дѣйствительно правда, что крестьянскій вопросъ могъ бы и не быть крестьянскимъ вопросомъ, еслибъ за симъ не наблюлъ NN? Согласитесь, что за этими вопросами открывается какая-то мрачная, никѣмъ не сознаваемая сторона, въ силу которой распорядителемъ судебъ цѣлаго края является не твердый оплотъ общественнаго строя, а колеблющаяся, слѣпая случайность.

Я признаюсь однако, что увлечся было возможно и позволительно, потому что всѣ факты внѣшней жизни постоянно говорили въ пользу внѣшней исторіи. Конечно, всякому, и не разъ, случалось встрѣчаться на своемъ вѣку съ рассказами объ администраторахъ дѣятельныхъ и объ администраторахъ не дѣятельныхъ, объ администраторахъ просвѣщенныхъ и объ администраторахъ, не обладающихъ ни замѣчательными способностями ума, ни значительнымъ запасомъ познаній. Первые устроятъ всякіе порядки и разливаютъ свѣтъ, вторые — устроенные порядки разстроиваютъ и разлитый свѣтъ прогоняютъ посредствомъ исходящей отъ нихъ тьмы. Допускается даже нѣкоторое невинное хвастовство въ этомъ смыслѣ; одинъ администраторъ говоритъ, что у него дороги очень хороши, другой утверждаетъ, что у него дороги не такъ чтобы очень гладки, за то почтовыхъ лошадей въ порядкѣ, третій заявляетъ, что у него все вообще довольно плохо, только вотъ заведеніями приказа общественнаго призрѣнія онъ хоть кому угодно носъ утретъ. И все это оказывалось справедливымъ, по крайней мѣрѣ, по наглядности, и всѣмъ этимъ мы увлекались и, расписывая на всѣ лады днюшрабмы внѣшней исторіи, совершенно искренно забывали, что пишется гдѣ-то другая исторія, исторія своеобразная, не связанная съ внѣшней даже механически. Эта исторія пишется втихомолку и неярко; она не представляетъ собой сплошнаго рапорта о благосостояніи и преуспѣяніи, но, напротивъ того, не чужда скромнаго сознанія безсилія, скромныхъ сѣтованій объ ошибкахъ и

неудачахъ; содержаніе ея раскрывается передъ нами туго и скорѣе поражаетъ горькимъ абсентизмомъ и унылымъ воздержаніемъ, нежели промѣнами дѣятельной силы; но тѣмъ не менѣе, и эта вынужденная скромность, и это насильственное воздержаніе не могли безвозвратно загнать ее въ ту пучину безвѣстности, куда, рано или поздно, должна кануть исторія внѣшняя, со всѣмъ ея мишурнымъ блескомъ, со всѣмъ театральнымъ громомъ.

Что эта внутренняя, бытовая исторія существуетъ—въ томъ опять—таки служить порукой недавняя крестьянская реформа, на которую я уже указывалъ выше. Извѣстно, что еще очень недавно, самая мысль объ освобожденіи крестьянъ казалась дикою и преслѣдовалась, какъ угрожающая общественному спокойствію. Казалось бы, что торжество такой мысли, которую все стремилось изгнать не только изъ жизни, но и изъ самаго народнаго представленія, должно было бы произвести въ народѣ переполохъ, должно было бы встрѣтить его не приготовленнымъ, однако оказалось совсѣмъ напротивъ. Реформа не только привилась съ разу, но съ разу же оказалась заключающею въ себѣ зерно дальнѣйшаго развитія и усовершенствованій. Теперь крѣпостное право представляется почти въ такой же степени отдаленнымъ, такъ и погромъ Батыевъ. И точно такое же явленіе произойдетъ и относительно другихъ реформъ, по поводу которыхъ мы загода тужимъ и соболѣзуемъ: не привьются дескать онѣ, не привьются къ нашему грубому народу.

Поэтому, мы, которые думаемъ, что родникъ жизни иссякъ, что творческая сила ея прекратилась, мы думаемъ и судимъ поверхностно. Мы принимаемъ за жизнь то, что собственно заключаетъ въ себѣ лишь призракъ жизни, и забываемъ, что есть жизнь иная, которая одна въ силахъ искупить наше безсиліе, которая одна можетъ спасти насъ. Это сила не анархическая, а устроительная, и потому для всѣхъ равно симпатичная. Въ «Смутное время» русскіе города пересылались и списывались между собою, но у какого же историка поднимется рука, чтобы назвать это движеніе анархическимъ? Вотъ къ этой—то силѣ мы должны обращаться и помнить, что какова бы ни была дѣятельность, но если она ищетъ себѣ опору индѣ, то эта дѣятельность пройдетъ мимо, каковы бы ни были ея намѣренія. Заботьтесь сколько угодно о насажденіи правды на землѣ — эта правда не оцѣнится и не признается; допусайте, съ другой стороны, всякую не-

правду, всякую обиду—это будетъ явленіе горькое, но оно вынесется; оно вынесется, какъ выносится моровое повѣтріе. Тутъ не можетъ быть рѣчи даже о томъ, что хорошо и что худо: къ хорошему бытовая исторія отнесется точно такъ же равнодушно, какъ и къ худому.

И такъ, не станемъ приходить въ отчаянье, а будемъ вѣрить. Жизнь не останавливается и не изсякаетъ. Если горькимъ насильствомъ не суждено ей проявиться непосредственно, она просочится сквозь тѣ честныя сердца, которыя воспримутъ съѣмъ ея и сторпцею возвратятъ ей посвянное.

Что добрые люди украшаютъ общество и слабриваютъ жизнь человѣческую — это истина, которую еще задолго до г. Львова, автора извѣстной комедіи «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей», изрекла мудрость народная. Истинно добрый человѣкъ добръ безразлично; онъ сыплеть благодѣянiями на-право и на-лѣво; онъ стремится подать помощь даже тамъ, гдѣ этой помощи совсѣмъ не требуется; онъ отыскиваетъ страданiя даже тамъ, гдѣ таковыхъ совсѣмъ не обрѣтается. Изъ этихъ словъ, читатель, пожалуй, заключить, что описываемый нами «добрый человѣкъ» не столько добрый человѣкъ, сколько надоѣдало — оно такъ и есть; но такова уже природа добраго человѣка, что если вы ему даже въ глаза скажете, чтобъ онъ не приставалъ и не благодѣтельствовалъ, онъ этимъ не обидится, и приставать не перестанетъ. Онъ все будетъ стремиться, все будетъ подавать руку помощи и отыскивать страданiя. И въ концѣ концовъ добьется-таки своего, то есть того, что вы привыкнете къ его пристава-нiямъ, что вы станете смотрѣть на него, какъ на домашняго чело-вѣка, и наконецъ, махнувъ на все рукой, скажете: да, чортъ возьми! N. N. дѣйствительно добрый человѣкъ!

И повѣрьте, что заключеніе ваше отнюдь не будетъ опромет-чиво, потому что и въ самомъ дѣлѣ безъ добрыхъ людей невозможно жить на свѣтѣ. Это только съ перваго взгляда, кажется, будто они надоѣдаютъ, но если вы вникните въ дѣло ближе, если вы звѣсите тѣ тысячи мелкихъ, незамѣтныхъ услугъ, которыя на каждомъ шагѣ оказываются добрыми людьми, то поймете, что только по милости ихъ жизнь ваша устраиается спо-койно и не выбивается изъ колеи неожиданными сюрпризами. Кто уничтожаетъ клоповъ, таракановъ и другихъ насѣкомыхъ, отравляющихъ человѣческое существованіе? — добрые люди.

Кто изобрѣтаетъ мази для рожденія волосъ? кто исцѣляетъ зубныя боли? — добрые люди! Вездѣ и всегда они являются домашними гонимыми человѣка, чѣмъ-то въ родѣ стараго халата, съ которымъ до того свыкаешься, что только въ немъ и чувствуешь себя удобно и ловко.

Въ особенности завидную роль играютъ добрые люди въ русскомъ мірѣ. Мы съ гордостью можемъ сказать, что у нашей жизни почти нѣтъ другихъ руководящихъ правилъ, кромѣ правилъ добросердечія. Пронгрываете вы, напримѣръ, какое нибудь дѣло — навѣрное вы можете сыскать добраго человѣка, который вамъ то дѣло поправитъ и направитъ; пронгрываете это же самое дѣло вашъ противникъ — и онъ навѣрное найдетъ добраго человѣка, который то дѣло поправитъ. Такъ оно и идетъ колесомъ.

Но само собою разумѣется, что всего ошутительнѣе сказывается существованіе «добрыхъ людей» для того, кому какъ нибудь случится прошиграться. Ужь чего-чего не передумаетъ этотъ человѣкъ: и законы-то всѣ припомнить, и вину-то свою по ниточкѣ переберетъ... бѣда! Анъ нѣтъ, совсѣмъ не бѣда; явится добрый человѣкъ и скажетъ: а простить сему человѣку его продерзаети! — что жъ, и простить!

Поэтому, добрыми людьми не только не слѣдуетъ пренебрегать, но, напротивъ того, надлежитъ всемирно стараться о ихъ размноженіи. Въ сферѣ ли административной, или въ сферѣ литературной, спереди ли, сзади ли, съ боковъ ли — добрые люди ни гдѣ не вредны. Если добросердечіе ихъ порой надобливо, если эта надобливость вызываетъ въ васъ нетерпѣніе, — вы можете не стѣсняться и высказывать ваши чувства безъ утайки: добрые люди будутъ только улыбаться да приговаривать: «эхъ ты, горячая, горячая голова! куда бы ты безъ насъ поспѣлъ!» но добрыми быть не перестанутъ. Тѣмъ-то и хороши и удобны эти люди, что ужъ очень они не злопамятны.

Признаемся откровенно, до сихъ поръ мы причисляли г. Громеку именно къ этому сонму добрыхъ людей, которыми красна человѣческая жизнь, и не мало утѣшались этимъ. Мы думали: если насъ постигнетъ какое нибудь несчастіе, то мы пожалуемся г. Громеку (*); а онъ съ своей стороны постарается. До сихъ

(*) Мы считаемъ возможнымъ назвать г. Громеку, потому что онъ неоднократно былъ печатно объявляемъ, какъ редакторъ «Современной хроники Россіи», о которой теперь и идетъ рѣчь.

портъ оно такъ и было; въ прошломъ году съ нами случился совершенно неожиданный сюрпризъ, и хотя мы даже не жаловались г. Громеку, но онъ старался. Мы были такъ чувствительны къ этимъ стараніямъ, что даже опасались за здоровье нашего доброжелателя и вслѣдствіе того просили его стараться не столь усердно. Скажемъ болѣе: до сихъ портъ, мы мажлонны были видѣть въ г. Громеку тайнаго сторонника «Современника». Мы думали: этотъ человекъ, хоть и журитъ насъ до прошенамъ, но онъ насъ любитъ. Если онъ ворчитъ и брюзжитъ на насъ часто безъ дѣла, то это объясняется отчасти его зрѣлыми лѣтами, отчасти страстнымъ желаніемъ быть намъ полезнымъ. Но онъ все-таки не станетъ добиваться нашей гибели, уже по той простой причинѣ, что если мы погибнемъ, то ему нѣкого будетъ ни увѣщевать, ни усовершенствовать.

Тѣмъ прискорбнѣе намъ было увидѣть изъ «Современной хроники Россіи», помѣщенной въ 3 № «Отечественныхъ Записокъ» за сей годъ, что г. Громека совсѣмъ не такой добрый, какими мы себя представляли его. Мы думали, что къ нему можно было обращаться со всею откровенностію, что ему можно повѣрять и радость и горе, что онъ выслушаетъ, сначала, конечно, поборнить, а подь конецъ все-таки утѣшить... Оказывается, что онъ совсѣмъ напротивъ: выслушать-то выслушаетъ, да тутъ же и запримѣтитъ, и не только не утѣшитъ человека въ горести, но напаче потчнется таковую отравить.

Полные мысли о добромъ къ намъ расположеніи г. Громеки, мы радостно принялись за чтеніе мартовской «Современной хроники Россіи». Да и какъ было не радоваться! Одинъ перечень содержанія, такъ сказать, захватываетъ дыханіе. Чего-чего тутъ нѣтъ: и усобица въ литературѣ, и обвиненіе общества въ томъ, что оно само ставитъ препятствія къ развитію нашей политической печати (?), и нѣчто объ отрицательномъ направленіи, и нѣчто о ложномъ либерализмѣ... Но, само собою разумѣется, что для насъ была всего пріятнѣе слѣдующая фраза перечня: «какъ относятся къ правительству истинно независимые люди и журналы, такіе, на примѣръ, какъ г. Уиковскій и редакція «Современника». Шутка сказать — «независимый журналъ!» — Какая можетъ быть похвала выше этой! И въ чемъ же независимый — въ отношеніяхъ къ правительству! Давѣд тутъ голова закружится отъ восторга! Вѣдь это почти что одобренный цензурою грубіянь! Согласитесь, что такая похвала сразитъ хоть кого.

Тѣмъ не менѣе, мы должны сознаться, что всѣ эти розы скрывали за собой змѣя, не столько ужаснаго по впечатлѣнію, нмъ на насъ произведенному, сколько по ядовитымъ своимъ на-мѣреаніямъ, и что если, въ концѣ концовъ, г. Громека не накур-нилъ насъ горчицею, то это произошло совсѣмъ не отъ того, что онъ этого не хотѣлъ, но отъ того, что вообще кормить сво-его ближняго тѣмъ бы то ни было, если сей послѣдній того не желаетъ, дѣло довольно мудреное.

Мы сказали выше, что г. Громека обвиняетъ общество и ли-тературу въ недостатокъ энергическаго стремленія къ свободѣ мысли. На чемъ онъ основываетъ свои обвиненія, — формулиро-вать довольно трудно; но видимо, однако, все дѣло сводится на недостатокъ въ обществѣ элементовъ сочувствія и восторженности. Но мы не ставимъ г. Громека въ вину, что это запутанное дѣло имъ не разъясняется, потому что очень хорошо понимаемъ, что подоб-ныя разъясненія не всегда возможны; однако намъ казалось бы, что при такой невозможности опредѣлительно высказать дѣйствитель-ныя причины общественной апатіи, всего прямѣе было бы молчать объ нихъ, а не подыскивать причины второстепенныя, и при томъ едва ли не фальшивыя. Общество молчитъ, литература погрязаетъ въ личныхъ дрязгахъ и мелочахъ — все это, быть можетъ, и правда, но гдѣ же причина такого явленія? Потому ли молчитъ общество, что оно молчитъ, потому ли погрязаетъ въ мелочахъ литература, что она погрязаетъ въ нихъ? Мы думаемъ, что это не совсѣмъ такъ, хотя г. Громека и стремится увѣрить насъ, что это именно такъ, какъ онъ объясняетъ.

Г. Громека начинаетъ издадека — съ польскихъ дѣлъ. Онъ огорчается тѣмъ, что русскіе журналы, за исключеніемъ «Рус-скаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей», относятся къ этому вопросу молчаливо; онъ говоритъ, что если бы журналы наши имѣли возможность высказываться, то, по всей вѣроятности, мнѣнія ихъ не представили бы существенной разницы съ мнѣ-ніями «Русскаго Вѣстника». Размышленія, которыя дѣлаетъ по сему предмету г. Громека, могутъ служить образцомъ невред-ныхъ размышленій о различныхъ случайно встрѣчающихся по пути предметахъ, размышленій, которыхъ первообразъ далъ намъ бессмертный Гоголь въ лицѣ Кифы Мокіевича. Въ самомъ дѣлѣ, странное дѣло: литература молчитъ, общество не выработало себѣ никакой самостоятельности, а какой нибудь въ скорбяхъ зародившійся «Русскій Вѣстникъ» разглагольствуетъ, а какія

нибудя сиклофантствомъ повитыя «Московскія Вѣдомости» надрываются, и хоть отъ этой натуги распространяется по Россіи не совсѣмъ хорошій ароматъ, однако ароматъ какъ будто самостоятельный, или по крайней мѣрѣ, прикидывающійся таковымъ! Что за чудо! Да развѣ «Русскій Вѣстникъ» и «Московскія Вѣдомости» не принадлежать къ русской литературѣ? Нѣтъ, принадлежать, ибо печатаются на русскомъ языкѣ и издаются съ одобренія цензуры. А если принадлежать, то, стало быть, не вся же литература безмолвствуетъ, не вся же она лишена самостоятельности, но есть два органа (незавѣстно, почему г. Громека не прибавилъ къ нимъ еще двухъ, трехъ, которые дѣйствуютъ, по малой мѣрѣ, столь же самостоятельно), которые завоевали себѣ право разглагольствованія и собственными средствами приобрѣли для себя несокрушимую позицію. Почему же, спрашивается, прочіе литературные органы не слѣдуютъ имъ примѣру? Вотъ этого-то г. Громека и не объясняетъ. Мы съ своей стороны думаемъ, что это происходитъ просто отъ того, что не все же вдругъ; потерите, г. Громека! вѣдь подобная самостоятельность не всѣми приобретается одинаково легко!.. Но, быть можетъ, нашъ публицистъ хотѣлъ сказать, что самостоятельность «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей» не есть настоящая самостоятельность—не тогда, какая же надобность подражать ей? А быть можетъ, онъ хотѣлъ сказать, что эта-то самостоятельность и есть истинная, то почему же онъ самъ не подражаетъ ей, или подражаетъ только отчасти? Мы очень хорошо понимаемъ то чувство, которое заставляетъ васъ говорить, что безмолвіе русской литературы есть вещь очень прискорбная, но покажите же примѣръ, г. Громека, покажите примѣръ! Мы посмотримъ, надлежитъ ли слѣдовать вашему примѣру, а покажемъ еще ничего заслуживающаго подражанія въ вашихъ полусловахъ и полудумахъ для себя не видимъ.

Переходя отъ одного случайнаго предмета къ другому, или, лучше сказать, перелетая съ одного цвѣтка на другой; г. Громека съ удовольствіемъ отдыхаетъ на томъ недавнемъ времени, (по лѣтосчисленію публициста, года четыре тому назадъ), когда «каждый спѣшилъ, не разбирая званія (въ смыслѣ литературныхъ партій), подсобить дружескому натиску общественнаго мнѣнія». Мы съ своей стороны тоже отдыхаемъ на этомъ времени, и если не удивляемся и не скорбимъ по поводу его недолговѣчности, то потому только, что, въ глазахъ нашихъ, эта недолговѣч

кость есть фактъ совершившійся и, слѣдовательно имѣющій свои законныя причины. Если было время, когда каждый спѣшилъ;— стало быть, была надобность спѣшить; если это время скоро прошло—стало, быть, или надобность была только кажущаяся, или же спѣшить больше некуда. О чемъ тутъ скорбѣть? о чемъ бесѣдовать?

Г. Громека находитъ болѣе удобнымъ объяснить эту скоротечность посредствомъ «бомбы отрицанія». По свидѣтельству его, четыре года назадъ, кто-то кого-то атаковалъ, и вдругъ, въ самый разгаръ горячаго дѣла, «посреди атакующихъ и атакованныхъ, со свистомъ и шумомъ, упала бомба отрицанія». Въ противоположность всякаго рода другимъ бомбамъ, бьющимъ и разрушающимъ безъ размысленій, эта бомба начинена извѣстною «философией». Какъ и все на свѣтѣ, эта «философія» имѣетъ свою хорошую и свою дурную сторону; хорошая сторона заключается въ томъ, что она «многихъ заставила подвергнуть операціонному ножу критики все свое внутреннее содержаніе», вслѣдствіе чего «иные не выдержали операціи и сдали въ архивъ, другіе вышли съ надломленными и раздраженными силами, остальные окрѣпли, закалились и снова готовы въ честный бой»; дурная сторона заключается въ томъ, что бомба отрицанія внесла междуусобіе въ ряды осаждающихъ, и что, воспользовавшись этимъ, «осажденные возводили укрѣпленіе за укрѣпленіемъ». Все это написано очень хорошимъ слогомъ, и со всѣмъ этимъ можно было бы даже согласиться, еслибъ начертанная г. Громекою картина не была выдумана имъ изъ головы и не представляла собой опыта невиннаго порханія по цѣвтамъ краснорѣчія. Во первыхъ, г. Громека упускаетъ изъ вида, что такъ называемые «осажденные» совсѣмъ не были до такой степени беззащитны, какъ онъ ихъ изображаетъ, что имъ даже не было надобности «возводить укрѣпленіе за укрѣпленіемъ», потому что сіи укрѣпленія были у нихъ всегда на лицо. Во вторыхъ, краснорѣчивый публицистъ совершенно произвольно представляетъ это дѣло въ видѣ осады: никакой осады тутъ не было. Представленіе объ осадѣ предполагаетъ двѣ враждующія стороны: одну—слабую, которая, въ крайности рѣшается запереться въ крѣпости и терпѣть всѣ ужасы лишения (вотъ видите ли, и мы умѣемъ быть въ свое время краснорѣчивыми!), и другую—сильную, которая уже довела своего врага до послѣдняго убѣжища, оцѣпила его со всѣхъ сторонъ и за тѣмъ со дня на день ожидаетъ окончательнаго его уничтоженія. Но

никто изъ выражающихъ безъ увлеченій на дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, конечно, не станетъ отрицать, что оно происходило совершенно на оборотъ, и что вообще объяснять подобныя явленія посредствомъ военныхъ эволюцій—задача мудреная, невозможная, именно потому невозможная, что если при помощи такихъ уподобленій многое объясняется, то, взаимно того, многое и затемняется. Что если напр., мы, слѣдуя по стопамъ г. Громеки, скажемъ, что въ этомъ дѣлѣ совсѣмъ не было ни осажденныхъ, ни осаждающихъ, а были только дозволяющіе и держающіе? Вѣдь какъ хотите, а наше уподобленіе тоже можетъ кое-что объяснить, тѣмъ болѣе объяснить, что въ примѣрѣ г. Громеки многое представляется почти непостижимымъ. Съ какой стати сила изображается слабостью? По какому поводу сила позволяетъ осаждать себя? Для того, чтобы, чтобы имѣть удовольствіе сказать самой себѣ: посмотрю—дескать я, какъ эти лиллипуты будутъ надрываться и выходить изъ себя? Нѣтъ, воля ваша, а тутъ есть что-то невѣрное, и невѣрность эта именно отъ того и происходитъ, что г. Громека, вмѣсто того, чтобы сказать прямо: «послѣ крымской компаніи, когда» и т. д., предпочелъ прибѣгнуть къ цитатамъ краснорѣчія. Еслибъ онъ не обратился къ этому милому способу писанія исторіи, то непременно пришелъ бы къ заключенію, что всякое жизненное явленіе имѣетъ свою внутреннюю неумолимую логику, которая не можетъ заставить его высказаться иначе, чѣмъ такъ, какъ оно высказывается по естественному своему ходу. Въ третьихъ, наконецъ, чтожъ это, въ самомъ дѣлѣ, за бомба такая, которая все своихъ да своихъ бьетъ, которая, сама по себѣ «предохраняя отъ застоя, напрягая силы, освобождая отъ негодныхъ къ дальнѣйшему употребленію матеріаловъ», все-таки способствуетъ лишь тому, что враждебная сила возводитъ укрѣпленіе за укрѣпленіемъ? Воля ваша, а тутъ или бессмыслица, или совершенное непониманіе дѣла, о которомъ мы взялись говорить.

Въ сущности, дѣло происходило гораздо проще. Направленіе, которое, на живописномъ нашемъ языкѣ, вы называете, «бомбой отрицанія», приходило вовсе не во имя одного отрицанія, но имѣло въ виду достиженіе результатовъ весьма положительныхъ. Понятіе, что это направленіе есть сила оплевательная, осмѣятельная и разрушительная, вѣдь такое понятіе могутъ, не краснѣя, распускать только московскіе публицисты, во первыхъ потому, что оно представляетъ этимъ простодушнымъ людямъ случай высказывать

самостоятельную преданность, а во вторыхъ потому, что они, играя на эту тему, имѣютъ превосходный поводъ выражать во всеуслышаніе преданную самостоятельность. Но вѣдь вы не шексовскій публицистъ, г. Громека (да, мы охотно признаемъ за вами это бомбо-отрицательное качество), и вамъ не можетъ быть безвѣстно, что всѣ эти обвиненія въ отрицаніи для отрицанія не болѣе, какъ слова, слова и слова. Вы это знаете точно такъ же, какъ и то, что всѣ этѣ игры въ осажденныхъ и осаждающихъ, которыми вы придаете такой вѣсъ, не болѣе, какъ игры примѣрныя, кончающіяся просто ударомъ звонка, возвѣщающаго, что рекреация кончилась и что пора идти въ классъ. Ежели бы это было иначе, неужели же тутъ могли бы имѣть такую рѣшительную силу какія-то «бомбы отрицанія»? Еслибы та жизнь, о которой вы вспоминаете со вздохами, не скользила по поверхности дѣла, а порывалась въ самую глубь его, еслибы она убивалась не надъ фестончиками и мелочами, а надъ самою сущностью, какой смыслъ имѣло бы отрицаніе, да и кто бы соблазнился имъ? Вспомните бывшіе въ сороковыхъ годахъ толки о художественности, подъ покровомъ которыхъ тогдашнее поколѣніе стремилось провести неясную мысль о чемъ-то другомъ, — чѣмъ кончились эти толки, что произвели они? Они произвели гг. Каткова, Леонтьева и Павлова, они кончились тѣмъ, что явились люди, которые нашли для себя полезнымъ оставить покровъ и эскамотировать его содержаніе. Отъ чего такой обидный результатъ? А отъ того и обидный, что во всѣхъ этихъ толкахъ не было настоящаго дѣла, что это послѣднее прицѣплялось къ толкамъ случайно и даже затемнялось ими. Но въ этихъ толкахъ, какъ они ни были запутаны, все-таки было больше содержанія и дѣльности, нежели въ той незабвенной болтовнѣ о чиновничьихъ злоупотребленіяхъ и разныхъ сближеніяхъ, о которыхъ вы вздыхаете. По какому же поводу вы называете безплоднымъ то направленіе, которое, насколько могло, уяснило истинный смыслъ этой болтовни, которое, среди общей ребяческой траты силъ, смѣло выразило мысль, что человѣческія силы должны быть употребляемы болѣе производительнымъ образомъ? Нѣтъ, вы или не поняли того, что называете «бомбой отрицанія», или умышленно искажаете смыслъ этого явленія.

Мы собственно желали бы, чтобъ г. Громека «не понималъ»; но, къ сожалѣнію, нѣкоторые признаки заставляютъ думать, что онъ именно умышленно искажалъ смыслъ явленія, почему-то ему

не симпатичнаго. Однажды ставъ на эту точку, онъ пошелъ очень далеко въ дѣлѣ искаженій, и, быть можетъ, незамѣтно для себя самаго, дошелъ до намековъ весьма не полезныхъ.

Самый ловкій способъ набросить тѣнь сомнѣнія на своего литературнаго или политическаго противника заключается въ томъ, чтобы отыскать въ его убѣжденіяхъ или образахъ дѣйствія противорѣчія. Какой характеръ и гдѣ источникъ этихъ противорѣчій, объ этомъ благоразумно умалчивается, потому что, если бы не умолчать объ этомъ, то пришлось бы измѣнить самый характеръ полемики, сдѣлать ее не столько «ловкою», сколько «справдивою». Но, при извѣстныхъ полемическихъ цѣляхъ, правдивость, очевидно, не идетъ къ дѣлу; тутъ нужна ловкость, и только ловкость, потому что она одна удовлетворяетъ цѣли.

Г. Громека, столько разъ за насъ заступавшійся, помимо нашего желанія, счелъ долгомъ вновь заступиться въ послѣдней мартовской книжкѣ «Отеч. Записокъ». Хотя это заступничество начинается нѣсколько прискучивать, однако ужь если у г. Громеки такое доброе сердце, если онъ безъ слезъ ни о чемъ говорить не можетъ, то отчего же ему и неудовлетворить этой невинной затѣй? На этотъ разъ заступничество написано на мотивъ, что хотя «Современникъ» и независимый журналъ, но и онъ отдаетъ справедливость правительству. На этомъ, покаместъ, мы и остановимся.

Прежде всего представляется вопросъ, до какой степени позволительно ставить дѣло на такую почву, какъ сочувствіе или несочувствіе къ правительству. Какія данныя могутъ дать право разсуждать объ этомъ? И возможно ли предположить, чтобы «Современникъ» или всякій другой журналъ не питалъ сочувствія къ правительству не только въ тѣхъ случаяхъ, когда это послѣднее слѣдуетъ разумнымъ путемъ прогресса, но даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ оно и не предпринимало никакихъ реформъ и прямо стояло на той бомбо-отрицательной позиціи, о которой съ такимъ одушевленіемъ проповѣдуетъ краснорѣчивый, но неосновательный публицистъ? Г. Громека пойметъ всю важность этихъ вопросовъ и, конечно, не сочтетъ излишнимъ разрѣшить ихъ, потому что, въ противномъ случаѣ, его похвалы «Современнику» могутъ быть приняты за инсинуацію.

А что, впредь до разъясненія, этѣ похвалы положительно имѣютъ характеръ инсинуаціи, — это доказывается всѣми рассу-

деніями, которыя непосредственно слѣдуютъ за похвалами. Извѣстите видѣть, дѣло идетъ о томъ, что, не смотря на общее сочувствіе всѣхъ журналовъ правительству (въ томъ числѣ и «Современника»), выискиваются однакоже изверги, которые льстятъ молодому поколѣнію, внушаютъ ему понятіе о недостаточности слова и необходимости дѣла, что молодежь отъ этого дурѣетъ, забирается въ непроходимыя дебри и, не имѣя ни компаса, ни компаса, гибнетъ. Кто жь эти изверги?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ явствуетъ изъ заключительныхъ словъ этой диковинной діагрибы. Вотъ они:

«Итакъ, молодежь жертвуетъ собой, честно выполняетъ долгъ самопожертвованія, какъ до сихъ поръ его понимала. Ну, а мы журнальные либералы и прогрессисты всѣхъ отгѣнковъ, честно ли мы поступаемъ, что не хотимъ пожертвовать своимъ мелочнымъ самолюбіемъ для спасенія молодыхъ силъ, бесплодно гибнущихъ предъ нашими глазами? Честно ли будетъ вводить молодежь въ дальнѣйшее заблужденіе насчетъ нашего взгляда на дѣло и продолжать до прежнему играть въ полуслова и загадки, да забавляться тѣмъ, кто кого переговаривать въ горѣлки либерализма? Честно ли намъ, журналистамъ, единогласно убѣжденнымъ, что для удовлетворенія нашей жажды къ дѣлу «достаточно было бы и половины начатыхъ правительствомъ реформъ», — честно ли намъ допускать молодежь одиноко умирать отъ этой жажды и не сказать, гдѣ можно утолить ея? Молодежь не боится идти въ рудники, а мы боимся сказать ей правду; молодежь жертвуетъ свободою и жизнію, а мы не хотимъ пожертвовать для нея репутацией передовыхъ публицистовъ... О, какъ легко говорить и писать о самопожертвованіи, и какъ трудно выполнять самому написанное! Сколько мы толковали о томъ, что «слово» не есть еще «дѣло»; но вотъ теперь событія настойчиво требуютъ отъ насъ дѣла — самого простаго дѣла, а мы стоимъ въ нерѣшимости и съ досады перебраниваемся другъ съ другомъ... Вокругъ насъ раздаются вопли осиротѣлыхъ матерей и сестеръ, а мы подчумемъ ихъ подогрѣтыми разсужденіями о томъ, что такое женщина и чего она вправе отъ насъ требовать. Предъ нашими глазами юноши, полные жизни, сотнями плетутся по владиміръкѣ, чтобы безслѣдно завлунуть въ сибѣгахъ Сибири, — а мы, снѣжкою покушавъ у Палкина, утѣшаемъ свою совѣсть тѣмъ, что эти жертвы — неизбежное явленіе во время поднимающейся волны событій. Для всѣхъ насъ очевидно, что всякое дальнѣйшее недоразумѣніе только хуже обезсилитъ насъ, что пора положить ему конецъ, а мы продолжаемъ тавуть старую пѣсню о нагилстахъ и постепенвахъ, о томъ, кто изъ нихъ честнѣе и передовѣе. О, вели-

кія свѣтила нашей публицистики! О, прославленные либералы и прогрессисты, постепеновцы и нигилисты, если вы, въ самомъ дѣлѣ, такъ честны и пылаете самопожертвованіемъ, то покажите же намъ вашу честность и ваше самопожертвованіе! Если вы дѣйствительно любите свободу больше себя и своей мшурной слявы, то перестаньте, съ одной стороны, раздражать юношество ругательствомъ, а съ другой, сбивать его съ толку похвалями; если для васъ ничего не значатъ слезы и отчаяніе отцовъ и матерей, которые, въ качествѣ представителей отживающаго поколѣнія, конечно, не заслуживаютъ вашего участія, то, по крайней мѣрѣ, подумайте о томъ, какое слово благодарности скажетъ вамъ грядущее поколѣніе, когда оно узнаетъ, какъ безплодно гибли въ вашихъ глазахъ лучшія силы общества, какъ постепенно ослабѣвала отъ того общая энергія, и какъ много страдаю отъ этого дѣло свободы, вѣренное историческими судьбами вашему попеченію. Если вы хотите участвовать въ ходѣ политическихъ событій, хотите дѣйствовать, то выходите на практическую дорогу и помните, что политика имѣетъ дѣло только съ дѣйствительностью и почерпаетъ силу только въ наличныхъ средствахъ и обстоятельствахъ. Если же хотите оставаться исключительно органами журнальных кружковъ, то догнитывайте себя спокойно въ вашемъ омутѣ личныхъ дрызгъ и не претендуйте на званіе передовыхъ людей...

Читая эти строки, не вѣришь глазамъ, не знаешь, чему болѣе удивляться: любвеобильности ли г-на Громеки, или той ловкости, съ которою онъ владѣетъ своимъ оружіемъ. Думаемъ, однакожъ, что здѣсь болѣе ловкости, нежели любвеобильности. Это бываетъ. Люди слезливые вообще раздражительны; они любятъ благодѣтельствовать, но любятъ также, чтобъ ихъ благодѣянія принимались безотговорочно и съ благодарностью. Если это послѣднее условіе не выполняется, они столь же внезапно обуреваются ненавистью, сколь внезапно, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, обуревались любвеобильностью. Для насъ эти переходы понятны, потому что мы знаемъ, что здѣсь идетъ дѣло совсѣмъ не объ томъ, чтобъ оказать услугу ближнему, а о томъ, чтобъ изпомѣстить свою собственную чувствительность, чтобы налюбоваться всласть самимъ собою, и потихоньку самому себѣ сказать: «ахъ! да какой же я, въ самомъ дѣлѣ, распрекрасный человѣкъ!» Но если уже человѣкъ однажды составилъ о себѣ такое варварское понятіе, то можно ли допустить, чтобъ онъ не возненавидѣлъ всѣми силами любящей души людей, которые препятствуютъ ему наслаждаться

самимъ собою, которые уклоняются отъ его благодѣяній, во первыхъ потому, что не видятъ въ нихъ никакой для себя привлекательности, и во вторыхъ потому, что очень хорошо понимаютъ ихъ источникъ? Нѣтъ, нельзя, потому что въ этомъ случаѣ уязвляется все, что питало и украшало человѣческую жизнь, потому что тутъ уничтожается то, что составляло содержаніе этой жизни, которая такимъ образомъ и приводится къ нулю. Подобно этимъ слезливымъ людямъ, г. Громека долженъ ощущать глубокое недоброхотство къ «Современнику», которое онъ тщетно скрываетъ подъ видомъ доброжелательства. Въ самомъ дѣлѣ, сколько онъ разъ протягивалъ руку — а эта рука такъ-таки и оставалась повисшею въ воздухѣ! Сколько разъ онъ начиналъ соболѣзновать и ходатайствовать — и всѣ эти соболѣзнованія и ходатайства такъ-таки и не дошли по адресу, т. е. по тому адресу, по которому мысленно г. Громека писалъ свои чувствительныя посланія! Это обидно. Что вся эта діатриба направлена именно противъ «Современника», это доказывается во первыхъ ссылкой на слова, сказанныя въ нашемъ журналѣ, во вторыхъ тѣмъ, что во всѣхъ этихъ разглагольствованіяхъ повторяются тѣ же тускляя понятія, которыя многіе благожелатели постоянно высказывали о направленіи «Современника». Самое худшее въ этомъ то, что г-нъ Громека не называетъ насъ прямо, а дѣйствуетъ, такъ сказать, подъ рукою. Быть можетъ, онъ соблазняется примѣрами прошлогодней тактики и блестящими результатами, ею добытыми? Быть можетъ, онъ хочетъ только пустить въ ходъ мысль, дальнѣйшее развитіе которой предоставляетъ другимъ?

Мы охотно избавляемъ г. Громеку отъ тяжелой роли секретно наблюдающаго за нашимъ журналомъ публициста и предоставляемъ ему наблюдать открыто. Мы принимаемъ его вызовъ и съ удовольствіемъ готовы отвѣчать на его обвиненія, но для этого было бы желательно, чтобъ онъ формулировалъ ихъ опредѣлительнѣе. Мы не сомнѣваемся, что наше положеніе, какъ отвѣтчиковъ, не изъято будетъ нѣкоторой затруднительности, но утѣшаемся тою мыслью, что положеніе, въ которое поставилъ себя добровольно самъ г. Громека, будетъ еще затруднительнѣе. Это просто, не приведи Богъ, какое положеніе!

И такъ мы просимъ г. Громеку объяснить не стѣсняясь:

1) Кого онъ разумѣетъ подъ тѣми «журнальными либералами и прогрессистами», которые «подчуютъ подогрѣтыми рассу-
ж-

деніями о томъ, что такое женщина и чего она вправе отъ насъ требовать, въ то время, какъ вокругъ насъ раздаются вопли осиротѣлыхъ матерей и сестеръ? Да и въ чемъ именно, т. е. въ какихъ статьяхъ онъ замѣтилъ столь пагубное направленіе?

2) Кто сбиваетъ юношество съ толку похвалами «и посылаетъ его сотнями по владиміркѣ, чтобы безслѣдно завянуть въ снѣгахъ Сибири»? Въ какихъ именно статьяхъ «журнальныхъ либераловъ и прогрессистовъ» замѣтилъ онъ такой ядъ?

Если г. Громека укажетъ на факты, это будетъ, конечно, великая заслуга въ глазахъ всѣхъ благомыслящихъ людей, но если онъ не укажетъ? должно ли будетъ принять его молчаніе въ смыслъ дѣйствительной невозможности сдѣлать просимыя указанія или же опять въ смыслъ снисходительности и доброжелательства къ намъ?

А вы вольнымъ духомъ! не робѣйте!

Сомнѣваюсь, чтобы сатирическое перо могло сыскать для себя сюжетъ болѣе благодарный и болѣе неистощимый, какъ «Русскіе за границей». Тутъ все даетъ пищу, и съ какими бы намѣреніями вы ни приступили къ этому предмету, все будетъ хорошо. Не говоря уже о томъ энергическомъ, беспощадномъ остроуміи, которымъ обладали великіе юмористы, подобныя Фонтъ-Визину и Гоголю, — остроуміи, относящемся къ предмету во имя цѣлаго строя понятій и представленій, противоположныхъ описываемымъ, даже такой незлобивый, невинный сатирикъ, какимъ былъ, напримѣръ, Загоскипъ—и тотъ находилъ возможность относиться къ этому богатому сюжету, если не глубоко, то, по крайней мѣрѣ, искренно и весело. Говорятъ, будто Гоголь имѣлъ намѣреніе изобразить впечатлѣнія русскаго воина старыхъ временъ, путешествующаго за границей; дѣйствительно, трудно себя представить чтонибудь соблазнительнѣе, грандіознѣе подобной темы! Тутъ было цѣлое, стройное міросозерцаніе, не имѣвшее, съ внутренней стороны, строго-человѣческаго характера, по наружнымъ своимъ признакамъ не позволявшее однако же сомнѣваться, что обладатель его принадлежитъ къ человѣческой семьѣ; однимъ словомъ, тутъ было нѣчто такое, что носило на себѣ человѣческій образъ, но мысль имѣла не человѣческую; тутъ въ очію повторялся мнѣ сирены, только на оборотъ, т. е. брался человѣческій хвостъ и приставлялась къ нему рыбаголова. Задача величественная и для сатирическаго пера весьма лестная.

Я не бывалъ за границей, но легко могу вообразить себѣ положеніе россиянина, выползшаго изъ своей скорлупы, чтобы себя показать и людей посмотрѣть. Все-то ему ново, всего-то онъ боится, потому что изъ всѣхъ формъ европейской жизни онъ всецѣло воспринялъ только одну—искусство, не обдирая рта, ѣсть артишоки и глотать устрицы, не проглатывая въ то же время раковинъ. Всякій иностранецъ кажется ему высшимъ организмомъ, который можетъ и мыслить, и выразить свою мысль: передъ каждымъ онъ ежится и трясется, потому что, кто жъ его знаетъ? а вдругъ недоглядишь за собой и сдѣлаешь не вѣсть какое наивѣжество! Въ Россіи онъ ѣхалъ на перекладныхъ и колотилъ по зубамъ ямщиковъ: за границей онъ пересѣлъ въ вагонъ и не знаетъ, какъ и передъ кѣмъ бы взлечь свою благодарную душу. Онъ заигрываетъ съ кондукторомъ и стремится поцаловать его въ плечико (потому что вѣдь извѣстно, у насъ нѣтъ средины: либо въ рыло, либо ручку пожалуйте!); онъ заговариваетъ со своимъ *vis à vis* и все-то удивляется, все-то ахаешь! «Я россиянинъ», следовательно я дуракъ, следовательно отъ меня пахнетъ», говорить вся его съезжившаяся фигура.

— Vous êtes russe, monsieur? спрашиваютъ его.

— Oui-съ; да-съ, бормочетъ сконфуженный россиянинъ.— Ne désirez vous pas du champagne?

И радъ радехонецъ, если предложеніе его принято, ибо тутъ представляется ему случай предпринять цѣлый рядъ растлѣнныхъ рассказовъ о томъ, что Россія — страна антропофаговъ, что въ Россіи нельзя жить, что въ Россіи не имѣется образованнаго общества и проч. и проч. И откуда что полѣзетъ! откуда дьются и юморъ, и игривость, и развязныя манеры! Да назовите самаго заклятаго врага, посулите ему какую угодно награду за то, чтобы изобразить гнусность — никто, ей-Богу, никто не устроитъ этого такъ живо и осязательно, какъ путешествующій, ради бездѣльности, россиянинъ. Эти господа изъ ѣрничества умѣютъ создавать художественную картину; они прилгутъ, прихвастнутъ даже, лишь бы краски ложились погуще, лишь бы никто и сомнѣваться не смѣлъ, что они дѣйствительно гнусны и растлѣнны. Послушать ихъ, такъ всѣ они сплошь курицыны дѣти, что на этомъ зиждутся ихъ политическіе принципы, и что это же служитъ краеугольнымъ камнемъ ихъ союза семейственнаго и гражданскаго.

— Я курицынъ сынъ — куда же мнѣ съ этой рожой въ люди лѣзть! резонно размышляетъ волжѣръ-россіянинъ, и въ силу этого разсужденія, извиняется, лѣзетъ цаловаться и подчуетъ шампанскимъ.

Многіе объясняютъ это явленіе отчасти легкостью и общительностью славянской природы, отчасти живою потребностью самооплеванія, которая будто бы составляетъ основную черту россіянь; но я, съ своей стороны, думаю, что, помимо двухъ этихъ признаковъ, имѣется еще и другая, болѣе глубокая причина, заставляющая нашихъ путешествующихъ соотечественниковъ пребывать, такъ сказать, въ непрерывномъ стыдѣ. Я согласенъ, что общительность есть въ своемъ родѣ похвальное качество, но не въ силахъ себѣ представить, чтобъ она могла возвышаться до перенесенія побоевъ и пощечинъ, потому что тутъ даже и общительности-то никакой нѣтъ. Я согласенъ также, что и потребность самооплеванія есть очень живая и притомъ законная потребность, но не въ состоянїи вообразить себѣ, чтобъ она могла доходить до наслажденія своимъ безобразіемъ и до привлеченія къ такому же наслажденію лицъ совершенно постороннихъ. Не вѣрнѣ ли видѣть въ этомъ явленїи нѣкоторый протестующій пискъ, нѣкоторую самолюбивую, но застѣнчивую мысль, что «я-то, дескать, парень лихой, а вотъ соотечественники-то мои — куда плохой народъ!» Но объ этомъ я поговорю впослѣдствїи, а теперь расскажу тѣ факты, которые навели меня на изложенныя выше размышленія.

Меня навело на нихъ письмо г. Касьянова, напечатанное въ 16 № «Дня» и рассказывающее нѣсколько весьма характеристическихъ чертъ о способахъ времяпрепровожденія русскихъ *гулящихъ людей* за границей. Представьте себѣ, оказывается, что эти ребята ѣздятъ за границу совсѣмъ не затѣмъ, чтобы людей посмотреть и ума-разума набраться, а затѣмъ единственно, чтобы стыдиться самихъ себя и своего отечества! Даже нѣмецъ, даже какой нибудь Гессенъ - Филиппсталь - Баркфельдецъ, говоритъ г. Касьяновъ, и тотъ скажетъ вамъ съ гордостью, ткнувъ себя пальцемъ въ грудь: hier pocht ein hessen-philippstahl barkfeldsches Herz, а русскій *гулящій человекъ* не только не говоритъ этого, не только не тыкаетъ себя въ грудь, но даже не чувствуетъ въ этомъ ни малѣйшей потребности, ибо, по видимому, увѣренъ, что тамъ, въ этой груди, у него заключается не сердце, а что-то въ родѣ голубиной погадки. Скромность мрачная, и даже не имѣю-

щая въ себѣ ничего отрезвительнаго; но если подобная скромная увѣренность уже есть, если она однажды уже застыла, то я не вижу ничего удивительнаго въ томъ, что гулящій человекъ не тыкаетъ себя пальцемъ въ грудь: во первыхъ, не зачѣмъ, во вторыхъ, замаешься палецъ...

И представьте себѣ, за такую-то скромность гулящие люди не только что награды не получаютъ, а напротивъ того, довольствуются оплеухами и подзатыльниками! И гдѣ же? въ столицѣ всемірнаго просвѣщенія, въ томъ самомъ Парижѣ, который русскіе гулящие люди до сихъ поръ совершенно наивно принимали за второе и даже чуть ли не за первое свое отечество, ибо Россія... что такое Россія? Россія—это не что иное, какъ несносная и прискорбная оболочка, горькимъ насильствомъ судебъ накинута на просвѣщеннаго гулящаго человека, тогда какъ Парижъ... Парижъ!.. да вѣдь это alma mater, избранная свободною игрою всѣхъ инстинктовъ гулящаго человека, это alma mater, съ которою утроба гулящаго человека соединена прочною, почти чугуною иуповиною!

Русскихъ обвиняютъ въ космополитизмѣ; по крайней мѣрѣ, московскіе публицисты уже нѣсколько мѣсяцевъ сряду убиваются, доказывая, какъ это вредно и какъ это стыдно, но убиваются, какъ кажется, съ успѣхомъ довольно сомнительнымъ. Я не беру на себя права судить, въ какой степени справедливо это мнѣніе относительно большинства русскихъ, я думаю даже, что оно совершенно голословно и безосновательно, однако, относительно гулящихъ русскихъ людей, въ немъ есть извѣстная доля правды. То есть не то, чтобы люди эти были космополитами въ серьезномъ значеніи этого слова; гораздо будетъ правильнѣе, если мы скажемъ, что глаза у нихъ прозорливые и завистливые: гдѣ бы ни увидали хоршую фду или по части юпокъ угодя привольныя, такъ туда сейчасъ и прильнуть. Прильнуть туда такимъ образомъ, что никакъ ихъ оттолъ и не отскоблишь: ни физическими репримандами, ни нравственными подзатыльниками. Это космополитизмъ желудочно-половой, имѣющій въ предметѣ кровавый розбифъ, Шеве, Вефура и всѣхъ странъ лоретокъ, и совершенно чуждый какого либо политическаго оттѣнка. То есть, коли хотите, онъ и есть, этотъ политическій оттѣнокъ, но исключительно направленный въ одну сторону: въ сторону цалованія плечиковъ. Былъ во Франціи Карлъ X, —русскій гулящій человекъ называлъ его королемъ-рыцаремъ и боготворилъ; былъ король Людовикъ-Филиппъ—

гулящій человекъ называлъ его образкомъ семейныхъ добродѣтелей и боготворилъ; наконецъ, теперь есть императоръ Наполеонъ III — гулящій человекъ называетъ его великимъ племянникомъ и боготворитъ. Тутъ идетъ рѣчь совсѣмъ не о политикѣ, а о томъ, чтобы около когонибудь потереться. Говорятъ, многіе изъ гулящихъ людей, цѣною неимоверныхъ усилій, проникали даже до Гарибальди, и я этому совсѣмъ не удивляюсь. Подобно австрійскому поэту Якову Хаму, открытому русскимъ подданнымъ Конрадомъ Диліеншвагеромъ, эти люди находили возможность въ одно и то же время «воспѣть Гарибальди, воспѣть и Франческо». Тутъ вся штука въ томъ, чтобы потереться — это ужъ такое особенное удовольствіе.

И послѣ такихъ-то сверхъестественныхъ доказательствъ сочувствія къ великимъ принципамъ свободы и цивилизаціи, вдругъ потерпѣть пораженіе самое постыдное, и потерпѣть его даже не въ Парижѣ, а въ самомъ Балъ-Мабилѣ, этомъ третьемъ и едва ли не самомъ любезномъ отечествѣ русскаго гулящаго человека! Вотъ что пишетъ объ этомъ предметѣ корреспондентъ газеты «День», г. Касьяновъ:

«Балъ-Мабилъ очень сочувствуетъ полякамъ, — очень; всѣ гризетки преклоняются предъ общественнымъ мнѣніемъ, вся канканярующая и не канканярующая публика повторитъ, какъ истину, о которой уже и не спорятъ, что Франція, *toujours si libérale, si généreuse*, должна помочь «народу мученику» и освободить его отъ *sarrazins*... Варваръ! Чего не дѣлали мы, чтобы попасть въ другой чинъ, сколько поклоновъ и милліоновъ потрачено, чтобы заслужить повышенія въ европейцы, чтобы *своими* сочла насъ Европа, — ни что не беретъ! Чуть что задѣнетъ ее за живое, все старое выплываетъ вновь, и опять — «казакъ», «кнутъ», «варваръ» на языкѣ у каждаго француза, отъ пляшущаго на балахъ Тюильери до пляшущаго въ Балъ-Мабилѣ. Недавно, говорятъ, на балѣ въ этомъ знаменитомъ заведеніи, толпа окружила одного господина, который почему-то подалъ ей поводъ думать, что онъ русскій. «Вонъ его, вонъ!» заревѣла публика, «мы не хотимъ видѣть русскихъ, пусть убирается онъ къ своимъ казакамъ, на родные сѣнга» и пр. и пр. Господину этому грозила серьезная опасность: шляпу съ него сбили, пинки посыпались въ него со всѣхъ сторонъ. «Я не русскій, я не русскій», завопилъ онъ жалостливымъ голосомъ... «Не русскій, такъ кричите: да здравствуетъ Польша!» — Господинъ прокричалъ, но какъ-то не рѣшительно. «Громче, громче!» повелѣла толпа. Господинъ повиновался. «Кто же вы?» продолжали

подозрительно допрашивать его Баль-Мабильскіе гости. — «Я... полякъ»... «Полякъ? Зачѣмъ же вы здѣсь, отчего вы не уѣхали драться съ русскими?»... «Я поѣду, непременно поѣду». — «Вонъ его, вонъ, вонъ поляка, который пляшетъ въ Парижѣ, въ то время, какъ въ Польшѣ дерутся, вошь!»... И господина выгнали.

Послѣ этого изгнанія русскихъ изъ Баль-Мабиля, постигъ, какъ слышию, русскихъ, таковой же остракизмъ и въ Прадо и въ Шато-де-Флеръ, и въ нѣкоторыхъ театрахъ. Бѣдныя! Пришлось таки страдать за національность, отъ которой всю жизнь отрекались и которой, пуще грѣха, стыдился!... Съ мальчишками, съ воспитанниками политехнической школы — не совѣтую теперь встрѣчаться на улицѣ ни одному русскому. И не только въ Парижѣ, даже въ Германіи; нѣмцы, какъ картофель на сковородѣ (?) горячатся и шипятъ «симпатіями» къ Польшѣ; за табль-д'отами въ отеляхъ происхолятъ иногда очень и очень непріятныя сцены. Рассказываютъ, что въ Дрезденѣ дѣти одного русскаго поселившагося тамъ помѣщика были вываляны въ грязи мальчишками по наущенію какой-то польской патриотки. Однимъ словомъ, дѣло дошло до того, что русскимъ, пребывающимъ за границею и возвращающимся не въ самомъ высшемъ кругу, приходится на каждомъ шагѣ испытывать всевозможныя униженія и оскорбленія. Конечно, русскій человекъ на обиду сносить, да и брань на вороту не висеть, — во всему есть предѣлы. Остается или бѣжать домой, въ Россію, или же отречься, стократъ отречься отъ своей народности, — отъ всякой солидарности съ своимъ народомъ и своимъ отечествомъ!

Г. Касьяновъ изъ всего этого выводитъ довольно меланхолическія заключенія; я же, напротивъ того, болѣе склоненъ выводить заключенія веселья, потому что положительно-таки не понимаю, какое дѣло Россіи до русскихъ гулящихъ людей. Я представляю себѣ физиономію этого господина, который «жалостливымъ голосомъ вонилъ: я не русскій! я не русскій!», и въ сердце мое закрадывается змій сомнѣнія: а что, если парень-то солгалъ! ахъ, страмъ какой! И не потому меня такъ ужасаетъ эта идея, чтобы я вообще не одобрялъ лганья — нѣтъ, я, на основаніи многихъ свидѣтельствъ исторіи очень понимаю, что лганье, употребляемое въ приличномъ количествѣ, придаетъ даже рѣчи особенный острый вкусъ, особенно, если при этомъ не забудешь прибавить «да будетъ мнѣ стыдно», — а потому, что какъ же это человекъ до того растерялся, что и солгать-то какъ слѣдуетъ не сумѣлъ! «Я... Полякъ»... провинцаль этотъ странствующій рыцарь, когда за него принялись поплотиѣе, и, конечно, не толь-

ко не оправдался въ глазахъ канканирующаго міра, но еще болѣе обвинилъ себя. «Ты полякъ... и танцуешь!» воскликнули негодующія гризетки, и само-собою разумѣется, принялись за него еще плотнѣе. Сбили съ него шляпу и не позабыли наградить пинками: «это за то, что ты варваръ и угнетатель русскій, а вотъ это за то, что ты танцующій полякъ». Однимъ словомъ, челоуѣкъ, по милости своей опрометчивости одновременно получилъ возмездіе за двѣ національности. То-то онъ изумился! А между тѣмъ, дѣло могло бы кончиться весьма просто и даже не безвыгодно для него, если бы онъ не лгалъ, а просто на просто заявилъ канканирующему міру настоящую истину. Напримѣръ, если бы онъ сказалъ: «messieurs! я не русскій и не полякъ—я просто желудочно-половой космополитъ»; онъ сказалъ бы сущую правду, и въ то же время обезоружилъ бы негодующихъ гризетокъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это все равно, какъ бы онъ сказалъ: господа! вы ошибаетесь, я просто гороховой шутъ! Развѣ есть такая нація? развѣ есть такой народъ, который бы называлъ дѣтей своихъ гороховыми шутами? Гризетки потолковали бы между собою, переглянулись бы, да и пошли бы себѣ канканировать, какъ ни въ чемъ не бывало. И божа были бы цѣлы, и отечество осталось бы въ сторонѣ.

Вотъ какъ вредно и невыгодно бываетъ лгать безъ размышленія, лгать, не взвѣсивши предварительно, какія можетъ имѣть для насъ послѣдствія ложь, по видимому, даже самая правдоподобная.

Воображаю я себѣ, какую ужасную ночь долженъ былъ провести этотъ русско-угнетающій-поляко-канканирующій космополитъ! Какъ онъ явился безъ шляпы въ свой отель? Что онъ долженъ былъ отвѣчать на вопросъ строгаго прислужника: «Каинъ! куда ты дѣвалъ свою шляпу?» Упорствовалъ ли онъ въ системѣ лганья, отвѣчалъ ли: «служитель! я потерялъ мою шляпу въ борьбѣ за отечество!» или же предпочелъ быть откровеннымъ: «такъ и такъ, братецъ, солгалъ — и за то пострадалъ!» и при этомъ подарилъ служителю сто франковъ, чтобъ только онъ молчалъ? Есть ли у этого гулящаго челоуѣка семейство? съ какими глазами явился онъ, безъ шляпы, къ женѣ и дѣтямъ нослѣ такого неожиданнаго реприманда? Слегъ ли онъ въ постель или на другой же день, какъ ни въ чемъ не бывало, отправился въ Шато-де-Флеръ или въ Прадо, и тамъ въ другой разъ получилъ подасовку?

Всѣ эти вопросы невольно толкаются въ мою голову, и если я не разрѣшаю ихъ, то вовсе не потому, чтобы они не были интересны съ психологической точки зрѣнія, и не потому чтобы мнѣ было чего-то совѣстно, а просто потому, что такое разрѣшеніе увлекло бы меня слишкомъ далеко.

Но, независимо отъ изложенныхъ выше веселыхъ выводовъ, рассказанный г. Касьяновымъ фактъ наводитъ еще и на другія мысли. Признаюсь откровенно, онъ даже удивляетъ меня. Я очень хорошо понимаю, что русскіе гулящіе люди время отъ Фонтъ-Визина и даже Гоголя имѣли какой-то поводъ стыдиться и вообще относиться къ своему отечеству съ обиднымъ равнодушіемъ. У нихъ были на это свои резоны — положимъ ложно понятые — но все таки резоны. У нихъ не было гласности, а объ самоуправленіи въ то время и понятія никто не имѣлъ. Самая уступность была, такъ сказать, въ зародышѣ, по которому нельзя было даже судить, что изъ нея выйдетъ: что нибудь благопотребное, или же со всѣмъ непотребное. Лишенный всѣхъ этихъ благъ, человекъ чувствовалъ себя одинокимъ, оторваннымъ отъ своей родины. Онъ не имѣлъ сочувствія ни къ успѣхамъ, ни къ бѣдствіямъ ея, потому что и тѣ и другія равно до него не касались. Онъ говорилъ себѣ: развѣ я тутъ при чемъ нибудь состою? развѣ это мое дѣло, что я изъ-за него распинаться долженъ? — и этими размышлениями оправдывалъ себя. Положеніе безнравственное, почти невѣроятное, но его можно было объяснить.

Возьмите, на примѣръ, путешествующаго англичанина: онъ вездѣ является гордо и самоувѣренно и вездѣ приноситъ съ собой свой родной типъ со всѣми его сильными и слабыми сторонами. Почему онъ такъ поступаетъ? а потому именно, что знаетъ, во первыхъ, что типъ этотъ нѣчто выработалъ не только для своей родной страны, но и въ общечеловѣческомъ смыслѣ, и во вторыхъ, что онъ самъ лично въ этой общей работѣ совсѣмъ не пятая спица въ колесницѣ, а напротивъ того, прямой ея участникъ и дѣлатель.

Подобное же явленіе, разумѣется, въ своеобразной сферѣ, повторяется и у насъ, а именно въ сферѣ мужицкой. Русскій мужикъ точно такъ же является простымъ и непринужденнымъ, и точно такъ же не придетъ ему въ голову стыдиться того, что онъ русскій. И все потому же, что онъ занятъ дѣломъ, что онъ чувствуетъ себя необходимымъ дѣтелемъ въ русской семьѣ.

Одинъ гулящій русскій человекъ шатается босъ дѣла и не

можетъ ни къ чему себя приурочить. Въ отношеніи къ иностранцамъ онъ чувствуетъ, что какъ будто что-то укралъ; въ отношеніи къ своимъ чувствуетъ, что какъ будто что-то продалъ. Одиноко носится онъ съ своимъ чревомъ по Европѣ, приводя въ изумленіе своей плотоядностью и веселой похотливостью своихъ нравовъ...

Повторяю: все это было понятно во времена Фонъ-Визина, и даже не лишено смысла во времена Гоголя. Но теперь это просто удивительно. Теперь у насъ существуетъ гласность; у насъ совершилась, безъ разговоровъ, одна изъ величайшихъ реформъ, какія въ другихъ странахъ никогда безъ разговоровъ не совершались; у насъ обнародованы основныя положенія устнаго и гласнаго судопроизводства — чего еще надо? Какія можемъ мы принести оправданія? Можемъ ли сказать, что у насъ скучно — нѣтъ, намъ укажутъ, что въ одномъ Петербургѣ развелось прошлой зимой до 60 танцклассовъ, и что никто не препятствуетъ завести таковыя въ Корчевѣ и въ Арзамасѣ! Можемъ ли сказать, что мы стѣснены — нѣтъ, мы имѣемъ право хоть цѣлый день проводить въ халатѣ! Можемъ ли сказать, что наше возрожденіе дѣло намъ чуждое, что насъ не привлекаютъ и т. д. — нѣтъ, мы имѣемъ право и бесѣдовать, и даже излагать свои мысли письменно.

Да-съ; однако и за всѣмъ тѣмъ, по свидѣтельству г. Касьянова, русскій гулящій человекъ продолжаетъ вести себя столь же неодобрительно, какъ бы ничего сего не произошло. Неужели же не примешь его никакими гласностями, никакими реформами? Неужели никакія возрожденія, никакія усилія не прольютъ живительнаго луча въ его занѣмѣвшее сердце? Неужели мы и впрямь дадимъ Н. Ф. Павлову поводъ злорадно восклицать въ своей убогой газеткѣ: ну вотъ, и дали! ну вотъ, и дали!

Что бы такое сдѣлать, чтобы удовлетворить скучающихъ гулящихъ русскихъ людей — я, просто, недоумѣваю... Реформу что ли какуюнибудь новую сочинить, или какуюнибудь изъ старыхъ реформъ уничтожить — право, ужъ и не знаю. Но принимая въ соображеніе, что здѣсь нужно имѣть въ виду преимущественно элементъ чревно-половой, я полагаю, что самымъ лучшимъ способомъ удовлетворенія представляется ѣда какаянибудь необыкновенная, или же вотъ еслибъ всю Россію можно было превратить въ сплошную танцклассъ. Тогда, надо думать,

тулящие русскіе люди сидѣли бы дома, а не носились бы съ своимъ чревомъ по чужимъ странамъ.

Но фактъ этотъ до такой степени замѣчательнъ, что я рѣшительно не могу отстать отъ него, не разъяснивши его до конца. Известно, что, съ легкой руки г. Тургенева, современное русское общество распалось на двѣ половины: «отцовъ» и «дѣтей»; поэтому, для меня очень любопытно знать, къ которой изъ этихъ двухъ враждующихъ сторонъ принадлежалъ тотъ русскій, который въ Баль-Мабиль понесъ наказаніе за грѣхи двухъ національностей. Къ сожалѣнію, г. Касьяновъ ни слова не говоритъ объ этомъ, но я надѣюсь, съ помощью нѣкоторыхъ наведеній, восстановить истину въ настоящемъ ея видѣ.

Первый признакъ, который останавливаетъ мое вниманіе — это мѣсто происшествія, Баль-Мабиль. Кто изъ русскихъ оказываетъ болѣе склонности посѣщать подобныя увеселительныя собранія? Говоря по совѣсти, такую склонность преимущественно оказываютъ «отцы» или же такія «дѣти», которые, такъ сказать, сдѣлались «отцами» въ самую минуту своего рожденія. Догадку эту я основываю на томъ общезвѣстномъ фактѣ, что въ «отцахъ» въ особенности было развито чувство изящнаго, развито даже въ ущербъ другимъ дѣятелямъ челоуѣческаго организма. Рядомъ съ этою потребностью изящнаго, и какъ бы послѣдствіемъ ея, являлась чувствительность сердца, способность воспламеняться при малѣйшемъ намекѣ на существо другаго пола. Само собой разумѣется, что такой воспламеняемости весьма много способствовало крѣпостное право, которое давало возможность удовлетворять ей почти безъ всякихъ препятствій. Постоянно питаемая и изоощряемая, она, наконецъ, приобрѣтала тотъ характеръ устойчивости и чуткости, который дѣлалъ «отцовъ» способными и достойными во всякое время и во всякомъ мѣстѣ. Теперь, представьте себѣ такого способнаго челоуѣка, вдругъ очутившагося внѣ сферы крѣпостнаго права, гдѣ нибудь за границей. Что онъ долженъ дѣлать, чтобы и туда перенести весь тотъ комфортъ, которымъ привыкъ наслаждаться у себя дома, гдѣ нибудь въ селѣ Загибѣвкѣ? Краснорѣчіемъ онъ не обладаетъ, убѣждать не умѣетъ, шаркать ножкой не обученъ. Чтобы выполнить все это, онъ долженъ дѣйствовать посредствомъ денегъ и обращаться съ своими предложеніями туда, гдѣ таковыя принимаются съ охотою. Болѣе значаго въ этомъ смыслѣ мѣста, какъ Баль-Мабиль, едва ли найдется что

либо въ цѣломъ мірѣ: это ужь такой пріютъ, гдѣ изящное добывается безъ всякихъ затрудненій, съ помощью одного презрѣннаго металла. Поэтому—то русскіе «отцы» такъ и любили посѣщать это мѣсто; оно напоминало имъ родную Загнѣвку, съ тѣмъ только различіемъ, что въ Загнѣвкѣ для нихъ достаточно было манія руки, а въ Баль-Мабилѣ они были обязаны предъявлять доказательства болѣе уважительныя. Во всякомъ случаѣ, «отцы» доказывали совершенно ослѣпительно, что съ помощью ~~ли~~ манія руки или съ помощью денегъ, но устроить крѣпостное право, гдѣ бы то ни было, для нихъ ничего не значить.

Никакими подобными качествами «дѣти» не обладаютъ: ни сильно развитымъ чувствомъ изящнаго, ни чрезвычайными въ этомъ смыслѣ способностями. Крѣпостное право, котораго благами они не успѣли насладиться, подѣйствовало на нихъ отрицательно, т. е. возбудило отвращеніе къ началу, питавшему его, въ какихъ бы формахъ оно ни высказывалось. Это народъ не только не посѣщающій танцклассовъ, въ родѣ Мабилы, но вообще мало общительный. Они больше всего любятъ бесѣдовать съ пріятелями, и преимущественно бесѣдуютъ о свѣтопреставленіи. Это послѣднее занятіе до такой степени неподозрительно, что даже люди свѣдущіе и опытные, специально занимающіеся устраненіемъ подозрительныхъ занятій, и тѣ находятъ, что это ничего, допустить можно! «Лишь бы о текущихъ—то вопросахъ не разсуждали, лишь бы на практическую—то арену не выходили!» говорятъ эти опытные люди, и сладко вздыхаютъ, видя, какъ кротко выносятъ «дѣти» невзгоды жизни, и какъ они убиваются надъ поднятіемъ таинственной завѣсы будущаго. Какъ бы то ни было, составляетъ ли все это достоинство «дѣтей» или ихъ недостатокъ, во всякомъ случаѣ, происшествіе, случившееся въ Баль-Мабилѣ, ихъ не касается, потому что ихъ тамъ не было.

Второй признакъ, останавливающій мое вниманіе, заключается въ томъ, что неизвѣстный отсекся отъ своей національности. Во первыхъ, это ложь, къ которой «дѣти», по наивности и сердечной простотѣ, совсѣмъ не способны, во вторыхъ, это наконецъ, глупость. Увѣрять въ глаза цѣлый канканирующій міръ, что я не я, — воля ваша, а это даже не просто ложь, но ложь глупая и при томъ бесполезная. «Дѣти» не въ состояніи прибѣгнуть къ ней уже по тому одному, что такая штука совершенно противна очевидности. Отцы, въ этомъ отношеніи, были

гораздо въ болѣе выгодномъ положеніи; они могли притворяться чѣмъ угодно, во первыхъ потому, что никто съ нихъ за это не выскивалъ, во вторыхъ потому, что и власть у нихъ большая была. — Ванька! я шахъ персидскій? — Шахъ персидскій—съ. — Анъ врешь, я турецкій султанъ! — Турецкій султанъ—съ. И такимъ образомъ, они могли воображать себя чѣмъ хотѣли, и никто имъ на это не возражалъ: мудрено ли, что это обратилось имъ, наконецъ, въ привычку? Напротивъ того, «дѣти» лишены этого подспорья и потому по неволѣ обяываются быть тѣмъ, чѣмъ ихъ создали обстоятельства. «Дѣти» не стыдятся своего отечества уже по тому одному, что относятся къ нему рационально, то есть, принимаютъ его такъ, какъ есть, со всѣмъ его хорошимъ и дурнымъ. Какъ то, такъ и другое они и себя объясняютъ и другимъ объяснить могутъ, а известно, что, при помощи объясненій, все излишнее, напускное, всѣ ореолы, равно какъ и ираки исчезаютъ сами собою, и остается одна истина, которая никогда человѣку противна быть не можетъ. «Дѣти» не скажутъ, что мы—дескать шапками всѣхъ забросаемъ, но вѣстѣ съ тѣмъ и не полѣзутъ цаловать влечико...

Да, это «отцы», это они—тѣ *улицы* русскіе люди, которые даже въ Баль-Мабилѣ не умѣютъ канканировать съ достоинствомъ, это тѣ самые, которые всякому кондуктору на желѣзной дорогѣ готовы сказать «ваше превосходительство», это тѣ самые, которые подчуютъ шампанскимъ и изъ ёрничества умѣютъ создавать живыя и художественныя картины...

Другой анекдотъ изъ жизни русскихъ *улицы* людей за границей рассказываетъ «Современная Лѣтопись» (№ 12). Дѣло идетъ о двухъ знатныхъ русскихъ дамахъ, которыя до того увлеклись какимъ-то докторомъ соннамбулизма, уроженцемъ русской Польши, Ольцинекимъ, называвшимъ себя Лондинскимъ, что въ теченіи какихъ нибудь шести лѣтъ довѣрили ему сумму, превышающую 2 милліона франковъ. Да не подумаетъ, однакожь, читатель, что такая почтенная цифра была вручена Лондинскому такъ, ради пріятныхъ его манеръ; нѣтъ, русскія дамы руководились при этомъ глубокимъ расчетомъ; онѣ страстно желали разбогатѣть, и потому отдавали свои деньги *вѣрному* человѣку, точно такъ же не задумываясь, какъ во время оно, не задумываясь же, затратили бы значительныя суммы на отысканіе философскаго камня!

Желаніе приумножить капиталы можетъ имѣть и выгодныя и не выгодныя послѣдствія для лица, которое имъ обуреваются. Но для того, чтобъ онѣ были выгодны, необходимо прежде всего въ подробности рассмотреть, въ чемъ заключается то предпріятіе, на которое рѣшаешься. Напримѣръ, еслибъ въ настоящее время воскресло знаменитое въ свое время «общество для заводской обработки животнаго продукта», и еслибъ самъ Василій Александровичъ Кокоревъ завѣрялъ, что это предпріятіе отличное, я никакъ не рѣшился бы рискнуть своимъ капиталомъ даже въ такомъ случаѣ, еслибъ таковой у меня и былъ. Потому, не натуральное это дѣло. Во первыхъ, завода или совсѣмъ не выстроютъ, или выстроютъ такой, въ которомъ ни дверей, ни оконъ, ни печей, ни трубъ нѣтъ; во вторыхъ скота или совсѣмъ не купятъ, или купятъ такой, который не имѣетъ ни жиру, ни мяса, ни кожи; въ третьихъ, наконецъ, если и пустятъ кой-какъ дѣло въ ходъ, то прибыли отъ него пойдутъ на обѣды да на оваціи, а мнѣ, какъ акціонеру, все-таки не попадетъ ничего въ карманъ. Зная все это очень твердо, и принимая притомъ въ соображеніе, что «миллиардъ въ туманѣ» все-таки еще не «миллиардъ въ рукахъ», я всякой сиренѣ, которая бы предприняла улащать меня подобными предложеніями, отвѣчалъ бы кратко, но сильно: *vade retro, satanas!* То есть, быть можетъ, я и дамъ что нибудь этой сиренѣ на бѣдность, но дальше гривенника и въ этомъ смыслѣ все-таки не пойду.

Знатныя русскія дамы все это забыли, и — что больше всего — выказали себя самыми сомнительными патріотками. Если онѣ непременно желали потратить свои два милліона франковъ, если потеря эта составляла для нихъ удовольствіе, то почему онѣ не устроили такого дѣла въ отечествѣ? почему онѣ не отдали своихъ денегъ въ упомянутое мною общество заводской обработки животныхъ продуктовъ, или въ общество водопроводовъ, или въ общество «Кавказъ и Меркурій»? Я совершенно увѣренъ, что общества эти приняли бы ихъ вклады съ благодарностью и тутъ же проглотили бы ихъ такъ, что и слѣда потомъ бы не сыскать.

Но онѣ предпочли истратить деньги въ столицѣ цивилизаціи и ввѣрили ихъ Лондонскому, который, какъ славянинъ по происхожденію, успѣшилъ доказать имъ, что имѣя съ нимъ дѣло, онѣ поступаютъ точно такъ же, какъ бы находились въ своемъ отечествѣ.

И дѣйствительно, предпріятія, которыми Лондонскому уда-

лось увлечь русских дамъ, имѣютъ характеръ совершенно ослѣпительный. Это серебристо-свинцовыя рудники на островѣ Сардиніи (Domus pova и Domus di Magia), это несуществующій банкирскій домъ въ улицѣ Рише. Надувательство поражаетъ своею легкостью и простотою. Никто ни о чемъ не спрашиваетъ, никто ни въ чемъ не сомнѣвается. Лондонскій приходитъ къ нѣкоторому проходимцу Леметѣ и откровенно говоритъ ему: хочешь получить нѣсколько милліоновъ русскихъ рублей? Разумѣется, Леметѣ соглашается, является съ Лондонскимъ, подъ видомъ капиталиста, къ знатымъ русскимъ дамамъ, получаетъ отъ нихъ нѣсколько милліоновъ рублей, а имъ, взамѣнъ того, объявляетъ, что онѣ имѣютъ честь быть основательницами несуществующаго банкирскаго дома Леметѣ и Лондонскаго № 26 улица Рише.

Пришли, понюхали и ушли. Ждутъ русскія знатныя дамы день, ждутъ другой — нѣтъ Лондонскаго, нѣтъ Леметѣ! Чтожь, можетъ быть, они удержаны нездоровьемъ, а можетъ быть, даже заботами объ интересахъ своихъ клиентокъ? Увы! оказывается нѣчто худшее: оказывается, что и тотъ и другой — переодѣтые мошенники, что Domus pova — пучъ, Domus di Magia — заблужденіе, а банкирскій домъ въ улицѣ Рише — простое милая штука, имѣющая цѣлью изслѣдовать, до какихъ границъ можетъ простираться простодушіе русскихъ дамъ.

И вотъ, въ исправительномъ трибуналѣ департамента Сены разыгрался послѣдній актъ этой драмы. Лондонскій бѣжалъ въ Россію и къ довершенію всего пишетъ оттуда успокоительныя письма, удостовѣряющія, что всѣ его кредиторы будутъ удовлетворены. Однако на сей разъ русскія дамы не повѣрили и подали на доктора сомнамбулизма жалобу. Исправительный трибуналъ рѣшилъ: 1) Лондонскаго заключить на 5 лѣтъ въ тюрьму и взыскать съ него пени 3,000 фр. (заочно); 2) Леметѣ заключить въ тюрьму на 15 мѣсяцевъ и взыскать 500 фр. пени и 150,000 фр. въ пользу истицы. О прочихъ дамскихъ претензіяхъ трибуналъ предоставилъ вѣдаться особо.

Вотъ какое происшествіе случилось съ русскими знатыми дамами въ столицѣ цивилизованнаго міра. Оказывается, что русскія дамы, столь гордыя въ своемъ отечествѣ, что считаютъ для себя унижительнымъ сообщество людей средняго рода, за границей оставляютъ свою кичливость и являются болѣе ласковыми. Это и естественно, потому что вѣдь за границей не то, что у

насть; за границей каждый колбасникъ есть урожденный философъ, и каждый парфюмёръ — урожденный политико-экономъ. А куафёры! душки куафёры! а этотъ милый французскій жаргонъ, посредствомъ котораго можно всякую пакость такимъ образомомъ выразить, что отъ нея повѣтъ совсѣмъ не пакостью, а благоуханіемъ! Согласитесь, что вѣдь нельзя же и не ласкать-то подобныхъ людей!

Я не знаю, что сказали, прочитавъ этотъ фактъ, учредители бывшихъ воскресныхъ школъ и члены общества распространенія бесполезныхъ книгъ; я не знаю, облизнулись ли они, подумали ли: «Эхъ, кабы этакую-то сумку да намъ! какихъ бы мы дѣлъ надѣлали!» Но я знаю навѣрное, что учредители русскихъ «*Domus di Magia*» именно облизнулись, и совсѣмъ не шутя вопрошали, что вотъ все иностранцамъ да иностранцамъ, а насть все-таки мимо да мимо!

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРНАРДА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Малой Морской,
№ 40.

ЦѢНЫ ОЗНАЧЕНЫ НА СЕРЕБРО.

ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛНЫХЪ ОПЕРЪ

ДЛЯ ОДНОГО ФОРТЕПИАНО.

- VERDI.** Un ballo in maschera (4 p.). Il Trovatore (4 p.). La Traviata (4 p.). Ernani (3 p.). Simon Boccanegra (4 p.). Aroldo (4 p.). I Lombardi (3 p.). Rigoletto (4 p.). Les Vêpres siciliennes (6 p.).
- SCHUBERT.** 40 mélodies pour piano (2 p. 85 к.).
- ROSSINI.** Le barbier de Seville (2 p.). Cenerentola (3 p.). La donna del lago (2 p. 85 к.). la Gazza ladra (2 p. 85 к.). Otello (2 p. 85 к.). Le siège de Corinthe (3 p.). Mose (2 p. 85 к.).
- MOZART.** Così fan tutte (2 p. 85 к.). Don-juan (3 p.). Figaro (2 p. 85 к.). Titus (2 p.). La flute magique (2 p. 30 к.).
- HEROLD.** Lampa ou la fiancée de Marbre (2 p. 85 к.).
- HAUDN.** La création (2 p. 85 к.).
- GORDIGIANI.** 40 chansons toscanes (2 p. 85 к.).
- DONIZETTI.** Anna Bolena (4 p.). L'Elisire d'amore (3 p.). Lucia di Lammermoor (3 p.).
- CHERUBINI.** Les deux journées (2 p. 85 к.).
- BOIELDIEU.** La dame blanche (2 p. 85 к.).
- BELLINI.** Beatrice di Tenda (2 p. 85 к.). I Montecchi ed i Capuletti (3 p.). Norma (3 p.). Il Pirata (3 p.). I Puritani (2 p. 85 к.). La Sonnambula (3 p.). La Straniera (3 p.).
- BALFE.** Les quatre fils d'Haymon (3 p.).
- AUBER.** Fra Diavolo (2 p. 85 к.). La muette de Portici (Fenella) (2 p. 85 к.).

ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛНЫХЪ ОПЕРЪ.

ДЛЯ ФОРТЕПИАНО ВЪ ЧЕТЫРЕ РУКИ.

- AUBER.** La muette de Portici (5 p. 15 к.). Le maçon (5 p. 15 к.).
- BELLINI.** Norma (5 p. 15 к.). La Sonnambula (5 p. 15 к.).
- BOIELDIEU.** La dame blanche (5 p. 15 к.).
- DONIZETTI.** Lucia di Lammermoor (5 p. 15 к.).
- HEROLD.** Lampa (4 p. 30 к.).
- MOZART.** Così fan tutte (5 p. 15 к.). Don-juan (5 p. 70 к.). L'enlèvement du serail (5 p. 15 к.). Figaro (5 p. 70 к.). Titus (5 p. 15 к.). La flute enchantée (5 p. 15 к.).
- ROSSINI.** Le barbier de Séville (5 p. 15 к.).
- VERDI.** Ernani (5 p. 15 к.).

ДЛЯ ПѢНІЯ.

- АФАНАСЬЕВЪ.** Небо въ часъ дозора (60 к.). Не скажу никому. Дуэтъ (60 к.).
- БЕРНАРДЪ.** Мои пѣсни, мое пѣнье (50 к.). Завѣщаніе (50 к.). Корольки (60 к.). Да и нѣтъ (60 к.).
- БУЛАХОВЪ.** О, приди ко мнѣ скорѣе (60 к.). Со кручинушки ша-таюсь (60 к.). Ужъ я съ вечера сидѣла (60 к.). Въ полѣ широкомъ желѣзнымъ копытомъ (85 к.).
- ШУБЕРТЪ и ШУМАНЪ.** 26 любимѣйшихъ романсовъ съ русскими и нѣмецкими текстами. Русскіе переводы *Ф. Н. Берга, В. Д. Костомарова, А. Н. Плещеева* и др. (3 р., съ пер. 3 р. 50 к.).
- ГОЛИЦЫНЪ** (*Князь Л. Г.*). Её здѣсь нѣтъ! (40 к.). Какъ ты мила! (40 к.). Нѣтъ не тебя такъ пылко я люблю (40 к.).
- ДЕРВИЗЪ.** Я былъ у ней (40 к.). Можетъ быть (40 к.).
- ДЕРФЕЛЬДТЪ.** Вальсъ—Забвенье (60 к.). Безумная. Новое изданіе (40 к.). Не для меня твоя любовь (40 к.).
- КОНТСКІЙ.** Чародѣйка. Вальсъ (1 р.). Жилъ былъ мужичекъ (50 к.). Пропадала головушка (50 к.). Нѣтъ! не тебя такъ пылко я люблю! для одного голоса съ аккомпанементомъ виолончели (60 к.). Тоже для двухъ голосовъ (60 к.).
- МАЛЫШЕВСКІЙ.** Слезка (40 к.).
- СОКАЛЬСКІЙ.** Слышу ли пѣсенки звуки (40 к.). Разлюби меня, покинь меня (60 к.).
- ШАПИНА.** Выхожу одинъ я на дорогу. Новое изданіе (60 к.). Небо голубое (40 к.). не скажу никому (40 к.).
- ТИТОВЪ.** Тайная скорбь (50 к.). Мечта любви (40 к.).

Выписывающіе ноты на сумму не менѣе трехъ руб. сер. получаютъ двадцать пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодною этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ *М. Бернарда*. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го Мая 5-я тетрадь музыкальнаго журнала «*Нувеллистъ*», содержащая въ себѣ новѣйшія сочиненія *Контскаго, Кулака, Трестера, Спиндлера* и др., 2 танца, 1 русскій романсъ, 2 пьесы въ 4 руки и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты. (Годовая цѣна подписки 10 р. с., съ пересылкою 11 р. 50 коп.). Желающіе подписаться на *Нувеллистъ*, на 1863 г., получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

Вновь получены: **ИНОСТРАННЫЯ РОЯЛИ** и **ШАПИНО**, **СКРИПКИ**, **ВИОЛОНЧЕЛИ**, **СМЫЧКИ**, **ФЛЕЙТЫ**, **ГАРМОНИФЛЕЙТЫ**, **ГИТАРЫ**, **МЕТРОНОМЫ**, **КАММЕРТОНЫ** и проч. по умѣреннымъ цѣнамъ.

ДЕПО ЛУЧШИХЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ СТРУНЪ.

Дозволено цензурою. С.—Петербургъ. 15 мая 1863 года.

ВЪ МАГАЗИНЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ

Д. Е. КОЖАНЧИКОВА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Публичной Библиотеки, въ домѣ Демидова и во все продолженіе Нижегородской ярмарки, на площадкѣ, близъ главнаго дома,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ :

СТОГЛАВЪ. Соборъ, бывшій въ Москвѣ при царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. Изданъ буквально, по древнимъ рукописямъ, передавшимъ мнѣ извѣстными любителями старинны: Т. О. Большаковымъ и Д. О. Болотовымъ. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1863 г. Ц. за экземпляръ 2 р., съ пер. 2 р. 50 коп.

РАСКОЛЬНИЧЬИ ДѢЛА ХVІІІ СТОЛѢТІЯ. т. I-й, заимствованныя изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи Г. В. Есиповымъ. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Большой томъ около 700 стр. Спб. 1861 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. с.

Здѣсь напечатаны дѣла о раскольникахъ ХVІІІ столѣтія, сохранившіяся въ архивахъ. Эти дѣла, хранившіяся до сихъ поръ подъ спудомъ, представляютъ обильный матеріалъ для исторіи раскола. Въ нихъ встрѣчаются свѣдѣнія объ извѣстныхъ расколоучителяхъ, объ ихъ догматахъ, о той средѣ, въ которой они дѣйствовали, и о существовавшихъ въ то время формахъ судопроизводства. Содержаніе: Послѣдователи ученія объ Антихристѣ: Варлаамъ Левинъ. — Григорій Талицкій. — Оедосѣвцы: Рязинскіе раскольники. — Семейство Аввакума. — Алексѣй Лампадчикъ. — Подъячій Докукинъ. — Московскіе раскольники: Попъ Яковъ Семеновъ. — Волоколамскій лѣсъ. — Выгосцкіе раскольники: Выгорская пусгьинь. — Доносъ Холтурина. — Доносъ Круглаго. — Керженскіе раскольники: Казакъ Левшутинъ. — Авраамій и Александръ Діаконъ.

РАСКОЛЬНИЧЬИ ДѢЛА ХVІІІ СТОЛѢТІЯ. т. II-й, заимствованныя изъ дѣлъ Преображенскаго приказа тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи Г. В. Есиповымъ. Изд. Е. Кожанчикова. Въ этомъ томѣ, между прочими документами, напечатаны буквально, безъ пропусковъ и измѣненій: «Исторія объ отцѣхъ и страдальцахъ соловецкихъ». — Исторія о бѣгствующемъ священствѣ. — Житіе Павла Коломенскаго. — Житіе Спиридона Потемкина. — Его проповѣди. — О сочиненіяхъ Спиридона Потемкина — Житіе дворянина Θεодора Токмачева. — Споръ Діакона Θεодора съ Аввакумомъ. — Обритіе бородъ, со всѣми указами и посланіями и много другихъ любопытныхъ документовъ, относящихся къ исторіи старообрядчества. Спб. 1863 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 коп.

ЗЕМСТВО И РАСКОЛЪ. Соч. А. Шапова. Выпускъ 1-й; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1862 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 руб.

ТРИ ЧЕЛОБИТНЫЯ СПРАВЩИКА САВАТІЯ, САВВЫ РОМАНОВА И МОНАХОВЪ СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ. Три памятника изъ первоначальной исторіи старообрядства, изданные буквально, по древнимъ рукописямъ, Д. Е. Кожанчиковымъ. Спб. 1862 г. Ц. 75 к. съ пер. 1 р.

Т. ХСVІ. Отд. II.

1/18

Въ челобитной Саватія, авторъ, слово за словомъ, буква за буквой отмѣчаетъ всѣ исправленія въ старыхъ книгахъ, по временамъ давалъ мѣсто и догматическимъ толкованіямъ. Повѣсть о подавнй челобитной Саввы Романова описываетъ исторію подавнй челобитной старообрядцами царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичу и царевнѣ Софьѣ въ Грановитой палатѣ, и затѣмъ слѣдуетъ описаніе спора, который они имѣли съ православнымъ духовенствомъ. Челобитная монаховъ Соловецкаго монастыря замѣчательна своей полнотой и оконченостію; въ ней уже опредѣленіе выяснилась главная причина недолюбовства защитниковъ стараго ученія.

ИСТОРИЯ ВЫГОВСКОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ПУСТЫНИ. Издава буквально по рукописи Ивана Филипова, съ соблюденіемъ его правописанія, Д. Е. Кожанчиковымъ. Большой томъ съ однадцатью портретами знаменитыхъ старообрядцевъ и двумя видами Выговскаго общежительнаго монастыря. Спб. 1862 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Составитель этой исторіи былъ Иванъ Филиповъ, сотоварищъ Даниила Вакулона, Андрея и Семена Денисовыхъ. Онъ, какъ очевидецъ большей части событій, рассказываетъ исторію Выговской пустыни, съ самаго ея начала, описываетъ воздвигнутыя противъ нея гоненія, доподняя все это житіями знаменитыхъ сподвижниковъ этой пустыни. **ЖИТІЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА,** имъ самимъ написанное. Изд. по раскольнической рукописи, подъ редакціею Н. Тихонравова, Д. Е. Кожанчиковымъ. Спб. 1862 г. Ц. 75 к., съ пер. 4 р. сер.

Въ этомъ житіи, кромѣ жизнеописанія Аввакума и претерпѣнныхъ имъ мученій, находятся еще свѣдѣнія о Нероновѣ, Логинѣ, Лазарѣ, Епифаніи и Θεодорѣ; а также рассказывается о дѣйствіяхъ Никона и большаго московскаго собора.

ПОВѢСТЬ О НОВГОРОДСКОМЪ БѢЛОМЪ КЛОБУКѢ, и сказаніе о хранительномъ быліи, мерзкомъ зеліи, еже есть табакѣ. Два произведенія раскольнической литературы. Изд. буквально Д. Е. Кожанчиковымъ. Спб. 1863 г. Ц. 40 к., съ пер. 65 коп.

Эта повѣсть имѣетъ своимъ предметомъ возвеличеніе духовнаго превосходства Новгорода надъ Москвою. Главная ея идея, что римская святыня, попранная латынями, передается Новгороду, подъ символомъ Бѣлаго Клобука. Повѣсть о табакѣ, по своей ненависти къ этому проклятому зелію, играла немаловажную роль у нашихъ предковъ. **РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДСТВА,** переданныя С.

Максимовымъ, по раскольничьимъ рукописямъ, съ портретомъ инока Корнилія. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Въ этихъ разсказахъ напечатаны: Повѣсть о жизни инока Корнилія. — Житіе патріарха Никона. — Посланіе протопопа Аввакума о Никонѣ. — Соборное посланіе его же ко всѣмъ стоявшимъ за прежній порядокъ церковныхъ дѣлъ. — Посланіе его же къ Царю Алексію Михайловичу. — Исторія о запорѣ по взятіи Соловецкаго монастыря. — Повѣсть о страдальцахъ соловецкихъ и сожигателяхъ на Мазенѣ въ 1744 году.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 мая 1863 года.

- польскому возстанію отъ удаленія Лангевича до рѣчи лорда Джона Росселя, произнесенной 8 мая. — Результаты, достигнутые европейской дипломатіей въ польскомъ вопросѣ. — Новое англо-американское столкновение по поводу двухъ захваченныхъ англійскихъ кораблей). 125
- XIV. — ЕЩЕ ПО ПОВОДУ «ЗАМѢТКИ ИЗЪ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ». 158
- XV. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. (Нѣкоторыя лакейскія привычки современнаго общества. — О тѣлесныхъ наказаніяхъ, по поводу новаго указа по этому предмету. — О женскомъ трудѣ. — Виѣшнее и внутреннее значеніе всеподданнѣйшихъ адресовъ по поводу польскихъ событій. — Отзывы иностранныхъ педагоговъ о проектѣ новаго устава нашихъ народныхъ училищъ). 159
- XVI. — НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ: (Горькія размышленія о жизни и различныхъ ея проявленіяхъ въ обществѣ. — Доказывается, что приходитъ въ отчаяніе ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ. — Добрые люди. — Подвиги русскихъ гулящихъ людей за границей. — Гдѣ источникъ этихъ подвиговъ и кто герои ихъ. — Скверный анекдотъ съ двумя русскими дамами въ столицѣ цивилизованнаго міра). 219

Объявленія: 1) отъ конторы «Современника», 2) отъ музыкальнаго магазина *М. Бернарда*, 3) отъ книжнаго магазина *Д. Е. Кожачикова*.

СОВРЕМЕННОКЪ выходитъ въ 1863 году еже-
мѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ ли-
стовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ,

въ С. Петербургъ безъ доставки:

18 руб. серебромъ.

съ пересылкою или доставкой:

16 руб. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ конторѣ Современника, на Нев-
скомъ проспектѣ, противъ Арсенала
Аничкина дворца, въ домѣ Лихачева,
при книжномъ магазинѣ А. И. Давы-
дова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Современника, на углу
Большой Дмитровки, противъ Унивѣр-
ситетской типографіи, въ домѣ Заграм-
скаго, при книжномъ магазинѣ И. В.
Баунова.

**Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ
своими требованіями ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ
Контору Современника въ С. Петербургъ.**

ВЫШИИ ИЗЪ ПЧАТИ:

НОВОЕ (ТРЕТЬЕ) ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ

СТИХОТВОРЕНІЙ

Н. НЕКРАСОВА.

Со втораго изданія, содержащаго въ себѣ 500 стр., въ 12 долю, съ
нѣкоторыми исправленіями и дополненіями. Цѣна за двѣ части въ Пе-
тербургѣ и Москвѣ 1 руб. сер., съ перес. 1 р. 50 к. Желающіе полу-
чить книгу, могутъ высылать требованія въ конторы «Современника»
Петербургскую или Московскую.

ПОДВОДНЫЙ КАМЕНЬ.

Романъ М. В. АВДѢЕВА.

1 томъ; цѣна 1 р. 50 к.: съ перес. 2 р. Желающіе получить книгу
могутъ обращаться въ Конторы «Современника».

САТИРЫ ВЪ ПРОЗѢ.

Соч. Н. ЩЕДРИНА.

1 томъ, заключающій въ себѣ до 500 страницъ. Изданіе книжнаго
магазина Серно-Соловьевича. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ПЧАТАЮТСЯ:

НЕВИННЫЕ РАЗСКАЗЫ. Соч. Н. Щедрина. 1 томъ. Изд. книжнаго
магазина Серно-Соловьевича. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

XIV. — ПОЛИТИКА. (Отношенія прусской палаты къ министерству: вопросъ объ организаціи войска, законъ объ отвѣтственности министровъ и проч. — Столкновение между министерствомъ и палатой и послѣдствія этого столкновения. — Австрія въ послѣдніи шесть мѣсяцевъ. — Засѣданія рейхсрата и значеніе этого собранія. — Бюджетъ и финансы Австріи. — Отношенія австрійскаго правительства къ различнымъ народамъ австрійской имперіи).	337
XV. — ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.	364

ПРИЛОЖЕНІЕ:

ОЛЛИНТОНСКІЙ МАЛЫЙ ДОМЪ. Романъ. АНТ. ТРОЛЛОПА. (Переводъ съ англійскаго). Стран. (1—96).

Объявленія: 1) отъ конторы редакціи «Современника», 2) отъ музыкальнаго магазина *М. Бернарда*, 3) отъ книжнаго магазина *А. И. Давыдова* и 4) отъ книжнаго магазина *Д. Е. Кожанчикова*.

